ЧТЕНІЯ

ВЪ

ИМПЕРАТОРСКОМЪ

ОБЩЕСТВѢ

ИСТОРІИ И ДРЕВНОСТЕЙ РОССІЙСКИХЪ

ПРИ

МОСКОВСКОМЪ УНИВЕРСИТЕТѢ.

Повременное изданіе.

1860.

АПРѢЛЬ — ІЮНЬ.

КНИГА ВТОРАЯ.

МОСКВА.

ВЪ УНИВЕРСИТЕТСКОЙ ТИПОГРАФІИ.

1860.

ПЕЧАТАТЬ ПОЗВОЛЯЕТСЯ,

съ тѣмъ, чтобы, по отпечатаніи, представлено было въ Цензурный Комитетъ узаконенное число экземпляровъ. Москва. Іюля 6 дня, 1860 года.

Цензоръ Гиляровъ-Платоновъ.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

I

ИЗСЛѢДОВАНІЯ.

II

МАТЕРІЯЛЫ ОТЕЧЕСТВЕННЫЕ.

III

МАТЕРІЯЛЫ СЛАВЯНСКІЕ.

IV

МАТЕРІЯЛЫ ИНОСТРАННЫЕ.

V

СМѢСЬ.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

I.

ИЗСЛѢДОВАНІЯ

МАГИ

и

МИДІЙСКІЕ КАГАНЫ

XIII СТОЛѢТІЯ.

А. Вельтмана.

Многіе значительные вопросы исторіи, подобно жизненнымъ вопросамъ, разрѣшаются только временемъ, случаемъ и полнымъ сознаніемъ потребности въ истинѣ. Но покуда любознательность удовлетворяется неопредѣленными образами, и частная исторія народовъ сооружается независимо отъ Всеобщей, самыя рѣзкія несообразности пользуются почетомъ и недоступны для обличенія.

Возмемъ въ примѣръ изъ Древней исторіи очень важныя событія, и для Россіи и для Европы,—нашествія Гунновъ въ IV столѣтіи и Монголовъ въ XIII-мъ.

Какія свѣдѣнія сообщили намъ современные Гуннамъ историки? — Аммiянъ, предувѣдомляя, что «древнія преданія упоминаютъ о Гуннахъ, жившихъ за Меотидой, на набережныхъ Ледовитаго Океана,» очень поверхностно,[1] извлекаетъ изъ Трога Помпея, почти слово въ слово, описаніе Парѳовъ,[2] жившихъ дѣйствительно за Меотидой, но не по Ледовитому, а по Каспійскому, морю, которое, однако жь, древніе почитали за заливъ Океана, облегающаго сѣверъ и востокъ. Изъ этого слѣдуетъ, что въ понятіяхъ Аммiяна Гунны были тожественны Парѳамъ.

По Византійскимъ историкамъ Гунны были Киммеріяне, и вообще послѣ IV вѣка, Готѳское названіе Гунны вошло въ употребленіе, вмѣсто древняго названія Сарматъ.

Іорнандъ, почерпая свою исторію Гетовъ или Готовъ изъ неопредѣленныхъ свѣдѣній Византійскихъ и Римскихъ

---

[1] Amm. Marc. L. XXXI, 2.
[2] Just. L. XLI, 1, 2, 3.

историковъ о Скиѳахъ, помѣщаетъ Гунновъ въ Задонской Сарматіи; но, пополняя свѣдѣнія враждебными Готѳскими изустными сказаніями, называетъ ихъ демонскимъ племенемъ; [1] а между тѣмъ сообщаетъ очень важную для своей исторіи Готѳовъ замѣтку, что «Готѳы еще во времена Телеѳа (сына Геркулесова) имѣли въ обычаѣ, вмѣсто своихъ собственныхъ именъ, носить собственныя имена Гунновъ.» [2]

Вотъ въ сущности всѣ свѣдѣнія современниковъ о Гуннахъ, исключая сѣверныя Саги, по которымъ Гунны и Восточная Русь — тожественны.

Казалось бы, что этихъ свѣдѣній о Гуннахъ и ихъ первобытномъ мѣстѣ жительства очень достаточно, чтобъ продолжать дальнѣйшія изысканія и не утруждать, по крайней мѣрѣ, Китайцевъ требованіемъ отчетовъ о невѣдомомъ имъ народѣ. Но Хинологи не удовольствовались этимъ. Дегинь узналъ изъ Китайскихъ лѣтописей, что Гунны жили, до нашествія на Европу, между рѣкой Иртышемъ и Китаемъ.

Русская исторія, признавъ эти глубокія изысканія, внесла на страницы свои положительное свѣдѣніе, что Гунны, народъ кочующій, отъ полунощныхъ областей Китая нахлынулъ, чрезъ неизмѣримыя степи, на юговосточную Русь.

Этотъ первый успѣхъ Хинологическихъ открытій повелъ ко второму: объяснилось, что Монголы XIII столѣтія — тѣ же Гунны отъ полунощныхъ странъ Китая.

Мы вѣрили этому, не повѣряя; мы твердо изучили наизусть рѣшеніе предупредившихъ насъ въ наукѣ, и память не хочетъ разстаться съ образами, внушенными съ дѣтства и породившими столько краснорѣчивыхъ страницъ

[1] Jorn., De Getarum sive Gothorum origine, cap. 24.
[2] Jorn. cap. IX.

объ этой тучѣ саранчи, которая нанеслась, гонимая вѣтрами, съ крайнихъ предѣловъ Востока, и — пожрала весь смыслъ исторіи.

Какія же логическія положенія истекаютъ изъ этого признаннаго рѣшенія? И не уже ли же въ самомъ дѣлѣ слѣдуетъ вѣрить:

Что Татарскіе ханы XIII столѣтія были не кто иные, какъ Китайскіе императоры династіи Юань, изъ рода Мань-джу?

Что Китайскія лѣтописи въ самомъ дѣлѣ говорятъ, будто Тхай-цзу (Tai-çu) IV-й былъ именно тотъ Темучинъ, собственно Тимурджи (кузнецъ), который, подъ названіемъ Дженгисъ-Хана, является миѳомъ въ Персидскихъ сказаніяхъ о таинственныхъ Мугулахъ, покорившихъ всю Азію безъ исключенія, Египетъ и Европу до Германіи?

Что Русь, боровшаяся въ продолженіи болѣе полутора вѣка съ нашельцами, могла не дознаться во все это время, что они именно Монголы Китайскіе, и ни разу не упомянуть въ своихъ, современныхъ событіямъ, лѣтописяхъ объ этомъ побѣдоносномъ имени своихъ покорителей?

Что Католическіе миссіонеры, въ надеждѣ на духовную жатву, отправлялись въ Золотую Орду, извѣстную только одному Плано-Карпини, и находившуюся, по ученымъ свѣдѣніямъ, въ теперешней Амурской области, тысячь за семь верстъ отъ Волги, и совершали этотъ путь верхомъ, съ вьюками, въ 65 дней?

Что на пути отъ Волги за Байкалъ, по сѣверную сторону Алтая, были не только прекрасно воздѣланныя земли, но и виноградные сады и превосходное вино; и наконецъ, по свѣдѣніямъ миссіонеровъ, не только Jugures (нынѣшніе географическіе Джунгары), Хой-хе (Хой-хоры, слѣдовательно Уйгуры!) или Халхасцы, Найманы, Кара-Китаи, были Христіяне-Несторіяне, но, по Плано-Карпини, и

Китаи (предполагаемые Китайцы) были Христіяне, а по Бакону Кара-Китаи, прозванные Несторіемъ Найманами, подвластны были даже Римской Церкви и пр. и пр.?

Въ математикѣ, посредствомъ равенства нулей, можно доказать, что и всѣ числа равны одно другому. Въ исторіи, также посредствомъ предположеній, равныхъ нулямъ, что Chathay есть Китай, а Дженгисъ-Ханъ — Китайскій императоръ Ткай-цзу, можно положительно доказать, что Мугулы Запада Азіи суть Китайскіе Мон-гу, или Мань-джу.

Но все возможно, кромѣ невозможнаго.

Отвергая, однако же, Хинологическій путь, необходимо искать другой путь, въ, такъ называемую, Золотую Орду Хановъ, хотя Русскія лѣтописи не знаютъ и Золотой Орды, а знаетъ ее только Большой Чертежъ, составленный при Царѣ Иванѣ Васильевичѣ съ Европейскихъ картъ, на которыхъ географы XVI столѣтія прокладывали, по свѣдѣніямъ миссіонеровъ XIII столѣтія, путь за Байкалъ, къ Mogoles и въ Chathai, и по которымъ Царь повелѣлъ, въ 1567 году, Сибирскимъ Атаманамъ и Казакамъ провѣдать, гдѣ находятся Мугальскія земли и Китайское царство.

Заглавіе предлагаемой нами статьи опредѣляетъ достаточно тѣ простые выводы, по которымъ объясняется, что подъ Восточнымъ названіемъ Мугулы слѣдовало искать не народъ, не Мон-гу Китайскихъ, неизвѣстныхъ Руси, но прозвище по вѣрованію.

МАГИ

и

МИДІЙСКІЕ КАГАНЫ

XIII СТОЛѢТІЯ.

До сихъ поръ Русскіе историки не считали необходимымъ изслѣдовать положительно, кто такіе были тѣ Ханы, преобладатели Азіи, которымъ и Россія принуждена была платить дань въ продолженіи болѣе ста пятидесяти лѣтъ.

Казалось бы, что это лишній вопросъ, что онъ давнымъ давно разрѣшенъ любознательнымъ Западомъ, и что современныя эпохѣ путешествія миссіонеровъ Плано-Карпини и Рюйсбрёка (Ruysbroek, Лат. Rubruquis) съ братіею, служатъ не только порукой въ достовѣрности Восточныхъ сказаній о Монголахъ, но, въ свою очередь, и подтверждаются ими.

Но если вникнуть въ вопросъ о нашествіи, такъ называемыхъ, Монголовъ съ совѣстливымъ вниманіемъ, то надо сознаться, что онъ не только не разрѣшенъ, но, напротивъ, запутанъ и затемненъ холодной эрудиціей историковъ-копіистовъ. Этотъ вопросъ требуетъ не одностороннихъ соображеній, и я рѣшаюсь, поверхностными своими свѣдѣніями, обратить на это вниманіе историковъ по призванію.

Не оспоривая ни этнографическія свѣдѣнія миссіонеровъ, ни генеалогическія Хановъ, я дозволяю себѣ только сомнѣваться въ достовѣрности приложенія ихъ, сомнѣваться въ свѣдѣніяхъ геогра-

1

фическихъ и думать, что Мон-гу или Мань-джу [1] «особливый народъ, существующій болѣе 4,000 лѣтъ въ неизмѣнномъ образѣ пастушеской жизни», [2] слишкомъ далекъ отъ событій XIII вѣка, взволновавшихъ не только западную Азію, но и западную Европу.

Путешествія въ Азію миссіонеровъ послужили для историковъ и географовъ тѣмъ фундаментомъ, на которомъ, при помощи матеріяловъ Персидскихъ и Китайскихъ, сложено зданіе, въ родѣ Египетской пирамиды, съ однимъ и единственнымъ пещернымъ входомъ и выходомъ, гдѣ надъ пустымъ саркофагомъ слѣдовало бы надписать, по Турецкому выраженію: «Пришли-ушли», т. е., были. Это, въ сокращеніи, называется исторіей нашествія Монголовъ.

Не знаемъ, въ чемъ состоялъ первообразъ отчета собрата Ордена св. Франциска, Плано-Карпини, папѣ Инокентію IV, объ успѣхахъ путешествія въ Азію, съ той цѣлію, чтобъ усовѣстить Татаръ и убѣдить ихъ принять Христіянство. Описаніе путешествія, по словамъ самого Плано-Карпини, было двояко: по словамъ издателей, пополнено разсказами иныхъ братій; путь ни чѣмъ не оріентированный, кромѣ искаженныхъ названій невѣдомыхъ народовъ, протянутъ на Востокъ, въ любопытныя terrae incognitae древней и среднихъ временъ географіи, и въ заключеніе опредѣлительно проложенъ на картѣ въ прошедшемъ столѣтіи. При столь поздней прокладкѣ нельзя было избѣжать новыхъ соображеній, новыхъ поправокъ въ названіяхъ народовъ и мѣстностей, и не сличить съ появившейся на свѣтъ исторіей Татаръ Абульгази-Баядуръ-Хана. Надо было свести и путешествія по одному и тому же пути и разницы рукописей: въ одной «Civitatem Kimorum», въ другой «Kytaorum»; въ одной: «inter occidentem et meridiem Huyrorum», въ другой: «inter orientem et meridiem terram Huynorum»; въ одной нѣтъ названія города, а въ другой прибавлено: «quae Cracurim appellatur», и этотъ Cracurim обращается и въ Caracorum, и въ Karakorim, и въ Kara-

---

[1] «Und endlich darf nicht unbemerkt bleiben, dass der Name Mon-gol oder Mung-chu vielleicht auch nichts anders ist, als der Name Man-dschu, in welchem letztern, der Kehllaut in der Zischlaut übergegangen ist». Das Sprachgeschlecht der Titanen, von J. Ritter von Xilander.

[2] Записки о Монголіи, монаха Іакинѳа, ч. III, стр. 2.

kum; на одной страницѣ родина Чингиса Mancherule, на другой Onamcherule. У Плано-Карпини Buruthabeth, у Рюйсбрёка Tebeth.

Въ древнихъ рукописяхъ подобныя разницы — очень обыкновенная вещь, и смѣлый географъ, заботящійся о наполненіи пустоть карты земнаго шара, можетъ безотвѣтственно проложить путь побѣдъ Александра Великаго въ Индостанъ, минуя Кавказъ и не заботясь о томъ, что вся гроза Азіи остается у славнѣйшаго изъ стратиговъ въ тылу. [1]

Путешествіе монаха Рюйсбрёка или Рубруквиса, посла Французскаго Короля, Людовика IX, въ невѣдомыя страны Азіи, издано Бержерономъ на такомъ же основаніи: «l'edition a été considerablement augmentée pour donner l'ouvrage dans toute sa perfection».

Мѣстность и разстоянія ничего не значили ни въ отношеніи цѣлей путешествія, ни для охотниковъ слушать новости и разсказы про чудесное. Совершенствовать путешествія въ историческомъ значеніи предоставлялось историкамъ, а опредѣлять мѣстность и разстоянія—географамъ. Но часто это были ремесленники, которые находили свои выгоды расширять подвиги миссіонеровъ.

Самъ Плано-Карпини въ дополнительной главѣ пишетъ, что первое его сочиненіе было не что иное, какъ simple ébauche въ сравненіи съ послѣднимъ, а потому и проситъ вѣрить и не сомнѣваться во всѣхъ разницахъ.

Какъ Плано-Карпини, въ 1247 году, такъ и Рюйсбрёкъ, въ 1253, ѣхали отъ Волги въ таинственную Золотую Орду по одному пути. Этотъ путь проложенъ вдоль степей по направленію къ Байкалу и берегами его въ сѣверные предѣлы нынѣшней Амурской Области, гдѣ и помѣщена Ханская Орда.

Описаніе путешествія Рюйсбрёка заключаетъ въ себѣ болѣе примѣтъ топографическихъ, для соображенія мѣстностей, чрезъ которыя пролегалъ путь. Мы разсмотримъ его ниже и повѣримъ замѣчаніе переводчика родословной исторіи о Татарахъ, который, вѣроятно, также не безъ основаній, сомнѣвается въ достовѣрности всего Заволжскаго пути Рубруквиса ко Двору Мангу-Хана [2].

---

[1] Такъ, на примѣръ, проложены походы Александра на Carte des marches et de l'Empire d'Alexandre le grand, dressée pour l'ouvrage de M. de S-te Croix, intitulé: «Examen des Historiens d'Alexandre» par J. D. Barbié du Bocage.

[2] Hist. Geneal. de Tatars, 1726, par. D... page 451, not. (a). Въ Рус. Акад. переводѣ т. 2, стр. 83.

Значеніе Азіятскихъ источниковъ свѣдѣній о Монголахъ можетъ быть двояко: по свойству письменъ и сказочной неопредѣленности въ отношеніи географіи, они въ полной зависимости отъ читателя. Если онъ предположитъ, что مغول (Магуль, Мугуль) Азіятскихъ историковъ есть именно названіе Монгу, т. е., Монголовъ Китайскихъ, то дѣло и рѣшено, тѣмъ болѣе, что когда Магометанскій законъ и его письменность ввелись между Персами и Таджиками (Татарами), [1] названіе Мугулъ естественнымъ образомъ стало относиться въ ихъ понятіи ко всѣмъ безъ исключенія сопредѣльнымъ съ сѣвера и востока гяурамъ.

Историкъ-Магометанинъ, потомокъ Мугуловъ, хотѣлъ видѣть въ предкахъ своихъ скорѣе Іафетово племя, нежели племя Хамово, носящее на себѣ печать отверженія. Іафету суждена была вся полуночная страна — Туранъ. И вотъ, по Хондемиру и по Абульгази, у Іафета было 8 сыновей: Туркъ, Хазаръ, Саклабъ, т. е. Словенъ, Руссъ, Меникъ (по Абульг. Манинаккъ), Чинъ (Чвинъ), Гомари (по Аб. Камари) и Тареджа (по Аб. Гарихъ).

Туркъ былъ старшій Іафетъ-огланъ. Отъ Турка произошелъ Аланча-Ханъ, а отъ Аланчи Татаръ-Ханъ и Мунгъ-Ханъ, родоначальникъ Мугуловъ. Такъ какъ истокъ этого родословія Іафетова племени извѣстенъ, то подъ названіемъ Чинъ или Чвинъ и не слѣдуетъ заходить въ Симовъ удѣлъ, принимая его за Китай. Но гдѣ же отысканы дальнѣйшіе источники свѣдѣній о Татарахъ и Мугулахъ, сынахъ Аланскихъ? [2]

---

[1] Армяне называли Таджиками (Dadji-g) всѣ южныя кочевыя племена Туркменовъ и Курдовъ. Dulaurier, въ Bibl. Hist. armenienne, приводитъ толкованіе этого слова д'Оссономъ и Нейманомъ (Transl. from the chinese end armenian). Первый говоритъ, что Сирійцы называли нѣкогда Арабовъ Тауоуé, а второй слово Таджикъ производитъ отъ Китайскаго Ta-yue. Историческія и филологическія толкованія Хинологовъ вообще сомнительны. Въ Boundehesch или космогоніи Парсовъ значеніе названія Таджиковъ объяснено: «Джемшидъ, имѣя уже жену Джаме, взялъ себѣ въ жены и дочь Дива (Демона), а сестру свою, Джамекъ, отдалъ за Дива. Отъ этихъ сочетаній произошли племена проклятыя, нечистыя, черныя. Когда явился Феридунъ, онъ изгналъ этихъ Таджиковъ (по родоначальнику ихъ Tadj) изъ странъ Ирана».

[2] Къ Іафетову племени принадлежала и Албанія. По Страбону мѣстность Албанъ была по лѣвую сторону Куры. «Когда нужно было вести войну, Албаны соединялись съ степными сосѣдами и съ Иверами. Они поклонялись солнцу (Митрѣ), Юпитеру (Ормузду) и въ особенности лунѣ (Магъ), которой храмъ былъ

Отецъ Іакинѳъ говоритъ, что «Монголы, проведшіе сорокъ вѣковъ въ неизмѣнномъ быту пастырей, оставались бы въ неизвѣстности, если бы не жили въ сосѣдствѣ Китая. Сія держава кратко замѣтила въ своей исторіи нѣкоторыя событія ихъ, имѣвшія связь съ собственными ея происшествіями».

Слѣдовательно, Монголы или собственно Мон-гу, Мань-джу, Сѣверно-Китайскія племена, никогда бы не знали о подвигахъ своихъ предковъ, если бъ Европейскіе Хинологи не приняли на себя труда отыскивать въ Китайской исторіи логовище пришедшихъ-ушедшихъ чудовищъ, IV вѣка — Гунновъ, и XIII — Монголовъ.

Какъ приложена Европейская хронологія къ Китайскимъ лѣтописямъ, какъ выражены шипящія двухсложныя имена и названія, и какъ приспособлены географическія свѣдѣнія, мы не можемъ судить; но первые, то есть, Гунны, отысканы въ событіяхъ Богдыханской династіи Хань, а вторые въ династіи Юанъ.

Во всякомъ случаѣ это источники по преимуществу хинологовъ; любознательность же Азіятская любитъ почерпать исторію послѣ вечерней молитвы въ ханахъ или каравансараяхъ изъ устъ путешественниковъ. Абульгази-Баядуръ-Ханъ, историкъ Татаро-Магуловъ (مغول, Мааулъ, Магулъ), упоминаетъ, однако же, о своемъ главномъ источникѣ: «Въ 702 году отъ Эгиры (т. е., въ 1303 году) Чаганъ-Ханъ (по Хондемиру, Газанъ-Ханъ) поручилъ Визирю своему, Ходжѣ Рашиду, [1] сочинить книгу родословія, закона и обрядовъ Мугульскихъ, давъ ему въ распоряженіе свои Мугульскія книги и въ помощь Мугула Фулата Чабиксанга. Изъ составленной Рашидомъ книги Абульгази почерпнулъ свое родословіе Татаръ, приступивъ къ труду спустя 372 года послѣ Рашида, то есть, въ 1675

въ сосѣдствѣ Иверія. Главный жрецъ, въ достоинствѣ первый по царѣ, управлялъ не только священной областью, но и всѣми жрецами прочихъ мѣстъ».

[1] По Хондемиру, придворному врачу и Визирю Ходжѣ Рашиду поручилъ писать Собраніе Лѣтописей Султанъ Махмудъ-Газанъ; но названіе Султана и имя Гассана, вѣроятно, получилъ онъ, принявъ со всѣми Мугулами Магометанство: «Газанъ-Ханъ звѣздою своего восшествія (1266 г.) освѣтилъ міръ, и въ тотъ же день изданъ былъ ярлыкъ, которымъ повелѣвалось Мугуламъ, ниспровергнувъ основаніе невѣрія, принять высочайшую Мусульманскую вѣру». Сочиненіе Рашида «Джами-ут-таварихъ (собраніе лѣтописей), заимствовано частію и изъ сочиненія Ала-уд-Дина, описывавшаго исторію завоевателя міра (т. е., Гулагу-Хана)». Ист. Монг., В. Григорьева.

году. «Правда, говоритъ онъ, что въ этотъ промежутокъ времени, много писателей брались за этотъ трудъ, но, не зная различныхъ языковъ, они учинили большія прегрѣшенія и смѣшали почти всѣ роды и племена».

Съ XVII столѣтія имя Монголовъ распространено Европейцами на всѣхъ Буддистовъ или Сакьямунистовъ сѣверной Азіи, не смотря на то, что по Восточнымъ писателямъ всѣ Мугулы съ своимъ Ханомъ, Махмудъ-Гассаномъ, въ началѣ XIV вѣка приняли Магометанство, всѣ же воспротивившіеся отступленію отъ своей вѣры, удалились на восточныя границы Персіи, въ Керманъ и Кабулъ, а не въ Китайскую Монголію.

Названіе Мугулъ у Магометанъ, хотя и приняло значеніе язычникъ, но ни сколько не въ смыслѣ Буддизма.

Абульгази, по обстоятельствамъ, прожилъ цѣлый годъ въ землѣ Калмакъ (Керманъ?). Здѣсь, по словамъ его, изучилъ онъ языкъ, почерпнувъ родословныя преданія и написавъ свою исторію на Мугульскомъ или Турецкомъ языкѣ, не вмѣшивая другихъ языковъ (Персидскаго и Арабскаго), чтобъ ее могли всѣ читать, и потомъ уже намѣренъ былъ перевести на Персидскій языкъ.

Такимъ образомъ, по смыслу Абульгази, Мугульскій языкъ есть собственно Татарскій (Тюркскій), на которомъ онъ писалъ родословіе Хановъ, своихъ предковъ; ибо Бухарскій языкъ въ основѣ своей есть Персидскій.

Осмѣливаемся предварительно сказать, что Персидскіе историки, писавшіе исторію Мугуловъ, не имѣли ни малѣйшаго понятія о Китайскомъ народѣ или народахъ Мон-гу и Мань-джу, а тѣмъ болѣе объ языкѣ ихъ и событіяхъ, совершившихся въ Китаѣ.

Исторія Татаръ-Мугуловъ начинается не съ династіи Юанъ Небесной имперіи, но привязана къ миѳу той религіи, къ которой они принадлежали до Магометанства.

Вотъ какъ описываетъ это начало Хондемиръ:

«Въ мѣсяцъ Раджебъ 602 года отъ Эджиры или Эгиры, когда блистательное солнце развернуло знамя величія и пышности въ обители блеска и славы, и когда Темучинъ, въ Курилтаѣ, [1] воз-

---

[1] Что значитъ, говоритъ Хондемиръ, по Турецки, собраніе князей, Нойоновъ и всѣхъ вельможъ Мугульскихъ. Нѣтъ сомнѣнія, что Персіянинъ исказилъ названіе народныхъ сеймовъ, которые и въ Азіи были въ Юрьевъ день.

сѣлъ на престолъ, тогда нѣкто изъ благочестивѣйшихъ людей Мугульскихъ, знавшій всѣ сокровенныя тайны и возносившійся иногда на небо (т. е., ходившій на поклоненіе богамъ), по имени Бютъ-Тенгри, сказалъ Темучину: «Великій Богъ, существо краснаго цвѣта на бѣломъ конѣ, повелѣлъ мнѣ отдать все лицо земли Темучину и потомству его, почему и нарицаю тебя Чингисъ-Ханомъ».

На этотъ случай Персидскій историкъ-поэтъ присовокупляетъ стихи:

«Мы дали тебѣ имя Чингисъ-Хана, и потому не именуйся впредь
Темучиномъ.
И всѣ стали величать его Чингисъ-Ханомъ, что значитъ на
языкѣ Туранскомъ Царь-царей».

По Абульгази, предсказатель назывался Кукча (вѣр. Ходжа), по прозвищу بت تنكري - бютъ-тенгри, что по Татарски значитъ: ликъ Божій. [1] Какъ ни искаженъ уже этотъ миѳъ, но все же въ немъ проглядываетъ родоначальникъ Кеанидовъ, получившій всѣ свои блага отъ водъ [2] (денгисъ).

Въ исторіи Грузіи Вахтанга V, вмѣсто Темучинъ — Тимурджи (Themourtchi), [3] что значитъ по Татарски кузнецъ. Это ближе къ преданію, которое говоритъ именно, что родоначальникъ Мугуловъ, Темучинъ, былъ кузнецъ, родственный, какъ объяснится, Египетскому Тубалъ-Каану, котораго Орѳей называетъ ἀκάματον πῦρ, вѣчный огнь.

Мусульманскіе историки оговариваютъ, однако же, что Бютъ-Тенгри былъ обманщикъ и лицемѣръ, и что Чингисъ ему не вѣрилъ; у Хондемира же [4] Чингисъ, царь царей, вопреки всякаго смысла, является въ родѣ защитника Мусульманства, и стихи:

«Имъ разрушено было основаніе Мусульманства, и исполнены всѣ
желанія язычниковъ»

отнесены къ какому-то невѣрному Кушлуку, мучителю послѣдователей Ислама, котораго Чингисъ преслѣдовалъ, побѣдилъ и предалъ смерти.

---

[1] Здѣсь прозвище ликъ Божій ясно относилось къ божеству на бѣломъ конѣ.
[2] Смотри Зендавесту.
[3] Hist. de Georgie, par. M. Brosset.
[4] Исторія Монголовъ, переводъ съ Персидскаго Ѳ. Григорьева.

Абульгази не хотѣлъ, однако же, вѣрить Хондемиру, что Чингисъ на Туранскомъ языкѣ значитъ царь царей, и объяснилъ, что по Мугульски: чинъ значитъ великій, а гизъ, еще больше.

Европейскіе Монгологи не хотѣли вѣрить ни тому, ни другому. Сеананъ-Сетсенъ, въ Gesch. der Ost-Mongolen, говоритъ, что Чингисъ значитъ крикъ птицы. Лангленъ утверждаетъ, что Чингисъ значитъ Дженг-Энгисъ. Пети-де-ла-Круа убѣжденъ, что Чингисъ значитъ просто Ханъ сынъ Хана. Д'Оссонъ, напротивъ думаетъ, что чингъ значитъ могущественный, а гизъ множественное число. Только г. Шмидтъ, соглашаясь съ г. Гобилемъ, говоритъ, что Чингисъ по Монгольски ничего не значитъ.

Это послѣднее значеніе справедливѣе прочихъ.

Г. переводчикъ Хондемира, вѣроятно, не находя ничего общаго между Мугулами Персидскихъ историковъ и Монголами Китайскими, и вѣря, однако же, въ этихъ послѣднихъ, отвергаетъ совершенно существованіе первыхъ, и говоритъ, что «все это басни, что ни Мугулъ, ни всѣ его потомки, до послѣдняго изъ Кеановъ, поселившихся въ Эргене-кунъ, никогда не существовали, но произведены Мохаммеданскими историками изъ любви къ генеалогіи и изъ желанія соединить преданія Монголовъ съ своими собственными.»

Убѣжденные вполнѣ въ послѣднемъ заключеніи г. Григорьева, мы, однако же, убѣдились также и въ существованіи Мугуловъ, безъ которыхъ не возможно бы было сочетать преданія генеалоговъ Мухаммеданскихъ даже съ Китайскими сказаніями о династіи Юань.

Отецъ Іакинѳъ, въ свою очередь, почтилъ Тхай-цзу именемъ Чингис-Хана, и краткія свѣдѣнія о слѣдующихъ за нимъ императорахъ, Тхай-цзунѣ, Дин-цзунѣ, Сянъ-цзунѣ, Шин-цзу и пр., приспособилъ хронологически къ Татарскимъ Ханамъ: Угедаю, Куюку, Мунке, Хубилаю и пр.

Но проводя и свой собственный каналъ изъ Средиземнаго моря въ Желтое, и съ той же увѣренностію, какъ и всѣ Хинологи, объяснить нашествіе Монголовъ Китайскими лѣтописями, онъ уничтожаетъ труды Дегиня о Гуннахъ и труды всѣхъ своихъ предшественниковъ по части Гунновъ и Монголовъ слѣдующими словами:

«Нынѣ многіе ученые въ Европѣ занимаются изслѣдованіемъ происхожденія народовъ, населившихъ, по ихъ мнѣнію, и населяющихъ Монголію; но они, не зная основательно ни народа, ни исторіи его, принимаютъ, при семъ изслѣдованіи, ошибочное

положеніе, по которому необходимо должно судить о всемъ по однимъ догадкамъ поверхностно и, наконецъ, остаться въ недоумѣніи. Почти каждое усилившееся поколѣніе почитаютъ они за особливый народъ». . . . и т. д.

Послѣ этого замѣчанія, казалось бы, слѣдовало ожидать отъ отца Іакинѳа чисто Китайскихъ историческихъ свѣдѣній о такъ называемыхъ Монголахъ, а не простаго, кратчайшаго и поверхностнаго примѣненія или, лучше сказать, смѣшенія Татарскихъ преданій о родѣ Чингисъ-Хана съ Китайскими сказаніями о Маджурской династіи Юань.

Взглянемъ, для примѣра, на страницу подвиговъ Тхай-цзуна, прозваннаго Чингисъ-Ханомъ.

«Въ исходѣ XII столѣтія усилился изъ Татаньскихъ (?) князей Монгольскій владѣтель Тему-цзынъ, по прозванію Кютъ, который, послѣ нѣсколькихъ побѣдъ, одержанныхъ имъ въ разныхъ мѣстахъ Монголіи (?), въ 1206 году (?), въ общемъ собраніи князей, при вершинѣ Онони (?) объявленъ Императоромъ, съ наименованіемъ Чингисъ-Хана»

Откуда же внесено въ Китайскія лѣтописи свѣдѣніе, что Чингисъ-Ханъ избранъ Императоромъ при вершинѣ р.Ононъ, впадающей въ Амуръ?

Изъ Клапрота. По Хондемиру Улугъ-урта (т. е., большой дворъ) Чингисъ-Хана назывался Гелураномъ и Каракорумомъ; по Абульгази Каракумомъ. Изъ разныхъ чтеній образовалось и названіе Хара-Хоринъ. Клапротъ предположилъ, что Хара-Хоринъ находился на томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ означено на картѣ Холинь на рѣкѣ Орхонѣ, а на иныхъ картахъ [1] на Ongghine; а такъ какъ Рюйсбрёкъ родину Чингиса называетъ, на одной страницѣ, Man-cherule, а на другой Onam-cherule, то отецъ Іакинѳъ рѣшилъ, въ свою очередь, что это мѣсто было на рѣкѣ Ононѣ, и внесъ это названіе въ свое извлеченіе изъ Китайскихъ лѣтописей.

«Въ томъ же 1206 году Чингисъ-Ханъ покорилъ домъ Найманъ».

Но домъ Найманъ или, вѣрнѣе, колѣно, происходитъ, по почерпнутой изъ Абульгази родословной Аральскихъ Узбековъ, отъ

[1] Asie, par J. Andriveau Goujon.

Узбека, [1] и потому, врядъ ли Абульгазивское извѣстіе о покореніи дома Наймань извлечено изъ Китайскихъ лѣтописей.

«И потомъ началъ войну съ Тангутомъ».

Теперь рѣшено, что названіе Тангутъ относится къ Тибету: [2] но тотъ ли это Тангутъ, который относится къ Чингисъ-Хану?

«Въ 1209 году покорилъ Ханство Хойхоръ».

О слѣдующемъ, по Абульгази, покореніи Меркатовъ, [3] въ извлеченіи изъ Китайскихъ лѣтописей не упоминается. Но слѣдуетъ покореніе Уйгуръ (Хой-хе).

Отецъ Іакинѳъ находитъ ихъ въ Хой-хе, измѣняющемся при переводѣ на Русскій языкъ въ Хой-хоръ, что уже совершенно соотвѣтствуетъ звукамъ Уйгуръ.

«Въ 1210 году началъ войну съ Нючжипскимъ домомъ Гинь (т. е., съ Китайской имперіей).

По Абульгази же, съ Алтынъ-Ханомъ Хатая, принимаемаго несомнѣнно за Китай, хотя ни Татары, ни Персы, ни Турки не знаютъ Китая подъ именемъ Китай и Хатай.

«Въ 1214 взялъ Пекинъ; въ 1218 покорилъ Корею (?), въ 1219 поручилъ всѣ остальные города сѣвернаго Китая покорять Махури, а самъ пошелъ воевать Бухару».

За 4500 верстъ по прямой линіи! Хондемиръ разсказываетъ эти несообразности, по крайней мѣрѣ, поэтически, безъ притязанія на вѣрность хронологіи. По Хондемиру онъ прибылъ къ г. Бохарѣ въ 617 году отъ Эджиры, т. е., въ 1219 году, и поставилъ шатеръ свой столь высоко, что онъ касался солнца и луны.

---

[1] См. Путеш. въ Хиву Н. Н. Муравьева.

По сношенію Кайсаковъ съ Узбеками, Узбекскія колѣна, Кипчакъ и Найманъ, считаются и въ числѣ Киргизскихъ. По родословной Абульгази, Киргизы также ведутъ свое происхожденіе отъ Чингисъ-Хана.

[2] По Ксиландеру (Das Sprachgeschlecht der Titanen), «Китайцы называютъ Тибетъ Thu-fan, что можно читать также Thu-po или Thu-bo, т. е. Tobbot; что Тибетцы называютъ свою страну Pod, сходно съ Греческ. πίδον, и Нѣмецкимъ Boden, земля. (?) Монголы же называютъ эту страну Tanggut; «bei Tanggut kann aber auch an Tung-chu, Donki und die verwandten Tungusen gedacht werden». S. 382.

[3] «Die Nogai nennen sich selbst Mankat». Das Sprachgeschl. der Titanen, S. 358.

Послѣ покоренія Бухары, по Абульгази, неизвѣстно, что дѣлалъ самъ Чингисъ-Ханъ; земли продолжаютъ покорять его дѣти и воеводы, и между прочимъ, разумѣется, не по свѣдѣніямъ, извлеченнымъ изъ Китайскихъ лѣтописей, Субутъ [1] въ 1223 году опустошилъ всю Россію и ушелъ. По Іакинѳу также не прежде, какъ спустя пять лѣтъ, Чингисъ-Ханъ снова является на сцену.

«Въ слѣдующемъ году (1224) и Чингисъ-Ханъ, предавъ среднюю Азію огню и мечу, возвратился въ Монголію».

Въ 1227 году покорилъ Тангутское Королевство, и въ томъ же году умеръ. [2]

Подобные походы совершали только миѳы древнихъ вѣрованій. Чингисъ-Ханъ принадлежитъ къ подобнымъ же существамъ, проявляя собою распространеніе того древняго вѣрованія, которому до Магометанства слѣдовали Мугулы, не смѣшивая, разумѣется, ихъ съ Монголами, т. е., Мон-гу Китайскими.

Какъ ни покажется странно это противорѣчіе всѣмъ сказаніямъ о грозномъ нашествіи Амурскихъ Мон-гу, но, вѣдь, и язычество имѣло свои лживыя убѣжденія, принимаемыя за истину въ продолженіи длиннаго ряда вѣковъ.

Предложимъ вопросъ: Извѣстно ли было имя Монголовъ побѣжденной ими Руси?—Нѣтъ. Въ продолженіе двухъ столѣтій преобладанія, такъ называемыхъ, Монголовъ, ни Русь, ни Великіе Князья, ѣздившіе въ Орду, не произнесли этого имени, и только въ 1567 году явилось это названіе въ Русскихъ лѣтописяхъ, когда Царь Иванъ Васильевичъ повелѣлъ атамамамъ и казакамъ Сибирскимъ развѣдать о Мунгальскихъ земляхъ и Китайскомъ царствѣ, находящихся за Сибирью. [3]

---

[1] По Абульгази Судай-Багутуръ и Ченъ. По Хондем. Субедай и Джебе; по Русск. лѣтоп. Себедай.

[2] По Хондемиру Чингисъ-Ханъ оставилъ сей тлѣнный міръ въ 654 г. Эгиры, и слѣд., въ 1256 году.

[3] Нѣтъ сомнѣнія, что это развѣдываніе повелѣлъ Иванъ IV, по Европейскимъ свѣдѣніямъ. Въ доставленной сказкѣ и росписи они упоминаютъ, разумѣется, по слухамъ, о находящихся на югѣ царствахъ: Турскомъ, Тунгуцкомъ и о царствѣ Городъ-шаръ, а царь въ немъ Темиръ желѣзной.

Русскія лѣтописи, въ которыя внесены всѣ событія XIII вѣка, касающіяся до Руси, и внесены современниками ихъ, говорятъ, подъ 1223 годомъ, что «пришла неслыханная рать, безбожніи Моавитяне, рекоміи Татарове, иные же называютъ ихъ Таурменами, другіе Печенѣгами, и что, по сказанію Меѳодія, епископа Патарскаго, «они вышли изъ пустыни Етривской, куда загналъ ихъ Гедеонъ».

Плѣнивъ многія страны, Яссовъ (Оссовъ, Оссетовъ), Обезовъ (Абхазовъ) и Косоговъ, они пришли въ землю Половецкую. [1] Половцы же, которыхъ лѣтописцы называютъ и безбожными Куманами, бѣжали отъ Татаръ въ Русь, и просили помощи и возстанія общими силами на пришельцевъ Татаръ. Басты, Князь великій Половецкій, даже крестился, чтобъ найти защиту у Христіанъ.

Татары, узнавъ, что Русскіе Князья идутъ противу нихъ за Половцевъ, прислали пословъ.

«До насъ дошли слухи, сказали они, что и вы за Половцевъ противъ насъ. Мы вашей земли не занимали, ни городовъ, ни селъ вашихъ, и не на васъ идемъ, но по велѣнью Бога, пришли на холопей и конюховъ нашихъ, на поганыхъ Половцевъ, которые, какъ мы слышали, и вамъ много зла сдѣлали. Примите отъ насъ миръ; намъ не за что вести съ вами войну. Половцы бѣгутъ къ вамъ, бейте ихъ съ своей стороны, а мы съ своей».

Князи же Рустіи того не послушаша, и послы Татарскыя избиша, а сами поидошà противу имъ». [2]

Замѣтимъ въ этомъ преданіи три важныхъ указанія:

1. Лѣтопись опредѣлительно говоритъ, что Татары по вѣрѣ Моавитяне или Моавы, сыны Моавли.

Карамзинъ объясняетъ, что Городъ-шаръ есть Кашгаръ; но должно скорѣе принять Городъ-шаръ Темира Желѣзнаго, за Темиръ-Ханъ-Шура, столицу могучихъ Аварскихъ Хановъ. Ист. Гос. Росс., т. IX, прим. 648.

[1] Подъ названіемъ Половцевъ и Куманъ должно понимать древнихъ Козаръ, которые населяли Крымъ и степи по Кубани и Кумѣ. Съ VIII уже столѣтія они были подъ вліяніемъ Іудейства, Исламизма и Шигмунизма и въ XIII столѣтіи составляли смѣсь различныхъ языковъ. Анна Комнина пишетъ, что Куманы и Печенѣги были народы одного языка.

[2] Троицкая лѣтопись.

2. Что Половцы холопи-конюхи ихъ, слѣдовательно, пограничное казачество съ Азіятской стороны, которое обыкновенно обязывалось служить изъ половины добычи, почему и Русь называла ихъ Половцами, отъ слова полóвацъ — сообщникъ, собратъ изъ половины, охотникъ. Половцы раздѣлялись на Корсунскихъ (Крымскихъ) и Задонскихъ, занимая, такимъ образомъ, пространство, носившее названіе Козаріи.

3. Война между Русью и Моавами возгорѣлась за избіеніе пословъ.

Изслѣдуемъ преданія о религіи Татаръ до послѣдованія Исламизму.

Въ нѣкоторыхъ лѣтописяхъ, при описаніи нашествія Половцевъ въ 1096 году, на Кіевъ, вставлено позднѣйшее объясненіе, что они сыны Измаиловы, равно какъ и Торкмены, Печенѣги и Торки. Сыны же Моавли Хвалисы (Chavilah), а сынове Аммони Болгаре. Тѣ и другіе произошли отъ дщерей Лотовыхъ, «тѣмъ же нечисто племя ихъ».

Этимъ замѣчаніемъ позднѣйшій лѣтописецъ старается отдѣлить племя, издавна жившее по сѣверную сторону Кавказа, отъ нашельцевъ Татаръ. Но вообще лѣтописи называютъ иногда и Татаръ «окаянными Измаилтянами». «Измаиловъ родъ 12 колѣнъ, изъ нихъ 8 погибли отъ руки Гедеона, а остальные бѣжали въ пустыню.

По другому преданію, лѣтопись говоритъ, что 8 колѣнъ Измаилтянъ заклепаны въ горахъ Кавкасійскихъ, рекше Угорскихъ, Александромъ Великимъ, и что они предъ концомъ міра изыдутъ и поплѣнятъ всѣхъ народовъ, кромѣ Эѳіоповъ. [1]

Побѣды Гедеона, полководца Іудейскаго, относятся до Мадіанъ, собственно Мидовъ-Халдеевъ-маговъ, постоянно враждовавшихъ съ

---

[1] Ипат. лѣт. подъ 1226 годомъ. Тамъ же: «Во всѣхъ земляхъ Русскихъ и Угорскихъ». «Волхвы Угорскіе». При этомъ случаѣ лѣтописецъ, по разсказамъ Новгородца Гуря Тогоровича, смѣшиваетъ Югру сѣверную (Ингрію) съ Угріей Кавказской. «Суть горы идучи къ Лукоморію, имъ же высота аки до небеси, и въ горахъ тѣхъ ключь великъ.... се суть людіе заклѣпаны Александромъ Макидонскимъ Царемъ, яко же сказа о нихъ Меѳодій Патарійскій....» и т. д. Упоминаемое Лукоморье относится къ набережнымъ Крыма въ сосѣдствѣ Кавказа, по которымъ и Половцы назывались Лукоморскими и Лукоморцами. См. Ипат. лѣт. подъ 1193 годомъ, и Кіев. лѣт. въ примѣч. 74 III т. Ист. Госуд. Рос.

сродниками своими, Іудеями, за права первенства и различіе религіозныхъ понятій. Одни признавали вѣрованіе въ матерію (природу), другіе только въ идею.

Восточные писатели называютъ народовъ, загнанныхъ Александромъ Великимъ, за желѣзныя ворота, Джюджь-Маджюджь или Джюджь-Маджусіе, т. е., Іудеи-маги, извѣстные Гогъ-Магогъ, съ именемъ которыхъ Плано-Карпини и связываетъ Хановъ Татарскихъ, и предсказанное Іезекіилемъ поплѣненіе народовъ и потомъ погибель Гога. [1]

Упоминаемое исключеніе Еѳіоповъ изъ плѣненія всѣхъ народовъ, наводитъ на родство и единство происхожденія и вѣрованія Моавовъ и Аммонянъ, выходцевъ изъ Этривской пустыни, съ Еѳіопами.

По Плинію (L. VI, 35, 8) Еѳіопія въ древности называлась Aetheria. Тутъ былъ и храмъ Аммона, по которому называлась и область (L. V, 3, 9).

«И такъ отъ Египта до озера Тритониды, говоритъ Геродотъ (кн. IV, 186), живутъ Ливійскіе кочевники, питающіеся мясомъ и пьющіе молоко. Но коровьяго масла они не ѣдятъ; по той же причинѣ, какъ и Египтяне, не держутъ свиней».

Исчисленныя имена этихъ кочевниковъ слѣдующіе:

Махли (*Μάχλυες*), Авси (*Ἄυσεις*), Аммоны, въ странѣ которыхъ и находится храмъ (Аммона) и соленый бугоръ; Абсхизы (*Ἀυσχίσαι*), Кабалы, Насамоны, Псиллы (заклинатели змѣй), Маки и пр.

Эти кочевники дѣлаютъ жилища свои изъ жердей, переплетенныхъ камышемъ, и эти жилища переносныя».

Такимъ образомъ слова лѣтописи и сказанія Меѳодія Патарскаго поясняются, и искомыя Джюджь-Маджюджь—Сарацины,

---

[1] «Гогъ и Магогъ, пишетъ монахъ Баконъ, о которыхъ упоминаетъ Іезекіиль и Апокалипсисъ, заперты въ этихъ странахъ, какъ говоритъ Св. Іеронимъ. Гогъ, народъ Скиѳскій, живущій между Кавказомъ, Меотидой (Азовскимъ моремъ) и Каспійскимъ моремъ, простирается до самой Индіи. Всѣ, зависящіе отъ Князя Гога, носятъ названіе Магогъ. Орозій и нѣкоторые другіе предсказали, что Жиды этой страны будутъ истреблены». Бержеронъ, по Joinville, Nangis и другимъ, говоритъ, что Гогъ и Магогъ Священнаго Писанія собственно тоже, что Goths и Magoths.

Измаильтяне, сыны Моавли и сыны Аммони (Hammon, Cham, Hom), [1] т. е., сыны Аммона, сына Лотова, переселенцы изъ Еѳіопскихъ или Этривскихъ солончаковъ [2] пустыни Саары, находящейся между востокомъ и сѣверомъ Африки, а не Азіи, гдѣ ее искали.

«По мнѣнію нѣкоторыхъ, говоритъ Бержеронъ, Татары Мугулы происходятъ отъ 10 колѣнъ Израильскихъ, переселенныхъ въ Мидію и перешедшихъ оттуда въ Арзаретъ»; въ этомъ убѣждается онъ свѣдѣніями, что Татары и до принятія Магометанства обрѣзывались.

Всѣ эти намеки исторіи наводятъ на то, что въ Персидскомъ и Татарскомъ словѣ مغول (Магуль, Мугуль) должно искать не собственное имя какого нибудь народа, но прозвище его по вѣрованію.

Обратимъ же вниманіе на Русскія лѣтописи и въ отношеніи вѣрованія Татаръ до послѣдованія Магометанству, тѣмъ болѣе, что и Руссы-Христіане обратили прежде всего вниманіе на вѣру нашельцевъ, и объявили, что они Моавы, рѣзко отличивъ ихъ этимъ отъ Бохмитовъ (Магометанъ) Болгаръ.

Вѣрное очертаніе облика во всякомъ случаѣ лучше расписаннаго яркими красками лика наобумъ.

Въ 1250 году Князь Даніилъ Галицкій поѣхалъ къ Батыю на Волгу, чрезъ Кіевъ, Переяславль и пограничное станованье Куремсы, воеводы Татарскаго, котораго Плано-Карпини называетъ Корренза. «И видѣ, говоритъ лѣтопись, яко нѣсть въ нихъ (въ Татарахъ) добра; оттуда же нача больши скорбѣти душею, видѣ бо обладаемы дьяволомъ: скверная ихъ кудешьская бляденья и Чигизакановы мечтанья, сквернаго его кровопитья, многыя его волъшбы: приходящія цари и князи, и вельможѣ, солнцю, и лунѣ, и земли, дьяволу и умершимъ во адѣ отцемъ ихъ, и дѣдомъ, и матеремъ, водяще около куста, покланятися имъ».

При описаніи убіенія въ Ордѣ Князя Михаила Черниговскаго, въ 1247 году: «Обычаи имѣя Канъ и Батый, аще кто придетъ поклонитися имъ, не повелѣваетъ предъ ся вести, но приказано бяше влъхвомъ вести я въ сквозѣ огнь, [3] и поклонитися кусту и

[1] Различныя писанія имени Аммона.

[2] Солончакъ, по Араб. ملوح, млух.

[3] Плано-Карпини также упоминаетъ объ этомъ очищеніи посредствомъ прохожденія чрезъ огонь: «Когда надлежало намъ итти ко двору Батыя, то намъ

огневи и идоламъ ихъ. А иже что приношахуть с собою дары царевы, и отъ всего того взымающе влъсви (волхвы) и метахуть въ огнь.

Мнози съездивше сотвориша волю поганаго, прельстишася славою света сего, идоша сквозе огнь и поклонишася кусту и солнцу».

Влъсви же пришедше ко Князю Михаилу, глаголюще ему: Батый царь зоветъ тя. Онъ же, поимъ боярина своего, Өеодора, идяше съ нимъ, и дошедше места, идеже бяше огнь накладенъ по обе стороны и мнози поганіи идяху сквозь огнь и поклоняхуся солнцу и огню и идоломъ. Влъсви же хотеша вести Великаго Князя Михаила и боярина его, Өеодора, сквозе огнь. Великій же Князь Михаилъ глаголя имъ: Не достоитъ Христіаномъ ходити сквозе огнь, ни кланятися, имъ же кланяются: тако есть вера Христіанская не кланятися твари, ни идоломъ».

Изъ этихъ сказаній Русской летописи мы видимъ:

1. Поклоненіе солнцу, луне, огню, твари, кумирамъ предковъ и въ то же время поклоненіе кусту.
2. Что это поклоненіе есть Дженгисовы мечтанья, волошбы (волхврванья) и кудеса.
3. Что прохожденіе чрезъ огонь составляло очистительную жертву.

Этихъ положеній достаточно, чтобъ обратиться къ верованію Гебровъ-Маговъ, Пареовъ, которыхъ, говоритъ Арріанъ, Скиеы называли изгнанниками.

Коренные жители Пареіи (Парси или Фарси) были некогда последователями верованія Савіанъ, или Сиваитовъ, и поклонялись девамъ; [1] но Джемшидъ ввелъ между ними, такъ называемое, огнепоклоненіе, верованіе Маговъ, которое и называлось религіей Джемшида [2].

сказали, что мы должны пройти чрезъ два огня. На это мы никакъ не соглашались; но они сказали: «Ступай безъ опасенія! Это мы делаемъ для того, что ежели вы имеете злой умыселъ противъ нашего Государя, или носите при себе ядъ, то огонь истребляетъ все злое».—«Если такъ, то мы готовы», отвечали мы.

[1] Дева-с — названіе божества въ тримуртизме Индіи.

[2] Это собственно религія Зендовъ. По всемъ соображеніямъ изследованій, говоритъ Анкетиль, я убедился, что Зендскій языкъ былъ въ употребленіи еще

«Происходя отъ Джемшида»,[1] говорятъ Гебры-Пароы, мы покланяемся Богу и всему, что онъ создалъ: мы покланяемся солнцу, лунѣ, огню».

По обрядамъ Авесты или законовъ Ормузда, Ненгъ, обрядъ или жертва очищенія посредствомъ огня или воскуренія, совершается при молитвахъ (Néaesch) и прославленіи (Izeschné); на пр.:

«Взываю и прославляю гору жизни, великую Алборджъ, и всѣ блестящія горы, свѣтъ Кеановъ.

Взываю и прославляю сіи мѣста и грады, пастбища стадъ, поля хлѣба, вóды, древа, воздухъ, луну, солнце и весь народъ.

Сею жертвой (Zour),[2] симъ Барсомомъ (кустъ, связка Хома), молю Миөру (воплощенное божество), вознесеннаго надъ свѣтлымъ міромъ, молю звѣзды, луну, солнце, древо (Хомъ).»

При обрядѣ употребляются:

Сосудъ огня (атеш-дан).

Barsom или Pera hom, т. е., связка вѣтвей священнаго куста, называемаго Хомъ (Hom).[3]

Авандъ, или сосудъ съ очистительной водой, въ которой погружается Хомъ, что и называется Перахомъ, сокъ Хома.

Піале-х, чаша для молока, и пр., и пр.

При совершеніи обряда возглашается: «Да будетъ сей Неренгъ могуществен, и да свѣтлый законъ Маздеиснана (Ормузда) распространится въ семи Кешварахъ земли!»

Послѣ этого совершается призваніе блаженныхъ душъ предковъ, по родословію:

«Призываю души предковъ, отцевъ, матерей, дѣтей».

При приношеніи даровъ, Джути (жрецъ) возглашаетъ:

«Совершаю прославленіе за (сего) приступающаго съ дарами Хому, нисходящему съ горнихъ, священному, чистому и великому.»[4]

до Р. Х. по преимуществу въ странахъ по западную сторону Каспійскаго моря: въ Мидіи сѣверной или Адербиджанѣ, въ Грузіи и Иранѣ».

[1] Zend-avesta. T. I, part. 1, p. CCCXIX.

[2] По Арм. Хуръ, по Зенд. Хуро.

[3] Этотъ священный кустъ, Хомъ, родится въ горахъ Ширвана, Гиляна, Мазандерана и въ окрестностяхъ Іезда.

[4] Jescht-Sadés. XXXIX.

Въ Индіи Хом значилъ жертва Агни или стихія огня.

Кромѣ священнаго куста, Хомъ, воздымаемаго при совершеніи жертвъ, въ Вендидадъ-задѣ, Хомъ является какимъ-то существомъ, къ которому относятся прославленія и молитвы. Нѣтъ сомнѣнія, что это Агни Индѣйцевъ. [1]

У Парѳовъ или Маговъ всякое дѣйствіе совершалось съ молитвами и обрядами очищенія: и принятіе даровъ, изъ которыхъ частица отдѣлялась на жертвенникъ Хома, и принятіе дружбы: «Если кто преклонится предъ тобою, и воздастъ тебѣ Изешне и Нечь, то будь его другомъ».

Кстати упомянемъ, что Страбонъ (кн. XV, §. 733) былъ свидѣтелемъ религіозныхъ обрядовъ Маговъ, при которыхъ связка Хома составляетъ неминуемую принадлежность; но, вѣроятно, по непониманію значенія словъ, онъ принялъ священный Хомъ (Ὄμανο:) за идола.

Такимъ образомъ упомянутое Русскою лѣтописью поклоненіе кусту объяснило то вѣрованіе, которому слѣдовали Татары въ XIII столѣтіи. Когда Рюйсбрёкъ, по дошедшимъ ложнымъ слухамъ, что будто Сартакъ, сынъ Батыя, Христіянинъ, прибывъ къ двору его, спросилъ, правда ли это, ему отвѣчали, что онъ не Христіянинъ, а Moal. [2]

Изслѣдуемъ это названіе Moal, которое Персы и Татары пишутъ مغول — Мугуль.

Іудеи называютъ Маговъ Haver (Гебръ), откуда Магометане образовали Гяуръ, Джяуръ, въ смыслѣ невѣрный, язычникъ. Религію Маговъ Арабы называютъ Маджусіе, Татары Муглыкъ.

---

[1] И тотъ же Миѳра Гебровъ, или Meher; у Армянъ тоже божество огня называлось Мигиръ и храмъ его былъ въ Багаринджѣ или Багаяричѣ, въ Дерджанскомъ округѣ Верхней Арменіи.

По Арм. Хур-ормёздакан — огонь Ормузда. Хур, по Зендски Хуро, назыв. сыномъ Ормузда. Моис. Хорен., перев. Н. Эмина, прим. 334.

[2] Рюйсбрёкъ не понялъ, что это названіе относилось къ вѣрованію, и упрекнулъ Татаръ собственнымъ невѣжествомъ: «Ils croient que le nom de Chrêtien et Chrêtienté est un nom de païs, et de nation; et ces Gens-là sont montez à une telle arrogance, qu'encore que peut être ils aient quelque créance de Jésus-Christ, ils ne veulent pas toutefois être appellez Chrêtiens, mais Moal seulement, qui est le nom, qu'ils veulent exalter par dessus toutes choses; ils ne veulent pas aussi qu'on les appelle Tartares.... Chap. XVIII.,

Маджусъ (Магусъ) значитъ Магъ. Въ Персидскомъ, отъ единственнаго Мугъ (Магъ, مغ), множ. مغول Мугуль, Маги; точно также, какъ въ Турецкомъ и Татарскомъ отъ Мугъ, Магія, Магизмъ; Муг-лы, слѣдующій Магизму; какъ отъ Османъ, Осман-лы; динъ, вѣра, динъ-лы, вѣрующій; санъ, честь, сан-лы, чествуемый, принимающій честь.

Слѣдовательно, повторяемъ, что названіе Мугулъ, принималось собственно за вѣрующихъ въ Магизмъ, и нисколько за какой нибудь особенной народъ, и тѣмъ болѣе за Китайскихъ Мон-гу, Ламайскихъ Буддистовъ, которыхъ вѣрованіе основалъ Шяг-муни или Сакья-муни.

Если вникнуть въ значеніе Джемшида, родоначальника и основателя вѣры Маговъ-Пареовъ, то нѣтъ сомнѣнія, что родоначальникъ Татаръ Дженгисъ есть не что иное, какъ измѣненіе имени Джемшидъ, и составляетъ тотъ Миѳъ побѣдъ вѣрованія, который у Пареовъ воплощенъ въ Гюстаспа, покорителя Турана.

И въ этомъ случаѣ Русская лѣтопись не безъ смысла упоминаетъ, что Татарская вѣра есть Ченгисовы мечтанья и волошбы. Какъ Джемшидъ, первый Кеанъ (кахенъ, каганъ) получилъ все отъ водъ, такъ и имя Дженгиса, перваго Каана, означаетъ воды, Дингисъ. [1]

Спросимъ, въ чемъ заключается Таурат-Дженгис-Каніат, или законъ Дженгисъ Хана?—Это есть не что иное, какъ изложеніе десятословія Моисеева, кромѣ 4-й заповѣди: «Помни день субботній, вѣроятно, исключенной со времени Магометанства. [2]

Разоблачимъ значеніе самого Огусъ-Хана, на которомъ основано родословіе Мугуловъ до миѳа Дженгисъ-Хана.

Въ нелѣпомъ сказаніи Хондемира и иныхъ, этотъ коренной миѳъ ѳеогоніи Маговъ также обращенъ въ историческое лицо.

Въ немъ, однако же, не трудно узнать Ормузда и 6 Амшаспандовъ:

---

[1] Въ преданіи о Дженгисѣ (Haiton, Hist. orientale) есть намекъ на коренное сказаніе о исходѣ изъ Египетской земли. Дженгису явился во снѣ воинъ въ красной одеждѣ на бѣломъ конѣ (Миѳра Пареовъ) и повелѣлъ ему покорять страны. Но море мѣшало. Тогда воинъ повелѣлъ морю отступить на 9 шаговъ и дать проходъ Дженгису съ народомъ.

[2] D'Herbelot.

Ормуздъ — видимый міръ.

6 твореній или сыновъ его:

Солнце, луна, звѣзды, твердь неба, твердь земли, море.

6 сыновъ Огусъ-Хана:

Гунъ (کن) по Тюрски или по Татарски солнце; Ай (ای), луна; Іульдузъ (یولدوز), звѣзда; Гукъ (کوک), небо, Тагъ (تاغ), гора; Дингизъ (دینکیز), море.

Послѣ этого въ Китайской ли Мон-гу, или такъ названной Монголіи, слѣдуетъ искать потомство этихъ миѳовъ, поразившее ужасомъ Европу?

Опредѣливъ вѣрованіе Мугуловъ и значеніе именъ ихъ, слѣдуетъ опредѣлить мѣстопребываніе Кагановъ, куда ѣздили къ нимъ Русскіе Князья, Азійскіе Государи покоренныхъ народовъ и послы Папы и Короля Франціи.

Въ Русскихъ лѣтописяхъ, до описанія убіенія Михаила Тверскаго въ Ордѣ, нѣтъ ничего опредѣлительнаго въ отношеніи мѣстности Орды. Князья отправлялись на Волгу къ Батыю, а отъ него, за утвержденіемъ на княженіе, къ Кановичемъ.

Это названіе, употребляемое лѣтописью постоянно вмѣсто Кана, Кагана или Царя, очень замѣчательно.

Въ Троицкой лѣтописи подъ 1313 годомъ отмѣчено: «Сѣде на царство Озбякъ (Узбекъ) въ Ордѣ».

Великій Князь Михаилъ Ярославичъ Тверской, утвержденный на великокняженіи Тохта-Ханомъ, отцемъ Узбека, отправился въ Орду на поклонъ къ сыну.

Между тѣмъ, Георгій Даниловичъ Московскій, отстаивавшій права свои на великокняженіе, также поѣхалъ въ Орду, пробылъ тамъ три года, успѣлъ пріобрѣсти особенную милость Хана, женился на его сестрѣ Кончакѣ, названной во Св. крещеніи Агаѳіей, и, съ грамотою на великокняженіе, сопровождаемый посольствомъ Узбека и его войсками, возвратился въ Россію.

Оклеветанный Михаилъ не уступалъ престола безъ боя, разбилъ племянника своего, взялъ въ плѣнъ жену его и Татарскаго воеводу Кавгадыя.

Узбекъ потребовалъ Михаила Ярославича къ себѣ: «и бывшу ему въ Володимерѣ, и се пріиде посолъ отъ царя изъ Орды, име-

немъ Ахмылъ, глаголя: «Зоветъ тя царь, поиде въ борзѣ, буди за мѣсяцъ; аще ли не будеши, то уже воимснова на тя рать и на твои городы».

Михаилъ поѣхалъ.

Прибывъ на границу Орды, «на усть рѣки Дону, идеже течетъ въ море Суражское», [1] онъ встрѣтилъ сына своего, Константина и, получивъ для дальнѣйшаго пути обычнаго пристава, отправился въ мѣстопребываніе Узбека.

Прибывъ туда и одаривъ князей Ордынскихъ, царицъ и самаго царя, онъ ждалъ рѣшенія его полтора мѣсяца. Наконецъ Узбекъ приказалъ разсудить его съ Георгіемъ Даниловичемъ.

«Въ единъ убо день собрашась вси князи Ордынскіе во едину вежу за царевъ дворъ»; начался судъ, клевета брала верхъ. Однажды Михаилъ Ярославичъ долженъ былъ слѣдовать за Узбекомъ на охоту. Тутъ преданные слуги сказали ему: «Князь, добра нечего ожидать; проводники и кони готовы, бѣги въ горы!»

Но Михаилъ не хотѣлъ бѣжать. Судъ кончился, его заключили въ оковы и потомъ убили.

Гдѣ же была вежа Михаила при дворѣ царя?

«За рѣкой Терекомъ, при рѣкѣ Севенцѣ, подъ городомъ Тетяковымъ, [2] миновавъ всѣ горы высокія, Ясскія и Черкасскія, близъ воротъ желѣзныхъ».

Никоновская лѣтопись прибавляетъ: «у болвана мѣдянаго, у златые главы, у Темировы богатыревы могилы».

Это названіе напоминаетъ Темир-Ханъ-Шуру, на Озен-су. Шура могло образоваться отъ Персидскаго گور гуръ, могила, по Татарски کور куръ. Озен-су Русскіе могли прозвать Севенцей.

---

[1] Названіе отъ Siraci, которые жили и по Каспію и при Азовскомъ морѣ.

[2] Этотъ городъ Аланъ-Яссовъ былъ покоренъ Татарами, при помощи Русскихъ Князей въ 1277 году. «Того же лѣта Дмитрей (Александровичь) Тетяковъ взялъ» Новгор. лѣт. Ист. Г. Р., т. IV, прим. 159.

Въ путешествіи Плано-Карпини, совершенномъ въ 1246 1247, упоминается о взятіи Ясскаго города (въ 1277): «Но народы, противящіеся по сіе время Татарамъ: великіе Инды, Манги (Mangie), часть Аланъ и изъ Катаевъ Яссы (et des Cathayns les Sayes).—Карамзинъ полагаетъ, что нынѣ этотъ городъ Дедухъ или Дивенъ (?).

Но Узбекъ есть Ханъ Кифчака, [1] а не Ханъ Золотой Орды, не Кановичъ, по выраженію Русскихъ лѣтописей; а потому только прокладкой пути Плано-Карпини и Рюйсбрёка, можетъ быть мы достигнемъ до Алтынъ-Тахта Кагановъ Мугульскихъ. Послѣдуемъ же за ними.

У Плано-Карпини время и мѣсто не имѣютъ никакого значенія: онъ ѣдетъ совершенно въ сказочномъ родѣ. Провѣримъ его проѣздъ по Европѣ, который есть возможность повѣрять.

Первоначально, неизвѣстно откуда, [2] онъ пріѣхалъ къ Королю Чешскому; отъ него отправился къ его племяннику, Болеславу, Князю Шлезскому; потомъ къ Конраду, Князю Lautisciae (по Русск. лѣт. это Кондратъ Лядскій), къ которому въ то время пріѣхалъ и Князь Русскій, Василько (т. е., Князь Владимирскій, братъ Даніила Галицкаго).

Василько, по усильной просьбѣ Князя Краковскаго, епископовъ и бояръ (?) взялъ пословъ съ собою въ свою землю.

«По просьбѣ нашей, говоритъ Плано-Карпини, онъ собралъ своихъ епископовъ, которымъ мы прочитали грамоту Господина Папы (Domini papae), увѣщавшаго ихъ къ соединенію съ святой матеріею Церкви. Но такъ какъ тутъ не было Князя Даніила, брата Василькова, который поѣхалъ къ Батыю (!), то и немогли они дать рѣшительнаго отвѣта.»

«Послѣ сего Князь Василько далъ намъ служителя и отправилъ насъ въ Кіевъ (?), столицу Русскую. Дорогою мы были безпрестанно въ опасности отъ Литовцевъ, которые дѣлали набѣги на земли Русскія.»

Сравнимъ эти сказанія Плано-Карпини съ Ипатьевской лѣтописью, которая подробно, годъ въ годъ, описываетъ всѣ событія въ Червонной Руси при Даніилѣ.

Во первыхъ, Даніилъ ѣздилъ къ Батыю не въ 1246 году, а въ 1250. [3] Начиная съ 1245 года, весь 1246 и въ началѣ 1247 года онъ велъ постоянную войну съ Литовцами.

---

[1] Страна по сѣверную сторону Кавказа.

[2] Вѣроятно изъ Ліона, куда Папа Инокентій IV удалился въ 1244 г. отъ преслѣдованій Императора Фридерика II-го, подъ покровительство Людовика, прозваннаго Святымъ, и гдѣ оставался до 1250 года.

[3] Здѣсь необходимо, однако же, привести и слова Густинской-Прилуцкой хроники XVII вѣка, составляющей историческій сборникъ о Западной Руси изъ Рус-

Во вторыхъ, лѣтопись упоминаетъ и о послахъ отъ Папы Инокентія, пріѣхавшихъ сперва въ Краковъ, а потомъ въ Холмъ, съ предложеніемъ соединенія съ Латинской Церковію. Упоминаетъ и объ убѣжденіяхъ Болеслава, Семовита и бояръ Польскихъ, о присоединеніи къ католичеству; но не въ 1246, а въ 1254 году.

«Въ лѣто 6762 (1254).... тогда же въ Краковѣ быша послы Папины, носяще благословеніе отъ Папы и вѣнецъ и санъ королевства, хотяше видѣти Князя Даніила.»

Но онъ отказался ихъ видѣть въ чужой землѣ; послы пріѣхали къ нему въ Холмъ, и, безъ сомнѣнія, въ Плано-Карпинѣ вмѣсто Kiouiam или Kaoniam metropolin Russiae, слѣдуетъ читать Cholmiam.

Когда Даніилъ отправился къ Батыю въ 1250 году «и пріиде къ Кыеву, обдержащу Кыевъ Ярославу бояриномъ своимъ Ейковичемъ Дмитромъ.»

Изъ Кіева, помолясь Богу въ монастырѣ Архистратига Михаила, называемаго Выдобичъ, Даніилъ поѣхалъ къ Переяславлю, гдѣ уже встрѣтилъ Татаръ. Изъ Переяславля къ Куремсѣ, отъ него къ Батыю на Волгу.

Слѣдовательно, и Плано-Карпини изъ Кіева слѣдовало ѣхать тѣмъ же путемъ къ Корензѣ и къ Батыю на Волгу.

скихъ, Польскихъ и иныхъ источниковъ. Въ этой хроникѣ поѣздка Даніила Романовича къ Батыю отнесена къ 1244 году: «Даніилъ пойде къ Батыю чрезъ Кіевъ, въ Кіевѣ бо тогда бѣ Дмитро Ейконовичь (въ Ипат. лѣт., откуда почерпнуто это свѣдѣніе: Ейковичь), воевода Ярослава Всеволодовича Московскаго (вмѣсто Владимирскаго).

Подъ 1246 годомъ (вѣроятно, по Запад. изв. о путешествіи Плано-Карпини): «Въ сіе же лѣто посла Инокентій Папа послы своя, намолвляя Батыя съ Татарами креститися. Онъ же отвѣща: «Не полезно есть храброму народу креститися, иже любятъ кровь проливати, а Христіяне понеже сего возбраняютъ, сего ради не храбри во брани».

Подъ 1247: «Данило Романовичъ, по славной побѣдѣ въ Чехахъ, начатъ славенъ быти, яко и Папа Римскій величаше его и присла ему свое благословеніе и знаменія Кролевскія.... и коронова его на Кролевство Русское Легатъ Папежа Инокентія четвертаго, во градѣ Дорогочинѣ (вмѣсто Холма).

«Въ сіе же лѣто убіенъ бысть Батій, царь Татарскій, во Угрѣхъ, отъ Владыслава Святаго, царя Угорскаго, иже бысть царемъ по Белѣ, наученъ вѣры Савою Сербскимъ; по Батію наста царемъ въ Татарѣхъ сынъ его Сартакъ или Аэбекъ».

Какимъ же образомъ Плано-Карпини изъ Кіева могъ попасть въ Канову (Canouae), на правомъ берегу Днѣпра, и какимъ образомъ онъ многія дни ѣхалъ Днѣпромъ по льду, и столь же долго берегомъ Греческаго или Великаго моря (Чернаго): «Super Nepre autem multis diebus ivimus per glaciem. Super littore quoque maris Greciae (quod dicitur Magnum mare) satis periculose per glaciem ivimus in pluribus locis multis diebus».

Вообще поѣздка Плано-Карпини въ Татарію если не сомнительна, то, по крайней мѣрѣ, въ отношеніи географическомъ не имѣетъ ничего опредѣленнаго, упоминая единственно только искаженныя имена проѣзжаемыхъ народовъ, по направленію куда-то на востокъ.

На всемъ пути отъ Днѣпра до Монголовъ, т. е., по прокладкѣ географовъ, до р. Амура, на 7000 верстахъ по прямой линіи, онъ знаетъ только имена Комановъ, Канъиттовъ, Бесерменъ (Бусурманъ, Мусульманъ), Кара-Китаевъ и Найманъ. Удовлетворяя общее вниманіе разсказами о жителяхъ невѣдомыхъ странъ востока, и свѣдѣніями, льстившими слуху Папы, что во всѣхъ этихъ Заволжскихъ странахъ, въ Китаѣ и за Китаемъ, много уже полухристіанъ-Несторіанъ, которыхъ легко обратить въ Христіанство, монаху Францисканскаго Ордена, лестно было и самому общее предположеніе, что онъ достигалъ до предѣловъ обитаемаго міра.

Но, приступая къ путешествію «въ Татарію и Китай (!), въ 1253 году, монаха Рюйсбрёка, [1] котораго Людовикъ IX, въ бытность свою въ Палестинѣ, прослышавъ, что Сартакъ, сынъ Батыя, Христіянинъ, послалъ къ нему съ письмомъ, мы не откажемся при соображеніяхъ и отъ мутныхъ свѣдѣній Плано-Карпини.

Большую часть свѣдѣній своихъ Рюйсбрёкъ почерпалъ изъ устъ своихъ проводниковъ, которые въ тоже время служили и толмачами. О вѣрности ихъ толкованій онъ упоминаетъ самъ: «Говоришь ему одно, а онъ передаетъ, что ему взбредетъ въ голову». Это замѣчаніе относится до собранія свѣдѣній по распросамъ у проводниковъ, или жителей; но не менѣе того должно обратить вниманіе и на другое замѣчаніе въ отношеніи направленія пути, переѣздовъ и разстояній: «Татары, говоритъ Рюйсбрёкъ, чтобъ дать понятіе

---

[1] Wilh. van Ruysbroek, монахъ ордена меньшихъ братій, родомъ изъ Брабанта. Имя по селенію на Самбрѣ Rusbroe, или Ruisbroech, откуда онъ былъ родомъ.

иностранцамъ о могуществѣ и обширности владѣній ихъ Хановъ, имѣютъ обычай кружить съ ними, вмѣсто того, чтобъ везти отъ мѣста до мѣста по прямой дорогѣ». Подобную околесицу случилось ему совершить, подъѣзжая къ столицѣ Мангу-Хана и, вмѣсто четырехъ дней пути по прямой дорогѣ, въ чемъ онъ удостовѣрился, ѣхать пятнадцать.

Рюйсбрёкъ [1] отправился изъ Константинополя 7 Мая, 1253 года, чрезъ Понтъ (Чермное море), называемый Булгарами Великимъ моремъ, и прибылъ въ Козарію (Крымъ).

«Козарія окружена моремъ съ трехъ сторонъ: на западъ Корсунь, на югъ Солдая, куда мы пристали 21 Мая, на востокъ Матарта или Матрига и устье Дона (Tanais)». [2]

ПУТЬ ОТЪ СОЛДАЯ КЪ ХАНУ САРТАКУ.

Гл. I. Въ Солдаѣ, для поклажи предлагали путешественникамъ взять воловьи подводы, или вьючныхъ лошадей. Но Константинопольскіе купцы посовѣтовали купить Русскія повозки, потому, говорили они, что вьючныхъ лошадей, при перемѣнѣ, придется каждый разъ развьючивать и ѣхать столь же медленно, какъ на волахъ. Этотъ совѣтъ, замѣчаетъ Рюйсбрёкъ, оказался не совсѣмъ удобенъ; ибо мы ѣхали до Сартака цѣлыхъ два мѣсяца, тогда какъ этотъ путь совершается въ одинъ мѣсяцъ.

«Мы отправились въ путь 1-го Іюня, купивъ четыре повозки. Кромѣ того намъ дали двѣ подводы (воловьихъ) подъ постели и матрасы для ночлега, а собственно для насъ пять верховыхъ лошадей. Дали намъ также двухъ погонщиковъ (при двухъ подводахъ?) и для ухода за волами и лошадьми. [3]

---

[1] Мы извлекаемъ изъ Рюйсбрёка только описанія пути, перемѣшанныя съ разсказами о нравахъ и обычаяхъ Татаръ, въ свою очередь перемѣшанныхъ съ нравами и обычаями другихъ народовъ.

[2] Т. е., Босфоръ, который по большей части слылъ устьемъ Танаиса.

[3] Съ воловьими подводами при конныхъ путь естественнымъ образомъ продлился; за что же упрекаетъ Рюйсбрёкъ купцовъ, совѣтовавшихъ ему ѣхать на пере-

«Проѣхавъ на сѣверъ горы, встрѣчаешь прекрасный лѣсъ и долину со множествомъ фонтановъ и ручьевъ. Потомъ слѣдуетъ степь на 5 дней ѣзды до страны, съуживающейся къ сѣверу между двумя морями».

Эта степь была, до нашествія Татаръ, населена Команами, которые брали дань съ упомянутыхъ городовъ и замковъ (Готскихъ). [1] Но Татары разогнали ихъ по прибрежьямъ моря.

«На оконечности этой страны находятся великія соленыя озера. Они доставляютъ Батыю и Сартаку большіе доходы; ибо изъ всей Россіи пріѣзжаютъ сюда за солью, и за каждый возъ платятъ по два куска холста.

Гл. XI. Съ тѣхъ поръ, какъ мы выѣхали изъ Солдая, до пріѣзда къ Сартаку, въ продолженіи двухъ мѣсяцевъ, мы не ночевали ни подъ кровлей дома, ни въ палаткѣ, но на открытомъ воздухѣ подъ повозками. Во всю дорогу не встрѣтили мы ни одной деревни, кромѣ могилъ Команскихъ. [2]

Греки, Руссы и Аланы, находящіеся между Татарами, считаютъ, что пить кумысъ есть такой же грѣхъ, какъ и отступничество отъ христіанства.

Гл. XIII. Въ день пятидесятницы пришли къ намъ Аланы, называемые Axas, Acias (Яссы). Они Христіяне, слѣдующіе Греческимъ обрядамъ, говорятъ Греческимъ языкомъ (?); попы у нихъ Греки; но, однако же, они не такіе отщепенцы (schismatiques), какъ Греки (?).

мѣнныхъ лошадяхъ въ своихъ повозкахъ, для избѣжанія медленности перевьючиванья, разумѣется, не предполагая, что при посольствѣ будутъ слѣдовать и двѣ воловьи подводы.

[1] Константинъ Багрянородный упоминаетъ о крѣпостяхъ между Херсономъ и городомъ Босфоромъ; но, кажется, не слѣдуетъ понимать, что эти крѣпости были между г. Херсономъ и городомъ Босфоромъ, между Херсонской областью, отдѣлявшеюся рвомъ отъ округовъ (κλιμάτων) Босфорскихъ. Это были пограничные города (крѣпостцы, стражницы), называвшіеся Castellae Judaeorum, или Gothorum; ибо восточный мысъ принадлежалъ къ Босфорскому царству Азіи, въ послѣдствіи Козарскому, состоявшему изъ 9 округовъ, управлявшихся Каганами Іудейскими.

[2] Въ предъидущей X главѣ Рюисбрёкъ упоминаетъ, что Команы имѣютъ обычай ставить на могилу статую, обращенную лицемъ къ востоку и держащую около пупа въ рукахъ чашу. «Они воздвигаютъ также пирамиды».

Гл. XIV. Слѣдуя въ сѣверу, мы пріѣхали къ предѣламъ области, ограничивающейся глубокимъ рвомъ (Перекопь), простирающимся отъ моря до моря.

За рвомъ, въ избѣ (logement), въ которую мы вошли, находились сборщики податей за соль, люди истинно прокаженные и отвратительные.

Выѣхавъ изъ Казаріи, мы слѣдовали на востокъ; со стороны юга море, а на сѣверъ обширная степь, простирающаяся на 20 дней пути, гдѣ нѣтъ ничего, кромѣ лѣсовъ, покрывающихъ скалистыя горы (forests des montagnes, avec des pierres (?).

Здѣсь-то жили Команы съ своими стадами. Они назывались Capchat, [1] а по словамъ Нѣмцевъ Волынь (Valans), а ихъ земля Волынь (Valania)».

Плано-Карпини пишетъ, что съ южной стороны Комановъ «живутъ Аланы, Черкасы, Хозары (Gasaros), Греція и Константинополь, [2] а также земли Иберовъ, Ках'ти (Cathos, Кахстовъ) и Брутаховъ (Пароовъ?), [3] которые, какъ говорятъ, суть Жиды, брѣющіе всю голову; а также земли Зиховъ (Cithi), Грузинъ, Армянъ и Турокъ.»

Гл. XV. «Мы продолжали путь на востокъ: передъ нами были только земля и небо, а иногда вправо море, называемое ими Донскимъ (Mer de Tanais, не Дингисъ ли?), да могилы Комановъ, которыя видны были въ разстояніи двухъ льё. У нихъ одна могила составляетъ погребище семейное.»

---

[1] Названіе Каф-чакъ (страны на сѣверъ отъ Грузіи) упоминается и въ Армянскихъ лѣтописяхъ. Khaph'tchig означаетъ вообще Египтянъ, Ееіоповъ, Мавровъ. Chron. de Matthieu d'Edesse, par E. Dulaurier.

[2] Смѣшивая Хазарію Черноморскую съ Карпатской, Плано-Карпини упоминаетъ и о Греціи.

[3] У Азіатскихъ писателей Бертасы, вѣроятно Пареасы (برطاس). По Массуди, Руссы (при Святославѣ) явились на корабляхъ на Каспійскомъ морѣ; изгнанные жители Аррана, Адербиджана и Байлакана, бѣжали въ степи Bardaas, въ Гиланъ, въ Горганъ (Грузію) и Тебристанъ.

Мы ѣхали отъ станціи (logement) до станціи съ большимъ трудомъ и медленностію, такъ что пріѣхали къ Дону на праздникъ св. Магдалины (22 Іюля).»

Слѣдовательно въ 53 дни сдѣлали около 700 верстъ; кругомъ около 16 верстъ въ день.

«Здѣсь Батый и Сартакъ устроили Русскую избу (un logement de Russiens) на восточной сторонѣ рѣки, для перевоза пословъ и купцовъ на небольшихъ баркахъ (de petites barques).

Во время пути мы проѣхали многія иныя прекрасныя и рыболовныя воды... но Татары не умѣютъ ловить рыбы и не заботятся объ ней.

Эта рѣка (Танаисъ) составляетъ восточную границу Россіи. Къ западу великій лѣсъ, и Татары не ѣздятъ за этотъ лѣсъ къ сѣверу, потому что въ это время, около Августа, они возвращаются къ югу и стануютъ ниже, гдѣ есть зимній перевозъ для пословъ.

Гл. XVI. Вся страна за Танаисомъ прекрасна и полна лѣсами и рѣками со стороны сѣвера.»

Послѣ этого Рюйсбрёкъ пишетъ о народѣ Moxel, а потомъ о Merdas или Merclas, которыхъ Латины называютъ Merdues или Mardes.

«За ними, продолжаетъ онъ, рѣка Etilia (Волга), величайшая, какую только я видалъ. Вытекая съ сѣвера изъ Булгаріи, она впадаетъ въ озеро, или море, которое въ окружности болѣе четырехъ мѣсяцевъ ѣзды».

Потомъ, обращаясь къ странѣ между Дономъ и Волгой, Рюйсбрёкъ пишетъ:

«Со стороны юга у насъ были величайшія горы, гдѣ живутъ Черкесы (Kergis) или Аланы или Acas (Яссы) Христіане, которые по сіе время ведутъ войну съ Татарами. За ними къ озеру или морю населяютъ Сарацины, которыхъ называютъ Лезгами. Они подчинены Татарамъ. За Лезгами желѣзные ворота, которые построилъ Александръ Великій отъ набѣговъ варваровъ на Персію.

И въ этихъ странахъ, которыя мы проѣзжали между двухъ рѣкъ (Tanais et Etilia) жили нѣкогда Команы. Татары изгнали ихъ и заняли ихъ землю.

Гл. XVII. Мы нашли Сартака въ трехъ переѣздахъ отъ Волги, и дворъ его показался намъ очень великъ.»

Какъ рѣшить теперь этотъ путь на востокъ до мѣстопребыванія Сартака? По смутнымъ описаніямъ, онъ могъ лежать и чрезъ Перекопъ и чрезъ ровъ Босфорскій (*Ταφρος*), отдѣлявшій нѣкогда Таврію отъ Босфорскаго царства. Ѣхали ли они по берегу Азовскаго моря, или по берегу Чернаго? Переправлялись ли они на баркахъ собственно чрезъ Донъ, или Донской проливъ (Босфоръ), который также назывался Танаисомъ? Да и самъ Рюйсбрёкъ (гл. I) называетъ Босфоръ устьемъ Танаиса: «на этомъ (Великомъ, Черномъ) морѣ, отъ Херсона до устья Танаиса, есть большіе мысы.» Если бъ они ѣхали по берегу Азовскаго моря, у нихъ бы постоянно на югѣ было море, а не великія (Кавказскія) горы. Первобытная страна Куманъ, между Дономъ и Этиль, какъ говоритъ и самъ Рюйсбрёкъ, ограничивалась, безъ сомнѣнія, Кубанью и Кумой; извѣстныя искони рыболовныя мѣста лежатъ на западномъ берегу Азовскаго моря; на сѣверномъ берегу путешественники объ нихъ и не слыхали бы. Упоминаніе о соляной таможнѣ могло основываться на слухахъ. Но во всякомъ случаѣ этотъ путь для насъ еще ничего не опредѣляетъ, кромѣ мѣстности Куманъ, которые подъ Русскимъ прозвищемъ Половцевъ, раздѣлялись на Корсунскихъ и Лукоморскихъ.

Гаитонъ, почти современникъ Рюйсбрёка (Hist. Orient.), определительно описываетъ страну Куманъ: «съ запада у нихъ Великое (Черное море); на сѣверѣ Руссія (Rassia въ изд. Берж. ошиб. Kassia), на востокъ р. Итиль (Волга). Часть Комановъ живетъ и въ горахъ Кавказа. Съ этой стороны граничитъ съ ними Corasme.»

Древле-Персидское названіе Corasme, [1] принимаемое учеными за Хиву, вмѣсто Грузіи, или земель по Курѣ (Гебру), путало всегда всѣ изысканія.

Но самъ Гаитонъ опредѣляетъ этотъ народъ (гл. IV): «они (Corasmiens) говорятъ собственнымъ языкомъ, слѣдуютъ Греческому исповѣданію вѣры и зависятъ отъ Антіохійскаго Патріарха.

«На западъ отъ этой прекрасной равнины, пишетъ Рюйсбрёкъ, гл. 50 («Moan, par où passe le fleuve Cur», т. е., Мугунской

---

[1] جوارزم — Хаваръ-земи, могло значить земли по Гебру, или земли Гебровъ (Евр. Хаверъ). Это названіе Грузіи извѣстно было уже при Александрѣ Великомъ.

степи), находится Грузія (Curgié),[1] гдѣ прежде (?) жили Crosmins ou Corasmins.

Вся страна отъ Танаиса до Этили, пишетъ Монахъ Баконъ въ своихъ географическихъ примѣчаніяхъ, принадлежала Куманамъ, прозываемымъ Канглами;[2] но Татары ихъ изгнали. Въ древности же вся эта страна называлась Албаніей».

Такимъ образомъ поселеніе Кумановъ, пограничнаго съ Русью Азіатскаго казачества (Козаръ), было опредѣлительно по Кубани и Кумѣ. Здѣсь, по Гаитону былъ и ихъ главный городъ Сара (Sara), вѣроятно, извѣстный Хазарскій городъ Сар-кале (крѣпость Сара), при Донѣ.

Гл. XX. «Мѣстопребываніе Сартака находится въ томъ мѣстѣ, чрезъ которое проѣзжаютъ Руссы, Влахи (Blaches, Blac, по Татар. произн. Ilac), Болгары, Soldains, Черкесы (Kerkis), Алане и другіе Христіяне, при поѣздѣ къ отцу его, Батыю, съ дарами».

Слѣдовательно, мѣстопребываніе Сартака, въ трехъ дняхъ отъ Волги, должно было быть на рѣкѣ Сарпѣ, гдѣ у Олеарія показанъ городъ Zarra, и гдѣ должны были сходиться дороги къ переправѣ чрезъ Волгу изъ Руси, изъ Крыма, съ Кавказа и изъ-за Дербенда; ибо Рюйсбрёкъ говоритъ, что здѣсь же проѣзжали и послы Сарацинскіе.

«Къ везущимъ дары, Сартакъ очень внимателенъ, особенно къ Сарацинамъ, которыхъ дары гораздо значительнѣе.

«Другой же начальникъ Берта или Берка, имѣлъ свое мѣстопребываніе около желѣзныхъ вратъ, гдѣ былъ главный путь Сарацинъ. Но Батый перевелъ его за Этиль и лишилъ доходовъ отъ проѣзжающихъ чрезъ его землю пословъ Сарацинскихъ».

Такимъ образомъ, при уничтоженіи таможни при Дербендѣ, сосредоточились доходы въ мѣстопребываніи сына Батыева.

---

[1] Рюйсбрёкъ называетъ Грузію и Curgie и Georgie.

[2] Названіе Куманы, кажется, неизвѣстно Восточнымъ писателямъ.

ПУТЬ ОТЪ САРТАКА ДО БАТЫЯ.

Рюйсбрёкъ съ собратіею пробылъ при дворѣ Сартака 4 дня, и, слѣдовательно, 5 Августа отправился къ Батыю.

«Наконецъ мы прибыли къ великой рѣкѣ Этили, которая въ четыре раза шире Сены, очень глубока и истекая изъ великой Булгаріи, впадаетъ въ озеро, или море, называемое ими Circan, по имени одного города, находящагося на берегу со стороны Персіи. Но Исидоръ называетъ его Каспійскимъ, потому что горы Каспійскія и Персія находятся на южной сторонѣ онаго, а горы Musibet (или Mulibet; гл. 44) или горы Ассасиновъ, сопредѣльны Каспійскимъ».

Мѣстность Мулибета и Ассасиновъ намъ необходима при послѣдующихъ соображеніяхъ. Упомянутое Рюйсбрёкомъ свѣдѣніе, порожденное смѣшеніемъ восточнаго берега Гирканскаго моря съ восточнымъ берегомъ Греческаго, т. е., Средиземнаго (Gircan), а равно свѣдѣнія Марко-Поло, были причиною, что географы перенесли мѣстность Ассасиновъ въ Персію, въ Казбинъ. Но названіе Mulibet, а у Марко-Поло Mulete, есть не что иное, какъ Аль-Мутъ, столь извѣстная Крестоносцамъ крѣпость Ассасиновъ. Имъ принадлежала страна Тартусъ (Тарсъ Киликіи). Hassan-Sabah, vieillard de la montagne, около 1090 года основалъ крѣпость Аль-Мутъ въ ущельяхъ Гюк-су, впадающей въ Средиземное море, около 30 верстъ ниже Карамана, города Малоазійской Тюркменіи или Турціи.

Марко-Поло, въ своемъ сборникѣ разныхъ слуховъ о странахъ и народахъ Азіи, послѣ описанія Карамaніи (Малоазійской, принимаемой за Персидскую), города Кобина (вмѣсто Коніех, принимаемаго за Казбинъ[1] и области Timochaim (?), гдѣ, по преданіямъ жителей, Александръ Великій разбилъ Персовъ, упоминаетъ и о Мулетѣ (вмѣсто Аль-Мутъ), округѣ Ассасиновъ, и объ ихъ властелинѣ, vieux des montagnes, который давалъ своимъ воинамъ предвкушать рай Магометовъ.

---

[1] Персидскій городъ Казбинъ основанъ, по преданію, Калифомъ Муктеди-билла-Муса, около 867 года (1489) и былъ мѣстомъ казни и ссылки. Шахъ Тахмасъ, въ 1577 году, не имѣя возможности защитить Таврисъ противъ Солимана Великаго, перенесъ столицу въ Казбинъ, близъ горы Alouvent. (Voyage en Perse, par Chardin.

«На сѣверѣ моря (Каспійскаго) находятся тѣ обширныя степи, гдѣ прежде жили Канглы (Cangles), и которыя занимаютъ теперь Татары.»

Мы упомянули выше свѣдѣнія Бакона, что Канглы суть тѣ Команы, которые жили по Кубанѣ и Кумѣ.

Канглы, слѣдовательно, есть Татарское прозвище548Командовъ.

Отецъ Іакинѳъ, въ своемъ описаніи Западнаго края Китая (извѣстнаго Европейцамъ подъ названіемъ Джунгаріи и восточнаго Туркистана), упоминаетъ, что «Казаки временъ Чингисъ-Хана названы въ исторіи Абульгази Канклы, а у Европейскихъ путешественниковъ Кангытами». Слѣдовательно, по Турскому и Татарскому языку Канг-лы, значитъ народъ Кангъ, а вообще по Кавказскому нарѣчію Кангэ-ти (Кангыты), какъ Оссы—Оссети, Сваны—Сванети, и, можетъ быть, Иміры (Кавказскіе Гомеръ)—Имере-ти.

Но Команы по Венгерски называются Кунъ, страна ихъ Кун-чакъ; слѣдовательно, древніе Куманы суть тѣ же извѣстные Гунны-Киммеріяне, обитавшіе, по Прокопію, въ Малой Скиѳіи, или Азіатской Сарматіи, между Танаисомъ, Волгой и Кавказомъ; тѣ же Гындъ-Сафетъ (Бѣлые Инды) Персидскихъ писателей; тѣ же Козары во время Іудейства, и Половцы во время Бесерменства; ибо Русскія лѣтописи прозывали Половцевъ и Бесерменами или Бусурманами, т. е., Мусульманами.

Замѣтимъ, что Changlae на картѣ путешествія Рюисбрёка помѣщены между Кубанью, Кумой и Терекомъ.

Козаръ Гебровъ, служившихъ, до принятія Магометанства, Каганамъ, Татары имѣли право называть своими холопами и конюхами.

Гл. XXI. «Вся страна отъ западнаго берега моря, гдѣ желѣзныя врата, и отъ горъ Аланскихъ до Сѣвернаго Океана (!) (надо понимать до Чернаго моря) и до Меотическаго озера, или Танаиса, называлась въ древности Албаніей.

На рѣкѣ Этиль, куда мы пріѣхали, находится новое зданіе (logement), построенное Татарами. Здѣсь нѣсколько человѣкъ Руссовъ перевозятъ пословъ, какъ пріѣзжающихъ къ Батыю, такъ и отъѣзжающихъ. Дворъ его расположенъ на восточномъ берегу рѣки. Во время лѣта, когда онъ отправляется въ гору, не проѣзжаетъ этого мѣста; но

начинаетъ спускаться («Quand il monte l'Eté, il ne passe point ce lieu-là, mais il commence à déscendre) (?); ибо съ Генваря по Августъ, онъ и всѣ другіе начинаютъ подниматься въ страны болѣе холодныя, а въ Августѣ спускаться къ югу.» [1]

Смыслъ этихъ словъ долженъ быть тотъ, что на лѣто Батый, поднимаясь въ гору по правому берегу рѣки, не переправляется чрезъ Волгу, но переправляется, возвращаясь, къ югу въ зимнее свое мѣстопребываніе.

«Отъ новой станціи мы переправились чрезъ Волгу въ баркѣ, ко двору. Отсюда считаютъ пять дней ѣзды до городовъ и селеній Великой Болгаріи.

Я часто удивлялся, какимъ образомъ демонъ занесъ туда ложный законъ Магомета; ибо отъ Желѣзныхъ воротъ, составляющихъ границу Персіи, болѣе 30 дней пути, поднимаясь вдоль Этили, до страны Великой Болгаріи, степью, гдѣ нѣтъ ни одного города, исключая хижинъ и землянокъ при впаденіи Этили въ море. Эти Болгары самые ожесточенные Магометане.

Когда мы пріѣхали ко двору Батыя, я изумился, видя, что его домъ (дворецъ ?) былъ столь же пространенъ, какъ городъ, а вокругъ его на 3 и 4 льё разселялось множество люду. Какъ нѣкогда народъ Израильскій зналъ мѣста, гдѣ каждому ставить свою кущу, такъ они знали, гдѣ располагать свои шалаши и кибитки. И поэтому домъ этотъ или дворъ (Cour, ou maison principale du Seigneur) назывался curia orda, т. е., средній дворъ.»

قورا, кура, дворъ, cour; اورتا, урта, средній. Это то же, что у Галловъ Cour du milieu, у насъ Средняя палата, собственно судебное мѣсто при дворахъ Господарскихъ, находившихся въ центрѣ города.

У Плано-Карпини дворъ Кагана Куине также назывался Syra orda: «Haec autem statio sive Curia nominatur ab eis Syra orda». «Но въ трехъ лье, въ прекрасной долинѣ у рѣчки, между горъ, былъ

[1] Обычай выѣзжать изъ столицъ въ станъ въ лѣтнее время былъ нѣкогда обычаемъ религіознымъ, что объяснится ниже; этотъ неизмѣнный обычай становать въ нѣкоторое время лѣта сохраняютъ Шахи Персіи.

изготовленъ другой шатеръ, называемый ими orda aurea, золотой дворъ. Здѣсь Куинэ долженствовалъ быть возведенъ на престолъ.»

Новый слѣдъ древнихъ общихъ обычаевъ: Cour d'or у Галловъ и Золотая палата, въ которой совершалось вступленіе на престолъ.

Дворъ Батыя, слѣдуетъ полагать, былъ на мѣстѣ древняго Болгарскаго Царевска, а дворъ Сартака, какъ мы упомянули, въ Сарѣ Куманъ, или въ извѣстной Sera, нѣкогда главномъ городѣ Серики, Сираковъ, Сиракинъ (Сарацинъ), по Приску Сарагуровъ, Сураговъ, по Русскимъ лѣтописямъ Суражанъ, шелководцевъ, по которымъ верховье Каспійскаго моря, Chazaz-dengis (море Казачье), Bachr el Chazar (Козарское), называлось также Oceanum Siricum.

ПУТЬ ОТЪ БАТЫЯ КЪ МАНГУ-ХАНУ.

Послѣ представленія Батыю и рѣшенія ѣхать къ Мангу-Хану, Рюйсбрёкъ отправился въ слѣдъ за дворомъ Батыя, внизъ по Волгѣ.

Гл. XXII. «Мы слѣдовали за Батыемъ, съ нашими повозками, вдоль Этили, въ продолженіи пяти недѣль....

Наконецъ 14-го Сентября, въ праздникъ Воздвиженія Креста, явился къ намъ одинъ изъ главныхъ и богатыхъ Мугуловъ, (Moals), сынъ тысячника, и объявилъ намъ, что ему поручено сопровождать насъ къ Мангу-Хану, и что предстоитъ 4 мѣсяца пути, въ такіе морозы, отъ которыхъ трескаются дерева и камни....»

Съ этихъ мѣстъ начинается уже догадочная прокладка пути, ученое соображеніе географовъ по толкованіямъ Рюйсбрёка, на востокъ, въ страну Китайскихъ Мон-гу на Амурѣ, за 8 т. верстъ. Просимъ внимательно замѣтить всѣ вопіющія несообразности.

«На другой день послѣ Воздвиженія (14 Сентября) мы пустились въ путь верьхомъ, слѣдуя постоянно на востокъ, (?) до дня Всѣхъ Святыхъ (1-го Ноября). По всѣмъ странамъ этого пути жили Канглы (Cangles), которые, какъ говорятъ, происходятъ отъ древнихъ Римлянъ.»

Этотъ намекъ касается до сходства названій Албаніи Иллирійской, и Албаніи Кавказской, страны Казачества, или Канглова.

Гл. XXIII. «Проѣхавъ около 12 дней отъ р. Этили, мы встрѣтили другую большую рѣку, Jagag (!), которая течетъ съ сѣвера и изъ страны Pascatir. Языкъ Паскатировъ и Венгровъ одинъ и тотъ же; тѣ и другіе пастыри, не имѣющіе ни городовъ, ни селъ, такъ что Малая Булгарія (?) есть послѣдняя страна, гдѣ находятся города. Изъ этой страны Pascatir вышли Гуны (Huns), названные въ послѣдствіи Венграми, (Hongrois), и это есть собственно Великая Булгарія.

Все, что я сказалъ о странѣ Pascatir, я слышалъ отъ братьевъ проповѣдниковъ, которые были въ этой странѣ до Татаръ. Тогда Паскатиры были покорены Булгарами и Сарацинами, и многіе изъ нихъ обратились въ Магометанство».

Здѣсь дѣло идетъ кажется о Печенѣгахъ, т. е., о Peng-dagui (Пенчь-даги) или Пятигорцахъ, [1] изъ которыхъ нѣкоторыя племена по Византійскимъ историкамъ носили названіе *Καγγάρ*, какъ почетное за ихъ храбрость.

«Мы ѣхали землями Канглов, со дня Воздвиженія до Всѣхъ Святыхъ, и ежедневно проѣзжали такое разстояніе, какъ отъ Парижа до Орлеана, а иногда и болѣе».

Слѣдовательно, 28 льё, т. е., около 112 верстъ въ день, или въ 45 дней (съ 15 Сентября по 1-е Ноября) 5040 верстъ, и все это пространство занимали Канглы, потомки Римлянъ. Верьхомъ на голодныхъ клячахъ, которыми снабжали тучнаго путешественника, съ вьюками, съ перевьючиваніемъ, съ ѣздой двухъ братій на одной лошади, [2] и въ осьмичасовой день, нельзя было проѣхать и пятой

---

[1] «Les Turcs appellent ces peuples Chérkes, et quélques geographies orientals donnent à ce peuple la dénomination de Peng-dagui». Chardin. T. 1, p. 118.

[2] «Quelque fois nons en changions deux et trois fois par jour, et d'autrefois aussi nous allions deux et trois journées sans en pouvoir trouver de frais, parce qu'il n'y avoit aucune habitation. Mais entre vingt et trente chevaux, nous avions toujours les pires. Pour moi ils me pourvoioient toujours d'un cheval plus fort que les autres, à cause que j'étois un peu pesant et replet.... Le plus souvent les chevaux n'en pouvoient plus avant que pouvoir arriver à quelque autre logement; c'étoit alors à nous à foüetter et frapper nos chevaux, à charger nos hardes d'un

доли этого разстоянія, особенно принимая во вниманіе, что подобнымъ путешественникамъ въ Азіи часто приходится проѣзжать отъ ночлега до ночлега по 8 верстъ, и очень рѣдко по 30 и 40. Но рѣшившись уже, разумѣется по убѣжденію, прокладывать путь Рюйсбрёка за Байкалъ, географамъ ничего не оставалось дѣлать, кромѣ какъ вытягивать путь. отъ Волги на востокъ, до поворота къ югу, къ великимъ горамъ (Алтайскимъ) и къ великому озеру (Байкалу), въ 5000 верстъ, тѣмъ болѣе, что Рюйсбрёку, съ 1-го Ноября по 26-е Декабря, вычтя 15 дней пребыванія въ Cailac и 11 дней лишнихъ, когда везли его вмѣсто прямой по окольной дорогѣ, оставалось всего 30 дней пути.

Сравнимъ для любопытства, столь же поспѣшную, если не болѣе, поѣздку Плано-Карпини отъ Коррензы на Днѣпрѣ до Батыя на Волгѣ, въ Февралѣ и Мартѣ:

«Мы отправились во вторникъ, на 2-й недѣлѣ Великаго поста, ѣхали каждый день съ утра до ночи, а часто даже и ночью, такъ скоро, какъ только могли скакать лошади, которыхъ мы мѣняли раза по три и по четыре въ день, но, не смотря на это, не могли пріѣхать къ нему (Батыю) прежде великаго четверга.»

При всей этой безостановочной скорости, Плано-Карпини въ 38 дней сдѣлалъ не болѣе 1000 верстъ, кругомъ около 26 верстъ въ день. Это похоже на истину. Но обратимся къ Рюйсбрёку.

Гл. XXIV. «Нѣтъ возможности описать, продолжаетъ онъ, сколько во время этого пути претерпѣли мы голода, холода, жажды и утомленія; ибо намъ давали ѣсть только ввечеру, не много питья и проса по утру. Ввечеру давали намъ мяса, часть баранины, похлебку и соотвѣтственную мѣру напитка. Когда мы могли насытиться вдоволь мясной похлебкой, то это было лучшимъ угощеніемъ, а ихъ напитокъ казался мнѣ сладкимъ, пріятнымъ и питательнымъ.

---

cheval à un autre, à changer nous mêmes de chevaux, et quelquefois même d'aller deux sur un même.

Прим. По обычаю, искони лошади и подводы для пословъ брались отъ селенія до селенія, дни чрезъ два, три бывалъ роздыхъ; обычный дневной переѣздъ отъ 10, 15, 20, 30 верстъ, рѣдко случался до 40 верстъ, смотря по удобству ночлеговъ.

Сначала проводникъ (приставъ) обходился съ нами съ пренебреженіемъ, но когда познакомился короче, то водилъ насъ по дворамъ и домамъ богатѣйшихъ Moalles, которые требовали, чтобъ мы молились за нихъ Богу (?!).

На канунѣ Всѣхъ Святыхъ (31 Октября) мы свернули отъ направленія къ востоку на югъ. Этотъ путь длился 8 дней. На 7-й день мы увидѣли на югѣ какіе-то высочайшія горы, и вступили въ равнину, орошаемую водами, какъ садъ; земли были превосходно воздѣланы».

Какія же это высочайшія горы, съ цвѣтущими, какъ садъ, равнинами, превосходно воздѣланными землями, и даже виноградниками, какъ увидимъ ниже? Алтайскія?—Но какимъ же образомъ жители сказали Рюисбрёку, что это горы Кавказскія (Гл. XXV.), а въ XXVIII главѣ онъ повторяетъ, что «всѣ эти земли (Кангловъ, Наймановъ, Югуровъ, Кара-Катай и Катай) находятся между Кавказскими горами?

Если, во славу Александра Великаго, историки перенесли Кавказъ со всѣми его странами и народами на Гинду-кушъ, и наплодили по всей Азіи двойниковъ, то нельзя же въ угоду авторитетамъ, сборщикамъ неосмысленныхъ фактовъ о Монголахъ, перенести Кавказъ и Магога на сѣверъ Китая.

Миссіонеру Рюисбрёку трудно было оріентироваться въ осеннее время даже по солнцу; и потому на его востокъ ни сколько нельзя полагаться; записокъ онъ не велъ, и на всемъ пути, отъ Волги до мѣстопребыванія Мангу-Хана, нѣтъ ни одного географическаго названія, которое бы указало его направленіе. А Cathay?— можетъ возразить ученый міръ Хинологовъ, — страна, лежащая на берегахъ Восточнаго моря, обитель древнихъ шелководцевъ, Seres (Siraci), какъ замѣчаетъ и Рюисбрёкъ,—не есть ли это явная China? Не знаемъ достаточно ли этого положенія, чтобъ искать Мангу-Хана въ Китайскомъ Императорѣ Сянъ - Цзунѣ. Восточнымъ моремъ древніе называли Каспійское; по всѣмъ сказаніямъ древнихъ географовъ и историковъ Seres, то есть, *Σηράκοι*, *Σηρακήνοι*, жили при Каспійскомъ морѣ. Но, не смотря на это, Cathai или Khatha ищется въ Чин-мачинѣ, или въ Чинѣ (China); слѣдовательно, и «Abrahamus fuit educatus in Cutha», т. е., въ Китаѣ. Здѣсь нельзя миновать вопроса: отъ чего, вопреки всѣмъ Азіятскимъ

и Европейскимъ народамъ, только Русскіе называютъ Небесную Имперію, вмѣсто Чина, China — Китаемъ, явно сходнымъ съ Cathai? — Отъ того, что Русское названіе произошло оффиціально, по указу Царя Ивана Васильевича, который, основываясь на современныхъ ему географическихъ свѣдѣніяхъ объ Азіи, повелѣлъ, въ 1567 году, Казачьимъ атаманамъ и Казакамъ, Ивану Петрову да Бурнату Ялычеву съ товарищи, провѣдывати за Сибирью Китайскаго государства и Мунгальскіе земли. Какъ же имъ было назвать въ донесеніи Срединное царство или Небесную Имперію какъ не предписаннымъ названіемъ: Китай? [1] До этого времени Русь не вѣдала ни о Китаѣ ни о Китайскихъ Монголахъ.

По Византійскимъ извѣстіямъ о Татарахъ, владѣнія ихъ не простираются за Каспійское море: Хатай въ Гирканіи, и всѣ Скиѳы-Татары: Ирканцы, Саки, Массагеты, Парѳы, Ассиріяне, Каддусіи (Курды?), Хатагіи, Хатайцы, Цагатайцы и Сахатеи (Сом-хети?), также не удаляются отъ береговъ Каспійскаго моря. [2]

Могутъ замѣтить, что упоминаемая Рюйсбрёкомъ переправа чрезъ рѣку Jagag, въ 12 дняхъ ѣзды отъ двора Батыева, рѣку принимаемую за Яикъ, дастъ направленіе пути; но въ этомъ направленіи, на прорѣзъ Яика, чрезъ пустынныя, песчаныя и солончаковыя степи, нѣтъ и не могло быть ни пути, ни дороги. Рюйсбрёкъ неизбѣжно долженъ былъ ѣхать чрезъ Уральскія горы, по тѣмъ же путямъ, которые существуютъ и нынѣ. Сверхъ того продовольствіе пословъ лежитъ на отвѣтственности приставовъ, которые и берутъ продовольствіе, лошадей или подводы, и свой бакшышъ, отъ селенія до селенія. Такимъ образомъ въ названіи Jagag, безъ сомнѣнія, дополненномъ прокладчиками пути, нельзя видѣть Яика, а тѣмъ болѣе другой большой рѣки, подобной Волгѣ.

---

[1] По обычаю называть страну по главному городу, Казаки столицу Богдыхана прозвали городомъ большимъ Китаемъ, въ срединѣ котораго стоитъ Магнитовой городъ: «а городъ Китай и Магнитовой стоитъ на ровномъ мѣстѣ, а кругомъ его рѣка, а имя ей Юхо, а впала въ Чермное море (Желтое?). Отъ Большаго Китая до Чермнаго моря ходу 7 дней».

«Царство Городъ-шаръ, а царь въ немъ Темиръ желѣзной; а то царство не далече отъ Бухаръ». Безъ сомнѣнія Темиръ-Ханъ-Шура. Этотъ Городъ-Шаръ сосѣдитъ и съ Тунгуцкимъ царствомъ.

[2] Штриттеръ.

По всѣмъ этимъ и многимъ другимъ соображеніямъ, мы рѣшаемся воротить Рюйсбрёка изъ за Волги и прокладывать путь его къ Кавказу и чрезъ Кавказъ.

Повторимъ проѣханное уже имъ пространство по странѣ Кангловъ, а по Плано-Карпини Команъ и Кангыттовъ.

Отправляясь изъ Орды Батыя къ Мангу-Хану, Рюйсбрёкъ, послѣ 12 дней ѣзды, встрѣчаетъ другую великую рѣку.

Чтобъ ѣхать изъ Орды Батыя на Кавказъ, необходимо было переправляться обратно чрезъ Волгу. Воображая, что путь лежитъ на востокъ, Рюйсбрёкъ легко могъ принять ее за другую рѣку. Посла везли прибрежьями Каспійскаго моря, что объяснится ниже. Здѣсь, на пространствѣ степей Кумскихъ, Терецкихъ и Кубанскихъ, онъ не могъ встрѣчать иныхъ селеній, кромѣ Татаро-Казачьихъ — Канглы или Команъ.

Путь, продолжавшійся до вступленія въ горы, составитъ около 800 или 900 верстъ. Это все, что Рюйсбрёкъ могъ сдѣлать въ 45 дней, проѣзжая въ день около 20 верстъ, тѣмъ болѣе, что приставъ часто водилъ его съ собою въ гости къ зажиточнымъ жителямъ проѣзжаемыхъ селеній, и вѣроятно Христіанамъ:

«Съ начала нашъ проводникъ обращался съ нами презрительно и досадовалъ, что ему пришлось везти такихъ дрянныхъ бѣдныхъ людей: но, познакомясь съ нами покороче, онъ насъ водилъ по дворамъ и домамъ (Cours et Logements) богатѣйшихъ Moalles (?), которые обращались къ намъ съ просьбою молить объ нихъ Бога. Если бъ при мнѣ былъ хорошій переводчикъ, то я имѣлъ бы случай совершить большую жатву между этими людьми.

Надо знать, что у Чингиса, Хама или царя, было четыре сына, отъ которыхъ произошли многіе князья и начальники, имѣющіе свои большіе дворы и владѣнія въ этой обширной, какъ море, пустыни.

Такимъ образомъ проводникъ водилъ насъ по дворамъ многихъ изъ этихъ владѣтелей, которые удивлялись, что мы не хотѣли брать отъ нихъ ни золота, ни серебра, ни богатыхъ одеждъ. Между прочимъ они распрашивали насъ о нашемъ великомъ Папѣ (nôtre Grand Pape)».

Въ этихъ владѣльцахъ нельзя не узнать Кавказскихъ бековъ.

«На канунѣ Всѣхъ Святыхъ мы повернули отъ востока, тѣмъ болѣе, что и всѣ населенія этихъ народовъ склонились къ югу. На этомъ пути мы видѣли множество ословъ, похожихъ на муловъ и называемыхъ Colan (по Тат. колунъ, قولون, жеребчикъ). На седьмой день открылись передъ нами какіе-то высочайшія горы, и мы вступили въ равнину, орошаемую водами, какъ садъ, гдѣ земли были превосходно воздѣланы. На 8 день послѣ дня Всѣхъ Святыхъ мы прибыли въ Сарацинское мѣстечко Kenkat, начальникъ котораго (Capitaine), [1] встрѣтилъ, по обычаю, нашего проводника съ брагой (cervoise) и чашами. Они шли по снѣгу (sur la glace): еще до Михайлова дня мы видѣли въ степи уже заморозь. Я спрашивалъ у сопровождавшихъ насъ названіе этой страны, но они знали только названіе города. Тутъ большая рѣка истекала изъ горы и орошала всю страну; они проводили изъ нея воду для орошенія полей; эта рѣка не впадала въ море, но терялась въ пескахъ и болотахъ. Тутъ я видѣлъ виноградники и пилъ ихъ вино.»

Хотя нѣкоторые толкователи, въ обезпеченіе пути Рюисбрёка въ Монголію, и подписали на картахъ, вмѣсто Алтая, Causasus mons, но предѣлы растительности винограда явно уже обличаютъ историческое заблужденіе и безотговорочно вынуждаютъ искать Кенкатъ съ его виноградниками и виномъ не на равнинѣ съ сѣверной стороны Алтая, а на равнинѣ съ сѣверной стороны Кавказа, на Терекѣ.

Гл. XXV. «Въ слѣдующій день мы прибыли на другой ночлегъ, ближе къ горамъ, и я узналъ отъ нихъ, что это горы Кавказскія (et sus d'eux que c'étoit celles du Caucase). [2] Тутъ я узналъ также, что мы миновали уже то море, въ которое впадаетъ Этиль».

---

[1] По Волошски: начальникъ города: Капитанъ де тыркъ, начальникъ почты— Капитанъ де почтъ.

[2] Для обезпеченія прокладки Кавказа на границахъ Китайской Имперіи, слѣдуетъ ученое географическое свѣдѣніе, что Кавказъ, въ протяженіи своемъ отъ запада на востокъ, царствуетъ по обѣ стороны Каспійскаго моря: «Qui regne de part et d'autre de la mer, depuis l'Occident jusqu'en Orient». Такимъ образомъ Кавказъ кочуетъ съ мѣста на мѣсто: Во время походовъ Александра Великаго по Азіи, Кавказъ при верховьяхъ Инда; во время поѣздки Миссіонеровъ въ Золотую Орду, Кавказъ при верховьяхъ Оби и Енисея.

Кто же изъ проводниковъ Миссіонера назвалъ бы Кавказомъ иныя горы, кромѣ Кавказа? И потомъ, если бъ Рюйсбрёкъ не ѣхалъ во все время до поворота по Тереку, около набережныхъ Каспійскаго моря, то съ какой бы стати, у Алтайскихъ горъ, по крайней мѣрѣ, за двѣ тысячи верстъ отъ этого моря, объявили ему, что наконецъ море, въ которое впадаетъ Волга, осталось уже въ сторонѣ?— «J'apris aussi qu'alors nous avions passé cette Mer, où entre l'Etilia.»

«Съ упомянутаго ночлега мы отправились къ востоку (?) прямо въ горы, и съ этого уже времени мы вступали въ земли, подвластныя Мангу-Хану. Жители вездѣ встрѣчали нашего проводника съ пѣснями и рукоплесканіями.»

Терекъ въ горахъ дѣйствительно склоняется временно на востокъ, и здѣсь предѣлъ Дештъ-Кипчака, т, е., равнины Кипчацкой, которая составляла отдѣльное владѣніе подъ властью Батыя. Отсюда начинается уже область древней Гебриды.

«Нѣсколько дней спустя, мы вступили въ горы, населенныя Кара-Катаями, и тутъ встрѣтили большую рѣку. Переправившись въ баркѣ, спустились въ долину, гдѣ я видѣлъ разрушенный замокъ (château), котораго валы были земляные. Страна была воздѣлана. Мы проѣхали также очень хорошій городъ Equius, населенный Сарацинами, употребляющими Персидскій языкъ, не смотря на отдаленіе отъ Персіи.»

Переправясь чрезъ главный хребетъ, путешественникъ вступаетъ въ Карталинію, которая составляла сѣверную часть Кахетіи (собственно Кге'ти или Гехти, т. е., Халдеи, Гебріи, Haver, Иверіи), [1] страны, извѣстной въ исторіи и подъ названіемъ Cutha.

Мугулы или Гебры, безъ сомнѣнія, раздѣляли древнюю коренную Халдею Арменіи на собственно Кегти и на Кура-Кегти, т. е., Халдею на Курѣ.

---

[1] Каг'тикскія горы или Халдейскія, по Араб. Тур. Чалдырскія, что значитъ также Халдейскія.

Іос. Барбаро въ путешествіи своемъ, 1436 года, въ Тану, пишетъ, что позади острова Кафы (Крыма), по берегу Великаго моря, находится Gothia, а за ней Аланія. Карталинію онъ превращаетъ въ Gothalani и производитъ отъ Gothi и Alani, упоминая, что эти земли принадлежали Аланамъ, но Готы завладѣли ими.

Небесной же Имперіи (Китая), подъ названіемъ Хатая (Chatay) востокъ не знаетъ. Если Манджуры покорили эту Имперію, то Чингисъ съ своими Мугулами покорилъ не Чин-Мачинъ (چین ماچین), [1] а Хатай и Карахатай (ختای و قرا ختای). Абульгази упоминаетъ о Чин-Мачинѣ только при слѣдующемъ, очень важномъ для рѣшенія нашего вопроса, случаѣ: «Мангу-Ханъ, узнавъ, что, какъ восточные, такъ и западные его сосѣди имѣютъ злые противъ его царства замыслы, отправилъ брата своего, Куплая (Хубилая) съ войскомъ на востокъ, а брата Галагу на западъ, самъ же отправился воевать Чинъ-Мачинъ и осаждать главный городъ Чинъ (چین).»

Это событіе совершилось въ то самое время, когда Рюйсбрёкъ былъ при дворѣ Мангу-Хана. Онъ также сообщаетъ объ отправленіи братьевъ Хана съ войсками въ разныя стороны, для усмиренія возмущеній, и опредѣлительно называетъ страны, лежащія на западъ и на востокъ отъ мѣстопребыванія Мангу-Хана.

> Гл. 44. «Онъ (Мангу-Ханъ) послалъ одного изъ единоутробныхъ братьевъ своихъ въ землю Ассасиновъ, называемую Mulibet (Аль-Мутъ), и повелѣлъ истребить весь этотъ родъ. Другаго послалъ въ Персію, куда онъ и прибылъ теперь, вѣроятно, для того, чтобъ итти оттуда въ Турцію, и отправить войска на Багдадъ и на Вастація. [2] Онъ отправилъ также войско въ Катай, чтобъ смирить нѣкоторыя возмущенія.»

Такимъ образомъ одна часть войска, подъ начальствомъ Кублая, идетъ къ западу, въ Аль-Мутъ, [3] при Средиземномъ морѣ: другая подъ начальствомъ Галагу, сосредоточивается на границахъ Персіи, чтобъ дѣйствовать противъ Турокъ на Багдадъ и потомъ соединиться въ Анатоліи съ Кублаемъ. Третья идетъ въ Кахетію. Слѣдовательно, мѣстопребываніе Кагановъ должно искать гдѣ нибудь въ Арменіи. [4]

---

[1] Такъ называется собственно Китай по Татарски.

[2] Іоаннъ Дука, царствовавшій въ Никеѣ.

[3] По Хондемиру и сказаніямъ Ала-уд-Дина-ата-Меликъ-Джувейни (въ его Истор. завоеваній міра), о командированіи Кублая не упоминается. Менгу-Кaанъ отправляетъ для побѣдъ брата, Гулагу, въ Иранъ. Первымъ подвигомъ его было ниспроверженіе могущества Молахедитовъ или Измаелитовъ (Ассасиновъ) Ала-Мутскихъ. Всѣ побѣды Гулагу происходятъ въ Сиріи и Малой Азіи (Румъ). Ист. Монг., В. Григорьева.

[4] Очень естественно, что по Китайскимъ лѣтописямъ Императоръ Сянь-Цзунъ, признанный отцомъ Іакинѳомъ за Хана Мынке (т. е., Мангу), распорядился

Но обратимся къ Кара-Катаю, который проѣзжаетъ Рюисбрёкъ. Въ XIX главѣ онъ упоминаетъ, что Кара-Катай значитъ Черный-Катай и названъ въ отличіе отъ Катая, находящагося съ востока вдоль моря (?). «Этотъ Катай, говоритъ онъ, находится между нѣкоторыми горами, которые я проѣзжалъ.»

Бержеронъ (гл. XIII), излагая различныя сказанія о Катаѣ, говоритъ въ заключеніе: «Изъ всего этого видно, что Cathai прини-

---

иначе: въ 1252 году онъ отправилъ Хубилая для завоеванія Бирманскаго царства Дали (?), Князя Тологай-Сакила для завоеванія Индіи, а иныхъ Князей и Генераловъ, для завоеванія Малаcи, Хиппскаго царства, Индостана и Кашемира (?) и т. д. «Въ 1253 году (по Китайскимъ лѣтописямъ?) послалъ Бицикъ-Берке сдѣлать изчисленіе народа въ Россіи». По Русскимъ же лѣтописямъ, численицы прибыли въ Русь въ 1257 году, и именно въ тотъ самый годъ, когда «наста въ Татарѣхъ новый царь Улавичь (Улавчея—Тулаевичь?), или Занабекъ (Джанибегъ)», и когда «вси Князи поѣхаша въ Татары (въ Орду) и чтивши Улавчея, пріѣхаша въ свою отчину». «Тоя же зимы пріѣхаша численицы», или: «отъ него же, Занабека, посланы быша численицы на всю Московскую землю.»

Изъ всего этого видно, что Сянь-Цзунъ соображался, однако же, съ Татарскими и Русскими лѣтописями: Абульгази пишетъ, что Мангу послалъ Каплая съ войскомъ на востокъ; Сянь-Дзунъ послалъ Хубилая, по невозможности покорять Китайское море, покорять Бирмановъ. По Абульгази, Гулагу отправленъ на западъ, Сянь-Цзунъ отправляетъ Князя Тологая также къ западу покорять Индію, и въ дополненіе Генераловъ Детортая и Салиху-Торху покорять Индостанъ и Кашемиръ.

Грузинская лѣтопись также знаетъ Хубилая и Гулагу, но подъ именами Кубулъ и Уло, и не какъ братьевъ, а какъ сыновей Мангу-Каепа, который старшаго сына Кубула посылаетъ на Западъ, воевать Вавилонъ, Багдатъ, Египетъ, и все, что есть на Западѣ; а меньшаго сына Уло, на Востокъ, воевать Индію (?). Но Кубулу не хотѣлось итти на Востокъ, а потому онъ и помѣнялся съ братомъ назначеніемъ, съ согласія отца. Мангу далъ сыну Уло или Галагу 6 миріадъ всадниковъ, съ ихъ семьями, имуществомъ и стадами. Съ этимъ войскомъ, снабженнымъ всѣмъ необходимымъ, Уло прошелъ Иранъ, Туранъ, Джихунъ, Корасанъ, Иракъ, и достигъ наконецъ до крѣпости Аламута, которую немедленно и началъ осаждать. Между тѣмъ Мангу умеръ въ Катаѣ (Khatai), Кубулъ вступилъ на престолъ Каеновъ, и, не смотря на это, Уло также провозглашенъ былъ Каеномъ областей, управляемыхъ Нойнами (Наибами), а именно: Ромгуаро (Romgouaro) или Корасана, Ирака, Адербиджана, Мовакана, Барда, Ширвана, всей Грузіи, Кахетіи (Khlath?) и великой Греціи до Азіи (область Азія?) и т. д.

Такимъ образомъ Китайскія лѣтописи несогласны и съ Грузинскими на счетъ подвиговъ Галагу, Талогая или Уло.

мается иногда за Хину (Chine), а иногда за особенную страну; и вотъ, какъ легко чужеземцамъ смѣшивать и перепутывать вещи, которыя имъ неизвѣстны.»

Іосафато Барбаро, проѣзжавшій по Мингреліи въ 1436 году, пишетъ, что «Мингрелія граничитъ съ Кайтаками (Caitacchi), народомъ, занимающимъ все пространство между Мингреліею и Каспійскимъ моремъ, частію же съ Грузіею (Zorzania), Чернымъ моремъ, хребтомъ горъ, простирающимися по Черкассіи, и рѣкою Фазисомъ.»

Caitacchi, слѣдовательно, Кахеты, или Кгети, съ Армянскимъ обычнымъ окончаніемъ Каг'ти-къ.

Въ Müller's Samml. Russ. Gesch. [1] упоминается о Кайтакахъ около Каспійскаго моря. Къ западу съ ними граничатъ Каракайтаки, слѣдовательно, Кара-Кагти-къ, т. е., Карталины. [2]

«На слѣдующій день, окончивъ переѣздъ чрезъ горы (населенныя Кара-Катаями), которые составляли одну изъ главныхъ вѣтвей къ югу, мы вступили въ роскошную равнину, на правой сторонѣ которой были высокія горы, а на лѣво большое озеро, около 15 дней ѣзды въ окружности (?). Равнина орошалась горными потоками, впадающими въ это озеро. На возвратномъ пути, лѣтомъ, мы ѣхали по сѣверной (?) сторонѣ этого моря, гдѣ также были горы. Нѣкогда въ этой равнинѣ было множество городовъ и селеній, но большею частію ихъ разорили Татары, имѣвшіе здѣсь богатыя и тучныя пастбища.

Тутъ существовалъ еще обширный городъ, называемый Cailac, или Cealac, гдѣ былъ значительный торгъ и съѣздъ купцовъ, навѣщающихъ оный.»

Путь Рюйсбрёка, послѣ переправы чрезъ Куру при Мцхетѣ, могъ слѣдовать чрезъ Тифлисъ, а можетъ быть и прямо на Цалку, потомъ мимо озера Тапараванъ, соединяющагося протокомъ съ озеромъ Туманъ-гёль, и наконецъ въ равнину Чалдырскаго или Халдейскаго озера, усѣянную и понынѣ развалинами горо-

[1] Прим. 52 къ переводу Барбаро, В. Семенова.

[2] Шарденъ, въ своемъ путеш. въ Персію, называетъ Карталиновъ Caracioles, или Cara-Cherkes.

довъ и селеній. Съ одной стороны озера хребетъ Чалдырскій, а на западъ Кыръ-дагъ (Кирова гора, а вѣрнѣе Кура-гора, ибо здѣсь верховье Куры). Въ этой обширной равнинѣ, сходящейся съ равниной по Араксу, вокругъ горы Алагёзъ, была исконная колонизація [1] Халдеевъ или Гебровъ-Маговъ, извѣстныхъ подъ названіями Cuthaei, Джюджъ-Маджюджь, Mizraei, Mizaei, Mâzoï, Гоети, Халивы, Harakhaiti (Vendidad. Zend-Avesta) и пр. и пр., которымъ Турки-Магометане вообще придавали названіе Гяуръ (Гебръ).

«Мы пробыли въ Cealac 15 дней въ ожиданіи Батыева письмоводителя, который былъ товарищемъ нашего проводника по отправленію дѣлъ.

При дворѣ Мангу-Хана эта страна, на особенномъ языкѣ и письмѣ, носила названіе Organum, но ее населяли Контоманы (?)

Здѣшніе Несторіяне употребляютъ этотъ языкъ при отправленіи священной службы. Названіе же Organum, какъ насъ увѣряли, дано было по тому, что жители были органисты и музыканты.»

Передъ возстаніемъ Гебровъ-Маговъ (Мугуловъ) всѣ эти страны были въ зависимости уже отъ Турокъ, но относились къ Грузіи. Аравитяне называли Грузію Газранъ, Дагестанцы и Горскіе народы—Гуржемъ, Персы—Гургистанъ, [2] Греки—Георгія, Армяне—И'виркъ (Иверія-Гебрида); кромѣ того, по различнымъ произношеніемъ имени Георгій [3]—Гюргени, Gorgan, Джоржанъ; у Барбаро и Марко-Поло: Zorzania, Zorzani; у Рюйсбрёка Georgiens, Curgiens или Curges, и въ дополненіе восточное прозвище

---

[1] «Hayton (Roi d'Armenie) rapporte, que ce fut en cette Province (Armenie), que Salmanazar logea la plûpart des Juifs, qu'il fit prisonniers à la conquête de la Palestine.» Voyage de Chardin. T. 2, p. 216.

Здѣсь можно прибавить свѣдѣніе Геродота, что Колхидяне, подобно Египтянамъ, Ефіопамъ, Финикіянамъ и Сирійцамъ Палестины, совершали обрѣзаніе. L. II, cap. 104.

[2] «Le Royaume de Caket et le Carthuel sont dans l'empire de Perse. C'est ce que les Persans appellent le Gurgistan.» Voyages en Perse, par Chardin.

[3] Mar-Gergis. Chardin.

страны Corasme. [1] Choresme, Chouaresm, водворенное Географами, со всѣмъ народомъ на вѣчно пустынный восточный берегъ Каспійскаго моря и приспособленное къ Хивѣ.

Персидское названіе خوارزم страны лежащей по Курѣ (Hebrus, Iberus—Haver), безъ всякаго сомнѣнія, образовалось изъ خوار (хаваръ) и زمي (земля, страна). Это названіе близко также къ Гурржемъ, какъ называютъ Грузію въ Дагестанѣ, и къ Араб. Газранъ:

Какъ невѣдомое названіе Organum, Рюйсбрёкъ могъ образовать изъ Джоржана, Giorgianiah, такъ и Contomani изъ Carthalini

Страсть жителей области Organum къ музыкѣ объясняетъ еще болѣе единство съ Giorgianiah:

Al-Bergendi (см. d'Herbelot статья Khouarezem) пишетъ: «Столица Куарезма называется Корканкъ, или Джіорджіаніех по Арабски. Жители этой страны такую имѣютъ страсть и способность къ музыкѣ, что даже дѣти кричатъ и плачутъ на распѣвъ.» [2]

[1] «Столица Грузіи (Georgie) Тифлисъ (Tephelis); къ востоку земля Corasminiens;» но они были истреблены Татарами. Въ ихъ землѣ, по Плинію, жили Амазонки.»—«Грузія и Коразмія (Corasminie) граничатъ къ югу съ Турціей и Каппадокіей». Observ. du Moine Bacon.

«A l'Occident de cette belle plaine (Moane — Муганская степь) est la Curgie (Грузія), où ont habité autrefois les Crosmins ou Corasmins. Rubr., chap. 50.

[2] Названіе Георгія, Георгіяна, *Джіорджіанех*, слѣдуя Грузинскому нарѣчію (Курки — Георгій) Корканіе, смѣшивается съ названіемъ рѣки Кура (Kôra, Gour, Cyrus). Корканъ, по Персид. формѣ названій мѣстъ, можетъ быть: Кур-Кендъ, т. е., городъ Кура (Гори?).

D'Herbelot, не сообразивъ различныя названія Грузія, совѣтуетъ не принимать Giorgian за Géorgie: «Hamzali-ben-Joseph á écrit l'histoire de Giorgian, qu'il ne faut pas prendre pour la Géorgie, car les Orientaux appellent celle-ci Gurge et Gurgistan.»

Грузія (Гуржемъ, Газранъ) подъ названіемъ Коразма, т. е., страны, лежащей по Курѣ, извѣстна была уже во время Кира и походовъ Александра Великаго.

По К. Курцію, шестнадцатую область, платившую Дарію 300 талантовъ золота, составляли Парѳія (Адербиджанъ), Хоразмія (Гуржемъ, Грузія), Sogdiana (Гогтенъ) и Арія (Араратская область). Фратафернъ, * владѣтель Хо-

* По Арріяну Фратафернъ—сатрапъ Парѳовъ.

«Тутъ встрѣтилъ я въ первый разъ идолопоклонниковъ, продолжаетъ Рюйсбрёкъ, которыхъ разныя секты разсѣяны по востоку.

Гл: XXVI. Первые изъ этихъ язычниковъ суть Jugures, сосѣди страны Organum въ горахъ къ востоку.

Всѣ ихъ города населены Несторіянами и Сарацинами.

Въ городѣ Cailac три рода язычниковъ. Я былъ въ двухъ ихъ обществахъ. Въ одномъ я видѣлъ человѣка, у котораго былъ начертанъ крестъ на рукѣ. По распросамъ и отвѣтамъ я убѣдился, что они (Jugures) дѣйствительно Христіяне, но безъ всякаго понятія о вѣрѣ. У нихъ я видѣлъ родъ алтаря, на которомъ они возжигали восковыя свѣчи, а также изображеніе съ крылами на подобіе Св. Михаила Архистратига, и иныя изображенія съ подъятыми благословляющими руками».

Коренная Грузія отдѣлялась въ древности отъ Халдейскихъ племенъ, овладѣвшихъ южной стороной Кавказа по Курѵ, хребтомъ Массійскимъ, [1] часть котораго нынѣ называется хребтомъ Ахалцихскимъ, а другая Имеретинскимъ. Карталинія, населенная Грузинскимъ племенемъ, по беззащитному положенію съ юга, также была въ преобладаніи Парѳовъ-Гебровъ. Гурія, часть древней Грузіи, сосѣдила къ югу съ Туркоманіей, а къ востоку съ коренной Халдеей (нынѣ Ахалцихскій уѣздъ). Она была покорена Мугулами.

Плано-Карпини и Рюйсбрёкъ, проѣзжая чрезъ часть восточной Грузіи (Карталиніи), подъ Мугульскимъ именемъ Кара-Катая, неизбѣжно должны были встрѣчать Несторіянъ Грузинъ Гурійцевъ, которыхъ имя у Плано-Карпини выразилось чрезъ Гуиры (Huyur), а у Рюйсбрёка чрезъ Jugour. Но здѣсь, въ отношеніи этихъ Миссіонеровъ, должно принять во вниманіе и слово جبر Джебръ, Гебръ, измѣняющееся въ Gaur — Гяуръ, Gjaour, Джяуръ. [2] Оно

разма, страны, смежной съ Массагетами и Дагами, присылалъ къ Александру пословъ.

По Арріяну Фаразманъ, царь Хоразмовъ, пріѣхалъ къ Александру съ 500 всадниковъ, и объявивъ, что земля его сосѣдитъ съ Колхидой и Амазонами (Гуннами), предлагалъ ему свои услуги въ войнѣ противъ народовъ, жившихъ по морю Понтъ-Эвксинскому (Черному).

[1] *Μοσσαιοι*—Масса-Кгети.

[2] Voyage de Chardin. T. IX, p. 133.

звучало часто въ ушахъ ихъ, смѣшивалось съ Гуріей и Георгіей вообще, и породило особый небывалый народъ Югуровъ.

Принявъ за неопровергаемую истину считать Cathay или Хатай за Китай, критикамъ всѣхъ сказаній о Татарахъ приходилось сводить къ одному итогу и всѣ прочія названія мѣстъ и народовъ, и, основываясь на своихъ соображеніяхъ, безпощадно и безотчетно исправлять рукописи при изданіяхъ въ свѣтъ. Такъ о. Іакиѳъ къ Китайскому названію Хал-хи—Хой-хэ, придавъ Русское окончаніе, образовалъ Хой-Хоръ, что и сблизилось удобно съ мнимымъ Татарскимъ Узбецкимъ поколѣніемъ Уйгуръ, которое, въ свою очередь, у Абульгази есть не что иное, какъ одно изъ числа набора именъ разныхъ Кавказскихъ обществъ и Прикаспійскихъ аймаковъ.

По Плано-Карпини Гуиры жили на юго-западѣ отъ земель Мугульскихъ, а на западъ отъ этихъ послѣднихъ была страна Найманская (provincia Naymanorum). По Восточной исторіи Гайтона, жителей царства Tarse называли Jogour: «они идолопоклонники, говоритъ онъ, исключая десяти колѣнъ царей (Маговъ), которые по указанію звѣзды приходили на поклоненіе въ Виѳлеемъ.» По сказаніямъ же Армянъ, [1] Маги приходили на поклоненіе младенцу Христу отъ озера Вана.

Такимъ образомъ Jogour Гайтона есть Гяуръ, то есть, Гебры Парѳіи (Tarse, по Мандевилю Tharsis). [2]

«У нихъ (Jugoures) есть колокола, подобные нашимъ и довольно большіе.

Татары приняли ихъ письмена и буквы».

Здѣсь снова подъ именемъ Jugoures надо понимать Gjaour, Гебровъ и ихъ Халдейскія, Зендскія письмена, которыя, разумѣется, при принятіи Тюркскими племенами Халдейскаго вѣрованія, были введены и у нихъ. Это было условіемъ всѣхъ религій въ отношеніи народовъ прозелитовъ.

Абульгази упоминаетъ о Тюркскомъ поколѣніи Уйгуровъ-Мугуловъ и замѣчаетъ, что изъ ихъ племени, знающіе Тюркскій языкъ и умѣвшіе писать, находились у Чингиса писцами. Это

---

[1] Voyage de Chardin. T. IX, пр. 146.

[2] «Область Cathay граничитъ съ востока съ царствомъ Tharsis (Парѳія, Адербиджанъ), съ запада съ Туркестаномъ (Малой Азіи).»

свѣдѣніе относится и до Гебровъ (Гяуръ, Парси) вообще, которыхъ письмена употреблялись на Кавказѣ, и собственно до Грузинъ Гурійцевъ, [1] или Гуріянъ.

Кажется, основательно бы было къ превращенію Геродотовскихъ *Σκύθοι Γεωργοὶ* и Страбоновскихъ *Σαρμάται Γεωργοὶ*, въ Грузинъ, Гуріянъ, Гуировъ, Югуровъ, Уйгуровъ и пр., присоединить и древнюю Русскую форму названія — Угровъ (Венгровъ), переселившихся изъ Кавказскихъ въ Карпатскія горы, въ то самое время, когда Аравитяне (Магометане) овладѣли Арменіей, Грузіей и Албаніей. Убѣгая отъ Магометанства, которому подпали Яссы (Ouzes, Ghozz) Козары и Болгаре Приволжскіе, Угры принесли на новоселье свое вѣрованіе Гебровъ-Маговъ, что доказываетъ ихъ собственное наименованіе по вѣрованію Magyar, а также названіе верховнаго божества Isten, Парсійское يزدان, Изданъ, [2] Yezd, и огня, тюшъ, по Парсійски атешъ.

Принявъ Гоби (степь) за точку отправленія Монголовъ для покоренія, во первыхъ, самихъ себя, а потомъ всей Азіи, половины Европы и Египта, перенеся Кавказъ на Алтай, невозможно уже было не дать почетнаго мѣста и Уйгурамъ. Ихъ и помѣстили вдоль надписи «Pays des Dzoungar ou Thian-chan-Pe-lou», на протяженіи 2000 верстъ, начиная отъ «Голодной степи» и песковъ Джыты-Конуръ, чрезъ степи Киргизовъ большой орды, за хребетъ Ала-тау, до самой Халхи, а по о. Іакинѳу даже въ Халхѣ.

Въ отношеніи собственно Монгольскихъ (Мон-гу) письменъ и происхожденіи ихъ отъ Уйгурскихъ, отецъ Іакинѳъ принималъ трудъ доказывать, что Киданскій Государь Амбагяньемъ изобрѣлъ письмена еще въ 920 году, и что Кидань и Хой-хоръ, [3] то есть, Халха, все едино. Неизвѣстно, однако же, почему эти письмена ни къ чему не послужили, и Китайскій Императоръ Ши-цзунъ (1260 — 1294) выписалъ изъ страны Тибета [4] или, по названію самихъ жителей, Пода [5], Ламу Поксбу (Pagpa), чтобъ изобрѣсти для Монголовъ письмена

[1] Назв. Гурія только по формѣ произношенія отличается отъ Гургія, Георгія.

[2] По Угорски писецъ iró, ученый писецъ iró deák (писецъ дьякъ).

[3] «Хойхорцы и Киданьцы былъ одинъ и тотъ же Монгольскій народъ». Зап. о Монг. о. Іакинѳа, т. I, стр. 205.

[4] См. «Записки о Монголіи».

[5] По Кит. Thu-fan.

мена: онъ и изобрѣлъ. «Исторія присовокупляетъ къ сему, говоритъ о. Іакинѳъ, что число буквъ его простиралось до 1000». Доказывая, что Уйгуры, которыхъ письмо употреблялъ въ началѣ домъ Чингисовъ, были Тарбагтайскіе Монголы, и что нынѣ потомки ихъ Турпаны, онъ, между прочимъ, замѣчаетъ: «думать съ Европейскими учеными, что Уйгурское письмо изобрѣтено коренными Турпанцами, противно здравому разуму, потому что Турпаны составляютъ незначительное племя, около 3000 семей, которое и въ древности было немноголюднѣе.»

По о. Іоакинѳу письмена Поксбы — тѣ же письмена, которыя употребляются и по нынѣ: по новымъ же свѣдѣніямъ нынѣшнія буквы изобрѣтены при Ву-Цзунѣ или Кулунѣ (1308—1311) Ламой Чой-Цзы-Одзеромъ.

Всѣ эти разногласія, почерпаемыя изъ Китайскихъ источниковъ, видимо не касаются до Мугуловъ Гебровъ. До Христіянства, Армяне, подъ вліяніемъ вѣрованія Гебровъ, также употребляли ихъ азбуку, состоявшую изъ 29 буквъ, между которыми, однако же, не было гласныхъ. Въ 406 году по Р. Х. ученый Месропъ, по порученію Патріярха Исаака и Царя Шапуга, изобрѣлъ и прибавилъ къ 29 буквамъ Гебровъ 7 буквъ гласныхъ.

Въ то же время, по Моисею Хоренскому, Месропъ составилъ буквы для Грузинъ и для Албанъ, [1] исповѣдовавшихъ уже Христіянство.

Повторимъ, что почти всѣ народы, принимавшіе письменный законъ, вмѣстѣ съ тѣмъ, или принимали начертанія его, или измѣняли существовавшія уже свои собственныя, чтобъ существенно отдѣлиться отъ прежняго вѣрованія, котораго письмена могли напоминать его преданія и обряды.

Съ принятіемъ Исламизма, какъ Татары или Тюрки-Маги, такъ и Маги-Персы приняли Арабскія письмена; точно также Тюрки-Маги во время Халдейства, безъ малѣйшаго сомнѣнія употребляли письмена Гебрскія или Гяурскія, [2] что и поясняетъ слова Рюис-

[1] «Создалъ письмена языка Гаргараци, языка обильнаго горловыми звуками, безсвязнаго, варварскаго»». Моисей Хоренскій». Пер. Н. Эмина.

[2] По Индостански Гебровъ называютъ древнимъ ихъ именемъ Парси; въ Персіи — Guebran; по Араб. Gaur, по Турецки Giaour, по Евр. Haver. Chardin. «Guebr, mot Persien. Les Turcs ont formé de ce mot celui de Ghiaour, aussi bien que celui de Kafer (Haver): D'Herbelot.»

брёка: «Грамота, которую Мангу-Ханъ посылаетъ къ Вашему Высочеству, писана на Моальскомъ (Татарскомъ) языкѣ буквами Гяурскими (caracteres Jugures).»

О языкѣ древнихъ Гебровъ-Маговъ мы ничего не можемъ сказать. Анкетиль считаетъ кореннымъ ихъ языкомъ Зендскій, который, какъ онъ говоритъ, въ чистотѣ своей сохранялся въ Грузіи, въ Иранѣ, собственно такъ называемомъ, и въ Адербиджанской области. [1] Анкетиль по преимуществу находитъ существовавшее сходство Грузинскаго языка съ Зендскимъ.

Въ заключеніе о Jugoures повторимъ, что это названіе у Рюйсбрёка относится то къ Грузинамъ, то вообще къ Гяурамъ (Гебрамъ). Проѣзжая чрезъ Сомхетію и встрѣчая въ ней подвластныхъ Ханамъ Гуріійцевъ, сосѣдившихъ съ Сарацинами (Турками), неудивительно, что Рюйсбрёкъ упоминаетъ собственно о Грузіи (Curgie) только на пути уже въ Сирію чрезъ Дербендъ. Проѣзжая рѣку Куру, онъ узнаетъ, что Curgie лежитъ на западъ отъ Муганской степи, что ее населяли Corasmins, и что названіе свое получила она отъ рѣки Куры (Cur). [2]

Гл. XXVIII. «Югуры, продолжаетъ Рюйсбрёкъ, составляютъ, какъ уже я сказалъ, смѣшеніе Христіянъ и Сарацинъ. Эти народы, во всѣ времена жили въ городахъ и селеніяхъ, которые въ послѣдствіи были подвластны Чингисъ-Хану, выдавшему дочь свою за ихъ Царя.

Городъ Каракарумъ (Caracarum) не далеко отъ этой страны, окруженный землями, подвластными Пресвитеру Іоанну (Prêtre Jean) и брату его Вуту. Подданные Вута живутъ въ степяхъ и на пастбищахъ, а Югуры въ горахъ къ югу. Отъ нихъ Мугулы (Moal-Татары) научились письму; ибо они великіе писцы, и почти всѣ Несторіяне, заимствовали отъ нихъ и буквы свои и языкъ (et presque tous les Nestoriens ont pris leurs lettres et leur langue).»

---

[1] «Qui se conserve d'abord pure dans la Georgie, l'Iran proprement dit et l'Aderbedjan.»

[2] Ясно, что названіе Хоразмы, Коразмины, соотвѣтствуетъ древнѣйшему Коракситы, т. е., живущіе по Курѣ.

Этихъ словъ очень уже достаточно, чтобъ понять, что здѣсь названіе Jugures относится вообще къ Гебрамъ. Римляне и Греки подъ именемъ Несторіянъ понимали восточныхъ Христіянъ Арменіи, Грузіи и Албаніи. Ихъ же называли и Халдеями, въ отношеніи ихъ первобытнаго вѣрованія и несогласія съ догматами Западной Католической церкви.

Армяне первоначально употребляли знаки, представляющіе форму предмета: [1] это условіе гіероглифовъ. Потомъ собственно письмо гир, [2] извѣстное подъ названіемъ Даніиловскаго, пополненнаго и усовершенствованнаго Месропомъ, говоритъ Г. Эминъ. «Были и другія письмена въ Арменіи, и первоначально именно Парсисскія или Зендскія.» Мы же съ своей стороны осмѣливаемся думать, что письмена гир и есть собственно Гебрскія (Gaur).

Месропъ, возвратясь изъ Самосата (въ Месопотаміи), пишетъ Моисей Хоренскій, «учреждаетъ во всѣхъ областяхъ училища и начинаетъ учить всѣ страны Парсисскаго удѣла, кромѣ Греческой половины, гдѣ подчиненные Кесарійскому престолу обязаны были употреблять Греческія и Сирійскія [3] письмена.» Послѣ сего отправляется Месропъ въ землю Иверовъ, [4] и также устроиваетъ для нихъ письмена, а потомъ въ Ахоан'к, т. е., Албанію, и создаетъ для Албанцевъ письмена языка Гаргараци»

Инаго преданія о принятіи письменъ восточными Христіянами Рюйсбрёкъ и не могъ слышать.

Нѣтъ сомнѣнія, что степные Магалы, по Курѣ, и Муганская [5] степь, прилежащая къ горамъ Адербиджана, сосѣдніе съ Персіей и населенные Тюрскими племенами, сохраняли упорно вѣрованіе Маговъ, когда Христіянская религія водворилась въ граждан-

---

[1] Смотр. приложеніе «объ Армянскомъ алфавитѣ» къ переводу Моисея Хоренскаго, Н. О. Эмина.

[2] По Венг. iras — письмена.

[3] Замѣтимъ, что о Сирійскихъ письменахъ Несторіянъ Катая (Cathay) упоминаетъ и Рюйсбрёкъ (ch. XXVIII): «Les Nestoriens qui sont là, ont les livres Sacrez en langue Syriaque, mais ils n'y entendent chose quelconque.»

[4] По Арм. И-Виркъ; Верканъ — Ирканія, Греческ. форма названія древней восточной части Грузіи.

[5] По Перс. مُغان — Муганэ знач. принадлежащій Магамъ.

скомъ мірѣ Иверіи: но часто и этотъ гражданскій міръ, во время религіозныхъ преслѣдованій за разногласіе съ догматами первенствующей Церкви, уклонялся подъ кровъ Персіи, а народъ, по старой памяти, къ вѣрованію Гебровъ, или Иверовъ, не принимавшихъ Христіянства и населявшихъ степи Гирканіи (Hircania).

> «За ними (за Югурами), къ востоку, Тангуты (Tangouth), живущіе въ горахъ, люди великорослые, могучіе и храбрые; они черноволосы и смуглы. За Тангутами Тебеты (Tebeth), у которыхъ было въ обычаѣ пожирать отцовъ и матерей послѣ ихъ смерти.»

Эти свѣдѣнія Рюйсбрёкъ собиралъ въ бытность въ Cealac и, слѣдовательно, онѣ относились до мѣстностей, находившихся за Грузіей къ морю и къ сѣверу. Лишнее было бы объяснять, что названія измѣнены географами и издателями, по соображенію съ Марко-Поло и съ Абульгази.

Изложимъ въ кратцѣ сводъ свѣдѣній о Тангутѣ и Тибетѣ, потерявшихъ смыслъ для Географіи. Марко-Поло (L. 1, ch. 45) описываетъ, по нѣкоторымъ спискамъ Tagut, а по другимъ Tanguth. По его сказаніямъ страна Tagut или Tanguth населена Магометанами и частію Христіянами-Несторіянами, и въ то же время они идольники и сожигаютъ своихъ покойниковъ по Индѣйскому обычаю. По его словамъ этотъ Тагутъ находится за какой-то степью, населенной лѣшими, которые разными способами стараются сбивать съ пути купцовъ и путешественниковъ. При выѣздѣ изъ этой степи первый городъ Тагутскій Sachion.

Но въ 63 главѣ 1-й кн. у Марко-Поло является еще область Tangouth: «Въ области Egrigaia (Егриси?) множество городовъ и замковъ. Она зависитъ отъ большой области Tangouth, въ которой главный городъ Calacia; жители язычники, исключая нѣсколькихъ Христіянъ-Несторіянъ. Они подданные Хама.»

Въ слѣдующей 64 главѣ, отправляясь на востокъ, изъ Egrigaia, Марко-Поло называетъ уже, вмѣсто Tangouth, область Teuduch (или по друг. списк. Tendouch). Эта область принадлежала Пресвитеру Іоанну (Prêtre Jean), но подпала подъ власть Хама, и ею управлялъ племянникъ Пресвитера Іоанна, Георгій. Тутъ же въ области Tenduch два округа Гогъ и Магогъ, называемые жителями Gug et Magug (Джюджь и Маджюджь).

Что касается до области Tebeth, [1] то, по Марко-Поло, она тянется на 20 дней ѣзды; но такъ какъ Великій Хамъ осаждалъ и разорилъ въ ней множество городовъ и замковъ, то она не представляетъ уже ничего болѣе, какъ пространную пустыню.

Плано-Карпини не знаетъ Тангута, но, вмѣсто Tebeth, у него Buruthabeth. Для рѣшенія этого приведемъ новѣйшія свѣдѣнія. «Гористыя земли въ вершинахъ Инда, Ганга и Брампутера Китайцы называютъ Thu-fan, что можно читать также Thu-po или Thu-bo, или даже Tobbot. Сами же жители называютъ свою землю Подъ или Пудъ, а Моголы Tanggut (?).» [2] Слѣдовательно, Тибетъ и Тангутъ—одно и то же. Г. Языковъ, въ переводѣ Плано-Карпини, поясняетъ Бурутабетъ слѣдующимъ образомъ: «Бурутабетъ, земля Тибетъ, которую природные жители называютъ Пуе или Пуекоачимъ, Китайцы Туфанъ, Монголы Тангутъ, лежитъ въ средней Азіи. Но по сію пору извѣстны намъ только нѣкоторыя пограничныя мѣста оной, а во внутренности еще ни одинъ изъ новѣйшихъ путешественниковъ не былъ.» А изъ древнихъ, слѣдуетъ прибавить, только Марко-Поло, который, можно сказать, былъ вездѣ и нигдѣ.

Такимъ образомъ Рюйсбрёкъ обличенъ, что изъ одной невѣдомой страны сдѣлалъ двѣ неизвѣстныхъ.

Упомянутый имъ обычай у Тебетовъ или Бурутабетовъ, пожирать умершихъ своихъ отцовъ и матерей, сходенъ съ сказаніемъ Геродота. Описывая Киммерійскихъ Скиѳовъ, Геродотъ пишетъ: «Исседоны, какъ говорятъ, имѣютъ свои обычаи: когда умретъ у кого отецъ, то всѣ сродники приводятъ къ дому его домашній скотъ: потомъ, заколовъ оный и изрубивъ въ куски, изрубаютъ и тѣло умершаго, мѣшаютъ все вмѣстѣ и приносятъ на столъ. Черепъ же, оголивъ и очистивъ, вызолачиваютъ и употребляютъ, какъ вещь священную, при совершеніи годовыхъ жертвоприношеній.

---

[1] Но въ Марко-Поло она гдѣ-то далеко отъ Тангута, по крайней мѣрѣ, судя по разстоянію 45 главы 1-й книги отъ 35 главы 2-й книги путешествія; находится же въ сосѣдствѣ съ областью Sindinfu на рѣкѣ Quianfu, а по другому чтенію Quiansu. Вообще въ путешествіи Марко-Поло всѣ обычныя окончанія еу, въ значеніи рѣка, обращены въ фу, что даетъ вполнѣ Китайскій тонъ названіямъ.

[2] Xilander.

Всѣ эти страны, повторяетъ Рюйсбрёкъ, находятся въ горахъ Кавказскихъ.»

Этого опредѣлительнаго указанія достаточно, чтобъ не искать Jugoures, какія нибудь Магалы съ искаженными названіями Thabeth, Tanguth и самый Cathay (Каг'ти, Кавказскую Халдею) въ нѣдрахъ Китайской имперіи.

Гл. XXIX. «Мы выѣхали изъ Cailac въ день св. Андрея, 30 Ноября. Проѣхавъ три льё, прибыли въ замокъ (chateau) или селеніе Несторіянъ. Мы вошли въ ихъ церковь и возгласили радостно Salve, Regina (канонъ Божіей Матери), по той причинѣ, что давно не видѣли храма »

Прибавимъ къ этому слова Гаитона: «Тѣ, которые живутъ въ Халдеѣ, называются Несторіянами, потому что слѣдуютъ заблужденіямъ Несторіянъ.»

«Чрезъ три дня пріѣхали мы на границы области, гдѣ начинается то большое море или озеро, которое намъ показалось бурнымъ, какъ великій океанъ; посрединѣ онаго мы видѣли большой островъ. Мой товарищъ подошелъ къ берегу, чтобъ испробовать воду. Она не много солона, а все таки годна для питья.

Съ противоположной стороны озера тянулась широкая долина между горами на юго-востокъ, а посреди горъ другое большое озеро. Между этими озерами также рѣка. При выѣздѣ изъ этой долины, къ сѣверу, открываются горы, покрытыя снѣгомъ. Проѣзжая ихъ, мы претерпѣли много муки. На дорогѣ мы не встрѣчали никого, кромѣ людей, называемыхъ Яни (Jani), [1] которые принимаютъ и провожаютъ пословъ. 7 Декабря, около вечера, мы проѣзжали между ужасными скалами.»

---

[1] Марко-Поло въ гл. XXIII о гонцахъ и посланцахъ Хана, а также о ямахъ или почтовыхъ станціяхъ на пути, пишетъ, что «ces demeures s'appellent Janli (a по друг. спискамъ Janib), comme qui diroit logis des chevaux». На каждомъ яму содержится отъ 300 до 400 лошадей.

О почтовыхъ станціяхъ упоминаетъ уже Геродотъ. По Ксенофонту Киръ, Шахъ Персіи (за 500 л. до Р. Х.), устроилъ на дорогахъ для станцій роскошные и обширные домы. Упоминаемые Марко-Поло и Рюйсбрёкомъ jani есть ханы или караван-сараи Персіи.

Мы уже замѣтили, что Рюисбрёкъ, проѣзжая кучу озеръ, на пространнѣйшей равнинѣ верховьевъ р. Куры и Аракса (ибо Арпа-чай и Карсъ-чай съ безчисленными истоками должно также считать верховьями древняго Гихуна), принялъ безъ сомнѣнія Чалдырское озеро за главу прочихъ озеръ, къ которымъ прикасался путь его.

Гл. XXX. «Потомъ мы вступили въ равнину, на которой находился Дворъ Кенъ-Хана (Куипе-Хана); ибо онъ постоянно жилъ въ странѣ Наймановъ, подданныхъ Пресвитера Іоанна (les sujets du Prêtre Jean).»

ПРІѢЗДЪ ВЪ СТОЛИЦУ МАНГУ-ХАНА.

Гл. XXXI. «Мы продолжали путь въ горы, къ сѣверу (?), и наконецъ, въ день св. Стефана (26 Декабря), открылась передъ нами обширнѣйшая равнина. Она издали казалась моремъ; ибо не было видно ни одной горы, ни холма. На другой день былъ уже въ виду и Дворъ Великаго Хама. Вмѣсто четырехъ дней ѣзды, путь нашъ хотѣли протянуть на 15 дней, подъ предлогомъ провезти чрезъ Онамъ-Керуль, гдѣ былъ нѣкогда Дворъ Чингисъ-Хана, но мы съ трудомъ успѣли уговорить, чтобъ насъ везли прямой дорогой.

Наконецъ мы прибыли къ этому Двору (Мангу-Хана). Нашему проводнику отвели огромный домъ, а намъ, тремъ, небольшую комнатку, гдѣ мы съ трудомъ могли размѣстить нашу поклажу и постели. Къ проводнику нашему многіе приходили съ поклономъ и приносили въ длинныхъ бутыляхъ напитокъ, сдѣланный изъ риса. И этотъ напитокъ былъ таковъ, что я не могъ отличить его отъ лучшаго Оксерскаго вина (vin d'Auxerre). Разница была только въ цвѣтѣ.

На слѣдующій день мы отправились съ провожатымъ ко Двору. Здѣсь встрѣтилъ насъ un garçon Hongrois [1] (вѣроятно, доклад-

---

[1] Здѣсь въ манускриптахъ, съ которыхъ переводилъ Бержеронъ, слово Hungar(us) употреблено, вѣроятно, самимъ Рюисбрёкомъ, по созвучію вмѣсто Джукдаръ, пажъ, придворный юноша (въ Готскомъ Ungare, Junker). Ире (Gloss. Suiogoth), изыскивая происхожденіе слова Ungare, Junkare (Ung, junge, juvenis) въ смыслѣ domicellus, juvenis illustrioris loci (у древ. Русс. дѣтескъ, отрокъ, въ Серб.

чикъ). Къ намъ вышелъ главный письмоводитель изъ Христіянъ-Несторіянцевъ, котораго совѣты имѣли большой вѣсъ при Дворѣ. Онъ посмотрѣлъ на насъ, сдѣлалъ нѣсколько вопросовъ Венгерцу (?) и сказалъ, что мы можемъ отправляться на свою квартиру.

Гл. XXXII Возвращаясь изъ Дворца, мы замѣтили на одномъ домѣ небольшой крестъ. Я возрадовался, увѣренный, что найду здѣсь что нибудь Христіянское; вошелъ внутрь и увидѣлъ алтарь довольно хорошо устроенный, и на завѣсѣ золотой ткани шитыя изображенія Спасителя, Богоматери, св. Іоанна Крестителя и двухъ Ангеловъ. И все это было изукрашено жемчугомъ. Тутъ былъ также серебряный крестъ, съ драгоцѣнными камнями въ срединѣ и на оконечностяхъ, многія другія утвари и канделабръ съ пятью возженными лампадами. Тутъ, devant l'autel [1], сидѣлъ Армянскій монахъ, смуглый и тощій, въ черной рясѣ и сверхъ оной въ мантіи, подбитой мѣхомъ, чернымъ и бѣлымъ, и опоясанный поясомъ, сдѣланнымъ изъ желѣза (вѣроятно, обычный изъ бляхъ сереб съ чернью)» и т. д.

Кажется, по всему видно, что Рюйсбрёкъ прибылъ ко Двору Мангу-Хана, въ какой-то городъ, а не на кочевье; но почему же миссіонеръ не называетъ этого города по имени? Потому что въ путешествіи наобумъ, и особенно въ кочевую Китайскую Монголію, столица Хана также должна была кочевать. По Плано-Карпини, это было очень легко: у Монголовъ XIII столѣтія дома были на колесахъ, а въ волахъ не было недостатка.

Если Ханы ѣздили зимой на облавы, на ловлю, на охоту, въ лѣсистыя горы, какъ и Русскіе Князья, [2] то это значило, что они

юнакъ), приводитъ изъ Страленберга (Desc. Russ. Bor., p. 65), что у Татаръ (Крымскихъ) Chuncker, значитъ породу Княжескую, но происходящую не отъ Чингисъ-Хана.

Въ древности юноши заложники, дѣти подвластныхъ князей, назывались внуками, племянниками. Они и были собственно пажами при дворахъ.

[1] Безъ сомнѣнія, это была часовня.

[2] «Въ началѣ ноября Россійскіе Князья выѣзжали со своей дружиной изъ Кіева въ другіе города, которые у нихъ гирами (горами) называются», и пр. Штриттеръ о Славянахъ.

кочевали, въ Монгольскомъ смыслѣ, и миссіонеру, ничего не понимавшему, что вокругъ него дѣлается, слѣдовало писать столь же непонятно:

«Съ тѣхъ поръ, какъ мы прибыли ко Двору Мангу-Хана, онъ отправлялся только два раза въ южныя окрестности, а потомъ онъ началъ возвращаться къ сѣверу, т. е., къ Каракаруму.»

Каракарумъ [1] и есть искомая столица Кагановъ.

По проложенному нами пути, мы прибыли въ Гумри. Открытая на далекое разстояніе мѣстность соотвѣтствуетъ описанію Рюйсбрёка.

По Плано-Карпини здѣсь должна быть уже страна Монголовъ. Дѣйствительно, здѣсь начинаются Магáлы, и нѣтъ сомнѣнія, что раздѣленіе Кахетіи, Сомхетіи, Армянской области, Кубы, Баку, Ширвана, Карабаха и Мугани, на Магáлы, можетъ опредѣлять весь объемъ главнаго населенія Гебровъ-Маговъ, Муг-ли или Мугулъ.

По Рюйсбрёку, страну du Prêtre Jean, или Grand Prêtre Nestorien, населяли Найманы.

И вотъ что пишетъ о Найманахъ Баконъ, собиравшій географическія свѣдѣнія о востокѣ:

«Народъ Кара-Китая, по смерти Хана-Коира (Coir) избралъ, въ цари нѣкоего пастыря Несторія, который былъ очень могущественъ, и съ этого времени народъ называется Найманами (Naiman), которые хотя и Христіяне, но очень мало просвѣщены. Однако же они называютъ сами себя подвластными Церкви Римской. Пастырь Несторій содѣлался царемъ и былъ прозванъ Prêtre et Roi Jean.»

Нужно ли пояснять, что подъ родовымъ и существеннымъ именемъ обширнаго Армянскаго народа, Гайканы, миссіонеры и географы, исправители текстовъ и издатели, незнакомые съ этимъ именемъ, искали подъ нимъ другаго народа, и нашли его въ поколѣніи Монголовъ Наймановъ. Если только эти Найманы (نايمان)

---

[1] По Рюйсбрёку Caracarum, по Абульгази Carakum, гдѣ Угедай-Ханъ построилъ великолѣпный дворецъ, по Плано-Карпини Cracurim. По Марко-Поло, столица Cambalu, а долина, куда Кублай выѣзжалъ становать, Caciamordin.

не есть такая же форма произношенія, какъ по Галлингу نريمان Нариманъ, вмѣсто ارمان, Арманъ или ايرمان, Ирманъ, въ названіи Арамеянъ.

Прибывъ въ Шурагѐльскія равнины, у подножія Алагёзъ, мы дѣйствительно находимся въ странѣ древняго и новаго мѣстопребыванія Патріярховъ Несторіянскихъ; но это страна не Naymans, не terra Naymanorum, но terra Haycanorum.

Мы знаемъ, что Армяне, до принятія Христіянства, слѣдовали ученію Гебровъ-Маговъ и поклонялись богу огня—Мих'ръ, то есть, Миѳрѣ (Mihr, Meher). Съ незапамятныхъ временъ городъ Ани, на Арпачаѣ, въ 40 верстахъ отъ Гумри къ югу, [1] былъ столицей царей Арменіи. Въ Христіянскія времена Ани былъ и мѣстопребываніемъ Патріярха. [1]

Въ древности Ани славился своими капищами (по Арм. Мехіа́нъ, храмъ Миѳры). Парѳяининъ Арташезъ, первый царь Арменіи, вывезъ изъ Лидіи вылитые изъ мѣди и золоченые кумиры, и народъ стекался въ Ани на поклоненіе.

Можно ли сомнѣваться, чтобъ Кагены Маговъ, преобладая снова Арменіей, не водворили главное мѣстопребываніе свое на тѣхъ же, по Халдейскимъ преданіямъ, священныхъ мѣстахъ, при горахъ Korkoura, [2] откуда развилось нѣкогда ихъ могущество на всю Азію, гдѣ была великолѣпная столица ихъ царей-первосвященниковъ (Cohene), поражающая путешественниковъ, даже въ развалинахъ своихъ, слѣдами бывшаго величія. «Дворецъ царей Арменіи, говоритъ Керъ-Портеръ, по пространству своему, можетъ быть принятъ за цѣлый городъ. Наружныя и внутреннія украшенія, чудная скульптура, мозаическія изображенія въ безчисленныхъ залахъ, выше всякаго описанія. Слѣды всѣхъ прочихъ строеній города изумительны по прочности и искуству работы.»

---

[1] Въ вершинѣ равнины, простирающейся отъ Арпачая, по Араксу, до самаго подножія Арарата.

[2] Близъ развалинъ Ани развалины монастырей Кармир-кендъ и Кармир-Килиси. Можетъ быть, здѣсь и былъ Кармиръ-ванкъ, гдѣ жилъ Патріярхъ Григорій II. Григорій III основалъ свою обитель въ Громглаѣ. Въ сѣверо-западныхъ крутизнахъ горы Алагёзъ, на р. Каранга, г. Хорумъ, а подлѣ, въ горѣ, развалины замка Хорумъ.

Изъ молвы о великолѣпіи дворца Кеановъ, Когеновъ (Cohene) или царей-первосвященниковъ, образовалось общее народное преданіе. «Угедай жилъ въ странѣ Каракумъ, пишетъ Абульгази, гдѣ онъ построилъ великолѣпныя палаты для своего пребыванія, и вызвалъ искуснѣйшихъ живописцевъ Хатая, для украшеній Дворца. Тутъ устроилъ онъ водометъ въ видѣ тигра изъ литаго серебра, которой бросалъ воду ртомъ. Устроилъ звѣринецъ и повелѣлъ, чтобъ всѣ вельможи строили себѣ богатыя зданія вокругъ его Дворца.»

Гл. XLI. «Надо знать, что въ Каракарумѣ, пишетъ Рюйсбрёкъ, есть обширное пространство земли, близъ самыхъ стѣнъ города, обнесенное каменной оградой, подобно нашимъ монастырямъ. Здѣсь огромный Дворецъ Мангу, гдѣ онъ даетъ пиршества два раза въ годъ: во время Пасхи, когда онъ находится тутъ проѣздомъ, а другое лѣтомъ, по возвращеніи. И въ это время бываетъ великое торжество, на которое собираются всѣ окрестные вельможи, и Ханъ раздаетъ имъ дары одеждами и вещами, являясь во всемъ своемъ блескѣ славы и великолѣпія. Близъ Дворца находятся многія другія обширныя зданія—житницы, кормовые дворы и казна. Такъ какъ неудобно и неприлично носить во Дворецъ сосуды съ молокомъ и разными питьями, то, упоминаемый Гильомъ, [1] сдѣлалъ огромное серебряное дерево, въ подножіи котораго четыре льва, также серебряные, съ чашами (muids ou canaux); [2] на каждой чашѣ по золоченому дельфину, [3] обвивающему хвостомъ дерево. Посредствомъ проводныхъ трубокъ, они изливали: одинъ вино, другой кара-кумысъ (аракъ-кумысъ), [4] третій медъ

---

[1] Въ Столицѣ Хана Рюйсбрёкъ встрѣтилъ молодаго Русскаго зодчаго, который былъ превосходный знатокъ строительнаго искуства, столь уважаемаго и требуемаго Татарами, а въ Каракарумѣ — золотыхъ дѣлъ мастера, Парижанина Гильома Буше.

Плано-Карпини упоминаетъ также о состоявшемъ при дворѣ Хана въ Каракорумѣ, Русскомъ золотыхъ дѣлъ мастерѣ, Козьмѣ, который въ бытность его дѣлалъ, къ посаду Хана Куине, престолъ, дивно вырѣзанный изъ слоновой кости и украшенный золотомъ и драгоцѣнными камнями. А также онъ рѣзалъ для Хана печать.

[2] Muid вообще сосудъ, и мѣра напитковъ, отъ Лат. modium.

[3] У Рюйсбрёка serpens dorée.

[4] У Кавказскихъ народовъ кумысъ значитъ вообще все квашеное, бродящее, квасъ; аракъ по Волошски ракю (водка), по Русски рака, все пере-

(Ball بال, бадь), четвертый Teracine, питье, дѣлаемое изъ Сарацынскаго пшена. На вершинѣ дерева стоялъ Ангелъ съ трубой. Посредствомъ приведенныхъ въ движеніе мѣховъ, онъ трубилъ, по приказу Кравчаго (maitre sommelier), и по этому знаку чашники черпали и разносили питье.

Вѣтви дерева, листья и плоды также были изъ серебра.

Дворецъ имѣетъ подобіе храма, съ алтаремъ посрединѣ (nef), колоннадами по сторонамъ и тремя обширными входами на югъ. Противъ средняго входа находилось упомянутое огромное дерево. Ханъ сидѣлъ съ сѣверной стороны, на возвышеніи съ ступенями. Съ правой стороны, близъ колонны, были возвышенныя мѣста какъ въ театрѣ, для сына и для брата Хана, а съ лѣвой для женъ и дочерей. [1]

Мы вошли во Дворецъ, полный украшеній и порядка. Лѣтомъ, для орошенія и для прохлады, учреждены въ немъ водопроводы. Тутъ было много мужчинъ и женщинъ, и мы представились Хану. Позади насъ было упомянутое дерево, которое съ своими украшеніями и сосудами занимало значительную часть залы.»

Теперь сообщимъ еще нѣсколько выписокъ о Пресвитерѣ или Попѣ Иванѣ (Prêtre Jean):

Гл. XIX. «Этотъ Катай (Кара-Катай) находится въ нѣкоторыхъ горахъ, чрезъ которыя я ѣхалъ. [2] Тамъ есть обширная страна, гдѣ нѣкогда былъ великій Несторіянскій первосвященникъ (Grand-Prêtre Nestorien), владыка (Seigneur) народа, называемаго Найманами (Naymans), которые всѣ Христіяне Несторіянскаго толку. Когда Кенъ-Ханъ (Куине) умеръ, этотъ Пресвитеръ Іоаннъ возсталъ и содѣлался царемъ. Всѣ Несторіяне называли его Царь-Пресвитеръ Іоаннъ — «Roi Prêtre Jean.»

гонное послѣ затора, квашенья и переброженья. Аракъ есть то же слово съ членомъ: аль-раки, ар-раки.

[1] Зала Эриванскаго Дворца, называемая зеркальной, кажется, можетъ служить образцомъ описываемой архитектуры, если обыкновенный мраморный фонтанъ замѣнить въ ней серебрянымъ, въ видѣ дерева.

[2] Въ слѣдующихъ главахъ, какъ мы видѣли, Рюисбрёкъ называетъ эти горы Кавказомъ, со словъ жителей.

Викентій Бовезскій, [1] въ своёмъ сборникѣ мірскихъ и церковныхъ писателей, говоритъ, что

«Въ 1203 году Татары, народъ сопредѣльный Индіи, убивъ своего Государя, вышли на разореніе народовъ. Живя до этого времени въ Татаріи, они сдѣлали заговоръ противъ сына Царя Давида, своего Государя, то есть, Пресвитера Іоанна, бывшаго нѣкогда Государемъ и Императоромъ Индіи, и умертвили его злодѣйскимъ образомъ. Ибо Татарія искони подвластна была царямъ Индѣйскимъ и платила дань мирно и покойно; но когда означенный царь потребовалъ, сверхъ обыкновенной дани, припасовъ и вьючнаго скота, то подстрекаемые однимъ изъ своихъ, по имени Чингисъ-Ханомъ, они возстали».... и т. д.

Здѣсь есть своя доля истины, если только мы будемъ читать вмѣсто India — Iudea. И это чтеніе слѣдуетъ принять къ соображенію во многихъ древнихъ историческихъ сказаніяхъ объ Азіи. [2] Мидійскіе Евреи, Халдейскаго толку, назывались также Джуджь, т. е., Іудеи, но съ прозвищемъ Маги. Церковные Римскіе историки первыхъ вѣковъ имѣли право ихъ не смѣшивать собственно съ Іудеями, но въ то же время, считая язычниками, находили болѣе приличнымъ называть ихъ Индѣйцами. Выходъ Израильтянъ изъ Египта, переселеніе кочевыхъ племенъ изъ Ѳіопіи, плаваніе Александра Великаго по Инду вмѣсто Нила; перенесеніе его историками Кавказа на Гинду-кушъ, Хабешъ (Абхазія) и Хабешъ (Абиссинія), обрѣзанцы въ Египтѣ, обрѣзанцы въ Сиріи и въ Колхидѣ, [3] — все это, кромѣ другихъ причинъ, могло способствовать называть Ѳіоповъ Индами, [4] и полагать, что Нилъ, истекая изъ горъ Индѣй-

---

[1] Собр. путет. къ Татарамъ, Д. Языкова. Плано-Карпини, стр. 123.

[2] Названіе Іудеевъ принадлежитъ только двумъ колѣнамъ Израильскимъ. Не смотря на это прочія 10 колѣнъ Евреевъ выселенные изъ Палестины въ Мидію, обычно прозывались на востокѣ также Іудеями, по различному произношенію: (см. Gesch. d. Skythen, Halling) Джюджъ, Джуди, Джаоъ, Jits, Zeht, Getes, Chaty. Европейскія формы названія сообразны были этимъ.

[3] См. Геродота.

[4] По Виргилію, кромѣ того, Нилъ, истекая изъ горъ Индіи, протекаетъ въ сосѣдствѣ Персіи.

скихъ, впадаетъ въ Египетское море, [1] или что онъ есть не что иное, какъ рукавъ Евфрата [2] и пр. и пр.

Для удобства пониманія походовъ Александра къ вершинамъ Инда; найденъ же тамъ другой Танаисъ, или Донъ, со всѣми своими Скиѳами; и считается же по сіе время рѣка Гихунъ, истекавшая изъ рая, не за Араксъ, а за таинственный Oxus древнихъ, принимаемый въ свою очередь за Аму-дерья.

Европейскій титулъ Cohene—Когенъ, Каганъ, Каанъ, Кеанъ, Qaen, Ханъ, царь-первосвященникъ, какъ у Іорнанда Rex et pontifex Gothorum или Getarum. Это значеніе Европейцы выразили названіемъ le Roi-Prêtre Jean, относя его къ первосвященникамъ Несторіянскимъ. [3]

Разборъ путешествія Рюйсбрёка въ Татарію и Катай въ географическомъ отношеніи слѣдуетъ заключить краткимъ его упоминаніемъ о возвратномъ пути. Возвратный путь, изъ таинственныхъ нѣдръ Монголіи, изъ Каракарума, столицы Мангу-Хана, до Батыя на Волгѣ; около семи тысячъ верстъ, тучный миссіонеръ, какъ онъ выражается самъ о себѣ, совершилъ въ 65 дней, верхомъ, съ вьюками.

Вычислимъ, сколько верстъ Рюйсбрёкъ могъ сдѣлать въ 65 дней съ вьючными лошадьми: Караваны изъ Бухары въ Оренбургъ, около 1600 верстъ, [4] приходятъ ровно черезъ два мѣсяца, въ самое удобное осеннее время. Вообще съ вьюками самый большой переходъ въ сутки 40 верстъ, но съ непремѣннымъ условіемъ, чрезъ два, или три, дни пути, день роздыха. Круглымъ счетомъ, полагая на день 30 верстъ перехода, безъ остановокъ, въ 65 дней Рюйсбрёкъ могъ проѣхать только 1950 верстъ. Это разстояніе и соотвѣтствуетъ пути отъ Батыя до мѣстопребыванія Кагановъ въ Армянской Халдеѣ (Каг'ти-к, Катаи-к).

---

[1] Trogus Pompejus.

[2] Procopius.

[3] Названіе Ханъ, Каханъ, соединенное съ значеніемъ этого сана, царь, первосвященникъ, по сходству съ собственнымъ именемъ Hano, Jehan, Gehan, могло породить названіе Prêtre Jean.

[4] Бухара отъ Оренбурга, прямою дорогою, около 1500 верстъ; но путь каравановъ увеличивается отъ 500 до 1000 верстъ, потому что они должны, для отысканія кормовыхъ мѣстъ и питья, итти стороною. Опис. обит. Россійскихъ народовъ, изд. профес. Георги, со свѣдѣній Миллера, Гмелина, Рычкова и пр. 1799 г.

Обратимъ вниманіе на второй пріѣздъ Рюйсбрёка ко двору Батыя (гл. 49) 14-го Сентября, и на вторичное описаніе поѣзда съ Батыемъ и съ дворомъ его внизъ по Волгѣ, въ продолженіи цѣлаго мѣсяца, въ Сентябрѣ и Октябрѣ, не смотря на предувѣдомленіе (гл. 21), что Батый возвращается къ югу въ Августѣ мѣсяцѣ.

«Мы слѣдовали за Батыемъ и дворомъ его въ продолженіи мѣсяца; наконецъ дали намъ проводника, Югура, чтобъ ѣхать прямо въ Арменію. За 15 дней до праздника Всѣхъ Святыхъ, мы направили путь къ Сараю (Saray), слѣдуя на югъ и спускаясь вдоль рѣки Этиль... Мы переправились чрезъ эту рѣку въ семи мѣстахъ, на судахъ. На среднемъ рукавѣ находится городъ Сумеркендъ (Sumerkent). Татары осаждали его въ продолженіи осьми лѣтъ, и наконецъ взяли. Онъ былъ населенъ Аланами и Сарацинами.»

Вотъ настоящее направленіе пути Рюйсбрёка отъ Батыя къ Мангу-Хану, за Кавказъ, въ Арменію. Прокладка же неопредѣленнаго и ни съ чѣмъ несообразнаго пути въ Китайскую Монголію, составляетъ уже явный трудъ географовъ и историковъ, которые способствовали Рюйсбрёку свести его изустныя сказанія съ современными темными географическими свѣдѣніями объ Азіи и составить «Voyage remarquable en diférentes parties de l'Orient principalement en Tartarie et à la Chine», considerablement augmenté par S-r Bergeron.

РОДИНА ТАТАРЪ-МАГОВЪ И МИДІЙСКІЕ КЕАНЫ ИЛИ КАГАНЫ.

Гайтонъ, Армянскій историкъ, пишетъ, что свѣдѣнія свои о Татарахъ онъ почерпалъ, до времени Мангу-Хана, изъ Татарскихъ исторій, а со времени Мангу-Хана до Гулагу (Haolon) изъ разсказовъ современника событій XIII вѣка, своего дяди. Излагаемъ эти свѣдѣнія въ сокращеніи:

Гл. XVI «Страна, гдѣ первоначально жили Татары, находится за горами Белджанскими (Belgian), [1] о которыхъ упоминается въ исторіи Александра Великаго.

Нѣкогда было много племенъ Татарскихъ, которые носили общее названіе Moglos.

---

[1] Адер-Бейджанъ?

Они жили подъ зависимостью своихъ сосѣдей. Но одному бѣдному старцу, кузнецу, явился во снѣ бѣлый (свѣтлый) воинъ на бѣломъ (свѣтломъ) конѣ, и сказалъ: «Дженгисъ (Changius)! Волею безсмертнаго Бога, да будешь ты воеводой Татаръ, и да властвуешь надъ семью колѣнами Могуловъ (Moglorsi), и да избавишь ихъ отъ ига сосѣдей, и тѣ, которымъ они платили дань, да платятъ имъ!....

И такимъ образомъ Дженгисъ содѣлался Ханомъ странъ вокругъ горы Бельджанской.

Послѣ этого Дженгисъ-Хану явился снова воинъ въ свѣтлой одеждѣ на свѣтломъ конѣ, и повелѣлъ ему итти съ народомъ своимъ, съ женами и съ дѣтьми, и завладѣть странами иныхъ царствъ. Дженгисъ исполнилъ волю его; но къ горѣ Бельджанской прилегало море и заграждало путь. Тогда онъ, по повелѣнію свѣтлаго воина, совершилъ девять колѣнопреклоненій предъ Безсмертнымъ Богомъ, и море отступило на девять шаговъ и дало проходъ Дженгису съ народомъ.»

Здѣсь, какъ мы упоминали уже, явно въ основѣ преданіе Израильское о переходѣ чрезъ Черное море, явленія Миѳры, и миѳъ Джемшида, которому Ормуздъ повелѣлъ нести законъ людямъ и слѣдоватъ въ благодатную страну Эрьене-веджь.

Гл. XVIII. «Угедай-Ханъ (Hoccota, Октай) наслѣдовалъ Дженгису. Онъ былъ мужественъ и разуменъ. Татары любили его и были ему покорны; съ ними онъ могъ покорить всю Азію. Но сначала онъ хотѣлъ извѣдать силы преобладателя Судана (Султана) этой страны, и отправилъ, подъ предводительствомъ храбраго воеводы, 10,000 всадниковъ противъ Турокъ; но Турки разбили Татаръ. Тогда Угедай-Ханъ избралъ воеводу мужественнаго и благоразумнаго, по имени Байдо (Батыя), далъ ему 30,000 воиновъ, и велѣлъ слѣдовать по тому же пути противъ Султана, который считался могущественнѣйшимъ изъ царей Азіи.

Въ три дни Батый прибылъ съ 30,000 Татаръ въ Турцію и узналъ, что Султанъ, который разбилъ первый 10,000 отрядъ, уже умеръ, и что ему наслѣдовалъ сынъ его, Гюатеддинъ. Когда новый Султанъ узналъ о приближеніи Татаръ, то собралъ войско, какое могъ, и нанялъ невѣрныхъ. Въ числѣ

прочихъ были у него 2000 Латинъ, подъ предводительствомъ Яна Лимината, уроженца острова Кипра, и Бонифація де Кастро, уроженца Генуезскаго. Кромѣ того онъ обратился за помощью къ сосѣднимъ Государствамъ и, составивъ такимъ образомъ многочисленное войско, выступилъ на Татаръ. Татары приняли сраженіе, разбили Турокъ при Конседракѣ (Consedrack) и овладѣли Турціей въ 1244 году.»

Въ этомъ событіи и заключается существенное начало исторіи Таджиковъ-Маговъ Мидіи, называемыхъ Татарами. Все, что не признавало Исламизма, бѣжало отъ огня, меча, насилія и грабежа фанатическихъ Магометанъ на границы единовѣрныхъ Персовъ-Маговъ. Степи Мидіи и Ассиріи ограждали Персію. Магометанизмъ двигался къ сѣверу. Религіозныя и династическія междоусобія ослабили въ Азіи могущество Греціи: Магометанизмъ проникъ въ нѣдра роскошной природы, въ богатыя населенія Малой Азіи, и водворился въ ней. Здѣсь образовался первый Туркестанъ, Туркменія, или Турція. Древняя Иконія обратилась въ столицу Султановъ, подъ названіемъ Коніе-х. Отсюда пріобрѣтены мечемъ и страхомъ новые прозелиты и данники до вершинъ и за вершины Кавказа.

Въ началѣ XII столѣтія Грузинскій царь, Давидъ, прозванный возстановителемъ, свергнулъ иго Турокъ. Арменія также искала помощи въ побѣдахъ его и соединила съ нимъ свои силы. Давидъ освободилъ нее. Димитрій, сынъ Давида, и потомъ Георгій III, сынъ Давида III, продолжали успѣшно борьбу съ Турками; но Арменія была уже въ полной зависимости отъ Грузіи. Сатунъ, правитель Арменіи, жившій въ столицѣ ея, городѣ Ани, замыслилъ освободить отечество свое отъ подданства.

Въ это время, въ Адербиджанѣ, [1] древней столицѣ Мидіи, родинѣ Зердуста, гдѣ былъ главный разсадникъ Гебровъ-Маговъ, владѣтелемъ былъ Ата-бегъ Иль-Дегизъ.

---

[1] Должно замѣтить, что собственно Грузію составляли: Карталинія, Гурія, Имеретія и Мингрелія. Абхазія и Аланія (между Кавказомъ и Кубанью), по единовѣрію и, вѣроятно, по родству владѣтельныхъ родовъ, относились также къ Грузіи. Нынѣшняя же Кахетія (по преимуществу степи между Алазанью и Курой), Сомхетія и Карабахская область относились къ Магаламъ Гебровъ или Иверовъ. При Тамарѣ, съ помощію Руссовъ, Грузія овладѣла этими странами по Араксъ.

Сатунъ обратился къ нему за помощью. Мидійскіе Магалы, подъ предводительствомъ Иль-Дегиза, поднялись на Грузію, но безуспѣшно. Грузинскіе Князья, по единовѣрію, были въ союзѣ съ Русскими: дочь Георгія III, Тамара, была выдана за мужъ за Князя Георгія, сына В. К. Андрея Боголюбскаго. [1] Тамара наслѣдовала престолъ. При ней Грузія овладѣла всѣми землями по Араксъ. Князь Георгій Андреевичъ и сынъ Тамары, Георгій Лашха, проникли въ Мидію (Кизильбаши) и вывели изъ взятыхъ городовъ Ардебиля и Маранда множество плѣнныхъ.

Припомнимъ вышеупомянутое сказаніе Викентія Бовезскаго о первомъ возстаніи Татаръ: они были данники царствовавшаго (безъ сомнѣнія, въ Грузіи) сына Пресвитера Іоанна (Prêtre Jean), и на него возстали, подъ предводительствомъ Ата-бега Иль-Дегиза.

Извѣстно, что Ардебиль, исконная столица Адербиджана, [2] по сіе время считается всѣми остатками Гебровъ за священое мѣсто. Нѣтъ сомнѣнія, что къ нему же должны были привязаться и преданія Татаръ Мугуловъ или Маговъ. Здѣсь была родина Зороастра или Зердуста; здѣсь должна была быть и родина миѳа Дженгиса. По преданію, онъ родился въ Орду-балыкъ. Ардебиль лежитъ на рѣкѣ Балыкъ и, слѣдовательно, въ Персидскомъ названіи можно видѣть измѣнившееся Тюрское, или Татарское.

Здѣсь степь зимняго кочевья Мугуловъ—Мугане, называемая Персами Таргинъ или Туранъ Таштъ.

Здѣсь Пайтараканъ (въ послѣд. Байлаканъ), городъ и древняя область Бактра, обнимавшая и Богованъ или Баг'к-гёгъ (Баку), обитель бога огня.

На Муганской степи, сосредоточивъ свои силы, подъ предводительствомъ Чамархана, Мугулы перешли Джейхунъ (Араксъ, а не Аму-дерья), двинулись первоначально на Грузію, и потомъ на союзницу ея, Русь, не затрогивая еще Турціи. Но этотъ походъ былъ только временнымъ мщеніемъ. Сюда должно отнести и ска-

---

[1] Въ исторіи Грузіи упоминается, что онъ былъ сынъ Царя и Великаго Государя Руси, Андрея, которому повиновались 300 Царей. По смерти отца, гонимый дядей, Всеволодомъ (Sawalth), онъ жилъ въ Кипчацкомъ царствѣ, въ городѣ Свинджѣ (Swindj).

[2] Нынѣ Ханства Адербиджанскаго.

ваніе, по Абульгази, о возстаніи Дженгиса на Хорезмъ, т. е., Грузію, за избіеніе пословъ. Это самое сказаніе относится и къ Руссамъ, союзникамъ Грузіи въ войнѣ противъ Маговъ Мидійцевъ. Половцы же, смѣшеніе Христіянъ и Магометанъ, по найму ли, или по зависимости, также стояли за Грузію противъ Маговъ.

При Тамарѣ, какъ Грузія, такъ и, зависѣвшая отъ нея, Арменія, подъ управленіемъ Князей Орбеліановъ, жившихъ въ столицѣ Ани, были спокойны и обезпечены. Послѣ нея наслѣдовалъ престолъ сынъ Георгій Лашха, и по смерти своей назначилъ преемникомъ сына своего, Давида; но сестра его, Русудана, завладѣла престоломъ.

Въ это-то время, вѣроятно, Турецкій Султанъ Джелал-эд-динъ, [1] (тотъ же Aladin) поднялъ Магометанское оружіе на новыя побѣды, съ тѣмъ, чтобъ возвратить Арменію и Грузію, которые до Давида-возстановителя были уже подъ властію Турокъ. Въ этомъ предпріятіи, какъ мы видѣли изъ описанія Гайтона, онъ столкнулся съ посланными Угедай-Ханомъ войсками, должно полагать, на помощь уже Грузіи, противъ Исламизма, общаго врага и Христіянству и Гебраизму.

По восточнымъ сказаніямъ началъ войну съ Мугулами или Татарами Султанъ Гайат-эд-динъ, наслѣдовавшій Джелал-эд-дину: [2]

«Въ 640 году отъ эгиры (1242) Гайат-эд-динъ предпринялъ войну противъ Мугулъ, которые, въ сосѣдствѣ съ границами его владѣній, жили до сихъ поръ въ мирѣ съ нимъ. Онъ собралъ значительное войско, въ числѣ котораго были Греки, Франки и Грузины. Онъ двинулся въ Арменію и дошелъ уже до города Аршаджіана; но здѣсь встрѣтилъ войска Мугуловъ. При первомъ столкновеніи всѣ Христіяне, бывшіе въ его войскѣ, отступили, и самъ онъ принужденъ былъ бѣжать.»

Такимъ образомъ истина собирается по зерну.

---

[1] Абульгази называетъ Султана Джалаль-эд-дина Шахомъ Хорезма. Мы уже упомянули, что Choresme есть древнее названіе Грузіи.

[2] D'Herbelot, Bibl. Orientale.

Теперь выпишемъ изъ Гайтона кругъ преобладанія собственно Кагановъ Гебровъ Мидійскихъ или Маговъ Татаръ, и мѣстность Катая.

Гл. XLVII. «Столица Тимуръ-Хана, шестаго Кагана (Empereur) Татаръ, находится въ Катаѣ (Cathai), въ величайшемъ городѣ Іоне (Jons), который построилъ его отецъ (Хубилай-Ханъ).

«Великому Кагану (le grand Empereur) подвластны три Хана (Roi ou Princes), управляющіе обширными областями:

«Чапаръ (Chapar), управляетъ Туркестаномъ, и онъ ближе всѣхъ къ области Кагана.

«Гогтай (Hochtay) управляетъ Команіей.

«Карабанда (Carabanda), управляетъ въ Великой Азіи (Asie majeure), и его столица въ Тавризѣ.»

Замѣтимъ, что Гайтонъ, сообразно древней Греческой географіи, раздѣляетъ Азію на двѣ части:

«Азія раздѣляется на двѣ части: одна называется Asie basse (т. е., l'Asie mineure), Малая Азія, въ которой живетъ Каганъ (Императоръ) и два упомянутыхъ Хана (Rois): Чапаръ и Гогтай; другая часть называется Великой Азіей (Asie majeure), въ которой живетъ Карабанда.»

Это подраздѣленіе преобладаемыхъ Каганомъ странъ соотвѣтствуетъ вполнѣ и различію народовъ и различію ихъ вѣрованій.

Самъ Каганъ въ нѣдрахъ преобладанія, въ Ани, древней столицѣ коренной Халдеи (Гах'ти, Колхиды). Столичная область въ Армянскихъ лѣтописяхъ носитъ названіе Котаи. [1]

Чапаръ управляетъ Туркестаномъ, но не Закаспійскимъ, которому по сіе время никто не знаетъ предѣловъ, [2] а областями Магометанской Турціи, въ Малой Азіи.

---

[1] Эта область была всегда цѣлью борьбы между династіями. Истор. Армянской области, Шопена; стр. 258.

[2] Который во всякомъ случаѣ и существовать не могъ, до распространенія Магометанства за предѣлы Персіи.

Гогтай управляетъ Команіей или Кипчакомъ, то есть, покоренными странами на сѣверѣ Кавказа.

Карабанда — Мидіей, отъ Аракса до границъ Персіи, и Багдадской областью.

Нѣтъ сомнѣнія, что единовѣрная Персія имѣла своихъ независимыхъ Шаховъ, Сирія своихъ Меликовъ, а Египетъ своихъ Судановъ.

О Катайской ли области на Кавказѣ, или о Небесной Имперіи сообщаетъ Плано-Карпини слѣдующія свѣдѣнія:

«Катаи же, суть язычники, которые имѣютъ свои особенныя письмена Новаго и Ветхаго Завѣта и житія св. отцовъ, а также пустынножителей и зданія на подобіе церквей, гдѣ въ свое время совершаютъ молитву. Говорятъ, что у нихъ есть свои святые, и они покланяются единому Богу, чтутъ Господа нашего Іисуса Христа и вѣруютъ въ жизнь вѣчную, но не принимаютъ крещенія св. водою (sed non baptisantur). Чтятъ священное наше писаніе и вѣруютъ, любятъ Христіянъ и дѣлаютъ большія церковныя даянія.»

Венеціянца Марко-Поло нельзя признать за «Historien recommandable pour sa fidelité» [1] въ отношеніи свѣдѣній о Татаріи, Китаѣ, Японіи, восточной Индіи и Африкѣ. Географы среднихъ вѣковъ, переписчики и издатели трудились надъ нимъ въ особенности. Но онъ былъ лично при дворѣ Кублая или Хубилая, le plus grand Roi des Tartares, autrement dit le Grand Cham, qui signifie Roi des Rois.

Въ изданіи Бержерона, гл. XI, при краткомъ описаніи Малоіі Арменіи, Марко-Поло пишетъ:

«И такъ Малая Арменія есть первая страна, въ которую мы вступили. [2] Есть двѣ Арменіи: Великая и Малая. Малая Арменія платитъ дань Татарамъ. Въ ней мы нашли царя царей (le Roi des Rois), управляющаго царствомъ съ справедливостію».

---

[1] Bergeron.

[2] Марко-Поло пріѣхалъ въ Азію на кораблѣ съ обратнымъ посольствомъ нѣсколькихъ Венеціянъ, отъ Хана къ Папѣ, и вышелъ на берегъ Малой Арменіи.

Эти послѣднія слова о мѣстопребываніи Кагана Кублая въ малой Арменіи, въ текстѣ выпущены, какъ дикая несообразность: могъ ли Китайскій Императоръ, династіи Юань, Ши-цзу, признанный всѣми Хинологами за Кубилая, жить въ малой Арменіи? [1]

Къ счастію, объ этой явной несообразности, находящейся въ рукописи, Бержеронъ упомянулъ въ выноскѣ.

Такимъ образомъ мѣстность, такъ называемой Золотой Орды, и по всѣмъ даннымъ исторіи и географіи, опредѣляется въ Малой Арменіи, въ области Котаи, на р. Ахурēанъ (западный Арпачай), гдѣ нѣкогда былъ великолѣпный храмъ Гебровъ Маговъ (Муг-ли, Мугулъ), носившій названіе Багаранъ (обитель боговъ), и гдѣ присутствовалъ ихъ царь-первосвященникъ (Cohene), по выраженію Рюйсбрёка: «Gouverneur des peuples par le moyen des augures.» Въ развалинахъ города Ани, гдѣ былъ престолъ Багратидовъ, и Патріарховъ Армянскихъ, которыхъ миссіонеры называли Несторіянскими, должно искать и Алтынъ-Тахтъ, т. е., золотой престолъ Кагановъ, но не мнимую Золотую Орду, о которой ни одна лѣтопись не упоминаетъ.

Какъ у Персидскихъ Шаховъ сохранился еще непремѣнный обычай переѣзжать въ лѣтнее мѣстопребываніе, такъ у Кагановъ или у Хановъ выѣздъ въ извѣстное время на стованье, внѣ постоянныхъ столицъ, составлялъ обычай религіозный: это было тоже, что и Израильское стованье въ кущахъ, въ воспоминаніе странствія по пустынѣ.

Еще и по нынѣ празднество кущей, подъ шатрами, совершается съ пальмовыми вѣтвями и пучками лозъ въ рукахъ, разводится огонь и народъ Израильскій беретъ свои священныя книги, обноситъ ихъ вокругъ пламенѣющей купины три раза, и потомъ, въ очищеніе грѣховъ, пляшетъ и ликуетъ вокругъ огня.

Все это напоминаетъ поклоненіе Огню и Кусту, религію Маговъ, истекшую изъ Гебраизма, но не Фоизмъ и не Ламизмъ Монголовъ.

---

[1] Мы уже упомянули, что въ старинныхъ кодексахъ буквы ſ и ſ очень сходны; это дало возможность издателямъ китаизировать Азіятскія названія мѣстъ по рѣкамъ, съ придаточнымъ Su (вода, рѣка). Всѣ Su обращены въ Марко-Поло въ Fu: Pian-fu, Sindin-fu, Quian-fu, Quelin-fu и пр., и пр.

Китайскіе Ман-гу, въ ихъ почіющемъ бытѣ, остаются столь же далеко отъ событій IV-го и XIII вѣка, какъ и отъ современныхъ. Россія боролась въ продолженіи полутора вѣка, не съ этими Монголами и не собственно съ Татарами, а съ чудовищнымъ Мидійскимъ міромъ Гебровъ-Маговъ. И должно сознаться, что безъ появленія новаго чудовища, Исламизма, можетъ быть, вся Европа также покланялась бы Кусту и совершала бы, по выраженію лѣтописи, Чигискановы волошбы.

НОВОЕ ПРЕДПОЛОЖЕНІЕ О ПРОИСХОЖДЕНІИ ЕКАТЕРИНЫ I.

Въ послѣднее время въ журналахъ нашихъ стало появляться много статей, касающихся Русской исторіи въ XVIII вѣкѣ. Публика, кажется, интересуется ими, и это очень естественно: если въ эпохахъ отдаленныхъ, по выраженію Карамзина, «источники поэзіи», то въ эпохахъ, къ намъ ближайшихъ начала и причины, непосредственныя, по крайней мѣрѣ, большей части тѣхъ явленій, которыя мы вокругъ себя видимъ, объясненія нашихъ теперешнихъ нравовъ, учрежденій, общественныхъ отношеній, словомъ того добра и зла, которыя во очію совершаются. Кромѣ того, наша исторія XVIII вѣка окружена такою таинственностію, наполнена такими пробѣлами со стороны Русскихъ историковъ, и такими сказочными подробностями со стороны писателей иностранныхъ; величіе и слабость, добродѣтели и пороки, громкіе подвиги и преступленія, античныя доблести и будуарныя похожденія поставлены, по нашимъ и чужимъ извѣстіямъ, въ такую между собою противоположность, перевиты такою гирляндою легендъ, семейныхъ преданій, фантастическихъ разсказовъ, еще недавно передававшихся на ухо, шопотомъ, съ таинственнымъ видомъ и умышленными недомолвками, что болѣе нежели естественно возбудиться отъ нихъ самому даже спокойному воображенію. Недавно М. П. Погодинъ разсказывалъ мнѣ, что Дюма̀, во время бытности своей въ Москвѣ, совершенно озадачилъ его, говоря о такихъ подробностяхъ Русской исторіи XVIII вѣка, о которыхъ онъ, Профессоръ и Академикъ, не имѣлъ понятія. Откуда же берутся эти quasi-историческія Шахеразады? Изъ исторіи Ламартина и тому подобныхъ, изъ мемуаровъ, въ родѣ мемуаровъ Вильбоа, которые человѣкъ серіозно занимающійся хоть и прочитываетъ, но забываетъ, и которые принимаются за священный Коранъ читателями въ родѣ Дюма̀; и вотъ одна изъ нитей той фантастическо-таинственной гирлянды, которая обвиваетъ нашу исторію

10

XVIII вѣка, а недовѣрчивость къ историческимъ извѣстіямъ отечественнымъ, подозрѣніе въ умышленныхъ съ ихъ стороны умолчаніяхъ и пропускахъ, даютъ этимъ баснямъ авторитетъ въ глазахъ публики.

Конечно, эта недовѣрчивость и подозрительность къ Русскимъ историческимъ извѣстіямъ имѣли, и отчасти еще имѣютъ, основаніе; конечно, уничтожить все произвольное и сказочное, заключающееся въ извѣстіяхъ иностранныхъ писателей о Русской исторіи, мы въ состояніи будемъ только тогда, когда разберемъ наши архивы, стряхнемъ пыль съ ихъ полокъ, развяжемъ снурки старинныхъ вязокъ, сорвемъ пожелтѣвшія печати съ таинственныхъ конвертовъ . . . но кое что можно уже сдѣлать и теперь; нѣкоторая критика уже возможна, и не худо сдѣлали бы наши изслѣдователи исторіи XVIII вѣка, если бъ, сличая извѣстія, служащія имъ матеріялами, объявляли они во всеобщее свѣдѣніе о результатахъ этихъ сличеній, о степени достовѣрности такого-то писателя, о вѣроятности такого-то извѣстія, словомъ, если бъ они публиковали свои библіографическія и критическія работы. Можетъ быть, эти сухія работы не очень заинтересовали бы массу читателей, но они избавили бы другихъ изслѣдователей отъ безполезнаго труда читать иныя сочиненія для того только, чтобъ убѣдиться, что ихъ не стоило читать. Съ другой стороны, въ различныхъ, особенно Нѣмецкихъ, сборникахъ, въ Польскихъ мемуарахъ, которыхъ въ послѣднее время много напечатано, въ сочиненіяхъ, которыхъ заглавія вовсе не обѣщаютъ исторической добычи, наконецъ въ нашихъ старыхъ забытыхъ журналахъ разсѣяно столько любопытныхъ, а нерѣдко важныхъ, извѣстій, касающихся Россіи XVIII вѣка, что о всѣхъ ихъ знать почти невозможно, на нѣкоторые нападаешь случайно, мимо многихъ проходишь, не замѣчая ихъ: пусть же бы тѣ, которые ихъ нашли или на нихъ наткнулись, заявляли о нихъ въ пользу своихъ собратовъ; одинъ облегчалъ работу другому, и общее дѣло выигрывало бы, а «Чтенія въ Императорскомъ Обществѣ исторіи и древностей Россійскихъ», это истинно почтенное собраніе историческихъ матеріяловъ и спеціяльныхъ изслѣдованій, вѣроятно, не отказалось бы удѣлять мѣсто такимъ извѣстіямъ.... Многіе ли знаютъ у насъ, на примѣръ, о существованіи весьма посредственнаго Нѣмецкаго изданія, называемаго «Westermann's Illustrirte Monatshefte?» Кому можетъ прійти въ голову искать тамъ матеріяловъ для Русской исторіи? А между тѣмъ тамъ

есть статья, прочтя которую какой нибудь туристъ, въ родѣ Дюма, или компиляторъ въ родѣ Ламартина, озадачитъ Русскаго ученаго, пуститъ въ Русскую публику еще новое фантастическое понятіе.

Статья, на которую я намекаю, находится въ № 7 сказаннаго изданія 1857 года, и называется: «Das Mädchen von Marienburg.» Понятно, что дѣло идетъ о Екатеринѣ I.

Происхожденіе и первая молодость супруги Петра Великаго служитъ предметомъ довольно обширной литературы; но самый вопросъ до сего времени далеко не достигъ надлежащей ясности. Мы знаемъ съ достаточною достовѣрностію только то, что будущая Русская Императрица, въ младенческомъ возрастѣ была принята Маріенбургскимъ пасторомъ, Глюкомъ, нѣсколько лѣтъ жила въ его домѣ, и при занятіи Маріенбурга Шереметевымъ, взята имъ въ плѣнъ, вмѣстѣ съ семействомъ пастора; мы знаемъ также, что потомъ Глюкъ былъ отправленъ въ Москву, а его воспитанница осталась у Шереметева. Отсюда начинаются сбивчивость и разнорѣчія въ извѣстіяхъ, которыя и продолжаются до того времени, какъ она уже является супругою Царя. Существуетъ, между прочимъ, извѣстіе, весьма немногими знаемое, но вполнѣ достовѣрное, что въ 1708 году она жила съ дочерью (вѣроятно, Анною Петровной) въ Петербургѣ, подъ именемъ Катерины Васильевской.

Не болѣе опредѣлительныя свѣдѣнія имѣются и о происхожденіи ея. Здѣсь безполезно перечислять тѣ извѣстія, которыя существуютъ объ этомъ предметѣ у Вебера, въ его «Veränderte Russland», у Бюшинга въ его «Magazin,» въ Бергмановой Исторіи Лифляндіи, въ Гюпелевыхъ «Miscellaneen» и въ множествѣ другихъ, преимущественно Нѣмецкихъ, сочиненіяхъ; всѣ они требуютъ строгой критики и очень внимательнаго изученія; во всякомъ случаѣ гораздо важнѣе всѣхъ ихъ извѣстія, отысканныя Академикомъ Арсеньевымъ въ Государственномъ Архивѣ (прил. къ его «Исторіи Царствованія Екатерины I»). Извѣстія эти состоятъ изъ ряда, къ сожалѣнію, не непрерывнаго, писемъ Лифляндскаго Генералъ-Губернатора, Князя Рѣпнина, Генералъ-Прокурора Ягушинскаго, Кабинетъ-Секретаря Макарова и нѣкоторыхъ другихъ, изъ коихъ оказывается слѣдующее:

Во время разгрома Лифляндіи Шереметевымъ, взятъ былъ въ плѣнъ, въ числѣ прочихъ, одинъ Лифляндскій крестьянинъ, Дирихъ, Самуйловъ сынъ, Сковароцкій, и отправленъ куда-то въ Рос-

сію. Въ началѣ 1723 года, т. е., черезъ 20 лѣтъ послѣ этого, стали его розыскивать, и нашли ли его, или нѣтъ — точнымъ образомъ неизвѣстно; но извѣстно только, что: 1) Князь Рѣпнинъ нашелъ какого-то Лифляндскаго крестьянина, и препроводилъ его къ Макарову, а съ другой стороны, 2) Рѣпнинымъ же отыскана жена нѣкоего Карлуса, Самуйлова сына, Сковоронисскаго, который гдѣ-то содержался «во всякомъ довольствѣ.»

Но этимъ розысканія не кончились. Въ 1725 году отыскана была женщина, по имени Кристина Семеновна Сковрощанка: она объявила себя родною сестрой Императрицы, которой это будто бы давно уже извѣстно, и которая еще въ 1721 году, во время пребыванія своего въ Ригѣ, ее видѣла и дала ей 20 червонныхъ. Она прибавила, что ея братъ и съ женою своею уже взятъ. Эта Кристина была также взята и отправлена въ началѣ 1726 года въ Петербургъ. Здѣсь должно, однако жь, замѣтить слѣдующее: Сковрощанка есть безъ сомнѣнія, видоизмѣненіе фамиліи Сковронской, или лучше, та же фамилія съ простонароднымъ Польскимъ, въ женскомъ родѣ, окончаніемъ: какимъ же образомъ эта фамилія могла принадлежать замужней дочери Сковронскаго? Или она объявила свою дѣвичью фамилію?... Наконецъ, почему она называетъ себя Семеновною? Не Самуйловною ли, подобно Дириху и Карлусу, изъ которыхъ послѣдній могъ бы быть тѣмъ братомъ, который, по словамъ ея, находился уже въ Россіи?

Далѣе, отыскали старшую сестру Кристины, Анну, бывшую замужемъ за Михайломъ Якимовичемъ: она тоже, какъ и Кристина, говорила, что о родствѣ ея съ Императрицею при Дворѣ уже извѣстно, и что ея братъ (вѣроятно, Карлъ) находится въ Россіи. За тѣмъ существуетъ, пишетъ Г. Арсеньевъ, роспись, изъ которой видно, что въ началѣ 1726 года отправлены въ Петербургъ Рѣпнинымъ Кристина (съ мужемъ и дѣтьми), Анна (съ мужемъ и дѣтьми) и братъ ихъ Фридрихъ Сковронскій. Что же это за новое еще лицо, этотъ Фридрихъ? Не есть ли онъ тотъ самый Дирихъ, котораго розыскивали по всей Россіи? Фридрихъ, какъ извѣстно, переводится у насъ Ѳеодоромъ, а о существованіи Ѳеодора Сковронскаго есть положительное свидѣтельство: въ пятой части общаго Гербовника значится о фамиліи Графовъ Сковронскихъ такъ: «происшедшіе изъ знаменитѣйшей фамиліи Графъ Карлъ и братъ его родной, Графъ Ѳеодоръ Сковронскій» и пр.

Если принять это предположеніе, то спутанное дѣло о родствѣ Императрицы Екатерины нѣсколько уяснится: 1. сестра ея, Анна, бывшая за Михайломъ Якимовичемъ, дѣлается въ послѣдствіи Графинею Ефимовскою, что подтверждается и Гербовникомъ (ч. VII), въ которомъ сказано: «Графъ Иванъ Михайловичъ и Графъ Андрей Михайловичъ Ефимовскіе происходятъ изъ Польской Шляхетской фамиліи. Отецъ ихъ, Михаилъ Ефимовичъ, Ефимовскій (Якимовичъ), въ 1725 году выѣхалъ въ Россію изъ Польши. 2. Христина, сдѣлана Графинею Гендриковою. 3. Карлусъ и Фридрихъ (Дирихъ тожъ) сдѣланы Графами Скоронскими. О нѣкоторыхъ изъ приводимыхъ здѣсь свѣдѣніяхъ, еще ранѣе Г. Арсеньева, упоминалъ Бантышъ-Каменскій въ своемъ Словарѣ (т. V); замѣтимъ при этомъ, что онъ черпалъ свои матеріялы изъ Московскаго, а Г. Арсеньевъ изъ С.-Петербургскаго, Архива, и оба они приходятъ къ сходнымъ выводамъ.

Нельзя не сознаться, что всѣ эти извѣстія очень неполны и недостаточно положительны; не знаемъ, какія доказательства могли представить эти люди, съ разныхъ мѣстъ собранные, своему родству съ Императрицею, и на какихъ убѣжденіяхъ Екатерина основала признаніе ихъ своими родственниками. Вильбоа по этому поводу разсказываетъ очень драматическія сцены, но Вильбоа — авторитетъ подозрительный. Впрочемъ, это дѣло семейное, въ которомъ слишкомъ глубоко намъ копаться нѣтъ повода. Екатерина, хотя и младенцемъ разлученная съ своимъ семействомъ, могла сохранить память изъ разсказовъ Глюка объ имени, по крайней мѣрѣ, своего отца, и безъ достаточныхъ причинъ, конечно, не обняла бы, какъ сестру, какую нибудь Кристину Сковрощанку. Въ ея царствованіе Скоронскіе явились при Дворѣ и получили богатства и титла; слѣдовательно, происхожденіе ея отъ Скоронскихъ, какъ бы, впрочемъ, темны и сбивчивы ни были въ этомъ отношеніи подробности, должно быть принято за достовѣрное.

Между тѣмъ вотъ совершенно новое и совершенно самостоятельное предположеніе, которое мы находимъ въ Вестермановскомъ сборникѣ. Авторъ этой статьи не называетъ себя, что довольно странно со стороны человѣка, желающаго, чтобъ къ его авторитету имѣли довѣренность; изъ самаго содержанія его статьи видно только, что первыя буквы имени его отца, а слѣдовательно и его, суть: C. G. J. Мать этого Г-на J. была дочерью нѣкоего Chr. Gottfr. Берга, а онъ былъ сынъ Варвары Бергъ, которая родилась отъ

Рижскаго гражданина (Bürger), Петра Бадендика, и считала себя родною сестрою Екатерины; таково, по крайней мѣрѣ, преданіе, перешедшее отъ поколѣнія къ поколѣнію въ этомъ семействѣ. Варвара Бергъ, проживая съ мужемъ своимъ въ Ригѣ, во время одного изъ проѣздовъ Царя черезъ этотъ городъ, пошла взглянуть на него, вмѣстѣ съ другими, и въ супругѣ его узнала свою, давно потерянную и давно оплаканную, сестру. Это неожиданное открытіе смутило и перепугало скромную Нѣмку; она сообщила о немъ своему мужу, и они положили держать его въ семействѣ своемъ въ глубокой тайнѣ.

Сдѣлавшись, въ свою очередь, обладателемъ этого преданія, нашъ авторъ рѣшился серіознымъ образомъ его изслѣдовать; онъ перечиталъ все, что было писано на Нѣмецкомъ, Французскомъ, Англійскомъ, Голландскомъ и отчасти Русскомъ языкахъ о жизни и происхожденіи Императрицы Екатерины, но, недовольный еще этимъ и не находя въ нихъ подтвержденія своему семейному преданію, онъ отрылъ старинныя метрическія книги Рижскихъ церквей, въ которыхъ, наконецъ, и нашелъ, какъ онъ думаетъ, положительныя доказательства.

Вотъ что онъ нашелъ въ книгахъ Doms-и Peterkirche. Петра Бадендика дѣти крещены и записаны:

1.	Анна	8	Августа,	1661 года.
2.	Германъ	12	Іюня,	1664
3.	Урсула	10	Марта,	1669
4.	Катерина	24	Октября,	1671
5.	Петръ	28	Марта,	1673
6.	Елена	28	Декабря,	1676
7.	Катерина	3	Февраля,	1679
8.	Доротея	14	Марта,	1681
9.	Варвара	26	Января,	1683

Послѣдняя въ этомъ длинномъ спискѣ дѣтей Бадендика, занимавшагося законнымъ дѣторожденіемъ (?) 22 года, была, говоритъ авторъ, та Варвара Бергъ, отъ которой идетъ вышеприведенное преданіе (хотя, впрочемъ, какъ онъ замѣчаетъ самъ, между числомъ ея рожденія по преданію и по метрикѣ ровно четыре года разницы). Далѣе видно изъ книгъ, что двое изъ этихъ дѣтей умерли въ 1669 и 1671 годахъ, а которыя именно, авторъ не нашелъ; но какъ ему нужны: Анна, чтобъ воспитать свою младшую сестру, и Германъ,

чтобъ быть Графомъ Скворонскимъ, то, удерживая ихъ въ живыхъ на время, онъ заключаетъ, что эти умершія должны быть Урсула и Катерина (№ 4), хотя и замѣчаетъ при этомъ, что смерть послѣдней показана въ «Leichenbücher» 29 Марта, 1671 года, т. е., за 7 мѣсяцевъ прежде ея рожденія, по метрикамъ, обстоятельство, которое онъ относитъ, конечно, къ ошибкѣ въ книгахъ. Потомъ одинъ изъ дѣтей Бадендика записанъ умершимъ въ 1681 году: это должно быть, говоритъ авторъ, Доротея; за тѣмъ еще двое изъ нихъ, конечно, Петръ и Елена, умерли отъ чумы: они именно, заключаетъ онъ, потому, что этихъ двухъ именъ не встрѣчается въ позднѣйшихъ «Leichenbücher.»

Расчистивъ такимъ образомъ передъ собою поле и оставивъ на немъ только Анну, Германа, Катерину (№ 7) и Варвару, нашъ изслѣдователь начинаетъ примѣрять къ нимъ извѣстія біографовъ Екатерины, и находитъ, что она теперь къ нимъ довольно хорошо приходится; но и здѣсь дѣло не обходится безъ поправокъ съ его стороны. Бóльшая часть писателей полагають, что Екатеринѣ, при взятіи Маріенбурга (1702), было лѣтъ 13; это невѣроятно, говоритъ онъ: стóило ли на такого ребенка обращать вниманіе Шереметеву? Несравненно вѣроятнѣе, что ей было 23 года, т. е., что родилась именно въ 1679 году, какъ и слѣдовало родиться Катеринѣ Бадендикъ. Этотъ годъ рожденія, при томъ, приписываетъ ей и А. Гордонъ. [1] Правда, остается еще разнорѣчіе въ числѣ: Императрица праздновала свое рожденіе 5 Апрѣля, но, безъ сомнѣнія, ошибалась, и Rousset правъ, полагая, что она родилась 28 Января... Все это, заключаетъ авторъ, должно убѣдить читателя въ тождествѣ Екатерины I-й и Катерины Бадендикъ.

Вотъ, однако жь, какія при этомъ встрѣчаются маленькія недоумѣнія: авторъ принимаетъ за вѣроятное, что старые Бадендики умерли въ 1683 году, и что въ это время меньшая ихъ дочь была принята старшею своею сестрою, Анною, а Катерина Глюкомъ, который въ этомъ году былъ переведенъ въ Маріенбургъ изъ Дюнамюнде, гдѣ онъ могъ, по сосѣдству, быть друженъ съ ея родителями; ей было тогда 4 года. Но какъ же меньшая ея сестра, Варвара,

---

[1] Gesch. Peters des Gr.—Rousset написалъ, подъ псевдонимомъ Nestésuranoy, Mémoires du règne de Catherine II,» и такіе же мемуары о Петрѣ.

которой тогда было всего годъ отроду, увидѣвъ потомъ черезъ 27, или 28, лѣтъ свою сестру, ее узнала?... Какъ сама Императрица, особенно, если она прожила до 23 лѣтъ въ домѣ своего воспитателя и друга своего отца, до такой степени ничего не знала о своемъ происхожденіи, что отыскивала своихъ родственниковъ вездѣ, кромѣ роднаго своего города? Какъ могла она, вмѣсто Бадендиковъ, признать Скавронскихъ?.. Правда, нашъ изслѣдователь намекаетъ, что Графъ Скавронскій могъ быть именно Германъ Бадендикъ; но гдѣ же его сестры,—Графини Гендрикова, Ефимовская? Авторъ думаетъ, что двѣ дочери этого Германа, которыхъ онъ находитъ въ метрическихъ книгахъ, были выданы Императрицею за Воронцова и Чоглокова (!): но изъ этихъ же самыхъ книгъ онъ видитъ, что онѣ родились въ 1717 и 1718 году, стало быть, въ послѣдній день жизни Екатерины было старшей 10, а меньшей 9 лѣтъ!!

И вотъ результаты изысканій, которымъ онъ посвятилъ едва ли не всю свою жизнь, потому что онъ перерылъ всѣ церковныя книги въ Ригѣ и перечиталъ всѣ сочиненія о Екатеринѣ I-й, кромѣ, по видимому, сочиненія Г. Арсеньева.

Для человѣка, нѣсколько знакомаго съ нашей исторіей первой половины XVIII вѣка, достаточно, конечно, одного взгляда на статью Вестермановскаго сборника, чтобъ увидѣть всю ничтожность ея историческаго значенія; но для людей, не занимавшихся близко этимъ предметомъ, кажется, не безполезно указать, какъ пишется иногда за границею Русская исторія.

П. Щебальскій.

II

МАТЕРІЯЛЫ ОТЕЧЕСТВЕННЫЕ

ЗАПИСКИ

НѢКОТОРЫХЪ ОБСТОЯТЕЛЬСТВЪ

ЖИЗНИ И СЛУЖБЫ

ДѢЙСТВИТЕЛЬНАГО ТАЙНАГО СОВѢТНИКА, СЕНАТОРА

Н. В. Лопухина,

СОЧИНЕННЫЯ ИМЪ САМИМЪ.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ.

Человѣкъ яко трава, дніе его яко цвѣтъ селный.

Псал. 102, ст. 15.

ЗАПИСКИ
О
НѢКОТОРЫХЪ ОБСТОЯТЕЛЬСТВАХЪ
ЖИЗНИ И СЛУЖБЫ.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ.

КНИГА ПЕРВАЯ.

Я родился 24-го Февраля, 1756 года. Младенчество мое было самое болѣзненное. Воспитанъ я въ разсужденіи тѣла въ крайней нѣгѣ, а со стороны знаній въ большомъ небреженіи. Родители мои были самые чадолюбивые, и бывши весьма добродушны и отъ природы отлично разумны, всѣми силами старались наставлять меня въ честности и благонравіи, но сами, имѣвъ воспитаніе того времени, въ которомъ не учились иностраннымъ языкамъ и знаніямъ, нынѣ обыкновеннымъ, не могли они, при всемъ своемъ желаніи найлучшаго мнѣ воспитанія, достаточно съ этой стороны успѣвать въ немъ.

Руской грамотѣ училъ меня домашній слуга. По Французски училъ Савояръ, незнавшій со всѣмъ правилъ языка. По Нѣмецки Берлинецъ, которой ненавидѣлъ языка Нѣмецкаго и всячески старался сдѣлать мнѣ его противнымъ, а хвасталъ Французскимъ, и сколько умѣлъ, училъ меня ему тихонько, пользуясь охотою моею къ чтенію. Нѣмецкія же книги держали мы на учебномъ столѣ своемъ для одного виду, и я, выучась только читать по Нѣмецки, разумѣть, что читаю на немъ, уже научился больше, нежели чрезъ десять лѣтъ

послѣ окончанія мною такого ученья, научился отъ сильнаго желанія разумѣть на языкѣ семъ духовныя книги.

Такимъ образомъ на 17 году моего возраста кончилось мое воспитаніе и ученіе языковъ, которыхъ ни одного, какъ и своего природнаго, не знаю и по сіе время грамматическихъ правилъ, хотя на послѣднемъ я очень много писалъ и даже сочинялъ книги. Однимъ словомъ, естьли я что знаю, то подлинно самоучкою.

Слабость моего здоровья столько же, какъ и обыкновенное родителямъ, особливо въ старости ихъ, желаніе имѣть дѣтей при себѣ, не дозволяли имъ рано отпустить меня на службу. Я страстенъ былъ къ военной, и, сидя дома, водилъ строи и давалъ баталіи по по Пвисегюру и Фоларду. Кампаніями армій нашихъ противъ Турокъ войны, начавшейся въ 1769 году, я такъ горячо занимался, какъ бы по чрезмѣрному усердію очень обязаннаго участвовать въ планахъ ихъ операцій. Нѣсколько ночей безпокойно спалъ отъ ожиданія, чѣмъ рѣшится кампанія Князя Голицына подъ Хотинымъ, и хотя почти уже 40 лѣтъ, не имѣлъ я въ рукахъ описанія дѣйствій той войны, но и теперь, конечно, помню почти всѣхъ ихъ числа.

Около сего времени лишился я моей матери. Я отмѣнно къ ней былъ привязанъ. При началѣ ея болѣзни, будучи ребенкомъ лѣтъ десяти, я очень горячо молился о ея выздоровленіи, и вотъ какая была моя ребяческая молитва. Я помню, что однажды,. спрятавшись за занавѣсъ кровати, молился я тихонько и просилъ Бога очень усердно, чтобъ онъ лучше отнялъ у меня палецъ и даже всю руку, а только бы она не умерла.

Я былъ записанъ въ гвардіи Унтеръ-Офицеромъ, и въ 1775 году имяннымъ указомъ пожалованъ въ Прапорщики Преображенскаго полка. Послуживъ нѣсколько мѣсяцевъ, я сдѣлался такъ боленъ, что цѣлые три года не могъ выходить изъ комнаты, кромѣ какъ въ лѣтніе и самые хорошіе дни. Потомъ еще года три сряду въ каждой мучила меня лихорадка. Это время, въ самые бурные лѣта молодости, было для меня большая опытная школа терпѣнія и много послужило въ пользу охотѣ моей къ чтенію. Ослабленныя силы здоровья и случившійся при томъ нѣкоторой припадокъ, препятствующій верховой ѣздѣ, принудили меня на вѣкъ проститься съ военною службою.

Любовь къ службѣ, при невозможности удовлетворяться военною, устремила склонность мою къ гражданской. Особливо занимала меня

часть уголовная. Съ большою прилежностію собиралъ я всѣ возможныя по сей части свѣдѣнія, интересовался обстоятельствами и сужденіемъ всякаго уголовнаго дѣла, о которомъ слышалъ, и, по болѣзнямъ моимъ въ отпуску живучи тогда въ деревнѣ, часто бывая у пріятеля моего, Городничаго въ уѣздномъ городѣ, рѣдко выѣзжалъ изъ него безъ того, чтобъ не побывать въ тюрмѣ для разговоровъ на сей предметъ съ колодниками и для примѣчаній на нихъ.

Въ началѣ 1782 года по прозьбѣ моей, за болѣзньми, отставленъ я изъ Капитанъ-Порутчиковъ гвардіи къ статскимъ дѣламъ Полковникомъ, а въ концѣ того же года, при открытіи, по новымъ учрежденіямъ, Московской губерніи, опредѣленъ я былъ въ ней Совѣтникомъ Уголовной Палаты.

Въ должности сей принялъ я себѣ за правило наблюдать, чтобъ какъ невинной не былъ никогда осужденъ, такъ бы и виноватой не избѣжалъ наказанія, но по человѣколюбію, сколько можно больше умѣреннаго, не удаляясь, однако жь, отъ силы законовъ.

Я думаю, что предметъ наказаній долженъ быть исправленіе наказуемыхъ и удержаніе отъ преступленій. Жестокость въ наказаніяхъ есть только плодъ злобнаго презрѣнія человѣчества и одно всегда безполезное тиранство. Ненадежность избѣжать наказанія гораздо больше можетъ удерживать отъ преступленій, нежели ожиданіе жестокаго. Намѣреваясь къ преступленію, естественнѣе человѣку ослѣпляться мыслями, что преступленіе его не откроется, нежели соображать мѣру наказанія, которому онъ подвергаетъ себя, особливо, когда оно относится къ страданію тѣлесному, или потерянію свободы.

Вѣроятно, никто не покусится на преступленіе при увѣреніи, что не избѣжитъ такого рода казни. Ожесточенный въ злодѣяніяхъ не думаетъ объ ней. Но не находящійся еще въ такомъ степени разврата, конечно, собираясь сдѣлать уголовное преступленіе, не ласкается тѣмъ, что ему дадутъ двадцать, а не пятьдесятъ, ударовъ.

Весьма также опасался я осуждать по заключеніямъ изъ обстоятельствъ, безъ совершеннаго изобличенія и признанія судимыхъ. Не можно, по мнѣнію моему, почитать доказательствами соображенія умствованій, сколько бъ онѣ ясны и основательны ни казались. Такого рода доказательства едва ли могутъ когда быть совершенныя и такія, чтобъ исключали уже всѣ возможности къ показанію невинности обвиняемаго.

Гдѣ одна вѣроятность, тамъ истинной разумъ не можетъ находить полнаго увѣренія, какъ бы сильна ни была она. Все, что можно только выдумать противъ доказательствъ, составляемыхъ умственнымъ соображеніемъ, уже ихъ опровергаетъ. И по множеству опытовъ извѣстно, какъ ошибочны въ уголовныхъ судопроизводствахъ заключенія, которыя основаны были такими соображеніями на одной вѣроятности, пріемлемой за моральную извѣстность.

При такихъ сужденіяхъ, кромѣ недовольнаго вниманія и корыстныхъ пристрастій, весьма можетъ заводить въ погрѣшности одно самолюбіе, столь много свойственное большей части людей, особливо тѣмъ, коихъ страсть отличаться умомъ. Желаніе показать свой разумъ въ открытіи виноватаго весьма легко и нечувствительно можетъ заставить найти его въ невинномъ. Тѣ только судьи не будутъ подвержены такимъ ошибкамъ, которые стараются дѣлать правду для самой правды, всѣмъ сердцемъ любя ее, а не для того, чтобъ ею прославиться, или которые во всякомъ, ими судимомъ, сердечно видятъ прямо ближняго своего. Безъ сего расположенія не можетъ быть истинно добрыхъ судей, а такіе, по несчастію, очень рѣдкіе судьи и не послѣдуютъ, конечно, оному образу сужденія.

Но можетъ ли быть правило мудрѣе и справедливѣе того, что лучше оставить безъ наказанія многихъ виноватыхъ, нежели одного невиннаго осудить, и случаи преступленій, коихъ совершенно доказать не можно, предоставлять правосудію Всевидящаго? Иные мудрователи при семъ скажутъ: «Что же? И такъ людямъ ничего не надобно дѣлать, а все оставлять дѣйствовать Богу, и силъ разума, отъ него же данныхъ, употреблять, стало, не надобно.—Нѣтъ: надобно ихъ употреблять найприлежнѣйше; но тамъ, гдѣ они недостаточны, съ кротостью признавать ихъ слабость, и страшиться жребіемъ ближняго своего жертвовать самолюбію.

Какъ странно видѣть, когда люди напрягаютъ всѣ свои силы найти виноватаго, для того только, чтобъ его наказать, и, безъ совершеннаго увѣренія въ его винѣ, спѣшатъ осудить его, и сіе часто изъ мнимаго правосудія и усердія къ сохраненію порядка, какъ будто безъ того оной бы совершенно возмутился, и остановилось бы дѣйствіе невидимо, но всегда и вездѣ безпогрѣшно дѣйствующаго источника его. Страннѣе еще иногда видѣть, съ какимъ рвеніемъ нѣсколько грабителей и мздоимцевъ, при чувствахъ, самой видъ добраго усердія имѣющихъ, стараются натянуть доказательства къ об-

винненію какого нибудь бѣдняка, впадшаго и въ неважное преступленіе, и по какому ни будь, можетъ быть, особливо несчастному стеченію обстоятельствъ.

Съ такимъ же вниманіемъ старался я соблюдать всю точность и обрядовъ законныхъ, почитая всякое ихъ нарушеніе вреднымъ, сколько для существа правосудія, столько жь по вліянію чрезъ примѣръ и на порядокъ службы, которой онъ долженъ быть душею.

Одинъ случай относительно къ сему расположенію моему, въ бытность мою Совѣтникомъ Московской Уголовной Палаты, заслуживаетъ чтобъ разсказать его.

Внесено было въ Палату на ревизію изъ Губернскаго Магистрата дѣло о подложныхъ векселяхъ одного купца. По сему дѣлу являлись нѣкоторыя подозрѣнія на двухъ изъ знатныхъ и богатыхъ купцовъ Московскихъ, кои были обвинены и приговорены подъ стражу. Они скрылись и уѣхали въ Петербургъ искать защиты у самой Императрицы. Государыня приказала взять изъ Палаты дѣло для предварительнаго разсмотрѣнія. Имянной о семъ указъ объявилъ бывшій тогда въ 6-мъ Сената Департаментѣ Оберъ-Прокуроръ Князь Гагаринъ. Но какъ, по узаконенію, Оберъ-Прокуроры не имѣютъ права объявлять имянныхъ указовъ, то я не согласился отдавать дѣло изъ Палаты, и подалъ о томъ голосъ. * Дѣло отослано было по большинству голосовъ, но я остался при своемъ, не смотря на всѣ устращиванія, на всѣ предвѣщанія мнѣ за то бѣдъ, и даже на самое принужденіе съ большою досадою бывшаго тогда Главнокомандующимъ Графа Захара Григорьевича Чернышова.

Предсѣдатель Палаты скоро отлучился въ Петербургъ искать себѣ лучшаго мѣста, а я остался, какъ старшій Совѣтникъ, отправлять его должность. Старался служить очень усердно, и какъ тогда, такъ и съ начала вступленія моего въ Палату, да и до самаго выхода изъ нея, едва ли было одно рѣшительное опредѣленіе, которое бы не самъ я сочинилъ.

Правила умѣренности въ наказаніяхъ держался я неотступно. Будучи старшимъ въ Палатѣ, въ которую скоро опредѣленъ я былъ и Предсѣдателемъ, гораздо удобнѣе мнѣ было сохранять его; ибо без-

---

* Смотри журналъ Московской Уголовной Палаты 22 Ноября, 1803 году, и послѣдовавшее о томъ въ протоколѣ.

спорно соглашались товарищи мои со мною въ томъ, что прежде долженъ я былъ одерживать спорами и часто самыми жаркими.

Неохотники до меня и столько жь, кажется, вообще до человѣчества, тамъ, гдѣ нѣтъ въ немъ ихъ интересовъ, вопіяли осужденіями, такъ называвшагося ими, милосердія моего. Говорили, что я развожу злодѣевъ и воровъ. Однако, по счастью моему, что ли, гораздо ихъ меньше стало съ открытія въ Москвѣ Уголовной Палаты, при умѣренныхъ ея, какъ описываю, наказаніяхъ, заступившихъ мѣсто тѣхъ лютостей торговой казни, коими передъ тѣмъ Московское правительство нѣсколько лѣтъ отличалось и о которыхъ безъ ужаса вспомнить нельзя.

И такъ, не взирая ни на что, продолжалъ я держаться вышесказаннаго мною расположенія, а Главнокомандующій, Графъ Захаръ Григорьевичъ, подкрѣплялъ меня согласіемъ своимъ на всѣ мои приговоры. Сколько сей почтенный мужъ достоинъ похвалы, о томъ говорить излишне. Онъ весьма извѣстенъ.

Слѣдуя оному расположенію и соображая общественную пользу, рѣшился я за воровство, кражу и мошенничество цѣною свыше двадцати рублей (ибо о наказаніяхъ за преступленія сего рода на меньшую цѣну заработкою, уже существовало узаконеніе), наказывать не кнутомъ, а тѣлесно же, но такимъ образомъ, чтобъ наказанные могли отдаваться въ рекруты. Товарищи мои не спорили противъ меня. Они знали, что это дѣлается мною съ согласія Главнокомандующаго, хотя оное на бумагѣ и не изъявлялось, по тому что въ то время не вносились еще на разсмотрѣніе начальниковъ губерній опредѣленія о таковыхъ наказаніяхъ. Однако я сіе дѣлалъ не отступая и отъ закона. Рѣшенія основывались на той статьѣ Морскаго Устава, въ коей сказано: «За первую, другую и третью кражу наказывать, что разъ, то жесточае, по разсмотрѣнію» (книга V, гл. 17, ст. 127).

Чрезъ сіе считалъ я соблюдать то правило, чтобъ преступленіе не оставалось безъ наказанія, но наказаніе бы, сколько можно не нарушая законовъ, было умѣренно и общественной пользѣ тѣмъ соотвѣтственно, что не оставались въ тягость селеніямъ такимъ образомъ наказанные за преступленія, которые между людьми низкаго состоянія, по грубости ихъ нравовъ и невѣжеству, особливо часты.

Изданныя послѣ того чрезъ нѣсколько лѣтъ, и нынѣ существующія, узаконенія о наказаніи за преступленія онаго рода, оправдываютъ мои рѣшенія и подтверждаютъ ихъ пользу.

Уставъ о наказаніи только рабочимъ домомъ за воровство, кражу и мошенничество не свыше двадцати рублей, конечно, сдѣланъ въ томъ же намѣреніи, чтобъ за преступленія, кои въ народѣ очень часто случаются, не существовало такое наказаніе, отъ котораго многіе дѣлались увѣчными и негодными въ рекруты, воровство же при всемъ томъ не уменьшалось, какъ извѣстно изъ опытовъ. Конечно, въ томъ намѣреніи, а не для того, чтобъ цѣною кражи цѣнить нравственное количество преступленія; ибо ежели судить о преступленіяхъ по тѣмъ побужденіямъ, изъ коихъ оныя производятся и которыя, когда они достовѣрно извѣстны, могутъ быть единственно истиннымъ основаніемъ правильнаго опредѣленія мѣры наказаній; естьли судить, говорю, по онымъ побужденіямъ, то чѣмъ меньше соблазнителенъ предметъ преступленія, тѣмъ оно больше, и тѣмъ вящій означается степень разврата въ преступникѣ.

Мщеніе, какъ звѣрское свойство тиранства, ни одною каплію не должно вливаться въ наказанія. Вся ихъ цѣль должна быть исправленіе наказуемаго и примѣръ для отвращенія отъ преступленій. Все же, превосходящее сію мѣру, есть только безплодное терзаніе человѣчества и дѣйствіе неуваженія къ нему, или лютости.

Всѣ казни должны быть соразмѣрны оной цѣли, и такъ распредѣлены, чтобъ сколько можно дѣйствительнѣе достигая къ ней, сколько же можно меньше изнурительны и мучительны для человѣчества были. Сіе кажется есть неоспоримое правило человѣколюбія въ законодательствѣ, коего одинъ предметъ долженствуетъ быть благо человѣчества на землѣ и всевозможное приготовленіе его къ оному въ вѣчности.

Такъ, конечно. Цѣль наказаній и мѣры ихъ должны быть не иныя, какъ выше сказанныя мною. Мѣра ихъ и образъ должны также сообразоваться съ господствующими качествами нравовъ народа и съ тѣмъ, что дѣйствительнѣе дѣлаетъ въ нихъ впечатлѣніе, соотвѣтственно разнымъ состояніямъ людей, народъ составляющимъ.

Естьли бъ можно было всегда проникать въ побужденія къ преступленіямъ, то свойство и мѣра побужденій были бы, конечно, лучшими и самыми естественными указателями правила опредѣленія казни. И тогда многія дѣла или извиняемыя, или за преступленія не

считающіяся, по справедливости подверглись бы наказанію столько же тяжкому, какъ самыя важныя преступленія, и такія, коими гнушаются и безъ всякой пощады стремятся за нихъ наказывать тѣ сами, которымъ весьма обыкновенны оныя, какъ я сказалъ, преступленія, ими и въ нихъ даже часто не примѣчаемыя.

На примѣръ, судья, который не истощаетъ всего своего вниманія, судя человѣка въ уголовномъ дѣлѣ и безъ совершеннаго увѣренія, или хотя и съ малымъ небреженіемъ осуждаетъ его на тяжкую казнь, столько жь самъ ее заслуживаетъ, и столько жь преступникъ, естьли не больше, какъ неумышленной убійца, и даже такой, которой убилъ, разсерженъ будучи. Кто наклонилъ вѣсы суда, и хотя не изъ мздоимства, но изъ уваженія къ пріязни, или въ угожденіе лицу сильнаго, и чрезъ то лишилъ кого либо собственности его несправедливо, конечно, не меньше виноватъ бѣднаго невѣжи, укравшаго отъ крайности и отъ того, что не имѣлъ при ней довольно разума и твердости духа одолѣть себя при соблазнѣ.

Думаю, что также не должно опредѣлять наказаній безконечныхъ въ здѣшней жизни, потому что въ Христіянскихъ правительствахъ исправленіе наказуемаго и внутреннее обращеніе его къ добру надлежитъ имѣть важнѣйшимъ при наканіяхъ предметомъ, и что нѣтъ такого злодѣя, о которомъ бы можно рѣшительно заключить, что предметъ оный въ немъ не исполнится, и что онъ не можетъ еще сдѣлаться полезнымъ для общества въ лучшемъ и свободномъ состояніи жизни.

Что касается до смертной казни, то она, по мнѣнію моему, и безполезна, кромѣ того, что одному только Творцу жизни извѣстна та минута, въ которую можно ее пресѣчь, не возмущая порядка его Божественнаго строенія.

Такія наказанія и заточенія, употребляемыя вмѣсто смертной казни, при способахъ, какъ я сказалъ, исправленія наказуемыхъ, къ возможному еще улучшенію жребія ихъ и въ здѣшней жизни, сохраняя ихъ всегда на полезную для государства работою службу, столько же могутъ примѣромъ устрашать и удерживать отъ злодѣяній, естьли еще не больше, какъ смертная казнь. Не рѣдко случается, что люди сами себя лишаютъ жизни отъ страха наказаній и лишенія свободы.

Извѣстны примѣры Христіянскихъ мучениковъ, сихъ героевъ истинныхъ, предавшихъ себя на изтязанія изъ подвига вѣры и чистой

любви къ Богу спасителю; также и героевъ языческихъ, потерпѣвшихъ муки изъ любви къ отечеству и для славы, искомой самолюбіемъ: но злодѣи малодушны и слишкомъ привязаны къ сладостямъ жизни, чтобъ не страшиться страданій и неволи.

Могутъ сказать, что смертная казнь нужна для избавленія общества отъ такого государственнаго злодѣя, котораго жизнь опасна для общаго спокойства. Но и въ семъ случаѣ рѣдкомъ и, конечно, важнѣйшемъ, строгое заключеніе можетъ отвратить ту опасность, а время ослабляетъ, и наконецъ уничтожаетъ ее.

Впрочемъ, вѣроятно, что того рода злодѣи не думаютъ о смерти при своихъ предпріятіяхъ; что они предпочитаютъ ее страданіямъ и заточеніямъ, то доказывается многими примѣрами, что они по большей части готовились отравлять себя при неудачахъ и умерщвляли себя при оныхъ.

Обращаюсь къ предсѣдательству моему въ Московской Уголовной Палатѣ.

Графа Захара Григорьевича Чернышова не стало въ 1784 году лѣтомъ. Преемникъ его, главнокомандовавшій въ Москвѣ, сначала очень обласкалъ меня, но скоро открылся моимъ гонителемъ. Я его извиняю по привычкѣ его къ властолюбію, коей угожденіями дали въ немъ укорениться, и по тому предъубѣжденію противъ меня, съ которымъ онъ отправился изъ самаго Петербурга и которому, въ разсужденіи силы его источника, не имѣлъ онъ довольно твердости не покориться. Слабость такая въ немъ была слишкомъ обыкновенная многимъ придворнымъ. О семъ обстоятельнѣе скажу въ своемъ мѣстѣ по приличности. Теперь же объ немъ только относительно ко мнѣ въ Палатѣ.

Первое неудовольствіе его собственно противъ меня было за то, что малое число ударовъ Палатою опредѣлялось. Онъ возвратилъ мнѣ внесенной къ нему на утвержденіе приговоръ, коимъ опредѣлено было одному убійцѣ дать пятьдесятъ ударовъ, каковаго числа больше при мнѣ никогда не полагалось, возвратилъ съ тѣмъ, чтобъ перемѣнить и гораздо прибавить. Я не согласился, и сперва очень учтивымъ и, надѣясь лучше успѣть, нѣсколько шуточнымъ образомъ оттоваривался и представлялъ ему мои причины; но когда онъ, не внимая имъ, упорствовалъ въ своемъ требованіи, думая даже, что имѣетъ къ тому право, и настаивалъ уже съ досадою, то я ему твердо и рѣшительно сказалъ, что опредѣленіе не будетъ перемѣ-

нено; что никогда жесточайшихъ при мнѣ наказаній не будетъ; что какъ Палата, по учрежденіямъ, не должна переворшивать своихъ рѣшеній, такъ и онъ не имѣетъ права возвращать ихъ. А ежели онъ несогласенъ и не угодно ему такое число ударовъ, то можетъ прибавку испрашивать представленіемъ своимъ Правительствующему Сенату.

Можно себѣ вообразить, какъ разгнѣвался г. Главнокомандующій. Однако ни сколько не оказалъ грубости, много только горячился и кричалъ: «Какъ, разбойникамъ и смертоубійцамъ давать только по 50-ти ударовъ!» — «По скольку жь бы, Ваше Сіятельство, думали?» спросилъ я его — «По скольку?» — отвѣчалъ: «Двѣсти, триста, четыреста, пятьсотъ.» — «Да эдакъ будемъ всегда засѣкать до смерти.» — «Чего жь ихъ жалѣть?» говорилъ онъ; «и это же наказаніе вмѣсто смертной казни.» — «Такъ,» отвѣчалъ я; «но отмѣна смертной казни, къ величайшей славѣ Россійскаго скипетра, въ первой Россіи учрежденная, почитается мудрымъ закономъ милосердія; а ежели, вмѣсто того, чтобъ отрубить голову, замучивать людей до смерти кнутомъ, то это былъ бы законъ тиранской, и всякая такая мѣра наказанія сего рода, которая можетъ лишить жизни, уже есть большое преступленіе онаго закона милосердія.»

Графъ мой сталъ тише. — «Однако жь,» говорилъ мнѣ, «странно, что Вы такъ разсуждаете; вѣдь можетъ иногда случиться, что наказуемый умретъ и отъ 10 ударовъ.» — «Конечно,» я говорилъ, «это можетъ иногда случиться по какимъ ни будь непредвидимымъ причинамъ и съ моей стороны безвинно. Но естьли я буду давать такія сотни ударовъ, то, при явномъ тиранствѣ своемъ, долженъ быть увѣренъ, что люди и умирать будутъ подъ кнутомъ непремѣнно.» — «Но какъ же Вы узнаете мѣру?» спросилъ онъ меня уже самымъ снисходительнымъ и серіознымъ тономъ. — «Смотря по лѣтамъ, по сложенію, по состоянію здоровья и проч.», отвѣчалъ я ему.

Вдругъ онъ мнѣ говоритъ: «Я вамъ очень благодаренъ. Вы одолжили меня, Вы меня вразумили; признаюсь, что я никогда не видалъ такъ ясно этой истины, и всегда думалъ, что при наказаніяхъ, вмѣсто смерти, такого разбора ненадобно. Вы меня убѣдили. Соглашаюся съ Вашимъ опредѣленіемъ и даю Вамъ слово никогда съ Вами не спорить.» Онъ подлинно сдержалъ его, и даже во время пущей своей злобы, наконецъ, противъ меня, не останавливалъ ни одного приговора Палатскаго.

Я разсказалъ сіе произшествіе, какъ достойное примѣчанія и по той чести, какую оно дѣлаетъ особливо самому не соглашавшемуся, и тѣмъ больше, чѣмъ онъ упрямѣе былъ и самолюбивѣе. Жаль только, что такія нужныя истины такъ поздно становятся знакомы людямъ, занимающимъ важнѣйщія въ государствѣ мѣста и управляющимъ нѣсколькими губерніями. И, конечно, ни одинъ изъ нихъ Графъ Брюсъ бывалъ въ подобномъ заблужденіи, но не многіе столь почтенно, какъ онъ, и съ такою пользою признавались въ ономъ.

Расположеніе его тѣснить меня, однако жь, продолжалось, и думаю, отъ того сильнаго предъубѣжденія, которому, какъ сказалъ я выше, не могъ онъ сопротивляться; всевозможныя выискивалъ онъ къ тому средства. Посадилъ въ Палату двухъ Членовъ, коимъ онъ покровительствовалъ, съ тѣмъ, чтобъ они всячески шли противъ меня. Но, не смотря на обѣщанныя имъ отъ него за то награды, и на ужасныя угрозы за противное, они всегда были со мною согласны.

Такое согласіе со мною, какъ въ это время, такъ и во всю бытность мою Предсѣдателемъ въ Палатѣ меня даже безпокоило. Часто пенялъ я за него моимъ товарищамъ, говоря: «Для чего никогда они не спорятъ? Не уже ль я никогда не ошибаюсь. А ошибки въ уголовныхъ дѣлахъ страшны?» Они всегда отвѣчали, что нельзя, и не смѣютъ спорить противъ справедливости и порядка. Можетъ быть они и пристрастны ко мнѣ были, но что я всѣми силами старался о правдѣ и порядкѣ, то истинно. Также отзывались самому покровителю своему два Члена, опредѣленные отъ него для войны со мною, при всѣхъ имъ отъ него ругательствахъ. Онъ наконецъ рѣшился наглымъ образомъ открыть свое гоненіе.

Пришло время производить въ Палатѣ то дѣло о купцахъ, о которомъ я описывалъ по случаю несогласія моего принять имянной указъ, не въ должномъ порядкѣ объявленной. Дѣло сіе было очень пространное и требовало еще пополнительнаго производства. Главнокомандующій вдругъ даетъ предложеніе, въ которомъ пишетъ, что дѣло оное отъ нерадѣнія присутствующихъ въ Палатѣ, и особливо Предсѣдателя, утопаетъ въ медленности; чтобъ оно непремѣнно въ двѣ недѣли было рѣшено; а ежели не рѣшится въ это время, то Предсѣдатель и Члены отрѣшены будутъ.

По сему предложенію дѣлается справка, и на другой день подается Главнокомандующему отъ Палаты отвѣтъ, въ которомъ изъясняется,

что дѣло, коего окончанія требуетъ онъ въ двѣ недѣли, въ одномъ экстрактѣ своемъ на тысячѣ листахъ и еще производствомъ не совсѣмъ окончано, а потому въ назначаемый имъ срокъ никакъ рѣшено быть не можетъ; что, впрочемъ, не имѣетъ онъ законнаго права назначать такихъ сроковъ, когда Генеральнымъ Регламентомъ на сочиненіе однихъ опредѣленій, по обширнымъ дѣламъ, дается времени шесть недѣль; что, наконецъ, исправность Палаты доказывается числомъ дѣлъ рѣшенныхъ съ начала ея открытія, изъ которыхъ ни одно не было остановлено Главнокомандующимъ и имъ самимъ. При такомъ отвѣтѣ вручилъ я Графу Брюсу, для представленія Сенату, и прозьбу о увольненіи меня отъ службы.

Онъ ее принялъ, однако жъ не послалъ въ Сенатъ, а на первой почтѣ написалъ жестокую на меня жалобу Государынѣ: представилъ меня непослушнымъ, надмѣннымъ, упрямымъ и такимъ, надъ которымъ нужно оказать примѣръ строгости. Однако, Государыня съ кротостію, которая отличала ее, изволила только отвѣчать ему, чтобъ онъ «не оставилъ, призвавъ меня къ себѣ, объявить мнѣ отъ себя, что неприлично бы было преемника моего обременять такимъ дѣломъ, которое долженъ былъ рѣшить я самъ; чтобъ я остался рѣшить его, и что не буду я отставленъ прежде его рѣшенія».

Главнокомандующій на первой же почтѣ, получивъ отвѣтъ сей на его донесеніе, о которомъ я совсѣмъ и не зналъ, вмѣсто того, чтобъ призвать меня къ себѣ, велѣлъ въ Губернскомъ Правленіи объявить мнѣ оной указъ, съ исключеніемъ изъ него словъ отъ себя и съ прибавленіемъ въ предложеніи своихъ выговоровъ. Объявленіе такое въ присутствіи Правленія дѣлалъ мнѣ Губернаторъ. Я отвѣчалъ, что очень жалѣю, что нѣтъ въ присутствіи самаго Главнокомандующаго, и что я не могу ему лично сказать, что онъ самой дерзкой нарушитель закона, объявляя имянной и подписной указъ съ перемѣною словъ его, ибо я уже зналъ тогда точныя слова рескрипта; что Ея Величество, какъ мудрая Государыня и законодательница, конечно, не изволитъ столь торжественно отвергнуть никакого закона, особливо такъ важнаго, какъ есть указъ о вольности дворянства, дозволяющій ему оставлять службу; но когда Ей угодно было неисполнить мою прозьбу, то Она о томъ имянно повелѣла Главнокомандующему объявить мнѣ только отъ себя; что, впрочемъ, повелѣніе сіе пріемлю я знакомъ Высочайшей ко мнѣ довѣренности и

хорошаго обо мнѣ заключенія Ея Величества; ибо безъ того неестественно было бы оставлять меня въ службѣ для рѣшенія важныхъ дѣлъ.

Такимъ образомъ остался я предсѣдательствовать въ Палатѣ, въ которой, между прочими, рѣшилось черезъ нѣсколько мѣсяцевъ и оное большое о купцахъ дѣло. По особливому уваженію его въ разсужденіи нѣкоторыхъ обстоятельствъ, и найпаче относительно къ Графу Захару Григорьевичу Чернышову, при коемъ оно началось, и котораго злоба и клевета хотѣли представить пристрастно въ немъ участвующимъ, приказано было отъ Государыни, чтобъ, когда оно рѣшится, то, ни въ какомъ случаѣ не приводя въ исполненіе приговора, представить его чрезъ Главнокомандующаго Ея Величеству. Тогдашній Главнокомандующій представилъ его съ мнѣніемъ своимъ противнымъ, но Государынѣ угодно было опредѣленіе Палаты, съ коимъ согласно рѣшилъ и Сенатъ по Ея волѣ.

Послѣ рѣшенія дѣла сего въ Палатѣ Графъ Брюсъ тотчасъ отослалъ удержанную имъ у себя прозьбу мою объ отставкѣ въ Сенатъ, съ прописаніемъ, вмѣсто аттестата, всего произшествія, и съ повтореніемъ своей на меня жалобы; однако я уволенъ былъ съ награжденіемъ чина Статскаго совѣтника. Сіе было въ Маіѣ 1785 года.

КНИГА ВТОРАЯ.

Время отставки было для меня самое спокойное, самое пріятное и самое интересное.

Проживъ лѣто, осень и половину зимы 1785 года въ деревнѣ съ отцомъ и братомъ моимъ, возвратились мы въ Москву, въ которой съ того времени жилъ я больше десяти лѣтъ сряду, внѣ ея не ночевавъ ни одной ночи. На первыхъ дняхъ нашего въ нее пріѣзду отецъ мой, имѣвъ слишкомъ восемдесятъ лѣтъ, лишился зрѣнія, и главнымъ упраженіемъ моимъ было попеченіе о семъ родителѣ, истинно добромъ и чадолюбивомъ.

Свободные часы проводилъ я въ чтеніи духовныхъ книгъ, которыя стали тогда моими любимыми! * въ бесѣдахъ съ друзьями, имѣвшими ту же склонность, много занимался, какъ уже и за нѣсколько предъ

---

* Никогда не былъ еще я постояннымъ вольнодумцомъ, однако, кажется, больше старался утвердить себя въ вольнодумствѣ, нежели въ его безуміи, и охотно читывалъ Вольтеровы насмѣшки надъ религіею, Руссовы опроверженія и прочія подобныя сочиненія. Весьма замѣчательной со мною случай перемѣнилъ вкусъ моего чтенія и рѣшительно отвратилъ меня отъ вольнодумства.

Читая извѣстную книгу Systeme de la Nature, съ восхищеніемъ читалъ я въ концѣ ея извлеченіе всей книги, подъ именемъ Устава натуры (Code de la Nature). Я перевелъ уставъ этотъ, любовался своимъ переводомъ, но напечатать его нельзя было. Я расположился разсѣвать его въ рукописяхъ. Но только что дописали первую самымъ красивымъ письмомъ, какъ вдругъ почувствовалъ я неописанное раскаяніе. Не могъ заснуть ночью, прежде нежели сжегъ я и красивую мою тетрадку, и черную. Но все я не былъ спокоенъ, пока не написалъ, какъ бы въ очищеніе себя, разсужденія о злоупотребленіи разума нѣкоторыми новыми писателями и проч., которое въ первой разъ напечатано, помнится, въ 1780 году. Теперь у меня нѣтъ ни одного экземпляра. Вторымъ изданіемъ въ 1787 году, съ котораго напечатано въ нынѣшнемъ, 1809, въ Февральской книжкѣ ежемѣсячнаго изданія «Друга юношества.»

тѣмъ лѣтъ, извѣстнымъ обществомъ, которое и по нынѣ называютъ Мартинистскимъ и о коемъ много было и есть странныхъ и ложныхъ заключеній, происходящихъ или отъ пристрастія, или отъ злобы, или отъ невѣжества. Мартинистскимъ же называли его по тому, что въ то же время, какъ оно сдѣлалось здѣсь извѣстнымъ, Мерсье, въ своей картинѣ Парижа, называлъ тамъ Мартинистами нѣкоторое число людей, съ особливымъ любопытствомъ занимавшихся чтеніемъ недавно вышедшей извѣстной книги *О заблужденіяхъ и истинѣ*, которая тогда же и у насъ была переведена и напечатана, и которой сочинитель былъ нѣкто *Ст.—Мартенъ*, мужъ почтенной своими знаніями и добродѣтелями.

Цѣль его общества была издавать книги духовныя и наставляющія въ нравственности истинно Евангельской, переводя глубочайшихъ о семъ писателей на иностранныхъ языкахъ и содѣйствовать хорошему воспитанію, помогая особливо готовящимся на проповѣдь слова Божія чрезъ удобнѣйшія средства пріобрѣтать знанія и качества, нужныя къ оному званію, для чего и воспитывались у насъ больше 50 семинаристовъ, которые отданы были отъ самихъ епархіальныхъ Архіереевъ, съ великою признательностію.

Члены общества сего упражнялись въ познаніи самаго себя, творенія и Творца, по правиламъ той науки, о которой говоритъ Соломонъ, въ книгѣ премудрости гл. VII, ст. 17—22*, содержащимся въ Библіи и въ писаніяхъ мужей, непосредственнымъ откровеніемъ просвѣщенныхъ отъ Бога, науки, открывающей начала всѣхъ вещей, безъ познанія коихъ никогда натура вещей истинно извѣстна быть не можетъ. Возможность же откровенія онаго во всѣ времена не сомнительна для всякаго разумнаго и вѣрующаго Христіянина, и самый нехристіянинъ, но только бытіе всемогущаго Бога не отвергающій и здравой имѣющій смыслъ, не можетъ отвергать возможности сей, безъ ощутительной прогрѣшности противъ разсудка.

Сіе происходило года за два до вступленія моего въ общество. Первыя же книги, родившія во мнѣ охоту къ чтенію духовныхъ, были: извѣстная «О заблужденіяхъ и истинѣ», и Арндта «О истинномъ Христіянствѣ.»

* Сей бо даде мнѣ о сущихъ познаніе неложное, позвати составленіе міра и дѣйствіе стихій, начало, и конецъ и средину временъ, возвратовъ премѣны и измѣненія временъ, лѣтъ круги и звѣздъ расположенія, естество животныхъ и гнѣвъ звѣрей, вѣтровъ усиліе и помышленія человѣковъ, разнство прорасленій и силы кореній.

Вотъ какое было наше упражненіе. Мы учились. Многимъ это казалось и покажется смѣшно, но простолюдинская пословица: *Вѣкъ живи, вѣкъ учись*, гораздо умнѣе такого смѣха.

Когда человѣкъ сколько ни будь съ благоразуміемъ помыслитъ о бытіи своемъ, то поразится удивленіемъ, какъ мало люди, и самыми разумными слывущіе, занимаются тѣмъ, что необходимо нужно для вѣчнаго ихъ благополучія, и для истиннаго блага въ самой здѣшней жизни, которое состоитъ въ томъ единомъ, чего никто и ничто лишить человѣка не можетъ.

Единое сіе заключается въ духѣ Христовомъ, долженствующемъ быть истинною жизнью человѣка; въ духѣ чистой любви къ Богу и ближнему, которая есть единственный источникъ совершенной добродѣтели.

Въ школахъ и на каѳедрахъ твердятъ: Люби Бога, люби ближняго; но не воспитываютъ той натуры, коей любовь сія свойственна, какъ бы разслабленнаго больнаго, не вылѣчивъ и не укрѣпивъ, заставляли ходить и работать.

Надобно человѣку, такъ сказать, морально перeродиться: тогда Евангельская нравственность будетъ ему природна; тогда онъ будетъ любовію къ Богу любить ближняго, и очень возможно будетъ ему исполненіе заповѣди: обращать другую щеку, ударившему по одной, заповѣди, которой смыслъ есть, конечно, тотъ, чтобъ въ самомъ глубокомъ смиреніи и безъ гнѣва сносить обиды. Примѣръ чувствованій, съ какими сносимъ мы, порочны будучи, огорченіе и обиды отъ тѣхъ, коихъ мы любимъ по страстямъ нашимъ, легко можетъ объяснить намъ возможность неограниченнаго терпѣнія и любви къ ближнимъ и къ самымъ врагамъ своимъ у людей, имѣющихъ сердца, очищенныя Божественною добродѣтелью.

Сіе моральное перерожденіе, чрезъ которое только человѣкъ становится образцомъ и подобіемъ Божіимъ, и которое долженствуетъ быть главнымъ предметомъ всѣхъ уставовъ и упражненій Христіянской Церкви, не можетъ, конечно, произойти безъ дѣйствія силы всемогущей; но непремѣнно содѣйствовать оному должна и воля человѣческая, коей свобода дана отъ Бога, какъ даръ величайшій и особенно составляющій величіе человѣка. Самопознаніе долженствуетъ руководствовать оное содѣйствіе, открывая человѣку, сколь далеко онъ совратился съ пути истиннаго, съ пути нерушимаго блаженства своего. Познаніе Творца и творенія открываетъ человѣку связь

его съ ними и цѣль его созданія. Безъ сего познанія не можетъ быть основательное познаніе самаго себя. Безъ познанія же самаго себя не можно имѣть премудрости. Страхъ Божій есть начало ея. О семъ пишутъ и говорятъ при всякомъ воспитаніи, но ни мало не пекутся вселять спасительный страхъ сей въ души.

Здѣсь представляется вся глубина того паденія и забвенія, въ которомъ мы живемъ. Всякой скажетъ, что онъ ни мало не сомнѣвается въ томъ, что Богъ вездѣ, все знаетъ, все видитъ и все слышитъ; въ чемъ не можно, конечно, и сомнѣваться, не сомнѣваясь въ бытіи Божіемъ. Но ежели бъ имѣли мы въ сердцахъ истинную, какъ должно, къ сему вѣру, то какъ бы могли мы, зная, что всегда мыслимъ и дѣйствуемъ предъ очами Божіими, мыслить и дѣйствовать такимъ образомъ, какъ бы мы постыдились, или убоялись, и предъ человѣкомъ цѣломудреннымъ, или почтеннымъ.

Не можно довольно съ самаго младенчества и до конца жизни воспитывать въ людяхъ оной святой навыкъ ощущенія вездѣ присутствія Божія. Одно сіе ощущеніе можетъ раждать страхъ Божій, которой есть соль истинной добродѣтели, и коего совершенство должна быть любовь, побуждающая вести жизнь угодную Богу, не изъ страха наказаній отъ него, а изъ любви къ нему; подобно тому какъ дѣти, прямо любящіе родителей чадолюбивыхъ, опасаются огорчить ихъ не для того, что боятся ихъ наказаній. Они увѣрены въ ихъ любви, коей нѣжность оскорбить боятся.

Но самыя наказанія Божіи въ здѣшней жизни и по смерти суть только очистительныя дѣйствія любви его къ намъ, и слѣдствія нашей собственной нечистоты и грѣховъ нашихъ, какъ боль рѣзца въ рукахъ врача бываетъ иногда необходимымъ и спасительнымъ средствомъ къ исцѣленію болѣзни, которая есть слѣдствіемъ порока и невоздержности.

Вотъ нѣкоторыя черты предмета, бывшаго у насъ общества и нашихъ въ немъ упражненій. Люди, какъ бы почитающіе себѣ за должность осуждать другихъ и порицать то, чего совсѣмъ не знаютъ, распускали разныя о насъ толки. Шумъ былъ великъ, потому что людей такихъ много, и больше еще тѣхъ, которые столько же охотно вѣрятъ всякому дурному о другихъ, сколько не хотятъ повѣрить доброму.

Порочили особливо тайность общества и его собраній. Для чего, говорили, таино дѣлать хорошее? Отвѣтъ на это легокъ. Для чего

въ собраніяхъ, такъ называемыхъ, лутчихъ людей или публики, не только никогда не говорятъ, да и не можно говорить, о Богѣ, о добродѣтели, о вѣчности, о суетѣ жизни, о томъ, сколь порочны люди и какъ нужно имъ заботиться о нравственномъ своемъ исправленіи и проч?

Между тѣмъ коварство и алчность къ наградамъ за выслуги, на клеветѣ и вредѣ ближнему основанные, старались представлять насъ подозрительными и для спокойства общаго не безопасными. Такимъ образомъ дѣйствующихъ во мракѣ навѣтничества было не мало. Но одинъ хитрѣйшій на то время вельможа и царедворецъ, въ часы колебанія своего могущества, которое и въ немъ не могло быть безпрестанно неподвижнымъ, хотя при разныхъ переворотахъ и жизнь его скончалась среди блеску онаго, для поддержанія себя выдумалъ навлечь подозрѣніе на существовавшую будто связь съ обществомъ нашимъ у ближайшей къ престолу особы.

Искусно внуша такое подозрѣніе, искусно же не допускалъ онъ и до розыска, вѣроятно, для того, что, не имѣвъ сердца жестокаго, при всей своей политической нещадности, не хотѣлъ онъ жертвовать людьми, никакого зла ему не причинившими, каковыя жертвы подобные ему характеры приносятъ себѣ только тогда, когда сіе необходимо требуется ихъ интересами, для которыхъ они, кромѣ себя, всѣмъ жертвуютъ.

Сіе вѣроятно; а извѣстно то, что розыскъ бы обличилъ его выдумку, которая тогда обратилась бы во вредъ ему самому. И такъ онъ старался только питать вселенное имъ подозрѣніе, выставляя себя за знающаго все, что въ государствѣ происходитъ, съ тѣмъ, что когда онъ хранитель особы Государыниной, то Ей нечего опасаться. Онъ все предъупредитъ.

По сему расположенію удерживалъ онъ отъ строгостей, и всѣ слѣдствія возбужденнаго подозрѣнія и гнѣва Государыни на общество, долго ограничивались тѣмъ, что нѣсколько разъ запечатаны были и пересматриваны изданныя нами книги, нѣкоторыя изъ нихъ запрещены и Н. И. Новиковъ отосланъ былъ на испытаніе въ законѣ къ Московскому Архіепископу, которой нашелъ его такимъ христіаниномъ, какихъ бы желалъ онъ, чтобъ было больше. Сими словами доносилъ Преосвящ. Платонъ о порученномъ ему испытаніи.

Первое же дѣйствіе придворнаго негодованія на общество наше явно открылось противъ меня; и сіе-то было оное сильное предъ-

убѣжденіе, съ которымъ Графъ Брюсъ пріѣхалъ начальствовать въ Москву и коимъ, особливо побуждаясь, гналъ онъ меня, какъ я описывалъ.

По пріѣздѣ своемъ въ Москву не только обходился онъ со мною крайне ласково и учтиво, но даже увѣрялъ, и казалось искренно, въ желаніи имѣть самое короткое и пріятельское со мною знакомство, изъявляя при томъ особливое ко мнѣ уваженіе. Сіе продолжалось нѣсколько времени и послѣ разсказаннаго мною спора моего съ нимъ о числѣ ударовъ, при которомъ поступилъ онъ такъ похвально.

Но вдругъ Графъ Брюсъ говоритъ мнѣ на единѣ, что извѣстно, что я нахожусь въ ономъ обществѣ, и что хотя онъ самъ бывалъ въ подобномъ и зная всю святость его цѣли и упражненій, понесетъ онъ въ сердцѣ своемъ уваженіе къ нимъ и во гробъ (сіи были точныя его слова), однако въ нѣкоторыхъ чинахъ и лѣтахъ уже непристойно симъ заниматься. «Естьли это таково, какъ Ваше Сіятельство сказывать изволите», отвѣчалъ я ему, «то мнѣ кажется, что чѣмъ больше лѣтъ и чиновъ имѣетъ человѣкъ, и чѣмъ важнѣйшею обязанъ должностію, тѣмъ пристойнѣе и нужнѣе упражняться ему въ томъ, что его просвѣщаетъ, учитъ добродѣтели и заставляетъ исполнять ея правила.»

Разговоръ нашъ былъ длинной и долго съ обѣихъ сторонъ довольно равнодушный. Предметъ его былъ тотъ, что Графъ Брюсъ настоятельно требовалъ, чтобъ я оставилъ общество и упражненія оныя, и что это будетъ угодно Государынѣ. «Волю ея о семъ, что ли», спросилъ я его, «объявляете Вы мнѣ?»—Нѣтъ, говорилъ онъ, но можете разумѣть, что не отъ себя говорю я Вамъ это. «Что жъ», отвѣчалъ я, «неужели Государыня изволитъ знать о моихъ связяхъ и упражненіяхъ? Я думаю, едва ли Ей извѣстно мое имя и существованіе на свѣтѣ». «Да», сказалъ онъ, «Вы Ей слишкомъ извѣстны, и она непремѣнно требуетъ отъ васъ того, что вы отъ меня слышите.» — «Позвольте мнѣ усумниться», говорилъ я, «чтобъ такой мудрой Государынѣ было неугодно такое доброе дѣло, какимъ и вы его признаете». «Да, Она не такъ думаетъ», отвѣчалъ онъ.—«Можетъ по тому», говорилъ я, «что оно Ей непрямо извѣстно; такъ стоитъ только ей объяснить; а объ дѣлахъ добрыхъ не только полезно, да и долгъ вѣрнаго подданнаго объяснять Государямъ правду.» — «Ты поди, объясняй Ей», сказалъ онъ мнѣ съ жаромъ, и съ очень сильнымъ, требовалъ моего согласія на его предложеніе.

Я говорилъ, что осмѣливаюсь сказать ему откровенно, и такъ, что онъ можетъ донести мои слова самой Государынѣ, что не могу я повѣрить, чтобъ Ея Величеству угодно было, чтобъ кто ни будь оставилъ столь хорошія упражненія. Естьли жъ Она того желаетъ, по противному объ нихъ понятію, не имѣя способовъ получить истиннаго, то я думаю угождать въ такомъ случаѣ мыслямъ Ея была бы слабость и чувство, противное тому уваженію, какое имѣть естественно къ столь великой Государынѣ; и что великодушіе Ея представляю я себѣ въ столь высокомъ степени, что такіе то подлые угождатели должны быть Ей больше всего неугодны.

«Знайте жъ», сказалъ мнѣ Графъ мой голосомъ, дрожащимъ отъ досады, «что съ теперешней минуты буду я всякое вамъ зло дѣлать», и побѣжалъ вонъ, хлопнувъ дверью, а я спокойно поѣхалъ домой.

На другой день далъ онъ то грозное предложеніе Палатѣ, о коемъ я описывалъ, и къ дѣлу о купцахъ онъ только придрался. Принося на меня Государынѣ жалобу за поданное мною объясненіе и удержанную имъ прозьбу мою объ отставкѣ, описывая упрямство мое будто по службѣ, описалъ онъ, конечно, и съ оттѣнками еще своими, и послѣднюю между нами сцену. Государыня имѣла привычку его жаловать, и онъ къ ней писывалъ свободно.

И такъ въ концѣ 1784 года открылись давно уже продолжавшіяся негодованія и подозрѣнія Двора противъ нашего общества. Коварство, клевета, злоба, невѣжество и болтовство самой публики питали ихъ и подкрѣпляли. Одни представляли насъ совершенными святошами; другіе увѣряли, что у насъ въ системѣ заводить вольность; а это дѣлалось около времени Французской революціи. Третьи, что мы привлекаемъ къ себѣ народъ и въ такомъ намѣреніи щедро раздаемъ милостиню. Иные разсказывали, что мы бесѣдуемъ съ духами невѣря при томъ существованію духовъ, * и разныя разглашали нелѣпости, которымъ столько жъ неблагоразумно вѣрить, сколько непохвально распускать ихъ. Однако всѣ сіи слухи имѣли свое дѣйствіе, сколь ни были они ложны и одинъ другому противны; ибо и святые,

---

* Вѣруя, что есть Богъ, всемогущій творецъ, духъ непостижимый и, конечно, вездѣсущій, весьма безразсудно думать, что строенія его ограничиваются однимъ видимымъ нами твореніемъ, и не вѣрить бытію существъ невидимыхъ, а полагая бытіе овыхъ, безразсудно же не вѣрить, чтобъ они могли имѣть вліяніе на человѣковъ.

и бунтовщики, и проказники, и суевѣры, и замысловатые обманщики: всего этого, разсудя, нельзя связать хорошенько.

У страха, говорятъ, глаза велики. Вотъ отъ чего прямо родились и возрасли негодованія оныя и подозрѣнія. А сему содѣйствовали довѣренность къ навѣтамъ, обычай слушать шпіоновъ, которые должны необходимо лгать, потому что ежели они будутъ правду доносить о тѣхъ, коихъ подозрѣваютъ напрасно, то естественно потеряютъ несчастную къ нимъ довѣренность и съ нею корысть свою; обычай также полагаться на искуство полиціи, которая почти всегда строитъ свою фортуну на безпокойствѣ жителей, вмѣсто того, чтобъ ей сохранять ихъ покой.

Много также дѣйствовали предъубѣжденіе и ненависть, которыми съ невѣжествомъ исполнены люди противъ строгой морали и всякой духовности, коими отличались издаваемыя нами книги.

Всѣ сіе усилилось началомъ революціи въ Парижѣ въ 1789 году, которой произведеніе тогда приписывали тайнымъ обществамъ и системѣ философовъ; только ошибка въ этомъ заключеніи была та, что и общества оныя и система были совсѣмъ непохожи на наши. Нашего общества предметъ былъ добродѣтель и стараніе, исправляя себя, достигать ея совершенства, при сердечномъ убѣжденіи о совершенномъ ея въ насъ недостаткѣ; а система наша, что Христосъ начало и конецъ всякаго блаженства и добра въ здѣшней жизни и въ будущей. Той же философіи система — отвергать Христа, сомнѣваться въ безсмертіи души, едва вѣрить, что есть Богъ, и надуваться гордостію самолюбія. А обществъ оныхъ предметъ былъ: заговоръ буйства, побуждаемаго глупымъ стремленіемъ къ необузданности и неестественному равенству.

Но изъ того, что бываютъ тайныя общества вредныя, ни какъ не можно съ благоразуміемъ заключить, чтобъ не могли быть и полезныя. Извѣстны примѣры, что давали отраву въ Причастіи. Но что жъ изъ того заключить можно противъ Причастія? Мистеріи древнихъ служатъ сильнымъ доказательствомъ возможности добрыхъ и полезныхъ обществъ тайныхъ.

Впрочемъ, главною причиною революціи ставить самую оную философію и общества, похоже, мнѣ кажется, на то, какъ иногда больныя, изнуривъ себя и всѣ свои соки испортивъ невоздержностью и неосторожностью, не желая признаваться въ прямыхъ причинахъ своихъ болѣзней, стараются ихъ приписывать какимъ ни будь не важ-

нымъ постороннимъ случаямъ, въ конецъ они невинны и которые бы для нихъ совсѣмъ нечувствительны были, естьли бъ разслабленное тѣло ихъ не было уже готово разрушиться.

Злоупотребленіе власти, ненасытность страстей въ управляющихъ, презрѣніе къ человѣчеству, угнетеніе народа, безвѣріе и развратность нравовъ: вотъ прямые и одни источники революцій. Всѣ законодательства, всѣ училища, всѣ устройства, безъ истиннаго живаго духа вѣры, безъ духа Христова, безъ свѣта премудрости Божіей, суть то для тѣла политическаго, что, безъ кровочистительныхъ, лѣкарства и пластыри, могущіе залѣчивать наружныя болячки для больнаго, у котораго кровь нечистотами испорчена.

Неудовольствія оныя правительства, подозрѣнія, скрытые присмотры полиціи, толки и шумы публики, то уменьшаясь, то прибавляясь, продолжались лѣтъ семь. Много имѣли мы непріятелей, а защитниковъ съ голосомъ никого, ни при Дворѣ, нигдѣ. Мы столько были невинны, что и не старались оправдываться, а только при случаяхъ простодушно говорили правду о цѣли и упражненіяхъ нашего общества, но намъ не вѣрили.

Хотя и собранія наши наконецъ пресѣклись, однако подозрѣніе на насъ ни сколько не уменьшилось. Открывали на почтѣ наши письма, и всѣхъ моихъ писемъ копіи, особливо къ одному тогда пріятелю, бывшему въ чужихъ краяхъ, отсылались къ Государынѣ. Я симъ ни мало не безпокоился, и знавши, писалъ всегда такъ, какъ бы я говорилъ наединѣ въ полной откровенности.

Однажды вздумалось мнѣ воспользоваться симъ обстоятельствомъ, чтобъ въ письмѣ къ моему пріятелю, стати расположа, описать все существо и дѣйствіе нашего общества, и такъ справедливо, что ни какими бы слѣдствіями и розысками инаго не могло открыться, потому что самъ сердцевѣдецъ видѣлъ, что инаго не было. И подлинно въ планѣ и общихъ дѣйствіяхъ нашего общества не было ни чего, кромѣ очень добраго и полезнаго для сердецъ нашихъ и для отечества. Естьли же и были между нами частныя, въ обществахъ людскихъ неизбѣжныя, слабости, или ошибки, то они имѣли не больше вліянія на общее государства, какъ слабости и ошибки милліоновъ, составляющихъ его и подверженныхъ таковымъ недостаткамъ въ человѣчествѣ.

Въ письмѣ томъ къ пріятелю моему повторилъ я сказанное мною нѣкогда Графу Брюсу, что и Государи могутъ ошибаться, и что

ежели Государыня, не имѣя прямаго понятія о какой ни будь доброй вещи, дурныхъ объ ней мыслей, то ни какъ нѣтъ долга соображаться съ такимъ Ея заключеніемъ, и угождать ему была бы величайшая подлость, измѣна въ душѣ правиламъ добродѣтели, грѣхъ предъ Богомъ и предъ Ея собственно истиннымъ величіемъ. Я написалъ сіе точно для того, чтобъ Она прочитала.

Еще изданіемъ и публичною продажею нѣкотораго Катихизиса употребилъ я средство представить въ самыхъ истинныхъ и краткихъ чертахъ всѣ начала науки и нравственности нашего общества. Сіе мнѣ случилось нечаянно. Часто бывалъ я тогда у Преосвященнаго Платона, Митрополита Московскаго, котораго отличнымъ благорасположеніемъ я всегда пользовался. Онъ очень въ разговорахъ возставалъ противъ нашего общества, однако жъ разставались мы всегда пріятелями. Однажды разговаривая съ нимъ, при возраженіяхъ на его критику, родилась у меня мысль объ ономъ Катихизисѣ, и я его тутъ же составилъ такъ, что, пріѣхавъ домой, тотчасъ его написалъ и, переведя на Французской языкъ и напечатавъ его въ типографіи компаніи нашей, отдалъ знакомому книгопродавцу продавать, какъ новую книжку, полученную изъ чужихъ краевъ. Все сіе тогда извѣстно было только троимъ изъ самыхъ короткихъ моихъ.

Я помѣщу его здѣсь. Не зная, сходно ль это будетъ съ порядкомъ историческаго сочиненія, но я уже сказалъ, что я не ученой, слѣдовательно, несоблюденіе мною правилъ учености извинительно, особливо въ сихъ Запискахъ, которыя пишу только для пріятелей и для любопытныхъ, * изъ коихъ, можетъ быть, охотники до сказокъ будутъ быль мою читать тѣмъ охотнѣе, что это подлинно было, и тетрадка та можетъ быть пріятна будетъ ихъ любопытству. Вотъ она:

* Записки сіи диктовалъ я по вечерамъ, для провожденія времени, и никогда бы онѣ сочинены не были, естьли бъ мнѣ писать своею рукою.

НРАВОУЧИТЕЛЬНЫЙ

КАТИХИЗИСЪ

ИСТИННЫХЪ Ф-КЪ М-ВЪ.

Аще сынъ вы свободитъ, тогда свободни будете.

---

1. Истинный ли ты Ф. М.?

Мнѣ извѣстны та невидимая и неустроенная земля, и тѣ воды, на коихъ носился духъ великаго строителя вселенной при ея сотвореніи.

2. Чѣмъ наипаче отличается истинный Ф. М.?

Духомъ собратства который одинъ есть духъ съ Христіанскимъ.

3. Какая цѣль орд. истинныхъ Ф. М.?

Главная цѣль его таже, что и цѣль истиннаго Христіанства.

4. Какой главный долгъ истиннаго Ф. М?

Любить Бога паче всего, и ближняго, какъ самого себя, или еще болѣе, по примѣру Св. Павла, который желалъ даже быть анаѳема и отлученъ быть отъ Іисуса Христа, ради своихъ братій. Рим. IX. 3.

5. Какое должно быть главное упражненіе (работа) истинныхъ Ф. М.?

Послѣдованіе Іисусу Христу.

6. Какія суть дѣйствительнѣйшія къ тому средства?

Молитва, упражненіе воли своей въ исполненіи заповѣдей Евангельскихъ, и умерщвленіе чувствъ лишеніемъ того, что ихъ наслаждаетъ; ибо истинный Ф. М. не въ иномъ чемъ долженъ находить

свое удовольствіе, какъ токмо въ исполненіи воли небеснаго Отца.

7) Гдѣ истинный Ф. М. долженъ совершать свою работу?

Посреди сего міра, не прикасаяся сердцемъ къ суетамъ его, и въ томъ состояніи, въ которое каждый былъ призванъ. 1 Кор. VII, 20.

8) Какія суть самыя вѣрныя знаки послѣдованія Іисусу Христу?

Чистая любовь, преданность и крестъ.

9) На какой матеріи работаютъ мудрые отцы истинныхъ Ф-къ М-въ?

На той же, изъ которой все сотворено.

10) Въ чемъ состоитъ ихъ искуство?

Въ наукѣ вѣдать тайны Царствія Божія, кои другимъ сообщаютъ они въ притчахъ, поколику то нужно къ созиданію Царства сего.

11) Гдѣ мѣсто ихъ пребыванія?

Въ обновленномъ Едемѣ.

12) По чему таинство Ордена не можетъ быть всякому извѣстно?

По тому же, по чему не всякій можетъ видѣть и ощущать присутствіе Бога вездѣ сущаго.

13) Чѣмъ пріобрѣтается оное таинство?

Возрожденіемъ.

14) Что открывается симъ таинствомъ?

То, чего око не видѣло и ухо не слышало, и на сердце человѣку не всходило: сіе-то Богъ чрезъ таинство оное открываетъ возлюбленнымъ своимъ.

15) Всѣ ли Ф-къ М-ны должны искать онаго таинства?

Изучаясь познавать въ натурѣ пути, къ нему ведущіе, должны они всѣ искать, во первыхъ, Царствія Божія и правды его, и каждому изъ нихъ потребное приложится волею Божіею, которую одну любить должно.

16) Какихъ свойствъ долженъ быть тотъ, который можетъ получить (имѣть) оное таинство?

Онъ долженъ быть таковъ, что хотя бы имѣлъ способъ излѣчать всѣ болѣзни тѣла и жить нѣсколько сотъ лѣтъ, по примѣру древнихъ праотцевъ, совсѣмъ тѣмъ могъ бы терпѣливо сносить и не помогая себѣ жесточайшую боль, и быть въ готовности на завтра

умереть безъ роптанія; также чтобъ былъ готовъ сносить величайшую бѣдность, обладаючи способами производить богатства, превосходящія богатства всего міра, и имѣя средство бесѣдовать съ Ангелами, могъ бы смиренно пребывать въ глубочайшемъ невѣжествѣ, когда то угодно волѣ источника свѣта, и имѣя съ Іисусомъ Навиномъ силу остановить солнце, и съ Иліею отверзать и затворять небо, считалъ бы себя менѣе всѣхъ, и могъ бы скитаться безъ роптанія по землѣ, не имѣя мѣста, гдѣ на оной преклонить главу свою. Однимъ словомъ, ни чѣмъ бы не желалъ наслаждаться, и на все бы рѣшился, естьли бы оное потребно было для исполненія воли небеснаго своего Владыки.

17) Какая должность истиннаго Ф. М. въ разсужденіи своего Государя?

Онъ долженъ Царя чтить и во всякомъ страхѣ повиноваться ему, не токмо доброму и кроткому, но и строптивому. 1. Петр. II, 17, 18. Ефес. VI, 5, 7.

18) Какія обязанности въ разсужденіи властей управляющихъ?

Онъ долженъ быть покоренъ вышнимъ властямъ, не токмо изъ страха наказанія, но и по долгу совѣсти. Рим. XIII, 1 — 5.

19) Какая обязанность истиннаго Ф. М. въ разсужденіи внѣшняго Богослуженія?

Почитая его установленія и обряды, долженъ онъ прилѣжно ими пользоваться, какъ средствомъ для внутренняго; чему надлежитъ быть ихъ предметомъ во всѣхъ Христіанскихъ учрежденіяхъ Богослуженія внѣшняго.

20) Какъ истинный Ф М. долженъ поступать съ подвластными ему?

Наиболѣе долженъ онъ пещись о ихъ вѣчномъ блаженствѣ, воспитывая ихъ во страхѣ и ученіи Господнемъ; обязанъ наблюдать между ними правду и уравненіе, оказывать имъ снисхожденіе и обходиться съ ними безъ жестокости, памятуя, что всѣ имѣютъ общаго Владыку на небѣ, у котораго нѣтъ лицепріятія. Ефес. VI, 4, 9. Колос. IV, 1.

21) Какъ долженъ онъ поступать со всѣми людьми вообще?

Всѣхъ долженъ любить для Бога, желать имъ всѣмъ всякаго въ немъ блага, и вспомоществовать имъ сколько ему возможно.

22) Какъ онъ долженъ расположенъ быть противу своихъ враговъ?

Любить ихъ.

23) А противъ тѣхъ, кои клянутъ его?

Благословить ихъ.

24) Какъ онъ долженъ поступать съ ненавидящими его?

Дѣлать имъ добро.

25) А съ тѣми, которые гонятъ его?

Молиться за нихъ.

26) Какъ долженъ истинный Ф. М. поступать съ тѣми, которые у него просятъ?

Онъ не долженъ отказывать тому, кто хочетъ у него занять; просящему долженъ давать; и когда даетъ милостыню, то чтобъ его лѣвая не знала, что дѣлаетъ правая. *

27) Что долженъ истинный Ф. М. дѣлать съ тѣмъ, кто хочетъ съ нимъ судиться и лишить его принадлежащаго ему?

Естьли кто хочетъ съ нимъ судиться и отнять у него платье, то долженъ онъ отдать ему и рубашку; и естьли кто пожелаетъ заставить его итти съ собою версту, то итти съ нимъ и двѣ. Матѳ. V, 40, 41.

28) Что долженъ онъ дѣлать съ тѣмъ, кто его обидитъ?

Естьли кто ударитъ его по одной щекѣ, то онъ долженъ оборотить ему и другую.

29) Слѣдовательно, онъ не можетъ быть на войнѣ?

Истинный Ф. М. чтитъ Царя и повинуется властямъ управляющимъ.

30) Какое должно быть правило истиннаго Ф. М. въ исправленіи долга своего къ отечеству?

Зная, что не только каждое дѣйствіе и каждое слово, но даже каждая мысль, каждой взглядъ, каждый вздохъ, служатъ къ распро-

---

* Истинные Ф. М. должны наблюдать сіе правило во всѣхъ добрыхъ поступкахъ, также должны они молиться тайно, постясь, умащать главу свою и умывать лице, какъ сказано въ Евангеліи, и слѣдовать всѣмъ принятымъ въ общежительствѣ обычаямъ, какъ-то въ нарядахъ, въ обхожденіи, въ образѣ домашней жизни и проч., томъ подобномъ, избѣгая и виду лицемѣрія. Матѳ. V, 42; VI, 3, 6.

страненію Царствія Божія, или къ сопротивленію оному, и имѣя непрестанно сіе въ виду, долженъ онъ помнить при всемъ, чтобы онъ ни дѣлалъ, что чрезъ оное могутъ открываться правда, или благость Господня, котораго воля должна ему быть драгоцѣннѣе всего.

31) Какія чувства истинный Ф. М. долженъ имѣть къ своимъ родителямъ?

Долженъ ихъ почитать, слушать и любить (Ефес. VI, 1, 2), но такою любовію, которая бы не препятствовала ему быть ученикомъ Іисуса Христа, рекшаго: «Аще кто грядетъ по мнѣ, и не возненавидитъ отца своего и матерь, и жену, и чадъ, и братія, и сестръ, еще же и душу свою, не можетъ мой быти ученикъ. Лук. XIV, 26, т. е., не можетъ быть истиннымъ послѣдователемъ Христовымъ тотъ, кто не только всѣми оными естественными связями, но даже и любовію къ самому себѣ и всякимъ къ себѣ прилѣпленіемъ пожертвуетъ дѣятельному исполненію ученія Христова, и изъ ревности къ нему не возненавидитъ, или не отвергнетъ въ оныхъ всего того, что можетъ ему препятствовать.

32) Можетъ ли истинный Ф. М. жениться?

Богъ, видя, что человѣкъ утопаетъ во снѣ грѣховномъ, благоволилъ сотворить ему помощницу и, отдѣля отъ него натуру (часть) женскую, сдѣлалъ изъ оной жену. Быт. II, 21, 22.

Ученики Христовы услыша слова его о брачномъ состояніи, сказали ему: «лучше есть не женитися.» Онъ же рече имъ: «Не вси вмѣщаютъ словесе сего (не всѣ могутъ не жениться), но имъ же дано есть: суть бо скопцы, иже изъ чрева матерня родишася тако, и суть скопцы, иже скопишася отъ человѣкъ, и суть скопцы, иже исказиша сами себе Царствія ради Небеснаго. Могій вмѣстити, да вмѣститъ.» Матѳ. XIX, 10 — 12.

Въ откровеніи Іоанновомъ сказано, говоря о 144,000 искупленныхъ отъ земли: «Сіи суть, иже съ женами не осквернишася, зане дѣвственницы суть; сіи послѣдуютъ агнцу, амо же аще пойдетъ; сіи суть куплени отъ людей первенцы Богу и агнцу: и во устѣхъ ихъ не обрѣтеся лесть; безъ порока бо суть предъ престоломъ Божіимъ.» Апок. XIV, 4, 5.

Іовъ сказалъ: «Завѣтъ положихъ очима моима, да не помыслю на дѣвицу.» Гл. XXXI, 1. А св. Апостолъ Павелъ къ Коринѳяномъ говоритъ. «Хощу бо, да вси человѣцы будутъ, якоже и азъ (въ безбрачіи

и необщеніи плотскомъ съ женами); ащели не удержатся (естьли похоти плотской воздержать не могутъ), да посягаютъ: лучше бо есть женитися, нежели разжизатися.» І. Кор. VII, 7 — 9.

33) Какъ истинный Ф. М. долженъ поступать съ своею женою?

Долженъ ее любить, какъ Христосъ возлюбилъ Церковь, беречь ее и содержать, какъ свое собственное тѣло, и стараться, чтобъ она была освящена и омыта чистотою крещенія въ словѣ жизни. Ефес. V, 25, 26.

34) Какъ долженъ онъ воспитывать своихъ дѣтей?

Онъ долженъ, какъ скоро только возможно, начать воспитывать ихъ къ оному новому рожденію, безъ котораго не можно войти въ Царствіе Божіе, какъ говоритъ Христосъ. Іоан. III, 5.

35) Какъ истинный Ф. М. долженъ употреблять свое имѣніе?

Считая себя токмо орудіемъ Божіимъ, долженъ онъ знать, что всякая полушка можетъ служить или къ строенію дѣла Его и прославленію святаго имени Его на землѣ, или къ умноженію того, что оному препятствуетъ, и по сему долженъ поступать со ввѣреннымъ ему имѣніемъ.

36) Какъ долженъ онъ поступать въ разсужденіи пищи и питія?

Дѣлая все во славу Божію, долженъ тоже наблюдать и при вкушеніи пищи и питія. 1. Кор. X, 31; употреблять, долженъ умѣренно, не въ удовольствіе сластолюбія, но дабы только подкрѣпить тѣло, какъ храмину, которой надлежитъ быть яслями возрожденія и земною обителью истиннаго человѣка внутренняго и духовнаго, сотвореннаго по образу и по подобію Божескому. 1. Кор. II, 14, 15.

37) Какимъ образомъ истинный Ф. М. долженъ готовиться къ смерти?

Непрестанно стараясь умирать грѣху. Рим. VI.

38) Когда начинается истинная работа въ нравственности?

Когда человѣкъ начнетъ совлекаться ветхаго Адама.

39) Когда она оканчивается?

Тогда, какъ ветхій Адамъ совлеченъ совершенно.

40) Когда престанетъ всякой трудъ и работа?

Когда не останется на земли ни единой воли, которая бы не совершенно предалась Богу; когда золотой вѣкъ, который Богъ хощетъ

прежде внутренне возстановить въ маломъ своемъ избранномъ народѣ, распространится вездѣ и явится внѣшне, и когда царство самой натуры освободится отъ проклятій и возвратится въ средоточіе солнца.

Могій вмѣстити, да вмѣститъ.

Катихизисъ сей съ нѣкоторыми исключеніями и прибавками, по пристойности, назвавъ краткимъ изображеніемъ качествъ и должностей истиннаго Христіанства, присоединилъ я послѣ къ сочиненной мною въ то же почти время книгѣ, подъ названіемъ: *Нѣкоторыя черты о внутренней церкви, о единомъ пути истины и о различныхъ путяхъ заблужденія и гибели,* которая два раза напечатана: первой разъ въ 1798, а второй въ 1801 году. Она переведена очень хорошо на Французскій языкъ, и сей переводъ также напечатанъ въ С. Петербургѣ, а послѣ вышло оное изданіе въ Парижѣ съ аллегорическою картиною въ заглавіи моего сочиненія, изображающаго храмъ натуры и благодати, съ моимъ же изъясненіемъ, которое на Русскомъ при картинѣ оной въ большомъ видѣ выгравировано въ Москвѣ. * Недавно картина сія съ Французскимъ изъясненіемъ найлучшимъ образомъ выгравирована въ Лондонѣ. Оной же Катихизисъ точно въ томъ содержаніи, въ какомъ онъ написанъ и здѣсь помѣщенъ, присоединилъ я къ сочиненной мною, охотникамъ извѣстной, піесѣ подъ именемъ *Духовный Рыцарь или* ищущій премудрости, которое сочиненіе диковиннымъ случилось образомъ.

Вдругъ за обѣдомъ пришла мнѣ объ немъ мысль. Отобѣдавши тотчасъ пошелъ я прогуливаться. Въ прогулкѣ составился весь планъ, и я, съ Покровки дошедши только до Ниренбергскихъ лавокъ, скорыми шагами воротился домой, принялся писать; почти не вставая съ мѣста, писалъ часовъ шесть, и кончилъ сіе сочиненіе, содержащее въ себѣ листа четыре печатныхъ въ 8-ку мелкими литерами.

Въ этой піесѣ краткими чертами представлены главные пункты Герметической науки, образъ ея святилища, ходъ внутренняго обновленія человѣка и начала самопознанія и глубокой морали.

Для того же предмета, для котораго издалъ я свой нравоучительный Катихизисъ, заставилъ я написать извѣстную книжку: *Кто*

---

* Самой хорошій переводъ книги сей на Нѣмецкомъ языкѣ сдѣланъ нѣкоторымъ Г. Эвальдомъ, и помѣщенъ въ его Христіанскомъ мѣсячномъ изданіи.

можетъ быть добрымъ гражданиномъ и подданнымъ вѣрнымъ? которая также переведена на Французской и пущена была въ продажу. Сочинилъ ее по моему плану самый ближайшій другъ мой, Иванъ Петровичъ Тургеневъ, сей честнѣйшій человѣкъ, коего память всегда любезна будетъ всѣмъ, его знавшимъ и любящимъ добродѣтель.

Сочиненіе мое *О внутренней Церкви,* хотя напечатано уже въ то время, когда печатаніе подобныхъ матерій весьма правительствомъ терпимо было, однако, познакомивъ со мною многихъ, которыхъ вниманіе должно быть для меня лестно, навлекло мнѣ много и непріятелей. Нѣкоторые изъ духовныхъ намѣревались было воздвигнуть на него гоненіе, но время имъ въ томъ не благопріятствовало.

Для меня же сочиненіе сей книги будетъ всегдашнимъ утѣшеніемъ, потому что ощутительная мнѣ помощь Божія въ сочиненіи семъ, удостовѣряетъ меня въ его пользѣ. При всемъ томъ, однако жъ, очень умножилось удовольствіе мое отъ сдѣланнаго одобренія Г. Эккартсгаузеномъ, который называлъ книгу сію драгоцѣнною и истинною мудростью исполненною. Признаюсь также откровенно, что удовольствію оному причиною сколько самолюбіе мое, которое весьма еще далеко отъ своей смерти, сей единственной совершительницы чистой добродѣтели, столько же и подкрѣпленіе въономъ увѣреніи о пользѣ книги, какое естественно быть должно отъ такого мужа, коего по справедливости можно считать изъ величайшихъ свѣтилъ Божественнаго просвѣщенія, извѣстныхъ въ нашемъ времени.

Вниманіе его ко мнѣ всегда будетъ очень лестно для меня. И смиренію — у него бы мнѣ учиться надобно. Онъ писалъ ко мнѣ послѣднее, можетъ быть, въ жизни своей письмо, писалъ дней за десять до своей смерти, и присылалъ ко мнѣ въ манускриптѣ послѣднее же, думаю, сочиненіе свое о согласіи внѣшнихъ законовъ натуры съ внутренними законами духа, подъ названіемъ: *Наставленіе Клоаса, жреца натуры, Софрониму.* Въ письмѣ томъ пишетъ, что ежели сіе его сочиненіе заслужитъ мое одобреніе, то онъ будетъ продолжать его. Читая сіе я закраснѣлся, при всемъ столь живомъ, какъ сказалъ я выше, самолюбіи моемъ.

Оное сочиненіе Г. Эккартсгаузена нѣчто совершенное въ своемъ родѣ, и впрочемъ превосходящее всякую похвалу мою, переведенное на Русской языкъ, помѣщено въ отрывкахъ изъ его сочиненій, изданныхъ другомъ моимъ, Александромъ Федоровичемъ Лабзинымъ, которой перевелъ и напечаталъ многія сочиненія сего великаго мужа,

какъ и другихъ подобныхъ, и коего труды въ изданіи книгъ, споспѣшествующихъ распространенію свѣта Божественной мудрости и назиданію глубокаго Христіанства, при дѣятельности, великодушною твердостью примѣрной, по всей справедливости обязываютъ къ нему почтеніемъ и признательностью всѣхъ любителей истины и просвѣщенія сердечнаго. Одно изданіе извѣстнаго *Сіонскаго Вѣстника* должно дѣлать имя его любезнымъ и безсмертнымъ.

Книгу О внутренней Церкви сочинялъ я въ 1789 году, оправляясь, послѣ жестокой болѣзни, и многое изъ нея написано мною карандашемъ, въ старомъ саду Графа Разумовскаго, что на Гороховомъ Полѣ, которой тогда открытъ былъ для народнаго гулянья и въ которомъ я часто прохаживался.

Неожиданный переломъ болѣзни оной къ совершенному выздоровленію стоитъ того, чтобъ описать его. Всѣ знающіе, какъ дѣйство силы милосердія Божія чрезъ вѣру и раствореніе сердца любовью разливается и на физическую натуру, съ удовольствіемъ, конечно, прочтутъ сіе описаніе.

Отъ простуды сдѣлалась у меня, при безпрестанномъ почти кашлѣ, боль въ груди и въ боку и нѣсколько недѣль продолжалась уже изнурительная лихорадка (fièvre lente), вѣрная предвѣстница чахотки, которую медики, и въ числѣ ихъ одинъ искренній мой пріятель, мнѣ и объявили рѣшительно, успокоивая только меня тѣмъ, что въ разсужденіи лѣтъ моихъ, уже не самыхъ молодыхъ, могу еще я нѣсколько ихъ прокашлять.

Занемогъ я въ Великой постъ. На Страстной недѣлѣ семейство наше всегда имѣло обычай говѣть. Отецъ мой, въ разслабленномъ его состояніи, не могъ ѣздить въ церковь, и причащался дома. По болѣзни своей, и я также дома долженъ былъ тогда причаститься, послѣ обѣдни. Въ день причастія долго утромъ пролежалъ я отъ болѣзни въ постели, насилу всталъ. Между тѣмъ торопили меня итти къ отцу моему въ спальню слушать правило. Все это тревожило нетерпѣніе, больному еще больше свойственное. Отслушавъ правило, пришелъ въ свои комнаты одѣваться. Я спѣшу, а камердинеръ мой еще и умываться мнѣ не приготовилъ. Разсердился я до изступленія, руталъ его, не билъ только отъ говорившаго еще нѣсколько во мнѣ чувства долговременной любви къ нему и вниманія по отлично хорошему его поведенію. Но брань моя была такими язвительными словами, что побои легче бы ему, конечно, были.

Онъ дрожалъ, блѣднѣлъ, синія пятна показывались на лицѣ его. Увидѣвъ это, почувствовалъ я вдругъ всю мерзость моего поступка и, залившись слезами, бросился въ ноги къ моему камердинеру. Можно себѣ представить, какая это была сцена.

Тутъ мнѣ сказали, что священникъ пришелъ съ дарами. Я пошелъ въ слезахъ же и рыдая причащался, и причастился подлинно.

Проводя священника, легъ я отдохнуть. Уснулъ съ часъ и проснувшись, почувствовалъ въ тѣлѣ моемъ такую теплоту здоровья, какой медики уже для меня въ натурѣ не предполагали. Словомъ, я проснулся здоровъ.

Скоро послѣ того пріѣхалъ ординарный дома нашего докторъ. Посмотрѣвъ у меня пульсъ, удивился: «Вы совсѣмъ здоровы, говорилъ онъ мнѣ; въ пульсѣ Вашемъ не только уже нѣтъ ни сколько лихорадки, да онъ такой чистой и свѣжій, какъ бы у самаго здороваго человѣка. Ну, радъ я, прибавилъ онъ, что порошки мои такъ Вамъ помогли; однако скорость перемѣны необыкновенная.

Надобно примѣтить, что онъ мнѣ лѣкарства выписывалъ, а я ихъ не принималъ, и всѣ уже тогда давно оставилъ. За нѣсколько дней предъ тѣмъ принялъ было я одинъ именно изъ тѣхъ, по его мнѣнію, цѣлительнѣйшихъ порошковъ его, но у меня пошла кровь горломъ, и одинъ медикъ, который по пріязни меня всякой день посѣщалъ, совѣтовалъ ихъ не принимать, какъ могущихъ ускорить разрушительныя слѣдствія моей болѣзни.

Такимъ образомъ я совершенно выздоровѣлъ отъ болѣзни смертельной; только слабость нѣкоторая продолжалась почти все лѣто.

Поютъ: Дивенъ Богъ во святыхъ своихъ; но ежели можно осмѣлиться сказать, то онъ еще дивнѣе въ грѣшникахъ.

КНИГА ТРЕТІЯ.

Обратимся къ такъ называемой исторіи Мартинистовъ въ Москвѣ.

Подозрѣнія шпіонства и всѣ виды притѣсненія обществу нашему до крайней степени возрасли при вступленіи въ управленіе оною столицею Князя Прозоровскаго, смѣнившаго Петра Дмитріевича Еропкина, которой былъ человѣкъ разумной, богобоязливой и самыхъ честныхъ правилъ, а потому и дѣлалъ онъ развѣ только то, что необходимо принужденъ былъ дѣлать, исполняя порученія.

Портрета Князя Прозоровскаго писать я не буду, для того, чтобъ не дать какъ ни будь пищи своему пристрастію; ибо онъ такъ много былъ лично противъ меня, какъ только бы можно быть противъ своего злодѣя человѣку, не имѣющему даже понятія о томъ, что должно прощать врага своего; а я не только никогда ему зла не желалъ, не дѣлалъ и не могъ дѣлать, да и сердитъ на него не бывалъ. Его же такого непріязненнаго ко мнѣ расположенія, кромѣ многихъ доказательствъ, видѣлъ я одно самое сильное въ своеручныхъ его письмахъ, кои писалъ онъ тогда въ глубочайшемъ секретѣ и, конечно, не воображалъ, чтобъ я могъ когда ни будь ихъ читать.

Напрасно, однако жъ, думаютъ, чтобъ Князь сей былъ причиною всего того, что мы наконецъ потерпѣли. Нѣтъ. При описанномъ уже мною расположеніи Государыни, это было дѣйствіе замысловатѣйшихъ и сильнѣйшихъ при Дворѣ, нежели онъ, которые дѣйствіе сіе вмѣщали въ планъ упрочиванія и большаго со временемъ возвышенія своей фортуны, а Князя Прозоровскаго только выставляли и употребляли, какъ самое надежное, по характеру его, орудіе.

И подлинно, онъ вездѣ видѣлъ зло и опасность. Особливо подозрѣвалъ онъ раздачу милостыни. Обо мнѣ отзывался, между прочимъ, что я такъ много ея роздаю, что едва ли не дѣлаю фальшивыхъ ассигнацій, и даже, какъ я слышалъ отъ людей, весьма вѣроятія достойныхъ, навлекалъ въ томъ на меня сомнѣніе, приплетая тутъ и типографію, которая была нѣкогда подъ моимъ именемъ, и тогда

давно уже не существовала. А что представлялъ онъ меня человѣкомъ не безопаснымъ для общественнаго покоя, то видѣлъ я въ оныхъ его своеручныхъ письмахъ.

Кстатѣ о милостыни. Странно, какъ очень многіе противъ ея умствуютъ. Главная тому причина, кажется, желаніе оправдывать свое нехотѣніе подавать ее.

Правительству, конечно, нужно и должно стараться, чтобъ нищіе не шатались по улицамъ и по дорогамъ; однако такими средствами устройства, чтобъ, во первыхъ, не было ихъ, естьли то можно, и наконецъ, чтобъ ихъ переведя, не сдѣлать вдвое нещастныхъ, то есть, чтобъ не лишать людей сихъ единственнаго способа къ пропитанію, и притомъ еще съ притѣсненіемъ.

Но частному человѣку, имѣющему въ сердцѣ хотя искру любви къ ближнему, какъ отказать ему въ помощи? Какая можетъ быть въ томъ ошибка, что поданныхъ нѣсколько копѣекъ иной пропьетъ? А ежели отъ сдѣланнаго по сему отказа иногда человѣкъ долженъ будетъ сутки, или больше, терпѣть голодъ, или покусится на преступленіе, или замараетъ душу свою ропотомъ на судьбу, то каково должно это быть душѣ того, кто откажетъ, ежели въ ней есть чувствительность истиннаго человѣколюбія?

И мнѣ случалось иногда отказывать и съ нѣкорою досадою по тому, что просящій милостыни покажется мнѣ пьянымъ; однако признаюсь, я всегда очень радъ бывалъ, когда въ такомъ случаѣ, воротивъ того, кому отказалъ, заслуживалъ ему, и себя какъ бы наказывалъ дачею ему вдвое, говоря себѣ въ мысляхъ: Что! Развѣ ты самъ не преступалъ никогда предѣловъ трезвенности, и развѣ бѣдному и подлинно крайнюю нужду имѣющему не можетъ случиться лишнее выпить?

Впрочемъ, я въ себѣ расположеніе къ милостыни никакъ не щитаю добродѣтелью. Это во мнѣ природная склонность, какъ въ иныхъ бываетъ къ разнымъ скотамъ. Дѣлать удовольствіе людямъ всегда была страсть моя. Будучи еще ребенкомъ, я нарочно проигрывалъ мальчику, служившему при мнѣ, деньги, какія у меня случались—и любовался его о томъ радостью.

Но съ того времени, какъ я, по щастію, узналъ, въ чемъ состоитъ истинная добродѣтель, уже я старался склонность оную обращать на исполненіе закона сей добродѣтели, чувствами дѣланія для угожденія источнику любви, которой повелѣлъ: *просящему давать*. По-

мощь ближнему, при стараніи дѣлать ее изъ искренняго къ нему состраданія и для Бога, особливо воспитываетъ духъ въ чистой любви, которая есть магнитъ, привлекающій вездѣсущаго Духа Божія, готоваго всегда соединиться съ духомъ человѣческимъ; а въ семъ соединеніи состоитъ все истинное просвѣщеніе и блаженство.

Въ такомъ расположеніи милостыня всегда бываетъ полезна дающему, естьли бъ она и не нужна была тому, кому подается, какъ, напротивъ, благодѣяніе, сдѣланное въ прямую пользу того, кому оно сдѣлано, но изъ тщеславія, или самолюбія, ни сколько не приноситъ благословенія благодѣтелю, и не только не удобряетъ сердца его, но еще ожесточаетъ его въ самолюбіи, которое есть корень всѣхъ въ человѣкѣ пороковъ, и коего владычеству должно совсѣмъ истребиться, дабы Духъ Божій воцарился въ человѣка.

Но Князь Прозоровскій отмѣнной былъ неохотникъ до такой морали, и подаватели милостыни казались ему бунтовщиками. Представленія его не усиливали, конечно, нѣсколько, уже лѣтъ постоянно существовавшаго противъ насъ расположенія, но естественно, что частыми напоминаніями питали его.

Въ началѣ 1791 года Князь Безбородко, бывшій тогда Графомъ, подъ видомъ прогулки, пріѣзжалъ въ Москву съ Николаемъ Петровичемъ Архаровымъ для того, чтобъ произвести надъ нами слѣдствіе, съ указомъ о томъ Князю Прозоровскому, какъ Главнокомандующему въ Москвѣ. Врученіе указа сего для исполненія предоставлено было усмотрѣнію на мѣстѣ Князю Безбородку. Однако онъ подлинно погулявъ нѣсколько недѣль въ Москвѣ, возвратился, ничего не предпринимая, и не отдававъ указа Князю Прозоровскому, какъ слышалъ я отъ самаго послѣдняго, при сѣтованіи за то на Князя Безбородка. Безбородко ни къ чему не приступилъ, по своей проницательности, по мягкосердечію своему и можетъ быть по нѣкоторымъ личнымъ уваженіямъ дворскимъ. Впрочемъ, онъ и по разсужденію своему былъ совершенно противъ всего того, что съ нами дѣлали, и послѣ мнѣ даже говорилъ почти при первомъ свиданіи знакомства его со мною (въ 1794 году), еще при жизни Государыни, когда я жилъ въ отставкѣ и подъ нѣкоторымъ присмотромъ, что дѣло сіе не соотвѣтственно ея славѣ.

Но не могъ онъ, или не имѣлъ довольно твердости, не исполнить сдѣланнаго ему порученія, какъ ненужнаго, а представилъ причину неудобности исполнить его и такую, которая на нѣсколько мѣся-

цевъ удержала слѣдствіе, но подозрѣніе умножила до крайности. Онъ сказалъ, что я сжегъ бумаги, и что чрезъ то скрылись слѣды къ уликѣ и къ основательному изслѣдованію. Съ чего же это онъ взялъ, о томъ я разскажу, какъ о весьма достойномъ примѣчанія съ той стороны, что иногда самые невинные поступки, по связи съ обстоятельствами, могутъ имѣть всѣ виды подозрѣнія и неоправдательнаго. Сіе особливо полезно для вниманія судей въ дѣлахъ уголовныхъ.

Имѣвъ большую дирекцію и большую переписку по обществу нашему, имѣлъ я у себя много и бумагъ такого рода. Собираясь переходить въ новые комнаты, хотѣлъ я очистить свои бюро, и разобравъ бумаги, нѣсколько лѣтъ копившіяся, дралъ и жегъ самыя неважныя и ненужныя, а нужнѣйшія и важнѣйшія оставлялъ, и теперь могу поклястъся, что точно такъ было. Сіе дѣлалось мѣсяца за три до пріѣзда Князя Безбородка и когда я не ожидалъ никакого слѣдствія, особливо обыска въ домѣ отца моего, съ которымъ я жилъ всегда вмѣстѣ; шпіонство, окружавшее насъ, о семъ донесло. Князь Прозоровскій принялъ это по своему, а Безбородко узнавъ, обрадовался этому случаю, по своимъ же видамъ, и совсѣмъ инымъ.

Я и не подозрѣвалъ того: и вотъ какъ сперва свѣдалъ. Чрезъ нѣсколько мѣсяцевъ послѣ отъѣзда Князя Безбородка, разговаривая на единѣ съ Графомъ Алексѣемъ Григорьевичемъ Орловымъ-Чесменскимъ о происходящемъ противъ нашего общества, говорилъ я ему, что мнѣ удивительно, какъ Государыня, при отлично великомъ умѣ своемъ и чрезвычайной проницательности, не можетъ открыть невинность нашего общества и успокоиться отъ напрасныхъ на него подозрѣній, что самой обыкновенной, только опытной взоръ полицейской увидѣть это можетъ, что дѣйствія наши явныя, и по нихъ судить можно.

Мы воспитывали, говорилъ я, нѣсколько молодыхъ людей; стоитъ только изслѣдовать образъ мыслей, которой мы старались имъ вселить. Мы издали много книгъ. Конечно, на каждой страницѣ, естьли не на каждой строкѣ, почти каждой изъ нихъ найдете вы поученіе, что надобно истреблять въ себѣ самолюбіе, смиряться, все сносить, принимая все отъ руки Божіей, покоряться властямъ, какъ отъ него поставленнымъ и тому подобное. Что можно не понимая, или не любя такихъ правилъ, ихъ охуждать; но не сходно съ разсудкомъ, внушающихъ такія правила подозрѣвать въ замыслахъ:

мятежническихъ. Пусть можно ими закрываться затѣйщикамъ, притворно проповѣдуя ихъ иногда словами, обкладывая себя такими книгами; но такъ усердно и прилѣжно разсѣвать ихъ чрезъ такое множество книгъ въ народѣ, было бы точно притуплять свои орудія и дѣйствовать совершенно противъ себя; что можно провѣдать о свойствахъ и поведеніи составляющихъ общество, и увидѣли бы, что они не хуже лучшихъ изъ прочихъ; и что тѣ, которые въ службѣ изъ нихъ, отправляютъ ее не хуже и не съ меньшимъ усердіемъ, нежели другіе. Что можно нечаянно схватить наши бумаги.

При семъ-то Графъ, которой меня лично столько же любилъ, сколько былъ противъ общества нашего и правилъ его, а по связямъ большой близости своей тогдашней къ Двору многое зналъ, и во многомъ скрытно участвовалъ, и при семъ дѣлѣ сказалъ мнѣ: Какія же схватить бумаги, когда ты ихъ сожешь?—Почему жъ, говорю, думать, что ихъ жгутъ? — Да ты первой, отвѣчалъ онъ мнѣ, сжегъ, предъ пріѣздомъ сюда Безбородка съ Архаровымъ.

Я истинно даже и забылъ, что жегъ бумаги, какъ описывалъ выше, и долго увѣрялъ его, что этого не бывало, но онъ разсказалъ мнѣ даже почти часы тѣ и положеніе мѣста. Я вспомнилъ и разсказалъ ему, что такое подлинно было, и что совсѣмъ напротивъ; что я жегъ только самое ненужное и напрасно занимавшее у меня ящики, а самое интересное и нужное у меня цѣло, и я могу то доказать. Однако, онъ, при всей любви своей ко мнѣ и отлично хорошемъ обо мнѣ заключеніи, этому не вѣрилъ, и умеръ съ тѣмъ.

Вотъ, какъ откровенность коварствомъ, и самое обыкновенное, ничего незначущее, дѣйствіе, важнымъ и злымъ казаться могутъ.

Наконецъ, въ Апрѣлѣ 1792 года рѣшилось много разъ и нѣсколько лѣтъ предпріемлемое пораженіе нашего общества.

Вдругъ всѣ книжныя лавки въ Москвѣ запечатали, также типографію и книжные магазины Новикова, и домы его наполнили солдатами, и онъ изъ подъ Московной взятъ былъ подъ тайную стражу съ крайними предосторожностьми и съ такими воинскими нарядами, какъ будто на волоскѣ тутъ висѣла цѣлость всей Москвы.

Остро и смѣшно при семъ случаѣ сказалъ Графъ Кириллъ Григорьевичь Разумовскій Князю Прозоровскому, который ему разсказывалъ о важности ареста Новикова и о всѣхъ своихъ къ тому распоряженіяхъ: «Вотъ расхвастался, какъ городъ взялъ старичонку, скор-

ченнаго гемороидами, взялъ подъ караулъ; да одного бы десяцкаго, или будошника, за нимъ послать, такъ бы и притащилъ его».

Новиковъ содержался недѣли три въ Москвѣ, и потомъ отвезенъ окольными дорогами въ Шлиссельбургъ. Его везли на Ярославль и на Тихвинъ. Приставу отъ Князя Прозоровскаго предписано было съ особливою опасностію проѣзжать Ярославль, потому, де, что въ немъ была нѣкогда Масонская ложа, подъ покровительствомъ бывшаго тамъ Генералъ Губернаторомъ Алексѣя Петровича Мельгунова, котораго тогда и съ ложею уже нѣсколько лѣтъ на свѣтѣ не было. Я описываю подробности сіи для того, чтобъ представить, какъ дѣйствовали. Можно прямо сказать, что съ тѣнью своею сражались.

Въ Петербургъ Новиковъ ни на часъ привезенъ не былъ, а извѣстной Шешковской ѣздилъ его допрашивать въ Шлиссельбургъ. Мѣсяца три ничего не открывалось о томъ, что там происходило: и вдругъ Князь Прозоровской получилъ секретной имянной указъ, чтобъ Князя Николая Никитича Трубецкаго, Ивана Петровича Тургенева и меня, какъ главныхъ сообщниковъ, допросить, по приложеннымъ отъ Государыни пунктамъ, и потомъ объявить намъ ссылку на житье въ дальнихъ отъ Москвы деревняхъ, подъ присмотромъ и безъ выѣзду изъ тѣхъ губерній, въ которыя мы отправимся.

Тургенева тогда не было въ Москвѣ. Послѣ очень скораго окончанія въ одно утро допроса Трубецкому, призвалъ для онаго же Прозоровской меня късебѣ. Я очень спокойно принялъ этотъ призывъ и поѣхалъ съ присланнымъ за мною его Генеральсъ-Адьютантомъ, которой крайне удивляясь моему спокойству, простодушно говорилъ мнѣ, что онъ, видя меня, совершенно увѣренъ въ моей невинности. Спокойство мое не заслуживало удивленія; ибо оно подлинно, при невинности, естественно было: и напрасно многіе думаютъ, что безъ вины страдать тяжелѣ. При чувствахъ совѣсти вина, конечно, тяжелѣ казни, а невинность въ человѣкѣ немалодушномъ или торжествуетъ, или спокойна.

Безпокоила меня только мысль о томъ, что происходящее со мною можетъ поразить отца моего, которой тогда имѣлъ уже около девяноста лѣтъ и, лишенный зрѣнія, былъ въ крайней слабости тѣла, кромѣ головы, коей здравость сохранилась въ немъ почти до послѣдняго часа его жизни; а для того и старался я все отъ него скрывать.

Князь Прозоровской приступилъ къ допросу моему съ весьма строгими изъясненіями о важности дѣла. Я имѣлъ честь быть главною цѣлью его Сіятельства. Онъ ожидалъ раскрыть во мнѣ превеликаго злодѣя Государственнаго и надѣялся, что доведется меня арестовать, что ему позволено было, естьли бъ открылось что ни будь важнѣйшее изъ нашихъ допросовъ и изъ бумагъ, кои велѣно отъ насъ отобрать. Но какъ уже было предъубѣжденіе, что бумаги сожжены, то въ допросныхъ пунктахъ сказано было только, чтобъ мы при семъ представили наши бумаги, подъ страхомъ смертной казни за малѣйшую утайку.

И такъ ласкаясь, что доведется оказать со мною всевозможныя строгости. Князь Прозоровской призвалъ къ себѣ въ Петровской подъѣздной дворецъ, гдѣ онъ тогда жилъ, и гдѣ все сіе происходило, Оберъ-Полицмейстера очень скрытно, и посадилъ его одного въ особую комнату, часу въ пятомъ послѣ обѣда, въ которомъ и я къ нему пріѣхалъ. Занимаясь со мною, забылъ Князь объ Оберъ-Полицмейстерѣ, которой, въ ожиданіи приказа, просидѣлъ одинъ до полуночи безъ свѣчъ. Забыли, или не смѣли къ нему ихъ внести, а это дѣлалось уже въ Августѣ. Князь противъ чаянія своего не нашелъ ему упражненія со мною, отпустилъ его домой съ извиненіемъ, что такъ продержалъ его. Это мнѣ сказывалъ самъ тогдашній Оберъ-Полицмейстеръ, признаваясь, что не одну сотню бранныхъ словъ, которыхъ непристойно пересказывать, отпустилъ онъ въ потемкахъ намъ съ Княземъ Прозоровскимъ.

Предисловіе Князя сего къ допросу было предлинное, гораздо свысока и жестко. Наскучивъ, сказалъ я ему, что когда онъ имѣетъ отъ Государыни указъ и вопросные мнѣ пункты, то, я думаю, ему слѣдуетъ только по нихъ исполнять, а отъ себя прибавлять, кажется, излишній только трудъ для него будетъ: прошу мнѣ дать пункты, такъ я буду отвѣчать.—Очень хорошо, говорилъ онъ, спрашивая меня, самъ ли я буду писать отвѣты, или позвать Секретаря, и весьма уже смягчился.—Я бы желалъ самъ писать, ежели можно, сказалъ я, но только не знаю, не много ли будетъ помарокъ.—Тѣмъ лучше, отвѣчалъ онъ мнѣ: ибо мнѣ приказано прислать отвѣты Ваши въ чернѣ, и точно въ такомъ видѣ, какъ они напишутся.—И подлинно ему такъ предписано было.

Все сіе происходило у насъ съ нимъ на динѣ, въ его кабинетѣ. Я сѣлъ за его бюро и началъ писать на лучшей съ золотымъ обрѣ-

зомъ приготовленной для того бумагѣ, очень по рукѣ очиненными перьями. Онъ давалъ мнѣ на особливыхъ листахъ списанные пунктъ за пунктомъ такъ, чтобъ отвѣчая на одинъ, не зналъ я содержанія слѣдующаго. Всѣхъ пунктовъ было, помнится, осьмнадцать, а въ отвѣты на нихъ исписалъ я кругомъ 20 листовъ, и безъ одной помарки; въ двухъ мѣстахъ поправилъ только по одному слову, поставя тѣ, которыя мнѣ казались складнѣе. Сего, конечно, при всемъ самолюбіи, нельзя мнѣ приписать моему искуству, или уму.

Вопросы сочинены были очень тщательно. Сама Государыня изволила поправлять ихъ и свои вмѣщать слова. Все мѣтилось на подозрѣніе связей съ тою ближайшею къ престолу особою, какъ я упоминалъ выше; прочее же было, такъ сказать, подобрано только для расширенія завѣсы.

Въ четвертомъ, или пятомъ, пунктѣ началась эта матерія, и Князь Прозоровской, отдавая мнѣ его дрожащею, правда не множко, рукою, такимъ же голосомъ говорилъ: «Посмотрю, что Вы на это скажете?» — «О! на это отвѣчать всего легче», сказалъ я, и написалъ отвѣтъ мой такъ справедливо и оправдательно, что послѣ много сіе, конечно, участвовало въ причинахъ благоволенія ко мнѣ оной высокой особы. Князь Прозоровской, прочитавъ отвѣтъ сей съ чрезвычайною досадою, бросилъ листъ на бюро и, подошедъ ко мнѣ, сказалъ: «Что жъ, развѣ здыхъ-то умысловъ не было у Васъ?» — «Да какъ же быть-то, не было,» — холодно я отвѣчалъ ему, сидя за бюро.

Онъ далъ мнѣ для отвѣта слѣдовавшій за тѣмъ пунктъ, и пошелъ ходить по комнатѣ, которая была пребольшая. Отошедъ отъ меня такъ далеко, что думалъ, не могу слышать, говоритъ про себя: «Не такъ бы съ ними надобно.» — Подходя ближе ко мнѣ, говоритъ будто про себя, однако такъ, чтобъ я слышалъ: «Теперь Новиковъ-то здѣсь, такъ съ нимъ можно тотчасъ и свести.» — «Признаюсь, что симъ удалось ему на нѣсколько минутъ смутить меня, не для того, чтобъ я боялся очной ставки съ Новиковымъ, которой, конечно, также невиненъ былъ, какъ и я; но, представивъ себѣ, что его привезли въ Москву, послѣ нѣсколькихъ мѣсяцевъ заключенія въ Тайной Експедиціи, изнуреннаго, обросшаго бородою, можетъ быть, окованнаго, прискорбно было ожидать такого тутъ свиданья съ человѣкомъ, котораго я всегда очень любилъ, и съ коимъ такъ долго былъ въ самомъ короткомъ знакомствѣ.

Послѣ сихъ розыскныхъ стратагемъ Князь Прозоровской, подошедъ къ бюро, за которымъ я писалъ свой отвѣтъ, говоритъ мнѣ: «Новиковъ-то вить во всемъ признался». — «Не сомнѣваюсь,» отвѣчалъ я ему; «я думаю, что Новиковъ также невиноватъ; а естьли въ чемъ виноватъ, то, конечно, признался: онъ не дуракъ и боится Бога.»

«Однако, говорилъ мнѣ Князь Прозоровской, съ Французами-то вы имѣли переписку?»—«Кто?» спросилъ я.— «Вы, и имянно, Вы, сирѣчь, ты.» — «Имѣлъ», отвѣчалъ я. Обрадовался мой Князь, и съ веселымъ вдругъ лицемъ, самымъ ласковымъ тономъ продолжалъ: «Это хорошо, что Вы чистосердечны, да и дѣло уже извѣстное. Скажи, пожалуй, о чемъ же и когда Вы къ нимъ писывали?» — «Не упомнишь,» отвѣчалъ я, «всего, о чемъ и когда.» — «Однако, сколько можешь вспомнить» — «Ну, я писывалъ къ нимъ, чтобъ прислать табаку, вина, конфектъ, сукна какого нибудь, игрушекъ въ подарки дѣтямъ». — «Вы шутите», осердясь, говорилъ мнѣ Князь. «Къ какимъ же Фрацузамъ Вы писывали это?»—Къ лавочникамъ здѣшнимъ, а то къ какимъ же?» — «Нѣтъ, Вы были въ перепискѣ съ Якобинцами.» — «А Ваше Сіятельство бывали съ ними въ перепискѣ?» — «Можетъ ли это быть, чтобъ я съ ними переписывался?» говорилъ онъ. — «Такъ знайте жъ,» сказалъ я ему, сидя и гораздо не учтивясь, что въ чести, въ вѣрности къ Государю и отечеству я никакъ Вамъ не уступлю, и не смѣйте мнѣ дѣлать такихъ вопросовъ!»

Князь, очень сбавивши своего жару, говорилъ мнѣ: «Что жъ ты эдакъ на меня нападаешь: вить не я, Государыня объ этомъ тебя спрашиваетъ!» — «Гдѣ же этотъ вопросъ?» — «Вотъ будетъ.» — «А я буду отвѣчать.» — «Что жъ отвѣчать будешь, скажи, пожалуй?» — «Тогда увидите.» — «Лучше, скажи, пожалуй, прежде, такъ, можетъ быть, мы и посовѣтуемся», и очень прилежно уговаривалъ меня разсказать ему напередъ этотъ отвѣтъ. — «Скажу Вамъ только,» отвѣчалъ я, «что ежели Государыня изволитъ меня объ этомъ спрашивать, то я, конечно, въ отвѣтѣ своемъ Ей шутить не буду; и чѣмъ онъ будетъ серіознѣе, тѣмъ основательнѣе отразится клевета».

Я продолжалъ писать отвѣты, и ни въ одномъ пунктѣ не нашедъ такого вопроса, сказалъ Князю Прозоровскому, что такой поступокъ съ его стороны слишкомъ явно доказываетъ неблагорасположеніе его ко мнѣ, и не принесетъ ему, конечно, никогда славы.»—Да,» говорилъ онъ, въ присланныхъ отъ Государыни пунктахъ нѣтъ такого вопроса, но мнѣ поручено спрашивать, о чемъ я разсужу, естьли бъ

того и не было въ тѣхъ пунктахъ.» — «Такъ Ваше Сіятельство очень несправедливо разсудить изволили,» отвѣчалъ я ему; «и еще Вамъ скажу, что въ обязанностяхъ вѣрнаго подданнаго и сына отечества не уступлю я ни Вамъ, никому; а образъ спрашиванья Вашего неоспоримо открываетъ личное недоброжелательство.» Замолчалъ, однако, Князь мой.

Описываю только главныя черты обращенія со мною Князя Прозоровскаго; все же описывать было бы слишкомъ пространно и невесьма интересно. Но описываю точно, какъ было, и какъ самъ онъ, конечно, признается, еще здравствуя и въ полезнѣйшихъ, вѣроятно, стратагемахъ упражняясь теперь на берегахъ Дуная. *

Еще одно обстоятельство отмѣнно характеристическое съ его стороны при оныхъ допросахъ разсказать надобно.

Въ тѣхъ же годахъ была въ Германіи секта подъ именемъ Иллюминатовъ, подлинно вредная и намѣреніями своими противная Христіанству и властямъ. Незнающіе смѣшивали съ нею общество наше, которое совершенно противныхъ было правилъ, и у насъ даже сочиненъ былъ планъ, какъ остерегаться отъ всякаго прикосновенія оной секты, и мѣры къ сему прилѣжно внушены были каждому члену. Планъ сей въ главномъ правленіи общества нашего сочинилъ я.

Во время допроса Князь Прозоровской говоритъ мнѣ, что мы Иллюминаты. Я ему отвѣчалъ, что мы не только не они, да мы ихъ непріятели, и, зная всю вредность этой секты, постановили самыя строгія мѣры осторожности отъ нея, чему и планъ, за нѣсколько лѣтъ назадъ мною сочиненный, привезу я къ нему, хотя сейчасъ черной, писанный моей рукою. «Очень хорошо,» сказалъ онъ, «завтра привезите!» Привезъ я завтра. Это было въ другой день моей съ нимъ допросной бесѣды. Прочитавъ бумагу мою, Князь мнѣ ее возвращаетъ, говоря, что она «ничего не значитъ.» — «Она только то значитъ, что мы не Иллюминаты,» отвѣчалъ я; «такъ прошу принять ее въ оправданіе.» — «Пусть вы не они,» говорилъ мнѣ Прозоровской, «да все тоже. «Уже какъ скоро это доказываетъ, что мы не Иллюминаты, какими насъ считаютъ, то естественно доказываетъ и ложность заключенія объ насъ; слѣдовательно, и оправдываетъ, говорилъ я; но есть-

---

* 1 Генваря, 1809 года.

либъ это мнѣ и казалось только оправданіемъ, то я думаю Ваше Сіятельство должны отъ меня принять эту бумагу; ибо я не думаю, чтобъ было намѣреніе только винить насъ. «Не приму», отвѣчалъ онъ мнѣ рѣшительно.

Между тѣмъ продолжая писать отвѣты, увидѣлъ я, что въ одномъ вопросѣ сказано, чтобъ я при семъ представилъ всѣ мои бумаги, подъ опасеніемъ найстрожайшей казни за сокрытіе хотя одной. Тутъ я обрадовался, что Прозоровской не принялъ отъ меня той бумаги, потому что, съ расположеніемъ своимъ, могъ бы ее принявъ особо, и утаить; а то я подумалъ про себя: «Принужу тебя, Князь, принять эту бумагу, и такимъ образомъ, что уже не льзя будетъ тебѣ скрыть ее.» Замолчавъ объ ней, спрашивалъ я его: «какъ же могу я при семъ представить всѣ мои бумаги? Ихъ со мною нѣтъ, и такъ ихъ много, что я всѣмъ имъ и реестра въ скоромъ времени сдѣлать не могу.»

«Да это и не нужно,» говорилъ онъ мнѣ, «а Вы ихъ привезите послѣ; только всѣ и за Вашею печатью.»

На другой день поутру привезъ я ихъ къ нему безъ разбору, запечатанныя въ нѣсколькихъ большихъ пакетахъ. Когда онъ ихъ принялъ, то я, вынувъ изъ кармана ту неугодную ему бумагу, просилъ особо ее принять. «Я уже Вамъ сказалъ, что не приму ее,» отвѣчалъ онъ мнѣ, «и никакъ отнюдь не приму,» и, оборотясь къ случившемуся тутъ по тому же дѣлу, Князю Н. Н. Трубецкому, говоритъ ему: «Помилуй, уговори его: навязываетъ на меня эту бумагу; къ чему она?» Трубецкой не поддержалъ меня. Однако я, продолжая мнимое свое для нихъ упрямство, говорилъ къ Прозоровскому: «За что такъ особливо не нравится эта бумага Вашему Сіятельству?» — «Она ничего не значитъ, и я уже сказалъ, что не приму ее,» отвѣчалъ онъ мнѣ. «Такъ позвольте же сказать,» продолжалъ я, «Вы должны ее принять, какая бъ она ни была. Когда Государыня приказываетъ представить мнѣ всѣ мои бумаги, то я обязанъ всѣ ихъ отдать, а Вы обязаны принять.»

Одумался Князь, и съ нѣкоторою торопостію принимая ту бумагу отъ меня, говорилъ: «Извольте, я ее приму, естьли то Вамъ непремѣнно надобно.» Когда онъ принялъ, то я просилъ его позволить мнѣ въ отвѣтахъ моихъ прибавить, что я, въ исполненіе требованія, отдалъ ему всѣ бумаги. «За чѣмъ же?» говорилъ онъ: «Государыня мнѣ и безъ того вѣритъ?» — «Не сомнѣваюсь,» отвѣчалъ я, «но признаюсь, что я

немножко педантъ, и въ приказной службѣ къ формамъ сдѣлалъ привычку.—«Пожалуйте, позвольте!» Онъ вынулъ изъ бюро своего тетрадь моихъ отвѣтовъ, и я въ ней приписалъ, что отдалъ ему всѣ мои бумаги, и въ какой формѣ. О врученіи же ему спорной оной описалъ особо; представя обстоятельно ея содержаніе и причину, для чего я вручилъ ему ее особливо.

Отвѣты писалъ я два дни, въ которые отдыху мнѣ было только, что въ первой ѣздилъ ночевать домой, а въ другой обѣдалъ у Князя Прозоровскаго, и обѣдъ нашъ точно представлялъ трапезу тайной экспедиціи. Кромѣ Княгини, хозяйки, сидѣли за нимъ только служители сей экспедиціи и хозяйскіе адъютанты, которые во все это время одни и въ домѣ находились; ибо онъ тогда не принималъ никого, даже Губернатора. Однако въ кабинетъ никто и изъ нихъ не входилъ, и мы со лбу на лобъ съ Княземъ Прозоровскимъ бесѣдовали въ немъ по крайней мѣрѣ часовъ двадцать.

Во всѣхъ вопросахъ важнѣйшее было, какъ я описывалъ, о связяхъ съ оною ближайшею къ престолу особою, и еще поважнѣе два пункта: 1) Для чего общество наше было въ связи съ Герцогомъ Брауншвейгскимъ, и въ чемъ состояла наша съ нимъ переписка? 2) Для чего имѣли мы сношенія съ Берлинскими членами подобнаго общества въ то время, когда мы знали, что между Россійскимъ и Прусскимъ Дворами была холодность?

На первое отвѣчалъ я, что хотя, по вступленіи моемъ въ наше общество, не было уже никакихъ отношеній къ Герцогу Брауншвейскому, но извѣстно мнѣ, что оныя ни въ чемъ иномъ состояли, какъ въ церемоніальныхъ къ нему отзывахъ, по обрядамъ извѣстнаго масонства, въ коемъ былъ онъ тогда титулярнымъ начальникомъ нѣкоторыхъ ложъ въ Европѣ; а что касается до содержанія переписки съ нимъ, то я объ ней только то помню, что нечего помнить.

На второе: что хотя съ Берлинскими сообщниками никогда въ перепискѣ не было ни одного слова, касающагося до политики; но когда узнали мы о холодности между Дворами, то всякая съ ними переписка пресѣклась, что можетъ быть доказано всякимъ изслѣдованіемъ и подлинными бумагами.

Прочіе вопросы сочинены были, какъ я уже сказалъ, только для расширенія той завѣсы, которая закрывала главной предметъ подозрѣнія; а предметъ сей столько же казался важнымъ, сколько въ основаніи своемъ мечтателенъ былъ.

Спрашивали, на примѣръ: гдѣ собирались? для чего скрытно отъ полиціи? объ обрядахъ; о числѣ ложъ, о составлявшихъ оныя и тому подобное.

На все отвѣчалъ я со всею искренностію и очень подробно. Нигдѣ по совѣсти не обвинялъ я ни себя, ни общества. Вездѣ изъяснялъ пользу цѣли его и упражненій. Что жъ касается до скрытности отъ полиціи, то писалъ я, что не можно правосудію почитать бывшія наши собранія отъ нея тайными, когда не только она про нихъ знала, но въ праздничныя собранія и команду давала для порядка въ разъѣздѣ и проч.

Заключилъ я отвѣты свои обращеніемъ прямо къ лицу Государыни въ слѣдующихъ словахъ:

«Всѣ бумаги отдалъ; ничего важнѣйшаго даже забвеніемъ не сокрылъ и проч.

«Государыня! Я не злодѣй. Мать Отечества! Я одинъ изъ вѣрнѣйшихъ Твоихъ подданныхъ и сыновъ его. Мать моя! Я исполненъ нѣжнѣйшею къ Тебѣ любовію. Никогда мысль одна противъ Тебя не обращалась въ душѣ моей. Никогда не упражнялся я въ томъ, гдѣ бы не только находилъ, но даже подозрѣвалъ хотя одну тѣнь криминальнаго. Свидѣтель сему Царь Царей, Господь Богъ мой, Спаситель, надежда и утѣшеніе.

«Сіе чистосердечное исповѣданіе мое печатлѣю я слезами. Не слезами страха и ропота, Государыня: ибо я не дерзаю и усумниться въ правосудіи и милосердіи Твоемъ, и ежели дѣло сіе не во всѣхъ еще отношеніяхъ изслѣдовано, или буде существуетъ какая на меня клевета, то я твердо увѣренъ, что все изчезнетъ отъ единаго воззрѣнія Твоей прозорливости на сіе чистосердечное мое исповѣданіе. И такъ не слезами страха и ропота печатлѣю его, но слезами чувствительности сердца, во всей полнотѣ ощущающаго невинность свою, и любящаго, смѣю сказать, добродѣтель.

Твой

вѣрный по гробъ подданный

И. Лопухинъ.

Долго помнилъ я всѣ мои отвѣты, такъ что могъ бы записать ихъ почти отъ слова до слова; но я столько усталъ отъ упражненія въ оригинальномъ ихъ сочиненіи, что очень много дней послѣ того приняться за перо была самая тяжкая работа.

Заключеніе же оное вытекло изъ такого сильнаго во мнѣ впечатлѣнія, что я никогда не могъ его забыть. Писавъ его, я подлинно плакалъ — обливался, можно сказать, слезами, и точно отъ причинъ въ немъ изображенныхъ. Князь Прозоровской, любитель и любимецъ жестокосердой Беллоны, не короткое, кажется, имѣя знакомство съ такими слезами, не видавъ, что я пишу, а видя только, что плачу, обрадовался, подумавъ, что я наконецъ струсилъ, и началъ меня успокоивать: «Укрѣпитесь! Чего вы робѣете?» — «Нѣтъ, отвѣчалъ я, робость очень далеко отъ меня; и я плачу не отъ нея.» — «Отъ чего же?» — «Увидите изъ того, что я пишу.»

Окончивъ, подалъ я ему, и когда онъ дочиталъ до словъ: *буде существуетъ какая на меня клевета*, то, измѣнясь въ лицѣ, говорилъ мнѣ: «Ежели Вы тутъ обо мнѣ разумѣли, то напрасно.» — «Нѣтъ, Ваше Сіятельство, отвѣчалъ я: писавши это, я истинно на Васъ не мѣтилъ, какъ и то правда, что ожидалъ, что возмете Вы это на свой счетъ.» Сіе точно я думалъ писавши, и останавливался, опасаясь въ размягченныхъ тогда сильно чувствахъ моихъ, оскорбить его.

«Почему жъ ожидали Вы того?» спрашивалъ онъ меня.—«Какъ чистосердечно увѣряю, отвѣчалъ я, что не цѣлилъ я на Васъ, писавши о клеветѣ; также признаюсь, что считаю Васъ большимъ мнѣ непріятелемъ, и справедливость моего заключенія могу доказать очень основательно.» Тутъ я говорилъ ему о томъ, какіе онъ отъ себя выдумывалъ вопросы, какъ старался меня запутывать и проч.

Сія сцена была послѣдняя нашихъ допросовъ. Былъ при ней и Князь Николай Никитичъ Трубецкой, котораго онъ призвалъ тогда для объявленія намъ вмѣстѣ указа о ссылкѣ. Послѣ онаго изъясненія со мною, Князь Прозоровской объявилъ намъ указъ сей, коимъ рѣшалось все вообще дѣло, прочитавъ изъ него только то, что касалось до нашего осужденія, и показавъ намъ подпись на немъ Государыни. Всего же содержанія не читалъ. Мнѣ оное случилось уже прочесть лѣтъ чрезъ десять послѣ, и признаюсь, что читалъ съ превеликимъ негодованіемъ, коего во все производство надъ нами суда и по выслушаніи самаго незаслуженнаго мною приговора, и тѣми

во мнѣ не было. Можно поистинѣ сказать, что весь указъ составленъ былъ только изъ словъ, подобранныхъ для распещренія покрова обвиненія невинности.

Князь Прозоровской, по снисхожденію къ товарищу моему, Князю Трубецкому, и по тому, что онъ находился тогда при должности въ казначействѣ, о здачѣ коей ничего не было предписано при указѣ о ссылкѣ, которой шелъ по Тайной Экспедиціи, далъ ему десять дней времени прожить здѣсь для распоряженія своихъ дѣлъ, въ ожиданіи возвращенія курьера, котораго онъ отправитъ съ нашими отвѣтами, и при томъ спросится о смѣнѣ Князя Трубецкаго. А мнѣ сказалъ: «Вы, вить, не въ службѣ, такъ можете скоро отсюда выѣхать.» — «Очень бы скоро могъ выѣхать,» отвѣчалъ я, «естьли бъ не нужно мнѣ было подумать, какъ объявить отцу, лежащему почти на смертномъ одрѣ; а притомъ мнѣ около сорока лѣтъ; одиннадцать жилъ сряду въ Москвѣ, такъ и у меня натурально также должны быть дѣла, которыя бы распорядить надобно.» Князь Прозоровской позволилъ мнѣ пробыть въ Москвѣ десять же дней.

Я бы скорѣе выѣхалъ. Но писавъ мои отвѣты, и особливо ихъ заключеніе, я точно ожидалъ, по какому-то неизъяснимому предчувствію, что Государыня, прочитавъ ихъ, перемѣнитъ свои мысли; хотя Она уже рѣшила дѣло, не ожидая отвѣтовъ, которые трудно придумать, для чего и требовались; ибо осужденіе уже было сдѣлано. Надеждою перемѣны сей ласкался я совсѣмъ не для того, чтобъ не ѣхать въ ссылку, которую принялъ я очень равнодушно; не ставилъ ее себѣ въ безчестье, почитая всегда стыдъ въ винѣ, а не въ наказаніи, и въ иныя минуты даже радовался ею, какъ отдыхомъ и удаленіемъ отъ всѣхъ тѣхъ подысковъ, которые мнѣ въ столько лѣтъ уже наскучили. Но прискорбно мнѣ было разстаться съ отцемъ, привыкшимъ, въ глубокой его старости и болѣзняхъ, къ моей помощи. Я думалъ, что все происшедшее и скрыть можно будетъ отъ него навсегда, ежели ссылка моя отмѣнится.

Для сего-то съ удовольствіемъ питался я мечтаніемъ этой отмѣны и неравнодушно ожидалъ возвращенія курьера, отправленнаго съ нашими отвѣтами, располагая, что ежели быть перемѣнѣ рѣшенія, то она послѣдуетъ по прочтеніи отвѣтовъ, или, никогда. Князь Прозоровской, посылая отвѣты мои и Князя Трубецкаго, писалъ, что онъ посылаетъ два отвѣта совсѣмъ въ разномъ вкусѣ (это были точныя

его слова, какъ я видѣлъ послѣ въ своеручномъ его письмѣ), что Князь Трубецкой сильно раскаивается и заслуживаетъ помилованія, а я все скрываю, упорно стою въ своихъ мнѣніяхъ и проч. Однимъ словомъ, такъ меня описалъ, что ссылка была бы для меня подлинно еще большая милость.

Между тѣмъ нужно было приготовиться къ объявленію отцу моему. Оное приняли на себя, по пріязни, Графы Орловы (Алексѣй и Ѳеодоръ). Я хотѣлъ, чтобъ объявленіе то сдѣлано было сколько можно позже, ожидая перемѣны. Графъ Алексѣй Григорьевичъ говорилъ мнѣ съ сожалѣніемъ, что я помѣшался, думаетъ онъ, на этомъ пунктѣ. Можно ли, чтобъ Государыня отмѣнила указъ, Ею подписанный и объявленный: этого не дѣлала Она ни одного раза во все свое царствованіе и не сдѣлаетъ, конечно, никогда. «Я коротко Ее знаю,» говорилъ онъ мнѣ; однако я просилъ его подождать до самаго послѣдняго дня, который уже былъ одиннадцатой по объявленіи указа и отсылки нашихъ отвѣтовъ.

Курьеръ не возвращается. Князь Прозоровской торопитъ меня выѣхать, измуча между тѣмъ агентовъ своего шпіонстволюбія подзорами за мною. По разсчету времени, потерявъ уже надежду получить ожидаемое, просилъ я Графовъ Орловыхъ объявить отцу моему. Они пріѣхали и объявили ему безъ меня передъ обѣдомъ. Минуты объявленія сего были для меня таковы, что, я думаю, не мучительнѣе были бы они для меня на эшафотѣ. При всей безпредѣльной любви ко мнѣ и привязанности отца моего, Богъ помогъ ему, точно чудеснымъ образомъ, терпѣливо принять сей ударъ.

Все къ отъѣзду у меня уже было готово; подорожная взята. Ввечеру привели почтовыхъ съ тѣмъ, чтобъ на завтра до свѣту мнѣ выѣхать. Но часу въ 12 по полудни прислалъ за мною Князь Прозоровской и объявилъ полученный имъ имянный указъ, въ коемъ было написано, что Государыня изволила читать наши отвѣты и, въ слѣдствіе того, повелѣваетъ: о Князѣ Трубецкомъ исполнить точно по данному прежде объ насъ указу; должность же его поручить старшему подъ нимъ, а меня оставить въ Москвѣ.

Государыню тронули отвѣты мои до слезъ, какъ я слышалъ отъ Василія Степановича Попова, которой читалъ ихъ предъ нею также въ слезахъ. Тогда не зналъ онъ меня и въ лице, а гораздо послѣ, познакомясь, разсказывалъ мнѣ это, сказывая при томъ и о многихъ, противъ меня, отъ нѣкоторыхъ, ополченіяхъ, и злыхъ и смѣшныхъ,

коихъ я не хочу описывать, чтобъ не черниться ѣдкостью. И недавно, при одномъ случаѣ, писалъ онъ ко мнѣ: «Помню, какъ я плакалъ, читавши Ваши отвѣты предъ растроганною Императрицею.»

Государыня, съ такими чувствами принявъ мои отвѣты, точно перемѣнила обо мнѣ свое заключеніе и рѣшилась освободить меня отъ ссылки. Но имѣвъ, какъ извѣстно, особливую твердость поддерживать основательность своихъ повелѣній, и строго сохранять весь видъ порядка, при такой, и подлинно, можетъ быть, во все Ея царство однажды случившейся, отмѣнѣ ея указа, предлогомъ поставила опасность сразить престарѣлаго отца моего, хотя она знала о его состояніи, и подписывая указъ о моей ссылкѣ, и гораздо прежде въ нѣсколько лѣтъ ея противъ меня предъубѣжденія. Я очень Ей извѣстенъ былъ, какъ знала Она и то, чей я сынъ.

Легко можно себѣ представить, сколько оставленіе меня въ Москвѣ утѣшило отца моего, и меня для него. Онъ, конечно бы, и не свѣдалъ ничего о томъ, что со мною происходило, естьли бъ курьеръ, которой отвозилъ наши отвѣты, сутки двое лишнихъ не былъ удержанъ, по причинѣ пребыванія въ то время Государыни въ Царскомъ Селѣ.

Всѣ удивлялись случившейся со мною перемѣнѣ. Графъ Алексѣй Григорьевичъ Орловъ, можно сказать, пораженъ былъ удивленіемъ, и тѣмъ больше, говорилъ онъ, что правила Государыни очень ему извѣстны. Не хотѣлъ онъ вѣрить, чтобъ я не имѣлъ сильной при дворѣ партіи. И подлинно, у меня была самая сильная — невинность, и одинъ вѣрный ея покровитель.

И такъ, я остался въ Москвѣ. К. Н. И. Трубецкой и И. П. Тургеневъ отправились на житье въ деревни. Новиковъ заключенъ былъ на пятнадцать лѣтъ въ Шлиссельбургскую крѣпость, студенты: Колокольниковъ и Невзоровъ * оставлены также подъ тайною стражею.

* Они ѣздили въ чужіе краи на моемъ иждивеніи обучаться Медицинѣ и, когда кончивъ ученье и получа докторской градусъ, возвращались въ Россію, то, по подозрѣнію на общество наше, взяты были въ Ригѣ и по Тайной Экспедиціи привезены въ Невскій монастырь, оттуда переведены въ Петропавловскую крѣпость, а наконецъ въ Секретную больницу, гдѣ Колокольниковъ умеръ, а Невзоровъ, просидѣвъ нѣсколько лѣтъ, освобожденъ Императоромъ Павломъ I съ милостью; нынѣ служитъ онъ въ Московскомъ Университетѣ Надворнымъ Совѣтникомъ и особливо извѣстенъ по изданію преполезнаго журнала подъ именемъ *Друга юношества*, которой издаетъ онъ

Домы Новикова остались подъ арестомъ, также и магазины съ книгами. Разборъ имъ продолжался нѣсколько лѣтъ. Множество сожжено и все почти изчезло. Многимъ, участвовавшимъ въ прежде бывшей между нами Типографической компаніи, нанесло оное крайніе убытки, и мнѣ особливо. Это главная причина долговъ моихъ. Но я не жалѣю, потому что намѣреніе къ издержкамъ было самое доброе.

А какъ при арестѣ Новикова запечатаны были въ Москвѣ всѣ Русскія книжныя лавки, при разборѣ коихъ нашлись у нѣкоторыхъ книгопродавцевъ въ продажѣ запрещенныя книги, то книгопродавцы сіи преданы были публичному суду.

До конца 1796 года жилъ я въ Москвѣ очень спокойно, занимаясь попеченіями о престарѣломъ отцѣ моемъ, любимымъ своимъ чтеніемъ *, знакомствомъ съ малымъ числомъ добрыхъ друзей и про-

---

единственно отъ ревностнаго усердія къ общему благу, для распространенія доброй нравственности.

Поступокъ сего Максима Ивановича Невзорова съ извѣстнымъ покойникомъ, Степаномъ Ивановичемъ Шешковскимъ въ крѣпости, заслуживаетъ того, чтобъ его разсказать. Невзоровъ былъ болѣнъ и не могъ отвѣчать, да и нечего отвѣчать было, а Шешковскій думалъ, что онъ упрямится и таитъ нѣчто важное. — «Знаешь ли, гдѣ ты?» говоритъ ему Шешковскій. Невзоровъ: «Не знаю.» —Ш. «Какъ не знаешь? Ты въ Тайной. — Н. «Не знаю, что такое Тайная. Пожалуй, схватя, и въ лѣсъ завезутъ въ какой нибудь станъ, да скажутъ, что это Тайная, и допрашивать станутъ.» — Ш. «Государыня приказала тебя бить четвертнымъ полѣномъ, коли не будешь отвѣчать».—Н. «Не вѣрю, чтобъ это приказала Государыня, которая написала Наказъ Коммисіи о сочиненіи Уложенья». — Шешковскій вышелъ съ досадою, и послѣ принесъ записку руки Государыни, коею повелѣвала она Невзорову отвѣчать». Я не знаю, говорилъ Невзоровъ, руки Ея Величества; можетъ быть Вы заставили написать жену свою, да кажете мнѣ ея руку вмѣсто Государыниной». — Ш. «Да знаешь ли, кто я?» — Н. «И того не знаю.» — Ш. «Я Шешковскій.» — Н. «Слыхалъ я про Шешковскаго, а Вы ли онъ, не знаю; да впрочемъ мнѣ съ Шешковскимъ никакого и дѣла быть не можетъ. Я принадлежу Университету, и по его Уставу долженъ отвѣчать не иначе, какъ при депутатѣ Университетскомъ», и проч. Наконецъ принуждены были отвести Невзорова для допроса къ самому первому Куратору, Ивану Ивановичу Шувалову. Допросъ былъ неважный, потому что нечего было отвѣчать, какъ и не о чемъ было бы спрашивать.

* Упражнялся я также, по охотѣ моей къ литературѣ, въ разныхъ переводахъ и мелкихъ сочиненіяхъ. Нашелъ было на меня духъ поэзіи и я, совсѣмъ не зная ея правилъ и никогда не писавъ стиховъ, переложилъ шесть

гулкою пѣшкомъ, которая всегда очень мнѣ полезна была къ сохраненію здоровья и которая также давно, на смѣхъ сказать, подвержена была толкамъ во вредъ моему поведенію, представленному, какъ уже я выше писалъ, не бездостойнымъ уваженія въ разсужденіи общественнаго покоя.

Нѣкоторые, доброжелательствуя мнѣ, и даже изъ тѣхъ, коимъ тайно порученъ былъ за мною присмотръ, убѣдительно мнѣ совѣтовали оставить привычку мою къ ходьбѣ, какъ навлекающую мнѣ опасность, хотя и безвинно. Я имъ, смѣючись, отвѣчалъ, что не оставлю, и по причинѣ самой основательной. Вѣдь никто изъ смертныхъ говорилъ я, не можетъ больше мнѣ сдѣлать вреда, какъ лишить меня жизни, чего, вѣроятно, и не случится; а ежели я раззнакомлюсь съ ходьбою своею и съ воздухомъ, то вѣрно самъ себя тѣмъ скоро убью.

Пока былъ въ Москвѣ Главнокомандующимъ Князь Прозоровской, я все окруженъ былъ подсмотрами, только, спасибо, онъ ихъ такъ учреждалъ, чтобъ я не могъ объ нихъ и догадываться, а я не хотѣлъ объ нихъ знать, хотя и очень зналъ. До того даже не безпокоился я симъ, что, зная, что въ собственномъ домѣ моемъ есть подкупленные, и виду о томъ не показывалъ. Однажды вздумалось мнѣ изъ любопытства только поручить моему камердинеру, человѣку очень вѣрному, обстоятельно о томъ развѣдать, но въ ту же минуту жалѣя, что и ему сказалъ, строго запретилъ ему исполнять мое порученіе, и совсѣмъ забыть его не только приказывалъ, но просилъ.

И такъ жилъ я довольно спокойно, кромѣ того, что вскорѣ послѣ самой описанной мною развязки нашего дѣла ссылкою въ деревни моихъ товарищей, Князя Трубецкаго и Тургенева, и оставленіемъ меня въ Москвѣ, Правительство Московское сдѣлало ко мнѣ безстыдную привязку, по приказанію ли Князя Прозоровскаго, которой тогда, однако, ѣздилъ по губерніи и, возвратясь, увѣрялъ меня, что при немъ бы того не случилось, или въ подлое угожденіе ему, или въ мнимое, далѣе не знаю.

псалмовъ, обращая все на внутреннюю жизнь обновленія души, которые напечатаны подъ именемъ: *Подражаніе нѣкоторымъ пѣснямъ Давидовымъ.* Естьли бъ нѣчто не отвлекло меня тогда, отъ чего піитическій духъ этотъ во мнѣ скрылся, то бы, думаю, переложилъ я всю псалтырь въ нѣсколько дней; такъ сильно онъ дѣйствовалъ. Послѣ же не могъ я написать ни одного стиха.

При разборѣ бумагъ Новикова нашли одинъ реестръ, мною подписанной, коимъ требовалъ я, по оставшемуся мнѣ кредиту, при разсчетѣ съ бывшею у насъ Типографическою компаніею, на нѣсколько сотъ рублей книгъ, и въ томъ числѣ на семъ съ копѣйками запрещенныхъ. Сіе случилось слѣдующимъ образомъ:

Былъ въ Орлѣ священникъ Іоаннъ, которой и нынѣ еще живъ, мужъ достойный отличнаго уваженія, по его примѣрной благодѣтельности. Стараніями Христіанской любви своей, завелъ онъ больницу, богадѣльню, призрѣніе несчастнорожденныхъ младенцевъ и училище.

Между прочими къ тому средствами желалъ онъ моей помощи нѣкоторому въ Москвѣ книгопродавцу. Я бралъ для того книги на свой счетъ, которыя отдавалъ купцу оному, съ уступкою полтины и шести гривенъ отъ рубля. Сіе дѣлалось нѣсколько лѣтъ и обыкновенно такъ, что купецъ принесетъ ко мнѣ реестръ надобныхъ ему книгъ, многихъ десятковъ разныхъ званій, а я, не читая его, подпишу: «Отпустить по сему реестру, на столько-то рублей книгъ на мой счетъ». Не имѣлъ я и никакой надобности читать, бывши тутъ не продавцемъ, а покупщикомъ книгъ, совсѣмъ не обязаннымъ знать о запрещенныхъ, о коихъ никогда мнѣ и объявляемо не было.

Изъ такихъ-то реестровъ одинъ, упомянутый мною, присланъ былъ съ прочими бумагами въ наряженное надъ книгопродавцами собраніе суда, которое составлено было изъ Уѣзднаго, Надворнаго и Магистрата. Вдругъ мнѣ повѣстка, чтобъ я явился въ оное собраніе. Это было въ 1792 году, 17 Сентября. День былъ прекрасной и я очень спокойно отправился туда пѣшкомъ, заботился только, какъ бы успѣть воротиться домой къ батюшкѣ, которой тотъ день пускалъ кровь, при чемъ я обыкновенно бывалъ.

Вошедъ въ оное нижнихъ судовъ собраніе, я тотчасъ увидѣлъ, что они сами очень нерады своей коммиссіи, и едва могли выговорить причину моего призыва. Я ужа старался облегчить ихъ и, не смотря на то, что у нихъ даже и никакой надлежащей формы постановлено не было, взялъ бумаги и тутъ же написалъ прямо на бѣло отвѣтъ листахъ на двухъ кругомъ. Началъ его тѣмъ, что я очень радъ, что мнѣ представляется случай публично оправдать наши дѣла. И подлинно, привязавшись къ этому обстоятельству, говорилъ я о невинныхъ, или, лучше сказать, добрыхъ намѣреніяхъ нашихъ

въ продажѣ и печатаніи книгъ и проч., словомъ, о всѣхъ внѣшнихъ дѣйствіяхъ нашего общества. На причину же требованія меня къ суду оправдаться слишкомъ легко было. Отдавъ сей отвѣтъ судьямъ, пошелъ я домой, и они, какъ слышалъ я, прочитавъ его, говорили: «Что жъ дѣлать? Онъ уже все рѣшилъ самъ.»

Однако, въ тотъ же день заготовилъ я письмо къ Государынѣ съ тѣмъ, что ежели еще отнесутся ко мнѣ по сему дѣлу, то жаловаться Ей на такое притѣсненіе, описавъ всю его наглость.

На другой, или на третій, день послѣ того Князь Прозоровской, возвратясь въ Москву 22 числа, въ которое праздновали тогда коронацію, зоветъ меня къ обѣденному столу. Послѣ обѣда изъявляетъ свое сожалѣніе о томъ, что меня безъ него обезпокоили, и что не только произошло это не по его приказанію, да онъ уже и пожурилъ гораздо тѣхъ, которые отъ неразумѣнія такую путаницу, какъ говорилъ онъ, надѣлали. Я отвѣчалъ, что не хочу и знать отъ кого это шло, и что теперь радъ былъ случаю публично написать то, что я написалъ; но ежели еще хотя мало коснутся до меня, то я пошлю къ Государынѣ письмо, которое и показалъ ему, заготовленное въ чернѣ. Онъ убѣдительно просилъ меня это оставить, увѣряя, что уже больше ни малаго безпокойства я не потерплю.

Между тѣмъ, однако жъ, дѣло производилось, хотя и безъ всякаго ко мнѣ отношенія, и когда, по обыкновенному порядку, пришло на ревизію Уголовной Палаты, то Князь Прозоровской настаивалъ, чтобъ непремѣнно обвинить меня. Озлобился на одного искуснаго и хорошаго судью, который ему доказывалъ, что обвинить меня ни какъ не можно, потому что я точно не продавалъ, а покупалъ запрещенныя книги, въ чемъ по законамъ виновны тѣ, кои отпускали ихъ, бывъ обязаны ихъ не продавать, а не тотъ, кто требовалъ и кому никогда оное запрещеніе объявлено не было, и что, наконецъ, никто съ разсудкомъ не можетъ предположить во мнѣ злаго намѣренія въ дѣлѣ о семи рубляхъ съ копѣйками. Разсердился Князь Прозоровской, выгналъ судью, однако послѣ велѣлъ оставить ревизію, чтобъ, по крайней мѣрѣ, не оправдать меня.

Вотъ какъ мнѣ случилось быть и Предсѣдателемъ Уголовной Палаты, и подъ судомъ ея, быть подъ судомъ Тайной Экспедиціи и всѣ дѣла ея имѣть въ рукахъ своихъ, при нечаянной въ жизни моей перемѣнѣ, о которой опишу я въ слѣдующей книгѣ.

КНИГА ЧЕТВЕРТАЯ.

---

6 Ноября, 1796 года, скончалась Екатерина Великая. Кончина Ея поразила меня, какъ и всѣхъ усердныхъ сыновъ отечества. коего Она была истинная благодѣтельница. Любовь къ славѣ была Ея страсть, которой пріятнѣйшая для нея пища была слава Россіи.

Величіе ума Ея было источникомъ всѣхъ Ея великихъ и благотворныхъ дѣяній. Изъ него проистекала и та неподражаемая кротость, коею столь искусно облегчала она бремя полезнаго и необходимаго для пространства Россійскихъ предѣловъ скипетра самодержавія, при которой, однако, въ превосходномъ степени умѣла Она содержать подданныхъ въ страхѣ къ Ней, безъ робости, и въ ободрительной всегда надеждѣ на Нее. Подъ Ея державою, при недреманномъ бдѣніи нужной строгости полицейской, всякой, однако, мечталъ иногда себя живущимъ въ полной свободѣ и независимости.

Всѣ Ея уставы цѣлію имѣли благоустройство и на человѣколюбіи основаны были. Одна отмѣна пытокъ уже дѣлаетъ имя Ея безсмертнымъ въ бытіяхъ благотворителей человѣчеству. Она первая отринула сію, звѣрской паче, лютость, тиранствомъ изобрѣтенную и, къ стыду, просвѣщенными слывущихъ, Государствъ, столь многіе вѣки безплодно терзавшую въ нихъ человѣчество.

Ежели въ тайныхъ Ея судахъ гнѣвъ иногда наклонялъ вѣсы правосудія, * то сіе дѣйствіе небезгрѣшности, общей и царямъ со

---

* Прошу читателя не подумать, чтобъ сіе относилось къ описанному въ третьей книгѣ сихъ моихъ записокъ суду, по Тайной Экспедиціи надо мною и надъ бывшимъ Обществомъ нашимъ. Нѣтъ! Свидѣтель тому Сердцевѣдецъ, равно какъ искренность слѣдующаго мнѣнія.

Мы конечно невинны были, но Государыня считала насъ очень виноватыми по вселенному въ Нее предъубѣжденію, отъ котораго кто же изъ смертныхъ всегда избѣжать можетъ, и какими непроницаемыми иногда стѣнами закрыта отъ Царскихъ очей истина, Всевидящему одному всегда извѣстная? И такъ, разсуждая, что въ понятіи Государыни самовластной были мы преступники важные, по справедливости должно признаться, что судъ

всѣми смертными, въ высочайшемъ степени покрывается неизмѣннымъ Ея снисхожденіемъ и умѣренностью въ судопроизводствахъ публичныхъ, и всегда пользовалась Она прелестнѣйшимъ Государей правомъ укрощать строгость законовъ и миловать.

Однимъ словомъ, Екатерина была примѣръ Великихъ Государей, и царство ея было самое благотворное для Россіи. Кромѣ нѣкоторыхъ жертвъ славолюбію, особливо въ войнахъ, коихъ не всегда предметомъ была одна истинная польза и безопасность Имперіи, и еще кромѣ нѣкоего попущенія роскоши, которое почитала она даже долженствующимъ содѣйствовать къ блеску процвѣтанія монархическаго, хотя роскошь, кажется, есть самая опасная зараза для тѣла всякаго народа, неизцѣльно разслабляющая его вообще, и всѣ части его составляющія, порабощеніемъ неизбѣжному игу суетной зависимости.

Дня чрезъ три послѣ перваго въ Москвѣ извѣстія о кончинѣ Государыни, получилъ я отъ друга своего, Сергѣя Ивановича Плещеева, письмо, въ которомъ описывалъ онъ мнѣ всѣ обстоятельства оной и занятія вступившаго на престолъ Императора. Письмо это было длинное. Плещеевъ, при недосугахъ, диктовалъ его, а въ концѣ своею рукою только приписалъ: «Естьли Вы намѣрены принять службу, то сообщите о семъ преданнѣйшему Вашему другу, Плещееву.»

Предложеніе его несказанно смутило меня; мнѣ тогда, и особливо такъ скоро, очень не хотѣлось въ службу. Успокоивался я нѣсколько

надъ нами Екатерины былъ весьма милостивой; а продолжавшаяся столько лѣтъ нерѣшимость Ея приступить къ оному, означаетъ обладаніе движеніями гнѣва своего и кротость, удивленія достойныя.

Я слышалъ отъ самаго Князя Прозоровскаго, что Государыня нѣсколько разъ говорила ему: «Для чего не арестуетъ онъ Новикова»?—«Тотчасъ, естьли только приказать изволите», отвѣчалъ всегда Князь. — «Нѣтъ, надобно прежде найти причину», всегда отзывалась Самодержица, предъубѣжденная гнѣвомъ. Кто жъ былъ Новиковъ? Содержатель Типографіи, Поручикъ отставной, котораго она считала совершеннымъ злодѣемъ. Такая деликатность замѣтна была бы и въ Губернаторѣ, досадующемъ въ своей губерніи на человѣка подобнаго состоянія. Но на прим. въ дѣлѣ по Тайной Экспедиціи, о послѣдовавшемъ заточеніи извѣстнаго Ростовскаго Митрополита, Арсенія, въ 1767 и въ началѣ 1768 года, видно, до чего и Великая Екатерина могла быть на гнѣвъ подвигнута. Сіе дѣло возникло за слова, тогда уже, какъ Арсеній нѣсколько лѣтъ находился въ ссылкѣ, въ монастырѣ Архангелогородской Епархіи, лишенъ епископскаго и священническаго сана, за представленія противъ отбора монастырскихъ вотчинъ.

тѣмъ, что зная его безпредѣльную ко мнѣ дружескую привязанность, былъ увѣренъ, что онъ ни къ чему не приступитъ безъ моего согласія, и первая моя забота была, какъ можно чаще подтверждать ему мою просьбу съ дружескимъ заклятіемъ, чтобъ не только ни словомъ не касаться до вступленія моего въ службу, но и всячески стараться отвратить этотъ жребій, естьли бъ случилось ему на меня падать и безъ его напоминаній. Такъ писалъ я къ Плещееву, не пропуская ни одного знакомаго мнѣ случая, а курьеровъ тогда по нѣскольку изъ Москвы скакало всякой день. Я просилъ, чтобъ матерію о службѣ моей оставить, по крайней мѣрѣ, до личнаго свиданія въ Москвѣ, во время пріѣзду въ нее Двора для коронаціи.

Между тѣмъ сообщалъ я Плещееву, который очень близокъ былъ къ Государю, въ дружеской откровенности мысли мои о разныхъ предметахъ государственнаго правленія и о многихъ, столь быстро, ежедневно дѣлаемыхъ, перемѣнахъ новымъ Императоромъ. Писалъ я, въ самомъ пламенномъ усердіи къ нему и отечеству много, можетъ быть, и полезнаго. Плещеевъ, находя оное таковымъ же и до пристрастія имѣя ко мнѣ вниманіе, намѣренъ былъ показать Государю мои письма, но, по щастью, время и обстоятельства не дозволили ему скоро того сдѣлать, а послѣ опыты очень ясно открыли, что это бы только безъ пользы могло навлечь гнѣвъ Государевъ на него и на меня.

Откровеннѣе и сильнѣе еще собирался я писать съ отправлявшимся въ Петербургъ, по Государеву повелѣнію, тогдашнимъ, церкви Іоанна Воина въ Москвѣ, священникомъ, Матвѣемъ Михайловичемъ Десницкимъ, что нынѣ Черниговскій Архіепископъ Михаилъ. Сей, по истинѣ, великой въ званіи своемъ мужъ, коего сочиненія весьма извѣстныя въ народѣ, исполненномъ безмѣрной къ нему любви и уваженія, между твореніями учителей Россійской Церкви могутъ сравниваться только съ сочиненіями Дмитрія Ростовскаго и Тихона, перваго Епископа Воронежскаго, былъ особливо привязанъ ко мнѣ съ самаго студенческаго его состоянія, и дружбу его, 25 лѣтъ продолжающуюся, почитаю я лестною для себя честію.

Я назначилъ притти ему ко мнѣ проститься и письма взять 25 Ноября по утру, но наканунѣ, поздо въ вечеру, между прочими, съ почты, письмами, получилъ я, въ письмѣ Григорья Григорьевича Кушелева, бывшаго тогда Генералъ-Адьютантомъ, имянное повелѣніе: ѣхать въ Санктпетербургъ и явиться прямо у Государя. Письмо Ку-

шелева дни два пролежало въ Москвѣ на почтѣ, потому что тогда, не имѣя съ Петербургомъ обыкновенной переписки, изъ дому нашего и не ходили на почту въ тѣ дни, когда она изъ столицы сей приходитъ, а ходили за письмами деревенскими изъ Орла и отъ нѣкоторыхъ пріятелей, жившихъ въ семъ городѣ, съ которыми и Кушелева письма принесли.

Императоръ такъ приказалъ написать ко мнѣ, чтобъ никто о томъ не зналъ. Не знали даже самые ближайшіе при немъ друзья мои, Сергѣй Ивановичъ Плещеевъ и Князь Николай Васильевичъ Репнинъ, котораго также, въ послѣдніе 12 лѣтъ его жизни, имѣлъ я счастіе быть первымъ, смѣю сказать, другомъ. Дружбу сихъ двухъ изъ достойнѣйшихъ между смертными, считаю я истиннымъ и отличнымъ въ жизни моей счастіемъ.

Христіанскія добродѣтели, примѣрное благородство души и рѣдкія дарованія ума Плещеева извѣстны всѣмъ, знавшимъ его безпристрастно. Что же касается до Князя Репнина, то онъ, конечно, былъ одинъ изъ тѣхъ великихъ мужей, о которыхъ чувствованія любви къ высочайшей добродѣтели и почтенія къ истинному геройству съ восторгомъ удивленія читаютъ въ исторіи, и коихъ величію, не понимающіе возможности его и совершенства добродѣтели, не имѣютъ силы вѣрить. Естьли бъ мои правила дозволяли мнѣ давать волю самолюбію, то я не просилъ бы другой на гробѣ моемъ надписи, кромѣ слѣдующей: *Онъ другъ былъ Репнина.*

Чрезъ нѣсколько уже дней по отправленіи ко мнѣ указа, Государь сказалъ Плещееву по Французски: «Я тебѣ скажу новость: Лопухинъ нашъ, И. В., скоро сюда будетъ. Я послалъ за нимъ.» Дружеская связь моя съ Плещеевымъ и съ Княземъ Репнинымъ давно была извѣстна Государю, у котораго они были въ особливой довѣренности, когда Онъ еще былъ наслѣдникомъ престола; и хотя основаніе связи сей было самое чистое, безкорыстное и весьма удаленное отъ всяческихъ политическихъ видовъ, но она-то была найболѣе причиною отмѣннаго на меня устремленія, при произшествіи съ бывшимъ нашимъ обществомъ въ 1792 году, которое, однако жъ, тѣмъ чудеснѣе такъ легко, въ разсужденіи меня, кончилось, какъ описано мною въ повѣсти о судѣ семъ.

Потомъ Государь приказалъ еще Димитрію Прокофьевичу Трощинскому, которой тогда былъ Статсъ-Секретаремъ, отписать ко мнѣ

съ курьеромъ, чтобъ я скорѣе пріѣхалъ и прямо бы представился Его Величеству, при чемъ угодно было Государю приказать, написать ко мнѣ, что отъ него самаго узнаю я о томъ употребленіи, къ коему онъ меня назначать изволитъ, по отличному его ко мнѣ благоволенію и по извѣстнымъ моимъ достоинствамъ.

Чрезъ пять дней послѣ полученія перваго указа отправился я въ Петербургъ. Прискорбно мнѣ было разставаться съ отцомъ моимъ, которой тогда уже не вставалъ съ постели и почти ежечасно требовалъ моей помощи, сдѣлавъ къ ней привычку многихъ лѣтъ. Не только не радовался онъ моей, такъ называемой, фортунѣ, но съ начала досадовалъ на меня, подумавъ, что я самъ ее проискивалъ. Я успокоивалъ его, лаская надеждою скораго возвращенія. Надежда сія подлинно подкрѣплялась во мнѣ чувствомъ, что не рожденъ я ни для какого Двора.

4 Декабря 1796 года предсталъ я предъ Павла Перваго. Онъ такъ милостиво меня принялъ, и такой имѣлъ даръ приласкать, когда хотѣлъ, что ни съ кѣмъ во всю мою жизнь не былъ я свободенъ при первомъ свиданьи, какъ съ симъ грознымъ Императоромъ. Сергѣй Ивановичъ Плещеевъ, который ввелъ меня въ его кабинетъ, и одинъ былъ въ немъ при семъ первомъ моемъ представленіи, удивляясь моей смѣлости, послѣ дружески мнѣ совѣтовалъ обращаться съ Государемъ осторожнѣе. Однако я всегда смѣлъ былъ предъ нимъ, и никогда ни сколько Его не робѣлъ, даже во время самой Его холодности ко мнѣ, о которой опишу въ своемъ мѣстѣ.

Въ Государѣ семъ, можно сказать, безпримѣрно соединялись всѣ противныя одно другому свойства до возможной крайности: только острота ума, чудная дѣятельность и щедрость безпредѣльная являлись въ немъ при всѣхъ случаяхъ неизмѣнно. Пылкость гнѣва Его никогда, однако жъ, не имѣла послѣдствій невозвратныхъ. Къ строгости побуждался онъ точно стремленіемъ любви, правды и порядка, коего разстройство увеличивалось иногда въ глазахъ Его предъубѣжденіемъ. Сильное впечатлѣніе въ нравъ Его дѣлало, конечно, то, что отъ самаго дѣтства напоенъ Онъ былъ, такъ сказать, причинами къ страхамъ и подозрѣніямъ, и что безмѣрная дѣятельность Его стѣснялась невольнымъ бездѣйствіемъ до тѣхъ немолодыхъ уже лѣтъ, въ которыхъ вступилъ Онъ на престолъ. Я увѣренъ, что при рѣдкомъ Государѣ больше, какъ при Павлѣ I, можно было бы сдѣлать добра для

Государства, естьли бъ окружавшіе Его руководствовались усердіемъ къ отечеству, а не видами собственной корысти.

Первой разговоръ Его со мною былъ о Московскомъ Митрополитѣ, Платонѣ, на котораго Онъ тогда гнѣвался за то, что Платонъ, по Его призыву, не только отмѣнно милостивому, но, можно сказать, дружеского, не поспѣшилъ къ нему пріѣхать, и представлялъ противъ начатаго Императоромъ жалованья духовнымъ особамъ знаковъ орденовъ кавалерскихъ. При чемъ Государь спрашивалъ меня, какъ я думаю объ этомъ жалованьи? Я Ему отвѣчалъ, что истинной Церкви Христіанской такія почести, самолюбіе питающія, конечно, неприличны. Но пріемля правленіе Церкви нынѣ больше учрежденіемъ политическимъ, не безполезно, по моему мнѣнію, употребляться могутъ такія отличія для награды и поощренія онаго членовъ, коихъ весьма не можно въ прямомъ смыслѣ почитать истинно духовными; l'habit ne fait pas le moine (платье монахомъ не дѣлаетъ) прибавилъ я. «Правда твоя», сказалъ Государь.

Я старался оправдывать Платона, сколько могъ, а Государь сильно обвинялъ его, и съ нѣкоторымъ огнемъ неудовольствія даже противъ меня, при всемъ, несказанно милостивомъ, со мною обращеніи. Однако я смѣло продолжалъ и имѣлъ счастіе много помочь къ умилостивленію Государя. Кончилось, тѣмъ что онъ изволилъ мнѣ сказать: «Ну, видно, ты прямо любишь Платона; и естьли такъ, какъ ты говоришь, то мы съ нимъ помиримся. Пусть онъ сюда пріѣдетъ!»

Тотъ же день писалъ я все это къ Митрополиту, совѣтуя поспѣшить пріѣздомъ. Но онъ прежде еще воротился съ дороги, получа весьма гнѣвное отъ Императора письмо, отправленное къ нему еще до моего пріѣзда, и по его же повелѣнію съ жестокимъ выговоромъ изъ Синода указъ, о коемъ опредѣленіе члены подписывали въ день праздничный, въ олтарѣ придворной церкви, въ самое время совершенія литургіи, отъ чего онъ занемогъ и не смѣлъ уже ѣхать. Увѣдомляя меня о томъ, благодарилъ онъ меня точно такими словами, что и батюшка его родной не могъ бы больше для него сдѣлать. Съ моей стороны и по сей часъ не было иныхъ чувствъ, кромѣ искренней дружбы и почтенія къ сему знаменитому дарованіями своими мужу и пастырю, рѣдкимъ благоразуміемъ украшенному.

Послѣ разговора со мною, Императоръ, при первомъ свиданіи съ Новгородскимъ Митрополитомъ, Гавріиломъ, сказалъ ему: «Пожалуйте,

оставьте Платона въ покоѣ, и безъ меня не касайтесь до него! Мы и такъ пересолили.»

5 Декабря выносили въ Петропавловской соборъ тѣла Императора Петра III и преставившейся Императрицы. Въ сей церемоніи шелъ я за Государемъ, который въ тотъ день пожаловалъ меня въ Дѣйствительные Статскіе Совѣтники, съ повелѣніемъ находиться при Немъ. Такимъ образомъ тогда, какъ и при покойной Императрицѣ и прежде, опредѣлялись Статсъ-Секретари.

Въ вечеру того же дня Государь, призвавъ меня къ себѣ, приказалъ мнѣ объявить въ Сенатѣ Генералъ-Прокурору волю его объ освобожденіи всѣхъ безъ изъятія заточенныхъ по Тайной Експедиціи, кромѣ повредившихся въ умѣ. О сихъ послѣднихъ приказалъ Государь усугубить попеченіе къ возможному излѣченію, для освобожденія также ихъ по выздоровленіи, а между тѣмъ, сколько можно, ихъ покоить. И вообще приказалъ онъ по сей Експедиціи принять мѣры къ лучшему и сколько можно спокойнѣйшему содержанію арестантовъ.

Я обнималъ колѣна Государя, дававшаго сіе повелѣніе, точно, кажется, по одному чувствованію любви къ человѣчеству.

Конечно, всякое возможное облегченіе судьбы подвергнувшихся заключенію подъ стражу тайную, требуется сколько человѣколюбіемъ, столько жъ и самою справедливостью; ибо тѣсны и строги могутъ быть нѣкоторыя тюрьмы публичныя для исправленія кратковременнымъ въ нихъ содержаніемъ нѣкотораго рода преступниковъ, и для удержанія примѣромъ симъ другихъ отъ преступленій подобнаго рода. Но тѣснымъ и тягостнымъ въ темницахъ содержаніемъ угнѣтать такихъ людей, которые иногда и по основательнымъ причинамъ осуждаются на заключеніе подъ стражу тайную, было бы единственно презрѣніе человѣчества, или месть нетерпимая не только правилами Христіанства, но и самаго великодушія.

Милость и довѣренность Государевы ко мнѣ были неописанныя. Его снисхожденіе даже до того простиралось, что онъ позволилъ мнѣ быть при Немъ, по моей должности, только въ послѣобѣденные часы для того, что, по тогдашней моей привычкѣ, очень мнѣ тяжело было рано по утру вставать, и я просилъ отъ утреннихъ пріѣздовъ меня уволить. Часто были такія минуты, въ которыя тысячи душъ для себя выпросить стоило бы мнѣ одного слова.

Милость такая родила противъ меня зависть, какъ обыкновенно при Дворахъ бываетъ. Всего больше непріятнымъ для нѣкоторыхъ меня сдѣлало опредѣленіе Государемъ должности моей въ томъ, чтобъ извѣстны мнѣ были всѣ дѣла по Тайной Експедиціи; чтобъ всегда открытъ былъ мнѣ входъ ко всѣмъ заключеннымъ по ней во всей Имперіи, и чтобъ я могъ, когда заблагоразсужу, присутствовать при слѣдствіяхъ, въ ней производившихся.

Тогдашній Генералъ-Прокуроръ, пользуясь родствомъ своимъ и моею дружбою съ Княземъ Николаемъ Васильевичемъ Репнинымъ, два раза самымъ убѣдительнымъ образомъ просилъ его уговорить меня отказаться отъ оной должности. Князь вмѣстѣ со мною удивлялся такой прозьбѣ. Мы думали, что въ подобныхъ дѣлахъ надобно бы еще радоваться товарищамъ. Не уже ли, говорили мы, свидѣтели при нихъ въ тягость?

Скоро открывшаяся неспособность моего характера держаться при Дворѣ успокоила моихъ завистниковъ. Особливо примѣтили они это изъ слѣдующаго случая:

Государь приказываетъ мнѣ съѣздить къ Трощинскому, разсмотрѣть конфирмованный уже имъ докладъ Сената о нѣкоторыхъ осужденныхъ по дѣлу объ утратѣ въ Государственномъ Банкѣ, начавшемуся еще при жизни Императрицы; остановить исполненіе и найти способъ оправдать, или гораздо облегчить участь, одного изъ осужденныхъ иностранца, котораго имя я забылъ. «Меня объ немъ просилъ сынъ, Александръ Павловичъ,» сказалъ мнѣ Государь, «а его разжалобила жена этого арестанта, которую онъ видѣлъ у мужа ея, посѣщая арестантовъ по должности Военнаго Губернатора Петербургскаго.

Я поѣхалъ къ Трощинскому, у котораго, изъ короткой записки о семъ дѣлѣ, увидѣлъ, что осужденный оной признанъ равно виноватымъ съ нѣсколькими другими и къ одинакому приговоренъ публичному наказанію. Конфирмованный Государемъ докладъ возвращенъ уже былъ въ Сенатъ, а изъ Сената, какъ я и тамъ справился, посланъ уже былъ указъ къ второму Военному Губернатору о исполненіи.

Сообразивъ обстоятельства дѣла, я думалъ, что простить, или облегчить казнь, всегда прилично милосердію самовластнаго Государя; но изъ осужденныхъ къ равному наказанію равныхъ преступниковъ

одного исключить, или очень меньше наказать предъ другими, было бы нарушить правосудіе съ явнымъ презрѣніемъ къ человѣчеству.

Всего лучше казалось мнѣ, естьли нельзя всѣхъ простить, то перемѣнить наказаніе всѣхъ, равно съ оным иностранцемъ, приговоренныхъ на содержаніе въ Смирительномъ Домѣ, или въ какихъ другихъ тюрьмахъ, и его освободить прежде и сіе сдѣлать, естьли угодно Государю, скрытнѣе, чтобъ, по крайней мѣрѣ, сколько нибудь при томъ въ наружности сохранить порядокъ правосудія.

Съ такими мыслями возвратился я къ Государю. Онъ былъ тогда въ кабинетѣ съ Наслѣдникомъ, Александромъ Павловичемъ, и Княземъ Безбородкой. Скоро вошелъ въ секретарскую нашу комнату, которая была предъ самимъ кабинетомъ и, подошедъ ко мнѣ, спрашиваетъ тихонько: «Что я сдѣлалъ?» — Я доложилъ ему о моей справкѣ и мысли свои представилъ. — «Какъ же, сказалъ Государь, всѣхъ! Они виноваты!» — «Да и онъ виноватъ,» отвѣчалъ я. Государь, подошедъ къ Безбородкѣ, и также говорилъ съ нимъ тихо. Я остался у своего секретарскаго стола. Поговоривъ нѣсколько съ Безбородкою, Государь, оборотясь ко мнѣ, изволилъ сказать: «Что жъ не подойдешь ты къ намъ, Иванъ Владиміровичъ? Мы говоримъ о твоемъ дѣлѣ.» Я подошелъ; Государь продолжалъ: «Вотъ и Александръ Андреевичъ говоритъ, что можно его освободить и послать только, какъ хорошаго художника (не помню, какого только мастерства), на житье въ бывшій городъ Воскресенскъ Московской губерніи, гдѣ онъ и полезенъ будетъ для отдѣлки монастыря.» — «А прочихъ то,» докладывалъ я, «съ коими онъ равно виноватъ, куда же?» — «Въ ссылку, по приговору,» отвѣчалъ Государь. — «Воля ваша,» сказалъ я, «только это будетъ несходно съ правдою и порядкомъ». — «Да онъ же почти и невиноватъ,» выговорилъ притомъ Князь Безбородко.—«Какъ же,» говорилъ я, «невиноватаго Сенатъ осудилъ и Государю казнь его подписать дали?» На сіе Государь мнѣ съ гнѣвомъ: «Полно, братецъ, перестань!»

Замолчавъ, отошелъ я къ своему столу. Государь, поговоря опять тихонько же съ Безбородкою, подошелъ ко мнѣ и уже милостиво спрашивалъ: «Ну, что жъ ты думаешь сдѣлать?» — «Я сдѣлаю то, что Ваше Величество приказать изволите, а думаю, что не сравнять наказаніе будетъ несправедливо и несходно съ Вашимъ великодушіемъ. «Нѣтъ», сказалъ Государь, «здѣсь нельзя: я прикажу Архарову.»

Послѣ сей-то сцены товарищи мои, какъ мнѣ одинъ изъ нихъ послѣ самому сказывалъ, надежно заключили, что не удержусь я

при Дворѣ. Однако послѣ ея Государь ни сколько еще не отмѣнилъ своего милостиваго со мною обращенія.

Но вотъ что не мало замѣчательнаго при семъ надобно сказать. Въ комнатѣ, гдѣ оное происходило, были только Императоръ, Наслѣдникъ, Князь Безбородко, человѣка два изъ самыхъ ближнихъ при Государѣ и я, да первой Государевъ камердинеръ стоялъ у дверей. Не больше, конечно, какъ черезъ полчаса послѣ оной сцены я поѣхалъ домой, а назавтра, какъ я проснулся, камердинеръ мой говоритъ мнѣ: «Что это вы такъ спорите съ Государемъ, какъ вчерась сказываютъ. Вѣдь бѣда будетъ!» — «Отъ кого онъ это слышалъ? спрашивалъ я.» — «Отъ бывшаго за мной лакея.» — «А онъ отъ кого?» — «Отъ придворнаго.»

Окружавшимъ Государя не нравилась также связь моя съ Княземъ Репнинымъ и Плещеевымъ, и тѣмъ больше, что основанію ея предполагали они правила столько же твердыя, сколько съ образомъ ихъ мыслей несходныя. Ожидали, что связь сія можетъ очень усилиться и распространиться.

Когда Государь, по моему представленію, приказалъ послать за стариннымъ же другомъ моимъ, Захаромъ Яковлевичемъ Карнѣевымъ, человѣкомъ, исполненнымъ честности и рѣдкихъ къ службѣ способностей, бывшимъ тогда въ Орлѣ Вице-Губернаторомъ, то заключеніе оное подкрѣпилось, и на языкѣ, часто при Дворахъ употребительномъ, говорили, что я подбираю себѣ партію. Но у меня истинно того никогда и въ мысляхъ не было. Во всю бытность мою при Дворѣ одинъ предметъ мой былъ: служить Государю вѣрно, вездѣ, гдѣ только мнѣ представится случай, соблюдать пользу Государства и человѣчества вообще, и милость Государеву сохранять, доколѣ то будетъ угодно единому источнику милости непреложной.

Вотъ что, при посылкѣ за Карнѣевымъ, случилось примѣчательнаго со стороны мечтательности интрижныхъ заботъ придворныхъ. Въ то время, какъ я еще и не думалъ представлять объ немъ, уже говорили, что я стараюсь опредѣлить его въ Секретари по военной части при Государѣ, и одинъ изъ любимцевъ его всякой день спрашивалъ меня: «Послали ль за Карнѣевымъ?» не хотя мнѣ вѣрить, что не послали. Чрезъ нѣсколько дней, послѣ такихъ вопросовъ, самой этотъ любимецъ, сидя со мною на канапѣ предъ Государевымъ кабинетомъ, фамиліарнымъ и очень будто дружескимъ тономъ, какой онъ уже тогда употреблялъ со мною, просилъ меня еще въ откровенности

ему сказать, послали ль за Карнѣевымъ? Я увѣряю его, что нѣтъ, развѣ безъ меня, что нельзя и глупо было бы мнѣ таить это, и что, ежели чрезъ меня призываться будетъ Карнѣевъ, то я тотчасъ ему скажу. Только что кончили этотъ разговоръ, Государь, не помню за чѣмъ, изволилъ позвать меня къ себѣ въ кабинетъ. и я тутъ имѣлъ случай доложить о Карнѣевѣ, какъ о человѣкѣ, коего служба при немъ полезна быть можетъ. «Пошли жъ за нимъ,» сказалъ мнѣ Государь. Вышедъ изъ кабинета, написалъ я къ Генералу-Прокурору письмо, съ объявленіемъ воли Государевой о пріѣздѣ Карнѣева въ Петербургъ, и показалъ оное любопытному пріятелю моему придворному.

Никогда, однако, не считалъ я за полезное быть Карнѣеву по военной части, отъ которой онъ тогда уже лѣтъ двадцать отсталъ. Но я думалъ всегда, что по всѣмъ частямъ правленія, нужно быть при Государѣ особливымъ Секретарямъ или докладчикамъ, кромѣ управляющихъ частями или Министровъ, коихъ доклады о своихъ же производствахъ, по большей части должны быть естественно не иное, какъ ходатайство за то, что только имъ пріятно и надобно. Такой перевѣсъ весьма бы, конечно, былъ полезенъ, особливо по дѣламъ Сената коего большинство голосовъ давно уже сдѣлалось однимъ только отголоскомъ Генерала-Прокурора. «Согласенъ съ предложеніемъ Его Превосходительства, или Сіятельства, или Свѣтлости,» только почти и слышится и пишется въ общихъ собраніяхъ онаго.

Карнѣевъ пріѣхалъ въ Петербургъ. Все уже противъ него настроено было. Одинъ самой ближній при Государынѣ комнатной человѣкъ, мнѣ рѣшительно сказалъ, что ни какъ его не допустятъ остаться при Дворѣ. Государь откладывалъ его представленіе день за день, и Карнѣевъ первой разъ представленъ былъ Государю вмѣстѣ съ прочими уже благодарить за опредѣленіе его Губернаторомъ въ Минскъ, съ чиномъ Дѣйствительнаго Статскаго Совѣтника, которое опредѣленіе послѣдовало по многому старанію, чтобъ, по крайней мѣрѣ, не напрасно онъ мною вызванъ былъ. Продолженіе службы сего достойнаго человѣка доказываетъ, сколько онъ полезенъ для нея.

Съ того времени Государь сдѣлался холоденъ ко мнѣ; только прямой тому причины я и теперь не знаю. Признаюсь, что и не любопытствовалъ много знать ее, зная, что я съ своей стороны не подалъ ни какой. Вообще, кажется, можно вѣрно заключить, что главною причиною было затрудненіе, въ которое поставили Государя противъ меня тѣ, коимъ я былъ ненадобенъ, и которые ему

больше были надобны, нежели я. Особое свойство великодушія потребно Государямъ, чтобъ одолѣвать сіе затрудненіе.

Не только уже Императоръ не дѣлалъ мнѣ ни какихъ препорученій и не призывалъ меня въ свой кабинетъ, но пересталъ и говорить со мною. Чувствуя, что ни чѣмъ не заслужилъ я гнѣва Его, былъ я очень спокоенъ. Знатоки придворнаго дѣла осуждали мое равнодушіе, и совѣтовали мнѣ хотя притворяться огорченнымъ. Почитая всегда притворство искуствомъ самымъ презрительнымъ, продолжалъ я свою откровенность, и даже чаще тогда веселъ былъ, какъ бы отъ предчувствія того, что скоро освобожусь я отъ бремени придворной жизни.

Нѣсколько разъ намѣренъ я былъ объясниться съ Государемъ въ кабинетѣ. Но тотъ, кто обыкновенно докладывалъ о входѣ въ него, не смѣлъ доложить обо мнѣ, а пріятели, искренно мнѣ добра желавшіе и которые больше знали нравъ Государя, не совѣтывали мнѣ того дѣлать. Наконецъ уже очень явно стало, что ни какъ не можно мнѣ оставаться при Государѣ, и я открыто говорилъ, что сколько бы желалъ я сохранить милость къ себѣ Государеву, столько же порадовался бы увольненію моему отъ Двора.

Тотъ же самый ближній комнатный человѣкъ, о которомъ сказалъ я выше, предлагалъ мнѣ подать отъ меня Государю письмо о моемъ отъ него увольненіи, въ которомъ я могу просить себѣ многаго, что онъ увѣренъ, что Государь при отпускѣ моемъ все сдѣлаетъ въ мое удовольствіе, и за это отвѣчаетъ. Я не соглашался. «Вы философъ,» говорилъ онъ мнѣ, «а Двора, позвольте сказать, не знаете. Теперь Вамъ случай, я вѣрно знаю, такъ много получить, какъ уже никогда не удастся, ежели упустите его. Лента ли Вамъ надобна, Государь тотчасъ ее надѣнетъ на Васъ, чинъ также получите. Естьли же Вамъ надобна тысяча душъ, или больше, гдѣ Вамъ угодно, то я берусь по подачѣ Вашего письма, вынести Вамъ на то указъ, и позволяю Вамъ сдѣлать со мною, что хотите, ежели того не исполню.»

«Нѣтъ,» отвѣчалъ я ему, «я не соглашусь на Ваше предложеніе, хотя и увѣренъ я въ его успѣхѣ (и подлинно я былъ увѣренъ). Я не философъ, но правда, что люблю держаться правилъ философскихъ. Двора подлинно я не знаю, и никогда, думаю, очень знакомъ съ нимъ быть не могу, только въ этомъ случаѣ, мнѣ кажется, и придворныя обстоятельства вижу я тонѣе Вашего. Я не искалъ быть при Государѣ, Онъ самъ изволилъ призвать меня и принялъ съ от-

личною милостью. Гнѣва Его я не заслужилъ. Возвратится милость Его ко мнѣ, я буду очень радъ; продолжится гнѣвъ Его, все я не виноватъ буду. Уволитъ Онъ меня отъ себя съ милостью, я буду щастливъ, съ немилостью — несправедливость не на моей сторонѣ будетъ. Но когда я самъ буду просить увольненія и наградъ отъ Него, не заслужа ихъ, то я оправдаю гнѣвъ Его; и тогда-то, естьли не удастся мнѣ, потеряю я то, чего уже, конечно, никогда возвратить не можно во всякомъ смыслѣ.»

Въ такомъ расположеніи продолжалъ я всякой день спокойно быть свои часы предъ кабинетомъ Государевымъ, и нѣсколько въ нихъ разъ видѣть Его въ гнѣвѣ, или очень холоднаго ко мнѣ. Между тѣмъ я старался сыскивать хорошій способъ удалиться отъ Двора. Вѣрный другъ мой, Сергѣй Ивановичъ Плещеевъ, помогалъ мнѣ въ томъ, хотя и онъ тогда былъ уже не въ прежней милости и довѣренности у Государя. Однажды, воспользуясь очень благосклоннымъ разговоромъ Государя въ Эрмитажѣ, Плещеевъ говоритъ Ему обо мнѣ и проситъ уволить меня, естьли я Ему неугоденъ, съ милостью. Государь отказалъ, сказавъ: «Полно, дайте время! Мы съ нимъ уживемся.» Но вотъ что надобно при семъ разсказать, какъ весьма характеризующее покойнаго Государя.

По званію моему Статсъ-Секретаря былъ при мнѣ Коллежскій Совѣтникъ Александръ Алексѣевичъ Лѣнивцевъ, человѣкъ съ рѣдкими дарованіями ума и сердца. Онъ былъ давно другъ Плещееву и мнѣ, и Государю извѣстенъ былъ. Плещеевъ, настаивая о увольненіи меня, выговорилъ Государю: «А когда Лопухина изволите отъ себя уволить, то Лѣнивцева прошу пожаловать, опредѣлить ко мнѣ.»—«Такъ-то,» отвѣчалъ Государь съ жаромъ: «хорошъ же ты другъ Ивану-то Владимировичу! Его прочь для того, чтобъ Лѣнивцева къ себѣ. Такъ знай же, что мы не разстанемся съ нимъ никогда,» и съ тѣмъ отошелъ отъ Плещеева.

Послѣ этого можно было подумать, что Государь перемѣнитъ обращеніе свое со мною на прежнее, однако оно нисколько не перемѣнилось. Странный и любопытства достойный случай рѣшилъ наконецъ увольненіе мое отъ Государя.

За нѣсколько мѣсяцевъ предъ кончиною Императрицы Екатерины II й заключенъ былъ въ Шлиссельбургскую крѣпость нѣкто изъ монаховъ, или послушниковъ монастырскихъ, которой предсказывалъ о Ея кончинѣ, и точно въ то время, какъ она случилась. При осво-

бождении всѣхъ по Тайной Експедиціи, привезенъ былъ и онъ въ Петербургъ. Бумаги его хранились у Новгородскаго Митрополита, Гавріила. Въ одинъ вечеръ Государь, переговоря въ своемъ кабинетѣ съ Митрополитомъ, принесшимъ къ нему оныя бумаги, призвалъ къ себѣ Сергѣя Ивановича Плещеева и, отдавъ ему ихъ, приказалъ показать мнѣ, и изтребуя мнѣніе мое какъ о сихъ предсказательныхъ бумагахъ, такъ и о томъ, что дѣлать съ ихъ сочинителемъ, донести оное Ему, только съ тѣмъ, чтобъ Сергѣй Ивановичъ все это производилъ со мною отъ себя, отнюдь не открывая мнѣ волю о томъ, въ разсужденіи меня, Государеву.

Разсмотрѣвъ оныя бумаги, нашелъ я въ нихъ смѣсь мрака съ нѣкоторыми отсвѣчиваніями просвѣщенія. Соединеніе такое весьма возможно отъ сліянія непрестанныхъ дѣйствій безчисленныхъ посредствъ на неизмѣримой лѣствицѣ свѣта и глубокихъ впечатлѣній тьмы. А потому не всякой, предсказатель и правды, самымъ лучемъ свѣта открываемой, есть всегда святой, просвѣщенной, и сколько несправедливо отвергать возможность истинныхъ предсказаній, столько жъ неблагоразумно и вредно уважать всякое предсказаніе и на немъ основываться. О сочинителѣ бумагъ оныхъ полагалъ я, что какъ онъ уже посвятилъ себя трудничеству и уединенію монашескому, то всего лучше опредѣлить его въ какой нибудь выгодной монастырь и къ такому Настоятелю, которой бы могъ его руководствовать и къ очищенію его понятій, въ коихъ подлинно было много смутнаго.

Мнѣніе мое очень понравилось Государю. При донесеніи Плещеева, онъ много съ нимъ обо мнѣ разговаривалъ, сказывалъ хорошее свое обо мнѣ заключеніе, хвалилъ мои способности, «только не имѣю я,» говорилъ онъ, «довольно тѣхъ, какія ему надобны въ находящихся при особѣ Его.» Плещеевъ убѣдительно просилъ моего увольненія, какъ того, чего единственно я желаю. Государь согласился меня уволить отъ себя, но не иначе, какъ съ награжденіемъ, и для того приказывалъ Плещееву сказать мнѣ, чтобъ я подалъ записку о томъ, чего хочу. Плещеевъ, зная меня, увѣрялъ, что я никакъ того не сдѣлаю, а совершенно предаюсь милостивой Его волѣ. Долго Государь настаивалъ о запискѣ, но наконецъ, повѣря Плещееву, что я доволенъ буду Сенаторствомъ въ Москвѣ, пожаловалъ меня Тайнымъ Совѣтникомъ и Сенаторомъ въ Московскіе Департаменты.

Сіе происходило поутру 20 Генваря, 1797 года. Только что я проснулся, явились ко мнѣ фельдъегери съ поздравленіемъ и съ копіею подписаннаго уже обо мнѣ указа, присланною отъ моихъ товарищей, которые очень не жалѣли о разлукѣ со мною, однако также непріятно имъ было и такое скорое мое повышеніе. Это точно такъ было, хотя нѣкоторые изъ нихъ сдѣлались послѣ уже хорошими мнѣ пріятелями.

Я поѣхалъ во Дворецъ благодарить Государя. Онъ тогда былъ въ кабинетѣ. Докладчикъ и отверзатель дверей кабинетныхъ, тотъ же ближній комнатный, о которомъ я уже два раза говорилъ, хотя по пословицѣ: *хоть съ ангелами ликуй...* однако, желая мнѣ добра, говорилъ мнѣ, что лучше поблагодарить послѣ обѣда; что Государь теперь возвратился съ вахтъ-парада очень невеселъ; а ему хотѣлось бы, чтобъ Государь принялъ меня въ кабинетѣ, и увѣренъ, что непремѣнно изволитъ то сдѣлать, и съ милостью, только въ лучшій часъ. Я опять спорилъ съ нимъ, увѣряя, напротивъ, что этого не будетъ, и смѣючись говорилъ ему, что ни какъ я о себѣ во всемъ лучше знаю придворную карту, нежели онъ, хотя, впрочемъ, онъ ее гораздо тверже моего знаетъ. «Нѣтъ, «отвѣчалъ онъ,» повѣрьте, что будетъ такъ, какъ я говорю съ Вами; объ какомъ угодно закладѣ ударюсь, только пріѣзжайте послѣ обѣда.» — «Пробьешь,» сказалъ я ему.

Пріѣхалъ я послѣ обѣда. Онъ пошелъ въ кабинетъ докладывать Государю. Былъ тамъ необыкновенно долго; ибо обыкновенно, онъ только отворяя двери, называлъ Государю того, кому есть надобность войти въ кабинетъ, или вошедши въ него, ту жъ минуту отворялъ двери для входу кому надобно, или отказывалъ по волѣ Государевой. Тогда же, побывъ у Государя около четверти часа, вышелъ ко мнѣ, дожидавшемуся у дверей кабинета, и съ улыбкою, сперва тихонько, мнѣ сказалъ: «Вы правы;» а потомъ въ слухъ, при нѣсколькихъ тутъ бывшихъ: «Государь извиняется, что не можетъ Васъ принять въ кабинетѣ: онъ теперь занятъ письмомъ, и тотчасъ сюда выйдетъ.»

Чрезъ нѣсколько минутъ Государь вышелъ. Въ дверяхъ Онъ громко кашлянулъ, и когда я, ставъ на колѣно, поцѣловалъ у Него руку, то Онъ, поцѣловавъ меня два раза въ щеку, сказалъ: «Vous m'avez fait tousser, я отъ тебя закашлялся.» Что значили сіи слова, не знаю и по сіе время, и никто изъ очень знавшихъ покойнаго Государя не могъ никогда мнѣ ихъ растолковать,

Такимъ образомъ кончилось придворное бытіе мое: и въ самое короткое время, въ часы почти, испыталъ я всѣ соблазны придворной жизни и, такъ называемаго, щастія временщиковъ.

Что же сказать о жизни придворной? Картина ея весьма извѣстна и всегда та же, только съ нѣкоторою перемѣною въ тѣняхъ. Корысть — идолъ и душа всѣхъ ея дѣйствій. Угодничество и притворство составляютъ въ ней весь разумъ, а острое словцо въ толчокъ ближнему — верхъ его.

КНИГА ПЯТАЯ.

Возвращеніе мое въ Москву неописанно обрадовало отца моего. Но не долго утѣшался онъ житьемъ моимъ съ нимъ и покоился продолженіемъ попеченій моихъ объ немъ, лежавшемъ уже на одрѣ смерти. Въ томъ же году лѣтомъ скончался онъ на рукахъ моихъ, и хотя онъ былъ девяноста двухъ лѣтъ и въ крайнемъ разслабленіи, однако смерть его огорчила меня столько, какъ бы и за много лѣтъ предъ тѣмъ случилась.

Въ Москвѣ началъ я присутствовать въ Сенатѣ. Сходно съ желаніемъ моимъ, былъ я опредѣленъ въ 5 Департаментъ, что нынѣ 6 Уголовный, въ которомъ и тогда производились, по большей части, также уголовныя и слѣдственныя дѣла, переданныя изъ Петербургскихъ Департаментовъ. При семъ еще, какъ о знакѣ благоволенія ко мнѣ Императора, надобно сказать, что Онъ, какъ при пожалованіи меня въ Сенаторы, узнавалъ отъ Плещеева, гдѣ пріятнѣе для меня будетъ служить Сенаторомъ, въ Москвѣ, или въ Петербургѣ, такъ и послѣ пожалованія приказалъ Генералъ-Прокурору спросить меня, въ которомъ изъ Московскихъ Департаментовъ хочу я присутствовать?

Я началъ присутствовать въ Сенатѣ по тѣмъ же правиламъ, по которымъ служилъ я и въ Уголовной Палатѣ. Большаго труда стоило мнѣ успѣвать въ пощадѣ человѣчества, по причинѣ того нещастнаго предубѣжденія, коимъ исполнены были мои товарищи, что Государю будто угоденъ судъ самой строгой. Товарищей у меня было много. Собраніе Сенаторовъ очень тогда умножилось пожалованными вновь и опредѣленіемъ въ Сенаторы всѣхъ отмѣненныхъ въ то время Генералъ-Губернаторовъ и правившихъ ихъ должность. Въ томъ числѣ были старики и привыкшіе считать себя знатоками. Не смотря ни на что, я съ ними спорилъ и доказывалъ, что оскорбительно и думать, чтобъ Государь услаждался жестокостью; что мнѣ очень извѣстно, что Онъ желаетъ только правосудія, и что я увѣренъ, что Ему пріятно будетъ даже всякое возможное, съ законами только соображенное, облегченіе участи судимыхъ. Долго не соглашались со мною. Но много мнѣ помогло незнаніе сперва товарищей моихъ

о томъ, въ какомъ точно отношенiи находился ко мнѣ Государь при увольненiи меня отъ себя. Многiе и изъ самыхъ прозирателей въ Дворскую политику думали, что довѣренность Его ко мнѣ еще продолжается, что не тайное ли око Его я въ Московскомъ Сенатѣ и, судя по нраву Государеву заключали, что я могу скоро къ Нему возвратиться, и въ большую еще милость.

Такое ложное заключенiе послужило, однако жъ, къ избавленiю многихъ нещастныхъ отъ жесточайшаго наказанiя. Соглашались со мною раза два, три, а тамъ уже трудно было и не соглашаться. Разнообразное рѣшенiе законами запрещается.

И такъ, во все царствованiе Павла I, во время присутствiя моего въ Сенатѣ, ни одинъ Дворянинъ Пятымъ Департаментомъ не былъ приговоренъ къ тѣлесному наказанiю, и по всѣмъ дѣламъ истощалась законная возможность къоблегченiю осуждаемыхъ. Всѣ дѣла сего Департамента конфирмованы были Императоромъ. Два, или три, только, помнится, отмѣнилъ Онъ убавкою опредѣляемаго наказанiя. Изъ сего можно видѣть, по склонности ли строгъ былъ Государь сей?

Послѣ кончины Его нѣкто изъ разумнѣйшихъ Сенаторовъ Петербургскихъ, покойникъ же теперь, разсказывалъ мнѣ, съ какимъ прискорбiемъ принужденъ онъ былъ подписать кнутъ и ссылку сыну короткаго знакомца своего, да и безвинному почти. «Для чего жъ?» спросилъ я. «Боялись иначе,» отвѣчалъ онъ.—«Что,» говорилъ я, «такъ именно приказано было, или Государь особливо интересовался этимъ дѣломъ?»—«Нѣтъ,» продолжалъ онъ; «да мы по всѣмъ боялись не строго приговаривать, и самыми крутыми приговорами старались угождать Ему.» Промолчавъ о такой бѣдственной услугѣ, сказалъ я только моему товарищу: «Мы, далекiе отъ Двора, Московскiе Сенаторы, простѣе живемъ, и не отвѣдалъ бы, конечно, знакомецъ твой кнута, естьли бъ случилось дѣлу его быть въ 5 Департаментѣ.»

Въ Мартѣ прiѣхалъ Государь въ Москву короноваться. Пребыванiя его въ сей столицѣ было мѣсяца два. Всякую недѣлю имѣлъ я честь обѣдать и ужинать за столомъ Его: ни разу не вычернилъ онъ меня изъ реестра, каковой выключкѣ иногда знатнѣйшiе меня подвергались; однако не говорилъ со мною ни слова. Я былъ при томъ спокоенъ, по правилу моему: «Чтобъ не заслужить только гнѣва Царскаго.»

Впрочемъ, у Государя въ сердцѣ противъ меня, конечно, ничего было, а какъ я прежде сказалъ, что сила моихъ недоброхотовъ,

которые Ему нужнѣе, или пріятнѣе меня, казались, поставила преграду изъявленіямъ милости Его ко мнѣ.

Тому же, что милость сія всегда продолжалась, въ доказательство разскажу я, между прочимъ одинъ слѣдующій случай.

Когда Государь, въ числѣ нѣкоторыхъ Сенаторовъ, пожаловалъ и меня Кавалеромъ ордена св. Анны 1 класса, то я, пославъ по обычаю, давно водившемуся, камердинерамъ триста рублей, сверхъ того одному старшему тогда при Государѣ камердинеру, молодому человѣку, очень любезному, и которой, въ бытность мою при Государѣ, безъинтересно любя меня, обязывалъ учтивствомъ своимъ и нѣкоторыми услугами въ Каморѣ, послалъ на кафтанъ бѣлаго бархату съ золотыми травками.

Сей молодой человѣкъ, бывшій тогда въ большой уже у Государя милости, въ первый праздникъ пришелъ къ Нему въ кафтанѣ, сшитомъ изъ моего бархата. Государь былъ очень веселъ. «Ты заставишь и меня К. (Кутайсовъ) носить Французскіе кафтаны. Что это за прелестной бархатъ! Откуда у тебя?» К. сказалъ. «Такъ стало Ив. Влад. любитъ тебя; смотри же, заслуживай любовь его! Это тебѣ и у меня аттестатъ,» изволилъ сказать Государь; и еще пространнѣе, какъ мнѣ послѣ разсказывалъ самъ К.

Въ началѣ 1800 года отправлены были Сенаторы для осмотра всѣхъ губерній; и я съ М. Г. Спиридовымъ посланъ былъ въ Казанскую, Вятскую, Оренбургскую.

Осмотры такіе, конечно, весьма полезны для сохраненія порядка и обузданія отъ злоупотребленій: хотя нѣкоторыя изъ сихъ послѣднихъ, и важнѣйшія суть такого рода, что рѣдко могутъ быть изобличены для наказанія судомъ, а необходимо иногда исправлять ихъ слѣдствія и сколько можно отвращать ихъ средствами, хотя гораздо меньше строгими, нежели бы по суду, основываясь единственно на довѣренности къ ревизорамъ. Почему и выборъ ревизоровъ долженъ быть весьма осторожень.

Сіе особливо въ разсужденіи взятковъ, сей неизлѣчимой отравы суда. Чѣмъ большій мздоимецъ, тѣмъ труднѣе изобличить его.

Кажется, справедливо сказать можно, что едва ли не тщетны почти всѣ старанія о искорененіи взятковъ. Надобно сдѣлать прежде, есть-ли можно, чтобъ въ людяхъ лакомства не было, чтобъ они нуждъ и прихотей не имѣли, чтобъ, наконецъ, боялись Бога, какъ свидѣтеля

всего, или бы страстно любили правду, что безъ любви къ небесному ея источнику невозможно, или весьма ненадежно.

Касательно сей матеріи помѣщу я здѣсь нѣчто изъ писаннаго мною къ царствующему нынѣ Государю Императору.

Выписка изъ донесенія моего въ 1803 году по нѣкоторому случаю изъ Крыма.

«Ваше Императорское Величество Всемилостивѣйше, конечно, простите мнѣ, что я отъ безпредѣльнаго усердія къ священной и, простите, еще сыновне искренней свободности моей. къ любезнѣйшей для меня Особѣ Вашей и къ драгоцѣнному для меня отечеству, коего благо долженъ быть и есть первый предметъ Вашихъ желаній и попеченій, осмѣливаюсь и не о томъ, что настояще до меня касается, приводить мои свидѣтельства и мнѣнія.

И такъ при семъ скажу, что опредѣленіе хорошихъ начальниковъ есть лучшее средство къ благоустройству правленія и самое вѣрное врачеваніе корыстолюбія и лихоимства, столь много издавна заразившихъ службу во всѣхъ земляхъ, преходимую большею частью людей слабыхъ, разнымъ порокамъ подверженныхъ. Лучшее средство истребить взятки есть такъ дѣлать, чтобъ или еовсѣмъ не за что, или сколько можно меньше было, за что давать взятки. Когда главные начальники будутъ хорошо разумѣть и сами отправлять дѣла своей должности, тогда нижнимъ чинамъ нельзя будетъ, или крайне трудно и рѣдко возможно, и то въ самыхъ неважныхъ случаяхъ, вредить пользѣ службы, естьли бъ и хотѣли. Таковымъ средствомъ гораздо удобнѣе искоренить, или, по крайней мѣрѣ, сколько можно, умѣрить погубное дѣйствіе лихоимства, нежели самымъ строгимъ за оное наказаніемъ, для коего способы къ изобличенію весьма трудны, и, какъ давно извѣстно изъ опытовъ, тѣмъ труднѣе, чѣмъ важнѣе преступленія и лицы.

Не малымъ способомъ къ обнаруженію сего послужить бы могла и отмѣна того закону, который равному подвергаетъ наказанію и пріемлющаго взятки и дающаго. Осмѣлюсь сказать, что послѣдняго довольно бы оставить сужденію только внутреннему строгости тончайщей нравственности самой высокой добродѣтели, коея правила заставляютъ безъ изъятія жертвовать собственностью во всемъ общей пользѣ и чести истинной, и которой столько же не естественно быть между миліонами людей общею, какъ и быть каждаго обязанностью, подъ взысканіе земскихъ законовъ подходящею. Объ от-

мнѣ онаго закона, по всегдашнему усердію моему, при одномъ случаѣ перваго осмотра губерній, дерзалъ я представлять еще въ Бозѣ опочившему Государю Императору, родителю Вашему, и тѣмъ свободнѣе нынѣ пространно представляю Вашему Императорскому Величеству мое мнѣніе, что слышалъ я, что неутомимому попеченію Вашему, Государь, о законодательномъ утвержденіи основанія порядка и правды, благоугодно было повелѣть во всѣхъ отношеніяхъ разсмотрѣть оную важную въ кругѣ государственныхъ узаконеній статью Правительствующему Сенату, коего и я имѣю честь быть сочленомъ, имѣвшимъ счастіе въ нѣсколькихъ случаяхъ доказать, по крайней мѣрѣ, желаніе быть достойнымъ онаго званія.»

Осмотръ нашъ очень былъ угоденъ Государю. Всѣ наши представленія были уважены, и всѣ рекомендованные нами чиновники пережалованы, а мы съ товарищемъ получили Командорскіе кресты ордена Св. Іоанна Іерусалимскаго, въ числѣ тѣхъ изъ обозрѣвшихъ губерніи Сенаторовъ, кои за отличные при томъ труды всѣ награждены были онымъ знакомъ милости.

Я старался осматривать не только формы, но и существо производства дѣлъ. Послѣднее очень трудно. Всѣхъ дѣлъ пересмотрѣть не можно; и какъ же попасть именно на тѣ, которыя не хорошо произведены, особливо съ умысломъ. Такія и таятся особливо. Удача часто мнѣ въ томъ помогала, на примѣръ: въ одной Палатѣ Уголовной приказываю я Предсѣдателю подать мнѣ одно изъ обревизованныхъ уже и рѣшенныхъ дѣлъ. «Какое?» спрашиваетъ онъ. «Какое попадется,» говорилъ я, «только прикажите подать скорѣе.» Что жъ! Предсѣдатель принесъ дѣло, и такъ безпорядочно произведенное и беззаконно рѣшенное, что и на выборъ бы нельзя было выставить худшаго. При всей осторожности отъ строгостей излишнихъ, надобно было, однако жъ, двухъ членовъ за это дѣло выгнать изъ службы.

Главныя черты образа осмотра нашего любопытные охотники до службы могутъ видѣть въ напечатанной тетрадкѣ, подъ названіемъ: «Выписка наставленій и приказаній, данныхъ Гг. Сенаторами при осмотрѣ Вятской губерніи, въ Мартѣ 1800 года.» Сія книжка удостоилась одобренія многихъ знатоковъ, и нѣкоторые изъ разумныхъ и почтенныхъ ревизоровъ, при порученіяхъ имъ осмотра губерній, очень желали имѣть ее отъ меня, и потомъ говорили мнѣ искренно, что никогда въ подобныхъ случаяхъ безъ нея не поѣдутъ.

Напечаталъ я ее съ напечатанныхъ уже порознь въ Вятской типографіи предписаній оныхъ, въ самое время дачи ихъ, для скорѣйшей разсылки въ разныя Присутственныя Мѣста и Уѣзды. Напечаталъ въ особую книжку для того больше, чтобъ показать публикѣ, какъ напрасно многіе въ ней винили меня за послѣдовавшее тогда отрѣшеніе всѣхъ чиновниковъ Вятской губерніи, кромѣ Губернатора. Въ выпискѣ же той, по коей одной тогда и Сенатъ судилъ о семъ отрѣшеніи, есть наставленія, замѣчанія, исправленія, но ничего нѣтъ такого, по чему бы можно было отрѣшить безъ суда.

Правда, что отрѣшеніе сіе сдѣлалось въ слѣдствіе нашего донесенія Государю объ осмотрѣ Вятской губерніи, о которой при иномъ случаѣ писалъ я Его Величеству, что «она золотое дно, изъ котораго ненасытная алчность давно привыкла черпать всякими неправдами.» Конечно, въ слѣдствіе нашего донесенія, писаннаго совершенно справедливо, но совсѣмъ не такъ, чтобъ можно было отъ него ожидать такихъ строгихъ послѣдствій. Сіе вотъ какъ происходило.

Осмотрѣвъ Вятскую губернію, спѣшили мы, по причинѣ наставшей уже тогда распутицы, въ Казань. При отъѣздѣ же изъ Вятки послали мы въ Сенатъ короткій рапортъ, приложа, для усмотрѣнія образа осмотра нашего, оную напечатанную нынѣ выписку, и при томъ сказавъ, что подробнѣе донесемъ обо всемъ изъ Казани, сообразивъ нѣкоторыя статьи, имѣющія связь въ ея губерніи съ Вятскою. Сіе больше касалось до лѣсовъ, о коихъ мнѣніе наше тогда особливое уваженіе заслужило.

Въ то же время, донося Государю объ отъѣздѣ нашемъ въ Казань и о подробнѣйшемъ изъ нея донесеніи, по сдѣланіи вышесказаннаго соображенія, писали мы, что: «осмотрѣвъ Вятскую губернію, возможное, по данной намъ власти, на мѣстѣ исправили, къ лучшему впередъ устройству, въ чемъ нужно, предписали наставленія; по жалобамъ, доносамъ и подозрѣніямъ на нѣкоторыхъ чиновниковъ, велѣли мы судить; что важнѣйшія злоупотребленія примѣчаются особливо по Волостнымъ Правленіямъ, и для того мы на часть сію особенное обратили вниманіе, и всѣ возможныя установили средства къ пресѣченію оныхъ злоупотребленій и наказанію ихъ судомъ; что, наконецъ, обыкнувъ говорить предъ Августѣйшимъ престоломъ Его Величества правду, не можемъ мы сказать, чтобъ какое нибудь Присутственное Мѣсто, или чиновникъ въ губерніи Вятской, заслуживали представленными быть въ особливое благоволеніе Государево.

А что принадлежитъ до Гражданскаго Губернатора, Дѣйствительнаго Статскаго Совѣтника Тютчева, то сей, въ честности состарѣвшійся, чиновникъ (ему тогда было лѣтъ 80, по крайней мѣрѣ), истощаетъ послѣднія свои силы къ наилучшему исполненію своей должности, и голосъ всей губерніи свидѣтельствуетъ о его правдолюбіи и добродушіи.»

Вотъ вся сила нашего донесенія. Сочиняя его, не могъ я и вообразить того, что послѣдовало. Государь, прочитавъ сіе донесеніе, тотчасъ далъ два указа: однимъ приказалъ Губернатора, за старостью, уволить отъ дѣлъ, съ полнымъ въ пенсіонъ жалованьемъ за усердную его службу, а прочихъ всѣхъ безъ изъятія чиновниковъ Вятской губерніи отрѣшить и предать суду.

Возопили на меня за Вятскихъ, и на меня именно, какъ писали ко мнѣ тогда же съ пріятельскими упреками нѣкоторые, имѣвшіе въ то время большое вліяніе на дѣла при Государѣ и въ Сенатѣ.

Скоро, однако жъ, и на тѣхъ же почти дняхъ, успѣли ближніе при Государѣ изходатайствовать снизхожденіе милости Его и дозволеніе, прежде исполненія указа объ отрѣшеніи, разсмотрѣть въ Сенатѣ наши бумаги, и, сдѣлавъ постановленіе о томъ, какимъ образомъ исполнять его, поднести докладъ. Сдѣлали сіе весьма похвально, только не додѣлали.

Сенатъ, разсмотрѣвъ помянутую нашу выписку, которая тогда одна еще объ осмотрѣ Вятскомъ и была получена отъ насъ, и по содержанію коей никого отрѣшать по справедливости не слѣдовало, положилъ, однако, отрѣшить всѣхъ присутствующихъ Губернскаго Правленія и Палатъ, кромѣ Казенной, которую защитилъ Государственный Казначей, присутствуя при семъ положеніи въ Сенатѣ. Въ числѣ опредѣленныхъ къ отрѣшенію были и такіе, кои только что вступили въ должность и не могли быть ни въ чемъ виноваты. О прочихъ же чиновникахъ положилъ Сенатъ разсмотрѣть на мѣстѣ, кому отъ Государя указано будетъ, и о семъ поднесъ ему докладъ. Государь изволилъ докладъ конфирмовать, а разсмотрѣніе препоручить намъ же.

Сіе-то отправляя къ намъ для исполненія, писали мнѣ тѣ пріятельскіе упреки, что будто я причиною, что столько людей пострадали. Удивлялся я такому неосновательному заключенію. Отвѣчая откровенно, писалъ я свое удивленіе, говоря притомъ, что донесеніе наше (которое подлинно я сочинялъ) написано со всею справедливостью, но съ сохраненіемъ при ней и всей возможной умѣренности; что есть ли, однако жъ, неожидаемо и было оно поводомъ тому, что про-

изошло въ первомъ движеніи гнѣва Государева, то послѣ, когда уже дѣло было въ ихъ рукахъ и Государь соизволилъ на ограниченіе своего указа, очень могли бы они, вмѣсто такого, безъ всякихъ справокъ и безъ разбора опредѣленнаго ими, отрѣшенія, представить о разсмотрѣніи на мѣстѣ вообще и о всѣхъ чиновникахъ, подобно тому, какъ о большомъ числѣ они положили и проч.

На одного же меня все сѣтованіе обращалось по тому, что извѣстно было, что мой товарищь, хотя человѣкъ разумной, долговременною опытностью въ службѣ отличный, въ судныхъ и вотчинныхъ дѣлахъ превосходное знаніе имѣющій, мало, однако, входилъ въ производство осмотра нашего и, по какой-то безпредѣльной ко мнѣ довѣренности, ни въ чемъ не противорѣчилъ мнѣ, и все то подписывалъ, что я напишу.

Но сіе самое послѣ, по обороту ли внушеніями подстрекнутаго самолюбія, или по какому другому, неизвѣстному мнѣ, отношенію, совершенно лишило меня пріязни сего почтеннаго товарища, съ которымъ во все время вояжу нашего по губерніямъ, около восьми мѣсяцевъ продолжавшагося, жили мы неразлучно въ однихъ экипажахъ и въ однѣхъ квартерахъ, и даже косо другъ на друга не глядѣли.

Кромѣ одного произшествія съ Вяткою, ничего особливо заслуживающаго описанія, при осмотрѣ нашемъ губерній, не нахожу я.

Надобно только разсказать еще анекдотъ, въ той же Вяткѣ лично со мною случившійся, и смѣшной, и достойный вниманія, по отношенію къ правиламъ народнымъ.

Въ городѣ Вяткѣ, которой тогда, по крайней мѣрѣ, похожъ былъ больше на богатое село, нежели на губернскій городъ, обычай у поселянскихъ дѣвокъ торговать калачами, булками, пряниками и всякою мелочью. Онѣ сидятъ всѣ рядомъ въ лубочныхъ своихъ лавочкахъ, которыя тамъ называются балаганами, а ихъ нѣсколько десятковъ, можетъ быть и подъ сотню. Въ пѣшихъ своихъ прогулкахъ часто я покупалъ калачи, или булки, давая имъ всегда по нѣскольку копѣекъ лишнихъ. Однажды, покупая у одной изъ нихъ, дѣвки лѣтъ осьмнадцати, не красавицы, однако лица пріятнаго, и примѣтивъ изъ разговора съ нею, что она отмѣнно не глупа, подарилъ я ей на разторжку пятирублевую бумажку. Дѣвка очень обрадовалась. Пять рублей калашницѣ — капиталъ.

На другой день поутру сказываютъ мнѣ, что пришелъ мужикъ, имѣющій нужду говорить со мною. Я его къ себѣ позвалъ. Мужикъ

въ слезахъ мнѣ въ ноги: «Помилуй, батюшка, спаси дочь мою! Ты погубилъ ее; она хочетъ удавиться, или въ Вятку броситься. Вчерась ты ей пожаловалъ пять рублей, такъ всѣ дѣвки, товарки ея, цѣлый день ей житья не давали: ты была у Сенатора, да и только; за что жъ бы ему пожаловать тебѣ пять рублей? Дочь моя воетъ, въ удавку лѣзетъ, не можемъ уговорить ее, мать отъ нея не отходитъ.»

Смѣшно, правда, мнѣ было подозрѣніе меня въ такомъ молодечествѣ, однако тревога мужика съ его семействомъ была для меня еще чувствительнѣе. «Неуже ль ты этому вѣришь?» говорилъ я ему. «Да естьли бъ дочь твоя была у меня, такъ я бы ей пять рублей, или больше, далъ у себя, а не въ балаганахъ при всѣхъ.» — «Родимой,» говоритъ мнѣ мужикъ, «да кто этому повѣритъ! Мы знаемъ, что неправда, да проклятыя-то завистницы ее съ ума сводятъ, и она дѣвчонка молодая, глупая; помилуй, батюшка!» кричитъ мой мужикъ, валяяся въ ногахъ.

Даю ему деньги — не беретъ. Давалъ ему ужь столько, что, по состоянію его дочери, могло бы составить изрядную часть ей приданаго: мужикъ все не беретъ, а только кричитъ: «Помилуй, спаси дочь мою! Не быть ей живой: она удавится; не вѣкъ сидѣть надъ ней, а хоть и сидѣть, такъ все она сойдетъ съ ума отъ печали.»

«Что жъ мнѣ дѣлать?» говорю я ему: «не жениться жъ на ней. Я ей подарилъ отъ доброй души, а ужъ это несчастье, что съ нею случилось. Дай мнѣ подумать; авось какъ нибудь поправимъ: приди ко мнѣ завтра!» — И насилу уговорилъ я его отойти отъ меня до завтра.

Между тѣмъ, видя такое безпритворное огорченіе, и находя себя, хотя невинною, однако причиною ему, былъ я очень неравнодушенъ. Думалъ, и не зналъ чѣмъ поправить. Денегъ не пожалѣлъ бы я и много, да цѣломудренной калашницѣ съ отцомъ ея ничего было не надобно. Вдругъ пришла мнѣ мысль, которой исполненіе все дѣло поправило.

Послалъ я въ Казенную Палату нѣсколько сотъ рублей размѣнять на пятирублевыя ассигнаціи, и пошедъ прогуливаться, всякой дѣвкѣ торговкѣ подарилъ по пятирублевой бумажкѣ на разторжку же. Отецъ отчаянной калашницы пришелъ ко мнѣ на другой день, не съ тѣмъ уже, чтобъ толковать о томъ, какъ уладить наши хлопоты, а благодарить меня, что успокоилъ я дочь его. «Богъ тебя надоумилъ, родимой,» говорилъ онъ мнѣ, «однако съ слезами радости: теперь ужъ

ее не дразнятъ, всѣ дѣвки веселы и съ нею ватажутся, и никто ужъ на нее ничего не думаетъ, и всякъ говоритъ, что ты это жалуешь только изъ милости.» Признаться, что и мнѣ весело стало. Хотѣлъ я, однако, отдать мужику то, что прежде давалъ я ему на приданое дочери его, такой честной дѣвушкѣ. Но онъ ни какъ не согласился принять, кланяясь и говоря очень искреннимъ голосомъ: «Батюшка, уволь, вѣдь опять тоже баить (говорить) станутъ.»

Въ концѣ Августа 1800 года возвратился я, обозрѣвъ губерніи, въ Москву, и безвыѣздно изъ нея присутствовалъ въ Сенатѣ до самой кончины Императора Павла I.

Въ Сентябрѣ того же года случилась извѣстная отставка многихъ Сенаторовъ, сверхъ всякого ихъ чаянія, и осталось насъ тогда въ Департаментахъ очень не по большому числу.

Въ то же время прибылъ къ намъ товарищъ (покойникъ уже теперь), человѣкъ почтенной, остроумной и много служившій, которой обходился со мною давно пріятельски и съ особливымъ вниманіемъ, но по дѣламъ его самолюбіе что-то имѣло противъ меня очень настроенное. Онъ все говорилъ, какъ мнѣ сказывали, что надобно мнѣ ощибить перья. Я, на его языкѣ сказать, никогда не любя опущаться, и не привыкши ни для кого поджиматься, велъ себя съ нимъ такъ же, какъ и съ прежними своими товарищами. Онъ всегда спорилъ со мною, и часто для того, чтобъ безъ продолженія рѣшить дѣло по справедливости, надобно мнѣ было итти противъ ее. Тогда уже онъ всякой разъ ее защищалъ.

Однажды, интересуясь очень дѣломъ своего знакомаго, говоритъ онъ Оберъ-Секретарю, чтобъ доложить его безъ меня, по чему-то считая, что я буду противъ; и подлинно былъ я противъ, потому что онъ желалъ несправедливаго. Дѣло было тяжебное. Тогда еще нѣсколько дѣлъ сего рода оставалось въ 5-мъ Департаментѣ. Оберъ-Секретарь, человѣкъ честной и шутливой, сказывая мнѣ о приказаніи моего товарища, говорилъ съ улыбкою: «Не лучше ли доложить безъ его Высокопревосходительства? «Нѣтъ», отвѣчалъ я; «доложите; только, пожалуйте, въ такой день, когда и онъ и я будемъ въ присутствіи.»

Докладываютъ дѣло. Я тотчасъ вооружился противъ справедливой стороны, и взялъ ту, которую хотѣлось защищать оному моему почтенному товарищу. Споръ у насъ сдѣлался прежаркой. Онъ выставилъ всѣ резоны въ пользу той стороны, которую я про себя

держалъ. Наконецъ я, будто уставши спорить и убѣдясь его резонами, которые тутъ подлинно сильны были, согласился съ нимъ: «Ну,» говорю, «мастеру и книги въ руки.» Онъ всталъ, поѣхалъ съ торжествомъ и на другой день подписалъ резолюцію: отнять деревню, или землю, теперь не помню, у своего знакомаго, котораго онъ совершенно обнадежилъ своею защитою.

Сей послѣдній, черезъ нѣсколько дней узнавъ это. пріѣзжаетъ къ Сенатору, покровителю своему, и плачется о своей потерѣ. «Не можетъ это быть,» говоритъ ему мой товарищъ, и увѣряетъ его, что дѣло точно рѣшено въ его пользу, не помня рѣшенія, а только помня, что я былъ противъ, и что онъ надо мною взялъ верхъ. Пріѣхавши въ Сенатъ, спрашивалъ у Секретарей, какъ рѣшено это дѣло? Докладываютъ ему, какъ оно рѣшено. «Возможно ли,» говоритъ онъ, «чтобъ я согласился такъ рѣшить?»—«Да вы, де, изволили и резолюцію давать, и журналъ уже подписать: вотъ и опредѣленіе, къ подписанію уже подано.» Посмотрѣлъ журналъ, покраснѣлъ, осердился, и подписалъ опредѣленіе.

Жалѣю и, можетъ быть, невозвратно, что при одномъ особливо случаѣ не догадался я употребить добронамѣренной моей хитрости противъ того же товарища. Отъ этой недогадки моей, можетъ быть, невинные сосланы на каторгу, или подъ торговою казнью жизнь свою скончали. Вотъ о чемъ говорю я:

Докладываютъ уголовное дѣло, по которому люди нижняго состоянія приговорены были Палатою къ тѣлесному наказанію, вмѣсто смертной казни, и къ ссылкѣ на каторгу, не только безъ собственнаго ихъ признанія, безъ довольныхъ доказательствъ но даже существо дѣла подходило нѣкоторымъ образомъ подъ милостивой Манифестъ. Мы слушаемъ его, сидя за Сенаторскимъ столомъ, двое только съ тѣмъ товарищемъ, а прочіе, бывшіе тутъ товарищи наши, слушаютъ стоя и ходя по комнатѣ. Онъ меня спрашиваетъ, какъ я думаю объ этомъ дѣлѣ? «Его можно», говорю я, «съ нѣкоторой стороны уничтожить и по милостивому Манифесту, а всего справедливѣе и съ точными словами закона сходнѣе, кажется мнѣ, предать суду Божію, по недостатку доказательствъ.» — «Не лучше ли,» говоритъ онъ, «по Манифесту, или, какъ, вы послѣднее полагаете — и то очень хорошо.» Сказавъ это, онъ всталъ и пошелъ разговаривать съ товарищами.

Скоро дочитали дѣло, которое было короткое и очень ясное. Я сказалъ Секретарю свою резолюцію и взялся за другія бумаги. Секретарь пошелъ отбирать мнѣнія отъ прочихъ господъ Сенаторовъ, и къ первому подошелъ, моихъ перьевъ ошибателю. Ну, остригъ онъ, правда, бѣдныхъ судимыхъ. Онъ спросилъ тихонько Секретаря: «Что сказалъ Ив. Влад.?» — «Предать суду Божію,» отвѣчалъ Секретарь. — «А я утверждаю рѣшеніе Палаты,» сказалъ Его Высокопревосходительство, и продолжалъ досказывать товарищамъ что-то о вѣстяхъ Петербургскихъ, или о вчерашнемъ клубѣ, съ радостною насмѣшливостью, которая была ему свойственна и которая, по крайней мѣрѣ, тогда не кстати была для осужденныхъ-то Палатою.

Пошло дѣло на голосахъ. Нашлись такіе, которые и къ нему пристали. Вошло въ Общее Собраніе Московскихъ Департаментовъ. Въ нихъ также согласно не рѣшилось. Тогда, въ подобныхъ случаяхъ, изъ Общаго Собранія Московскихъ переходили дѣла въ общее С.-Петербургскихъ Департаментовъ. Чѣмъ оно тамъ кончилось, я не знаю. А можетъ быть, утвердили и рѣшеніе Палаты. Нерѣдко случалось мнѣ видѣть вдругъ наитіе духа безпощадной строгости на иныхъ Г. Сенаторовъ, особливо когда око Юстиціи, не всегда здраво зрящее въ плоти Прокурорской, не ясно разглядитъ мелкое человѣчество въ людяхъ породы незнатной, или скудной благами земли.

Но ежели и годъ лишній напрасно люди въ тюрьмѣ просидѣли только по тому, что его Высокопревосходительство рѣшился ошибать мнѣ перья!

Случай сей описалъ я больше для того, чтобъ показать, какъ и самыя суетныя пристрастія въ тѣхъ даже, кои почитаются между лучшими, хладнокровно играютъ жребіемъ жизни человѣческой. Судить такъ не все ли равно, что рѣзать людей!

И ежели положить на вѣсы, съ одной стороны, воспитаніе такого судящаго: просвѣщеніе, состояніе его въ обществѣ и проч., а съ другой состояніе какого нибудь крестьянскаго сына, въ грубомъ невѣжествѣ выросшаго, развращеннаго пьянствомъ, который, заворовавшись, укрывается въ лѣсахъ и рѣжетъ людей для того, чтобъ чрезъ нихъ не быть пойманнымъ и сосланнымъ на каторгу, или повѣшеннымъ, то не трудно отгадать, которая перетянетъ.

КОНЕЦЪ I-Й ЧАСТИ.

III

МАТЕРІЯЛЫ СЛАВЯНСКІЕ

ОБОЗРѢНІЕ

РУКОПИСЕЙ

собственной библіотеки

ПРЕПОДОБНАГО КИРИЛЛА БѢЛОЕЗЕРСКАГО,

составленное

Архимандритомъ Варлаамомъ.

ОБОЗРѢНІЕ

РУКОПИСЕЙ

СОБСТВЕННОЙ БИБЛІОТЕКИ

ПРЕПОДОБНАГО КИРИЛЛА БѢЛОЕЗЕРСКАГО.

Изъ житія Преп. Кирилла Бѣлоезерскаго (ум. 1427 г.) извѣстно, что онъ, живя въ Москвѣ, въ Симоновѣ монастырѣ, много подвизался въ писаніихъ, [1] т. е., въ перепискѣ книгъ. Нѣтъ сомнѣнія, что Преподобный не оставлялъ этого занятія и по переселеніи на Бѣло озеро, чего требовала и нужда новосозданной имъ тутъ обители. Здѣсь онъ не только трудился въ списываніи книгъ, но и составлялъ собственныя писанія; таковы три извѣстныя посланія его, [2] писанныя: одно къ Великому Князю Василію Димитріевичу (род. въ 1371 г., сконч. въ 1425 г.), и два къ братьямъ его удѣльнымъ Князьямъ: Галицкому и Звенигородскому, Георгію Димитріевичу (род. 1374 г., умер. въ 1434 г.), и Можайскому и Бѣлозерскому, Андрею Димитріевичу (род. въ 1382 г., умеръ въ 1432 г), и духовное завѣщаніе, которымъ онъ поручалъ свой монастырь покровительству, по смерти своей, послѣдняго. [3] Въ семъ

---

[1] Житіе пр. Кирилла, твореніе Іером. Пахомія, рукоп. Кир. монастыря, въ л., стр. 35.

[2] Исторія Рос. Іерар., ч. IV, стр. 403—417.

[3] Тамъ же, стр. 418 и 419.

святомъ и многополезномъ дѣлѣ подражали ему и ученики его, особенно Христофоръ и св. Мартиніанъ. О первомъ изъ нихъ въ житіи угодника Божія, между прочимъ, замѣчено: Сей убо Христофоръ много книгъ написа обители Пречистыя Богородицы, въ храмъ ея своею рукою, и никако же вознесеся своею мыслію. [4] Имя послѣдняго, какъ переписчика, находится на двухъ изъ пергаминныхъ рукописей времени Преп. Кирилла. [5] Нѣтъ сомнѣнія, что угодникъ Божій, Кириллъ, для своей новосозданной обители снискивалъ [6] и готовыя книги покупкою и кладомъ, писанныя внѣ оной. Такимъ образомъ въ Кирилловѣ монастырѣ должна была составиться изъ книгъ, писанныхъ собственно Угодникомъ и его учениками и пріобрѣтенныхъ имъ на сторонѣ, значительная библіотека. Но, къ сожалѣнію, нѣтъ въономъ ни какихъ опредѣленныхъ свѣдѣній о состояніи сей библіотеки ранѣе XVII ст., кромѣ современныхъ надписей, на нѣкоторыхъ изъ книгъ оной (о чемъ сказано будетъ ниже), самими переписчиками сдѣланныхъ. А по документамъ сего вѣка тогда было въ монастырѣ книгъ Пр. Кирилла уже весьма мало. Очевидно, что при Угодникѣ ихъ было гораздо болѣе, потому что такими и такимъ числомъ книгъ нельзя было обходиться въ обители при исправленіи службы церковной. Вотъ эти книги по самой древней, какая теперь есть въ Кирилловѣ монастырѣ, описи, составленной въ 1601 году. [7]

---

[4] Житіе Преп. Кирилла, рукоп. въ л., стр. 93 на обор.

[5] Это: Каноникъ въ 8 д. л., пис. въ 1422 г., и Святцы въ 8 д. л., писаны ранѣе 1427 г. Обѣ рукописи пергаменныя, описаны здѣсь подъ NN. 8 и 9-мъ.

[6] Въ одномъ экземплярѣ Древней Русской Грамматики, гдѣ помѣщено Галеново сочиненіе о Большомъ и Маломъ мірѣ, исторіографъ нашъ, Карамзинъ, открылъ, касательно послѣдняго, слѣдующую замѣтку: Выписано в Кириловѣ монастырѣ с книги Пр. Отца нашего Игумена, Кирила, Бѣлоезерскаго Чюдотворца, с книги в четверть сисканія его. В лѣто 7143. Поѣздка въ Кир. Бѣл. монастырь, Проф. Шевырева, ч. II, стр. 25.

[7] Переписныя книги, пис., по наказу Царя Бориса Годунова, Михайломъ Васильевичемъ Молчановымъ и Дьякомъ Васильемъ Нелюбовымъ, 7109 года, Іюля 21 дня, въ 4 д. л., въ кожѣ.

ЧЮДОТВОРЦА КИРИЛЛА КНИГИ:

г҃ евангелиа. два на хартие, третее на бумагѣ в̓ четверть.

д҃ книги в̓ четверть. двѣ от Никонских правил. третаа канунникъ. четвертаа от правил сватых Апостолъ и сватыхъ отецъ.

Фалмы на харатьѣ в̓ полдесть,

Лѣствица з Дорофѣем [8] в одной книге в̓ полдесть.

Книга соборникъ в̓ начале от Исака в̓ четверть.

Книга канунникъ в̓ четверть.

Книга Сватцы с кануны на харатьѣ в̓ четверть Чюдотворцева Кирилова ученика Мартемана.

И всего Кирила Чюдотворца в̄і. книгъ.

Потомъ, черезъ три листа, въ той же описи книгохранилища показано: Апостолъ Тетръ писан на харатьѣ в десть оболочен бархатомъ алымъ застежки и жуки серебрены Чюдотворцова Кирилова ученика Христофора.

Далѣе въ переписи церковной утвари въ Ризницѣ значится: Евангелее тетръ в десть писмо чюдотворцова Кирилова ученика старца Христофора оболочено бархатомъ вишневымъ цка серебрена золочена сканаа..... в евангелее образы четырехъ Евангелистъ..... и заставки и главы писаны золотомъ твореным.

И наконецъ, въ той же ризницѣ особо записано: Да книга часословец на харатьѣ в осмушку чюдотворца Кирила.

Тѣ же самыя книги значатся подъ именемъ Чудотворцевыхъ и учениковъ его и въ описи 1621 г. [9] Но къ первымъ 12-ти книгамъ прибавлена еще въ оной одна, слѣдующая: Евангелие тетръ

---

[8] О Лѣствицѣ см. ниже, примѣч. 20.

[9] Перепл. книги, писан. по наказу Царя Михайла Өедоровича Елизаромъ Семеновичемъ Безобразовымъ, 7130 г., Декабря 1 дня, въ 4 д. л., въ кожѣ.

писмо Христофоровское ученика Кирила Чюдотворца к десть оболочено изуфрью зеленою. Еуангелисты медные на цкѣ Распятие Господнее медное же, и за тѣмъ въ концѣ приписано: и всѣх тринатцать книгъ. Это же послѣднее число книгъ, т. е. 13-ть, не считая, записанныхъ отдѣльно отъ нихъ, Апостола, Евангелія и Часослова, показано и во всѣхъ прочихъ описяхъ монастырскихъ 1635, 1646, 1722, 1732, 1773 и 1802 г., съ тѣмъ различіемъ, что а) Канонникъ (см. выше, книга II) въ сихъ послѣднихъ описяхъ показывается харатейнымъ; б) Евангеліе въ л., писанное Христофоромъ, въ вишневомъ бархатѣ и серебряномъ золоченомъ сканомъ окладѣ, показанное въ ризницѣ между утварію, именуется въ тѣхъ же описяхъ апракосъ, а не тетръ, и на харатьѣ, [10] и в) Часословъ въ описяхъ XVIII и нынѣшняго столѣтія называется Святцами Чудотворца Кирилла. [11] И такъ всего книгъ, принадлежащихъ библіотекѣ Преп. Кирилла, значится въ древнихъ монастырскихъ документахъ шестьнадцать.

Эти книги находятся и теперь въ Кирилловѣ монастырѣ въ сохранности. [12] Представляемъ здѣсь подробное обозрѣніе оныхъ,

---

[10] Перепл. книги Стольника Князя Юрья Андреевича Сицкаго и Дьяка Василья Прокофьева, лѣта 7143, Генваря 11 числа, въ 4 д. л., въ кожѣ. То же въ описи 1718 г., въ л., стр. 200 на обор. и въ др. описяхъ.

[11] На прим., въ описи 1718 г., на стр. 212, въ опис. 1764 г., стр. 251, на обор., N. 276 и въ друг.

[12] Въ Исторіи Рос. Іерарх., ч. IV, стр. 398, сказано, что въ монастырѣ находится рукописныхъ книгъ келейныхъ Преподобнаго 13-ть, Преподобнымъ писанныхъ, и два Евангелія, писанныя ученикомъ его, Христофоромъ. Но это, какъ видно изъ приведенныхъ здѣсь словъ описей 1601 и 1621 г. и друг., невѣрно. Въ числѣ 13-ти книгъ Канонникъ и Святцы съ канонами въ 8 д. л. и Апостолъ писаны не имъ, также и Псалтирь, какъ увидимъ далѣе. Да и о прочихъ книгахъ нельзя сказать, что всѣ онѣ писаны самимъ Угодникомъ, потому что на это нѣтъ никакого свидѣтельства ни въ описяхъ, ни въ самыхъ книгахъ. По устному преданію и по догадкамъ (нѣкоторыхъ) считаются его письма только три книги: Книга отъ Никонскихъ правилъ (см. выше, кн. 5-я); Сборникъ (тамъ же, кн. 10-я) и Часословъ или Святцы (тамъ

кромѣ напрестольнаго Христофорова Евангелія апракосъ, на пергаминѣ, которое уже описано нами между древностями здѣшняго монастыря (См. Отд. IV, Напрестольныя Евангелія, № 1-й).

1. Евангеліе, тетръ, въ 12 лист., писанное на пергаминѣ, мелкимъ, не совсѣмъ четкимъ, полууставомъ, чернилами съ киноварью, въ доскахъ, обтянутыхъ зеленымъ, теперь уже вытершимся, бумажнымъ бархатомъ, съ двумя кожаными застежками и мѣдными плоскими крючками и петлями, [15] состоитъ изъ 202 л.

же, кн. 15-я). Въ каталогѣ книгъ, составленномъ въ 1841 г., кромѣ напрестольнаго Евангелія въ серебряномъ окладѣ (см. тамъ же, кн. 14-я) и Святцевъ (тамъ же, кн. 15-я), которыя внесены въ опись 1840 г. церковнаго имущества, первое на 126 стр., а послѣднія на 27 стр., на обор., подъ N. 9-мъ значатся подъ заглавіемъ: Преподобнаго Кирилла Чюдотворца книги: Евангелій въ л. 2, въ 8 л. 5-ть, Апостолъ въ л. 1-нъ, Псалтирь въ л. 1-нъ, Правилъ въ 8 л. 3, Лѣствица въ 8 л. 1-на, Канонниковъ въ 8 л. 4-ре, всего 17 книгъ (а съ Евангеліемъ и Святцами 19-ть). Но здѣсь, какъ видно изъ описей XVII, XVIII и начала XIX ст., три Евангелія причислены къ книгамъ Преп. Кирилла безъ всякаго основанія. Одно изъ нихъ, писанное на пергаминѣ въ л., значится въ описи 1773 г. не между книгами Преп. Кирилла, а въ числѣ книгъ большой монастырской библіотеки подъ N. 14-мъ; другое бумажное въ 8 л., какъ видно изъ надписей въономъ, принадлежало сначала игумену Дудина монастыря, Іонѣ, который въ 1632 г. продалъ оное какому-то Никитѣ Юрьеву, а потомъ досталось чернцу Гурію Шишкину, который жилъ въ здѣшнемъ монастырѣ 1618 — 1650 г. (Прих. Кн. Кирил. монастыря 1618 г. въ надписи на оной; Вкладн. Кн. Кирил. монастыря въ л., стр. 434). Третіе въ 8 л. утрачено въ 1850 г., и теперь неизвѣстно, чье было. Небольшая разность въ описаніи нѣкоторыхъ книгъ, которыя признаются нынѣ подлинными Преп. Кирилла, въ форматахъ противу описей XVII и XVIII ст., происходитъ отъ того, что форматы эти не подходятъ въ точности ни подъ какое, нынѣ употребительное, раздѣленіе листа. Мы будемъ давать названія форматамъ болѣе приблизительныя къ нынѣшнему размѣру книгъ.

[15] Чѣмъ книги обложены, въ описяхъ XVII ст. не показано, кромѣ напрестольныхъ Евангелій, а въ описяхъ XVIII ст. это подробно описано, при каждой книгѣ, что не маловажно для узнанія подлинности книгъ, необстоятельно описанныхъ по содержанію. Въ описи 1722 г. о семъ и слѣдующемъ Евангеліяхъ сказано: двѣ книги евангелія.... одно въ бархатѣ зеленомъ.... другое в изуере чернемъ. Такія точно оболочки на описываемыхъ теперь нами книгахъ подъ N. I и II.

Кѣмъ и когда писано сіе Евангеліе, неизвѣстно; но что оно принадлежало библіотекѣ Преп. Кирилла, это видно изъ старинныхъ надписей на ономъ, именно на верхнемъ образѣ крупнымъ уставомъ: **Єѵ҃аліє ѹ҃**, т. е., чудотворца, и внутри на первомъ бѣломъ листѣ уставнымъ же почеркомъ, но другой руки: **Єѵ҃аїє Кѵрїлла.**

Въ сей рукописи содержатся:

1. **Єже ѿ Матѳѣа сватаго Єѵ҃алиа главы.** Оглавленіе сіе сдѣлано въ видѣ свода всѣхъ Евангелистовъ, т. е., противу главъ Евангелія отъ Матѳея сдѣланы указанія на соотвѣтственныя имъ главы другихъ Евангелій; на прим., противъ 6-й главы Матѳея: **о прокаженѣмь: в мр҃цѣ. д. лѵ҃, в҃і.** Всѣхъ главъ въ Евангеліи Матѳея показано 68-мь. Подъ оглавленіемъ помѣщено показаніе, **како утеть тетраєѵ҃алъ на уасѣ сватыа и велнкъ недѣли.**

2. **Єоуангеліе. тетровангело еже от Матѳеа сватое благовѣствованїє.** Зачала дневныхъ чтеній писаны на верху и внизу и съ боковъ страницъ. По окончаніи Евангелія Св. Матѳея написано киноварью: **Гн҃ Іс҃ Хс҃ прости и отпусти согрѣшеа пишѣщемѹ благовѣствованиа сна твоа и уюдеса аминь.**

3. **Єже от Мр҃. сватаго еоуѵ҃ана. гл҃ ми.** Оглавленіе и здѣсь также съ указаніями на другихъ Евангелистовъ.

4. **Єже от Марка сватаго благовѣствование.**

5. Оглавленіе Евангелія отъ Луки, но безъ заглавія, состоящее изъ 91 главы.

5. **Єже от Лѹки сватое благовѣствов̑ние.**

7. Оглавленіе Евангелія отъ Іоанна, но не полное, безъ заглавія и безъ первыхъ буквъ, которыя опущены очевидно, въ намѣреніи написать оныя киноварью, но этого не сдѣлано.

8. **Єже от Иоа҃ сватое благовѣствова̑**, раздѣленное на 68 главъ.

9. **Сборникъ с Бм҃ъ. в҃і-мъ мц҃ѣ скан̑їе. главы. коемѹже еоуѵ҃алию. їзбрнымъ. ст҃мъ. и празникѡ. Гс҃кѡ.** Въ семъ Мѣсяцословѣ нѣтъ ни одного Русскаго святаго, ни праздниковъ Бого-

родичныхъ, у насъ учрежденныхъ. Тамъ же содержатся указанія Евангелій въ Великій постъ, утреннихъ въ воскресные дни, святымъ и ангеламъ, єгда творимъ жертви имъ, т. е., общихъ и на различныя потребы.

10. Замѣчаніе, что Церковь Вселенская не положила читать Евангелій на вся день святымъ, и какъ надо дѣлать отступку при чтеніи, когда недостанетъ дневныхъ Евангелій и Апостоловъ.

Для образчика перевода, правописанія и почерка въ семъ Евангеліи, выписываемъ первыя строки изъ Евангелія отъ Іоанна.

Въ началѣ бѣ слово. ї слово бѣ к бу и бъ бѣ слово. се бѣ їскони к бу. вся тѣ бы ї без нє ничто не бы є и бы. в то живо бѣ. ї живо бѣ свѣ чко. ї свѣ вомѣ свѣтить. и тма є не оба.

11. Евангеліе, тетръ, въ 12 д. л., писанное на пергаминѣ, чернилами и киноварью, а надпись надъ Евангелистомъ Матѳѣемъ и первая буква Евангелія золотомъ, довольно красивымъ и четкимъ полууставомъ, съ заставицами надъ каждымъ Евангелистомъ и Мѣсяцесловомъ, разрисованными красками, въ доскахъ, оклеенныхъ черною (теперь ветхою), шерстяною матеріею изуфремъ, съ двумя на ремешкахъ мѣдными плоскими крючками и такими же петлями для застежки; въ немъ писанныхъ 302 л.

Время написанія сей книги неизвѣстно, но принадлежность ея Пр. Кириллу свидѣтельствуется точно такими же древними надписями на ней, какія имѣются на предыдущей рукописи, на верхнемъ образѣ: Єуаліє ч., т. е., Чудотворца, и внутри на второмъ бѣломъ листѣ въ концѣ страницы: Кѵрїлла. Въ концѣ Евангелія отъ Іоанна написано киноварью: Δόξα с хе. Тоже повторено и въ концѣ сказанія о чтеніи св. Евангелія, и за тѣмъ означено имя переписчика книги криптографіею: Δόξα с хе (не Алексіѣ ли?)

Смѣ рений.

По содержанію книга сія во всемъ сходна съ предыдущею, кромѣ небольшой разности въ порядкѣ сказаній о чтеніи Евангелій и кромѣ 19-й статьи, вмѣсто которой здѣсь находится указаніе гласовъ и воскресныхъ Евангелій на утрени и Апостоловъ и Евангелій на литургіи, изложенное въ видѣ столпца. Въ переводѣ различія такъ же нѣтъ, но въ правописаніи болѣе правильности и часто буква юсъ (ѫ) встрѣчается вмѣсто оу и ѧ. Еще достойно замѣчанія, что надъ заставицами нарисованы кресты и четверосоставные и двусоставные, на прим., надъ Евангеліемъ отъ Матөея: ; а надъ Евангеліемъ отъ Іоанна и надъ Мѣсяцесловомъ:

III. Евангеліе, тетръ, въ 12 д. л., писанное на бомбицинѣ, чернилами съ киноварью, четкимъ полууставомъ, кромѣ конца Евангелиста Марка (съ зач. 39-го), гдѣ употреблена скоропись, также очень четкая, въ дощаномъ переплетѣ, оклеенномъ пестрою бумажкою (теперь обветшавшею), матеріею. [14] запирается на спеньки мѣдными застежками (одна утрачена) на узкихъ бѣлыхъ ремешкахъ: писано на 428 л.

Кто и когда писалъ сію книгу, неизвѣстно. На верхнемъ образѣ оной находится такая же древняя надпись, какая и на предъидущихъ, а внутри на первомъ листѣ написано двумя старинными, но разными, руками и чернилами: 'Єѵ҃лїе Кѵрїлла, что доказываетъ ея подлинность.

По содержанію отличается отъ вышеописанныхъ Евангелій слѣд.: а) Вначалѣ находится молитва пишущаго ко Іисусу Христу о помощи къ совершенію сей книги: Г҃и і҃ѵ х҃е єдінорѡ҃дный безначалнаго ти ѡ҃ца. ре́кыи пречистыми ти оустӕ, ӑко без мене не можете творити ничто҃, и проч., и потомъ два краткія изъясненія, почему должно читать св. Евангеліе на каждый день, и почему Евангелистовъ четыре; б) послѣ оглавленія Евангелію

[14] Въ описи 1722 г. объ обложкѣ сего Евангелія сказано: поволочено бумазиею пестрою.... бумазия ветха.

Матѳея опять таже молитва, съ первымъ изъясненіемъ, и за симъ предисловіе къ Матѳею Ѳеофилакта, Архіепископа Болгарскаго, а за онымъ изъясненіе числа Евангелистовъ, сокращенно; в) предисловія къ Евангеліямъ отъ Марка, Луки и Іоанна, неизвѣстно чьи, подобныя тѣмъ, какія нынѣ печатаются при сихъ Евангелистахъ, но пространнѣе оныхъ, и г) приписка въ концѣ книги, въ которой на 12-ти Евангеліяхъ Св. Страстей повелѣвается пѣть: въ началѣ..., слава тебѣ Гн҃и, по концы же когождо є҆ѵа҃лїа глаголемъ, исполати, та҃ слава долготерпѣнїю ти Гн҃и, слава долготерпѣнїю ти Вл҃ко, слава долготерпѣнїю ти Ст҃ыи:

Замѣчательныхъ словоразличій въ текстѣ Евангелія нѣтъ. Имя Спасителя вездѣ писано сокращенно Іс҃, кромѣ втораго зачала въ Евангеліи отъ Матѳея, гдѣ написано: 'Іи҃с Хв҃о рж҃тво сице бѣ.

IV. Евангеліе, тетръ, въ малый листъ, на бомбицинѣ; текстъ писанъ уставомъ довольно крупнымъ, весьма искусно, чернилами съ киноварью, надписи надъ Евангелистами золотомъ съ красками; надъ оглавленіями, Евангелистами и Мѣсяцесловомъ заставицы расписаны золотомъ же и красками, и пять изъ нихъ (большія) закрываются тафтяными красными прокладками во весь листъ; переплетъ дощаный, крышки обложены съ лица зеленою (ветхою) изуфрью, а съ внутренней стороны желтою съ зелеными фигурами бумазеею; къ верхней дскѣ прикрѣплены въ срединѣ мѣдное литое Распятіе на четверосоставномъ крестѣ и отдѣльныя отъ онаго такія же литыя изображенія предстоящихъ съ двухъ сторонъ: Матери Божіей и Іоанна Богослова, во весь ростъ, и повыше креста двухъ малыхъ летящихъ Ангеловъ, а по угламъ чеканныя изображенія Евангелистовъ; примѣтно, что всѣ изображенія эти были позолочены; застежки на бѣлыхъ узкихъ ремешкахъ мѣдныя, со спеньками; состоитъ изъ 255 л.

Кто писалъ сію книгу, это означено на первомъ бѣломъ листѣ оной, гдѣ старинною скорописью написано: Хрїстофорово пї́смо,

ѹүнка үюдвоца Кирилла;[15] но въ какомъ году писана, неизвѣстно. На верхнемъ концѣ обрѣза книги находится такая же надпись, какъ и на прочихъ книгахъ Преп. Кирилла: Еѵ҃алїе ѵ҃.

По содержанію сіе Евангеліе сходно съ описаннымъ здѣсь подъ № 1-мъ, и отличается отъ онаго только припискою на концѣ столповъ: седмичнаго съ Пасхи до 18 недѣли и воскресныхъ Евангелій и Апостоловъ.

Вотъ образчикъ перевода и письма въ сей книгѣ:

Въ мц҃ь же шесты. посланъ бы҃ аггль гаврїилъ ѿ ба҃, въ гра҃ галїлеискь, ємоу же има назареѳь. къ дв҃ѣ и обрѹчени и моужеви, ємоу же има їѡсифь. ѿ домоу дв҃а. и има дв҃ѣи, марїамь: и вьшеды къ неи аггль, рече. радоуиса обрадованнаа г҃ь с тобою.

V. Апостолъ, въ малый листъ, на пергаминѣ писанный; текстъ въ ономъ писанъ крупнымъ красивымъ уставомъ, чернилами съ киноварью; надписи на всѣхъ священныхъ книгахъ и надъ сказаніемъ къ книгѣ Дѣяній и первыя буквы нѣсколькихъ зачалъ во всѣхъ книгахъ золотомъ, а первыя буквы перваго слова въ каждой книгѣ, очень большія и фигурныя, золотомъ съ красками; заставицы надъ каждою книгою рисованы также золотомъ съ красками; сверхъ сего книга украшена шестью изображеніями на пергаментѣ же, во весь листъ, весьма искусно писанными красками съ

---

[15] Старецъ Христофоръ лице въ здѣшней обители весьма значительное. Онъ весьма искусно писалъ и рисовалъ и весьма много трудился въ перепискѣ книгъ; былъ здѣсь вторымъ, послѣ Пр. Кирилла, игуменомъ, черезъ пять мѣсяцовъ по преставленіи его, съ 1428 по 1433 г., и при всемъ томъ имѣлъ глубокое смиреніе и любилъ нищету ризную, такъ что по внѣшнему образу нельзя было узнавать въ немъ игумена. Во время бывшихъ при немъ междоусобій у Князей нашихъ, онъ многихъ искупалъ изъ плѣна и возвращалъ въ ихъ домы. Звенигородскій Князь, Георгій Димитріевичъ, пожелавшій видѣть его и бесѣдовать съ нимъ, трижды приглашалъ его къ себѣ, но онъ рѣшительно отказался отъ сего, сказавъ, что никогда не выходилъ изъ монастыря и не можетъ нарушить чина монастырскаго. Князь, подивившись крѣпости его, ради сего далъ свободу всѣмъ своимъ плѣнникамъ и послалъ къ нему въ монастырь много милостыни. Житіе Пр. Кирилла, рукоп. въ л., стр. 94.

золотомъ, древнимъ Греческимъ пошибомъ, св. Апостоловъ: Луки, Іакова, Петра, Іоанна Богослова, Іуды и Павла, и изображеніе послѣдняго и еще двѣ заставицы проложены красною прозрачною тафтою; переплетъ дощаный, обтянутъ малиновымъ, теперь поблекшимъ, бархатомъ; на верхней и нижней дскахъ онаго по пяти серебряныхъ (низкой пробы) жучковъ; застежки такія же въ видѣ крючковъ съ петельками на ремняхъ, покрытыхъ бархатомъ; состоитъ изъ 265 л.

Писалъ сію книгу тотъ же старецъ Христофоръ. Это видно изъ надписи на первомъ бѣломъ листѣ оной, сдѣланной старинною скорописью: ѹченика ѳюдо̑ко̑цова Хрістоѳора, и изъ самаго почерка, совершенно схожаго съ предыдущимъ Евангеліемъ (№ IV) и съ тѣмъ, которое хранится теперь въ ризницѣ монастырской вмѣстѣ съ церковною утварію, которыя приписываются ему же. Время написанія не означено.

Въ этой рукописи содержатся книги Дѣяній и Посланій Апостольскихъ въ томъ же порядкѣ, въ какомъ оныя печатаются нынѣ и предъ каждою книгою по одному сказанію, которыя и теперь предъ оными полагаются, только другаго перевода, и предъ книгою Дѣяній съ прибавкою имянъ св. Апостоловъ и седьми діаконовъ. Въ концѣ книги находится сказаніе, какъ читать св. Апостоловъ въ седмицахъ всего лѣта и проч. съ антифонами и прокимнами. Зачала дневныхъ чтеній писаны вверху и внизу текста св. книгъ.

VI. Псалтирь, въ поллиста, на пергаминѣ; текстъ въ оной писанъ крупнымъ уставомъ, чернилами съ киноварью, а заглавія надъ оною и надъ каждою каѳизмою и начальныя буквы каждаго псалма и надписей надъ псалмами золотомъ; предъ первою каѳизмою нарисованы золотомъ и красками, наверху большая заставица и на предыдущемъ листѣ изображеніе во всю страницу, въ видѣ разрѣза, церкви, о пяти главахъ на срединѣ и двухъ съ боковъ; прокладка между сими листами изъ зеленой тафты; нижніе края ли-

стовъ пергамина, отъ частаго обращенія въ рукахъ, весьма почернѣли, а углы десяти первыхъ листовъ даже истлѣли; переплетъ дощаный, обтянутый кожею, которая прежде была краснаго цвѣта; на задней дскѣ прежде было 5-ть, а теперь 3, мѣдныхъ жучка, въ видѣ колесокъ съ зубчиками; застежка одна мѣдная на ремнѣ, другая утратилась; петлей нѣтъ; въ книгѣ 240 л.

Что Псалтирь сія Пр. Кирилла, это видно изъ надписей, на ней и въ ней находящихся, древней руки. Снаружи на верхнемъ концѣ обрѣза оной написано крупнымъ уставомъ: Ѱалтырь ꙋ҃: а внутри на первомъ листѣ Ѱалтырь Кѵрілла. Но еще достовѣрнѣе сіе открывается изъ приписки, находящейся въ концѣ книги, сдѣланной самимъ писцемъ оной: Крал достигохъ. о Отцѣ и Сынѣ и Дꙋсѣ сватѣмь възмагаемъ, сватаго Пророка Давида. Бого-Отца Цара, пѣснь. Божественнꙋю книгꙋ сию. грꙋбыми и неꙋдобреными алфавиты. В лѣто ҂г҃.ц҃.л҃в. кругу солнцу. е҃і. лу҃н. г҃і. індік в: Мца. Ноунна. въ к҃а днь: по блгвленью ѡца моѥ и гна, Кирила игꙋмена: начало и конець книгы сеѧ: Изъ этой послѣдней надписи очевидно и то, что книга сія писана въ 1424 году, но кѣмъ писана, неизвѣстно. Судя по почерку письма, полагать надо, что тѣмъ же ученикомъ Преп. Кирилла, Христофоромъ.

Въ ней содержатся, вначалѣ молитва ко Пресвятѣй Троицѣ начинающаго читать Псалтирь, о томъ, чтобы съ разумомъ и пользою сдѣлать сіе (полагать надо, Русское произведеніе); потомъ самая псалтирь, раздѣленная на каѳизмы, и послѣ оной извѣстныя избранныя изъ Св. Писанія девять пѣсней; за симъ вышеизложенная приписка писца, и наконецъ, чрезъ страницу отъ оной, пророчество Исаіи: Съ нами Богъ, какъ оно изложено на великомъ повечеріи.

Значительныхъ разнорѣчій въ чтеніи псалмовъ не находится. Письмо безъ юсовъ. Къ особенностямъ относится то, что почти каждый стихъ псалма начинается съ новой строки, и первая буква каждаго стиха писана киноварью; въ концѣ стиховъ, а индѣ и полустиховъ, ставлены, вмѣсто знаковъ препинанія, также киноварью,

или крестики ✝, или крестики же съ большею точкою и двумя надъ оною чертами ✝ ⸌⸌, или двѣ черты съ точкою ⸌⸌, или крестикъ и двѣ черты ✝⸌⸌, или только двѣ послѣднія ⸌⸌. Еще достойно замѣчанія, что кресты на изображеніи церкви, на шести главахъ оной, и также надъ заставицею, нарисованы двусоставные: , а на седьмой главѣ трисоставный:

VII. **Святцы**, въ 16 д. листа, писанные на пергаминѣ, уставомъ, чернилами съ киноварью, безъ первыхъ листовъ, по краямъ, отъ употребленія, очень зачернѣвшія, въ дощаномъ переплетѣ, обтянутомъ тисненою кожею; запираются двумя мѣдными плоскими застежками съ крючками и петельками, на ремешкахъ, оклеенныхъ сверху зеленымъ сафьяномъ; на нижней доскѣ имѣется пять мѣдныхъ литыхъ жучковъ въ видѣ гвоздиковъ, изъ коихъ 4 горощатыхъ, а 5-тый четвероугольный пирамидальный; на 383 л.

По устному преданію, Святцы сіи писаны самимъ Преп. Кирилломъ; по крайней мѣрѣ, нельзя сомнѣваться, что они принадлежали ему, потому что въ самыхъ Святцахъ находится, на переднемъ бѣломъ листѣ бумаги, помѣта скорописью, хотя, по видимому, не слишкомъ древней руки: Святцы Угодника Божія, и въ описяхъ XVIII ст. они называются книгою чудотворца Кирилла.[16] Древность ихъ очевидна изъ того уже, что въ нихъ весьма мало находится именъ Русскихъ Святыхъ, и нѣтъ, на прим., Великой Княгини Ольги, Антонія и Ѳеодосія Печерскихъ, Алексія Митрополита Московскаго, Сергія Радонежскаго и друг.

---

[16] На прим. въ описи 1722 г. «Книга святцы писменная харитейная въ шестую (точнѣе въ 16-ю) часть листа Чудотворца Кирилла, оклеена кожею, застежки и петли мѣдныя на ремняхъ, оклеены сафьяномъ зеленымъ, на исподнѣй дскѣ пять гвоздиковъ литыхъ мѣдныхъ, четыре горощатыхъ, пятый четвероугольный».

Содержаніе сей рукописи слѣдующее: 1) Служба во святую великую недѣлю Пасхи, начинающаяся стихирами вечерни въ великую субботу (безъ начала). 2) Послѣдованіе церковнаго пѣнія отъ мѣсяца Сентемврія до мѣсяца Августа, т. е., собственно Святцы съ тропарями и кондаками. 3) Въслѣдованіе святыя четыредесятницы или кондаки и тропари, начиная съ недѣли о Мытарѣ и Фарисеѣ. 4) Оуа҇вечеса на святую пасху и у҇тре всю недѣлю святую. 5) Тропари, кондаки и ѵпакои Пятидесятницы, начиная съ съ недѣли о Ѳомѣ. 6) Тропари и кондаки седьмичные и Богородичны, поемыя на слава и нынѣ по гласу тропаря святымъ, свѣтильны седьмичные и воскресные и стихиры евангельскія, троичны, степенны и антифоны осьми гласовъ. 7) Канонъ въ субботу вечера Пресв. Богородицѣ 6-го гласа, каноны Живоначальной Троицѣ и воскресный того же гласа. 8) Апостолъ и Евангеліе въ недѣлю Всѣхъ Святыхъ и Апостолъ и Евангеліе Святителямъ общіе. 9) Указаніе утреннихъ воскресныхъ Евангелій и Апостоловъ и Евангелій на литургіяхъ по осьми гласамъ. 10) Прокимны воскресные и аллилуіа осьми гласовъ. 11) Пасхальныя таблицы, и 12) Поученіе Іоанна Златоустаго о соупротивныхъ, слово его же о исповѣданіи грѣховъ и поученіе Пр. Моисея отъ словесъ его, иже посла къ авва Поумену.

VIII. Канонникъ, въ 8 д. л., писанный на пергаминѣ, уставомъ, черпилами и киноварью, въ дощаномъ переплетѣ, обтянутомъ тисненою кожею, съ двумя мѣдными застежками на ремняхъ и такими же петлями; на 216 л.

Книга сія писана въ 1422 г. Св. Мартиніаномъ,[17] ученикомъ Преп. Кирилла, по приказанію его, какъ это видно изъ приписки, находящейся въ концѣ оной, слѣдующаго содержанія:

---

[17] Пр. Мартиніанъ жилъ въ здѣшнемъ монастырѣ при Св. Кириллѣ съ юныхъ лѣтъ; потомъ, съ благословенія его, удалился, ради безмолвія, на островъ озера Вожа, за 100 верстъ отсюда, и основалъ тамъ монастырь Вожеозерскій Спасскій, теперь упраздненный, но вскорѣ переселился оттуда, по приглашенію братіи, въ Бѣлоезерскій Ѳерапонтовъ монастырь и поставленъ тамъ Игуменомъ.

В лѣто ѕ҃.ц҃.л҃а. мѣсяца септе. въ а҃. написаны быша сiа книгы, дшеполезныа въ обители Пречтыя Бцы, блгвенiе гна старца Кирiла игоумена. Въ славоу стыя Трци амин..... Помяни Гже мтвала и мене грѣшнаго, протягшаго недостойноую роукоу к сие.... Гн Ісъ Хе спси пiсавшаго и имѣти хотящаго сие. Гне старець Аноуфрее створи любовь: помянай грѣшнаго в молитвах свой стыхъ Мартиньяна инока. лжею инока, а не истиною.

Въ сей книгѣ содержатся: 1) Служба ко Гу нашему Iсусъ Хоу. 2) Несѣдальное пѣніе въ пятокъ вечера пятой недѣли Великаго поста. 3) Правило святаго пріобщенія. 4) Канонъ Вседержавнѣй Троицѣ 8-го гласа, съ молитвою. 5) Служба въ недѣлю Св. Пасхи, начинающаяся стихирами вечерни великой субботы. 6) Канон пѣваем мниху по вся дни ко Господу и Божiей матери съ молитвами вечерними. 7) Кано мо стѣи Бцы на пла. 8) Двѣ молитвы о цѣломудріи: одна Григорія Папы Римскаго, другая неизвѣстнаго. 9) Слово изъ Патерика о томъ, какая нужнѣйшая въ добродѣтеляхъ добродѣтель. 10) Выписка изъ Ѳеодора Едесскаго о смиреніи и гордости. 11) Тропарь Богородицѣ: Пречистому образу твоему покланяемся, Владычице Богородице, и 12) Изреченіе аввы Исаака о вящшемъ пути ко спасенію. Кромѣ сего, вначалѣ книги, на бѣлыхъ листахъ написано: тропарь и кондакъ Преображенію Господню, тропарь: Повелѣное таиньство прием в разумѣ, и Богородиченъ: Милосердiя сущи источникъ, и проч.

Великій Князь Василій Васильевичъ Темный, въ бытность свою въ семъ монастырѣ, во время изгнанія своего, полюбилъ Преп. Мартиніана и, по вступленіи на Великокняжескій престолъ, перевелъ его ближе къ себѣ въ Сергіевъ монастырь, гдѣ онъ былъ Игуменомъ 8-мь лѣтъ, но отсюда опять возвратился на прежнее свое пребываніе въ Ѳерапонтовъ монастырь на покой, и тамъ скончался въ глубокой старости, проживъ 70 л. въ монашествѣ. Мощи его почиваютъ подъ спудомъ въ церкви, во имя его созданной. Съ его найболѣе словъ Іеромонахъ Пахомій Логоѳетъ написалъ житіе Преп. Кирилла Бѣлоезерскаго. См. житіе сіе рукоп. въ л., стр. 23. Истор. Рос. Іерар., ч. III, стр. 672; ч. VI, стр. 850—851.

IX. Святцы, въ 8 д. л., писанные на пергаминѣ уставомъ, чернилами и киноварью, въ дощаномъ кожаномъ переплетѣ, съ двумя мѣдными застежками на сыромятныхъ ремешкахъ, запирающимися на спеньки; на задней дскѣ оныхъ два мѣдныхъ небольшихъ наугольника и пять такихъ же литыхъ жучковъ въ видѣ гвоздиковъ; на 316 л.

Что книга сія изъ библіотеки Преп. Кирилла, объ этомъ заключать можно изъ надписей, на оной находящихся старинной руки. На верхнемъ концѣ обрѣза книги написано, какъ и на прочихъ рукописяхъ Преподобнаго: **Кано́нї.: ѱ.:** а внутри на первомъ бѣломъ листѣ: **Сватцы с кануны чюдотворцова ученика Мартиніана.** Послѣдняя надпись заставляетъ думать, что они и писаны Св. Мартиніаномъ. Что касается до времени письма, то прямаго указанія на сіе въ книгѣ нѣтъ. Но есть въ ней весьма замѣчательное воззваніе, по которому можно съ вѣроятностію заключать и о томъ, когда оная написана. Воззваніе это слѣдующее: **Блюдите убо ѡ бра҃е изъвѣстно и разумно. И здѣ нужа на конци ҂е лѣта. В лѣ. ҂з҃.ц҃.ѯг здѣ стра҃. зде скорбь. зде бѣда вели҃. В распатии Христовѣ. сии бы кроуг солнцю кг҃. и лоу҃. гі҃. і сиѣ лѣ на конци авис. Въ иже чаем всемирное твое пришествиѥ ѡ владыко. оумножиса беззакониа на земли. Пощади на҃ ѡ владыко. Исполнь небо и земла славы твоеа. пощади насъ. Благословенъ градыи во имя Господне. Пощади нас. блюдите оубо изъвѣстно и разумно. ѡ бра҃е. кто хощет быти ѣ то времѧ. бѣгаа бѣжи невѣрна. быша и при насъ измаилы.** Отсюда очевидно, что она писана ранѣе 6963 (1455) г.,[18] и даже ранѣе 6935 (1427) г., слѣд., при жизни Преп. Кирилла, потому что о событіи и нуждѣ, или бѣдѣ въ сихъ годахъ говорится пророчески, какъ о имѣющихъ быть. Нельзя также

---

[18] На бѣломъ листѣ, вложенномъ въ сію рукопись, помѣчено кѣмъ-то изъ изслѣдователей здѣшнихъ древностей въ недавнее время: Книга сія написана въ 1659 году, но такое показаніе невѣрно.

думать, что послѣднее воззваніе, судя по живости воображенія, авторомъ какъ бы уже наступающаго пришествія Христова, написано передъ самымъ 1455 г., слѣдовательно, по смерти уже Преп. Кирилла; потому что далѣе самъ авторъ выраженіемъ. **кто хощет быти к то время**, очевидно, ставитъ это время вдали отъ себя и отъ своихъ современниковъ, а еще болѣе потому, что и о воображаемомъ имъ бѣдствіи 1427 г. предваряетъ братію, еще какъ о имѣющемъ быть. **быша и при насъ изманлы**, можно разумѣть о нашествіи на Россію Татарскаго Правителя Едигея, бывшемъ въ 1408 году.[19]

Въ сей рукописи Преп. Мартиніанъ помѣстилъ: 1) Тропари и кондаки **всегод. от мѣсяца септемвриа до мѣсяца авгоу**, т. е., Святцы съ тропарями и кондаками; въ нихъ весьма мало находится, какъ и въ предыдущихъ Святцахъ, «Русскихъ Святыхъ». 2) Богородичны и крестобогородичны, пѣваемые по тропаряхъ и тропари воскресные по великомъ славословіи. 3) Тропари и кондаки Св. Четыредесятницы, съ уставомъ касательно времени окончанія литургіи въ великую субботу, пищи въ оную и чтенія книги Дѣяній и начала утрени во Св. недѣлю Пасхи. 4) Часы на Св. Пасху, антифоны и уставъ для литургіи сего дня, увѣщаніе къ братіи о умѣренности въ пищѣ въ сей день, уставъ, какъ пѣть часы, если не будетъ на Свѣтлой недѣлѣ литургіи, пасхальный чинъ о Панагіи, уставъ раздробленія артоса въ субботу и службъ: вечерни въ недѣлю Пасхи, утрени въ понедѣльникъ и вечерни во вторникъ, среду и пятокъ. 5) Тропари и кондаки отъ недѣли о Ѳомѣ до Пятидесятницы. 6) Тропари воскресные съ богородичными и ипакои осьми гласовъ. 7) Тропари и кондаки дневные седьмичные. 8) Канонъ Вседержавнѣй Троицѣ 8-го гласа и молитва Марка инока. 9) Служба ко Господу Іисусу Христу. 10) Послѣдованіе въ пятокъ 5-ой недѣли Великаго поста вечеръ и утро, т. е., акаѳистъ Пресвятой Богородицѣ. 11) Правило Св. причащенія, т. е.,

---

[19] Кратк. Лѣтописецъ Кирил. монастыря, въ Сборникѣ въ 12 д. л., по старой описи N. 127. **В лѣто 6916.... Едегеи приходил на Москву.**

молитвы прежде и послѣ пріобщенія. 12) Рука пасхальная, съ надписями: **сиа рүка сватыхъ отец сема сбора, и: рүка 'Іѡа Богослова.** 13) Воззваніе о имѣющихъ наступить въ 1427 и 1455 годахъ бѣдствіяхъ, вышеприведенное, и 14) Лунное теченіе всѣхъ 19-ти круговъ луны.

X. Канонникъ, въ 12 д. л., писанъ на бомбицинѣ не крупнымъ уставомъ, чернилами и киноварью; рукопись украшена въ началѣ изображеніемъ церкви, въ видѣ разрѣза, съ тремя главами, заставицею, раскрашенными красками; переплетъ такой же, какъ и у предыдущихъ; застежка при ней одна мѣдная со спенькомъ (другая утрачена) на трехъ плетешкахъ ременныхъ; состоитъ изъ 389 л.

Написана сія книга въ 1407 г., какъ это видно изъ приписки, въ концѣ оной сдѣланной самимъ писцомъ: **Свершишасасиакнигы мѣсаца. септеврна в г. днь, В лѣ ѕ.ц.зі. індн. а::** но кѣмъ, неизвѣстно. На обрѣзѣ оной находится такая же надпись, какъ и на предыдущихъ рукописяхъ, а внутри, на первомъ бѣломъ листѣ, помѣчено старинною рукою, мелкимъ уставомъ: **Канонникъ соборной. еще преподобнаго ѿца наше Кирила.**

Книга сія содержитъ въ себѣ, послѣ оглавленія и за онымъ, черезъ одинъ бѣлый листокъ, изображенія Церкви: 1) Святому Архистратигу Михаилу **икосы подобнї акаѳистү,** твореніе Вселенскаго Патріарха, Киръ Исидора. 2) Икосы Св. Іоанну Предтечѣ, **подобно акаѳистоү,** твореніе того же Патріарха Константинопольскаго. 3) Икосы Святителю Николаю, также **подобно акаѳистоү,** его же 4) Канонъ похвальный Пресв. Богородицѣ, т.е., акаѳистъ Божіей Матери; 5) Каноны избранные Богородицѣ изъ осьми гласовъ: а) въ субботу вечера на бдѣніи канонъ гл. 1; б) въ недѣлю вечера канонъ Похвала Богородицѣ вмѣстѣ и молебный гл. 2; в) въ понедѣльникъ вечера канонъ молебный гл. 3. г) во вторникъ вечера канонъ гл. 4. **Неизмѣрнүю Божию мүдрость и силоү;** д) въ среду вечера канонъ гл. 5. **Свѣтоносная скиние;**

е) въ четвертокъ вечера канонъ молебный гл. 6; ж) въ пятокъ вечера канонъ молебный гл. 7; з) въ субботу вечера канонъ молебный гл. 8; и) въ недѣлю вечера канонъ такой же гл. 8; і) въ среду вечера канонъ такой же гл. 6. 6) Канонъ радостенъ Пречистой Богородицѣ, твореніе Игнатія Іеромонаха, начинающійся тропаремъ: Радостьно уистаа нынѣ наставшее хваление приношаю радүйса и тихымъ гласомъ одигитрїи въпию ти радүйса и исполни ма разүма пѣти начинающа (Нижніе углы листовъ этого канона очень почернѣли отъ частаго обращенія въ рукахъ и частію истлѣли). 7) Канонъ молебный ко Пресв. Богородицѣ во вторникъ вечера гл. 8. 8) Параклисисъ Пресв. Богородицѣ. 9) Канонъ честному Кресту въ четвертокъ вечера, гл. 4. 10) Канонъ заупокойный въ пятокъ вечера гл. 8. 11) Канонъ Вседержавнѣй Троицѣ въ субботу вечера, гл. 8. 12) Патріарха Филоѳея служба Господу нашему Іс Хү,, въ которой первая пѣснь канона начинается: Цара всауескомоү и Га. ако творцж и Богж и проч. 13) Служба Господу нашему Іс Хү, т. е., акаѳистъ Іисусу сладчайшему. 14) Чинъ, бываемый на разлученіи души, канонъ Андрея Критскаго. 15) Канонъ на исходъ души, твореніе Іоанна Евхаитскаго. 16) Канонъ въ смертоносную язву Господу нашему Іс Хү. 17) Канонъ молебный ко Пресв. Богородицѣ пѣваемъ съ оүмиленнием, вкүпѣ и с любовию и бoазнью. 18) Канонъ умиленный ко Господу Іс Хү, твореніе Григорія Синаита. 19) Канонъ пѣваем за кназа и за воа его. 20) Канонъ ко Іс Хү и Божіей Матери на поганыя, твор. Патріарха Филоѳея. 21) Последованїе похвально к Пречистѣй Богородици, пѣваемо по вса лѣта мѣсаца августа въ к.г. внегда великое и пог надежа избавление наше бы. преславнымъ образомъ Богоматере. от нашествиа безбожны агар. 22) Канонъ молебный ко Іс Хү, пѣваемый въ обще нүжде и проч. 23) Канонъ за бездождїе. 24) Канонъ Пресв. Богородицѣ егда дождь раме идет. 25) Канонъ о плачи Пресв. Богородицы. 26) Правило пѣваемо на Боготелесное погребенье Га и Ба и Спса

нашего Іс҃ Хс҃ и на плачь Богородицы, твореніе Симеона Логоеета, и 27) Молитвы кнегда искуситися иноку во сны.

Нельзя не замѣтить, что на изображеніи трехглавой церкви, въ сей рукописи нарисованной, всѣ три креста на главахъ написаны двусоставные такъ: ✝

XI. Лѣствица, [20] въ 8 д. л., писана на толстой хлопчатой бумагѣ полууставомъ, чернилами съ киноварью, и украшена двумя небольшими заставками, рисованными тѣмъ же, находящимися въ началѣ книги надъ посланіемъ Іоанна Раиѳскаго и въ срединѣ надъ словомъ Іоанна Лѣствичника къ пастырю, въ дощаномъ переплетѣ, обтянутомъ черною тисненою кожею, а по корешку бѣлою, съ двумя застежками изъ бѣлыхъ сыромятныхъ ремешковъ, запирающихся на деревянные спеньки: на доскахъ, примѣтно были въ срединѣ и на переднихъ углахъ небольшія металлическія накладки; состоитъ изъ 394 л.

Что рукопись сія принадлежала библіотекѣ Преп. Кирилла, это очевидно изъ имѣющейся въ ней подписи киноварью, писанной

---

[20] Въ Опис. Кн. 1601 г. и всѣхъ послѣдующихъ годовъ между рукоп. Пр. Кирилла показана лѣствица з Дороѳеемъ въ одной книгѣ (см. выше), почему въ монастырѣ и причислена была къ онымъ до настоящаго времени книга, соотвѣтственная сему названію, а описываемая теперь Лѣствица безъ аввы Дороѳея, находилась въ большой монастырской библіотекѣ и въ послѣднее время состояла, какъ показываетъ подпись на верхней доскѣ оной съ внутренней стороны, въ описи 1773 г. подъ N. 353-мъ; но это сдѣлано неправильно, потому что имѣющаяся внутри сей послѣдней рукоп. подпись, современная тексту, служитъ несомнѣннымъ доказательствомъ, что эта Лѣствица изъ библіотеки Преп. Кирилла, а первая рукоп. не имѣетъ столь рѣшительныхъ признаковъ принадлежности оной сему Угоднику, и хотя на ней находятся двѣ надписи, одна на обрѣзѣ: Лѣствица Ч., т. е., Чудотворца, другая внутри на переднемъ бѣломъ листѣ: Лѣствица Кирилла, но первая не древнѣе XVII, а послѣдняя XVIII ст. Въ монастырской библіотекѣ есть еще рукоп. Лѣствица времени Пр. Кирилла, пис. 6926 (1418) г. Но она, вѣроятно, поступила въ монастырь послѣ Преподобнаго, потому что на концѣ оной находится помѣтка скорописью XVI ст.: Яз диякон Іван Бархат сию книгу продал Лѣствицу попу Тихону Тимоѳееву сыну Попову и руку приложил.

одинаковымъ почеркомъ съ текстомъ на оборотѣ втораго листа: **В лѣ. ҂ꙁ҃.ц҃.л҃. мц҃а маіа. въ г҃і. на памать. с҃тыа. мц҃. глоукеріи. Написаны бышѧ сїа книги. г҃лемаа лѣствица. въ ѡбители пр҃тыа бц҃а. Повелѣнием г҃на старца. Кирила. игоумена. въ славоу с҃тыа тр҃ца. амина,: ѡ дѣвобрачнозбранная. ѡ отровице, бг҃оневѣстнаа. ѡ влⷣце, мироу. пр҃таа бц҃е. Въ всемирныхъ ти моленьихъ, къ с҃ноу своемоу и бг҃оу. Помани гже милостивла, и мене грѣшнаго. протягшаго недостоиноую моа роукоу, в сїе∴ многогрѣшный инокъ Феѡгность.** Послѣдніе три слова написаны чернилами, но одною и тою же рукою съ предыдущими. Отсюда видно и то. что книга сія написана за пять лѣтъ до преставленія Преподобнаго, но нынѣшнему лѣтосчисленію, въ 1422 г. О писавшемъ ее инокѣ Ѳеогностѣ въ монастырѣ не имѣется никакихъ свѣдѣній. Въ сѵнодикахъ имя его показано въ числѣ преставлшихся монашествующихъ, — въ одномъ, древнѣйшемъ, [21] но весьма краткомъ, 9-мъ, а въ другомъ, [22] полнѣйшемъ, но позднѣе того, 33-мъ.

Рукопись сія состоитъ не изъ одной только Лѣствицы Преп. Іоанна, но и изъ многихъ другихъ сочиненій. Въ ней содержатся: 1) Предисловіе, начинающееся словами: **Въ сей книзѣ исписаса добродѣтельное поученїе, и дивнаго житиа жизнь и реченїа с҃тыхъ и бл҃женныхъ ѡц҃ь** и проч. [23] Далѣе слѣдуютъ: 3) Слово о Евлогіи, принявшемъ къ себѣ въ домъ прокаженнаго (недоконченное). 3) Надпись (вышеприведенная) когда, гдѣ и кѣмъ писана сія книга. 4) Девять правилъ, касательно любви и человѣколюбія, написанныхъ въ видѣ степеней лѣствицы въ такомъ видѣ:

---

[21] Сѵнодикъ 1493 г. въ 8 д. л., стр. 9.

[22] Сѵнодикъ XVII ст. въ 4 д. л., стр. 10. Въ этомъ помянникѣ здѣшнихъ отцевъ и братій, преставльшихся въ Дому Пречистыя Богородици Честнаго ея Успенія показано 2523 имени.

[23] Предисловіе это относится не къ Лѣствицѣ, а переведено съ Греческаго изъ книги: Достопамятныя сказанія о подвижничествѣ святыхъ и блаженныхъ отцевъ; но оно нѣсколько пространнѣе того, которое напечатано при сей книгѣ на Русскомъ языкѣ, изд. въ 1845 г. въ Москвѣ, въ 8 д. л.

Бг҃а ѿ немь млтии ⁘ —
льствовати. ф҃. Еже и
ꙁлобой. и҃ є҃ и ѿ блгодѣти
ти н҃ та сдѣлавшаго ꙁ҃. е҃ и въ
ѳрити. г҃. е҃ не възненави
пода҃. а не ели онъ хоще сътво
еже страти ꙁлое множае
чати, д҃. Еже подати се въ
аже пострада, но умолъ
ти пакости творащему
мьстити. г҃. не сьдѣа
еже начати равными не ѿ
начинати неправды. в҃. по
во, пръвы е҃ степень. не
дащимъ васъ ꙁлаоу
добро творите ненави
блгвте кленущаа вы
творащаа вамъ пако
гы ваша и молите ꙁа
гл҃ю вамъ любите вра
Еуа҃е. ѿ Маѳ. Аꙁ же
О любви и члвколюбіи[24]

5) Посланіе Іоанна Игумена Раиѳскаго къ Іоанну Игумену Горы Синайскія. 6) Отвѣтъ на сіе посланіе послѣдняго первому,

---

[24] Читать эти правила должно снизу кверху, такимъ образомъ: О любви и человѣколюбіи, Евангеліе отъ Матѳея. Азъ же глаголю вамъ: любите враги ваша и молитеся за творящая вамъ пакость, благословите кленущаа вы, добро творити ненавидящимъ васъ. Златоустово. пър　вый есть степень не начинати неправды. в. По еже начати и т. д. Разбитыя слова и численныя буквы писаны киноварью, также и боковыя графы.

подъ заглавіемъ: скрыжали духовныа. 7) Прѣсловїе слова, ему же именованїе скрыжали духовныа. 8) Житіе вкратцѣ Іоанна Игумена Св. горы Синайскія, нареченнаго Схоластика, написанное Даніиломъ, инокомъ Раиѳскимъ (только три листика, а конечные два утрачены). 9) Тридцать словъ Іоанна Лѣствичника: слово а) объ отверженіи суетнаго житія (безъ первыхъ пяти листовъ); б) о безпристрастіи; в) о странничествѣ, съ припискою: от тогожде слова. о съни ихъ въ слѣдж҄ащїй нововведеныымъ; г) о послушаніи; д) о покаяніи и о Темници Богоугоднѣй сватых осужденникъ; е) о памяти смертной; ж) о радостотворномъ плачѣ; з) о безгнѣвіи и кротости; и) о злопоминаніи; і) о оклеветаніи; к) о многословіи и молчаніи; л) о лжи; м) объ унынііи; н) о всадусловащїи и обладающїи лукавѣй атробѣ (утробѣ): о) начало еже о тѣлесных и бестѣлесных человѣцех, и потомъ: о бестьлѣнинѣмь въ тлѣнных ѿтрѫвъ и пото утотѣ и цѣломудрїи; п) о сребролюбіи; р) о нестяжаніи; с) о нечювъствї рекше умрщени дшѫ и смерти уминыа прежде смерти душевныа; т) о снѣ и о молитвѣ и о соборномъ пѣніи; у) о бдѣніи тѣлесномъ; ф) о немужественномъ страхованіи; х) о многообразномъ тщеславіи; ц) о презорствѣ и изъ того же слова о неизглаголанныхъ помыслахъ хульныхъ; ч) о кротости и простотѣ, незлобіи и лукавствѣ; ш) ѿ стртнѣмь погѫблени вышнем смѣреномудри виднмѣмъ чювъством; щ) ѿ разсѫжени помыслънѣ и страстнѣмь и добродѣтельнѣмъ; ъ) о разсужденіи благоразсудномъ; ы) тогоже ѿца Іѡанна Синайскыа горы. Изъоглавленъ въкрацѣ (повтореніе вкратцѣ) преренных его слове; ѣ) ѿ сщенѣмь и прнбнѣмь тѣла и дшѫ безмлъвн; 10) о разлучи разсѫжениа безмлъвнѡмъ; я) о безмолвіи же, подъ надписью: ѡ самочиниа. ради неудержаниа ярости. миѡжъства ради при страстиа. немощи ради азычиыа, славы ради человѣческыа, яко да прѫ въздадать. да поспѣшнва бѫдѫть. да огнь приимуть; аа) о молитвѣ и иже в ней умнаго и чювъствъенаго предстоаниа; бб) о безстрастіи и съвръшенна и воскресе-

ніи души прежде общаго воскресенія: вв) ѿ съѫзѣ добродѣтелныя трѹ҃ж въ добродѣтелехъ; 10) убѣжденіе инокамъ о восхожденіи по сей умной лѣствицѣ, написанное, подобно вышеозначеннымъ девяти правиламъ о любви:

жа. любовь. болшїи всѣ҄ любовь
пребывае҄ трое҄ се҄: Вѣра. наде
ставныѧ к вѣ҃ свѣ҄. ами҃: Ин҄е҄
вно есть. и бѣ҄. и буде҄. в неоу
сила. в немже всѣ҄ бл҃гы҄ вино
пѣние. его же држава. его҄
елма любовь есть Бъ҃: ему
и҆ нашей лѣствици пребывающа҄
и на тридесатѣ҄ степени на оуми
маго възраста крѣпостившаса
иже тридесаты҄ лѣтомѣ видн
роу възраста исполненїа Хв҃а.
нїа Бж҃їа. в мужа скръшена. вмѣ
вси҄. въ единьство вѣры и позна
тщимса дондѣже достигнѣм
тецѣте м҃лю съ онѣмь гл҃щи҄, по
ющаго ѐ побѣдити в пѫти его:.
елени и на высоки҄ поставла
връшаащаго нозѣ наши ако
г҃ню. и в домъ Б҃а нашего. съ
приидѣте взыдѣмь на горѫ
братие҄, рекшаго слышаще.
ци, въсходы усердно въ ср҃ци
Въсходите въсходите ѿ їно

11) Пр. Іоанна слово къ Пастырю. 12) Славословіе переписчика: **ѡ Вл҃ко Хе҃ Бж҃е всѧческіи, слава тебѣ. Всѧкомуж есн дѣлу благоу зачало и конець. и тебѣ слава въ бесконечнаа вѣкы. аминь.** 13) **Тлъкъ лѣствицн.** 14) **Рѣшеніе семоу словоу.** 15) Изъясненіе двухъ изреченій: **Тріе блгоуьстно низложивъ, низложи съ ними и пати** и проч.; и Богослова: **Мл҃нвь воу злаѡ** и проч. 16) О четырехъ великихъ Іоаннахъ: Игуменѣ, у котораго былъ въ завѣдываніи монастырь, именуемый Темница, Саввантѣ, Лѣствичникѣ и Раиѳскомъ. 17) Св. Нила о томъ, что не должно пѣть въ церкви съ воплемъ и проч. 18) Германа, Патріарха Константинопольскаго, **стнси добрѣнши къ винѣ слезнѣй, хотащимъ непрестанно плакатиса дѣаній неподобныхъ** (15 строкъ). 19) О плачѣ Св. Златоуста, Василія Великаго и Варсонофія (краткія статьи). 20) Слова Св. Кассіана: а) о разсужденіи, и далѣе подъ новымъ заглавіемъ: **Сказаніе разсждно ѡ злых и о помышленінн;** б) о блудѣ; в) о сребролюбіи; г) о гнѣвѣ; д) о скорби; е) о уныніи; ж) о тщеславіи; з) о гордыни; и) о воспоминаніи смерти и ненависти къ міру и яже въ мірѣ. 21) Повѣсти св. старцевъ а) какъ надобно безмолвіе со всякимъ тщаніемъ хранить; б) о умиленіи; в) о плачи; г) о смиреніи и печали; д) о пощеніи не токмо отъ брашна, но и отъ всѣхъ душевныхъ **подвизаній;** е) о утвержденіи противу возстающихъ на насъ браней; ж) о нестяжаніи; з) о сидѣніи въ келліи и о дѣлѣ ручномъ; и) о неосужденіи; і) о бодрости и молитвѣ; к) о послушаніи; л) о смиреніи; м) о терпѣніи обиды; н) о любви; о) о прозорливыхъ. 22) **Провѣщаніа ст҃ы старець,** т. е., изреченія. 23) **Слово ѡц҃а Мѡисѣа сжще въ скитѣ къ ѡц҃ю Пнмину,** начинающееся такъ: **Прѣвое цѣлую сп҃сеніе твое бж҃іемь страхомь н мл҃ю. да троу твой не бываѐ празень, нъ да бываѐ сверше Бг҃у пріемлющему от тебѣ** и проч. (8-мь л.). 24) Двѣнадцать заповѣдей св. Стефана (краткихъ). 25) Северіана Епископа **’Авалъска** о древѣ креста Христова, **где ѡбрѣтеса н како бы.** 26) Златоустаго толкованіе молитвы Господней: **Отче нашъ** и проч. 27) Посланіе его же изъ за-

точенія въ Коукѹсѣ къ Киріаку епископу, находившемуся также въ заточеніи, оутѣшенїа ради от ѕѣлныꙗ его жалости и скръби. 28) Старческаа, т. е., изреченія и повѣсти св. старцевъ, числомъ 36-ть. 29) ѿ житіи и ѿ по (двизѣхъ) прѣпо́бныи и Бг҃оносныхъ ѿць нашихъ повѣсти ѿц҃а Даниила. О 'Еѵлогіи каменосѣчци Слово перво. 30) Повѣсти Аммона монаха о убіенныхъ св. отцахъ въ Синаѣ и Раиѳѣ, и 31) Житіе пр. Мартиніана.

Не излишне замѣтить, что въ сей рукописи надъ словомъ св. Лѣствичника къ Пастырю, наверху заставки, нарисованъ киноварью крестъ четвероконечный въ такомъ видѣ:

XII. Сборникъ отъ правилъ св. Апостолъ и св. Отецъ, рукопись въ 12 д. л., писанная на твердой, тонкой бумагѣ полууставомъ, подходящимъ къ скорописи, чернилами и киноварью; переплетена въ доски, обтянутыя черною кожею, съ двумя мѣдными застежками на бѣлыхъ жесткихъ ремешкахъ, запирающимися на спеньки; состоитъ изъ 435 л.

Что рукопись сія изъ библіотеки Пр. Кирилла, это видно какъ изъ надписей на ней древней руки, на обрѣзѣ: Пра́вила. ѵ҃. и внутри на бѣломъ листѣ: Кѵріла, такъ и изъ содержанія оной, которое согласно съ древними монастырскими описями [25] книгъ его. Написаніе оной нѣкоторыми приписывается, по соображеніямъ, самому Преподобному. [26] Въ какомъ году писана она, въ самой книгѣ сего не означено; но такъ какъ въ ней находится пророчественное воззваніе, относящееся къ годамъ 1455 и 1427-му, совершенно

---

[25] Такъ, на прим., въ описи 1601 г. сказано объ одной изъ рукописей Преподобнаго: Книга от прави́ свѧты апостолъ и свѧты отец, началаѧ слово Їѡана Златоустаго постника о исповѣде разлучны извѣщена. Рукопись, теперь разсматриваемая, состоитъ наиболѣе изъ правилъ церковныхъ и начинается статьею: Иже к свѧты отца нашего Їоанна Архїепископа Константина града постника о исповѣде разлучна.... извѣщена.

[26] Поѣздка въ Кир. Бѣл. монаст. Проф. Шевырева, ч. II, стр. 18.

одинаковое съ содержащимся въ Святцахъ, описанныхъ выше подъ № VIII-мъ, то, очевидно, что она написана ранѣе тѣхъ годовъ. Судя по тому, что содержащаяся въ сей книгѣ пасхалія начинается 6932 (1424) годомъ, полагать надо, что въ этомъ году писана и самая книга сія.

Содержаніе ея весьма разнообразно. Въ ней заключаются статьи: 1) Іоанна Постника (Златоустаго) о исповѣдехъ. 2) О запрещеніяхъ или эпитиміяхъ изъ Василія Великаго. 3) О еже колико главизнь, изгонять иноки ѿ обители. 4) Запрещенія изъ правилъ Соборовъ касательно иночествующихъ и священниковъ, принимающихъ иночество; запрещеніе св. Апостолъ касательно волхвовъ; правило о женахъ, убивающихъ въ утробѣ своей младенцевъ. 5) Изъ VIII книги Апостольскихъ правилъ запрещенія касателано празднованій, поминовенія усопшихъ и поста въ Страстную седьмицу. 6) Правило Неокесарійскаго Собора относительно чистоты священника. 7) Каноническіе отвѣты Тимоѳея, Архіепископа Александрійскаго. 8) Отвѣтъ Аѳанасія Великаго на вопросъ: Можетъ ли креститься невѣрующій по вѣрѣ Христіанской и проповѣданію? 9) О степеняхъ покаянія: плачѣ, послушаніи и припаданіи. 10) Повседневныя запрещенія инокинямъ и инокамъ. 11) Събраніе правиломъ церковнымъ стыхъ аплъ. 12) Правила: Св. Василія, Неокесарійскаго Собора, повелѣніе 318 отецъ касательно иноковъ и іереевъ; правила о потребѣ церковной; заповѣди о убійствахъ и плотскихъ беззаконіяхъ, о поджигателяхъ, безчинствующихъ монахахъ и нерадящихъ о церковной службѣ и объ измѣнникахъ отечеству. 13) Правила о постахъ Рождества Христова, св. Апостолъ и Богородицы. 14) Правила св. Іоанна Постника о 30-ти предметахъ: о мысленномъ отверженіи, о обавницѣ, о сокращеніи времени покаянія, о похотной части, о сонномъ мечтаніи, о насиліи дѣвицѣ и участникахъ въономъ, о двоеженцахъ и троеженцахъ, о прелюбодѣяніи, о еретикахъ, о кровосмѣшеніи, о женахъ въ нечистотѣ, о убійствѣ и яростной части, о измѣтающихъ неволею, о отроучати безъ крещенія умершемъ, о помѣтающихъ своя

младенцы, о разбойникахъ, о татьбѣ, о гробокопателяхъ, о святотатствѣ, о нарушеніи клятвы, о нечистомъ, во что либо впадшемъ и т. п. 15) Никиты, Митрополита Ираклійскаго, отвѣты на вопросы нѣкоего Епископа Константина, числомъ 6-ть. 16) Правила Никифора, Патріарха Константинопольскаго и иже с нимъ святыхъ отецъ о церковныхъ его съниненіяхъ, числомъ 23. 17) Изъ отвѣтовъ Іоанна Епископа Китрошска къ Епископу Драчъскому Кавасилѣ о антиминсахъ, о еже освѣнятїся своихъ женъ въ недѣлю и четыредесятницу; о томъ, съ какого возраста надо исповѣдываться; объ орудіяхъ, послуживщихъ на обновленіе св. сосудовъ; о непогребеніи умершихъ въ церквахъ; объ изблеваніи свящ. даровъ, о пролитіи оныхъ; на Латины, касательно служенія на св. антиминсѣ литургіи не въ церкви и безъ иконъ, о маслѣ или медѣ, если въ оные впадетъ нечистое животное и умретъ, объ искушеніи во снѣ, о степеняхъ брака въ ширину и глубину, раздѣленіе сродства, о братотвореніи, о сыноположеніи и воспріятіи отъ Св. крещенія, о раздѣленіи кровнаго родства, о восходящемъ и нисходящемъ, о восьмой степени отъ крови, о иже отъ блуда раждаемыхъ, о родствѣ отъ сватовства, о шестой и седьмой степеняхъ, когда возбранены и когда нѣтъ. 18) Правила Собора Антіохійскаго. 19) Правило 2-е Собора Халкидонскаго. 20) Геннадія, Архіепископа Константинопольскаго, изъ посланія ко всѣмъ Епископамъ о симоніи. 21) Правило о разрѣшенныхъ страха ради смерти и потомъ выздоровѣвшихъ и правило объ откупившемся отъ мученій деньгами. 22) Тимоѳея, Архіепископа Александрійскаго, правило 12-е. 23) О постѣ въ день Воздвиженія Честнаго Креста и о дняхъ, когда не приклонять колѣнъ. 24) Василія Великаго къ Амфилохію о томъ, почему молимся зря къ востоку и проч. 25) О церкви и Св. причащеніи. 26) Его же изъ посланія къ сущимъ подъ нимъ Епископамъ о непоставленіи на мздѣ; его же наказаніе пресвитеру о божественной службѣ и проч. 27) Отвѣты Константинопольскаго Собора на вопросы Всероссійскаго Митрополита Максима и Сарскаго Епископа Ѳеогноста. 28) Два правила о суевѣріяхъ и о

скоморохахъ. 29) Правило 2-е шестаго Вселенскаго Собора касательно порчи Апостольскихъ заповѣдей; 68-е о нераздираніи книгъ Св. писанія; 89, 95, 101, 20, 2, 3, 4, правила о воинахъ, убивающихъ на войнѣ; вопросы и отвѣты объ употребленіи просфоръ и вина и объ изверженныхъ священникахъ. 30) Правило Св. Апостолъ о томъ, что можетъ быть приносимо въ алтарь; правила о приношеніи начатковъ изъ овощей; о діаконахъ, чтобы въ своихъ мѣрилахъ пребывали. 31) Заповѣди, неизвѣстно, чьи, о томъ, какъ исповѣдываться грамотнымъ (посредствомъ хартіи) и неграмотнымъ и женамъ, и о духовникахъ. 32) Заповѣди Златоустаго о законѣ церковномъ. 33) Правило 30-е от разланных тител изъ первой и второй граней Новыхъ Заповѣдей гл. 2. 34) Извлеченіе изъ закона Моисеева о судѣ и правдѣ, десятословіе, о необращеніи свободнаго въ рабство. 35) Правило о вышедшей въ замужество въ несовершенныхъ лѣтахъ, и о дѣтяхъ, вступающихъ въ бракъ, когда отецъ находится въ плѣну, о причинахъ расторженія брака, правила изъ Граней гл. 1, 9, 10, 11, 31, 32, 33, 38, 39, 42, 43, 44, 45, 46, 53, 55, 57, 62, 63, 66, 67, 74, 76 и 85. 36) Петра, Архіепископа Александрійскаго, къ Бенетьскому Архіепископу о томъ, что онъ не имѣетъ права именоваться Патріархомъ. 37) Запрещеніе стричь бороды. 38) О 27-ми заблужденіяхъ Франковъ и прочихъ Латинянъ. 39) Св. Епифанія Кипрскаго о ересяхъ. 40) Два отвѣта Никиты, Митрополита Ираклійскаго, на вопросы Константина Памфилійскаго. 41) Три правила, неизвѣстно, чьи, о лицахъ духовнаго чина, впадающихъ въ блудъ, клевущихся и проч., о дающихъ, или берущихъ, что либо изъ монастыря безъ воли Игумена и о преобидящихъ церковь Божію. 42) Правило Θеодора Студита о несовершеніи въ постъ великій литургіи. 43) Правило 61-е Св. Апостолъ. 44) Василія Великаго изъ посланія къ Амфилохію канонъ 2-й; его же о троеженцахъ и многоженцахъ. 45) Собора Анкирскаго канонъ 21-й. 46) Семь правилъ Василія Великаго и Аθанасія и неизвѣстныхъ. 47) Правило Аθанасія, инока Іерусалимскаго, о нажзѣх и о стрѣлѣ громнѣй, и два правила:

одно изъ Градскихъ Законовъ о дѣвствѣ священныхъ лицъ, или супружествѣ съ дѣвою, другое, не извѣстно, чье, касательно запрещенія священнику. 48) **Лоуниотеуеніе.** 49) **Сказаніе извѣстно лунныхъ годомъ. когда сѣяти и садити и врачевати человѣкы.** 50) **Стиси Констандина нѣкоего Пвеста о книзѣ глаголемѣи Диоптра.** 51) Св. Епифанія о 12-ти камняхъ на одеждѣ ветхозавѣтнаго Архіерея. 52) Стязаніе, бывшее въ Іерусалимѣ при Софроніи Архіепископѣ съ Евреями о Христіанской вѣрѣ. 53) Св. Кирилла о 30-ти сребренникахъ. 54) Галиново на Ипократа о составѣ міра и человѣка, о чувствахъ душевныхъ и тѣлесныхъ, о здоровьѣ, врачѣ и врачествѣ; изъ Алексинда (неизвѣстно, какого) о зачатіи человѣческомъ, о широтѣ и долготѣ земли, о стадіяхъ и поприщахъ, о земномъ устроеніи, о разстояніи между небомъ и землею, о землетрясеніи, о четырехъ стихіяхъ и четырехъ моряхъ, объ океанѣ, о облакахъ, о громѣ и молніи и о денницахъ. 55) Сказаніе, когда отдѣлились Латиняне отъ Грековъ и отъ Свят. Церкви ($12^1/_2$ листовъ). 56) **Исповѣданіе въкратцѣ како и коего ради дѣла отлучишася от нас латини и изврѣжени быша отъ пръвенства своего и от книгь помѣнныхъ, идѣже пишутся в лѣт ҂ѕ҃ф҃п҃ѕ** (778 г.). 57) О раздѣленіи праздниковъ на три чина; изъ Типика о поклонахъ, о времени рожденія Іисуса Христа и другихъ событій его жизни; о томъ, сколько нужно пѣть литургій кающемуся въ замѣнъ эпитиміи; правило 66-е шестаго Вселенскаго Собора и вопросъ и отвѣтъ о неразсудномъ истощеніи своего имущества на благотвореніе. 58) Скитскій уставъ о келейномъ трезвѣніи и о ежедневномъ пѣніи. 59) Сказаніе о 150-ти псалмахъ, собранное изъ Св. отцевъ Никитою, Митрополитомъ Ираклійскимъ, и вопросы объ исказившихся дарахъ, о священникахъ, лишенныхъ или своею волею оставившихъ священство и проч. 60) Тропари, пѣваемые въ великую субботу на непорочнахъ и припѣвы праздничные или величанія. 61) О мѣсяцѣ Мартѣ. 62) Севиріана Епископа **Авхскаго о древѣ спасительнаго креста, гдѣ обрѣтеся и како бысть.** 63) Имена иноческія. 64) Изъ посланія Пр. Никона

о глаголемыхъ таинныхъ книгахъ показаніе, ако еретиуескаа суть съписаніа. 65) Златоустаго о скончаніи житія. 66) Объ умной молитвѣ. 67) Св. Максима исповѣдника о храненіи и спасеніи души, сказаніе о образѣ грѣховномъ и о причинахъ искушенія во снѣ, и правило по сему случаю. 68) Пасхалія съ 6932 (1424) до 7000 (1492) г. 69) Чинъ обрученія и вѣнчанія. 70) Послѣдованіе Св. Пятидесятницы. 71) Повѣсти о Макаріи Великомъ, Нилѣ, и Піорѣ. 72) Св. Макарія слово о тѣсномъ и пространномъ пути. 63) Отвѣтъ Григорія Богослова на вопросъ Филагрія о здравіи его. 74) Вопросъ и отвѣтъ, кто суть **истиннии поклонници, иже ни въ горѣ сей** и проч. 75) Аввы Аѳанасія о мученичествѣ душевномъ и внутреннемъ. 76) Три чтенія о Св мученикахъ Борисѣ и Глѣбѣ, и 77) Нѣсколько именъ потомковъ Измаила изъ Священнаго Писанія.

Изъ этого изложенія содержанія описываемой теперь нами рукописи очевидно, какъ много находится въ ней статей рѣдкихъ и весьма замѣчательныхъ. Помѣстимъ здѣсь нѣкоторыя изъ нихъ отъ слова до слова.

1) Первое между ними, по важности, мѣсто занимаютъ отвѣты Константинопольскаго Собора, бывшаго въ присутствіи Митрополита нашего Максима (1283 — 1305 г.) и Сарскаго Епископа Ѳеогноста [27] на вопросы, предложенные послѣднимъ. Впрочемъ, въ здѣш-

---

[27] Митрополитъ Максимъ былъ родомъ Грекъ, посвященъ Констант. Патріархомъ Св. Іосифомъ; путешествовалъ изъ Кіева въ Ору и въ 1300 г. перенесъ каѳедру свою съ юга во Владиміръ на Клязьмѣ. Епископъ Ѳеогностъ, посвящ. въ 1269 г., присутствовалъ на Соборѣ, составленномъ въ 1274 г. Митрополитомъ Кирилломъ во Владимірѣ на Клязьмѣ, по случаю усмотрѣнныхъ имъ безпорядковъ у насъ въ дѣлахъ церковныхъ. Замѣчательно, что на одинъ изъ вопросовъ своихъ на Константинопольскомъ Соборѣ относительно совершенія проскомидіи Преосв. Ѳеогностъ получилъ здѣсь отвѣтъ, совершенно противный тому, что постановлено было касательно діаконовъ на вышепоказанномъ Соборѣ Владимірскомъ, бывшемъ ранѣе Константинопольскаго, т. е., дозволеніе діаконамъ совершать проскомидію, что прямо запрещено было тѣмъ Соборомъ и что противно канону VI Вселенскаго Собора. Это послѣднее правило находится и въ описываемомъ нами Сборникѣ.

немъ монастырѣ имѣются еще два списка съ сего церковнаго акта: одинъ въ рукописи, также изъ библіотеки Преп. **Кирилла**, въ 12 д. л., подъ названіемъ: **Отъ Никонскихъ правилъ**, слѣдовательно, одинаковой съ симъ экземпляромъ древности; другой въ рукописи, по соображеніямъ, XVI ст., въ 12 д. л. Всѣ три списка здѣшніе имѣютъ нѣкоторыя разнорѣчія и даже противорѣчія. И потому, излагая этотъ актъ по сборнику, который мы теперь описали, покажемъ и важнѣйшія разнорѣчія онаго по двумъ другимъ спискамъ.

По списку № 1.	По списку № 3.
Мц҇а авгу҇. ві҇. въ дн҇ь ср҇е. Индн҇ д.	**Мц҇а авгоу҇. въ г҇. индикта ві҇. дн҇ь бѣ среда.**

(въ спискѣ № 2 этихъ словъ не находится).

Сѣдащимь свѧтым патріархом в мѣстѣ своем. въ церкви Свѧтыѧ Софїа. Антїохїйскому и Констандина града, Патріарху Їоанну [28] **и съ ними Митрополити. Халкидонскыи. Николае. Ѳонинескы.**

По списку № 1.	По списку № 2.	По списку № 3.
Мєнтїи. Ахаранскыи. Лаврєнтїи. и Вазїнскыи Їѡаннь. Дєрєскыи. Констандинь. Лєфадьскїи Софронїи.	**Лаврєнтїи. Ахиранскыи Костантинъ. Фадьскъіи. Софронїи.**	**Лаврєнтии. и Визїнскыи Їоаннь, Девєрскыи Констаннтинь. Лєфадскыи Софронїи.**

И всеа Руси. Максимь. (по прочимъ, Митрополитъ) **и прѣдстоащимь ту изБраннымь попом и дїакономъ. и Благоѵестивыи єпископь Сарaнскыи Ѳегностъ. сѣдащу въ съборѣ смѣренїю нашему. и положилъ посредѣ нас въпросы нѣкыѧ** (по сп. № 3, **ставъ посреди всѣми Боголюбивыи єпископъ Саранскыи Ѳеогностъ, въпрошаа нѣчто и противу въпрошенїю єго отвѣт даваша єму по достоанїю**) **и отвѣт въсѣкому подобень. въпросу прїа. аже сѫт сице. въпросиль въ кыа дни подобает и в годы чьсти свѧтителю єѵлїє.**

---

[28] Здѣсь говорится о Патріархѣ Веккѣ.

Отвѣт. По сп. № 1. Четырежа в лѣ. рекше страстныя нє въ вѣчє. а єуаліє и мд нахж на лургіи, и на вєрни. въ пркы. днь сє міа єгда хода съ крты. еже съ игуменомь, въ великыя празникы да чтуть. прі них попѣхь не чтуть. развѣ нужа.

По списку № 2. Четырьжда в лѣ. рекше страстныя недѣли. в че. а.є. еоуае. на пасху на литургии, и на вечерни. и въ а. міа Сєпа. егда ходать со крьсты. се же игуменомъ въ великыя празникы да чтуть. при нихъ попѣхъ не чтуть. развѣ е нужа.

По списку № 3. Четырежды в лѣтѣ. рекше страстныя недѣли въ ве. че. ає еуе. тажь на па на литургіи и на вєрніи того дни. и въ а. день се міа, егда ходат съ кресты. а иже игуменомь въ великыя пра да чтут на утренях. и на молебнѣх. при нихъ попѣх да не чтут, развѣ нужи.

Вѣпрос. О крещеніи (по сп. № 2. Этого слова нѣтъ) коликожды подобаеть изъмолвити млтвы. крѣщающе члка. побае ли многымъ попомъ кртити или единому.

Отвѣт. По сп. № 1. Побае единою изъ млъвити молитвы. и единому попу крѣстити. аще ли случится многымь дѣтемь быти. и бжде поповь многа. да кртать къжо особѣ дѣтища, аще вждеть дѣтіи много. и единь

По списку № 2. Подобаеть единою изъмолвити. мо. а единому попови крестити. аще ключится многымь дѣтемъ быти. и будуть попове мнози. да крестать кождо ѡсобѣ дѣта. аще ли будеть дѣтии много. одинъ попъ. да из-

По списку № 3. Подобаеть единою изъмолвити молитвы и единому їерею крестити. аще ли случиться многимь дѣтем быти. и будут їереи мнози. да крестат кождо особѣ отрока. аще будет дѣтеи много ї едини їереи, да изъмолвит единою молитвы

попь да нзъмлъвн единож млтвы нά всѣмн дѣтмн. н погржжаѐ по г҃ жы къжо дѣта гла въ нмма оца. второе н сна. г҃ е н ста дха.

молвнтъ единою молнткы надо всѣмн дѣтьмн н погружаеть по г. жы. коеждо дѣта. глагола во нма оца н сна н стго дха.

над всѣмн отроуаты. н погружают по г. жы глагола коемуждо отроуатн. во нма оца. амннь. н сна. амннь. н дха стаго. амннь.

Въпрос. По списку № 1.

Пѣтн лн въ ве па. служба.

Отв. Стымн оцн оуставлено е. службы въ то днн не.

По списку № 3.

Служнтн лн въ ве. на. лнтургїа.

Не служнтн сватымн отцы уставлено. кромѣ благовѣщенно служ. златоу.

Въпрос. Достонт лн (по прочимъ: лзѣ лн) двѣма агньцема служнтн.

Отвѣт. Не тъкмо еднны. нж н двѣма. н тремн. аще прнключнтса многнмь попомъ бытн. нж когда буде стое възношенїе. да възнмаеть еднн агнецъ велнкын. да тѣмъ възношенїемь вьсн сщаютса.

Въпрос. Когда херотоннсатн попа. ѿ котораго агньца датн ему. льзѣ лн ѿ велнкаго агньца.

Отвѣт. По списку № 1.

Прже сщенїа новосщеному. но от нне нже сжть на нне днскосе. да от те агнець датн ему.

По списку № 2.

Не подобно датн от велнкаго агньца. преже сщенна новосващенному. но от ннѣхъ нже суть на ннѣх блюдѣх. да от тѣхъ датн ему.

Въпрос. Аще прнключнтса стлю служнтн лтргїа. а не бжде дїакона. а попов бжде много лзѣ лн ему служнтн.

Отвѣт. По списку № 1.	По списку № 3.
Аще бѫдѣ нужа. а не бѫдѣ діакона да поеть с попы.	Аще будет нужа, а не будет діакона да поет с попы. поп глаголет единъ внутри октенію.

(По списку № 2. Этотъ вопросъ слитъ вмѣстѣ съ отвѣтомъ.

Въпрос. Аще будут попове мнози въ мѣстѣ. а не бѫдѣ діакона посрѣ и (по сп. № 3 съ ними) достоитъ ли или служити или ни.

Отвѣт. Достоить имъ служити. единь попь от ни октеніѫ молъви, въ олтари стоа. а конъ не выхода.

Въпрос. Подобает ли игоуменомь служити съ рипидами. ли трисвтое пѣніе пѣти въ олтари.

Отвѣт. Сего божтвніи и стіи каноні не възбраниша. с дары да нося. а освненіа да не творя. в то волень епкпь. аще кому блвить освненіе творити, а въ трто пѣніи ржуное блвеніе.

Въпрос. Аще приключится уаку въ велицѣ болести. а въсхощѣ въ урьници. а не бѫдѣ игумена. лзѣ ли епкпу постриџи его.

Отвѣт. Не тъкмо епу. нж и попови. и діаконови. аще не бѫдѣ попа ни діакона. а при съмрти. да и приучтникь пострижеть.

Въпрос. Поет ли епкпв епкпа пострищи въ скымж или ни;

Отвѣт. Аще не будѣ игумена. при нужи пострижеть епнь.

Въпрос. По списку № 1.	По списку № 3.
Въ сырнжж неделж въ срѣ и пя пойаали слуба или іωаннова слути.	На сыропу. недли. въ срѣ. и пя. служити ли служба. Іоаннова. или прежесщенная.
Отвѣт. Не поется тогда служба ни поиаа ни Іоаннова. нж въ ѳ. уа. часы съ верьнеж пожть.	Не поеть тогда служба ни которая. кромѣ стрѣтенія гна і обрѣтенія Іωанна. нъ часы с поклоны, и вечерна вкѵ.

Въпрос. Умиражщу стлю доит ли дати тѣло въ ржку или ни.

Отвѣть. Не доить. занеже не оуставиша бжтвніи канони.

Въпрос. Аще свѧтитель оумреть пострижеться въ скимѫ (По сп. № 2 постриженъ, № 3 пострігсѧ) како ѥ҇ погребьсти его. свѧтительскы ли или мнишьскы.

Отвѣт. Аще бѫдѣ въ свѧтительствѣ оумерлъ. да положать и въ ризахъ. аще ли бѫдѣ въ скимѣ оумерлъ. да положать и въ скимѣ чрьнечьскы.

Въпрос. Аще бѫдеть попове мнози. и діакони подобает ли игоуменѡ проскомисати или ни.

Отвѣт. Аще бѫдеть старѣишіи игоумень. да посылаеть діакона. аще еп҇пъ бѫдѣ съ ними на слоужбѣ. да проскомисаѫть вьси.

Въпрос. Аще которыи еп҇пъ въ болести, пострижетсѧ въ скимѫ. а потѡ здравъ бѫдѣ. доⷭ҇ит ли емоу еп҇пмъ быти или ни.

Отвѣт. Не достоить. нѫ быти емоу ако и вьсѣкыи мнихъ.

Въпрос. Подобает ли на мѣстѣхъ стоѧчи игоуменомъ. канонькати пѣніе.

Отвѣт. Аще бѫдѫ въ мантіи да канонькаѫть на мѣстѣ. а бѫдѫ въ ризахъ. да канонькаѫть, ако же и на слоужбѣ.

Въпрос. Аще мышь начнѣ агнець. достоит ли имъ слоужити или ни (Этого вопроса нѣтъ въ сп. № 2).

Отвѣт. Достоить хотѧ бы четвертаа часть осталасѧ и тѣмъ слоужити.

Въпрос. Аще не бѫдѣ еп҇па въ градѣ. лзѣ ли игоуменоу кр҇тъ въздвизати (По сп. № 3. Сѐ҇ дї. или ни).

Отвѣт. Сего не бранѧть (по другимъ: не възбраниша) канони ст҇го Феѡра Стоудїискаго.

Въпрос. Доѝть ли въ ап҇льскыѧ праздникы въ срѣ и пѧ. мѧ. ѧсти: (по сп. № 3 масо ѧсти и млеко въ срѣ и пѧ).

Отвѣт. Не разоритсѧ. срѣ и пѧ ни г҇ьскымъ праздникѡ. кромѣ великыⷯ днїи ст҇ыѧ нѣли. въ срѣ и пѧ. да ѧдать. и на съшествїе ст҇го дх҇а. и егда приключитсѧ Рожьство Хв҇о или Бг҇оѧвленїе. и егда бываѥ нѣлѧ о мытари и фарисеи. ѡ проче сих, ѥ праздникъ. да не разорѧ. срѣ и пѧ. се бо възбранено ѥ отнѧдь Бж҇ествеными каноны. въ правилѣ сѐмомъ Феофилакта Архїеп҇па Александрьскаго. отнѧдь

въхранено ѥ̑. (въ проч. сп. трехъ послѣднихъ словъ: отинѫдь въхранено ѥ̑ — нѣтъ. Въ сп. № 2 далѣе написано, чего нѣтъ въ прочихъ): а въ срѣ̑ Прѣпловѣнїе не ѣсти ма̑. аще приутется праздникъ свѧтыхъ апостолъ въ срѣ̑ и па̑ не ѣсти ма̑. но рыбы въ а̑ августа не ѣсти ма̑ то же и до Ѹспенїа свѧтыѧ Богородица. Аще ли прилучится Ѹспенїе свѧтыѧ Богородица въ срѣ̑ или па̑ не ѣсти ма̑. Аще приутется праздникъ св. апостола Филипа въ срѣ̑ или па̑. не ѣсти ма̑, но рыбы. Аще слѹчится Рождество свѧтыѧ Богородица въ срѣ̑ или въ па̑. не ѣсти ма̑. ни масла. но одина рыба.

Въпрос. Аще забѫдет презвѵтеръ въліти вина или воды въ потиръ. ѹпомнит срѣ̑ слѹжбы починати ли емѹ опать. или по рѧдѹ тако пѣти (этого вопроса и отвѣта на оный нѣтъ въ сп. № 2).

Отвѣт. Да кога̑ въспомѧнет. и вълнеть вино и водѫ. да съвръшает. слѹжбѫ. опать не почннаеть.

Въпрос. Подобает ли свѧщавь трапезѫ прѣносити от мѣста на мѣсто. и на неи литѹргисатї.

Отвѣт. Подобаеть. занеже по нѹжи ѥ̑. хотащи люе̑. не имѫть (по сп. № 2-й, но есть ходащии люе, не имуть; по сп. № 3-й ходащии) себѣ ѹпокоина мѣста. нѫ стрещї ж съ страхо̑ и трепето̑. въ чистѣ мѣстѣ поставити ж и слѹжити на неи.

Въпрос. По списку № 1.	По списку № 2.
Приходащих от несторїань. и от аковн. како й подобаеть кр̑щати.	Приходащихъ от несторїанъ. и от наковит и от татаръ. како подобаеть крещати.

(По сп. № 3 также, какъ и по сп. № 1, только прибавлены слова: и от прочи̑ ересеи).

Отвѣт. По сп. № 1.	По списку № 2.	По списку № 3.
Подобает емѹ проклати своа вѣрѫ. и оучители свои. номазавше и мѹ-	Подобаеть имъ проклати свою вѣру, и учители свои. Помазавше	Подобаетъ емѹ проклати свою вѣрѹ, и ѹчители свои. Та̑ помазавше

ромь тако приѵтеть и, православерни вѣрѣ, и блгоѵьстивон.	и миром тако. приѵтете и, православѣрнѣи вѣрѣ.	и мирō тако приѵте и къ православѣрнѣи вѣрѣ и благоѵестивон.

Въпрос. Приходащїи от татаръ и хотащихь кртиса и не бѫдеть велика ссуда въ ѵемь погружати ему: (этого вопр. нѣтъ въ сп. № 2, а въ сп. № 3 не находится послѣднихъ словъ: и не будеть велика ссуда и проч.; онѣ включены въ отвѣтъ: аще не будет велика ссуда и проч.)

Отвѣт. Да обливает его г҃ жды. глагола въ има оц҃а и сн҃а и ст҃го дх҃а.

Въпрос. Аще будет нужда при съмрти. а не бѫдеть сватитела. ни попа. ни дїакона. а бѫдет дїакь. лѕѣ ли ему кръстити: (въ проч. спис. вопросъ этотъ изложенъ положительно, въ видѣ отвѣта).

Отвѣт. Не бѫдет сватитела. ни попа. ни дїакона не бѫдет. а пригодитса приѵетникь. да и тому подобаеть крестити. въ има оц҃а и сн҃а и ст҃го дх҃а.

Въпрос. Аще не бѫдеть епископа ни попа. при съмрти ѵеловѣка лѕѣ ли дїакону дати приѵастїе. или пѣти над нимь. или колико сващати (въ прочихъ: кутїа).

Отвѣт. Лѕѣ приѵастїе дати. и на нй пѣти и кутїа сващати.

Въпрос. Аще бѫдет либо ѕвѣрь. либо птица. а удавитса в силѣ, достоит ли асти.

Отвѣт. По списку № 1 и 2.	По списку № 3.
Аще будет при нужди.	Недостоить аще будет при нужи.

Въпрос. Аще бѫдет монастырь под епископиеж. оугодень бѫдет епископїи. достоит ли въ немь епископїиж сътворитї. или ни. а манастырь нидѣ сътворити.

Отвѣт. В томь волень епископь сътворити. нѣ̑ бо ему в томь грѣха.

Въпрос. Аще не вѣнчалнаа жена. по мѫжнии съмерти. аже бу-дет чисто житие или въ чрьници са постриж[е]ть. аѕѣ ли ѥи печи про-сфуры или ни.

Отвѣт. Аще покаанїе прїала бѫдет отцемь духовнѣ. и стара. достоить ѥи печи (по сп. № 2 проскуры).

Въпрос. Подобает ли (по сп. 2: достоитъ ли) сухоѫ стафидїю служити или ни.

Отвѣт. Аще не бѫдеть где вина въ которои ꙁемли отнюдь. да изьгнетуть новѫѫ стафиль и служать. а не сухѫѫ. аще ли имѣт слу-жити. грѣхь имать от Ба.

Въпрос. Подобает ли брата кръстившаго. ли тетку или тетичинѫ понати женѣ себѣ (въ сп. № 2 слова: тетку или — вычищены).

Отвѣт. По сп. № 1 и 3.	По сп. № 2.
Неоудръжанно да по-иметь и (послѣдняго слова: и въ № 3 нѣтъ).	Се (это слово написано по подчищенному) удер-жанно да не поиметь (не написано по подчи-щенному, а по наверху строки).

Въпрос. Аще попь на рати человѣка убїеть. аѕѣ ли ему по-томь служити.

Отвѣт. По сп. № 1 и 3.	По списку № 2.
Неудръжанно ѥ свя-тыми каноны (по сп. № 3: правилы).	Се удержанно святы-ми каноны.
Въпрос. По сп. № 1 и 2.	По сп. № 3.
Подобает ли тѣло Христо-во носити на пѫт.	Подобает ли тѣло Христо-во носити на себѣ на пути.
Отвѣт. Подобно и блгвено.	Не подобно и благосло-венно по раꙁсуждению.
Въпрос. Подобает ли поновити церковныѫ съ-сѫды (въ сп, № 2 не боль-шая разность).	Подобает ли понови-ти рекше починити ссуды церковныа.

Отвѣт. По сп. № 1.	По сп. № 2.	По сп. № 3.
Аще хощет обновити священныя съсѫды. да купить преже у мастера орѫдїа всѧ да сковавь съсѫды. и въ връгѫть орѫдїа въ глубинѫ. а опать да не дѣлаѫ орѫдїи тѣми. да не получать себѣ от Ба грѣха.	Аще кто хощеть обновити церковныи съсуды. да купать преже у мастера снасть всю. да сконуавъ съсудъ ты. въвергуть снасть ту въ глубину. опать да не куюеть снастию тою, да не получать грѣха собѣ от Бога.	Аще кто хощет поновити церковныя ссуды, да купить прѣже у мастера снасть всю. да сковавъ ссуды тѣ. а на (?) снасть ту вѣвергут въ глубину а простоко не кують ничего того снастїю да не получат себѣ от Бога грѣх.

2) Противное сему послѣднему разсужденію Собора говорятъ, касательно поновленія св. сосудовъ, Іоаннъ, Епископъ Китрошскій, въ отвѣтахъ своихъ на вопросы Епископа Драчьскаго, Кавасилы, находящихся въ семъ же Сборникѣ.

Предлагаемъ отвѣтъ этотъ отъ слова до слова.

О послужившїихъ орѫдїи на поновленїе священныхъ съсѫдъ.

Аже въ поновленїе съкрушївшїихся священныхь сѫсѫдъ, послужившаа орѫдїа, ниже праздновати того ради, подобаеть. ниже въ море въметати та. не бо от еже приближитися сватымъ, абие причастїшѧся освященїа. нѫ ни мѣсто на немже хитрѣци понаблажтъ сїа разарѣжтся. или раскопываетса. или иноѫ вещїѫ посыплатся. ако да измѣниатса еже не попиратися прочее. освятибося и сё и не бы. понеже и естестовнымъ словомъ, недугѫ убо вѣмы прѣматися. иже тому приближажщїимся. здравну же никакоже. и злобы удобию причастїтися. нежели съпротивнаго добродѣтели глагола. скѫдно бо благостяжанїе и жестоко. еже мнѣ мнитса и пророкъ Аггей разумѣвъ на чюдный онъ прїити образъ. въпроси священники, зако глагола. аще масо свато въ ризѣ брашна котораго или пива. или съсѫда коснавшеса.

о нѣм же отрекшіимъ. въпросите паки реуе, аще и неуистота от сихъ которому присъвъкупльшися. еда абіе приуастіся скврънны. они же рѫкѫ приуащатися, и не прѣбывати уисто приобщеніемъ. не тькмо же нѫ и рѫками нашими, овогда убо свѧтаа похватаемъ. и дары Бжіи приносимъ. и священнїи приуащаемся. овогда же еже въ насъ оуищаемъ скврънны. и въ гноеніа сихъ болащіихъ въдагаемъ. нѫ ниже ако свѧтыа, ниже ако оскверънены сна мѣнимъ. обоих во каиъства не приуастиѣ естъствѣ. Се и о иже от сребра и мѣди въ служеніе наше съсѫдѣхъ въмѣнается. и о орѫдіи мѣди бытелныихъ. и еще же и ниы же на всѣкъ днь работаемъ. ножевыа же (?) въсѣ иже въ житіи нашемъ потрбамъ служать. и пауе аще еже вещи тѣхъ бѫдетъ неудобьстажательно. развѣ аще где авлениѣ и народнѣ церквамъ Божіамъ възложишѫся. и отсѫду священна и свѧта бывшѫ. аще лц же и дамн нѣкли священію приуастітися орѫдіа. нѫ дѣателнаа. и измѣнителнаа огнѣ сила и дѣйство. можетъ освящения. приуащеніе измѣнити и прложити. понеже убо и законъ. не тькмо продаватися. нѫ и разварїтися повелѣваеть священнымъ съсѫдомъ: къ освобожденіе плѣнникъ и въсѣко, разварено бывшее огнѣ съвъкупленіемъ. истьщевается отъ своеа славы и свѧтости ако же рещи. да плѣнникомъ сѫдѣетъ свобоженіе.

3) Разсужденіе того же Іоанна о Латинянахъ.

На латыны. Иже убо иноколѣнныхъ латыиъскыихъ преданіи обаюдатіся и бѣжати ако же свиніа, елика сила подобаетъ. сих бо ради, и тѣ отсвѣнѣемся приобщеніа. обауе неже ни толико мръсци да въмѣнѣѫтся. нѫ и священнодѣйствуемїи от нихъ опрснъцѣ не приуастии убо нами да сѫть. нѫ ниже пакы прости да въмѣнѣѫтся. Господне бо призваніе назнаменѫетъ сихъ. и Божественаго Акова брата Бжіа, священна прданіа. Службѫ симъ ако же навыцаемь. священнодѣиствѫѫть. ниже поемлащѫа сіа и служащѫа сихъ священнодѣиству съсѫды ниже священныа ихъ одежда, ниже уто въ сихъ ино проста от насъ да въмѣнѣѫтся, нѫ и сихъ хиротониа, къ намъ прлагаемомъ, иже от нихъ хиротониисаніимъ, не отлагаѫтся. понеже и сщіини въ насъ божественными, оци. еретиуьскіа хиротониа не от-

мѣтнѣ многажди бывша. православнымъ. или сѫщїимъ или бывшїимъ, на них же они рѫкы възложиша, иж ниже еще прьстенъ носити тѣхъ архїереωмъ, толико тѣмъ оуноришѧ приносить. иже бо по д҃хоу ходащїимъ, духовнѣ прїемлетса. понеже бо женихъ церковныи, и чистыхъ и дѣвестьвныхъ д҃ша Х҃с нарецаса. и иже оного носащи образъ. коиждо церкве прѣстателие, жениси нарицаѫтса. сего ради и прьстень ако же обрѫчници, образъ духовныа печати прїемлать.

4) Помѣщаемъ еще здѣсь три чтенїа от бытїа, почерпнутыя изъ житія св. мучениковъ Бориса и Глѣба. Они напечатаны при Лаврентіевской Лѣтописи, но нѣсколько разнятся въ текстѣ отъ здѣшняго списка.

М҃ца їоу҃ к҃д ст҃хъ м҃нкъ Бориса и Глѣба. ѿ бытїа чтенїе.

Бра҃е въ бѣдѫ пособници бываите. сего ра҃ ражаетса мѫжь безумень. въсплещеть, и радоуетса о злобѣ. тако изрїчаа изрїчаеть братїа своа с҃ны Гедеоновы. въ оустѣ и въ пѫтѣ огнь събира҃е грѣхолюбець, рачетса рати и кръвопролитїю. прикасаѫщаса пѫтѣ его, възыщѫ себѣ пагубѫ. мѫжю бо правовѣрноу братолюбцю, паче же боголюбцю, ср҃це веселитса здравїе творит, и красотѫ лицю. ωчима свѣтлыи взоръ. мѫжю же лѫкаву братоненавнїцю, паче же властолюбцю. засышѫт кости прѣмлащомоу мъздѫ въ надра своа бес правды. не поспѣѫтса пѫтїе неправдѣ его. лице разумно. мѫжа мѫдра. очи же безумнаго на концй земла. неподобно е҃ ковати ковь брату на брата. о лютѣ д҃ши твоей. понеже съвѣща съвѣть злъ, направѫа своѫ братїѫ. рекь тако избиѫ своѫ братїѫ, и бѫдѫ единь самодръжець въ Русїи. невѣдом ако мечь Б҃жїи острится на нь. не помѣнѫ Їоанна Богослова обличаѫща его. възлюбленїи аще кто рече Б҃а люблѫ, а брата своего ненавидѫ лож е҃. лючъ е҃ мѫжь безчьсти слуѫа себѣ неже ч҃ть себѣ обесчьстить. и лишень бываеть хлѣба. миноуеть праведникь д҃шѫ скѡ своӣ. сѣ же окаанныи бра҃ своѫ възненавидѣ. атроба бо нечьстиваго безьм҃лтивна. ега прїидет безумныи въ глѫбинѫ зла. нерадить. находит бо ему досада и поношенїе безна глѫбока, и мѫка вѣчнаа, послѣдниа же его за҃ во дно адово.

Ѿ бытія чтеніе.

Слышавъ Ярославъ яко отць ему умре а Святополкъ пріа власть сѣди въ Кіевѣ, избивая братіѫ своѫ. оуже во Бориса оуби, а на Глѣба посла. сего ради печаленъ бы велми о отци, и о братіи. уби во Бориса на Олтѣ, а Глеба на Днѣпрѣ об сѫ странѫ Смоленска, и съжалися велми. и повелѣ призвати Новогражданы и рече имъ. Ѿць мои оумре а Святополкъ пріа власть сѣди въ Кіевѣ и избиваеть братѫ моѫ. бѣ бо въ то время вражда ныѣа с Новограды. и не хотяхѫ ему помогати на Святополка, нѫ помѣнѫша апостольское слово. краля Ба боитеса а княза чьтите. Бжіи во слуга есть. не туне во носи мечь. въ отмщеніе злодѣемь, а въ похвалѫ благотворцем. и рѣша Новограждани, можемъ княже по тебѣ побарати и събра Ярославъ варягъ г. тысящь. и прочи вои л. тысящь. и поиде на Святополка. въспріимь Авраамьскѫѫ доблесть. Слышавъ Авраамъ яко плененъ бы Лотъ сновець его. и събра домочадець свои т и ні. и погна въ слѣдъ и до Дана и постиже а на Хавалѣ. и изби а и възврати въся кона Содомскыя и Лота Ароновича шюрина своего, и женѫ его, и имѣніа его. бѣ бо Лотъ Аврааму сновець и шюринъ. Авраамъ во поялъ братна дщерь Аронова имене Сарѫ. тако и сь Ярославъ, ижвыи Авраамь, поиде на Святополка. призва има Га Саваѳа на помощь, рече не азъ почахъ избивати братіа нѫ онъ. да бѫдет Бъ въ отмщеніе, и кровь братіи моея зане без вины пролія кровь праведнѫ сю. Праведны бо дша въ рѫцѣ Божіи. по звавшему вы стму, и вы сти о въсем житии вашем. зане пише святи будете яко азъ святъ есмь. въ страсѣ Божіи пожиста лѣта своя. вѣдуще яко нетлѣнными злато и сребро, избавлена быста от суетнаго сего житіа. и братомъ своимъ предана на съмерть. и честноѫ кровіѫ, яко агньца непорочна и пречта приведостася своему Влцѣ.

Ѿ бытія чтеніе.

Стѣнамъ твоимъ Вышеграде, оустрои стража въся дни и въся нощи. иже не оусиета ни въздрѣмлета, хранаща и утвръждающа, отчь-

ство свое Русїнскѫѫ ѕемлѧ от супостать поганы̆, и междособныѧ ратн. праведны бо по съмртн живъ е҇. сн̆ бо кръвь н до сконуанїа вѣка не прѣстаеть въпїѭщи къ Бу҃. ни безаконнаго н гръдаго Стопълка, паче же рекѫ поганопо́лка, беѕглавнаго ѕвѣра. недоволѣше бо ему то, нѫ приложи еще оубити Свѧ҃слава въ гора҆ ѫгорскы҆, бѣжавшу ему въ ѫгры. и наиа помышлѣти ако нѕбнѫ бра҃ свож, и прїимѫ власть Русїнскѫѫ еднињ. помысли въ высокооумїи своемь. невѣдыи ако Бъ҃ дасть вла҃ ему же хоще҇. поставлѣеть цр҃ѣ и кнѧѕа вышенїи, и ему же хоще҇ дасть. аще убо каа ѕемлѣ оуправитсѧ прѣ Бгомь, поставлѣеть еи црѣи ли кнѧѕа праведна любѧща сѫ҆ и правдѫ и властелѣ оустраѧеть, и сѫдїѫ правѧща сѫдь. аще бо кнѧѕи праведни бываѫть въ ѕемли. то многа отдаѫтсѧ съгрѣшенїа, аще ли ѕли и лѫкави бываѫть, то болшее ѕло наводи҃ Бъ҃ на ѕемлѫ тѫ. понеже то глава е҇ ѕемли. тако бо Їсаїа ре҃ съгрѣшиша от главы и до ногу, от црѣи до простыхъ людїи. лютѣ бо граду тому, въ нем же кнѧѕь юнъ, любѧи вино съ гѫсльми. и съ младыми съвѣтникы. таковыѧ Бъ҃ дае҇ ѕа грѣхы. а старꙑ̆ и мѫдрꙑ̆ отъне҇. ѿать бо от на҃ Владимера, а Свѧтоплъка наведе грѣ҆ ради нашй. ако же древле наведе на Їерл҃мь Антїѡха. Їсаїа бо гл҃е, ѿиме҇ Гь҃ от Їерлма крѣпкаго и храбра чл҃ка. и сѫдїѫ и прр҃ка, и смѣрена старца. и дивна съвѣтника, и мѫдра хытреца, и раѕоумна послоушника. поставлѫ юношѫ кнѧѕа ниь. и рѫгатели обладаѫть ими. И прїиде Ярославь въ велицѣ силѣ съ многыми вои и прїиде на Олтѫ и ста на мѣстѣ идеже оубїень бы҃ Борисъ. и въѕдвнгь рѫцѣ на нб҃о ре҇, кръвь братїа моеа въпїеть к тебѣ вл҃ко. мьсти кръвь праведны҆ си҆, ако же мьстилъ еси кръвь Авеловѫ. положивъ на Каинѣ стенанїе и трасенїе, тако положи на семь. помолився ре҇ братїа моа аще и тѣломь отсѫду отъидосте, нѫ молитва о мнѣ и помоѕита ми, на съпротивнаго сего и гръдаго оубїицѫ, и се ему рекшу поидоша противѫ себѣ, и покрыша поле Лътьское обои многыми вои. въ дн҃ь пакъ, въсходѧщу слн҃цу приспѣ въ тѣ ча҃ Свѧтоплъкь съ Печенѣгы. и ступиша҃ обои, и бы҃ кръвьпролїтїе ѕло, акового же не бывало въ Русїи. ѕа рѫкы сѧ дръжахѫ сѣчаще. по оудолїамъ кръвь течаше. ссту҃паша҃ г҃. и омръкоша

сїѧщеса. и вы гро велики и страшенъ, и дожь силенъ и малнїа. блистанїе. егда же освѣти малнїа. блистахѫ орѫжїа въ рѫка и. мнози вѣрнїи видахѫ, аггли помогающа Ярославу. Сватоплъкъ же давъ плещи побѣже. его же по правдѣ, яко неправедна сѫду пришеше по ошествїи сего свѣта, прїанна мѫки оканнаго. показавши авѣ, посланаа на нь пагубнаа рана. въ смрть немилостивно вългна. по смрти вѣчно мѫчимь е свазань въ дне аду. понеже вѣдыи вратооубїнство сътвори. семь бо мьстїи прїа Каинь, оуби брата Авела. а Ламе, о. понеже Каинь, невѣдыи отмщенїа прїати от Ба. а Ламе вѣдыи казнь бывшѫѫ на прародителѧ его, оубїнство сътвори. а Сватопоkь же вѣдыи иже сътвори се, и обою сею грѣшнему мѫка. ре бо Ламе жено своимь, мѫжа оуби въ дѫзѣ ими. и юношѫ въ струпь ими. понеже ре вѣдыи сътвори Ламе. оуби брата Енохова, и пол себѣ женѣ его. с же Стоплъкъ новыи Авимеле, иже бѣ от прелюбодѣанїа родилса. иже изби братїѫ своѫ, сны Гедеоновы. послѣди же самого жена его съ града каменемь жръновымь оуби, под градо. такоже и си Стоплъкъ бы. Ярослав же пришедъ седе въ Киевѣ, обрисавь поть съ вои своими. показавъ побѣдѫ и трудь великь по братїи своей.

XIII. Сборникъ отъ Никонскихъ правилъ, въ 12 д. л., писанный на бомбицинѣ, кромѣ двухъ , перваго и послѣдняго листовъ пергаменныхъ, мелкимъ полууставомъ, болѣе подходящимъ къ скорописи, чернилами и киноварью, въ доскахъ, обтянутыхъ кожею, съ двумя мѣдными застежками и петельками; листовъ въономъ 371.

Принадлежность сей рукописи къ библіотекѣ Пр. Кирилла видна изъ древнихъ надписей на ней на обрѣзѣ: Правила Х. и въ срединѣ на первомъ пергаминномъ листѣ скорописью: Ѿ Никонски правил, и уставомъ: Кирїлла. Писана она, вѣроятно, ученикомъ преподобнаго, Христофоромъ, потому что на томъ же пергаменномъ листѣ внизу помѣчено полууставомъ старинною рукою, и теперь уже весьма поблекшими и полустертшимися чернилами: Книжка Христофорова (слѣдующее слово совсѣмъ стерлось, и вѣроятно было:

письма) ѿ Никона писаны. Годъ, когда написана рукопись, неизвѣстенъ.[29]

Рукопись сія, какъ показываетъ и названіе оной, состоитъ наиболѣе изъ правилъ, или точнѣе, посланій Преподобнаго Никона, которыя называются также и словами. Писатель этотъ есть извѣстный игуменъ одного изъ монастырей Черной Горы,[30] находящейся въ предѣлахъ Антіохіи,[31] жившій во второй половинѣ XI ст.[32] Впрочемъ, въ сей рукописи много заключается и другихъ писаній. Вотъ ея содержаніе:

1. Святаго великаго Васил. с кыим образом не глумное исправляется.

2. Того же аще подобает от дневнаго рада начинати пения или молитву.

29 На послѣднемъ пергаменномъ листѣ еще находится слѣдующая помѣтка вдоль страницы, писанная древнею скорописью, которую съ трудомъ можно разобрать, по причинѣ крайней блеклости чернилъ: Краа достиго ѡ ѡци и сиѣ и стѣмъ дх҃ ҁмагаемь стго боуа божтвую книгу сию груб҃ими и неудобреными алфакиты в лѣ ҂ѕ҃.ҁ. Но надпись эта, очевидно, не относится къ сему Сборнику, и листокъ, на которомъ она находится, полагать надо, вставленъ сюда изъ другой рукописи евангелія. Въ годѣ, если только такъ мы разобрали оный, нѣтъ сомнѣнія, описка; можетъ быть надлежало написать ҂ѕ҃.ц҃ҁ. 6907 (1399). Это третій годъ водворенія здѣсь Пр. Кирилла.

30 Слово Пр. Никона 19-е. Пришед бо азъ от своеа страны.... само в Черную Гору.... обрѣтохъ кладыну моего и отца Кѵръ Луку и монастырь его.... и одѣа ма въ божественыи ангельскыи образъ.... предастъ ми всѣхъ исправленіа, т. е. игуменство.

31 Его же слово 38-е. Въ прилѣжащии Черней Горѣ страны Антиохинскыи постнй нѣвыи бѣ и проч. Посланіе его же къ Ѳеодосію пресвитеру 14-е. Въ нем же ныне жительствуем. пресло충щемъ глаголю градѣ Антіохіи.

32 Посланіе его же къ отцу Герасиму 19-е. Паки в днѣ наших, в лѣто ҂ѕ҃.ф҃.л҃ откровенiемь ависа святыи (Симеонъ Столпникъ) протопапѣ Кѵръ Симеону и проч. Въ сборникѣ здѣшнемъ же въ 12 л. по старинной описи подъ N. 358, въ самомъ концѣ онаго, послѣ словъ Пр. Никона приписано: В лѣто ѕ҃.ф҃.н҃ѳ (6559=1051) к лѣта Константина царя Мономаха бысть Никонъ и после Константина ѳ҃і лѣт списал книгу болшую в лѣто ҂ѕ҃.ф҃.п҃. (6580=1072), а на седмомъ соборѣ, ѕ҃.п҃о.п҃.

3. Что е̑ еже от апостола реченное въ еже искушати вами. что е̑ воля Божиа благая и проч.

4. Кая е̑ клѣть в нюже внити молящемуся повелѣваеть Господь.

5. Аще подобаеть на насыщения отходити взыскующими нѣкым.

6. Того же уставы по широтѣ (о непрестанномъ дѣланїи).

7. Св. великаго Васылия. что е̑ подобающее дѣлание Християнину.

8. Кто е̑ мудрыи яко змия и цѣл яко голубь.

9. Како приимем царствие Божие яко отроча.

10. Кто е̑ высокомудрыи и кто величавыи и кто презоривы, и проч.

11. Что е̑ хлѣбъ насущныи, его же давтись на всяк день молитися научени быхомъ.

12. Словца избраны от книги Преподобнаго отца нашего, т. е., оглавленіе словъ его.

13. Св. Преподобнаго отца нашего Никона Слово 5-е къ отцу Арсенїю о мїрьских жительствѣ и обѣщанїи. подобнѣ и о иноческом и о повиновении и исповѣдании и избавлении грѣхов и иных винах нужных.

14. Того же къ отцу Козмѣ, о владычных постѣх и како и в кое время тѣх достоит разрѣшати, а не преобидѣти их и без страха разрѣшати виною праздника и страннопрїимства и проч. Посланіе 7-е.

15. Того же къ отцу Ефрему о различии любве и о иных винах нужных. Посланіе 8-е.

16. Тогож Никона къ мнихомъ преславныя Богородица, глаголемыя Куравкины, о съставлении втораго обновления тояж святыя обители, и показание от божественных писании яко чии въ обидих житии ныня разори̑, и проч. Посланіе 11-е.

17. Тогож к презвитеру святыя обители чюдотворца Симеона о плѣнении тояж обители и яко истинное и дѣлное покаяние вся в исправление приводит. Посланіе 12-е. Здѣсь на поляхъ страницы

написано: ві҃. посланиє не все писал есмь. зде тоу стишек вынал есмь. простите Га҃ ради. сие своим окаанством и смышлением. прескатю.

18 Кур Григорію Игумену, посланіе 9-е.

19. Того ж къ мниху Кур Өеодосию презвитеру оглавление о различно написанных сватых владычьных постѣх, тако ж и празникох.... и ако священники нерадаще и не учаще сущаа под ними измѣтают-са.... и ако неподобает просто къ исповѣдающимса изрицати про-щениа, и проч. Посланіе 14-е.

20. Того ж о страннучествѣ и како подобает комуждо исправла-ти, и проч. Посланіе 15-е.

21. Того ж к мниху Кур Мелетию, ако едини точию иже по Бо-зѣ миръ гонити е҃ достойно, а иже по страсти миръ отбѣгати потре-бно е҃. Посланіе 16-е.

22. Того ж къ игумену сватаго Іоанна, ако бѣдовна е҃ дѣло к настоащии. и паки бѣдовно е҃ еже приимати женскыа исповѣди. и ако запрещаются мужестии монастыри, къ них же жены входат и жон-стии пакы, идеж мужье входат. Посланіе 17-е.

23. Того ж къ отцу Петру. како достоит быти инокомъ, и каа дѣла тѣмъ лѣпо е҃ дѣлати. и ако запрещениа не разрѣшаютса просто и неподобнѣ.... и показание ако желание царствует и коими страсть-ми обладает. Посланіе 18-е.

24. Того ж къ отцу Герасиму. како достоит быти иноку. к нем же аще сѣдит мѣстѣ. і о нѣкых таиных сокровеных вещех. Посла-ніе 19-е.

25. Тогож преподобнаго Никона, словца изборныи, о вспомина-нии архіереовѣ, изъ посланій 20, 22, 23, 28 и 29.

26. Тогож к мниху Кир Василию, ако сватости своистъвно смѣ-реномудрие е҃, и без него сватость не исправлаеть, а иже ина какова лико добродѣтел, и ако имат божественное писание, подобает непри-чащающимса исходити изъ церкви от оглашеныхъ. Посланіе 30-е.

Здѣсь на сторонѣ приписано: съ начала слова се҃, о отреченіи епископствмь. преступилъ есмь все. прости҃ Г҃а ради черниивша҃ сие.

27. Тогож. от слова л҃г. го о небесѣдованіи съ женами (пять строкъ).

28. О ангельскомъ служеніи.

29. От м҃.г҃.го слова пре҃ сватаго Пахомия о старцѣ, продающемь кошницы и оставшее на конець. м҃. и пата҃ слова о нищемъ живущемъ во гробѣ.

30. Вопросъ и отвѣтъ: кто сут истинни поклонницн, иж ниже в горѣ ниж в Иерл҃мѣ поклонатса Богу и отцу, идѣ бо въ Иерл҃мѣ не покльна҃т, двѣ ако не въ иномъ мѣстѣ на земли. инутоже бо Іерл҃ма зде честнѣише е҃.

31. Св. Василіа великаго: како должен е҃ благословляти оклеветуемыи, или что молити похуляемыи.

32. Аще овъ убие будет много, овъ же мало. како глаголють быти конець муцѣ мучимыимъ.

33. Что е҃ реть и что е҃ раздраженіе.

34. Преподобнаго отца Никона о причащеніи.

35. Тогож Никона о снѣх и суетных откровеніих и бѣсовскых мечтаніих, и знаменнех и чютворени҃ сатаниискых. и тавы҃ и паки подобнѣ аже но истинѣ отъ Бога, в бываемаа и ако уродьство и прочаа подобныа образы аже нѣцыи от отець сдѣаша, нынѣ възбраниша та оци ако смотрителнаа а не обдержна, да не бывают. и о иных винах нужных, посланіе 38-е.

36. Св. великаго Василиа. ако нужно е҃ еже особити҃.

37. Вопросъ и отвѣтъ: аще подобает отлучившемуса преобидиѣ имущиих о заповѣдех Гн҃их единьствовати о себѣ, или съ единомудрьиею братиею и тѣжъ разумъ благочестно преимущими жити.

38. Св. Василіа великаго: а) Аще подобает пръвѣе отрещи҃ всѣм и тако приступити, еже по Бозѣ жительству.

б. Аще нужно е҃ хотащому бл҃гочьстивѣ жити, еже въздержати҃.

в. Что е҃ мѣра вздержаа.

г. Кый образъ и въ снедех урежение.

д. Како достоит о сѣдалищих. и възлеганих въ время обѣда и вечерен имѣти.

е. О еже съ возношением или роптанием дѣлающому.

ж. Каково мудрование должен е имѣти настоян, в них же заповѣдует или завѣщавает.

з. Съгрѣшающаго же како обратимъ.

и. Аще и о малых согрѣшениих утѣсняет братию глагола настоян яко должни есте покаяти. еда како разоряет любовь немилосердъсын.

і. Откуду глумление и помышлениа, и како та исправим.

к. Откуду ночнаа мъчтаниа неподобнаа бывают.

л. Какову другъ другу достоит имѣти любовь.

м. Которым образом возможет кто исправити. ко искрънему любовь.

н. Даже до коих глаголъ празнословие судитса.

о. Что е оукоризна.

п. Аще настояща оклеветает како тому в нем (какой тому будеть судъ).

р. Како убо кто не побѣдить иже в снѣдех любосластием.

с. Како отсѣчем страсть похоти злыя.

т. Како обличает человѣкоугодник.

у. Како познаваеть гордыи и како врачюеть.

ф. Что е смѣреномудрие и како то исправим.

х. Аще подобает чть искати.

ц. Како послушат подобает друг друга.

ч. Даже до колика послушати подобает в правилѣ же еже к Богу благоугожение.

ш. Лѣнивыи к заповѣде. кым образом възможет тщание приати.

щ. Не извѣствуяися е повседневныхъ завѣщаних къ предлежащеи заповѣди. Художство ж навыкнути изыскуа, коею страстию недугует, и аще подобает его терпѣти.

ъ. Тщивым к заповѣди и дѣлал не еже заповѣдаем бывает но еже сам хощет, кою мзду имат.

ы. Аще лѣпо ѐ комуждо отрицати врученаго дѣла и ино взыскати.

ь. Аще повинен будет братъ, и сопротивъ речет. послѣди ж о себѣ поидет: что есть.

ѣ. Аще достоит отходити камо безъ вспомянутиа настоащаго.

э. Како должни сут дѣлающеи прилежати о ввѣреных имъ съсди.

ю. Аще от невреженіа погубит или от преобидѣниа чрезъ потребы приимет.

я. Аще от себе даст кому или возмет.

ѳ. Како исправлает кто въ молитвѣ невысимое.

ѵ. Кою мѣру власти имат в строительствѣ ввѣреным. и попеченіе келарное.

аа. Како сподоблает кто дха стго быти причастник.

бб. Аще отину смѣати неалѣт ѐ.

вв. Како все в славу Божию творит кто.

гг. Како асть кто и пиет во славу Божию.

дд. Како убѣжит кто страсти человѣкоугодиа. и ѐ облюдовати аже от человѣкъ похвалы.

ее. Аще кто во умѣ въспомянет еже асти тā зазрит себѣ аще и тѣ ѧ̄ попекса сужен будет.

жж. Каковѣ страхо, или кыим извѣщеніе. или кый устроеніе подобает причащати тѣла и крови Хвы.

зз. Что ѐ еже соблазнити, и како от того ухранимся.

39. Его же словеса ко иже иночьское житіе постниствующій. к главизна. л. ти. а) Пресловие. б) О помыслѣ настоателства. в) Колицѣми образы лукавии помысли въ души съставлають. г) Ако недостоить женскыа беседы безъ хранена творити. д) Ако достоит противу силѣ телеснѣи умѣрити въздержаніе. е) Ако лѣпо ѐ постнику дѣла ухытрати подобающаа. ж) Ако неподобает часта творити происхожениа. з) О кротости и мовеи. и) О мудровании вѣрѣ же и

надежи. і) Къ сущим в опщем житии под правилом. к) О послушании исполненѣнше. л) Ако и худаа от дѣлъ изволати лѣпо ѥ постнику. м) Ако неподобает своа упражнениа имѣти постнику. н) Ако неподобает настоащему отеческою приазнию, аже о послушникох устроати. о) Ако неподобает дружбам быти въ братствѣ. п) О благовременьствѣ словесъ и смѣхотворении. р) О послушании избраннѣ. ако неподобает съ всѣми человѣки без схранениа спребывати постнику. с) Ако неподобает не сставным подаати дерзновениа. т) Ако приучетьничества или настоателства никако же желати лѣпо ѥ. у) На тщеславны. ф) Ако неподобает сродникам или житенским бесѣдовати. х) Ако неподобает братства отсѣцатиса. ц) Ако неподобает взыскивати чьсти. ч) О сънѣдьнѣмъ невъзношении. ш) Ако совершенѣнших ничто же происхожение вредит. щ) Ако неподобает о одежа упражнатиса. ъ) Ако подобает настоащему противу силѣ заповѣдовати. ы) Ако недостоит скорбѣти немощнѣншим щадѣниа сподоблаемом. ь) Ако неподобает отступающим дерзновениа подаати. ѣ) Ако недостоить постнику особо стажати что от вещныхъ.

40. Слово его же, како достоить инокои быти нестажателни.

41. Того ж показание отверженна житиа и съвершении духовнѣмъ.

42. Послание его же къ иночествующим.

43. Елика на трапезѣ запрещенна разлучных сты.

44. Блаженнаго Нила черноризца послание къ Харикліню презвитеру. сурово нападающю на согрѣшающа, и глаголющю не довлѣет на покаание исповѣдание устенъ. аще и дѣла постническаа будуть.

45. Стаго Максима, сказание разсудително. кто ѥ праведенъ. и кто преподобенъ и кто непорочен и кто стъ.

46. Тѣ Злаоу. приведше Павла поставиша на архиерѣдѣ.

47. Святых Апостолъ правило 17-е.

48. Изъ Лавсаика объ Аммоніѣ.

49. Великое повечеріе.

50. Св. Исидора Пелусіота о днѣ Христова воскресениа.

51. Уни ї оуставъ свтых аплъ и сты оць, како подобаеть всякому православному христианину держати.... о праздницѣхъ и о постѣхъ и колѣнопоклананьихъ и о пѣтьи и о молитвѣ.

52. О праздницѣх указ, по мѣсацослову.

53. Слово Іоанна Златоуста о стра Бии и о покаянии и о по и о срѣ и о пат.

54. Изреченія: како люба дшю свою погубит ю. о смерти, гдѣ е Хс, и о грѣсѣ къ смерти.

55. Церковный уставъ на постъ Св. Апостолъ Петра и Павла, съ надписью: сия написа съ сущаго Сербьскаго гла из самыя горы стыя.

56. О постѣх свщенных и сты аплъ Кур Харитона.

57. Уставъ о Благовѣщеніи, о патках великых, о Въздвиженіи Чтнаго Крта, о постѣ Рождества Христова, сказание о препра Рожьства Хва и Богоявленія, на Срѣтеніе Господне, Обрѣтеніе главы Предтечевы и уставъ о съборнѣ съгласіи.

58. От правил сватых апостолъ о книгах их же подобает чести и въниматн и их же не вниматн ни чести.

Предложимъ здѣсь нѣсколько мыслей изъ посланій Преподобнаго Никона. Церковная исторія умалчиваетъ о семъ писателѣ и писаніяхъ его, [33] между тѣмъ какъ онъ на Востокѣ въ Антіохійской Церкви, имѣя, какъ самъ выражается, служеніе слова, [34] пользовался въ свое время большимъ уваженіемъ какъ наставникъ иночествующихъ и знатокъ церковныхъ каноновъ, почему монастыри тамошніе часто обращались къ нему за совѣтами, которыя онъ сообщалъ имъ въ своихъ посланіяхъ. Патріархъ Антіохійскій вызы-

---

[33] На прим. Moshemii Instit. Historiae Ecclesiasticae. Helmst. 1764 an. Начертаніе Церковной Исторіи. Спб. 1823 г. Hofmanni Lexicon Universale. Lugd. Batav. 1698 an. Catalogus Alphabetico-Chronol. Ecclesiae Patrum, Scriptorum Eccles. et cet. Petrop. 1837 an.

[34] Преподобнаго Никона 11-е посланіе. Такъ же посланіе 38, гдѣ онъ пишетъ: Служение ищущу (имѣ) от сборныя церкве Патриархиа Антиохиискыя и всего въстока.

валъ его къ себѣ, для проповѣданія слова Божія или учительства [35] и хотѣлъ облечь его въ санъ священства и возложить на него другія высшія церковныя должности, но онъ отрекся отъ сего, [36] и постоянно упражнялся въ сочиненіяхъ, и какъ пишетъ о себѣ: [37] **люботрудиеса собрах божественная писания, ѕаконы же Божия и божественная правила святых соборъ.... и от самых паки градских ѕакон, прежде же всѣх ѕаповѣди Господня и толкования ихъ.** Эту книгу Преподобный Никонъ назвалъ **Образникомъ** или **Типикомъ**, [38] и она одобрена была Антіохійскою Патріархіею. Еще съ большимъ одобреніемъ и даже восторгомъ была принята тамъ другая книга его, **обдержная душеполеѕных въображении и учении, собранныхъ от внѣшних и внутренних писании,** [39] подъ которою, вѣроятно,

---

[35] Преподобнаго Никона, посланіе 18-е. **Ако и азъ.... отидох от святыя обители, в нейже постригохся, но не просто тако благодатию Христовою. божественная бо правила и ѕакони Божии изгнаша мя.... изыде монастырь от повиновения святѣйшаго Патріарха.** См. прим. 34-е. Также посланіе 38-е, гдѣ Препод. Нилъ, сказавъ, что онъ отрекся отъ священства, присовокупляетъ: **Довлѣем писанием, еже ныне повелѣтельное Патріархово на учительство.**

[36] Его же посланіе 18-е. **Но егда изыде монастырь от повиновения святѣйшаго Патриарха и впаде в непокиновение и въ свою волю.** Посланіе 38-е. **Обаче и святѣйший наш Патриархъ Антиохийскый Киріо взыска таковыя книгы (его) сико бѣше, и даны бышя ему вся. взыскано же бѣ прощение обдержьно от писавшаго книгы (Пр. Никона) о вине, ея же не послуша святаго патриарха о поставлении священьства и подобных превъсходящих того (его) въ яже вручаше и повелѣваше ему Патріархъ.**

[37] Посланіе 19-е.

[38] Посланіе 38 е. **И первѣе убо послахъ въ** (въ соборную церковь Патріархіи Антіохійской) **въ обраѕникъ рекше типикъ. и испытавше то възпосла (къ Пр. Никону) едни от болших святѣйших Митрополитъ послание.**

[39] Одинъ изъ старшихъ митрополитовъ Антіохійской Церкви писалъ къ нему.... **Проидох ту (книгу) и ужасенъ от сущая въ ней благодети бывъ нудихся играти и скакати. и рукама яко же нѣкыма крылама на въздусѣ хотѣх быти и лѣтание якож к тебѣ сътворити.** Посланіе 38-е. Самъ же Патріархъ писалъ къ нему о его твореніяхъ: **Приях и писание и книгу честнѣиши отчѣ и ісприях ѕѣло любов твою и паче яко ты самъ молишися о нас же, и всей церкви и инѣхъ се творити понуждаеши. Никогда же убо не оставлаи доброе**

надо разумѣть книгу посланій его въ описываемомъ нами Сборникѣ. У насъ въ древности въ обителяхъ слова Преподобнаго Никона были также любимымъ чтеніемъ и часто переписывались вполнѣ, или въ сокращенномъ видѣ, а изданы въ свѣтъ въ печати въ первый разъ въ Острогѣ въ 1640 г. Потомъ перепечатаны раскольниками въ Почаевѣ въ 1795 г. [40] Но теперь изданія эти рѣдки и посланія Преподобнаго малоизвѣстны.

1. Въ 5-мъ посланіи своемъ Преподобный Никонъ объ обязанностяхъ мірянъ и иночествующихъ и о прощеніи грѣховъ пишетъ: **Исперва убо насажается всак христианин от сватаго крещения и обѣщавается Богови схранити три сиа, ако же тамо рѣчию глаголет, ако отрицаю сатаны и всѣх дѣл его и вса службы его и всего студа его. Се ради трих речен сих непщуемых малѣ, всего ветхаго и тлѣющаго человѣка отрицается, и обѣщавает новаго и обновлаемаго к живот вѣчны. точию мира и иже миру подобающих и възводащих ко благоуженiю Божию не обѣщавается отрещи, ако немощно е мирянину человѣку и в житеиских живущу отрещи сих. но заповѣди Христовы истазуется съхранити, и аже обѣща на крещеии.... И обаче паки во иночестем жителствѣ, инокъ всачески обѣщает и выше заповѣден Христовых творити. скершенное от мира умерщвление и распатое жити житие, и аще хощеши проути брате мои молитвеникъ и виж оглашение и обѣщаниа аже обѣщался еси Богови внегда пострижеся и смотри опасно сиа и проути часть же и съ разумомъ. и обращіеши и навыкнеши что подобает ако иноку и**

се дѣлание полэзующее всако и тебе не мнее акоже азъ мню многых к постничьствѣ трудовъ елма глава убо исправлением е любовь. тоа же знамение не мало, еже топле молитис о иже в потребѣ сущих божественнѣа помощи, аковы же есмы мы к нынѣшнем часе времени. Двѣ женизѣ, их же вспоминаше писание твое, у нас сутъ възпоминание любве твоеа и показание еже о добрых трудолюбиа. възмем же и другую от протонотариа, егда потребу свою исполнит. Честиаа молитва твоа да дароваиа будетъ намъ. прощеніе же, еже поискаль еси, имаши убо от нас, да даст же ти то и человѣколюбець Богь в нынѣшнем же и в будущем вѣцѣ. Тоже посланіе.

[40] Воскр. Чтеніе 1849 — 1850 г., стр. 229.

что истазуем еси схранити.... Такоже и мирянинъ да проуетъ аже на крещени обѣщаваемая яко же предрехом и самыя заповѣди Господня. Аще и та, аже обѣщахомся небрежем и в нихъ нѣкых добродѣтелех упражняемся, не вѣмъ что рещи. Богови единому вѣдома сут таковая. Обаче аже обѣщахомся Христови, истазани будем в коемьждо обѣтовании, потомъ же аще каще кто принесет Богови даръ в постниуьствѣ телеснем и душевнем, приемлет по достоинству въздаание от Бога, яко ж и многи от отець створиша, иже в иноуьствѣмь подобни являшеся жительствѣ. Також иже в мирѣ благоугодиша Богу, и обаче не тоуию инощи, но и мирьстии, свершеныи христианства разумъ лѣпо е҇ мудръствовати. глаголет бо божественныи Златоустъ в толковани еже от Матѳея яко слыша каково е҇ володозныхъ Скифъ житие подобно пастѣвнымъ нищиим пребывание. Сице христианом жити достояше. обходити вселеную боряшимся с диаволом. плененыя избавляющим, иже от него держимыя, и всѣх премѣненым быти житейскых. О прощеніи же первых твоих грѣхов яко же реклъ еси. аще хощеши разумѣти яко Богъ простилъ та е҇, многи обрѣтаютъ въ божественѣмь писании показующая нам. И первѣе убо, еже по Бозѣ смирение и скрушение серца. не отуасти но всяуескы отнюд. иское помыслом мудрование, присное и свершеное, их же кромѣ ни покаяние ниже иная якова любодобродѣтель исправляется, аще не се основание имат, яко же и Господь въ блаженьствиих первѣе се҇ положи основания рекъ, блажени нищии духомъ и тогда науатъ блаженства и проуая божественыя заповѣди. И сего ради яко же рекохом, кромѣ смирения прощения грѣхом не бывает ниже ино уто исправляется.

2. Въ 8-мъ посланіи къ Ефрему о различіи любви онъ пишетъ: Духовныи мои отче. Послахом тебѣ первѣе вькратцѣ тѣмно мало послание. нынѣ же пространнѣише молим аже о Господи любовь твою, яко да не в мирстѣи и плотстѣи любви упражняемся, в неи же разбоиници и гробокопатели и сим подобии упражняются и съгласуют купно и любят друтъ друга, къ отвержению законъ Божиихъ и работѣ сатанѣ. но в иже о Господи любви божественѣи

упразнимся, яко же и святыи Василие в посных своих глаголет, яко не въ человѣческая подобная достоит любити искрьнаго, но по Бозѣ, еже к Богу благоугожении на ползу комуждо. Съ уставъ таковыя любве, аже божественное писание в похвалу полагает, и бж҃ественыи Іоан Златоус҃ и вси божественнии отци уставиша быти, и обаче дѣлом сиа Господь наш показа нам и научи, яко сын свершен Богъ и свершен человѣкъ, тѣмъ ниже плотскую любовь аже в мирѣ проходящеи, не вмѣстиша҃. но спротивлающе҃ завистию и злобою по многых первѣе и разлиуных поруганиих, послѣж крестъ и смерть на нем показаша. Симь образомь и ученици его пострадаша за любовь его, подражавше того послѣдоваша ему и пораду ж вси святии мученици, святители же и преподобнии и прочии же по миру быша и приближающе҃ симъ, и аже къ Богу любовь и къ искрьнему имѣвше, мирстѣи и плотстѣи любви даже до смерти спротивиша҃. Аще ли множицею случится оскорбити и оскорбити҃ или съблазнити и съблазнити҃ не плотскыя ради якоже и плотская мудръствующеи. но яко же святыи Максимъ глаголет, яко любяи Бога не оскорбляет ни оскорбляет҃ на кого временных ради. единою скорбию и оскорбляет и оскорбляется, спасеною, ею ж и блаженныи Павел оскорби Коринѳѣны и оскорбися. Вѣсть бо аже по Бозѣ любовь не лишати искрьнаго еже аще стяжет или чювствено или разумно. Имать же зде на четыре образы от расмотрениа божественыих писании обрѣтают҃. на нравную же и естественую и на плотскую и духовную. И нравная убо яко же рече божественыи апостолъ, не помышляет зла на любимаго, или добръ е҃ или золъ. И смотряи сиа отче съ опаство҃, да не како не правѣ апостолово разумѣем. и ради спротивныя любве от еже любити кого зла҃, в стремнину запиемся съотводими любовию его, от еже не помышляти зла нань. Но апостолово слово разумѣвающе правѣ, тому послѣдуимъ, а добродѣтелнаго възлюбим, яко да наставлени будем обои в благоугожение Божие. Паки естественая любовь, яковаж родителиаа къ своим чадом е҃, и та паки убо подобна нравнѣи, разствует обаче в нѣкыих и в нѣкаа времена и винъ ради нѣкыих измѣнение приемлет, и убо сиа сматряти достоит и познавати. Плотская же

рекше мирскаа вздаателна е҃, аже можеть и можеть҃, дает и приемлет, почитает и почитаеть҃, и егда сиа не бывають или въ имѣниих или въ волѣх, престает таковаа любовь и в ненависть абие обращаеть҃. Духовнаа же отксюду свободна е҃ и не свазуетса от последующихъ злыхъ винъ, но свазуеть҃ к любивомому, доидеже душевную ползу блюдет. Егда же душевныи вред виникнет, абие от того и таковаго любимаго ако от змиа бѣгает. ако да не любовным съузом свазании обои погибнут, но ако же Господь о сем глаголет, ако уне е҃ да един от удъ твоих погибнет и проуаа. сему вси отци послѣдоваша».

3) Въ 14-мъ посланіи къ мниху Кvръ Θеодосію пресвитеру, Преподобный, относительно обязанностей священническихъ, приведши 88-е правило св. Апостолъ, ако епископъ или презвитеръ нерадаи о причтѣ или о людех и не наказуа тѣх благочестию, да отлучитса, пребываа же в лѣности да извержетса, разсуждаетъ: Видиши ли отче мои колику имат бѣду не точию о нихже имат въ исповѣди. но и о всѣх о них же священьствует, обаче в любви наказовати подобает, а не мучительскы ако же внѣшнии страшити, глаголет бо к҃з. правило сватых апостол, ако епископа или презвитера или диакона биюща вѣрныа съгрѣшающа или навѣрныа неправдующа и сихъ ради страшити хотаща, извреши повелѣвает. Никакоже Господь сему нас научи, спротивнѣ ж сам биемь не биаше, оклеветаем не всклеветаше, стража не прещаше. Блюди отче мои божественое правидо како повелѣвает быти наказанием, ако же божественыи апостолъ глаголет, ако обличи. запрѣти. умоли. а не бии, и ни худо нѣкое поругание или бесчестие повелавают на нѣкоего глаголати, рече бо н҃з правидо тѣх же ст҃ы апостолъ: аще которыи причетник хрому или слѣпу или стопами уазвленому поругаетса, да отлучитса, також и мирскыи человѣкъ: и зде убо так. Аще ли хощете да речем что и ваще: священическыи фелонь образныи обдержителныи имат разум, акоже имат толкование. ако сего ради покрывает священника отъ горѣ до долу не имѣа рукавъ, свершено в мирскых не дѣание авлаа. И что множае речем: тѣ самыи епитра-

хиль е ако же и Господа свазана за выю отведоша не кресть, сице лѣпо е бытн священнику.... И ина многа подобна отче мои въ божественых же правилѣх и въ иных всѣх лежат писаних о опасствѣ священниковъ. И преже всѣх, еже кромѣ божественых писании отнуд не смѣати учити ни мало ни велико, понеже ако сватотатець судится, акоже рече великыи Василие в постных своих, како достоит быти учителю, и заповѣдание его и мудрование глаголет. ако к Богу убо, ако служител Христовъ и строител таинамъ Божиамъ. волса да не что ресъ волю Божию, иже въ божественых писаних исповѣдуемую, или речет или вообразит и обращеть лжесвидѣтел Божии и сватотатець, внегда привъводит что чужде Господина учительства или оставити что от угодных Богу. к братии ж акож питателница грыет своа чада, благовола подати комуждо по угодному Богу.

4) Въ заключеніе выпишемъ еще нѣсколько мыслей изъ послѣдняго въ нашей рукописи 38-го посланія Пр. Никона:

а) О снахъ. Приведши слова Іова: рехъ, ако утѣшит ма одръ мои, възглаголю же к нему особь слово на ложи моем, устрашаеши же ма сънием и въ видѣниихъ ма ужасаеши, въ изъясненіе оныхъ Преподобный представляетъ толкованіе Олимпіодора [41] и Златоустаго, изъ коихъ первый говоритъ.... Мню диаволу мечтаниа нѣкаа показующу устрашити его (Іова) во снѣхъ. блаженыи же сѣ, не у извѣщение прием, ако испрошен бы диаволом, мнить Бога сиа мукы наносити ему; послѣдній: И се убо диавола дѣиства бѣ. ничто же бо Богъ тому наведе. Потомъ, представивъ опять изъ Іова слова Еліусовы: Въ еже бо единою глагола Богъ. второе ж въ снѣнии в поучении нощнѣм есть егда нападает лют страх человѣком на вздремааниих и на ложи, тогда открывает умъ человѣкомъ, Пр. Никонъ приводитъ толкованіе на оные изъ того же Олимпіодора....

---

[41] Писатель VI вѣка, собравшій мнѣнія и толкованія св. отцевъ и церковныхъ учителей на книгу Іова. Трудъ его извѣстенъ подъ названіемъ: «Catena in Jobum». Mosheim. Instit. Historiae Ecclesiasticae, pag. 220.

Благодѣтель наш Богъ повелѣ убо нѣкаа и всѣа нашему естеству, аже и хранити должни есмы.... Аще ли в нѣчьсомъ съвратимся, ако отець чадолюбивъ множицею нас сънием наказует и мечтаними поучными. Понеже бо естественыи не сохранихом закон, наказателными е егда страхъ наносит сънием в поучении, сирѣчь в бесѣдовании твора нѣкаа въ снѣ устрашающаа души, и сими устрашеними обращаа, открывает ум человѣком, рекше въздвизает и в чювство приводит Божие.... Далѣе Преподобный приводитъ разсужденіе Василія Великаго, что снобомъ всѣмъ вѣровати не безбѣдно е, развѣ точию онѣмъ единѣмъ, иже Богомъ открываемымъ намъ.... и что Богъ ничтоже възаконѣвает нынѣ человѣком сънием и откровении спротивными и странными от святых писании. но заповѣда нам святыми писании о угодных ему, та всяко и откровении сказует в них же хощет. И наконецъ дѣлаетъ такой выводъ о снахъ: Обаче чистѣ и зде глаголет (Васил. Вел.) ако бывают в нѣкыих и Бога откровениа въ снѣх, и другаа паки спротивна. Сице паки другыи писатель о семъ чюднѣ протолкова глагола. ако како имамы се рещи. аще всячески отвержем сна вся, но имамы от Бога о сих откровения видящих. аще ли паки вся вѣруем, имамы паки иже та вся свершенѣ вѣрующих, и от съпротивных въ аму низвержен ых....

б) О хартіяхъ (жребіяхъ), полагаемыхъ на престолъ. Разсказавъ, что въ одномъ пресловутомъ монастырѣ была распря при избраніи игумена, одни хотѣли того, другіе иного, наконецъ одни взявше его же хотаху, пошли к царю, а царь, недоумѣвая, кого избрать, повелѣлъ судіи, якож человѣци имут обычаи, положить писанія во св. олтарѣ, и вышло имя того, кто былъ приведенъ къ нему, но что и оставшіеся въ монастырѣ сдѣлали тоже и получили имя того, кого они хотѣли, Преподобный разсуждаетъ: И о таковых, что имамы рещи; Обаче ако же писано е, ако кождо прилачится и прелщается от своея похоти. и по отступлению Божию попущаемъ е кождо от своея воли. и на куюждо вещь сбываеть ему ако же тѣ хощет. ими же судьбами Богъ вѣсть единъ. И ради сего многа болзнь нам предлежит от прелщения волнаго. и видимъ

таковыхъ, якоже и выше рѣхом о сих, аже нынѣ бываемаа. яко не несвидѣтельствована сиа приемлем. но по подобию сватых писании. И въ исраилтох во сице бы. внегда ꙁакоснѣти великому оному моѵсеѵ. нужаху людие аарона якож възрастоша въ египтѣ дати имъ Бога. Тѣ ж ааронъ хота възраꙁити тѣх до времени, якоже сѐ не нынѣ ꙁлата или сребра, ти же идолослуженнем недугующе, принесоша вса, и та в горнило вложьше. иꙁыде по попущению Божию по тѣх воли, яко недугующем идолослужениемъ....

в) Объ юродствѣ: **И о уродствѣ якож и прежнии отци сътворишна, съмотрительно бѣ, а не обдержително предание, но паче и на соблаꙁнь всѣм и на вред. И ради сего якож и в житии сватаго Симеона уродиваго Христа ради пишет о съблажнающихсͣ, яко помолиса Богу, яко да ни к грѣх вмѣнитса имъ. Сего ради сватыи соръ отреченнѣ повелѣ. яко да нынѣ не бывает.**

XIV. **Сборникъ, отъ Никонскихъ правилъ,** въ 12 д. л., писанный на бомбицинѣ, полууставомъ, чернилами и киноварью, въ доскахъ, обтянутыхъ бѣлою тисненою кожею; прежде былъ съ двумя на ремешкахъ мѣдными застежками на спеньки, которыхъ нынѣ не имѣется; состоитъ изъ 192 л.

Принадлежность сей рукописи Пр. Кириллу очевидна изъ двухъ древнихъ надписей на ней, одной на обрѣзѣ уставомъ: **Правила ѷ.**, другой на первомъ бѣломъ листѣ, уставомъ же: **Преподобнаго отца нашего Кирила,** и скорописью: **от Никонских правилъ.** Тутъ же еще написано внизу страницы киноварью полууставомъ **Правилца ветхы.** Нѣкоторые думаютъ, что она писана самимъ Преподобнымъ.[42] Годъ написанія неизвѣстенъ.

Хотя рукопись эта называется въ надписяхъ на ней и въ древнихъ монастырскихъ описяхъ **Книгою отъ Никонскихъ правилъ,** но въ ней содержится изъ посланій Пр. Никона только одна небольшая (5-ть листиковъ) выписка изъ слова его, подъ заглавіемъ: **Слово от книг Преподобнаго отца Никона о иже не-**

---

[42] Поѣздка въ Кир. Бѣл. монастырь проф. Шевырева, ч. II, стр. 18.

достоинѣ свѧщеньствуа, составляющая первую статью книги, а все прочее собрано изъ разныхъ писаній, и состоитъ въ слѣдующихъ статьяхъ: 1) О запрещеніяхъ по словамъ Евангельскимъ: аще согрѣшитъ братъ твой предъ тобою и проч. 2) Изъ Исаака о дружбѣ съ юнѣйшими, о памяти смертной и о покаяніи. 3) Предсловие покаанию правило свѧтых оць сборных всеа вселенныа. 4) Эпитиміи по правиламъ св. Апостолъ и св. отецъ (здѣсь есть правила, по видимому, сочиненныя самимъ собирателемъ книги, только на основаніи Св. Писанія, какъ на примѣръ: Апостолъ Павелъ заповѣда намъ глагола, аще кто въ кр҃ именуетсѧ блудникъ, ли прелюбодѣи, или рѣзовникъ, ли грабитель и мздоимець, с тацѣми не асти ни пити. всѣх же дѣлъ злыхъ горше блудъ. всакъ грѣхъ опрнуе тѣла есть, а блудай свое тѣло скверинть.... Женитва бо в закон нѣ грѣха а любодѣемъ и прелюбодѣемъ судить Богъ.... а многоженние от поганых пошло есть. Аще бы Богъ взаконилъ двѣ или г҃. жены поимати. то адаму бы г҃. жены создалъ и т. п.). 5) О должностяхъ священнаго сана, касательно совершенія богослуженія вообще и въ частности таинства евхаристіи, чистоты жизни и т. п. подъ заглавіями: а) Поученна стхъ апл҃ъ, б) се заповѣди Іѡ Постника, и в) сбора Сардинскаго правило (подъ этимъ названіемъ помѣщено 38 правилъ). 6) Вопросы и отвѣты Константинопольскаго собора, бывшаго въ присутствіи Русскихъ Митрополита Максима и епископа Сарайскаго Ѳеогноста. 7) О томъ, что незазорно инокамъ причащаться отъ руки мірскаго священника. 8) Поученіе Архіерейское Новопоставленному священнику при отпускѣ его къ своей церкви, которое Архіерей, написавъ своею рукою на свиткѣ, читаетъ ему и потомъ кладетъ на престолъ и велитъ взять оттуда священнику. 9) Правило їересмъ, иже не облачатсѧ во всѧ свѧщенныа ризы или не разумнемь или гордостию или лѣностию. 10) Слово Малахѣа пророка о волхвовании (это расказъ объ Озіи царѣ, посылавшемъ, во время болѣзни своей къ жрецамъ, Вила спросить, будетъ ли онъ живъ, съ замѣчаніемъ, что св. Апостолы и св. Отцы

прокляли на семи соборахъ волхвованіе). 11) Правило 20-е Никейскаго собора о непреклоненіи колѣнъ въ недѣлю и во всю пятидесятницу. 12) **Иꙁложеније рекше вспоминание бывшаго церковнаго съединениа при Костантинѣ и Романѣ.** 13) Правила о троеженцахъ и о кровосмѣшеніи. 14) Правило св. Апостолъ о священномъ чинѣ: 9, 27, 30, 39 и правило о непощеніи въ дни недѣльный и субботній, правило о властяхъ, не извѣстно чье, 55-е правило Апостольское, правило о томъ, что святители и пресвитеры обязаны учить народъ; правило о святотатцахъ; заповѣдь о почитаніи царя; правило о благочиніи на бракахъ и пирахъ; правило о томъ, что новопоставленнымъ клирикамъ не должно по посвященіи учреждать пира; правило, запрещающее родителямъ оставлять дѣтей безъ воспитанія извѣтомъ воздержанія; правило о недопущеніи малолѣтныхъ въ свидѣтели, и 40 правилъ шестаго вселенскаго собора **о постѣх, их же сборнаа церкви предасть православнымъ Хр҃тьаномъ**, именно: правило св. Апостоловъ 69-е, потомъ **от Лавсаика**, изъ правилъ Гангрскаго собора и изъ св. Василія о невоздержаніи. 16) Слово св. Іоанна Златоустаго о брашнѣ и питіи и о молитвѣ. 17) Правила о черницахъ и 10-е правило св. Саввы о томъ, можно ли служить не спавши, но пообѣдавши и вечерявши. 18) Отвѣтъ св. Николая, Патріарха Константинопольскаго, на вопросъ Іоанна Молчальника Аѳонской Горы касательно брата, который, не зная церковныхъ законовъ, прощалъ на исповѣди великіе грѣхи безъ эпитиміи. 19) Отвѣты Никиты, Митр. Ираклійскаго, на вопросы Константина Памфилійскаго о томъ, можно ли не схимнику пресвитеру постригать другаго въ схиму и можно ли служить схимнику? 20) О четырехъ степеняхъ покаянія. 21) **Слово божественое о покаании.** 22) Отвѣтъ Ѳеодора Сикеота на вопросъ церковниковъ, почему онъ **отмещется мытиса** въ тотъ день, когда причищался; замѣчаніе о томъ, почему **чернцы и попове туго превазуются** (о препоясаніи); правило св. Апостоловъ, запрещающее принимать въ клиръ раба безъ воли господина его; **сказаніе о обраꙁахъ** грѣховныхъ; **сказаніе** о соблазняющихся во снѣ. 23) Толкованіе притчи о впадшемъ

въ разбойники; о томъ, что вступающіе въ монастырь необходимо должны нести на себѣ крестъ Христовъ и упражняться въ терпѣніи, и о томъ, что посвятившій себя Богу не долженъ, подобно Ананіи, измѣнять обѣта своего; изреченіе св. Апостола: **малъ квасъ все тѣсто квасить**; мысль, что неправедное собраніе все имѣніе и душу погубляетъ; истолкованіе словъ свят. Григорія Богослова: **Не будемъ продатели Христу, ни будемъ купцы Христу**, и отъ **Зерцала** о томъ, что совершеніе тайной жертвы не приноситъ никакой пользы согрѣшившимъ грѣхъ къ смерти. 24) Св. Василія о причащеніи: **въпро͡с аще достоит несущу священнику рукою своею кому причащати͡**, и отвѣтъ. 25) Вопросъ о томъ же св. Луки Стиріийскаго и отвѣтъ Митрополита Ворефіійскаго, . и 26) замѣчаніе касательно употребленія св. воды Богоявленской и Августова освященія.

Изъ сихъ статей особенно замѣчательны по содержанію двѣ предпослѣднія. Въ нихъ положительно разрѣшается вопросъ о причащеніи иноку и даже мірянину, въ отсутствіе священника, самому себя и дома св. дарами, освященными и полученными отъ сего послѣдняго. Вотъ эти два отвѣта:

1. Отвѣтъ Василія Великаго:

Въпрошение се отвѣта не требуеть. авлено бо есть по древнему обычаю, и дѣломъ самѣмъ о семъ увѣритиса. вси бо иноци по пустынахъ единствують, идѣже свѧщенника нѣсть, свѧтое причащеніе в келиах съ собою хранаще, сами причащаютса. Во Александріи же паче и въ Египтѣ, кождо и от простых людіи множайше причащенна имуть в домѣхъ своих, и егда кто хощеть, причащаетса самъ. Единою бо жертвѣ свершенѣ бывши свѧщенником, и данѣ комуждо. и пріемше единою от свѧщенника и причащающеса, ако и от самаго свѧщенника причащаютса. И тако должно есть вѣровати, понеже бо и въ церкви свѧщенникъ даеть часть тѣла Христова, і приимшіи держать в руцѣ своеи всакою властию, и тако приношают к устомъ своимъ рукою своею. Тождь бо есть сила, или едину часть приати от свѧщенника или многа и купно имѣти на многа времена.

2. Отвѣтъ митрополита Воренфійскаго:

Въпроси святыи Лука Стирїнскыи митрополита Коренфинскаго глагола. Владыко святыи нужу имам, ако да приуащаюся Божественымъ таинамъ по преданию святыя церкви. ї растоание путное есть от церкви много. и молю та прости ма да имам святаа да са приуащаю имъ. и отвѣща, добро есть. не добро бываеть, егда не добрѣ ҁавѣщается. испроси от первосвященника мѣстнаго. или от духовника си. святое приуащение и приими сие со страхом и трепетом и со всякѣм стыдѣнием и съблюдениемъ. и егда хощеши приуастится украси тщицу уисту и постави ю пред святыми иконами, а верху еа простри плат даровныи, и тако постави святаа со артофером и с лавидою. понеже святыи агнець съедїненъ есть съ животворною кровию от священника на святой трапеҁѣ сего ради святаа глаголются. и коиуавшу ти канонъ. поклоны глаголю и молитвы святаго приуащения. воҁжи свѣщу и покадивие лобҁаи святыи иконы, и створи прощение и рци вѣрую въ единаго Бога отца. и веуери твоеи таинѣй днесь. и тогда преклонся, приими своею рукою. и приуастися божественых таинъ и глаголи г҃. аминь. аминь. аминь. и вҁем уашицу с вином или водою вкушаи. г҃. И да есть уашица та на се въ схранение тако ж и дщица предреуенная. И свершившу ти сию аколифию. рци достойно есть и уестнѣйшу Хѣрувимъ. и тако створи стихъ и прощение.

Нѣ͡с же се предано ко всѣм сѣдащим к пустынах. но токмо к нелѣстным. а свидѣтельствованом. и достоиным. и елицы имуть любовь со всѣми к терпѣние и смирение.

XV. Соборникъ, иначе Канонникъ, въ 12 долю листа, писанный на хлопчатой бумагѣ, полууставомъ, черпилами и киноварью, въ доскахъ, обтянутыхъ черною кожею, съ одною, по срединѣ книги, изъ красной мѣди застежкою на ремнѣ и мѣдною петелькою; въ немъ 198 писанныхъ листовъ.

Подлинность этой рукописи подтверждается: а) двумя старинными надписями, въ оной находящимися, одной на верхней доскѣ,

съ внутренней стороны по дереву, скорописью: **ветхая книшка чюдотворцова Кирилова**, другой надъ первою статьею, уставомъ: **Каноникъ Кѵрїлла**, [43] и б) частію самымъ переплетомъ и застежкою, которыя совершенно сходны съ показанными въ нѣкоторыхъ описяхъ XVIII и начала XIX столѣтій [44] у Соборника Пр. Кирилла. Впрочемъ, надо при семъ замѣтить, что рукопись, о которой мы теперь говоримъ, начинается не тою статьею, какая показана въ ней въ описяхъ 1601 и 1635 г.; [45] но эта разность происходитъ, вѣроятно, отъ того, что, по ветхости книги, первые листы изъ оной утратились, равно какъ и послѣдніе.

Книга сія содержитъ въ себѣ слѣдующія статьи: а) О обузданіи страстей и удаленіи отъ предметовъ, возбуждающихъ оныя, что необходимо для подвижника, и о трехъ важнѣйшихъ причинахъ паденія: славолюбіи, сребролюбіи и сластолюбіи ($1\frac{1}{2}$ листа). 2) Св. Нила о добродѣтеляхъ душевныхъ, тѣлесныхъ и о страстяхъ. 3) **Книги глаголемыя Стослов. избранныя словца от Исака и от Лѣствици. и от иных книг** (2 листка). 4) Послѣдованіе къ божественному причащенію, состоящее изъ увѣщанія о достойномъ приготовленіи себя къ оному и канона: **Княже душе Христа закалаема на божественѣй трапезѣ и не бесѣдуи окаянная прі-**

---

[43] Какая-то надпись находилась еще на верхнемъ концѣ обрѣза, но соскоблена и осталась отъ ней одна только буква: ч҃., означающая: Чудотворца; потомъ по подчищенному написаны теперь чуть-чуть видныя слова: **Соборникъ с каноны.**

[44] На прим., въ описи 1729 года она описана такъ: **Книга соборникъ от Исака с приписьми і с каноны.... в черной кожѣ посреди застежка мѣдная. ветха.** Тоже до слова въ описи 1802 г., стр. 161, N. 12.

[45] Въ описи 1601 г. сказано: **Книга соборникъ в начале от Исака;** а въ описи 1635 г.: **Книга соборник от Исака.... къ ней же и каноны в начале пишет аще помысаъ твой обличает та;** а наша рукопись начинается безъ всякой надписи, неизвѣстно чьими словами: **Б҃жиъ затворивыи уста своа от всакаго сладострастна, разлучающаго его от создавшаго,** и проч.

лѣжно с другы своими, и проч. 5) Канонъ Іоанна Дамаскина Ангелу Хранителю: Неусыпаемаго Хранителя души моей и предстателя животу моему. 6) Молитвы на всак вечеръ в кельи своей: Боже вѣчный и Царю всякаго созданиа. сподобивый мя, и проч. Господи Іс Хе сне Бжїи ради честнѣишиа матере твоея, и проч. Вседержителю слове ѡчее самъ совершеныи Бже Іс Хс. многаго ради милосердиа, и проч. Молитва Іоанна мниха къ св. Богородицѣ: Помощнице моему спасению Заступнице Владычице Бце. цвѣте процвѣтыи души моей Га нашего Іс Ха, и проч. Благаго Царя благая Мати, и проч. Възбраннои воеводѣ побѣдителная, и проч. 7) Молитвы на всак день въ кѣльи своеи по заоу. Слава тобѣ Бже нашь слава тобѣ. присно презря грѣхы наша, и проч. Молитва Св. Василія: Слава тобѣ Владыко человѣколюбьче. ако ничто же благо створих въ вчерашнїи день, и проч. К тобѣ человѣколюбче Владыко от сна въставъ, прибѣгаю, и проч. Бже очѣсти мя грѣшнаго, и проч. Господи Бже нашь. аще что съгрѣшилъ в нощи сеи, и проч. Пречистая моя Владычице Богородице, и проч., и молитвы Златоустаго кд.мъ чамъ дневнымъ и нощнымъ. 8) Тропари воскресные и инакои осьми гласовъ. 9) Канонъ молебный Пресв. Богородицѣ: Печалных наведениа обуревают смиренную ми душу, и проч. 10) Канонъ молебный Пресв. Богородицѣ: Многыми содержимь напастьми, и проч. 11) Краткія назидательныя изреченія. 12) Предание уставом, иже на внѣшней странѣ пребывающимъ инокомъ, рекше скитьскаго житїа. Правило о келейнѣм трезвенїи, и кажодневномъ пребыванїи еже мы прияхом от отець нашиⷯ. 13) О еже не презирати иноку своего уставленаго ему збора, ниже нерадивѣ без разума в нем пребывати, їли безвременно исходити ему от своея келїа, кромѣ великыя нужди. и о прочих иже подобна суть инокомъ. и ако нерадащей о сихъ отлучають божественаа писанїа. 14) Стго Нила о осмих помыслѣ. дивно. 15) Его же о чревобѣсии. 16) О гнѣвѣ. 17) О печали. 18) О уныніи. 19) О тщеславіи. 20) Его же о собраніи

ума. 21) Его же о безпристрастии души и тѣла. 22) Изъ Св. Исаака **повседневное нужьнѣишее въспоминание, и зѣло потребно сѣдащему в келии своей, и себѣ точию вънимати холащю.: слово к҃.** 23) Того же **из иного слова: Почти дѣлание бдѣниа. да обращеши приближающее утѣшение въ души твоеи,** и проч. 24) Григорія Синаита: **Иже глаголють или дѣлають. что кромѣ смирениа уподобишася в зниѣ дому, ни бес кала зиждуще,** и проч. 25) Отъ Патерика наставленія и повѣсти (5-ть ст.). 26) Изъ бесѣдъ св. Зосимы: **Ако аще внушит кто глаголъ оскорбившаго и или оклеветавшаго и и плететь тмы помышлениа нань. и наветуеть свою душу,** и проч. 27) Изъ Патерика изреченія и повѣсти (12-ть ст.). 28) Св. Василія краткія наставленія. **Рече святыи Василеи. слышасте благословенаа братиа Господа глаголюща. иже оставить отца или матерь, жену и дѣти,** и проч. (7-мь ст.), и 29) Св. Аѳанасія: **Слово оглавлено къ заповѣдемъ Божиимъ, всѣмъ отвергшимся мира хотащимъ спастися: Възлюблени братиа. п(о)лечемся о спасении нашемъ. ако врема скращено е҃. прочее и не можеть кто попещися о своеи дш҃ѣ. донелѣ же печется о телѣсныхъ,** и проч. (30-ть краткихъ ст.).

Изъ сего Обозрѣнія небольшаго числа сохранившихся до нашего времени книгъ, принадлежащихъ библіотекѣ Преподобнаго Кирилла Бѣлоезерскаго, само собою открывается, что сей Угодникъ Божій, первоначальникъ иночества въ пустынныхъ придѣлахъ Бѣлаозера, и ученики его были люди, не только благочестивые, но и въ свой вѣкъ просвѣщеннѣйшіе. Нѣсколько книгъ священнаго писанія, ими написанныхъ, свидѣтельствуютъ, что они любили заниматься чтеніемъ и изученіемъ Слова Божія; канонники ихъ показываютъ, что они усердно исполняли монашеское правило относительно келейной молитвы; а изъ сборниковъ ихъ видно, что они имѣли обширныя свѣдѣнія въ канонахъ церковныхъ, изучали писа-

нія Свято-отеческія и особенно нравственно-духовныя и назидали себя ими, знакомы были съ церковною исторіею, въ которой особенное вниманіе ихъ обращало на себя отпаденіе Западной Церкви отъ Вселенскаго Православія, и не чужды были познаній естественныхъ объ устройствѣ вселенной и человѣка и о главнѣйшихъ явленіяхъ природы. Нельзя также не замѣтить, что нѣкоторые изъ нихъ вполнѣ обладали высокимъ искуствомъ каллиграфіи и иконописанія. Отсюда понятно, почему Великіе и Удѣльные Князья наши такъ много уважали Преподобнаго Кирилла и съ любовію вели съ нимъ духовную переписку, [46] и почему, и по смерти его они и цари наши и вообще люди именитые и простые имѣли великую вѣру и любовь къ дому Пречистыя Кириллова монастыря, [47] часто притекали въ оный, многіе постригались здѣсь, и всѣ усердно украшали и надѣляли обитель его богатыми вкладами.

28 Марта, 1856 года.

Въ Кирилловѣ монастырѣ.

---

[46] Пр. Кириллъ въ посланіяхъ своихъ писалъ 1) Великому Князю Василію Димитріевичу: Тѣмъ, Господине, и азъ грѣшный паче печалую душею, что мене недостойнаго.... сице ублажаете.... и таково моленіе посылаеши ко мнѣ. 2) Брату его, Князю Юрію Звенигородскому: А что еси, Господине Князю, писалъ ко мнѣ грѣшному, яко издавна жадаю видѣтися съ тобою. 3) Брату ихъ, Князю Андрею Можайскому: Да что ми еси, Господине, писалъ о преславномъ чудеси Пресвятая Богородица. Истор. Рос. Іерарх., ч. IV, стр. 404, 409 и 413.

[47] Житіе Пр. Кирилла, рукоп. Кирил. мон. въ л., стр. 85 на обор.

ИСТОРІЯ
О
ЧЕРНОЙ ГОРЫ.

ИЗДАНІЕ ВТОРОЕ.

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Причины, побудившія къ перепечатанію этого сочиненія, заключаются въ важности нѣкоторыхъ свѣдѣній, предлагаемыхъ имъ, о событіяхъ изъ жизни Черногорцевъ, преимущественно за первую половину XVIII-го столѣтія, которые были сочинителю хорошо извѣстны изъ перваго источника, а въ нѣкоторыхъ изъ нихъ и самъ онъ участвовалъ, или же слышалъ разсказы отъ дѣйствовавшихъ въ оныхъ. Извѣстно, что Петръ Первый, перенося войну съ Шведами на союзниковъ ихъ, Турокъ, по совѣту Герцеговинца, Саввы Лукича Владиславлевича (вскорѣ потомъ Графа Рагузинскаго и знаменитаго Посланника нашего въ Китай), вступилъ съ Сербами въ сношенія, для чего отправилъ, въ 1711 г., къ нимъ грамоту съ двумя тамошними уроженцами, Полковникомъ Михайломъ Милорадовичемъ (изъ Герцеговины) и Капитаномъ Иваномъ Лукашевичемъ (изъ Подгорицы), склоняя ихъ, въ особенности Черногорцевъ, къ одновременному дѣйствію съ нимъ противъ «общаго врага Христіянства,» съ цѣлію отвлечь тѣмъ отъ участія въ предстоящей борьбѣ самыхъ воинственныхъ и храбрыхъ обитателей Балканскаго полуострова,

омусульманившихся Босняковъ, Герцеговинцевъ и Албанцевъ. Дѣйствительно, послѣдніе были удержаны въ своей землѣ нападеніемъ Черногорцевъ, и потому не могли двинуться къ Пруту. Удаляясь, по заключеніи мира, изъ Черногоріи, Милорадовичъ оставилъ имъ грамоту отъ своего имени (16 Апрѣля. 1712 г.), въ которой, выхваляя ихъ мужество, между прочимъ, писалъ, «да не имаю они надъ собомъ Господара, токмо Цара по Царскому закону, и другу меншу Господу да имаю отъ своихъ племенахъ и отъ своего отечества, а по духовному закону Митрополита.» Грамота эта «писа се на збору Црьногорскому на Цетинѣ,» стало быть, съ явнаго и общаго одобренія всего народа, и потому она, съ тѣхъ поръ, сдѣлалась для Черногорцевъ грамотой уставной, опредѣлявшей и опредѣляющей доселѣ отношенія ихъ къ намъ, и наши къ нимъ. Въ договорѣ съ Портой ничего не было сказано о Черногорцахъ, конечно, по той причинѣ, что Черная Гора сама могла, по общему мнѣнію, постоять за себя, по крайней мѣрѣ, до того времени, пока Петръ оправится и новую начнетъ войну съ Султаномъ, которую, какъ извѣстно, постоянно имѣлъ онъ въ виду. Въ этомъ Государь Русскій не ошибся: Черная Гора въ самомъ дѣлѣ постояла и отстояла себя до нашихъ дней. Страшно мстили Турки Черногорцамъ за эту пріязнь къ Московамъ; но Черногорцы никогда не упадали духомъ, снова подымались и отплачивали тѣмъ же своимъ врагамъ.

Послѣ нашествія Турокъ на Черногорію 1714 года, когда ничего въ ней не осталось нетронутымъ, знаменитый вождь Черногорцевъ, Владыка Даніилъ, принужденъ былъ отправиться въ Россію, для испрошенія помощи «на созиданіе разоренныхъ церквей и монастырей;» и Царь повелѣлъ, «за показанные ихъ ко Имперію Русскому вѣрную службу и Христіянскую ревность, ему (Даніилу) изъ своей казны дать Церковные сосуды, Архіерейскую и Священническія одежды, и въ Церкви потребные къ святой службѣ книги,» равно какъ 10,000 рублей и 160 золотыхъ персонъ (медалей), для раздачи юнакамъ (храбрымъ), желая, если бы Султанъ «паки на Государство

Русское войну всчалъ, отъ нихъ помощи оружію своему, «по единовѣрію и единоязычію,» и позволяя, черезъ каждые два года, въ обѣ столицы по два и по три монаха, равно какъ по столько же изъ бѣльцовъ, присылать за вспоможеніемъ, «съ которыми и посылать въ указной годъ въ Цетинскій монастырь оное и по пятисотъ рублевъ.» Съ этого времени Черногорцы, а также и прочіе Сербы, чаще и чаще стали навѣщать единовѣрную и единоязычную Московію, одни за помощію, другіе, по пословицѣ: рыба ищетъ, гдѣ глубже, а человѣкъ, гдѣ лучше; многіе изъ нихъ вступали въ службу и навсегда оставались потомъ у насъ, какъ показываютъ то Сербскія фамиліи: Милорадовичи, Зоричи, Ивеличи, Шевичи, Симоничи, Станковичи, Станкевичи, Прерадовичи (Депрерадовичи), Павловичи, Николичи, Дудровичи, и проч.

По смерти Даніила (1735 г.), истиннаго основателя самобытности Черногорцевъ, преемники его, обыкновенно избиравшіеся изъ рода Нѣгошей, къ которому Даніилъ принадлежалъ, соединявшіе, подобно ему, въ особѣ своей власть духовнаго и свѣтскаго Владыки Черной Горы, продолжали посѣщать Россію. Такъ, на примѣръ, преемникъ Даніиловъ, Савва, пріѣзжалъ въ нее въ 1742, и получилъ за все прошедшее время отъ кончины Петра I-го, обѣщанное денежное пособіе, не говоря объ утваряхъ церковныхъ, облаченіяхъ, книгахъ, сосудахъ и т. п. А когда онъ, по склонности своей къ уединенію, удалился въ монастырь (Станѣвичи), передавши власть свою родственнику своему, Василію, то послѣдній тоже нѣсколько разъ посѣщалъ Руссію. Въ одно изъ этихъ посѣщеній, именно первое, вскорѣ послѣ своего поставленія въ Митрополиты Скендерійскіе и Приморскіе и Екзархы Сербской Патріархіи (Сербскимъ Патріархомъ Аѳанасіемъ въ Бѣлградѣ 1750 г.), Василій, проживая у насъ, съ 1752 по 1755 годъ, и «ожидая милостивѣйшаго отправленія къ своему отечеству и духовному стаду, воспріялъ смѣлость описаніе расположенія и владателей прежнихъ земли Черногорскіе, кто они и откуду были,

исправно предложить,» извѣстному въ то время Государственному Вице-Канцлеру, Михайлу Ларіоновичу Воронцову, «яко трудолюбивому и о странныхъ народахъ любопытному Министру, какъ о томъ есть явное свидѣтельство въ чужихъ краяхъ, бывшее обхожденіе ваше,» говоритъ сочинитель въ письмѣ своемъ къ нему, не скрывая, въ заключеніе, желанія, чтобы трудъ его былъ преданъ печати. «Не понравитлись Вашему Высокографскому Сіятельству, чтобы оно (описаніе) напечатано было для того, чтобы съ народомъ нашимъ Черногорскимъ, и другіе Славено-Сербскіе народы усерднѣйшее желаніе имѣли къ высокославной Россійской Имперіи?» И точно, «Исторія о Черной Горы» была напечатана 1754-го года; но гдѣ? По Опыту Россійской библіографіи, Сопикова (часть 3, стр. 238, № 4937), въ С.-Петербургѣ, а по Росписи Россійскимъ книгамъ, Смирдина (стр. 239, № 3129), въ Москвѣ, въ 8-ку. На послѣднее указываютъ какъ упомянутое письмо сочинителя, помѣщенное тотчасъ за посвященіемъ Вице-Канцлеру Воронцову, съ означеніемъ: «Марта 10 дня, 1754 году, въ Москвѣ,» такъ и самая грамота, полученная Владыкой Черногорскимъ отъ Государыни, при отпускѣ его къ своему народу, и писанная 8-го Мая, того же 1754 года, въ Москвѣ. Но спрашивается: въ какой Петербургской, или Московской, типографіи? На выходномъ или заглавномъ листѣ того не означено, по крайней мѣрѣ, въ спискѣ, доставленномъ мнѣ для перепечатанія Н. Н. Мурзакевичемъ. Рѣдкость этой книги, особливо важность ея для исторіи Черногорской, побудили Императорское Общество исторіи и древностей Россійскихъ напечатать ее вторично въ своемъ повременномъ изданіи, «Чтеніяхъ.» Изъ Сербскихъ историковъ, сколько мнѣ извѣстно, упоминаетъ объ этой исторіи Д. Милаковичъ, въ своей «Исторіи Црне Горе,» изд. у Задру (Зарѣ) 1856 г., приводя ее въ обзорѣ источниковъ для своего сочиненія подъ № VI-мъ, и прибавляя, что онъ по ней описалъ битвы Черногорцевъ съ 1712 по 1750 годъ въ краткой Исторіи Черной Горы, помѣщенной имъ въ (альманахѣ) «Грлицѣ» (Горлицѣ) 1836 г.

Владыка Василій Петровичъ былъ, какъ я сказалъ уже, еще въ Россіи два раза. Поводомъ ко второму пріѣзду послужило желаніе Императрицы имѣть у себя полкъ изъ Черногорцевъ и другихъ Сербскихъ охотниковъ. Собравши ихъ, онъ явился съ ними въ Москву; при семъ онъ привезъ съ собою и нѣсколько молодыхъ людей для помѣщенія въ Шляхетскій Военный Сухопутный Корпусъ. Однако, ни то, ни другое не удалось. Черногорскій полкъ обидѣлся неосторожнымъ назначеніемъ въ начальники ему какого-то Хорвата, родомъ Цинцара, то есть, Греко-Румуна: Сербы, считающіе Цинцаровъ всегда ниже себя, какъ помѣсь, чрезвычайно были недовольны этѣмъ, и такъ какъ не хотѣли дать имъ другаго Полковника, то они отправились домой пѣшкомъ и безъ всякаго вида. На 25 день, говорятъ, прибыли они въ Любляну (Лайбахъ), гдѣ встрѣтились съ своимъ Владыкой, тоже возвращавшимся изъ Петербурга: онъ доставилъ имъ возможность скорѣе явиться въ свой завичай (родину) черезъ Хорватію и Далматію. Разумѣется, это обстоятельство нѣкоторое время сдерживало какъ Черногорцевъ, такъ и прочихъ Сербовъ, отъ странствованій ихъ въ нашу землю. Напротивъ, Черногорская молодежь, помѣщенная въ Шляхетскій Корпусъ, навсегда осталась у насъ, не имѣя возможности возвратиться къ себѣ на родную сторону, по случаю кончины своего Владыки, послѣдовавшей въ третій его пріѣздъ въ С.-Петербургъ въ 1765-мъ году. Увѣряютъ, что онъ умеръ отъ отравленія, поднесеннаго ему тамъ, гдѣ онъ менѣе всего могъ того ожидать себѣ, однимъ изъ агентовъ Венеціянской Республики, преслѣдовавшей его по политическимъ видамъ всюду въ его путешествіяхъ. Онъ похороненъ въ Александро-Невской Лаврѣ. На гробѣ его читаемъ:

«На семъ мѣстѣ погребенъ Преосвященный Митрополитъ Черногорскій и Ѳрона Сербскаго Ексархъ Василій Петровичъ; отъ роду имѣлъ 57 лѣтъ, а преставился Марта 10-го дня, 1766-го года.»

Почти черезъ годъ (15-го Февраля, 1767 г.) скончался въ Москвѣ и покровитель Владыки Черногорскаго, М. Л. Воронцовъ, пользовавшійся особенной милостью Императрицы Елисаветы, выдавшей за него, какъ извѣстно, двоюродную сестру свою, Графиню Анну Скавронскую, а съ 1758 по конецъ 1763-го года Канцлеръ: послѣдніе годы провелъ онъ въ путешествіи по Италіи и Франціи для поправленія разстроеннаго здоровья.

О. Бодянскій.

Іюня 20-го дня,
1860 года.
Москва.

ЕГО ВЫСОКОГРАФСКОМУ СІЯТЕЛЬСТВУ,

ЕЯ ИМПЕРАТОРСКАГО ВЕЛИЧЕСТВА

САМОДЕРЖИЦѢ ВСЕРОССІЙСКОЙ

ГОСУДАРСТВЕННОМУ

ВИЦЕ-КАНЦЛЕРУ,

ДѢЙСТВИТЕЛЬНОМУ ТАЙНОМУ СОВѢТНИКУ

И

РАЗНЫХЪ ОРДЕНОВЪ КАВАЛЕРУ

МИХАЙЛѢ ІЛАРІОНОВИЧУ

ВОРОНЦОВУ,

Милостивому моему Государю.

Сіятельнѣйшій Графъ,

милостивый государь,

Михайла Іларіоновичь!

Обрѣтающися при Всепресвѣтлѣйшемъ Ея Императорскаго Величества двору, я, смиренный Пастырь Славеносербскаго Черногорскаго народа, ожидающи милостивѣйшаго отправленія къ своему отечеству и духовному стаду, восиріялъ смѣлость сіе описаніе расположенія и владателей прежнихъ земли нашей Черногорскіе, съ приложеніемъ святыхъ Царей Сербскихъ и Деспотъ, кто они и откуду были, исправно предложить Вашему Высокографскому Сіятельству, яко трудолюбивому и о странныхъ народахъ любопытному Министру, какъ о томъ есть явное свидѣтельство въ чужихъ краяхъ, бывшее обхожденіе Ваше; при томъ не понравитлись Вашему Высокографскому Сіятельству, чтобы напечатано было, для того, чтобы съ народомъ нашимъ Черногорскимъ, и другіе Славеносебрскіе народи усерднѣйшее желаніе имѣли къ высокославной Россійской имперіи. Почитаю же себѣ за честь оное краткое историческое объявленіе Вашему Высокографскому Сіятельству вручить, что за благо принять покорнѣйше прошу, предаюся на всегда во благосклонность

Вашего Высокографскаго

Сіятельства,

Милостиваго Государя,

Смиренный Митрополитъ Черногорскій, Скендерискій и Приморскій, и Ѳрона Сербскаго Экзархъ,

Василій Петровичь.

Марта 10 дня,
1754 году.
Въ Москвѣ.

ПРЕДИСЛОВІЕ

ИСТОРІИ СИЯ ВКРАТЦѢ.

Какъ праведнымъ Божіимъ попущеніемъ, за преодолѣвшее прегрѣшеніе наше Турки, аще и не вконецъ завладѣли Сербскимъ Государствомъ; а особливо преблагій Богъ раздраженъ за убійство праведнаго молодаго Царя Уроша. Послѣ того являлися нѣкоторые, не знаю каковые за люди, въ Цесарію и въ другихъ Государствахъ, и себе объявляли отъ оныхъ высокихъ фамиліяхъ Сербскихъ Деспотъ и Графовъ, какъ и нѣкоторій Босиякъ Георгій Бранковичь, нарекъ себя Сербскимъ Деспотомъ, еще дерзнулъ и Повелителемъ Черногорскимъ себя объявити, за что, по указу Леополда Цесаря, взятъ подъ караулъ въ Прагу, тамо и преставился, гдѣ прежде многіе исторіи написалъ о Серблехъ, а особливо выхваляе свою фамилію, которая изостала у Серблехъ въ великомъ презрѣніи и поношеніи за измѣну Князя Лазаря.

Послѣ того и другіе многи изъ Турецкихъ поданныхъ, а больше отъ Босняковъ и Херцеговацъ выходили, и себе объявляли шляхтичами, а брали за деньги атестате отъ Рагузіанъ, а деньги отъ купничества придобіали. Послѣ того Мавроурбинъ, Рагузинскій Архимандритъ, написалъ исторію о Словяпехъ, гдѣ больше славитъ Рагузу, паче другихъ, и сказуетъ оной славній родъ Немански Царіе Сербскіе, яки бы произшли отъ худыя фамиліи попа Стефана отъ Плевалъ изъ Херцеговани.

Напротивъ того есу многіе исторіи древніе, а особливо и теперь обрѣтаются во Аѳонской горѣ у Хилендару, и въ Сербліи, у лаври Студеници, у Дечани, у Сербской Патріархи Пекской, у Митрополіи Черногорской Цетинской, которіе единаче сказуютъ, что Сумеонъ Неманя рожденъ отъ Князя Бела Уроша

которой Бела Урошъ происходилъ отъ фамиліи Ликинія мучителя, Θеодоры, сестры Великаго Константина. Той Бела Урошъ провожалъ житіе у Зѣту, гдѣ теперь городъ Спужь, и тамо родилъ три сына, Давида, Константина и Стефана Неманю, нареченный послѣди въ инокѣхъ Сумеонъ. Послѣ того въ 1737 году Богичь Вучковичь отъ Херцоговине бралъ за деньги атестатъ отъ Рагузіанъ, что онъ Черногорецъ отъ фамиліе Стрецимирове, и пошолъ къ Римскому Цесарю, объявляе, что онъ Черногорскіе народи въ помощь Цесарю подвигнулъ, и за то упропастилъ себя со всѣмъ, и Турки ему всѣ взяли села и деревни, котори не имѣлъ, ничево точію себе; обаче Цесарь наградилъ его деньгами и Доминіюмъ, хорошую землю у Венгріи ему пожаловалъ, и тамо теперь многіе поселилися ему Крестьяне.

Таковую причину усмотрѣли нѣкоторіе Херцеговци, и у Руссію чрезъ заслуги народа Черногорскаго получили себѣ награжденія и милости, чему не завидимъ; обаче удивляемся, како чужіе заслуги во свою пользу употребляютъ: и за таковую притчину во кратко сію исторію предложу, изъ многихъ вышереченныхъ исторіяхъ Сербскихъ выписанную, которіе обрѣтаются въ реченныхъ монастырѣхъ, что о Царѣхъ Сербскихъ и Херцогѣхъ Черногорскихъ; а послѣ того дѣйствительно предъ Цари наши само персонѣ присутствовали, а отчасти и мы очевидно смотрѣли.

При томъ и оной земли расположеніе, и каковіе народи, и отъ которихъ фамиліяхъ главніе Офицеры, кратко изъяснилъ, особливо для обманщиковъ, что по нынѣ не могли бы на имя честныхъ людей въ государствѣ являться, и всякъ своимъ именемъ да будетъ доволенъ.

ИСТОРІЯ

О

ЧЕРНОЙ ГОРЫ.

Оная земля называлась прежде единымъ именемъ Зе́та, которое имя дано ей отъ рѣки, прозванной Зе́ти, которая исходитъ отъ Сѣвера верху тое земли Зе́ти и течетъ къ югу. Напротивъ ея течетъ другая рѣка отъ истока Мора́ча, помежду Черныя горы и Берга́новъ, и входитъ въ рѣку Зету ниже Вертогради, гдѣ родился Діоклитіянъ, и тамо онъ построилъ былъ великой городъ, и назвалъ своимъ именемъ, Діокли́тія, которое имя тогда оной земли на мѣсто Зети дато, Діоклитіянская земля, которой городъ послѣдъ Симеонъ Нема́ня разорилъ, о чемъ послѣдъ речется. Онѣ двѣ рѣкѣ, совокуплшеся вкупѣ, течетъ низу, зовется именемъ единымъ Морача, и течетъ прямо къ югу, и входитъ во озеро, которое простирается отъ поля Зетскаго до самаго устія рѣке Бояне, которая Бояна течетъ отъ озера къ западу въ море Адріятское. Въ томъ озеру еще нѣсколько островов, и во всякомъ островѣ есть монастырь, котори былъ построенъ отъ Герцоговъ Зетскихъ и Черногорскихъ. Обративши лице къ Бояни на правую сторону онаго озера, есть земля плодоносна, по имени Шестанска Крайна, отъ Крайне къ сѣверу провинціа Цермни́ца, всякими плоды богата, отвсюду источники водъ, котори поле напаяютъ; тамо жито и вино преизрядное. Отъ Цермни́це къ западу Приморская земля, гдѣ родятся всякіе деликатные плоды, а больше елей и вино: два уѣзда Спичь и Шушенъ, и провинціа Пащро́евики. Отъ Пащроевикъ къ западу отъ Кату́нскіе провинціи единъ уѣздъ Ма́хине; тамо есть изрядно подворіе Митрополита Черногорскаго, и поле всякими плоды насаждено, и виногради, гдѣ родится хорошое вино. Отъ Махи́нъ къ западу

провинціа Гербáль, и поле и бреги плодоносніе виномъ, и житомъ, и елеемъ. Отъ Гéрбля къ сѣверу полуостровъ, въ немъ три уѣзда: Лущи́ца, Кéртоле и Лешéвичи; оттуду къ востоку Соліéцкое поле, гдѣ Герцоги Черногорскіе соль дѣлали: тамо былъ славный монастырь Архистратига Михаила, который построилъ Степанъ, вторый Царь Сербской, Симеона Немáне сынъ, въ которомъ монастырѣ люди Римскаго закона отъ города Кóтора ядомъ смертнымъ на вечери убили 72 черница въ лѣто 1443, послѣдъ 63 года, когда Сербли потеряли баталію на поле Кóсово отъ Турокъ. Городъ Кóторъ прежде здѣлали Черногорцы въ свое общество, и въ немъ били поставили отъ боярскихъ фамилій 70 домовъ, и въ немъ Царіе Сербски многіе церькви построили и свое полате, а больше Сильной Стефанъ, а послѣдъ въ лѣто 1443 отдался въ протекцію Венеціанску. Отъ Сóлилъ уѣздъ Нéгошъ, въ которомъ и городъ Нéгошъ, гдѣ живутъ главніе господа Офицери Черногорскіе, фамилія Петрóвичи, Рáдоничи и Богдáновичи. Отъ Нéгошъ къ югу Плáнина Лóвченъ, веселое мѣсто и высокое, гдѣ прежде въ лѣтѣ жили Герцоги Черногорскіе; тамо источники цѣлительніе, теперь тамо подворіе Митрополитское, отъ котораго мѣста въ низу текутъ воды и рѣки въ приморіе Гербалское; паки отъ Нéгошъ къ сѣверу многіе уѣзди: Тéкличи, Блéлице, славной Озриничь, Цу́це, Ораховацъ и провинціа Грáхово, Звéрстно, и Кривóшіе и Трéшнево, которую провинцію освободили Черногорци отъ Турокъ 1711 года. Пакъ отъ Нéгошъ къ востоку Цети́не, Митрополитская резиденція, отъ Цети́ня еще къ востоку провинція Ріéчка и городъ Ріéчка, тимъ именомъ названъ отъ рѣке, яже оттолѣ исходитъ и течетъ прямо въ прежде реченно озеро, и той городъ Черногорци освободили отъ Турокъ и съ нимъ цѣлую жу́пу въ лѣто 1711 году. Отъ жу́пе къ лѣтнему востоку простирается провинція Лешáнская допрежде помянутые рѣки́ Морáчи, отъ тое провинціи къ сѣверу, а отъ Кату́нскіе провинціи къ лѣтневостоку есть провинціа Влешѝвачкая до самые рѣки Зети, отъ востока тамо есть Митрополитскіе бóродь, гдѣ ловется деликатніе рыбы Пáстерви, таковыхъ нигдѣ не видѣхомъ. Съ другіе стороны рѣке Зете къ востоку есть провинція Бѣлопáвличи, оттуду къ сѣверу есть гора, Острогъ именуемъ, отъ верхъ того Острога есть здѣланна древле каменная линѣа, которая дѣлитъ Черную Гору и Херцегóвину отъ Острога къ сѣверной стороны до верхъ Гóліе, отъ Острога къ югу провинціа Бѣлопáвличи, паки отъ Бѣлопáвличь провинція Пи́пери, къ востоку отъ Пи́перъ

Ровча́ни. Тутъ идетъ рѣка Мора́ча, которая входитъ въ Зе́ту рѣку, а оттуда во о́зеро помянутое, съ другой стороны рѣке Мора́че, отъ Пи́перъ къ зимному востоку, уѣздъ Братоно́жичи, провинція Васо́евичи съ лѣвые стороны, а на правой сторонѣ провинція Ку́чи, провинція Кли́менте, Ка́страти, Ту́зи, Шкріели, Гру́ди. Тые провинціи и уѣзды, здѣсь помянутые, всѣ народы вольные, вси нашего Восточнаго Православія, кромѣ Климе́нтовъ и Кастратовъ, они Папе́жники. Въ той земли изъ начала жили славные господа Бе́ла Урошъ, которой родилъ Симеона Нема́ню, той же Симеонъ прежде монашества былъ Стефанъ, основатель Царства Сербскаго, благополучно царствовалъ 46 лѣтъ, той же разори городъ Діоклитію, въ немъ не жити Христіаномъ, какъ оно видно и до сего дне, и зостави на царство сына Стефана втораго, ему жъ братъ, Князь Волка́нъ, завидѣвши, наче брань противъ Царя и брата; въ тое время ихъ братъ, Святый Савва, отъ Аѳонскіе горы принесе мощи родителя ихъ, Святаго Симеона Нема́ню, и смирилъ Волка́на съ Царемъ Стефаномъ, и отъ того времени Князь Волка́нъ въ Зе́те живляше, и отъ которіе фамиліи произшли Герцоги Зе́тскіе и Черногорскіе. Тамо въ Зе́те и Святый Савва, перьвое Архіереа поставилъ Иларіона Шишо́евича въ лѣто 6723. Немощно сказати тое страны благовонный воздухъ, воды изрядны, прежде помянутые рѣки и другіе меньшіе рѣки, которые текутъ въ реченно озеро; тамо рыбы разные находятся деликатніе множество, которые соле́тъ и суше́тъ и развозятъ въ Венецію, въ Пу́лію и Делма́тію; тамо Царіе Сербски зимою многащи изволили во ихъ время жити. Оттуду Стефанъ пяти-стимъ народомъ воцарился и брата отъ другіе матере не хотѣщаго съ нимъ вкупѣ жити и бранію претѣщаго убилъ, а его воинство Стефану отдалось. Оттуду Стефанъ шестой Сильный Царь, больше съ тимъ народомъ многіе страны завладѣвъ, Болга́рію, Грецію, Славо́нію и Харвацкую, отъ части Венгрію и всю Истрію; Венеція и Напу́лія была въ протекцію его; былъ при немъ отъ націе Болгарскіе Князь Волка́нъ Мернавчичь, котораго Царь Стефанъ очень любилъ; провидѣвъ свою смерть, коруноваетъ седмолѣтнаго отрока, сына Уро́ша, и вручаетъ съ правленіемъ Царства молодога Царя Уро́ша Князю Волка́ну, и по семъ умре Царь Сильный Стефанъ, а царствомъ нача управляти Князь Волка́нъ, котори, видя себя у высокой власти, наче помышляти о самой Царской власти, еже убити молодога Уро́ша; его жъ лаская, заведъ на охоту въ Ко́совскомъ лѣсу, своею рукою уби, и

голосъ разсѣя, бѣжа Царь Урошъ во Аѳонскую гору. Въ то жъ лѣто изъидоша Турки на Кáли-поле, на ихъ же пойде бранію Князь Волкáнъ съ братомъ Гóйкомъ, и прочіе Воеводи и воинства избраннаго Сербскаго 60 тысящь. Слышавше Турки о Сербскомъ воинствѣ, которое лагеромъ останилось въ Македоніи при рѣцѣ Мáрици, видѣша вáрвари, въ великомъ страху бѣху, и пославше свое послы Волкáну Князю, просятъ мира и заплатити дань, но Князь Волкáнъ, праведнымъ Божіимъ гнѣвомъ, за убійство Царя Урóша обезумлѣлъ, мира не допускае, а воинствомъ правити не знае; стояли безъ карауловъ во играхъ и пьянствѣ, а лошадей сами пасли на поляхъ. Посли Турски Царю своему Аркáну вся сказавше, которое нечаянно объ нощь на Сербле нападше, Князя Волка съ фамиліею убиша, и воинства Сербскаго многое число погибе, за кою причину сынъ его, Марко, бѣжалъ къ Турскому Царю, а Сербли поставиша Князя Лазаря себѣ великимъ Государемъ и Самодержцемъ.

На которое избраніе были вся Сербская господа, кромѣ Зéтскаго и Черногорскаго Герцога, которій былъ въ тое время Баóша, сынъ Страцимúровъ, котори принялъ Герцогство по Іоанну, первому Герцогу, которой происходилъ отъ фамиліе Князя Волкáна, Симеона Немáне сына, и звался Іоаннъ перви Черноéвичь: онъ умерлъ подъ подзрѣніемъ смертоноснаго яда отъ Волкáна Князя Мернáвчича, остави молодога сына, Стефана, троѣлѣтнаго; тогда Баóша Герцогъ бысть Зéтски, но не восхотѣ съ Царскимъ убійцею въ дружество вступить съ княземъ Волкáномъ, и не бысть противъ Турокъ, и мало гдѣ Сербли баталію выграли безъ Черногорцовъ и Бергановъ. Баóша, не хотя признати Князя Лазаря за великаго Государя Серблемъ и Самодержцемъ, и за тую притчину Князь Лазарь три кратъ войною ходилъ на Баошу, обаче всѣ три кратъ отъ Баоше побѣжденъ былъ; послѣди Баоша, какъ человѣкъ молоди, войною не побѣжденъ, а побѣжденъ молодою дѣвицею, прекрасною Маріею, дочкою Князя Лазаря, на которую женился и въ протекцію Князя Лазаря отдался. Но Турки варвари у Грековъ взяша Андреянополь и здѣлаше миръ, и начаше размышляти, какъ бы прежде Сербское государство завладѣти и оніе храбріе народи себѣ покорити. По семъ Турецкой Царь, Мурáтъ перви, началъ отъ Азіе многую воину собирати, поиде прямо на Сербскую землю. Самодержецъ Сербски, Князь Лазарь, тому не чаялъ, посылаетъ послы и мира проситъ, но Муратъ ни слышати объ миру не хощетъ. Князь Лазарь вскорѣ воину собираетъ, еже бы упредити Царя Мурата на полю

Косову: отъ южніе сторони была Турская армія, отъ сѣверніе стороны Сербская армія состояла противъ Турскіе, какъ рѣка противъ великога моря. Правилъ Сербскою арміею славной воевода Милошъ Обилевичь, зять Князя Лазаря, конницею Босанскою правилъ другой зять Князя Лазаря, воевода Волканъ Бранковичь, которій обманщикъ здоговорился съ Царемъ Муратомъ и обѣщался измѣнити Князя Лазаря, но трусилъ отъ воеводе Милоша Обилевича, на котораго непрестанно износилъ неправедне рѣчи, но справедливый Государь Князь Лазарь не вѣруетъ; ожидаютъ Герцога Зетскаго, господина Баошу, котори еще не пришелъ, но собираетъ воинство и отправляется къ Князю Лазарю; въ томъ князь Лазарь скучаетъ, что непрестанно Волкъ Бранковичь куетъ на Милоша. Призываетъ свое воеводе на вечеру повеселитися съ ними вкупѣ, садется господа въ округъ за столомъ: Волкъ Бранковичь ошую, а старикъ Врятко Богдановичь съ правою сторону Князя Лазаря, воевода Милошъ ниско противъ Князя Лазаря съ правой, и съ лѣвой сторонѣ два воеводѣ, Милошъ Топличанинъ и Иванъ Косанчичь. И тутъ говорилъ невѣрній Волкъ Бранковичь: Смотри, великій Государь, Княже Лазаре, они три за твое зло говорятъ, какъ тебе погубити на полю Косову. Въ тую минуту Князь Лазарь держалъ чашу, полну вина, въ десницѣ, не могъ пити, слезы его обліяли, ни промолвити не могъ, едва слѣдующу рѣчь выговорилъ: Еще никогда невѣрствія не бывало у Сербскому народу своему Государю, а теперь слышу, что новая невѣра вымышлена отъ моего зятя, воеводе Милоша Обилевича, которому вручилъ я всю мою армію, еще съ собою приговорилъ два вѣрне мои воеводе, Милоша Топличанина и Ивана Косанчича. Здравствуй, зяте Милошу, вино выпи, а чаша на дару! Милошъ на ноге всталъ и Князю ся смирно поклони; говорити наче: Милостивый Государь! Я самъ вѣрянъ, тако меня Богъ помощникъ былъ на Царя Мурата, котораго идемъ завтра убити, и всему свѣту открыти свою вѣрность; а всю армію вручаю тебѣ, милостивому Государю; но блюди се, Государь мой, невѣре Волкана Бранковича, кой тебѣ лже и насъ оклеветуе; пойду я рано, Царя Мурита убью, потомъ не знаю, что будетъ. И въ той часъ отъ стола изъиде, и съ нимъ оба воеводе, Милошъ Топличанинъ и Иванъ Косанчичъ, и рано вcѣдоше на лошедѣхъ хорошихъ, побѣгоша къ Турскому лагеру. Карауля Турски сказаше Царю Мурату; онъ думаше, что они идутъ турчитися, и очинь радъ бѣше Милошу Обилевичу, яко главному полководцу Князя Лазаря. Милошь Обилевичь самъ въ

шатеръ вниде, и Царь ему сказалъ: Милошу, добрѣ пришелъ, будешь у меня всякіе милости доволенъ. Милошь сказалъ: Доволенъ есмь всякіе милости у Государя моего, славнаго Князя Лазаря; и въ той часъ пронзе Царя Мурата въ сердце мечемъ, и паде взнакъ мертавъ. Еще Милошь тутъ уби главнаго Визиря и Царева Казначею, и Обилевичь Милошъ, какъ молнія изъ шатра изъиде, и на лошедь садися, рѣчь двѣма другомъ говарилъ: Надобно дорогу мечемъ отворити. Турки кричатъ: Милошъ Царя уби; на нихъ множество Турокъ нападаютъ, три воеводе безъ милости Турокъ убиваютъ множество, скоро изъ лагеря Турскаго хотяще назадъ пройти и Князю Лазарю донести, что Турски Царь Муратъ убитъ; въ томъ часу Турки убили обоихъ воеводей, Топличанина и Косанчича. Обилевичь, видя товарищевъ убитыхъ, и паки обратився къ бою, и паки множество Турокъ убиваетъ. Турки копія округъ его садетъ въ землю остріемъ горѣ, Обилевича лошедь набодся на копія, Милошъ Воевода своимъ копіемъ подпирается трижды, скачетъ первѣе шаговъ 20, вторицею 25, третіе кратъ 40 шаговъ, какъ и до сего дня знаки стоятъ на полю Косову. Милошу копіе сломилося, и множество Турокъ его окружили, поимаютъ жива, приводятъ къ Цареву сыну, Боязиту первому; Боязитъ возмогаетъ, и тотъ часъ со всѣмъ воинствомъ идетъ къ лагерю Сербскому. Князь Лазарь самъ воинствомъ правилъ, измѣнникъ Волкъ Бранковичь изъ лагеря Сербскаго на страну бѣжитъ и 12 тысящь Босняковъ изряднѣ конницѣ отводитъ далеча. Князь Лазарь говоритъ: Кто любитъ Христа и желаетъ милости Божіе, да идетъ со мною пролити кровь за вѣру и церьковь, за отечество и славу; кто ли не хощещъ милости Божіе, некъ идетъ за проклятіемъ Волканомъ Бранковичемъ. И во второмъ часу дня начаша сраженіемъ и до полудня Сербли очинь Турковъ убиваху, и шесть Пашахъ со всѣми убивши: и да измѣнникъ не утече со 12 тысящъ коннице, могаху въ той день всю силу Турску погубити; и по полудня начашася Сербли умаляти. Въ той день погибоша вся Сербская господа предъ глази своего Государя, Князя Лазаря, кой въ размѣнѣ утрудившейся лошадей отъ Турокъ живъ пойманъ со множествомъ властель, и по приказу Боязита, сына Муратова, всѣмъ голови отрубише, первѣе Князю Лазарю, а послѣди Милошу Обилевичу: и такъ умалисъ Сербское Царство, которое всему свѣту цвѣтало двѣсти и тридесять годъ. Начелося было Симеономъ Неманемъ въ лѣто 6663, и царствовали перви Симеонъ, по немъ сынъ его, Стефанъ, по Сте-

фану его сынъ, Родосавъ, по Родосаву братъ Владисавъ, по Владисаву его сынъ Драгутинъ, по Драгутину братъ Милютинъ, по Милютинѣ его сынъ Стефанъ, по Стефанѣ его сынъ Стефанъ Сильній шестой а по немъ молоди Урошъ (а Князя Волкашина и убицу не споминю), послѣдъ Уроша Князь Лазарь. Они вси праведно царствовали, и Богъ ихъ оправда, какъ и до сего дня виятся святіе и цѣлебніе ихъ мощи. Послѣ ихъ владали Деспоти Сербскомъ земломъ, Лазаревъ сынъ Стефанъ, по немъ племянникъ его, отъ сестры рожденный, Георгіе Волковичь; онъ дочь свою далъ за Муратомъ вторымъ, за то его Сербли ненавидѣли. По немъ единъ по другому сыны его, Григорій слѣпи и Лазарь молоди, а Стефанъ слѣпи поя́халъ въ Черную Гору, Герцогу Ивану Черноевичу, котори женилъ его на свою плѣменницу, госпожу Ангелію, которая ему роди два сына, Архіепископа Максима, Іоанна Деспота. По немъ же́ бысть послѣдни Сербски Деспотъ Волкъ огнянной, сынъ Григорія слѣпаго, котораго Деспота Волка въ Босну, во городѣ Яицу, убише кучери его, два брата Милора́довича, за что отъ Турокъ быше награждени, а отъ Христіянъ прокляти и прогнани (предречени двою братіевъ, Григоріа и Стефана, ослѣпилъ ихъ зять, Царь Турски, Муратъ втори), и на немъ скончася они славній Деспоцки родъ, остаде Герцогство Черногорское. Котораго Баошу прежде воспомянулъ, въ третій день онъ прибылъ на Косово по оной баталіи, которая бысть въ лѣто битія 6898, отъ Рождества же Христова 1389, мѣсяца Іюнія 15 дня; Баоша въ печали великой, что на бою не успѣлъ, гнѣвается на измѣнника Волка Бранковича, котораго послѣжде своею рукою убилъ. Баоша Зѐтою владѣлъ до возраста сына Іоанна Черноевича; сей Іоаннъ женился на дочь Марію Іоанна Кастріо́та Ема́ціе, отъ Менестра и Касто́ріе Князя, отъ которіе родилъ сына Стефана Черноевича. Сей Стефанъ въ лѣто 1421 завладѣвши Зетомъ Черномъ горомъ, въ томъ Баоша и преставися; а въ той годъ Стефанъ Черноевичь пойде въ Напу́лю, ради здоговора съ Королемъ Напу́литанскимъ, и тамо пребысть 2 года, возвратился во отечество въ лѣто 1423, женился на Воисаву, дочь Георгія Кастріо́та, реченнаго Скендербегъ, и вкупѣ со Скендербегомъ 24 года противъ Турокъ воевали, и па 63 баталіи на голову Турке побили, какъ о томъ кажетъ исторія о Скендербегу. Умре Герцогъ Стефанъ, наста по немъ сынъ его, Иванъ Черноевичь, съ братомъ Георгіемъ, котори у Зету на полю Кемовскомъ потерялъ баталію въ лѣто 1450 отъ сильнаго Махмеда, Царя Турскаго, на которой бата-

ліи убитъ Георгіе Черноевичь, котори Георгіе былъ женился на Воисаву, дочь Князя Луки́ Доука́дчина, отъ которіе родилъ сына Стефана и дочь Ангелію, вышепоменутую за Деспотомъ слѣпымъ Стефаномъ; Герцогъ Иванъ Черноевичь женился на дочь Марію оного Бана Стефана Боса́нскога, котори Стефанъ бранъ имѣя на зятя своего, Ивана Черноевича, которому не могъ противъ стати, и взе отъ власти Стефанове Иванъ Черноевичь Рисанъ, Драчеви́цу, Конавле, Требине, Попо́во въ свою власть, притомъ и умирилися. Родилъ сына Георгія и Стани́шу и едину дочь, Анну, на которую женился Господинъ Волохинской Радулбегъ. Перви сынъ Ивана Черноевича, Георгій, женился на дочь До́жа Венеціянскаго Муцинича, втораго сына, Станишу, далъ въ азманатъ Царю Турскому, Мехмеду второму, примиренія ради, котораго клятвопреступникъ Мехмедъ мололого потурчилъ и вторимъ Скендербе́гомъ нарекъ. Видя Герцогъ Иванъ Черноевичь разширеніе царства Турскаго, принеся свой дворъ отъ Зе́тѣ въ Черную Гору, на полю Цетиню, тамо же и Митрополитскую резиденцію постави и согради весьма преизрядную. Въ Венеціи тогда не было нашего Греческаго Православія церковь, Венеціяни Ивану Черноевичу соизволили, и сградилъ во имя святаго Великомученика Георгія отъ Каппадокіе, которую и до сего дня Греки содержатъ; еще и дворъ свой поставилъ въ Венеціи. Умре во своемъ двору на Цети́нѣ; по немъ бысть владатель сынъ его, Георгій, котори умре безчаденъ. По немъ владѣлъ двоюродни его братъ, Стефанъ, сынъ Георгія Черноевича, котори Георгій убитъ на баталіи отъ Турокъ помянутаго года 1450. Стефанъ же родилъ сына Іоанна Черноевича, котори, по смерти отца своего, въ Черной Горы владѣлъ до лѣта 1516. Потомъ же бояринъ Венеціянски, супруга его Кантарина Орія, отъ которыхъ родился Георгіе Черноевичь, бояринъ Венеціянски, отъ него жъ три сына, Константинъ, и Соломонъ, и Илія. Въ Унгаріи преставися Константинъ Черноевичь, бояринъ Венеціянской, супруга его отъ Кантарина, болярка Венеціянская, отъ которихъ Іоаннъ Черноевичь, бояринъ Венеціянски, супруга его Ореста Вале́рлея, болярка Венеціянская, отъ которихъ Викторъ Черноевичь, супруга его Елена Балба, болярка Венеціянская. Отъ которихъ рожденъ Іоаннъ Черноевичъ, бояринъ Венеціянски 1621, на гласу былъ. Въ Черногоріи они Герцоги Черноевичи владѣли до лѣта 1516, отъ того же лѣта на мѣсто оныхъ Герцоговъ владѣютъ Митрополити, и многащи Венеціяномъ помоществуютъ на Турковъ во время брани Ки́пра, и Крета, и Аморею, особливо же Венеціяни

завладѣли Кастелнóвымъ съ помощію Черногорцовъ, котори всю войску Босанскую и Херцеговáчку побили, которая пришла Кастелновому въ помощь въ лѣто 1687, за которую причину многократно армія Турская приходила на Черную Гору предводительствомъ славнаго Сулеманъ Паше отъ Албаніе, и не мало убытковъ Черногорцемъ здѣлали; а послѣ того 1699 года храбріе люди отъ Албаніе и отъ Херцеговинѣ, избѣгшіе отъ своего отечества и вѣрно въ баталіяхъ служили Венеціяномъ, а по заключеніи того мира, на мѣсто награжденія Венеціяни поставили ихъ въ Морскомъ островѣ во Истріи, гдѣ во единъ годъ со женами и дѣтьми вси померли отъ нездраваго воздуха.

Послѣ того въ 1711 году оной Великій Государь, вѣчнодостославные памяти, Императоръ Петръ Первый, Самодержецъ Всероссійскій, слышавши о славныхъ и храбрыхъ дѣлахъ народа Черногорскаго, изволилъ послати свое грамоты къ нимъ, выхваляя ихъ вѣрность и постоянство, возбуждая ихъ ревность къ благочестію Христіанскому, взяти оружіе въ помощъ Величества Его противъ Турокъ варваровъ; тимъ образомъ Великій Государь писалъ и другимъ народомъ Христіанскимъ, и ни котори отважился взяти оружіе противъ Порти Отомáнской, кромѣ единыхъ Черногорцовъ, предводительствомъ своего Митрополита Даніила Счепчéвича отъ Негушъ Петрóвича. По истиннѣ имѣлъ онъ славніе полководцы, а именно: Первой отъ Негушъ родной его братъ, Дукъ Радулъ Петровичь, съ племянникомъ своимъ Сердарь Савва Петровичь, Сердарь Волкъ Рáдоничь, Вучéта Радоничь, Князь Марко Богдановичь, Воевода и Губернаторъ Вукóта Вукашиновичь, Князь Кóица Николичь, Воевода Волкъ Мичуновичь, Князь Станко Ковачевичь, Князь Вукосáвъ Ивановичь, Вуксанъ Мúличь, Князь Петръ Вучетичь, Воевода Никóла Мартúновичь, Князь Станое Мартиновичь, Князь Иванъ Вулетичь, Князь Мартинъ Брачичь, Князь Лука Махúна, Князь Никола Побóръ, Губернаторъ Никола Лазаревичь, Сердарь Волкъ Мирковичь, Воевода Волкъ Радановъ Пащровичь, Воевода Машанъ Болевичь, Воевода Илúя Дупила, Князь Никола Клисичь, Князь Волкъ Булановичь, Князь Михайла Ивановичь, Князь Стефанъ Вуловичь, Воевода Волкъ Чурашковичь, Князь Вулиша Ражунатовичь, Князь Иванъ Люботиня, Князь Волкъ Вуйовичь, Никола Светлоча, Воевода Бошко, Степановичь, Волкъ Радовичь, Князь Пилета Радуловичь, Князь Раде Гвозденовичь, Воевода Міюшко Плешивчевичь, Воевода Евдú-

миръ Бѣлопа́вличь, Воевода Че́тко Пилетичь Пиперъ, Воевода и Губернаторъ Радоня Дрекаловичь, Воевода Милошъ Васоевичь, Воевода Милошъ Братоножичь, Воевода Чанъ Стале Климентъ, смѣло съ великою охотою пошли вооруженною рукою противъ Порти Отоманской и побѣдительно наступали на онихъ варваровъ, за что оная Порта, по заключеніи мира съ Россіомъ, опредѣлила послати великое число войска на Черную Гору, предводительствомъ Сераскера Ахме́тъ Па́ше, котори въ 60 тысящахъ Турецкихъ войскъ наступалъ на Черную Гору въ 1712 году, но отъ Черногорцовъ совершенно была разбита. По той побѣдѣ Отоманская Порта разсудила за благо искать мира у Черногорцовъ, но оны, обѣщавшеся исполнить соизволенію Его Величества, Императора Петра Великаго, и повелительнаго указа на то не имѣли, вѣрность свою отказать покусилися и въ мирѣ непріятелемъ отказали. На оное Отоманская Порта въ 1714 году отправила болѣе 100 тысящъ войска на Черную Гору, предводительствомъ Везира Дума́нъ Па́ше Чупрелича, будучи Черногорцы отъ союзниковъ своихъ, Сербовъ, подданнихъ Турецкихъ, оставлени были, еще же Херцеговци равно съ Турки на Черногорцовъ войною пошли, которимъ никогда Турки не позволяютъ оружіе носити, кромѣ когда на Черную Гору войною идутъ. Чупреличь Везирь предпочтилъ коварно обманъ храбрости чрезъ разнія обѣщанія, когда уже Черногорци о заключеніи мира блаженной и вѣчно достославныя памяти Императора Петра Великаго съ Турками извѣстіе получили, охотни ихъ къ миру учинилъ такъ, что вельможи Черногорскіе повѣрились лицемѣрнымъ его клятвамъ, не остереглись итти въ лагерь Турецкой, числомъ 37 человѣкъ, которіе безчестною измѣною арестовалъ: потомъ вкругъ Турки нападши на Черную Гору нечаянно, нашедъ безъ опасности, пятую часть земли́ огню и мечу предали, и плѣнивше многихъ изъ народа, а вышерѣченныхъ вельможъ повѣсили; потомъ въ 1716 году Бошняцкіе и Херцеговачкіе два Паши Ченгичи, съ Бегомъ Любовичемъ и прочіимъ окружними Пашами, съ сильною армію напали на Черногорцовъ, Божіею же помощію отъ Черногорскаго оружія побѣждены и побити, а Паши съ Бегомъ Любовичемъ и прочими начальниками 77 челов. взяты были въ полонъ, которымъ всѣмъ головы отрублены были. Паки въ 1717 и въ 1718 годѣхъ ходили Венеціяни войною на Албанію, на Городъ Антивари и Дольцинъ, и просили у Митрополита Даніила Петровича помощъ, и далъ имъ пять тысящь и пять сотъ человѣкъ; они сохранили пушки и другое оружіе Венеціянское отъ Паше Албанскаго,

котори сильно наступилъ на армію Венеціянскую, но Черногорци Турковъ отбили и растерали, о чемъ письменно Венеціяни, которое и до сего дня есть, засвидѣтельствовали и благодарили Митрополиту Даніилу; а когда Венеціяни нужди не имѣютъ, то первое Черногорское благодѣяніе забываютъ. Потомъ въ 1727 году Ченгичь Бекиръ-Паша со множествомъ войска на Черную Гору учинилъ нападеніе, но войска его на голову побита была, онъ же съ малымъ числомъ скоростію своея лошади щастливо себя бѣжаніемъ сохранилъ, котори послѣдъ подъ Очаковымъ отъ Императорскаго Россійскаго воинства убитъ. Потомъ въ 1732 году Тополъ Османъ Паша, котори отъ Султана Махомета пятаго объявленъ Беклербе́гомъ Шнитъ-Деверъ, то есть, Генералъ-Инскекторъ Македоніи, Албани и Босни, и по прибытіи во Албаніи покусились пробовати щастіе противъ народовъ Черногорскихъ, и пославъ не малое число воинства Македонянъ, Албанезовъ и Бошняковъ на Пиперскую провинцію, гдѣ отъ онихъ Пиперъ съ помощію Кучанъ вси были побиты. Чудо сказуютъ, при зачатіи той баталіи, что они Христіани видѣли человѣка на бѣлой лошеди предъ собою, подобна Великомученику Георгію, и той перви оніе Турки устрашилъ, и самъ Османъ Топалъ Паша изъ крѣпости Подго́рице вибѣжалъ во Албанію, котори послѣди убитъ на баталіи отъ Персовъ. Паки въ 1739 году Везиръ Ходаверди Паша Махмутъ Беговичь съ восмію Пашами и многочисленнымъ войскомъ пришелъ на домъ Воеводе Дрекаловича и 7 годъ воевалъ, послѣди отъ нашего воинства въ конецъ разбитъ былъ, начальники же и знатнѣйшихъ Турокъ 70 человѣкъ, которіе въ одной башнѣ затворились, живые сожжени были. Еще въ 1750 году Турецкое войско, состоящее изъ Бошняковъ и Херцего́вцовъ, нечаянно на границу Черногорскую напали, но малымъ числомъ нашего воинства побиты. При оныхъ онаго народа побѣдахъ, не включая многихъ въ разнихъ военнихъ случаяхъ, только кратко упомянулъ о дарованномъ отъ Бога щастіи ихъ оружію, и аще бы не такъ крѣпко оніе народи оружіемъ себя обороняли, то бы подлинно въ неволю подпали, яко же и прочая Сербія. При томъ Турской Султанъ вкругъ Черной горы поставилъ непремѣнное войско, давае ему повсегодно великую сумму жалованья, которое войско никогда покоя и мира Черногорцамъ недаютъ.

Не оставлю здѣсь упомянуть еще отъ кругъ лежащихъ насъ храбромъ народѣ, которіе нынѣ въ Турецкой области подлежатъ, а прежде оніе состояли подъ властію Герцоговъ Зетскихъ и Черно-

горскихъ, именно, Меркóевичь Хасъ и Бѣлое Поле, тако жъ и другіе объ кругъ лежащіе народи, отъ природы военніе, которіе обрѣтаются до рѣки Дрины, которая рѣка Дринъ раздѣляетъ Герцогство Зетское и Албанію. И оніе народи не такъ совершенно укрѣплени подъ властію Турецкою, какъ протчіе народи состоятъ; ибо явное о томъ свидѣтельство имѣемъ, какъ то и въ прошлыхъ годѣхъ недавно случалось, между тѣхъ народовъ опредѣляемымъ отъ Султана на губерніяхъ Пашей, онихъ побивали, а имянно: Въ 1741 году Требунчужнаго Пашу Махмудъ Беговича, въ 1748 году Юсю́въ Пашу Чаушáгича, въ 1749 году Муфтаръ Пашу Чаушагича Двухъ бунчужной, въ 1750 году Каймакъ Пашу Махмудъ Беговича Двухъ бунчужной, и съ роднымъ его братомъ. Изъ чего видѣть можно объ семъ народѣ, хотя и счисляется во области Турецкой быти, обаче мужество сколь ихъ сильное и свободно, ничего не убоялись убити толикихъ знатныхъ и славныхъ Турецкихъ Пашей.

Надобно и сіе знати, колико народъ Черногорски услужилъ дому Австрискому, чрезъ природнаго своего Патріарха Арсеніа Черногорца, котори на милостивое писменно позваніе Римскаго Цесаря Леопольда перваго, въ которомъ выхваляя славніи и избранніи народе Албански, по ихъ и другимъ Иллирико-Сербскимъ народомъ, прислалъ со всякимъ удовольства обѣщаніемъ. Тогда Патріархъ Сербской Арсеніе Черногорецъ, отъ области Турскіе бѣжа во свое отечество, Черную Гору, а отъ Черногорцовъ провожденъ чрезъ Босну до арміе Цесарскіе къ Дунаю. Въ 1689 году выступило тогда отъ области Турскіе съ Патріархомъ Арсеніемъ больше 80 тысящь фамиліихъ народа Сербскаго у Венгрію, во Цесарскую область, на привилегія, которая пожаловалъ Леопольдъ Цесарь Арсенію Патріарху.

Паки въ 1737 году бѣжалъ Патріархъ Сербской Арсеніе Іоанновичь отъ Пéкского города, резиденціе Патріаршеске, къ Бергáномъ (понѐже хотѣли Турки его завѣсити), котораго Ку́чи и Васóевичи проводили во армію Цесарскую, въ городъ Ни́су, а на возвратное пожéгли и поплѣнили цѣлую Турскую провинцію Би́хоръ, и отъ онихъ Турецкихъ господъ дочери крестили и на нихъ женилися.

Въ той же годъ и Бошняки въ крайнюю нужду обрѣтались, со всѣхъ сторонъ окружéни, а съястнаго припаса не имѣли, отъ Албаніе привесть не дали Черногорци, на едину Рагузу привезли Французи б ашно въ корабляхъ, а отъ Рáгузе караванномъ къ Сарáево,

но и тамо Черногорци Туркомъ препятствіе здѣлали: караванъ съ брашномъ къ себѣ взяли, а Турке побили. Таковіе услуги Цесарю показалъ народъ Черногорски, за которіе услуги у Цесаря никакова награжденія себѣ не просилъ.

Я очень у кратко сіе написалъ за извѣстіе о народѣ нашемъ Черногорскомъ, въ каковомъ состояніи до нынѣ онъ былъ, и каковіе услуги Христіянскаго и́мѣна Государима охотно показалъ, о чемъ можетъ довольно всякъ признати вѣрность и постоянство онаго народа, котори за едину честь себѣ признаетъ своимъ оружіемъ услужити Христіанскому Государю.

.Б. М. П. М. Ч. З. О. Н. І. О. Є. К. П.

Марта 10 дня,
1754 года.
Въ Москвѣ.

Число Архіерей Сербскихъ,

окромѣ митрополита черногорскаго.

1. Архіепископъ Пéкскій и всея Сербіи, Болгáріи, Поморія, Далмáтіи, Бóсни, обонъ-полъ Дуная и цѣлаго Иллúрика Патріархъ.
2. Архіерей Босáнскій
3. Архіерей Херцеговáчки.
4. Архіерей Рáшки и Новопазáрски.
5. Архіерей Ужúцки.
6. Митрополитъ Бѣлградски.
7. Архіерей Нúшевски.
8. Архіерей Косóвски.
9. Архіерей Ищúпски.
10. Архіерей Костандúнски.
11. Архіерей Скóпски.
12. Архіерей Призрéнски.

Тіи дванадесять Архіереовъ бѣднѣ живутъ въ подданствѣ Турецкомъ, а больше озлобляеми отъ Грековъ, яко же случилося въ прошедшей брани, въ лѣто 1737 году, Каражъ Іоаникій Грекъ въ Константинополѣ Султану представивши челобитную, что Сербли съ своимъ природнымъ Патріархомъ и Архіереи всегда измѣнницы Турской Имперіи, овогда къ Россіи, овогда Цесарю, иногда Венеціаномъ; на кое прошеніе Султанъ нынѣшній, Махометъ, позволилъ Карáжъ Іоаникіа быти Патріархомъ Сербскимъ, котори премного озлобилъ народъ Сербскій, ходя съ указомъ Султанскимъ по Сербской земли и поставляе Греки Архіереи, муча народъ и деньги на силу взимае. Онъ щастливъ, что далече уступи отъ Черніе Горы; обаче насилу въ конецъ убѣжа отъ народа Сербскаго въ Константинополь съ великимъ богатствомъ, поплѣнивъ святыя церкви и народъ Сербскій, а особливо Сербскую Патріархію Пекскую одравъ до самыхъ стѣнъ, и ничто же въ ней изоставивъ, кромѣ Святыхъ мощей, которіе тамо почиваютъ; послѣдъ Сербли поставише своего природнато Патріарха по прежнему.

13. Архіерей Делматинскій, которая состоитъ подъ властію Венецкою, и не позволяютъ Православному Архіерею тамо быти, кромѣ Уніату, чтобы поминалъ имя Папино и вѣрилъ исхожденіе Святаго Духа отъ Отца и отъ Сына, и огенъ чистительный, и опрѣснокъ посвященіе тѣла Христова, какъ и квасное, исповѣдати съ присягою и расписскою за руки своея.

Въ Области Цесарской Архіереи Сербскія:

1. Митрополитъ Карловѐцки Срѐмски.
2. Архіерей Ба̀чки.
3. Архіерей Темисва̀рски.
4. Архіерей Карасеби̏чки.
5 Архіерей Ара̀дски.
6. Архіерей Буди̏мски.
7. Архіерей Славони̏ски.
8. Архіерей Костани̏чки.
9. Архіерей Хорва̀цки и Карлоштѐдски.

Оны 9 Архіереевъ довольно богати.

Ра̀гуза надъ море Адріа̀дцкое между Черною Горою и Делматіею; она прежде была подъ властію Сербскихъ Царей, послѣдъ отдалися въ подданство и протекцію Турецку; они вси Папежницы. А когда Турки совершенно завладѣли Бо̀сною и Херцего̀виномъ, прибѣжало нѣколико число Христіанъ исповѣданія Греческаго съ своимъ богатствомъ у Ра̀гузу для сохраненія. Они Рагузіани на Пасху въ церькве Святаго Отца Николая нечаянно напали, и всѣ онѣ наше Христіани убили, а богатство ихъ себѣ взяли, и отъ того времени никакову нашего исповѣданія Христіанину между ихъ не допускаютъ жити, ни у нихъ стату церькве нашее, ни человѣка; аще случится кому умрети, не допускаютъ у нихъ землю погребсти. Taкови̏ они послѣдни врази нашего Православія людемъ. Едино иго на себѣ носятъ отъ Черногорцовъ котори утѣсняютъ Рагузіане, а особливо, что Рагузіани Турковъ подкупуютъ противъ Черногорцовъ. Въ прошедшемъ 1752 году Рагузіани поимали единаго человѣка Черногорскаго, котори съ Венеціянскими люди, пришелъ у Рагузу для купни̏чества, и выдали его Туркомъ у Требине, тотчасъ Черногорци явно взяли очень богатога боярина Рагузского и хотѣли голову ему отрубити, но онъ, бѣдній, и оного Черногорца и тысячу червленихъ далъ Черногорцемъ, и себя освободилъ.

Исторія Монархіи Турецкой, въ главѣ 4, на 30 листѣ, ясно показуетъ вольность народа Черногорскаго, когда бысть убитъ Султанъ Ибрагимъ, а возведенъ на престолъ его сынъ, Султанъ Махометъ четвертый. Одинъ знатной бунтовщикъ, имянемъ Кудкегай, со многимъ имѣніемъ намѣрялся уйтить въ горы непристунные Албанскіе, на которыхъ горахъ жителей Турки и до нынѣ побѣдить не могли: то разумѣется Черная Гора, состоящая въ части Албанской; а понеже Турки Албанію завладѣли, а Черная Гора особливо свое имя и вольность храбростію и оружіемъ отъ непріятелей защищается, и сами Турки противно называютъ Кауръ Карадакъ, то есть, Черная Гора.

КОНЕЦЪ.

ЖИТІЄ

ЦАРА ЛАЗАРА.

ПО СПИСКУ XVII ВѢКА ВЪ БИБЛІОТЕКѢ ОБЩЕСТВА СЕРБСКОЙ СЛОВЕСНОСТИ
ВЪ БѢЛГРАДѢ.

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Житіемъ Князя Лазаря называется прозаическая повѣсть, выписанная мною изъ рукописи XVII вѣка, находящейся въ Библіотекѣ Друштва Сербске Словесности, въ Бѣлградѣ, подъ № 30. Быть можетъ, прочитавши оглавленіе, тотчасъ представится кому либо то житіе Князя Лазаря, которое во множествѣ рукописныхъ списковъ разсѣяно между Сербами, частію отдѣльно, частію вмѣстѣ съ Житіемъ св. Ромила, которое перешло въ служебники и прологи, и которое давно уже читается въ печати. Такъ думалъ и я съ перваго раза, когда мнѣ попалась въ руки упомянутая рукопись. Но достаточно было пробѣжать нѣсколько строкъ, чтобы убѣдиться въ иномъ характерѣ предлагаемаго Житія.

Это скорѣе повѣсть, похожая на нѣкоторыя отдѣльныя сказанія о замѣчательныхъ событіяхъ, помѣщавшихся въ нашихъ лѣтописяхъ, какъ о нашествіи Батыя, о Тамерланѣ, о Донскомъ побоищѣ и многія другія. Отличіе отъ послѣднихъ, впрочемъ, весьма рѣзкое, и нельзя не сказать, чтобы оно не говорило явственно въ пользу превосходства повѣсти Сербской. Языкъ въ ней чисто народный, такъ что глазъ едва въ состояніи замѣтить нѣкоторые Церковнославянизмы, какъ-то неожиданно вкравшіеся подъ перо слагателя, или переписчика; характеръ и типъ изложенія подобнымъ же

образомъ не отзываются ни мало тою натянутостію, любовью щегольнуть какимъ-то высшимъ слогомъ, невыдержанностію сравненій и уподобленій, наконецъ, очевидной искуственностію, въ силу развившейся подражательности, какія непріятно поражаютъ читателя въ позднѣйшихъ нашихъ повѣстяхъ (XIV — XVI вѣка).

Кажется, нельзя сомнѣваться, что въ основаніи приводимой Сербской повѣсти лежатъ народныя пѣсни, относящіяся къ битвѣ Косовской и воспѣвающія знаменитѣйшаго ея героя, Милоша Обилича, убившаго Султана Турецкаго. Быть можетъ, слагатель повѣсти сгруппировалъ разбросанныя пѣсни Косовской эпохи, составилъ изъ нихъ одно цѣлое, воспользовался кружившимися въ народѣ преданіями и до того всецѣло проникнулся всѣмъ этимъ самъ, что стало трудно потомству утверждать положительно о несостоятельности его произведенія. Хотя заглавіе и указываетъ на Царя Лазаря, какъ на главное лице повѣсти, тѣмъ не менѣе сочинитель продолжительнѣе и отчетливѣе останавливается на любимомъ Сербскомъ юнакѣ, Милошѣ, съ двумя его товарищами, Миланомъ Топличаниномъ и Иваномъ Косаничемъ.

Народность повѣсти отражается въ языкѣ, не только съ формальной его стороны, но и въ цѣлыхъ выраженіяхъ, въ сравненіяхъ, эпитетахъ, аллегоріяхъ и т. п. Я приведу нѣсколько: из рукє у рукє довататн; мучи, мукомъ сє здмука, гнѣвно приказываетъ Лазарь молчать Вуку Бранковичу, клеветавшему на Милоша; уз-мн умомъ, сообрази, смекни умомъ; сабла у руци играше, говорится о ловкомъ дѣйствіи Милоша саблею; суzє стрѣлаю срдцє; точно также стрѣляютъ и очи; солнцє сє роднло, вмѣсто: взошло солнце утромъ; Сербамъ перѣ уломи и крила отсекошє Турки на Косовомъ полѣ. Юнакъ сравнивается съ соколомъ, конь юнака съ крыламн, на которыхъ летитъ первый; Милошъ называется змай, лютый змай, огнєнный змай; знамена (барцн) уподобляются облакамъ; шатры — снѣгамъ нагорнымъ, боевыя копья, воткнутыя въ землю, чєрной горѣ. Противоположеніе силы и слабости выражается сравненіемъ волка съ ягненкомъ, орла съ жабой, или сокола съ

куропаткой. Аллегоризмъ довольно обыкновененъ и всюду выдерживается самымъ строгимъ образомъ. Вотъ какъ сочинитель выражается о ссорѣ двухъ сестеръ, женъ Бранковича и Обилича, произведшихъ вражду между юнаками и, по мнѣнію народному, бывшихъ первою причиною несчастной битвы на Косовѣ: **Отъ града Крушевца две дщери Лазареве быстру воду съ крвлю смешаше и сву Србску гиду у ню потопише**; или грозныя слова Милоша Туркамъ: **Не знате ли вы, тужніи Туры, да є васъ Вукъ кожу дере и месо ждере, а орло, кадъ у кокоши улети, не ради друго, да уватн и отнесе. — Испити ту же чашу**, потерпѣть тоже несчастіе; пасть въ битвѣ, **праведнымъ судомъ погинути**.

Ни сколько не менѣе высказалась мимоходомъ, безнамѣренно, и старая жизнь Сербовъ, съ ихъ взглядами на нее и понятіями о ней. Семейно-родовое начало живетъ еще въ полной силѣ. Князь размѣщаетъ за столомъ гостей своихъ, витязей, по старшинству, соображаясь съ болшимъ почетомъ правой стороны и съ меньшимъ лѣвой; дочери его за то и поссорились, что одной показалось оскорбительнымъ, почему ея мужъ, Вукъ Бранковичъ, ѣхалъ по лѣвую сторону Князя, когда тотъ возвращался съ охоты, а Милошъ по правую. Какъ слабо значеніе жены, и какъ, съ другой стороны, высоко понятіе о матери, всего лучше видно изъ поведенія Милоша Обилича, когда онъ выслушалъ отъ своей жены жалобу на ея сестру, такъ жестоко, по современному на женщину взгляду, ее оскорбившую. Онъ ни однимъ словомъ, ни однимъ намекомъ не обнаружилъ негодованія, или даже обидчивости на то, что гордая Видосава ударила по щекѣ его Елицу, и съ изступленною раздражительностію обращается къ Бранковичу и съ жестокими угрозами требуетъ отъ него наказанія жены, осмѣлившейся назвать его Кобиличемъ и тѣмъ унизить и его матерь косвенно. Старинный взглядъ на бракъ, по которому священною и существенною цѣлію брака являлась семья, поколѣніе, отразился рѣзко въ просьбѣ Милицы Лазарю оставить при ней, передъ походомъ на Косово поле, ея братьевъ. Въ основаніе заслугъ своихъ, которые

долженъ уважать мужъ, она ставитъ рожденныхъ ею дѣтей: **Тако ти порода, што самъ съ тобою изродила.... не мой ме укратити, што ћу те проснти.** Значеніе родства и происхожденія точно также, какъ въ старину и на нашей Руси, опредѣлялось выраженіемъ: **сынъ отца и матере,** — такъ говоритъ слагатель повѣсти о Лазарѣ, желая показать его благородное происхожденіе. Здѣсь нельзя не видѣть высокаго понятія о законности рожденія, что оправдывается и словами **отъ естественнаго рода,** отнесенными къ тому же Лазарю, и терминомъ **правій дѣтичь,** какъ назвалъ себя Милошъ, стараясь доказать тѣмъ законность и чистоту своего рожденія отъ законныхъ родителей. Отраженіе семейнаго начала и въ отношеніяхъ общественныхъ Князя высказалось ярко и передано блистательно составителемъ повѣсти при описаніи ужина Княжескаго на канунѣ битвы Косовской.

Въ вопросахъ чаушей, предложенныхъ юнакамъ Сербскимъ, явившимся въ станъ Турецкій, съ намѣреніемъ погубить Султана: **Како сте, гпдо юнацы, како сва войска ваша и како гдинъ вашъ кнезъ Лазарь и официрїи ваши, есу ли весели бановн, и спаїе, и над четами поглавари, и делїе Лазареве,** съ полною отчетливостію представляется тотъ стародавній обычай, который такъ свято и донынѣ соблюдается простолюдинами Сербскими, и по которому необходимо распросить отдѣльно о всѣхъ близкихъ привѣтствуемаго человѣка обычнымъ: **Како сте, господине?**

Кѣмъ, когда и гдѣ сложена повѣсть о Лазарѣ? Отвѣчать на эти вопросы, при одномъ спискѣ, которымъ могъ пользоваться я, при неизвѣстности другихъ, даже до сихъ поръ и того, какой предлагаю я вамъ, конечно, очень трудно, а на нѣкоторые, быть можетъ, и вовсе нельзя. Дѣйствительно, личность слагателя едва ли не останется закрытою, при предположеніи, что и въ другихъ спискахъ, если бы они нашлись, объ ней также не будетъ ни какого помину, что такъ обыкновенно и въ другихъ подобныхъ произведеніяхъ. Относительно времени составленія повѣсти съ увѣренностію можно опредѣлить, въ настоящую пору, только одинъ крайній предѣлъ,

позже котораго не могла она явиться, именно: старость списка, конца XVII вѣка. Что же касается до области, то едва ли ошибемся, если будемъ искать ее на сѣверной сторонѣ Дуная. На это могутъ указывать слова: офицръ, корпусове, а частію и нарѣчіе фришко (вришко), въ значеніи, быстро, скоро, отъ Нѣмецкаго frisch. Это нарѣчіе во всеобщемъ употребленіи въ Сремѣ и Бачкѣ, и далеко не столь употребительно въ княжествѣ Сербскомъ .

Наконецъ, я коснусь очевидныхъ ошибокъ, которыя вкрались въ рукопись, равно и невразумительныхъ мѣстъ, съ намѣреніемъ показать, какъ, по моему мнѣнію, слѣдуетъ читать ихъ. Къ числу ошибокъ должно отнести: крабость вм. крабрость, храбный, вм. храбрый; набраньне вм. неброена (безчисленное): гдѣ е войска набраненъ ударила; пророуестовока вм. пророуествова; исполити вм. исполнити; удій вм. уходій, уодій: и посла Милана Топлиуанина, да удій силу цара Мурата, что подтверждается самимъ исполненіемъ порученія: и бы много времена у Турскомъ табору, докле уодій силу цара Мурата; нѣкоему вм. на коему; коскимъ вм. конскимъ: када га Милошъ ту опази под коскимъ ногама; кринька вм. кривика; вишко вм. вришко (фришко); оравите вм. оправите: сви ліепо се оравите; форма творит. падежа памети, въ выраженіи: него се узми умомъ и памети, согласуется съ подобною же формою въ выраженіяхъ: и гда нѣгова стои на полю Косову одевена милости и помощи бжїею; или: ѣемо га смрти уморити; въ выраженіи: оуи сви брже се оправише и на илѣнше одїело обукоше, слово наилѣнше едва ли не должно читать: наилѣпше; хвалите, бже, вм. хвала те, бже; а вмѣсто ни два састадоше — они два, т. е., Миланъ и Милошъ; вмѣсто воде, въ выраженіи: не има воде трїю найболи воевода, должно быть, думается, овде; замливаше (ербо противъ нѣга никто стати на единоуь замливаше), вѣроятно, вм. замисливаше.

Слѣдующее мѣсто: а Вукъ Бранковиѣъ отиде кнезу Лазару на Милоша ложие рїеуи приносити и зло говорити, своимъ хоѣе сву Сербску войску поклати, я понимаю такъ, что Вукъ клеветалъ на Милоша, будто послѣдній своимъ войскомъ хотѣлъ погубить войско

княжеское; такимъ образомъ, передъ своимъ, послѣ говорити, слѣдуетъ поставить двѣ точки и подразумѣвать существительное — войскомъ. А а самъ съ матїю бжїомъ Турскогъ цара убити на силу и стаћу му могомъ за вратъ, вѣроятно, здѣсь опущенъ, передъ словомъ убити, вспомогательный глаголъ ћу (ћу убити, убью). Нѣсколько безпорядочное по разстановкѣ словъ предложеніе: тогда се была Турска войска уплашила отъ Лазаревїй страшный юнака и воевода и отъ силе Лазареве, кое не ће юнаке Сербска земла выше родити, и ту смути проклети Бранковићъ на Милоша и на нѣгове три воеводе, кои за то невѣрство и не знаду, я понимаю такимъ образомъ: тогда бы (если бы Вукъ не клеветалъ Лазарю, о чемъ только что говорено) устрашилось Турецкое войско страшныхъ Лазаревыхъ юнаковъ, какихъ больше не родитъ земля Сербская, воеводъ и силы его, но и ту смутилъ проклятый Бранковичъ, клевеща на Милоша и на его (Лазаря) троихъ воеводъ, которые, не знаютъ, не думаютъ объ измѣнѣ; слѣдовательно, кое не ће юнаке Сербска земла выше родити, должно помѣстить послѣ словъ: страшный юнака; а выраженіе: на Милоша и на нѣгове три воеводе, должно дополнить словомъ лажећ, или другимъ, ему соотвѣтствующимъ. На этотъ разъ я отказываюсь отъ объясненія слѣдующихъ мѣстъ: 1) а отъ того времена прозива се Кобилићъ, кие му се предеде, како се єдина реч ї рече; 2) и онда бы гласъ, кано ће и остати веће сила Турска и цртво ніоко; наконецъ 3) слово навеній, въ выраженіи: али из невѣры навенїй Бранковићъ съ войскомъ побѣже, амо гляви, сербска войска добити, если не должно раздѣлить его на двѣ части, на союзъ и и на причастно-прилагательное слово, столь употребительное въ бранномъ смыслѣ у Сербовъ, весьма обыкновенное и въ устахъ Русскаго народа.

Г. Хавросскій.

22 Генваря, 1860 г.

Прага.

ЖИТІЕ ЦАРА ЛАЗАРА.

Самодержецъ великїй кнеꙁъ Лаꙁарь бяше ѿ ествєнаго рода племенита и нароуита и блгородный родителей, сн҃ъ оц҃а и мт҃ере. Егда присп҃ѣ лѣть ӏ҃и, тогда воꙁведоше его родители великому самодержцꙋ црю Стефанꙋ, сн҃ъ Стефана, крала Дечанскогъ, оцꙋ же младаго цр҃а Оуроша, и дадоше га, да послꙋжи его. Видѣвъ цр҃ь его крилость и храбрость и воꙁдаєтъ емꙋ цр҃ь его сродницꙋ, гпж҃ꙋ Милицꙋ, дщерь Юга Богдановића. По маломъ временїи преставися славный и превеликїй цр҃ь Стефанъ, и еще при животꙋ своемъ поставилъ на прстолъ црскїй младаго цр҃а Оуроша, и на цр҃тво настꙋпїй краль Вꙋкашинъ Мрнявчевићъ, еще имѣаше два брата, Оуглѣшꙋ и Гоика, и оубы краль Вꙋкашинъ младаго цр҃а Оуроша, оу ловъ када сꙋ ишлый, мц҃а декемврїа ѕ҃ день, Сербской ꙁемли велико ꙁло сотворише. Видѣ Бг҃ъ ихъ неправдꙋ, и они онꙋ чашꙋ вскорѣ испїише ѿ Тꙋрака, гдѣ є войска неброена оударила, и онде сꙋ сва три брата Мрнявчевића погинꙋла на Марицїи рецѣ, близъ церногa камена, сви погинꙋше и сво имъ воинство погꙋблѣно бысть правєднымъ сꙋдомъ бжїимъ, и пришаше ѿ тысаще войске Мернявчевића, мали нѣкїи оутекоше, а другїи рекоше: О чꙋда! Како бы могло быти, да три тысаще Агарана разбїю Вꙋкашинову воискꙋ, седамь тысаща войске, Оно есть неправда и

лукавство, поюто своегъ гдна оубише. Краль Вукашинъ имѣаше три сна: Марка, и Андриа, и Дімитріа. Марко Кралѣвићъ и Константинъ Жилиловићъ, снъ Деана воеводе, и Драгнашъ воевода, те три воеводе ѿбегоше ѿ Сербска земле, боећи се, да ихъ сабла не погуби поради крала Вукашина, ѿбегоше оу Турску землю, с Турцы воевати на Хртїане съ црѣмъ Баязитомъ, и оударише на Сербскїй логоръ, и тогда сва три погибоше повелѣнїемъ бжїимъ. Тогда поставише кнеза Лазара на пртолъ Сербскїй съ блгословенїемъ четирими вселенскими а трїархїй и всего сабора Сербскаго. И бысть кнезь Лазарь гдинъ Сербскїй, и пребиваше оу свакомъ добромъ чину оукрашенїемъ и свакимъ добротамъ млтїю и правдою, имѣаше оуи оукрашене и руке податливе, млрдъ бїаше и имѣаше три сна: Стефана деспота, и Лазара, и Вука, и дщерей пать: Марїа, речена Видосава, иже дана бысть Вуку Бранковићу, Єлица, иже дана бысть Милошу Обилићу. В то время слыша кнезъ Лазарь о пришествїи Агарана на Сербску землю, иже борити са с ними, и кнезъ Лазарь на коню бїаше со двѣма зетовима, из лова ездаше, и оузрѣше и дщерен Лазареве с висока чардака, и поче Видосава говорити: Видите ли дивна чуда, гдѣ Кобилићъ коня езди ѿ десне стране оца мога, Лазара, а Вукъ Бранковићъ с леве стране езди? Єлица сестри ѿговара: Да не види гдинъ оцъ Милоша, юнака добра и вредна, не би га поставїо одеснчую себе. Поскочи хола Видосава, кадъ то чу, и оудари сестру свою рукомъ по образу, и на руцы ей бїаше перстенъ златанъ, и обрани сестру свою, Єлицу, и кровь низъ образъ потече. И в тай часъ Лазарь доезди пре дворъ со двѣма зетовима своима, и изнде Єлица те Милошу коня превати, и Єлица лице свое пешкиромъ сокривала. Милошъ Єлицу видѣ крваву и рече ей: Что ти е лице крваво? Она њему ѿговара и све право сказа, како е сестра оударила. Тогда Милошъ съ срца оуздану и оузе Вука Бранковића за руку, пак га далеко ѿ двора ѿведе и поче му говорити: Карай, брате, твою холу Видосаву, да не износи речи и да не зове поглавите люде оратомъ, еръ ако е ты не ћешъ карати, заклинѣм ти се Бгомъ вышнимъ и моею десницею, каде будемо оу путу конѣ ездећи, оузећу те из руке оу руку доватати, како Вукъ изгинъ, докле га не растергне, на

ћу тобом ударати о землю, како орелъ жабомъ, или кервавомъ, но што змиаmъ, она учини, ерь ћу те одрезати моиомъ десницомъ, како херь зеца, пак ћу те дарикати твоей Видосави мертва, или жива, зашто она учини мою матерь кобиломъ. Нека свакъ зна, что Милошъ оучини, и нека свакъ верує, да я ни самъ Кобиличъ, него Милошъ Обиличъ и правїй детићъ. А ѿ тога времена прозиваше Кобилићъ, које му се пределе, како се една реч реуе, а Вукъ Бранковићъ ѿ страха Милошева проговорити не може. Ѿ тога часа Милошъ на Вука имао е злобу и злу волю, и ѿ тога ништа му не спомену, веће га посла оу свою войску, а Милошъ оде оу свою войску, и вредно Милошъ служаше кнеза Лазара, а Вукъ Бранковићъ оиде кнезу Лазару на Милоша лажне рїечи приносити и зло говорити своимъ, хоће сву Сербску войску поклати. Вукъ рече: Гдине, Лазаре! Ѿ страха Милошева самъ дерићемъ и мертви не знои попаде, како се за Милоша гласы говоре: Милошъ оће неверство оучинити, када будемо съ Турцїй на бой оударити на полю Косову. Кнезъ нему рече: Мучи, Вуче, мукомъ се замуко. Ѿкуда ты ту лажу изнесе? Милошъ е мой щитъ первїй, оу нѣму стои сва снага и крѣпость моя; Милошъ ће оставити споменъ на полю Косову. Лазарь тому прорucтвова. О мдлїй Милошу! Да тї е садъ быти на збору, да чуешъ, што око тебе лажливїй Вукъ плете и лажне рїечи износи, пакъ онъ самъ да очуе. Тогда почне Милица гїжа Лазару говорити: Видимъ, гдине, да полазишъ на поле Косово, но ѿидїй, докле чуешъ, или истина, что за Милоша говоре, и докле правїй гласъ развершъ. Лазарь Милици ѿговара: Не би се садъ оустависе, да би се не вратїо с поля Косова. А ты почїй съ Бгомъ, гдине. Еще те молимъ: исполни ми волю мою за любовъ нашу. Тако ти порода, што самъ съ тобомъ изродила, и тако ти твоя войска съ тобомъ здраво ходила и свуда довїдала; не мои ме оукратити, што ћу те просити: не мой мїй девать браће на бой водити, не мой да погине колено Юга Богдановића со тимъ, не мой ме жестоко оуцвелити! Када то Лазарь саслушао, Милици ѿговара: Ты, Милице, сама знадешъ, да су твоя браћа мой щитъ первїй и оу нима стои сва снага моя и крѣпость моя кода су много колда на полю Косову бой быти, за што су ѿ племена

юнацы и витезови храбрїи с коплима на бою; тако и самъ стари Югъ Богдановићъ говори, да самъ Турскїй цръ ѿ Юговића страхъ имаде; за што не могу ти, Милице, испoлнити волю твою. Тогда се Милица ему поклонїй и съ плачомъ говори: Тако ти Гдь державу сохранїо твою, а ти мїй оставїй єдного браца сестри за милошту и за старца Юга честитога споменъ, да остави єданъ ѿ Юговића; онда знашъ, Гдине, како ти Милица прориче; да ѿ те войске мало ће остати. Лазаръ Милици говори: Срамота бїй было єдному брату ѿ войске остати; рекли бый осталїи войницїи: оно нїє ѿ юначескогъ рода, нити є добаръ юнакъ, кой ѿ войске остае. Славный цръ Лазаръ на коня сѣде и рече: Съ Богомъ останїй, ст҃не Милице! Твое мїи сузе мое срдце стрелаю; и обратиxъ войску полю Косову и на Косово прїиде, и натрагъ не воратисе. И посла Милана Топлицанина, да ходїй силу цра Мурата, и тамо бы много времена оу Турскомъ табору, докле оуходїй силу цра Мурата. Серблъ веће се не надаху, да ће дођи натрагъ, и поче Вукъ сердно говорити и лагати. Гдинъ рече: Мучи, Вуче, не проговорїо! Онда Вукъ рече никакву превару и кнезу по таїомъ говори, да никто не чуе, и лажу приноси и рече: Гдине, зло смеслише твое три воеводе войску; хоће невѣрство оучинити Миланъ Топлицанинъ, Їванъ Косанићъ и Милошъ Обиличъ, оће Турскомъ цру да ѿбѣгну и тебе на Косову издати оће; него се оузми оумомъ и памети, оће ли овако быти, како а каза. Каде се Миланъ повратиѿ Турскогъ табора, и каде буде близу нашега логора, Милошъ ће га срести и научити, што ће онъ нама казивати. Лазарь говори: Како знадешъ, лукавїй и невѣрный Бранковићу, што ће Милошъ говорити. Оу то се доба поврати Миланъ из табора Турскога. Тогда кнезу Вукъ рече: Мотрїй добро, оће ли истина быти, што а каза. Милошъ Милана срете и любезно се полюбише, и поче га питати, какве гласе стече, и тако сва войска желно Милана стоећи и чекаюћи, а Миланъ хитро коня єздаше. Миланъ Милошу ѿговори: Не оумемъ ти, брате, сказати силу цра Мурата, ни самъ мого ни очима прегледати, а камо ли оумомъ изброити; колико є ѿ црнога камена до белога круга, пакъ до црнога древа, све є то притиснула Турска войска и сила

црвел, да есть, мой брате, страшно очима гледати. Ту нема земле, гдѣніє притиснула сила, све конь до коня, юнакъ до юнака, бойна копла земли преводена, како церна гора, а барацый, како и облацый, када и стану вѣтрый иatiй. Страшно е очима, брате, гледати; ревао бій, дугови су нзникліи, како е ліепо полѣ одевено; шатори се беле, како снегови на планинама. Милошъ поће братити Милана: За то те братимъ и кумимъ Бгомъ вышнимъ, не мой тако нећу нашомъ войскомъ казивати, ер ће се наша войска оуплашити, а а знамъ Турску войску и нїову силу, а а знамъ, да ко насъ има юнака добрый, кои ће с Турціи стати и оударити противъ ни, а а самъ съ мтію Бжіомъ Турскогъ цара оубити на силу и стаћу му могомъ за братъ за праву истину мою. А ты, брате Милане, када доћешъ нашой войсціи, овако реци: Гдо Сербска, велика е сила Турска, брол се не зна, али вы знате, да су силомъ потерани, нитко ніе оу крѣпости, ни оу юначеству, сви су сиромаси и занатліе, бвлюкъбаше, и арамїе, кулучріе, и авлаціе и шербетари, и с томъ иду, да се хлѣбомъ ране. То видише сва Сербска гпда, гди се они два састадоше и любезно полюбише, и кнезь Лазарь видѣ и вѣрова Вуку Бранковићу. Миланъ ездећи доће Сербскомъ логору, желно нѣга сви дочекаше и поздравляюсе, а за цра Мурата питаю. Топлачанинъ казуе, како е га Милошъ научіо, и на тай гласъ поче се веселити сва Сербска гпда. И кадъ чу то Милошъ Обилићъ, оньда поче весело играти и ову исту пѣсмь пѣвати: Бже мтивїи! Прими дхъ мой, за вѣру Хрїіанску и за сте православне цркве кровь мою прожити оћу; а вы, Турціи, есте за Милоша чули, али нисте, о себе нѣнове сабля кушаліи; али тако ми сабля мое и глава вашїи и живота мога, видѣћете, кад к вамъ доћемъ юначествомъ моимъ и снагомъ и штитомъ пернатимъ, оћу с помоцїю Бжію оударити оу полѣ Косово, чиниђу по мейдану свашта доста, оставићу белеге ѿ камена, да се оно чудо преповеда, доке века. Милошъ самъ себе проречe, и тако му се берзо стече. А то самъ кнезъ Лазарь проречe, кое преће гжа Милица видѣ. Ѿ града Крушевца две дщери Лазареве быстру воду съ крвлю смешаше и сву Сербску гду оу ню потопише, и земляю Сербску опустише, и Хрїіанске цркве и

манастнре порушише. То бысть мца Їуніа ді данъ, и луна бысть пуна, кнезу Лазару празникъ пррокъ Амшсъ, на коему бити суђено погинути и кровь свою пролити. Вечеръ бысть данъ суботны и празникъ, крсно име кнезу Лазару, и сву гдў сазва на вечеру, и сѣдоше за трапезу, и самъ кнезъ Лазарь сѣде оу столицу свою, с десне стране посади свога старца Юга Богдановића, и с леве стране посади зета свога, невернога Бранковића Вука, кой оће свима юнацима смрть задати, и остале све посадїо редомъ: кнеже Стефана Мусића ѿ крови и ѿ колена честитога, и на гласу Дамяна Шайновића, кой ношаше на себы велике рисовине, и Вукосава, краброго старешину, и огнене три главе, кои добро вой с Турцы бїю, Радоню и Богдана Релю Омучевића, Оуглѣшу, многознаногъ старешину Радивоа и Станишу, кой мало было, ѡнакїе смрти се не вое, глава ни и срце нигда не заболе, Орїдина Марника и Џурпџу Петра, Иѡсифа и старца Микиена, каде кой бїе, без страха, иде, и витеза Стоана, страшны очїю, коїе могао очима прострелити по г и по ї, и Юговића девать браће, кое за едню бой бїю и врло Туркомъ досађую, Живана Џурицу, и Матїаша Їѡсима, и Павла Орловића, и Милана Топличанина, Ивана Косанића, и огненога змаа, Милоша Обилића. И сву гпду кнезъ за трапезу посадїо ѿ Милана, да у ни гледи. Тогда хитленїй Вукъ Бранковићъ, име му погинуло! кнезу поче говорити по таїѡмъ изпод мукла: Видиш лїй, гпдине, оне три воеводе, што си доле спрама себе посадїо, знаш лїй, да оће онїй тебе сутра къ смерти предати и Турскомъ цару ѿбечи и войску сву на Косову издати? Тогда се была Турска войска оуплашила ѿ Лазаревїй страшный юнака, и воевода и ѿ силе Лазареве, кое неће юнаке Сербска земла выше родити, и ту смути проклети Бранковићъ на Милоша и на нѣгове три воеводе, кои за то невѣрство и не знаду. Тогда Лазарь поче первїй кусъ вкусити и почеше вїна искати, и оузе Лазарь пеаръ ѿ злата и наточи пунъ вїна, и много мїшлаше о Милошу и главом се пренеможе, и кой га годъ види, свакн жалаше ѡ немъ видити и разумѣти, что то ему есть и што оће говорити. Єгда црь главу горе дигну и една речъ рече: Сербска гпдо! До ако е земла стала оу части, и оу славы, и

оу послушанїю, а ѿдако оће неверство да постане, како чуемъ, тешку рану на срдцу имамъ и ѿ жалости самъ се пренемого, да ѿ войске мое три найболѣ воеводе оће, да се предаду Турскомъ цару Мурату: Їванъ Косанчићъ, Миланъ Топлицанинъ и воевода мой храбрый, Милошъ Обилићъ. То мнѣ кажу, али не вѣруемъ и не знамъ, оће ли быти истина, или не ће. Али мї е за чудо, кога держимъ за сокола, да мїи фата Турке по Косову, како врабце, каде оу лто оулети, саде ми срдце болуе, за што е и преће дворїо Турке, за то оће тамо сада. Чудимъ за мога кума Ївана Косанчића, нѣгове вѣрсте сада не имамъ и нѣгове славе и доброте сваке, а саде оће, да ме изневѣри. А тебе, Милошу, избра за сна и дадо ти дщерь мою, кою самъ держо, како цвѣтъ, и паки скупи войску мою и дадо по руку твою, оучини те, да си везиръ пре войскомъ моїомъ, пакъ за што губишъ власть без неволѣ? За што оћешъ мене да изневѣришъ? То мнѣ кажу, али не вѣруемъ, да ће быти истина. И натоцїи пеаръ ѿ злата, и рече цръ Милошу: Здравъ да си, воевода вѣрный, Милошу! Буди мнѣ вѣранъ, и не буди невѣранъ! Када е Милошъ саслушао рїечи, хитро на ноге поскочїи и дуго мисляше, што ће ѿговорити, докле му пеаръ оу руке дође. Попїи Лазаръ ону чашу вїна, наслужїи чашу, те е даде воеводи Милошу. Милошъ нѣму сердито ѿговара: Фала ти, гдине, на здравици, а не фала ти на дару. Када си ме мислио дарити, вїаше ми старй Крушевацъ поклонити; svakoako ће ти и тако сви градови пусти остати; а каде ћешъ мене оуза се невѣромъ правити и держати, а ето ти невѣре, коя ти оуе колено сѣдый и тебы на уху потайно лажу приноси: он ти е сву войску смутїо, а ты не вѣруешъ, докле очима не видишъ. А а самъ тебы, црю, вѣранъ, тако мене вѣра не убила, и тако свою душу пре бгомъ сохранїо; а то ће сва войска видити, и ти ћешъ самъ видити преће, него што ћешъ оумрети. Сутра есть недѣля, стый пророкъ Аммосъ, зовемо Видовъ данъ: видићемо, тко е вѣра, тко ли е невѣра, и гдѣ послушитъ. Идемъ сутра оу таборъ Турскїи, и оћу за истину по шаторъ цревъ доћи, и оћу Турскогъ цра оубити, и стаћу му ногомъ за грла за праву истину мою, пакъ ћу на трагъ поћи, али не знамъ, што ће быти, али то хоћу оучинити.

Паки иза трапезе скочи, како вїхоръ вѣтръ, а за нимe Миланъ Топличанинъ, Иванъ Косаннћъ; све три воеводе одоше пô Милошевъ шатöръ, заверилїй, да ће за едно до смерти выти, еданъ съ другимъ излюбише се и мало поспаше. Када се пробудише, коньма зобъ дадоше и почеше конѣ седлати и оу лепу оправу опракати, а себе оу лїепо одїело одїевати. Када се лїепо расванулo и сл̃нце се родило, сва троица наћоше се путемъ идући къ Турскомъ табору. Страже Турске оугледаше и, паки казаше цр̃у: Три юнака хитро езде и нашему табору иду, оћемо ли пустити оу нашъ таборъ? Тадай рече Оуйћаръ Патиша: Дай да ѝ видимъ, оће се они потурчити, па ће нама болѣ выти, и преко свега табора проведите ѝ и до мога шатора путь оучините; а вы сви лїепо се оправите съ оружїемъ и с коплями. Тако они сви бр́же се оправише и наӕпише одїело обукоше и оучинише путь до шатора цр̃ева, и сташе оу дизїю, колико да ће цр̃ь прокїй, сви Турцы оу лїепомъ одїелу вїаду, и сваки желаше видѣти юнаке Лазареве. Кад се они оугледаше и чаушїй цр̃евы сретоше ѝ и ш нима се лїепо ѿговорише и поѱоше шатору цр̃еву, и сташа говорити путемъ чаушїй: Како сте, гп̑де юнацы? Како сва войска ваша, и како гд̑инъ вашъ кнезъ Лазарь и официрїй ваши? Есу ли веселн пановн, и спаїе, и на̊ четама поглавари, и делїе Лазареве? Ѿговара Милошъ: Нашъ самодержавнїй кнезъ Лазарь, како е га вышнїй Бг̃ъ ѿздо, и сва войска и гд̑а нѣгова стои на полю Косову, одевена милости и помощи Бж̃їею, и сви юнацїй и делїе Лазареве хитро ходе, исправили се сви на васъ, да оударе, како вуцїй и орлови, када огладне: гдѣ что вїде, оће, да оулове, како и соко, кадъ полети оу еребице, силуй земли обори, доклей не оумори; а ви Турцы ашамїе, а знамъ, што мислите: кадъ вашъ чобанинъ какавъ самъ спїе, а ви, Турцы, велите, да е истина. Онда чауши Милошу рекоше: Не говори выше, него што си ѳео учинити, учини, еръ оћешь садъ ѿ наше войске добити и цр̃у Мурату идешъ, и волу што ћешъ искати, то ћешъ добити: цр̃ь, и везиръ, и мастїе, и кадїе, и софтїе, и найтїе, и нишари, сами они на бой не иду, а паше, и бегови, и аге, и делїе, сваки конѣ добро ране и ради су с вама оударити се; сеименїй, и верзоконици, кулугаїе,

и спаїе, и ажиторн и булюбаше, и восводе велике корпусове, и кутние и рисовину носи; када га гледашъ, ѿ стра душа изълазїй, чинити се, са ће прождети, и сви мы за то не аемо, него рїечъ ѿ цр҃а чекамо, да се с вама оударимо и да васъ све прождеремо. Милошъ нима ѿговара: Не знатели вы, тужныи Турцы, да с васъ вукъ кожу дере и месо ждере, а орао, кадъ оу коконїй оулети, не ради друго, да увати и ѿнесе. Со томъ бесѣдомъ оу цр҃евъ таборъ оуездише, сва Турска войска около стаяше съ оружїемъ и сви се чудише, како Милошъ коня езди са дружиномъ нѣговомъ, и кои су били близу, они се нагледаше юнака добры и међу собомъ говоріше: Б҃же милїй, да чудни юнака Лазареви! Оу тай часъ дође Милошъ пре шаторъ цр҃евъ. Пођоше паше, Милошу коня да префате. Милошъ нимъ коня не даде, но рече: Не подноси нама, да вы наше конѣ примате, и ту храбрїй Їванъ Косаничъ свога коня ѿсѣде и прими коня Милошева, и Милошъ поче съ цр҃емъ говорити. Цр҃ь ему фришко шатора не ѿвори, и тогда се Милошъ разсрди, пак се фришко на трагъ поврати и на коня скочи, оузенгїя се не превати. Када види цр҃ь и сви Турци, и рекоше: Храбра юнака. Таки Миланъ Топличанинъ оустеже колане своме коню, и Милошъ ему рече: Не серди, соколе, крила своя, мало почекай, сачешъ оу ято оулетити, али не знамъ, оћешъ ли кнезу ѿлетити. Тадай се Милошъ цр҃у поврати и поклони му се, и цр҃ь ему рече: Ты ћешъ ѿ мене многъ даръ добити, и пружи му рука, да га полюби. Милошъ ѿговара: Сваногa самъ дара доволанъ ко моега гд҃ина, Лазаря. Тай везиръ рече цр҃у: Не дай каурину руке цѣливати, веће пружи му ногу, нека цѣлуе. Цр҃ь ему пружи ногу, а Милошъ оувати за ногу, изъвуче мачъ и разпори до персїю, и заборави ногомъ стати цр҃у за вратъ. Азнадарїй и силекарїй цр҃евїи рекоше: За што тако цр҃а обрани? Тогда се Милошъ поврати, и стаде цр҃у за вратъ ногомъ, и цр҃еву саблю довати и номе погуби великогъ везира; тогда сва гп҃да Турска ѿ цр҃а побѣже, ѿ страха Милошева и силе нѣгове, сву войску Турску забуни и саблѣ нима предадоше. Када Милошъ на коня скочи, то чудо! Очи више нигда не ће видити. Оде гласъ по войскїй свой: оуби Милошъ цр҃а. Ѳида храбрый Їванъ Косаничъ потерже свой

княжеское; такимъ образомъ, передъ вонмъ, послѣ говорити, слѣдуетъ поставить двѣ точки и подразумѣвать существительное — войскомъ. А а самъ съ матїю бжїомъ Турскогъ цара убити на сыу и стаћу му ногомъ за вратъ, вѣроятно, здѣсь опущенъ, передъ словомъ убити, вспомогательный глаголъ ћу (ћу убити, убью). Нѣсколько безпорядочное по разстановкѣ словъ предложеніе: тогда се была Турска войска уплашила отъ Лазаревїй страшный юнака и воевода и отъ силе Лазареве, кое не ће юнаке Серска земла выше родити, и ту смути проклети Бранковићъ на Милоша и на нѣгове три воеводе, кои за то невѣрство и не знаду, я понимаю такимъ образомъ: тогда бы (если бы Вукъ не клеветалъ Лазарю, о чемъ только что говорено) устрашилось Турецкое войско страшныхъ Лазаревыхъ юнаковъ, какихъ больше не родитъ земля Сербская, воеводъ и силы его, но и ту смутилъ проклятый Бранковичъ, клевеща на Милоша и на его (Лазаря) троихъ воеводъ, которые, не знаютъ, не думаютъ объ измѣнѣ; слѣдовательно, кое не ће юнаке Сербска земла выше родити, должно помѣстить послѣ словъ: страшный юнака; а выраженіе: на Милоша и на нѣгове три воеводе, должно дополнить словомъ лажећ, или другимъ, ему соотвѣтствующимъ. На этотъ разъ я отказываюсь отъ объясненія слѣдующихъ мѣстъ: 1) а отъ того времена прозива се Кобилићъ, кие му се преде, како се една речї рече; 2) и онда вы гласъ, каво ће и остати веће сила Турска и црство нїоко; наконецъ 3) слово навенїй, въ выраженіи: али из невѣры навенїй Бранковићъ съ войскомъ побѣже, амо главн, сербска войска добити, если не должно раздѣлить его на двѣ части, на союзъ и и на причастно-прилагательное слово, столь употребительное въ бранномъ смыслѣ у Сербовъ, весьма обыкновенное и въ устахъ Русскаго народа.

П. Лавровскій.

22 Генваря, 1860 г.
Прага.

ЖИТІЄ ЦАРА ЛАЗАРА.

Самодержецъ великїй кнезъ Лазарь баше ѿ єствєнаго рода племенита и нароучита и блгородный родителей, снъ оца и мтере. Єгда приспѣ лѣть ї҃н, тогда возведоше его родители великому самодержцу црю Стефану, снъ Стефана, крала Деуанскогъ, оцу же младаго цра Оуроша, и дадоше га, да послужи его. Видѣвъ цръ его крѣпость и храбрость и воздаєтъ єму цръ его сродницу, гпжу Милицу, дщерь Юга Богдановића. По маломъ времениї преставися славный и превеликїй цръ Стефанъ, и еще при животу своємъ поставилъ на прѣстолъ црскїй младаго цра Оуроша, и на црство наступиї краль Вукашинъ Мрнявчевићъ, еще имѣаше два брата, Оуглѣшу и Гойка, и оубы краль Вукашинъ младаго цра Оуроша, оу ловѣ када су били, мца декемврїа ѕ҃ день, Сербской земли велико зло сотворише. Видѣ Бгъ ихъ неправду, и они ону чашу вскорѣ испїйше ѿ Турака, гдѣ є войска неброена оударила, и онде су сва три брата Мрнявчевића погинула на Марицїй рецѣ, близъ черногa камена, сви погинуше и све нимъ воинство погублѣно бысть прѣвнымъ судомъ бжїимъ, и пришаше ѿ тысаще войске Мрнявчевића, мали нѣкїй оутекоше, а другїй рекоше: О чуда! Како бы могло быти, да три тысаще Агарана разбїю Вукашинову воиску, седамь тысаща войске. Оно есть неправда и

лукавство, почто своігъ гдна оубише. Краль Вукашинъ имѣаше три сна: Марка, и Андриа, и Дімитріа. Марко Кралѣвићъ и Константинъ Жиляновићъ, снъ Деана воеводе, и Драгнашъ воевода, те три воеводе шбегоше ѿ Сербска земле, боећи се, да ихъ сабла не погуби поздради крала Вукашина, шбегоше оу Турску землю, с Турцы воевати на Хртіане съ црємъ Баязитомъ, и оударише на Сербскій логоръ, и тогда сва три погибоше повелѣніемъ бжіимъ. Тогда поставише кнеза Лазара на пртолъ Сербскій съ блгословеніемъ четирими вселенскимъ а тріархій и всего сабора Сербскаго. И бысть кнезъ Лазарь гднъ Сербскій, и пребиваше оу свакомъ добромъ чину оукрашеніемъ и сваким добротамъ мтію и правдою, имѣаше оуи оукрашене и руке податливе, мдрдъ біаше и имѣаше три сна: Стефана деспота, и Лазара, и Вука, и дщерей пать: Маріа, речена Видосава, иже дана бысть Вуку Бранковићу, Єлица, иже дана бысть Милошу Обилићу. В то время слыша кнезъ Лазарь о пришествіи Агарана на Сербску землю, иже борити са с ними, и кнезъ Лазарь на коню біаше со двѣма зетовима, изъ лова ездаше, и оузрѣше и дщерен Лазареве с висока чардака, и поче Видосава говорити: Видите ли дивна чуда, гдѣ Кобилићъ кона езди ѿ десне стране оца мога, Лазара, а Вукъ Бранковићъ с леве стране езди? Єлица сестри ѿговара: Да не види гднъ оцъ Милоша, юнака добра и вредна, не би га поставіо одесную себе. Носкочи хола Видосава, кадъ то чу, и оудари сестру свою рукомъ по образу, и на руцы ей біаше перстенъ златанъ, и обрани сестру свою, Єлицу, и кровь низъ образъ потече. И в тай часъ Лазарь доезди пре дворъ со двѣма зетовима своима, и изиде Єлица те Милошу кона превати, и Єлица лице свое пешкиромъ сокривала. Милошъ Єлицу видѣ крваву и рече ей: Что ти е лице крваво? Она нѣму ѿговара и све право сказа, како е сестра оударила. Тогда Милошъ съ срца оуздану и оузе Вука Бранковића за руку, пак га далеко ѿ двора ѿведе и поче му говорити: Карай, брате, твою холу Видосаву, да не износи речи и да не зове поглавите люде ѿратомъ, еръ ако е ты не ћешъ карати, заклинѣм ти се Бгомъ вышнимъ и моею десницею, каде будемо оу путу конѣ ездећи, оузећу те изъ руке оу руку доватати, како Вукъ егнѣ, доклѣ га не разтергне, на

ћу тобом ѹдарити о землю, како орелъ жабомъ, или корнацомъ, но што знамъ, она учини, еръ ћу те ѹбити моиомъ десницомъ, како херъ зеца, пак ћу те дарнвати твоей Видосави мертва, или жива, зашто она оучини мою матеръ кобилом. Нека свакъ зна, что Милошъ оучини, и нека свакн верує, да я ни самъ Кобиликъ, него Милошъ Обиличъ и правій детићъ. А ѿ тога времена прозивасе Кобиликъ, ние му се преде, како се една реч рече, а Вукъ Бранковићъ ѿ страха Милошева проговорити не може. Ѿ тога часа Милошъ на Вука имао е злобу и злу волю, и ѿ тога ништа му не спомену, веће га посла оу свою войску, а Милошъ оде оу свою войску, и вредно Милошъ служаше кнеза Лазара, а Вукъ Бранковићъ ѿиде кнезу Лазару на Милоша лажне речи приносити и зло говорити своимъ, хоће ову Сербску войску поклати. Вукъ рече: Гдине, Лазаре! Ѿ страха Милошева самъ деркћемъ и мертви не живой попаде, како се за Милоша гласи говоре: Милошъ оће неверстко оучинити, када будемо съ Турцій на бой оударити на полю Косову. Кнезъ нѣму рече: Мучи, Вуче, мукомъ се замучко. Ѿкуда ты ту лажу изнесе? Милошъ е мой щитъ перній, оу нѣму стои сва снага и крѣпость моя; Милошъ ће оставити споменъ на полю Косову. Лазарь тому прорчествова. О иднїй Милошу! Да ті е садъ быти на зборъ, да учешъ, што око тебе лажнвїй Вукъ плете и лажне речи износи, пакъ онъ самъ да оучеше. Тогда поче Милица гжа Лазару говорити: Видимъ, гдине, да полазишъ на поля Косово, но ѿидїй, докле учешъ, ели истина, что за Милоша говоре, и докле правій гласъ разберешъ. Лазарь Милици ѿговара: Не би се садъ оустависе, да би се не вратїо с поля Косова. А ты поиїй съ Богомъ, гдине. Еще те молимъ: исполни ми волю мою за любовъ нашу. Тако ти порода, што самъ съ тобомъ изродила, и тако ти твоя войска съ тобомъ здраво ходила и овуда долазила; не мои ме оукратити, што ћу те просити: не мой мій девать браће на бой водити, не мой да погине колено Юга Богдановића со тимъ, не мой ме жестоко оуцвилити! Када то Лазарь саслушао, Милици ѿговара: Ты, Милице, сама знадешъ, да су твоя браћа мой щитъ перній и оу нима стои сва снага моя и крепость моя кода су многа копля на полю Косову бой быти, за што су ѿ племена

юнацы и витезови храбрїи с копїима на бою; тако и самъ стари Югъ Богдановићъ говори, да самъ Турскїй црь ѿ Юговића страхъ имаде; за што не могу ти, Милице, испо́лнити волю твою. Тогда се Милица ему поклонїй и съ плачемъ говори: Тако ти Гдь державу сохранїо твою, а ти мїй оставїй єднога браца сестри за милошту и за старца Юга честитога споменъ, да остави єданъ ѿ Юговића; онда знашъ, гдине, како ти Милица прорече, да ѡ те войске мало ће остати. Лазаръ Милици говори: Срамота бїй было єдному брату ѿ войске остати; рекли бый осталїи войницїй: оно нїє ѿ юначескогъ рода, нити є добаръ юнакъ, кой ѿ войске оста. Славный црь Лазарь на коня сѣде и рече: Съ бгомъ останїй, гжне Милице! Твое мїи сузе мое срдце стреляю; и обратиꙗ войску полю Косову и на Косово прїиде, и натрагъ не повратисе. И посла Милана Топлицанина, да чодїй силу цра Мурата, и тамо бы много времена оу Турскомъ табору, докле оучодїй силу цра Мурата. Сербль веће се не надаху, да ће доћи натрагъ, и поче Вукъ сердито говорити и лагати. Гдинъ рече: Мучи, Вуче, не прогово́рїо! Онда Вукъ рече никакву преvару и кнезу по таїом говори, да никто не чуе, и лажу приноси и рече: Гдине, зло смеслише твое три воеводе войску; хоће неверство оучинити Миланъ Топлицанинъ, Їванъ Косанчићъ и Милошъ Обилићъ, оће Турскомъ цру да ѿбѣгну и тебе на Косову издати оће; него се очини оумомъ и памети, оће ли овако быти, како а каза. Каде се Миланъ поврати ѿ Турскогъ табора, и каде буде близу нашега логора, Милошъ ће га срести и научити, што ће онъ нама казивати. Лазарь говори: Како знадешъ, лукавїй и неверный Бранковићу, што ће Милошъ говорити. Оу то се доба поврати Миланъ из табора Турскога. Тогда кнезу Вукъ рече: Мотрїй добро, оће ли истина быти, што а каза. Милошъ Милана срете и любезно се подюбнише, и поче га питати, какве гласе стече, и тако сва войска желно Милана стоећи и чекаюћи, а Миланъ хитро коня ездаше. Миланъ Милошу ѿговори: Не оумемъ ти, брате, сказати силу цра Мурата, ни самъ мого ни очима прегледати, а нимо ли оумомъ измерити; колико є ѿ црнога камена до белога крута, пакъ до црнога дрена, све є то притиснула Турска войска и сила

црѣвл, да есть, мой брате, страшно оуима гледати. Ту нема земле, гдѣ ніє притиснула сила, све конь до коня, юнакъ до юнака, бойна копла земли преведена, како церна гора, а барацый, како и облацый, када и стану вѣтрый иіатій. Страшно є оуима, брате, гледати; рекао бій, лугови су изниклій, како є лієпо полѣ одевено; шатори се беле, како снегови на планинама. Милошъ пође братити Милана: За то те братимъ и кумимъ Бгомъ вышнымъ, не мой такω међу нашомъ войскомъ казивати, ер ће се наша войска оуплашити, а а знамъ Турску войску и нїову силу, а а знамъ, да ко насъ има юнака добрый, кои ће с Турцїй стати и оударити противъ ий, а а самъ съ мітїю Бжїомъ Турскогъ цара оубити на силу и стаћу му ногомъ за вратъ за праву истину мою. А ты, брате Милане, када дођешъ нашой войсцїй, овако реци: Гдо Серска, велика є сила Турска, броа се не зна, али вы знате, да су силомъ потерани, нитко ніє оу крѣпости, ни оу юначеству, сви су сиромаси и занатліє, булюкъбаше, и ацаміє, кулучиціє, и алвациіє и шербетари, и с томъ иду, да се хлѣбомъ ране. То видише сва Сербска гпда, гди се они два састадоше и любезно полюбише, и кнезъ Лазарь видѣ и вѣрова Вуку Бранковићу. Миланъ ездећи дође Сербскомъ логору, желно нѣга сви дочекаше и поздравлаюсе, а за црл Мурата питаю. Топанчанинъ казує, како є га Милошъ научїо, и на тай гласъ поче се веселити сва Сербска гпда. И кадъ чу то Милошъ Обилићъ, оньда поче весело играти и ову исту пѣснь пѣвати: Бже мітикій! Прими дхъ мой, за вѣру Хртїанинску и за сте православне цркве кровь мою прожити оћу; а вы, Турцїй, есте за Милоша чули, али нисте, о себе нѣнове саблѣ кушалїи; али тако ми саблѣ мое и глава вашїи и живота мога, видѣћете, ка к вамъ дођемъ юначествомъ моимъ и снагомъ и цитомъ пернатимъ, оћу с помощїю Бжїю оударити оу полѣ Косово, учинићу по мейдану сваніта доста, оставићу белеге ѿ камена, да се оно чудо преповеда, доке века. Милошъ самъ себе пророче, и тако му се верзо стече. А то самъ кнезъ Лазарь пророче, кое пређе гжа Милица видѣ. Ѿ града Крушевца две дщери Лазареве быстру воду съ крвлю смешаше и сву Сербску гду оу ню потопише, и землю Сербску опустише, и Хртїанске цркве и

манастире порушише. То бысть мца Їунїа ді дань, и луна бысть пуна, кнезу Лазару празникъ прррокъ Амосъ, на коему быти суђено погинути и кровь свою пролити. Вечеръ бысть данъ суботни и празникъ, красно име кнезу Лазару, и сву гдѹ сазва на вечеру, и сѣдоше за трапезу, и самъ кнезъ Лазарь сѣде ѹ столицу свою, с десне стране посади свога старца Юга Богдановића, и с леве стране посади зета свога, невернога Бранковића Вука, кой оће свима юнацима смрть задати, и остале све посадїо редомъ: кнеже Стефана Мусића ѿ крови и ѿ колена честитога, и на гласу Дамяна Шайновића, кой ношаше на себы велике рисовине, и Вукосава, кабраго старешину, и огнене три главе, кои добро бой с Турцы бїю, Радоню и Богдана Релю Омучевића, Оуглѣшу, многознаногъ старешину Радивоя и Станишу, кой мало было, онакїе смрти се не бое, глава ни и срце нигда не заболе, Орїдина Марника и Цурпицу Петра, Иωсифа и старца Миклена, каде кой бїе, без страха, иде, и витеза Стояна, страшны очїю, коїе могао очима прострелити по г и по д, и Юговића девать браће, кое за едню бой бїю и врло Туркомъ досађую, Живана Цурнцу, и Матїаша Їωсима, и Павла Орловића, и Милана Топличанина, Ивана Косанића, и огненога змая, Милоша Обилића. И сву гпдѹ кнезъ за трапезу посадїо ѿ Милана, да у ни гледи. Тогда хитлевїй Вукъ Бранковићъ, име му погинуло! кнезу поче говорити по тайномъ изпод мукла: Видиш лїй, гпдине, оне три воеводе, што си доле спрама себе посадїо, знаш лїй, да оће онїй тебе сутра къ смерти предати и Турскомъ цару ѡбечи и войску сву на Косову издати? Тогда се была Турска войска оуплашила ѿ Лазаревїй страшный юнака, и воевода и ѿ силе Лазареве, кое неће юнаке Сербска земля выше родити, и ту смути проклети Бранковићъ на Милоша и на нѣгове три воеводе, кои за то неверство и не знаду. Тогда Лазарь поче первїй кусъ вкусити и почеше вїна искати, и оузе Лазарь пеаръ ѿ злата и наточа пунъ вїна, и много мїшляше о Милошу и главом се препеможе, и кой га годъ види, свакн жалаше ѡ немъ видити и разумѣти, что то ему есть и што оће говорити. Егда цръ главу горе дигну и едва ретъ рече: Сербска гпдо! До ако е земля стаяла оу части, и оу славы, и

оу послушанію, а ѿдако оће невѣрство да постане, како чуємъ, тешку рану на срцу имамъ и ѿ жалости самъ се пренемого, да ѿ войске мое три найболя воеводе оће, да се предаду Турскомъ цару Мурату: Іванъ Косанчићъ, Миланъ Топличанинъ и воевода мой храбрый, Милошъ Обиличъ. То мнѣ кажу, али не вѣруємъ и не знамъ, оће ли быти истина, или не ће. Али мі є за чудо, кога держимъ за сокола, да міи фата Турке по Косову, како врабце, каде оу ято оулети, саде ми срце волуе, за што е и преће дворіо Турке, за то оће тамо сада. Чудимъ за мога кума Івана Косанчића, нѣгове врсте сада не имамъ и нѣгове славе и доброте сваке, а саде оће, да ме изневѣри. А тебе, Милошу, избра за сна и дадо ти дщерь мою, кою самъ держо, како цвѣтъ, и пакн скупи войску мою и дадо по̂ руку твою, оучини те, да си везиръ пре̂ войскомъ моіомъ, пакъ за што губишъ власть без неволѣ? За што оћешъ мене да изневѣришъ? То мнѣ кажу, али не вѣруємъ, да ће быти истина. И натоčій пеаръ ѿ злата, и рече црь Милошу: Здравъ да си, воевода вѣрный, Милошу! Буди мнѣ вѣранъ, и не буди невѣранъ! Када є Милошъ саслушао ріечи, житро на ноге поскочій и дуго мислаше, што ће ѿговорити, докле му пеаръ оу руке доће. Попій Лазарь ону чашу віна, наслужій пуну, те є даде воеводи Милошу. Милошъ нему срдито ѿговара: Фала ти, гдине, на здравици, а не фала ти на дару. Када си ме мислио даривати, віаше ми стари Крушевацъ поклонити; свакоако ће ти и тамо сви градови пусти остати; а каде ћешъ мене оуза се невѣромъ правити и держати, а ето ти невѣре, коя ти оус колено сѣдыи и тебы на уку по̂тайно лажу приноси: он ти є сву войску смутіо, а ты не вѣруєшъ, докле оучинна не видишъ. А а самъ тебы, црю, вѣранъ, тако мене вѣра не убила, и тако свою душу пре̂ бгомъ сохраніо; а то ће сва войска видити, и ти ћешъ самъ видити преће, него што ћешъ оумрети. Сутра есть недѣля, стый пррокъ Аммосъ, зовемо Видовъ данъ: видићемо, тко є вѣра, тко ли є невѣра, и гдѣ послешитъ. Идемъ сутра оу таборъ Турскій, и оћу за истину по̂ шаторъ црскъ доћи, и оћу Турскогъ цра оубійти, и стаћу му ногомъ за врата за праву истину мою, пакъ ћу на трагъ поћи, али не знамъ, што ће быти, али то хоћу оучинити.

Пакн иза трапезе скочи, како віторъ вѣтръ, а за нимє Миланъ Топличанинъ, Иванъ Косанчићъ; све три воєводе одоше по Милошевъ шаторъ, заверилаій, да ће за єдно до смерти выти, єданъ съ другимъ излюбише се и мало поспаше. Када се пробудише, коньма зобъ дадоше и почеше конѣ седлати и оу лепу оправу оправлати, а себе оу ліепо одіело одіевати. Када се ліепо расванчало и сл҃нце се родило, сва троица наћоше се путемъ идући къ Турскомъ табору. Страже Турске оугледаше и, пакн казаше ц҃рю: Три юнака хитро єзде и нашему табору иду, оћемо ли пустити оу нашъ таборъ? Тадай рече Оуићарь Патиша: Дай да и видимъ, оће се они потурчити, па ће нама болѣ выти, и преко свега табора проведите и и до мога шатора путь оучините; а вы сви ліепо се оправите съ оружіемъ и с копліаци. Тако они сви вржe се оправише и након пише одіело обукоше и оучинише путь до шатора ц҃рева, и сташе оу дизію, колико да ће ц҃рь прокі́и, сви Турцы оу ліепомъ одіелу біаду, и свакн желаше видѣти юнаке Лазареве. Кад се они оугледаше и чаушіи ц҃ревы сретоше и и ш нима се ліепо ѿговорише и поюше шатору ц҃реву, и сташа говорити путемъ чаушіи: Како сте, г҃пдо юнацы? Како сва войска ваша, и како г҃днъ вашъ кнезъ Лазарь и официрій ваши? Єсу ли веселн бановн, и спаїє, и на четама поглавари, и деліє Лазареве? Ѿговара Милошъ: Нашъ самодержавній кнезъ Лазарь, како є га вышній Б҃гъ создо, и сва войска и г҃да нѣгова стои на полю Косову, одевена милости и помоћи Б҃жіею, и сви юнаціи и деліє Лазареве хитро ходе, исправили се сви на васъ, да оударе, како вучіи и орлови, када огладне: гдѣ что віде, оће, да оулове, како и соко, кадъ полети оу еребице, силчи земли обори, доклей не оумори; а ви Турцы ацаміє, а знамъ, што мислите: кадъ вашъ чобанинъ какавъ санъ сніє, а ви, Турцы, велите, да є истина. Онда чауши Милошу рекоше: Не говори выше, него што си ѳео чинити, чини, еръ оћешъ садъ ѿ наше войске добити и ц҃рю Мурату идешъ, и волю што ћешъ искати, то ћешъ добити: ц҃рь, и везиръ, и мастіє, и кадіє, и софтіє, и найтіє, и инишари, сами они на бой не иду, а наше, и беговн, и аге, и деліє, свакн конѣ добро рание и ради су с вама оударити се; сеименій, и верзоконици, кулугаіє,

и спаїе, и ... и булюбаше, и воеводе велике корнусове, и буцине и рисовину носи; када га гледашъ, ѿ стра душа изла͡зїй, чинити се, са ће прождети, и сви ми за то не аемо, него рїечъ ѿ цр҃а чекамо, да се с вами оударимо и да васъ све прождеремо. Милошъ нима ѿговара: Не знатеаи вы, тужныи Турцы, да с васъ вукъ кожу дере и месо ждере, а орао, кадъ оу кокошїй оулети, не ради друго, да увати и ѿнесе. Со томъ беседомъ оу цр҃евъ таборъ оуеѕдише, сва Турска войска около сталше съ оружїемъ и сви се чудише, како Милошъ коня езди са дружиномъ нѣговомъ, и кои су били близу, они се нагледаше юнака добры и међу собомъ говорише: Бж҃е милїй, да чудни юнака Лазареви! Оу тай часъ дође Милошъ пре шаторъ цр҃евъ. Пођоше паше, Милошу коня да префате. Милошъ имъ коня не даде, но рече: Не подноси нами, да вы наше коње примате, и ту храбрїй Їванъ Косаниће свога коня ѿсѣде и прими коня Милошева, и Милошъ поче съ цр҃емъ говорити. Цр҃ь ему фришко шатора не ѿвори, и тогда се Милошъ разсрди, пак се фришко на тратъ поврати и на коня скочи, оузенгїя се не превати. Када види цр҃ь и сви Турци, и рекоше: Храбра юнака. Тави Миланъ Топличанинъ оустеже колане своме коню, и Милошъ ему рече: Не серди, соколе, крила своа, мало почекай, саћешъ оу ато оулетити, али не знамъ, оћешъ ли кнезу ѿлетити. Тадаї се Милошъ цр҃у поврати и поклони му се, и цр҃ь ему рече: Ты ћешъ ѿ мене многъ даръ добити, и пружи му рука, да га полюби. Милошъ ѿговара: Скапога самъ дара доволанъ ко̑ моега г҃дина, Лазара. Тай везиръ рече цр҃у: Не дай каурину руке цѣливати, веће пружи му ногу, нека цѣлуе. Цр҃ь ему пружи ногу, а Милошъ оувати за ногу, изъвуче маћъ и разпори до персїю, и заборави ногомъ стати цр҃у за вратъ. Азнадарїй и силекарїй цр҃евїи рекоше: За што тако цр҃а обрани? Тогда се Милошъ поврати, и стаде цр҃у за вратъ ногомъ, и цр҃еву саблю довати иноже погуби великогъ везира; тогда сва г҃пда Турска ѿ цр҃а побѣже, ѿ страха Милошева и силе нѣгове, сву войску Турску забуни и сабль нима предадоше. Када Милошъ на коня скочи, то чудо! Очи више нигда не ће видити. Оде гласъ по войскїй свой: оуби Милошъ цр҃а. Онда храбрый Їванъ Косаниће потерже свой

буздовань и оубїй великогъ везира оу главу, пакъ извади свою саблю и рече: О г҇дне кнеже, да ти е садъ видити, како твое невѣре сѣку по Косову Турке! Пакъ поче Турке губити, а о смерти не мислити.

Люти змай Милошъ оузданy и зубы заскрипїй и рече: Нека знате, Турцы, како Милошъ сече, и найпослѣ се оу кой поуео сѣћи рукомъ и себы путь прокерчи. Прѐ нимъ сви бѣже, ерьо противъ нѣга никто стати на единоуь замисляваше, а по два и по три земли обараше, и сви Турцы ѿ нѣга страхъ имѣаху. Тогда погибе храбрїй Иванъ Косанићъ юнакъ. Кад га Милошъ видѣ, и врло се разжали, грозне сузе проли, ни два остадоше и много Турака изсекоше. Потомъ мало време постаало, и Миланъ юнакъ погибе, десна му се рука ѿсѣче и много му кровь истече, тадай из гласа рече: Сада сам ти, кнеже, невѣранъ, ер юнакъ руке не имамъ. Када га Милошъ ту опази по̂ коискимъ ногама и рече: Хвала те, Бж҇е, што се то ѿ юнака оуради! Ѿ жалости се пренеможе и оу нему ср҇це заигра, да освети Милана и Ивана. И тай часъ, кои га е видио, сваки се чудно, што чл҇вкъ чинаше, и ко̂коли му сабла оу руци играше, сва войска Турска бѣжаше, еръ немилостиво сѣчаше, и ништа му не могоше, еръ на нѣму и на кону оклопъ бїаше. Змай мисляше из войске излетити и кнезу Лазарю долетити, али из нб҇а клиуе гласъ, како женскїй говори: О тужнїи Турцыи и маинти. То е соко не може се безъ мреже оувaтити, него послушайте мене: найберже прѐ нѣга голе сабле мећите и щите перне и копла нѣму окрећите, еда би се конь по̂ нимъ носѣкао, или оупо. Таки навали сила Турска, по̂ нимъ кона оубїйше: конь паде, а Милошъ ѿ кона ѿскочи, на копле се наклони и триадесатъ лакти землѣ прескочи; и други путь скочи, копле му се сломи; и онда Турцый навалише и Милоша жива оухватише, еръ му выше среће не бїаше. Како паде оу Турске руке, пакъ га свезаше и цр҇у га ѿведоше, за што Милошъ не бїаше цр҇а оубїо до смерти, и онда бы гласъ, како ће и остати веће сила Турска и цр҇ство нїово. Јаничарїй Милоша поведоше, и рече Оунгаръ Патишы: Ево ти твога крвника, Милоша, жива; оустани горе, те му стайи ногомъ за вратъ, како што е онъ тебы, нека буде едно за друго; ако ли не ћешъ оустати, а ты намъ

ζаповѣди, каккомъ ћемо га смрти оумори̇ти. Црь рече: Свакки човекъ свою смрть любїй: оставите га саде; а вы сви, веζири, паше мое, вришко оустаните, сви лїепо се оправите, на кнеζа Лаζара таборъ сви оударите єдинайко, да ζа живота видимъ, чи ће мейданъ бити. Тогда сва се сила Турска подиже, и оударише бубнїй и црвене борїе, подигоше се веζири и паше на Лаζаревъ таборъ, и ѿтворише црвене барjаке чинити бой.

Славный црь Лаζарь съ гдомъ оу церквы бїаше стаго Їωанна Греческаго ζакона, на лїтургїи сталу. Вришко страже дотекоше и рекоше: Гдине Лаζаре! Црь Турски иде на насъ, да се с нама бїе. Тогда Лаζарь рече: Идите вришко, да се и мы оправимо. Таки оударише трумбета и ζилови, таламбаси Лаζареви. Када се Сербль Лаζареви скупише, тай сва войска повика иζ гласа: Не има овде трїю найболи воевода, Милоша, и Милана и Ївана: те троица ѿбегоше, на насъ цра подигоше. Тай рече Букъ Бранковићъ: Видиш ли, цре Лаζаре, Турци насъ обколише. Што си стаω, те не бѣжишъ? Лаζарь рече: Не ћу а, Буче, бѣгати, него оу име Бже, съ помоћїю Бжїею, оћу бити съ Турцы. Тогда поче свою войску свѣтовати: Гдо Сербска и витеζови сви, рецитє: Помоζи, Бже, ζа вѣру Хртїанску крвь нашу да пролїемо! Оу тай часъ невѣрный Бранковићъ цра иζдаде, и ѿведе десатъ хилада войске, и бїаше ту една хилада добрый юнака и коника. А кадъ црь Лаζарь на кона оусѣде, свой мачъ иζвади и свою войску прекрсти, и оуζе на себе гласъ мченчески, пакъ рече: Сада ходите, мои славнїй витеζовїй, да кровь нашу пролїемо ζа вѣру Хртїанску и ζа любовь Бжїю, и ζа сте мтнре и црквє, да смртїю живота купимо! Ако и кой не ће, а онъ нека бѣжи ζа проклетим Буком Бранковићемъ, а мы да покажемо данасъ юначество на полу Косову ζа вѣру и очество. Пакъ первїй оудари оу Турке, а ζа нимъ сва сила Сербска. И тако те две войске оударишесе; ту є сила била, брате: ѿ тешка пра и ωлова и ѿ тешка плача и вриске ζемлѧ се тресла; ту су, брате, ранѣнїй юнацїй и кони оу силной крвы пливалїй и ѿ мертвїй ни си могао маћи се никуда. Кой бїй то видио оучима, онай бы найболѣ могао каζати ту силу и страоту и велику жалость, како є крвь по раζбойшту

текла, како една рѣка, и юнаціи, гледећи своє коњ и жалећіи, што оу крвы лежаху. Тогда рече црь Лазарь: Што се то оучинїи саде ѿ толикїи юнака и ѿ нїове вредности! Кадъ то чу старецъ Миклеићъ, напред се показа нрѐ свима юнацїима, и поче Турке губити: гдѣ годъ сабломъ доваташе, съ церномъ земломъ састааше, по два и по три земли обараше. Холи Марнико ту своє юначество показа; из три рачне главе врло су Туркомъ досадили, ер су были юнаціи избранїи: Радона Богданъ, кои су се за едно держали и верло су Туркомъ досађивалїи; Юговића деветь брађе, кои су за едной бой былїи и сви ту погибоше; нїове силе и юначества неће выше Сербска земля родити; Їванъ, и Цурница, и Стефанъ, и Паво, и Радона, и Гойко Стоянъ, и Петаръ, и Їосифъ, племенита гнда и юнаци, показаше сву свою снагу и силу, и разбише Турскїи таборъ на Косову, и тако бы могли сву Турску силу побити, али из некѣры изменїи Бранковићъ съ войскомъ побѣже, амо главе, Сербска войска добити полѣ Косово ѿтети. И тако Хртїанїи съ Турцы до подне тучошесе и многе Турке изсѣкоше, и Хртїанскїи мейданъ бїаше до подне, а ѿ подне Турцы навалише и Сербле оумалише, Лазара жива оувати и съ нѣговїи нѣколико властелина, и цару его ѿведоше и тако рекоше: Нашъ мейданъ, цре, и ево ти жива Лазара, прими га без мита! Тогда нима црь заповѣди: Оузмите три стѣне и поставите, гдѣ Милошъ скочи, и начините столъ ѿ мрамора и напишите: Овде Милошъ цра оубоде и самъ себе погуби. То садъ оучините, да видимъ за живота мога; пакъ сазидайте мнѣ гробъ ѿ мрамора и на нѣму напишите: Овде црь с Милошемъ напореду лежи и црь Лазарь; каде а оумремъ, Милошу главу ѿсѣците, те кодъ мое главе напоредо метните, ради вećега спомена. Оу тай се чуо Милошъ цру ави и рече му: Цре гдние! То нїє прилика, да моя глава оус твою лежи, него цреву главу метни кодъ твое главе, а Милошеву ѥдну главу метните доле под ноге, нека Милошъ и по смерти служїи. Како Милошъ рече, тако и црь осудїи. Онда се Лазарь Милошу обратикъ и съ плачемъ поче говорити: Милошу! Што данасъ оучинїи, то чудо нїє біло, нити ће бити. Милошъ цру ѿговара: То є, што си с Вукомъ мене чинїо невѣромъ, а ето гледай, да

данасъ а тебы ни самъ ни каква зла чиніо. Саде да знашъ, есамъ ли свершіо синоћинѣ обѣћанѣ, и да си мене слушао, не бы данасъ са мномъ плако по̑ шаторомъ ц҃ревнимъ, и да си данасъ видіо твое три воеводе, што си за невѣру держо, онда не бы рекао, да смо ти невѣрніи; али ні еси видіо, нити ћешъ выше видити. Тогда Лазарь рече Милошу: Бл҃жена ти десница твоа и данашна твоа игра и Хр҃тіанска права вѣра, свѣтло ти твое лице біло оу дану и оу ноћи, кой ты данасъ показа вѣру и юначество твое, и цр҃а оубоде и остави споменъ во вѣки, аминь. Тогда оумре цр҃ь Турскій, а Милошу главу ѿсѣкоше, и Лазару главу ѿсѣкоше и оу нѣкій бунаръ бацише. Ѿ то доба смете се сва Сербска земла; тогда погибе Сербске войске р҃о хилада, самъ Милошъ съ дружиномъ нѣговомъ погубій Турака ї҃ хилада, и када се оударила Сербска войска съ Турци, погибе Турака немилостиво с҃л хилада. Ѿ то доба Турціи землю и градове освоише, на све стране пространіи біше, куд су годъ ишлый, све су добіаліи. Тадай се юднемъ Серблѣмъ перѣ оуломи и крила ѿсѣкоше; онда су свое цр҃ство изгубили и безглавніи осталіи Туркомъ поробленіи до нынѣ и во вѣки. Аминь.

Конецъ житію цр҃а Лазара.

ОБЪЯСНЕНІЕ НѢКОТОРЫХЪ СЛОВЪ, ВСТРѢЧАЮЩИХСЯ ВЪ ЖИТІИ ЛАЗАРЯ.

Аꙁнадар (**хаꙁнадаръ**), казначей.

Аинти (**ханти**), обращать вниманіе; **не аємо** не обращаемъ вниманія.

Алваџиꙗ, кто приготовляетъ и продаетъ алву.

Аџамиꙗ, неопытный, молодый.

Борниꙗ, музыкальный инструментъ.

Бꙋꙁдованъ, булава.

Бꙋлюкбаша, предводитель отряда войска.

Велити, говорить.

Вредный, достойный.

Вриска, пронзительный крикъ.

Вришко (**фришко**), быстро, скоро.

Вꙋчина, волчья шкура.

Гдѣ є войска оударила, когда войско ударило.

Дворити, угождать, служить.

Делїа, воинъ визиря, юнакъ.

Диꙁнја (**ниꙁнја**), линія, шнуръ.

Дрктати, трястись отъ страха.

Єребица, куропатка.

Ꙁанатлїа, ремесленникъ.

Ꙁиле и ꙁила (во множ. чис.), музыкальныя тарелки.

Нишар? (вм. **инчар** — янычаръ? Или, можетъ быть, вмѣсто **нишар, нишанџиа**, пушкарь?).

Кадіа, судья.

Кайдіа, музыкантъ. Такъ, кажется, слѣдуетъ читать слово **найтіа**.

Корнача, черепаха.

Кулангиа, то же, что **кулунџиа, куюнџиа**, золотарь.

Маннт, махнит, глупый, безумный, бѣснующійся.

Мастіе, кажется, должно читать **мађие**, маги.

Мхнсе, двигаться, ускользнуть.

Найтіа, см. **кайдіа**.

Инати (**инхати, ньнхати**), колебать, волновать, дуть.

Обарати, ниспровергать

Обранити, ранить.

Оклопъ, панцырь.

Оратъ, бранное слово, негодяй.

Пешкир, платокъ, полотенце.

Потргнути, поднять, извлечь.

Рисовина, рысья шкура.

Сейменинъ, особый родъ Турецкаго войска.

Селиваръ, кажется, ошибка, вмѣсто **сердаръ**, старѣйшина.

Спаіа, Турецкій помѣщикъ.

Стѣна, скала, камень.

Софтіа?

Таламбасъ, тимпанъ, инструментъ музыкальный.

Те: Изнџе Елица те Милошу коња превати.

Узенџиа, стремена.

Укратити, лишать.

Холи (**охоли**), гордый, надмѣнный.

Чобанинъ, пастухъ.

Шербетарь, кто дѣлаетъ шербе, медовину.

Ато, стадо.

IV

МАТЕРІЯЛЫ ИНОСТРАННЫЕ

II

НРАВЫ.

ОТДѢЛЕНІЕ ПЕРВОЕ.

ВОИНСКІЯ УПРАЖНЕНІЯ.

Самое воспитаніе приготовляло изъ юношей древней Скандинавіи храбрыхъ людей. Воспитываясь среди оружія, ребенокъ рано пріучался обращаться съ нимъ и убивать звѣрей въ лѣсахъ. Охота и другія упражненія, развивавшія крѣпость и гибкость членовъ, мужество и бодрость духа, принадлежали къ числу развлеченій, особенно любимыхъ дѣтьми и молодыми людьми Состязались въ опасныхъ прыжкахъ съ высокихъ горъ, въ смѣломъ прыганьи черезъ рвы и ручьи, лошадей, людей и другіе предметы, пріучались дѣлать такіе прыжки съ различными тяжестями въ рукахъ, или на тѣлѣ, и тогда только это искуство считалось совершеннымъ, когда достигали въ немъ извѣстной степени ловкости. Гуннаръ Глидаренна, знатный Исландецъ, въ полномъ вооруженіи могъ дѣлать прыжки выше своего роста, впередъ и назадъ; другой Исландецъ, Скарфединъ, показалъ свое искуство, перепрыгнувъ черезъ ручей Меркрфліотъ, въ двѣнадцать аршинъ шириной, притомъ въ такое время, когда берега ручья обледенѣли и были очень скользки. [1] Саги упоминаютъ о такихъ людяхъ, которые быстрымъ прыжкомъ въ сторону уклонялись отъ стрѣлы и брошеннаго копья, не успѣвъ отразить эти оружія щитами, или окруженные врагами перескакивали черезъ нихъ и такимъ образомъ спасались, или, наконецъ избѣгали ихъ смѣлымъ прыжкомъ съ крутизны. [2] Не менѣе смѣлое и опасное, но и очень употребительное, упражненіе было взбираться

---

[1] Nials saga.

[2] Nials saga, Orkneyinga saga, Hördes и Holmveria saga, и другія.

на крутые утесы и горы. Уже природа Сѣвера, какъ и всѣхъ горныхъ странъ, пріучала людей лазить по горамъ и доводила ихъ до нѣкоторой степени ловкости въ этомъ искуствѣ. Охота, птицеловство, словомъ, тысячи случаевъ манили горца на вершины горъ. Особенная ловкость и искуство въ этомъ упражненіи, какъ и во всякихъ другихъ, приносили великую славу. [3] Между самолюбивыми молодыми людьми завязывались споры о томъ, кто выше всѣхъ взберется на опасную высоту, въ чьихъ ногахъ больше вѣрности и цѣпкости въ рукахъ. По словамъ сагъ, многіе достигали изумительной степени совершенства въ этомъ искуствѣ. [4] Между прочимъ какой-то Герингъ прославился тѣмъ, что могъ взбираться на какую бы то ни было гору. Олофъ Триггвасонъ, считавшійся въ Норвегіи мастеромъ во всякихъ военныхъ упражненіяхъ, взошелъ на утесъ Смальсаргорнъ и поставилъ свой щитъ на его вершинѣ. [5] Тотъ же король однажды находился съ флотомъ въ пристани у подошвы крутой горы. Двое людей его, высчитывая другъ передъ другомъ свои дарованія, заспорили, кто выше взберется на гору. Поднявшись на нѣкоторую высоту, одинъ, шедшій позади товарища, вернулся и не безъ затрудненій сошелъ внизъ; другой лѣзъ все дальше, но наконецъ присѣлъ на самой вершинѣ утеса и не могъ двинуться ни впередъ, ни назадъ. Положеніе его было очень опасное. Король ободрялъ своихъ спутниковъ пособить ему. Однако жъ никто не рѣшался взбираться на высокую и, словно стѣна, крутую гору. Тогда Олофъ сбросилъ съ себя плащъ, взлѣзъ самъ на высоту, взялъ сидѣвшаго подъ руки и спустился съ нимъ безъ всякаго вреда. [6] Подобныя состязанія не только внушали молодымъ людямъ охоту къ смѣлымъ подвигамъ, но и помогали также тѣлесной крѣпости и гибкости членовъ: эти юношескія развлеченія весьма часто были пригодны для нихъ въ чужеземныхъ походахъ, когда надобно было взбираться на стѣны и горы, равно и при другихъ предпріятіяхъ, требовавшихъ силы и ловкости. Иностранныя лѣтописи говорятъ о бы-

---

[3] Ср. L. Engelstofts въ Сканд. Музеѣ на 1802-й годъ разсужденіе: Om den priis, Oldtidens Skandinaver satte paa Legemsövelser.

[4] Gretla или Gretters saga.

[5] Olof Tryggvasons saga, у Снорре Стурлесона.

[6] Olof Tryggvasons saga. Копенгаг. изд.

стротѣ хода Норманновъ [7] что, конечно, зависѣло отъ быстроты движеній, которую получили они въ постоянныхъ походахъ и путешествіяхъ. Но видимъ въ сагахъ, что бѣганіе взапуски также было извѣстно на Сѣверѣ и что Скандинавы, подобно древнимъ Грекамъ, высоко цѣнили скорость бѣга. Гомеръ даетъ Ахиллесу знаменательный эпитетъ быстроногаго; Сѣверныя саги называютъ frar и fot hvatr тѣхъ, которые особенно отличались силою и проворствомъ въ бѣганьи. Даже бывали такіе, которые соперничали въ томъ съ самыми бойкими лошадьми. Упоминаются многіе короли, владѣвшіе большою способностью въ этомъ искуствѣ: изъ числа ихъ былъ Олоѳъ Триггвасонъ; [8] Эйнаръ Тамбаскельѳеръ и короли, Гаральдъ Блатандъ и Гаральдъ Гардраде отличались въ искуствѣ бѣгать на лыжахъ. И тѣ же самые люди, которые съ помощію одной палки (skidageislan) пробѣгали на лыжахъ снѣговыя поля и горы, въ башмакахъ, подбитыхъ желѣзомъ, или сталью, перелѣтали съ быстротою вѣтра покрытыя льдомъ воды. А въ лѣтнее время ихъ любимымъ упражненіемъ было состязаніе въ плаваньѣ, искуство, въ которомъ Сѣверные жители были художники, тѣмъ болѣе, что проводили на водѣ большую часть жизни. Считали хорошомъ пловцомъ только того, кто въ короткое время переплывалъ большое разстояніе, и притомъ плавалъ не только раздѣтый, но и во всемъ платьѣ и дольше всѣхъ могъ пробыть подъ водою. Соперники сражались, боролись подъ водою, опускали другъ друга въ глубь; кто былъ посильнѣе, тотъ держалъ противника подъ водою такъ долго, что онъ почти терялъ дыханіе и приходилъ въ совершенное безсиліе; не рѣдко видали, что побѣдитель выносилъ на берегъ утомленнаго соперника. [9] Были и другія, очень разнообразныя, упражненія, сообщавшія Сѣвернымъ людямъ проворство и ловкость въ движеніяхъ, главное пособіе ихъ во всѣхъ предпріятіяхъ. Такъ называемая игра мечами, (Handsaxa-leikr, Шв. Nandsaxa-lek), состояла въ томъ, что играющій бралъ три, не большіе (Handsöx) меча: одинъ изъ нихъ онъ бросалъ вверхъ, другіе два съ минуту оставлялъ въ рукѣ, потомъ и ихъ

---

[7] Ср. Походы Викинговъ.

[8] См. у Engeltoft, l. c.

[9] Olof Tryggv. saga (Копенгаг. изд.) и Sigurd Jorsalafarares saga, у Снорре Стурлесона и во многихъ другихъ мѣстахъ.

бросалъ поочередно къ верху и, не давая падать, ловилъ за рукоятку, или за клинокъ. Мастерами въ этомъ искуствѣ называютъ саги Сигмунда и Ендрида Имбрейда; но король Олофъ Триггвасонъ не имѣлъ соперниковъ, ходя кругомъ по краю своего корабля «Длинная змѣя,» который не плылъ, а летѣлъ, этотъ король игралъ мечами такъ, что одинъ изъ нихъ всегда висѣлъ въ воздухѣ, а при паденіи Олофъ ловилъ его за рукоять. Это искуство (Idrott) было такъ удивительно, что извѣстный по дарованіямъ Эндридъ, получивъ отъ Олофа вызовъ на состязаніе въ игрѣ мечами, въ изумленіи отвѣчалъ: «Ангелы Божіи не поддерживаютъ меня на воздухѣ, какъ васъ.» [10] Игра въ мячъ на льду озеръ была также въ общемъ употребленіи: одинъ изъ играющихъ бросалъ мячъ и билъ по немъ палкою, другой ловилъ мячъ, или отражалъ его также палкой; но это требовало, особенной ловкости, потому что товарищи въ игрѣ всячески старались мѣшать ловившему, толкали его въ сторону, роняли на землю, или отбивали у него мячъ, если же ловившій уступалъ имъ въ ловкости, то ему надобно было отыскивать и приносить далеко укатившійся по льду мячъ. Сверхъ того, это была суровая игра: употреблялись мячи деревянные, а не набитые чѣмъ ни будь. Не рѣдко игры въ мячъ были общественнымъ зрѣлищемъ, на которое приглашались всѣ окрестные жители; на Мидфіардскомъ льду въ Исландіи часто давались большія игры; у Брейдскихъ Викинговъ было въ обычаѣ давать ихъ въ длинныя зимнія ночи; для того строились комнаты, въ которыхъ жили посѣтители изъ дальнихъ краевъ, остававшіеся тамъ недѣли на двѣ смотрѣть на игры, или принимать въ нихъ участіе. [11] Но изъ всѣхъ тѣлесныхъ упражненій самымъ употребительнымъ и любимымъ между молодыми людьми была борьба. Они, и даже дѣти, упражняли въ ней свои силы; постоянныя состязанія въ томъ пріучали ихъ къ стойкости, ловкости и изворотливости. Въ однихъ видахъ борьбы все зависѣло отъ тѣлесной силы, въ другихъ перевѣсъ доставляли искуство и ловкость. Въ борьбѣ соблюдали правильность въ пріемахъ и ухваткахъ, расчитывали движенія, прибѣгали къ проворству и увертливости.

---

[10] Olof Tryggv. saga (Копенгаг. изд.). Ср. Olof Tryggv. saga у Снорре Стурлесона, гл. 91.

[11] См. Gisle Sursons и Eigils saga со многими другими Исландскими сагами.

Такъ, благодаря постояннымъ упражненіямъ силы, молодые люди древней Скандинавіи становились храбрыми, крѣпкими тѣломъ и духомъ, мужами и составляли поколѣніе, которое справедливо сравнивали съ «дубовымъ лѣсомъ подъ ударами бури.» Всякое общество и собраніе молодыхъ людей представляли много случаевъ къ упражненію въ телесныхъ играхъ, потому что эти игры, по древнимъ понятіямъ, служили единственнымъ средствомъ для укрѣпленія членовъ, къ развитію ловкости при опытахъ силы, также способности и отваги на всякое смѣлое дѣло. Игры такого рода составляли общественныя увеселенія при народныхъ собраніяхъ и тингахъ; тамъ, какъ и въ другихъ мѣстахъ, отводились для нихъ арены на которыхъ молодые люди мѣрялись силою и искуствомъ въ гимнастикѣ. Похвалы окружающихъ зрителей подстрекали ихъ, затрогивали самолюбіе и поддерживали любовь къ такимъ играмъ. Съ ними тѣсно соединялись упражненія, научавшія искуству владѣть оружіемъ. Вѣрно и далеко стрѣлять изъ лука было искуство, которое требовалось отъ всякаго воспитаннаго человѣка. Отводились особенныя мѣста для стрѣльбы, обыкновенно у подошвы пригорка, гдѣ собирались для такихъ упражненій: это называлось «ходить съ лукомъ на стрѣлецкую высоту.» Норманны вообще были хорошіе стрѣлки. Олофъ Тригтвасонъ ставилъ дитя съ маленькою дощечкою на головѣ вмѣсто цѣли и сбивалъ стрѣлою дощечку безъ малѣйшаго вреда для ребенка. [12] Это упражненіе не ограничивалось только вѣрною стрѣльбою: нужна была сила выстрѣла, потому что на войнѣ дѣло состояло не въ одной меткости, надобно было пробивать щиты и панцыри. Для того необходимы были крѣпкіе, туго натянутые, луки и опытная сила владѣть ими. Эйнаръ Тамбаскельферъ могъ пробивать тупою стрѣлою слабо натянутую толстую воловью шкуру. [13] Къ числу упражненій, требовавшихъ сильной, мускулистой, руки и особенно полезныхъ въ морскихъ битвахъ, принадлежало меткое, на далекое пространство, бросанье камней рукою, или пращами. Другое, въ тѣсномъ родствѣ съ нимъ, состояло въ метаньи дротиковъ съ такою силою и вѣрностью, что они не только напа-

---

[12] Olof Tryggv. saga, Копенгаг. изд. Срав. о Пальнатокѣ у Saxo, Lib. X.

[13] Olof Haraldson saga, у Снорре Стурлесона.

дали въ цѣль, но и пробивали ее. Пріучались съ одинаковою ловкостію бросать обѣими руками два копья разомъ, на бѣгу ловили дротикъ врага и бросали его обратно, дрались мечемъ въ одной и копьемъ въ другой рукѣ: все это искуства, въ которыхъ многіе достигали совершенства. [14] Извѣстность, получаемая чрезъ это, подстрекала къ постояннымъ упражненіямъ и состязаніямъ, которыя имѣли слѣдствіемъ общую опытность всего народа въ военномъ дѣлѣ. Воинскія упражненія, вмѣстѣ съ тѣлесными, составляли единственныя и главныя игры того времени: вотъ причина, отъ чего и всѣ сраженія назывались въ древности «воинскими играми». Hildeslek, Bardalek. Этимъ упражненіямъ приписывали такую важность, что одна очень древняя рукопись предлагаетъ каждый день заниматься ими: «потому что, говоритъ она, опытность въ военномъ искуствѣ не только составляетъ украшеніе мужчины, но и главную его заботу до тѣхъ поръ, пока нужда, приходящая безъ срока и безъ времени, велитъ ему взяться за оружіе.» [15] Скандинавы считали военное искуство первымъ изъ всѣхъ искуствъ и наукъ, отъ котораго падаютъ и которыми сохраняются государства. Народъ, пренебрегающій ратнымъ дѣломъ и воинскими занятіями, ни на одно мгновеніе не можетъ быть увѣренъ въ своей независимости.

II. Развитіе тѣлесныхъ и душевныхъ силъ до высшей степени крѣпости и воинственности было плодомъ правилъ, въ которыхъ воспитывался Норманнскій юноша, и всей той жизни, которую проживалъ онъ въ возрастѣ мужества. Онъ всегда ходилъ вооруженный, въ населенныхъ и обитаемыхъ мѣстахъ, на тингахъ и пирахъ, и кончалъ свои споры лучше оружіемъ, нежели словами. Пока законы доставляли небольшую защиту и многое зависѣло отъ личной силы и искуства, до тѣхъ поръ эти личныя качества имѣли больше значенія и были важнѣе по своимъ дѣйствіямъ. «Въ древности существовалъ законъ, говоритъ одна Исландская сага, чтобы обиженный вызывалъ обидчика на поединокъ, Holmgang (сраженіе одинъ на одинъ на маленькомъ островѣ, или на обгороженномъ мѣстѣ). [16] Еще

---

[14] Доказательства встрѣчаются вездѣ въ сагахъ, особливо въ Nials saga.

[15] Speculum Regale.

[16] Gunnlaug Ormst. saga.

до нашего времени сохранился отрывокъ изъ закона, имѣвшаго силу въ Свитіодѣ въ языческое время. Это постановленіе такого содержанія: «Если кто ни будь нанесетъ другому безчестіе браннымъ словомъ и скажетъ: ««Ты не мужчина, и сердце у тебя въ груди не мужеское»», а другой отвѣтитъ: ««Я мужчина такъ же, какъ и ты»», тогда они должны сражаться въ такомъ мѣстѣ, гдѣ сходятся три дороги. Если явится вызвавшій на поединокъ, а вызванный не придетъ, тогда ругательное названіе, полученное имъ, будетъ ему вмѣсто настоящаго имени: ему не дозволяется ни въ какихъ случаяхъ принимать присягу, его свидѣтельство не имѣетъ законной силы ни за мужчину, ни за женщину. Если же, напротивъ, явится на поединокъ вызванный, а не придетъ вызвавшій, тогда пришедшій долженъ кликнуть его три раза и назвать нидингомъ (вѣроломнымъ, безчестнымъ, негодяемъ), вырѣзать на землѣ знакъ, въ доказательство, что самъ онъ готовъ былъ на бой; вызвавшій долженъ быть дурной человѣкъ тѣмъ болѣе, что не имѣлъ духа исполнить того, что сказалъ. Если же оба явятся на мѣсто въ полномъ вооруженіи, и вызванный падетъ, тогда платится за него половина виры, положенной за убійство мужчины (Mansbot). Если же падетъ другой, сказавшій ругательное слово и своимъ языкомъ причинившій убійство, то долженъ лежать неоплаченный [17], за смерть его не платится ни какой пени. Насмѣшекъ и ругательствъ не выносила гордость тогдашнихъ храбрыхъ людей. Стерпѣть брань было для нихъ несноснѣе смерти. Такъ же щекотливые относительно чести, какъ и свободы, за эти два блага они готовы были отдать все на свѣтѣ. Требовали отъ обидчика, чтобы онъ доказалъ свои слова честнымъ образомъ съ оружіемъ въ рукахъ. Не рѣдко случалось, что онъ, сдѣлавъ обвиненіе, самъ вызывался оправдать его на поединкѣ. Тогда уговаривались о времени, мѣстѣ, оружіи. Обыкновенно назначали поединокъ на третій день, черезъ недѣлю, или болѣе времени послѣ вызова. Поприщемъ битвы любили выбирать островокъ, или другое огражденное пространство, всего обыкновеннѣе по бли-

---

[17] Af thöm gamblu Laghum sum i hedhnum tima brukadhus, um kamp ok enwighe. О древнихъ законахъ, имѣвшихъ силу въ языческое время, относительно поединковъ. См. дополненіе къ Thiugm. Balken въ Uplands Lagen. saga. Ср. Olai Petri, Schwed. Chron. въ Script. rer. I.

зости мѣстъ, гдѣ происходили тинги, въ тѣхъ случаяхъ, когда поединокъ назначался по приговору тинга, или въ отдаленіи отъ нихъ, по особенному уговору противниковъ. Островъ на рѣкѣ Эксерѣ въ Исландіи, Самсё въ Даніи, Форсъ и Гитинсё въ Рогаландѣ въ Норвегіи, Дунгіунесъ, острова на р. Готѣ и озерѣ Венерѣ въ Швеціи называются въ сагахъ, какъ мѣста поединковъ. По законамъ поединка, подъ каждымъ изъ противниковъ постилали плащъ, или кожу, съ которой, при началѣ смертельнаго боя, они не могли сходить; углы этихъ подножниковъ должны были находиться одинъ отъ другаго на разстояніи пяти аршинъ; къ нимъ придѣлывались кольца, въ которыя вбивались столбы съ головками, называвшимися Tiosnur: эти столбы, по установленному обычаю, вбивались съ особенными обрядами, при заклинаніяхъ (Tiosnublot); отъ подножниковъ отводились три пространства не шире фута, огражденныя четырьмя вбитыми колами (Hauslur). [18] Такъ устроенное мѣсто поединковъ называлось огороженнымъ рубежемъ (Hasslad mark). Иногда оно выкладывалось камнемъ, и потомъ часто служило для такого же употребленія. [19] Съ провожатыми изъ близкихъ родственниковъ и друзей вступали бойцы на боевое мѣсто и для взаимнаго раздраженія осыпали другъ друга обидными словами. Потомъ осматривали оружіе, чтобы узнать, не заговорены ли они, или не имѣютъ ли чего недозволеннаго правилами. [20] Читали наизусть законъ о поединкахъ и назначали выкупную плату, потому что, по закону, кто первый былъ раненъ, тотъ считался проигравшимъ дѣло и обязывался платить побѣдителю деньги, сколько у нихъ условлено по предварительному уговору, обыкновенно три фунта серебра. Это называли выкупать

---

[18] Kormaks saga. См. въ 6-й кн. Kong. Danske Videnskabernes Selskabs Skrivter (Сочиненія Датскаго Корол. ученаго общества) разсужденіе Thorlacius: Om Tvekampe i det hedenske Norden (О поединкахъ на Сѣверѣ въ языческое время).

[19] «Недалеко отъ моря, говоритъ Эйгиль-сага, находилось пріятное мѣсто, гдѣ надобно было сражаться имъ (Исландцу Эйгилю и Ліотру Блѣдному, родомъ Шведу, очень храброму бойцу): тамъ устроено поприще для поединковъ, кругомъ выложенное камнемъ.»

[20] «Твой мечъ, Берсе, длиннѣе, нежели дозволено закономъ.» Слова скальда Кормака сопернику Берсе, который женился на его невѣстѣ и за то вызванъ имъ на поединокъ. Kormaks saga. См. Thorlacius, l. c.

животъ изъ поединка. Каждый изъ соперниковъ имѣлъ три щита, которые могъ употреблять одинъ за другимъ для своей защиты. Пока не всѣ щиты были изрублены, бойцамъ поставлялось строгою обязанностію оставаться въ предѣлахъ боеваго мѣста; они могли выходить изъ него на шагъ, или на два; но этого не дозволялось имъ, когда изрублены щиты; тогда бойцы становились опять на подножникъ, если переступили за него, и отражали удары другимъ оружіемъ. Съ этого мгновенія они нападали другъ на друга съ мечами и бой дѣлался важнымъ и рѣшительнымъ. Если кто изъ нихъ въ эту пору касался одною ногою рубежнаго кола, о томъ говорили, что онъ отступаетъ; если же обѣими, то считали его бѣжавшимъ съ боя. Кромѣ обнаженнаго меча, у каждаго бойца былъ другой, привязанный за рукоятку къ правой рукѣ, чтобы имѣть его наготовѣ. Законъ поединка предписывалъ, чтобы вызванный наносилъ первый ударъ, [21] и потомъ послѣдовательно сыпались другіе тяжелые удары. Ихъ наносили съ силою, отражали съ ловкостію. Если въ первый день никто изъ бойцовъ не былъ побѣжденъ, что иногда случалось, то бой отлагался до другаго дня. Но, по принятому обычаю, считали поединокъ оконченнымъ, если кто изъ бойцевъ былъ раненъ и кровь его текла на подножникъ. Это, впрочемъ не всегда соблюдалось: битва между суровыми, озлобленными, соперниками оканчивалась не иначе, какъ паденіемъ одного изъ нихъ. Но въ судебныхъ поединкахъ товарищи (секунданты) бойцевъ при первой крови разнимали ихъ, напоминали законъ и объявляли поединокъ оконченнымъ. [22] Было въ обычаѣ, чтобы одинъ изъ спутниковъ бойца держалъ его щитъ во время сраженія; однако жь, встрѣчались люди такого же мнѣнія, какъ Исландецъ Эйульфъ, который, не смотря на предложеніе Ивара подержать его щитъ на поединкѣ съ Викингомъ Асгаутомъ, не позволилъ себѣ того: «Моя собственная рука, онъ сказалъ, надежнѣе всякой другой.» [23] Иногда случалось, что товарищи бойцовъ, чтобы не быть праздными свидѣтелями поединка, принимали въ немъ участіе и сражались одинъ на одинъ, или двое

---

[21] «Ты наноси первый ударъ, какъ слѣдуетъ по закону, потому что я вызвалъ тебя на поединокъ!» Thorsten Vikingsons saga.

[22] Gunnl. Ormst. saga.

[23] Viga Glums. saga. Срав. Gunnlaug Ormst. saga.

на двое, вообще поровну съ всякой стороны, иногда же главный боецъ принималъ бой со многими, или со всѣми товарищами противника и сражался поочередно съ каждымъ. Въ такихъ случаяхъ назначали напередъ, кому съ кѣмъ сражаться, и развязка подобныхъ сраженій обыкновенно бывала кровопролитная.[24] На поединки, по приговору тинга и между знатными бойцами, не рѣдко собирались многочисленные зрители. Мужчина никогда не навлекалъ на себя болѣе позора, какъ въ томъ случаѣ, когда не являлся на поединокъ, не смотря на то, самъ ли онъ сдѣлалъ вызовъ, или получилъ его. «Кто не пришелъ, да будетъ нидингъ для всѣхъ: обыкновенное присловье въ сагахъ при всѣмъ соглашеніяхъ о закончаніи дѣла копьемъ и мечемъ. Въ древней Исландской исторіи встрѣчается обычай, очень похожій на тотъ, который освященъ былъ закономъ въ Упландіи и предписывалъ, чтобы явившійся на поединокъ вырѣзывалъ на землѣ знакъ и три раза называлъ нидингомъ не пришедшаго. Въ Исландіи ставили ему позорный столбъ, на которомъ писали, что не явившійся долженъ находиться подъ гнѣвомъ боговъ, носить имя нидинга и никогда не быть терпимымъ въ обществѣ добрыхъ людей. Для того вбивали колъ въ землю, съ рунами сказаннаго сей часъ содержанія, потомъ втыкали на него убитую лошадь и, сдѣлавъ отверстіе на груди у ней, оборачивали ее головою въ ту сторону, гдѣ была отчизна не пришедшаго поединщика.[25] Такой позорный столбъ поставилъ Исландецъ Эйгиль, когда Эрикъ Блодикса и королева Гунгильда объявили его внѣ закона, не разрѣшивъ ему доказать свои права на женнино наслѣдство въ поединкѣ съ шуриномъ, Норвежцемъ Бергаунундомъ, которому покровительствовали король и королева. Пришедши на островъ Герлё, онъ взялъ орѣховый колъ и воткнулъ на него лошадиную голову съ открытою пастью; обернувъ ее къ твердой землѣ, онъ поставилъ колъ въ одномъ ущельи съ слѣдующими словами:

---

[24] Hervarar, Gunnl. Ormst. и многія саги. Ср. Thorlacius l. c.

[25] Vatnsdaela saga. Gisle Sursons saga разсказываетъ, что Скіегго, вызвавъ на поединокъ Кольбейна, товарища Гислау, и не нашедши его въ назначенномъ мѣстѣ, пошелъ къ кузнецу и просилъ его выковать двѣ статуи, похожія на Кольбейна и Гислау, чтобы поставить ихъ на позоръ и посмѣяніе на мѣстѣ поединка. Ср. Finboge den Starkes saga.

«Ставлю здѣсь позорный столбъ и обращаю это проклятіе (Nid) на Эрика и Гунгильду; обращаю его также на боговъ-покровителей (ladnvaetter), обитающихъ въ этой странѣ, чтобы всѣ они блуждали безъ пристанища и не видали отчизны до тѣхъ поръ, пока не выгонятъ оттуда Эрика и Гунгильду.»[26] Между обидчикомъ и обиженнымъ было, однако жь, то различіе, что послѣдній не обязывался лично являться на поединокъ, если кто ни будь другой брался замѣнить его; напротивъ, обидчикъ, волею и неволею, обязанъ былъ являться лично.

Въ какомъ употребленіи въ древности былъ этотъ обычай защищать свое дѣло въ честномъ, открытомъ бою, это можно видѣть изъ разсказовъ, вездѣ разсѣянныхъ въ сагахъ о знаменитыхъ поединкахъ. Тогдашніе люди легко раздражались при дѣйствительныхъ, или воображаемыхъ, оскорбленіяхъ. Но какъ честь въ ихъ глазахъ стоила всего дороже, и умы были чрезвычайно чувствительны къ обидамъ, то вообще поединки гораздо чаще происходили по поводу личныхъ отношеній, нежели за право собственности. Ни какая непріязнь не оставалась безъ отмщенія: ни одно обидное слово не сносилось хладнокровно: за это требовали кровавой расплаты. Впрочемъ, было также въ обыкновеніи рѣшать поединками и тяжбы о правѣ, особливо въ темныхъ и сомнительныхъ случаяхъ. На это указываетъ Олай Петри въ своей Шведской лѣтописи, говоря о различныхъ родахъ судопроизводства въ древности: «Сначала у Норманновъ существовалъ такой обычай, говоритъ онъ: если кто имѣлъ тяжбу съ другимъ и нельзя было дознаться, кто правъ и кто виноватъ, то тяжущіеся должны сражаться: побѣдитель выигрываетъ дѣло.» Тогдашніе судьи не отличались умѣньемъ раскрывать истину; при томъ сами, независимые и свободные, они уважали эти качества въ другихъ и не имѣли духа осуждать по однимъ предположеніямъ; желали для своихъ приговоровъ ясной для всѣхъ и несомнѣнной правды; отъ того въ тѣхъ случаяхъ, когда совсѣмъ невозможно было дознаніе истины, или примиреніе соперниковъ, для тогдашнихъ судей оставалось одно только средство: отдавать дѣло на судъ невидимыхъ и всевѣдущихъ Силъ,[27] или соглашаться,

---

[26] Eigils saga.

[27] «Deum adesse bellantibus credunt». Tacitus, Germania. И у Германцевъ были въ употребленіи подобные поединки.

если одинъ изъ соперниковъ вызывался доказать свое право въ честномъ бою, по недостатку лучшихъ доказательствъ. Какъ свидѣтельствуютъ Исландскія древности, этотъ обычай принятъ былъ на всемъ Сѣверѣ. Эйгиль-сага, столь же важная, какъ и любопытная по описаніямъ древнихъ Сѣверныхъ обычаевъ, разсказываетъ, что нѣкто Атле, по случаю спора о наслѣдствѣ съ Исландцевъ Эйгилемъ, богатыремъ саги, былъ приглашенъ соперникомъ на Гула-тингъ [28] въ Норвегіи, но когда Атле, по собственнымъ словамъ саги, отправился на тингъ со свидѣтелями, которые должны были присягать въ этомъ дѣлѣ, Эйгиль подошелъ къ нему и сказалъ, что не хечетъ его присяги за свое добро. «Скажу тебѣ другой законъ, продолжалъ онъ: выйдемъ здѣсь на поединокъ: кто побѣдитъ, того и имѣніе.» Эйгиль говорилъ правду: дѣйствительно, былъ и такой законъ, и старинный обычай, что всякой, какое бы дѣло онъ ни защищалъ, имѣлъ право вызывать на поединокъ противника. Атле отвѣчалъ, что онъ не прочь отъ поединка, потому что «ты, продолжалъ онъ, предлагаешь мнѣ то же, что и я предложилъ бы.» Поединокъ назначенъ; на поприще сраженія приведенъ волъ для принесенія въ жертву будущимъ побѣдителемъ. Атле и Эйгиль долго обмѣнивались тяжелыми ударами. Наконецъ, когда Эйгиль замѣтилъ, что Атле не раненъ ни однимъ мечемъ, бросился на него, повалилъ и грызъ ему горло. [29] За тѣмъ, чтобъ показать свою удаль, схватилъ онъ вола за рога и бросилъ его съ такою силою на воздухъ, что у него выскочили затылочныя кости. [30] Асгримъ Еллидагримсонъ имѣлъ на Альтингѣ въ Исландіи тяжбу съ Ульфомъ Уггасономъ, при чемъ Асгримъ, что рѣдко бывало, случайнымъ образомъ сдѣлалъ ошибку противъ судебнаго обряда и назначилъ въ свидѣтели только пятерыхъ поселянъ, вмѣсто девяти (Edgärdsmän). Ульфъ Уггасонъ воспользовался оплошностью и обратилъ дѣло въ ничто. Замѣтивъ это, Гуннаръ Глидаренна, столь же благородный человѣкъ, какъ и искус-

---

[28] Gulöe, полуостровъ въ Нордфіордѣ въ Бергенскомъ округѣ; отъ него получилъ свое названіе Гула-тингскій законъ Гакана, Адальфтенова пріемыша; тамъ ежегодно происходили тинги, пока еще не были переведены въ Бергенъ.

[29] Въ сагахъ, однако жь, встрѣчаются рѣдко примѣры нарушенія принятыхъ правилъ разгорячившимися бойцами.

[30] «Nec unus pluribus impar». Это тотъ самый Эйгиль, что помогалъ королю Ательстану въ сраженіи при Брунанбургѣ въ Англіи. Ср. Походы Викинговъ.

ный воинъ, вышелъ впередъ и сказалъ Ульфу: «Ты обманулъ людской судъ: вызываю тебя на поединокъ.»[31] У всякаго вѣка своя образованность и свои обычаи, согласные съ его понятіями. Въ младенческомъ состояніи народа брала перевѣсъ тѣлесная сила. Во всѣхъ дѣлахъ найболѣе полагались на самихъ себя, да на свой мечъ. По тогдашнему образу жизни, это казалось менѣе опаснымъ, нежели кажется намъ, живущимъ подъ другими условіями. Общее равновѣсіе было слѣдствіемъ знакомаго для всѣхъ искуства владѣть оружіемъ и равенства силъ, болѣе общаго въ сравненіи съ тѣмъ, какое допускаютъ неодинаковыя занятія и различный образъ жизни нашего времени: мечъ одного удерживалъ спокойно въ ножнахъ мечь другаго. Сверхъ того, чрезвычайно крѣпкое здоровье, какое мы едва ли считаемъ возможнымъ при нашемъ изнѣженномъ воспитаніи и кроткихъ нравахъ, дѣлало болѣе сносными самыя жестокія раны: на нихъ смотрѣли равнодушнѣе, нежели въ наше время. Въ многихъ былъ такой воинскій пылъ, что они изъ одной отваги, или для испытанія силы, вызывали на бой другъ друга.[32] Въ сагахъ встрѣчаются люди, имѣвшіе обычай спрашивать всякаго встрѣчнаго, знаетъ ли онъ подобнаго имъ бойца, и не считаетъ ли себя такимъ же? Получивъ утвердительный отвѣтъ, тотчасъ же вызывали его доказать эти слова самымъ дѣломъ. Гордые храбрецы не любили сносить отказа при сватовствѣ невѣстъ, отъ ихъ отцевъ, братьевъ, или другихъ родственниковъ, чье согласіе было необходимо: за то вызывали ихъ на поединокъ. Также, если два жениха сватались къ одной невѣстѣ, неизбѣжнымъ послѣдстіемъ бывалъ поединокъ, на которомъ нерѣдко одинъ изъ жениховъ расплачивался жизнію. Въ древности поединки, кажется, были двоякаго рода, потому что Норманны дѣлали различіе между обыкновенными (envig) и судебными поединками (holmgång). «Ты вызвалъ меня на судебной поединокъ,

---

[31] Nials saga. Edgardsman сначала присягалъ въ томъ, что по совѣсти и убѣжденію считалъ за истину, testis negativus; а sana; vittnen присягали въ томъ, что они положительно знали, testes affirmativi. Присяга такихъ свидѣтелей за обвиненныхъ называлась duldsed, за обвинителей vitsed. Смотря по важности дѣла, число ихъ было различно, отъ 9-ти человѣкъ и до 100 (Примѣч. Фриша, Нѣмецкаго переводчика).

[32] Про такія битвы одинъ на одинъ, за право, или изъ молодечества, сочинено много пѣсень и повѣстей. Olai Petri Schw. Chronik.

заставляетъ одна сага говорить бойца Берсе Кормаку, а я предлагаю тебѣ поединокъ. Ты очень молодъ и неопытенъ; судебный поединокъ подчиненъ строгимъ и суровымъ правиламъ, которыя неумѣстны на простомъ поединкѣ.» «Тебѣ такъ же плохо пришлось бы и на простомъ поединкѣ, отвѣчалъ Кормакъ, отъ того подвергаюсь опасности судебнаго поединка. и ни въ какомъ случаѣ не уступлю тебѣ въ смѣлости.» Простымъ поединкомъ назывался бой одинъ на одинъ, безъ соблюденія опредѣленныхъ правилъ относительно пространства, установленнаго порядка ударовъ и тому подобнаго; сражались, если хотѣли, на голой землѣ, не стѣсняясь никакими предѣлами, ни условіями. Но судебный поединокъ имѣлъ свои законы требовалъ строгаго соблюденія ихъ. [53]

ОТДѢЛЕНІЕ ВТОРОЕ.

ИЗЯЩНЫЯ ИСКУСТВА И НАУКИ.

Однако жъ, на Сѣверѣ любили не одни тѣлесныя упражненія, и не занимались ими исключительно. Для образованія ума и упражненія умственныхъ способностей въ изящныхъ искуствахъ не менѣе былъ важенъ другой родъ Idrotten (искуствъ), прекрасныя игры. Искуство скальдовъ пользовалось великимъ уваженіемъ на Сѣверѣ. Думали, что оно ведетъ начало отъ боговъ: Асы называются слагателями пѣсень (Liodasmidir); съ ними, вѣроятно, явился на Сѣверъ и поэтическій образъ выраженія, Asamal, языкъ боговъ. Въ пѣсьняхъ глубокомысленнаго содержанія сохранялись наслѣдованныя отъ предковъ понятія и преданія о сотвореніи міра, о происхожденіи и борьбѣ силъ природы, о первыхъ временахъ земной жизни и борьбахъ боговъ и народа въ его долгомъ странствованіи по выходѣ изъ прежней родины; въ форму благородно простыхъ пѣсень облекались мудрыя житейскія правила, предлагавшія высшее благо-

---

[53] Ср. Thorlacius, l. c.

разуміе, богатую опытность и внимательное наблюденіе свойствъ людей; въ военныхъ пѣсьняхъ прославлялись дѣла современныхъ богатырей и увѣковѣчивались подвиги падшихъ. Древнѣйшій поэтическій образъ выраженія былъ Fornyrdalag, размѣренная, стройная рѣчь, имѣвшая основаніемъ риѳменныя буквы или аллитерацію, подчиненное правиламъ созвучіе въ начальныхъ буквахъ нѣкоторыхъ словъ. [34] Мало по малу образовался особенный родъ стихотвореній, такъ называемый, Drottquaedi; кромѣ аллитераціи, составляющей отличительное свойство Сѣверной поэзіи, онъ требовалъ еще болѣе строгой, опредѣленной мѣры слоговъ [35] и нѣсколькихъ созвучій въ одномъ и томъ же стихѣ. [36] Самый младшій родъ поэзіи, по

---

[34] Почти всѣ стихотворенія скальдовъ раздѣлены на строфы (Erendi, Visa), состоящія обыкновенно изъ 8-ми стиховъ или строкъ (Ord, Visuord); строфы подраздѣляются на двѣ половины (Visu Helmingr), а эти на двѣ части (Visu Fiordungr), изъ которыхъ каждая составляетъ четверть строфы и содержитъ два стиха. Аллитерація состоитъ въ томъ, что въ двухъ, рядомъ стоящихъ, стихахъ встрѣчаются три слова, начинающіяся съ одинаковой буквы. Эти буквы называются риѳменными и располагаются такъ, что третья, главная, занимаетъ мѣсто въ началѣ втораго стиха, а первыя двѣ, побочныя, помѣщаются въ предыдущемъ, на пр.:

Farvel fagnadar
Fold og heilla!

Прощай, страна
Радости и счастія!

F риѳменная буква; въ словѣ Fold она главная, въ Farvel и fagnadar побочная. Всѣ риѳменныя буквы должны находиться въ словахъ съ удареніемъ: многія слова въ двухъ риѳмующихся стихахъ не могли начинаться съ такихъ буквъ, по крайней мѣрѣ, существительныя съ удареніемъ на первомъ слогѣ. E. C. Rask, Anvisning till, Isländskan eller Nordiska fornspråket (Руководство къ Исландскому или Сѣверному произношенію).

[35] Въ короткихъ стихахъ, особливо въ Fornyrdalag, часто передъ главною буквою во второмъ стихѣ встрѣчаются одно или многія слова безъ ударенія, необходимыя для полноты предложенія: они назывались Malfylling, дополнительныя предложенія (Satzfüllung); они не скандуются въ стихѣ. Я не привелъ ихъ въ текстѣ. Они только доказываютъ искуственность въ стихахъ скальдовъ.

[36] Созвучія въ Исландской или Древне-Сѣверной поэзіи двоякаго рода: полныя и половинныя. Полное созвучіе (Adalhending) состоитъ въ томъ, что въ одномъ и томъ же стихѣ встрѣчаются два слога, которыхъ гласныя и согласныя буквы совершенно созвучны; половиннымъ созвучіемъ (Skothending), напротивъ, назы-

времени своего происхожденія, хотя отчасти извѣстный и древ-

вается такое, когда гласныя неодинаковы и только согласныя созвучны: эти созвучные слоги всегда имѣютъ удареніе. Для объясненія приводимъ строфы изъ драпы Канута:

Ok baru i byr
Bla segl vid ra
(Dyr var döglings för)
Drekar laudreka.

И вѣялъ парусъ голубой
На корабляхъ княжихъ;
Прекрасенъ видъ картины той
Среди пучинъ морскихъ.

Также изъ пѣсни Сигфатера скальда:
Hrafna se ec til Hafnar,
Hraea minnast their sinna,
Thar er flautund nith nitom,
Nordhmanna skip fordhom,
Gialla hatt fyrir hillar,
Hvern dag frekir ernir,
Endor their er Olafor grendi,
Innann morgo sinni.

Вижу, какъ враны,
Вспомнивъ о трупахъ,
Въ пристань несутся.
Прежде бывало
Лодка Норманна
Смѣло влетала
Въ эту же пристань,
Съ храбрымъ потомкомъ
Добраго князя.
Нынѣ тамъ слышны
Каждое утро
Громкіе крики
Врановъ голодныхъ.
Прежде бывало
Храбрость Олофа
Жадность раждала
Въ птицахъ голодныхъ.

(т. е., онъ оставлялъ на полѣ сраженія очень много убитыхъ непріятелей).

нимъ скальдамъ, но не такъ употребительный, былъ Runhenda,[57] стихотвореніе съ нашими риѳмами въ концѣ стиха. Считаютъ болѣе ста различныхъ родовъ Сѣверной поэзіи; но всѣ они легко могутъ быть подведены подъ это раздѣленіе, потому что піитика скальдовъ допускала чрезвычайное разнообразіе.[58] Живой стихъ, обиліе и

Относительно аллитераціи, или риѳменной буквы, въ обоихъ послѣднихъ стихахъ надобно замѣтить, что если главная буква гласная, то и боковыя должны быть гласныя, но всѣ три, по возможности, различныя; относительно согласныхъ соблюдается совершенно противное правило. Ср. Rask, l. c.

[57] Runhenda правильнѣе, нежели Fornyrdalag, но свободнѣе чѣмъ Drottquaedi; какъ и Fornyrdalag, она допускаетъ прибавочныя предложенія, однако жь сокращеннѣе и, подобно Drottquaedi, состоитъ изъ почти правильныхъ спондеевъ, дактилей или трохеевъ, требуетъ аллитераціи и риѳмы въ концѣ стиха. Эта риѳма на Древне-Сѣверномъ языкѣ называется такъ же, какъ и созвучіе, Hending, и раздѣляется на полную и половинную. Различіе состоитъ въ томъ, что если она односложная, то необходимо, чтобы всѣ согласныя въ концѣ стиха были созвучны; если же двухсложная, чтобы и слѣдующія гласныя буквы въ обоихъ словахъ были созвучны, чего не соблюдается при ассонанцахъ, потому что они односложны, хоть и встрѣчаются въ многосложныхъ словахъ. Сверхъ того у Скандинавовъ риѳмуются только два, соединенные аллитераціею, стиха, а не какъ у насъ, первый съ третьимъ, или второй съ четвертымъ, и такъ далѣе. Впрочемъ, Runhenda раздѣлялась на многіе роды по числу долгихъ слоговъ; нѣкоторые стихи имѣли два такихъ слога, другіе три, иные четыре. Эйгиль Скалагримсонъ сочинилъ въ честь короля Эрика Блодиксы драпу hufvudlösen (выкупъ головы) въ родѣ рунгенды; изъ этого видно, что риѳма въ концѣ стиха очень древня, по крайней мѣрѣ, древнѣе Христіянства на Сѣверѣ. Rask, l. c.

[58] Скандинавы не раздѣляли на разряды множество употребительныхъ у нихъ родовъ поэзіи: каждый родъ они называли особеннымъ именемъ. Чтобы имѣть какое ни будь общее обозрѣніе этихъ родовъ, J. Olafsen въ своемъ основательномъ разсужденіи «О древней Сѣверной поэзіи» раздѣлилъ ихъ на четыре отдѣла: Fornyrdalag, Drottquaedi, Toglag и Runhenda. Напротивъ Rask въ своемъ Anvisning till Nordiska Fornspråket (приведен. выше) принимаетъ только три главные рода, основываясь на томъ, что созвучіе или правильное повтореніе однихъ и тѣхъ же звуковъ составляетъ главный отличительный признакъ Сѣвернаго стихосложенія. Эти роды суть: 1. Fornyrdalag, съ аллитераціею и, по мнѣнію Раска, можетъ быть названъ разговорнымъ, потому что наиболѣе подходитъ къ обыкновенной разговорной рѣчи. 2. Drottquaedi, кромѣ аллитераціи имѣетъ также и ассонанцы, и преимущественно употреблялся въ

смѣлость картинъ, глубокое, сильное чувство, нерѣдко какая-то величавость и прелесть отличаютъ пѣсьни скальдовъ. Ихъ воинственный размѣръ, сильный и звучный отъ риѳменной буквы, носитъ отпечатокъ военнаго духа самихъ поэтовъ и вѣка ихъ. Странныя, обветшалыя слова, неупотребительныя въ разговорѣ, оживали въ ихъ поэтическомъ языкѣ, чтобы отличить его отъ вседневнаго и сдѣлать торжественнѣе. Онъ, особливо въ найболѣе отдѣланной формѣ, замѣчателенъ картинными, смѣлыми описаніями лицъ и предметовъ, взятыми изъ природы и баснословія. [39] Удачный выборъ описаній, изысканныя, рѣзкія выраженія были главными условіями красоты и художественности въ поэзіи скальдовъ.

похвальныхъ одахъ королямъ и богатырямъ, почему Раскъ называетъ этотъ родъ богатырскимъ; къ нему же причисляетъ и Toglag въ разсужденіи Олафсена. 3. Runhenda, въ которомъ, кромѣ аллитераціи, есть и риѳма. Раскъ думаетъ, что этотъ родъ всего лучше называть народнымъ, потому что сначала онъ принятъ былъ въ пѣсьняхъ народа.

[39] Такъ, на пр., небо называлось въ баснословномъ языкѣ черепъ Имера, трудъ или бремя карликовъ, шлемъ Вестреса, Эстреса, Сѣдреса и Нордреса (востока, запада, юга и сѣвера); земля—плоть или тѣло Имера, мать Тора, поросшая деревьями дочь Онара, невѣста или супруга Одена, соперница Фригга, Ранда и Гуннлёда, свекровь Сифа, сестра Эдса и Дагса и т. д.; поэзія—кровь Квазера, корабль карликовъ, медъ и море карликовъ, медъ Одена и Асовъ, и т. д. Въ древней Бяркамаль въ трехъ строфахъ встрѣчаются четырнадцать баснословныхъ названій золота: основаніемъ каждаго служитъ цѣлая басня. Число всѣхъ именъ Одена, попадающихся въ древнихъ басняхъ и пѣсьняхъ скальдовъ, простирается почти до 200; каждый изъ другихъ боговъ также имѣетъ множество баснословныхъ названій. Изобрѣтеніе такихъ, взятыхъ изъ природы, описательныхъ названій отдавалось на волю изобрѣтательной способности и дарованію скальдовъ. Нѣкоторыя изъ нихъ можно помѣстить здѣсь: солнце называлось міровое пламя, катящійся шаръ, прекрасное свѣтило дня, окно небесной тверди, воздушное пламя, небесный огонь, поглащатель облаковъ, отверстіе, озаритель, свѣтило земель, украшеніе, сопутникъ юга, свѣтило земли, ужасъ мрака, свѣтозарность міра, отрада народовъ, щитъ облаковъ, пожиратель желѣза и т. д.; море—земля корабля и мореходцевъ, путь и тропа руля, корабельнаго носа, рыбы, желѣза, морскаго короля, кольцо или лента островъ, кровля кита, гнѣздо лебедей, обитель песчаныхъ отмелей, морской травы, подводныхъ камней, земля рыбачьихъ снастей, морскихъ птицъ, попутнаго вѣтра, поясъ холодной земли, зыбкое лоно и т. д.; вѣтеръ—пагуба деревьевъ, губитель лѣса, паруса, корабельныхъ снастей, смертоубійца, собака, волкъ;

Простое названіе вещи считалось свойственнымъ обыкновенной прозаической рѣчи. Скальды любили описательныя названія и

огонь — смерть лѣса и жилищъ, солнце домовъ; корабль — медвѣдь крученыхъ канатовъ, лошадь морскихъ королей, конь моря, корабельныхъ снастей или вѣтра, звѣрь зунда (пролива), морской медвѣдь, конь мачтъ, и т. д.; война—буря, бряцаніе, шумъ оружій, щитовъ, Одена, Валькирій, военныхъ королей, буря копій, проливной дождь Одена и т. д.; щиты описывались военными кораблями; также назывались: солнце корабля, мѣсяцъ передней части корабля, забрало корабля, ясень Уллера, подошва Ругнера и колесо Гильда (три послѣднія—миѳологическія названія); щиты имѣли прежде рисованные края, называвшіеся кольцами и описывались названіемъ этихъ колецъ; наступательныя оружія, сѣкиры и мечи, называются огнемъ крови или ранъ, также огнемъ Одена; сѣкиры—именами чародѣекъ, съ прибавленіемъ названій крови, ранъ, лѣса или деревьевъ; наступательныя оружія описывались именами змѣй и рыбъ; метательныя назывались градомъ, снѣгомъ, ударами; мужчина описывался по его свойствамъ, занятіямъ, раздоромъ, морскимъ путешественникомъ по охотѣ, оружіямъ, кораблямъ, или именами какихъ ни будь его владѣній, также назывался по родамъ, отъ которыхъ происходилъ, или которыхъ былъ родоначальникомъ; онъ пробовалъ оружія (Reynir) и наносилъ смертельные удары (vidr), потому назывался Reynir и Vidr; но какъ Vidr означало и дерево, такъ же и Reynir было названіе рябины, то скальды обыкновенно называли мужчину либо вяземъ и ясенемъ, либо рощею, либо другими мужескаго рода именами деревьевъ, и дополняли эти описанія именами смертельнаго удара, корабля, или имущества; мужчина назывался также именами Асовъ и исполиновъ; послѣдніе были позорныя, а имена эльфовъ въ числѣ любимыхъ. Женщина описывалась названіями напитковъ, которые подносила гостямъ, была покупательницею (Sälg) или продавицею (Log) вещей, которыя подэвала: Sälg и Log означаютъ также деревья, отъ того и женщина описывалась всѣми женскими именами растеній. Ее называли также именами драгоцѣнныхъ камней, потому что «Steina sörvi» называлось женское ожерелье; сверхъ того, она описывалась названіями всѣхъ Асиній, Валькирій, Норнъ и богинь, также исчисленіемъ ея занятій, обязанностей, или происхожденія и всего того, что составляло кругъ ея занятій (См. Skalda). Исчисленіе всѣхъ древнихъ, частію изысканныхъ и запутанныхъ, описаній и поэтическихъ именъ, употребляемыхъ тогдашними поэтами, могло бы быть предметомъ особеннаго сочиненія. Предварительныя работы для того, по замѣчанію Раска, имѣются уже въ Skalda, также въ указателяхъ и объясненіяхъ къ изданіямъ Эдды, Landnama, Niala и Eigla, сдѣланныхъ Датскими учеными.

Рейнгольдъ, въ своихъ Altnordisches Leben (Berlin, 1856 г.), вотъ что говоритъ о поэзіи скальдовъ:

старались сохранять въ напряженномъ состояніи умъ слушателей и поддерживать силу ихъ воображенія посредствомъ обилія замыслова-

«Въ природѣ Нѣмцевъ залегла глубоко склонность къ созерцанію. Народы, по болѣе счастливому географическому положенію и выгодному стеченію историческихъ событій, сдѣлавшіе успѣхи во внѣшнемъ быту, почти насмѣшливо называютъ Нѣмцевъ «народомъ мыслящимъ». Но эта созерцательность не туманная, какъ думаютъ: она направлена къ дѣйствительности и старается запасти людей посохомъ на дорогу жизни. Въ немногихъ словахъ, съ которыми слито какое ни будь иносказательное мнѣніе, она силится высказать общее житейское правило; преобладающая склонность народа не медлитъ усвоивать его себѣ и передавать по наслѣдству изъ рода въ родъ. Такъ, у Нѣмцевъ рано составился богатый запасъ поговорокъ, въ чемъ и Сѣверъ имѣетъ свою долю. Въ сагахъ не рѣдко встрѣчаются эти поговорки съ такими оговорками: «Въ старину говорили, что....; правду говорятъ старики... вотъ и вышла правда, что.., такъ и сбылось, какъ говорили въ старину, что...», а иногда и безъ этихъ оговорокъ. Они обнимаютъ всю жизнь: о нихъ можно сказать то же, что и вообще о Нѣмецкихъ. И Сѣверъ имѣетъ эти пословицы или апологическія поговорки, относящіяся къ какому ни будь извѣстному случаю, или особенному происшествію, и предлагающія какую ни будь общую истину, по большой части, въ шуточной формѣ. Это остатки старыхъ прибаутокъ, которыхъ нравственный смыслъ сохранился.

Сѣверъ началъ рано собирать эти отрывочныя изреченія и житейскія правила въ большое цѣлое, естественно, поэтическое. Для этой афористической поэзіи образовался даже особенный родъ куплетовъ, Liodahattr, состоящія изъ шести коротенькихъ строчекъ, болѣе удобныя для необходимо краткихъ предложеній поговорки, нежели эпическая строфа съ своими осьмью короткими стихами, или четырьмя полными длинными строками, очень приличная для какого ни будь доклада. Одна изъ пѣсень старшей Эдды, Гавамала, великій намятникъ Сѣверной склонности собирать изреченія въ одно большое стихотвореніе. Въ немъ собраны правила, какъ надобно путешествовать, вести себя въ гостяхъ; предложены краткія правила приличнаго поведенія за столомъ, съ отношеніемъ и къ нравственности, за тѣмъ слѣдуютъ поговорки о дружбѣ, о пріобрѣтеніи, о тѣлесномъ здоровьи, о чести, хорошей славѣ, осторожности; все это оканчивается странствованіемъ Одена, которому вложено въ уста и это стихотвореніе. И такъ передъ нами вовсе не народная, но болѣе искуственная, афористическая поэзія; она больше напоминаетъ намъ Томазія Цирклера, нежели Фрейданка. Изъ Гавамалы очень знаменательное сдѣлано извлеченіе въ Lodfafnismal такого же содержанія, но имѣетъ поучительную форму наставленія молодому человѣку. Но какая разница между этимъ стихотвореніемъ и нашимъ Winsbeke! И здѣсь обнаруживается неспособность Сѣверной поэзіи къ

тыхъ образовъ, въ которые облекали слова и цѣлыя выраженія. Притомъ, они часто прибѣгали къ перестановкѣ словъ, и когда хотѣли,

---

истинной жизни. Какъ скоро кто ни будь на Сѣверѣ уклонялся отъ торной дороги, съ нимъ случалось то же самое, что бываетъ съ искрою, падающею съ очага: она тлѣетъ все меньше и меньше и наконецъ потухаетъ совсѣмъ. Но Сѣверъ имѣетъ образецъ истинной дидактической поэзіи въ Rigsmal (См. отрывокъ изъ нея въ Отдѣленіи: Государственное устройство), излагающей въ живомъ разсказѣ мнѣніе о началѣ трехъ сословій въ государствѣ, если только можно назвать сословіемъ несвободныхъ людей.

Не могу сказать, проникла ли въ народъ афористическая поэзія; и на Сѣверѣ могло быть также, какъ и въ другихъ мѣстахъ, гдѣ поэты говорятъ для образованныхъ сословій, а народъ находитъ удовольствіе въ краткихъ пословицахъ. Для насъ важность такихъ пословицъ уже не совсѣмъ ясна: мы забыли ихъ при заученныхъ въ школѣ правилахъ и напыщенныхъ фразахъ. Но въ народѣ онѣ еще живы, да и самый народъ живетъ по ихъ правиламъ: безъ пословицы не съумѣешь побудить къ чему ни будь мелкаго ремесленника и крестьянина. Но и въ этомъ кругу онѣ не единственные дѣятели: рядомъ съ ними водворились назиданія Церкви и Библейскіе тексты. За то въ древнее языческое время онѣ ни съ кѣмъ не раздѣляли власти; онѣ содержали житейскія правила и, безъ сомнѣнія, въ неизмѣнномъ видѣ передавались отъ старцевъ молодому поколѣнію. При темнотѣ и умышленной запутанности, которыя недавно простерлись надъ нашею стариною, не будетъ излишнимъ нарочно замѣтить здѣсь, что этѣ поговорки передавались не въ училищѣ друидовъ.

У Нѣмцевъ не было ни друидовъ, ни бардовъ, не было ни сословія поэтовъ; прекрасная свобода, представлявшая всякому изъ народа развивать доброе дарованіе, какъ онъ самъ хотѣлъ, не терпѣла, чтобы Божьи таланты ограничивались исключительно извѣстною школой. Какъ всякой домохозяинъ приносилъ жертвы и молитвы и исправлялъ религіозные обряды въ качествѣ природнаго жреца, такъ и занятіе поэзіею принадлежало всякому, у кого только было поэтическое дарованіе.

Кто будетъ говорить о скальдахъ, какъ о цѣховыхъ Мейстерзингерахъ, тотъ докажетъ, что ничего не знаетъ о нихъ. Правда, что всякой, желавшій пѣть и быть разскащикомъ, долженъ былъ многому понаучиться, но это не было школьное ученіе. Духъ Сѣверной поэзіи создалъ себѣ извѣстныя формы и образцы, отъ которыхъ никто не могъ отказаться: надо было ознакомиться съ ними. Начинающій поэтъ долженъ былъ усвоить себѣ тотъ запасъ иносказательныхъ именъ, изъ которыхъ слагается остовъ Сѣверной поэзіи. Въ то время, отъ котораго дошли къ намъ имена скальдовъ, ни одно живое существо, ни одна неодушевленная вещь, не назывались своими настоящими назва-

могли загадочными выраженіями такъ затемнять смыслъ, что для

ніями: для того существовали описательныя имена, заимствованныя изъ качествъ лица, или вещи, ихъ дѣйствій, или исторіи. Знаніе этихъ описательныхъ формъ, употребляемыхъ древними скальдами, служило доказательствомъ образованности; изобрѣтеніе новыхъ трудныхъ и темныхъ именъ обнаруживало остроуміе и ученость поэта. Не зная всѣхъ Сѣверныхъ сагъ и миѳовъ, не льзя было написать стиховъ, ни находить въ нихъ удовольствіе. Поэзія, на примѣръ, называется кровію Квази, кораблемъ карликовъ, медомъ ихъ, также исполиновъ, и т. д. Переходъ, какъ видите, великъ, впрочемъ легко найти его границы: только изъ извѣстнаго иносказательнаго воззрѣнія истекаютъ эти описательныя формы. Ихъ источникъ двоякій: воззрѣніе на природу и саги. Изъ послѣднихъ берется то, что находилось къ лицу, или вещи, въ баснословномъ отношеніи, а первое находитъ сходство вообще между явленіями природы и внѣшняго міра съ описываемымъ предметомъ. Гонялись за метафорами: эта страсть и въ Сѣверномъ мірѣ, какъ и вездѣ, привела къ напыщенности и преувеличеніямъ. Первый шагъ съ проложенной дороги древне-Нѣмецкаго рода поэзіи тотчасъ вывелъ на ложный путь. Чѣмъ болѣе избирались сухіе предметы, тѣмъ несостоятельнѣе оказывалась суровая Сѣверная природа для того, чтобы дать голымъ событіямъ живой и свѣжой образъ; тѣмъ хлопотливѣе гонялись за искуственною отдѣлкою, и вскорѣ дошли до того, что стихотвореніе, если его метафоры перевести на простыя слова, становилось сухимъ донесеніемъ. Едва ли можетъ существовать другая поэзія, такъ мало удовлетворительная, приносящая такъ немного истиннаго наслажденія. Въ основаніи поэзіи скальдовъ было не чувство и здравое воображеніе, а разсчетливый разсудокъ. Она постоянно предлагаетъ загадки, которыхъ разрѣшеніе, правда, изощряетъ остроту ума нѣкоторыхъ людей, за то другимъ не приноситъ никакой пищи.

Мы не будемъ распространяться здѣсь о піитикѣ скальдовъ; упомянемъ только, что сами по себѣ простые звуки у нихъ перепутаны и слиты вмѣстѣ. Не только вставочныя предложенія, даже междометія безъ всякой связи. (Это, такъ называемыя, Malfylling, дополнительныя предложенія; см. примѣч. 35) вставлены въ другія предложенія, такъ что иногда такая строфа походитъ на опрокинутую шахматную доску, на которой снова надобно разставлять шашки. Истинною причиною такого насилованія (назвать это искуственностью будетъ слишкомъ снисходительно)—страсть къ метафорамъ и описательнымъ названіямъ: она дѣлаетъ такія сочетанія словъ, которыя не умѣщаются въ ограниченномъ пространствѣ одного стиха, но, разбитыя на части, переносятся въ слѣдующій. Вообще, напрасно будемъ искать чувства прекраснаго въ поэзіи скальдовъ: они не умѣли находить для своихъ мыслей приличной формы выраженія; слишкомъ тяжелая и грубая, чтобы сдѣлаться мягче и теплѣе, ихъ поэзія могла нравиться причудливому и испорченному вкусу. Странно явленіе, что этотъ

отысканія его нужна была особенная находчивость. Не безъ при-

---

образъ выраженія получилъ начало отъ необходимости облекать въ поэтическіе образы чисто разсудочные, историческіе предметы. Поэты умѣютъ озарять мыслію и историческое событіе и согрѣвать его теплотою чувства; до времени поэзіи скальдовъ знали это и Сѣверные обитатели. Но простые стихи, звучащіе намъ, особлвво въ пѣсьняхъ Эдды, постепенно выходили изъ употребленія: почитатели поэтовъ требовали чего ни будь новаго, что было бы противоположно простому. Такъ королевское стихотвореніе, Drottquädi, представляетъ самый жалкій образецъ искуственнаго и неестественнаго. Сообразно съ тѣмъ, краткія стихотворенія (Flékr) потеряли всю цѣну: ее имѣли одни только драпы, въ которыхъ считалось отъ 70 до 80 строфъ. Такъ объемистость и внѣшній видъ пользовались уваженіемъ. Тогда смотрѣли на стихотворство, какъ на механическую работу, и сравнивали его съ деревянною постройкою (Stafir); риемениыя буквы составляли основаніе отдѣльныхъ стиховъ; изъ этихъ состоятъ строфы (Gestäbe); соединеніе строфъ называется Balkr. Изъ балкровъ слагается стихотвореніе, убранное вычурными и странными прикрасами изъ описательныхъ названій, вдоль и поперекъ обшитое планками или перемѣшанное вставочными предложеніями и словами. Какъ король не можетъ жить въ маленькой хижинѣ, такъ не прилично для него и небольшое стихотвореніе. Это должна быть комната, просторная для всякаго рода людей и занятій.

Кто хотѣлъ быть скальдомъ, для того достаточно было учиться, однако жь нигдѣ не упоминается объ училищѣ, учрежденномъ съ этою цѣлью. Та часть Снорры-Эдды, которая учитъ стихотворству и полагаетъ предметъ поэзіи въ описательныхъ названіяхъ и подобозначащихъ, потомъ говоритъ о ея родахъ, не можетъ быть принята здѣсь въ соображеніе, какъ ученый трудъ XIII и XIV вѣковъ; она составлена по образцамъ стихотвореній скальдовъ для изученія ихъ, а не какъ руководство для нихъ самихъ.

Можемъ сказать прямо, что училищемъ была общественная жизнь. Въ числѣ развлеченій на большихъ собраніяхъ и пирахъ занимали главное мѣсто не пѣсьня и музыка, какъ въ Германіи и Англіи, а чтеніе стихотвореній, истинно знаменательное слово для Сѣвера. Рано заслушивались его мальчики и даже дѣвочки и пробовали свои силы въ подражаніяхъ. Объ Эгилѣ Скалагримсонѣ разсказываютъ, что онъ писалъ стихи на четвертомъ году возраста; объ Эйнарѣ Скалагламѣ, что онъ еще въ очень ранней молодости весьма счастливо выходилъ на поприще скальда. Легко усвоивали себѣ основныя формы и изучали начала, по которымъ составлялись описательныя названія. Остальное зависѣло отъ собственнаго таланта и избраннаго направленія. При томъ пособляла память, очень изощренная на Сѣверѣ, какъ и вездѣ, въ то время, когда необходимость заставляла полагаться на нее, а не на письменность. Когда Эрвароддъ,

чины утверждали, что древняя Сѣверная поэзія скальдовъ, по мно-

---

ужаленный роковою ехидною, чувствуетъ приближеніе смерти, онъ раздѣляетъ 80 своихъ товарищей на двѣ половины: первые сорокъ складываютъ ему курганъ, другіе слушаютъ стихотвореніе, которое онъ слагаетъ про свою жизнь. Оно состояло изъ 71-й строфы и потомъ передано памятью слушателей. Въ примѣръ сильной памяти у скальдовъ, можно привести Штуфа, прочитавшаго въ одинъ вечеръ королю, Гардраду, до 60-ти мелкихъ стихотвореній; сверхъ того у него еще осталось ихъ въ запасъ до 30.

Прежде всего, скальду каждую минуту слѣдовало быть готову на сочиненіе стиховъ; ему надобно было такъ же скоро читать стихи, какъ обыкновенно говорилъ. При рожденіи Старкада, Оденъ далъ ребенку поэтическое дарованіе съ чрезвычайною способностью къ творчеству, но Торъ сдѣлалъ это очень сомнительнымъ, отнявъ у него даръ удерживать въ памяти прежде написанные стихи. Скальда Сигвата хвалятъ, что стихи текли у него съ языка, какъ обыкновенныя слова, хоть онъ и не отличался краснорѣчіемъ въ простомъ разговорѣ. Какъ часто короли и ярлы требовали стиховъ отъ своихъ скальдовъ, такъ же часто приходилось этимъ пѣвцамъ состязаться другъ съ другомъ въ сказаніи стиховъ, а при этомъ случаѣ, какъ будто другой Штемпфель Эйзенахъ, изъ сказочной Вартбургской войны, стоялъ за ними съ мечемъ. Король Норвежскій, Гаральдъ Гардраде, шелъ однажды по улицѣ съ скальдомъ Тіодольфомъ и услыхалъ, что въ одномъ домѣ кожевникъ ссорился съ кузнецомъ. «Сочини мнѣ сей часъ же стихи, вскричалъ онъ поэту: одинъ изъ этихъ ссорящихся пусть будетъ исполинъ Гейрредъ, а другой Торъ!» Тіодольфъ тотчасъ сочинилъ нѣсколько стиховъ, и король былъ доволенъ и похвалилъ его, какъ хорошаго скальда. Много говорили объ этомъ; злые языки даже утверждали, что другой придворный поэтъ, Сиглугалли, не такъ даровитъ. Вечеромъ Гаральдъ позвалъ въ комнату своего карлу. Тутъ въ полномъ вооруженіи и въ награду за стихи назначилъ другому скальду ножикъ и поясъ. Сиглугалли тотчасъ началъ и получилъ подарокъ. На другой вечеръ король былъ что-то сердитъ на Галли: онъ послалъ ему съ карлою жаренаго поросенка и вскричалъ, что если скальдъ не приготовитъ ему стиховъ, пока дойдетъ до него Тута, то долженъ будетъ умереть. Но поэтъ поторопился: Гаральдъ похвалилъ стихи и обѣщалъ оставить его въ покоѣ на будущее время. Безъ приготовленія можно было сказать одни небольщіе стихи, но и для длинныхъ назначали скальдамъ короткій срокъ: присутствіе духа и практика въ быстрыхъ импровизаціяхъ были всегда необходимы для нихъ. Тораринъ написалъ оду въ честь Датскаго короля, Канута Великаго, но коротенькую: такія стихотворенія, какъ упомянули мы, назывались флёкрами. Король разсердился и приказалъ ему сочинить драпу на другой день къ обѣду, иначе онъ повѣситъ его за дерзость, что написалъ въ честь Канута флёкру (draepling). Впрочемъ, Тораринъ нашелся:

жеству правилъ и трудности стихосложенія, также по разнообразію эпитетовъ и изысканности выраженій, считается труднѣе, нежели

онъ воспользовался тою же флекрою, прибавилъ припѣвы, присочинилъ нѣсколько новыхъ строфъ. Канутъ былъ доволенъ и богато наградилъ его.

Мы знаемъ не мало скальдовъ, которыхъ стихотворенія сохранились частію вполнѣ, частію въ отрывкахъ; отъ другихъ не дошло до насъ ничего, кромѣ имени; сверхъ того мы имѣемъ отрывки незнакомыхъ поэтовъ. Большая часть были Норвежцы, или Исландцы. Всего чаще они являлись при Норвежскомъ дворѣ, впрочемъ, не гнушались и Даніей, Швеціей, Англіей, Россіей. Ихъ цвѣтущее время было съ IX-го по XI-е столѣтіе. Легко понять, отъ чего въ странахъ, развившихъ Сѣверную жизнь, всего чище и свѣжѣе эта поэзія распустилась самымъ пышнымъ цвѣткомъ, и что съ введеніемъ Христіянства начало блекнуть и искуство скальдовъ. Она была настоящее растеніе языческаго Сѣвера, деревянистое и колючее: въ ней много важныхъ воззрѣній и цѣломудренныхъ образовъ, но безъ теплоты и любви...

При всѣхъ великихъ недостаткахъ, въ которыхъ мы безпристрастно должны упрекнуть древне-Сѣверную поэзію, однако жь, она была прилична Сѣверной жизни; вычурныя и ледяныя украшенія этихъ предложеній, дикій и будто отрѣзанный видъ этихъ стиховъ, какъ нельзя лучше отвѣчаютъ духу того времени и тѣхъ странъ. Поэзія скальдовъ, подобно мечу, была житейскою необходимостью; какъ мечъ добывалъ желанное золото, такъ доставалось оно и стихами. Подобно тѣмъ пѣвцамъ, которые, во время переселенія народовъ, переходили отъ одного Нѣмецкаго князя къ другому, еще похожѣе на рыцарей поэтовъ XII и XIII вѣковъ, изъ которыхъ многіе были и витязи, люди, изучившіе трудное искуство бога Браге, покидали домашній очагъ, переходили горы, переплывали моря за тѣмъ, чтобы найти государя, котораго могли бы воспѣвать, а кольца его носить на своихъ рукахъ. Съ тѣхъ поръ, какъ великій Гаральдъ Гарфагеръ, король Норвежскій, началъ держать скальдовъ въ почетѣ при своемъ дворѣ, въ Сѣверныхъ странахъ осталось въ обыкновеніи, чтобы ни одинъ князь, ни одинъ благородный, не жили безъ пѣвцовъ; кто имѣлъ слухъ для поэзіи скальда, имѣлъ и языкъ для своей славы. Гаральдъ Блаатандъ изъ всѣхъ придворныхъ найболѣе уважалъ поэтовъ: они сидѣли въ залѣ на низкихъ креслахъ противъ него. Въ качествѣ старшаго изъ нихъ, также и потому, что служилъ еще при отцѣ Гаральда, Гальфданѣ Черномъ, Аудунъ Илльскельда занималъ почетное мѣсто въ срединѣ.» (Altnordisches Leben, v. Dr. K. Weinhold. Berlin, 1856 года, стр. 325—335). Мы привели здѣсь мнѣніе Нѣмецкаго ученаго для того только, чтобы читатели не слишкомъ увлекались поэзію скальдовъ у Стриннгольма. Она для него «dulce fumus patriae.»

поэзія всякого другаго народа. [40] Отъ скальда требовали неистощимой изобрѣтательности, остроумія и глубокомыслія. Ему надобно было знать не только современныя замѣчательныя событія, предметъ его пѣсень, но и минувшія, а особенно сѣверную миѳологію, на которой основывался поэтическій образъ выраженія. Всѣ эти знанія древней Скандинавіи сохраняются въ пѣсьняхъ древнихъ скальдовъ, въ стихотвореніяхъ о богахъ, [41] о войнахъ Асовъ съ исполинами, о воспѣтыхъ современными скальдами судьбахъ и подвигахъ Вёльсунговъ, Гюкунговъ, Нифлунговъ и другихъ богатырскихъ семействъ изъ времени переселенія народовъ, Инглинговъ и Скёльдунговъ. [42] Эти пѣсьни, переходя отъ поколѣнія къ поколѣнію, поддерживали любовь къ поэзіи и вдохновляли новыхъ пѣвцовъ. Многіе скальды были съ Гаральдомъ Гильдетандомъ въ битвѣ при Бравааллѣ, [43] и память о ней прославлена въ пѣсняхъ. Браге Старый былъ скальдъ у Эйстена Бели въ Упсалѣ, а кромѣ Браге, восемь другихъ скальдовъ жили при дворѣ этого короля. Рагнаръ Лодброкъ, его жена и сыновья сами разумѣли искуство скальдовъ. Какой-то Алфуръ упоминается, какъ скальдъ, у Эрика Рефильсона, а Эрпуръ Лутанди у короля Біерне на Гагѣ, который спасся пѣсьнею отъ казни за убійство въ священномъ мѣстѣ. [44] При дворѣ Гаральда Гарфагера также

---

[40] J. Olafssen, Om Nordens gamle Digtekonst (О древней поэзіи Сѣвера).

[41] «Ты желаешь, чтобы я разсказалъ про чудеса Вальфатера, древнія пѣсьни мужей, которыя я когда-то изучалъ.» Völuspa.

[42] См. всю старшую или стихотворную Эдду. Тоже, что Тацитъ (Germania) говоритъ о пѣсьняхъ Германцевъ, «unicum apud illos memoriae et annalium genus est», можетъ быть отнесено и къ древнимъ Скандинавамъ.

[43] Неизвѣстно, кто изъ этихъ скальдовъ написалъ стихотвореніе на великую битву при Бравааллѣ, нынѣ уже утраченное, но существовавшее во время Саксона (въ XII вѣкѣ), когда еще помнили эти стихи; Саксонъ говоритъ, что онъ для подробнаго разсказа объ этой битвѣ (Lib. VIII) пользовался древними стихами Старкоддера на тотъ же случай, одного изъ главныхъ участниковъ въ этомъ бою, и слѣдовалъ ему. Что древнее стихотвореніе служитъ основою разсказа Саксона, видно уже изъ того, что имена храбрыхъ участниковъ боя расположены въ томъ же порядкѣ, въ какомъ находятся и въ стихахъ. Большое сходство не только въ именахъ этихъ воиновъ, но и во всемъ ходѣ сраженія, замѣчается между разсказомъ Саксона и стихами Сагобротта, и ясно доказываетъ, что они почерпали свои извѣстія изъ одного и того же источника. Ср. Сума Crit. Gesch. Daenem. III, соч. Шведск. ист., ч. 1, стр. 261, пр. 72.

[44] См. Skaldatal, въ концѣ Heimskringla.

были скальды и пользовались особеннымъ уваженіемъ короля и его придворныхъ. Въ Исландіи, населенной выходцами изъ Скандинавіи, во время этого короля, пѣсьни древнихъ скальдовъ сохранялись въ памяти гораздо лучше, нежели въ самой Скандинавіи, гдѣ безпрестанные перевороты, возрастающая важность событій и походы Викинговъ увлекали умы и болѣе обращали ихъ къ настоящему. Исландія была убѣжищемъ и родиною поэзіи, такъ же какъ и древнихъ обычаевъ. Съ этого острова вышли пѣвцы позднѣйшаго времени. Совершенное значеніе пѣсень и языка древнихъ скальдовъ и зависѣвшее отъ того поэтическое дарованіе, также изысканность баснословныхъ выраженій, доставили Исландскимъ скальдамъ преимущество предъ всѣми другими и званіе истинныхъ жрецовъ поэзіи.

II. Въ богатырскихъ стихотвореніяхъ, торжественныхъ и величавыхъ драпахъ, пѣсьняхъ со многими раздѣленіями и припѣвами,[45] воспѣвались дѣла и жизнь королей и великихъ богатырей. Про людей не столь знатныхъ и на менѣе важныя событія сочинялись флокры, пѣсьни меньшей величины, безъ раздѣленій и обратныхъ риѳмъ. Чтобы собирать предметы для своихъ пѣсень и добыть себѣ славу и награды, Исландскіе скальды посѣщали не только дворы Сѣверныхъ королей, но ѣздили на Оркадскіе острова, въ Англію и во всѣ стороны, гдѣ были княжескіе дворы и жили люди, говорившіе языкомъ Сѣвера. Повсюду находили они ласковый пріемъ и не имѣли надобности въ товарахъ и въ пособіяхъ отъ родственниковъ для продолженія путешествія. Вошедши въ королевскую комнату, гдѣ сидѣлъ и пировалъ король съ своею дружиною, скальдъ просилъ позволенія прочитать стихи въ похвалу короля, чи-

[45] Въ древнихъ стихотвореніяхъ, особливо въ драпахъ, обыкновенно родъ припѣва (stef) изъ двухъ, или четырехъ, строкъ ко всякой строфѣ, и повторяется въ концѣ всякаго новаго отдѣла пѣсьни: такой отдѣлъ называется Stefjabalkr, Stefjamal; эти отдѣлы иногда одинаковой величины, иногда неравны, смотря по естественному качеству предмета. Другой родъ припѣвовъ, такъ называемый, Vidquaedi, состоящій изъ двухъ, или болѣе, стиховъ, отдѣленныхъ отъ строфы, повторяется въ началѣ, или въ концѣ, каждой строфы; иногда эти припѣвы много разъ измѣнялись въ одномъ и томъ же стихотвореніи. Въ строфахъ, посвященныхъ привидѣніямъ, или богамъ, также таинственнаго, мрачнаго, или высокаго, содержанія, часто послѣдній стихъ повторялся съ небольшимъ измѣненіемъ. Rask, l. c.

талъ ихъ твердымъ голосомъ и получалъ въ награду золотые перстни, великолѣпныя оружія, дорогія платья, помѣщеніе и столъ при королевскомъ дворѣ. Стихотвореніе тщательно заучивалось придворными: его сохраняли въ память, чтобы славу короля передать потомству. Когда Исландскій скальдъ, Снегле Галлъ, въ Англіи, сочинивъ драпу въ честь Англійскаго короля, Гаральда Гондвинсона, не хотѣлъ оставаться при его дворѣ до тѣхъ поръ, пока она будетъ заучена, король сказалъ ему: «Такая же будетъ тебѣ и награда, какова мнѣ польза отъ твоихъ стиховъ: чего никто не знаетъ, то и не приноситъ никакой славы.» Онъ велѣлъ скальду сѣсть на полъ и продолжалъ: «Я осыплю тебя серебряными деньгами: что останется въ волосахъ, то твое.» [46] Для храбрымъ людей Сѣвера, постоянныхъ искателей славы, было истинною отрадой слышать въ пѣсьняхъ скальдовъ отголосокъ своихъ богатырскихъ подвиговъ и видѣть, что посредствомъ ихъ они вѣчно живы въ памяти людей. Поэтическое дарованіе спасло жизнь Эйгилу, когда онъ попалъ въ руки своего заклятаго врага, Норвежскаго короля, Эрика Блодиксы. Эйгилъ, которому на слѣдующее утро назначена была смерть, написалъ ночью пѣсѣнь въ честь короля, и Эрикъ, при всей своей жестокости, далъ ему свободу и жизнь. [47] Гаральдъ Графаллъ, сынъ Эрика Блодиксы, разсердился на Эйвинда Скальдаспиллера за стихи, которые этотъ написалъ въ честь побѣжденнаго Гаральдова врага, Гакана Адальстена Фостре, до такой степени, что осудилъ поэта на смерть. Друзья виновнаго, желая уладить дѣло и возстановить дружескія отношенія, тогда только могли утишить гнѣвъ короля, когда этотъ пѣвецъ обѣщалъ воспѣть богатырскіе подвиги Гаральда и быть у него такимъ же скальдомъ, какъ прежде былъ у Гакана. [48] Канутъ Великій также высоко цѣнилъ стихи скальдовъ; онъ очень обидѣлся, когда Торариnъ Лофтунга, знаменитый Исландскій пѣвецъ, написалъ про него флокръ. Король грозилъ ему смертью, если на слѣдующій день, къ обѣду,

---

[46] Snegle Halls Thattr. Müller's, Sagabibliothek III.

[47] Eigils saga.

[48] Harald Gråfälls saga, у Снорре Стурлесона. Въ послѣдней главѣ Håkan Adalsten Fostres saga есть прекрасное стихотвореніе, написанное на смерть этого короля Эйвиндомъ Скальдаспиллеромъ и называемое Hakonar-mal.

онъ не явится къ нему съ драпою. Тораринъ сочинилъ тогда, такъ называемую, стефу, вставилъ въ нее прежде сочиненную пѣсьню, увеличилъ эту послѣднюю нѣсколькими строфамй и, такимъ образомъ, передѣлалъ ее въ богатырское стихотвореніе на образецъ драпы; за это онъ получилъ въ награду 50 марокъ серебра, а стихотвореніе его назвали Hufvudlösen,[49] выкупъ головы. Жители Исландіи, въ честь которыхъ Эйвиндъ сочинилъ драпу, наградили его съ королевской щедростью: каждой Исландецъ далъ по слитку серебра; это серебро доставили на тингъ, гдѣ рѣшено было отправить его въ кузницу для очищенія; потомъ былъ сдѣланъ изъ этого серебра нагрудникъ съ застежками, которыя употреблялись тогда для поддержки одежды; остатокъ отъ этого серебра пошелъ въ уплату за работу; нагрудникъ и застежки къ нему вѣсили 50 фунтовъ. Это послали въ подарокъ Эйвинду. Званіе скальда было такъ любимо и уважаемо, что на древнемъ Сѣверѣ даже нѣкоторые короли принадлежали къ числу скальдовъ. Сохранилось еще нѣсколько пѣсень, сочиненныхъ Гаральдомъ Гардраде, въ которыхъ онъ воспѣваетъ свои подвиги и презрѣніе, оказанное ему Русскою дѣвою, украшенною кольцами.» Эти пѣсьни называются «Гаммавизоръ», и, по общему мнѣнію нашихъ современниковъ, имѣютъ высокое поэтическое достоинство.[51] Гаральдъ, самъ скальдъ, былъ строгимъ цѣнителемъ чужихъ пѣсень, и умѣлъ судить о содержаніи ихъ, что испытали на себѣ скальды Тіодольферъ и Арноръ Ярласкальдъ, который сложилъ двѣ пѣсьни одну въ честь самого Гаральда, а другую въ честь Магнуса Добраго. Гаральдъ скасалъ: «Я вижу разницу между этѣми пѣсьнями: написанная обо мнѣ скоро забудется, а пѣсьня о Магнусѣ останется въ людской памяти до тѣхъ поръ, пока на Сѣверѣ будутъ жить люди.»[52] Не только въ языческое время,

---

[49] Olof Haraldsons или Святаго сага, у Снорре Стурлесона.

[50] Harald Gråfälls saga и Hakan Jarls saga, у Снорре Стурлесона.

[51] Ср. Geijer, Svea Rikes Häfder I. Всѣ, дошедшія до насъ, пѣсьни Гаральда, въ Bartholin's Ant. Dan.

[52] Многія строфы ея дѣйствительно сохранились до нашего времени. См. Torfaeus His. Norv. Объ упрекѣ Гаральда Тіодольферу, что онъ риемуетъ простую и сложную согласную: поэтическая вольность, которую скальды дозволяли себѣ часто, смотри у J. Olafssen. l. c. Тіодольферъ очень обидѣлся замѣ

но въ вѣка Христіянства и даже позже, блескъ и веселье королевскихъ дворовъ увеличивались отъ присутствія тѣхъ поэтовъ, которые должны были:

«На веселыхъ пирахъ
Возвѣщать дѣла,
Дѣла славныя.»

Много Исландскихъ скальдовъ находилось при дворѣ Олофа Скётконунга, и одна древняя сага сохранила разсказъ о поэтическомъ состязаніи, происходившемъ между двумя изъ нихъ въ присутствіи короля. Исландецъ Гуннлаугъ, по прозванію Ormstunga, Змѣиный языкъ (такъ прозванный за остроуміе), посѣтилъ многихъ королей и ярловъ, получилъ отъ нихъ за стихи очень много драгоцѣнныхъ платьевъ, оружій и запястьевъ, и явился наконецъ въ Свитіодъ къ Олофу Скётконунгу, въ Упсалу, въ 1008 году. На вопросъ короля: «Кто онъ?» Гуннлаугъ отвѣчалъ, что онъ «Исландецъ». При дворѣ короля въ то время находился славный Исландскій скальдъ, Рафнъ Аунундарсонъ.' Его спросилъ король о новоприбывшемъ Исландцѣ. Рафнъ, вставъ съ лавки, которая была ниже королевской, подошелъ къ королю и отвѣчалъ: «Государь! Онъ знатнаго происхожденія и изъ числа самыхъ храбрыхъ людей.»—«Пусть онъ сядетъ возлѣ тебя», сказалъ король. Гуннлаугъ просилъ позволенія прочитать стихи, сочиненные имъ въ честь короля. Но Олофъ на то не согласился, отзываясь недосугомъ, потому что въ это время былъ тингъ въ Упсалѣ. Однажды, по окончаніи тинга, когда оба скальда сидѣли у короля, Гуннлаугъ повторилъ свою просьбу; на этотъ разъ и Рафнъ изъявилъ желаніе прочитать свои стихи въ честь короля. Король позволилъ это; у скальдовъ завязался споръ, кому изъ нихъ читать первому. Они согласились наконецъ отдать это дѣло на волю и рѣшеніе короля. Олофъ рѣшилъ въ пользу Гуннлауга. Его стихотвореніе было драпа. Когда онъ прочиталъ ее, король спросилъ у Рафна мнѣнія о ней. «Она очень хороша, отвѣчалъ скальдъ,

---

чаніемъ короля и сказалъ: «Пусть сочиняетъ стихи тотъ, кто лучше умѣетъ.» — «Правда, Тіодольферъ, отвѣчалъ король, ты хорошо сочиняешь, но ты и довольно щекотливъ относительно своего дарованія.»

но стихи тяжелы и непріятны, какъ и самая наружность Гуннлауга.» Послѣ того, какъ король выслушалъ также и стихи Рафна, онъ обратился къ Гуннлаугу съ просьбою сказать о нихъ свое мнѣніе. «Они очень хороши, сказалъ скальдъ, красивы и гладки, какъ и наружность самаго Рафна. Но для чего, продолжалъ онъ, обратясь къ Рафну, сочинилъ ты флокръ для короля? Развѣ не считаешь его достойнымъ драпы?» Рафнъ напомнилъ ему, что продолжать подобный споръ въ присутствіи короля неприлично. Оба они, щедро одаренные Олофомъ, уѣхали изъ Упсалы: Рафнъ отправился въ Исландію, а Гуннлаугъ въ Англію, но вскорѣ погибли на поединкѣ за одну Исландскую дѣвушку, красивую Гелку. [53]

Анундъ Яковъ, многіе позднѣйшіе короли и даже ярлы, имѣли при себѣ Исландскихъ скальдовъ. [54] Этотъ обычай и это сочувствіе къ изящному глубоко укоренилось со временъ древности, такъ что Норвежскіе короли, Олофъ Триггвасонъ и Олофъ Дигре (Тучный), не смотря на свое Христіянское отвращеніе къ древнему поэтическому языку съ его миѳологическими выраженіями, однако жь были благосклонны къ скальдамъ и принимали ихъ при своихъ дворахъ. Скальды, даже по принятіи Христіянства, все еще сохраняли древній миѳическій языкъ и не хотѣли покидать прежнихъ боговъ, этихъ отцевъ своей поэзіи, раздававшихъ людямъ поэтическое вдохновеніе скальдовъ.

Одена родъ поэзію любилъ,
Къ отрадѣ сладкой человѣка,
И я, какъ даръ небесный, сохранилъ
Обычай дѣдовскаго вѣка.
Одена власть была для насъ мила,
И только принужденья сила
Боговъ родныхъ у скальдовъ отняла
И вѣрѣ новой научила.

Такъ грустно пѣлъ скальдъ Галлфредъ при дворѣ короля Олофа Триггвасона, сдѣлавшійся противъ воли Христіяниномъ. Потомъ

---

[53] Gunnlaug Ormstungas saga.

[54] См. Skaldatal, у Снорре Стурлесона.

явился онъ къ Олофу, и просилъ позволенія прочитать стихи въ честь его. Олофъ сначала не хотѣлъ ихъ слушать, наконецъ согласился и, выслушавъ, сказалъ скальду: «Стихи прекрасны: хочешь ли быть моимъ слугою и остаться у меня?» [55]

III. Поэтическій даръ и произношеніе [56] не были, однако жъ, единственныя условія хорошихъ скальдовъ: они должны были хранить въ памяти пѣсьни старинныхъ скальдовъ, и частымъ упражненіемъ до того изострили свою память, что скальдъ Стуфъ прочиталъ однажды 60 флокръ королю Гаральду Гардраде, и когда король дослушалъ ихъ позднею ночью, то спросилъ, знаетъ ли онъ еще что ни будь? Скальдъ отвѣчалъ, что у него есть еще на половину столько же драпъ. [57] Странствуя изъ страны въ страну, скальды были самые свѣдущіе люди своего времени: многое видѣвшіе и испытавшіе въ жизни и равно хорошо знакомые съ настоящимъ, какъ и съ стариною, они пользовались великимъ уваженіемъ вездѣ, куда ни приходили. При дворѣ Гаральда Гарфагера и Олофа Скётконунга, они занимали всегда мѣста противъ королевскаго престола. Притомъ, сообразно съ требованіями вѣка, они были храбрые воины, очень опытные во всѣхъ воинскихъ упражненіяхъ; они никогда не чуждались опасностей войны: столько же извѣстій сохранилось объ ихъ храбрыхъ подвигахъ, какъ и объ ихъ поэзіи. Скальды выходили на

[55] Ol. Tryggv. saga. Копенгаг. изд. Wandradaskald означаетъ поэта, съ которымъ состязаться трудно. Этотъ же Галлфредъ Вандрадаскальдъ жилъ два года въ Вестерготландѣ, гдѣ и женился на вдовѣ Вестгота Аудгисля. Онъ посѣтилъ въ это время и Олофа Скётконунга въ Упсалѣ, написалъ въ честь его драпу и получилъ за то щедрые подарки отъ короля.

[56] Сочинять стихи называлось yrkia, yrki, orta, а читать ихъ quäda; это слово имѣло два значенія, пѣть и говорить. Слѣдовательно, чтеніе стиховъ состояло въ поющемъ выразительномъ произношеніи.

[57] Thattr om Stuf Skald. Müller's Sagabibl. III. Не смотря на различную величину пѣсень, можно принять за среднее число для нихъ 20, или 40, строфъ; нѣкоторыя состояли изъ 50, или 60, и только очень немногія, дошедшія до насъ, древнія стихотворенія заключаютъ въ себѣ до сотни строфъ. Замѣчательно, что этотъ послѣдній, въ 800 стиховъ, равняется самой длинной изъ рапсодій Гомера: это число стиховъ, кажется, составляло естественный предѣлъ, котораго не преступало ни одно стихотвореніе, не утомляя поэта и слушателей. Rask, l. c.

войну вмѣстѣ съ королемъ, одушевляли воиновъ военною пѣснью, и сами сражались мужественно возлѣ короля. Если сраженіе имѣло счастливую развязку, они возвращались съ королемъ и за пѣнистымъ кубкомъ славили богатырскій подвигъ, побѣду и славную смерть. Скальдовъ употребляли и по другимъ важнымъ дѣламъ: въ числѣ древнихъ скальдовъ не одинъ Тюдольферъ Гвине былъ искреннимъ другомъ и совѣтникомъ своего короля. Сага о Магнусѣ Добромъ представляетъ одну черту мудрости скальдовъ, умѣвшихъ въ поэтическомъ складѣ высказывать непріятныя истины. Магнусъ Добрый, будучи еще очень молодъ въ началѣ своего царствованія, по внушенію дурныхъ совѣтниковъ, поступалъ очень жестоко съ тѣми, которые подняли оружіе противъ его отца: однихъ онъ изгонялъ изъ страны, другихъ подвергалъ жестокимъ наказаніямъ, или тяжелой денежной пенѣ, владѣнія наказанныхъ отбиралъ себѣ. Всѣ эти поступки были причиною всеобщаго неудовольствія, однако жь, никто не отваживался сдѣлать представленіе королю. Сигватеръ скальдъ сочинилъ стихи, подъ названіемъ Bersoeglis Wisor, «Пѣсня защиты.» Онъ явился къ королю и твердымъ голосомъ прочиталъ свое стихотвореніе, изъ котораго сага сохранила слѣдующія строфы:

Не гнѣвайся, Магнусъ, на смѣлую рѣчь,
То скальда совѣтъ откровенный:
Онъ благо вѣщаетъ для чести твоей,
Любовью къ тебѣ вдохновенный.
Не знаю, правдивы ль слова поселянъ,
Что нѣтъ имъ въ законахъ защиты,
Что клятвы святыя присяги твоей
Тобою, король, позабыты;
Какіе соблазны, увлекши тебя,
Твой долгъ забывать заставляли?
Ты пробуешь въ гордой отвагѣ своей
Опасное лезвіе стали.
Кто любитъ покорность въ подвластной странѣ,
Присягу даетъ ей правдиво:
Тебѣ ли, о Магнусъ, безстрашный въ бояхъ,
Срамить себя ложью трусливой?
И кто подъустилъ тебя грабить народъ,
Свой край предавать разоренью?
Никто не посмѣетъ внушать королямъ:

Нѣтъ злѣе для нихъ преступленья.
О вскормленный коршуновъ кровью! молю,
Исполни народа желанье;
Быть худу: есть замыслъ у старцевъ сѣдыхъ,
Грозитъ онъ мятежныхъ возстаньемъ.
Лишь мудрость спасаетъ въ подобныхъ бѣдахъ.
Быть худу: съ поникшей главою
На тинги приходитъ печальный Норманнъ,
Народъ отуманенъ тоскою;
У всѣхъ на устахъ безотрадная рѣчь:
«Въ часъ гнѣва нашъ Дроттъ горделивый
Себѣ отбираетъ добро поселянъ,
Родныя завѣтныя нивы.
Но предковъ завѣты ничтожны предъ нимъ:
Его повелѣньемъ суровымъ,
Наслѣдникъ прощается съ домомъ отцовъ,
И бродитъ безъ пищи и крова.»
Тебѣ, сынъ Олофа, желанье мое:
Пусть кончится все примиреньемъ,
И сердце Норманна свой долгъ къ королю
Не броситъ на жертву забвенья.
Есть жалоба также: для бѣдныхъ людей
Такъ медлѐнны Дротта рѣшенья;
Мы стоимъ пощады, о Магнусъ, твоей,
Будь кротокъ, и сладко для скальда
Съ тобой будетъ жить, за тебя умереть:
Ты носишь святой мечъ Гаральда.

Магнусъ выслушалъ скальда, принялъ его предостереженія и потомъ, любимый народомъ, получилъ прозваніе Магнуса Добраго. [58] Хотя скальды всегда осыпали похвалами богатырей своихъ пѣсень, однако жь духъ времени не дозволялъ имъ ласкать пустое тщеславіе и приписывать людямъ небывалые подвиги: это считалось скорѣе злословіемъ, нежели похвалою. Потому-то стихотворенія, читавшіяся на пирахъ, имѣютъ великое достоинство по своей исторической истинѣ: такими, по крайней мѣрѣ, почитались они отъ современныхъ, или вскорѣ послѣ того жившихъ, людей, и потому служили для нихъ самыми вѣрными свидѣтельствами древнихъ со-

[58] Magnus des Goden saga, у Снорре Стурлесона.

бытій.[59] Богатырская пѣснь, плодъ богатырскаго вѣка, всего чаще раздавалась въ обществѣ воиновъ, потому что для сагъ и пѣсень не было предмета обильнѣе храбрыхъ подвиговъ. Часто воспѣвалъ воинъ самъ свои дѣла, нерѣдко и своихъ друзей.

Но и болѣе нѣжныя чувства не были чужды пѣсьни. Разлука съ милой, печали и радости любви передавались съ тѣмъ же глубокимъ чувствомъ и съ тою же истиною, какъ и неукротимое мщеніе и пылкое желаніе битвъ и кровопролитій. Сочиняли также пѣсьни любви, Mansaungr, красивымъ дѣвушкамъ. Но скальдъ долженъ былъ знать сначала, какъ приняты будутъ эти стихи его милою и родней ея; въ противномъ случаѣ онъ подвергалъ себя законному наказанію. По Исландскимъ законамъ никто не долженъ былъ писать ни похвальныхъ одъ, ни сатиръ, на кого бы то ни было, подъ страхомъ опалы. Если сообразимъ, что мадригалы красавицамъ скоро распространялись и отношенія къ извѣстной женщинѣ получали огласку, то легко поймемъ, что, не смотря на все приличіе и нравственность этихъ стиховъ, та, къ кому они относились, и родня ея не могли быть довольными. Это бывало поводомъ къ множеству тяжбъ и имѣло другія, самыя печальныя, послѣдствія, въ отвращеніе чего и изданъ былъ тотъ законъ. Мы знаемъ, что даже въ южной Франціи трубадуры должны были очень остерегаться называть предметъ ихъ страсти, и что не одинъ изъ нихъ поплатился жизнію за свои стихи. Но съ согласія дѣвушки такія стихотворенія допускались; особливо исторія Тормода Кольбрунаскальда показываетъ, что женщины не только позволяли писать мадригалы себѣ, но и желали ихъ и награждали поэтовъ. Тормодъ въ одну поѣздку въ Исландію зашелъ въ домъ одной вдовы, Катли, въ Арнадалѣ; у ней была очень милая дочь, Торбіерга, съ черными, какъ уголь, глазами. Онъ съ охотою воспользовался ихъ гостепріимствомъ и прожилъ у нихъ съ полмѣсяца; въ благодарность за то и изъ угожденія къ дѣвушкѣ, онъ написалъ ей мадригалъ и назвалъ его «черными, какъ уголь, строфами.» Онъ прочелъ ихъ въ одномъ многочисленномъ собраніи; Катли сняла съ руки большое золотое кольцо и сказала: Дарю тебѣ его въ награду за стихи; съ нимъ вмѣстѣ прими и имя «Чернаго, какъ уголь, скальда.» Тормодъ поблагодарилъ за подарокъ: за нимъ осталось и имя. Вскорѣ потомъ онъ воротился до-

[59] Ср. предисловіе Снорре Стурлесона къ Heimskringla или къ Королевскимъ сагамъ.

мой и вспомнилъ другую дѣвушку, сосѣдку, Тордису, дочь Грима, съ которою прежде былъ въ тѣсной связи. Но сдѣлавъ посѣщеніе ей, онъ принятъ былъ холодно и принужденъ выслушать колкости, что выбралъ себѣ другую милую и даже написалъ ей мадригалъ. Тормодъ рѣшился слукавить: онъ сказалъ, что только сравненіе, какое онъ сдѣлалъ мысленно между Тордисою и Торбіергою, внушило ему эти стихи, относящіеся собственно къ первой и, вмѣсто «черныхъ какъ уголь строфъ,» написалъ «похвальные стихи Тордисѣ.» Спустя нѣсколько времени онъ видитъ сонъ: къ нему является Торбіерга Кольбрунъ и обвиняетъ его въ трусости, потому что у него не достало духа сказать правду Тордисѣ. За этотъ обманъ посѣтитъ его глазная болѣзнь: онъ ослѣпнетъ, если гласно не возвратитъ ей принадлежащаго, не уничтожитъ стиховъ Тордисѣ и не исправитъ ея мадригалъ. Тормодъ просыпается въ самомъ дѣлѣ съ болью въ глазахъ, онъ тревожится и, по совѣту своего отца, рѣшается исполнить приказаніе прогнѣвившейся Торбіерги. Въ народномъ собраніи онъ возвращаетъ стихамъ прежній видъ, получаетъ облегченіе отъ болѣзни и вскорѣ выздоравливаетъ совсѣмъ. * Вѣрно, малодушіе даже и въ этихъ случаяхъ было преступленіемъ, навлекавшимъ гнѣвъ и наказаніе боговъ. Особенно славны, такъ называемыя, Nidwisor Скандинавовъ, сатиры, которыми отмщали за себя въ томъ случаѣ, если врага не могло достичь обыкновенное мщеніе. Не были равнодушны къ этой поэтической мести, потому что Норманнъ меньше всего могъ сносить обидныя насмѣшки. Король Гаральдъ Блаатандъ хотѣлъ со всѣмъ флотомъ плыть въ Исландію и опустошить ее огнемъ и мечемъ, въ отплату за позоръ, который Исландцы причинили ему своими Nidwisor за то, что онъ, по береговому праву, овладѣлъ всѣмъ грузомъ одного Исландскаго корабля, потерпѣвшаго крушеніе на Датскихъ берегахъ. Едва могли удержать Гаральда отъ замысла, разсказавъ о природѣ острова и опасности похода. [60] Сатирою также отмстилъ за себя Исландецъ Торлейфъ Ярласкальдъ, когда Гаканъ, Норвежскій ярлъ, сожегъ его корабль, овладѣвши всѣмъ грузомъ. Переодѣтый нищимъ, съ большою козлиною бородою, Торлейфъ вошелъ въ комнату, гдѣ ярлъ сидѣлъ и пилъ съ своими подручника-

[60] Olof Tryggves. saga, у Снорре Стурлесона.

* Fostbraedras. A. c. II, привод. Вейнгольдомъ въ его Altnordisches Leben. (Berlin. 1856 г.), стр. 340—341.

ми. Обративъ на себя говорливостію вниманіе ярла, онъ получилъ позволеніе прочитать пѣсьню. Сначала казалось, что она хвалитъ ярла; однако жь, нельзя было вдругъ сообразить, похвала ли это, или порицаніе? Пѣсьня была нѣсколько странна, а съ ярломъ, во время чтенія, было еще страннѣе: онъ чувствовалъ себя не хорошо и не могъ спокойно сидѣть на мѣстѣ. Въ половинѣ пѣсьни въ комнатѣ стало темно, но при ея окончаніи послышался звукъ мечей, и ярлъ упалъ безъ чувствъ. Когда Торлейфъ скрылся, мракъ постепенно разсѣялся; ярлъ пришелъ въ себя, но у него не доставало бороды и половины волосъ на головѣ, а многія изъ его дружины были умерщвлены.[61] Такое наглядное изображеніе вредныхъ дѣйствій сатиры напомнилъ король Гаральдъ Гардраде сильному Эйнару Флуге, вождю въ Галогаландѣ, когда одинъ Исландскій скальдъ, не получивъ удовлетворенія отъ Эйнара, грозилъ ему сатирою. «Замѣть, Эйнаръ, сказалъ король: Nidgedichte повредили людямъ гораздо тебя могущественнѣе. Сатира на Гакана ярла будетъ жить у всѣхъ въ памяти, пока существуютъ на Сѣверѣ жители. Постарайся раздѣлаться съ скальдомъ: онъ очень способенъ исполнить свои угрозы!» Эйнаръ, который обыкновенно рубилъ своихъ противниковъ, но никогда, какъ самъ онъ хвалился, не платилъ за то пени, далъ скальду деньги, слѣдовавшія ему за убійство одного родственника.[62] Скальды не рѣдко сочиняли безъ приготовленія свои пѣсьни на внезапные случаи, иногда на предложенные вопросы давали отвѣты легкими, остроумными стихами. Такой даръ импровизаціи имѣлъ Сигватеръ скальдъ; онъ легче говорилъ стихами, нежели прозою.[63] Даже не одни скальды, многіе другіе люди, мужчины и женщины, импровизировали простыя строфы въ важныя минуты жизни.

IV. Съ пѣсьнями соединялись разсказы изъ древнихъ Сѣверныхъ сагъ, называвшіеся Sagoskoemtan, развлеченіе, равно любимое въ домашнемъ кругу поселянина и при дворахъ королей, въ частныхъ и общественныхъ собраніяхъ. Человѣкъ съ хорошимъ даромъ слова и съ обширными историческими свѣдѣніями, занималъ мѣсто витіи и передавалъ сказанія мудрыхъ людей про старину, или слышанное имъ отъ другихъ про современныхъ вождей и богатырей. Глав-

---

[61] Thorleif Jarlaskalds Thattr. Müller's, Sagabibl. III.
[62] Snegle Halls Thattr. I. c.
[63] Olof Haralds. saga, у Сно́рре Стурлесона.

ною основою такихъ разсказовъ служили пѣсьни скальдовъ, почитавшіяся самымъ чистымъ источникомъ древнихъ воспоминаній, потому что стихотворный размѣръ, риѳменныя буквы и другія отличія Сѣверной поэзіи сообщали этимъ пѣсьнямъ особенный неизмѣняемый оттѣнокъ. [64] Въ нихъ, однако жь, схватывались только главныя черты событій. Разсказчикъ, по изустнымъ преданіямъ, пополнялъ недостатки, изображалъ полную картину жизни богатыря и возстановлялъ связь между событіями. Онъ умѣлъ придавать живой и яркій цвѣтъ этимъ картинамъ, драматическій складъ разсказа помогалъ ему поддерживать вниманіе слушателей, вмѣстѣ съ тѣмъ онъ умѣлъ сохранять истину и достовѣрность. Разсказчикъ, какъ и скальдъ, былъ пріятнымъ гостемъ вездѣ. «Умѣешь ли ты забавлять чѣмъ ни будь?» спрашивалъ король Гаральдъ Гардраде Исландца, Торстена Фроде, пришедшаго изъ Исландіи въ Норвегію съ намѣреніемъ остаться при королевскомъ дворѣ. — «Могу, отвѣчалъ Торстенъ, забавлять сагами.» — «Я готовъ принять тебя, сказалъ король». Торстенъ потѣшалъ короля разсказами изъ сагъ, и всѣ слушатели были очень довольны: придворные надарили ему платьевъ, король подарилъ прекрасный мечъ. Передъ зимними праздниками Торстенъ сталъ молчаливъ и грустенъ. Король замѣтилъ это и спросилъ о причинѣ. «Такое ужъ у меня свойство, отвѣчалъ Торстенъ: вотъ вся причина.» Король подозрѣвалъ что-то другое. «А я могу назвать истинную причину, продолжалъ онъ: ты пересказалъ все, что зналъ, для нашей забавы, а теперь тебѣ и непріятно, что всѣ твои разсказы кончились передъ праздникомъ». Торстенъ признался въ томъ; однако жь прибавилъ, что у него остался еще разсказъ, но передать его онъ не смѣетъ: это сага про походы и подвиги въ чужихъ краяхъ самого короля Гаральда. Со всѣмъ тѣмъ король объявилъ, что очень желаетъ слышать ее. «Однако жь, продолжалъ онъ, не разсказывай до праздника, пока не соберутся всѣ витязи. Ты начнешь свою сагу съ перваго дня праздника, и я устрою такъ, чтобы она окончилась съ послѣднимъ днемъ его, потому что о зимнихъ праздникахъ идетъ пиръ горой. Пока продолжается сага, ты не услышишь отъ меня ни похвалы, ни порицанія; но если она понравится мнѣ, сдѣлаю

[64] «Самыя вѣрныя стихотворенія, по моему, тѣ, которыя правильно прочитаны и умно объяснены.» У Снорре Стурлесона въ концѣ предисловія къ королевскимъ сагамъ.

тебѣ подарокъ.» Наступилъ праздникъ; съ нимъ начался и разсказъ и произвелъ общее впечатлѣніе. Многіе говорили промежъ собою о дерзости скальда и думали разное о томъ, какъ понравится это королю. Праздникъ продолжался, подвигался впередъ и разсказъ; казалось, что онъ приноситъ удовольствіе королю. Вечеромъ, въ послѣдній день праздника, кончилась и сага. «Она, сказалъ король, не хуже ея предмета: только гдѣ ты выучился ей?» — «Государь, отвѣчалъ Торстенъ: я обыкновенно каждое лѣто ѣздилъ на альтингъ въ нашей сторонѣ, тамъ и перенялъ сагу у Галлдора Снорресона.»—[65] «Такъ нечего и удивляться, что ты знаешь ее такъ хорошо,» сказалъ король. Онъ подарилъ въ награду разсказчику богатый грузъ корабля. Торстенъ и послѣ того часто ѣздилъ въ Норвегію и много разъ бывалъ въ обществѣ короля. [66] Эти прекрасныя развлеченія, приносимыя разсказами и поэзіей, были очень любимы Скандинавами. Кто обогатилъ свой умъ подобнаго рода свѣдѣніями, а память многочисленными сказаніями о современныхъ и древнихъ событіяхъ, тотъ пользовался званіемъ Frodr. Fraedimadr, мудраго, свѣдущаго человѣка: это имя приносило такой же почетъ, какъ и имя витязя. Вообще Скандинавы имѣли способность выражаться ясно и сильно и заботились о красивомъ складѣ своихъ рѣчей. Въ странѣ, гдѣ разсказъ былъ любимымъ общественнымъ удовольствіемъ, гдѣ всѣ частныя и общественныя дѣла велись изустно, могло образоваться и краснорѣчіе. Саги и древніе законы показываютъ богатство выраженій въ языкѣ Скандинавовъ. Но если языкъ народа достигъ такой степени совершенства, то и самый народъ не могъ не имѣть нѣкоторой образованности. Ею обязанъ онъ пѣснямъ и сагамъ: словно Орфеева лира, онѣ смягчали грубые нравы, возбуждали размышленіе, придавали особенную прелесть жизни. Онѣ пролили первые лучи образованія на Сѣверъ, а особливо имѣли вліяніе

---

[65] Исландецъ, сынъ Снорре Добраго, сопровождавшій Гаральда въ Гардарикъ и Миклагардъ, раздѣлявшій съ нимъ всѣ его приключенія въ Сициліи, въ Африкѣ и Палестинѣ. См. Hàrald Hàrdràde saga, у Снорре Стурлесона. Ср. Müller's Sagabiblioth. о Галлдорѣ Снорресонѣ. По возвращеніи въ Норвегію Галлдоръ поссорился съ Гаральдомъ и отъ того удалился на свой родной островъ, гдѣ, не смотря на враждебныя отношенія къ Гаральду, безпристрастно разсказалъ Исландцамъ его дѣла и всѣ приключенія съ нимъ въ путешествіяхъ.

[66] Thattr om Thorstein Frode. Mülle'rs Sagabibl. I. Ср. Лилiегрена объясненія къ Gånge Rolfs saga.

на нравственную и умственную образованность народа. Саги и пѣніе были первыми предвозвѣстниками образованности. Скандинавы также любили приводить пословицы въ разговорѣ; имъ нравился не менѣе темный и загадочный образъ выраженія: двусмысленные отвѣты, острыя эпиграммы и замысловатая игра словъ. Охотно испытывали свое остроуміе въ загадываніи трудныхъ загадокъ; разсказъ одной саги о состязаніи въ этомъ Одена, принявшаго имя Гестера слѣпаго, съ Гейдрекомъ, мудрымъ королемъ Рейдготскимъ, великимъ мастеромъ въ этомъ искуствѣ, [67] показываетъ намъ, какъ уважался у Скандинавовъ такой родъ умственныхъ упражненій. Въ трудныхъ обстоятельствахъ они не затруднялись въ формѣ замысловатой притчи высказывать такую правду, которую опасно было бы говорить прямо. Такъ Вестготскій лагманъ Эмундъ въ вымышленномъ разсказѣ представилъ Олофу Скётконунгу его неосторожное поведеніе и открылъ, что ожидаетъ его. Послѣ побѣды при островѣ Своллерѣ, одержанной Шведскимъ королемъ, Олофомъ Скётконунгомъ, и Датскимъ, Свеномъ Твескеггомъ, надъ Олофомъ Триггвасономъ Норвежскимъ, погибшимъ въ этой битвѣ, часть Норвегіи досталась Олофу Скётконунгу. Онъ, однако жь, не долго владѣлъ ею, потому что Норвежскій принцъ, Олофъ, сынъ Гаральда Гренске, вскорѣ овладѣлъ всею Норвегіею и провозгласилъ себя королемъ ея. Онъ долго былъ въ морскихъ походахъ въ западной Европѣ и, приплывъ съ флотомъ въ Швецію, вошелъ въ озеро Меларъ, производилъ опустошенія по берегамъ и сожегъ Сигтуну. Олофъ Скётконунгъ заперъ единственный проливъ изъ Мелара, Стоксундъ, и собралъ флотъ для нападенія на непріятеля. Но Гаральдсонъ прорылъ въ другомъ мѣстѣ каналъ и ушелъ въ Норвегію, откуда выгналъ подчиненнаго Олофу ярла. Олофъ былъ сильно раздраженъ на него и не хотѣлъ заключать съ нимъ ни какихъ договоровъ, хотя жители Швеціи, особливо Вестготаландцы, весьма много страдали отъ войны обоихъ королей. Они принудили своего ярла заключить перемиріе съ Норвежскимъ королемъ и уговорить его, чтобъ онъ предложилъ миръ Олофу и просилъ у него руки его дочери, принцессы Ингегерды. Королевна изъявила согласіе, но Олофъ отказалъ на отрѣзъ. Наконецъ, убѣжденный представленіями альтинга, онъ обѣщалъ исполнить желаніе короля Норвежскаго, однако жь, не сдержалъ слова и выдалъ Инге-

---

[67] См. Herv. saga.

герду въ Россію, за Русскаго князя, Ярослава Великаго. [68] Противъ воли получилъ Олофъ Гаральдсонъ другую его дочь, Астриду, которой мать была военноплѣнная и притомъ Вендскаго (Славянскаго) происхожденія. Жители Вестерготландіи были чрезвычайно недовольны Олофомъ, и въ то же время боялись его мщенія. Тогда лагманъ Эмундъ, хитрый и умный человѣкъ, задумалъ низложить Олофа: повсюду, гдѣ ни приходилъ онъ, описывалъ его народу, какъ вѣроломнаго и честолюбиваго короля. Вездѣ его слушали. Привлекши на свою сторону многихъ значительныхъ людей, онъ отправился въ Упсалу. Олофъ сидѣлъ посреди членовъ верховнаго суда, окруженный толпою народа и разбиралъ тяжбы. Эмундъ вошелъ, поклонился и привѣтствовалъ Олофа. Посмотрѣвъ на него, Олофъ отвѣчалъ на привѣтствіе и спросилъ о новостяхъ. Эмундъ сказалъ, что новости у Готовъ маловажны, потому что у нихъ не случилось ничего замѣчательнаго, кромѣ одного случая съ Атте Дольске въ Вермландіи: онъ считался лучшимъ охотникомъ; съ лыжами и съ лукомъ, пошелъ онъ однажды въ лѣсъ, и такъ счастливо охотился, что нагрузилъ дичью полныя лыжи, но на возвратномъ пути домой, замѣтивъ векшу, сталъ стрѣлять въ нее, и гонялся за ней до самой ночи. Ночью поднялась мятель: въ темнотѣ онъ не могъ отыскать свои лыжи и потерялъ свою добычу. Эту новость Олофъ нашелъ незамѣчательною. Эмундъ продолжалъ разсказывать, какъ въ недавнее время Гауте Тофасонъ съ пятью военными кораблями отплылъ изъ устья Готы и вскорѣ встрѣтилъ пять большихъ Датскихъ купеческихъ кораблей: четырьмя изъ нихъ онъ овладѣлъ, но, погнавшись съ однимъ кораблемъ за пятымъ, ушедшимъ далеко въ море, былъ застигнутъ жестокою бурей, его занесло въ Лессё, гдѣ онъ погибъ, и въ то же время появились 35 Датскихъ купеческихъ кораблей, которые овладѣли его добычей; всѣ люди его были перебиты. Такъ досталось ему за жадность.» Олофъ, ни мало не подозрѣвая, что въ этихъ вымышленныхъ разсказахъ кроется тайный намекъ, спросилъ наконецъ Эмунда, «за чѣмъ онъ пришелъ къ нему?»—«Я пришелъ, отвѣчалъ Эмундъ, получить рѣшеніе въ одномъ затруднительномъ дѣлѣ, въ которомъ наши законы отступаютъ отъ Упсальскихъ. У насъ было двое людей, равно благороднаго происхожденія, но, различные по состоянію и по свойствамъ, они завели между собою тяжбу по имуществу и причинили много вреда другъ

---

[68] См. «Походы Викинговъ».

другу; но тотъ, кто былъ богаче, потерпѣлъ менѣе. На альтингѣ присудили, чтобы богатый заплатилъ бѣдному всѣ убытки; а онъ заплатилъ такъ, что молодаго гуся отдалъ вмѣсто стараго и поросенка вмѣсто свиньи. За фунтъ чистаго золота онъ далъ только полфунта, а остальное добавилъ землею да глиною, и все еще жестоко грозилъ противнику. «Какъ рѣшишь ты это дѣло, король?» — Король рѣшилъ такъ, что онъ долженъ заплатить все по приговору, и еще втрое противъ того королю. Если же приговора не исполнитъ въ теченіе года, то осуждается въ ссылку, а его имѣніе раздѣляется между королемъ и противною стороною. Эмундъ просилъ совѣтниковъ короля быть свидѣтелями этого приговора, раскланялся и ушелъ. Но Олофъ, начинавшій уже подозрѣвать, въ чемъ дѣло, на слѣдующее утро вполнѣ понялъ, что Эмундъ намекалъ на его поступокъ съ Олофомъ Гаральдсономъ. Онъ собралъ на совѣщаніе старцевъ, хотѣлъ позвать также и Эмунда, но этотъ еще наканунѣ уѣхалъ. «Скажите мнѣ, добрые вожди, обратился Олофъ къ своимъ совѣтникамъ, что значитъ эта тяжба, о которой разсказывалъ мнѣ вчера Эмундъ?» Вожди отвѣчали, что пусть Олофъ самъ подумаетъ, нѣтъ ли тутъ какого тайнаго смысла. Олофъ сказалъ, что, вѣроятно, Эмундъ, подъ именами двухъ тяжущихся разумѣетъ его и Олофа Дигре. Когда вожди подтвердили это, Олофъ продолжалъ: «Насъ разсудили на Упсальскомъ тингѣ; но могъ ли онъ сказать, что я отдалъ молодаго гуся вмѣсто стараго, поросенка вмѣсто свиньи, и половину золота дополнилъ глиною?» Одинъ изъ вождей. Арнвидъ Слѣпой, отвѣчалъ: «Ты обѣщалъ выдать за Олофа Дигре дочь свою, Ингегерду: она принцесса и принадлежитъ къ древнему Уппъ-Свейскому роду, самому знатному на Сѣверѣ, потому что его родоначальниками были боги. Но Норвежскій Олофъ получилъ, вмѣсто нея, Астриду, хотя также королевскаго рода, но мать ея раба и притомъ Вендскаго племени. Правда, онъ принялъ ее съ благодарностію, но, вѣдь, есть же разница между королями, и Норманна никакъ нельзя сравнивать съ Упсальскими властителями. За то должны мы благодарить боговъ, видя въ томъ ясное знаменіе ихъ небеснаго покровительства своимъ потомкамъ, хоть ныньче и начинаютъ забывать это вѣрованіе.» Арнвидъ сказалъ это съ теплымъ сочувствіемъ къ преданіямъ старины, живо представляя себѣ опасность, собиравшуюся тогда надъ царственнымъ домомъ королей Упсалы. Олофъ Скётконунгъ не предчувствовалъ никакой опасности, но ясно

понялъ смыслъ Эмундова разсказа; это заставило его подумать и о другихъ разсказахъ Эмунда и спросить, что значитъ происшествіе съ Атте Дольске? Торвидъ Косноязычный отвѣчалъ: «Слово Атте означаетъ сварливаго, упрямаго, коварнаго, а Дольске—дерзкаго, безумнаго; третій вождь, Фрейвидъ Голубь, объяснилъ, что оба слова вмѣстѣ означаютъ человѣка, который ненавидитъ тишину, стремится къ мелочнымъ, невозможнымъ цѣлямъ, и опускаетъ великія и важныя.»

Подобнымъ же образомъ поступила Тыра, супруга Датскаго короля, Горма. Суровый Гормъ имѣлъ двухъ сыновей, и очень нѣжно любилъ старшаго, Канута; однажды онъ далъ клятву убить всякаго, кто первый принесетъ ему злую вѣсть о смерти любимаго сына. Но королева Тыра больше любила младшаго, Гаральда. Случилось, что этотъ Гаральдъ, воротясь съ морскихъ набѣговъ, привезъ ей извѣстіе о смерти Канута. Тыра велѣла обить черною матеріею стѣны королевской комнаты. Когда Гормъ занялъ свое мѣсто, всѣ молчали. Онъ посмотрѣлъ на стѣны, удивился, что всѣ молчать, и спросилъ королеву, сидѣвшую возлѣ него, что такое случилось? «Ты, Тыра, прибавилъ онъ, распорядилась такъ убрать комнату?»—«У тебя, король, отвѣчала она, было два сокола, бѣлый и черный; бѣлый далеко залетѣлъ въ пустыню; тамъ напали на сокола стаи воронъ и ощипали у него всѣ перья. Онъ пропалъ, но черный воротился и будетъ доставлять дичь для твоего стола.»—«И такъ, воскликнулъ король, надѣнь печальную одежду, Данія! Видно, нѣтъ уже въ живыхъ моего Канута.» — «Ты сказалъ правду,» подтвердила Тыра. [69]

Аульверъ, сынъ Гакана, Норвежецъ, прибылъ въ Данію во время войны Датскаго короля, Свена Эстридсона, съ Норвежскимъ Магнусомъ Добрымъ. Одинъ изъ подручниковъ Свена, Ульфъ, хотѣлъ взять въ плѣнъ Аульвера, но этотъ убилъ его. Спустя нѣсколько времени, Аульверъ потерпѣлъ кораблекрушеніе на Датскихъ берегахъ. Тогда братъ убитаго Ульфа, Біернъ, хотѣлъ схватить убійцу; Аульверъ убилъ и его; но, не видя способовъ убѣжать изъ Даніи, онъ прямо пошелъ въ королевскій замокъ. Свенъ сидѣлъ за столомъ. Вошедши, Аульверъ привѣтствовалъ его и сказалъ: «Вамъ, король, слѣдуетъ разбирать всякую вину. Былъ здѣсь волкъ (Ульфъ),

[69] Jomsvik. saga.

который кусалъ и терзалъ всѣхъ, кого только могъ. Я заколол̆ъ его. За то хотѣли меня убить, говоря, что я умертвилъ при вашемъ дворѣ воспитаннаго волка, и въ погоню за мною послали ручнаго медвѣдя (Björn) и многихъ людей. Людямъ я не сдѣлалъ ни какого вреда, но медвѣдя, для собственной защиты, ударилъ сѣкирой въ голову и убилъ его. [70] Это дѣло отдаю я на сужденіе ваше.» — «Волки, отвѣчалъ король, не имѣютъ ни какихъ правъ: за нихъ не платятъ и пени, если убьютъ ихъ.» — «Такъ скажу вамъ, продолжалъ Аульверъ, что я, по несчастію, убилъ братьевъ, Ульфа и Біёрна, и теперь въ рукахъ вашихъ.» — «Ты перехитрилъ меня, сказалъ въ изумленіи король: однако жь, оставляю тебѣ жизнь, потому что не беру назадъ моего слова!» Другой, Эрикъ Краснобай, прозванный такъ за свои остроумныя и красныя рѣчи, разговаривая однажды съ Датскимъ королемъ, Фроде, насказалъ ему всякой всячины, но въ такихъ темныхъ и загадочныхъ образахъ, что король, сбитый совсѣмъ съ толку, вскричалъ: «Да тутъ я рѣшительно ничего не понимаю, такъ ты загадочно говоришь!» Эрикъ въ отвѣтъ сказалъ ему: «Стало быть, я заслужилъ награду, коли, насказалъ тебѣ съ цѣлой коробъ, а ты ничего не понялъ.» [71] И точно, все мастерство Нидвисора заключалось преимущественно въ томъ, чтобъ наполнить свое произведеніе такими непонятными обиняками, обоюдными выраженіями, темными и прихотливыми иносказаніями, и притомъ въ такомъ искусномъ соотношеніи, что ни какое остроуміе не въ силахъ было разгадать настоящій смыслъ онаго. Вообще, Норманны любили такіе образы, тропы, иносказанія, такъ что требовалось особое остроуміе для разгадки тайнаго, часто глубоко скрытаго въ нихъ смысла. Они находили особенное удовольствіе въ подобномъ напряженіи своихъ умственныхъ способностей.

---

[70] Bragda Aulvers saga. Müller's Sagabibl. III, и Лилiегренъ въ объясн iи къ Gânge Rolfs saga.

[71] Saxo l. c.

ОТДѢЛЕНІЕ ТРЕТІЕ.

ПРОЧІЯ ЗНАНІЯ.

I. Природный разсудокъ, нѣкоторое остроуміе и сильная любознательность принадлежатъ къ числу общихъ качествъ Скандинавовъ. Они замѣчали внимательно все, происходившее около нихъ. Чрезвычайная наблюдательность въ молодыхъ лѣтахъ принесла имъ много познаній; уединенная жизнь на малолюдной родинѣ доставляла имъ много досуга для размышленія. Древнія саги не рѣдко говорятъ о мудрыхъ и опытныхъ людяхъ, которые, не прибѣгая ни къ какому искуству предвѣщателей, съ помощію остроумія и проницательности предсказывали многія будущія событія. [72] Подобная угадчивость подала поводъ считать ихъ за такихъ людей, которые одарены были особенными способностями и глубокимъ умомъ. Ихъ называли Forvitr и Forspar въ отличіе отъ другихъ умныхъ людей, которыхъ удостоивали названія Vitr, свѣдущій. Скандинавы имѣли также особенный даръ по нѣкоторымъ признакамъ и наблюденіямъ составлять полное понятіе о свойствахъ и состояніи лица. Въ сагахъ встрѣчаются замѣчательные примѣры вѣрности, съ какою многіе, по однѣмъ только чертамъ лица, пріучились опредѣлять нравы людей и ихъ наклонности; совокупность такихъ признаковъ, по которымъ дѣлали заключенія, называлась Yfirbragd [73] (поверхность лица, наружность). Не менѣе вниманія обращали они на небесныя тѣла и замѣчали перемѣны въ природѣ. Безъ

---

[72] Ср. соч. Шведск. исторіи, стр. 201.

[73] Отъ yfir, посверхъ, и bragd, лицо.

всякихъ ученыхъ пособій, приготовленныхъ позднѣйшею наукою и находящихся въ распоряженіи новѣйшихъ мореходцевъ, обращая только вниманіе на солнце, мѣсяцъ и звѣзды, также ихъ теченіе и мѣсто на небѣ, они плавали въ дальніе края и рѣдко ошибались въ направленіи; даже когда застигали ихъ бури и, какъ обыкновенно въ такихъ случаяхъ, заносили ихъ въ незнакомыя моря, они безъ особенныхъ затрудненій умѣли поправлять ошибку и выбираться на настоящій путь. [74]

Они имѣли понятіе о долготѣ солнечнаго года и необходимости высокосныхъ дней. Годъ раздѣлялся на двѣ половины: [75] зимнюю и лѣтнюю, и считался съ начала зимы, по древнему баснословному ученію, что тьма и холодъ древнѣе свѣта и тепла, а исполины старѣе Асовъ, отъ того и зима считалась старше лѣта. Къ числу трехъ сотъ дней въ году прибавляли еще четыре дня; по древнему, и теперь еще употребительному, обычаю въ Швеціи считать десять дюжинъ или шесть штиговъ (штигъ — 20) на сотню, [76] это составляетъ 364 дня. Это число раздѣлялось на 12 мѣсяцевъ или 52 недѣли; всякая недѣля состояла изъ 7, а мѣсяцъ изъ 30 дней, считая съ четырьмя добавочными днями, или, какъ называли Скандинавы, ночами (aukanätur), потому что какъ годы считались по ночамъ, такъ и дни. По крайней мѣрѣ, знаемъ довольно вѣрно, что такъ раздѣлялся годъ у Исландцевъ, [77] когда они еще были язычниками. Они замѣтили по теченію солнца, что лѣто все далѣе уходитъ отъ весны. Но отъ чего это, не знали. Имъ неизвѣстно также было, какъ поступали прежде въ такомъ случаѣ. Торстенъ Сварте изъ Брейдфіорда предложилъ прибавить ко всякому седьмому лѣту по цѣлой недѣлѣ и посмотрѣть, что будетъ. Предложеніе принято: по совѣту лагмана Торкила и другихъ разумныхъ людей, опредѣлено, на будущее время считать годъ въ 365 дней, а высокосный, черезъ три лѣта четвертый, въ 366. Но для сохраненія годичнаго числа недѣль,

---

[74] Доказательства тому см. въ Походахъ Викинговъ.

[75] Или Misseri, отъ Midr, полу и Ar, годъ.

[76] Это большая сотня (tolfraett hundrad); малая то же, что и наша (tiraett hundrad). Ниже ста числа считали посредствомъ десяти tig, tog, tug, tiog, или tjugu (двадцать) на древнемъ языкѣ называлось tvitug, tutugu, tutiugu, т. е., дважды десять; тридцать thriatug, трижды десять, сорокъ fjörutug и т. д.

[77] И они принесли съ собою изъ Скандинавіи познанія и обычаи предковъ.

надобно такъ расположить прибавочные дни въ году, чтобы всякой седьмой, а если бы два высокосныхъ года пришлись въ семь лѣтъ, всякой шестой годъ имѣлъ 53 недѣли. [78] Время дня Скандинавы опредѣляли по странамъ небосклона и ежедневному теченію солнца. Страны небосклона раздѣлялись на четыре главныхъ и четыре побочныхъ и назывались общимъ именемъ осьминъ (Atta). Къ главнымъ, начиная съ востока, причислялись: Austuratt, восточная осьмина; Sudurratt, южная, Westuratt, западная, Nordurrat, сѣверная; боковыя стороны небосклона были: Lundsudur, юговостокъ, Utsudur, югозападъ, Utnordur, сѣверозападъ и Landnordur, сѣверовостокъ. По этимъ осьмымъ долямъ странъ небосклона день раздѣлялся на восемь частей; 1. Morgun, утро; 2. Oendwerdur Dagur, передовая, первая часть дня; 3. Hadaege, глубокій день, называвшійся также Middaege, полдень; 4. Efri lutur Dags, послѣдняя часть дня, иначе Lydandi Dagur, день, склоняющійся къ западу, и Thridiungur lifer Dags, послѣдняя треть дня. 5. Kwoeld и Aptan, вечеръ; 6. Oendverd Nott, первая часть ночи. 7. Midnaetti, полночь, и 8. Efri lutur Naetur, вторая часть ночи, и Tridiugar lifer Naetur, остальная треть ночи. Если примѣнимъ такое измѣреніе времени къ нашему, то первая осьмина начиналась около половины 5-го часа утра и продолжалась до половины 8-го, вторая до половины одиннадцатаго, третья до половины втораго по полудни, четвертая до половины пятаго, пятая до половины восьмаго, шестая до половины одиннадцатаго, седьмая до половины втораго по полудни, восьмая до половины пятаго, когда начиналось утро. Каждая изъ этихъ восьмыхъ частей дня подраздѣлялась также на двѣ части, отъ чего получалось 16-ть раздѣленій дневнаго времени: 1. Солнце на срединѣ между сѣверовостокомъ и востокомъ: это было около половины пятаго часа утра. 2. Солнце на востокѣ, что называлось Midurmorgun, половина утра, также Risamal, пора вставанья: это было около 6-ти часовъ утра. 3. Солнце по срединѣ между востокомъ и юговостокомъ: это называлось также Dagmal, измѣреніе, время дня, около половины восьмаго часа до полудня, съ этой поры обыкновенно считали начало дня. 4. Солнце на юговостокѣ, около 9-ти часовъ до полудня. 5. Солнце между юговостокомъ и югомъ около половины одиннадцатаго до полудня. 6. Солнце на югѣ, около 12-ти часовъ, или полдень. Этотъ и всѣ три полуденные часы назывались также Hadaege.

[78] Are Frodes Schedae.

7. Солнце между югомъ и югозападомъ, около половины втораго по полудни. 8. Солнце на югозападѣ, около 3 часовъ по полудни. 9. Солнце между югозападомъ и западомъ, около половины 5-го часа по полудни. 10. Солнце по срединѣ запада, около 6 часовъ по полудни, что называлось также Midurаptan, половина вечера. 11. Солнце по срединѣ между западомъ и сѣверозападомъ, около половины 8-го пополудни; это называлось также Nattmal, измѣреніе ночи, пора, когда ночь отдѣлялась отъ вечера: съ этого часа начинала ночь. 12. Солнце на сѣверозападѣ, около 9 часовъ по полудни. 13. Солнце по срединѣ между сѣверозападомъ и сѣверомъ, около половины 11-го по полудни. 14. Солнце на сѣверѣ, около 12 часовъ ночи. 15. Солнце между сѣверомъ и сѣверовостокомъ, около половины втораго по полуночи, что также называлось Otta, ранняя пора; но не такъ извѣстно, употребительно ли было это названіе въ языческое время. 16. Солнце на сѣверовостокѣ, съ 3-хъ часовъ и до половины пятаго до полудни, когда кончалась ночь и наступалъ день [79] Лѣтомъ называли также ту пору ночи, когда солнце съ сѣверозапада чрезъ сѣверъ обращалось къ сѣверовостоку.

II. Вѣроятно, еще въ языческое время были руническіе календари для счисленія годовыхъ временъ и дней, въ которые приходились тинги и праздники. Легкость и довѣріе, съ какими простые люди въ Скандинавіи поняли и употребляли Католическіе календари съ ихъ правилами относительно постоянныхъ и подвижныхъ церковныхъ праздниковъ, кажется, указываютъ на древнее, за долго до Христіянства, знаніе времесчисленія. Въ древнихъ руническихъ календаряхъ находятся не только особенный, своеобразный порядокъ, но и чуждыя Католическому календарю исчисленія: все это показываетъ ихъ древнее начало и обращеніе въ гражданскомъ быту. Сверхъ того, нѣтъ никакихъ извѣстій, чтобы Христіянское духовенство когда ни будь употребляло руническіе, а не свои, календари; даже въ то время, когда духовные и съ церковными календарями были не очень знакомы и имѣли нужду въ указаніяхъ, въ

---

[79] См. Sciagraphia horologi Islandici veteris et novi, послѣ Rymbegla. Ср. Hallenberg, Anmerkungen zu Lagerbrink's Schw. Gesch. I. T. II. Простота вышеприведеннаго способа измѣренія времени говоритъ за глубокую его древность: для того нужно было только наблюденіе за ежедневнымъ теченіемъ солнца.

какіе дни должны приходиться подвижные праздники. [80] Поселяне и другіе жители Швеціи, по свидѣтельству древнихъ прелатовъ, сами умѣли отыскивать въ руническомъ календарѣ нужные для нихъ сроки, благодаря свѣдѣніямъ, наслѣдованнымъ отъ предковъ. Они умѣли показать золотое число (новолуніе и полнолуніе) и воскресныя буквы въ году; могли опредѣлить, который годъ высокосный; назначали подвижные праздники и измѣненія луны, не только за 10, даже за 600 и 1000 лѣтъ. [81] По замѣчанію руническихъ изыскателей, это нельзя относить къ слѣдствіямъ Католической учености, потому что въ другихъ Христіанскихъ земляхъ не замѣтно ничего подобнаго; напротивъ, причину существованія на Сѣверѣ руническихъ календарей надобно искать въ общеизвѣстномъ въ языческое время счисленіи: расположеніе и порядокъ въ такихъ календаряхъ— древняя принадлежность Скандинавіи. [82]

Отъ временъ язычества ведутъ свое начало также имена дней недѣли. Они заимствованы изъ названій планетъ, или соотвѣтственныхъ имъ боговъ, «потому что эти планеты, говоритъ Римбегла (древняя Исландская рукопись), имѣютъ и другія имена, которыми

---

[80] До насъ дошло окружное посланіе духовнаго собора въ епархіи Упсальской отъ 1533-го года, въ которомъ назначены подвижные церковные праздники до слѣдующаго собора въ 1535 году. Копія этого окружнаго посланія въ разсужденіи Лиліегрена о «Run-Laera.»

[81] «Cernitur hic homo senex atque adolescens baculum Gothicis characteribus insignitum habentes, tali ratione insculptum, ut videatur, quibus instrumentis vetustissimo tempore, dum librorum usus non esset, lunae solisve, et caeterorum siderum virtutes, et influentias infallibili eventu cognoverint, prout hoc tempore fere incolae omnes agnoscunt.... Verum de vulgo haec consideratio habetur, quod sicuti a senioribus traditam astronomiae scientiam, et practicam in praeostensis baculis et characteribus acceperat, ita immobiliter in eadem accipienda tradendaque etiam post sacrae fidei susceptionem perseverat: ita ut rustici, seu villani, adeo periti reperiantur, et sint, ut die una praedicere possint, quotusquisque aureus numerus sit, literaque Dominicalis, annus bissextilis, intervalla, festa mobilia, et ipsae lunares mutationes, post decem, vel sexcentos, aut mille annos fient, vel erunt. Idem studium cum sacerdotibus de festis et similibus commune habent, ut interrogent, et responsum praestent. Caeterum parentes filios suos laicos, imo mater filias, vel domi, feriatis diebus, vel in accessu Ecclesiarum ita instruunt, ut non minus eruditione, quam experientia artis in dies efficiantur perfectiores.» Claus Magnus, Hist. Gent. Septentr.

[82] Liljegren, Run-Lära.

назывались у язычниковъ дни недѣли. Sunna, солнце, по его имени названъ «день господенъ», воскресенье. Tungl, мѣсяцъ, отъ котораго получилъ названіе второй день въ недѣлѣ. Fispena, Марсъ, то же, что Тыръ: [83] его именемъ называется третій день. Stilbon, Меркурій, котораго мы называемъ Оденомъ, и по его имени названа среда (день Одена). Fenon, Юпитеръ, Сѣверный Торъ, по имени котораго называется пятый день. Hesperus, Венера, Фрея, и шестой постный день получилъ отъ нея названіе Freitag. Feton, Сатурнъ; но этой звѣздѣ Сѣверное счисленіе не посвятило ни одного дня, потому что суббота, называемая въ другихъ странахъ днемъ Сатурна, на Сѣверѣ называется Loegedag, [84] «днемъ омовенія,» [85] потому что по субботамъ обыкновенно ходятъ въ баню. [86] Тотъ же порядокъ и тѣ же

---

[83] Богъ войны; именительный: Tyr, Tir; родит. Tyrs, Tys, Tis.

[84] Laugardagr, отъ lauga, мыться. Другое доказательство, что имена дней недѣли ведутъ начало изъ временъ язычества, представляетъ первый епископъ въ Исландіи, Іонъ Эгмундсонъ (онъ былъ тамъ епископомъ въ 1105 г.). По причинѣ многихъ вредныхъ обрядовъ язычества, еще не исторгнутыхъ изъ Христовой нивы, такъ какъ Христіянство было еще въ началѣ, епископъ строго запретилъ всякія суевѣрія относительно новолунія, или дней, которыя посвящаются днямъ Одена или Тора: онъ приказалъ употреблять числа дней, принятыя святыми отцами въ ихъ сочиненіяхъ и называть дни первымъ, вторымъ, третьимъ, и т. д., въ недѣлѣ.» J. Olafssen, De baptismo.

[85] Thvattdagr или Thvottdagr, отъ thvae, мыть.

[86] Нынѣшнія названія дней недѣли въ Швеціи суть: Söndag, Mandag, Tisdag, Onsdag, Thorsdag, Fredag, Lördag. Приведемъ здѣсь и названія мѣсяцевъ. По мнѣнію древнихъ Скандинавовъ, что зима старѣе лѣта, гражданскій годъ ихъ начинался съ зимы; она считалась обыкновенно съ 14 Октября; сѣверные жители и теперь еще считаютъ съ этого числа зиму, а въ 14-го Апрѣля лѣто. Октябрь Gormand, названъ такъ отъ потрошенія убитыхъ звѣрей; отсюда Шведское названіе его Stagtmanad, Новоисландское Ylir» (все равно, что Слав. ревунъ), отъ воя вѣтра. Ноябрь Fermanudr, холодный мѣсяцъ. Декабрь, бараній мѣсяцъ, Новоисланд. пожиратель сала, салоѣдъ. Генварь Thore, по сказанію, отъ короля Торри въ Готландѣ и Финляндіи, который ввелъ жертвоприношенія въ половины зимѣ; другіе видятъ въ этомъ Thorri, брата снѣжныхъ духовъ Фенна, — Дрифы и Міелля, олицетворявшаго зимнюю стужу. Февраль Goi, Швед. Goja: понятіе открытаго заключается въ этомъ словѣ. Мартъ Sadtid, мѣсяцъ посѣва, также Emmanudr, лучшій мѣсяцъ. Апрѣль Eggtid, пора яицъ, когда птицы начинаютъ класть яица; также Stecktid,

названія дней по планетамъ находимъ не только у Грековъ и Римлянъ, но и у народовъ древнѣе ихъ, у Индовъ и Египтянъ. Замѣчательно, что планета Меркурій въ Индійскихъ нарѣчіяхъ носитъ имя Bod, Budha, Puden, почему среда у Индовъ называется Bodh, а въ Цейлонскомъ нарѣчіи Bodadah: это Wodenstag Германцевъ и Odenstag, «день Одена», Скандинавовъ. На Тамулійскомъ нарѣчіи мѣсяцъ называется Tingöl, а на Древне-Скандинавскомъ языкѣ Tungl.

Вечеръ, или ночь, которою начинался у языческихъ Скандинавовъ веселый зимній праздникъ, называлась ястребиною или соколиною ночью (höknatt): это была ночь въ половинѣ зимы, и этотъ праздникъ продолжался три ночи.[87] Есть указанія, что прежде въ это время приносили на жертву ястребовъ.[88] Это напоминаетъ намъ, что тѣ же птицы считались священными у многихъ древнихъ народовъ. У Египтянъ ястребъ посвященъ былъ солнцу, и богъ солнца изображался въ видѣ этой птицы. Но праздникъ солнца праздновался у нихъ, какъ и у древнихъ Персовъ, во время зимняго солнцестоянія (въ зимнее равноденствіе). Такъ и у Скандинавовъ великій праздникъ Jul сначала посвященъ былъ веселью и праздновался въ честь солнца, возвращавшагося вмѣстѣ съ свѣтлыми днями; въ этомъ значеніи праздновали его жители древняго Туле

потому что ставятся хлѣва для молодыхъ ягнятъ, отсюда Датское Faaremaaned, мѣсяцъ ягнятъ; Новоисландское названіе его harpa не отъ того ли, что созвѣздіе тельца ♉, проходимое въ этомъ мѣсяцѣ солнцемъ, похоже на арфу? Май Solmanudr, солнечный мѣсяцъ. Іюнь Selmanudr: въ это время переходили въ лѣтніе шатры (sel); у Датчанъ Skaersomar, отъ skaer, стрижка овецъ. Іюль Hegannir, сѣнной мѣсяцъ, время уборки сѣна; у Датчанъ Ormemaaned, червяной мѣсяцъ, какъ и у древнихъ Славянъ Червень, Чешское Čerwen, Čerwenec, Польское Czerwiec. Августъ Kornskurdarmanudr, мѣсяцъ жатвы. Сентябрь Haustmanudr, осенній мѣсяцъ. Weinhold, Altnordisches Leben.

87 Hakan Adelsten Fostres saga, у Снорре Стурлесона.

88 «Est unus in his partibus (именно, въ Даніи) locus, caput istius, regni Lederum (Hleidre) nomine, in pago, qui Seelon (Sialand, Зеландія) dicitur, ubi post novem annos mense Januario post hoc tempus, quo nos Theophaniam Domini celebramus, omnes conveniunt, et ibi diis suis 90 et 9 homines et totidem equos cum canibus et gallis, pro accipitribus oblatis, immolabant.» Dithmar (онъ жилъ въ началѣ XI вѣка и въ послѣдней половинѣ X-го). Chron.

въ VI столѣтіи,[89] даже и послѣ сохранялись слѣды первоначальнаго значенія этого празднества.[90]

Астрономія была самою раннею наукою у Восточныхъ народовъ, особливо у Египтянъ, Индовъ, Халдеевъ, Персовъ, также и Грековъ. Съ самыхъ древнихъ временъ они раздѣляли звѣздное небо на нѣсколько созвѣздій; особливо относится къ очень глубокой древности раздѣленіе зодіака на 12 созвѣздій, потому что солнце, мѣсяцъ и планеты описываютъ свой путь въ этомъ кругѣ. У Египтянъ созвѣздія зодіака посвящались 12-ти разнымъ божествамъ. Геродотъ раздѣленіе года на 12-ть мѣсяцевъ приписываетъ Египтянамъ; жрецы ихъ, по свидѣтельству Діодора Сицилійскаго, были очень свѣдущи въ звѣздочетствѣ: они имѣли древнѣйшія астрономическія таблицы, показывавшія различныя планетныя явленія; онъ же разсказываетъ, что Халдеи наблюдали восхожденіе и захожденіе звѣздъ въ высокомъ храмѣ, построенномъ Семирамидою въ честь Вила (Юпитера); астрономическія таблицы Индовъ, съ весьма древними вычисленіями солнечнаго и луннаго пути, также говорятъ за древность наблюденій надъ небесными тѣлами. Персы, подобно Скандинавамъ, сперва употреблявшіе буквы вмѣсто цифръ въ своихъ календаряхъ, начинали зодіакъ съ весенняго равноденствія: это общепринятое начало перешло отъ нихъ къ Халдеямъ, а отъ этихъ къ Грекамъ, отъ которыхъ большею частію созвѣздія зодіака получили имена и изображенія, сохранившіяся до сихъ поръ. Изъ всѣхъ наукъ, древніе занимались всего больше и успѣшнѣе Астрономіею. Кажется, что небесные предметы они знали гораздо лучше земныхъ. Основываясь на множествѣ данныхъ, можно полагать, что обоготворенныя лица, посвященныя въ тайны жреческой учености, принесли на Сѣверъ съ Востока первыя астрономическія знанія. Многія свѣдѣнія объ этомъ предметѣ, вѣроятно, скрываются для насъ въ необъяснимомъ таинственномъ языкѣ древности.[91]

---

[89] Ср. соч. Швед. истор., т. I, стр. 86, 87.

[90] См. о Jul и Hoeknett въ Hallenber: Disquisitio de nominibus in lingua Sciogothica Lucis et Visus cultusque Solaris in eadem linqua vestigiis. Pars II.

[91] Миѳическое стихотвореніе «Grimnismal», стр. 23, упоминаетъ о 540 вратахъ Валгаллы: изъ каждыхъ выйдутъ 800 эйнгерій на послѣдній великій бой съ волкомъ. Если помножить 800 на 540, то выйдетъ 432,000. Это же самое число находимъ въ древнѣйшей Вавилонской исторіи, также въ четырехъ вѣ-

Полагаютъ, что 12-ть именъ Одена (Алльфатера) въ древнемъ Асгардѣ, упоминаемыя въ прозаической Эддѣ, [92] и 12-ть небесныхъ залъ, воспѣтыя въ одной старинной пѣснѣ, [93] указываютъ на ежегодное прохожденіе солнца чрезъ 12 созвѣздій зодіака: предположеніе, очень вѣроятное. Въ числѣ познаній, которыя передалъ Готамъ ученый путешественникъ, Диценей, вынесшій найбольшую часть своей учености изъ Египта, было также знаніе зодіака, теченія планетъ и измѣненій луны. Готы знали названія 344 [94] звѣздъ. Около 1000 года жилъ въ Исландіи нѣкто Оддъ, [95] который, благодаря преданіямъ предковъ и собственнымъ наблюденіямъ, прекрасно ознакомился съ небеснымъ сводомъ: его астрономическими указаніями руководились при составленіи Христіянскаго календаря. Онъ прозванъ былъ «Звѣзднымъ Оддомъ.» Другой Исландецъ, Эйнаръ, въ Твераа, братъ Гудмунда Сильнаго, очень мало спалъ по ночамъ, потому что имѣлъ обыкновеніе смотрѣть на звѣзды и наблюдать ихъ теченіе. [96] Въ «Восточныхъ долинахъ» (Eystrir

---

кахъ или, такъ называемыхъ, Югахъ (Jugs) Индовъ. См. Разсужденіе Palmblad's О первоначальной исторіи Индовъ, и Constrand's Разсужденіе для объясненія астрономич. значенія упомянутаго нами числа (въ сочиненіяхъ Швед. Акад. наукъ 1822-го года). По ученію Браминовъ: «Міръ уже прожилъ три, такъ называемые, юга; въ четвертомъ живемъ теперь; въ послѣдній день этого вѣка явится Вишну на небесномъ конѣ и раздавитъ безбожныхъ королей; черепаха, на спинѣ которой лежитъ земля, опустится на морское дно, и змѣя, связующая землю, развернетъ свое кольцо; міръ погибнетъ мечемъ, огнемъ и водою. Послѣ того начнется новый вѣкъ, когда солнце, мѣсяцъ и планеты встрѣтятся другъ съ другомъ въ однихъ и тѣхъ же созвѣздіяхъ зодіака». См. привед. изслѣдованіе Пальмблада. Съ этимъ можно сравнить Сѣверное сказаніе о пожарѣ міра и послѣдней великой битвѣ съ волкомъ. См. соч. Шведск. ист., кн. 1, стр. 186 и слѣд. — Gejer's Gesch. v. Schweden, перев. Лефлера, кн. 1, стр. 16; его же Svea Rikes Haefder (Древн. ист. Швеціи), 1826 года, ч. 1-я.

[92] Въ младшей или прозаической Эддѣ.

[93] Grimnismal въ старшей или стихотворной Эддѣ.

[94] Ср. соч. Шв. истор., т. I, стр. 137.

[95] Rymbegla, P. 1., гдѣ 16-я глава, um Odda tal, содержитъ астрономическія наблюденія Одда.

[96] Liosvetninga или Reikdaela saga. Müller's, Sagabibliothek I.

Dalir), въ Далекарліи, жилъ нѣкто Раудуръ или Раудульфъ, съ женою Рагнгильдою. Эту страну посѣтилъ однажды король Олофъ Дигре: Раудуръ пригласилъ его съ дружиною погостить у него три дня. Король спросилъ, какого онъ рода? Тотъ объявилъ, что онъ зажиточный Шведъ знатнаго происхожденія и убѣжалъ въ эти долины съ одною дѣвушкою, которая потомъ сдѣлалась его женою. Она сестра короля Ринга Дагсона. Олофъ вспомнилъ родъ его, и наслышавшись, что Раудуръ съ сыновьями очень умные люди, спросилъ, знаютъ ли они какія искуства? Сигурдъ, одинъ изъ сыновей Раудура, отвѣчалъ, что научился только одному—понимать небесный сводъ и теченіе небесныхъ тѣлъ, луны и звѣздъ; онъ можетъ узнавать часы дня и ночи, даже при сумрачномъ небѣ. Король испытывалъ его, и нашелъ, что онъ сказалъ правду. Олофъ много разговаривалъ и со старикомъ, Раудуромъ, и за веселой пирушкою спрашивалъ его о разныхъ неизвѣстныхъ вещахъ. Раудуръ умѣлъ отвѣчать на все, говорилъ и о томъ, что можетъ случиться впередъ. «Развѣ ты пророкъ?» спросилъ король. «Нѣтъ, отвѣчалъ Раудуръ, но дѣлаю разныя заключенія по вѣтру, мѣсяцу и звѣздамъ.» [97] Въ Скандинавскихъ сагахъ встрѣчаются многіе слѣды искуства древнихъ Египетскихъ жрецовъ, посвященныхъ въ разныя религіозныя тайны и умѣвшихъ объяснять вліяніе планетъ на землю и по теченію ихъ предсказывать будущее. «Скажи мнѣ, говорилъ епископу Сигурду Исландецъ Гунрёдъ, сынъ Ульфреда Стараго, не извѣдать ли мнѣ свою судьбу по теченію звѣздъ, какъ дѣлали наши умные предки?» [98]

III. Скандинавы, кажется, не совсѣмъ были незнакомы съ природою и цѣлительными свойствами растеній. Впрочемъ, эти свѣдѣнія были не обширны. По духу и вѣрованіямъ того времени, лучше прибѣгали къ сверхъестественнымъ средствамъ, для врачебнаго пособія человѣку, а не къ силамъ природы. Для распознаванія внутреннихъ болѣзней и цѣлительныхъ средствъ противъ нихъ, надлежало быть образованнѣе и внимательнѣе къ дѣйствіямъ природы, болѣе углубляться въ ея тайны, имѣть болѣе долговременную опытность, нежели сколько имѣли Скандинавы. Собственно врачебное ис-

---

[97] Randalfs Thattr. Müller's Sagabibl. Ср. Олофа Святаго сагу у Снорре Стурлесона, гл. 17.

[98] Olof Tryggv. s., Копенгаг. изд.

кусство (Терапевтика) находилось еще въ младенчествѣ. Да и потребность въ его пособіи менѣе чувствовалась въ то время, когда постоянныя гимнастическія упражненія, трудъ, воинскія игры и походы укрѣпляли человѣческую природу, незнакомую ни съ какою нѣгою: здоровая душа жила въ здоровомъ тѣлѣ. Болѣзни были рѣдки, отъ того и мало свѣдѣній, какъ обращаться съ ними. Нѣсколько опытнѣе были они въ излѣченіи ранъ и наружныхъ поврежденій. Естественно, они могли получить нѣкоторую опытность въ этомъ дѣлѣ, постоянно, съ самаго дѣтства, обращаясь съ оружіемъ и подвергаясь увѣчьямъ и ранамъ въ частыхъ походахъ. Саги часто говорятъ о перевязкѣ ранъ; когда же упоминаютъ объ искусныхъ лѣкаряхъ, то подъ этимъ именемъ надобно разумѣть опытныхъ, привыкшихъ обходиться съ наружными болѣзнями, людей, также знакомыхъ съ врачебными пособіями, сохраняемыми природою въ растительномъ царствѣ. Послѣ битвы при Сикластадѣ, тяжело раненый Тормодеръ Кольбрунарскальдъ [99] вошелъ въ хижину, гдѣ было много раненыхъ: женщина перевязывала имъ раны. На полу разведенъ былъ огонь, на которомъ грѣлась вода для омыванія ранъ. Въ глиняномъ котлѣ варились изрубленныя луковицы и другія коренья; лѣкарка давала имъ ѣсть раненымъ, чтобы узнать, опасны ли ихъ раны; въ тогдашнее время думали, что та рана глубока, черезъ которую проходитъ запахъ лука. [100] Вѣрили также въ возможность опредѣлять глубину ранъ по вкусу крови. Это видно изъ разсказа одного умнаго Исландца, Снорре Годе. Нашедши послѣ одного сраженія большой кусокъ сгустившейся крови, онъ поднялъ его, помялъ въ рукѣ, взялъ на языкъ и сказалъ: «Это кровь изъ глубокой раны уже умершаго человѣка.» Если вѣрить извѣстіямъ, иногда попадающимся въ сагахъ, Скандинавы умѣли залѣчивать самыя тяжелыя раны. Употребляли мази и теплыя припарки изъ лѣкарственныхъ травъ. Операціи дѣлались просто, неискусно и безъ особенныхъ приготовленій. Кромѣ ножа и щипцовъ, не знали ни какихъ хирургическихъ инструментовъ. Когда Тормодеръ Кольбрунарскальдъ пришелъ къ лѣкаркѣ, она осмотрѣла его раны, особливо на лѣвомъ

---

[99] О немъ разсказывается въ Шведск. ист., стр. 451 и 459, что онъ въ утро битвы одушевилъ войско своею военною пѣснью, а послѣ сраженія отдалъ послѣдній долгъ праху падшаго короля.

[100] Олофа Святаго сага, у Снорре Стурлесона.

боку, пораженномъ стрѣлою: въ этой ранѣ женщина ощупала желѣзо, но не могла дознаться, куда повернулось остріе. Отъ луковаго напитка Тормордеръ отказался. Лѣкарка взяла клещи, чтобы вытащить стрѣлу, но эта плотно сидѣла въ тѣлѣ и нисколько не трогалась, при томъ же почти незамѣтно выставлялась изъ опухшей раны. Тормодеръ просилъ сначала обрѣзать опухоль до самаго желѣза, чтобы можно было ухватить его клещами, потомъ онъ вытащитъ его самъ. Женщина исполнила его желаніе. Снявъ золотое кольцо, то самое, которое подарилъ ему король Олофъ, въ утро передъ сраженіемъ, за военную пѣсьню, Тормодеръ подалъ его лѣкаркѣ, потомъ взялъ клещи и вытащилъ стрѣлу. Она была съ крючкомъ; съ нею вышли и сердцевыя жилки краснаго и бѣлаго цвѣта. Взглянувъ на нихъ, раненый сказалъ: «Славно накормилъ насъ король: жаръ подступилъ къ самому сердцу,» и въ ту же минуту упалъ навзничь и умеръ. Другой примѣръ безыскуственной простоты тогдашнихъ операцій предлагаетъ разсказъ о томъ Исландцѣ Снорре Годе, о которомъ мы уже упоминали. Онъ удивлялся, отъ чего одинъ изъ гостей его мало ѣстъ; а онъ думалъ сначала, что послѣ недавняго боя всѣ они захотятъ ѣсть. Снорре спросилъ его о причинѣ. «Ягнята, отвѣчалъ гость, лѣнию принимаются за ѣду, если ихъ пораздавятъ.» Хозяинъ понялъ отвѣтъ; осмотрѣвъ рану гостя, онъ нашелъ, что осколокъ стрѣлы стоялъ у него поперекъ горла, крѣпко засѣвши въ корнѣ языка. Снорре вытащилъ ее клещами. Раненый принялся ѣсть. Подобныя черты мужества и безчувствія, какъ въ лѣкаряхъ, такъ и больныхъ, часто встрѣчаются въ сагахъ. Очень большія раны сшивались. Въ одной сагѣ король Рольфъ Гетриксонъ спрашивалъ Торера Іернскёльда (желѣзный щитъ), много ли получилъ онъ ранъ? «Не такъ, чтобы слишкомъ много, отвѣчалъ Тореръ: но у меня такая царапина отъ твоего меча, что нахожу себя гораздо неповоротливѣе противъ прежняго, однако жь, не думаю, чтобы она была глубока.» Король хотѣлъ осмотрѣть рану. Тореръ разстегнулся: увидѣли, что весь животъ былъ распоротъ и соединялся тонкою внутреннею перепонкою. «Ты раненъ тяжело, сказалъ король, едва ли можно помочь тебѣ; однако жь внутренности не выпали; я найду лѣкарство и берусь вылѣчить тебя.» Король обмылъ рану, взялъ иголку съ ниткою и сшилъ ее; потомъ приложилъ къ ранѣ пластырь, перевязалъ и ухаживалъ за больнымъ, какъ только могъ. Тореръ нашелъ, что

вся боль утихла и почти чувствовалъ себя въ силахъ итти, куда ему хотѣлось. [101]

Врачебное искуство въ то время не составляло особеннаго, исключительнаго, занятія: не было такихъ людей, которые слѣдовали бы за войскомъ для ухода за ранеными и перевязки ихъ ранъ. Кое-кто зналъ по опыту нѣсколько лѣкарствъ, или имѣлъ небольшую сноровку, и если самъ не получилъ ранъ въ сраженіи, то служилъ вмѣсто подлѣкаря для раненыхъ. Это искуство еще не основывалось на ученой теоріи: вся врачебная наука состояла въ одной способности и опытности, пріобрѣтенной постояннымъ занятіемъ. Замѣчательно также, что преимущественно женщины славились свѣдѣніями и способностями въ хирургіи. Саги часто говорятъ о нихъ, какъ о хирургахъ, которыхъ раненые искали и находили помощь и участіе, получали уходъ и исцѣленіе. Болѣе мирная и скромная жизнь дѣлала женщину способнѣе къ занятію, требовавшему вниманія, заботливости и ухода; всего этого меньше можно было ожидать отъ мужчины, при его военной дѣятельности. Надобно прибавить еще, что для обхожденія съ ранами необходимы были легкія и нѣжныя руки. На это обращалось особенное вниманіе. Послѣ великой битвы при Глирескогсгедѣ, въ Ютландіи, у Норвежскаго короля, Магнуса Добраго, съ Славянами (Вендами), въ 1044 году, при войскѣ не нашлось столько врачей, сколько было нужно. Король самъ ходилъ между рядами и осматривалъ руки у воиновъ, казавшихся ему способнѣе для ухода за ранеными. Онъ всячески гладилъ у нихъ руки, которыя оказались мягкими у 12-ти человѣкъ: они и были выбраны для перевязки ранъ. Никто изъ нихъ прежде не занимался такимъ дѣломъ, однако жь, всѣ оказались прекрасными лѣкарями. [102] Въ числѣ ихъ находились два Исландца, въ семействѣ которыхъ врачебное искуство было наслѣдственнымъ. Къ этому семейству принадлежалъ Рафнъ въ Арнефіорденѣ; сага разсказываетъ о многихъ его замѣчательныхъ лѣченіяхъ. Одного больнаго, у котораго распухли голова, животъ, руки и ноги, онъ излѣчилъ тѣмъ, что выжегъ ему на груди, головѣ и между крыльцами крестообразные рубцы. Не прошло и полугода, какъ больной выздоровѣлъ. Потомъ просила его помощи какая-то женщина: она была

---

[101] Götriks и Rolfs saga.

[102] Magnus d. Godes saga, у Снорре Стурлесона.

близка къ отчаянію отъ сильнаго давленія въ груди. Рафнъ отворилъ ей кровь изъ руки и больная оправилась. Сумасшедшій, котораго едва могли удерживать нѣсколько человѣкъ, получилъ снова разсудокъ, когда Рафнъ выжегъ ему нѣсколько рубцевъ на головѣ. Другой больной страдалъ каменною болѣзнью; Рафнъ началъ пользовать его, но больному стало хуже: все тѣло опухло. Нѣкоторые умные люди приглашены были на совѣщаніе; посовѣтовавшись съ ними, Рафнъ рѣшился на операцію: велѣлъ больному лечь, отыскалъ, гдѣ находился у него камень, подвинулъ его съ мѣста, сколько было можно, и принялъ предосторожности, чтобы онъ не скрылся опять; потомъ сдѣлалъ разрѣзъ и вынулъ два камня. Наконецъ, перевязалъ рану и приложилъ къ ней пластырь. Больной выздоровѣлъ. За это, какъ и за другія лѣченія, Рафнъ не взялъ денегъ. Одинъ Исландецъ, по имени Торгейръ, [103] слылъ на всемъ островѣ за безстрашнаго человѣка: на тингѣ говорили: «Греттеръ Сильный боится темноты, Тормодъ—Бога, а Торгейръ — ничего. »Когда онъ умеръ, осмотрѣли изъ любопытства его сердце: нашли, что оно очень не велико; по замѣчанію сочинителя саги, тѣмъ подтвердилось мнѣніе свѣдущихъ людей, выдаваемое ими за истинное, что у храбраго человѣка сердце менѣе, чѣмъ у труса, потому что въ большомъ сердцѣ болѣе крови, а она поселяетъ робость въ людяхъ. [104] Изслѣдованія и наблюденія привели къ открытію, что въ тѣлѣ человѣка 214 костей, 30 зубовъ и 315 жилъ. Думали, что гнѣвъ человѣка имѣетъ начало въ желчи, крѣпость силъ въ сердцѣ, память въ мозгѣ, смѣлость въ легкихъ, смѣхъ въ селезенкѣ, вожделѣніе въ печени. [105] Саги передаютъ намъ много примѣровъ чудеснаго вліянія, какое человѣкъ можетъ оказывать на другаго, положивъ свои руки на больныя части его тѣла, или погладивъ ихъ. Такъ Олофъ Дигре избавилъ одного мальчика отъ опаснаго нарыва на шеѣ, а другаго отъ сильной боли въ боку. «Въ рукахъ короля, говоритъ его сага, жила такая же исцѣляющая сила, какую приписываютъ людямъ, имѣвшимъ особенную способность въ этомъ искуствѣ (Idrott); о такихъ говорили, что у нихъ добрыя руки». [106]

---

[103] Rafn Svenbjörnosons saga. Müller's Sagabibl. I.

[104] Fosterbrödra saga. Müller's Sagabibl. I.

[105] Fosterbr. saga.

[106] Olof d. Heilig. Saga, у Снорре Стурлесона.

ОТДѢЛЕНІЕ ЧЕТВЕРТОЕ.

РУНЫ.

I. Подъ именемъ рунъ разумѣлось всякое знаніе. [107] Рунами назывались также и тѣ древнія буквы, посредствомъ которыхъ письменно выражались мысли и понятія. Ихъ происхожденіе производили отъ Одена и боговъ. Онѣ изобрѣтены высшими духовными силами; великія, могущественныя письмена вырѣзывали Фимбультиръ и священныя силы, Оденъ начерталъ ихъ для Асовъ, Дванинъ для эльфовъ, Даинъ для карликовъ, Альсвидеръ для исполиновъ. [108] Всѣ эти извѣстія древняго баснословія о рунахъ указываютъ на весьма давнее, нисходящее въ глубочайшую древность, время, когда руны, какъ даръ боговъ, употреблялись ихъ потомками и жрецами, мудрѣйшими въ народѣ. Замѣчательно также то обстоятельство, что ни одна страна не представляетъ столько памятниковъ древняго руническаго письма, какъ Швеція, особливо та часть ея, которая была главнымъ мѣстопребываніемъ Свеоновъ, и поколѣнія жрецовъ и государей, ведшихъ свой родъ отъ боговъ. Во всей Скандинавіи считаютъ до 1600 до сихъ поръ извѣстныхъ памятниковъ съ руническими начертаніями. Изъ нихъ принадлежатъ Норвегіи только 20, Датскимъ островамъ и Ютландіи около 90, Готскому королевству съ Готландомъ и Эландомъ 400, столько же Сканіи, Галланду, Блекинге и Богуслену; остальные, числомъ около 1100, принадле-

---

[107] Ср. сочин. Шведск. истор., ч. I, стр. 150 и 205.
[108] Runtalen въ старшей Эддѣ.

жатъ королевству Свеоновъ (Швеціи), гдѣ одной Упландіи или, такъ называемымъ, народнымъ землямъ (Volkland), около 800.[109] Надписи на руническихъ камняхъ показываютъ, что найбольшая часть этихъ памятниковъ поставлена въ первыя времена Христіянства, въ XI и XII столѣтіяхъ; впрочемъ, много встрѣчается и такихъ, которые сами сказываютъ о себѣ, что принадлежатъ къ сосѣднему съ язычествомъ времени: они поставлены обращенными язычниками, или такими, которые умерли въ hvita vadum,[110] бѣлыхъ одеждахъ, надѣваемыхъ при крещеніи. Но къ языческому времени надобно, кажется, съ нѣкоторымъ основаніемъ отнести не только руническій памятникъ съ призываніемъ Тора,[111] для освященія изсѣченныхъ рунъ, но и руническіе гранитные куски, найденные, вмѣстѣ съ урнами и заржавѣлыми обломками мечей и копій, въ древнихъ родовыхъ и военныхъ курганахъ.[112] Есть также памятники второй половины X-го вѣка на могильныхъ курганахъ Горма Стараго и его супруги, королевы Тиры; ихъ руническія надписи показываютъ, что Гаральдъ Блаатандъ велѣлъ насыпать курганъ по своемъ отцѣ, Гормѣ, и матери, Тирѣ, что Рафнука Туфи вырѣзалъ руны въ память о Тирѣ; онъ же, и два его товарища, также названные по имени, насыпали курганъ.[113] Кромѣ того, много руническихъ камней безъ всякихъ признаковъ Христіянскаго времени;

---

[109] См. издан. Лиліегреномъ Run-urkunder (Руническіе памятники), Fl. 1 и 2. Руническіе кресты, исписанные рунами надгробные камни и т. п., не вошли въ это число.

[110] Run-urkunder 118, 235, 326, 452, 515, 709.

[111] Run-urkunder 1489.—Этотъ руническій камень находится на Датскомъ островѣ Фіонѣ.

[112] Въ Norske Mindesmaerker, v. Klüver (Норвежскіе памятники, Клювера) описаны и приложены въ рисункахъ два камня съ различными рунами; вмѣстѣ съ урнами и другими вещами они найдены въ двухъ родовыхъ курганахъ въ Норвегіи: одинъ близь двора West-Tanem, въ Клебо, при подошвѣ высокой горы; другой у церковнаго придѣла въ Братбергѣ, гдѣ много военныхъ кургановъ. И въ Даніи, при Снольделевѣ, въ 1808 г., открытъ былъ въ глубинѣ кургана руническій камень (см. Antiqu. Annal.), и такой же въ 1760 году съ металлическою урною въ приходѣ Врета въ Остерготландіи, въ одной изъ древнихъ каменныхъ усыпальницъ, или могильныхъ комнатъ (См прилож. изъ Вейнгольда Altnordisch. Leben, въ послѣдней главѣ: Похороны и погребальные обряды.)

[113] Run-urkunder 1537—1541.

съ одинаковымъ основаніемъ можно было бы отнести ихъ къ языческому, какъ и къ Христіянскому, времени, если бы многія причины не говорили въ пользу того мнѣнія, что вырѣзываніе руническихъ письменъ, въ пору глубокаго язычества, ни какъ не могло быть извѣстнымъ для всѣхъ знаніемъ, какимъ стало въ послѣдствіи, въ первые вѣка Христіянства. Руны, вѣроятно, въ продолженіи долгаго времени, сначала вырѣзывались на палочкахъ, или дощечкахъ (kaflar) изъ дерева и на древесной корѣ, потому что другихъ способовъ для письма Скандинавы не знали. Одна Исландка, Орни, нѣмая отъ рожденія, чертила руны на деревяномъ кружкѣ, когда хотѣла передать свои мысли. [114] Когда Исландскій скальдъ, Эйгиль, о которомъ много разъ говорили мы прежде, съ горя о потерѣ сына, Баудвара, хотѣлъ уморить себя голодомъ, дочь его, Торгерда, просила отца повременить самоубійствомъ, пока она сочинитъ стихи про Баудвара и вырѣжетъ ихъ на доскѣ. Также и дочь Галлмунда начертила на доскѣ отцовское жизнеописаніе со словъ умирающаго отца; [115] сага, сохранившая отрывки этой пѣсни Галлмунда говоритъ, что Греттеръ въ пещерѣ на р. Эйадалѣ въ Исландіи, нашелъ два скелета и возлѣ нихъ доску, на которой вырѣзаны двѣ строфы, каждая въ 8 строкъ. [116] Другая Исландская сага [117] говоритъ объ одномъ духовномъ, Ингемундѣ, умершемъ во второй половинѣ XII вѣка, что онъ съ шестью спутниками занесенъ былъ бурею къ пустынямъ Грёнландіи; спустя потомъ двѣ недѣли, найдены въ тамошней пещерѣ труны его и товарищей; возлѣ нихъ открыли начертанныя на воскѣ руны, сказывавшія о бѣдствіи путешественниковъ. Хотя отъ того времени, къ которому принадлежатъ эти событія, не дошло до насъ ни одной изъ руническихъ дощечекъ, легко подверженныхъ разрушенію, [118] однако жь, такъ же

---

[114] Olof Tryggv. saga (Копенг. изд.).

[115] Eigils saga.

[116] Gretters saga.

[117] Sturlenga saga.

[118] Сохранились двѣ древнѣйшія руническія доски (kaflar), открытыя, тридцать лѣтъ назадъ, на обояхъ дверей въ древней церкви Виніе въ Эфре Телемаркенѣ, въ Норвегіи, когда эту церковь нужно было сломать для построенія новой. Одна изъ нихъ очень повредилась отъ времени, и только отрывки рунической надписи можно было прочесть на ней; другая, лучше сохранившаяся, съ слѣдую-

вѣрно, что въ XII вѣкѣ, когда преданы были письму главныя Исландскія саги, вырѣзываніе рунъ на деревянныхъ кружкахъ уже упоминается, какъ давно употребительное искуство и даже извѣстное въ языческое время.[119] Аре Фроде, въ исходѣ XI, или началѣ XII-го вѣка, предпринявъ сличить древнюю Сѣверную азбуку съ Латинскою, составленною Присціяномъ,[120] взялъ себѣ въ помощники знатока и учителя руническаго письма, Тородра.[121]

И такъ, нѣтъ сомнѣнія, что руны на Сѣверѣ древнѣе Латинской азбуки, и что онѣ задолго до нея, еще въ языческое время, употреблялись вмѣсто письменъ. Знаніе буквъ необходимо предполагаетъ и употребленіе ихъ. Впрочемъ, по неудобству способовъ для письма, когда дерево и камень, воскъ и древесная кора, замѣняли бумагу, или пергаментъ, руны употреблялись только для начертанія краткихъ и сильныхъ изреченій и сохраненія въ памяти самыхъ важныхъ предметовъ Можетъ быть, посредствомъ ихъ припоминались колѣна родовъ, также на рунических камняхъ встрѣчается исчисленіе предковъ до 3-го, 6-го и даже 12 колѣнъ.[122] Одно приложеніе къ Вестготскому закону, гдѣ идетъ рѣчь о лагманахъ въ Вестготландіи, говоритъ объ Эскилѣ, тамошнемъ лагманѣ, въ началѣ XIII вѣка, что онъ «вездѣ собиралъ законы и занимался ихъ изслѣдованіемъ», разобралъ ихъ съ великимъ умомъ и особенною проницатель-

---

щею надписью: «Сынъ Сигурда Ярла написалъ эти руны въ воскресенье послѣ обѣдни, передъ поѣздкою сюда, когда не хотѣлъ согласиться ни на какой договоръ съ Сверре (Сверре, Сверриръ, Норвежскій король-самозванецъ, современникъ и сильный соперникъ Папы Иннокентія III), убійцею его отца и братьевъ.» См. Skandinav. Museum на 1803 годъ. Король Сверре умеръ въ 1202 году, слѣдовательно, доска эта сдѣлана еще до этого времени.

[119] Въ Исландскихъ сагахъ слово kafle встрѣчается въ значеніи письма.

[120] Присціянъ Цезарейскій, жившій въ началѣ VI-го вѣка, написалъ подробную Латинскую грамматику въ 18-ти книгахъ.

[121] Barthol. Ant. Dan.

[122] Руническій камень въ приходѣ Sandsjö въ Смаландѣ поставленъ предкамъ, которыхъ имена исчислены въ шести восходящихъ колѣнахъ: Другой въ Рокстадѣ въ Гельсингландѣ исчисляетъ предковъ въ 12-ти колѣнахъ. См. Run-urkunder, N 1065, 1240. На многихъ руническихъ памятникахъ означены мѣста жительства тѣхъ, кому они поставлены, имена дворовъ, или цѣлыхъ помѣстьевъ, которыми владѣли эти лица; встрѣчаются также разныя подробно-

ностію.»[123] И такъ они уже были написаны, но не всѣ собраны въ одну книгу, а разбросаны по разнымъ мѣстамъ; онъ долженъ былъ также и разобрать ихъ, употребить много размышленія и остроумія для отысканія въ нихъ истиннаго смысла, можетъ быть, по тому, что языкъ ихъ былъ для него непонятенъ, выраженія устарѣлы, содержаніе сильное и краткое.[124] Эти причины

сти о распространеніи рода, родовыхъ отношеніяхъ и наслѣдственномъ правѣ. Такъ вдова Инга на памятникѣ, поставленномъ ею мужу въ Семингундрѣ въ Упландіи, сказываетъ, что онъ, Рагнфастъ, былъ владѣлецъ этого двора послѣ отца своего, Сигфаста. Когда же умеръ и сынъ ея, Рагнаръ, законный наслѣдникъ двора, она сообщила за извѣстіе на собственномъ памятникѣ близь Вреты, что этотъ дворъ достался ей послѣ сына. По смерти ея во вторичномъ супружествѣ, дворъ перешелъ къ ея матери, бывшей еще въ живыхъ, Герлёгѣ, которая, въ доказательство своихъ правъ на него, также и на другіе, доставшіеся ей дворы, велѣла вырѣзать слѣдующее извѣстіе: «Гермундъ и Герлёга...; у нихъ былъ сынъ; отецъ утонулъ, послѣ того умеръ и сынъ (отъ чего Герлёга и получила наслѣдство послѣ сына); потомъ... она вышла за мужъ за Гетрика... и имѣла дѣтей, изъ которыхъ одно умерло; ее звали Инга; она вышла за мужъ за Рагнфаста въ Снотестадѣ; сначала онъ умеръ, а потомъ и сынъ; она (Инга) была наслѣдница своего сына; потомъ вступила въ бракъ съ Эрикомъ и скончалась; тогда Герлёга стала наслѣдницею дочери, Инги.» Это одинъ изъ древнѣйшихъ актовъ на владѣніе, какой только можетъ представить Швеція. См. Liljegren, Runlaera. Ср. Run-urkunder, 496—498, 2009—2010.

123 Westg. Lag. LIV, 14.

124 Что то же самое случилось и съ древними Упландскими законами, прежде нежели они подвергнуты были переработкѣ, въ исходѣ XIII-го вѣка, видно изъ утвержденія королемъ, Биргеромъ, этихъ законовъ въ ихъ улучшенномъ видѣ. Тамъ сказано о древнихъ законахъ, что «до сихъ поръ многое въ нихъ выражено кратко и не такъ ясно, какъ надобно, многое не для всѣхъ справедливо, темно и затруднительно для общаго разумѣнія»; также, что «они разсѣяны были во многихъ сборникахъ». Вестготскій и Упландскій законы, до переработки и исправленія ихъ въ концѣ XIII-го вѣка, сохраняли свою древнюю языческую форму; это съ нѣкоторою основательностію можно заключить изъ слѣдующихъ словъ предисловія къ этимъ законамъ: «Все недостающее въ языческомъ законѣ мы помѣщаемъ въ приложеніи въ началѣ этой книги, согласно Христіянскому праву и церковнымъ законамъ.» Если эти древніе законы еще въ языческое время преданы были письму (въ чемъ нѣтъ никакого сомнѣнія послѣ того, что мы сказали сей часъ), то въ первые вѣка Христіянства необходимы были дополненія къ нимъ, какъ и ко многому другому, чего

дѣлаютъ весьма вѣроятнымъ, что такія начертанія древнихъ правилъ закона ведутъ свое начало изъ временъ язычества. Не подвержено также ни какому сомнѣнію, что по мѣрѣ того, какъ руническія буквы становились извѣстнѣе и употреблялись для пособія памяти, ими пользовались также для лучшаго сохраненія законовъ въ памяти гражданъ: лагманы, ежегодно обязанные публично читать законы, прежде всѣхъ напали на мысль, съ помощію письма сохранить ихъ отъ забвенія, какъ для себя, такъ и для потомства. Вѣроятно, рунами было написано то письмо, которое принесъ съ собою въ Гагу Ансгарій отъ короля Біёрна. Его писалъ самъ король буквами, бывшими въ употребленіи въ Швеціи. [125] О передаваніи письму пѣсень еще въ языческое время, по крайней мѣрѣ, въ нѣкоторыхъ случаяхъ, свидѣтельствуетъ не только достовѣрная сага объ Эйгилѣ, которую приводили мы выше, но и многія мѣста въ другихъ сагахъ. На употребленіе рунъ, какъ письменъ, указываютъ также

требовало развитіе государства, потому что въ теченіе долгаго времени могли встрѣчаться новые случаи». Это также одна изъ причинъ передѣлки Упландскаго закона, приводимыхъ королевскимъ подтвержденіемъ, если только эти замѣчанія не относятся къ до-Христіянскому періоду.

125 Peracto itaque apud eos altero dimidio anno, praefati Servi Dei (именно Ансгарій и его товарищъ) cum certo suae legationis experimento et cum literis, regia manu, more ipsorum deformatis, ad Serenissimum reversi sunt Augustum.» Vita Sancti Anscharii per S. Rembertum. Издатели Script. rerum Suecicarum medii aevi въ этомъ мѣстѣ сдѣлали замѣчаніе, что подъ словомъ ipsorum надобно разумѣть здѣсь сказанныхъ выше Servorum Dei, а слова regia manu понимали такъ: «король приложилъ свою подпись» (scilicet litteris ab Anschario ejusque sodali, more ipsorum formatis, Rex sua manu monogramma adposuit). Это объясненіе, кажется, нѣсколько натянуто. Если бы таково было мнѣніе Ремберта, то онъ навѣрное выразился бы иначе. Прибавляя при словѣ literis, какого они были качества, онъ уже намекаетъ, что, кромѣ Латинской азбуки, существовала въ Шведской землѣ другая, туземная; а что письмо было написано этими народными буквами, можно заключить изъ того, что оно было собственноручное короля. Нѣтъ сомнѣнія, что подъ словомъ ipsorum надобно разумѣть Sueonum въ такомъ же смыслѣ, въ какомъ оно встрѣчается два раза выше въ X-й главѣ и также относится къ Sueonum въ предыдущихъ VIII и IX-й главахъ, которыми начинается собственно разсказъ о посольствѣ Ансгарія и его первомъ путешествіи въ Швецію.

ническія пѣсни старшей Эдды, самые древніе, дошедшіе до насъ, памятники баснословія и поэзіи Скандинавовъ. Руны чертились установительницами закона, Норнами, обрекавшими на смерть воиновъ и возвѣщавшими чадамъ міра приговоры судебъ.[126] Первый изъ боговъ чертилъ усовершенствованныя, великія, сильныя руны.[127] Stafar (отъ Staf, палка, трость) назывались руны въ значеніи буквъ, или отъ длинной прямой черты (Staf), бывшей главною частію всякихъ рунъ, а можетъ быть, и отъ того, что онѣ первоначально вырѣзывались на деревянныхъ палочкахъ. Вездѣ, гдѣ встрѣчается слово Stafar въ значеніи рунъ, оно означаетъ не только изустно передаваемое знаніе, но и написанное буквами для изученія.[128] Хотя слова руны, руны древности, руны боговъ, въ общемъ значеніи принимаются въ смыслѣ знанія предметовъ древности, полнаго ученаго образованія и изящныхъ искуствъ того времени, но какъ многія саги показываютъ, что руны вырѣзывались, то ясно, что это слово означало также и письмена, буквы. Такъ въ самой глубокой древности, отъ которой дошли до насъ саги, руны являются старинными, уже тогда извѣстными, письменами: онѣ причислялись къ древнимъ знаніямъ, которыя Скандинавы, въ своихъ баснословныхъ сказаніяхъ, присвоивали богамъ.

II. Это отчасти подверждается извѣстіями иностранныхъ писателей. Есть свидѣтельства VI-го вѣка, что у Франкскихъ и Германскихъ племенъ руны вырѣзывались, какъ письмена, на деревянныхъ кружкахъ, или доскахъ.[129] До насъ дошла древняя Германская руническая азбука VIII-го и IX-го вѣковъ: это буквы, о которыхъ отзывается Архіепископъ Майнцкій, Грабанъ Мавръ,[130]

---

[126] Völuspa.

[127] Runenzahl въ старшей Эддѣ.

[128] Ср. Gejier, Svea Rikes Haefder I.

[129] Venantius H. Cl. Fortunatus, урожденецъ Италіи и Поатьерскій епископъ, во второй половинѣ VI-го вѣка, упрекая Фл. Еводія въ стихотворномъ письмѣ, что онъ замедлилъ отвѣчать ему, и говоря, что если не умѣетъ написать по Латини, то писалъ бы по Еврейски, или на какомъ ни будь другомъ языкѣ, и прибавляетъ:

Barbara fraxineis pingatur runa tabellis
Quodque papyrus agit, virgula plana valet.

[130] Онъ родился въ 776 г., умеръ въ 856.

жившій въ IX-мъ вѣкѣ, что онѣ употреблялись Маркоманнами или Норманнами, отъ которыхъ происходятъ всѣ говорящіе Нѣмецкимъ языкомъ; этими буквами язычники обыкновенно писали свои пѣсьни, волшебные гимны и предсказанія; [151] онѣ извѣстны были и Англосаксамъ: одинъ древній Англосаксонскій писатель также указываетъ на Скандинавскій Сѣверъ, какъ на отечество руническаго письма: «Руны, говоритъ онъ, впервые изобрѣтены у Норманновъ, у которыхъ пишутся ими пѣсьни и заклинанія; Норманны называютъ ихъ Runstafar, руническія черты, можетъ быть, отъ того, что посредствомъ ихъ передаютъ другъ другу разныя тайны.» [152]

---

[151] «Litteras, quibus utuntur Marcomanni, quos nos Nordmannos vocamus, infra scriptas habemus, a quibus originem trahunt, qui Theodiscam linguam loquuntur. Cum quibus carmina sua incantationesque ac divinationes significare procurant, qui adhuc paganis ritibus involvuntur.» Hrabanus Maurus, De inventione linguarum (Goldast, Scriptores rer. Alem. II). Что касается до названія Маркоманновъ, то Гельмольдъ (Chron. Slav.) говоритъ, что такъ обыкновенно называли «gentes, undecunquae collectae, quae Marcam (пограничную землю) incolunt.» Въ приведенномъ мѣстѣ разумѣются народы, живущіе на Сѣверъ отъ р. Эльбы, тѣ самые, которые въ сочиненіяхъ того времени называются обыкновенно Nordalbinger; лѣтописи Франковъ причисляютъ ихъ къ Норманнскимъ народамъ. Прибавленіе намекаетъ, что Нѣмцы происходятъ отъ этихъ Норманновъ, указываетъ также, что Франки изъ племени Датчанъ и Норманновъ (Ср. соч. Шведск. ист., ч. I, стр. 98, примѣч. 152), и даетъ понимать, что Французскій писатель подъ именемъ Маркоманнскихъ Нордманновъ разумѣетъ всѣ неизвѣстныя племена, живущія на Сѣверъ отъ р. Эльбы (Ср. Gejier, Svea Rikes Haefder I), потому что, по многимъ свидѣтельствамъ, неоспоримо, что подъ именемъ Норманновъ всего обыкновеннѣе разумѣлись всѣ Скандинавскіе народы: Шведы, Датчане и Норвежцы (Ср. Походы Викинговъ, прим. 16). Древнія руническія азбуки VIII и X-го вѣковъ найдены также въ Мюнхенѣ и С. Галленѣ (см. W. C. Grimm, Ueber deutsche Runen). И названіе Runstab (руническая буква) встрѣчается еще въ VIII вѣкѣ. Керо, монахъ въ С Галленѣ, въ первой половинѣ этого столѣтія, употребляетъ это слово въ Аллеманскомъ переводѣ Устава Бенидиктинскаго Ордена, съ Латинскаго подлинника. См. Jhre, Dissertatio de runorum patria et origine, гдѣ приведено мѣсто изъ Schilteri Thesaurus II. Ср. Grimm l. c.

[152] «Hec etenim literarum figure in gente Nortmannorum feruntur primitus invente. Quibus ob Carminum eorum memoriam et Incantationum uti adhuc dicuntur. Quibus et Rimstafas nomen imposuerunt: ob id, ut reor, quod hiis res absconditas vicissim scriptitando aperiebant.» См. Hickesii Thesaurus II.—Rimstafas

Впрочемъ, Нѣмецкія и Англосаксонскія руническія азбуки отличаются отъ Скандинавской полнотою и большею обработанностью; даже въ то время, отъ котораго дошли до насъ, они были уже исправлены по Латинской азбукѣ и умножены новыми буквами; напротивъ, въ Древне-Скандинавской считается только шестнадцать рунъ, расположенныхъ въ особенномъ, отличномъ отъ другихъ, порядкѣ. [153] Изслѣдованія показали, что древнѣйшія руническія азбуки Нѣмцевъ составлены по Англосаксонскимъ, съ которыми наиболѣе сходны, но шестнадцать Скандинавскихъ рунъ служатъ основою тѣхъ и другихъ. [154] Скудость этихъ рунъ, ихъ особенный порядокъ и чрезвычайная простота начертанія, говорятъ за ихъ глубокую древность: [155] онѣ, нимало не допуская предположенія, что соста-

---

собственно назывались руническія палочки, употребляемыя, какъ календари (отъ rim, число; см. Olaus Petri Sv. Chr.) Можно полагать, что древній Англосаксонскій писатель дѣйствительно слышалъ названіе Rimstafar, хоть и приписалъ имъ мистическое употребленіе, какъ таинственнымъ письменамъ. Это также говоритъ въ пользу древности руническаго календаря.

153 Буквы, ихъ порядокъ и названія въ Древне-Скандинавской рунической азбукѣ слѣдующія: ᚠ (F—Frej—фе) ᚢ (U—Ur), ᚦ (Th—Thor, Thurs), ᚬ (O—Оденъ, Os), ᚱ (R—Redher), ᚴ (K — Kyn), ᚼ (H—Hagel), ᚾ (N—Naud), ᛁ (I — Is), ᛅ (A,—Ar), ᛋ (S—Sol), ᛏ (T—Thyr), ᛒ (B—Birkal), ᛚ (L—Lag), ᛘ (M—Madr), ᛦ (O—Oer), R—Stupmader). Напротивъ, въ Нѣмецкихъ и Англосаксонскихъ руническихъ азбукахъ, какъ мы уже упоминали, буквы расположены въ такомъ же порядкѣ, какъ и въ Латинской, по сходству съ которымъ для буквъ, недостающихъ въ Скандинавской, изобрѣтены новыя руны; но въ древнихъ рунахъ эти азбуки очевидно сходствуютъ съ Скандинавскою, какъ по начертаніямъ, такъ и по именамъ ихъ.

154 См. Grimm, l. c. Исторически вѣрно, что Англосаксы, до введенія между ними Латинской азбуки, знали и употребляли руны; по этой, также и по другимъ причинамъ весьма вѣроятно, что Англы и Саксы, пришедши въ Британнію, принесли съ собою и руны изъ своего Сѣвернаго отечества въ V-мъ столѣтіи. Гумфредъ Ванлей высказываетъ эту увѣренность въ предисловіи къ II-му т. Thesaurus Nickesii: «Illos Jutas Anglosaxonesque, cum in Britanniam advenerint, secum Runes, sive Gothicas litteras, attulisse, mihi persuasum est. tum etiam quod in antiquissimis nostris Codicibus nonnullae Runae Romanis literis commistae cernuntur, tum denique, quod Thorn et Wen, quae Romanas literas amplexi Anglo-Saxones retinuerunt, Nomine, Figura et Potestate, purae putae Runae sunt.»

155 Въ рукописномъ твореніи Исидора, находящемся въ Сентъ-Галленѣ, IX-го вѣка, De accentibus, de posituris, de literis, встрѣчаемъ Древне-Скан-

влены по другой полнѣйшей азбукѣ, въ цѣлости сохранили свой первоначальный, простой очеркъ. Въ ихъ простѣйшемъ видѣ замѣтны основныя черты тѣхъ рунъ, которыя составляютъ азбуки другихъ народовъ, усовершенствованныя по иноземнымъ образцамъ.

III. Народы въ варварскомъ состояніи сами собою никогда не доходили до изобрѣтеній, требующихъ такого остроумія и глубокомыслія, какъ письменное искуство. Подобныя знанія являлись къ нимъ путемъ наученія отъ мудрыхъ людей; не рѣдко самъ народъ приносилъ эти знанія изъ своей родины, гдѣ жилъ въ сосѣдствѣ съ другими народами, больше его образованными. Сѣверныя руны нѣсколько похожи на древнія письмена почти всѣхъ Европейскихъ народовъ, Кельтиберовъ, Турдетановъ въ древней Испаніи, Грековъ, Етрусковъ и Римлянъ, Славянъ (Вендовъ) и древнихъ Пруссовъ. Причиною такого сходства надобно почитать происхожденіе азбукъ этихъ народовъ отъ одного общаго источника. Но время, неодинаковая образованность и другія случайности произвели болѣе или менѣе различія между ними и отдалили ихъ отъ древняго общаго правила. Руническая азбука сходствуетъ съ Іоническою или Древне-Греческою: между обѣими замѣтно такое сходство въ начертаніи, значеніи и числѣ буквъ, [156] что можно было бы считать ихъ списан-

---

динавскую и Англосаксонскую руническія азбуки, первая съ шестнадцатью рунами въ ихъ древнемъ порядкѣ и съ древними названіями, которая называется Abecedarium Nord; послѣдняя, въ усовершенствованной по Латинской азбукѣ формѣ, называется Anguliscum. Въ кодексѣ, написанномъ 1022-го года, во Франціи, Монфоконъ (Palaeogr. Graeca) также нашелъ руническую азбуку подъ названіемъ Alphabetum Norvagicum, изъ 16-ти буквъ, въ томъ же оригинальномъ порядкѣ, какъ и въ Скандинавской (собственно изъ 15-ти буквъ; для позабытой 16-й оставлено мѣсто.) И Англосаксы знали разницу между ихъ собственною и Древне-Скандинавскою азбукою (ср. Grimm, l. c.) Это раннее знакомство съ Сѣверными рунами и особенностями руническихъ азбукъ у столь различныхъ и отдаленныхъ другъ отъ друга народовъ, также мнѣніе Англосаксонскихъ писателей о Сѣверѣ, какъ о родинѣ рунъ (отсюда заключеніе, что эти буквы принесены народами, пришедшими съ Сѣвера, усиливаютъ важность доказательствъ, говорящихъ за древность руническаго письма на Сѣверѣ.

[156] Древнѣйшая Греческая азбука также состояла только изъ 16 буквъ, къ которымъ Паламидъ прибавилъ четыре новыя; послѣ прибавлены другія буквы. И въ Скандинавіи, однако жь, только въ концѣ язычества, или въ началѣ

ными одна съ другой,[157] если бы не говорили противъ того нѣкоторыя особенности, также не одинаковый порядокъ буквъ; совсѣмъ тѣмъ, ихъ сходство такого рода, что служитъ неопровержимымъ свидѣтельствомъ тѣснаго родства между рунами и Греческой азбукой въ ея простѣйшемъ видѣ, еще не усовершенствованной Паламидомъ и Симонидомъ, задолго до Александра Великаго. Готская, или Мизо-готская, азбука, приписываемая Ульфилѣ, по большей части заимствована изъ Греческой, въ томъ видѣ, въ какомъ была составлена во время этого епископа; но въ ней встрѣчаются четыре буквы, вѣроятно, туземнаго Готскаго происхожденія, потому что ни мало не похожи на соотвѣтствующія имъ буквы ни въ Греческой, ни въ Латинской азбукахъ; онѣ бросаются въ глаза своимъ сходствомъ съ Сѣверными рунами.[158] Итакъ, вездѣ встрѣчаются намъ указанія, подтверждающія глубокую древность рунъ и ихъ Азіятское или Ѳракійское происхожденіе; можно сказать, что Сѣверное сказаніе

Христіянства, старались пособить недостаточности древней скудной азбуки прибавленіемъ новыхъ буквъ: прежней рунѣ дали значеніе новой, сходной съ нею произношеніемъ буквы, поставивъ на ней точку: изъ ᚴ (K) стало ᚵ (G), ᛁ (I) обратилось въ ᛂ (E), ᛒ въ ᛔ (P) и т. д. Въ послѣдствіи изъ древней простой азбуки образовалась другая, болѣе новая и полная, съ такъ называемыми точкованными рунами. Изобрѣтеніе этихъ новыхъ рунъ приписываютъ Вальдемару, королю Датскому, но многія изъ нихъ еще до него были въ употребленіи. Однако жь, онѣ встрѣчаются только въ Даніи и южныхъ областяхъ Швеціи (сначала Датскихъ), также и въ Норвегіи; въ Швеціи употребительны только двѣ изъ нихъ. Шведскія руны сохранили свою первоначальную простоту. Ср. Liljegren, Run-Laera, и Grimm, l. c.

157 Eric Benzelius (Periculum Runicum), и многіе другіе, древніе и новые, ученые, по причинѣ этого сходства, полагали, что руны получили начало отъ древнѣйшей Греческой азбуки.

158 «Нельзя согласиться, замѣчаетъ Гриммъ, чтобы для этихъ четырехъ буквъ Ульфила взялъ письмена изъ рунической азбуки, потому что если находились соотвѣтственныя имъ въ Латинской азбукѣ, то не было никакой причины дѣлать такую странную смѣсь. Думаю, напротивъ, что это замѣчательное сходство съ рунами приводитъ къ такому заключенію, что Готская азбука-особенная, изобрѣтенная не Ульфилою, но гораздо древнѣйшаго происхожденія. Если Ульфила долженъ былъ заимствовать буквы, т. е., до него Готы никакихъ не имѣли, то нельзя видѣть, почему онъ не просто взялъ Латинскія, или Греческія, ему извѣстныя; но очень легко понять, что онъ удержалъ уже существовавшія».

объ Оденѣ, какъ изобрѣтателѣ рунъ, подобное Греческому о Кадмѣ, не безъ основанія указываетъ на введеніе азбуки на Сѣверѣ поселившимся тамъ поколѣніемъ боговъ и жрецовъ, которые принесли туда разныя искуства и художества, и тѣмъ положили основаніе своему значенію и власти.

IV. Таинственонсть, облекающая изобрѣтеніе и употребленіе рунъ во всѣхъ древнихъ пѣсьняхъ, служитъ доказательствомъ, что въ древности онѣ считались тайнымъ знаніемъ, А что онѣ были таковы въ самомъ дѣлѣ, подтверждается еще тѣмъ, что слово руна въ значеніи тайны [159] встрѣчается не только въ Древне-Скандинавскомъ языкѣ, но и въ другихъ, ему родственныхъ. И руны вездѣ являются вмѣстѣ съ миѳологическими таинствами въ древнихъ пѣсьняхъ. Такъ Вафтруднеръ, мудрый исполинъ (Jätte), прошедшій девять міровъ и въ состязаніи съ Оденомъ высказавшій свои знанія о первобытныхъ временахъ, о происхожденіи неба, земли и боговъ, о всеобщемъ концѣ, называлъ это баснословное ученіе древнія руны (fordna stafvor), руны боговъ и Іотуновъ, [140] и когда карло Алльвисъ, также прошедшій девять міровъ, далъ отвѣтъ на всѣ вопросы Тора о различныхъ названіяхъ неба, земли и другихъ предметовъ у боговъ, людей и другихъ существъ, Торъ изумленъ былъ такою ученостью въ знаніи древности, потому что никогда не видалъ такого множества древнихъ рунъ (fornstafvar) въ сердцѣ одного человѣка. [141] Послѣ паденія міра Асы размышляютъ о первобытныхъ рунахъ Фимбультира, о чудесныхъ золотыхъ таблицахъ, найденныхъ ими въ травѣ и бывшихъ во владѣніи перваго изъ

---

[159] Въ переводѣ Библіи на Готскій языкъ Ульфилою въ IV вѣкѣ слово руна встрѣчается въ разныхъ мѣстахъ въ значеніи тайны и тайнаго совѣщанія (Марк. IV, 11; Лук. VIII, 10; Матѳ. XXVII, 1). На Тевтонскомъ или Древне-Нѣмецкомъ языкѣ глаголъ runen (raunen), runezzan, runzan, говорить тайно, шептаться, держать тайный совѣтъ. Въ Англосаксонскомъ run или ryne означаетъ также таинство и букву. Eyraruna, задушевная подруга, которой можно что ни будь сказать за тайну, на ухо (по чему многія древнія женскія имена оканчиваются на run, на прим., Gudrun, Oddun и т. д.); Kungsruni, собесѣдникъ, наперсникъ короля; runa buanda sins, искренняя, вѣрная подруга своего бонда (Bondes), мужа: это выраженія древнихъ Скандинавскихъ пѣсень. Въ большой стихотворной лѣтописи глаголъ runa встрѣчается въ значеніи шептать, тихо говорить.»

[140] Vafthrudnismal въ старшей Эддѣ.

[141] Alvismal въ старшей Эддѣ.

боговъ, потомка Фіёльнера. [142] Руны вырѣзывались девятью дочерьми Ніорда, старшею, Радвейгою, и младшею, Креппверою; въ пѣснѣ солнца эти руны повѣствуютъ о замогильной жизни, о состояніи по смерти. [143] Къ Сѣверу глядѣлъ Оденъ и складывалъ руны, когда пѣлъ заклинаніе мертвымъ предъ вѣщательницею. [144] И Скирнеръ, служитель Фрея, произнесши проклятіе на гнѣвную дочь исполина Гимера, красивую Герду, вырѣзалъ предъ него Тура [145] (букву Þ) и три руны: безсиліе, неистовство и безпокойство. [146] Посредствомъ рунъ и волшебныхъ пѣсень научалъ своимъ искуствамъ Оденъ. [147]

Эти черты, взятыя изъ Скандинавской миѳологіи и сличенныя съ иноземными свидѣтельствами объ употребленіи рунъ въ предсказаніяхъ, заговорахъ и вмѣсто буквъ, когда надобно было передать письму пѣсьни, ясно даютъ разумѣть, что руны первоначально принадлежали къ знаніямъ жрецовъ; онѣ находились въ тѣсной связи съ таинственными обрядами и употреблялись для начертанія предметовъ, относящихся къ ученію о происхожденіи боговъ. Подобные предметы, какъ сами по себѣ, по ихъ таинственному значенію, такъ и по тому, что составляли знаніе, ввѣренное для храненія высшимъ лицамъ въ обществѣ, болѣе требовали для себя письменнаго изложенія, нежели саги и былины богатырей, жившія въ устахъ народа. Эти былины никто не думалъ передавать письму до тѣхъ поръ, пока не настали иныя времена съ особенными обстоятельствами, и тогда только озаботились спасать ихъ отъ совершеннаго забвенія. Такъ дѣйствительно и было у Маркоманновъ, что мы видѣли уже изъ свидѣтельства Грабана Мавра; у этого народа руны употреблялись только между язычниками, и притомъ въ предвѣщаніяхъ и волшебныхъ пѣсьняхъ, слѣдовательно, въ таинствахъ. Замѣчательно и то обстоятельство, что у Франковъ, Германцевъ, Англосаксовъ, рано принявшихъ Христіянство, не сохранилось никакихъ памятниковъ ихъ руническаго письма, или сохранились только немногіе. Впрочемъ, оно жило въ ихъ памяти и употреблялось въ тѣхъ только случаяхъ,

---

[142] Völuspa.
[143] Solarljod въ старшей Эддѣ.
[144] Vegtams-Quida въ старшей Эддѣ.
[145] Руна.
[146] Skirnis-för въ старшей Эддѣ.
[147] Ynglinga saga.

когда хотѣли передать другъ другу что ни будь таинственное: тогда руническія буквы помѣщались между обыкновенными Латинскими. [148] Только въ послѣднее время язычества и въ первые вѣка Христіянства встрѣчаются руны на могильныхъ камняхъ, которые ставились на Скандинавскомъ Сѣверѣ въ память умершихъ родственниковъ; напротивъ, памятники, подъ именемъ Bautasteine, [149] находимые на мѣстахъ сраженій и поставленные, по приказанію Одена, мужамъ, отличившимся подвигами, состоятъ изъ необдѣланныхъ, длинныхъ и кривыхъ гранитныхъ столбовъ, безъ всякихъ надписей, потому что память о богатыряхъ, ввѣряемая камнямъ, у родственниковъ и потомства сохранялась въ пѣсьняхъ и изустныхъ преданіяхъ. Оружія, сосуды, украшенія, по древнему языческому обычаю, зарываемыя съ умершими и въ послѣднемъ столѣтіи найденныя во множествѣ въ родовыхъ курганахъ (Aettehoegar), не представляютъ никакихъ слѣдовъ рунъ. [150] Итакъ онѣ не были въ общемъ употребленіи во время глубокаго язычества; это очень естественно: онѣ принадлежали къ числу высшихъ знаній въ божественныхъ и человѣческихъ вещахъ; эти знанія составляли собственность тѣхъ потомковъ боговъ, власть которыхъ, какъ блюстителей храма и вождей на войнѣ и въ мирѣ, сначала основывалась на этой высшей мудрости, озаренной религіею. Странное понятіе, составленное объ этой письменности народомъ, съ нею еще незнакомымъ, особенный загадочный видъ письменъ, означавшій боговъ, или предметы природы, мудрыя изреченія, съ ними связанныя, [151] всѣ эти причины легко сообщали рунамъ значеніе чего

[148] Ср. Grimm, l. c. Въ Thesaurus Hickesii III напечатана Англосаксонская рукопись съ такими смѣшанными рунами.

[149] Отъ bauti одинаковаго значенія съ kuml, kumbel, признакъ, отсюда bautastein будетъ означать камень, поставленный въ память знаменитаго человѣка. Ср. Bartholin, Ant. Dan.

[150] Клюверъ (Norske Mindesmaerken) разсказываетъ, что въ Иттерёнѣ въ Норвегіи, въ исходѣ прошлаго столѣтія, найдены, въ одномъ военномъ курганѣ, копье, тяжелая сѣкира и трупъ воина въ полномъ вооруженіи, также трехаршинный мечъ съ рунами; но самъ Клюверъ не видалъ этихъ древностей, потому и не можетъ сообщить о нихъ никакихъ подробностей. Это извѣстіе получилъ онъ отъ одного умнаго крестьянина, который лично видѣлъ находки и разсматривалъ ихъ внимательно.

[151] O. Worm въ его Literat. Runica сообщилъ древнюю пѣсьню о названіяхъ рунъ: въ своемъ настоящемъ видѣ она не можетъ почитаться древнѣе XIII или XIV-го вѣка, но, вѣроятно, имѣетъ основаніемъ другую, древнѣйшую. Объ

то сверхъестественнаго, внушали вѣрованіе въ ихъ таинственную силу и давали имъ мѣсто въ волшебныхъ обрядахъ. Руны научали людей избѣгать опасности, заговаривать оружіе, утишать бурю, гасить пожаръ, утишать скорби. [152] Побѣдоносныя руны (Sieges-Runen) приносили побѣду, если вырѣзывались на клинкахъ мечей, нѣкоторыя на ножнахъ, другія на рукоятяхъ, при чемъ два раза призывался богъ Торъ. Приворотныя руны (Trink-Runor надписывались на самыхъ кубкахъ и на ихъ ручкахъ; руна Naud (Noth, нужда, бѣда) на днѣ ихъ; полно налитой кубокъ благословлялся; какія-то травы бросались въ ручей, если хотѣли навсегда привязать къ себѣ женщину и получить ея благосклонность. Спасительныя руны (fräls) съ призываніемъ богинь вырѣзывались на ручной кисти и имѣли силу помогать женщинамъ при родахъ. Растительныя руны (Oert) могли залѣчивать раны, если вырѣзывали ихъ на древесной корѣ и такихъ деревьяхъ въ лѣсу, которыхъ вѣтви склонялись къ востоку. Судебныя руны (mal-runen) отвращали жестокое возмездіе грознаго соперника, если обвивъ или заткавъ ихъ въ полотнѣ, разбрасывали на тингѣ, куда приходили судьи для произнесенія приговора. Svall-runor писались на мачтахъ кораблей и на веслахъ и могли сохранять отъ бурь на морѣ, при томъ обыкновенно бросали огонь на слѣды руля на водѣ, и какая бы ни была буря, избѣгали безопасно. Кто хотѣлъ отличиться отъ другихъ умомъ, долженъ былъ знать разумныя руны (Hug-Runor), произнесенныя и начертанныя Оденомъ. Онъ создалъ ихъ «изъ капель, истекшихъ изъ мозга и роговъ Нейддрепнера (исполина Имера); Оденъ стоялъ на горѣ съ пламеннымъ мечемъ въ рукахъ и шлемомъ на головѣ. Тогда голова Имера сказала первое мудрое слово и изрекла истинныя руны. Потомъ Оденъ начерталъ ихъ на щитѣ, стоявшемъ передъ нимъ, лучезарнымъ богомъ; на ушахъ Арвакера, на копытѣ Альсвинна, на колесѣ, катящемся подъ колесницею Рёгнера, на зубахъ Слейп-

---

этомъ же предметѣ есть Древне-Англосаксонское стихотвореніе, изданное Гиккезіемъ въ его Thesaurus и переведенное Гриммомъ въ его Deutsche-Runen. Гриммъ причисляетъ его къ самымъ древнимъ памятникамъ Англосаксонской Литературы: оно во всемъ носитъ отпечатокъ глубокой древности, проникнуто духомъ пѣсень Эдды и имѣетъ тѣсное родство какъ съ ними, такъ и съ древнею Исландскою пѣсьней, о которой мы упоминали выше.

[152] Rigsmal.

нера и слѣдахъ саней, на лапахъ медвѣдя, на языкѣ Браге, на когтяхъ волка, на клевѣ орла и его кровавыхъ крыльяхъ, на мостовыхъ балкахъ, на рукѣ освободителя и на слѣдахъ врача, и т. д. Всѣ эти руны были соскоблены, погружены въ священный медъ и потомъ разосланы въ дальнія дороги, однѣ къ Асамъ, другія къ Эльфамъ, нѣкоторыя къ мудрымъ Ванамъ, другія достались въ собственность людямъ (въ Маннгеймѣ). Есть книжныя руны, спасительныя, приворотныя, сильныя руны; онѣ драгоцѣнны для того, кто въ цѣльномъ и неиспорченномъ видѣ употребляетъ ихъ для своей пользы: если понимаешь ихъ, пользуйся ими, пока не ослабѣла ихъ сила». [153]

Таково поученіе, которое свѣдущая въ рунахъ Брингильда, дочь короля Будле, даетъ знаменитому герою, Сигурду Фофнерсбане, о началѣ и употребленіи рунъ. Она была мудрѣйшая изъ жещинъ; Сигурдъ отыскалъ ее на горѣ, чтобы поучаться у нея мудрости. Разумѣніе рунъ составляло главное отличіе королевскаго рода у самаго младшаго изъ осѣдлыхъ на Сѣверѣ и тамъ господствовавшихъ народовъ, воспѣтаго древнею миѳическою Ригсмаль: «Юный Конръ разумѣлъ руны, старинныя, древнія руны. . . . Онъ состязался въ этомъ знаніи съ ярломъ Ригомъ, пыталъ свои силы и вышелъ свѣдущѣе его: тогда ему дано было называться Ригомъ и быть знатокомъ рунъ.»

Это королевскій родъ, который странствовавшій подъ именемъ Рига, Аса-богъ Геймдалъ, призналъ своимъ истиннымъ поколѣніемъ и ввѣрилъ ему верховную власть въ странѣ. Отсюда видно, что руны считались наукою королей и принадлежали королевскому семейству, ведшему свой родъ отъ боговъ-Асовъ: оно ходило въ мрачныя страны и оледѣнѣлыя горы, возбуждало войну, пріобрѣтало земли и дворы, раздавало имущества, разсыпало золотые перстни и учило изящнымъ искуствамъ. Этотъ королевскій домъ былъ послѣднимъ на Сѣверѣ въ родѣ королей, который переселился съ Оденомъ. [154]

V. Но блюстители святыни на Сѣверѣ, подобно Браминамъ въ Индіи и Друидамъ въ Галліи, не составляли отдѣльнаго, замкнутаго для другихъ, общества. Соединяя въ своемъ лицѣ жреца, судію и вождя на

---

[153] Brynhild-qarvida въ старшей Эддѣ.

[154] См. Походы Викинговъ.

войнѣ, они находились въ ближайшихъ отношеніяхъ къ народу; прямымъ слѣдствіемъ того было постепенное распространеніе въ народѣ высшей мудрости, таинственныхъ знаній и письменъ, сначала тайныхъ, находившихся въ исключительномъ обладаніи поколѣнія боговъ. Употребленіе рунъ въ концѣ языческаго времени для особенныхъ начертаній, а особливо въ первомъ столѣтіи Христіянства для надписей на надгробныхъ камняхъ, предполагаетъ уже нѣкоторую извѣстность этихъ письменъ, прежде нежели они сдѣлались общею собственностью и перестали быть предметомъ тайнаго знанія однихъ мудрыхъ и высшихъ лицъ, во время младенческаго состоянія общества. Напослѣдокъ, начали писать эти таинственныя буквы на вещахъ, служившихъ для повседневнаго употребленія. Что руническіе памятники въ такой же многочисленности встрѣчаются въ главной средѣ Оденовой религіи, какъ и во всей остальной Швеціи, также въ Даніи и Норвегіи, это указываетъ на источникъ руническаго знанія. Еще спустя долгое время по введеніи Латинской азбуки, когда она употреблялась учеными и духовными, руны продолжали оставаться древними родными письменами для простыхъ и неученыхъ людей. Онѣ вырѣзывались не только на надгробныхъ памятникахъ, но и на оружіяхъ, кубкахъ, сѣкирахъ, копьяхъ и домашней утвари: ихъ употребляли вмѣсто буквъ и писали на деревянныхъ кружкахъ; исписанныя рунами камни вкладывались надъ дверями, или въ стѣнахъ домовъ, для означенія, когда и кѣмъ они построены; старинные каменные межевые столбы, съ именами владѣльцевъ, имѣютъ руническія надписи и сохранились до нашего времени. До насъ дошли отъ XIV-го вѣка законы Сканіи и двѣ древнія родословныя Датскихъ королей, написанныя рунами. [156] Кромѣ свѣтскаго, руны имѣли и духовное употребленіе: и въ Христіянское время ихъ нашивали на завѣсы алтарей, чертили на колоколахъ, внутреннихъ и наружныхъ церковныхъ стѣнахъ, на металлическихъ кольцахъ, прибиваемыхъ къ вратамъ церквей,

---

[156] Olaus Petri (въ его Sv. Chr.) упоминаетъ, что въ древнихъ законахъ, какъ и въ другихъ рукописныхъ Шведскихъ книгахъ, руническія буквы перемѣшаны съ Латинскими. Въ различныхъ, дошедшихъ до насъ, спискахъ областныхъ законовъ, также въ актахъ временъ Фолькунговъ, руна Þ еще сохранилась; въ Латинской азбукѣ не было буквы, соотвѣтствовавшей ея твердому звуку. Ср. Jhre, Dissert. de Runarum in Svecia occasu.

на потирахъ и дискосахъ, купеляхъ и кадилахъ. Не рѣдко, особливо на надгробныхъ камняхъ и колоколахъ, находятся двойныя надписи, руническая и Латинская, даже попадаются надписи изъ Латинскихъ и руническихъ буквъ, а это показываетъ, что и духовные иногда пользовались рунами, какъ народными письменами.

Почти всѣ, до сихъ поръ извѣстные и дошедшіе до насъ, руническіе памятники принадлежатъ временамъ Олофа Скётконунга и его сыновей, также Сверкера и Эрика, то есть, X, XI и XII-му столѣтіямъ: этотъ отдѣлъ времени собственно можно назвать временемъ руническихъ памятниковъ. Въ ту пору, когда уже Христіянство введено было повсемѣстно, большею частію соблюдался оставшійся отъ язычества обычай ставить надгробные камни.[156] Въ продолженіи всего XIV-го вѣка такіе памятники еще были въ употребленіи: для надписей на нихъ, какъ и на домашней и церковной утвари, все еще пользовались рунами, однако жь, съ каждымъ годомъ менѣе. Часто вмѣшивали между этими буквами Латинскія, входившія въ употребленіе. Послѣднія мало по малу вытѣснили руническую азбуку, бѣдную гласными и слишкомъ неудобную для усовершенствованной письменности. Въ XVI вѣкѣ рѣдко уже встрѣчаются слѣды руническаго письма, а въ XVII имъ пользовались для тайныхъ наставленій. У однихъ Далекарлійцевъ, которые вообще долѣе прочихъ Шведовъ остались вѣрными обычаямъ и воспоминаніямъ старины, руны употреблялись долго: тамъ онѣ оставлены только въ исходѣ XVII столѣтія; однако жъ, еще въ половинѣ XVIII жители Далекарлійскаго города Эльфдалена для письменныхъ сношеній пользовались рунической азбукой, умноженной Латинскими буквами. Даже и нынѣ для подписей пользуются рунами не только во многихъ приходахъ Далекарліи, но и въ Готландѣ.[157]

VI. Во время общей извѣстности рунъ изобрѣтены различные искуственные роды ихъ для тайнаго употребленія и остроумныхъ загадокъ (шарадъ). Мы еще прежде говорили, что Скандинавы очень уважали такія упражненія. Простыя составныя части рунъ легче допускали такое разнообразіе: каждая руна состояла изъ палочки I

---

[156] Самый младшій изъ извѣстныхъ до сихъ поръ руническихъ камней, какъ думаютъ, принадлежитъ XIII столѣтію.

[157] Ср. Liljegren, Run-Laera.

и отличительной черты для каждой буквы, проведенной въ различномъ направленіи и на различной высотѣ, длина была также неодинакова. Такимъ образомъ появились обратныя руны, Yaerde-Runor, въ чертою въ прямомъ направленіи къ палочкѣ, но на противоположномъ ея концѣ.[158] Другія назывались Stop-Runen, руны въ образномъ направленіи, сверхъ внизъ. Еще искуственнѣе были связныя руны. Samstafva, въ коихъ къ палочкѣ прикрѣплялось нѣсколько черть разныхъ рунъ съ такою замысловатостью, что фигура руна заключала въ себѣ, по нѣскольку словъ. Новая Исландцы называютъ, эту вязь Böns, или Limmgar, ряны-петли, ихъ много видовъ, каковы: Vafirn, Masches-Runor, и т. п., связанныя такимъ образомъ, что походили на клѣтки въ сѣтяхъ, и много другихъ, принадлежавшихъ къ числу замысловатыхъ, тайныхъ азбукъ. У Исландцевъ такихъ различныхъ родовъ упоминается до 30-ти. Этими рунами написано письмо отъ одного друга къ Снорре Стурлесону, предостерегавшее его отъ опаснаго нападенія, затѣваемаго врагами. Стурлесонъ, почитавшійся мудрецомъ между Исландцами, и другіе, у него находившіеся, могли прочитать въ этомъ письмѣ только 7-мь рунъ. Не принявъ мѣръ для защиты, Стурлесонъ палъ. Сага называетъ такія руны посохомъ нищаго (Stafkarlaletr).[159] Главный признакъ ихъ тотъ, что на одной, очень длинной, палочкѣ проводились отличительныя черточки многихъ рунъ. Другой родъ составляли, такъ называемыя, Гельсингскія руны, онѣ писались особеннымъ образомъ: главная черта, или палочка, опускалась и оставались только однѣ отличающія черточки. Названіе Гельсингскихъ онѣ получили отъ того, что сначала открыты были въ Гельсингландѣ, на пяти древнихъ памятникахъ, и долго оставались загадкою для ученыхъ, почитаясь таинственными письменами. Наконецъ, въ 1675 году, ученый Магнусъ Цельсій нашелъ ключъ къ ихъ чтенію и объяснилъ надписи. Былъ еще особенный вензеловой (Villo-Runor) родъ употребленія рунъ; тамъ каждая руна могла быть употреблена вмѣсто всей азбуки, которая раздѣлялась на нѣсколько частей (Flocken) или видовъ; видовой

---

158 «Такой способъ черченія рунъ, по замѣчанію Лиліегрена, l. c., употреблялся на руническихъ камняхъ для выраженія чего ни будь особенно замѣчательнаго въ словахъ, или понятіяхъ, и соотвѣтствовалъ нашему курсиву.»

159 Sturlunga saga.

признакъ (Aettmärke), (т. е., нѣкоторыя черточки для означенія вида, къ которому принадлежала руна) ставился съ одной стороны главной черты, признакъ порядка (т. е., черточка, означавшая мѣсто, которое занимала руна въ числѣ буквъ ея вида) съ другой стороны. [160] И этотъ родъ подвергнулся разнымъ видоизмѣненіямъ, частію по различію признаковъ вида и порядка, частію по причинѣ неодинаковаго дѣленія рунической азбуки, наконецъ и по другимъ произвольнымъ отличіямъ, такъ что руническое письмо дѣйствительно сдѣлалось вензеловымъ, вязью, труднымъ для объясненія и, кажется, невозможнымъ безъ особенныхъ указаній. Но и такія руны употреблялись въ надписяхъ надгробныхъ камней, поставленныхъ для сохраненія воспоминанія объ умершемъ у современниковъ и потомства; слѣдовательно, всякой могъ понимать эти надписи, и руны ихъ не были тайными и незнакомыми письменами. Это указываетъ на такое время, когда и тайныя, замысловатыя руны были извѣстны, или, по крайней мѣрѣ, требовалось не много остроумія, чтобы понимать ихъ. Кажется что онѣ изобрѣтены не въ позднѣйшее время общаго употребленія рунъ; слѣды этихъ замысловатыхъ письменъ

---

160 Для объясненія надобно прибавить, что, по обыкновенному раздѣленію рунической азбуки на три рода, шесть первыхъ рунъ его ᚠ, ᚢ, ᚦ, ᚬ, ᚱ, ᚴ, (F, u, th, o, r, k) причислялись къ первому роду и назывались родомъ Фрея; пять слѣдующихъ ᚼ ᚾ ᛁ ᛅ ᛋ (H, n, i, a, s) ко второму роду, называвшемуся родомъ Гагеля, пять остальныхъ ᛏ ᛒ ᛚ ᛘ ᛦ (t, b, l, m, ӯ) къ третьему роду Тира; роды назывались по первой, начальной буквѣ въ нихъ. Первый родъ означается одною черточкою налѣво отъ главной рунической черты /, второй двумя //, третій тремя ///; черточки съ правой стороны означали мѣсто, занимаемое руною въ родѣ: одна черточка первую руну, двѣ вторую и т. д. По этому способу три слѣдующія начертанія [руна] [руна] [руна] все равно что ᛁ ᚬ ᚾ (Jon), потому что первое означало [руна] третью руну во второмъ родѣ, т. е. ᛁ (J); начертаніе [руна] означало четвертую руну въ первомъ родѣ, т. е., ᚬ (O); послѣднее [руна] означало вторую руну втораго рода, то есть ᚾ (N). Не только на письмѣ, но и въ разговорѣ употреблялся этотъ способъ: признаки рода и порядка замѣнялись тѣлодвиженіями: поднятый къ верху палецъ лѣвой руки служилъ признакомъ рода, а пальцы правой означали мѣста, занимаемыя рунами въ родѣ. Такъ называемыя руны съ ударомъ были не что иное, какъ подобный же образъ выраженія: число ударовъ по одной рукѣ означало родъ, а по другой мѣсто, занимаемое въ немъ руною. Такъ могли разговаривать съ помощію пальцевъ, или ударовъ по рукамъ. См. Liljegren, Run-laera.

встрѣчаются еще въ X вѣкѣ; въ Сентъ-Галленѣ сохранилась пергаментная рукопись того столѣтія, которая, сообщая намъ двѣ Нѣмецкія руническія азбуки, говоритъ, что они также принадлежали къ числу тайныхъ письменъ. [161] Этому же столѣтію принадлежитъ Исландская Эйгиль-сага, гдѣ есть разсказъ, что Эйгиль, приглашенный къ болѣзненному одру одной дѣвушки, нашелъ у нея подъ изголовьемъ рыбью кость, исписанную какими-то странными буквами: каждая составляла цѣлое слово. Разсмотрѣвъ ихъ, Эйгиль нашелъ, что писавшій имѣлъ намѣреніе привязать къ себѣ дѣвушку, но что эти буквы можно толковать различно: они могли означать совсѣмъ другія слова и имѣть иной смыслъ, нежели какой давалъ имъ писавшій, отъ того и дѣйствіе ихъ оказалось совсѣмъ не то, какого онъ ожидалъ, и дѣвушка, вмѣсто того, чтобы влюбиться, сдѣлалась больна. «Не должно, сказалъ Эйгиль, писать такія двусмысленныя руны неопытной рукѣ: это можетъ причинить вредъ.» Въ то языческое время, когда знаніе письменъ принадлежало однимъ главнымъ лицамъ въ обществѣ, и простые люди считали его тайною наукою, находящеюся въ связи съ высшими существами, волшебное употребленіе рунъ, вѣроятно, состояло въ простыхъ описаніяхъ тѣхъ дѣйствій, которыя хотѣли произвести, или отвратить, этими письменами. [162] Когда же знаніе рунъ мало по малу стало общеизвѣстнымъ, и онѣ постепенно освободились отъ облекавшей ихъ таинственности, тогда получили начало тѣ замысловатые роды рунъ, о которыхъ мы говорили; въ волшебныхъ обрядахъ онѣ заступили мѣсто обыкновенныхъ, потому что вѣрованіе въ силу рунъ укоренилось глубоко, волшебная таинственность, въ которую знатоки рунъ умѣли облекать всѣ свои дѣйствія, при томъ значеніе этихъ запутанныхъ рунъ въ глазахъ толпы, подозрѣвавшей въ нихъ вели-

---

[161] См. у Гримма, l. c.

[162] Это объясняется стариннымъ стихотвореніемъ Godrunar-harmar въ старшей Эддѣ, гдѣ говорится о приготовленіи отворотнаго зелья для Гудруны:

Никакъ я не могла понять
Всѣ начертанія на этомъ кубкѣ:
То будто жало длинное змѣи (описаніе руны ᛋ (S),
То словно пасть раскрытая у звѣря (руна ᚠ (F),
То будто колосъ, на поляхъ растущій (руна ᚢ (U).

кія тайны, все это поддерживало старинное народное вѣрованіе въ возможность чудесныхъ дѣйствій и чрезвычайныхъ вещей для тѣхъ лицъ, которыя посвящены въ таинства рунической письменности. Отсюда волшебныя руны и тайное руническое чародѣйство, о чемъ такъ часто говорятъ саги. Долгое время, въ средніе вѣка, какъ и въ пору язычества, руны были орудіемъ различныхъ суевѣрій: въ умахъ народа не легко изглаживаются всякія внушенія древней его религіи; при томъ человѣческая природа такъ любитъ подозрѣвать какія-то невидимыя, таинственныя силы.

ОТДѢЛЕНІЕ ПЯТОЕ.

РЕЛИГІОЗНЫЯ ВѢРОВАНІЯ НА СѢВЕРѢ.

I. Народы, въ своемъ младенчествѣ, не постигая законовъ природы и внутренней связи между предметами, всегда подозрѣвали участіе живыхъ существъ вездѣ, гдѣ замѣчали дѣйствующія силы, и олицетворяли природу. И древніе Норманны, подобно Пиѳагорейцамъ, наполняли весь міръ особенными духовными существами. Моря, рѣки, ручьи населялись богами и нимфами; земли, области, дворы, племена, семейства, отдѣльныя лица имѣли своихъ Vätten

Изъ этихъ трехъ рунъ составляется слово suf (sof), приказаніе спать: но если читать наоборотъ, то выйдетъ fus, т. е., расположеніе къ чему нибудь; если прочесть обоими способами, то составится suf-fus, расположеніе ко сну: это-то и хотѣли произвести чародѣйствомъ. Такимъ же образомъ побѣдоносная руна ↑ (Tyr) употреблялась для возбужденія храбрости, руна (Naud, нужда) совѣтовала быть осторожнымъ; слѣдовательно, обѣ символическія. Ср. Liljegren, Run-laera.

хранительныхъ духовъ, болѣе или менѣе сильныхъ, которымъ вообще приписывались тѣ же качества, какія Греки давали своимъ демонамъ. Въ народныхъ вѣрованіяхъ Норманновъ еще жили тѣ враждебныя силы и первобытные обитатели страны, съ которыми Готы и Асы вели большія войны, и продолжали находиться въ особенныхъ отношеніяхъ, съ ними какъ съ миѳическими лицами. Прогнанные могучимъ Торомъ въ лѣса и пустыни, Іотнійскія племена, враждебныя Асамъ, обратились, въ народныхъ вѣрованіяхъ, въ чудовища и привидѣнія, которыя боялись дневнаго свѣта и жили въ ущеліяхъ горъ и глубинахъ земли, какъ сверхъестественныя лица, причинявшія людямъ всякое зло. Въ нѣдрахъ земли жили злые эльфы, чернѣе смолы, ихъ стихіи; въ пещерахъ и каменныхъ разсѣлинахъ обитали карлы.

Эти сверхъестественныя существа, духи и привидѣнія занимаютъ важное мѣсто въ сагахъ древняго Сѣвера. Имъ приписывали всѣ внезапные случаи и всѣ явленія природы, причины которыхъ не знали и не умѣли объяснить. Сильная продолжительная буря, противный вѣтръ толковались, какъ злыя дѣйствія невидимыхъ духовъ. Если дѣлали промахъ въ ударѣ на сраженіи, то думали, что они заговорили оружіе; всякой необыкновенный случай зависѣлъ отъ ихъ вліянія. Самые непріязненные изъ нихъ, обитавшіе подъ землею, въ лѣсахъ, водахъ и горахъ, только и искали случая, чтобы посмѣяться надъ людьми и дѣлать зло имъ; ихъ замыслы считали тѣмъ опаснѣе, что сами они оставались невидимыми, и ни какое оружіе имъ не могло вредить. Ихъ благосклонность была непостоянна, а ненависть непримирима. Рѣдко сдавались они на просьбы; но волшебными пѣснями и другими средствами можно было принуждать ихъ; думали, что нѣкоторые люди знаютъ искуство повелѣвать этими существами. Отсюда многія волшебныя дѣйствія, чародѣйства и заговоры. Въ старину думали, что люди, посвященные въ тайны волшебныхъ наукъ, могли на другихъ людей напускать злыхъ духовъ отнимать у нихъ зрѣніе, притуплять оружіе и подвергать разнымъ другимъ несчастіямъ. Эти же люди могли дѣлать себя и своихъ друзей невредимыми отъ всякой раны и оружія, и сообщать чародѣйную силу своимъ оружіямъ; могли поднять сильную бурю и грозу, перемѣнять вѣтеръ, гасить огонь, вызывать изъ могилъ мертвыхъ, пророчить будущее и совершать другія чудесныя дѣла. Все это дѣлали посредствомъ волшебныхъ рунъ, волшебныхъ пѣсень

(Galdrar) земля, [163] и самаго сильнаго средства изъ всѣхъ чарованій. Руны съ большою таинственностію и съ волшебными кривляніями вырѣзывались на полкахъ, кускахъ и другой домашней утвари; каждая руна имѣла свою тайную силу и требовала особеннаго искуства при вырѣзываніи, потому что малѣйшая ошибка въ соединенныхъ съ тѣмъ обрядахъ легко могла произвести дѣйствіе, совсѣмъ противное. Волшебныя пѣсьни, употребляемыя для заклинанія подземныхъ силъ, были, можетъ быть, отрывки или искаженія старинныхъ пѣснопѣній во славу боговъ. Но зелье, [164] вѣроятно, простой отваръ изъ травъ для какого ни будь врачебнаго употребленія, получало волшебное качество отъ того, что цѣлебная сила нѣкоторыхъ травъ для многихъ оставалась тайною, и невѣжды вѣрили, что вредныя и полезныяс войства сообщались подобнымъ лѣкарствамъ таинственными существами. Внутреннія болѣзни случались рѣдко; но никогда не было недостатка въ людяхъ, умѣвшихъ пользоваться суевѣріемъ и невѣжествомъ толпы и дѣйствовать таинственными приготовленіями на ея воображеніе; потому и зелье почиталось сильнѣйшимъ волшебнымъ средствомъ. Усиленное рунами и волшебными пѣсьнями, оно производило разныя неотразимыя дѣйствія на всѣхъ, кто не зналъ хорошо такихъ рунъ, какими можно бы было обратить волшебство на гибель самимъ волшебникамъ. Одна старинная пѣсьня сохранила намъ описаніе напитка забвенія (отворотнаго зелья). Его приготовили для Гудруны и поднесли ей для того, чтобы она забыла Сигурда и полюбила Атле, о чемъ сама она разсказываетъ въ слѣдующихъ стихахъ:

Гримгильда мнѣ изъ кубка пить дала:
То былъ напитокъ горькій и холодный.
Я выпила, и ненависть забыла;
Тамъ силой чародѣйной налита
Была холодная вода забвенья.
Ни какъ я не могла растолковать,
Что за фигуры странныя на кубкѣ!
А цвѣта всѣ багроваго, какъ кровь.
То будто жало длинное змѣи,
То словно пасть раскрытая у звѣря,

---

[163] Отъ gala, пѣть.

[164] Seide производ. отъ sida, seida, sioda (sieden), кипѣть, варить.

То будто колосъ, на поляхъ растущій.
А въ кубкѣ много вреднаго такого!
Изъ разныхъ лѣсовъ травы, желудь,
Роса, упавшая случайно на очагъ,
И внутренности жертвенныхъ звѣрей,
И печень борова сварены вмѣстѣ:
Все это гонитъ ненависть изъ сердца. [165]

Всякая религія въ древности имѣла свои таинственные обряды, посредствомъ которыхъ міръ духовный приводила въ соприкосновеніе съ здѣшнимъ міромъ. Азія — первобытная родина всякихъ вѣрованій въ предсказанія, ворожбу и заклинанія. Отличительное качество Сѣвера въ этомъ отношеніи состоитъ въ томъ, что здѣсь волшебною наукою занимались преимущественно женщины. Особливо ворожба посредствомъ зелья была ихъ исключительнымъ занятіемъ, которое, можетъ быть, по тому казалось опаснымъ для мужчинъ, что причиняло болѣзни, лишало силъ, разсудка и вообще имѣло вредное вліяніе на тѣло; при томъ его приготовленіе соединяло въ себѣ столько гнуснаго, что мужчины стыдились заниматься такимъ дѣломъ. [166] Такія ворожеи назывались Seidkonor или Galdraconor; но кромѣ ихъ, многія знатныя, по званію и происхожденію, женщины знали тайны волшебства, умѣли при случаѣ пользоваться ими и передавали свои знанія дочерямъ и другимъ, кому это нужно было. Считали необходимостію сколько ни будь знать эти тайны, чтобы предостеречь себя отъ нихъ и, въ крайнемъ случаѣ, чары отразить чарами. Были и мужчины, занимавшіеся тѣмъ же ремесломъ во времена Гаральда Гарфагера; число ихъ до того умножилось въ Норвегіи, что Гаральдъ, ненавидѣвшій всякую ворожбу, велѣлъ сжечь разомъ 30 волшебниковъ, и въ числѣ ихъ своего роднаго сына, Рагнвальда. [167] Олофъ Триггвасонъ сожегъ ихъ тоже много. [168] Чѣмъ ближе къ полюсу, тѣмъ чародѣйство зловреднѣе: Чудь (подъ именемъ которыхъ разумѣли въ старину и Лапонцевъ), по общему мнѣнію превосходили всѣхъ въ волшебныхъ знаніяхъ. Они могли ѣздить въ другія земли съ душою человѣка и узнавать отъ нея разныя тайны, между тѣмъ какъ его тѣло оставалось неподвижнымъ, какъ

[165] Godrunar-harmr (St. 21—23).
[166] Yngl. saga.
[167] Harald Harfag. saga, у Снорре Стурлесона.
[168] Ol. Tryggv. saga, у Снорре Стурлесона.

трупъ, и никто не смѣлъ тогда нарушать страшный покой его.[169] Замѣчательно, что вѣра въ волшебство и способы ворожбы у Норманновъ своимъ рѣзкимъ сходствомъ напоминаютъ то же самое у шамановъ въ Азіи, ангекоковъ въ Гренландіи и въ другихъ полярныхъ странахъ.

II. Подобно Грекамъ Гомерова времени, древніе Норманны вѣрили во всесильную судьбу, властвующую надъ богами и міромъ по ея неизмѣннымъ уставамъ. Никакая сила, никакой разумъ не могутъ ей противиться. По словамъ одного изыскателя древностей, каждая древняя сага есть развитіе этой мысли.[170] Каждый изъ воиновъ древняго Сѣвера своимъ образомъ дѣйствій и мыслей выражалъ то убѣжденіе, что все происходитъ по законамъ судьбы, какія бы ни встрѣчались препятствія. «Я не считаю того за невозможное, если такъ опредѣлила судьба», говорилъ Гаральдъ Гарфагеръ Ингемунду Торстенсону, когда этотъ открылъ королю предсказаніе Чудской ворожеи, что онъ, Ингемундъ, нѣкогда покинетъ свое родовое помѣстье въ Норвегіи и поѣдетъ въ Исландію: «Никто, прибавилъ король, не избѣгнетъ участи, назначенной рокомъ.»[171] «Замѣчательна, говорится въ другой древней сагѣ,[172] участь Кіартана и нѣкоторыхъ его родственниковъ, — и надобно жалѣть, что всѣ мы безсильны предъ назначенною участію.» Какъ глубоко укоренилась вѣра въ тайную власть судьбы, доказываютъ многія поговорки въ сагахъ и пѣсняхъ, въ родѣ слѣдующихъ: «Ни къ чему не поведетъ сопротивленіе судьбѣ». — «Никто дальше не пойдетъ, если судьба не захочетъ.» — «Опредѣленіе судьбы хоть не скоро придетъ, но никогда не минуетъ». — «Своей судьбы не избѣгнешь». — «Никому нѣтъ прибыли сражаться съ рокомъ, какъ пѣлъ умирающій Ёрваръ Оддъ:

Ни какъ я не скрою
Отъ храбраго мужа,
Что пользы не будетъ
Въ бореньи съ судьбою!»[173]

---

[169] Vatnsdaela saga.

[170] Liljegren въ объясненіяхъ къ Oervar Oedd's saga.

[171] Vatnsdaela saga.

[172] Olof Trygg. saga (Копенг. изданіе, которое всегда надобно разумѣть, если не приводится словъ: у Снорре Стурлесона).

[173] Oervr. Odd. saga.

Эта вѣра внушала Норманнамъ дѣятельность и смѣлость на всѣ великіе подвиги. Поручая себя судьбѣ и невидимымъ силамъ, они презирали опасности, въ полной увѣренности, что съ ними случится только то, что назначено рокомъ. Когда чародѣйка Гридаръ съ разными угрозами держитъ надъ головою Иллуга обнаженный мечъ, этотъ Норманнъ спокойно говоритъ ей: «Мое сердце никогда не было доступно страху, и я пришелъ сюда по волѣ судьбы; никто не умираетъ больше одного раза, отъ того меня не испугаютъ твои угрозы и страшныя гримасы!» [174] Въ томъ же духѣ заставляетъ сага говорить короля Викера, когда положили ему змѣю на шею: «Этотъ приговоръ не страшнѣе того, чѣмъ кажется, потому я не жду отъ него никакого вреда; въ противномъ случаѣ судьбѣ извѣстно, что изъ него выйдетъ.» [175] Таковъ вообще былъ духъ Норманновъ; храбро сражались они съ врагами и силою отражали силу; но бѣдствія, посылаемыя судьбою, переносили мужественно, потому что нельзя было измѣнить ихъ. Смерть въ ихъ глазахъ не представляла ничего ужаснаго: она не была окончаніемъ жизни, которая продолжается въ другомъ свѣтѣ. [176] У Одена, въ Валгаллѣ, пируютъ падшіе отъ меча воины, пьютъ вмѣстѣ съ Асами медъ и ѣдятъ никогда не убывающаго вепря. [177] Сѣверный воинъ смотрѣлъ на смерть не съ той безотрадною скорбію, какою проникнуты слѣдующія слова Ахилла Одиссею:

«О Одиссей, утѣшенія въ смерти мнѣ дать не надѣйся:
Лучше бъ хотѣлъ я живой, какъ поденщикъ, работая въ полѣ,
Службой у бѣднаго пахаря хлѣбъ добывать свой насущный,
Нежели здѣсь надъ бездушными мертвыми царствовать мертвый.» [178]

Другое, болѣе свѣтлое мнѣніе о жизни и смерти, слышится въ пѣсняхъ Скандинавскихъ Скальдовъ: вѣрованіе въ будущую жизнь не казалось для нихъ одной сладкой мечтою Гальскихъ Друидовъ

[174] Illuge Grydarfostres saga.

[175] Goetriks и Rolfs saga.

[176] Жду кончины я прекрасной,
Чтобъ явиться въ свѣтъ иной.
Atlamal въ старшей Эддѣ.

[177] Такъ называется кабанъ, котораго каждый день варятъ, но къ вечеру онъ опять цѣлый и можетъ накормить всѣхъ падшихъ воиновъ Валгаллы.

[178] Гомера Одиссея, XI, 487 и слѣд., перев. Жуковскаго.

и Бардовъ, какъ говоритъ одинъ безнадежный Римскій поэтъ: Вы учите, Друиды, что никогда тѣни не переходятъ въ безмолвный Эребъ, и никогда не видятъ темной страны Плутона, и что въ другомъ мірѣ тотъ же духъ оживляетъ члены: если ваши пѣсьни справедливы,—смерть есть только половина жизни человѣка. О народы Полюса! Сладкая мечта составляетъ ваше блаженство: вы не знаете самой величайшей изъ мукъ — страха уничтоженія. Вотъ почему человѣкъ съ такою отвагою кидается на грозящій мечь. Его не пугаетъ мысль о смерти. Да и кто станетъ беречь душу, которая не на вѣчно улетаетъ изъ тѣла?»[179]

Ученіе о неизбѣжной судьбѣ и замогильной жизни, лучшей не жели настоящая, могло воспитывать героевъ, которыхъ душа была выше всякаго страха, всякой опасности. Тѣмъ объясняется гордое презрѣніе смерти и часто безразсудная игра жизнію и опасностями, составляющія главную черту въ духѣ Норманновъ. Провожая на корабль сына, отецъ спрашивалъ его: «Какъ ты будешь вести себя въ битвѣ, если узнаешь, что долженъ пасть въ ней?» — «Не жалѣя себя, я стану рубить обѣими руками,» отвѣчалъ юноша.» — «А когда тебѣ скажутъ, что ты останешься живъ?» — «Тогда мнѣ и не надобно беречь себя, пойду впередъ, сколько будетъ можно.» — Эти слова понравились старику, и онъ ободрялъ сына слѣдующими словами: «Будь смѣлъ и твердъ во всякихъ испытаніяхъ, потому что слава и доброе имя дольше всего живутъ на свѣтѣ. Въ какое бы сраженіе ты ни шелъ, съ тобою можетъ случиться что ни будь одно: или падешь, или уцѣлѣешь; но будь увѣренъ, что все опредѣлено заранѣе: смерть къ тому не приходитъ, кому не назначено умереть,—

---

179 Vobis autoribus, umbrae.
Haud tacitas Erebi sedes Ditisque profandi
Pallida regna petunt: regit idem spiritus artus
Orbe alio: longae (canitis si cognita) vitae
Mors media est. Certe populi, quos despicit arctos,
Felices errore suo, quos ille timorum
Maximus haud urget leti metus. Inde ruendi
In ferrum mens prona viris, animaeque capaces
Mortis, et ignavum rediturae parcere vitae.

Lucani Pharsalia, Lib I.

и никто не можетъ, спасти того, чье время пришло: многіе погибаютъ и въ бѣгствѣ. [180] Такъ пѣлъ и Сигурдъ, когда Брингильда предложила ему выборъ:

Не бѣгу отъ тебя,
Хоть и знала бы ты
Часъ кончины моей:
Я не трусомъ рожденъ. [181]

Воспитанные въ такихъ вѣрованіяхъ, Норманны шли спокойно на встрѣчу ожидавшей ихъ судьбѣ, стараясь только о томъ, чтобы подвигами снискать себѣ славное имя у родныхъ, друзей и потомства:

Великое имя витязей насъ ждетъ,
Хотя и падемъ на сраженьи;
И съ вечеромъ дня не увидится тотъ,
Кому таково назначенье. [182]

Такъ сказано въ одной древней сагѣ о сыновьяхъ Гюка:

Кипѣло отвагой
Безстрашное сердце
Князей молодыхъ:
Могла ли родиться
Тяжелая дума
О гибели ихъ?
А сильныя Норны
По волѣ Одена
Исчислили лѣта
Гюка сыновъ.
Избѣгнуть судьбины
Никто не старайся;
Въ забвеніи счастья
Сердцу не ввѣряйся!» [183]

Урдъ, Верданде и Скульдъ (настоящее, прошедшее и будущее) были три всевѣдущія и смѣлыя дѣвы, называемыя Норнами и жившія въ чертогахъ Одена подъ сѣнію вяза Иггдрасилъ, на берегу

---

[180] Sverr. saga.
[181] Brynhildar quida I.
[182] Hamdis-mal въ старшей Эддѣ.
[183] Gunnars-slagr.

Урда, чудеснаго и таинственнаго ручья. Онѣ располагали участью всѣхъ вещей и назначали людямъ срокъ жизни. [184] Ихъ опредѣленія были неизбѣжны:

«Хоть и тяжко страдать —
Не дерзай возставать
Противъ Урды суровой рѣшенья». [185]

Скульдъ, младшая изъ Норнъ, съ Валькиріями, Гунною и Ротою, посылалась Оденомъ во всѣ сраженія, чтобы избирать воиновъ, которые будутъ убиты: кого не выбрали эти дѣвы, срокъ того еще не пришелъ, потому что

«Всѣмъ урочное время дано. . . .» [186]

III. Всякій человѣкъ, по мнѣнію Скандинавовъ, имѣлъ своихъ хранителей-геніевъ. [187] Они являлись къ младенцу при его рожденіи, назначали поприще его жизни; потомъ не разлучались съ нимъ и охраняли его; почему саги и называютъ ихъ Фильгіоры, — геніи спутники. По различію людей, они были различны: сильные, даровитые и знатные имѣли сильнѣйшихъ духовъ-спутниковъ; но чѣмъ менѣе отличался человѣкъ происхожденіемъ и способностями, чѣмъ ограниченѣе былъ кругъ его дѣйствій, тѣмъ безсильнѣе были его фильгіоры. Они являлись людямъ обыкновенно въ видѣ птицъ и звѣрей, не рѣдко въ видѣ женщинъ, или принимали другой какой ни будь образъ. Фильгіоры знаменитыхъ вождей и храбрыхъ воиновъ являлись въ видѣ медвѣдей, орловъ, вепрей и другихъ благородныхъ и сильныхъ звѣрей. Чѣмъ отличнѣе былъ человѣкъ по происхожденію и качествамъ, тѣмъ благороднѣе образъ, подъ которымъ является его Фильгіоръ. Отъ того волки, лисицы и змѣи означали злыхъ, лукавыхъ

---

[184] Ср. соч. Швед. истор. ч. I, стр. 169 и слѣд.

[185] Fjoelsvinus-mal, въ старшей Эддѣ.

[186] Skirnis-foer въ старшей Эддѣ.

[187] Въ Эддѣ онѣ называются Норнами, потому что, кромѣ трехъ великихъ Норнъ, Урды, Верданды и Скульды, въ рукахъ которыхъ судьба всего земнаго, были еще другія Норны, присутствовавшія при рожденіи младенца, чтобы назначать ему время жизни: однѣ изъ поколѣнія боговъ, другія изъ рода эльфовъ, а третьяго рода Норны изъ породы карликовъ.» Gylfaginning.

людей, похожихъ свойствами и склонностями на тѣхъ животныхъ, въ образѣ которыхъ являлись ихъ спутники. Фильгіоры были двухъ родовъ: добрые, виновники всякаго счастія и защитники въ опасностяхъ, и злые, приносившіе бѣдствіе и погибель. [188] Если особенное счастіе сопровождало всѣ предпріятія человѣка и давало ему перевѣсъ во всѣхъ битвахъ, то думали, что причиною того были его сильное Фильгіоры. Въ Исландіи почитали опаснымъ всякое соперничество съ сыновьями Ингемунда, потому что эти братья имѣли сильныхъ фильгіоровъ. [189] Кялакъ совѣтовалъ Стейнульфу жить въ дружбѣ съ Тореромъ, въ противномъ же случаѣ плохо придется ему: «Твои Фильгіоры, говорилъ онъ, не справятся съ его Фильгіорами.» [190] Сигмундъ, сынъ Вольсунга, на всѣхъ сраженіяхъ бывалъ впереди войска безъ щита и брони, и стрѣлы и копья летали кругомъ его, однако жь онъ оставался невредимъ, потому что его охраняли вѣщія богини (Spådisor). [191]

Одни и тѣ же Фильгіоры и одинаковое счастіе не рѣдко сопутствовали цѣлому поколѣнію, или семейству, почему такіе геніи назывались родовыми, семейными геніями (Acttarfylgior, Kynfylgior). Особливо думали, что короли, происходившіе отъ боговъ и имѣвшіе съ ними сношенія, одарены чрезвычайнымъ счастіемъ, которое они могли передавать своимъ воинамъ и друзьямъ. Этимъ объясняются многочисленные случаи въ сагахъ, что воины, готовясь въ опасное предпріятіе, просятъ себѣ счастія у своихъ королей и несомнѣнно вѣрятъ въ него. Такъ Исландскій скальдъ, Гяльте Скеггасонъ, вознамѣрясь проводить Біорна въ опасной поѣздкѣ въ Свитіодъ, съ цѣлію заключить миръ между Шведами и Норвежцами, явился къ королю Олофу Дигру и сказалъ: «Намъ чрезвычайно нужно, чтобы ты отпустилъ съ нами свое счастье въ эту поѣздку.» [192] Въ томъ же смыслѣ отвѣчалъ Торвальдъ королю Олофу Триггвасону, когда тотъ приказывалъ ему взять съ собою больше людей для одного предпріятія: «Ваше счастье, Государь, поможетъ намъ лучше нѣ-

---

188 Gylfaginning въ младшей Эддѣ.
189 Vatnsdaela saga.
190 Guldthorers saga, привод. Лиліегреномъ въ объясненіяхъ къ Oerv. Odd saga.
191 Volsunga saga.
192 Ср. соч Шведск. ист. ч. I, стр. 392.

скольких человѣкъ!» [193] По этой же причинѣ Исландецъ Грисъ радъ былъ, что поединокъ его съ скальдомъ Галлфредомъ не состоялся, «такъ какъ счастье короля (Олофа Триггвасона) не премѣнно благопріятствовало бы ему»; а когда этотъ же Галлфредъ, напавши нежданно на Торлейфа Мудраго, одолѣлъ его и выкололъ ему одинъ глазъ, Торлейфъ вскричалъ: «Не ты одинъ это сдѣлалъ: счастье короля помогло тебѣ.» [194] Даже отецъ могъ передавать одному изъ сыновей свое и цѣлаго рода счастье. Исландецъ Гёскульдъ хотѣлъ раздѣлить наслѣдство между законными сыновьями и побочнымъ, Олофомъ Паа, но одинъ изъ нихъ на то не согласился; тогда Гёскульдъ отдалъ побочному подарки, стоившіе не больше двухъ грошей, но съ ними соединялось счастіе всего рода. Aettargipt, [195] семейное счастіе, бывшее наслѣдственнымъ въ родѣ. Вѣрили, что счастіе и добрый геній неразлучны съ какимъ ни.будь именемъ, особливо, если это было почетное родовое имя; вотъ почему Торстенъ Кетильсонъ, когда принесли ему первенца сына, назвалъ его по имени дѣда съ материей стороны, потому что это имя, — сказалъ онъ, принесетъ ему благополучіе. [196] Счастіе, по вѣрованіямъ Норманновъ, не разлучалось съ нѣкоторою родовою собственностію, особенно съ мечами. Изъ многихъ примѣровъ, упоминаемыхъ сагами, здѣсь можно привести одинъ: Вигфусъ, сильный владѣлецъ въ Форсѣ, въ Норвегіи, при прощаньѣ съ племянникомъ, Глумомъ, сказалъ: «Сердце мнѣ говоритъ, что мы не увидимся, потому отдаю тебѣ эти драгоцѣнности моего рода: плащъ, копье и мечь. Наши предки и мы, родные, имѣли къ нимъ полную вѣру, и пока они у тебя будутъ, ты не испытаешь недостатка ни въ въ чемъ; но боюсь за твое счастье, если продашь ихъ.» [197]

IV. Предчувствія, сны и другія знаменія считались средствами, помощію которыхъ геніи-покровители сообщали людямъ волю боговъ въ видѣ предостереженія, совѣта, наказанія, награды, или пророчества будущей участи. Норманны преимущественно вѣрили снамъ, которые были для нихъ откровеніемъ воли судебъ.

---

[193] Ol. Tryggv. saga.

[194] Ol. Tryggv. saga.

[195] Laxdäla saga.

[196] Vatnsdaela saga.

[197] Viga Glums saga.

Множество примѣровъ въ сагахъ доказываютъ, какъ глубоко укоренились эти вѣрованія между Норманнами. Всякое важное событіе предрекалось напередъ знаменательными сновидѣніями, а если ихъ не было, прибѣгали къ разнымъ средствамъ, чтобы имѣть ихъ. Рангильдъ, супруга короля, Гальфдана Сварте, отца Гарадальда Гарфагера, имѣла замѣчательные сны, была мудра и много предсказывала; но король Гальфданъ никогда ни видалъ сновъ, что̀ казалось для него страннымъ. Онъ совѣтовался объ этомъ съ Торлейфомъ Мудрымъ. Торлейфъ разсказалъ ему, что самъ дѣлаетъ, если хочетъ предузнать что ни будь: онъ ложится спать въ свиной хлѣвъ и всегда видитъ въ снѣ что ни будь замѣчательное. Такъ поступилъ и король, и видѣлъ чудный сонъ, который объяснилъ ему Торлейфъ. [198] Другой, довольно умной мужъ, Норвежецъ, Раудульфъ изъ Ёстердаларны, сказалъ Олофу Дигре, что если онъ хочетъ имѣть сновидѣнія и узнать будущее, то бы надѣвалъ новое платье и въ новую постелю ложился на новое мѣсто. [199] Мудрая Тыра, дочь ярла Клакгаральда, не хотѣла выходить за короля Датскаго, Горма Стараго, если онъ не построить себѣ дома на такомъ мѣстѣ, гдѣ вовсе не было жилья, и если не ночуетъ въ немъ одинъ три первыя ночи. «Припомни получше, говорить она, что тебѣ приснится, и дай мнѣ знать о томъ чрезъ гонца, и я скажу ему, можешь ли продолжать сватовство, или нѣтъ.» Королю снилось тамъ много замѣчательнаго. Тыра объяснила ему и согласилась за него выйти. [200] Если Норманну грезились умершіе родные, онъ вѣрилъ, что это ихъ души; если являлась женщина, птица, или другое животное, то это было Фильгъ человѣка, приходившій, чтобы предостеречь его, или возвѣстить будущее. Отъ того-то Норманны съ точностію замѣчали сны. Умѣнье отгадывать ихъ относилось къ числу искуствъ (Idrotten). Въ числѣ снотолкователей встрѣчаются самые знатные люди, почти всѣ женщины, которымъ саги приписываютъ высокій умъ, славятъ остроуміе ихъ и умѣнье разгадывать сновидѣнія. Внимательное наблюденіе событій, знаніе свойствъ и разныхъ случаевъ жизни видѣвшаго сонъ, нѣсколько остроумія и проницательности

---

[198] Halfdan Svartes saga, у Снорре Стурлесона.
[199] Raudulfs Thattr. Müller's Sagabibl. III.
[200] Jomsvik saga.

доставляли возможность давать такія толкованія снамъ, которыя оправдывались послѣдствіями: чрезъ это получала силу вѣра не только въ сновидѣнія, но и въ искуство снотолкователей. Предчувствіе Норманны также почитали внушеніемъ боговъ. Они дѣлали предсказанія по полету и крику птицъ, по встрѣчѣ со звѣрьми, по ржанію лошадей, по воздушнымъ явленіямъ и другихъ чудеснымъ событіямъ; однимъ словомъ, все почиталось мановеніемъ судьбы, или высшихъ силъ. Естественною причиною того было ихъ ученіе, что боги всегда взираютъ на людей, принимаютъ участіе въ ихъ дѣлахъ и имѣютъ вѣчно вліяніе на ихъ поступки: потому Норманны не предпринимали ничего, не узнавъ воли боговъ. Для того употреблялись священные жеребьи, косточки, маленькія палочки и вѣточки,[201] вѣроятно, съ написанными на нихъ рунами,[202] или съ вырѣзанными ликами; ихъ бросали и внимательно замѣчали, какъ онѣ

---

[201] Такой же способъ узнавать волю боговъ былъ въ употребленіи и у Германцевъ: служившія для того палочки или вѣточки, по свидѣтельству Тацита, (Germania), различались нѣкоторыми знаками. Онъ такъ описываетъ ихъ гаданія: «Virgam, frugiferae arboris decisam, in surculos amputant, eosque, notis quibusdam discretos, super candidam vestem temere ac fortuito spargunt; mox si publice consuletur, sacerdos civitatis; sin privatim, ipse paterfamilias, praecatus Deos coelumque suspiciens, ter singulos tollit, sublatos secundum impressam ante notam interpretatur». Такого же рода были и sortes, (жребіи) Римлянъ, маленькія палочки, или косточки, вырѣзанныя изъ дубоваго дерева и отмѣченныя древними буквами (insculptae priscarum literarum notis.» Cicero, de Divinitat.). Такое же гаданіе было и у Грековъ подъ именемъ *ῥαβδομαντεία*, при чемъ бросались на землю тоненькія палочки, или вѣточки, изъ колчана, или чашки. Этотъ способъ спрашивать у боговъ совѣта очень древній и Азіятскаго происхожденія. Его находятъ у Скиѳовъ и у Алановъ; а у Авганцевъ онъ и по сіе время въ употребленіи. Ср. Гримма, Weissagung aus Baumzweigen, въ прилож. къ Deutschen Runen.

[202] Ср. Finni Joh., Historia ecclesiastica Islandiae I. Для той же цѣли служили вѣсы, подаренные Гаканомъ Ярломъ Исландскому скальду, Эйнару. Они были изъ лучшаго серебра и вездѣ позолочены. «Къ нимъ, говоритъ сага, принадлежали двѣ драгоцѣнныя вещи, одна серебряная, а другая золотая: онѣ украшались портретами и назывались жеребьями. По тогдашнему обычаю, всѣ знатные люди должны были имѣть такіе вѣсы. Ярлъ обыкновенно клалъ эти жеребьи на вѣсы и говорилъ, что́ означаетъ каждый изъ нихъ; если поднимался къ верху тотъ, который отвѣчалъ его желанію, то другой катался по чашкѣ вѣсовъ, не останавливаясь, съ сильнымъ стукомъ.» Jomsvik saga.

увидутъ. [203] Наблюдали также теченіе крови принесенныхъ на жертву звѣрей. [204] Люди, умѣвшіе разгадывать волю боговъ, у Норманновъ пользовались особеннымъ довѣріемъ и уваженіемъ. Они назывались вѣщунами, предсказателями. [205] Къ тому же разряду принадлежали умныя женщины, въ сагахъ и старинныхъ пѣсьняхъ называемыя Walor, Wölvor; на нихъ смотрѣли съ чрезвычайнымъ благоговѣніемъ, какъ на вдохновенныхъ женъ, которыя имѣли сношенія съ духовнымъ міромъ, предвидѣли будущее, могли пророчить людямъ ожидающую ихъ судьбу. Этихъ волшебницъ приглашали на праздники; часто устраивали нарочно для нихъ пиры и дѣлали пышныя приготовленія къ ихъ пріему. Ставили высокія кресла съ пуховою подушкою, съ которыхъ ворожея должна была возвѣщать свои предсказанія; на встрѣчу ей посылали людей, и съ большою дружиною входила она на дворъ дома, гдѣ происходилъ пиръ. Одна древняя сага сохранила намъ описаніе одежды ворожеи Торборги, когда она, по приглашенію, явилась на дворъ поселянина Торкела. Она была въ синемъ плащѣ, сверху до низу убранномъ камешками; на головѣ носила черную шапку изъ овечьей шерсти на бѣломъ кошачьемъ мѣху; на шеѣ висѣла цѣпочка изъ стеклянныхъ бусъ; Гунландскій кожаный поясъ стягивалъ станъ и къ нему привѣшенъ былъ большой кошель съ разными волшебными снарядами; въ рукѣ была палка, съ украшеніями изъ металла и съ набалдашникомъ, обложеннымъ камешками; башмаки изъ телячьей кожи, шерстью вверхъ, завязывались длинными толстыми ремнями, концы которыхъ были пристегнуты мѣдными бляхами; на рукахъ были перчатки изъ кошачьяго мѣху на бѣломъ подбоѣ. Лишь только вошла она, всѣ встали и почтительно раскланялись съ ней; она отвѣ-

---

[203] Это было метаніе священныхъ жребіевъ, о которомъ часто упоминается въ историч. сочиненіяхъ по Скандинав. археологіи. См. Походы Викинговъ, прим. 491.

[204] ....«Боги, потрясая кропильницей, смотрѣли на кровь жертвъ». Hymis-qvida, въ старшей Эддѣ.

[205] Торгалъ, Норманнъ, приходившій во время Гакана Ярла въ Исландію для принятія во владѣніе земли въ Сирлексосѣ, былъ ученый и проницательный человѣкъ, за что и прозванъ пророкомъ (Spâman, отъ spa, пророчить, и man, человѣкъ). Olof Trygg. s.

чала на привѣтствія болѣе или менѣе дружески, смотря по тому, какіе изъ гостей были для нея пріятны. Торкелъ, какъ хозяинъ, поспѣшилъ къ ней на встрѣчу; онъ взялъ ее за руку и, посадивъ въ высокія кресла, просилъ ее удостоить своимъ вниманіемъ гостей. Къ вечеру для нея приготовили ужинъ, состоявшій изъ каши на козьемъ молокѣ и соуса изъ сердецъ разныхъ животныхъ. По окончаніи ужина, Торкелъ подошелъ къ ворожеѣ и спросилъ, когда угодно ей будетъ исполнить желаніе гостей, и начать свои предсказанія? Она назначила часъ. Когда всѣ нужныя приготовленія были кончены, ворожея сѣла на камень, положенный на трехъ, или четырехъ, столбахъ (называемый Seidhalr); женщины составили около нея кругъ: одна изъ нихъ громкимъ голосомъ запѣла волшебную пѣсню (wardlokr), имѣвшую силу при чарахъ. Во время пѣнія ворожея съ разными кривляніями дѣлала заклинанія; потомъ объявила, что готова удовлетворить общее желаніе, потому что получила вдохновеніе. Всѣ заняли свои мѣста; первый подошелъ къ ворожеѣ Торкелъ, спросилъ ее о важныхъ для него вещахъ, о будущемъ, и, получивъ ея отвѣты, сѣлъ на свое мѣсто; потомъ стали подходить и другіе, и всѣмъ разсказывала она замѣчательное въ будущей ихъ судьбѣ. Она говорила также о погодѣ, о жатвѣ и другихъ будущихъ событіяхъ. Наконецъ, когда все было высказано, хозяинъ отвелъ ворожею опять на мѣсто, и дорогими подарками благодарилъ ее за трудъ и за предсказанія. [206]

---

[206] Erik Roedes saga (Bartholin, Antiqu. Dan.) Ср. Vatnsdaela saga и Oerv. Oedd saga со многими другими. Въ баснословномъ стихотвореніи Hindlu-ljod приписывается предсказательницамъ Вёлвамъ другое происхожденіе, нежели ворожеямъ, колдуньямъ, чародѣямъ, приготовлявшимъ зелье:

Всѣ Валы
　　Отъ Видольфа,
Чародѣи всѣ
　　Отъ Вильмейда,
Зельевщицы всѣ
　　Отъ Свартгёфде.

Высшій даръ предсказанія, болѣе глубокая мудрость, кажется, принадлежали, такъ называемымъ, Валамъ, Вёльвамъ, Норнамъ, предсказательницамъ; напротивъ, злѣйшая ворожба составляла занятіе особенныхъ чародѣевъ и колдуньевъ; но какъ и предсказательницы Вёльвы ѣздили съ зельемъ и даръ пророчества часто соединяли съ чародѣйствомъ, то саги вообще употребляютъ

Такія ворожеи приглашались особенно для предсказанія будущей судьбы новорожденныхъ. Норна Гестъ, въ сагѣ, [207] носящей это имя, такъ говоритъ о себѣ: «Въ то время проѣзжали въ нашей сторонѣ ворожеи, которыхъ называли Völvor; онѣ предрекали мужчинамъ лѣта ихъ жизни и будущую участь; ихъ приглашали на пиры, а при прощаньи награждали подарками. Такъ поступилъ и мой отецъ. Онѣ явились къ нему съ большою дружиною, чтобы предсказать мою участь. Я лежалъ тогда въ колыбели, и надо мною горѣли двѣ свѣчки. Ворожеи, поговоривъ со мною, сказали, что меня ожидаетъ великое счастіе, что я буду значительнѣе моихъ предковъ и сыновей другихъ начальниковъ нашей стороны, и что мнѣ во всемъ будетъ успѣхъ. Ихъ было три, но младшей меньше оказывали уваженія, нежели двумъ другимъ; даже не спрашивали у ней и предсказаній, которыми такъ дорожили; при томъ нѣкоторые буйные люди, бывшіе въ комнатѣ, уронили ее. Отъ гнѣва она стала отвратительною; громко и запальчиво кричала на своихъ подругъ и просила ихъ прекратить добрыя предсказанія мнѣ: «Я, говорила она, назначаю ему прожить не долѣе, пока горитъ свѣча, стоящая возлѣ него». Въ ту же минуту старшая ворожея взяла и погасила эту свѣчу, приказавъ моей матери хорошенько замѣтить ее и не зажигать до послѣдняго дня моей жизни. Потомъ ворожеи ушли, получивъ отъ моего отца щедрые подарки.» Не одно знаніе всякихъ тайнъ, по мнѣнію Скандинавовъ, принадлежало этимъ ворожеямъ: самыя слова ихъ имѣли великую силу, потому онѣ и приглашались къ новорожденнымъ дѣтямъ сказать имъ что ни будь доброе. Не менѣе силы имѣли

названія Вёльвъ, Galdraweiber, колдуньевъ, и проч. Вёльвы и волшебницы Сѣверныхъ сагъ не только напоминаютъ тѣхъ предсказательницъ, которыя находились при войскѣ Кимвровъ и съ высокаго помоста (Seidhiall сагъ) дѣлали предсказанія по крови и внутренностямъ плѣнниковъ (Ср. соч. Швед. ист. I, стр. 41), но также и Велледу (Wölwa) Германцевъ, о которой (Hist. IV) Тацитъ говоритъ («Velleda virgo nationis Bructerae late imperitabat vetere apud Germanos more, quo plaerasque feminarum fatidicas et augescente superstitione arbitrantur Deas»), также Аліорумну, Аліоруну, волшебницъ, ѣздившихъ съ чародѣйными рунами и зельемъ и изгнанныхъ, по подозрѣнію, Готами (Ср. сочин. Швед. истор. I, стр. 55, и Jordanes, De rebus Geticis, cap. XXIV). Въ пѣсняхъ старшей Эдды встрѣчается Вёльва подъ именемъ Альруны.

[207] Оно помѣщено въ Bjoerners Nordiska Kaempadater.

слова другихъ, свѣдущихъ въ волшебствѣ, людей. Нѣкто Гединъ приписывалъ все зло, причиненное имъ своему названому брату, Гёгне, вреднымъ предсказаніямъ и словамъ; [208] говорили о какомъ-то Вильгельмѣ, что онъ не хотѣлъ избѣгать рѣчей Викинга, не зная, будутъ ли отъ нихъ дурныя послѣдствія, но торопился заговорить съ нимъ и осыпалъ его угрозами, чтобы предупредить его рѣчи, которыя могли бы принести какое ни будь зло. [209] По тому же иногда скрывали свое имя, думая, что слова умирающаго всесильны, если онъ съ проклятіями назоветъ своего врага. [210] Мрачныя и грустныя предчувствія передъ отъѣздомъ, или битвою, считались дурными примѣтами; обыкновенно сулили себѣ счастіе, готовясь на опасное предпріятіе, и остерегались говорить о бѣдахъ. Благословенія и добрыя желанія считались особенно сильными для счастливаго успѣха въ предпріятіи; напротивъ, проклятія, ругательства и угрозы предвѣщали несчастіе; къ числу нехорошихъ примѣтъ принадлежала также обмолвка въ разговорѣ. Отсюда же проистекаютъ и привѣтствія, соединенныя у насъ съ желаніемъ счастія. Поздравленія съ новымъ годомъ были въ употребленіи за тысячу лѣтъ до насъ: чѣмъ долѣе былъ начинавшійся отдѣлъ времени, тѣмъ важнѣе почиталось его хорошее начало. Нынѣшнее хлѣбъ да соль имѣетъ начало въ томъ вѣрованіи Скандинавовъ, что такое привѣтствіе можетъ уничтожать всякой вредъ, сообщаемый обѣду, или ужину, дурнымъ глазомъ, или волшебствомъ. [211] Древніе Скандинавы вообще думали, что слова, произнесенныя однажды, непремѣнно исполнятся. [212]

V. Предсказанія, снотолкованія, заговоры, ворожба и другія подобныя вещи—старинныя выдумки Востока: Азія была древнею родиною вѣры въ духовъ и волшебство. У Грековъ и Римлянъ каж-

---

208 Saurla Thattr. Ol. Tryggv. saga, II.

209 Sigurd Thögles saga, привод. Лилiегреномъ въ объясненіяхъ къ Oerwar Odda saga.

210 Fafnismal въ старшей Эддѣ.

211 Ср. P. E. Müller's (въ Skandinav. Litteratur Saellskabes Skrifter на 1805 г.) разсужденіе om gamle Skikke og Menneskenes Hang til at forklare det tilfaeldige som en Aarsag til Tro paa Varsler, и Verelius, Anmerkungen zum 5 Capitel d. Hervara saga.

212 Ср. Лилiегрена объясненія къ Ёрваръ Одда сагѣ.

дый городъ и домъ имѣли своихъ пенатовъ или духовъ-покровителей; было вѣрованіе, что боги высшихъ силъ природы имѣли въ своемъ распоряженіи слабѣйшихъ боговъ и посылали ихъ предрекать людямъ свою волю какими ни будь знаменіями: эти народы имѣли безчисленное множество примѣтъ; считали преступленіемъ нежеланіе узнавать будущее на алтаряхъ боговъ и пренебреженіе къ крику священныхъ куръ; по внутренностямъ жертвенныхъ звѣрей и крику птицъ Аѳиняне гадали о благополучномъ началѣ постройки новаго дома и беззавѣтномъ счастіи задуманнаго брака. Желаніе разгадать тайну будущаго и растолковать людямъ необъяснимое, укоренилось глубоко въ человѣческой природѣ: его вліяніе обнаруживалось во всѣхъ вѣнахъ человѣчества; даже и въ болѣе просвѣщенныя времена у образованныхъ народовъ оно продолжало служить послѣднею опорою для суевѣрія. А потому нѣтъ ничего удивительнаго, что древнія Скандинавскія саги полны разсказовъ о сверхъестественныхъ вещахъ. Онѣ передаютъ намъ вѣрованія предковъ. Для древнихъ людей вся природа наполнена была демонскими существами, которыя занимались земною жизнію и дѣлами людей; они были очень сильны и дѣятельны, хоть и не имѣли никакого вліянія на міроправленіе: это принадлежало богамъ, владыкамъ солнца, молніи, вѣтровъ, воздуха и морскихъ бурь; они посылали хорошіе и худые годы, давали побѣду, счастіе и миръ, заботились о своихъ поклонникахъ и принимали участіе дѣлахъ міра. Но эти божества еще не самыя высшія: сильнѣе и выше ихъ былъ верховный богъ, котораго не смѣютъ и называть древнія саги. Разсказываютъ о Славянахъ, что они изъ множества разныхъ боговъ имѣли особенныхъ для полей и лѣсовъ, радости и печали; однако жь, признавали высочайшаго бога небесъ, которому подчинены были другіе боги: онъ, всемогущій, исключительно завѣдывалъ небесными дѣлами; отъ него происходили всѣ другіе боги; степень могущества ихъ зависѣла отъ дальняго, или близкаго, родства съ нимъ, богомъ боговъ. Ясныя понятія о Богѣ проглядываютъ въ вѣрованіяхъ почти всѣхъ

---

[215] «Inter multiformia vero Deorum numina, quibus arva, sylvas, tristitias atque voluptates attribuunt, non diffitentur unum Deum in coelis, caeteris imperitantem, illum praepotentem coelestia tantum curare: hos vero distributis officiis bosequentes de sanguine ejus processisse, et unum quemque eo praestantiorem, quo proximiorem illi Deo Deorum.» Helmoldi Chron. Slav.

древнихъ народовъ. Многіе перевороты, испытанные народами, измѣнчивость судьбы ихъ и дальнія странствованія изъ однихъ мѣстъ въ другія не допускали укореняться священнымъ преданіямъ во всей чистотѣ ихъ. Эти преданія смѣшались съ смутными воспоминаніями народовъ о прежней судьбѣ ихъ; вражды, союзы, сношенія, сосѣдство съ другими народами имѣли то слѣдствіе, что народныя понятія о Богѣ пришли въ сліяніе съ религіозными понятіями другихъ народовъ, особливо нѣсколько сходными между собою. Такъ миѳы древняго Сѣвера и религіозныя сказанія носятъ свойства разновременнаго происхожденія отъ разныхъ народовъ. Allvater общій отецъ, имя, означавшее у Норманновъ высочайшаго изъ боговъ. Великій и сильный, онъ создалъ небо, землю и все, живущее тамъ: время не имѣетъ никакого вліянія на него. [214] «Не знали, гдѣ его царство, но вѣрили, что онъ управляетъ, всѣмъ на землѣ и въ воздухѣ, небомъ и небесными тѣлами, моремъ и вѣтрами.» [215] Можно думать, что Христіанство имѣло участіе въ рожденіи такой мысли; однако жь, она не чужда была временъ язычества, подобно понятіямъ дикарей Америки о великомъ Духѣ, и Славянъ о высочайшемъ Богѣ. Благородный Исландецъ, Торкелъ Мане, почувствовавъ приближеніе смерти, велѣлъ вынести себя на солнце, посмотрѣлъ на небо и поручилъ себя Богу, создавшему это свѣтило. [216] Другой Исландецъ, Торстенъ Ингемундсонъ, далъ обѣтъ Богу, создавшему солнце, потому что, по словамъ его, «онъ могущественнѣе всѣхъ боговъ». [217] И Гаральдъ Гарфагеръ клялся «богомъ, который создалъ его и управляетъ всѣмъ». [218] Онъ, «Сильный, Всевышній,» о которомъ съ какою-то таинственностію поетъ ворожея Гиндла, что когда боги падутъ,

Тогда явится тотъ,
Кто сильнѣе ихъ всѣхъ;
Но устамъ не дано
Его имя назвать.

---

[214] Gylfaginning.

[215] См. предислов. къ проз. Эддѣ.

[216] Landnama. Въ ней сказано о названномъ Торкелѣ, что онъ былъ однимъ изъ Исландскихъ язычниковъ, особенно отличившихся нравами, сколько извѣстно изъ примѣровъ.

[217] Vatnsdaela saga.

[218] Har. Harf. saga, у Снорре Стурлесона.

Потому что

Не многимъ открыта
Грядущаго тайна,
Когда съ лютымъ волкомъ
Сразится Оденъ. [219]

О немъ пророчески говоритъ мудрая Вала въ своей чудесной пѣсни, что «когда померкнутъ небесныя силы, на великій судъ царствъ явится съ небесъ Могучій, отъ котораго зависитъ все, кто рѣшаетъ опредѣленія судебъ, примиряетъ раздоры и раздаетъ награды». [220] По баснословнымъ сказаніямъ, Оденъ создалъ небо, землю и все, живущее на ней, и далъ человѣку безсмертную душу; онъ называется отцомъ боговъ, людей, міра и времени; въ другихъ мѣстахъ сагъ ему придаются названія горящаго, поражающаго, огнеокаго, что заставляетъ предполагать, что именемъ его означали солнце; онъ не имѣетъ никакой власти надъ Норнами, располагающими судьбою людей и боговъ; наконецъ, онъ падетъ въ битвѣ съ злыми силами, будетъ поглощенъ волкомъ и погибнетъ вмѣстѣ съ міромъ; онъ Богъ, царь и отецъ царей; ему дается множество именъ, каждое съ своимъ особеннымъ значеніемъ, и совокупность ихъ выражаетъ всѣ свойства многосторонняго Бога. Всѣ подобныя сказанія объ Оденѣ ясно даютъ разумѣть, что въ Сѣверной религіи смѣшаны понятія различнаго времени, и что, не смотря на завѣсу, еще скрывающую бытіе Бога, понятіе о немъ тускло мерцаетъ во мракѣ басенъ. Нѣкоторыя изъ этихъ понятій ведутъ начало съ Востока, съ того времени, когда люди ближе находились къ божеству и имѣли истинное понятіе о Богѣ и мірозданіи, прежде нежели падшее чувственное поколѣніе, уже безсильное постигать величіе вѣчнаго Существа, олицетворило его свойства, наполнило богами всю природу и забыло его для твари. Страсть къ сверхъестественному хотѣла объяснить себѣ понятіе о міроправленіи, и богами природы сдѣлались боготворимые люди, похожіе на обыкновенныхъ тѣмъ. что были смертны, какъ они, и также зависѣли отъ таинственнаго рока. Таково начало Сѣверной религіи, возникшей изъ соединенія разнородныхъ, самыхъ противоположныхъ одно другому, воззрѣній; она безпредѣльна по объему и содержанію; не

---

[219] Hindlu-ljod въ старшей Эддѣ. Ср. соч. Швед. истор. I, стр. 190.
[220] Völuspa.

легко и объяснить ее, потому что хотя она не принадлежала, какъ у другихъ народовъ, исключительно сословію жрецовъ, однако жъ одни мудрыя и высшія лица въ обществѣ, вожди народнаго племени, блюстители святыни, знали во всей обширности священныя преданія и могли распространять ихъ. Какъ глубокую тайну, они хранили значеніе символическихъ обрядовъ религіи и смыслъ ученія о высшихъ предметахъ науки и любознательности людей. Внутреннее значеніе таинственныхъ обрядовъ постепенно утратилось; символы стали загадкою для позднѣйшихъ поколѣній; многія мѣста древнихъ сагъ кажутся для насъ вовсе безсмыслицею, потому только, что не найдемъ способовъ разгадать ихъ.

Народъ, которому оставались одни предчувствія и темныя понятія о высшихъ неизвѣстныхъ предметахъ, доступныхъ только для учености мудрыхъ людей, зналъ одни общія правила религіи. Весь бытъ Скандинавовъ былъ проникнутъ религіознымъ духомъ. Богиня Wõr внимала брачнымъ обѣтамъ и наказывала нарушителей ихъ. Развязка поединковъ и всѣхъ сраженій зависѣла отъ богинь, Норнъ и Валькирій; мѣста судебныхъ поединковъ освящались обрядами религіи. Жертвоприношенія происходили на общихъ празднествахъ цѣлой страны; каждый отецъ семейства приносилъ жертву на своемъ дворѣ тому божеству, отъ котораго зависѣла участь его: съ религіознымъ торжествомъ принималось въ семейство новорожденное дитя; разлука съ жизнію приводила къ высокимъ Асамъ, на родину боговъ: отъ того-то на поминкахъ по умершимъ пили во славу боговъ и давали неизмѣнные обѣты. Вообще вѣрили, что презирающіе боговъ не наслаждаются счастіемъ, хоть и не всегда скоро получаютъ наказаніе: «Боги, по словамъ саги, не за все отмщаютъ тотчасъ же.»[221] Честные и добродѣтельные люди призываются въ свѣтлые чертоги Валгаллы; клятвопреступники и соблазнители чужихъ женъ идутъ въ подземныя жилища Гела, въ міръ тумана, мрака и холода; тамъ, въ огромной залѣ изъ змѣиныхъ хребтовъ, орошаемой ядовитыми водами болота, чудовище Нидгёггъ (Nidhögg), сосетъ изъ умершихъ кровь, а волкъ терзаетъ трупы ихъ. Благодаря этому благоговѣнію и страху къ мстительнымъ богамъ, этимъ казнямъ, грозившимъ низкому пороку, смолкали дикія желанія, облаго-

---

[221] Nials saga.

рождивались умы, смягчались нравы; здѣсь начало добросовѣстному соблюденію (на Сѣверѣ) нѣкоторыхъ добродѣтелей, обязанностей и дѣйствій весьма дѣловой важности въ общественномъ и частномъ быту: таковы, на примѣръ, святость клятвы, довѣріе при взаимныхъ сдѣлкахъ, правдивость, и многія другія, которыхъ вліяніе неотразимо въ жизни. Такъ религія Скандинавовъ очень помогала нравственности, но, разумѣется, не въ той степени, въ какой надобно приписать это святой религіи Откровенія.

ОТДѢЛЕНІЕ ШЕСТОЕ.

ВЗАИМНОЕ ОБХОЖДЕНІЕ.

---

1. Увѣренность въ человѣколюбіи и добродѣтели ближняго не была чужда Скандинавамъ. Раздоры оканчивались не рѣдко тѣмъ, что одинъ изъ соперниковъ отдавался въ руки другаго, предоставляя ему назначить себѣ наказаніе. Это благородное довѣріе къ чувству справедливости обнаруживалось въ разныхъ случаяхъ жизни. Одинъ Исландецъ, Торстенъ Фагре (Красивый), убилъ другаго Исландца, Эйнара, за вѣроломство. Отецъ Эйнара, съ помощію Торгильса, рѣшился отмстить за смерть сына. Торгильсъ палъ на поединкѣ, но Торстенъ Фагре убѣжалъ и былъ объявленъ на тингѣ внѣ закона. Спустя пять лѣтъ, онъ воротился, пришелъ къ отцу Торгильса, Торстену Гвите и положилъ свою голову на колѣни къ нему: это былъ таинственный обрядъ, означавшій, что онъ отдаетъ жизнь въ его волю. Старикъ отвѣчалъ: «Не хочу я твоей головы: ушамъ приличнѣе быть тамъ, гдѣ они есть; распоряжайся

моимъ имѣніемъ, пока мнѣ это будетъ угодно. [222] Другой Исландецъ, Гисле Иллугесонъ, пришелъ изъ Исландіи въ Норвегію, чтобы отыскать Гіафальда, убійцу своего отца. Гіафальдъ служилъ при дворѣ короля Магнуса Бэрфота (Босоногаго) и пользовался его особенною благосклонностію. Однажды, когда король оправился въ Нидаросъ съ дружиною, среди которой находился и Гіафальдъ, Гисле, улучивъ удобную минуту, вдругъ бросился впередъ и нанесъ Гіафальду смертельный ударъ. Это было самое тяжкое уголовное преступленіе. Гисле схватили, сковали, бросили въ тюрьму. Въ это время стояли при Нидаросѣ три Исландскіе корабля; начальникомъ одного изъ нихъ былъ Тейтъ, сынъ епископа Гиссура; число всѣхъ Исландцевъ на трехъ корабляхъ простиралось до трехъ сотъ человѣкъ. Они собрались вмѣстѣ и совѣтовались, но не могли придумать, какъ имъ поступить въ этомъ случаѣ. Наконецъ Тейтъ сталъ говорить: «Никакой чести намъ не будетъ, если убьютъ нашего одноземца и храбраго собрата; но всѣ мы видимъ, что опасно приниматься за это дѣло, и что онъ будетъ стоить намъ имѣнія и жизни: мое мнѣніе таково, чтобы всѣмъ намъ итти на тингъ; если Гисле нельзя оправдать, то мы погибнемъ, или выиграемъ наше дѣло, выбравъ себѣ вождя.» Всѣ отвѣчали, что они согласны и выбираютъ его вождемъ. Потомъ отправились въ баню; но въ ту же минуту затрубили сборъ на тингѣ. Тейтъ выбѣжалъ изъ бани въ одномъ бѣльѣ съ золотою повязкою на лбу; наскоро накинувъ на себя темнокрасный плащъ на бѣломъ мѣху, онъ явился къ своимъ, которые въ одну минуту собрались, чтобы предупредить подручниковъ короля; они опрометью бросились къ тюрьмѣ, разломали ворота и вынесли оттуда Гисле, разбили его оковы и пошли съ нимъ на тингъ. Судъ начался: одни говорили въ защиту виновнаго, другіе настойчиво требовали ему строгой казни за неслыханную вину. Наконецъ, самъ Гисле вышелъ впередъ и просилъ позволенія сказать нѣсколько словъ. Когда король это дозволилъ, онъ продолжалъ: «Я начну рѣчь съ убійства моего отца, которое совершили Гіафальдъ и Тормодъ; мнѣ было тогда шесть лѣтъ, а брату, Тормоду, девять; мы, дѣти, были свидѣтелями убійства нашего отца. Гіафальдъ грозился убить и насъ,

---

[222] Thattr om Thorsten Hwite, Müll. Saga Bibl. I.

и, совѣстно разсказывать, государь, что рыданія задушали меня!» — «Такъ ты, прервалъ король, отвелъ себѣ духъ дерзкимъ преступленіемъ?» — «Не запираюсь, отвѣчалъ Гисле; долго подстерегалъ я съ кровавымъ умысломъ Гіафальда; два раза случай мнѣ благопріятствовалъ; но одинъ разъ я не хотѣлъ оскорбить святыни храма, а въ другой удержалъ меня вечерній колоколъ. Я сложилъ про тебя пѣсню, король, и желалъ бы, чтобы ты ее выслушалъ.» — «Если хочешь, сказалъ король, разскажи ее.» Гисле наскоро прочиталъ стихи свои, потомъ, обратясь къ Тейту, сказалъ: «Много смѣлости вы показали; но я не стану долѣе подвергать васъ опасности, отдаюсь во власть короля и несу ему свою голову.» Сказавъ это, онъ снялъ съ себя оружіе, подошелъ къ королю и положилъ голову на его колѣни, говоря: «Дѣлайте съ нею, что вамъ угодно. Буду благодарить васъ, если меня простите и возьмете въ свою службу, какую найдете для меня приличнѣе.»—«Возьми назадъ свою голову, и садись за столъ на мѣсто Гіафальда, подкрѣпи себя пищею и исправляй его обязанность!» [223] Подобнымъ же образомъ добылъ себѣ дружбу и покой и Торкелъ, сынъ Амундовъ, у великодушнаго и могущественнаго ярла, Торфина, на Оркадскихъ островахъ. Торкеръ лишилъ жизни Эйнара Рагнмундура, брата Торфинова. И однажды, нежданно явившись къ ярлу, когда онъ сидѣлъ у себя и пировалъ, положилъ свою голову на его колѣна и сказалъ, что онъ можетъ дѣлать съ нимъ, что ему угодно. Это подѣйствовало на ярла, онъ принялъ его, какъ своего знакомаго, и совершенно простилъ его. [224]

Благородный образъ мыслей Норманновъ не дозволялъ вредить тому, кто беззащитный ввѣрялся добровольно ихъ благородству. Положившись на такое великодушіе, сынъ Норманна Кетилла Раумура, 19-тилѣтній Торстенъ, досталъ себѣ руку и сердце Ингемунды, дочери одного Готскаго ярла.

Въ Норвегіи, въ лѣсу между Раумсталемъ и Упландіей, жили разбойники; дорога въ этомъ мѣстѣ была чрезвычайно опасна. Торстенъ хотѣлъ отличиться славнымъ подвигомъ и пошелъ туда, чтобы положить конецъ разбоямъ. Онъ нашелъ тропинку, которая вела съ большой дороги въ чащу лѣса. Идя по ней, онъ пришелъ

---

[223] Thattr (дѣла) om Gisle Illugesson. Müll. Sagabibl. III.

[224] Olof Haraldsons saga, у Снорре Стурлесона.

къ большому, хорошо выстроенному, дому, вошелъ въ комнаты и увидѣлъ въ нихъ огромные ящики и много разнаго имущества. Тамъ стояла кровать, гораздо больше обыкновенныхъ кроватей; казалось, что человѣкъ, спавшій на ней, былъ исполинскаго роста: она покрывалась прекраснымъ одѣяломъ; столъ, находившійся въ комнатѣ, накрытъ былъ чистой скатертью и уставленъ вкусными кушаньями и дорогимъ виномъ. Подъ вечеръ онъ услышалъ сильный шумъ, и въ комнату вошелъ великанъ, прекрасной и мужественной наружности. Онъ развелъ огонь, умылся, вытерся чистымъ полотенцемъ, отужиналъ и легъ спать. Торстенъ, притаившись за сундуками, молча, видѣлъ все это, и когда великанъ улегся и крѣпко заснулъ, онъ, тихонько подкравшись, взялъ его мечъ и изъ всей силы поразилъ его въ грудь. Великанъ быстро приподнялся, схватилъ Торстена, притащилъ на постель и положилъ его между собою и стѣною. Спросивъ Торстена о имени и родѣ, онъ сказалъ: «Всего меньше я заслужилъ смерть отъ тебя и твоего отца, потому что никогда не сдѣлалъ вамъ никакого вреда. Ты поступилъ слишкомъ опрометчиво, а я слишкомъ долго медлилъ покинуть такой образъ жизни. Теперь ты въ моей власти: я могу пощадить тебя, или убить; но если поступлю съ тобою, какъ ты стоишь, то некому будетъ разсказать о нашей встрѣчѣ. Кажется, лучше будетъ, если оставлю тебѣ жизнь. Меня зовутъ Іокуллъ, я сынъ ярла Ингемунда, изъ Готаланда. Подобно всѣмъ знатнымъ людямъ, я старался нажить себѣ богатство, но не совсѣмъ честнымъ образомъ, и уже рѣшался удалиться отсюда. Если думаешь, что я дѣлаю благодѣяніе, оставляя тебѣ жизнь, то ступай къ моему отцу, постарайся наединѣ поговорить съ моей матерью, Вигдисою, и разскажи ей этотъ случай. Скажи ей мое нѣжное, сыновнее прошеніе и проси, чтобы она вымолила тебѣ у ярла безопасность и дружбу и убѣдила его выдать за тебя мою сестру, Тордису. Ты отдашь ей и это золотое кольцо; оно увѣритъ ее, что я точно послалъ тебя. Смерть моя принесетъ ей много горя, но надѣюсь, что она больше обратитъ вниманія на мою просьбу, нежели на твой поступокъ, и предчувствіе говоритъ мнѣ, что тебя ожидаетъ счастіе. Если будутъ у тебя дѣти и внуки, не дай умереть моему имени: слава, которой ожидаю себѣ отъ того, будетъ мнѣ наградою за великодушіе къ моему убійцѣ. Вынь мечь изъ моей раны, и наша беѣда кончена.» Торстенъ вынулъ мечъ, и Іокуллъ въ ту же минуту умеръ. Воротясь

въ отцовское помѣстье, Торстенъ сказалъ однажды отцу, что онъ отправится на Востокъ въ Готаландъ къ ярлу Ингемунду, какъ обѣщалъ Іокуллу. Кетиллъ Бонде совѣтовалъ ему не ѣздить, но Торстенъ отвѣчалъ: «Сдержу свое слово, хотя бы это стоило жизни.» Онъ пошелъ въ Готаландъ и явился на дворъ ярла, утромъ, когда ярлъ, по обычаю знатныхъ людей, отправился на охоту. Торстенъ съ своими спутниками вошелъ въ столовую. Вскорѣ вышла туда жена ярла и, замѣтивъ чужихъ людей, спросила, откуда они. Отвѣтивъ ей, Торстенъ изъявилъ желаніе говорить съ ней наединѣ. Она ввела его въ другую комнату. «Я приношу тебѣ вѣсть о смерти сына твоего, Іокулла. «Печальна твоя вѣсть, отвѣчала Вигдиса, но я всегда ожидала такого конца злодѣйской и безпутной жизни моего сына. Но что заставило тебя пуститься въ такой дальный путь съ этой печальной вѣстью?» — «Многое», отвѣчалъ Торстенъ, и откровенно разсказалъ ей все происшествіе. «Ты очень дерзокъ, сказала Вигдиса; вѣрю, что все это случилось точно такъ, какъ говоришь, и если Іокуллъ оставилъ тебѣ жизнь, то мое мнѣніе тоже, чтобы ты остался живъ, потому что тебя любитъ счастіе; по просьбѣ Іокулла я скажу ярлу о твоемъ дѣлѣ; между тѣмъ спрячься.» Когда Ярлъ возвратился, Вигдиса подошла къ нему и сказала: «У меня есть новость, которая касается насъ обоихъ.»— «Не кончина ли сына Іокулла?» спросилъ ярлъ.—«Такъ,» отвѣчала она.—«Онъ умеръ не отъ болѣзни?»—«Ты угадалъ, отвѣчала Вигдиса: онъ убитъ и много мужества обнаружилъ въ послѣднія минуты. Онъ пощадилъ жизнь своего убійцы и послалъ его сюда, въ наши руки, съ своимъ кольцомъ и желаніемъ, чтобы ты оставилъ посла въ безопасности и простилъ ему преступленіе, какъ оно ни велико. Можетъ быть, этотъ человѣкъ будетъ подпорою твоей старости, если примешь его въ родство и выдашь за него дочь нашу, Тордису; а это послѣдняя воля Іокулла, который надѣялся, что ты не отвергнешь его предсмертной просьбы. Какъ вѣрно этотъ человѣкъ держитъ данное слово, можешь видѣть изъ того, что онъ отъ роднаго очага отправился во власть враговъ. Вотъ кольцо, присланное Іокуллюмъ.» И съ этими словами она подала ярлу кольцо. Ярлъ, глубоко вздохнувши, сказалъ: «Твоя рѣчь длинна и дерзка; ты хочешь, чтобы я оказалъ честь убійцѣ моего сына, заслужившему скорѣе смерть, нежели дружескій даръ!» — «Надобно принять въ уваженіе два обстоятельства,» продолжала Вигдиса: «во

первыхъ, желаніе Іокулла и доказанную вѣрность этого человѣка, потомъ твою дряхлую старость: тебѣ необходимъ помощникъ, а онъ на то очень способенъ. Если Іокуллъ оставилъ ему жизнь, хоть и могъ бы убить его, если поступокъ этого человѣка счастливо сошелъ ему съ рукъ, то для насъ великая побѣда, когда мы, подобно умершему сыну, помилуемъ нашего ужаснаго злодѣя, въ противномъ случаѣ стыдъ намъ, если сдѣлаемъ зло тому, кто добровольно отдался въ наши руки.»—«Ты усердно защищаешь его,» продолжалъ ярлъ: «замѣчаю, что онъ тебѣ понравился; хочу и я взглянуть на него, чтобы узнать, обѣщаетъ ли его наружность что ни будь доброе; многое зависитъ отъ того, какъ онъ покажется мнѣ.» Торстенъ былъ введенъ и представленъ ярлу. «Мое дѣло», сказалъ онъ, «совершенно въ вашихъ рукахъ: вы знаете, за чѣмъ я пришелъ сюда; прошу у васъ мира, но не боюсь, на что бы вы противъ меня ни рѣшились; впрочемъ, вожди обыкновенно дарятъ жизнь тѣмъ, кто отдается во власть ихъ.»—«Ты мнѣ нравишься,» отвѣчалъ ярлъ: «оставляю тебѣ жизнь и, въ наказаніе за убійство моего сына, ты заступишь его мѣсто, если останешься у меня, потому что наружность твоя много обѣщаетъ, да притомъ и неблагородно нападать на того, кто самъ отдался въ наши руки.» — «Благодарю васъ,» отвѣчалъ Торстенъ, «и обѣщаю остаться съ вами, пока вы живы; но когда васъ не будетъ, едва ли ваши люди ввѣрятъ мнѣ должность вождя, да и кромѣ того каждый идетъ своею дорогою.» Ярлъ согласился съ нимъ; по его смерти Торстенъ воротился въ свою отчину, въ Раумсталь, въ Норвегіи. [225] Тотъ же Торстенъ, уже въ глубокой старости, предчувствуя близкій конецъ, прекрасно сказалъ своему сыну, Ингемунду: «Всего больше радуетъ меня то, что я никогда въ моей жизни никому не сдѣлалъ несправедливости.»

Ингемундъ, [226] по смерти отца, пришелъ въ Исландію, гдѣ сдѣлался весьма значительнымъ человѣкомъ. Въ его старости пришелъ къ нему старый другъ его, Семундъ, и сказалъ: «Меня навѣстилъ человѣкъ, о которомъ идетъ молва, что онъ золъ и что трудно ужиться съ нимъ; но онъ мнѣ родня, его зовутъ Гроллейфъ; я просилъ бы тебя принять его съ матерью къ себѣ и дать имъ пріютъ.»

---

[225] Vatnsdaela saga.

[226] Этотъ Ингемундъ съ своимъ отцемъ, Торстеномъ, и дѣдомъ, Кетиллемъ Раумурсономъ, тотъ самый, о которомъ упоминается въ Походахъ Викинговъ.

«Объ этихъ людяхъ,» отвѣчалъ Ингемундъ, «точно идетъ дурная молва, а потому мнѣ не хотѣлось бы принимать ихъ; но чтобы не оскорбить тебя отказомъ, я какъ ни будь приноровлюсь къ нимъ, хоть и не предвижу ничего добраго, потому что сыновья мои никому уступать не любятъ.» Гроллейфъ былъ человѣкъ упрямый и безпокойный; нѣсколько лѣтъ спустя, Ингемундъ принужденъ былъ удалить его изъ дома, и отвелъ ему въ жилище другой. Однажды между сыновьями Ингемунда и Гроллейфа завязалась ссора на рыбной ловлѣ; старый Ингемундъ, въ сопровожденіи одного раба, поѣхалъ рознять ихъ; но когда спускался съ пригорка къ рѣкѣ, Гроллейфъ бросилъ въ него копьемъ и ранилъ его. Старикъ не обнаружилъ боли; когда же сыновья разошлись, онъ поѣхалъ домой и сказалъ рабу, его провожавшему: «Ты долго и вѣрно служилъ мнѣ, исполни же мое приказаніе: поди къ Гроллейфу и скажи ему, что мои сыновья, какъ я надѣюсь, еще до разсвѣта потребуютъ у него крови отца, такъ я совѣтую ему сей часъ же скрыться; его смерть не отмститъ за меня, а долгъ велитъ мнѣ защищать того, кому я далъ пріютъ въ своемъ домѣ». Вошедши съ помощію раба въ комнату, онъ сѣлъ въ свои кресла, запретивъ подавать огонь до возвращенія сыновей. Когда они пришли и освѣтили комнату, то увидѣли, что старикъ сидѣлъ мертвый съ копьемъ въ тѣлѣ. Іокуллъ, одинъ изъ сыновей, смѣлый и вспыльчивый, сказалъ: «Это ужасно, что такой честный человѣкъ погибъ отъ руки такого негодяя. Сейчасъ же пойдемъ и убьемъ Гроллейфа!» — «Ты слишкомъ мало знаешь доброе сердце нашего отца, отвѣчалъ другой сынъ, умный и кроткій Торстенъ, если не подумалъ, что онъ постарался спасти своего убійцу. Надобно поступить не горячась, а подумавши. Пусть будетъ нашимъ утѣшеніемъ, что у насъ былъ отецъ, ни сколько не похожій на Гроллейфа, за то Создавшій солнце не лишитъ его небесныхъ наслажденій.» [227] Такое же благородство духа показалъ и Аскелъ Годе. Въ одной битвѣ онъ предостерегъ непріятельскаго вождя не слишкомъ вдаваться въ опасность. Но какъ этотъ не послушался и былъ убитъ, то одинъ изъ близкихъ родныхъ его искалъ случая отомстить. Въ то время, какъ Аскелъ ѣхалъ въ саняхъ позади своихъ, онъ нанесъ ему смертельный ударъ. Старый Аскелъ

---

[227] Vatnsd. saga.

не сказалъ никому, что раненъ до тѣхъ поръ, пока не скрылся убійца, потомъ убѣждалъ дѣтей не мстить за него. [228]

II. Такое благородство души въ то время, когда месть, по общему мнѣнію, считалась необходимою, доказываетъ, что Скандинавы уважали добродѣтель и сочувствовали всему прекрасному и благородному въ жизни. Когда святыя требованія кровной мести и сильный гнѣвъ не дѣлали ихъ страшными, они были честны, благородны, человѣчны. Встрѣчались люди, такъ хорошо владѣвшіе собою, что никогда не увлекались гнѣвомъ на какое ни будь необдуманное дѣло. «Гаральдъ Гарфагеръ, разсказываетъ его сага, въ минуты раздраженія старался успокоиться сначала, и потомъ уже хладнокровно обсуживалъ дѣло.» [229] Такъ поступилъ и Эйнаръ Тамбаскельферъ, когда Гальдоръ Снорресонъ убилъ его родственника, Кале: «Я послѣдую, говорилъ онъ, разумному совѣту моего названнаго сына, Магнуса Олофсона, и дамъ пройти гнѣву. Когда гнѣвъ пройдетъ, въ спокойномъ духѣ часто находимъ, что слѣдовало бы поступить не такъ, какъ поступили.» [230] Разсудокъ и осмотрительность въ словахъ и поступкахъ особливо требовались отъ всѣхъ достойныхъ и значительныхъ людей. «Большой недостатокъ, говорили, для человѣка, если нѣтъ у него разсудительности.» Вѣрили, что мудрому удается все, потому что онъ разсматриваетъ всякой предметъ по его природнымъ качествамъ, разсуждаетъ и находитъ легко, какъ слѣдуетъ поступать. «Ты очень счастливъ, говорилъ Олофъ Дитрс Сигватеру скальду, и немудрено: счастіе спутникъ мудрости; странно только вотъ что: безразсудныя предпріятія нерѣдко удаются.» [231] Доброе имя и слава было цѣлію всей жизни Норманна. Еще нынче возбуждаетъ участіе прекрасная поговорка въ Гавамалѣ: «Не умираетъ только одно: приговоръ надъ умершимъ.» Эта мысль была путеводительницею Скандинавовъ во всякихъ предпріятіяхъ. Не столько боялись смерти, сколько названія нидингъ, трусъ, клятвопреступникъ. Нарушеніе обѣтовъ вѣрности считалось гнуснымъ; по тогдашнему мнѣнію, страшное возмездіе постигало за лицемѣрную клятву: «Ложно не клянись; страшны оковы для вѣроломныхъ: эти

---

[228] Viga Skulus saga. Müll. Sagabibl. I.
[229] Har. Harf. saga, у Снорре Стурлесона.
[230] Olof Tryggv. saga.
[231] Olof Haralds. saga, у Снорре Стурлесона.

люди очень несчастны.» [232] Обманъ былъ неслыханнымъ преступленіемъ; говорить ложь считалось недостойнымъ дѣломъ для свободнаго человѣка; лжеца ожидала такая же казнь, какъ и клятвопреступника: «Какое бываетъ наказаніе людямъ, когда они обманываютъ другъ друга? Жестокія казни посылаются имъ въ мелкихъ водахъ Вадгельмера: онѣ нескончаемы для обманщика.» [233] Норманны были такъ увѣрены въ неизбѣжности наказанія за вѣроломные, низкіе поступки, что превратности судьбы и бѣдственная кончина злодѣевъ считались посѣщеніемъ боговъ-мстителей. «Съ нимъ случилось то же, говорили о сильномъ Гаканѣ, ярлѣ въ Норвегіи, что случается и со многими. Когда насталъ часъ казни, избѣжать его трудно;» [234] или: «Злымъ замысламъ злой и конецъ.» [235] Въ залогъ святости обѣщаній и договоровъ не требовали ничего другаго, кромѣ рукобитья и честнаго слова, котораго нарушеніе навлекало величайшій позоръ на виновнаго.

Обхожденіе было открытое и прямодушное; притомъ соблюдали приличіе и вѣжливость, которая состояла не въ кудреватыхъ словахъ безъ смысла и не въ пустой лести, а въ строгомъ достоинствѣ и взаимномъ уваженіи. Насмѣшка надъ незнакомыми считалась постыднымъ дѣломъ, за которое духъ Троллъ отрываетъ языкъ. [236] Находили также дурнымъ раздражать вспыльчивыхъ; [237] въ числѣ многихъ житейскихъ правилъ, заключавшихся въ пословицахъ, было слѣдующее: «Кто поумнѣе, тотъ и уступи!» [238] Въ сагахъ такъ же встрѣчаются прекрасныя доказательства того, что Норманны, на себѣ извѣдавшіе невзгоды и счастіе, горе и радости, имѣли уваженіе къ чужимъ несчастіямъ и печалямъ. Галльфредъ Вандрадаскальдъ и Грисъ, знатный человѣкъ, оба Исландцы, вызвали другъ друга на поединокъ. Между тѣмъ Галльфредъ получилъ извѣстіе о гибели Олофа Триггвасона: это до того поразило его, что онъ въ сильномъ горѣ бросился на постель и не хотѣлъ итти на поединокъ. Люди Гриса говорили, что это покроетъ стыдомъ Галльфреда. —

232 Brynhildar-quida I.
233 Sigurdar-quida I.
234 Ol. Tryggv. saga.
235 Magnus Barfots saga, у Снорре Стурлесона.
236 Ol. Tryggv. saga.
237 Ol. Tryggv. saga.
238 Ol. Tryggv. saga.

«Нѣтъ, отвѣчалъ соперникъ его, не въ такой милости, какъ Галльфредъ у короля Олофа, былъ я у короля въ Миклагардѣ (Греціи). Но его паденіе казалось мнѣ важнымъ событіемъ: только тотъ, кто самъ лишился Государя, понимаетъ голосъ горячей привязанности къ нему. Теперь я считаю за лучшее не сражаться съ Галльфредомъ и согласенъ отдать наше дѣло на рѣшеніе Торкела.» [239] Считалось неприличнымъ заводить рѣчь съ кѣмъ ни будь о его несчастіяхъ и пробуждать въ немъ печальныя воспоминанія: лучше хотѣли подать ему руку помощи, потому что, по понятіямъ Скандинавовъ, кто распрашиваетъ несчастнаго о его бѣдахъ, обязанъ и пособить ему. [240] Въ священную обязанность также вмѣняли себѣ поднимать на поляхъ неизвѣстныхъ умершихъ, какою бы смертію они ни умерли. [241] Вообще, въ Скандинавахъ замѣчается какая-то готовность на услуги, особливо къ роднымъ и друзьямъ: главный изъ совѣтовъ, которые Брингильда даетъ Сигурду, поучая его житейскимъ правиламъ, состоитъ въ томъ, чтобы у него ничего не было на совѣсти противъ родныхъ, и онъ не спѣшилъ бы отомщать имъ за какія бы то ни было несправедливости. [242] Норманны труднѣе всего переносили обиды и насилія, а особливо принужденія. Олофъ Триггвасонъ хотѣлъ обратить въ Христіянскую вѣру нѣсколькихъ Исландцевъ, пришедшихъ въ Норвегію. По этому случаю они имѣли совѣщаніе; одинъ изъ нихъ, Кіартанъ, сказалъ: «Никто не можетъ принудить меня, пока я ношу оружіе. Низко для храбраго быть убитымъ безвинно, какъ дикій звѣрь; если смерть неизбѣжна, по моему, гораздо лучше совершить сначала какой ни будь знаменитый подвигъ, который долго будетъ жить въ памяти людей.» Онъ предложилъ два условія: или добровольно подчиниться всѣмъ приказаніямъ Олофа, во избѣжаніе понудительныхъ мѣръ со стороны его, или, если онъ рѣшится употребить насиліе, сожечь его вмѣстѣ съ домомъ. «Мы, Исландцы, говорилъ тотъ же Кіартанъ Олофу Триггвасону, подобно предкамъ нашимъ, любимъ, чтобы насъ убѣждали кротостію, а не суровостію.» [243] Кто хотѣлъ такого рода людей склонить на свою сторону, долженъ былъ дѣй-

[239] Ol. Trygg. saga.
[240] Ol. Trygg. saga.
[241] Brynhildar-quida I.
[242] Bryn.-qu. I.
[243] Ol. Tryggv. saga.

ствовать доводами, которые бы имѣли вліяніе на ихъ умъ и сердце. Въ образѣ ихъ понятій замѣтно великодушіе, великая и свободная душа, здравыя мысли и прекрасныя основанія для высшаго образованія. Впрочемъ, въ разгарѣ войны и у нихъ, какъ у Ахилла и Давида, молчало чувство человѣчности.

III. Отличительною чертою тѣхъ временъ служитъ, такъ называемое, братанье Норманновъ. Юноши, вмѣстѣ проведшіе дѣтство, воины, сходные свойствами, силою, мужествомъ и знаніемъ воинскихъ упражненій, становились искренними друзьями и заключали союзъ, столь же неразрывный и прочный, какъ братская любовь. Это значило клясться въ братской дружбѣ, что совершалось съ торжественными обрядами: вырѣзывали два пласта изъ дерна и, оставивъ концы ихъ лежащими на землѣ, средину пластовъ подпирали копьями: въ знакъ вѣрности до самой смерти, подходили подъ эти пласты, [244] обрѣзывали себѣ руку и спускали кровь въ рыхлую землю дерна, потомъ вмѣстѣ прикасались къ землѣ и крови и, ставъ на колѣни, произносили братскую клятву и призывали въ свидѣтели всѣхъ боговъ; наконецъ, вставали и подавали другъ другу руки, что у Норманновъ обыкновенно почиталось послѣднею скрѣпляющею формулою всякихъ догово-

---

[244] Это называлось ganga jard arment или ganga undir jard armen, подходить подъ рядъ земляныхъ глыбъ. Въ Исландіи это составляло родъ очистительной присяги, отвѣчая испытанію желѣзомъ въ средніе вѣка; полагали, что того дѣло правое, или тотъ невиненъ, кто подходилъ подъ эти Jard armen, и они не падали на него (Laxdaela saga. Ср. Arnesens Inledning til Isl. Raetteg). Въ другой древней сагѣ есть разсказъ, что на Гунаватнскомъ тингѣ въ Исландіи старались склонить на договоръ двухъ соперниковъ Исландцевъ, Берга и Іокулла: первый не хотѣлъ ни брать пени съ Іокулла, ни мириться съ нимъ на какихъ ни будь другихъ условіяхъ, пока этотъ не загладитъ свою вину, подошедши, по тогдашнему обычаю, подъ дерновые пласты въ знакъ смиренія. Іокуллъ отвѣчалъ, что скорѣе возьметъ его Троллъ, нежели онъ согнется передъ горою. Но Торстенъ, братъ его, сказалъ, что требованіе законное, и вызвался подойти вмѣсто Іокулла подъ Jard armen. Первый пластъ доставалъ ему до плечъ, второй до бедеръ, третій до половины икръ. Когда онъ подошелъ подъ первый, Бергъ сказалъ: «Я сгибаю теперь лучшаго изъ жителей Ватндаля, словно свинью».— «Ты не можешь этого сказать, возразилъ Торстенъ, и вотъ что ты сдѣлалъ своими словами: я не пойду подъ остальные пласты.» Vatnsd. saga. Такимъ образомъ, этотъ родъ путешествія подъ земляными пластами служилъ вмѣсто извиненія.

ровъ. Добродѣтель и храбрость уважались тогда даже въ самыхъ врагахъ; нерѣдко случалось, что воины, не могшіе одолѣть другъ друга на поединкѣ, или въ морскомъ сраженіи, получали высокое понятіе о взаимной храбрости и клялись въ вѣчномъ братствѣ, такъ что изъ смертельныхъ враговъ обращались въ неизмѣнныхъ друзей. Сильный Гаканъ, ярлъ въ Норвегіи, питалъ непримиримую ненависть къ нѣкоторому Гаральду за его преступленія, и не только объявилъ его внѣ закона и выгналъ изъ страны, но и поручилъ одному изъ своихъ смѣлыхъ воиновъ, Сигмунду, принести къ нему голову Гаральда. Сигмундъ отправился съ осмью кораблями. Напрасно проѣздивъ цѣлое лѣто, онъ встрѣтилъ, наконецъ, Гаральда возлѣ острова Англезея. Условились на другой день сражаться, а до того времени не безпокоить другъ друга. Бой начался съ восходомъ солнца, продолжался весь день, но къ вечеру оставался нерѣшеннымъ. Положили возобновить его на другой день. Тогда Гаральдъ предложилъ миръ, дружбу и братство; все войско изъявило радость, и Сигмундъ, нѣсколько подумавъ, согласился. Поровну раздѣлили добычу, сдѣланную каждымъ, и до самой осени вмѣстѣ продолжали набѣги. Сигмундъ предложилъ потомъ названному брату ѣхать съ нимъ въ Норвегію, къ Гакану ярлу. Гаральдъ зналъ обѣщаніе, данное Сигмундомъ ярлу, но, вѣря клятвѣ новаго брата и полагаясь на его защиту, онъ ни минуты не колебался отдаться въ руки своего лютаго врага. Прибывъ въ Норвегію, Сигмундъ пошелъ одинъ къ ярлу, который сидѣлъ за столомъ, уставленнымъ винами, и очень дружески принялъ его. Сигмундъ разсказывалъ многое о своей поѣздкѣ, но ничего о Гаральдѣ. Ярлъ, наконецъ, спросилъ о немъ. Сигмундъ передалъ все происшествіе, просилъ безопасности для названнаго брата, ручался за его будущее поведеніе и предлагалъ денежную пеню за его проступокъ. Ярлъ, сильно разсерженный, отказалъ ему наотрѣзъ. Сигмундъ въ гнѣвѣ вскочилъ съ мѣста, сказавъ, что онъ не останется долѣе ни у ярла, ни въ его области, и ушелъ съ угрозою, что дорого продастъ жизнь Гаральда. «Сигмундъ разсерженъ,» сказалъ ярлъ. Но потеря для насъ и королевства, если мы лишимся такого человѣка. Воротите его: намъ надобно помириться.» [245] Сигмундъ воротился. Ярлъ исполнилъ его просьбу,

---

[245] Schöning, Norriges Historia III.

и Гаральдъ могъ безопасно жить въ отцовскомъ помѣстьѣ. Названное братство было союзъ людей, давшихъ взаимную клятву во всѣхъ приключеніяхъ и опасностяхъ боевой жизни и во всѣхъ случаяхъ гражданскаго быта защищать другъ друга и никогда не заводить между собою ссоръ. Вмѣстѣ дѣлали они морскіе набѣги, въ схваткахъ съ непріятелями ставили рядомъ свои корабли; если же оба находились на одномъ кораблѣ, то одинъ всегда былъ Stambo другаго, т. е., становился впереди, возлѣ мачты, гдѣ происходила самая жаркая битва. Всегда дѣлили они труды и опасности, добычу и славу; если послѣ многихъ походовъ накопляли богатство и возвращались къ спокойной жизни, то старались по возможности жить ближе другъ къ другу. Когда одинъ приходилъ въ бѣдность, другой съ радушіемъ раздѣлялъ съ нимъ свое богатство: во всѣхъ трудныхъ случаяхъ они пособляли другъ другу совѣтомъ, или дѣломъ, у нихъ была одна душа, одно чувство, одна воля. Если кому либо изъ нихъ предстояло опасное предпріятіе — мщеніе за смерть родственника сильному убійцѣ, или угрожали ему враги, или онъ былъ объявленъ внѣ закона, названный братъ всѣми силами помогалъ ему и раздѣлялъ съ нимъ всѣ опасности; если же дряхлость не дозволяла ему владѣть сѣкирою, то его сыновья должны были спѣшить на помощь другу. Такъ поступилъ старый Ніалъ, когда узналъ опасность путешествія, предпринимаемаго его другомъ, Гуннаромъ. Онъ приказалъ сыновьямъ ѣхать съ нимъ вмѣстѣ, хоть и зналъ, что они при этомъ могутъ поплатиться жизнію. Но благородный Гуннаръ не принялъ предложенія, сказавъ: «Я слишкомъ много обязанъ тебѣ, [246] и не допущу, чтобъ сыновья твои за меня погибли.» Ни чье мщеніе не было вѣрнѣе и неотразимѣе мщенія названнаго брата, если убивали его друга, потому что обязанности названныхъ братьевъ почитались священнѣе сыновнихъ. Сага передаетъ намъ эти понятія старины, разсказывая объ отношеніяхъ короля Ніорве къ Викингу ярлу. Оба были названные братья. Сыновья короля напали на сыновей ярла, но были побѣждены и убиты, кромѣ одного, Іокулла, который спасся; онъ опять собралъ своихъ людей, чтобы отмстить Викингу и всему его семейству за падшихъ братьевъ; но старый Ніорве запретилъ это и съ угрозою сказалъ сыну: «Я самъ пойду на помощь Викингу: если ты убьешь

[246] Nials saga.

его, я также не пощажу тебя, чтобъ не сказали о Ніорве, что онъ нарушилъ клятву, данную другу.» [247] Тоже заставляетъ сага говорить Гуннлауга отцу своему, Кетиллу: «Ты хочешь безвинно истребить сыновей Торгрима. Но мы говоримъ тебѣ: прежде, чѣмъ это исполнится, мы явимся наносить вамъ удары, потому что участь братьевъ должна быть одинакова.»—«Тяжело, отвѣчалъ Кетиллъ, сражаться съ родными дѣтьми.» Онъ очень сердился, однако жь, сдѣлалъ, какъ хотѣли дѣти, для избѣжанія войны съ ними. [248] Нарушить вѣрность названному брату, а еще болѣе поступать съ нимъ непріязненно, почиталось безчестіемъ и приписывалось внушенію враждебныхъ сверхъестественныхъ силъ, или неизбѣжному опредѣленію злаго рока; такъ, когда Гединъ, названный братъ Гёгне, пришедшій въ неистовство отъ волшебнаго зелья Гёндула, нѣсколько разъ высказывалъ свой умыслъ на Гёгне, то дочь послѣдняго, Гильдура, сказала ему: «Ты не въ силахъ поступить иначе: въ тебѣ дѣйствуетъ другая воля.» [249] Долго происходили неудовольствія между названными братьями, Болле и Кіартаномъ, въ Исландіи; но только частыя взаимныя оскорбленія и сильныя внушенія жены, угрожавшей разводомъ, заставили, наконецъ, Болле итти съ своими деверьями для нападенія на Кіартана, когда онъ будетъ возвращаться изъ своего новокупленнаго помѣстья. Кіартану совѣтовали не ѣздить съ небольшой дружиной: съ нимъ были только двое товарищей; но онъ не боялся родныхъ Болле; «а братъ мой, онъ прибавилъ, не будетъ моимъ убійцею.» Болле помѣстился на пригоркѣ: родные подозрѣвали, что онъ нарочно выбралъ такое мѣсто, чтобы предостеречь Кіартана, и, будто шутя, свели его съ пригорка. Кіартанъ явился: родные Болле и люди, бывшіе съ ними, въ числѣ 8-ми человѣкъ, напали на него, но самъ Болле оставался празднымъ зрителемъ битвы и не принималъ въ ней участія. Не смотря на неравенство силъ, Кіартанъ оборонялся храбро и многихъ убилъ; противники находились въ крайности, сердились за бездѣйствіе на Болле, всячески раздражали его и говорили, что они всѣ погибнутъ отъ Кіартана, если онъ теперь ускользнетъ отъ нихъ. Болле подошелъ къ Кіартану съ мечемъ. «Ты видно рѣшился на недостойное дѣло, братъ, сказалъ послѣд-

---

[247] Thorsten Wikingsons saga.

[248] Thorgrim Prudes и Wiglunds saga.

[249] Saurla Thattr. Olof Tryg. saga. II. Скальгольт. изд.

ній, такъ лучше умереть отъ твоей руки, нежели самому убить тебя.» Съ этими словами онъ бросилъ мечь и не сдѣлалъ ни какого движенія для защиты. Болле, не отвѣчая ничего, ударилъ его мечемъ Геирмундовымъ, потомъ бросился въ объятія [250] умирающаго брата и тотчасъ раскаялся въ своемъ дѣлѣ. Такія преступленія противъ законовъ братства рѣдко встрѣчаются въ сагахъ: они считались неслыханными. Чаще видимъ примѣры благороднаго соревнованія братьевъ во взаимныхъ пожертвованіяхъ и черты такого самоотверженія, что если одинъ изъ нихъ умиралъ, другой не хотѣлъ пережить его. Когда Эйвиндъ Сёркнеръ, въ Исландіи, узналъ о смерти Ингемунда, то сказалъ одному своему пріемышу: «Ступай и разскажи другу, Гаутру, что увидишь теперь: полагаю, что и онъ послѣдуетъ моему примѣру.» Онъ вынулъ изъ подъ плаща мечъ и умертвилъ себя. Гаутръ, услышавъ о томъ, сказалъ: «Друзья Ингемунда не должны жить долѣе, и я поступлю по примѣру брата Эйвинда.» Сказавъ это, онъ закололся. [251] «Вмѣстѣ жить, вмѣстѣ умереть» — любимая поговорка названныхъ братьевъ. Эта неразрывная дружба храбрыхъ, служившая отрадой и защитою въ разныхъ превратностяхъ жизни, составляетъ самый обильный предметъ разсказовъ въ сагахъ. Тогдашнее время безсилія государственной власти и ненадежной общественной безопасности придавало особенный, самобытный оттѣнокъ такой дружбѣ. Ей помогали одинаковыя занятія, образъ мыслей, нравы, привычки, воспитаніе. Разнообразіе предметовъ и отношеній въ то время еще не раздѣляли дѣятельности душевныхъ силъ. Глубокія и сильныя впечатлѣнія были доступнѣе сердцу. Жизнь была ближе къ природѣ. Наша образованность больше говоритъ уму, нежели сердцу.

IV. Подобно дружбѣ, и ненависть Норманновъ не знала предѣловъ. Всякой, дорожившій уваженіемъ другихъ, не могъ хладнокровно сносить обиды, или оставлять безъ отмщенія смерть друга, либо родственника. Слабость и робость вовсе негодились въ тѣ времена. Немного мужества и мало утѣшенія ожидали отъ того, кто

---

250 Laxdaela saga.
251 Vatnsdaela saga.

27

никогда ни видалъ крови. [252] Даже въ дѣтскихъ играхъ не могли терпѣть мальчиковъ, [253] не убившихъ хотя одного звѣря. Эйгиль Скалагримсонъ на 12-мъ году жизни убилъ уже двухъ человѣкъ: [254] тѣхъ же лѣтъ былъ и Торкелъ Крафла, когда умертвилъ Торкела Сильфра изъ Гельгевате въ Исландіи. [255] Такія вспышки горячности въ дѣтяхъ нравились больше слабой боязливости, не предвѣщавшей никакихъ храбрыхъ подвиговъ. Обыкновенно говорили: «Лучше бейся съ врагами, а не будь труслив ъ!» [256] Отъ того-то кровь лилась нерѣдко за самыя неважныя оскорбленія, и одно убійство вызывало другое, какъ возмездіе. Но этимъ людямъ незнакомо было коварное злодѣйство и всякое дѣло, носившее образъ робкой жестокости. Они могли изрубить врага, но не безоружнаго, и тайное убійство причислялось къ дѣламъ безчестнымъ. Кто не дѣлалъ явно своихъ дѣлъ и не подвергалъ себя ихъ послѣдствіямъ, тотъ навлекалъ на себя неизгладимый стыдъ: по крайней мѣрѣ, необходимо было, чтобы убившій другаго покидалъ свой мечъ въ его ранѣ: въ то время оружія не принадлежали еще къ числу туземныхъ издѣлій, и по мечу легко было узнать убійцу; тогда вынувшій изъ раны мечъ становился мстителемъ убитаго. [257] Въ нѣкоторыхъ только случаяхъ, если убитый пользовался общимъ уваженіемъ, или былъ знатнаго рода, полагали, что его убійство должно быть искуплено смертію многихъ; въ противномъ случаѣ, мщеніе падало только на убійцу и одного изъ близкихъ его родныхъ; хотя и знали, что мстители растутъ въ юныхъ дѣтяхъ убитыхъ, однако жь, не любили заносить оружіе на грудь младенцевъ. [258] Мщеніе Норманновъ не было такъ кровожадно и не доходило до такой ужасной степени, какъ на Востокѣ; оно основывалось у нихъ на чувствѣ спра-

---

[252] «Никогда не видать человѣческой крови» было позорнымъ упрекомъ для мужчины.

[253] Floamanna saga.

[254] Eigils saga.

[255] Vatnsdaela saga.

[256] Volsunga saga. «Рѣдко бываютъ храбры тѣ, которые начинаютъ робко и мягкосердечны въ дѣтствѣ». Fafnismal.

[257] Gisle Sursons saga.

[258] Мудрая Брингильда совѣтуетъ своему любимцу, Сигурду, никогда не воображать себя въ безопасности отъ потомковъ убитаго, потому что «всякъ выростаетъ въ его юномъ сынѣ, хоть и поукрощенъ деньгами.» Brynhildar-quida I.

ведливости и требовало одного возмездія. Бывали примѣры, что всѣ жители одного двора вмѣстѣ съ нимъ сожигались; но такъ обыкновенно поступали разбойники и дикіе Викинги. Когда мстители искали преступника въ домѣ, то приказывали удаляться оттуда [259] женщинамъ и дѣтямъ: нападеніе на безоружныхъ и беззащитныхъ почиталось злодѣйскимъ [260] и постыднымъ дѣломъ. Сила противъ силы и ударъ за ударъ было житейскимъ правомъ Норманновъ. Они могли вырѣзать краснаго орла [261] на спинѣ врага, но причинить насиліе слабому, или умертвить его, считалось постыднымъ. [262] Въ набѣгахъ на чужія земли они свирѣпствовали съ огнемъ и мечемъ,

---

Мужу своему, Гуннару, говоритъ такъ: «Пусть сынъ идетъ путемъ отца; волчатамъ не долго везетъ счастье; для всякаго мщеніе тѣмъ легче, а примиреніе тѣмъ медленнѣе, что сынъ живъ.» Brynhildar-qvida II. Но хотя въ сагахъ встрѣчаются иногда примѣры, что по убійствѣ отца стараются какимъ бы то ни было образомъ избавиться и отъ сыновей, чтобы обезопасить себя отъ мщенія ихъ, однако жь, это принадлежало къ числу поступковъ, не только рѣдкихъ, но и имѣвшихъ причину обыкновенно въ другихъ самолюбивыхъ видахъ, на прим., когда присвоивали королевство и сокровища убитаго, то старались обезпечить для себя награбленное добро умерщвленіемъ наслѣдниковъ.

259 Nial saga.

260 Когда Греттеръ, высокорослый и сильный Исландецъ, услышалъ, что Свенъ ярлъ выгнанъ изъ Норвегіи и, вмѣсто его, царствуетъ Олофъ Гаральдсонъ, или Дигре, онъ, съ другими молодыми Исландцами, поплылъ на купеческомъ кораблѣ въ Норвегію поискать себѣ счастья у короля. Пристали у Гаурдаланда и оттуда поплыли въ Трондгимъ (Дронтгеймъ). Ночью поднялась сильная буря: едва, едва прибились къ берегу; люди, бывшіе на кораблѣ, погибали отъ холода. На другой сторонѣ бухты увидали огонь, и купцы просили Греттера, чтобы онъ, какъ человѣкъ сильный и искусный на все, переплылъ черезъ бухту и досталъ огня. Онъ исполнилъ просьбу, подошелъ къ дому, вошелъ въ него и схватилъ горящую головню. Увидавъ великана, явившагося такъ неожиданно, жители дома сочли его за привидѣніе и стали бить чѣмъ ни попало. Онъ защищался горящею головнею, которую взялъ съ очага, и счастливо ушелъ съ нею къ своимъ спутникамъ. Они похвалили его отвагу. Когда же на другой день нашли, что домъ на берегу бухты сгорѣлъ, и открыли сожженныя кости людей, родилось подозрѣніе, что Греттеръ сожегъ домъ со всѣми людьми: товарищи прогнали его, какъ величайшаго злодѣя. Онъ отправился къ королю Олофу и просилъ, чтобы король защитилъ его отъ этой дурной молвы, которая шла про него. Gretter saga.

261 Это дѣлалось такимъ образомъ: возлѣ становой кости вонзали мечъ въ тѣло, вырѣзывали всѣ ребра до самыхъ бедеръ и вынимали легкія. Но такіе безчеловѣчные поступки случались только въ крайнемъ раздраженіи и гнѣвѣ.

262 Gretter saga.

однако жь не убивали грудныхъ младенцевъ и не искали удовольствія и славы въ изобрѣтеніи новыхъ мукъ и страданій. Воровство почиталось особенно гнуснымъ порокомъ. Исландецъ Гордъ очень сердился, что названный его братъ, Геиръ, воровалъ: «Грабить, сказалъ онъ, гораздо лучше.» [262] Обычай Викинговъ, говорили, таковъ, чтобы доставать себѣ богатство грабежемъ и хищеніемъ, но укрываться послѣ того—похоже на воровство. [264] Въ одномъ походѣ въ Куронію Исландецъ Эйгилъ взятъ былъ въ плѣнъ поселянами; ночью удалось ему вырваться; онъ освободилъ также своихъ единоземцевъ вмѣстѣ съ нѣсколькими Датчанами, и съ большою добычею отправился назадъ на корабль; но на дорогѣ ему вообразилось, что онъ поступилъ какъ воръ, а не какъ Викингъ; чтобы не сказали о немъ того, онъ поспѣшно воротился, зажегъ шинокъ, гдѣ пили его враги, прокричалъ имъ свое имя и потомъ погубилъ ихъ огнемъ и желѣзомъ. [265] Вообще гнушались всякими поступками, обличавшими лукавство, робость и низость. Вездѣ хотѣли видѣть неустрашимость и мужество, величіе и силу. «Орлы поражаютъ прямо», говорили въ тѣ времена. [266] Добро и зло проистекало изъ одного и того же источника. Чрезвычайная щекотливость относительно чести, вооружавшая Норманна на отмщеніе несправедливостей и обидъ, дѣлала его страстнымъ искателемъ славы, великаго имени, честнаго одобренія; тотъ же мстительный духъ, не знавшій ни какихъ препятствій, не давалъ ему также уклоняться отъ исполненія даннаго слова, а сила и твердость духа хоть и исключали всякое чувство состраданія, за то не допускали излишней чувствительности, которая могла бы останавливать Норманна въ тѣхъ случаяхъ, когда онъ сознавалъ себя справедливымъ. Въ ненависти, въ мщеніи, въ дружбѣ Норманны дѣйствовали очень сильно. Когда насиліе и обида возмущали самыя святыя чувства ихъ, или когда военный пылъ овладѣвалъ ими, они были страшны. У нихъ были свои пороки и недостатки; мы также имѣемъ свои. Они не скрывали ихъ; мы въ этомъ отношеніи гораздо искуснѣе Скандина-

---

[263] Horde и Holmveria saga.
[264] Ol. Tryggv. saga.
[265] Eigil saga.
[266] Ol. Haralds. saga, у Снорре Стурлесона.

вовъ. Вся разница состоитъ въ неодинаковыхъ понятіяхъ, образѣ и порядкѣ жизни. Дóма они были прекрасные и разсудительные отцы семействъ; порядокъ, простота, нравственность не покидали ихъ домашняго быта.

V. Молодые люди не были равнодушны къ женской красотѣ. Столь же доступные для любви, какъ и для дружбы, Скандинавы приносили прекрасному полу такія жертвы, какихъ нельзя бы и ожидать отъ того времени; похвала и любовь красавицы были сильнымъ побужденіемъ къ подвигамъ. Ея благосклонность, какъ награда храбрости, составляетъ главную черту Сѣверныхъ богатырскихъ пѣсень. Для нея Норманны пускались въ самыя отчаянныя предпріятія; считалось особенною славою достать себѣ жену какимъ ни будь отважнымъ подвигомъ. Существовалъ такой обычай на пирахъ, что воины, разгоряченные крѣпкимъ пивомъ, между разными обѣтами за кубкомъ, клялись достать себѣ славную красавицу, или погибнуть въ случаѣ неудачи. Нерѣдко случалось, что любовникъ, не успѣвшій снискать расположеніе родственниковъ своей милой, покидалъ свой городъ, убѣгалъ съ нею въ лѣсъ и селился въ глуши. Слѣды этого стариннаго обычая похищать дѣвицъ и отнимать ихъ силою встрѣчаемъ въ древнихъ законахъ, запрещающихъ подобные поступки; эти законы предписываютъ, чтобы мужчина обращался съ сватовствомъ къ родственникомъ дѣвушки, [267] а не уводилъ ее силою. Вообще женщина наполняетъ собою жизнь Сѣвера. Она занимаетъ главное мѣсто въ его сагахъ. Она присутствуетъ на пирахъ, народныхъ собраніяхъ, при всякихъ торжествахъ. Когда собирались на пиръ, женщины садились за столъ рядомъ съ мущинами, пили изъ одного съ ними кубка, и въ этомъ не отставали отъ нихъ; онѣ посѣщали общественныя игры, съ особенныхъ высокихъ мѣстъ смотрѣли на игру въ мячь, на состязанія въ стрѣльбѣ изъ лука, въ борьбѣ, и другихъ военныхъ упражненіяхъ. Молодые люди не были равнодушны къ женскому вниманію, какое обращали на себя лучшія изъ нихъ. Въ домахъ отцовъ дочери пользовались свободою, дозволяемою приличіемъ. Знатныя имѣли свои теремы (Jungfrubur); но это не мѣшало имъ принимать участіе во всѣхъ домашнихъ дѣлахъ; онѣ могли выходить и

---

[267] Upplands Lagen Aerfda Balken I. Cp. Westman. L. Aerfda B. I. и Helsinge L. Aerfda B. I.

выѣзжать, имъ дозволялось принимать посѣщенія мужчинъ, принадлежавшихъ къ родственникамъ, или короткимъ знакомымъ дома. Въ примѣръ можно привести Ингегерду, дочь Олофа Скётконунга. Два королевскіе скальда, Гизоръ Сварте и Оттаръ Сварте, привели къ ней своего земляка, Исландскаго скальда, Гяльте Скёггасона, посла Норвежскаго короля, Олофа Дигре. Онъ никакъ не могъ склонить Олофа Скётконунга къ миру съ своимъ королемъ. Королевна приняла ихъ очень ласково: они долго пировали у нея; Гяльте былъ съ большими свѣдѣніями, и Ингегердѣ такъ полюбилась его бесѣда, что она просила скальда навѣщать ее чаще. Гяльте исполнилъ просьбу; заведя рѣчь о королѣ Олофѣ, онъ успѣлъ получить обѣщаніе Ингегерды, что она постарается внушить отцу лучшее мнѣніе объ его Государѣ. Это, впрочемъ, не удалось. Но, благодаря разсказамъ о прекрасныхъ свойствахъ своего короля, хитрый Гяльте вызвалъ у королевны признаніе, что она не прочь [268] отъ супружества съ королемъ Олофомъ. Если отецъ хотѣлъ почтить гостя, то, по обыкновенію, прекрасная дочь хозяина подносила гостю кубокъ съ виномъ и немного отпивала изъ него. Изъ примѣровъ приведемъ два слѣдующіе. Во времена Ингіалда Ильрады, Зёдерманландскій король, Гранмаръ, съ большими почестями принималъ у себя морскаго короля, Гіорварда Ильфинга, случайно приставшаго къ берегамъ его. Онъ велѣлъ своей красивой дочери, Гильдигуннѣ, поднести вождю Викинговъ серебряный кубокъ съ пивомъ. Подошедши къ королю, она сказала ему привѣтствіе: «Желаю счастія вамъ и всѣмъ Ильфингамъ и здоровья Рольфу Кракесу.» * Потомъ она выпила кубокъ до половины и подала его Гіорварду. Принимая кубокъ, онъ схватилъ ея руку и просилъ сѣсть возлѣ него и пить съ нимъ. Она замѣтила, что у Викинговъ не принято пить изъ одного кубка съ женщинами. «Но на этотъ разъ, отвѣчалъ Гіорвардъ, я забываю наши правила, чтобы пить вмѣстѣ съ тобою.» Они сидѣли рядомъ цѣлый вечеръ и много разговаривали. На другой день Викингъ просилъ у Гранмара руки Гильдигунны, и получилъ ее. — Эйстенъ Бели, одинъ изъ зависимыхъ королей Рагнара Лодброка, также велѣлъ дочери,

---

268 Ср. сочин. Швед. ист., т. I, стр. 397 и слѣд.

* Древній король Даніи, сынъ короля Гёлге и завоеватель Ютландіи. Dahlmann, Gesch. v. Daen.

Ингеборгѣ, поднести кубокъ этому королю. [269] Сѣверная женщина не знала принужденія, снѣдавшаго жизнь ея у других народовъ; она была свободнѣе, и участь ея во многихъ отношеніяхъ счастливѣе древнихъ Греческихъ женщинъ. На Сѣверѣ она была украшеніемъ мужскихъ обществъ; Скандинавы любили ея бесѣды. Она имѣла сильное вліяніе на мужчину; съ нею соединялось много событій и приключеній; много ужасныхъ ссоръ выходило изъ за нея. Когда спросили Исландскаго старшину, Рута, хороша ли племянница его, юная Гальгерта, онъ отвѣчалъ: «Такъ хороша, что навѣрное будетъ несчастіемъ для многихъ мужчинъ.» Его предсказаніе сбылось. [270] Сочувствіе къ женской красотѣ видно во всѣхъ старинныхъ сагахъ и пѣсняхъ. Самый языкъ Скандинавовъ такъ богатъ особенными наглядными описаніями женственной красоты, что въ этомъ отношеніи нисколько не уступаетъ другимъ. Гавамала такъ воспѣваетъ власть любви надъ умами Сѣверныхъ людей:

«Изъ мудрыхъ глупцами
Сыновъ человѣка
Творитъ она, сильная страсть.»

VI. Отцы заботились о чести дочерей столько же, какъ и о своей собственной. Честность и цѣломудріе не только считались лучшимъ украшеніемъ дѣвушки, но и составляли одно изъ условій, безъ которыхъ она теряла всякое право на уваженіе и не могла ожидать себѣ приличнаго жениха. Ни одинъ отецъ не терпѣлъ шатуновъ, Husgaungur: [271] такъ назывались молодые люди, навлекавшіе на себя подозрѣніе частыми посѣщеніями къ дѣвушкамъ. По древнимъ Исландскимъ законамъ, изгнаніе грозило всякому, кто насильно поцѣлуетъ свободную дѣвушку, или позволитъ себѣ другую личную шалость; если же это случалось по доброму согласію дѣвушки, а ея родные приносили жалобу, то виновный присуждался къ денежной пенѣ въ три марки. [272] Готскій законъ гово-

---

269 Ср. сочин. Шведск. ист. стр. 246 и 278.
270 Nial saga.
271 Viga Glum saga. Vatnsd. saga и другія.
272 Arngrimi Jonae Chrymogaea. Въ числѣ совѣтовъ Брингильды Сигурду есть и такой: «Не привязывать къ себѣ женщины поцѣлуями, или другими ласками.» Brynh.-quid. I. Ср. Volsunga saga.

ритъ слѣдующее: «Если возмешь женщину за руку, плати полмарки, въ случаѣ жалобы ея; если за локоть; плати восемь ёртуговъ: [273] если за плечо — пять ёртуговъ, если за грудь, плати ёру и т. п.» За самый наглый поступокъ съ женщиною законъ не налагаетъ и пени: «Многіе терпятъ наказаніе, прибавляетъ онъ, когда дойдетъ до того.» Та же заботливость о нравахъ видна и въ постановленіяхъ относительно неосторожныхъ шалостей съ женщиною, когда при этомъ случаѣ обнажится голова ея, или изорвется платье и т. д.

Приключеніе Уни или Уборни, сына Шведа Гардара, показываетъ, какъ поступали Норманны въ тѣхъ случаяхъ, когда свободная дѣвушка поддавалась соблазну и лишалась чести. Онъ съ 11-ю товарищами прибылъ въ Исландію и зимовалъ тамъ у Лейдольфа, давшаго ему пріютъ со всѣми товарищами. Дочь Лейдольфа, Торунна, допустила Уборни соблазнить себя и сдѣлалась беременной. Соблазнитель весною бѣжалъ со всѣми товарищами; Лейдольфъ догналъ его, требовалъ, чтобы онъ воротился и, для сохраненія чести его дочери, женился на ней. Когда Уни отказался, стали сражаться. Лейдольфъ опять пригналъ бѣглеца къ своему двору; у Уни пало много товарищей. Онъ обѣщался жениться на оскорбленной дѣвушкѣ и жить на дворѣ Лейдольфа, но въ отсутствіе Лейдольфа бѣжалъ въ другой разъ. Разсерженный отецъ опять догналъ его и изрубилъ со всѣми товарищами. [274] Древніе законы Швеціи называютъ падшую дѣвушку miskunna kona fadhurs ok modhor, женщина, зависящая отъ милосердія отца и матери; родители могли поступить съ нею, какъ хотѣли: или прощали ее, или лишали правъ честной дочери. [275] Строгія правила древности въ подобныхъ случаяхъ и немногіе примѣры такихъ паденій въ сагахъ вызываютъ предположеніе, что родители рѣдко могли сѣтовать на безпорядочное поведеніе дочерей. Страстныя желанія спокойнѣе на Сѣверѣ, у народа съ строгими семейными нравами и у людей, ведущихъ постоянно трудовую жизнь.

---

[273] Третья часть эры; восемь эръ составляли прежде марку.
[274] Landnama.
[275] Uppl. Lag., Aerfda B. I., Westm. L., Aerfda B. III., Oestg. L., Aerfda B. I.

V

СМѢСЬ

ОПИСЬ

МОСКОВСКОЙ МѢЩАНСКОЙ СЛОБОДЫ ОБЫВАТЕЛЬСКИМЪ ДВОРАМЪ И ПОИМЯННЫЙ СПИСОКЪ,

КТО ЧѢМЪ ПРОМЫШЛЯЕТЪ, 7185 (1677) ГОДА. *

---

1. Промышляетъ мяснымъ промысломъ.
2. Торгуетъ груздями.
3. Промыслъ ево кузнечное мастерство.
4. » » кузнечное мастерство.
5. » » серебреное мастерство.
6. » » серебреное мастерство.
7. » » торгуетъ на стругахъ рожью.
8. Торгуетъ въ женскомъ Шапочномъ ряду.
9. Промыслъ ево кузнечное мастерство.
10. » » » »
11. А торгуетъ въ Шелковомъ ряду.
12. » » Овошномъ ряду.
13. А промыслъ ево, сидитъ въ погребу за краснымъ питьемъ.
14. » » золотое мастерство.
15. Торгуетъ переулошнымъ товаромъ.
16. Промыслъ ево, дѣлаетъ околы шапочные на Нѣмецкую руку и ѣздитъ къ Архангельскому городу.
17. А промышляетъ она гончарнымъ промысломъ.
18. » гончарнымъ промысломъ.
19. Коретникъ.
20. Промыслъ ево въ Мѣщанской слободѣ, въ съѣзжей избѣ, въ подъячихъ.
21. Торгуетъ возлѣ Гостина двора, въ Мѣщанскомъ ряду, въ лавкѣ.
22. Промыслъ ево гончарное дѣло.
23. А промыслъ ево гончарное дѣло.

---

* Хранится въ Московскомъ Главномъ Архивѣ Министерства Иностранныхъ Дѣлъ, писанная скорописью того времени, въ листъ.

24. А промыслъ ихъ гончарное дѣло.
25. » его саблями торгуетъ.
26. По указу Великаго Государя въ Государевѣ чину, въ конюшенныхъ въ коретныхъ обойщикахъ.
27. Промышляетъ пранишнымъ промысломъ.
28. Торгуетъ переулошнымъ товаромъ.
29. » на Ильинскомъ крестцѣ шаюномъ.
30. Промыслъ ево портное мастерство
31. » » торгуетъ на Красной площади ветошнымъ желѣзьемъ.
32. » » сапожное мастерство.
33. » » портное мастерство.
34. » » кузнечное мастерство.
35. » » сапожное мастерство.
36. » » дѣлаетъ сахары ряженые.
37. А торгуетъ сѣномъ да овсомъ.
38. А промыслъ ево кузнечное мастерство.
39. А промышляетъ въ Ирошномъ ряду.
40. А торгуетъ въ лѣсномъ ряду.
41. Промыслъ ево серебряное мастерство.
42. Торгуетъ онъ въ Москотильномъ ряду.
43. А промыслъ его кузнечное мастерство.
44. А торгуетъ груздями и нанимаючи въ лавкахъ сѣномъ и овсомъ.
45. А промыслъ ево шапки мужскіе дѣлаетъ на Польскую руку.
46. » » кузнечное мастерство.
47. Торгуетъ въ сапожномъ ряду.
48. А промыслъ ево въ Сурожскомъ ряду ходитъ въ ходокахъ.
49. » » портной мастеръ.
50. Торгуетъ кирпичемъ.
51. » свѣжею рыбою.
52. Промыслъ ево кузнечное мастерство.
53. Кузнецъ.
54. Торгуетъ онъ въ Крашенинномъ ряду.
55. » переулошнымъ товаромъ у Срѣтенскихъ воротъ.
56. Рукодѣлье ево сапожное мастерство.
57. А промыслъ ево подпруги дѣлаетъ.
58. Квасникъ.
59. Промышляетъ въ Скорняшномъ ряду.

60. Торгуетъ мяснымъ промысломъ.
61. Промыслъ ево подсѣваетъ въ мучномъ ряду хлѣбъ.
62. » » торгуетъ сѣномъ и овсомъ.
63. Торгуетъ въ Ножовомъ ряду.
64. Промыслъ ево пряники печетъ.
65. » » дѣлаетъ бѣлилы Нѣмецкіе.
66. » » торгуетъ сырьемъ.
67. Кормятца чорною работою.
68. Промыслъ его обручи набиваетъ.
69. Торгуетъ сѣномъ, а лѣтомъ морковью.
70. Промыслъ ево серебреное мастерство.
71. » » горшки дѣлаетъ и печи кирпишные.
72. Кормитца по мельницамъ около Москвы въ засыпкахъ.
73. А промыслъ ево въ мучномъ ряду подсѣваетъ хлѣбъ.
74. А промышляетъ сырьемъ.
75. » » »
76. » » »
77. Кормитца портнымъ мастерствомъ.
78. Торгуетъ въ Просольномъ рыбномъ ряду.
79. А промыслъ ево сусальное золото дѣлаетъ.
80. » » сусальное дѣло.
81. А торгуетъ квасомъ.
82. Промыслъ ево плотнишное мастерство.
83. Промышляетъ квасомъ и харчомъ.
84. Промыслъ ево оконницы дѣлаетъ слюдяные.
85. » » оконницы слюдяные дѣлаетъ.
86. » » кузнечное мастерство.
87. » » печетъ здобные калачи.
88. » » кузнечное рукодѣлье.
89. Промышляетъ мяснымъ промысломъ.
90. Торгуетъ въ Овошномъ ряду.
91. » » Шолковномъ ряду.
92. » » въ Мѣщанскомъ ряду въ лавкахъ, у Гостина двора.
93. » » въ Мѣщанскомъ ряду.
94. Промыслъ ево книги переплетаетъ.
95. Торгуетъ въ Польскомъ ряду и ѣздитъ къ Архангельскому городу съ пенькою.
96. Промышляетъ отъѣзжимъ торгомъ и за стеклами сидитъ.

97. Промыслъ ево книги переплетаетъ и въ Мѣщанскомъ ряду въ лавкѣ сидитъ.
98. » » серебреное мастерство.
99. » » сидитъ въ лавкѣ въ Мѣщанскомъ ряду, а братъ ево серебреное дѣло дѣлаетъ.
100. Торгуетъ въ Медовомъ ряду.
101. » » сѣномъ и овсомъ.
102. Промыслъ портное мастерство.
103. Торгуетъ въ Крашенинномъ ряду.
104. » высегою.
105. Промыслъ пряники печетъ.
106. Торгуетъ переулошнымъ товаромъ.
107. » сѣномъ.
108. » переулошнымъ товаромъ.
109. Промыслъ ево въ Мясномъ ряду.
110. » » вощаные свѣчи дѣлаетъ.
111. Торгуетъ кирпичомъ.
112. » сѣномъ.
113. Промышляетъ колашнымъ промысломъ.
114. Промыслъ ево овчины дѣлаетъ.
115. Торгуетъ квашениною.
116. » въ Ветошномъ ряду.
117. » сѣномъ.
118. Промыслъ ево серебреное дѣлаетъ басемное.
119. Промыслъ ево кузнечное мастерство.
120. Кузнецъ.
121. Торгуетъ въ Масленомъ коровьемъ ряду.
122. Промыслъ ево свѣчи вощаные дѣлаетъ.
123. Котельникъ.
124. Торгуетъ въ Москотильномъ ряду.
125. Промышляетъ переулошнымъ товаромъ.
126. Промыслъ ево печетъ ситные хлѣбы.
127. Торгуетъ въ Кафтанномъ ряду.
128. Кормитца чорною работою.
129. Торгуетъ въ Житномъ ряду.
130. Обручникъ.
131. Промыслъ ево дѣлаетъ женскіе пухи, а братья ево работою чорною кормятца.

132. Торгуетъ въ Желѣзномъ ряду.
133. Кормитца въ мужскомъ Шапочномъ ряду.
134. А промыслъ ево извозничаетъ на лошади въ живьѣ.
135. Кормитца въ мужскомъ Шапочномъ ряду.
136. Торгуетъ въ Крашенинномъ ряду.
137. Бронникъ.
138. Торгуетъ въ Шолковномъ ряду.
139. Промыслъ ево ножи оприправливаетъ.
140. Серебреникъ.
141. Торгуетъ на Красной площади крупою.
142. Промыслъ ево хлѣбы печетъ ржаные.
143. Рукавишникъ.
144. Алмазникъ, промыслъ ево алмазное каменье гранитъ.
145. Промыслъ ево сапожное мастерство.
146. » » въ Ирошномъ ряду.
147. » » колачи печетъ тертые.
148 » » суды деревянные пишетъ въ Судовомъ ряду.
149. Промышляетъ мяснымъ промысломъ.
150. А промыслъ ево сидитъ въ Москотильномъ ряду, въ лавкѣ.
151. Промышляетъ мяснымъ промысломъ.
152. Торгуетъ въ Овошномъ ряду.
153. » въ красномъ Сапожномъ ряду.
154. Промыслъ ево сидитъ въ лавкахъ въ Мѣщанскомъ ряду и ѣздитъ къ городу Архангельскому.
155. Промыслъ ихъ портное мастерство.
156. Торгуетъ онъ въ Мѣщанскомъ ряду.
157. » » » »
158. Промыслъ ево мыло рѣжетъ и продаетъ врозносъ.
159. Портной.
160. Торгуетъ у Посольскаго двора въ лавкѣ.
161. Промышляетъ въ Мѣщанскомъ ряду.
162. Торгуетъ въ Мѣщанскомъ ряду.
163. Промыслъ ево книги переплетаетъ.
164. Торгуетъ яблоками.
165. » въ Мѣщанскомъ ряду.
166. Промышляетъ мяснымъ промысломъ.
167. Торгуетъ въ Игольномъ ряду.
168. А промыслъ ихъ овчинное мастерство.

169. Промышляетъ ржаными хлѣбами.
170. Промыслъ ево кузнечное мастерство.
171. Промышляетъ мяснымъ промысломъ.
172. Торгуетъ квашениною.
173. Промышляетъ мяснымъ промысломъ.
174. Мастерство за нимъ бобры дѣлаетъ.
175. Торгуетъ крупою.
176. Промыслъ ево свѣчи вощаные дѣлаетъ.
177. » » серебреное мастерство.
178. Торгуетъ въ Чюлошномъ ряду.
179. Промыслъ ево портное мастерство.
180. Промышляетъ ржаными хлѣбами.
181. » » »
182. » ихъ дѣлаютъ образчатые печи.
183. Портной мастеръ.
184. Промышляетъ мяснымъ промысломъ.
185. » » »
186. » » »
187. Мясникъ.
188. Промышляетъ сырьемъ.
189. Торгуетъ ветошьемъ.
190. А промыслъ ево сапоги дѣлаетъ Нѣмецкіе.
191. » » хлѣбами ржаными.
192. Промышляетъ харчомъ.
193. А промыслъ ево скорняшное дѣло.
194. Торгуетъ онъ крупою.
195. А промыслъ ево мѣдные кресты да перстники дѣлаетъ.
196. А торгуетъ въ Мучномъ ряду.
197. Портное мастерство.
198. Торгуетъ мяснымъ промысломъ.
199. Кормится чорною работою.
200. А промыслъ ихъ, бѣлила дѣлаютъ.
201. А кормится чорною работою.
202. Торгуетъ мыломъ Польскимъ врознось.
203. А промыслъ ево рукавицы дѣлаетъ перщатыя.
204. А торгуетъ переулошнымъ товаромъ.
205. Кормится портнымъ мастерствомъ.
206. Портное мастерство.

207. Промыслъ ево башмаки дѣлаетъ.
208. » » гончарное дѣло.
209. Промышляетъ мяснымъ промысломъ.
210. » » »
211. » » »
212. Торгуетъ въ Пушномъ ряду.
213. Промышляетъ мяснымъ промысломъ.
214. Печникъ.
215. Промышляетъ мяснымъ промысломъ.
216. » » »
217. » » »
218. Промышляетъ орѣхами, яблоками и рѣзбою.
219. Промыслъ ево портное мастерство.
220. » ихъ на Мытенномъ и на Гостине дворѣхъ.
221. Торгуетъ рыбою бочечною и всякими съѣстными товары.
222. Торгуетъ въ Мѣщанскомъ ряду въ Польскихъ лавкахъ.
223. Торгуетъ въ Серебреномъ ряду.
224. Торгуетъ кутьею.
225. Промышляетъ мяснымъ промысломъ.
226. Промыслъ ево сидить въ лавкѣ въ Мѣщанскомъ ряду.
227. » » серебреное мастерство.
228. » » стеклянные окончины дѣлаетъ.
229. Торгуетъ въ Дехтярномъ ряду.
230. Промыслъ книги переплетаетъ.
231. » мыло Польское варитъ.
232. » свѣчи вощаные дѣлаетъ.
233. » мыло варитъ.
234. » » мясной.
235. Промышляетъ ржаными хлѣбами и квашениною.
236. Торгуетъ въ живомъ Рыбномъ ряду.
237. Промышляетъ квашениною.
238. Торгуетъ орѣхами и яблоками.
239. Промыслъ ево портное мастерство.
240. Промышляетъ мяснымъ промысломъ.
241. Торгуетъ хлѣбомъ на стругахъ и на болоте.
242. Промыслъ ево женскіе пухи дѣлаетъ.
243. А кормитца она Христовымъ имянемъ.
244. Корняшникъ.

245. Промыслъ ево серебреное мастерство.
246. Промыслъ ево зеркалы дѣлаетъ.
247. Сапожникъ.
248. Торгуетъ походячимъ торгомъ.
249. Живетъ нанимаючись погодно у иноземцевъ.
250. Промышляетъ мяснымъ промысломъ.
251. » ржаными хлѣбами.
252. Промыслъ ево сусальное золото дѣлаетъ.
253. » » отряжаетъ животину.
254. Торгуетъ походя чюлками и рукавицами.
255. Кормится чорною работою.
256. Промыслъ ево въ живомъ Рыбномъ ряду.
257. Торгуетъ рыбою свѣжею.
258. » на Гостинѣ дворѣ.
259. Сапожникъ.
260. Торгуетъ вареньемъ, харчомъ.
261. » походя просолною рыбою.
262. Кормится чорною работою.
263. Торгуетъ ветошьемъ.
264. Промыслъ ево портное мастерство.
265. Кормитца чорною работою.
266. » въ Сырейномъ ряду.
267. Промыслъ ево портное мастерство.
268. » » » »
269. » » гончарное дѣло.
270. » » яблоками и орѣхами и рыбою торгуетъ
271. Торгуетъ въ Игольномъ ряду.
272. » яблоками.
273. » мяснымъ промысломъ.
274. Промышляетъ мяснымъ промысломъ.
275. Промыслъ ево гончарной, дѣлаетъ печи ценинныя.
276. Промышляетъ извозомъ.
277. Промыслъ ево оловянишное мастерство.
278. » » орѣхами торгуетъ.
279. Торгуетъ въ Мѣщанскомъ ряду.
280. » мукою.
281. » въ Мѣщанскомъ ряду въ лавкѣ всякими товарами.
282. » пухами бобровыми.

283. Промыслъ ево кузнечное мастерство.
284. » » портное мастерство.
285. Торгуетъ онъ просольною рыбою.
286. Серебреникъ.
287. Промыслъ ево овчины дѣлаетъ.
288. » » гончарное мастерство.
289. » » скорняшное мастерство.
290. Промышляетъ мяснымъ торгомъ.
291. Промыслъ ево серебреное дѣло.
292. Скорнякъ.
293. Торгуетъ орѣхами и яблоками.
294. » мукою.
295. Промышляетъ мукою.
296. Торгуетъ въ Мѣщанскомъ ряду въ лавкѣ.
297. » мыломъ въ розносъ.
298. » очками походя.
299. » мукою.
300. Промыслъ ихъ витушки Литовскіе пекутъ.
301. » ево тряпицы збираетъ на бумажное дѣло.
302. Мастерство ихъ гончарное дѣло, а большой пасынокъ, Оска, сапоги дѣлаетъ.
303. Промышляетъ мяснымъ промысломъ.
304. Торгуетъ рыбою свѣжею на Гостинѣ дворѣ.
305. » стекляною посудою на Гостинѣ дворѣ.
306. » въ Игольномъ ряду.
307. » въ Москатильномъ ряду.
308. Кормятца чорною работою.
309. Промыслъ ево портное мастерство.
310. Промышляетъ мяснымъ промысломъ.
311. Торгуетъ мяснымъ промысломъ.
312. » въ Мѣщанскомъ ряду походя съ товарами.
313. Промыслъ ево квашениною торгуетъ.
314. Торгуетъ орѣхами.

315. Промыслъ ево въ Мясномъ ряду.
416. » полсти валяетъ.
317. Торгуетъ въ Мѣщанскомъ ряду.
318. » орѣхами.
319. » она въ лавкѣ въ Мѣщанскомъ ряду.
320. Промыслъ ево нанимаетца въ Мѣщанскомъ ряду лавокъ стеречь.
321. Торгуетъ орѣхами.
322. » »
323. » »
324. Кормитца сапожнымъ мастерствомъ.
325. Промыслъ ихъ кузнечное мастерство.
326. Кормитца чорною работою.
327. Промыслъ ево набиваетъ обручи.
328. Промышляетъ мяснымъ промысломъ.
329. Промыслъ ево портное мастерство.
330. Промыслъ ихъ дѣлаютъ черные печи.
331. » » »
332. Кормится Христовымъ имянемъ.
333. Торгуетъ орѣхами.
334. Промыслъ ево котельное мастерство.
335. Торгуетъ харчомъ.
336. » » лукомъ да чеснокомъ.
337. Промыслъ ево извозничаетъ.
338. Промышляетъ въ лавкѣ мелочнымъ товаромъ и всякимъ съѣстнымъ харчомъ.
339. Торгуетъ въ Мѣщанскомъ ряду.
340. » мукою.
341. Портной мастеръ.
342. Промыслъ ево куницы подчерниваетъ.
343. » » портное мастерство.
344. » » овчины дѣлаетъ.
345. Торгуетъ въ Мѣщанскомъ ряду.

346 » » » »
347. » каменьемъ и жемчюгомъ, ходя по Боярскимъ дворамъ.
348. Промышляетъ яблоками и иными съѣстными товарами.
349. Торгуетъ яблоками.
350. » мукою.
351. » яблоками и рыбою свѣжею.
352. А промыслъ ево чюлки дѣлаетъ Польскіе.
353. » » » » »
354. Мастерство ево дѣлаетъ пищалные станки.
355 А торгуетъ на Гостинѣ дворѣ скляницами.
356. » яблоками и мыломъ.
357. » яблоками и мукою.
358. Портной мастеръ.
359. Торгуетъ орѣхами.
360. Портной мастеръ.
361. » »
362. Мясникъ.
363. Торгуетъ Польскимъ мыломъ въ розносъ.
364. А промыслъ ево портное мастерство.
365. » » чернитъ монатейныя сукна.
366. А промышляетъ мяснымъ промысломъ.
367. Промыслъ ево гончарное мастерство.
368. А промыслъ ево сапожное мастерство.
369. » » » дѣло.
370. Торгуетъ рѣшотными хлѣбами.
371. Кормитца въ миру Христовымъ имянемъ.
372. Промыслъ ево дѣлаетъ оловянные стаканы.
373. Промышляетъ мяснымъ промысломъ.
374. Торгуетъ онъ бобровыми пухами.
375. Кормитца по мелницамъ плотничнымъ мастерствомъ.
376. Торгуетъ подъ Лобнымъ мѣстомъ ветошьемъ.
377. » въ Сѣдѣльномъ ряду.
378. Мастерство ево сабли дѣлаетъ.

379. Портной мастеръ.
380. Торгуетъ квашениною.
381. » орѣхами и яблоками.
382. » въ Игольномъ ряду.
383. Портной мастеръ.
384. А промыслъ ево въ Чюлошномъ ряду.
385. Мясникъ.
386. А мастерство ихъ дѣлаютъ полсти цвѣтные.
387. Торгуетъ въ Игольномъ ряду.
388. » переулошнымъ товаромъ.
589. Кормитца въ Мѣщанской слободѣ, въ съѣзжей избѣ, въ приставахъ.
390. » чорною работою.
391. Торгуетъ на Гостинѣ дворѣ рыбою.
392. Промыслъ ево дѣлаетъ насосы.
393. Торгуетъ орѣхами и яблоками.
394. Промыслъ ево сады разводитъ (родиною изъ подъ Вильны).
395. Торгуетъ на Балчихѣ рѣшотными хлѣбами.
396. Печетъ хлѣбы рѣшотные.
397. Торгуетъ походя по Боярскимъ дворамъ каменьемъ и всякими товары.
398. » пухами женскими.
399. Дѣлаетъ въ Житной рядъ насыпки.
400. Торгуетъ нанимаясь въ Медовомъ ряду.
401. А кормитца лѣкарствомъ и зелейною работою. (Сенка Михайловъ лѣкарь; у него сынъ Сенка, родиною Резицкого уѣзду, что подъ Ригою, въ прошломъ во ҂рүд году взяли ево солдаты и отдали полуполковнику своему, Нѣмчину, Семену Финтиковичу, и жилъ у нево десять лѣтъ, и какъ онъ отпущенъ въ свою землю, и ихъ, по указу Великаго Государя, брали и освобождали на волю, и

послѣ того живалъ въ наймахъ у докторовъ и у ротныхъ хозяевъ).

402. А торгуетъ въ Мѣщанскомъ ряду походя и у Нѣмецъ стряпаетъ на поварняхъ.

403. Торгуетъ на красной площади крупою и ваыдынами.

404. Промыслъ ево листы печатаетъ.

405. » » шлеи дѣлаетъ.

406. » » извозничаетъ въ живьѣ.

407. Кормитца чорною работою.

408. Промыслъ ево печи дѣлаетъ чорные.

409. Кормится чорною работою.

410. » » »

411. Промыслъ ево извозничаетъ въ живьѣ.

412. Торгуетъ на берегу Москвы рѣки лѣсомъ.

413. » въ Сырейномъ ряду.

414. Живописецъ (Купряшка Матвѣевъ, родиною Смолянинъ).

415. Промыслъ ево портное мастерство.

416. Дѣлаетъ пищальное дѣло.

417. Серебреникъ (родиною съ Шкловаго рода).

418. Промыслъ ее лѣкарство (мужъ ее былъ лѣкарь и былъ въ оптекѣ).

419. Блинникъ.

420. Торгуетъ всякимъ походячимъ торгомъ.

421. » ржаными хлѣбами.

422. Промыслъ ево пищали дѣлаетъ.

423. А дѣлаютъ пищали.

424. А промыслъ ихъ яблоками торгуютъ.

425. » ево ситные хлѣбы печетъ.

426. Торгуетъ щепетильнымъ товаромъ.

427. Промышляетъ въ Скорняшномъ ряду.

428. Торгуетъ въ Пушномъ ряду и въ Польшу отъѣзжаетъ съ торгомъ же.

429. Серебреникъ.

430. Серебреникъ.
431. »
432. А торгуетъ мыломъ Литовскимъ.
433. » на Балчихѣ сѣномъ.
434. А кормитца письмомъ, пишетъ переводы обѣденные.
435. Промышляетъ ветошьемъ.
436. Кормитца шолки краситъ.
437. Мастерство серебреное дѣло.
438. Промыслъ ево извозничаетъ въ живьѣ.
439. Торгуетъ переулошнымъ товаромъ, хлѣбами и колачами.
440. Промыслъ ево серебреное мастерство.
441. Серебреникъ.
442. Столярного дѣла мастеръ.
443. А промыслъ ево скорняшное мастерство.
444. Промышляетъ въ Мясномъ ряду.
445. Промыслъ ево скорняшное дѣло.
446. Въ Государевой потѣхѣ въ органистѣ (Казимерко Леонтьевъ Василевскій, родиною Смоленского города, шляхетской породы).
447. Кормитца чорною работою.
448. Торгуетъ мукою.
449. Трепилщикъ.
450. Промышляетъ мяснымъ промысломъ.
451. Торгуетъ мяснымъ промысломъ.
452. » на Крестцѣ книгами.
453. Серебреникъ.
454. Промыслъ ево въ Мясномъ ряду.
455. Торгуетъ мяснымъ промысломъ.
456. Мастерство ево книги переплетаетъ.
457. Торгуетъ въ Мучномъ ряду.
458. » въ Подошевномъ ряду.
459. Промыслъ портное мастерство.
460. Торгуетъ въ Житномъ ряду.

461. Промыслъ ево колачи печетъ.
462. Торгуетъ сѣномъ и овсомъ.
463. Промыслъ ево въ овчинномъ Стригольномъ ряду.
464. Торгуетъ въ Мучномъ ряду.
465. » »
466. Саечникъ.
467. Торгуетъ хлѣбомъ на Болотѣ.
468. » въ Ветошномъ ряду.
469. » въ Коровьемъ Маслянномъ ряду.
470. » въ Просольномъ рыбномъ ряду.
471. » походя въ Ветошномъ ряду.
472. Торгуетъ всякимъ переулошнымъ товаромъ на Тверской въ лавкѣ.
473. Портное дѣлаетъ Нѣмецкое платье (родиною изъ Шкловаго рода, Мишка Ивановъ).
474. Торгуетъ въ коровьемъ Масленомъ ряду.
475. А промыслъ пруды дѣлаетъ.
476. Торгуетъ огородными сѣменами.
477. » на Мытенномъ дворѣ золою и съѣсными товары.
478. А промыслъ ево въ Судовомъ ряду.
479. А рукодѣлье ево сапожное мастерство.
480. Торгуетъ походя въ Ветошномъ ряду.
481. А промыслъ ево въ Мясномъ ряду.
482. Торгуетъ въ Холщовомъ ряду.
483. » переулошнымъ товаромъ.
484. Промыслъ ево серебреное мастерство.
485. » ево въ Скорняшномъ ряду.
486. Торгуетъ орѣхами и яблоками.
487. Промыслъ ево скорняшное мастерство.
488. Кормитца квасным промысломъ.
489. Кормитца Христовымъ именемъ.
490. » извозомъ въ Мучномъ ряду.
491. Торгуетъ мяснымъ промысломъ.

492. Кормитца чорною работою.
493. Промыслъ ево подъ Дорогомиловымъ перевозомъ нанимаетъ берегъ и стережетъ дровъ саженныхъ.
494. Кормитца нанимаючись у мясниковъ.
495. » » работою у мясниковъ.
496 » чорною работою.
497. » » »
498. » щепетильнымъ товаромъ.
499. Торгуетъ въ Игольномъ ряду.
500. Кормитца въ Мясномъ ряду.
501. Торгуетъ рыбою просольною и мясами.
502. Мясникъ.
503. Въ школѣ учитъ дѣтей грамотѣ.
504. Торгуетъ всякими съѣсными овощами.
505. » мяснымъ промысломъ и хлѣбами рѣшотными.
506. Промыслъ ево плотнишное мастерство.
507. Промышляетъ мяснымъ промысломъ.
508. Торгуетъ щепетильнымъ товаромъ.
509 » орѣхами и рѣзанью.
510. Промыслъ ево портное мастерство.
511. Дѣлаетъ бобры.
512. » овчины.
513. Торгуетъ въ Мясномъ ряду.
514. Дѣлаетъ портное мастерство.
515. Торгуетъ мыломъ.
516. Кормитца чорною работою.
517. Промышляетъ мяснымъ промысломъ.
518. Кормитца въ Кружевномъ ряду.
519. Торгуетъ на Красной площади крупою.
520. Скорнякъ.
521. Торгуетъ ветошьемъ и на Болотѣ хлѣбомъ.
522. Извощикъ.
523. Серебреникъ.

524. Кормитца мяснымъ промысломъ.
525. Торгуетъ квасомъ.
526. » на Крестцѣ изюмомъ.
527. » лѣсомъ на берегу.
528. Кормитца работою.
529. Торгуетъ рыбою на Гостинѣ дворѣ.
530. » » » »
531. » ветошьемъ.
532. Кормитца торжишкомъ.
533. Торгуетъ въ Мушномъ ряду.
534. Промыслъ ево серебреное мастерство.
535. Торгуетъ отъѣзжимъ торгомъ.
536. Кормитца у Москворѣцкихъ воротъ въ Государевѣ воскобойнѣ работою.
537. » овчининымъ мастерствомъ.
538. » въ Охотномъ ряду.
539. » въ мужскомъ шапочномъ ряду.
540. » кузнечнымъ мастерствомъ.
541. » извозомъ.
542. Торгуетъ харчомъ.
543. Промыслъ ево овчинное мастерство.
544. Кормится рымарствомъ.
545. » скорняжнымъ мастерствомъ.
546. Промыслъ ево скорняжное мастерство.
547. Крашенины дѣлаетъ.
548. Промыслъ ево скорняжное мастерство.
549. Кормитца кузнечнымъ мастерствомъ.
550. Торгуетъ въ Житномъ ряду.
551. Мастерство ево сѣдла дѣлаетъ.
552. Торгуетъ въ Холщовомъ ряду.
553. Мастерство ево дѣлаетъ сережное каменье.
554. Кормитца писмомъ въ Мѣщанской слободѣ, въ слободскихъ подъячихъ.

555. Промыслъево свѣчи дѣлаетъ вощаныя.
556. » пруды дѣлають и печи дѣлаютъ цѣнинныя.
557. Торгуетъ въ Житномъ ряду.
558. Промыслъ ево серебреное мастерство.
559. Кормитца работою въ Житномъ ряду.
560. А промыслъ ево штаны дѣлаетъ кожаные.
561. А кормитца въ Живорыбномъ ряду.
562. Промыслъ ево сережное каменье дѣлаетъ.
563. Торгуетъ въ Соляномъ ряду.
564. Промыслъ ево серебреное мастерство.
565. Торгуетъ въ мужскомъ Шапочномъ ряду.
566. Кормитца въ Мучномъ ряду работою.
567. Промыслъ ево скорняжное дѣло.
568. Торгуетъ на Мытенномъ дворѣ съѣсными товары.
569. » харчомъ.
570. » »
571. » на Гостинѣ дворѣ икрою и рыбою.
572. Торгуетъ походя въ мучномъ ряду.
573. Промыслъ ево сапожное мастерство.
574. Торгуетъ въ Мучномъ ряду.
575. » въ Скорняжномъ ряду походя.
576. Портной мастеръ.
577. Хлѣбникъ.
578. Промыслъ ево сабельное мастерство.
579. » » сапожное мастерство.
580. » » гончарное дѣло.
581. » » сапожное мастерство.
582. Торгуетъ въ Подошевномъ ряду.
583. » Москательномъ ряду.
584. » Ветошномъ ряду.
585. Кормитца въ Зеленомъ ряду.
586. Промыслъ ево скорняжное мастерство.
587. » » » »

588. Торгъ ихъ въ Житномъ ряду всякимъ хлѣбомъ.
589. Промыслъ ево портное мастерство.
590. Торгуетъ просольною рыбою.
591. » яблоками.
592. » въ Медовомъ ряду.
593. Промышляетъ мяснымъ промысломъ.
594. Торгуетъ яблоками.
595. » отъѣзжими торгами.
596. » на Москвѣ рѣкѣ хлѣбомъ въ стругахъ.
597. » за Тверскими вороты въ лавкѣ всякимъ мелкимъ товаромъ.
598. Промышляетъ мяснымъ промысломъ.
599. А промыслъ ево на Гостинѣ дворѣ въ сторожахъ.
600. » » ситные хлѣбы печетъ.
601. » » серебреное мастерство.
602. Кузнецъ.
603. Хлѣбникъ.
604. Торгуетъ сѣномъ и горшками.
605. Кормитца работою въ Житномъ и въ Мучномъ ряду.
606. Торгуетъ орѣхами и яблоками и иными мелочными.
607. » » и яблоками.
608. » въ Москательномъ ряду.
609. » мыломъ на Красной площади.
610. Кормитца чорною работою.
611. » нанимаючись у людей добрыхъ на Мытенномъ дворѣ.
612. » въ Мясномъ ряду.
613. Торгуетъ переулошнымъ всякимъ мелкимъ товаромъ у Тверскихъ воротъ въ лавкѣ.
614. » мукою.
615. » голицами походя.
616. » переулошнымъ торгомъ.
617. Промыслъ ево портное мастерство.
618. Торгуетъ переулошнымъ торгомъ.

619. Кормитца чорною работою.
620. » топоромъ.
621. Промыслъ ево пухи женскіе дѣлаетъ.
622. » » скорняжное мастерство.
623. Промышляетъ въ Мясномъ ряду.
624. » его крашенины дѣлаетъ.
625. » скорняжное мастерство.
626. Торгуетъ просольною рыбою бочечною.
627. Промыслъ ево живописное.
628. Кормитца чорною работою.
629. Торгуетъ рѣшотными хлѣбами.
630. Промыслъ ево зеркалы дѣлаетъ.
631. А промышляетъ пирожнымъ промысломъ.
632. Торгуетъ ветошьемъ.
633. » мыломъ.
634. Мастерство ево сабли дѣлаетъ.

Всѣ ремесла и промыслы выписаны мною изъ книги, которая оказывается неконченною.

Въ заголовкѣ этой книги рукою того времени написано: «*Лѣта* ҂зрпе Сентября .л҃. по Государеву Цареву и Великаго Князя Θеодора Алексѣевича всея великія и малыя и бѣлыя Россіи Самодержца указу, и по наказу изъ Посольского Приказу, за приписью Дьяка Василья Бобихина, Данило Никитичъ Воробинъ писалъ и мѣрялъ въ Мѣщанской слободѣ дворы, и во дворахъ описывалъ людей по имяномъ; а кто котораго города уроженецъ и чѣмъ промышляетъ, и то писано подлинно въ книгахъ ниже сего.»

М. П. Завлоцкій.

ДОНОШЕНІЕ

ДЬЯЧКА ВАСИЛІЯ ФЕДОРОВА НА ОТСТАВНАГО КАПРАЛА И ВОЛОКОЛАМСКАГО ПОМѢЩИКА, ВАСИЛІЯ КОБЫЛИНА, ВЪ БРАНИ ЦАРСКАГО ВЕЛИЧЕСТВА, ГОСУДАРЯ ПЕТРА I-го.

ВСЕПРЕСВѢТЛѢЙШІЙ, ДЕРЖАВНѢЙШІЙ, ВЕЛИКІЙ ГОСУДАРЬ, ИМПЕРАТОРЪ И САМОДЕРЖЕЦЪ ВСЕРОССІЙСКІЙ, ГОСУДАРЬ ВСЕМИЛОСТИВѢЙШІЙ!

Въ 724 году, Ингермоланского полку отставной капралъ и Волоколамской помѣщикъ, Василей Кобылинъ, при домашнихъ своихъ, по нѣкоторымъ со мною разговорамъ, блаженные и вѣчнодостойные памяти Его Императорское Величество бранилъ матерными скверными словами и называлъ горбуномъ и всей вселенной разорителемъ, отъ чего, де, свои и чужестранныя земли плачутъ: «Таки, де, онъ нѣкакой сулимъ и недоброй человѣкъ; да и глаза, де, у него воровскіе, что ходитъ потупясь, глядитъ въ землю.» Онъ же, Кобылинъ, по воспрещенію моему въ томъ его злодѣйствѣ, говорилъ: «Развѣ, де, тебѣ въ томъ диво, что я его браню? У насъ, де, и въ полку солдаты въ глаза его бранятъ, и называютъ также, какъ и я.» А по другому случаю, какъ я, нижайшій, ходилъ къ Москвѣ, для объявленія того его, Кобылина, злодѣйства самому Его Императорскому Величеству, токмо не получилъ, что изъ Санктпитербурга Его Императорское Величество не прибылъ. Оной же Кобылинъ спрашивалъ меня, за чемъ я къ Москвѣ ходилъ, и что добраго слышалъ? и я ему сказалъ: «За своею нуждою, и слышалъ, что, по прибытіи Его Императорского Величества въ Москву, будетъ Государынѣ Императрицѣ коронація, чего ради и корона Ея, Государыни, устроена;» и оной злодѣй, Кобылинъ, говорилъ неудобъ сказаемымъ словомъ скверно и непристойно: «Не подобаетъ, де, монаху, такъ и ей на царствѣ быть; что, де, она не природная и не Руская, и вѣдаемъ мы, какъ она въ полонъ взята, и приведена подъ знамя въ одной рубахѣ, и отдана была подъ караулъ, и караульной, де, нашъ офицеръ надѣлъ на нее кафтанъ; да она жде съ Княземъ Меншиковымъ Его Императорское Величество кореньемъ обвели», и браня Ихъ Императорскихъ Величествъ всякими скверными словами, говорилъ онъ, Кобылинъ: «Только, де, на ту пору нѣтъ солдатъ, что онъ всѣхъ разослалъ, то буде надъ ними что ни будь да было.»

И я, нижайшій, по должной, нелицемѣрной своей присягѣ, исполняя Ихъ Императорскихъ Величествъ имянные указы и соборное уложенье, въ Москвѣ, въ Преображенскомъ Приказѣ, того жъ году, въ скоромъ времени объявя вышеозначенное злодѣйство, оного Кобылина во всемъ изобличилъ яснымъ доказательствомъ, въ чемъ онъ съ розысковъ и винился и казненъ смертью, за что движимое и недвижимое его имѣніе отписано на Ваше Императорское Величество, и съ котораго, по указу изъ Преображенской Канцеляріи, дано мнѣ, по прошенію моему, до настоящого награжденія, корову съ телицею, да на прокормъ ихъ сѣна, да гусей и куръ Индѣйскихъ по гнѣзду, и то чрезъ многое прошеніе на силу получилъ въ три года; а охранительного и о непорицаніи меня указовъ изъ той Канцеляріи не дано, отъ чего я чрезъ три года какъ отъ жены того злодѣя претерпѣвалъ всякіе несносные бѣды и разоренія и битъ смертно, отъ чего и до днесь порядошного себѣ житья съ женою и дѣтьми нигдѣ не имѣю, и бродя, безъ призрѣнія, помираемъ голодною смертію, яко подозрительные, въ чемъ на тѣхъ обитчиковъ въ той же Канцеляріи я и билъ челомъ, а суда не дано.

И въ 727 году Ея Императорское Величество въ Санктпитербургѣ, имяннымъ своимъ повелѣніемъ, указала, по челобитію моему, за вышеозначенную мою вѣрность, пожаловать, сверхъ прежняго, во владѣнье того злодѣя отписную деревню, о чемъ значитъ тотъ Ея Величества имянной указъ въ Высокомъ Сенатѣ, по письму Князя Меншикова. И по тому Ея Величества имянному указу, въ томъ же 727 году, Ноября 12 дня, изъ Высокого Сената въ Верховный Тайный Совѣтъ взнесено было въ докладъ Вашему Императорскому Величеству доношеніе, что той отписной деревни безъ имянного Вашего Императорскаго Величества указу дать мнѣ Высокій Сенатъ не можетъ, которое доношеніе въ Верховномъ Тайномъ Совѣтѣ имѣлось цѣлой годъ, и сослано обратно въ Высокій Сенатъ, и съ поданными моими Вашему Императорскому Величеству самому въ Сантпитербургѣ и въ Москвѣ челобитными, которыми просилъ я о вышеозначенномъ же награжденіи и на обитчиковъ о управѣ и о дачѣ мнѣ охранительного и о непорицаніи указовъ, безъ докладу Вашего Величества. И все то дѣйствомъ и по ненависти на меня Штатского Совѣтника Анисима Маслова, какъ отъ помянутой Кобылиной отписной деревни меня оттѣснить; понеже тою деревнею и людьми напредъ сего владѣли, и нынѣ владѣютъ, а имянно: людьми братъ его, Маслова, родной, Капитанъ Михайла Масловъ, а деревнею братъ же его двоюродной,

Максимъ Прокофьевъ, въ чемъ ему, Маслову, равное изобличеніе, потому какъ я, нижайшій, при нѣкоторомъ свидѣтелѣ просилъ его, Маслова, чтобъ онъ по вышеозначеннымъ, Сенацкому доношенію и моимъ челобитнымъ, Верховному Тайному Совѣту учинилъ докладъ справедливой и не замедля, и онъ, Масловъ, сказалъ мнѣ: «Тебѣ ль ужь, дьячку, деревнями владѣть?» и уграживалъ мнѣ кнутомъ; чего ради и караульные сержанты въ Верховный Тайный Совѣтъ къ подъячимъ не допускаютъ, знатно, по его жъ, Маслову, приказу.

И я, нижайшій, увѣдомился, что помянутая Кобылина отписная на Ваше Императорское Величество деревня, по указу, за рукою Преображенской Канцеляріи Секретаря Казаринова, да за справкою Канцеляриста Тихона Гуляева, а главныхъ ни единой у того указу руки не имѣется, отдана помянутого злодѣя женѣ, яко бъ по опредѣленію Преображенской Канцеляріи противъ челобитья еѣ съ малолѣтнымъ сыномъ, и будто тотъ указъ состоялся при животѣ Ея Императорского Величества, для поминовенія блаженные и вѣчно достойные памяти Его Императорского Величества, и по имяннымъ же Ихъ Императорскихъ Величествъ указомъ никакихъ отписныхъ деревень раздавать безъ имянныхъ указовъ не велѣно, а кому были и отданы, и у тѣхъ отняты назадъ, о чемъ, также и что вышеозначенную Кобылина отписную деревню, по имянному блаженные и вѣчнодостойные памяти Ея Императорского Величества указу, отдать велѣно мнѣ, оной Секретарь, Казариновъ, и Кобылина жена, вѣдаютъ; чего ради оная Кобылина жена, какъ получа отъ него, Казаринова, вышеозначенной за рукою его указъ, не владѣвъ ничего, ту отписную деревню укрѣпила продажею помянутымъ, Капитану Маслову людей, а деревню со всѣми угодьи Прокофьеву, въ надеждѣ своей ко всякому охраненію на помянутого брата ихъ, Совѣтника Маслова. Да и била челомъ оная Кобылина жена, назвавъ себя вдовою и будто съ малолѣтнымъ сыномъ, по всему видно, что свыше означеннымъ Секретаремъ Казариновымъ по согласію, ложно, потому что которой у ней былъ сынъ, и тотъ умре, и она вышедъ за мужъ еще до оного своего ложного челобитія; а хотя бы она била челомъ во вдовствѣ съ сыномъ, и ей было, какъ по вышеозначеннымъ имяннымъ указамъ и по уложенью второй главы по шестой статьѣ, отдать не подлежало, понеже она обстоится въ такомъ же злодѣйствѣ, какъ и мужъ ея, потому что она вышеозначенныя злодѣйскія слова отъ него, мужа своего, слышала и не воспрещала, а наипаче смѣялась, въ чемъ, видя вину свою, съ нимъ, мужемъ своимъ, бѣгала и укры-

валась вмѣстѣ, за что, по вышеозначенной уложенной статьѣ, подлежала смерти жъ, а на милость не малого наказанія, и свободилась изъ за караула изъ Преображенской Канцеляріи помянутымъ Секретаремъ Казариновымъ безъ всякого наказанія и страха, невѣдомо чего ради, а не безъ взятковъ же, или по свойству. Въ чемъ она, злодѣйка, надѣясь на него, Казаринова, по свободѣ своей изъ за караула, пріѣхавъ въ ту отписную деревню, захватя той деревни двороваго человѣка, Макара Антипина, да жену его, Ирину, которые были въ Преображенской же Канцеляріи по означенному дѣлу, на мужа ея въ вышеозначенныхъ непристойныхъ его словахъ во свидѣтельство, била ихъ и мучила на смерть, отъ которыхъ побой оная женка, Ирина, и умре въ скорыхъ числѣхъ, о чемъ отъ меня показано въ явошной и въ исковой, а оной умершей женки мужа въ исковой же челобитныхъ въ Преображенской Канцеляріи, по которымъ челобитнымъ защитою къ той злодѣйки, а къ намъ злодѣйствомъ, отъ помянутого Секретаря, Казаринова, ни какого слѣдствія не учинено, о чемъ показано въ прежнихъ же моихъ, поданныхъ самому Вашему Императорскому Величеству, челобитныхъ, которые Ваше Величество изволилъ отослать для разсмотрѣнія и учиненія по нимъ указа въ Верховный Тайный Совѣтъ, а изъ Верховного Тайного Совѣта отосланы, при обратномъ Сенацкомъ доношеніи, во оной же Сенатъ безъ указу, о чемъ показано выше, а изъ Высокого Сената отданы мнѣ при указѣ, къ поданію въ Московскую Губерискую Канцелярію для изслѣдованія, въ которомъ указѣ написано Вашего Императорского Величества печать, которою не токмо чемъ запечатать, но и на пропитаніе мнѣ денегъ взять отъ разоренія своего негдѣ, а безъ пошлинъ того указу не запечатаваютъ, и въ Губернской Канцеляріи безъ печати не принимаютъ, которой указъ и по нынѣ у меня, нижайшаго, а взаймы денегъ нынѣ никто ничего не даетъ, что уже я и такъ, ходя за помянутымъ дѣломъ чрезъ пять лѣтъ, назаймывалъ съ триста рублевъ, которыхъ и оплатить ничемъ не могу. И въ прошломъ 728 году, въ Декабрѣ мѣсяцѣ, по данному, мнѣ, нижайшему, изъ Высокого Сената о непорицаніи меня за помянутого злодѣя, Кобылина, указу, ходилъ я къ женѣ своей на прежнее жилище, въ село Лихачева, для продажи своей рогатой скотинишки на запечатываніе помянутаго указа пошлинъ и на пропитаніе себѣ съ женою и дѣтьми, ажно та скотинишка обитчиками жъ вся растащена, да не токмо что въ томъ мнѣ учинено разореніе, но еще того села попъ, Александръ Васильевъ, и пришлой крестьянинъ, Семенъ Өедосѣевъ, которой живетъ на моемъ

дьячковскомъ мѣстѣ, помянутой данной мнѣ Вашего Императорского Величества указъ ни во что ставили и порицали, и залуча меня въ деревнѣ Крюковѣ, у крестьянина Максима Иванова, били и увѣчили смертнымъ боемъ, отъ чего и по нынѣ правою рукою мало владѣю, которой бой и увѣчье въ Волоколамской Канцеляріи, при многихъ свидѣтеляхъ, какъ осматриванъ и описанъ, а челобитя моего о томъ бою и о порицаніи оного Вашего Императорского Величества указа тамошней Воевода, а помянутыхъ Масловыхъ дядя, Иванъ Козловъ, не принялъ, яко бы оной попъ съ тѣмъ пришлымъ крестьяниномъ, Ѳелосѣевымъ, ему не судимы.

И за вышеозначеннымъ отъ Вашего Императорского Величества награжденіемъ таскался я въ Санктпитербургѣ и Москвѣ, о чемъ и нынѣ таскаюсь, тому нынѣ пятой годъ въ доходѣ, а призрѣнія и милости, кромѣ особливого Вашего Императорского Величества милосердія, ни отъ кого получить не могу, только что разорился въ конецъ и одолжалъ и отъ злодѣевъ изувѣченъ.

А по имяннымъ Вашего Императорского Величества указомъ не токмо за такіе важные, но и за интересные дѣла, всякого чина людямъ давано награжденіе не малое со всякимъ удовольствіемъ и съ повышеніемъ чиновъ, а другіе произведены въ купечество безданно и безпошлинно. Всемилостивѣйшій Государь! Прошу Вашего Императорского Величества, да повелитъ державство Ваше, для своего Императорского Величества и всей Вашего Величества Фамиліи многолѣтного здравія, и для поминовенія блаженныя и вѣчнодостойныя памяти Ихъ Императорскихъ Величествъ, по силѣ выше означенного имянного Ея Императорского Величества указу, за выше означенную мою къ Вамъ, Императорскому Величеству, вѣрность, и за многое мое претерпѣніе и волокиту, вышеозначенную отписную деревню съ людьми и со всѣми угодьями отдать мнѣ, и для росплаты помянутыхъ моихъ долговъ пожаловать меня, чемъ Ваше Императорское Величество указомъ изволитъ опредѣлить, и отъ вышепоказанныхъ ко мнѣ обитчиковъ оборонить, а съ вышеозначенныхъ, Сенатского доношенія и съ указовъ, прилагаю при семъ копіи.

Подлинное подписалъ:

Вашего Императорского Величества нижайшій рабъ, церковный дьячекъ, Василій Федоровъ.

1729 г., Ѳевраля дня.

Къ сей челобитной дьячекъ Василій Федоровъ руку приложилъ.

УКАЗЪ ЕЯ ИМПЕРАТОРСКОГО ВЕЛИЧЕСТВА, САМОДЕРЖЦА ВСЕРОССІЙСКОГО, ИЗЪ ПРЕОБРАЖЕНСКОГО ПРИКАЗУ ВЪ ВОЛОКОЛАМСКУЮ КАНЦЕЛЯРІЮ.

Въ нынѣшнемъ 727 году, Февраля въ 24 день, въ Преображенской Приказъ въ доношеніи Ингермоланского полку оставного Прапорщика, Василья Кобылина, жены ево, Марины, Петровой дочери, написано: в прошломъ 724 году въ иску мужа ея, означенного Кобылина, отписана на Ея Императорское Величество въ Волоколамскомъ уѣзду деревня ихъ, Холябина, а мужъ, де, еѣ сысканъ въ Санктпитербургѣ и за вины казненъ, а она, де, Марина съ малолѣтнымъ еѣ сыномъ, Григорьемъ, скитается межъ дворъ и помираетъ голодною смертью, чтобъ указомъ Ея Императорского Величества повелѣно было, для поминовенія блаженные и вѣчно достойные памяти Его Императорского Величества, тое отписную деревню съ малолѣтнымъ ея сыномъ из Преображенского Приказу отдать ей, чтобь ей со онымъ сыномъ не померетъ съ голоду. И по указу Ея Императорского Величества, и по опредѣленію въ Преображенскомъ Приказѣ, велѣно, по доношенію вышеписанной Кобылиной жены, Марины, отписную въ Волоколамскомъ уѣздѣ деревню Холябино съ людми и съ угодьи, для поминовенія блаженныя и вѣчнодостойныя памяти Его Императорского Величества, и для многолѣтняго здравія Ея Императорского Величества, и для ея убожества и сиротства малолѣтняго сына еѣ, отдать ей, матери, съ тѣмъ малолѣтнымъ еѣ сыномъ, на пропитаніе, и объ отдачѣ той деревни для вѣдома, что еѣ велѣно отдать, въ Волоколамскую Канцелярію послать Ея Императорского Величества указъ, и въ Волоколамской Канцеляріи о вышеписанномъ учинить по указу Ея Императорского Величества, и котораго числа оная деревня отдана будетъ, о томъ для вѣдома въ Преображенской Приказъ писать и отписную велѣть послать Тайному Дѣйствительному Совѣтнику и Кавалеру, Князю Ивану Федоровичу Рамодановскому.

У подлинного указу пишетъ тако:

Секретарь Василей Казариновъ.

Канцеляристъ Тихонъ Гуляевъ.

Апрѣля 20-го, 727 году; а въ Волоколамскую Канцелярію полученъ Сентября 21 дня, того жъ 727 году.

ПОДМЕТНОЕ ПИСЬМО

ГОСУДАРЮ ИМПЕРАТОРУ ПЕТРУ ПЕРВОМУ.

Доношу Вашему Царскому Величеству, что слышалъ, то объявляю истинное, что уже нарочно всяко провѣдовалъ, и увѣдомилься прямо изъ салъдатства, не только что отъ другихъ полковъ, но и отъ своихъ полковъ, весьма противность говорятъ, какъ прежде сего было отъ Стрѣльцовъ, а имянно такъ говорили, собрався: «Уже, де, тому 15 лѣтъ, какъ началась война съ Шведомъ, нигдѣ мы худо не здѣлали, и кровь свою не желѣючи проливали, а и понынѣ себѣ не видимъ покою, чтобъ отдохнуть годъ, или другой, жонъ и дѣтей не видимъ, насъ, де, какъ нарочно мучатъ, кругомъ обводятъ Москву, что чрезъ Москву ближе было итътить въ Питербурхъ, нежели чрезъ Псковъ. Сравняли, де, насъ съ посохою; уже, де, пришолъ изъ конъпании, изъ лѣсу дрова на себѣ носи, и день и ночь упокою намъ нѣтъ; и деньги, старой окладъ, отнимаютъ, и впредъ, де, намъ добра ждать нечево; хоть кого и отъ службы отставятъ, однако жъ не покой, та жъ служба». И въ Питербурхѣ: «Уже, де, мы вѣдаемъ, то не одиова говорено, что дамъ отдохнуть, а именно послѣ Турецкой акци и Полтавской баталии, а правды нѣтъ. Вить, де, мы не аньгели, что 15 лѣтъ служи безъ отдыху. Мы на службѣ грѣшимъ, а жоны наши

дома иные уже замужъ вышли. Будетъ, де, то, какъ насъ, гдѣ ни есть, въ мори потопитъ, или гдѣ зайдетъ чрезъ воды и всѣхъ поберутъ. Уже вишь двѣ причины было в перьвонарьвенскомъ походѣ, въ другой въ Турецкую акцыю, смотри в третей причины либо полонъ дворъ, или корень вонъ; уже чрезъ мѣру лѣта и осень ходимъ по морю, чево не слыхано въ свѣтѣ, а зиму также упокою нѣтъ на карабельной работѣ, а иные на камняхъ зимуютъ, зъ голоду и съ холоду помираютъ. А Государство свое все разорилъ, что уже въ иныхъ мѣстахъ не сыщешь у мужика авцы. Чево, де, больши отъ Бога хотѣлъ, что въ Помераніи и славу велію показали, тако жъ и въ другихъ мѣстахъ завоевали; потомъ, де, было отдохнуть, и Богу благодаренія воздать, и царство свое управить, развести всякіе неправды, утолить сирыхъ нашихъ, въ чомъ бы угодно Богу и слава во всѣ страны произошла; а то, хотя и была фортуна на 15 лѣтъ, а иногда здѣлаетца въ 15 минутъ худо и слава вся пройдетъ; въ одной фортунѣ человѣкъ не можетъ жизнь свою изжить. Уже починъ есть; здѣлаемъ, де, мы такъ: смолвимся человѣкъ 1,000, или 2000; хотя, де, и не похотятъ которые дворяньчики, а иные есть на нашу руку, а въ другихъ, де, полкахъ мы со многими говаривали, всѣ готовы, тако жъ и черной народъ, и они тако жъ говорятъ: Отъ такова распорятъку и чрезмѣрной такой войны быть намъ въ великой скудости; по такихъ, де, щасливыхъ побѣдахъ не далъ атдахнуть; таперь пошло, и невѣдамо докуль, одно воевать только и вытвержено. А хотя, де, надъ нами нещастіе будетъ, то мы и пошли прямо въ Швецкія войска; коли, де, онъ не умѣетъ нами владѣть, что уже и мы видимъ, какъ гдѣ служатъ и муку терпятъ, а надъ нами, де, уже такъ дѣлаютъ, что не можно человѣку вытерпить. Вить, де, мы не какъ Стрѣльцы, не придемъ съ повинною, примутъ цасъ вездѣ съ ружьемъ служить. Какъ такъ, что 15 лѣтъ, и уже отдыху нѣтъ! Вить мы не постриглись въ манастырь? Что говорятъ: «Умная голова, умная голова!» Коли бъ умная голова, могъ бы та-

кую человѣческую нужду разсудить, какъ такъ долго служить, а безъ грѣха прожить, и что будетъ на томъ свѣтѣ за такой грѣхъ отвѣчать. Такъ приводитъ, чтобы изъ нашихъ душъ не было ни малова Христіанства. Только полюбился Питеръбурхъ. Развѣ, де, това ждать, какъ в тюрму посадить? Уже, де, въ Питербурхѣ поморилъ всякихъ чиновъ людей напрасною смертію, человѣкъ больши миліону. Вотъ, де, смотри, такъ здѣлаетъ надъ нами: какъ Шведъ завелъ въ руки и все свое потерялъ, такъ и насъ гдѣ ни будь заведетъ, либо въ мори потопитъ, или заведчи гдѣ въ камнехъ з голоду поморитъ; а ужъ, де, намъ Котлинъ адъ злой. Во гдѣ мы мудрость ево всю видимъ? Выдалъ штуку въ грацкихъ правахъ, учинилъ Сенатъ. Что прибыли? Только жалованья берутъ много. Спросилъ бы, де, хоть у однова челобитчика, рѣшили ль хоть одному безволокитно, прямо, да сыскавъ за такое непослушаніе, хоть одному штрафъ учинилъ; въ кампаніе ты бъ ихъ не бралъ.» Потомъ стали говорить: «Какъ не будетъ миру, пойдемъ и сойдемся съ полками Генерала Голицына; в то, де, время все будетъ намъ свободно дѣлать; намъ не будетъ худо за сіе дѣло въ нашей земли; вить, де, мы за правду всенародную станемъ? Во многихъ мы земляхъ видѣли, что всево больши нашево, а у насъ все пусто здѣлалъ всечрезъмѣрною войною; а охотниковъ, виде за такое постоянство, и въ нашу руку многа будетъ изо всякихъ чиновъ.»

И сіе вышеписанныя слова, какъ они говорили, такъ я истинную писалъ: а что сего доношенія писатель не явился, страха ради; а ежели на то воля будетъ Вашего Царского Величества, чтобъ мнѣ евинца, вели, Государь, сказать свой Царскій указъ скрыто, чтобъ явился доноситель о интересѣ Вашего Величества, чтобы не здѣлать бѣды, какъ свѣдаютъ, что извѣстно Вашему Царскому Величеству. И еще много говорили всякихъ словъ, чево невозможно мнѣ написать, а больши все упоминали, что «несносна служба, работа великая, и не видимъ домовъ, чево въ свѣтѣ не слышатъ и боет-

ца житья Котлина острова и Питеръбурха. Еще, де, лутче было, какъ были въ другихъ земляхъ; чево нѣтъ, не сухаварю ѣдали. Вить, де, онъ тово не знаетъ, что въ Питербурхѣ пятью деньгами нечемъ харчеватца и всякую одежду покупать на себя. Хоть бы, де, хто такъ умилосердился надъ народомъ, что пришли из такова краю далекова; аднако жъ нѣтъ покою, не противъ Христіянства. Какъ Богъ терпитъ за такое немилосердіе!»

ПОДЛИННЫЯ БУМАГИ,

ДО БУНТА ПУГАЧОВА ОТНОСЯЩІЯСЯ.

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Представленныя мною для напечатанія бумаги, относящіяся до Пугачова, достались мнѣ отъ покойнаго моего дѣда, Дѣйствительнаго Тайнаго Совѣтника, Александра Михайловича Лунина, и были найдены мною въ сундукѣ съ бумагами на чердакѣ моего деревенскаго дома, въ Рязанской губерніи, въ Спасскомъ уѣздѣ. Между множествомъ связокъ была одна съ надписью, сдѣланною рукою моего дѣда: Разныя бумаги секретной коммиссіи по замѣшательству, происшедшему отъ злодѣя Пугачова. Въ деревню. Кромѣ сообщаемыхъ мною копій, въ этой связкѣ находятся еще слѣдующія бумаги: Печатное описаніе, сколько Пугачовымъ разграблено церквей и убито дворянъ, мѣщанъ, духовенства и пр.; рукописное описаніе Оренбургской осады Рычкова; оба эти описанія напечатаны Пушкинымъ въ примѣчаніяхъ къ его Исторіи Пугачовскаго бунта; далѣе печатныя: Описаніе происхожденія дѣлъ и сокрушенія злодѣя, бунтовщика и самозванца, Емельки Пугачова; объявленіе прощаемымъ преступникамъ, и нѣсколько указовъ, помѣщенныхъ въ Полномъ Собраніи Законовъ. Въ эту связку была вложена небольшая записка, писанная рукою моего дѣда слѣдующаго содержанія: «Изъ связки сей множество любопытныхъ бумагъ относительно злаго Пугачова бунта

содержащія, выпрошены были у меня для прочтенія Павлом Сергѣевичем Потемкиным, от котораго хотя и старался возвратить, но безъ успѣха. Послѣ меня хорошо сдѣлают, ежели и всю сію связку предадут огню.» Не соглашаясь съ мнѣніем покойнаго, я рѣшился представить для напечатанія оставленныя им бумаги.

Сообщаемая мною выписка изъ Утрехтской газеты о казни Пугачева была указана мнѣ С. Д. Полторацким, въ библіотекѣ котораго находится экземпляръ этой газеты.

Въ дополненіе къ свѣдѣніям о Пугачовѣ, прилагаю выписку изъ хранящихся у меня записокъ моего дѣда, А. М. Лунина, писанныхъ въ 1790 году.

М. ПОЛУДЕНСКІЙ.

СВѢДѢНІЕ ОБЪ А. М. ЛУНИНѢ.

Обучался я въ домѣ и разныхъ публичныхъ и партикулярныхъ училищахъ, о чемъ родители мои, не взирая на недовольно достаточное свое состояніе, употребляли издержки съ попечительным о изученіи стараніем, а потому и не по малым успѣхам, въ чем сам состою виною, благодарность моя къ ним безпредѣльна.

Вступил я въ службу 1757 года, Марта 12 числа, солдатом лейбъ-гвардіи въ Измайловскій полкъ и происходил чинами: капралом того жъ года, Сентября 2 дня, Подпрапорщиком 758 года, Ноября 25, сержантом 759 Ноября 19, Прапорщиком 764, Генваря 1 дня; Подпоручиком 765, Апрѣля 19; Квартирмистром 768, Генваря 1 дня; Капитанъ-Поручиком 770, Генваря 1, по особому имянному указу за службу при осадѣ и взятіи Краковскаго замка, пожалованъ Капитаном 773 года, Ноября 30, и, по имянному повелѣнію, отправленъ был по извѣстному въ Россіи въ 774 году казакѣ Пугачовѣ въ Секретную Коммисію, съ наставленіем въ копіи, здѣсь слѣдующим:

Копія.

Секретное наставленіе Лейбъ-гвардіи Измайловскаго полку Господину Лунину.

Ея Императорское Величество, даннымъ своимъ высочайшимъ указомъ, за подписаніемъ собственныя Ея Величества руки, Всемилостивѣйше указать мнѣ соизволила, отправить васъ въ Казань съ двумя лейбъ-гвардіи Оберъ-офицерами, придавъ вамъ, для производства дѣлъ тайной экспедиціи, Секретаря Зряхова, почему, какъ оной Секретарь, такъ и назначенныя съ вами два господа Оберъ-офицера, а имянно: лейбъ-гвардіи Семеновскаго полку Капитанъ-Поручикъ Савва Мавринъ и Измайловскаго Подпоручикъ Василій Собакинъ, и посылаются.

Вы, получа сіе наставленіе, имѣете съ поспѣшеніемъ ѣхать въ Казань и приложенное при семъ отъ меня сообщеніе, при которомъ препровождаю и Высочайшій Ея Императорскаго Величества имянной указъ тамошнему господину Губернатору Генералъ-Аншефу и Кавалеру Якову Ларивоновичу Бранту подать, а въ небытность его, въ Казанскую Губернскую Канцелярію, кто въ оной присутствуетъ, и немедленно вступить въ порученное вамъ дѣло, которое въ слѣдующемъ состоять имѣетъ:

1. По случаю произшедшихъ въ Оренбургской губерніи замѣшательствъ отъ нѣкотораго злодѣя и изверга съ Дону бѣглаго казака Емельяна Пугачова, который, пользуяся буйностію и невѣжествомъ тамошней губерніи жителей, собралъ немалую толпу и, называяся именемъ покойнаго Императора, Петра Третьяго, производитъ многія злодѣянія и смертныя убійства, возмущая и устращивая простой народъ; и какъ нѣкоторые отъ него, Пугачова, употребляемые разгласители, для возбужденія и мятежа простаго народа, разосланы и въ другія губерніи, то уже въ Казанской губерніи таковыхъ нѣсколько и поймано, и содержатся въ Казанѣ подъ карауломъ.

Сими самыми и начните вы ваше изысканіе, употребя все ваше искуство, усердіе и вѣрность, чтобъ доискаться до пряма, не только съ какого подвига сіи разгласители таковыя зловредныя и непозволенныя разглашенія производили, отъ самого ль самозванца Пугачова и его сообщниковъ они отправлены, куда и съ какимъ намѣреніемъ, и не можно ли чрезъ нихъ открыть прямое начало сего смятенія и замѣшательства, или по глупости, робости и страху дѣлаютъ таковыя въ простомъ народѣ разглашенія? Испытайте достовѣрнымъ изслѣдованіемъ показанія сихъ людей, ихъ свойства, разумъ и намѣренія, различая простоту, невѣжество и грубость отъ зловреднаго коварства, злоухищренія, упрямства и злости; довѣдываться всегда о началѣ и источникѣ злодѣйскаго предпріятія Емельки Пугачова и его сообщниковъ, не найдутся ли какія стороннія сему злодѣю способствованія, и чрезъ кого?

2. Нынѣ содержащихся въ Казанской Губернской Канцеляріи, о которыхъ статейный списокъ при семъ вамъ прилагаю, принявъ отъ Губернской Канцеляріи, и впредь присылаемыхъ, содержать вамъ съ крайнею строгостію и смотрѣніемъ, по мѣрѣ состоянія лица и ихъ дѣла, не допуская ихъ не только между собою, но ниже съ посторонними до свиданія, а тѣмъ паче до разговоровъ, ни подъ какимъ видомъ безъ особливаго вашего повелѣнія, для чего и истребовать имѣете отъ

Казанской Губернской Канцеляріи карауль, который бы, содержа тѣхъ арестантовъ, состоялъ въ собственномъ вѣдѣніи вашемъ и вамъ только о тѣхъ рапортовалъ.

3. Для изысканія самой истины при изслѣдованіи и допросахъ нужна вамъ будетъ вся ваша способность и искуство, чтобъ кстати и у мѣста употребить тихость и умѣренность, или самую строгость и устращеніе, дабы узнать представленнаго предъ васъ свойства и чистосердечныя показанія, такъ равномѣрно скрытыхъ и коварныхъ, тожъ отчаянныхъ и упорныхъ привести на стезю откровенности, извѣдывая изъ нихъ истину, и, гдѣ нужно будетъ показать имъ въ полной силѣ, всѣ устрашенія и строгость.

Изъ вышеписаннаго понимаете всю важность поручаемой вамъ коммиссіи, слѣдовательно, не полагается времени обыкновеннаго, часовъ для присутствія въ вашей Коммиссіи, но должна она всегда и во всякое время имѣть свое теченіе, какъ только нужда настоять будетъ, не пропуская ни мало къ прекращенію и предупрежденію сей зловредной заразы.

4. Посылающіеся съ вами господа Офицеры, Мавринъ и Собакинъ, имѣютъ присутствовать съ вами въ той же Коммиссіи, но вся оная, однако жъ, паче всѣхъ, яко главному, вамъ ввѣряется, вы же имѣете обо всемъ по часту меня рапортовать какъ письменно, такъ и словесно, и въ надобныхъ обстоятельствахъ ожидать моихъ наставленій, а между тѣмъ всѣми силами и способами старайтесь, чтобъ пустыя разглашенія, страхъ и вредныя разсѣянія въ простомъ народѣ истреблять и предупреждать, дабы, по легковѣрности своей, онъ не давалъ конечно ложнымъ разглашеніямъ вѣры.

5. Для проѣзда вашего до Казани съ прочими чинами снабжаетесь вы подорожными и прогонными деньгами; по прибытіи жь въ Казань квартиры для васъ съ находящимися при васъ чинами и для коммиссіи вашей, тожъ для производства дѣлъ матеріалы и служители, буде они будутъ потребны, истребуйте отъ Казанской Губернской Канцеляріи, о чемъ въ прилагаемомъ при семъ сообщеніи къ господину Казанскому Губернатору, Генералу Аншефу и Кавалеру, фонъ Бранту, отъ меня писано.

6. Нужнымъ наконецъ считаю упомянуть вамъ и о томъ, чтобъ въ Коммиссіи вашей всѣ дѣла производились въ крайней тайности, дабы никто ни очемъ не только разглашать, но ниже малѣйшее что провѣдать не могъ, а тѣмъ меньше письменное увѣдомленіе дѣлать позволяется, о чемъ всѣмъ, кто въ командѣ вашей и при васъ находиться будутъ, строгое дѣлайте подтвержденіе.

АЛЕКСАНДРЪ БИБИКОВЪ.

Ноября 30 дня,
1773 года.
С. Петербургъ.

Въ Коммисіи сей находился я полгода въ Казани и шесть мѣсяцевъ въ Оренбургѣ, откуда, по благополучномъ окончаніи, по особому жъ имянному указу, пожалованъ Полковниковъ 775 года, Сентября 22 дня, Бригадиромъ 780-года, Ноября 24, Генералъ Маіоромъ 782-го, Іюня дня, и пр., и пр., и пр.

1773-го года, Марта 8-го дня, по указу Ея Императорскаго Величества Государственная Военная Коллегія, слушавъ представленнаго, при рапортѣ отъ Господина Генералъ-Порутчика Оренбургскаго Губернатора и Кавалера Рейнсдорпа, слѣдствія, произведеннаго по высочайше данному оному Губернатору, въ 4-й день Іюня, прошлаго года, имянному Ея Императорскаго Величества указу, войска Яицкаго о главныхъ мятежникахъ, Старшинахъ и казакахъ въ убивствѣ Генералъ-Маіора Фонъ Траубенберха съ офицерами, также войсковаго атамана Танбовцова съ Старшинами, и въ выѣздѣ изъ нихъ противъ отправленнаго, предводительствомъ Господина Генералъ-Маіора Фреймана, корпуса, воруженію съ требованіемъ отъ Киргизъ-Кайсакъ себѣ помощи, изъ котораго оказались:

По найденнымъ ихъ мятежническимъ дѣламъ начало дерзновенія и къ возмущенію мателжническаго ихъ разврата, въ слѣдующихъ обстоятельствахъ:

Ими, мятежниками, учиненной приговоръ, нынѣ, де, въ войскѣ Яицкомъ отъ атамана Танбовцова и присутствующихъ всѣхъ Старшинъ и ихъ согласниковъ, прежніе ихъ обряды во все истекаютъ, а по видимости уже открылся штатъ, для чего войска Яицкаго большая часть, за непріятіемъ того, хотя отъ него, Танбовцова, и присутствующихъ Старшинъ, во всемъ и нужду претерпѣваютъ, но только усердно желая остаться какъ прежде, и въ какихъ обрядахъ обращались, такъ и впредь жить и служить, до послѣдней минуты часа жизни ихъ, на прежнемъ основаніи не отрицаются, а не по штату означенному Танбовцову и съ нимъ присутствующимъ всѣмъ старшинамъ и ихъ согласникамъ; о принятіи того штата не прекословятъ, но только таковымъ его, Танбовцова, новымъ распоряженіямъ впредь ни въ какихъ слѣдуемыхъ нарядахъ, за пріятіе новаго дѣла, раздѣленія требуетъ, и во всѣхъ его, Танбовцова, неполезностяхъ, гдѣ самая истинность открывается, прозьбу производили въ томъ принужденными, войска большая часть находитъ; какъ прежде войско находилось подъ дирекціею Генералъ-Фельтмаршала графа Бориса Петровича Шереметьева, такъ и нынѣ желаютъ быть для защищенія одной ввѣренной персонѣ Графовъ Григорья или Ивана Григорьевичевъ Орловыхъ.

Потомъ также, что въ приговорѣ непокоряющіеся Атаману Танбовцову и штату большой части Сотникъ Кирпичниковъ съ товарищи согласились, чтобы его, Кирпичникова, въ числѣ двадцати человѣкъ послать въ Петербургъ, и посланъ былъ 771-го года въ вѣш-

нѣе время послѣ Пасхи, съ челобитною отъ согласныхъ къ просьбѣ съ непослушной стороны Старшинъ и казаковъ, сочиненною для испрошенія въ подтвержденіи гвардіи Капитану Дурново, чтобъ онъ, по именному Ея Императорскаго Величества указу, непродолжительное учинилъ исполненіе въ отрѣшеніи Старшинъ, во взысканіи съ нихъ положеннаго штрафа во удовольствіе Яицкаго войска, за пять лѣтъ жалованьемъ и въ щетѣ ихъ казачей Войсковой Канцелярія, которой, по прибытіи въ С. Петербургъ, ту съ нимъ, Кирпичниковымъ, отправленную на всевысочайшее Ея Императорскаго Величества имя челобитную, сперва Господину Генералъ-Аншефу и Кавалеру, Графу Захару Григорьевичу Чернышову, подалъ, коимъ не принята, а напослѣдокъ, изыскавъ время, персонально Ея Императорскому Величеству подавали, которую и повелѣно было принять Генералу Козьмину. Однако жъ, продолжаясь тамъ Іюня съ 28-го Декабря по 6-е число, не получа резолюціи, а услыша, что ихъ Кирпичникова съ сотоварищи сыскиваютъ въ Военную Коллегію, скрываясь, нашли платье ямское, а не казачье, и безъ резолюціи, по испрошенію его, Кирпичникова, съ даннымъ отъ Графа Ивана Григорьевича Орлова, запечатаннымъ въ кувертѣ на имя вышеписаннаго гвардіи Капитана Дурново письмомъ, въ Яицкой городокъ возвратился; а по пріѣздѣ въ оной и по отдачѣ тому Капитану письма, что въ немъ писано ему, Кирпичникову, и другимъ его сообщникамъ, по необъявленію отъ того Капитана, было не извѣстно. Однако жъ, на другой день прибытія его, Кирпичникова, въ городкѣ, пришелъ онъ къ казачьему Толкачова дому, собравшимся при ономъ въ довольномъ числѣ казакамъ, на ихъ спросы, объявилъ, что, кромѣ письма Капитану Дурново, на просьбу ни какой резолюціи не послѣдовало; при чемъ имѣющаяся у него съ вышеписаннаго имяннаго указу копія, безъ объявленія народу, собранному, что оная съ прежняго указа, чрезъ казака Романа Котитова читана, потомъ на третій уже день его прибытія такое жъ казаковъ зборище было, и отъ онаго, по общему согласію, для прощенія о исполненіи по тому указу, Священникъ Михайло Васильевъ съ казаками, къ Генералъ-Маіору Траубенберху и гвардіи Капитану Дурново посыланъ былъ; а напротиву отъ нихъ, Траубенберха и Дурново, въ ихъ, казачье, сборище, Капитанъ съ Старшиною Логиновымъ со увѣщаніемъ, чтобы они разошлись и непотребныхъ совѣтовъ не имѣли, присыланныхъ, однако они, казаки, не послушали, и имѣючи въ семъ случаѣ неоднократныя пересылки, при коихъ Капитана Дурново и

войсковыхъ Старшинъ, Бородина и Суетина, требовали, якобы для таковой же переговорки, чтобы они по указу надлежащее исполненіе здѣлали неотмѣнно; а напослѣдокъ, во первыхъ онъ, Кирпичниковъ, народу совѣтовалъ: естьли въ третій день по посылкѣ, старшинъ не отрѣшатъ, положеннаго штрафа съ нихъ не взьищутъ, войско жалованіемъ не удовольствуютъ и Войсковую ихъ казачью Канцелярію не сочтутъ, то бъ поступить по тому указу воинскимъ отпоромъ, во что весь народъ тутъ и устремился, и на третій день служащихъ и отставныхъ казаковъ и малолѣтныхъ множество съ ружьями и дреколіемъ къ тому же, Толкачову, дому собралось, и еще тотъ же попъ, Васильевъ, и съ тѣмъ же о удовольствованіи прошеніемъ къ нему, Генералу, посланъ, которому отъ гвардіи Капитана Дурново именной Ея Императорскаго Величества Высочайшій указъ, данный ему, Дурново, прочтенъ, и сказано, что болѣе тысячи жалованіемъ уже удовольствованы, и чтобы для наряду повелѣнной въ Кизляръ пятисотной команды человѣка по два и по четыре приходили, записывались, кои также жалованіемъ будутъ удовольствованы, а Старшинъ, Суетина и Бородина, яко невиновныхъ, перваго, что онъ штрафъ заплатилъ, а послѣдняго, какъ онъ еще недавно въ войсковыя Старшины опредѣленъ и жалобъ на него приносимо не было, и о протчемъ противъ ихъ мятежниковъ требованія толковано ему, попу, было, слѣдственно, де, ихъ отдать, да и самому итти въ противное ихъ собраніе не можно, что имъ, попомъ, по возвратѣ войску пересказывано. На оное ожесточась, а особливо Сотники, напротивъ того кричали, когда, по довольной ихъ посылкѣ, удовольствія имъ не здѣлается, въ послѣднія бъ шелъ съ объявленіемъ, что войско на него и регулярную команду хочетъ итти и будутъ до смерти бить, съ каковымъ изъявленіемъ онъ, попъ, и пошелъ, а они, мятежники, не дождавъ его, попа, оттоль, подъ предводительствомъ Сотниковъ, Ивана Портнова, Семена Артикѣева, Петра Краденова, Семена Азовскаго, Ивана Герасимова, Логина Шапошникова, Данила Бездокотнова, Федота Морковцева, Максима Изюмникова, Косьмы Носова, Афонасья Перфильева, Михайлы Чеботарева, десятниковъ: Ивана Кузнецева, Ермолая Ходина, отслушавъ въ церькви молебенъ, къ означенному Генералъ-Маіору пошли; причемъ онъ, Кирпичниковъ, подтверджалъ: поступать, какъ ихъ Богъ наразумитъ, а самъ остается въ Толкачовѣ, опасаясь, чтобы захваченъ не былъ. И тѣ, выходившіе противъ его, Генералъ-Маіора Траубенберха, съ мятежниками предводители, Портновъ со товарищи, начатіе стрѣльбы

изъ пушки на него, Генералъ-Маіора, показуютъ, противъ чего и они, послѣдуя своему согласію, устремясь палили и убивство Генералу и протчимъ причинили. И какъ оное кончилось, то онъ, Кирпичниковъ, о произшедшей при томъ случаѣ пушечной и оружейной пальбѣ, возвращающихся со сраженія мѣста не оставлялъ спрашивать, что здѣлано? и на что ему сказывано: Генерала, де, тотъ же Атаманъ и протчіе убиты, пушки отбиты, колодники, бывшіе изъ казаковъ, свобождены; и такъ того же дня подъ вечеръ собравъ кругъ, при немъ Кирпичниковъ въ судьи другихъ выбрали, Васимія Трифонова, Терентія Сенгилевцева и Андрея Лабзенева; каковъ ихъ, съ непослушной стороны мятежнической, дерзостной поступокъ всему тому, какъ отъ Прапорщика Ефтюгина и Атамана Донскова въ рапортахъ обявлено, Генералъ-Маіоръ Траубенберхъ, Капитанъ, Подпоручикъ, солдатъ шесть, Атаманъ Танбонцовъ, Старшинъ четыре, казаковъ съ послушной стороны до сорока, да ранено отъ гвардіи Капитанъ Дурново, и еще таможеннаго курпуса Поручикъ, Прапорщикъ, Сержантъ, капралъ, рядовый солдатъ, осьмнадцать, артилерійскихъ служителей четыре, извощикъ одинъ, казаковъ до двадцати человѣкъ. По учиненіи ими мятежниками, вышеписаннаго злодѣйства, вымыслили нижеписанные собрать приговоры и подписки отъ Прапорщика Ефтюгина, Протопопа Федорова, и отъ сержантовъ: Мензелинцева и Васильева, о произшедшемъ штурмѣ, отъ кого сперва стрѣльба началась, тоже всей согласной стороны Старшинъ и казаковъ обязывали, какъ Ефтюгина подпискою же, что на идущее войско со святыми иконами, и съ просьбою о учиненіи по указу удовольствія онъ Генералъ-Маіора изъ пушекъ и изъ ружей прежде палить приказалъ; и они согласной стороны Старшины и казаки то чинили, яко бы опасаясь, дабы сами отъ солдатъ побиты не были, ибо, де, за неисполненіе сего, отъ онаго Генерала по нихъ стрѣлять велѣно, въ чемъ войску и приносятъ повинность, а впредь съ оными противности и разноты чинить не будутъ, и просьбы, сверхъ войска Яицкаго, въ прежнихъ ссорахъ никуда употреблять не станутъ; да и Мартемьяна Бородина особо обязывали сказкою, будто бы онъ у Генералъ-Маіора къ войску ихъ мятежническому выпросился, и къ оному войску итти отважился; но онъ де Генералъ ихъ удержалъ. И они, видя его предпредпріятія, чтобы напраснаго и неповиннаго кровопролитія не произошло, троекратно просили и въ ноги ему кланялись, отъ стрѣльбы бы удержался; но не послушавъ, сказалъ, прикажетъ и по нихъ Бородинъ съ товарищи стрѣлять, и послѣ вскорѣ изъ пушекъ и изъ

ружей регулярною командою, тоже и имъ съ послушной стороны казакамъ стрѣлять приказалъ. То же мятежники, по отборѣ всего вышеписаннаго, съ согласной стороны Старшинъ и казаковъ присягою утвердили, чтобы съ войскомъ Яицкимъ быть во всемъ вообще и никого ни въ чемъ не уличать, и тѣ прежнія ссоры предать вѣчному забвенію, жить спокойно, прежнихъ ссоръ не вчинать и другъ на друга не челобитствовать. Потомъ состоящихъ на нижнихъ Яицкихъ форпостахъ и въ Гурьевѣ городкѣ, прежнихъ Атамана Мостовщикова, Полковника Витошнова и Атамановъ Феодора Бородина, перемѣняли другими, и тѣмъ, вновь выбраннымъ, изъ войсковой суммы дали, Савелью Ѳомичихину тридцать четыре рубля, Аѳанасью Перфильеву и Андрею Чапову по тридцати по три рубля. Напослѣдокъ всѣ вышеписанныя ими подписки и утвержденія, сообразуя въ прикрытіе учиненнаго ими дерзновенія въ челобитной на имя Ея Императорскаго Величества, Генваря 15-го числа писанной, то же самое, какъ и въ допросахъ, показываютъ слѣдующими изображеніями, не оставили помянутаго, де, Генерала-Маіора Траубенберха, просили они, чтобы по имянному Ея Императорскаго Величества указу о выдачѣ имъ за шесть лѣтъ жалованія, во взысканіи со Старшинъ штрафа и во отрѣшеніи ихъ отъ присутствія о выборѣ на мѣсто ихъ по войсковому согласію другихъ, исполнено, и вычтенъ бы тотъ имянной указъ, къ чему, собравшись 13-го числа Генваря, и шли со святыми иконами, чтобы имъ неучинено было безвиннаго вреда: но онъ, Генералъ-Маіоръ, съ Старшинами, регулярною командою и съ согласное стороны казаками, разставя по всѣмъ улицамъ пушки, начали по нихъ стрѣлять, и побили на смерть болѣе ста человѣкъ и довольное число переранили; по какой доведенной великой крайности принуждены они обороняться; такъ, де отъ того начатія съ регулярной команды и отъ согласныхъ Старшинъ и казаковъ Генералу и протчимъ убивство послѣдовало; а Атаманъ Танбовцовъ и Старшина Калпаковъ присутствующимъ съ старшиною съ Ютинымъ изъ своихъ рукъ срублены; и что оное со стороны Генерала и согласныхъ имъ казаковъ произошло, вышеписанныя отобранныя съ Протопопа и протчихъ подписки, при той челобитной, представили, какъ они, мятежники, все вышеписанное учредя, и возчувствовавъ свое полное по войску правленіе, примѣчается, имѣли намѣреніе съ Киргизъ-Кайсаками быть въ соединеніи, потому Киргизъ-Кайсацкіе владѣльцы, Нурали-Ханъ Дусали и Анчювакъ Салтаны писали слѣдующее:

Нурали-Ханъ, отъ 22-го Февраля, въ Войсковую Канцелярію и всему войску съ Старшинами: По вашей, де, просьбѣ, отъ великой Государыни, Ея Императорскаго Величества пожалованіемъ, желаніе исполнено, прозьбы не оставлены и безпокойствія ихъ утишилась; и какъ, де, вы, такъ и они радуются, а прежніе злотворцы сами себѣ нашли наказаніе. И какъ имъ сдѣлалась свободность, прошено всего войска Мартеміана Бородина простить и его ни чѣмъ и живота не вредить, изъ подъ караула отпустить; и естьли помилуютъ, онъ отъ войска не отстанетъ, въ чемъ бы ему и присягу учинить.—Дусали Салтанъ войска Яицкаго управителямъ и начальникамъ Андрею Лабзеневу, Трифонову, Сингилевцеву и Кирпичникову. Естьли они, признавая его себѣ другомъ, не оставятъ и почтутъ Мартеміана Михайловича (т. е., Бородина), приведя къ присягѣ между собою по прежнему учинили, и совѣтъ бы былъ съ нимъ вмѣстѣ; и какъ бы, де, то не было, у Монархини нашей войски готовы, хотя Всевышній Богъ одное ихъ казачью просьбу исполнилъ, а нынѣ и последнюю дастъ.—И: Ачювакъ Салтанъ присутствующимъ Трифонову, Сингилевцеву и Неулыбину. Что же касается до обѣщанія его войску Яицкому, то о семъ посланные его люди словесно донесть могутъ, чему бы и повѣрить; и когда онъ съ ними дружествомъ соединится, то близъ Яицкаго городка весновать намѣреніе имѣетъ.—За тѣмъ Нурали же Ханъ къ Господину Генералъ-Порутчику и Оренбурскому Губернатору Рейнсдорпу, отъ 8-го Іюня, между протчаго, писали: Хотя, де, обѣихъ сторонъ безумные и легкомысленные люди, продерзости дѣлать поощряются, но онъ имъ не слѣдуетъ. Какъ, де, то не въ давномъ времени отъ Яицкаго войска посланы были къ нимъ люди съ объявленіемъ, что по приведенію ихъ знатными въ разврат Оренбурскій народъ, для ученія имъ злодѣйства, они, Яицкіе казаки, съ Киргизь-Кайсаками равнаго въ родѣ своемъ состоянія, то, де, противъ слѣдующаго изъ Оренбурга къ нимъ корпуса отъ войска ихъ, подъ предводительствомъ Ивана Ульянова и Пономарева, выслано три тысячи человѣкъ; и такъ, де, нынѣ войско ихъ собравшись съ ними, Киргизцами, совокупится, и въ знакъ свойства, съ прошлаго году бѣжавшихъ отъ Киргизцевъ, плѣнныхъ возвратить хотятъ, а при томъ просили, чтобы Киргизцы съ ними сообщились; однако жъ онъ, Ханъ, къ тому не согласился. — О сихъ ихъ мятежникомъ послѣдующихъ надъ Генералъ-Маіоромъ и протчими дерзновеніями и развратомъ отъ Оренбурскаго Губернатора Рейнсдорпа, чрезъ посыланные ордера, чинены были слѣдующія увѣщанія:

1-е Чтобы оное войско Яицкое представило себѣ, во первыхъ, страхъ Божій, потомъ присягу вѣрности, а третье добродѣтель толь славнѣйшей въ свѣтѣ Монархини, которая неутомленными своими трудами изволитъ о благосостояніи и тишинѣ подданныхъ своихъ матерински непрестанно пещись, слѣдовательно, когда до слуху Ея Величества дойдетъ сія, толико гнусная, вѣдомость, то сколько опечалить можетъ Ея священнѣйшій духъ. Ежели войско Яицкое. вышедъ изъ мрака злобы, выдетъ хотя въ нѣкоторый свѣтъ благоразумія и возчувствуетъ высочайшую милость Ея Императорскаго Величества, которою войско Яицкое издревле пользоваться щастіе имѣетъ, такъ бы они, оставя всѣ свои внутренніи нестроенія, тотчасъ приняли всѣ мѣры, дабы въ ономъ войскѣ Яицкомъ возставлена была прежняя тишина и покой, и народъ бы приведенъ былъ въ совершенный порядокъ и единодушное высочайшей воли Ея Императорскаго Величества повиновеніе, не допуская увеличиться гнѣву Божію, обнадеживая, что и онъ, Губернаторъ, по довѣренности его отъ Ея Императорскаго Величества, оному войску, съ стороны своей, всякимъ образомъ содѣйствовать долженствуетъ, и будетъ ожидать знакъ принятія сего увѣщанія, т. е., о всѣхъ, въ войскѣ Яицкомъ произшедшихъ, обстоятельствахъ точнаго и немедленнаго увѣдомленія, и гвардіи Капитана Дурново и Алексѣевскую команду въ Оренбургъ выслали.

2-е. Хотя остальные часы, въ кои еще могутъ чрезъ раскаяніе ихъ пользоваться милосердымъ Ея Величества прощеніемъ, употребить на разсужденіе, пощадя кровь неповинную женъ ихъ и малолѣтныхъ дѣтей, а при томъ въ злобѣ не участныхъ людей, и пришедъ бы въ чювствіе, постаралися высочайшую волю Ея Императорскаго Величества исполнить, т. е., главныхъ богомерзкаго убивства зачинщиковъ, о коихъ чрезъ полковника Углицкаго реестръ они получили, обще съ признаваемыми ими покоя ихъ нарушителями, Генералъ-Маіору Фрейману выдали, и тѣмъ бы себѣ и всему войску Яицкому спасеніе получили, одинаково непремѣнно поступлено будетъ съ ними по всей строгости высочайшаго Ея Императорскаго Величества гнѣва, отъ котораго укрытія никакого способа уже не останется.

3-е. При которомъ съ полученнаго высочайшаго именнаго Ея Императорскаго Величества указа, 26-го Марта состоявшагося, тридцать экземпляровъ къ нимъ послано; принявъ бы они тотъ высочайшій именной Ея Величества указъ въ здравое свое уваженіе и не упущая толь послѣшествующаго ихъ благополучія и тишинѣ случая,

пользуясь сею высочайшею и безприкладною Ея Величества милостію, безъ всякаго размышленія посвятить себя тотъ часъ къ совершенному исполненію отъ сего Высочайшаго Ея Величества благоволенія, и тѣ экземпляры въ народѣ ихъ Яицкомъ немедленно публиковать и на форпосты разослать, по точномъ же бы исполненіи прислали объявленіе, съ чего бы могъ онъ, Губернаторъ, принять мѣры къ точному исполненію учиненнаго ему предписанія, а между бы тѣмъ, до прибытія изъ Оренбурга слѣдователей, главныхъ зачинщиковъ и нарушителей покоя задержать подъ карауломъ. Въ заключеніе же паки увѣщевалъ, о чемъ бы толь важномъ и для собственнаго ихъ благоденствія нужномъ дѣлѣ гораздо прилежно подумали, и конечно сей оказіи не упущать и надежду Ея Величества всеконечно исполнить, да и тѣмъ Ея Императорскаго Величества именнымъ указомъ предписано, руководствуясь всегда человѣколюбіемъ и матернимъ о подданныхъ попеченіемъ, думаетъ, что не все войско Яицкое, но самая малѣйшая его часть была виною толикаго зла, и что протчіе вовлечены были, или по своей простотѣ, или же по незнанію истиннаго своего блага. Въ семъ мнѣніи избѣгая, чтобы невинные не претерпѣли, вмѣстѣ съ преступными, и щадя пролитіе невинной крови, заблагоразсудила употребить еще умѣренность и чрезъ него, Губернатора, увѣщевать первыхъ, чтобы они отстали отъ укрывающихся между ими злодѣевъ, употребившихъ всуе имя Ея Императорскаго Величества, поколебавшихъ тѣмъ общую тишину и затмившихъ убивствомъ начальниковъ своихъ славу всегдашней вѣрности и послушанія, коею войско Яицкое столь много отличалось, и Ея Величество надѣется, что они, видя такое Монаршее Ея Величества благоволеніе и узнавъ ложъ и собственные виды сихъ своихъ обольстителей, очувствуются и, пришедъ въ прежнее подданническое повиновеніе, выдадутъ сами главныхъ зачинщиковъ и нарушителей ихъ покоя; естьли же и за симъ войско Яицкое останется въ своемъ жестокосердіи и упорствѣ, тогда неминуемо уже навлечетъ оно на себя праведный Ея Величества гнѣвъ, вмѣсто ожидаемаго ими отъ Ея Величества милосердія и пощады.

По каковымъ обстоятельствамъ и собственнымъ ихъ, мятежниковъ, признаніямъ, что они, не почувствовавъ совѣсти и забывъ вѣрность подданнической своей должности и присяги, здѣлавшись ослушниками, сперва дерзнули на богомерзское убивство Генералъ-Маіора Траубенберха и ихъ Казачей послушной стороны начальниковъ и другихъ, и надъ мертвыми ихъ тѣлами ругаться, а гвардіи Капитана

Лурново, отъ лица Ея Императорскаго Величества отправленнаго, увѣчить и задерживать, тожъ оставшихъ отъ самаго того ихъ мятежа Старшинъ, послушной же стороны тирански увѣчить до смерти, и нѣкоторыхъ тирански же мучить и увѣчить; напослѣдокъ же, имѣючи уже неоднократныя, а особливо именное Ея Императорскаго Величества высочайшее къ нимъ увѣщеваніе, не очувствуясь въ своемъ жестокосердіи и не сжалясь пролитію крови въ злобѣ неучастныхъ, а защищая главныхъ злу зачинщиковъ и нарушителей покоя, отважились вооружиться и дѣйствіемъ предпріятаго ихъ оружія изъ корпуса, съ Генералъ-Маіоромъ Фрейманомъ отправленнаго, регулярнымъ и нерегулярнымъ убивство учинили, къ чему еще въ помощь и Киргизцевъ просили; да и за другія въ дѣлѣ знавшихъ ихъ дерзостныя соотвѣтствія и непослушанія, по силѣ вышеписанныхъ при дѣлѣ узаконеній, самые вышеписанному возмущенію зачинщики и въ скопахъ и заговорахъ бывшіе, смертію казниться должны. Того ради согласно приговорили по точности ближайшихъ къ преступленіямъ ихъ регуловъ, и именно: главнѣйшаго зачинщика, Сотника Ивана Кирпичникова, а по немъ во всѣхъ предпріятіяхъ начальствующихъ судей мятежнической партіи: Василія Трифонова, Терентія Сенгилевцева, Якова Неулыбина, Пономарева, Сотниковъ: Ивана Краденова, Ивана Полковника, Ивана Портнова, Андрея Азовскаго, Козьму Носова, Михайлу Чеботарева, Семена Артикеева, Есаула Емельяна Чемева, по силѣ соборнаго уложенія главы 2-й, статьи 21-й, и по артикуламъ 124 съ толкованіемъ и 137, описавъ въ казну, Ея Императорскаго Величества, ихъ пожитки и лиша живота, четвертовать, бывшаго Атамана Ивана Ульянова, Сотниковъ. Баранку Жумутова, Алексѣя Аржанова, Ивана Сетчикова, десятника Илжаса Кизѣкѣева; пятидесятника Ивана Макарьичева, бывшаго Есаула Гаврилу Сергѣева, Казаковъ: Савелія Чиганохаева, Калбуя Алкунова, Романа Котикова, Петра Бугаева, Андрея Портнова, Ѳедора Свіягина, Петра Замѣшаева, Григорія Жигалина, Абдряшита Мулла, Аѳонасья Гладова, Ивана Трифонова, Петра Трифонова, Андрея Кирпичникова, Петра Пуговкина, Максима Лелѣкова, Петра Бизянова, Асаная Муханаева, Ашрая Муртозина, Григорія Кабанова, Максима Кабаева, Илью Ульянова, Захара Горлова, Ивана Овчинникова, Никифора Любина, Василія Зателепина, Степана Кошечкина, Петра Погадаева, Алексѣя Ганьшина, Данилу Кочерешкина, Сергѣя Курочкина, отставнаго Леонтія Катанскаго, бывшаго Судіею Андрея Лобзенева, Сотника Федота Морковцева, по соборному уло-

женію главы 2-й статьи 21-й и по артикулу 137-му, повѣсить; а изъ оныхъ съ Пуговкина, изъ оставшаго имѣнія, за безчестіе депутату Акутину взыскать депутатскаго годоваго жалованія вдвое, Цебука, Чегаева, Байгула Ашиктеева, Нима Бердина, Сюгумона Тайгутова, Шайду Малайча, хотя они состояли съ послушной стороны, но по принужденію Сотника Баранки Жумутова, какъ Калмыцкаго Писаря Сабузю, ему, Жумутову, убить до смерти спомоществовали, такъ и противъ Генералъ-Маіора Фреймана выѣзжали, и сраженіе имѣли, и тѣмъ точными участниками злу здѣлались, по 53-му съ толкованіемъ, и 153-му артикуломъ, Козьму Обаева, онъ же и Кошкинъ, и Жамбу Царгина, кои также изъ послушной же стороны состояли, но съ его же, Жумутова, и еще Сотника же Быкова принужденія противъ Генералъ-Маіора Фреймана выѣзжали и въ сраженіи были, по тому же 53-му съ толкованіемъ, а по точности ближайшаго 137-го артикула повѣсить; Семену Матросову, Никитѣ Ерзикову, по 98-му и 128-му, Якову Барышникову по 128-му артикуламъ, отсѣчь голову; Алексѣя Матасова, Акима Лепехина, Михайлу Новоженина, Ивана Ерина, Абросима Безлокотнова, Степана Павлова, Максима Выровщикова, Максима Шигаева, Михайлу Кожевникова, Максима Рыкова, Алексѣя Мирошина, Потапа Мурзина, Павла Русакова, Сотника Тимофѣя Севрюгина, и Есаула Григорья Гутарева, въ примѣръ воинскаго 64-го артикула, наказать, по ихъ Казачему обыкновенію, нещадно плетьми: Савелья Фомичихина, Федора Логинова, Григорія Алферова, Ибрая Смаилова, Ивана Овчинникова и Матвѣя Гордѣева, по послѣдующему отъ Военной Коллегіи 771-го года, Декабря 16-го числа, указу, велѣно ихъ, Казаковъ, наказавъ плетьми, обрить бороды, отправить для написанія въ службу въ полки второй арміи; произшедшимъ мятежамъ не исполнено, кромѣ того что Смаилову и Овчинникову плетьми наказаніе учинено, въ сходство чего тотъ штрафъ и отправленіе въ армію въ полки учинить. Что же принадлежитъ до всего ихъ мятежническаго войска, которыхъ, по присланному отъ Яицкой Коммендацкой Канцеляріи списку, состоитъ, кромѣ находящихся въ укрывательствѣ пятидесяти трехъ, служащихъ тысяча девять сотъ пятьдесятъ два, отставныхъ не служащихъ пять сотъ девять, а всего двѣ тысячи четыреста шестьдесятъ одинъ человѣкъ; а кто оные, именамъ при дѣлѣ списки имѣются, присовокупляя къ нимъ нижеписанныхъ, которые, по приказаніямъ ихъ состоятъ слѣдующія: Яковъ Ходинъ, за ослушаніе въ неотправленіи за Калмыками и въ Кизляръ повелѣнныхъ командъ и за выходъ съ мя-

тежниками къ нападенію на Генералъ-Маіора Траубенберха, по начатіи пальбы ушелъ къ Подполковнику Бородину въ домъ, взявъ сына его, Старшину Федора, сохранилъ, но послѣ паки отъ стороны мятежниковъ въ Петербургъ отлучался; Екимъ Кочемасовъ съ мятежниками на Генералъ-Маіора Траубенберха въ зборище выходилъ; и до начатія пальбы ушелъ, Саіімарскаго Атамана Донскова отъ мятежниковъ оборонилъ, но послѣ отъ стороны мятежа въ Петербургъ отлучался; Илья Арефьевъ въ числѣ мятежниковъ на Генерала Траубенберха выходилъ, а по окончаніи пальбы ушелъ въ домъ и уѣхалъ на хутора, а послѣ отъ мятежниковъ въ Петербургъ отлучился же; Иванъ Головановъ, за ослушаніе въ неотправленіи за Калмыками и въ Кизляръ повелѣнныхъ командъ, кои такъ же по принужденію, засвидѣтельствованному Старшиною Бородинымъ, не въ числѣ мятежническаго войска противъ Генералъ-Маіора Фреймана выѣзжалъ; Андрей Чаповъ, хотя его точнаго признанія и нѣтъ, чтобы на сраженіи былъ, однако жъ съ мятежнической стороны состоялъ, и отъ Кирсановской церкви ушелъ, и при выѣздѣ противъ Генерала Фреймана отъ мятежниковъ въ Гурьевъ городъ онъ былъ посланъ; Андрей Курбетьевъ, хотя и показываетъ, что только противъ Генералъ-Маіора Фреймана выѣзжалъ, а не вступая въ сраженіе уѣхалъ въ городокъ, и будто бы въ случаѣ нападенія на Траубенберха, по миновании стрѣльбы послушныхъ Казаковъ защищалъ и до убивства не допущалъ, но въ томъ, по неимѣнію отъ него доказательства, не засвидѣтельствовано; Петръ Антиповъ, при нападеніи на Генералъ-Маіора Траубенберха, въ числѣ мятежниковъ выходилъ, хотя и безъ оружія, и по минованіи стрѣльбы, Старшину Мартеміяна Бородина, какъ онъ, Бородинъ, самъ свидѣтельствовалъ, оборонилъ, но тѣмъ въ числѣ мятежа своимъ выходомъ былъ участникъ, по тому жъ, яко сообщникъ скопу, и заговоровъ, и участниковъ бунту, по уложенію главы 2-й статьи 21-й, и по артикулу 137-му, всѣхъ висѣлицею казнить. Но о сихъ, что и въ числѣ войска двухъ тысячь четырехъ стахъ шестидесяти одномъ, по ихъ столь количеству, а тожъ и къ нимъ о присовокупленныхъ семи человѣкахъ, для выше прописанныхъ обращеніевъ, не могутъ ли изъ нихъ сколько отъ смертной казни пощажены быть, въ разсмотрѣніи къ вышнему разсужденію представляются артикулы 133, а въ сходствіе онаго о бѣглецахъ 95-го и 97-го съ толкованіемъ, послѣднихъ въ бѣгахъ пятьдесятъ три человѣка, по точности ближайшихъ соборнаго уложенія главы 2-й статьи 21-й и артикуловъ

98-го и 137-го, животы ихъ и имѣніе, описавъ въ казну Ея Императорскаго Величества, а когда пойманы, или сами явятся, всѣхъ повѣсить; дѣтей же ихъ мятежническихъ, каковыхъ, по присланному отъ Яицкой Коммендатской Канцеляріи списку значится отъ пятьнадцати лѣтъ и свыше триста шестнадцать человѣкъ, въ разсужденіи отцовъ ихъ учиненнаго злодѣйства, дабы впредь и отъ нихъ, яко произшедшихъ отъ роду злодѣйственнаго, состоянія таковаго жъ попользновенія и расширенія въ злу послѣдовать не могло, во истребленіе и пресѣченіе онаго, годныхъ написать въ полки въ солдаты, а негодныхъ, въ страхъ другимъ, наказать отъ пятнадцати и до семнадцати лѣтъ розгами, а семнадцати лѣтъ и свыше плетьми. Употребленныя же на производство сего дѣла за бумагу, сургучь, чернила, нитки и протчее, всего девятнадцать рублей двадцать одну копѣйку, такъ же и издержанныя на производство содержащимся при Коммиссіи, и съ тѣхъ мятежниковъ подъ арестомъ кормовыхъ денегъ сто шесть рублей три копѣйки, взыскать изъ имѣнія ихъ, мятежниковъ, и въ казну возвратить; а за тѣмъ все сіе предается въ разсмотрѣніе Высшней конфирмаціи.

А мнѣніемъ Господинъ Генералъ-Порутчикъ Оренбургской Губернаторъ и Кавалеръ Рейнсдорпъ полагаетъ: Хотя войска Яицкаго мятежники, по важности ихъ преступленія, по законамъ Ея Императорскаго Величества, и заслужили строгую казнь, однако, дабы оному впредь толь чувствительнѣе быть могло, надлежитъ, по мнѣнію его, въ показаніе, съ одной стороны, строгости, а съ другой Высочайшаго милосердія, учинить слѣдующее:

1-е. Изъ первыхъ изъ того мятежа зачинщиковъ, двадцати человѣкъ, шестерыхъ четвертовать и головы ихъ для страху воткнуть на колья, а другихъ шестерыхъ же повѣсить; а за тѣмъ:

2-е. Изъ протчихъ же къ смертной казни осужденныхъ пятнадцати человѣкъ, по одному изъ десяти съ жребью, такъ же повѣсить, а другихъ всѣхъ, бивъ кнутомъ и вырѣзавъ ноздри, сослать въ ссылку въ Сибирь на Нерчинскіе заводы въ работу вѣчно.

3-е. Изъ тѣхъ, кои находятся въ побѣгѣ и пойманы будутъ, годныхъ въ службу, наказавъ шпицрутеномъ, опредѣлить въ заграничную армію, а негодныхъ, бивъ кнутомъ, сослать въ сылку же.

4-е. Протчихъ же войска Яицкаго Старшинъ, Казаковъ и дѣтей ихъ, въ семъ злодѣйствѣ участіе имѣвшихъ преступленіемъ, онъ, Губернаторъ, представляетъ высшему Ея Императорскаго Величества разсмотрѣнію и милосердію; ибо они, будучи невѣжды, къ сому важному

преступленію привлечены больше выше означенными, къ строгой казни присужденными, бывшими ихъ повѣренными; только, однакожъ, разграбленныя во время мятежа солдатскія, казенныя и Генералъ-Маіора Фонъ-Траубенберха и протчихъ Офицеровъ вещи и деньги, чего по слѣдствію не отыщется, взыскать съ нихъ по расположенію, также и на томъ мѣстѣ, гдѣ тѣла ихъ, Генералъ-Маіора и Офицерскія, похоронены, въ память сего печальнаго произшествія, построить ихъ же коштомъ монументъ.

Впрочемъ онъ согласенъ со мнѣніемъ Слѣдственной Коммиссіи.

Приказали: Какъ сіе дѣло произведено по именному Ея Императорскаго Величества высочайшему указу, данному Оренбургскому Господину Губернатору, то объ ономъ поднесть Ея Величеству всеподданнѣйшій докладъ и при томъ представить: Хотя вышеписанные мятежники, Казаки, за учиненный ими бунтъ, убивство Генералъ-Маіора Траубенберха, нѣкоторыхъ Офицеровъ, Атамана, Старшинъ и рядовыхъ, за принятіе оружія и дѣйствіе противъ корпуса Генералъ-Маіора Фреймана, и за посылку къ Киргизцамъ съ прозьбою о вспомоществованіи имъ, за всѣ безстрашныя и дерзкія предпріятія и непослушаніе, и подлежатъ, по строгости законовъ, приговоренной смертной казни, но, во уваженіи всегда изливаемаго Ея Императорскаго Величества ко впадающимъ въ преступленіе высочайшаго матерняго милосердія, Военная Коллегія, по основанію именнаго, 754-го года, Сентября 30-го числа, указу, разсуждаетъ:

1-е. Приговоренныхъ къ смертной казни первыхъ и главнѣйшихъ зачинщиковъ, Сотника и Казаковъ: Ивана Кирпичникова, Василія Трифонова, Терентія Сингилевцева, Якова Неулыбина, Ивана Пономарева, Петра Краденова, Ивана Портнова, Андрея Азовскаго, Козьму Носова, Михайлу Чеботарева, Семена Артикеева, Емельяна Чемева, и къ тому бывшаго противъ корпуса Генералъ-Маіора Фреймана Атаманомъ, Ивана Ульянова, что онъ не только противъ корпуса, посланнаго ко усмиренію ихъ, въ противной партіи Атаманомъ былъ, но еще къ тому и Казака Гульчихина за докладъ, чтобы противъ Генералъ-Маіора Фреймана оруженно не поступать, билъ плетьми и привязывалъ къ колесу, а другаго, Жигалина, изъ палатки выгналъ, чѣмъ и другимъ къ такой же противности поводъ подавалъ, такъ же Сотника Баранку Жумутова, Казаковъ: Василія Зателенина и Петра Погадаева, какъ они, кромѣ Зателенина, по произведеніи надъ

Генералъ-Маіоромъ Траубенберхомъ злаго дѣйствія, на другой уже день войсковаго Дьяка и Старшину Сутина, выведши изъ Канцеляріи, не только убили, но и надъ тѣломъ ругаясь, рѣзали и бросили въ рѣку, а Зателепинъ, хотя въ томъ Сутина убивствѣ и не признался, однако жъ такое жъ надъ Казакомъ Иваномъ Пыжилою убивство сдѣлалъ Жумутовъ, и еще ко убивству Калмыцкаго Писаря Сюгунова, состоящихъ не съ противной стороны, Калмыкъ пять человѣкъ, чрезъ устращиваніе, принудилъ, что ими исполнено, всѣхъ ихъ шестнадцать человѣкъ, наказавъ кнутомъ, вырѣзавъ ноздри и поставя знаки, сослать въ Сибирь на Нерчинскіе заводы въ работу вѣчно.

2-е. Изъ протчихъ же приговоренныхъ къ смертной казни, бывшихъ всѣхъ мятежнической шайки Казаковъ: Алексѣя Аржанова, Ивана Сетчикова, Илжасъ Кизекеева, Ивана Макарьичева, Гавріилу Сергѣева, Савелья Гиганахаева, Калбуя Алкунова, Романа Котятова, Петра Бугаева, Андрея Портнова, Федора Свіягина, Петра Замѣшаева, Григорія Жигалина, Абдрешита Муллу, Афонасія Гладова, Ивана Трифонова, Петра Трифонова, Андрея Кирпичникова, Петра Пуговкина, Максима Лелѣкова, Петра Бизянова, Асаная Муханаева, Ашрея Муртазина, Григорья Кабанова, Максима Кабаева, Илью Ульянова, Захара Горлова, Ивана Овчинникова, Никифора Любина, Степана Кошечкина, Алексѣя Ганьшина, Данилу Кочерешкина, Сергѣя Курочкина, Леонтія Катанскаго, Андрея Лабзенева, Федота Марковцова, Семена Матросова, Никиту Ерзикова, всего тридцать восемь человѣкъ, наказавъ кнутомъ, безъ знаковъ и вырѣзанія ноздрей, сослать съ женами и съ малолѣтными дѣтьми въ Сибирь, въ разныя мѣста на поселеніе.

3-е. Признавшихся въ убивствѣ Калмыцкаго Писаря Сюгунова Калмыкъ Цебука Чегаева, Бангула Ашиктеева, Нимабердина Сугулюка, Тангутова, Шадду Малаича, въ разсужденіи, что они то убивство хотя и учинили, и противъ корпуса Генералъ-Маіора Фреймана выѣжали, но не изъ злаго предпріятія, но точно, какъ по дѣлу нашлось, изъ принужденія и устращиванія начальника ихъ, Сотника Жумутова, однако жъ со всѣмъ извинить ихъ не можно; ибо они къ такому злому дѣлу ни по какому страху приступать, хотя бы оное стоило ихъ жизни, были не должны, впредь къ предосторожности другихъ, наказавъ плетьми, послать для обмытія пролитой крови въ службу противъ непріятеля безъ очереди.

4-е. А за тѣмъ достальныхъ, приличившихся къ тому же возмущенію въ сообществѣ Кузьмы Обаева, онъ же и Кошкинъ, Жамбу Царгина, въ разсужденіи, что они противъ корпуса Генералъ-Маіора Фреймана выѣзжали, таковаго же принужденія, какъ и выше о Калмыкахъ, Чегаевѣ съ товарищами показано, а равно Якова Барышникова, Алексѣя Матасова, Якима Лепехина, Михайлу Новоженина, Ивана Ерина, Абросима Безлокотнова, Степана Павлова, Максима Выровщикова, Максима Рыкова, Алексѣя Мирошина, Потапа Мурзина, Павла Русакова, Тимофѣя Севрюгина, Григорія Гутарева, Ивана Голованова, Илью Арефьева, Андрея Чанова и Андрея Курбетева, также Федора Логинова, Григорія Алферова, Ибрая Смаилова, Ивана Овчинникова и Матвѣя Гордѣева, всего двадцать пять человѣкъ, наказавъ плетьми, распредѣлить, молодыхъ въ разные армейскіе полки, а престарѣлыхъ въ Сибирскіе гарнизонные баталіоны, по разсмотрѣнію Губернатора.

5-е. Савелья Фомичихина, которой только за противность отправленіемъ въ Кизляръ, написанъ былъ къ отправленію во вторую армію, а по убитіи Генералъ-Маіора Траубенберха, по освобожденіи изъ подъ караула гвардіи Капитана Дурнова, нашедъ ранenаго, отвелъ на его квартиру и пользованію его подлѣкаря посылалъ, и чтобы противъ Генералъ-Маіора Фреймана войско не выѣзжало, уговаривалъ также Максима Шигаева, Михайлу Кожевникова, Якова Ходина, Якима Кочемасова, Петра Антипова, кои, хотя съ мятежниками противъ Генералъ-Маіора Траубенберха и выходили, но видно раскаясь, отъ того злодѣйскаго предпріятія ушедъ изъ собранія, защитили отъ убивства бывшихъ съ послушной стороны Старшину Бородина съ сыномъ и фуріера Рагожина; а хотя изъ нихъ, кромѣ Антипова, и заслуживали за отлучку въ Петербургъ штрафъ, но какъ и оное учинили они съ принужденія съ противной стороны, отъ приговореннаго наказанія освободить и оставить по прежнему въ войскѣ.

6-е. Что жъ до всего ихъ мятежническаго войска принадлежитъ, коего, по списку Яицкой Коммендантской Канцеляріи, кромѣ находящихся въ укрывательствѣ, пятидесяти трехъ служащихъ и отставныхъ, показано двѣ тысячи четыреста шестьдесятъ одинъ человѣкъ, то въ разсужденіи таковаго знатнаго количества, и что всѣ они большею частію къ сему дерзкому предпріятію приступили по поводу главныхъ ихъ развратниковъ, Кирпичникова съ товарищи, отъ сущаго невѣжества и по незнанію истиннаго своего благоденствія,

не соизволено ль будетъ, равно какъ и состоящихъ въ несовершенныхъ лѣтахъ Казачихъ дѣтей, отъ заслуженнаго по законамъ наказанія, изъ высочайшаго Ея Императорскаго Величества милосердія, помиловать и, утвердя всѣхъ въ вѣрности службы вновь присягою, оставить по прежнему въ ихъ жилищахъ, такъ же находящихся въ укрывательствѣ указами публиковать, если кто изъ нихъ, отступя отъ своего злодѣйскаго предпріятія и противности, самъ добровольно къ войску съ повинною, по обнародованіи сего, въ три мѣсяца явится, согласія къ мятежу и побѣговъ другихъ злодѣйствъ, грабежа и убивства, за ними не окажется, таковыхъ, освобождая отъ должнаго по законамъ наказанія и утверждая въ вѣрности службы вновь присягами, принимать по прежнему въ то жъ войско, а съ обличившимися въ грабежахъ и смертномъ убивствѣ, такъ же и съ тѣми, кои на положенный срокъ не явятся, а послѣ, или прежде, пойманы будутъ, Оренбургскому Губернатору поступать по законамъ?

7-е. А какъ по особо произведенному слѣдствію показано, при учиненномъ мятежѣ и бунтѣ, разграбленныхъ у воинскихъ чиновъ казенныхъ вещей на девяноста семь рублей сорокъ девять копѣекъ съ половиною, у убитыхъ, Генералъ-Маіора Траубенберха и Атамана Тамбовцева и другихъ разнаго званія воинскихъ чиновъ, собственныхъ денегъ и пожитковъ на двадцать тысячь сто семь рублей семьдесятъ копѣекъ съ половиною, да по показаніямъ того жъ войска Казаковъ, на шестнадцать тысячь пять сотъ пятьдесятъ одинъ рубль девять копѣекъ съ половиною, то, во удовольствіе сихъ, безвинно пострадавшихъ, всѣхъ показанныхъ, заслужившихъ наказаніе, продерзателей, имѣнія Яицкой Коммендантской Канцеляріи описавъ, съ публичнаго торгу продать, а чего къ тому доставать не будетъ, расположа со всѣхъ бывшихъ въ мятежнической партіи, по состоянію каждаго имущества и промысловъ, взыскать вышеписанную сумму, и, возвратя прежде за казенныя вещи издержанный капиталъ, достальными обидимыхъ, по учиненіи каждому просителю о разграбленномъ имѣніи надлежащей присяги, такъ какъ мнѣніемъ Коммисскимъ положено, удовольствовать.

А болѣе все то, въ сходствіе мнѣнія Оренбургскаго Губернатора, о постановленіи въ память сего печальнаго произшествія, ихъ же мятежническимъ коштомъ, монумента, предать во всевысочайшее Ея Императорскаго величества соизволеніе и просить всемилостивѣйшаго указа.

Подлинной за подписаніемъ Военной Коллегіи.

1773-го года, Іюня 14-го дня.

II.

По указу Ея Императорскаго Величества Генералъ-Порутчикъ, Оренбургской Губернаторъ и Кавалеръ Рейнсдорпъ, разсматривая дѣло о разстригѣ, бывшемъ въ войскѣ Яицкомъ попѣ, Михайлѣ Васильевѣ, который въ произшедшій въ томъ войскѣ мятежъ сказался въ слѣдующихъ продерзостяхъ: что онъ, Васильевъ, какъ отъ тамошняго Протопопа, Дмитрія Федоровича, объявлено, войско Яицкое къ возмущенію приводилъ, а при отправленіи службы противъ согласной стороны съ войскомъ военною рукою шелъ и присягою оныхъ обязывалъ, при походѣ жъ къ сраженію первыхъ предводителей, а при послѣднемъ противу арміи Господина Генералъ-Маіора Фреймана походѣ жъ, зачинщикъ и возмутитель былъ; а отъ Казаковъ, Сергѣева и Ходина, что онъ при походѣ жъ мятежниковъ на покойнаго Генералъ Маіора Фонъ-Траубенберха молебствіе отправлялъ и изъ Петропавловской церкви въ мятежническое войско образъ выдавалъ, въ чемъ хотя онъ, Васильевъ, въ прежде учиненныхъ ему въ Коммиссіи допросахъ и запирался, однако, будучи пристрастно подъ битіемъ батоговъ спрашиванъ и показывалъ. Какъ же Яицкіе мятежники намѣрены были противъ покойнаго Генералъ-Маіора Фонъ-Траубенберха итти вооруженною рукою, то, де, ему отъ нихъ объявлено о томъ было, и онъ, де, Васильевъ ихъ въ томъ разсужденіи, что они будутъ ли живы, 11-го числа Генваря, сего года, исповѣдывалъ, и по ихъ просьбѣ, чтобы имъ Богъ даровалъ надъ тѣмъ Генералъ-Маіоромъ и его командою побѣду, молебствіе отправлялъ, и присягою, чтобы они противъ его, Генералъ-Маіора, стояли, единодушно оныхъ обязывалъ; а во время бывшаго на него, Генералъ-Маіора, отъ мятежниковъ нападенія съ войскомъ, его военною рукою нашелъ и никакого образа въ мятежническое войско не выдавалъ, да и противъ Господина Генералъ-Маіора Фреймана вооруженною рукою выѣзжать не возмущалъ, въ чемъ, де, онъ, Васильевъ, при довольно учиненномъ ему увѣщаніи, чинилъ запирательство; однако жъ, какъ выше объявлено, напослѣдокъ, по снятіи съ него чрезъ здѣшнее духовное правленіе сана, съ пристрастнаго распросу въ томъ, что о возмущеніи ихъ мятежническомъ ему объявлено было, и ихъ онъ предъ самымъ почти нападеніемъ исповѣдывалъ, богопротивное молебствіе отправлялъ и присягою, чтобы они стояли единодушно, обязывалъ, признался. И такъ столь дѣйствительнаго возмутителей и преступниковъ высочайшихъ Ея Императорскаго Величества узаконеній, за что хотя и подвергъ себя по силѣ, соборнаго

уложенія 2-й главы 19-й статьи и воинскаго 137-го артикула, смертной казни, т. е., повѣшенію, однако въ слѣдственной Коммиссіи, по мнѣнію положено: какъ онъ, Васильевъ, уже священическаго сана лишенъ, и что претерпѣлъ пристрастные распросы, то и въ разсужденіи сего, сообразуя безприкладное Ея Императорскаго Величества высокоматернее ко всѣмъ впадшимъ въ вины милосердіе, учинить ему, Васильеву, по силѣ именнаго Ея Императорскаго Величества, 1754-го года, Сентебря 20-го дня, состоявшагося указа, вмѣсто смерти, жестокое наказаніе кнутомъ и, вырѣзавъ ноздри, сослать въ каторжную работу на Нерчинскіе заводы вѣчно. А какъ мнѣніе той Коммиссіи представлено къ нему, Генералъ-Порутчику и Кавалеру, съ такимъ предписаніемъ, какъ оное дѣло гражданскаго, а не воинскаго, суда, то бъ съ нимъ, Васильевымъ, и поступить ему, Генералъ-Порутчику и Кавалеру, по своему разсмотрѣнію. И хотя по разсмотрѣнію его, Генералъ-Порутчика и Кавалера онъ, Васильевъ, за тѣ свои важныя продерзости, конечно, вышеозначенной въ Слѣдственной Коммиссіи присужденной казни достойной себя учинилъ, однако жъ, какъ онъ уже за то лишенъ толь знатнаго сана и при судѣ тѣлесно истязыванъ, къ тому же весьма старъ, того ради опредѣлили, учинить ему, Васильеву, въ Яицкомъ городкѣ наказаніе: высѣчь, вмѣсто кнута, плетьми нещадно, и по наказаніи, съ женою его, буде имѣетъ, и съ малолѣтными дѣтьми, отправить въ Сибирь на поселеніе. Чего ради съ протчими мятежниками и отправить его въ тотъ Яицкой городокъ, адресовавъ къ Господину Подполковнику Симонову, коему, по наказаніи, для выше писаннаго въ Сибирь отправленія, велѣть его, Васильева, сюда жъ съ протчими возвратить; и когда онъ, Васильевъ, отъ него, Симонова, присланъ будетъ, тогда его въ Сибирь и отправить, сообща о состояніи его къ Сибирскому Господину Губернатору.

Подлиное подписалъ тако:

Иванъ Рейнсдорпъ.

По листамъ: Титулярный Совѣтникъ Петръ Чучаловъ.

III.

Объявленіе

ЕЯ ИМПЕРАТОРСКАГО ВЕЛИЧЕСТВА ВСЕМИЛОСТИВѢЙШЕЙ ГОСУДАРЫНИ ЕКАТЕРИНЫ ВТОРЫЯ, ИМПЕРАТРИЦЫ И САМОДЕРЖИЦЫ ВСЕРОССІЙСКІЯ, ОТЪ ГЕНЕРАЛА И КАВАЛЕРА, ГРАФА ПЕТРА ПАНИНА, ОПРЕДѢЛЕННАГО И УПОЛНОМОЧЕННАГО ОТЪ ЕЯ ИМПЕРАТОРСКАГО ВЕЛИЧЕСТВА КЪ ПРЕСѢЧЕНІЮ МЯТЕЖА.

Я, Графъ Петръ Панинъ, всѣмъ жителямъ порученныхъ мнѣ Губерній усердно желаю благоденственнаго и безмятежнаго житія и, по данному мнѣ отъ Ея Императорскаго Величества полномочію, силѣ и власти, объявляю тѣмъ, до кого сіе принадлежать будетъ:

Всякой истинной Христіянинъ, всякой вѣрной рабъ Всемилостивѣйшей нашей Государыни, и всякой достойной сынъ отечества объемлется отвращеніемъ и ужасомъ, взирая на разореніе, опустошеніе и убивство, производимыя нынѣ лютымъ и богомерзкимъ злодѣемъ и извергомъ, Емельяномъ Пугачовымъ, и его отъ части простодушными, а отъ части злохитрыми и богопротивными, сообщниками.

Но дабы болѣе возгнушался всякъ варварскими ихъ дѣлами, представимъ себѣ, кто есть сей адскій человѣкъ, въ котораго безъ сомнѣнія вселился злый духъ, враждующій роду человѣческому, и разсмотримъ, какимъ невѣроятнымъ коварствомъ обольщаетъ онъ людей нростодушныхъ.

Онъ есть бѣжавшей съ службы Донской Казакъ. Знаютъ его всѣ Донскіе Казаки. Многіе изъ храбраго войска нашего такъ же его знаютъ; ибо онъ служилъ съ ними въ Польшѣ и въ началѣ Турецкой войны, нынѣ прекратившейся. Женатъ онъ на Дону на Казачьей дочери, которая и съ прижитыми съ нимъ дѣтьми, равно какъ и вся семья его, явились въ Казань къ покойному Генералу Бибикову. Прежде нежели предалъ сей злодѣй совершенно душу свою діяволу и сталъ бунтовщикомъ противъ Бога и своей Монархини, уже всякой изъ Казаковъ товарищъ его зналъ названіе Емельки Пугачова презрительнымъ и позорнымъ по гнусному и безбожному его поведенію.

Вотъ кто нарушилъ тишину народную. Вотъ кто ліетъ рѣки Христіянской крови. Вотъ кто дерзаетъ ругаться матерью нашею святою Церковію и терзать ее злодѣяніями, несносными слуху вѣрующихъ во Христа Спасителя. И все сіе подъ такимъ предлогомъ

производитъ, котораго нелѣпость и невѣроятность всякому ощутительна, а имянно: онъ принялъ на себя имя покойнаго Императора Петра Третьяго, которой, тому уже двѣнадцать лѣтъ, скончался и при собраніи цѣлаго города Санктпетербурга погребенъ всенародно въ Невскомъ монастырѣ. Кто не вѣритъ тому, что многія тысящи нынѣ живыхъ людей видѣли своими глазами, тотъ долженъ быть подобенъ безсловесному животному, а кто тому вѣря, утверждаетъ, однако, первыхъ въ слѣпотѣ ихъ разсудка, тотъ есть врагъ истины, врагъ отечества, возмутитель, достойной сопреступникъ Емельки Пугачова.

О благочестивые мои сограждане! Доколѣ видѣть намъ храмы Божіи, гдѣ мы святое воспріяли крещеніе, гдѣ тѣлеса предковъ нашихъ въ Бозѣ почиваютъ? Доколѣ сіи храмы видѣть намъ оскверняемыми, превращаемыми въ конюшни Емелькою Пугачовымъ и его нечестивыми сообщниками; священные соеуды, изъ коихъ пріобщаются правовѣрные тѣла и крови Господа нашего, похищаемые злодѣями и употребляемые на безпутное и мерзостное ихъ піянство; святыя иконы раскалаемыя на дрова для варенія пищи людямъ богомерзкимъ; священниковъ и церкви служителей умерщвляемыхъ лютою смертію? Доколѣ видѣть намъ смерть Православныхъ, смерть ближнихъ нашихъ, поруганіе женъ и дѣвицъ, и собственное бѣдствіе отъ руки злодѣйской? Доколѣ видѣть намъ домы наши разоряемые, поля опустошаемыя, имѣніе расхищаемое? Словомъ, доколѣ влачить жизнь бѣдственную, мятежную и позорную, и быти жертвою такого изверга, каковъ есть Емелька Пугачовъ и его злодѣйскіе сообщники?

Но уже насталъ конецъ долготерпѣнію Всевышняго. Святая десница его подъемлется на казнь, ей противоставшихъ. Уже мечь правосудія помазанницы Его, Великія Екатерины, матери Отечества, обнаженъ на преступниковъ, и по заключеніи нынѣ славнаго и полезнаго съ Турками мира, обѣ арміи входятъ спѣшно въ предѣлы отечества и стекаются со всѣхъ сторонъ на погубленіе бунтовщиковъ и злодѣевъ; и я, предводитель Христоименитыхъ Ея воиновъ, во имя Господа отмстителя невинной крови, стремлюсь на истребленіе злочестивцевъ, мятежниковъ и богопротивниковъ.

При всемъ же томъ, внимая человѣколюбію Всемилостивѣйшей нашей Государыни, и прежде нежели силою ввѣреннаго мнѣ войска истребится память злодѣевъ отъ лица земли, увѣщеваю здѣсь

въ послѣдній разъ совратившихся отъ пути истиннаго. Раскайтесь преступники, сопричтитесь паки числу Православныхъ, внидите въ повиновеніе Господу, Монархинѣ и властямъ отъ нихъ поставленнымъ! Безпримѣрное милосердіе Всемилостивѣйшей Матери Отечества отверзаетъ вамъ сіи многіе пути ко спасенію:

1. Находящіеся при немъ, злодѣѣ Пугачовѣ, оставя его, да возвращаются съ раскаяніемъ къ Губернаторамъ и Воеводамъ провинціальныхъ и уѣздныхъ городовъ, откуда они, получа письменные виды о своемъ прощеніи, могутъ итти въ свои жилища.

2. Естьли кому Богъ поможетъ, изловя самаго злодѣя Пугачова, привести къ ближнему воинскому, или городовому, начальнику, живаго, тому дастся отъ меня въ награжденіе десять тысячь рублевъ и естьли онъ не въ подушномъ окладѣ, то получитъ при томъ отъ Ея Императорскаго Величества и знатныя отличности и выгоды какъ себѣ, такъ и всему своему роду; а естьли находится въ подушномъ окладѣ, то какъ онъ самъ, такъ и потомки его въ роды родовъ свободны будутъ отъ всякихъ Государственныхъ поборовъ, податей и рекрутскаго набору. Естьли же кто можетъ привезти хотя и мертвое тѣло самаго злодѣя Пугачова, тотъ получитъ денежное награжденіе пять тысячь рублевъ.

3. Кто привезетъ живаго, или привезетъ мертваго одного, а еще и паче многихъ изъ его измѣнническихъ Старшинъ, или и рядовыхъ бунтовщиковъ, тому такъ же выдано будетъ денежное награжденіе.

4. Въ тѣхъ деревняхъ, гдѣ мятежники, забывъ слово Божіе, въ святомъ Евангеліи изреченное: Нѣсть власти, яже не отъ Бога, подговоря крестьянъ и прочихъ людей къ возмущенію противъ помѣщиковъ, прикащиковъ и старостъ, содержать сихъ въ оковахъ, или уже и отвезли въ злодѣйскіе толпы; естьли кто зачинщиковъ, такого возмущенія переловитъ и представитъ къ военнымъ, или городскимъ, ближнимъ начальникамъ, тотъ, хотя бы самъ былъ прежде участникомъ въ мятежѣ, за сію услугу будетъ не только прощенъ, но и получитъ денежное награжденіе.

5. Убѣгающимъ отъ него, злодѣя, къ помянутымъ командирамъ съ извѣстіями о его силѣ и о намѣреніяхъ дано будетъ не малое, такъ же денежное, награжденіе, смотря по важности услуги.

6. При такомъ своемъ побѣгѣ подговорившіе съ собою многихъ изъ его толпы сугубо награждены будутъ.

7. Холопы и крестьяне, которые сдѣлались ослушны противъ господъ своихъ, и которые хотя и держатъ ихъ донынѣ у себя подъ карауломъ злодѣйскимъ, ежели свободятъ ихъ и придутъ къ ближнимъ командирамъ воинскимъ, или гражданскимъ, съ повинною, получатъ прощенія.

8. Кто таковыхъ убійцъ, или держателей, у себя подъ карауломъ своихъ помѣщиковъ и другихъ всякихъ своихъ начальниковъ, освободя прежде сихъ несчастныхъ изъ ихъ рукъ, приведетъ къ тѣмъ же командирамъ, то по тому жъ награждены и за вѣрныхъ дѣтей отечества признаны будутъ.

Естьли же кто и за симъ самымъ послѣднимъ моимъ увѣщаніемъ останется при немъ, злодѣѣ Пугачовѣ, и ему въ чемъ бы то ни было будетъ помогать, или же въ селахъ и жилищахъ своихъ продолжать станетъ безпорядки и мятежи противъ помѣщиковъ, то уже таковый врагъ Богу, Церкви и государству, никакимъ образомъ отъ лютѣйшой по законамъ смертной казни не избѣгнетъ.

Создатель всего міра, Господь, видяй сердце мое, да будетъ посредникомъ между мною и внимающими сему послѣднему увѣщанію въ томъ, что я, по данной мнѣ отъ Монархини моей полной мочи, власти, силѣ и довѣренности, все объявляемое мною въ народное извѣстіе, непреложно, ненарушимо и свято сохраню и исполню, то есть: пощада, помилованіе и награжденіе послѣдуютъ съ отстающими отъ злодѣя; и я первой буду ходатаемъ у Монаршаго престола о возвращеніи имъ прежней Императорской милости, яко и ко всѣмъ вѣрнымъ Ея подданнымъ; но напротивъ того неизбѣжная и лютая казнь не минетъ ни коимъ образомъ окамененныхъ ослушниковъ сего увѣщанія.

Отъ Архипастырей и всѣхъ духовныхъ властей испрашиваю, чтобъ повелѣли они священникамъ во всѣхъ епархіяхъ своихъ сіе увѣщаніе мое читать въ церквахъ по окончаніи Божественныя литургіи, а всякимъ воинскимъ и гражданскимъ командирамъ, какого бы званія и въ какихъ мѣстахъ ни были, предписую, по данной мнѣ отъ Ея Императорскаго Величества власти, сіе мое объявленіе вездѣ по приличнымъ мѣстамъ прибить на прочтеніе и услышаніе всѣхъ и каждаго. Учинено на маршѣ со ввѣренными мнѣ отъ Августѣйшія Монархини моей войсками. 1774 года.

Графъ Петръ Панинъ.

IV.

Копія.

Указъ нашей Оренбургской Секретной Коммисіи.

Великое число содержащихся въ Оренбургѣ колодниковъ побудило насъ учредить подъ вѣдомствомъ Губернатора Секретную въ Оренбургѣ Коммисію, тѣмъ болѣе что нынѣ, по разбитіи злодѣя Пугачова писменные дѣла его забраны и главные его сообщники и друзья пойманы, отъ которыхъ, чрезъ стараніе Коммисіи, могутъ открыться не только всѣ злодѣйскія предпріятія, замыслы, намѣренія, можетъ быть, и сношенія съ людьми, въ преступленіи еще не извѣстными, но и самыя начальныя притчины, споспѣшествующія Пугачову къ побѣгу изъ Казани, такъ и то, какимъ образомъ онъ по побѣгѣ началъ разглашать о принятомъ имъ имени, и что главнымъ удостовѣреніемъ служило ему въ народѣ, словомъ сказать, откроется многое не только къ свѣдѣнію, но и къ соображенію нужное, посредствомъ порядочно выведенной исторіи злодѣя Пугачова. Мы не сомнѣваемся, чтобъ Коммисія, не употребила всѣхъ силъ къ достиженію всего выше предписаннаго, сколько по долгу вѣрноподданнической присяги, столько и по собственной вѣрности и усердію къ намъ и отечеству, тѣмъ болѣе, что таковыя увѣдомленія будутъ способствовать въ усмиреніи злодѣевъ и въ совершенномъ успокоеніи всего тамошняго края, и чрезъ то можетъ заслужить наше благоволеніе и дальнѣйшую довѣренность. Также старайтесь узнать, кто сочинитель Нѣмецкаго письма, отъ злодѣевъ въ Оренбургъ присланнаго, и нѣтъ ли между ими чужестранцовъ, и, не смотря ни на какихъ лицъ, увѣдомте меня о истиннѣ.»

Подлинной подписанъ собственною Ея Императорскаго Величества рукою тако:

ЕКАТЕРИНА.

Апрѣля 26-го дня,
1774-го года.

V.

Извѣщаніе

ЕЯ ИМПЕРАТОРСКАГО ВЕЛИЧЕСТВА ВСЕМИЛОСТИВѢЙШІЯ ГОСУДАРЫНИ, ЕКАТЕРИНЫ ВТОРЫЯ, ИМПЕРАТРИЦЫ И САМОДЕРЖИЦЫ ВСЕРОССІЙСКІЯ, ОТЪ ГЕНЕРАЛА И КАВАЛЕРА ГРАФА ПЕТРА ПАНИНА, ОПРЕДѢЛЕННАГО И УПОЛНОМОЧЕННАГО ОТЪ ЕЯ ИМПЕРАТОРСКАГО ВЕЛИЧЕСТВА КЪ ПРЕСѢЧЕНІЮ МЯТЕЖА.

Симъ каждый увѣдомляется.

Несомнѣнно всякому, обитающему въ Россіи, уже извѣстно о причиненныхъ злодѣяніяхъ съ Дону Казака Емельки Пугачова, подъ самозванствомъ въ имени давно уже скончавшагося Императора Петра третьяго, на истребленіи котораго со возженными отъ него бунтами всемилостивѣйше отъ Ея Императорскаго Величества мнѣ препоручено главное начальство надъ всѣми отряженными къ тому намѣренію войсками. А какъ Божіимъ Промысломъ, благословляющимъ всѣ дѣянія нашей Августѣйшей Великой Императрицы, высочайшимъ Ея Величества счастіемъ, вѣрностію, неутомленными трудами и храбростію врученныхъ мнѣ войскъ, сей государственной врагъ, самозванецъ и измѣнникъ Пугачовъ, со всею его бунтовщичьею толпою, минувшаго Августа 25-го числа не только разбитъ на голову между Царицынымъ и Чернымъ Яромъ, и принужденъ былъ съ малымъ весьма числомъ своихъ присныхъ наперсниковъ броситься ко исканію еще спасенія своей проклятой жизни въ Саратовскія степи, но и тамъ отъ преслѣдующихъ нашихъ неутомленныхъ воиновъ и истинныхъ сыновъ отечества, принужденъ былъ, Сентября 14 дня, при рѣчькахъ Узени впасть въ ихъ руки, и теперь окованный подъ стражею, отъ меня отряженною, содержится и везется къ полученію за его беззаконія и злодѣянія заслуженной кары, отъ правосуднаго Престола благополучно владѣемаго нашею законною Великою Государынею, каяся самъ, какъ въ своихъ проклятыхъ окаянствахъ, такъ и въ томъ, что онъ истинной Казакъ Донской,

Емельянъ Пугачовъ, бѣглой и воспріявшій самозванство имени Императора Петра Третьяго, для бунтовщичьяго своего токмо злонамѣренія. Я симъ о томъ извѣщаю, дабы каждой, обитающій въ Россіи, спознавъ сію истину во всей точности, не только никогда не впадалъ въ какія либо поползновенія по происходимымъ объ ономъ разглашеніямъ, но чтобы каждый, по долгу вѣрности ко владѣющей своей Государынѣ и къ отечеству, всякаго иногда о томъ вредно разглашающаго, или спознавши укрывающихся изъ сообщниковъ сего государственнаго бунтовщика, ловя, представлялъ къ начальствамъ, яко сущихъ измѣнниковъ и враговъ всей Имперіи, съ тѣмъ, что кто поползнется разглашеніямъ о семъ искорененномъ уже самозванцѣ и бунтовщикѣ инако вѣрить, нежели здѣсь самая истина о немъ объявляется, или кто дастъ у себя укрывательство сообщникамъ онаго самозванца, или же вѣдая гдѣ нѣкоторые можетъ быть, малые остатки изъ разсыпавшихся пристаютъ, и о томъ не объявитъ, тотъ каждой будетъ признанъ въ равномъ противу государства злодѣяніи, какъ самъ бунтовщикъ, и будетъ оружіемъ Ея Императорскаго Величества безъ всякой пощады до самаго его истребленія, или до поимки къ заслуженной казни, по строгости всѣхъ Государственныхъ законовъ гонимъ и преслѣдованъ.

Оканчиваю сіе извѣщаніе всеусерднымъ моимъ желаніемъ, дабы возстановляемо нынѣ вожделѣнное спокойствіе внутри страдавшихъ отъ проклятаго изверга Пугачова Губерніяхъ, утверждалося день отъ дня болѣе и болѣе, и обновилось бы паки для всѣхъ безъ исключенія вѣрныхъ Россіанъ, подъ мудрою и кроткою державою Великія нашея Самодержицы, совершеннѣйшее, какое токмо быть можетъ, всеобщее благоденствіе въ роды и роды. Дано на маршѣ, 1774 года, Сентября 25 числа.

Графъ Петръ Панинъ.

VI.

Копія.

УКАЗЪ ЕЯ ИМПЕРАТОРСКАГО ВЕЛИЧЕСТВА, САМОДЕРЖИЦЫ ВСЕРОССІЙСКОЙ, ИЗЪ УЧРЕЖДЕННОЙ ВЪ ОРЕНБУРГѢ ПО ВСЕВЫСОЧАЙШЕМУ ЕЯ ИМПЕРАТОРСКАГО ВЕЛИЧЕСТВА ИМЯННОМУ УКАЗУ СЕКРЕТНОЙ КОММИСІИ.

Объявляется всенародно.

Всѣмъ уже и каждому довольно извѣстно, сколь безстрашно и ухищренно злодѣй, бунтовщикъ и измѣнникъ, бѣглой Донской Казакъ, Емелька Пугачовъ, отважился безъ всякаго подобія и вѣроятности, принять на себя имя покойнаго Императора Петра Третьяго, и сколь много къ язвленію нашего государства распространилъ онъ свои злодѣянія, пользуяся невѣжествомъ и буйствомъ единственныхъ простяковъ, которые, по легковѣрію своему, такъ слѣпо отдавались во уловленіе пагубныхъ его сѣтей, обольщаяся на несодѣянныя его лжесплетенныя письма , которыя, равно и богомерзкіе его значки, Коммисія собравъ не малое число, опредѣлила всѣ оныя здѣсь, на площади, чрезъ палача публично изтребить огнемъ, что на семъ мѣстѣ теперь и исполняется, съ такимъ при томъ каждому найстрожайшимъ подтвержденіемъ, что естьли кто и до нынѣ еще зараженной буйствомъ и измѣною не останетца увѣренъ, что сей разбойникъ и самозванецъ Пугачовъ, ко всеобщей радости, со всѣми его главными единомышленниками, пойманъ и содержитца во оковахъ, и будетъ о семъ иначе толковать и додавать вѣру какому либо злодѣйскому разглашенію, и не будетъ усердствовать въ доказательство вѣрности своей къ Ея Императорскому Величеству, ко искорененію таковыхъ, тотъ неизбѣжно уже безъ всякаго помилованія подвергнетъ себя лютѣйшой смертной казни.

Подлинной подписалъ:

Гвардіи Капитанъ Александръ Лунинъ.

Сентября 29-го дня,
1774 года.

VII.

Письмо

КАЗАНСКАГО ДВОРЯНСТВА КЪ А. И. БИБИКОВУ СЪ ОПРЕДѢЛЕНІЕМЪ ОНАГО СОСТАВИТЬ ИЗЪ СВОИХЪ ЛЮДЕЙ ВООРУЖЕННОЙ КОННОЙ КОРПУСЪ.

Милостивый Государь,

Александръ Ильичъ!

Всемилостивѣйшее Ея Императорскаго Величества благоволеніе, Вашимъ Высокопревосходительствомъ Казанскому Дворянству, объявленное, пріемлемъ мы съ величайшею радостію и благоговѣніемъ; а учиненное потомъ Вами, Милостивый Государь, представленіе преисполнило сердца наши найвящщимъ еще усердіемъ къ защищенію Отечества.

Всевысочайшая Ея Величества воля во отправленіи сюда Вашего Высокопревосходительства, со властію и силами ко искорененію извѣстнаго злодѣя и его сообщниковъ и къ возстановленію покоя нашего, есть дѣйствія праведнаго и мудраго Ея проницанія, Вы сами, Милостивый Государь, изволили видѣть, съ какимъ искреннимъ признаніемъ каждый изъ насъ принималъ тѣ истинныя побужденія должности къ великой нашей Императрицѣ и горячаго усердія къ любезной Матери отечества, и что всѣ съ радостію желали и желаютъ жертвовать ей своими силами, имѣніемъ, покоемъ, да и самою жизнію.

На семъ непреложномъ основаніи Казанское Дворянство, будучи одобрено Вашимъ присутствіемъ, съ искреннѣйшимъ усердіемъ опредѣлило составить, изъ своихъ собственныхъ людей, изъ своихъ иждивеніевъ вооруженной конной корпусъ, къ соединенію онаго съ войсками, находящимися подъ командою Вашего Высокопревосходительства, а поднося при семъ тому планъ, всенижайше просимъ воспріять сіе наше усердное Ея Императорскому Величеству приношеніе.

А наконецъ, Милостивой Государь, искреннія нащи желанія въ томъ состоятъ, чтобы Всевышній низпослалъ Вамъ благополучнѣйшіе успѣхи въ скорѣйшемъ окончаніи важной сей експедиціи истребленіемъ злодѣевъ и возстановленіемъ всему краю благоденствія и покоя, и увѣнчалъ бы все то великою и знаменитою Вашею услугою Августѣйшей нашей Государынѣ и отечеству.

1774-го года, Генваря 1-го дня, собравшееся Казанское Дворянство, по бѣдственнымъ, въ Оренбургской Губерніи произшедшимъ, отъ злодѣя Пугачова, обстоятельствамъ, которыя уже и здѣшней губерніи, нѣкоторыя прилежащія къ границѣ Оренбургской, селенія бунтомъ и измѣною заразили, къ скорѣйшему искорененію сего зла и къ возстановленію всеобщаго покоя и собственной своей безопасности, а всего найпаче сострадая огорченію матерняго и человѣколюбиваго сердца премудрой и милосердой нашей Императрицы, усердно, согласно и единодушно, всѣ и каждой, положили и утвердили, посвятить свой покой и имѣніе и жизнь въ услугу Ея Величества и Отечеству.

Въ слѣдствіе сего на первый случай и въ самой скорости, какъ только возможно, собрать конный корпусъ войскъ изъ собственныхъ своихъ людей и иждивенія съ числа двухъ сотъ душъ по одному человѣку вооружить и снабдить всѣмъ потребнымъ къ службѣ, и просятъ Его Высокопревосходительство, Господина Генералъ-Аншефа, Лейбъ-гвардіи Маіора и Кавалера, Александръ Ильича Бибикова, о присоединеніи онаго къ войскамъ Ея Величества, подъ достохвальною его командою находящимся, а за тѣмъ всѣмъ и каждому особливо пріуготовить себя на всякой потребной случай къ защищенію отечества, не щадя жизни своей.

Сочиненіе опредѣленнаго Корпуса не токмо съ числа наличныхъ дворянъ, нынѣ собравшихся, но и о всѣхъ дворянскихъ деревень здѣсь находящихся, учинить, дабы не лишить и отсутственныхъ дворянъ, таковагожъ, какъ и нашего, усердія и ревности къ споспѣшествованію общаго блага.

А кто изъ насъ хотя и въ другихъ уѣздахъ здѣшней губерніи имѣетъ свои деревни, за тѣхъ по тому жъ положенію, къ умноженію сего корпуса, представить вооруженныхъ людей обще съ тѣми, что и за здѣшнія деревни представлены будутъ. Равнымъ образомъ, чтобы поспѣшествовать ревности и усердію къ отечеству при семъ нужномъ случаѣ и всѣмъ дворянамъ Казанской губерніи, то просимъ Его Высокопревосходительство, Господина Генералъ-Аншефа и Кавалера, чтобы соизволилъ отъ себя сообщить въ провинціи и города къ дворянскимъ Предводителямъ, почему и они не оставятъ учинить подобное нашему вооруженію. Къ сему нашему корпусу избрали мы, по извѣстной ревности къ службѣ и по оказуемой усердности при нынѣшнемъ случаѣ, Шефомъ Господина

Генералъ-Маіора Ларіонова, а къ командованію ескадронами и ротами, по самоизвольному ихъ ревностному желанію, Господина Полковника Николая Толстова, Подполковника Дмитрія Молостова, Лейбъ-Гвардіи Капитанъ-Поручика Александра Толстова, Артилеріи Капитана Дмитрія Родіонова, Секундъ-Маіора Сергѣя Тютчева, Капитана Сергѣя Левашева, Титулярнаго Совѣтника Алексѣя Мельгунова, Подпорутчика Михайла Голоницкаго, въ Адъютанскія должности, Лейбъ-гвардіи Фурьера Якова Кудрявцева, Капрала Никанора Нармоцкаго, а въ добавокъ къ тому сколько иногда потребно будетъ Офицеровъ, выбрать дворянству и отослать къ избранному Господину Шефу; что же принадлежитъ до Унтеръ-Офицеровъ и капраловъ, о томъ просить его Высокопревосходительства, чтобъ соизволилъ приказать опредѣлить оныхъ изъ прибывшихъ сюда Гусарскихъ ескадроновъ.

Дѣйствительное окончаніе сего дѣла поручаемъ мы: пріемъ людей и лошадей, вооруженіе, обмундированіе и прочее къ тому, избранному Господину Шефу со опредѣленными Штабъ и Оберъ-Офицерами, о росписаніи о, зборѣ людей и лошадей и о всемъ прочемъ, по сему опредѣленію, что до того принадлежитъ, Господину Статскому Совѣтнику и Казанскаго дворянства Предводителю Кудрявцову съ дворянами.

О всемъ, что ни учинено симъ опредѣленіемъ, Господину Предводителю донести Его Высокопревосходительству, Господину Генералъ-Аншефу и Кавалеру и Казанскому Губернатору, Якову Ларіоновичу Фонъ-Бранту, а къ Его Высокопревосходительству Господину Генералъ-Аншефу и Кавалеру Александръ Ильичу Бибикову, представить, при письмѣ отъ насъ, самое сіе наше опредѣленіе, которое, такъ же и письмо, подписать отъ лица всѣхъ насъ Дворянскому Господину Предводителю, а подписанное нами опредѣленіе и письмо оставить ему у себя.

VII.

РѢЧЬ, ГОВОРЕННАЯ ШЕФОМЪ ДВОРЯНСКАГО КОРПУСА, ЛАРІОНОВЫМЪ, ВЪ СОБРАНІИ ДВОРЯНСКОМЪ, ПРИ ОБЪЯВЛЕНІИ ДВОРЯНАМЪ ВСЕМИЛОСТИВѢЙШАГО БЛАГОВОЛЕНІЯ ЕЯ ВЕЛИЧЕСТВА КО ВСЕМУ КАЗАНСКОМУ ДВОРЯНСТВУ.

Я за прекрасный день жизни моей почитаю, когда, при всеобщемъ приношеніи отъ всеподданнѣйшаго благодаренія Великой нашей Императрицѣ отъ лица сего родившаго или еще рождающагося изъ усердія и вѣрноподданнической любви къ Августѣйшей нашей Матери мнѣ ввѣреннаго корпуса.

Позвольте съ благоговѣніемъ прейти молчаніемъ, гдѣ силы разума моего великость чувствъ нашихъ обнять и возблагодарить не могутъ и желать.

И Васъ, дражайшій нашъ вождь и содѣтель сего въ жизни нашей счастія всеусердно просимъ, да подашь намъ случай кровію и жизнію возблагодарить материнскому Ея благоволенію. Остатокъ дней моихъ благоволилъ Богъ увѣнчать симъ благоугоднымъ дѣломъ Ея Императорскому Величеству, то сугубо я обязанъ послужить Вамъ, благодарно воспаленный ревностію и примѣромъ.

IX.

РѢЧЬ, ГОВОРЕННАЯ ПО ОБЪЯВЛЕНІИ ВСЕМИЛОСТИВѢЙШАГО ИМЯННАГО УКАЗА ЕГО ВЫСОКОПРЕВОСХОДИТЕЛЬСТВУ, АЛЕКСАНДРУ ИЛЬИЧУ БИБИКОВУ.

Милостивый Государь!

Казанское дворянство приноситъ своей Самодержицѣ всеподданнѣйшее благодареніе за Высочайшую Ея Величества милость, съ коею она усерднѣйшее наше приношеніе воспріять соизволила. Всемилостивѣйшее Ея благоволеніе и покровительство, съ таковымъ матернимъ увѣреніемъ и позднимъ нашимъ потомкамъ будетъ служить дражайшимъ монументомъ неизреченнаго Ея къ намъ милосердія.

Восторгъ нашего теперь обрадованія не допущаетъ больше изъяснить той неоцѣненности, съ какою къ намъ любовію Великая наша Императрица ограждаетъ насъ отъ бѣдствій и опасностей нашихъ, но единственно искренность наша стремится только воздать Царю Царей всеусерднѣйшее моленіе, дабы оправдалъ Онъ Ея щедроты, Ея великодушіе и неусыпное о насъ попеченіе долголѣтнимъ здравіемъ Ея и благоденствіемъ.

А Вамъ, Милостивый Государь, какъ виновнику нашего теперешняго удовольствія и радости, всѣ мы свидѣтельствуемъ величайшее благодареніе за Ваши поданные намъ совѣты, кои учинили жертву сердецъ нашихъ благодарною Великой нашей Самодержицѣ. Продолжайте, Милостивый Государь, къ услугѣ Ея Величества и отечества Вашу къ намъ довѣренность и любовь, которыхъ учинить себя достойными всѣ мы стараться будемъ.

Воспріимите въ свое покровительство избраннаго нами Шефа съ его товарищами, подайте имъ случаи пролить кровь свою за благополучіе отечества нашего и Матери нашей; мы же, будучи очевидно увѣрены въ оруженіи корпуса о ревностныхъ Шефа стараніяхъ, имѣемъ несомнѣнно надежду, что всѣ ѳни положатъ душу свою за возлюбленную нашу Самодержицу.

X.

Копія

СЪ СОБСТВЕННОРУЧНАГО ПИСЬМА ЕЯ ИМПЕРАТОРСКАГО ВЕЛИЧЕСТВА КЪ ГОСПОДИНУ ГЕНЕРАЛЪ-АНШЕФУ БИБИКОВУ.

Александръ Ильичъ!

Подражая примѣру вѣрнаго и усерднаго дворянскаго корпуса Казанскаго, повелѣла Я, яко помѣщица той Губерніи, съ Дворцовыхъ волостей, съ каждыхъ двухъ сотъ душъ, всѣмъ отдать по одному рекруту, и обмундировавъ и снабдя лошадью, велѣла присовокупить ихъ къ тому Казанскаго Дворянства военному корпусу, о чемъ чрезъ сіе васъ увѣдомляю, дабы вы о семъ и тамошнему дворянству сказать могли; впрочемъ остаюсь къ вамъ доброжелательна.

ЕКАТЕРИНА.

Генваря 20 числа, 1774 г.

XI.

БОЖІЕЮ МИЛОСТІЮ МЫ ЕКАТЕРИНА ВТОРАЯ, ИМПЕРАТРИЦА И САМОДЕРЖИЦА ВСЕРОССІЙСКАЯ, И ПРОЧАЯ, И ПРОЧАЯ, И ПРОЧАЯ.

Нашему Генералу и Лейбъ-Гвардіи Маіору,
Александру Бибикову.

Съ особливымъ удовольствіемъ получили Мы первую и вторую реляціи ваши отъ 30-го Декабря прошлаго года, и 5-го сего мѣсяца, по пріѣздѣ вашемъ въ Казань отправленныя. Все принятое на первой случай распоряженіе ваше Мы Всемилостивѣйше апробуя, повелѣваемъ вамъ объявить всему Нашему Казанскому Дворянству Наше Монаршее благоволеніе, милость и покровительство за оказанный ими достойный поступокъ вѣрности и ревности, толь единодушнымъ между собою соединеніемъ, ко вспоможенію принятымъ отъ насъ мѣрамъ, на совершенное истребленіе свирѣпствующихъ злодѣевъ окрестъ ихъ предѣловъ. Присовокупите вы сему благородному и достойному корпусу всемилостивѣйшее обнадеживаніе Наше, что Мы, пекущіеся неусыпно о благѣ ввѣренной Намъ отъ Бога Имперіи, и видя толь достохвальное дѣйствіе ихъ вѣрности и усердія къ Намъ и Отечеству, поставляемъ себѣ тѣмъ сугубѣйшимъ долгомъ, цѣлость, благосостояніе и безопасность ихъ ничѣмъ нераздѣлимо почитать собственною Нашею и Имперіи Нашей безопасностію и благосостояніемъ, и Вамъ симъ повелѣваемъ новосформированный Казанскимъ Дворянствомъ корпусъ принять въ команду и руководство ваше и употреблять оный, гдѣ и какимъ образомъ вы на мѣстѣ за лучшее усмотрите, обратить въ пользу сей новый опытъ патріотическаго усердія вѣрныхъ и любезныхъ намъ сыновъ Отечества. Впрочемъ пребываемъ Мы вамъ Императорскою Нашею Милостію благосклонны.

Данъ въ Санктпетербургѣ 16-го Генваря, 1774 года.

На подлинномъ собственною Ея Императорскаго Величества рукою подписано тако:

ЕКАТЕРИНА.

XII.

Милостивый Государь,
Павелъ Сергѣевичъ!

По предложенію Вашего Превосходительства, въ которомъ дѣлаете честь довѣренностію своею, позволеніемъ намъ рѣшить собою дѣла содержащихся здѣсь преступниковъ, я, обще съ Саввою Ивановичемъ, въ слѣдствіе онаго исполнилъ, а кому что опредѣлено, о томъ теперь прилагаю точную копію съ рѣшительнаго опредѣленія, изъ коего изволите усмотрѣть вину и осужденіе, и мнится, что каждый получаетъ достойное, а о тѣхъ, кои осуждены быть должны строжае, подношу дѣла и испрашиваю вашего рѣшенія; прочимъ же по опредѣленію, какъ найскорѣе исполненіе сдѣлать постараюсь. Яицкимъ и Илецкимъ Казакамъ, опредѣленнымъ учинить наказаніе плетьми, сословился я съ Саввою Ивановичемъ, что какъ онъ теперь по волѣ Вашей поѣхалъ на Яикъ, то проѣздомъ не оставитъ онъ безъ вниманія и Илецкихъ Казаковъ, которые той же станицы, какъ и Яицкія, и по дѣламъ равные плуты, то чтобъ далъ онъ мнѣ знать, по примѣчанію тамъ изъ другихъ, не будетъ ли иногда сомнительно ихъ въ домы свои отпустить, и не подозрительны ли еще они колебаніемъ, тогда до совершеннаго успокоенія оставить ихъ здѣсь въ вѣдѣніи Губернской Канцеляріи подъ карауломъ, употребляя до того времени въ городовую работу.

За рѣшеніемъ нашимъ оставшимъ колодникамъ прилагаю списокъ. Оные, Милостивый Гоосударь, есть тѣ, отъ коихъ должно намъ изыскать причины толикаго зла, для чего не оставилъ я, по силѣ моего смысла, употребить всевозможное стараніе, но быть можетъ, что найдется и упущенное; почему и совершенную во ономъ исправность ждать ни какъ не осмѣливаюсь, и для того болѣе нетерпѣливо ждалъ я прибытія сюда Вашего Превосходительства, въ чемъ теперь начинаю терять надежду, чтобъ самимъ Вамъ ихъ увидать, и разсмотрѣніемъ уже Вашимъ утвердить то, что мы отъ нихъ открыли. Изъ посланныхъ краткихъ Екстрактовъ, я уповаю, что довольной связи зла Вы онаго получить не могли, почему я разсудилъ теперь препроводить къ Вамъ подлинные допросы нѣсколькихъ человѣкъ, яко самыхъ первыхъ, и съ ихъ разнорѣчіями, въ коихъ неоднократно очными ставками и увѣщаніями были соглашаемы, но каждый, однако жъ, на своемъ показаніи утверждается; всѣ же сіи допросы утвердить еще не можно, для сего потребно, чтобъ Чика также, яко изъ первыхъ, показалъ съ ними согласно.

По послѣднему предложенію Вашего Превосходительства, о присылкѣ къ Вамъ копіи съ дѣла Пугачова, я обремененъ будучи множествомъ письма, такъ какъ сочиненіемъ еще Екстракта, болѣе нежели на восемъ сотъ человѣкъ даннаго рѣшенія здѣшнимъ Господиномъ Губернаторомъ, о коихъ онъ спѣшитъ донести Ея Величеству, а имѣя теперь за отлучкою одного писца, съ Саввою Ивановичемъ только двухъ, то копіи списывать замедлится; а какъ здѣсь оно теперь и не весьма нужно, то потому, препровождая подлинное, въ которомъ, въ примѣчаніи позвольте представить, что въ производимомъ у Губернатора на листѣ о содержаніи Пугачова, выскоблено и по скобленному уже написано, и другими чернилами: «Содержать, де, его подъ крѣпкимъ карауломъ въ ножныхъ кандалахъ.» видно, что сіе уже было по побѣгѣ, при томъ нумерованіе листовъ такъ же скоблено, и введены другія. Сожалительно, Милостивый Государь, что никто изъ тѣхъ изверговъ, которые въ нашихъ рукахъ есть и были, не могъ точно открыть способствованіе оному злодѣю въ побѣгѣ его изъ Казани, также и пребываніи его до пріѣзда въ Таловинской Умётъ, ибо, по исчисленію времени, онъ по побѣгѣ не прямо къ Оболяеву пріѣхалъ. Сіе остается видно объяснять самому Пугачеву. По прочтеніи приложенныхъ допросовъ, покорно прошу Ваше Превосходительство возвратити оныя ко мнѣ, такъ же снабдить меня Вашимъ повелѣніемъ, что по отправленіи сего, въ случаѣ вновь приводимыхъ колодниковъ, каждаго ли дѣло для рѣшенія къ Вамъ представлять, или, въ сходственность уже насланнаго отъ Васъ предложенія, маловажныя собою рѣшить?

Къ прежде отправленному къ Вамъ краткому Екстракту рѣшенныхъ дѣлъ, теперь остальныя сочиня, покорнѣйше прилагаю дерзновенныя слова, которыя вралъ солдатъ Аколзинъ, въ опредѣленіе не внесенъ: оныя касались до особы Ея Величества, подобно какъ и многія въ томъ изобличались. За тѣмъ съ истинною къ Вамъ преданностью и отмѣннымъ почитаніемъ навсегда пребудетъ

Вашего Превосходительства,

Милостивый Государь,

покорный и вѣрный слуда,

Александръ Лунинъ.

Августа 12 числа,
1774 года.
Оренбургъ.

XIII.

Копія.

УКАЗЪ НАШЕЙ ОРЕНБУРГСКОЙ СЕКРЕТНОЙ КОММИССІИ.

Всемилостивѣйше повелѣваемъ у пойманныхъ главныхъ сообщниковъ Пугачева спросить: знали ли оные бывшихъ въ толпѣ Пугачева, Яицкихъ Казаковъ, Михайлу Алексѣева сына Симайлова, Степана Баженѣва, Андрея Синевскаго, Федота Евстифѣева сына Добрынина, коихъ примѣты у сего прилагаются, и когда о томъ показано будетъ, то спросить оныхъ показателей, не были ль тѣ Казаки отъ Пугачева куда посланы, когда и за чѣмъ, и какія имъ даны наставленія? Спросить же оныхъ и о томъ, не знали ль они бывшаго при Пугачевѣ тайнымъ Секретаремъ Кабинетскимъ, Ивана Соколова, коего прямое имя Иванъ Мамаевъ, какихъ онъ лѣтъ, и не можно ли описать его примѣты, и въ той ли онъ должности при Пугачевѣ находился, или же имѣлъ особую, и какую именно? и что по сему откроется, Насъ съ нарочнымъ немедленно увѣдомить.

Подлинный подписанъ собственною Ея Императорскаго Величества рукою тако:

ЕКАТЕРИНА.

Мая 26-го дня,
1774-го года.
Въ Селѣ Царскомъ.

Подлинный полученъ 1774 года, Іюня 6 дня.

XIV.

ВСЕПРЕСВѢТЛѢЙШЕЙ, ДЕРЖАВНѢЙШЕЙ, ВЕЛИКОЙ ГОСУДАРЫНѢ, ИМПЕРАТРИЦѢ И САМОДЕРЖИЦѢ ВСЕРОССІЙСКОЙ, ОТЪ УЧРЕЖДЕННОЙ ВЪ КАЗАНИ, ПО ВСЕВЫСОЧАЙШЕМУ ВАШЕГО ИМПЕРАТОРСКАГО ВЕЛИЧЕСТВА ИМЯННОМУ УКАЗУ, СЕКРЕТНОЙ КОММИССІИ

Всеподданѣйшій докладъ.

Вчерашняго числа Секретная Коммисія получила несчастливое извѣстіе, что главный оной Коммиссіи Начальникъ сего Апрѣля 9-го числа скончался. А какъ Секретная Коммиссія не имѣетъ такого уполномоченія, чтобъ собою рѣшить дѣла, слѣдствіемъ его оконченыхъ, по коимъ имѣетъ теперь въ содержаніи у себя колодниковъ 169 че-

ловѣкъ, кромѣ жены съ тремя малолѣтными дѣтьми и племянника изверга Пугачева, и потому, повергая себя подъ Высочайшій покровъ Вашего Императорскаго Величества, всеподданнѣйше осмѣливается испрашивать Монаршаго Вашего Указа, на какомъ основаніи ей быть повелѣть соизволитъ.

Покойный Начальникъ сей Коммиссіи до кончины своей далъ повелѣніе старшему члену, Лунину, ѣхать съ Секретаремъ и писцами въ Оренбургъ, для изслѣдованія въ преступленіяхъ тамо содержащихся важныхъ злодѣевъ, 700 человѣкъ, и въ слѣдствіе сего Коммиссія рѣшилась отправить туда, въ разсужденіи такъ великаго числа преступниковъ, двухъ членовъ, Лунина и Маврина, съ Секретаремъ и писцами, кои туда, какъ скоро рѣки позволятъ, крайнѣ и поспѣшатъ, а на случай остающихся и впредь могущихъ быть въ Казани дѣлъ и колодниковъ, оставленъ здѣсь третій членъ, Собакинъ.

У сего Всеподданнѣйше подносится Екстрактъ о рѣшенныхъ въ Коммиссіи, при жизни еще покойнаго Начальника, дѣлахъ.

Подлинный подписанъ тако:

Капитанъ Александръ Лунинъ.
Капитанъ-Поручикъ Савва Мавринъ.
Подпоручикъ Василій Собакинъ.
Секретарь Илья Зряховъ.

Апрѣля 12-го дня,
1774 года.
Казань.

На подлинномъ докладѣ Высочайшее Ея Императорскаго Величества повелѣніе подписано тако:

Копія.

Гвардіи Капитанъ Александръ Лунинъ и Капитанъ-Поручикъ Савва Мавринъ имѣютъ, по предписанію покойнаго Генерала Бибикова, переѣхать въ Оренбургъ, а въ Казань пришлется Гвардіи Капитанъ Волоцкой и Прапорщикъ Городчаковъ, которые, общее съ Подпоручикомъ Собакинымъ, имѣютъ изслѣдовать дѣла тѣхъ колодниковъ, кои по мятежу въ Казань присланы будутъ. Обѣимъ же Секретнымъ Коммисіямъ по дѣламъ имѣть сношеніе и другъ другу помогать должно, рѣшенныя же ими дѣла въ Казанъ отсылать на

конфирмацію къ Казанскому Губернатору, а кои въ Оренбургъ разобраны будутъ, тѣ для конфирмаціи отсылать къ Оренбургскому Губернатору; при чемъ обѣимъ Секретнымъ Коммиссіямъ рекомендуется, чтобъ оны при слѣдствіяхъ сколько возможно отъ пристрастныхъ распросовъ удерживались, и Екстракты по прежнему присылать сюда.

На подлинномъ подписано собственною Ея Императорскаго Величества рукою тако:

ЕКАТЕРИНА.

Апрѣля 25-го дня,
1774 года.
Санктпетербургъ.

Подлинный полученъ въ Оренбургѣ 1774 года, Мая 15 дня.

XV.

БОЖІЕЮ МИЛОСТІЮ МЫ ЕКАТЕРИНА ВТОРАЯ, ИМПЕРАТРИЦА И САМОДЕРЖИЦА ВСЕРОССІЙСКАЯ, И ПРОЧАЯ, И ПРОЧАЯ, И ПРОЧАЯ.

Объявляемъ нашимъ Духовнымъ, Военнымъ и Гражданскимъ Начальникамъ, такъ же и каждому изъ нашихъ вѣрноподданныхъ, кому только сей Указъ предъявленъ будетъ.

Какъ Мы для усмиренія и пресѣченія начавшихся въ Оренбургской Губерніи отъ извѣстнаго уже самозванца, Емельяна Пугачева, и сообщниковъ его внутреннихъ безпокойствъ и сущаго бунта, за благо разсудили отправить въ тамошній край съ достаточными войсками нашего Генералъ-Аншефа, Лейбъ-Гвардіи Маіора и Кавалера, Бибикова, и ввѣрить ему въ сей важной и медленности отнюдь не терпящей коммиссіи полную власть дѣйствовать собою на мѣстѣ, по лучшему его усмотрѣнію представляющихся обстоятельствъ, на основаніи Государственныхъ нашихъ Военныхъ и Гражданскихъ Законовъ, того ради Мы всѣмъ Нашимъ Духовнымъ, Военнымъ и Гражданскимъ Начальникамъ, такъ же и каждому изъ Нашихъ вѣрноподданныхъ, кому только сей Указъ, собственноручно подписанный и отверстый, предъявленъ будетъ, именно и точно чрезъ сіе повелѣваемъ, по всѣмъ требованіямъ, или приказаніямъ, помянутаго Ге-

нералъ-Аншефа Бибикова, чинить безъ всякаго отлагательства, упущенія, или отговорки, скорое и непремѣнное исполненіе, подобно какъ бы оныя собственно и безпосредственно отъ Насъ происходили, дабы инако въ дѣлахъ коммиссіи его, которыя для общаго Государственнаго блага и для возстановленія драгоцѣннаго покоя, толико нужны, никакаго препятствія и остановки послѣдовать не могло, въ чемъ каждый за себя и подчиненныхъ своихъ отвѣтствовать будетъ, естьли бъ, паче чаянія, отъ сихъ послѣднихъ, по небреженію его, какая либо медленность, или же и явное непослушаніе, послѣдовать имѣло, чего Мы, однако жъ, ни отъ кого отнюдь не ожидаемъ.

Подлинной подписанъ собственною Ея Императорскаго Величества рукою тако:

ЕКАТЕРИНА.

XVI.

БОЖІЕЮ МИЛОСТІЮ МЫ ЕКАТЕРИНА ВТОРАЯ, ИМПЕРАТРИЦА И САМОДЕРЖИЦА ВСЕРОССІЙСКАЯ, И ПРОЧАЯ, И ПРОЧАЯ, И ПРОЧАЯ.

Объявляемъ всѣмъ, до кого сіе принадлежитъ. Нѣтъ, да и не можетъ быть, въ свѣтѣ общества, кое не почитало бы первымъ своимъ блаженствомъ учрежденіе и сохраненіе между разными и всѣми частьми и степенями гражданъ внутренняго благоустройства, покоя и тишины, равно какъ нѣтъ же и бѣдственнѣйшаго пути къ разрушенію и пагубѣ обществъ, какъ внутренніе въ нихъ раздоры и междоусобія. Чрезъ одиннадцатилѣтнее время ввѣреннаго Намъ отъ Промысла Божія и ономъ до нынѣ благословеннаго царствованія Нашего, не выпускали Мы никогда изъ мыслей Нашихъ сей первоначальной цѣли человѣческаго общежитія, но паче, считая себя предъ Царемъ царей, предъ свѣтомъ и предъ Имперіею Нашею обязанными въ томъ верьховнымъ и священнѣйшимъ долгомъ, неусыпно и всѣми силами старались, наилучше поспѣшествуя оной, искоренить въ конецъ поносное наименованіе варваровъ, подъ которымъ прочіе въ Европѣ Христіанскіе народы продолжали еще, по дѣяніямъ прошлаго вѣка, познавать и почитать Россіянъ, подобно Туркамъ и другимъ нечестивымъ народамъ. Къ неизреченному порадованію Нашего къ вѣрнымъ Нашимъ подданнымъ истинною, прямо Матернею

и никогда неугасаемою, любовью прилѣпленнаго сердца, имѣли уже Мы удовольствіе видѣть и ощущать, что труды Наши въ семъ великомъ подвигѣ начинали, по благости Всевышняго, приносить дѣйствительные плоды, превращая презрѣніе и отверженіе другихъ Христіанскихъ народовъ къ имени Россіянъ въ прямое и многимъ изъ окрестныхъ народовъ завидное уже почтеніе. Кто не утопленъ въ невѣжествѣ и у кого не окаменѣло совсѣмъ сердце къ Отечеству, тотъ не можетъ не познать сей, для славы и величества Имперіи толь важной и полезной, перемѣны.

Но чѣмъ болѣе по времени и по продолжительнымъ Нашимъ неутомленнымъ стараніямъ, въ коихъ обыкли Мы ни мало не щадить собственнаго Нашего покоя въ угодную жертву Всевышнему Подателю всѣхъ благъ, приближалось то время, когда просвѣщеніе, человѣколюбіе и милосердіе, насажденныя и еще насаждаемыя Нами во нравахъ и въ законахъ, предвѣщали и готовили на будущее время Намъ самимъ и потомству Нашему богатую жатву сихъ сладчайшихъ плодовъ: съ тѣмъ вящшимъ оскорбленіемъ и пораженіемъ Матерняго Нашего сердца принуждены Мы нынѣ слышать, что бѣглый съ Дону Казакъ, Емельянъ Пугачевъ, скитавшійся предъ симъ въ Польшѣ, по примѣру прежняго государственнаго злодѣя и предателя, Гришки Разстриги, отваживишись, даже безъ всякаго подобія и вѣроятности, взять на себя имя покойнаго Императора, Петра Третьяго, тѣмъ не меньше предуспѣлъ въ семъ своемъ, измѣнническомъ и злодѣйскомъ, умыслѣ, съ начала присоединить къ себѣ толпу бродягъ и подобныхъ ему злодѣевъ, а потомъ, съ помощію оныхъ, обольстить и принудить въ сообщеніе себѣ и нѣкоторую часть жителей Оренбургской губерніи. Всякій благоразумный человѣкъ безъ ошибки можетъ разсудить, что ослѣпленіе и приведеніе въ развратъ людей толь грубымъ и всесвѣтнымъ обманомъ, не могли бы имѣть толь бѣдственнаго и печальнаго дѣйствія, естьли бъ не воспособствовало оному глубокое невѣжество, въ коемъ тамошній край, по удаленію своему, болѣе другихъ погруженъ еще былъ. Не для чего теперь изображать здѣсь тѣхъ пагубныхъ слѣдствій, кои по сію пору родились уже отъ вожженнаго Емельяномъ Пугачевымъ огня внутренняго междоусобія. Невинно пролитая кровь вѣрныхъ Нашихъ подданныхъ и истинныхъ сыновъ Отечества сама о себѣ вопіетъ на небо о праведномъ мщеніи надъ симъ извергомъ рода человѣческаго и скаредными его

сообщниками, да и правосудіе Божіе не попуститъ, конечно, чтобъ измѣна и злодѣйство ихъ, на толь грубомъ и всесвѣтномъ обманѣ основанныя, возмогли долго устоять: ибо Мы не перестаемъ еще надѣяться, что прилѣпившіеся къ Емельяну Пугачеву не отъ злости сердецъ своихъ, но изъ единаго обольщенія, скоро познаютъ заблужденіе свое и не захотятъ до конца истребленія своего пребыть орудіями скареднѣйшаго и злѣйшаго врага государственнаго.

Содрогаетъ духъ Нашъ отъ воспоминанія временъ, посѣтившихъ Россію бѣдствіями гражданскаго междоусобія; и не истинный тотъ Россіянинъ, кто безъ ужаса и трепета можетъ мыслить о сихъ плачевныхъ, отъ одного невѣжества произшедшихъ, и почти до сего еще времени названія варварскаго народа предъ свѣтомъ Россіи оставившихъ, временахъ, когда отъ явленія многихъ самозванцевъ, обманщиковъ и предателей, города и села огнемъ и мечемъ истребляемы, кровь Россіянъ отъ Россіянъ же потоками проливаема, всѣ союзы, цѣлость государственную составляющіе, собственными же руками Россіянъ въ конецъ разрушаемы были; когда окрестные народы, умножая внутреннюю Нашу напасть непріязненными своими нашествіями, коимъ въ междоусобномъ раздорѣ никто и противиться не помышлялъ, терзали страждущее Отечество во всѣхъ его частяхъ и раздробляли владѣнія онаго по себѣ, и когда, напослѣдокъ, самой Престольный градъ, Москва, безъ брани и сопротивленія иноплеменниками завоеванный, въ рукахъ и подъ властію ихъ чрезъ долгое время въ таковомъ порабощеніи оставался, что тамъ имя Россіянина становилось уже поносно, что святыя Наши церкви отъ части въ Римскіе костелы, а отъ части, о горестнаго и плачевнаго воспоминанія! въ самыя конюшни превращены и осквернены были, и что еще основаніе уже положено было сдѣлать Россію Польшѣ подвластною, слѣдовательно же и святую Нашу Восточную Греко-Каѳолическую вѣру въ конецъ попрать и подвергнуть Римскому стулу, вмѣсто того, что Православная Наша Церковь, въ самой Греціи подъ игомъ злочестія Магометова стенящая, въ одной только Россіи, какъ нынѣ, благословенно процвѣтаетъ, и тогда уже безпечное себѣ пристанище имѣла къ прославленію имени Христа Спасителя Нашего, коего за искупленіе рода человѣческаго изліянная кровь была и въ оное злощастное для отечества Нашего время единымъ Его невидимымъ покровомъ и послѣдовавшимъ за тѣмъ щастливымъ сохраненіемъ и превозможеніемъ надъ супостаты. О, удали

отъ Насъ, Боже, возобновленіе подобныхъ плачевныхъ позорищъ и не допусти, въ благости своей къ Православному своему народу, чтобъ возжженная нынѣ дерзкимъ врагомъ Отечества и нарушителемъ его благоденствія подобнымъ, каковы прежнія были, самозванцемъ, Емельяномъ Пугачевымъ, съ бѣглымъ съ Дону и въ Польшѣ, какъ они, бывшимъ Казакомъ, искра гражданскаго междоусобія въ Оренбургской губерніи могла, при остервенившемся невѣжествѣ ослѣпленныхъ его сообщниковъ, распространиться въ другія стороны и вложить въ руки оружіе брату на брата. Да и въ самое то время, когда уже Имперія Наша отъ нечестиваго и непримиримаго врага святаго имени Твоего, вѣроломною съ его стороны войною упражнена, но, паче щадя и милуя заблуждающихъ отъ пагубнаго обольщенія овецъ паствы Твоея, обрати праведный Твой гнѣвъ на развращающемъ оное хищномъ волкѣ, Емельянѣ Пугачевѣ, яко единомъ виновникѣ ихъ разврата и осквернителѣ той вѣрности, которою Намъ, отъ промысла Твоего избранной Миропомазанницѣ, клялись любезные Наши подданные предъ самымъ лицемъ Твоимъ и во святыхъ Твоихъ храмахъ!

Что до Насъ принадлежитъ, сожалѣя Матерински, и по долгу Монаршаго Нашего званія, и по сродному Намъ человѣколюбію, которое всегда способы кротости предпочитать обыкло, гдѣ только оные дѣйствовать могутъ, и страшась наконецъ, дабы не изчерпать втунѣ благости пекущагося о Россіи промысла Божія, въ месть за тѣ звѣрскія и лютыя беззаконія, которыя нынѣ, противу воли и предѣла Вседержителя Творца, толь нагло возобновляются отъ подлыхъ и въ гнусномъ невѣжествѣ утопающихъ людей, восхотѣли Мы еще, при употребленіи нынѣ ввѣренныхъ Намъ отъ десницы Всевышняго, вмѣстѣ съ скипетромъ Имперіи силъ, слѣдовательно же и праведной строгости противу возмутителей общаго покоя въ Оренбургскій губерніи, испытать оные способы кротости въ пользу тѣхъ, кои еще не вовсе отреклись отъ всякаго человѣческаго понятія и чувствія: и для того, отправляя туда съ полною властію и довѣренностію Нашею, также и съ достаточными войсками на конечное пораженіе сущихъ государственныхъ враговъ и злодѣевъ, Нашего Генералъ-Аншефа, Лейбъ-Гвардіи Маіора и Кавалера, Александра Бибикова, поручили Мы ему обнародовать сей Нашъ указъ, обѣщая здѣсь, въ послѣдній уже разъ, Императорскимъ Нашимъ словомъ, всемилостивѣйше простить и упустить мимошедшее безъ всякаго взысканія всѣмъ тѣмъ, кои

пристали къ самозванцу, Емельяну Пугачеву, и нынѣ въ заблужденіи своемъ и въ пренебреженіи должной Намъ и Отечеству присяги вѣрности раскаявшись чистосердечно, сами собою удалятся отъ его злодѣйства и явятся къ помянутому Нашему, на искорененіе его, Емельяна Пугачева, и сообщниковъ его, именно уполномоченному Генералу-Аншефу Бибикову, или къ кому изъ другихъ Нашихъ, военныхъ, или гражданскихъ, ему подчиненныхъ, начальниковъ, какъ кому гдѣ способнѣе быть можетъ, для безвреднаго спасенія себя отъ толпы злодѣевъ и измѣнниковъ, да и новою клятвою подтвердятъ прежнюю свою присягу вѣрности.

Естьли же кто изъ сихъ, на истинный путь благовременнымъ раскаяніемъ и познаніемъ пагубнаго обмана возвращающихся, сыновъ Отечества, и въ вящшее заглажденіе важнаго своего проступка, добровольно употребитъ себя въ мужественномъ ополченіи и дѣйствительной службѣ при Нашихъ вѣрныхъ и храбрыхъ войскахъ, таковы будутъ уже имѣть право, сверхъ полученнаго единожды въ мимошедшемъ всемилостивѣйшаго прощенія, ожидать и особливаго воззрѣнія на ихъ услуги, по мѣрѣ ихъ важности, чѣмъ Мы напередъ всѣхъ и каждаго порознь чрезъ сіе и обнадеживаемъ.

Безъ чувствительнѣйшаго оскорбленія Матерняго Нашего сердца не можемъ Мы подумать, чтобъ настоящія въ Оренбургской губерніи злоключительныя неустройства съ опустошеніемъ толь многихъ селеній, съ истребленіемъ полезныхъ государству заводовъ и съ толикими убійствами, а найпаче выше сего изображенное живое начертаніе прежнихъ Отечества Нашего бѣдъ, напастей и стыда отъ подобныхъ сему самозванцевъ, кои Россію ставили уже на самомъ краю пропасти и конечнаго разрушенія ея и всего благочестія Нашего, не подвигли на раскаяніе и на отверстый путь исправленія всѣхъ тѣхъ изъ жителей ея и другихъ Нашихъ подданныхъ, кои по одной ихъ простотѣ самозванцемъ обольщены и допустили себя уловить въ согласіе его: почему и не хотимъ сумнѣваться, что сіи послѣдніе сколь скоро увидятъ для себя растворенныя имъ нынѣ двери Монаршаго Нашего милосердія, помилованія и совершеннаго прощенія, не укоснятъ тѣмъ, какъ можно скорѣе воспользоваться, дабы инако послѣ въ числѣ сущихъ измѣнниковъ не быть, отъ войскъ Нашихъ безъ всякой пощады преслѣдуемымъ, а напослѣдокъ и преданнымъ праведному, но строгому уже, суду попранныхъ ими законовъ, гдѣ всякое раскаяніе поздно и тщетно было бы; ибо всѣ тѣ, кои въ

неблагодарности своей къ Намъ за всѣ Наши къ общему Отечества благотворенія, за Наше во все время царствованія Нашего оказываемое примѣрное милосердіе, за Нашу кротость, за Наше человѣколюбіе, за Наше правосудіе, за Наше неусыпное попеченіе о пользѣ, славѣ и приращеніи Имперіи, за Наше особенное призрѣніе и покровительство и самыхъ иновѣрцевъ Нашихъ вѣрноподданныхъ, за Наше не меньше ревностное стараніе о истребленіи въ обществѣ мглы погубнаго невѣжества, и за Нашу ко всѣмъ безъ различія вѣрнымъ подданнымъ прямо Матернюю любовь, пребудутъ злостно и упорно при измѣнникѣ Емельянѣ Пугачевѣ, и оставаясь участниками въ измѣнѣ его, какъ злодѣи и враги отечества, нынѣ ли съ оружіемъ въ рукахъ, или же послѣ гдѣ либо взяты, или пойманы, будутъ, отнюдь и ни подъ какимъ видомъ не могутъ и не должны ожидать себѣ помилованія, но паче, какъ въ сей жизни самой строжайшей и неизбѣжной казни, такъ и въ будущемъ вѣцѣ безконечной, но праведной и достойной, муки отъ страшнаго Судіи всего рода человѣческаго, яко изверги онаго и разрушители священнѣйшихъ союзовъ гражданскаго общежитія, слѣдовательно же и оскорбители самыхъ Божественныхъ законовъ и самой Церкви Христовой. Данъ въ Санктпетербургѣ отъ Рождества Христова тысяча семь сотъ семьдесятъ третьяго года, Ноября двадесятъ девятаго дня, а отъ государствованія Нашего въ дванадесятое лѣто.

Подлинный подписанъ собственною Ея Императорскаго
Величества рукою тако:
ЕКАТЕРИНА.

Печатанъ въ Санктпетербургѣ
при Сенатѣ,
Ноября 29 дня, 1773 года. *

XVII.

БОЖІЕЮ МИЛОСТІЮ МЫ ЕКАТЕРИНА ВТОРАЯ, ИМПЕРАТРИЦА И САМОДЕРЖИЦА ВСЕРОССІЙСКАЯ, И ПРОЧАЯ, И ПРОЧАЯ И ПРОЧАЯ.

Со особливымъ удовольствіемъ извѣстились Мы чрезъ донесенія Нашего Генерала-Аншефа Бибикова, что Наши вѣрные подданные Казанской губерніи, руководствуясь истинною къ Отечеству любо-

* Напечатаный въ 6-мъ томѣ сочиненій А. С. Пушкина, изд. 1855 г., въ числѣ документовъ при его «Исторія Пугачевскаго бунта,», стр. 293—298, означенъ 23-мъ Декабря и кое въ чемъ расходится съ предлагаемымъ здѣсь въ выраженіяхъ тамъ и сямъ.

вію, самопроизвольно воспріяли на себя содѣйствовать производству и успѣхамъ порученнаго ему важнаго дѣла собственными своими пособіями по крайней каждаго возможности. Таковое ихъ достохвальное рвеніе не можетъ не привлекать на себя и всего Нашего Монаршаго и Матерняго вниманія; и для того восхотѣли Мы симъ Нашимъ манифестомъ ознаменовать взаимно высочайшее Наше къ нимъ благоволеніе, свидѣтельствуя, во первыхъ, благородному Дворянству уѣздовъ Казанскаго, Пензенскаго, Симбирскаго и Свіяжскаго, что единодушный и согласный его подвигъ въ составленіи для общей службы изъ собственныхъ своихъ людей и собственнымъ иждивеніемъ военныхъ конныхъ корпусовъ противу внутреннихъ враговъ, дерзнувшихъ въ буйствѣ своемъ на разрушеніе священной связи повиновенія и на потрясеніе Монаршаго Нашего Престола, утвержденнаго десницею Всевышняго и покровительствующаго устройству, благополучію и тишинѣ всей Имперіи, показываетъ свѣту и настоящихъ Дворянъ истинными и достойными преемниками и подражателями тѣхъ отличныхъ добродѣтелей и заслугъ, кои предкамъ ихъ доставляли по временамъ сіе преимущественное званіе; что они нынѣ добровольнымъ жертвованіемъ не только имущества своего, но и самыхъ жизней своихъ службѣ любезнаго Отечества, оставляя по себѣ потомству новое и живое побужденіе къ равнымъ въ случаѣ нужды подвигамъ, полагаютъ тѣмъ самымъ на будущія времена и новое утвержденіе внутренней государственной тишины, и что, напослѣдокъ, Мы, обыкнувъ воздавать каждому, по мѣрѣ его службы и достоинствъ, праведную мзду, будемъ отъ нынѣ поставлять себѣ сугубѣйшимъ долгомъ цѣлость, благосостояніе и безопасность ихъ ни чемъ нераздѣлимо почитать съ собственною Нашею и Имперіи Нашей безопасностію и благосостояніемъ.

Съ удовольствіемъ же хотимъ Мы воздать здѣсь и вѣрному Нашему Мѣщанству города Казани, принадлежащую ему похвалу за его добрую волю въ составленіи и содержаніи на своемъ иждивеніи одного Гусарскаго эскадрона для одинакаго съ дворянствомъ предмѣта. Сей залогъ отличнаго усердія къ Намъ и Отечеству Казанскихъ гражданъ соотвѣтствуетъ той Монаршей довѣренности, которую Мы къ нимъ имѣли, какъ вѣрнымъ и полезнымъ членамъ государства, а совокупно и умножаетъ оную на будущія времена, присвояя имъ взаимно навсегда Монаршую Нашу милость.

Равнымъ образомъ служитъ къ Высочайшему Нашему благоволенію и оказываемая вѣрность отъ Казанскихъ Татаръ въ сопроти-

вленіи и отраженія разбойничьихъ набѣговъ самозванца Пугачева. Мы, ожидая отъ нихъ и впредь подобныхъ къ общей пользѣ услугъ, всемилостивѣйше симъ же обнадеживаемъ ихъ, яко дознанныхъ въ дѣйствительномъ усердіи подданныхъ, какъ достойнымъ нынѣ воздаяніемъ, такъ и впредь непремѣннымъ Нашимъ Монаршимъ призрѣніемъ и покровительствомъ при всѣхъ ихъ настоящихъ законныхъ свободахъ.

А дабы сіе публичное изъявленіе Нашей Императорской милости и Нашего Императорскаго благоволенія ко всѣмъ вѣрнымъ Нашимъ подданнымъ Казанской губерніи могло навсегда оставаться прямымъ монументомъ ихъ вѣрности, а особливо благороднаго Дворянства, которое единодушнымъ своимъ приговоромъ и собственныя свои жизни службѣ Нашей и любезнаго Отечества на жертву посвятило, повелѣваемъ Мы сей Нашъ манифестъ, напечатавъ, прочесть во всѣхъ церквахъ той губерніи, да и положить въ архивѣ каждаго города по нѣскольку экземпляровъ онаго. Данъ въ Санкпетербургѣ отъ Рождества Христова Февраля двадесять втораго дня, тысяча седмь сотъ семьдесятъ четвертаго, государствованія Нашего двана-десятаго года.

Подлинный подписанъ собственною Ея Императорскаго Величества рукою, тако:

ЕКАТЕРИНА.

Печатанъ въ Санктпетербургѣ
при Сенатѣ,
Февраля 24-го дня, 1774 года.

XVIII.
Extrait d'une lettre de Moscou, le 23 Janvier.

J'ai été avant hier témoin du supplice du monstre Pugatscheff et de sa Bande; j'étois tout près de l'échafaut: cette éxécution s' est faite à la place du Pont de pierre, nommée Ballota, où j'ai vu perdre la tête à Bielobaradoff. On y avoit construit un vaste échafaut en milieu duquel s'élévoit un mât surmonté d'une hune, à laquelle on montoit par 2 echelles. Cet appareil fit penser à tous les spectateurs, que le Rebelle alloit être empalé, car personne ne savoit le genre de supplice, auquel il étoit condamné. A 3 angles de l'échafaut, il y avoit des Potences. A 11 heures, avant midi,

les criminels passèrent le Pont de pierre; ceux qui devoient avoir le knut ou être pendus étoient liés 2 à 2. Il y avoit entre eux un jeune gentilhomme, qui étoit condamné à avoir son épée brisée sur sa tête; ensuite venoit Pugatscheff sur un haut Tombereau, barbouillé en noir fait exprés et tiré par des chevaux. Au milieu de ce Tombereau il y avoit un pieu, auquel le criminel étoit lié, assis sur une sellette. Deux Prêtres étoient assis à ses cotés. Son bourreau étoit debout derrière lui, ayant 2 grosses haches plantées sur un billot, j'apperçus visiblement, que cet aspect faisoit une très profonde impression sur les spectateurs innombrables, qui remplissoient la place. On ne remarquoit aucune crainte sur le visage de Pugatscheff. Il étoit assis sur sa sellette, avec beaucoup de présence d'esprit, un cierge allumé à la main, demandant en passant à tout le monde de lui pardonner pour l'amour de Dieu. Lorsqu'il fut descendu au pied de l'échafaut, on lui lut l'Ukase Impérial, qui contenoit la narration de ses abominables forfaits; on lut aussi aux autres criminels les Ukases, qui les concernoient. Un Prêtre les excommunia et les bourreaux saisirent leurs proies.

Pugatscheff monta sur l'échafaut par un escalier; et les 3, qui devoient être pendus avec lui, montèrent chacun à la Potence, qui leur étoit destinée par une échelle; ils furent tous les 4 éxécutés en même temps. On déshabilla Pugatscheff, et il y aida lui-même avec vitesse: on l'étendit sur l'échafaut et par une singulière méprise du bourreau, on lui coupa d'abord la tête; on lui coupa ensuite les 2 mains et les 2 pieds, que l'on montra aux spectateurs avant la tête. Un d'entre-eux, que je crois avoir été un des Juges, censura vivement à haute voix le bourreau de sa méprise; on croit qu' il pourroit bien en avoir le knut. Un bourreau monta ensuite sur la hune du mât, planta la tête du Rebelle sur une pointe de fer, qui la surmontoit et posa les autres parties du corps sur la hune. Pendant ce temps là 3 autres bourreaux avoient pendu les 3 autres criminels aux 3 coins de l'échafaut.

Après cette éxécution on amena Panfilief, il souffrit le même supplice que Pugatscheff, excepté que sa tête ne fut pas plantée sur une pointe de fer, mais mise avec ses membres près de ceux de Pugatscheff. Cet échafaut est encore dans le même état.

Ensuite selon la sentence, que chacun des autres Criminels avoit reçue, on donna le knut aux uns, on arracha le nez à d'autres, on en

marqua d'autres. Je ne m'arretai pas à voir ces différentes éxécutions, qui durérent jusques au soir.

Gazette d'Utrecht. Num. XVIII.

Vendredi 3 Mars. 1775.

Въ этомъ же году той же газеты находятся еще слѣдующія статьи, относящіяся до Россіи: Указъ о переименованіи Яика, № 22; о балѣ, данномъ Григоріемъ Орловымъ (тамъ же); о трудахъ Палласа, Кантемира и Гмелина, № 33; Письмо Фальконета къ Русскому посланнику въ Галѣ, Князю Голицыну о томъ, что онъ отлилъ статую Петра Великаго, № 79; приложеніе и Манифестъ о Запорожскихъ Козакахъ, № 88, 89 и 90.

ПЕРЕВОДЪ

ПИСЬМА ИЗЪ МОСКВЫ ОТЪ 23 ГЕНВАРЯ.

Третьяго дня былъ я свидѣтелемъ казни изверга Пугачева и его шайки; я стоялъ около самаго эшафота. Казнь эта совершилась на площади, называемой Болото, близъ каменнаго моста, гдѣ я видѣлъ отсѣченіе головы Бѣлобородова. Выстроены были большія подмостки, среди которыхъ стоялъ высокій столбъ съ перекладиной на верху, на которую можно было взлѣзать по двумъ лѣстницамъ. Судя по этимъ приготовленіямъ зрители могли подумать, что мятежникъ будетъ посаженъ на колъ, потому что никому не былъ извѣстенъ родъ казни, къ которой онъ былъ приговоренъ. У трехъ угловъ эшафота были поставлены три висѣлицы.

Въ 11 часовъ утра всѣ преступники перешли черезъ каменный мостъ; тѣ, которые должны были быть повѣшены, или наказаны кнутомъ, были связаны попарно. Между ними находился молодой человѣкъ, дворянинъ, которому приговорено было сломать шпагу надъ головой; потомъ ѣхалъ Пугачевъ на высокой, нарочно сдѣланной, тележкѣ, вымазанной черною краскою и запряженной лошадьми. Посреди тележки находился столбъ, къ которому былъ привязанъ преступникъ, сидѣвшій на скамейкѣ между двумя священниками. Палачъ стоялъ сзади съ двумя топорами на плахѣ. Мнѣ явно было замѣтно, что это зрѣлище производило сильное впечатлѣніе на

многочисленныхъ зрителей, которые наполняли всю площадь. Не замѣтенъ былъ страхъ на лицѣ Пугачева. Съ большимъ присутствіемъ духа сидѣлъ онъ на своей скамейкѣ съ зажженною свѣчею въ рукѣ, прося у всѣхъ прощенія во имя Бога. Когда онъ сошелъ къ эшафоту, ему прочли Царскій Указъ, въ которомъ описаны всѣ его гнусныя преступленія. Прочимъ преступникамъ тоже были прочтены Указы, къ нимъ относящіеся.

Священникъ отлучилъ ихъ отъ Церкви, и палачи схватили свою добычу. Пугачевъ вошелъ на эшафотъ по лѣстницѣ, и каждый изъ трехъ преступниковъ, который долженъ былъ быть повѣшенъ съ нимъ, всходилъ по лѣстницѣ къ предназначенной для него висѣлицѣ. Всѣхъ четверыхъ казнили въ одно время. Пугачева раздѣвали, и онъ съ живостью самъ помогалъ. Его положили на эшафотъ и, по странной ошибкѣ, палачи отрубили голову, потомъ руки, ноги, которыя показали зрителямъ прежде головы. Одинъ изъ нихъ, который, думаю, былъ изъ судей, живо и громко осуждалъ палача за его ошибку. Предполагаютъ, что онъ за это можетъ быть будетъ наказанъ кнутомъ. Одинъ изъ палачей потомъ взлѣзъ на перекладину столба, насадилъ голову мятежника на желѣзный шпиль, находившійся надъ перекладиной, на которую разложилъ прочія части тѣла. Въ то же время три другихъ палача повѣсили трехъ остальныхъ преступниковъ по тремъ угламъ эшафота.

Послѣ этой казни привели Панфилова: онъ перенесъ ту же казнь, какъ Пугачевъ, съ тою разницею, что его голова не была насажена на желѣзный шпиль, но положена, вмѣстѣ съ его членами, рядомъ съ Пугачевскими. Этотъ эшафотъ еще находится въ томъ положеніи.

Потомъ, смотря по приговору, къ которому каждый изъ преступниковъ былъ присужденъ, иныхъ наказывали кнутомъ, инымъ вырывали ноздри, а нѣкоторыхъ клеймили. Я не оставался свидѣтелемъ этихъ различныхъ казней, которыя продолжались до вечера.

Утрехтская газета № 18.

Пятница, 3-го Марта, 1775 г.

Сообщ. Соревнователь М. ПОЛУДЕНСКІЙ.

IX.

Письмо

И. МИХЕЛЬСОНА КЪ ПЛАТОНУ, АРХИМАНДРИТУ СПАСОКАЗАНСКОМУ.

Высокопреподобнѣйшій Отецъ Архимандритъ,

Милостивой Государь!

Разума, красоты и истины наполненная ваша повѣсть о бѣдственномъ произшествіи города Казани, которую многіе знаменитые въ государствѣ нашемъ мужи достойными превозносятъ похвалами и творцу оныя должную воздаютъ справедливость, между неизчетными оной читателями, читана была и мною.

Вносимые въ нее обо мнѣ собственно похвалы обязываютъ меня къ вамъ всегдашнею благодарностію и производятъ самое жаркое желаніе вашея дружбы: почтите меня оною, Милостивый Государь мой, и будьте удостовѣрены, что я съ истиннымъ почтеніемъ есмь и буду

Высокопреподобнѣйшій Отецъ Архимандритъ,

Милостивый Государь мой,

Вашего Высокопреподобія

всепокорнымъ слугою

Иванъ Михельсонъ.

Февраля дня,
1775 года.
Москва.

X

Увѣщаніе

КЪ ПАСТВѢ ВЕНІАМИНА, АРХІЕПИСКОПА КАЗАНСКАГО И СВІЯЖСКАГО.

Смиренный Веніаминъ, Архіепископъ Казанскій и Свіяжскій, врученной намъ паствы Епархіи нашей, всѣмъ православнымъ сыновомъ мира, здравія и всякаго благополучія отъ Господа Бога желаемъ.

Долгъ пастырскаго нашего званія, хотя и всегда, но наипаче во время кіихъ либо явныхъ нестроеній, обязуетъ насъ бдѣти и всевозможное тщаніе прилагати о врученномъ намъ отъ Бога словесномъ стадѣ, проразумѣвая, дабы всякъ ходилъ неуклонно путемъ правымъ своего званія, въ коемъ Богъ его поставилъ, а не по стремнинамъ суемудрія и Богопротивныхъ заблужденій, ихъ же кончина есть погибель. Тѣмъ убо, а не инымъ предложеніемъ и нынѣ отъ сердца подвигшеся, и вамъ о Христѣ чадомъ нашимъ сіе простираемъ слово, съ Петромъ Апостоломъ моляще когождо васъ: Потщитеся, братіе, извѣстно ваше званіе и избраніе творити: сіе бо творяще, не имате согрѣшити ни предъ Богомъ, ниже предъ человѣки (2 Петр. I, 10): предъ Богомъ, яко волю его святую и совершенную исполните; предъ человѣки же, яко здравы и полезны общества члены, въ союзѣ мира и любве пребывающе, къ крайнему общежительства концу, иже есть тишина и благоденствіе, и сами достигнути и другимъ поспѣшествовати имате. Аще убо желаніе таковыя въ васъ святыни и цѣломудрія услаждаетъ душу пекущихся о спасеніи вашемъ, то коликая была бы радость видящимъ преспѣяніе вашея вѣры, благонравія, ревности, смиренномудрія и послушанія! Се прямая была бы слава и похваленіе православія вашего предъ языки иже, видяще добрая дѣла наша, прославили бы и сами Отца нашего, иже на небеси. Симъ, аки драгоцѣннымъ вѣнцемъ, украсившися, Церковь наша восторжествовала бы, яко матерь о чадѣхъ веселящаяся, блистающи свѣтомъ благочестія во всей подсолнечной.

Но врагъ древній оный вселукавнѣйшій, злый, искони добра ненавидяй, аще и попранъ, не стерпитъ въ райскомъ наслажденіи покоитися Церкви Божіей, но сокрушеннѣй сущей его главѣ безбожія, идолослуженія и ересей слабымъ зловреднымъ своимъ расколовъ и ухищреній хоботомъ покушается отторгнути поне часть нѣкую отъ звѣздъ мысленнаго неба (Апок. XII, 4). Не престаетъ помощію предотечь своихъ, сыновъ погибельныхъ, слѣпыхъ и бѣснующихся человѣковъ, или паче чудовищъ и изверговъ естества, которые ниже взираютъ на бывшая, ниже будущая разсуждаютъ, но нѣкимъ лестнымъ мечтаніемъ услаждающеся, слѣпо стремятся къ своей погибели, тѣхъ, говорю, помощію, или паче безумною и богомерзкою дерзостію, тщится возмутити тишину благословенныя

Россійскія державы, возбудити мятежъ и нестроеніе въ предѣлахъ, Богомъ хранимаго и издревле законными Монархами премудро управляемаго, отечества нашего.

Проклятое сіе во языцѣхъ и варварѣхъ, богоненавистное же въ Христіянѣхъ, злодѣйство, съ бѣдственнымъ терзаніемъ матернія своея утробы, Россія чувствовала уже прежде не единою отъ родныхъ своихъ чадъ, или паче извергов, премѣнившихся въ ехиднино порожденіе разныхъ самозванцовъ, яко-то богоотступнаго ростриги Гришки Отрепьева и ему послѣдовавшихъ, потомъ Стеньки Разина и другихъ, лжеименитыхъ продерзателей, ихъ же всѣхъ судъ Божій много жити не остави, яко съ Давидомъ всякому глаголати: Видѣхъ (днесь) нечестиваго превозносящася и высящася, яко кедры Ливанскія, и се (наутріе) мимо идохъ, и не бѣ, взыскахъ, и не обрѣтеся мѣсто его; зане яко трава скоро изсохша, и яко зеліе злака скоро отпадоша. Не возмогшимъ бо еще имъ святотатскихъ простерти въ беззаконія рукъ своихъ и отрыгнути глаголы потопныя и словеса ненавистныя на святаго Израилева, абіе разруши Богъ ихъ до конца. Тѣла ихъ, сосуды мерзости и органы діаволи, расторже мечь правосудія Царева и испепели огнь законнаго мщенія его, злыя же души ихъ пресели Богъ отъ земли живыхъ, отъ достоянія кроткихъ, отъ жилища святыхъ, въ тартаръ геенскій, идѣже на судъ великаго дне узами вѣчными подъ мракомъ соблюде, имя же ихъ, всегдашняго забвенія достойное, Церковь Православная, по заповѣди Господней, лѣтнюю о благочестивыхъ память творя, предаетъ анаѳемѣ и вѣчному проклятію.

И тако, по свидѣтельству Апостола Іуды, въ пререканіи Корреовѣ и въ дѣлѣхъ нечестія своего тѣломъ, душею и именемъ вѣчно погибоша.

О крайняго нечувствія! Аще сіе кого устрашаетъ: таковый судъ Божій на нечестивыхъ возмутителей Церкви его и на святотатцевъ, похищающихъ честь, славу и власть законныхъ помазанниковъ его изложенный, и самаго, мню, ожесточеннѣйшаго сердцемъ, и на всякіе пороки аки мска упорно стремящагося, былъ бы силенъ обуздати и привести въ познаніе своея должности. Но, о болѣзненнаго воздыханія! Привнидоша и нынѣ нѣцыи человѣцы, древле на геенское оное осужденіе предуставленіи, нечестивіи, Бога нашего благодать прелагающіи въ скверну, о Господствѣ нерадящіи, про-

дерзатели, себѣ угодницы, славу хуляще не трепещущи (2 Петр. III, 3, 10), яснѣе рещи: сонмище богомерскихъ мятежниковъ, предводительствуемое сыномъ тмы и ада, другомъ бѣсовъ и наперсникомъ сатанинскимъ, нечестивымъ роскольщикомъ, Церкви благочестивой, а потому и законной власти Царской не повинующимся, слѣпымъ вождемъ глупыхъ, бѣглымъ Казакомъ (по природѣ мятежнымъ), Емельяномъ Ивановымъ сыномъ Пугачевымъ, который, какъ многимъ извѣстно, да и изъ высокомонаршаго объ немъ Октября 15 дня изданнаго манифеста явственно, пресмыкаясь по разнымъ въ другихъ странахъ раскольническимъ скитамъ, наконецъ, собравъ сонмище нечестивыхъ, себѣ подобныхъ, злодѣевъ, изъ Яицкихъ селеній дерзнулъ святотатски похитить и присвоить себѣ имя покойнаго Императора Петра Третьяго, и тѣмъ, паче же мечемъ, ово устрашая малодушныхъ, ово коварствомъ, яко волкъ, овчею кожею покровенный, прельщая несмысленныхъ, привлекаетъ къ Богопротивной своей измѣнѣ, въ нарушеніи клятвы и данной правильной Государынѣ присяги, обѣщая всѣмъ, къ нему прилѣпившимся, аки сатана искушаемому Христу Господу, мечтательная царствія земная, чѣмъ отступникъ онъ и вторый предатель Іуда малоразсудныхъ людей приводитъ во развращеніе и совершенную погибель (Мат. IV, 9).

О вещь, Христіянству поносная и всегдашнихъ горькихъ слезъ достойная! Увы злоключенія временъ нашихъ! Како Христоименитые людіе, свѣтомъ правовѣрія просвѣщенные, о камень соблазна бѣдственно преткнушася! Како сынове Россійстіи, вѣрностію къ своимъ Государямъ, усердіемъ къ отечеству древнія и новыя времена удививши, въ вѣчной порокъ отступства и предательства безумно поползнушася! Егда не вѣдѣху словесъ самаго Бога, усты Соломоновыми реченныхъ: Мною царіе царствуютъ, и сильные пишутъ правду (Притч. VIII, 15). Егда николи же слышаша Даніила Пророка, въ слухъ всего міра вопіюща: Да увѣдятъ, рече, живущіи на земли, яко владѣетъ вышній царствомъ человѣческимъ, и ему же восхощетъ, дастъ е. (IV. 14). Отъ сихъ словесъ увѣдѣвше, яко законные царіе, сущіе власти отъ Бога учиненныи, по волѣ его царствуютъ, егда не можетъ и самый невѣжда заключити, яко противу хотѣнія его о себѣ пріемлющіе высокое титло, сіи суть богопротивницы, ополчающіися противу самаго Царя Царей, по слову Апостола Павла (Римл. XIII, 2): Противляяйся, говоритъ онъ,

власти, Божію велѣнію противляется; противляйся же, грѣхъ себѣ пріемлетъ, грѣхъ же не точію въ жизни сей безъ пощадѣнія наказуемый, но и въ будущей весьма непростительный; боязненно есть впасти въ руцѣ человѣческія; но коль страшнѣе впасти въ руцѣ Божіи, имущаго власть тѣло и душу ввергнути въ геенну огненную (Матѳ. X, 28).

Сего ради къ вамъ, возлюбленные о Христѣ чада, соблюдшимъ доселѣ вѣру къ Богу и вѣрность къ истинной своей Государынѣ и отечеству не нарушившимъ, обращаемъ слово: трезвитеся разумомъ, бодрствуйте въ вѣрѣ, стойте непоколебимо въ данной вами присягѣ и крестномъ цѣлованіи предъ Богомъ, обѣщаніи, яко и смертію запечатлѣти вамъ любовь и покореніе къ высочайшей власти, мужайтеся противу всѣхъ ратоборцевъ, льстецовъ и нарушителей общія тишины и благоденствія. Утверждайтеся и утверждайте въ благодушномъ повиновеніи Господа ради, аще Монархинѣ, яко законно преобладающей, аще ли же княземъ, яко отъ нея посланнымъ: служители бо Божіи суть, во истое сіе пребывающе и не безъ ума мечь носяще, но во отмщеніе злодѣямъ, въ похвалу же благотворцемъ; тѣмъ же потреба повиноватися имъ не токмо за гнѣвъ, но и за совѣсть; сего бо ради и дани даете имъ, не на иждивеніе въ сластѣхъ, но на стяжаніе вашея безопасности и благополучія (Іак. IV, 3). Елицы суть подъ игомъ, суть рабы, своихъ Господій всякія чести да сподобляютъ, пребывая во всемъ благоугодныи, непрекословныи, некрадущіи, но вѣру всяку являюще благу, да имя Божіе не хулится и ученіе, не точію же дѣломъ противная власти творити грѣхъ есть но мыслити и глаголати хульныя тако кроткимъ, яко и строптивымъ не подобаетъ; любы бо Христіянская не мыслитъ зла никому же (1 Кор. XIII, 5), и князю людей злословити запрещаетъ самъ Господь; познавайте Духа Божія, и духа лестча (Исх. XXII, 28), не всякому духу вѣруйте, но искушайте духи, аще отъ Бога суть (1 Іоан. IV, 1). Иже бо здраваго и мирнаго ученія вамъ не приноситъ, сей есть Антихристовъ, не пріемлете его и радоватися ему не глаголите: (2 Іоан. II, 10), но изжените таковаго отъ среди васъ, и предайте къ осужденію и наказанію учиненнѣй отъ Бога власти (1 Кор. V, 2). Станите препоясани чресла ваши истиною и пріимите въ защищеніе правды вся оружія Божія, яко возмощи вамъ противу козненъ діавольскимъ, (Еф. VI, 16), противу нарушителей вѣры и преданій церковныхъ

противу хулителей чести и похитителей власти Царской, словомъ противу всѣхъ безумныхъ свободолюбцевъ, покой души и жизни вашей, тако жъ чинъ Государственный дерзостно возмущающихъ. Вѣдите, яко защищая вѣру, законъ, преданія и поборая за славу Государей и цѣлость отечества, тѣмъ самимъ подвизаемся за честь Божію и свое спасеніе, соблюдаемъ наше и ближняго благополучіе. Въ семъ благомъ намѣреніи Господь силъ поможетъ вамъ и препояшетъ васъ силою свыше, споборетъ же вамъ купно съ Нимъ и весь міръ на безумныя, глаголющыя на праведнаго гордыню и уничиженіе; крѣпко уповайте, яко не дремлетъ, ниже спитъ, храняй Израиля (Пс. CXX, 4); не укоснитъ Богъ отмщеній сотворити месть беззаконнымъ, въ скорбленіе бо помазанныхъ его, имъ же и прикасатися не повелѣваетъ. Расхищеніе и сквернодѣйство давно уже вопіютъ во уши Господа Саваоѳа; по сему вскорѣ не оставитъ жезла грѣшныхъ на жребіи праведныхъ.

И сіе не отъ себе, но отъ истинныхъ словесъ Божіихъ предложити потщихомся, споспѣшествуя ревности кроткихъ и послушливыхъ сыновъ Церкви святительскимъ нашимъ благословеніемъ и молитвою. Миръ на нихъ и милости Божія! Непокоряющихся истинѣ сей, по даннѣй намъ отъ Христа, пастыреначальника власти, связуя нерѣшимыми узами отлученія отъ Церкви и жребія вѣрныхъ въ сей жизни, въ будущей же достоянія святыхъ! Аминь, Аминь.

Сочин. Платонъ, Архимандритъ Спасоказанскій.

Сообщ. д. чл. архимандритъ Макарій.

Октября дня,
1773 года.

XI

СЕКРЕТНОЕ ПРЕДПИСАНІЕ ОРЕНБУРГСКАГО ГУБЕРНАТОРА, КНЯЗЯ ВОЛКОНСКАГО, ШЕФУ РЫЛЬСКАГО МУШКЕТЕРСКАГО ПОЛКА, ГЕНЕРАЛЪ-МАІОРУ ОКУЛОВУ.

По настоящимъ смутнымъ Европейскимъ обстоятельствамъ предлежитъ долгъ каждому начальнику брать всѣ мѣры предосторожности, необходимо нужныя къ обезпеченію какъ внѣшняго, такъ и внутренняго спокойствія и къ сохраненію тишины. Малѣйшее упущеніе въ таковомъ критическомъ положеніи можетъ имѣть вредныя послѣдствія. Извѣстно уже, что политика Французскаго Правительства такова, что оно разными своими происками старается чрезъ своихъ шпіоновъ узнавать положенія другихъ державъ, разсѣвать неблагонамѣренныя мысли, кои могутъ стремиться къ испровержению общественнаго порядка и возбуждать въ людяхъ неблагомыслящихъ недовѣрчивость къ національному правительству. Семидесятые годы представляютъ сему доказательство. Тогда хитрые Французы не упустили отправить въ Уральскъ своихъ секретныхъ посланцовъ, кои, можетъ быть, имѣли величайшее вліяніе на тогдашнія кровопролитныя происшествія. Сіи прошедшія и настоящія обстоятельства поставляютъ меня въ обязанность предложить Вашему Превосходительству о принятіи всѣхъ мѣръ предосторожности, чтобы какъ изъ за границы, такъ и изъ внутри Россіи не могъ прокрасться въ Уральскъ таковой шпіонъ, какой бы онъ націи и подъ какимъ бы видомъ ни былъ. И ежели таковой подозрительной человѣкъ окажется, то тотъ часъ, схвативъ его, посадить подъ караулъ и меня увѣдомить.

Возлагая сію предохранительную обязанность на Ваше Превосходительство, я надѣюсь, что Вы, по извѣстному мнѣ Вашему благоразумію, ничего не упустите изъ виду по сему важному и тайному предмету, что только можетъ и должно относиться къ храненію спокойствія въ ввѣренномъ Вамъ мѣстѣ.

Подлинный подписалъ:

Генералъ отъ Кавалеріи Кн. Г. Волконскій.

Оренбургъ.
Октября 24 дня,
1805 года.

XII

ПОКАЗАНІЕ ЯИЦКИХЪ КОЗАКОВЪ, МИХАИЛА ПАШАВА И АѲАНАСЬЯ ШЕРСТИНКИНА.

Оные находились на службѣ въ Кизлярѣ, въ корпусѣ Де-Медема. * И стоя въ городѣ Кизлярѣ сего года (1774) въ Февралѣ мѣсяцѣ, слышали отъ тамошнихъ пребывающихъ разнаго званія людей, что въ томъ городѣ подбрасываютъ пасквильныя письмы, въ которыхъ, де, написано, что здѣсь ** явился Государь Петръ Третій (что нынѣ

* Въ составѣ пятисотенной Козацкой команды.

** Надо разумѣть Яицкій городокъ, потому что допросы берутся въ этомъ городкѣ, въ концѣ 1774 года.

оказался злодѣй и разбойникъ Пугачевъ). Почему, де, они, будучи тогда командированы въ походъ къ Моздоцкой крѣпости, согласясь всего 29 человѣкъ, по выѣздѣ изъ Наурской станицы, бѣжали съ намѣреніемъ, чтобы пробраться сюда въ Яицкой городокъ къ помянутому злодѣю Самозванцу, однако уже, де, за разбитіемъ ево войсками Ея Императорскаго Величества, къ нему совокупиться имъ не удалось, и будучи на рѣчкахъ Узеняхъ товарищи ихъ переловлены, а они, проѣхавъ во Опчій Сыртъ, къ Козаку Есыреву присоединились, съ которымъ бывъ. что во его допросѣ показано, все до поимки ихъ чинили.»

Показаніе Козаковъ Пашава и Шерстинкина списано съ черноваго, сохранившагося, въ числѣ другихъ, въ Архивѣ Уральской Войсковой Канцеляріи. Показаніе же Козака Есырева, на которое ссылаются Пашавъ и Шерстинкинъ, само по себѣ не важно; содержаніе его въ томъ, что Есыревъ съ партіею Козаковъ блуждалъ по Общему Сырту, сражался съ командами, дѣйствовавшими противу Пугачевскихъ партій, а потомъ пойманъ съ товарищами своими старшиной М. М. Бородинымъ, и что «онаго злодѣя Пугачева (слова Есырева), смотря на другихъ, свою братію, за Государя признавалъ и къ рукѣ къ нему подходилъ.» Вообще изъ черновыхъ показаній, сохранившихся въ Архивѣ Ур. В. Канцеляріи, видно, что главнымъ и преобладающимъ желаніемъ допрашивающихъ было узнать отъ допрашиваемыхъ, признавали ли они Пугачева за Государя и подходили ли къ рукѣ его. И всѣ отвѣчали почти то же, что отвѣчалъ и Есыревъ, т. е., «смотря на другихъ, свою братію» и т. д. А одинъ Козакъ Илецкой станицы, Ларіонъ Шерстобитовъ, между прочимъ выразился такъ: «А во время жъ имъ, Самозванцемъ, взятья нашей Илецкой станицы, хотя при оной станицѣ я и былъ, токмо находился весьма болѣнъ, и за оною болѣзнею реченнаго Самозванца персонально самъ не видалъ, да и къ рукѣ къ нему не подходилъ.» Но все это частности, не имѣющія здѣсь мѣста. Скажемъ слова два о показаніи Пашава и Шерстинкина. Изъ него видно, какъ былъ широкъ и глубокъ заговоръ, разразившійся Пугачевскимъ бунтомъ. Тутъ уже пахнетъ чѣмъ-то большимъ, высшимъ, а никакъ не хуторомъ Козака Шелудякова, гдѣ, по словамъ Пушкина, родился заговоръ. Одно уже то замѣчательно, что Кизляръ въ 1770 годахъ, въ административномъ и политическомъ отношеніи, былъ тѣмъ же, чѣмъ, на примѣръ, была Варшава въ 1830 годахъ.

О секретномъ предписаніи Князя Волконскаго, писанномъ къ генералу Окулову, находившемуся въ Уральскѣ съ регулярными войсками, для противодѣйствія Козачь-

ему движенію, возникшему было, въ 1804—1806 годахъ, по поводу нѣкоторыхъ реформъ, объ этомъ секретномъ предписаніи, добытомъ мною въ подлинникѣ, слѣдуетъ сказать только вотъ что: во первыхъ, семидесятые годы суть годы Пугачевщины; во вторыхъ, Князь Волконскій, какъ современникъ той эпохи и какъ высшее административное лицо, могъ знать кое-что многое, чего мы пока еще не знаемъ. *

I. Желѣзновъ.

Ноябрь, 1859 г.
Москва.

---

* Въ подтвержденіе тому сличите также письма Графа Алексѣя Григорьевича Орлова изъ Италіи къ Императрицѣ Екатеринѣ II-й объ извѣстной Принцессѣ Таракановой, помѣщенныя въ послѣдней книжкѣ «Русской Бесѣды» 1859 года.

О. Б.

ИСТОРІЯ
ИМПЕРАТОРСКИХЪ
ВОСПИТАТЕЛЬНЫХЪ ДОМОВЪ.

I

СЪ ОТКРЫТІЯ ОНЫХЪ ДО 2 МАЯ 1797 ГОДА. *

Императорскій С. Петербургскій и Московскій Воспитательные Дома управлялись до новѣйшаго преобразованія 1837 года одними и тѣми же законами и постановленіями; воспослѣдовавшія перемѣны въ управленіи съ 1770 года въ обоихъ домахъ производились почти единовременно. Обозрѣть различныя перемѣны и улучшенія, сдѣланныя въ Петербургскомъ Воспитательномъ Домѣ, изложить постепенный переходъ его въ современное состояніе, значитъ въ то же время составить исторію Московскаго заведенія; для пополненія оной достаточно прибавить числовые выводы каждаго изъ нихъ.

Выстроенный въ С. Петербургѣ домъ для призрѣнія несчастнорожденныхъ находился подлѣ Воскресенскаго Монастыря, извѣстнаго подъ именемъ Смольнаго; (названіе свое монастырь этотъ получилъ отъ мѣста, гдѣ онъ былъ построенъ, называвшагося запаснымъ Смольнымъ Уборомъ). Въ сей-то домъ назначено было принять всѣхъ новорожденныхъ, приносимыхъ, или присылаемыхъ, въ него матерями, или находимыхъ покинутыми безъ призрѣнія и безъ всякихъ о нихъ справокъ.

Согласно со второю главою Генеральнаго плана Ивана Ивановича Бецкаго, касательно пріема въ Воспитательный Домъ младенцевъ, никакой вопросъ не долженъ смущать лица, приносящаго ребенка,

* Заимствовано изъ сочиненія Гуро (въ послѣдствіи Де-Гуровъ).

ни о томъ, кто онъ таковъ, ни чьего младенца принесъ: удовлетворяются при пріемѣ отъ него отвѣтомъ на вопросы: крещенъ ли несчастный и какъ ему имя; но, впрочемъ, всякое иное добровольное объясненіе записывается въ реестрѣ входящей книги, въ слѣдъ за означеніемъ пола, дня и времени пріема въ домъ новорожденнаго; записывается кромѣ того бѣлье, одежда и все, въ чемъ младенецъ принесенъ, или на немъ найденное, и наконецъ особыя характерическія примѣты, природныя пятна и знаки на его тѣлѣ, по которымъ всегда можно бы было узнать его независимо отъ номера, подъ которымъ онъ вносится въ списокъ. Эта статья тѣмъ болѣе обращаетъ на себя вниманіе, что она и до сего дня вполнѣ сохранила всю свою силу, и что въ ней заключается главное недоумѣніе, породившее долгіе споры во всей просвѣщенной Западной Европѣ, приведшіе окончательно къ единодушному мнѣнію о невыгодной сторонѣ такъ называемыхъ туровъ.

Такъ какъ заведеніе находилось въ 4 верстахъ отъ центра города, то лица, коимъ попались бы на видъ покинутыя дѣти, могли бы не взять на себя труда отнести ихъ въ домъ; въ опасеніи сего и повелѣно было приходскимъ священникамъ, начальникамъ богадѣльней и монастырей принимать всѣхъ, къ нимъ приносимыхъ, и немедленно относить ихъ въ Воспитательный Домъ, соблюдая при томъ необходимыя мѣры предохраненія. Назначено было 2 рубля вознагражденія по тогдашнему курсу всѣмъ небогатымъ лицамъ, принимающимъ на себя исполненіе сего человѣколюбиваго долга. Корыстолюбіе и порокъ тотчасъ же употребили сію мѣру въ свою пользу, и уничтоженіе оной оказалось необходимымъ.

Дѣтей, приносимыхъ въ домъ, вѣряли кормилицамъ и воспитывали въ самомъ домѣ. Число принятыхъ съ 1-го Сентября 1770 года до 31 Декабря того же года было 181, изъ которыхъ 99 не прожили долѣе 3 мѣсяцевъ.

Въ 1771 г. принесено было 514 новорожденныхъ, 42 было обратно принято родителями, и въ продолженіе того же года умерло 395 изъ оставшихся 472.

Такимъ образомъ въ теченіе первыхъ 15 мѣсяцевъ учрежденія сихъ человѣколюбивыхъ заведеній, въ глазахъ самаго учредителя, когда вся администрація, подъ его личнымъ присмотромъ, согрѣвалась всѣмъ жаромъ и рвеніемъ, сопровождающими каждое ново-

введеніе, когда самое число дѣтей не возрасло еще до такого огромнаго количества, какого оно нынѣ достигаетъ, слишкомъ 2 трети дѣтей погибло. Эта смертность превышаетъ болѣе, чѣмъ половиною обыкновенную смертность; однако, если сравнить оную съ смертностью позднѣйшаго времени, или съ смертностью, замѣчаемою въ иностранныхъ Воспитательныхъ Домахъ, то можно, и даже должно, считать оную благопріятною и успѣшною. Въ теченіи 12 лѣтъ, съ 1772 года до 1784, было всего принято въ этомъ періодѣ 7709 младенцевъ обоего пола.

Въ Генеральномъ планѣ было обѣщано въ концѣ, или началѣ, каждаго года публиковать въ газетахъ таблицу принятыхъ въ домѣ дѣтей, родившихся въ родильномъ отдѣленіи, а равно и число умершихъ.

Сія мѣра, по видимому, имѣла цѣлію сообщать ежегодно публикѣ, въ какомъ состояніи находится заведеніе; но, вѣроятно, Правительство не рѣшилось привести во всеобщую извѣстность значительную смертность, опасаясь повредить тѣмъ самому заведенію въ общественномъ мнѣніи, и сіе обѣщаніе никогда не было исполнено. Едва ли въ этомъ молчаніи не заключается важная ошибка; не исполнить такимъ образомъ обязательства, сдѣланнаго предъ лицемъ всей Россіи, значило въ то же время оставить народъ въ убѣжденіи, что всѣмъ, покинутымъ дѣтямъ, такъ же хорошо въ заведеніяхъ, какъ было бы имъ въ семействѣ, если не лучше. Нужно бы было, напротивъ, вывести его изъ сего заблужденія. Если бъ зналъ народъ, что смерть безжалостно похищаетъ сихъ несчастныхъ младенцевъ, и что чрезвычайно мало надежды къ ихъ сохраненію, большая часть матерей не разставалась бы съ существами, произведенными ими на свѣтъ.

Между тѣмъ стали доискиваться причинъ таковой смертности, и убѣдились въ томъ, что оная происходитъ отъ отдаленности мѣста, гдѣ находилось заведеніе. Обнаружилось, что это обстоятельство было дѣйствительно губительно для беременныхъ женщинъ, приходящихъ зимою въ родильное отдѣленіе, и что дѣти, приносимыя въ Домъ, часто оказывались въ пріемѣ замерзшими совершенно и безъ дыханія. Тѣ же дѣти, на которыхъ холодъ дѣйствовалъ съ меньшею силою, тѣмъ не менѣе погибали нѣсколько дней спустя послѣ простуды. То же самое случалось и въ Парижскомъ Воспитатель-

номъ Домѣ, когда доставляли туда младенцевъ изъ ближнихъ провинцій. Повреждение холодомъ малютокъ обнаруживалось на рукахъ и ногахъ распухшихъ, и таковыя дѣти, по свидѣтельству медика Леруа, прежде всѣхъ умирали.

Правительство рѣшилось перевести несчастно рожденныхъ дѣтей въ часть города, болѣе приближенную къ его центру. Старый домъ былъ отданъ Приказу Общественнаго Призрѣнія и превращенъ въ домъ для призрѣнія бѣдныхъ. Въ 1784 году состоялось это перемѣщеніе въ зданіе, находящееся на концѣ Большой Милліонной, позади Мраморнаго дворца; послѣ того воспослѣдовало нѣкоторое уменьшеніе смертности. Съ 1 Генваря 1785 до 1 Генваря 1798 числа принятыхъ дѣтей возрасло до 15,843. Прибавляя къ нимъ 1301, оставшіяся отъ 15 предыдущихъ годовъ, имѣли въ сложности 17,144. Изъ нихъ умерло 13,069, то есть, 76 на 100.

Если, съ одной стороны, это перемѣщеніе произвело нѣсколько добра, съ другой стороны оно оказало зло, ибо увеличило число покинутыхъ несчастно рожденныхъ, что отчасти должно быть ему приписано. Слишкомъ тяжело было бы приписать это возрастаніе исключительно безнравственности, порожденной въ народѣ заведеніемъ воспитательныхъ домовъ, о чемъ будетъ говорено ниже, или увеличенію народной нищеты. Вліяніе же, происходящее отъ умноженія народонаселенія, чрезвычайно маловажно. Таблица общихъ рожденій въ Петербургѣ, сравнительно съ таблицей подкидышей, раздѣленной на 6тилѣтніе періоды, съ 1771 до 1795, доказываетъ, что рожденія съ 1777 до 1782 увеличись только $^1/_{10}$, съ 1783 до 1788 $^1/_{11}$, а съ 1789 до 1794 г. $^1/_{16}$; между тѣмъ какъ въ то же самое время число подкидышей увеличилось въ отношеніи 4: 6: 8. Такъ въ первомъ періодѣ оно было 4073, во второмъ возрасло до 6182, а въ третьемъ до 8210.

Это безпрерывное и быстрое размноженіе нельзя не считать величайшимъ зломъ: оно подвергало опасности жизнь множества младенцевъ, для которыхъ съ трудомъ доставали кормилицъ. Во всякомъ случаѣ быстро увеличивающееся число младенцевъ, запертыхъ въ однихъ и тѣхъ же комнатахъ, не можетъ не имѣть пагубнаго вліянія на продолжительность ихъ жизни; ибо оно вредно и для взрослыхъ, а тѣмъ болѣе для младенцевъ. Весьма чистый воздухъ всегда необходимъ симъ слабымъ и нѣжнымъ существамъ, на которыя непосредственно дѣйствуетъ вліяніе атмосферы: нѣжная и

тонкая оболочка, какъ легкихъ, такъ и самой кожи ихъ, не можетъ безвредно переносить зараженныхъ тѣлесныхъ испареній. Въ слѣдствіе сего оказалось необходимымъ облегчить Воспитательный Домъ отъ излишняго числа ежедневно прибываемыхъ въ оный дѣтей, и въ 1788 г. воспослѣдовало Высочайшее рѣшеніе отсылки въ деревню нѣкоторой части новорожденныхъ.

Заведеніе тогда было раздѣлено на 2 большія отдѣленія: 1-е, городское, 2-е, сельское; но оно продолжало быть управляемо одною администраціею, носящей названіе Экономической Конторы. Должно, безсомнѣнно, приписать сему раздѣленію дѣтей нѣкоторое вліяніе на легкое уменьшеніе смертности, оказавшееся съ 1784 до 1797 г. Законный выпускъ дѣтей, по окончаніи ихъ воспитанія, назначено было начать въ 1789 году, продолжать каждогодно и освободить домъ въ 1798 г. отъ всѣхъ тѣхъ, кои были приняты въ ономъ съ 1770 до 1779 года включительно. Дѣти, принесенныя въ домъ, послѣ сего послѣдняго года, принадлежатъ уже къ послѣдующимъ выпускамъ. Таблица воспитанниковъ обоего пола, вышедшихъ въ этомъ періодѣ времени, была бы чрезвычайно поучительна; составить оную было бы возможно; ибо всѣ паспорты, выданные воспитанникамъ, записаны по установленнымъ на то правиламъ.

Какъ бы то ни было, можно безошибочно предполагать, что число окончившихъ воспитаніе въ Воспитательныхъ Домахъ, въ сравненіи съ числомъ дѣтей, покинутыхъ своими родителями, чрезвычайно мало: оно не превышаетъ 8 на 100, что легко доказывается слѣдующимъ: съ 1770 до 1798 г. изъ 28,436 принесенныхъ въ домъ дѣтей, или въ немъ родившихся, было возвращено родителямъ, или выпущено, по окончаніи воспитанія, 865. Сіи послѣднія принадлежатъ необходимо году 1789 и слѣдующимъ. Но должно вычесть изъ общаго количества тѣхъ дѣтей, кои были взяты обратно родителями въ малолѣтствѣ. Слѣдовательно, такъ какъ первые 18 годовъ представляютъ намъ таковыхъ 239, то, среднимъ числомъ, около 13 каждогодно. Сдѣлавши подобное вычитаніе съ 1789 до 1797 включительно, остается вычесть 117 дѣтей изъ числа 533, обозначенныхъ вообще выпущенными изъ Дома.

По этому, весьма вѣроятно, что въ этомъ періодѣ воспитывавшихся до 18-тилѣтняго возраста было числомъ 416 Слѣдовательно, такъ

какъ число принятыхъ до 1-го Генваря 1780 г было 5445, то есть, 7,64 воспитанниковъ на 100, достигшихъ 18-тилѣтняго возраста.

Принадлежащіе къ выпуску 1798 г. пережили 22,728 своихъ братій на 26,798, или 84,81 на 100. Съ 1766 до 1786 принято было въ Московскій Воспитательный Домъ 37.607; 1020 вышло изъ онаго, 6080 оставалось дома, а 30,507 умерло, то есть, 81,10 на 100.

Вотъ съ какой удивительной заботливостью должны были воспитывать несчастно-рожденныхъ дѣтей, и вотъ какъ, вѣроятно, были воспитаны вышедшія изъ заведенія въ 1789 году, 18 или 19 лѣтъ спустя послѣ пріема ихъ въ оное. Есть что-то романическое во всей этой системѣ, и часто причины неосновательныя, какъ выше было доказано, служили основаніемъ распоряженіямъ, которыя сами по себѣ прекрасны, но лишь только въ томъ случаѣ, когда были бы приложены къ другому роду воспитанниковъ. Опытъ здѣсь доказалъ, какъ заманчивая и самая человѣколюбивая теорія можетъ впасть въ заблужденіе, упуская изъ виду мѣстныя условія лицъ, ихъ нравственный бытъ и степень ихъ образованія. Бецкій видѣлъ вообще человѣка только въ профиль и съ хорошей стороны, а Русскую добрую, простую бабу представлялъ себѣ въ радужныхъ чертахъ Европейской гражданки; онъ не отдалъ себѣ отчета въ слабостяхъ и порокахъ человѣка, и вмѣстѣ подвергалъ секрету такія обстоятельства, которыя, большею частію, не нуждаются въ секретѣ. Здѣсь законъ предупредилъ фактъ. Въ восторженномъ настроеніи духа, возбужденномъ въ немъ его взглядомъ на дѣло, онъ восклицаетъ: «Пусть не восхваляютъ намъ сихъ человѣколюбивыхъ заведеній, которыя ограничены въ своемъ предметѣ и сосредоточиваются въ тѣсномъ кругѣ несчастныхъ, существованіе которыхъ они поддерживаютъ. Дѣло не въ томъ, чтобъ оказать пособіе нѣкоторымъ изъ нашихъ ближнихъ, но въ томъ, чтобъ превратить почти неисчисленное число дѣтей погибающихъ въ неисчерпаемый источникъ богатствъ для Россіи.»

Какое заманчивое заблужденіе! Но оно было непродолжительно. И сколько должна была страдать его пылкая душа, горящая любовію къ Отечеству, когда онъ увидѣлъ, что успѣхъ не соотвѣтствовалъ его надеждамъ!

Уже было сказано, что дѣти, которыхъ надѣялись спасти, чтобъ создать ими Tiers-état, погибали, большею частію, не достигши одного

года. Спрашивается, сколько добродѣтелей, сколько талантовъ принесло съ собою въ общество чрезвычайно малое число дѣтей, окончившихъ свое воспитаніе въ заведеніяхъ, предъ собственными глазами перваго Русскаго филантропа? Какіе плоды принесло это дѣйствительно прекрасное, вполнѣ человѣколюбивое, воспитаніе, имъ самимъ столь мудро начерченное, первый опытъ котораго былъ совершенъ имъ самимъ, подъ Высочайшимъ покровительствомъ премудрѣйшей Россійской Царицы, при огромномъ одобреніи Синода, Сената и цѣлой Европы?

Воспитанники Императорскаго Воспитательнаго Дома, разъ вышедши въ свѣтъ, совершенно оправдали печальный опытъ, совершившійся въ другихъ странахъ надъ несчастно-рожденными. Пусть прочтутъ все, что было писано на счетъ ихъ наклонностей къ пороку, или, лучше сказать, ихъ глубокаго развращенія, опытнѣйшими наблюдателями Германіи, Франціи, Англіи и Италіи, и заранѣе можно будетъ составить себѣ понятіе о томъ, каковыми вообще вышли воспитанники изъ Московскаго и С. Петербургскаго Домовъ. Сей характеръ, вездѣ вообще приписываемый несчастно-рожденнымъ, тѣмъ болѣе достоинъ опредѣленія ему причины, что онъ кажется противорѣчащимъ общему народному повѣрью, приписывающему симъ несчастнымъ болѣе ума и живости способностей, нежели прочимъ дѣтямъ. Не входя въ разсмотрѣніе справедливости сего мнѣнія и выводовъ нѣкоторыхъ физіологовъ, которые довѣряютъ же ему, если стараются отдавать себѣ въ немъ отчетъ, прежде всего должно замѣтить, что примѣры, на которыхъ основываются для оправданія сей системы, не находятъ себѣ приложенія въ настоящемъ случаѣ. Дѣти, рожденныя внѣ брака, которыя въ глазахъ исторіи отличили себя на поприщѣ искуствъ, науки, или военномъ дѣлѣ, не прозябали 18 или 20 лѣтъ въ публичномъ заведеніи, и не должны быть смѣшиваемы съ тѣми, которыя провели въ нихъ свое дѣтство, или свою юность. Они получили обыкновенное воспитаніе, и потому-то именно не должно смѣшивать ихъ съ несчастно-рожденными, ибо это воспитаніе даровало имъ тѣ же выгоды, какія вообще получаютъ отъ сего обыкновеннаго семейнаго воспитанія. Замѣчаютъ, что сіи дѣти, будучи поставлены на землѣ въ одиночествѣ, лишены совѣтовъ и примѣра отца и матери, и что все нравственное ихъ бытіе не укрѣпляется и не освѣщается теплымъ, одуше-

вляющимъ желаніемъ ихъ утѣшить, сохранить честь семейства, и проч. и проч. Все это справедливо, но пособить сему было бы легко, если бъ отбросили систему держать ихъ вмѣстѣ, во множествѣ, до совершеннолѣтія, въ заведеніяхъ. Тамъ, лишенные совершенно семейнаго воспитанія, несчастно-рожденные получаютъ мертвое образованіе, не могущее принести никакого плода. Если можно себѣ представить коммунизмъ, или филанстерію, въ пеленкахъ осуществленными, то это именно начиная съ груднаго отдѣленія Воспитательныхъ Домовъ. Въ семействѣ землепашца, или ремесленника, дѣти начинаютъ быть полезными съ 7 или 8-лѣтняго возраста; они мало по малу радушно пріучаются къ труду и взаимной помощи; сами ищутъ случая оказывать услуги по своимъ силамъ, и радость ихъ обнаруживается по мѣрѣ развитія ихъ способностей. Такимъ образомъ, опытъ самъ научаетъ ихъ понимать, что отъ взаимныхъ нуждъ возникаютъ взаимныя услуги. Такимъ образомъ развиваются въ ихъ сердцахъ зародыши общественныхъ добродѣтелей и плодотворнѣйшія чувства человѣческой природы. Съ этимъ способомъ образованія, безсознательно ими получаемаго отъ лицъ, о томъ не разсуждающихъ и того даже не подозрѣвающихъ, обязанности, которыя семейство на нихъ скоро возложитъ на какомъ бы ни было основаніи, нечувствительно превратятся въ пріятную привычку и исполненіе оныхъ не потребуетъ отъ нихъ большихъ усилій.

Дѣло производится совершенно иначе въ человѣколюбивомъ заведеніи: тамъ все подчинено командѣ, и одинъ лишь страхъ побуждаетъ къ повиновенію; ничего не оставляется на произволъ доброй воли. Тамъ вы не увидите, чтобы дитя размѣнялось услугами, и спрашивается, гдѣ бы и представился ему на то случай? Онъ не получитъ тамъ ни одного практическаго урока во взаимномъ, добромъ вспоможеніи, потому что тѣ, кои о немъ заботятся и которымъ они повинуются, дѣйствуя сами, въ слѣдствіе обязанности исполненія регламента заведенія, теряютъ въ его глазахъ все достоинство и цѣну, которыя сіи же лица имѣли бы въ семейственномъ кругу, гдѣ бы они дѣйствовали по внушенію собственнаго сердца.

Да, въ одномъ только семействѣ можетъ быть подготовлено развитіе наклонности чувствъ и мыслей, которыя должны въ послѣдствіи руководствовать дитятей, достигшимъ совершеннолѣтія. Одинъ лишь примѣръ главы семейства, въ потѣ лица своего работающаго,

чтобъ прокормить свою жену и своихъ дѣтей, и доставляющаго имъ довольно по мѣрѣ своихъ трудовъ, можетъ показать симъ послѣднимъ ихъ настоящее значеніе на землѣ. Они съ юныхъ лѣтъ вникаютъ въ трудности жизни и познаютъ всѣ ея бѣдствія. Этотъ способъ образованія совершается безсознательно ежедневно и ежеминутно; пріобрѣтается оно равно какъ у сосѣдей, такъ и въ томъ домѣ или избѣ, гдѣ дитя находится. Требовать же, чтобы у всѣхъ все происходило сознательно, значило бы слишкомъ много требовать, или, смотря по странѣ, требовать слишкомъ рано. Дитя, возросшее въ человѣколюбивомъ заведеніи, не можетъ ни получить, ни чувствовать сего рода безсознательнаго, всякому необходимаго, нравственнаго образованія. Изустныя наставленія оставляютъ лишь бѣглые слѣды, не производящіе никакого дѣйствія, не будучи подтверждены примѣромъ; самые учители, поставщики образованія, обезпечены независимо отъ мѣры добросовѣстности въ исполненіи ихъ обязанности. Самые воспитанники не чувствуютъ никогда никакихъ нуждъ, опытъ не научаетъ ихъ оцѣнивать трудъ, они не знаютъ цѣны деньгамъ, и помощь сбереженія имъ неизвѣстна.

Міръ, въ которомъ они живутъ, даетъ имъ ложное понятіе о дѣйствительномъ мірѣ, и мечты исчезаютъ по мѣрѣ знакомства ихъ съ дѣйствительностью: тогда суетное тщеславіе, возбужденное въ нихъ понятіемъ о свободномъ состояніи, навлекаетъ на нихъ большею частію отъ тѣхъ, у кого они находятся, одно презрительное и суровое обращеніе. Нѐпредвидѣнныя обстоятельства останавляютъ ихъ на каждомъ шагу, мужество ихъ ослабѣваетъ болѣе и болѣе и, ослабѣвши, не находя между тѣмъ ни родителей, ни друзей, способныхъ и готовыхъ дать имъ должное направленіе, они употребляютъ во зло свою независимость, вскорѣ предаются разврату и бѣдственно кончаютъ жизнь, которую могли бы провести честно и счастливо, если бы они получили семейное воспитаніе. Я убѣжденъ въ томъ, что если ни въ одной странѣ, гдѣ воспитаніе несчастно-рожденныхъ дѣтей совершается въ заведеніяхъ, ихъ призрѣвшихъ, дѣти сіи не удаются, то именно въ слѣдствіе отсутствія семейнаго воспитанія. Въ Англіи никакое дитя, по мѣрѣ возможности, не содержится въ заведеніи долѣе того восраста, когда слѣдуетъ отдать въ ученье. Но именно тамъ-то оно и получаетъ семейное воспитаніе: послѣдствія этой системы таковы, что изъ 252 человѣкъ, помѣ-

щенныхъ въ 1800 году изъ Лондонскаго Воспитательнаго Дома въ работники, прислужники и проч., 15 только не удались, по выраженію рапорта, изъ коего заимствованъ сей фактъ; 21 имѣли нужду въ укрѣпленіи въ нихъ началъ добраго поведенія, а 216 оказались прекраснаго поведенія.

Это разсужденіе отвлекло насъ отъ разсказа, но для уясненія нашего предмета необходимо было отдать отчетъ въ причинахъ, которымъ должно приписать совершенную неудачу, поразившую учрежденіе чувствительнаго филантропа и великаго государственнаго мужа, неудачу, которой подвергаются всѣ тѣ заведенія для несчастно рожденныхъ, гдѣ воспитаніе ихъ продолжается до совершеннолѣтняго возраста.

Изложивши исторію Императорскаго Воспитательнаго Дома отъ времени его основанія, 1770 до 1797 года, перейдемъ теперь къ обзору его состоянія подъ Высочайшимъ покровительствомъ Императрицы, Маріи Θеодоровны.

II

ПОДЪ ПОКРОВИТЕЛЬСТВОМЪ ИМПЕРАТРИЦЫ МАРІИ ΘЕОДОРОВНЫ.

О ВРЕМЕНИ УЧРЕЖДЕНІЯ РОДИЛЬНАГО ГОШПИТАЛЯ ПРИ ИМПЕРАТОРСКОМЪ МОСКОВСКОМЪ ВОСПИТАТЕЛЬНОМЪ ДОМѢ.

Учрежденіе Родильнаго Гошпиталя при Воспитательномъ Домѣ современно самому основанію онаго, ибо извѣстный необыкновенными заслугами своими отечеству, обезсмертившій память свою въ лѣтописяхъ человѣколюбія и благотворительности, Иванъ Ивановичъ Бецкій, въ сочиненномъ имъ и Высочайше конфирмованномъ и обнародованномъ въ 1 день Сентября, 1763 года, Генеральномъ планѣ того Дома, испросилъ Всемилостивѣйшее соизволеніе на учрежденіе приономъ, по примѣру видѣнныхъ имъ, во время путешествія его по Европѣ, во Франціи, Германіи и Италіи, и особливо по примѣру Ліонскаго и Гессенъ-Кассельскаго Гошпиталей для бѣдныхъ

родильницъ, подобнаго благодѣтельнаго учрежденія при Московскомъ Воспитательномъ Домѣ, которое съ 21 Апрѣля, 1764 года, положило начало человѣколюбивымъ и спасительнымъ своимъ дѣйствіямъ.

О ПЕРВЫХЪ ПРАВИЛАХЪ ПРІЕМА.

Первыя правила пріема бѣдныхъ родильницъ заключаются въ Высочайше конфирмованномъ, въ 1763 году, Генеральномъ планѣ Воспитательнаго Дома, по содержанію коего, для сильнѣйшаго избавленія невинныхъ младенцевъ отъ погибели и для полученія тѣмъ большей пользы Государству отъ Воспитательнаго Дома, въ учрежденный при ономъ особливый Гошпиталь для бѣдныхъ родильницъ, повелѣно всякихъ приходящихъ беременныхъ женщинъ для разрѣшенія отъ бремени, приворотнику тотчасъ принимать, ни о чемъ не спрашивая, какъ днемъ, такъ и ночью, и тотъ же часъ отводить въ залу къ повивальнымъ бабкамъ; во всю ихъ бытность въ ономъ Гошпиталѣ отнюдь недозволено спрашивать, кто онѣ таковы и откуда. Естьли которая не хочетъ и лица своего показать, оное ей дозволяется во все время, да и въ прочемъ всѣ обстоятельства оныхъ женщинъ свято сохранять въ тайности. Какъ дня разрѣшенія беременной женщины точно узнать не можно, то каждой изъ нихъ дозволялось пробыть въ семъ Гошпиталѣ недѣлю до родинъ, да двѣ недѣли послѣ родинъ, развѣ какой чрезвычайный случай больше того времени потребовалъ бы. Но чтобъ нѣкоторыя не могли симъ учрежденіемъ пользоваться, приходя задолго до надлежащаго времени къ разрѣшенію, то прежде всего опредѣленнымъ къ сему повивальнымъ бабкамъ вмѣнено въ обязанность осматривать всѣхъ приходящихъ для сего женщинъ, и ежели усмотрятъ, что время къ ихъ разрѣшенію еще не пришло, то таковымъ позволялось отказывать и велѣть около того времени приходить, когда, по разсужденію ихъ, разрѣшенію быть должно.

О СПОСОБАХЪ ПРИЗРѢНІЯ И СОДЕРЖАНІЯ.

Способы призрѣнія и содержанія по Родильному Гошпиталю заключаются въ ежедневномъ отпускѣ суммъ, потребныхъ для сего, изъ общихъ доходовъ Воспитательнаго Дома, независимо отъ коихъ на сей предметъ получаются проценты съ 21,286 р. 23 к., завѣщанныхъ, какъ даръ, въ вѣчную собственность Родильному Гошпиталю для замужнихъ женщинъ, Августѣйшею основательницею его, въ

Бозѣ почивающею Государынею Императрицею, Маріею Ѳеодоровною, предоставившею равномѣрно изъ Ея Величества суммъ платить ежегодно по 228 р. 57 к. серебромъ за занимаемое онымъ помѣщеніе; сіи послѣднія деньги получаются по кончинѣ Ея Императорскаго Величества изъ Московскаго Уѣзднаго Казначейства.

О СОСТОЯНІИ ЗАВЕДЕНІЯ ВО ВСѢХЪ ОТНОШЕНІЯХЪ.

Состояніе заведенія въ 1843 году заключается во всемъ объемѣ въ изложенныхъ ниже сего свѣдѣніяхъ въ статьѣ: О настоящемъ состояніи заведенія. Въ дополненіе къ онымъ, здѣсь, по приличію, должно только упомянуть, что въ теченіи 1843 года поступившихъ для разрѣшенія отъ бремени было, въ Секретно-родильномъ Гошпиталѣ: 1255 и въ Законно-родильномъ 74, изъ числа коихъ померло: въ первомъ 38, а въ послѣднемъ 2; остальныя всѣ благополучно разрѣшились отъ бремени.

Истинно благодѣтельное заведеніе сіе, въ послѣднее время его существованія, годъ отъ году улучшаясь во всѣхъ частяхъ, въ 1843 году, во вновь устроенномъ для него помѣщеніи, доведено до желаемаго совершенства.

О НАСТОЯЩЕМЪ СОСТОЯНІИ ЗАВЕДЕНІЯ.

При настоящемъ состояніи заведенія, заключающаго въ себѣ Секретно и Законно-родильный Гошпитали, оное помѣщается въ совершенно отдѣльномъ зданіи, въ домѣ бывшемъ Семеновой, гдѣ и Повивальный Институтъ. Секретно-родильный Гошпиталь находится въ главномъ корпусѣ, въ коемъ 47 кроватей въ бель-этажѣ и 10 особенно отдѣльныхъ комнатъ, въ каждой по одной кровати, съ соотвѣтствующею цѣли меблировкою, для особенно секретныхъ родильницъ, въ верхнемъ этажѣ, и того 57 кроватей; въ нижнемъ этажѣ двѣ комнаты, въ каждой по двѣ кровати, для больныхъ родильницъ, и одна большая комната съ 12 кроватями, для беременныхъ; въ другой половинѣ помѣщаются швейцаръ и прочая прислуга. Въ этомъ же корпусѣ находится старшая бабка и три ея помощницы; при Секретно-родильномъ Гошпиталѣ 19 казенныхъ и вольнонаемныхъ нянекъ.

Законно-родильный Гошпиталь помѣщенъ во флигелѣ съ правой стороны; въ немъ 10 кроватей въ разныхъ комнатахъ; внизу особенная комната для бабки Гошпиталя и комнаты для трехъ дежурныхъ. При семъ Гошпиталѣ состоятъ 3 няньки и 1 прачка. За помѣщеніе, занимаемое симъ Гошпиталемъ, получается ежегодно изъ Уѣзднаго Казначейства по 228 р. 57 к. серебромъ, которыя до кончины въ Бозѣ почивающей Государыни Императрицы, Маріи Ѳеодоровны, получались изъ собственныхъ Ея Императорскаго Величества суммъ; на прочіе же расходы по оному употребляются проценты съ особаго капитала, въ Сохранной Казнѣ обращающагося, а при недостаткѣ оныхъ, изъ общихъ Воспитательнаго Дома доходовъ. На основаніи существующихъ узаконеній совершается пріемъ и содержаніе родильницъ. При Гошпиталяхъ вообще состоятъ: Директоръ Повивальнаго Института, онъ же и Акушеръ, Ординаторъ, и старшая повивальная бабка съ тремя помощницами.

ОБЪ ОБЩЕМЪ ЧИСЛѢ ПРИЗРѢННЫХЪ ОТЪ УЧРЕЖДЕНІЯ ЗАВЕДЕНІЯ.

Общаго числа призрѣнныхъ съ учрежденія заведенія, за утратою въ 1812 году книгъ, журналовъ и другихъ бумагъ, съ точностію означить невозможно; изъ собранныхъ же по Крестовому отдѣленію справокъ оказалось, что изъ Секретно-родильнаго Гошпиталя поступило въ Воспитательный домъ съ 1764 года по 1801 годъ 8115 младенцевъ. Съ того же 1801 по 1845 годъ призрѣно онымъ 32,217, а Законно-родильнымъ съ 1805 по 1845 годъ 1163; всего же призрѣно съ того времени обоими Гошпиталями 33,380 беременныхъ женщинъ.

ОБЪ ОБЩЕМЪ ЧИСЛѢ ВЫЗДОРОВѢВШИХЪ.

Общее число выздоровѣвшихъ съ 1801 по 1843 годъ по Секретно-родильному Гошпиталю заключаетъ въ себѣ 32,214, а по Законно-родильному съ 1805 года по 1845—1,163, а всего 33,377 родильницъ.

ОБЪ ОБЩЕМЪ ЧИСЛѢ УМЕРШИХЪ.

Общее число умершихъ съ вышеписаннаго же срока по 1845 годъ состоитъ изъ 372 родильницъ по Секретному Гошпиталю, и изъ 30 по Законно-родильному, а всего изъ 402 родильницъ.

О ВРЕМЕНИ, ОБСТОЯТЕЛЬСТВАХЪ И ЦѢЛИ УЧРЕЖДЕНІЯ ИНСТИТУТА.

Хотя съ самаго учрежденія Воспитательнаго Дома, при Родильномъ Гошпиталѣ онаго находились уже повивальными бабками выписанныя нарочно для сего иностранки, но какъ по весьма ограниченному числу ихъ, при увеличивавшемся день отъ дня приносѣ несчастно-рожденныхъ младенцевъ и значительному поступленію въ Родильный Гошпиталь, для разрѣшенія беременныхъ женщинъ, они не были въ состояніи своевременно и съ желаемымъ успѣхомъ подавать скорую и надежную помощь страждущему человѣчеству, то бѣдственные случаи весьма не рѣдко сопровождали появленіе на свѣтъ невинныхъ младенцевъ и разрѣшеніе несчастныхъ ихъ матерей. Въ предотвращеніе сего, въ 1800 году, въ Бозѣ почивающая Государыни Императрица, Марія Θеодоровна, Вѣнценосная начальница Воспитательныхъ Домовъ, внушенную ей человѣколюбіемъ и материнскимъ милосердіемъ благодѣтельную мысль объ учрежденіи Повивальнаго училища при Воспитательномъ Домѣ передала Главному Попечителю онаго, Дѣйствительному Тайному Совѣтнику Маслову, который составленный имъ по сему предмету планъ всеподданнѣйше поднесъ на Высочайшее Ея Императорскаго Величества утвержденіе, послѣдовавшее въ 6 день Ноября, того же 1800 года, при чемъ извѣстный Докторъ и Профессоръ Повивальнаго искуства, Рихтеръ, назначенъ былъ Директоромъ училища, названнаго, въ проектѣ его объ учрежденіи онаго, Повивальнымъ Институтомъ, цѣлью коего предполагалось снабженіе какъ Столицы, такъ преимущественно всѣхъ вообще губерній, и въ особенности отдаленнѣйшихъ предѣловъ Россіи, опытными, искусными и образованными повивальными бабками.

О ПЕРВОНАЧАЛЬНОМЪ ПОМѢЩЕНІИ И УСТРОЙСТВѢ.

Для первоначальнаго помѣщенія Повивальнаго Института при Воспитательномъ Домѣ назначены были комнаты въ примыкающемъ къ оному съ главнаго въѣзда двухъ-этажномъ флигелѣ при находящемся уже тамъ Родильномъ Гошпиталѣ и Крестовой палатѣ, по выходѣ сей послѣдней въ квадратъ, въ перестройкѣ коихъ, для предполагавшагося назначенія, Ея Императорское Величество, въ Высочайшемъ повелѣніи, отъ 6 Ноября, того 1800 года, на имя Главнаго Попечителя, Маслова, послѣдовавшемъ, изволила объявить Всемилостивѣйшее желаніе способствовать, равно какъ и въ покупкѣ

необходимыхъ для учреждаемаго Института книгъ и инструментовъ. По предмету первоначальнаго устройства заведенія, первому Директору онаго, Доктору Рихтеру, отъ Главнаго Попечителя, Маслова, въ 1801 году дана была инструкція, по содержанію которой воспитанницы, учащіяся въ Институтѣ, и постороннія ученицы пользовались всѣ, въ свою очередь, ученіемъ; но первыя, для коихъ особенно, по Высочайшей Ея Императорскаго Величества милости, учреждено сіе училище, всегда были и первымъ предметомъ онаго, а потому и во всѣхъ теоретическихъ и практическихъ преподаваемыхъ ученіяхъ совершенно ограждены и удалены были отъ всякаго совмѣстничества съ посторонними, дабы чрезъ то сохранено было посѣянное въ нихъ благонравіе, неиспорченность сердца и образъ благочестивой жизни.

Какъ скоро воспитанницы въ теоретическомъ своемъ ученіи повивальнаго искуства приближались къ тому, что уже имъ нужно было практическое показаніе и усовершенствованіе, то учреждалось изъ нихъ дежурство, въ продолженіи коего онѣ каждодневно въ Родильномъ Гошпиталѣ были подъ найстрожайшимъ надзоромъ бабки, и въ удаленіи отъ постороннихъ ученицъ, которыя были во время только преподаванія лекцій въ Институтѣ, по окончаніи коихъ, въ виду Директора, выходили изъ Института, и болѣе ни въ какое туда обращеніе и совмѣстничество не возвращались. Сіи постороннія ученицы дежурства въ Родильномъ Гошпиталѣ совсѣмъ не имѣли, практическимъ же въ ономъ показаніемъ къ усовершенствованію пользовались только тогда, когда Директоромъ къ оному приглашены были, и по окончаніи нужнаго имъ отъ него показанія, особенно же при каковыхъ либо трудныхъ родахъ, такъ же, какъ выше сказано, въ виду его, Директора, выходили изъ Гошпиталя и оставляли Воспитательный Домъ, впредь до того времени, какъ имъ опять назначаемо было Директоромъ собраніе.

Въ день же прибытія стороннихъ ученицъ на лекціи, оныя собирались въ классъ; воспитанницы же до самаго пріѣзда Директора, а въ отсутствіе его, по какому либо случаю, до прибытія Профессора, оставались въ своемъ отдѣленіи подъ присмотромъ Инспектрисы; по пріѣздѣ же Директора, или Профессора, входили въ классъ вмѣстѣ съ своею Инспектрисою, которая во все время лекцій была съ ними неразлучно.

ОБЪ ОСНОВНЫХЪ СПОСОБАХЪ СУЩЕСТВОВАНІЯ.

Основные способы существованія Повивальнаго Института, кромѣ Всемилостивѣйше пожалованной отъ щедротъ Вѣнценосной основательницы онаго, при самомъ учрежденіи его въ 1800 году, на первоначальное устройство нѣкоторой суммы, на покупку книгъ и другихъ учебныхъ пособій, заключаются вообще въ отпускаемыхъ на содержаніе онаго ежегодно, по примѣрнымъ исчисленіямъ, суммахъ изъ общихъ доходовъ Воспитательнаго Дома, по примѣру прочихъ воспитательныхъ и человѣколюбивыхъ заведеній, въ вѣдомствѣ и покровительствѣ его состоящихъ и составляющихъ разнообразныя отрасли обширнаго круга благодѣтельныхъ его дѣйствій.

О ПЕРВОНАЧАЛЬНОМЪ КОМПЛЕКТѢ ВОСПИТАННИЦЪ.

Для первоначальнаго комплекта воспитанницъ Повивальнаго Института, по Высочайше апробованному, въ 20 день Декабря, 1800 года, Всеподданнѣйшему докладу Опекунскаго Совѣта, избрано было онымъ, по указанію Директора Института, изъ числа питомицъ Воспитательнаго Дома, десять воспитанницъ, изъ коихъ одна имѣла отъ роду 14, четыре 15, три 17 и двѣ 19 лѣтъ, хотя по плану того Института поступающія туда воспитанницы должны быть вообще не моложе 16 лѣтъ.

О ПЕРВОНАЧАЛЬНОМЪ ОБУЧЕНІИ ИХЪ И ПРАВАХЪ ПРИ ВЫПУСКѢ.

Первоначальное обученіе воспитанницъ Повивальнаго Института, съ учрежденія онаго, производилось на нижеслѣдующемъ основаніи.

Первый трехгодичный курсъ ученія, изъ шести полугодичныхъ состоявшій, начатъ съ 1 Генваря, 1801 года, и оконченъ былъ 21 Декабря, 1803 года, первымъ публичнымъ экзаменомъ, сопровождавшимся выпускомъ семи питомицъ въ званіе повивальныхъ бабокъ. Въ теченіе сихъ шести полугодичныхъ курсовъ занятія и ученіе воспитанницъ заключалось въ слѣдующемъ: въ первый полугодичный курсъ занимались онѣ теоретическимъ ученіемъ повивальнаго искуства по руководству, сочиненному Директоромъ Рихтеромъ собственно для того Института. Для вящшей же пользы и успѣховъ воспитанницъ, дабы ему съ ними однѣми заниматься во время ученія, онъ почелъ за нужное въ сей первый полугодичный

курсъ не пользоваться вовсе Всемилостивѣйшимъ позволеніемъ Ея Императорскаго Величества, быть при его лекціяхъ и постороннимъ ученицамъ повивальнаго искуства. Во второй полугодичный курсъ воспитанницы, выслушавъ теорію родовспомогательной науки, допущены были уже и къ дежурству въ Родильномъ Гошпиталѣ; для вящшихъ же успѣховъ и пользы воспитанницъ постороннія ученицы и въ сіе полугодичное время не были допущены къ лекціямъ, но по прежнему обучались у Доктора на дому. Въ третій полугодичный курсъ, когда уже воспитанницы довольно утвердились въ теоріи повивальнаго искуства, то допущены были къ лекціямъ и постороннія ученицы.

Впрочемъ, воспитанницы не прежде вступали изъ отдѣленія въ учебную залу, какъ по прибытіи туда Директора, и равнымъ образомъ постороннія ученицы, тотчасъ по окончаніи лекцій, ни мало не мѣшкая, въ его же присутствіи выходили всегда изъ учебной залы, оставляя тамъ однихъ воспитанницъ. Въ четвертый полугодичный курсъ соблюденъ былъ тотъ же порядокъ ученія, съ тою только разностію, что лекціи преподаваемы были воспитанницамъ уже на одномъ только Нѣмецкомъ языкѣ. Въ сіе время нѣкоторыя изъ нихъ имѣли уже случай оказать въ Гошпиталѣ пособіе въ самыхъ сверхъестественныхъ родахъ. Въ пятой полугодичный курсъ, въ дополненіе къ прежде пройденному, объяснена была воспитанницамъ исторія повивальнаго искуства, отъ первоначальнаго основанія его до новѣйшихъ временъ, при чемъ, во первыхъ, упомянуто имъ о лучшихъ сочинителяхъ и сочиненіяхъ, касающихся до повивальнаго искуства на Нѣмецкомъ языкѣ, а во вторыхъ, дабы воспитанницы могли возымѣть яснѣйшее понятіе о болѣзненныхъ перемѣнахъ, свойственныхъ, въ особенности, женскому полу, то не только показаны имъ были: строеніе всего человѣческаго тѣла въ наилучшихъ анатомическихъ картинахъ и польза каждой части, но то же самое дано было имъ видѣть подробно и въ самой натурѣ на тѣлѣ младенца. Въ шестой и послѣдній полугодичный курсъ, дабы точнѣе видѣть успѣхи каждой воспитанницы и по практической части, Директоръ, пріѣзжая въ Институтъ, при случившихся въ Гошпиталѣ родахъ, заставлялъ воспитанницъ не только при себѣ оканчивать ихъ по правиламъ искуства, во всякомъ родѣ положеній, но такъ же старался внушить имъ, какія правила предосторожности и

начальство Воспитательнаго Дома, слѣдуя примѣру Августѣйшей путеводительницы своей на поприщѣ благотвореній, и озабочиваясь обезпеченіемъ и улучшеніемъ участи таковыхъ воспитанницъ исходатайствовало Всемилостивѣйшее Его Императорскаго Величества соизволеніе на производеніе каждой изъ нихъ, въ видѣ пособія, отъ Воспитательнаго Дома, въ первые три года службы, которую онѣ обязаны продолжать не менѣе 6 лѣтъ, ежегодно по 150 рублей.

ОБЪ ОБЩЕМЪ ЧИСЛѢ ЧИСЛѢ ВЫПУСКОВЪ ОТЪ УЧРЕЖДЕНІЯ ИНСТИТУТА ПО НАСТОЯЩЕЕ ВРЕМЯ.

Съ начала учрежденія Повивальнаго Института, отъ 1-го въ 1803 году выпуска по настоящее время, общее число выпусковъ воспитанницъ въ званіе повивальныхъ бабокъ составляетъ 24.

ОБЪ ОБЩЕМЪ ЧИСЛѢ ВЫПУЩЕННЫХЪ ВОСПИТАННИЦЪ.

Съ перваго въ 1803 году выпуска воспитанницъ изъ Института по настоящее время, оныхъ выпущено 252 повивальныя бабки, изъ коихъ въ первые 14 выпусковъ 78, а въ послѣдніе 10-ть 174 воспитанницы.

Списокъ кончившихъ курсъ ученія и выпущенныхъ воспитанницъ повивальнаго Института съ 1803 года по 1844.

Въ 1803	г., Декабря 21 дня, выпущено	7.
1804	» » » »	3.
1806	» » « »	6.
1807	» » » »	4.
1809	» » » »	5.
1810	» » » »	4.
1813	» » » »	7.
1814	» » » »	4.
1816	» » » »	6.
1817	» » » »	4.
1819	» » » »	6.
1820	» » » »	6.
1823	» » » »	8.
1826	» » » »	8.
1927	» » » »	10.
1829	» » » »	11.

1830	»	»	»	»		11.
1831	»	»	»	»		11.
1832	»	»	»	»		18.
1833	»	»	»	»		17.
1834	»	»	»	»		28.
1836	»	»	»	»		20.
1838	»	»	»	»		28.
1841	»	»	»	»		20.
					И того	252.

Въ семъ же 1842 году Высочайше дозволено обучаться вольноприходящимъ слушательницамъ свободнаго состоянія: таковыхъ поступило 40. Два раза въ недѣлю, т. е., въ среду и субботу имъ читаются лекціи.

О ЗНАЧЕНІИ ИНСТИТУТА.

Съ 1843 года въ одномъ изъ флигелей Повивальнаго Института, находятся въ верхнемъ этажѣ воспитанницы-акушерки, числомъ 37. Зданіе раздѣлено коридоромъ: на одной сторонѣ его дортуары, на другой рекреаціонная зала, она же и рукодѣльная комната, внизу классъ, гдѣ такъ же помѣщаются шкафы съ библіотекою, сухими и спиртными препаратами, фантомъ и прочія учебныя вещи; въ другой противоположной сторонѣ столовая, по бокамъ корпуса въ низу и въ верху помѣщаются двѣ старшихъ и двѣ младшихъ, всего четыре, надзирательницы; при семъ Институтѣ 6 казенныхъ и вольныхъ нянекъ, 1 швейцаръ, 1 его помощникъ и 4 работника. Вольныхъ слушательницъ, посѣщающихъ, съ Высочайшаго соизволенія, Повивальный Институтъ, для изученія повивальному искуству, полный комплектъ 40, изъ числа коихъ въ 1844 году выпущено 22 вольнослушательницы повивальными бабками; на мѣсто ихъ поступили новыя; онѣ слушаютъ лекціи два раза въ недѣлю: по средамъ и по субботамъ, въ такіе дни, когда для воспитанницъ не бываетъ лекцій, въ утренніе часы. При семъ заведеніи состоитъ Директоръ (Г. Рихтеръ) и въ помощь ему въ Родильныхъ Гошпиталяхъ Ординаторъ (Г. Самсонъ), 2 Профессора (Гг. Кораблевъ и Кильдюшевскій); каждый изъ нихъ три раза читаетъ лекціи, два дни воспитанницамъ и одинъ день вольноприходящимъ слушательницамъ; 1 Репетиторъ (Г. Ставровскій), который, кромѣ ежедневныхъ повтореній и объясненій воспитанницамъ и вольноприходя-

щимъ того, что было преподано Гг. Профессорами, завѣдываетъ еще библіотекою и препаратами. Учитель Нѣмецкаго языка (Г. Гофманъ) три раза въ недѣлю, въ послѣобѣденные часы, преподаетъ воспитанницамъ Нѣмецкій языкъ, а Законоучитель, Священникъ Дома, одинъ разъ въ недѣлю преподаетъ Законъ Божій.

ОБЗОРЪ РАЗРѢШИВШИХСЯ И УМЕРШИХЪ ВЪ СЕКРЕТНО-РОДИЛЬНОМЪ ГОШПИТАЛѢ СЪ 1801 ПО 1843 ГОДЪ.

Годъ.	Число разрѣшившихся.	Число умершихъ.				
			ВЪ ЗАКОННО-РОДИЛЬНОМЪ ГОШПИТАЛѢ съ 22 Іюля 1805 по 1 Генв. 1843.			
				Годъ.	Разрѣшившихся.	Умершихъ.
1801	412	2				
1802	447	0				
1803	394	5				
1804	429	8				
1805	432	0		1805	5	0
1806	457	3		1806	20	1
1807	425	2		1807	30	0
1808	461	2		1808	37	1
1809	475	1		1809	28	0
1810	524	1		1810	32	0
въ 10 лѣтъ	4456	24		5 лѣтъ 6 мѣсяцевъ	152	2
1811	508	0		1811	31	0
1812	421	1		1812	36	0
1813	344	0		1813	17	0
1814	557	1		1814	21	0
1815	681	3		1815	12	0
1816	756	0		1816	20	0
1817	757	4		1817	14	0
1818	780	5		1818	10	0
1819	720	3		1819	10	0
1820	574	6		1820	10	0
въ 10 лѣтъ	6098	23		въ 10 лѣтъ	181	0
1821	569	4		1821	13	0
1822	577	5		1822	11	0

ОБЗОРЪ РАЗРѢШИВШИХСЯ И УМЕРШИХЪ ВЪ СЕКРЕТНО-РОДИЛЬНОМЪ ГОСПИТАЛѢ СЪ 1081-ГО ГОДА ПО 1843 ГОДЪ.

Годъ.	Число разрѣшившихся.	Число умершихъ.	ВЪ ЗАКОНОРОДИЛЬНОМЪ ГОШПИТАЛѢ съ 22 Іюля 1805 по 1 Ген. 1843.			
				Годъ.	Разрѣшившихся.	Умершихъ.
1823	638	3		1823	12	0
1824	630	2		1824	15	0
1825	638	3		1825	8	0
1826	667	1		1826	25	0
1827	672	2		1827	24	1
1828	691	4		1828	19	0
1829	800	3		1829	27	0
1830	752	13		1830	18	0
въ 10 лѣтъ	6634	40		въ 10 лѣтъ	172	1
1831	743	11		1831	31	2
1832	844	11		1832	27	3
1833	1013	19		1833	33	3
1834	987	25		1834	40	2
1835	883	14		1835	35	1
1836	1035	17		1836	38	1
1837	1129	16		1837	35	0
1838	1164	8		1838	46	0
1839	1217	19		1839	43	2
1840	1097	38		1840	40	2
въ 10 лѣтъ:	10112	178		въ 10 лѣтъ	368	16
А въ 40 лѣтъ	27,300	265		въ 35 лѣт. и 5 мѣсяц.	873	19
1841	1001	21		1841	54	1
1842	1186	30		1842	74	5
въ 2 года	2187	51		въ 2 года	128	6
Въ 42 года	29.487	316		Въ 42 года	1001	25

Въ Секретно-родильномъ Гошпиталѣ разрѣшившихся въ 1843 году было . . . . 1255 женщинъ.
Померло 36.

Въ Законно-родильномъ Гошпиталѣ разрѣшившихся въ 1843 году было . . . . 74.
Померло 2.

О ЗНАЧЕНІИ ИНСТИТУТА ОТНОСИТЕЛЬНО ДОСТАВЛЯЕМОЙ ИМЪ ОБЩЕСТВЕННОЙ ПОЛЬЗЫ.

Значеніе учрежденнаго при Московскомъ Воспитательномъ Домѣ Повивальнаго Института, относительно доставляемой имъ общественной пользы, тѣсно соединялось съ благодѣтельною и спасительною мыслію—облегченія тяжкихъ страданій, весьма часто въ критическія минуты боренія между жизнію и смертію, ставитъ его на высокую чреду лѣствицы государственнаго благоустройства, въ главѣ богоугодныхъ и человѣколюбивыхъ заведеній. Институтъ, выпуская опытныхъ и образованныхъ повивальныхъ бабокъ, снабжаетъ ими не только губерніи и уѣздные города Европейской Россіи, но и самые отдаленнѣйшіе предѣлы Сибири, разливая такимъ образомъ повсюду благотворный свѣтъ науки на помощь страждущему человѣчеству.

III

ПО УПРАВЛЕНІЮ ГРУДНЫМИ ОТДѢЛЕНІЯМИ.

О ВРЕМЕНИ УЧРЕЖДЕНІЯ ОТДѢЛЕНІЙ.

Первоначальное учрежденіе при Воспитательномъ Домѣ особаго помѣщенія для приносимыхъ новорожденныхъ младенцевъ, извѣстнаго въ позднѣйшее время подъ названіемъ Грудныхъ отдѣленій, восходитъ къ самому первому году восьмидесятилѣтняго существованія Дома, ибо въ Высочайше конфирмованномъ и обнародованномъ въ 1 день Сентября, 1763 года, планѣ, составленномъ безсмертнымъ основателемъ сего благодѣтельнаго учрежденія, Иваномъ Ивановичемъ Бецкимъ, вторая глава 1-й части исключительно посвящена

правиламъ, для пріема и воспитанія грудныхъ младенцевъ предписаннымъ; въ послѣдующихъ за тѣмъ двухъ частяхъ того плана изложены со всею подробностію, сообразныя требованіямъ и духу того времени, наставленія, которыя въ послѣдствіи опытъ и стремленіе къ совершенству во многомъ измѣнить долженствовали. Въ Бозѣ почивающая Государыня Императрица, Марія Ѳеодоровна, вѣнценосная благотворительница Воспитательныхъ Домовъ, благоволившая принять оныя въ 1797 году подъ высокое покровительство и материнское попеченіе, съ неусыпною заботливостію изыскивая надежныя средства къ сохраненію жизни и здоровья несчастно-рожденныхъ младенцевъ, отъ дня рожденія до 6 лѣтъ, Высочайшими повелѣніями, отъ 29 Ноября, 1798, и 20 Генваря, 1799 года, предписала для нихъ учредить при Воспитательномъ Домѣ Кормиличное отдѣленіе, или 1-е отдѣленіе дѣтей, называвшееся потомъ просто первымъ возрастомъ, въ которое, на основаніи собственноручнаго рѣшенія Ея Величества на докладѣ Санктпетербургскаго Опекунскаго Совѣта, отъ 24 Декабря, 1800 года, должны были поступать только тѣ дѣти, которыя до того времени отсылались на воспитаніе по деревнямъ.

ОБЪ ОСНОВНЫХЪ СПОСОБАХЪ СОДЕРЖАНІЯ.

Основными способами содержанія, какъ въ Грудныхъ отдѣленіяхъ воспитываемыхъ младенцевъ, такъ и другаго возраста питомцевъ, должно считать первоначально, при самомъ учрежденіи въ Москвѣ Воспитательнаго Дома, Всемилостивѣйше пожалованные вѣнценосною основательницею его единовременно 100,000 руб., и въ ежегодное подаяніе Дому назначенныя отъ щедротъ Ея Величества по 50,000 рублей, и Августѣйшаго сына Ея, Государя Цесаревича, по 20,000 руб., а равно разныя суммы, въ окладныя и неокладныя подаянія, доброхотными дателями на воспитаніе сиротъ Воспитательному Дому пожертвованныя, проценты съ коихъ онымъ и употреблялись для предположенной цѣли. Содержаніе вышеизложеннаго принять должно въ семъ отношеніи и по прочимъ заведеніямъ Воспитательнаго Дома, въ доставленной программѣ поименованнымъ. Независимо же отъ вышеупомянутыхъ способовъ, въ Бозѣ почивающая Государыня Императрица, Марія Ѳеодоровна, вѣнценосная благотворительница Воспитательныхъ Домовъ, благоволившая, со 2 Мая, 1797 года, принять оные подъ Высокое свое покровительство и

материнское попеченіе, первый даръ на алтарь милосердія и сострадания принесла въ пользу грудныхъ младенцевъ съ самаго перваго дня счастливѣйшаго возрожденія Воспитательныхъ Домовъ подъ главнымъ начальствомъ ея, изъявивъ, во Всемилостивѣйшемъ рескриптѣ Ея Величества, отъ 3 Мая, на имя Главнаго Попечителя тѣхъ Домовъ, Графа Сиверса, милостивое Высочайшее Ея соизволеніе на опредѣленіе ежегодно изъ собственныхъ Ея Императорскаго Величества доходовъ, въ пользу грудныхъ младенцевъ, по 9000 руб.

О ПЕРВЫХЪ ПРАВИЛАХЪ ПРІЕМА.

Первыя правила пріема грудныхъ дѣтей заключаются въ Генеральномъ планѣ Воспитательнаго Дома, по содержанію коихъ родительницы сами, или ихъ повѣренные въ томъ и посторонніе люди мужескаго и женскаго пола, поднимая младенцевъ, могли ихъ приносить въ Воспитательный Домъ, гдѣ оныхъ и принимать немедленно должно было, не спрашивая при томъ у приносящаго, кто онъ таковъ и чьего младенца принесъ, но только дозволялось спросить, незнаетъ ли онъ, крещенъ ли тотъ младенецъ и какъ ему имя; равно если приносящіе сами пожелали бы объявить что ни будь обстоятельнѣе, и оное должно было, у нихъ выслушавъ, въ записку внесть. По удобности каждому можно было таковыхъ младенцевъ приносить ко всѣмъ приходскимъ священникамъ, богадѣльнямъ и къ монастырямъ въ Москвѣ, мужескимъ и женскимъ, ночью, или днемъ, и приворотникамъ вмѣнялось въ обязанность, принимая ихъ, по вышеписанному же, ни о чемъ иномъ не спрашивать, кромѣ крещенія младенцевъ и имени, и относить въ Воспитательный Домъ того жъ часа. гдѣ за всякаго принесеннаго младенца выдавалось за трудъ по два рубля. По принесеніи младенца, главный Надзиратель и Экономъ тотчасъ должны были записать: 1) день, время и полъ; 2) все, что о немъ отъ приносящаго объявлено: 3) все, въ чемъ младенецъ принесенъ, то есть, одежду и проч.; 4) природныя пятна и знаки, естьли какіе на немъ усмотрѣны. Если жъ младенецъ некрещенъ, то священникъ одинъ долженъ былъ всегда крестить женской, а другой всегда мужской полъ. Равномѣрно и тѣ, которые желали быть кумовьями, то были при дѣвочкахъ безъ кума, при мальчикахъ безъ кумы, для избѣжанія духовнаго свойства; имя младенца вносилось въ записку, и притомъ надѣвался на него крестъ съ вырѣзаннымъ номеромъ, подъ коимъ онъ въ книгу записанъ, и напослѣдокъ, по осмотру лѣкарскому,

отсылался въ залу новопринесенныхъ младенцевъ, гдѣ принесенную съ нимъ одежду снявъ и замѣтивъ младенцевымъ номеромъ, полагали на сохраненіе въ особливый магазинъ, выдавая ему новое бѣлье, пеленки и прочее платье изъ магазина главной надзирательницы, послѣ чего отдавался уже младенецъ на руки кормилицы, или няньки; кормилица, у которой своего собственнаго ребенка не было, могла кормить двухъ младенцевъ своею грудью; но какъ такого многаго числа хорошихъ кормилицъ и въ то время весьма трудно было сыскать, то, по недостатку оныхъ, предполагалось способнѣе содержать нянекъ, которыя младенцевъ должны были выкармливать другою приличною пищею; по предписанію, младенцевъ кормилицамъ, или нянькамъ, положено была кормить до двухъ лѣтъ, а послѣ переводить ихъ въ большіе покои и воспитывать вообще съ прочими питомцами.

Если же на содержаніе котораго младенца обоего пола, при принесеніи его и послѣ того, единовременно, или погодно, на особое воспитаніе отъ коего, хотя и неизвѣстнаго, человѣка давались деньги, то по числу оныхъ, по изволенію его, питомецъ тотъ лучше другихъ пищею и одеждою содержанъ и обучаемъ быть долженствовалъ.

О ПЕРВОНАЧАЛЬНОМЪ ПРИЗРѢНІИ, СОДЕРЖАНІИ И РАЗМѢЩЕНІИ ДѢТЕЙ.

Первоначальное призрѣніе, содержаніе и потомъ размѣщеніе изъ Грудныхъ отдѣленій дѣтей, по достиженіи извѣстныхъ лѣтъ, изложены равномѣрно въ самомъ планѣ учрежденія Воспитательнаго Дома, на основаніи постановленій коего, младенцевъ кормили различнымъ образомъ, а именно: кашицею, козьимъ молокомъ и грудью; дѣтямъ, кои начинаютъ ходить, до тѣхъ лѣтъ, когда сами одѣваться могутъ, пищею быть долженствовали предметы изъ царства произрастеній и животныхъ: хлѣбъ изъ хорошей ржаной муки, довольно выпеченный, который дозволялось давать дѣтямъ, когда только ни захотятъ, не дѣлая имъ въ томъ ни запрещенія, ни принужденія, въ предположеніи, что они никогда не просятъ его отъ лакомства, какъ въ прочемъ отъ нихъ случается, и требованіе ихъ означаетъ, что они голодны. Въ такомъ случаѣ, пища сія для укрѣпленія ихъ тѣла весьма потребна. Въ праздничные дни, для перемѣны, давались въ завтракъ и полдень сухарьки изъ хорошей пшеничной муки; въ обѣдъ

и ужинъ готовили, въ мясоѣдъ и постные дни, щи, хорошее мясо, рыбу свѣжую, а иногда просольную, каши разныя, и все по тому обыкновенію, какое въ Государствѣ у мѣщанъ, порядочно живущихъ, наблюдается. Въ обѣдъ и ужинъ дѣти пили воду и квасъ, а въ другое время только одну воду. Отъ того времени, какъ начнутъ дѣти ходить, до шести лѣтъ положено было обувать ихъ въ шерстяные чулки и въ сапоги, сдѣланные по древнему нашему обыкновенію. Въ праздничные дни и по воскресеньямъ дѣти могли имѣть сапоги и башмаки, но въ обыкновенные дни ходили въ котахъ и босикомъ, для привычки и укрѣпленія тѣла. Рубашки были на подобіе чехла, распоротыя спереди и сзади, отъ пояса до низу, камзольчики шерстяные, или бумажные простые, либо простеганные длиною до колѣнъ, безъ пуговицъ, шириною такъ, чтобы съ спереди вдвое сходились; исподнее платье такое же, до задняго пояса распоротое, длиною до половины ноги, дабы нижняя часть въ сапоги вошла, а высотою, какъ женщины юбки носятъ; шапки суконныя, или кожаныя, безъ мѣху; а съ того времени до двѣнадцати лѣтъ, одеждѣ полагалось способнѣе быть Черкесской. Для одѣянія дѣвочкамъ тѣмъ же слѣдовали правиламъ съ того времени, какъ ходить начинаютъ, пока сами одѣваться будутъ; каждому ребенку, мальчику и дѣвочкѣ, какъ скоро въ состояніи сами ходить, полагалось спать на желѣзной, а не на деревянной, кровати; чтобъ избавиться отъ насѣкомыхъ, тюфяки набивались, одинъ сухой ржаной соломой, а другой хорошею и довольно вычесанною шерстью; одѣяло было такое же, равно и подушка.

Каждому ребенку должно было спать на особливой постелѣ, о которой выше упомянуто, что не только способствуетъ здоровью, но и служитъ къ отвращенію многихъ золъ.

Съ тѣхъ поръ, какъ дѣти ходить начинаютъ, до того времени, пока сами одѣваться могутъ, дозволялось имъ спать, по крайней мѣрѣ, до 8 часовъ, стараясь, однако же, пріучать ихъ вставать и рано, на примѣръ, зимою въ 5 часовъ, а лѣтомъ въ 4 часа. По достиженіи же сими дѣтьми такихъ лѣтъ, въ которыя пріобрѣтается уже возможность заниматься первоначальнымъ обученіемъ, они размѣщались въ отдѣленія возрастныхъ питомцевъ, для приготовленія себя къ будущему ихъ, по содержанію плана, назначенію.

О ВАЖНѢЙШИХЪ ПЕРЕМѢНАХЪ.

а. Относительно пріема дѣтей;

б. Призрѣнія, содержанія и размѣщенія оныхъ.

а. Важнѣйшія перемѣны относительно пріема дѣтей, который, впрочемъ, въ сущности происходилъ на основаніи изложенныхъ въ генеральномъ планѣ по сему предмету правилъ, заключаются въ нижеслѣдующихъ постановленіяхъ: По содержанію 8 пункта свѣдѣній Санктпетербургскаго Воспитательнаго Дома, для единообразнаго съ Московскимъ управленія доставленныхъ, по Высочайшему Ея Императорскаго Величества повелѣнію, здѣшнему Опекунскому Совѣту, 21 Октября, 1798 года, разрѣшенъ пріемъ младенцевъ со взносомъ 100 рублей за каждаго, съ тѣмъ, чтобы ребенокъ, называясь пансіонеромъ и не отсылаясь въ деревню, воспитывался въ самомъ Воспитательномъ Домѣ. Круглое сиротство и безпріютное положеніе законнорожденныхъ дѣтей чиновниковъ и разнаго званія лицъ постоянно обращало на себя виды благотворительнаго призрѣнія Воспитательнаго Дома, и въ самые первые годы его существованія, хотя въ Бозѣ почивающая Государыня Императрица, Марія Ѳеодоровна, принимая въ уваженіе первоначальное предназначеніе Воспитательнаго Дома о призрѣніи онымъ однихъ несчастно-рожденныхъ младенцевъ, совершенно отстраняла, кромѣ особыхъ случаевъ, пріемъ таковыхъ сиротъ, назначая имъ каждый разъ, при подачѣ прошеній о принятіи ихъ, пособіе о щедротъ Ея Императорскаго Величества. Изъ распредѣленія, въ 1800 году, по Высочайшему Его Императорскаго Величества, Государя Императора, Павла I-го, соизволенію, въ слѣдствіе ходатайства Ея Величества, питомцевъ Воспитательнаго Дома, изъ числа офицерскихъ дѣтей 15 мальчиковъ и 23 дѣвочекъ, въ установленныя для званія ихъ заведенія, видно, что оныя были приняты въ домъ съ 1782 по 1797 годъ.

Въ 1805 году послѣдовало Высочайшее повелѣніе обѣ отдачѣ законнорожденныхъ дѣтей въ самомъ городѣ (Москвѣ), съ производженіемъ платы на воспитаніе, родителямъ ихъ до 7-лѣтняго возраста, по достиженіи коего питомцы тѣ, на основаніи постановленія, отъ 31 Августа, 1811 года, принимались въ Воспитательный Домъ, хотя бы и сверхъ комплекта, и воспитывались въ ономъ, не отсылаясь въ деревни.

Въ 1809 году учреждены въ нѣкоторыхъ отдаленныхъ частяхъ Москвы, такъ называемыя, путевыя пристанища, для принятія въ оныя въ теченіе зимы приносимыхъ младенцевъ, и доставленія потомъ въ Воспитательный Домъ. Исполненіе сего воспріяло начало съ слѣдующаго 1810 года. Пристанища сіи въ послѣднее время вовсе уничтожены. Хотя по содержанію состоявшагося въ 1810 году Высочайшаго Ея Императорскаго Величества повелѣнія, воспрещено было принимать въ Воспитательный Домъ военнослужительскихъ дѣтей, что подтверждалось и послѣдующими за тѣмъ по сему предмету постановленіями, но въ началѣ 1832 года, Высочайше Ея Императорскимъ Величествомъ утвержденъ проектъ объ учрежденіи при Воспитательномъ Домѣ Военно-сиротскаго училища для женскаго пола, по отмѣнѣ коего, въ концѣ того же 1832 года, Высочайше повелѣно сиротъ женскаго пола дѣтей нижнихъ военныхъ служителей, принимая въ Воспитательный Домъ, отправлять на воспитаніе въ деревни, ведя, впрочемъ, имъ особый списокъ, что подтверждено въ Мартѣ мѣсяцѣ слѣдующаго 1833 года.

Въ 1834 году Высочайше дозволено было продолженіе пріема подкидышей на раскольничьихъ кладбищахъ, для воспитанія ихъ до 3-лѣтняго возраста, по достиженіи коего они должны доставляться въ Воспитательный Домъ. На основаніи послѣдовавшихъ въ 1835 и 1839 годахъ Высочайшихъ повелѣній, дѣтей таковыхъ предписано, не отдавая въ деревни, принимать въ Воспитательный Домъ для первоначальнаго воспитанія. изъ коего потомъ перемѣщать въ Ремесленное учебное заведеніе. На основаніи Высочайшаго Его Императорскаго Величества указа, даннаго обоимъ Опекунскимъ Совѣтамъ, въ 3 день Марта, 1834 года, открыты при обоихъ Воспитательныхъ Домахъ убѣжища для осиротѣвшихъ оберъ-офицерскихъ дочерей, число коихъ при каждомъ Домѣ ограничено 50-ю всякаго возраста до 13 лѣтъ.

Наконецъ, по содержанію Высочайшаго Его Императорскаго Величества указа, въ 1842 году послѣдовавшаго, повелѣно малолѣтнихъ плѣнныхъ Черкешенокъ, коихъ не пожелаютъ взять къ себѣ на воспитаніе женатые офицеры, отправлять въ Воспитательный Домъ, съ тѣмъ, чтобы списки объ нихъ подносимы были каждый разъ на Высочайшее благоусмотрѣніе.

6. Важнѣйшія перемѣны, относительно призрѣнія, содержанія и размѣщенія грудныхъ дѣтей, послѣдовали, какъ и всѣ вообще полезнѣйшія учрежденія по Воспитательнымъ Домамъ, съ принятіемъ оныхъ въ Бозѣ почивающею Государынею Императрицею, Маріею Θеодоровною, подъ высокое Ея Императорскаго Величества покровительство въ 1797 году, въ которомъ Ея Величество, съ прискорбіемъ усмотрѣвъ изъ рапорта Московскаго Опекунскаго Совѣта, отъ 17 Августа, что число умирающихъ при Воспитательномъ Домѣ дѣтей ежедневно страшнымъ образомъ увеличивается, и что главная тому причина состоитъ въ недостаткѣ кормилицъ, въ разсужденіи тогдашней рабочей поры, заставившей отдавать одной кормилицѣ даже до пяти младенцевъ, и почитая это средство крайне изнурительнымъ какъ для кормилицъ, такъ для дѣтей, предписать изволила, чтобъ, за недостаткомъ первыхъ отсылали послѣднихъ на воспитаніе по деревнямъ, и впредь отнюдь не давали одной кормилицѣ болѣе одного, или двухъ младенцевъ, да и сіи въ случаѣ только необходимости и на весьма короткое время, въ теченіи котораго и производить имъ двойную плату. При домѣ же держать оныхъ столько, сколько позволитъ число кормилицъ, которыхъ изыскивать всѣми средствами и нанимать за превосходную противъ прежняго цѣну, производя каждой изъ нихъ въ прибавку и болѣе пятидесяти копѣекъ на мѣсяцъ, естьли обстоятельства того востребуютъ, и подтверждая всѣмъ, находящимся при таковыхъ младенцахъ, надзирателямъ, надзирательницамъ, докторамъ и лѣкарямъ, чтобъ они за дѣтьми и кормилицами строгій имѣли присмотръ, и когда откроется что либо предосудительное ихъ здоровью, тотъ же часъ доносили Опекунскому Совѣту, а сей уже Ея Императорскому Величеству, не ожидая отъ Ея Величества на то вопросовъ, и означая въ вѣдомостяхъ, всеподданнѣйше подносимыхъ ими, каждаго умершаго младенца и въ какомъ состояніи принесенъ оный въ Воспитательный Домъ. Послѣдующія за тѣмъ относительно сего же предмета Высочайшія повелѣнія заключали въ себѣ подтвержденіе содержанія вышеизложеннаго, и преимущественно объ умноженіи числа кормилицъ къ благонадежному сохраненію жизни и здоровья младенцевъ, призрѣніе, содержаніе и размѣщеніе коихъ производилось на прежнемъ основаніи, при доведеніи всѣхъ распоряженій по сему предмету къ большому по возможности совершенству.

О НАСТОЯЩЕМЪ СОСТОЯНІИ ГРУДНЫХЪ ОТДѢЛЕНІЙ.

Съ самаго учрежденія Воспитательнаго Дома устроенное при ономъ, такъ называемое, Крестовое отдѣленіе нынѣ расположено во 2-мъ этажѣ квадрата. Въ немъ заключаются слѣдующія, совершенно отдѣльныя, помѣщенія: Канцелярія Крестовой палаты, при которой состоятъ, съ 3 помощниками и писарями, и три комнаты, изъ которыхъ въ одной помѣщаются кормилицы, въ ожиданіи полученія на вскормленіе дѣтей, въ другой обмываютъ и перепеленываютъ вновь принесенныхъ младенцевъ и, наконецъ, въ третьей совершается таинство крещенія ихъ. Приносимые въ Крестовое отдѣленіе младенцы записываются подъ № въ число воспитанниковъ и отдаются на груди кормилицамъ, тамъ же находящимся, для коихъ и устроены кровати, а для младенцевъ люльки; для надзора за ними имѣется особая надзирательница. Младенцы, приносимые некрещенными, по совершеніи надъ ними крещенія, на другой день, по осмотрѣ ихъ Главнымъ Докторомъ, передаются въ Грудныя отдѣленія, расположенныя на 5 этажѣ квадрата и составляющія 11 особыхъ помѣщеній, изъ коихъ каждое имѣетъ своего медика и надзирательницу. Въ нихъ по штату устроено 398 кроватей, количество коихъ, по значительному числу приносимыхъ младенцевъ, увеличивается до 600, сообразно чему увеличивается и число кормилицъ, коихъ, на основаніи Высочайшаго Ея Императорскаго Величества повелѣнія, отъ 5 Генваря, 1841 года, полагается имѣть въ запасѣ до 150-ти. Независимо отъ сихъ 11 помѣщеній, въ томъ же 5 этажѣ квадрата расположены слѣдующія отдѣленія, а именно: 1. для осмотра кормилицъ съ дѣтьми; 2. для больныхъ дѣтей; 3. особая комната для оспопрививанія; 4. столовая для кормилицъ и 5. для запасныхъ кормилицъ. Когда же младенцы укрѣпятся въ здоровьѣ, то, по привитіи имъ оспы и по надлежащемъ ихъ осмотрѣ Главнымъ Докторомъ, отправляются, вмѣстѣ съ ихъ кормилицами, въ деревни. При грудныхъ отдѣленіяхъ состоятъ: первая надзирательница, ея помощница, три надзирательницы съ 8 помощницами и 63 няньки, кромѣ 150 запасныхъ изъ воспитанницъ, которыя всѣ помѣщаются при означенныхъ 11 отдѣленіяхъ, въ томъ же 5 этажѣ квадрата.

ОБЪ ОБЩЕМЪ ЧИСЛѢ ПРИЗРѢННЫХЪ ДѢТЕЙ СЪ ПОКАЗАНІЕМЪ РАЗНОСТИ ОНАГО ЧРЕЗЪ КАЖДЫЯ ДЕСЯТЬ ЛѢТЪ.

Общее число призрѣнныхъ Московскимъ Воспитательнымъ Домомъ дѣтей составляетъ 254,891 обоего пола, каковое количество, въ отношеніи къ 10-лѣтней разности, заключается въ нижеслѣдующемъ размѣрѣ, а именно:

Съ	1764	года	по	1774	годъ	9457.
»	1774	»	»	1784	»	12,535.
»	1784	»	»	1794	»	13,442.
»	1794	»	»	1804	»	21,075.
»	1804	»	»	1814	»	30,617.
»	1814	»	»	1824	»	39,179.
»	1824	»	»	1834	»	56,877.
»	1834	»	»	1844	»	71,709.
				И того		254,891.

О СОСТОЯНІИ ГРУДНЫХЪ ОТДѢЛЕНІЙ.

О состояніи Грудныхъ отдѣленій въ 1843 году, кромѣ уже изложеннаго въ статьѣ о настоящемъ состояніи оныхъ, заключаетъ въ себѣ слѣдующія свѣдѣнія, представляя обозрѣніе происшедшихъ въ теченіи того года перемѣнъ.

Къ 1 января 1843 года въ отдѣленіяхъ состояло 400 дѣтей обоего пола; въ теченіи того года вновь поступило 7,274, а всего съ оставшимся отъ предшествовавшаго года 7674 младенца. Изъ числа ихъ выбыло отдачею къ родственникамъ 16, померло 1,669, отправлено на воспитаніе въ деревни 5,578; вся же убыль дѣтей составляла 72,63; за тѣмъ 1-му Генваря, 1844 года, въ грудныхъ отдѣленіяхъ оставалось 411 дѣтей; къ 1-му Генваря 1843 года въ Грудныхъ отдѣленіяхъ состояло 493 кормилицы.

Въ теченіи того 1843 года въ отдѣленія поступило 9,417 кормилицъ, всего съ оставшимися отъ предшествовавшаго года 9,910, изъ числа коихъ отправлено по деревнямъ съ грудными младенцами 5,578, выписано за потерю молока 3,876; за тѣмъ къ 1 Генваря, 1844 года, оставалось 456 кормилицъ.

16

IV

ПО МАЛОЛѢТНОМУ ОТДѢЛЕНІЮ ВОСПИТАТЕЛЬНАГО ДОМА.

О ВРЕМЕНИ И ЦѢЛИ УЧРЕЖДЕНІЯ ОНАГО.

Время учрежденія Малолѣтнаго отдѣленія при Воспитательномъ Домѣ со всею точностію означить не возможно, за существованіемъ онаго почти съ самаго учрежденія Дома нераздѣльно съ Кормиличнымъ или Груднымъ, отдѣленіемъ, если не принять разграниченіемъ отъ оныхъ Высочайше Ея Императорскимъ Величествомъ въ Бозѣ почивающей Государынею Императрицею, Маріею Θеодоровною, утвержденнаго въ 17 день Декабря, 1797 года, плана для воспитанія 500 младенцевъ въ каждой столицѣ, на 5-ть возрастовъ раздѣленныхъ, изъ коихъ 1-й отъ одного года до шести лѣтъ долженъ былъ составлять Малолѣтное отдѣленіе, извѣстное въ послѣдствіи времени болѣе подъ названіемъ перваго возраста.

Цѣль учрежденія сего отдѣленія была общею благотворительною цѣлію всѣхъ, ему подобныхъ, заведеній вѣдомства Воспитательнаго Дома: особенное же предназначеніе онаго состояло въ постепенномъ развитіи способностей призрѣваемыхъ дѣтей и пріуготовленіи къ воспріятію ученія, предстоявшаго имъ при перемѣщеніи ихъ въ старшіе возрасты.

ОБЪ ОСНОВНЫХЪ СПОСОБАХЪ СУЩЕСТВОВАНІЯ.

Основные способы существованія Малолѣтнаго отдѣленія заключаются въ общей массѣ капиталовъ Воспитательнаго Дома, изъ общихъ доходовъ коего ежегодно, по примѣрному исчисленію, отпускается извѣстная сумма по всѣмъ статьямъ содержанія питомцевъ Малолѣтнаго отдѣленія.

О ПЕРВОНАЧАЛЬНОМЪ КОМПЛЕКТѢ ПРИЗРѢВАЕМЫХЪ ДѢТЕЙ.

Первоначальный комплектъ призрѣваемыхъ въ Малолѣтномъ отдѣленіи дѣтей опредѣленъ Высочайше утвержденнымъ 17 Декабря, 1797 года, планомъ для воспитанія 500 младенцевъ въ каждой столицѣ, на 6 возрастовъ раздѣленныхъ, по содержанію коего, въ

1-мъ, т. е., въ Малолѣтномъ отдѣленіи отъ одного года до шести лѣтъ полагалось до 100 приносныхъ младенцевъ, раздробляя ихъ на три класса, изъ коихъ состоять должны были, въ первомъ: совершенно здоровые и крѣпкаго сложенія младенцы, которые немедленно отдавались по деревнямъ на воспитаніе; во второмъ: младенцы хорошаго сложенія, но требующіе временнаго докторскаго присмотра, каковыхъ положено держать въ Домѣ до совершеннаго выздоровленія, а потомъ равномѣрно отдавать по деревнямъ; въ третьемъ: совершенно слабые, за которыми должно имѣть особый присмотръ; сихъ послѣднихъ должно было уже воспитывать въ самомъ Домѣ. При сихъ малолѣтныхъ, или въ первомъ возрастѣ, опредѣлены были надзирательница и 8 нянекъ для присмотра за кормилицами и дѣтьми.

О ПЕРВОНАЧАЛЬНОМЪ ИХЪ ПРИЗРѢНІИ И ВОСПИТАНІИ.

Первоначальное призрѣніе и воспитаніе дѣтей Малолѣтнаго отдѣленія совершалось почти во всемъ на основаніи изложенныхъ, Генеральнаго плана Воспитательнаго Дома въ физическихъ примѣчаніяхъ, постановленій, за исключеніемъ нѣкоторыхъ измѣненій по времени и потребностямъ общественнаго воспитанія, неразлучныхъ съ стремленіемъ къ совершенству.

Первоначально опредѣленное число комплекта малолѣтныхъ дѣтей 100 измѣнилось, на основаніи Высочайшаго Ея Императорскаго Величества въ Бозѣ почивающей Государыни Императрицы, Маріи Ѳеодоровны, повелѣнія, даннаго въ 20 день Генваря, 1799 года, по содержанію коего положено въ малолѣтномъ, или первомъ, отдѣленіи воспитывать 200 питомцевъ обоего пола, каковымъ числомъ ограничился комплектъ ихъ и въ настоящее время, на основаніи Высочайше Его Императорскимъ Величествомъ конфирмованнаго въ 15 день Августа, 1842 года, доклада.

О СОСТОЯНІИ ОТДѢЛЕНІЯ ВО ВСѢХЪ ОТНОШЕНІЯХЪ.

Заведеніе сіе помѣщалось въ главномъ корпусѣ дома бывшаго Графа Разумовскаго, вновь передѣланномъ для сего въ 1842 году.

Воспитывающихся 1-го генваря 1843 г. состояло:

	мальчиковъ:		дѣвочекъ:	
	Оберъ-офицерск. сиротъ	питомц.	Оберъ-офицерск. сиротъ	питомц.
Казенныхъ	52	18	32	30
Пансіонеровъ	7	—	6	—
	77	—	68	—

Они раздѣлялись, по Положенію, на 2 возраста: младшій, къ коему дѣти принадлежали отъ 1 до 5, и старшій, отъ 5 до 9-ти лѣтъ.

Для надзора при младшемъ возрастѣ находились: надзирательница съ помощницею, а при старшемъ пять классныхъ дамъ; для прислуги было 30 нянекъ штатныхъ. Всѣ сіи приставницы состояли подъ непосредственнымъ начальствомъ старшей надзирательницы, дававшей отчеты въ своихъ дѣйствіяхъ Почетному Опекуну и Главному Надзирателю.

Относительно воспитанія дѣтей младшаго возраста, которыя не занимаются ученіемъ, обращалось вниманіе на сохраненіе ихъ здоровья и посѣяніе началъ благонравія; дѣти же старшаго возраста, кромѣ сего, обучались въ классахъ, въ коихъ преподавались: начальныя основанія Русскаго, Нѣмецкаго и Французскаго языковъ, Ариѳметика, а также чистописаніе и танцованіе. Классы, равно какъ и дортуары, для мальчиковъ и дѣвочекъ отдѣльные; учителей въ нихъ состояло 5 и 2 учительницы.

При отдѣленіи существовала больница на 50 кроватей. Въ Августѣ мѣсяцѣ, 1843 г., изъ сего отдѣленія переведены въ классы Института для оберъ-офицерскихъ сиротъ изъ достигшихъ 9-лѣтняго возраста 30 мальчиковъ и 22 дѣвочки; вновь назначено принять изъ числа кандидатовъ, по журналу Опекунскаго Совѣта 29 Ноября, 41 мальчикъ и 35 дѣвочекъ, изъ коихъ еще не всѣ доставлены, такъ какъ срокъ опредѣленъ 1 Августа, 1844 года; почему 31 Декабря, 1843 года, состояло на лицо:

	мальчиковъ:		дѣвочекъ:	
	Оберъ-офицерскихъ сиротъ	питом.	Оберъ-офицерск. сиротъ	пит.
Казенныхъ	56	13	40	23
Пансіонеровъ	5	—	4	—
	74	—	67	—

V

ПО ИНСТИТУТУ ОБЕРЪ-ОФИЦЕРСКИХЪ СИРОТЪ.

О ВРЕМЕНИ, ОБСТОЯТЕЛЬСТВАХЪ И ЦѢЛИ УЧРЕЖДЕНІЯ ИНСТИТУТА.

Учрежденіе Института Оберъ-офицерскихъ сиротъ при Воспитательномъ Домѣ послѣдовало въ 1837 году, подъ вліяніемъ и въ сопровожденіи обстоятельствъ, изложенныхъ въ Высочайшемъ Его Императорскаго Величества указѣ, данномъ обоимъ Опекунскимъ Совѣтамъ въ 25 день Іюня, 1837 года, коимъ повелѣно: всѣхъ, приносимыхъ въ Воспитательные Домы, грудныхъ младенцевъ обоего пола и принимаемыхъ, по разрѣшеніямъ Опекунскихъ Совѣтовъ, незаконнорожденныхъ дѣтей и круглыхъ сиротъ, отсылать, безъ всякаго изъятія, въ деревни для воспитанія, на иждивеніи Воспитательныхъ Домовъ, если особыми повелѣніями не будетъ именно предписано причислить ихъ къ учебнымъ классамъ, а отданныхъ въ деревни питомцевъ въ Воспитательные Домы не брать, кромѣ опредѣленныхъ случаевъ, по содержанію того же указа. Находящіеся же въ учебныхъ классахъ Воспитательныхъ Домовъ питомцы обоего пола, на основаніи сего указа, остались въ нихъ на прежнемъ основаніи до совершеннаго окончанія ихъ воспитанія и поступленія, по мѣрѣ успѣховъ воспитанниковъ, въ Университеты и Медико-Хирургическія Академіи, или къ письменнымъ дѣламъ, а воспитанницъ въ наставницы, или учительницы, а составлявшія ремесленные классы воспитанницы до выхода обыкновеннымъ порядкомъ. За тѣмъ по содержанію изъ вышеприведеннаго указа повелѣно принимать въ учебные классы Воспитательнаго Дома однихъ Оберъ-офицерскихъ сиротъ, съ тою цѣлію, чтобы дѣтямъ недостаточныхъ чиновниковъ военной и гражданской службы доставить приличное и сообразное званію ихъ воспитаніе, и съ тѣмъ вмѣстѣ устроить участь ихъ на будущее время на пользу самихъ и общества. Настоящее названіе сего заведенія утверждено Высочайшею Его Императорскаго Величества собственноручною конфирмаціею, послѣдовавшею въ 12 день Февраля, 1838 года, на всеподданнѣйшій докладъ Московскаго Опекунскаго Совѣта о правилахъ пріема тѣхъ сиротъ.

ОБЪ ОСНОВНЫХЪ СПОСОБАХЪ СУЩЕСТВОВАНІЯ.

Основные способы существованія Института Оберъ-офицерскихъ сиротъ, подобно прочимъ отраслямъ благодѣтельнаго и обширнаго круга дѣйствій Воспитательнаго Дома, заключаются въ ежегодномъ отпускѣ изъ общихъ доходовъ онаго суммъ, необходимыхъ на содержаніе Института, по составляемому каждогодно примѣрному исчисленію.

О ПЕРВОНАЧАЛЬНОМЪ КОМПЛЕКТѢ ВОСПИТЫВАЮЩИХСЯ.

По содержанію изъ Высочайшаго Его Императорскаго Величества указа, послѣдовавшаго въ 25 день Іюня, 1837 года, на имя обоихъ Опекунскихъ Совѣтовъ, первоначальный комплектъ воспитанниковъ въ классахъ учрежденнаго при Московскомъ Воспитательномъ Домѣ Института Оберъ-офицерскихъ сиротъ, ограничивался 300 каждаго пола, съ предположеніемъ, сверхъ того, воспитывать и пансіонеровъ.

О ПЕРВОНАЧАЛЬНОМЪ КУРСѢ УЧЕНІЯ, ПРАВАХЪ СИРОТЪ ПРИ ВЫПУСКѢ И ВООБЩЕ ОБЪ УСТРОЙСТВѢ ЗАВЕДЕНІЯ.

По первоначальному курсу ученія въ Институтѣ Оберъ-офицерскихъ сиротъ, на мужской половинѣ было 5 классовъ, а именно: классъ 2-го возраста, пріуготовительный, и 1, 2 и 3 классы, изъ коихъ каждый, для удобства помѣщенія воспитанниковъ, дѣлился на два отдѣленія, такъ, что въ каждомъ классѣ полагалось питомцу быть 2 года. Предметами ученія были: Законъ Божій, Русскій, Французскій, Нѣмецкій и Латинскій языки, географія, исторія, естественная исторія и физика, математика, рисованіе, чистописаніе и танцованіе; уроки были 2-хъ часовые. Окончившіе курсъ наукъ въ Институтѣ изъ прежнихъ воспитанниковъ поступали въ Университетъ и Медико-Хирургическую Академію, или къ письменнымъ дѣламъ, а поступившіе на службу пользовались правами чиновниковъ 2 разряда по воспитанію. Воспитанницы, окончившія курсъ въ кандидатскомъ классѣ, получали званіе домашнихъ наставницъ, съ правомъ обучать дѣтей въ классныхъ домахъ, но только внѣ Москвы, а Оберъ-офицерскія сироты и въ самой столицѣ. Присмотръ за воспитанниками имѣли: Главный Надзиратель, 9 надзирателей, 10 помощниковъ; за воспитанницами 18 класныхъ дамъ; въ пріуготовительномъ и 2 возрастѣ было еще 3 помощницы ихъ, подъ начальствомъ главной надзирательницы, при которой находилась помощница.

Въ отношеніи числа воспитывающихся, противъ первоначальнаго комплекта послѣдовали перемѣны, во первыхъ, по содержанію Высочайше конфирмованнаго Его Императорскимъ Величествомъ въ въ 12 день Февраля, 1838 года, всеподданнѣйшаго доклада Московскаго Опекунскаго Совѣта, по коему, сверхъ опредѣленныхъ по указу 25 Іюня, 1837 года, 300 воспитанниковъ каждаго пола, положено воспитывать сто пансіонеровъ обоего пола съ платою по 300 р. ассигнаціями въ годъ за каждаго, и, во вторыхъ, по случаю перевода въ классы, на основаніи Высочайшаго повелѣнія, записаннаго въ журналѣ Опекунскаго Совѣта 10 Ноября, 1841 года, изъ бывшаго 1-го возраста такъ называемыхъ пансіонеровъ, поступившихъ до вышеупомянутаго указа 25 Іюня, 1837 года, независимо отъ опредѣленнаго комплекта обоего пола воспитанниковъ Института, число оныхъ увеличилось.

Правила пріема сиротъ изложены въ Высочайше комфированномъ Его Императорскимъ Величествомъ въ 12 день Февраля, 1838 года, всеподданнѣйшемъ докладѣ Московскаго Опекунскаго Совѣта, по содержанію коего повелѣно принимать въ Институтъ, въ число установленнаго для каждаго пола комплекта 300 питомцевъ, 50 пансіонеровъ, сыновей и дочерей чиновниковъ военной и гражданской службы, состоящихъ и состоявшихъ въ Оберъ-офицерскихъ и соотвѣтствующихъ имъ класныхъ чинахъ, которые, по смерти родителей, остались въ совершенной бѣдности, или которыхъ овдовѣвшіе отцы, или матери, не имѣютъ способовъ дать имъ воспитаніе, на основаніи представляемыхъ о дѣтяхъ узаконенныхъ документовъ. Правила сіи, не измѣняясь въ сущности, дополнены послѣдовавшими въ 1838 году постановленіями, на основаніи коихъ повелѣно дѣтей родителей, сосланныхъ въ Сибирь, считать круглыми сиротами, въ особенно уважительныхъ случаяхъ принимать изъ числа кандидатовъ сиротъ и безъ очереди, въ пансіонеры же помѣщать и Штабъ-офицерскихъ дѣтей, а въ 1839 году разрѣшенъ пріемъ въ Институтъ Оберъ-офицерскихъ сиротъ и дѣтей Магометанскаго исповѣданія.

ОБЪ ОБЩЕМЪ ЧИСЛѢ ВЫПУЩЕННЫХЪ ИЗЪ ЗАВЕДЕНІЯ.

Общее число выпущенныхъ изъ Института Оберъ-офицерскихъ сиротъ съ вышеписаннаго же срока заключается въ 258 воспитанникахъ и въ 125 воспитанницахъ, всѣхъ же 383; изъ воспитанниковъ выпущено въ Университетъ 84, Медико-Хирургическую Акаде-

мію 5, въ домашніе учители 2, писаря 30, въ Земледѣльческую школу 43, межевыя роты 70, въ фельдшера 15, перемѣщено въ ремесленное учебное заведеніе 7 и съ вѣчно-увольнительными свидѣтельствами выпущено 2. Изъ числа же воспитанницъ выпущено въ званіе домашнихъ наставницъ 65, въ учительницы малолѣтныхъ дѣтей 46 и въ учительницы музыки 14.

О ЗНАЧЕНІИ ЗАВЕДЕНІЯ ОТНОСИТЕЛЬНО ДОСТАВЛЯЕМОЙ ИМЪ ОБЩЕСТВЕННОЙ ПОЛЬЗЫ.

Значеніе Института, относительно доставляемой имъ общественной пользы, ставитъ его въ главѣ многостепенной лѣствицы воспитательныхъ и учебныхъ учрежденій Императрицы Маріи, какъ по полнотѣ курса преподаваемыхъ въономъ предметовъ, такъ и по разнообразію послѣдствій образованія и воспитанія призрѣваемыхъ питомцевъ, представляя имъ различные и благонадежные пути и средства къ обезпеченію своей участи на поприщахъ служенія Государству и обществу. Здѣсь образуются благонравныя и просвѣщенныя наставницы и воспитанницы, приготовляются молодые люди къ поступленію въ званія медиковъ, учителей, воспитателей и, наконецъ, къ обращенію нѣкоторыхъ по части письмоводства по Воспитательному Дому, или въ постороннихъ вѣдомствахъ.

На мужской половинѣ воспитывающихся состояло 1 Генваря, 1843 года, Оберъ-офицерскихъ сиротъ 228, другихъ воспитанниковъ 123, а всѣхъ 351, въ томъ числѣ пансіонеровъ 47, сверхъ комплекта 9.

Въ одеждѣ воспитанниковъ строго соблюдалась, Высочайше утвержденная въ 1839 году, форма оной. Въ свободное отъ ученія время воспитанники занимались играми въ рекреаціонныхъ залахъ, прогуливались, подъ присмотромъ надзирателей, въ благопріятную погоду по городу, въ саду, а время лѣтней вакаціи проводили на дачѣ, нарочно для сей цѣли нанимаемой отъ Воспитательнаго Дома.

Въ случаѣ болѣзни воспитанники поступали въ домовую больницу, устроенную изъ 4 палатъ по 60 кроватей, которая имѣетъ особыхъ врачей, а для надзора приставницъ съ достаточнымъ числомъ служителей.

На главный экзаменъ, на основаніи Высочайшихъ повелѣній, были приглашаемы и Профессоры Университета, которые, вмѣстѣ съ Инспекторомъ классовъ, по окончаніи экзаменовъ, и аттестовали

воспитанниковъ, по мѣрѣ оказанныхъ ими успѣховъ. По соображенію успѣховъ, оказанныхъ на сихъ экзаменахъ, сдѣланы были переводы послѣ вакаціи, въ Августѣ мѣсяцѣ, по произведеніи коихъ, въ томъ году изъ числа воспитанниковъ поступили:

Въ Университетъ	7.
Въ писаря	8.
Уволено	2.
Въ Земледѣльческую школу	4.

На открывшіяся по симъ случаямъ вакансіи переведено изъ малолѣтнаго отдѣленія 27 сиротъ изъ Оберъ-офицерскихъ дѣтей и 3 питомца Воспитательнаго Дома.

Декабря 31 дня, 1843 года, состояло на лицо Оберъ-офицерскихъ сиротъ 253, прочихъ воспитанниковъ 104, всѣхъ вообще 351; въ томъ числѣ пенсіонеровъ 47, сверхъ комплекта 11, кои распредѣлены были въ слѣдующемъ числѣ по классамъ:

		Оберъ-офицер. сиротъ:	Воспитанниковъ:
Ординар.	6	1	11.
	5	2	16.
	4	3	17.
	3	9	20.
	2	23	11.
	1	38	6.
Пріугот.	4	33	7.
	3	46	7.
	2	45	3.
	1	53	6.
		253	104.

всѣхъ 357.

На женской половинѣ, 1 Генваря, 1843 года, состояло Оберъ-офицерскихъ сиротъ 206, прочихъ воспитанницъ 188, всего 394; въ числѣ ихъ пенсіонерокъ 53, сверхъ комплекта 46. Всѣ онѣ помѣщались, какъ и нынѣ, въ квадратѣ, подъ непосредственнымъ начальствомъ Главной Надзирательницы и ея помощницы. По надзору за воспитанницами состояло 28 классныхъ дамъ, по двѣ въ каждомъ классѣ, съ тремя помощницами ихъ; для прислуги же 42 няньки.

Въ образѣ жизни воспитанницъ слѣдовали Высочайше утвержденнымъ на сей предметъ по Воспитательному Дому постановленіямъ, руководствуясь при семъ правилами, почти во всемъ одинакими съ

изданными для питомцевъ, исключая, что онѣ, въ свободное отъ ученія время, къ родственникамъ и гулять по городу не отпускаются, во время же лѣтней вакаціи живутъ въ принадлежащемъ Воспитательному Дому загородномъ дворѣ, мѣсто для коего, за Дорогомиловскою заставою, съ рощами, огородною землею и, такъ называемымъ, Краснымъ лугомъ, изъ вѣдомства Коллегіи Экономіи исходатайствовано основателемъ Воспитательнаго Дома, И. И. Бецкимъ, для онаго еще въ 1768 году.

На женской половинѣ устроена особая больница, гдѣ въ 5 палатахъ находится 60 кроватей; при ней, для пользованія, состоятъ два врача, а по надзору надзирательница съ помощницами и достаточнымъ числомъ прислуги. Особая классная дама занималась повтореніемъ предметовъ ученія съ выздоравливающими.

Въ 1843 году выпуска кандидатокъ не было, но выпущено съ званіемъ домашнихъ учительницъ изъ 4 ординарнаго класса 2 отдѣленія, 2 класса изъ 3 отдѣленія, всего 23 учительницы; на ихъ мѣста изъ малолѣтнаго отдѣленія переведено 16 Оберъ-офицерскихъ сиротъ и 6 прочихъ воспитанницъ. 31 Декабря, 1843 года, состояло на лицо Оберъ-офицерскихъ сиротъ 234, прочихъ воспитанницъ 172, всѣхъ 406; въ томъ числѣ пансіонерокъ 56, сверхъ комплекта 52, кои находились въ слѣдующемъ числѣ по классамъ:

		Оберъ-офиц. сир.	воспитанн:
Въ кандидатскомъ	Практ.	4	9.
	Теорет.	19	11.
	въ 4 —	5	5.
	— 3 —	15	10.

		Оберъ-офицер. сиротъ:	Воспитанницъ:
Въ 1 Отдѣлении	2	22	3.
» »	1	20	7.
Во 2 »	2	11	21.
» »	1	10	12.
Въ 3 »		11	21.
Пріуготовит.	4	16	12.
»	3	26	12.
»	2	26	20.
»	1	46	21.
		234	172.

Всѣхъ 406.

ЗАПИСКА
О
ВОСПИТАТЕЛЬНЫХЪ ДОМАХЪ.

По приказанію Вашего Сіятельства, занимавшись изслѣдованіями о филантропическихъ заведеніяхъ, честь имѣю представить на Ваше разсмотрѣніе краткую мою записку о Воспитательныхъ Домахъ.

По собственному желанію Вашего Сіятельства, я не входилъ въ подробное развитіе сего вопроса, не нашедшаго себѣ и до сихъ поръ удовлетворительнаго разрѣшенія въ просвѣщеннѣйшихъ старшихъ западныхъ Государствахъ, вопроса, столь многосложнаго и столь важнаго въ настоящей эпохѣ, а изложилъ только въ самой краткой формѣ послѣдніе итоги, основанные отнюдь не на одномъ умозрѣніи, а дознанные опытомъ, какъ несомнѣнныя слѣдствія учрежденія означенныхъ заведеній, и не въ одной Россіи, а во всѣхъ земляхъ, гдѣ оныя заведенія существовали.

Нѣжная любовь къ человѣчеству, не испытанная еще историческою повѣркою возможности безвреднаго для Государства исполненія самаго дѣла, была въ началѣ источникомъ учрежденія сихъ человѣколюбивыхъ заведеній; въ этой истинѣ усомниться невозможно, равно какъ и въ той, еще важнѣйшей, другой истинѣ, что историческое осуществленіе филантропической отвлеченной мысли, въ теченіе времени, повлекло къ такому злу, которое должно необходимо возрастать, а не уменьшаться, когда не будетъ принято благоразумныхъ мѣръ, если не къ совершенному уничтоженію (что вдругъ было бы вредно и невозможно), то, по крайней мѣрѣ, къ видоизмѣненію въ составѣ Воспитательныхъ Домовъ и, что всего важнѣе, въ способѣ пріема младенцевъ, неограниченномъ до сихъ поръ никакими мѣрами, долженствующими обезпечивать Правительство въ истинномъ достиженіи предположенной имъ цѣли, безъ обмана и безъ ущерба, въ политическомъ, нравственномъ и хозяйственномъ отношеніяхъ.

Москва,
21 Апрѣля,
1851.

КРАТКАЯ ЗАПИСКА О ВОСПИТАТЕЛЬНЫХЪ ДОМАХЪ.

Опытъ доказалъ, что во всѣхъ земляхъ, гдѣ заведены были Воспитательные Дома, въ теченіи времени вредное вліяніе оныхъ обнаруживалось въ слѣдующемъ:

I

Потворствуя разслабленію нравовъ, Воспитательные Дома явно содѣйствуютъ увеличенію въ страшномъ размѣрѣ, какъ самаго числа несчастно-рожденныхъ дѣтей, такъ и числа родителей, добровольно навсегда отказавшихся отъ своихъ дѣтей, порученныхъ ими попеченію Правительства, не столько въ надеждѣ на обезпечиваніе тѣмъ ихъ участи, сколько отъ недостатка нравственнаго чувства, обязывающаго каждаго человѣка, по внушенію природы и по общественному долгу, пещись о своихъ дѣтяхъ и, слѣдовательно,

II

Уничтожается чувство материнской любви къ дѣтямъ и вмѣстѣ отстраняется исполненіе долга, предписываемаго природою, религіею и обществомъ; потрясается главное основаніе общественнаго порядка, т. е., узы семейные и взаимныя обязанности дѣтей къ родителямъ и родителей къ дѣтямъ. Самое же воспитаніе питомцевъ, по большей части, не достигаетъ своей цѣли; ибо, сколько извѣстно, большее число воспитанниковъ не отличается ни нравственностію жизни, ни полезно направленною дѣтельностію на опредѣленномъ поприщѣ.

III

Смертность дѣтей перваго возраста увеличивается въ Воспитательныхъ Домахъ въ огромныхъ размѣрахъ, между тѣмъ какъ цѣлью ихъ учрежденій, напротивъ, всегда было сохраненіе жизни симъ несчастнымъ. И не по тому только съ каждымъ годомъ больше умираетъ дѣтей, что оныхъ болѣе родится, но по тому именно, что дѣти, принятыя въ Воспитательные Дома, умираютъ гораздо въ большей пропорціи, чѣмъ дѣти, воспитываемыя въ семействѣ. Во Франціи, на примѣръ, смертность подкидышей превышаетъ обыкновенную дѣтскую смертность одною третью.

IV

Вмѣстѣ съ ежегоднымъ возрастаніемъ количества дѣтей, увеличиваются необходимо и самыя издержки на ихъ вскормленіе и содержаніе (въ Россіи до 12-лѣтняго возраста) безъ всякаго, по возможности, вѣрнаго и опредѣленнаго для Государства возмездія за употребленные огромные капиталы, въ видѣ ли нравственнаго народнаго блага, или въ видѣ физической пользы отъ лицъ, не имѣющихъ ни собственности, ни въ точности обозначенныхъ средствъ къ пропитанію себя.

Изъ сихъ четырехъ главныхъ общихъ пунктовъ ясно видно, сколько вредныхъ сторонъ представляетъ учрежденіе Воспитательныхъ Домовъ въ политическомъ, нравственномъ, медицинскомъ и экономическомъ отношеніяхъ.

Если ограничиваться здѣсь исключительно одними гражданскими и экономическими соображеніями, то нельзя и найти оправданія господствующей системѣ; но такъ какъ вопросъ имѣетъ еще религіозную и вмѣстѣ юридическую сторону, то его должно представить еще и въ слѣдующемъ видѣ:

> Все зло, происшедшее отъ узаконеній и постановленій о несчастно-рожденныхъ дѣтяхъ и пріемѣ ихъ въ Воспитательные Дома, вознаграждено ли, по крайней мѣрѣ, значительнымъ уменьшеніемъ дѣтоубійствъ, которое одно могло бы оправдать постановленныя мѣры къ пресѣченію сего рода преступленій?

По многимъ иностраннымъ, несомнѣннымъ, документамъ и преимущественно по отчетамъ уголовной администраціи Франціи, видно, что тамъ число дѣтоубійствъ остается все въ той же пропорціи съ числомъ прочихъ преступленій, и нисколько не уменьшилось со времени новѣйшихъ преобразованій въ устройствѣ Воспитательныхъ Домовъ.

Въ рапортахъ же Коммиссіи, учрежденной въ 1846 году, въ Парижѣ, и разсмотрѣнныхъ Генеральнымъ Совѣтомъ Богоугодныхъ заведеній, именно сказано: «Коммисcія единогласно заключила, что туры (то есть, пріемъ младенцевъ въ секретѣ, безъ всякихъ справокъ ни о томъ, кто они, ни кто ихъ принесъ,—пріемъ, соотвѣтствующій пріему, учрежденному въ Русскихъ Воспитательныхъ Домахъ) представляютъ важнѣйшій источникъ всего зла, приписываемаго Воспитательнымъ Домамъ, и подаютъ поводъ къ злоупотребленіямъ и

обману Правительства». Оная же Коммиссія доказала вмѣстѣ и то, что уничтоженіе, или сохраненіе, туровъ, ихъ уменьшеніе, или увеличеніе, въ какихъ бы Департаментахъ Франціи оно ни воспослѣдовало, нигдѣ не имѣло ни малѣйшаго вліянія на уменьшеніе, или увеличеніе, дѣтоубійствъ, между тѣмъ какъ сіи мѣры возбудили, напротивъ, преступленія другаго рода. «И потому, заключаетъ Коммиссія, нельзя усомниться въ той истинѣ, что туры (т. е., неограниченно-секретный пріемъ младенцевъ) суть явное посягательство на законъ природы, на общественную нравственность, и вмѣстѣ средство къ поощренію всѣхъ вредныхъ страстей.»

За симъ остается сдѣлать приложеніе всего выше сказаннаго къ Русскимъ Воспитательнымъ Домамъ, и разсмотрѣть, въ какой степени оно подтверждается на нашей почвѣ, при другихъ нравахъ, менѣе развращенныхъ, при меньшей степени той образованности, которая ведетъ къ растлѣнію ихъ, при другомъ климатѣ, и всѣхъ другихъ мѣстныхъ гражданскихъ условіяхъ, усугубляющихъ, какъ легко можно доказать, весь вредъ безотчетнаго пріема младенцевъ, подъ именемъ, часто ложнымъ, незаконнорожденныхъ.

О МОСКОВСКОМЪ ВОСПИТАТЕЛЬНОМЪ ДОМѢ.

Сказанное мною выше о Воспитательныхъ Домахъ вообще относится не къ однимъ чужеземнымъ заведеніямъ сего рода; Русскіе Воспитательные Дома необходимо должны были подвергнуться той же участи, т. е., слѣдствіемъ ихъ учрежденій было у насъ, какъ и вездѣ: 1) каждогодное увеличиваніе числа приносимыхъ младенцевъ, равно какъ и родившихся въ самомъ Домѣ, въ огромномъ размѣрѣ; 2) разслабленіе нравственныхъ началъ, запрещающихъ, по возможности, всякому человѣку не заботиться самому о своихъ дѣтяхъ; 3) увеличиваніе смертности младенцевъ, и 4) каждогодное увеличиваніе издержекъ Правительства.

Но Воспитательные Дома въ Россіи тѣмъ именно и отличаются отъ тѣхъ же заведеній въ другихъ земляхъ, что у насъ всѣ ихъ вредныя стороны являются въ такомъ огромномъ объемѣ, въ какомъ онѣ нигдѣ не встрѣчаются за границею, и именно по тому, что, по моему мнѣнію, у насъ законъ предупредилъ фактъ, учрежденіе возникло не изъ народной потребности, и потому породило неизбѣжное, но, такъ сказать, искуственное зло.

Чтобъ доказать справедливость сего мнѣнія, нужно не только подтвердить оное несомнѣнными фактами, но вмѣстѣ войти въ объясненіе нѣкоторыхъ подробностей, исключительно до Русскихъ Воспитательныхъ Домовъ касающихся, какъ мѣстныхъ принадлежностей. Русское гражданское устройство и существованіе крѣпостнаго состоянія, степень образованія простаго сословія и въ особенности крестьянъ, степень ихъ религіознаго и нравственнаго быта, степень народонаселенія, условія климата и огромнаго пространства Русскаго Государства, по преимуществу земледѣльческаго: вотъ обстоятельства, на которыя должно обратить вниманіе при разсмотрѣніи сего вопроса. И нельзя не убѣдиться, что всѣ они, въ той степени связи, въ которой представляются съ Русскими Воспитательными Домами, ни сколько не свидѣтельствуютъ въ пользу принятой у насъ системы, но, напротивъ, могутъ только, каждое въ извѣстной степени, усугублять тѣ вредныя стороны оной, которыя хотя существуютъ и въ другихъ земляхъ, но не въ той мѣрѣ, и по той именно причинѣ, что тамъ сіи самыя условія мѣстности, климата и гражданскаго быта, или совершенно различны, или вовсе не существуютъ.

Прежде нежели приступлю къ настоящему моему бѣглому разсмотрѣнію Императорскаго Московскаго Воспитательнаго Дома, слѣдуя прежнему порядку, въ экономическомъ, медицинскомъ и нравственномъ отношеніяхъ, я долженъ поставить на видъ, что во всей Европѣ нигдѣ не существуетъ заведенія, подобнаго существующему въ Москвѣ, какъ по внѣшней колоссальной величинѣ самаго зданія, такъ и по внутреннему устройству, порядку, чистотѣ и прочимъ принадлежностямъ. Всѣ заботы Правительства у насъ въ Россіи, не въ лесть да будетъ сказано, принимаютъ обыкновенно размѣръ Русскій, то есть, самый широкій, самый щедрый. Нигдѣ нѣтъ заведенія съ такими средствами, нигдѣ нѣтъ дома, который, въ столь изящныхъ и просторныхъ залахъ, могъ бы вмѣстить такое множество младенцевъ, и, можетъ быть, нигдѣ Гг. Медики не исполняютъ своего долга тамъ добросовѣстно, какъ тѣ, коимъ ввѣрено попечительство о несчастно-рожденныхъ въ Москвѣ дѣтей.

Замѣчу еще, что отъ заведенія въ томъ видѣ, въ коемъ оно было учреждено при Императрицѣ Екатеринѣ II, остались только два отдѣленія неизмѣненными, Грудное и Родильное, и что самыя измѣ-

ненія, кои оказалось необходимымъ совершить нашему мудрому Правительству, громче всѣхъ возможныхъ разсужденій доказываютъ и подверждаютъ выше выраженное мнѣніе о Воспитательныхъ Домахъ, хотя сіи мѣры еще не вполнѣ достаточны для искорененія злоупотребленій и установленія окончательнаго порядка въ пріемѣ и призрѣніи несчастно-рожденныхъ, что и слѣдуетъ доказать.

I

О ВОЗРАСТАЮЩЕМЪ ЧИСЛѢ МЛАДЕНЦЕВЪ ВЪ МОСКОВСКОМЪ ВОСПИТАТЕЛЬНОМЪ ДОМѢ.

Со времени учрежденія Московскаго Воспитательнаго Дома, то есть, съ 24 Апрѣля, 1764, до нынѣшняго года, какъ видно изъ вѣдомостей того Дома, число пріема несчастно-рожденныхъ увеличивалось въ невѣроятной прогрессіи.

Въ первое десятилѣтіе	(1764 — 1774 г.)	принесено	было	9,457 д.
Въ четвертое »	(1794 — 1804 г.)	»	»	21,074.
Въ восьмое »	(1834 — 1844 г.)	»	»	71,709.

Въ 1849 году принято 8,941.

Въ 1850 » » 9,702 (то есть, болѣе 751).

Въ нынѣшнемъ же 1751 году, въ теченіи четырехъ мѣсяцевъ, около четырехъ тысячь младенцевъ.

Смотрите прилагаемыя при семъ таблицы о числѣ пріема съ 1764 до 1851 за каждый годъ и сравнительныя вѣдомости о томъ же предметѣ.

Въ теченіе 87 лѣтъ принесено всѣхъ младенцевъ 315,151.

Сравнивая таблицы пріема въ другихъ городахъ Европы, какъ-то въ Парижѣ, Ліонѣ и другихъ, усматриваемъ, что тамъ число приносимыхъ дѣтей несравненно менѣе, чѣмъ у насъ, между тѣмъ какъ, судя по степени народной нравственности и по самому быту народному, число пріема несчастно-рожденныхъ должно было бы быть, особенно во Франціи, гораздо болѣе, чѣмъ въ Россіи.

Что же касается до числа несчастно-родившихся младенцевъ въ самомъ Московскомъ Воспитательномъ Домѣ, то есть, въ такъ называемомъ Секретно-родильномъ отдѣленіи, то оно также возрастаетъ ежегодно въ огромной прогрессіи.

Въ 1764 году	родилось	тамъ	14	младенцевъ.
1774	»	»	206.	
1804	»	»	409.	
1834	»	»	787.	
1844	»	»	1,479.	

Въ 1849 году родилось 1,648, а въ прошедшемъ 1850 уже 1,776, такъ что въ продолженіи 55 лѣтъ, со времени учрежденія до 1832 года, родилось въ домѣ 24,858; въ продолженіи же послѣднихъ девятнадцати лѣтъ, то есть, съ 1832 до 1851, почти столько же, сколько въ 55 лѣтъ предыдущихъ, а именно 24,459.

Замѣчательно при томъ, что въ Законно-родильномъ отдѣленіи, куда приходятъ рожать тѣ бѣдныя женщины, которыя дѣйствительно отъ крайней нищеты ищутъ здѣсь убѣжища, въ томъ же 19-лѣтнемъ періодѣ. то есть, съ 1852 года до 1851, родилось только 1,255 младенцевъ.

Всѣ сіи цыфры такъ громко говорятъ за себя, что всякія поясненія, или возраженія, очевидно, были бы здѣсь неумѣстны. И достаточно одного молчаливаго на нихъ указанія, чтобъ представить ясно и несомнѣнно, куда привести могутъ Московскія Грудное и Секретно-родильное отдѣленія, смотря на нихъ даже и съ одной точки зрѣнія, а именно финансовой.

II

О СМЕРТНОСТИ МЛАДЕНЦЕВЪ ВЪ МОСКОВСКОМЪ ВОСПИТАТЕЛЬНОМЪ ДОМѢ.

Младенцы, приносимые въ Воспитательные Дома, для вскормленія ихъ чужею грудью, бываютъ, по большей части, сложенія слабаго, золотушнаго, истощеннаго, и не содержатъ въ себѣ достаточно жизненной силы. Отсутствіе нравственнаго спокойствія, боязнь и прочія обстоятельства, подъ вліяніемъ которыхъ происходитъ зачатіе матери, а иногда и насилія, которымъ подвергаютъ сіи несчастныя свое тѣло, чтобъ скрыть свое положеніе, внутреннее бореніе и дѣйствіе скрытой страсти, наконецъ, самый процессъ рожденія, совершающагося въ бѣдномъ сословіи безъ всякаго содѣйствія врача, а иногда и совершенно противно требованіямъ природы: вотъ главныя причины, содѣйствующія болѣе или менѣе, болѣзненному

предрасположенію и неправильному развитію въ физическомъ отношеніи большей части несчастно-рожденныхъ младенцевъ. Слѣдовательно, еще до пріема ихъ въ Воспитательный Домъ, они уже отчасти предрасположены къ смерти. Тѣмъ важнѣе должно быть разсмотрѣніе вопроса, до какой степени Воспитательные Дома въ силѣ и возможности исполнить возложенную на нихъ Правительствомъ обязанность сохраненія и продолженія ихъ жизни.

Всѣ ученые, добросовѣстные медики, безъ исключенія, какъ за границею, такъ и въ самой Москвѣ, единодушно согласны въ томъ, что пріемъ, вскормленіе и содержаніе младенцевъ въ Воспитательныхъ Домахъ ничего не представляютъ въ пользу сохраненія какъ здоровья, такъ и жизни сихъ несчастныхъ. Напротивъ, здѣсь все противорѣчитъ условіямъ, самою природою для того установленнымъ. По вѣчному ея закону, сама мать должна быть кормилицею своего ребенка. И нарушеніе тайной, премудрой связи всего ея организма, подготовленнаго къ сему процессу, съ организмомъ самаго младенца, не можетъ не повредить его будущему развитію и окрѣпленію. Есть исключенія, когда мать не можетъ сама кормить своего ребенка, не повредивши ни ему, ни себѣ самой, но эти исключенія весьма рѣдки и встрѣчаются преимущественно въ высшемъ обществѣ, но отнюдь не въ простомъ сословіи. Въ Воспитательныхъ же Домахъ число младенцевъ, принадлежащихъ не простому сословію, до того незначительно, что не можетъ и быть взято во вниманіе.

Вотъ первая, главная и общая черта невыгоды коммунической системы наемнаго вскормленія дѣтей въ Воспитательныхъ Домахъ.

Если и допустить безвредное вскормленіе ребенка чужою грудью, то развѣ въ такомъ случаѣ, когда, по крайней мѣрѣ, всѣ другія необходимыя условія для физическаго обезпечиванія его жизни будутъ соблюдены. Первое и главное изъ таковыхъ условій есть чистый воздухъ, необходимый для младенцевъ слабыхъ и нѣжныхъ, на которыхъ непосредственно дѣйствуетъ вліяніе атмосферы, особенно въ той порѣ, когда всѣ органы ихъ, нѣжная и тонкая оболочка, какъ легкихъ, такъ и кожи, не могутъ безвредно переносить сгущеннаго скопленія нечистыхъ, а иногда и заразительныхъ, тѣлесныхъ испареній.

Въ Московскомъ Воспитательномъ Домѣ, то есть, въ Грудномъ отдѣленіи, это обстоятельство особенно обращаетъ на себя вниманіе; ибо здѣсь назначено было мѣсто на 500 кроватей, а теперь въ немъ содержится болѣе 700 младенцевъ. Быстрое и безпрерывное размноженіе запертыхъ въ однѣхъ и тѣхъ же комнатахъ младенцевъ, естественно, усугубляетъ то вредное вліяніе, которое имѣетъ обыкновенно на дѣтей сгущенная атмосфера; что нездорово для взрослыхъ, не можетъ не имѣть пагубнаго дѣйствія на продолжительность жизни младенцевъ, не достигшихъ шестинедѣльнаго возраста.

Другое обстоятельство, усугубляющее вредное вліяніе пріема младенцевъ въ Московскій Воспитательный Домъ, и перевоза ихъ въ деревни для дальнѣйшаго вскормленія и воспитанія, заключается въ Русскомъ климатѣ, противъ суровости котораго въ настоящемъ случаѣ безсильны всякія мѣры Правительства, или мѣстнаго начальства. Это обстоятельство чрезвычайно важно, и ему въ особенности приписана была чрезвычайная смертность, преобладавшая въ Русскихъ Воспитательныхъ Домахъ, въ началѣ ихъ учрежденія. Въ С. Петербургѣ, на примѣръ, принято было, съ 1770 до 1798 года, 28,436 младенцевъ, изъ коихъ умерло 24,272.

Не говорю уже о беременныхъ женщинахъ, приходящихъ зимою родить въ Московское Секретно-родильное отдѣленіе, иногда изъ весьма отдаленныхъ мѣстъ, и уходящихъ при 25 градусахъ мороза изъ Воспитательнаго Дома, не доживши опредѣленнаго девятидневнаго срока...

Холодъ смертоносно дѣйствуетъ въ особенности на младенцевъ, приносимыхъ въ Воспитательный Домъ въ зимнее время, и ввѣряемыхъ, по большой части, наемнымъ лицамъ, составляющимъ себѣ симъ приносомъ выгодное для себя ремесло. Дѣти сіи часто оказываются при пріемѣ совершенно замерзшими. Тѣ же изъ нихъ, на которыхъ холодъ дѣйствуетъ съ меньшею силою, тѣмъ не менѣе погибаютъ, нѣсколько дней спустя послѣ простуды. Замѣчу мимоходомъ, что даже въ Парижѣ, гдѣ, конечно, холодъ дѣйствуетъ съ меньшею свирѣпостію, у приносимыхъ въ Воспитательные Дома зимою дѣтей, по свидѣтельству доктора Леруа, обнаруживаются на распухшихъ и жесткихъ рукахъ и ногахъ слѣды простуды, отъ которой часто онѣ вскорѣ и умираютъ. Каковой же опасности онѣ под-

вергаться должны въ Москвѣ, или Петербургѣ, при 25 градусахъ мороза и при отдаленности не только одной части города отъ другой, но иногда и села, отстоящаго отъ Москвы болѣе ста верстъ?...Если младенецъ и переживетъ опасность, сопряженную съ принесеніемъ его въ домъ, его ожидаетъ та же опасность при выходѣ его изъ онаго; ибо послѣ 6 недѣль отправляютъ его въ деревню, и какъ бы о немъ ни заботились, какія мѣры ни принимали бы наемныя лица, коимъ ихъ ввѣряютъ, симъ лицамъ чрезвычайно трудно благополучно доставить въ деревню, иногда отдаленную, шестинедѣльнаго ребенка, не защищеннаго теплою материнскою грудью.

Третье, не менѣе важное, обстоятельство, приводящее Московское Грудное отдѣленіе въ затруднительное положеніе, есть недостатокъ въ хорошихъ, здоровыхъ и честныхъ кормилицахъ, неопредѣленность срока пребыванія ихъ въ Домѣ и условій, по которымъ онѣ обязываются наемною и равнодушною грудью прокармливать несчастныхъ младенцевъ. Эти затрудненія должны необходимо возрастать вмѣстѣ съ ежемѣсячнымъ приращеніемъ приносимыхъ дѣтей и естественно имѣть вліяніе на здоровье и самую жизнь сихъ послѣднихъ. При меньшемъ, ограниченномъ числѣ младенцевъ легко бы было исполнить требованія, въ этомъ дѣлѣ необходимыя. Но тамъ, гдѣ ежедневно имѣютъ нужду, положимъ, въ 700-хъ кормилицахъ, едва ли могутъ быть добросовѣстно выполнены условія здоровья, нравственности и человѣколюбиваго обращенія. При всемъ присмотрѣ и при всей строжайшей дисциплинѣ, можно ли ожидать заботливаго и нѣжнаго хожденія за беззащитными крошками, отъ цѣлаго полка сихъ женщинъ, съ улицы пришедшихъ, въ видѣ поденщицъ, заработать свой хлѣбъ, лишивши своей груди своихъ собственныхъ дѣтей? Докторскій осмотръ поручиться можетъ только за здоровье; но кто сіи женщины, откуда онѣ, какого поведенія, кто можетъ за это отвѣчать при такомъ множествѣ и большею частію при краткомъ пребываніи ихъ въ Домѣ?

По замѣчанію одного ученаго врача, весьма близкаго и опытнаго судьи въ этомъ дѣлѣ, невозможно усмотрѣть за исполненіемъ обязанности каждой кормилицы въ исключительномъ прокормленіи одного ввѣреннаго ей младенца. Уходитъ ли она обѣдать, или отлучается по другому какому либо случаю, она передаетъ его сосѣдкѣ кормилицѣ, которая, въ свою очередь, тоже покормитъ несчаст-

наго. Этого мало: каждая кормилица, если только ей вздумается, можетъ и вовсе оставить Домъ, и ребенокъ въ такомъ случаѣ переходитъ къ другой. Не принимаетъ ли, спрашиваю, Грудное отдѣленіе вида фаланстеріи въ пеленкахъ? Нѣтъ сомнѣнія, что этотъ коммунизмъ въ кормленіи, если осмѣлюсь такъ выразиться, имѣетъ самое вредное вліяніе на ребенка; вотъ чѣмъ отчасти и объясняется преобладаніе въ дѣтяхъ Груднаго отдѣленія болѣзни, называемой молошницею (Stomatitis excudativa), до того тамъ преобладающей, что изъ суточной вѣдомости о больныхъ, находившихся въ лазаретахъ пятаго этажа, на примѣръ, за 19 число Апрѣля, 1851 года, ею одержимы были 151 младенецъ, изъ числа 282 тамъ находившихся больныхъ.

Заключаю сей бѣглый обзоръ извѣстными мнѣ цыфрами о смертности въ Московскомъ Грудномъ отдѣленіи. Всѣ медики Московскаго Воспитательнаго Дома имѣютъ безукоризненное убѣжденіе, что ни въ одномъ изъ Европейскихъ заведеній сего рода не умираетъ менѣе дѣтей, чѣмъ въ Москвѣ. Но нельзя же, однако, и самой бдительной медицинѣ измѣнить противудѣйствующихъ ей вышеизложенныхъ обстоятельствъ. И потому не удивительно, что, не смотря на заботы столь всегда усерднаго Русскаго начальства, умираетъ огромное количество младенцевъ даже и въ Московскомъ Воспитательномъ Домѣ, хотя число сихъ жертвъ, положимъ, сравнительно и меньше, чѣмъ гдѣ либо.

Изъ приложенной при семъ мѣсячной вѣдомости объ однихъ больныхъ младенцахъ, находившихся въ лазаретахъ 5-го этажа при Грудномъ отдѣленіи, за Генварь 1851 года, видно слѣдующее:

Къ 1-му Генваря 1851 г. больныхъ состояло.	228.
Прибыло	554.
И того	782.

Если мы положимъ одинаковое число имѣющихъ прибыть больныхъ на каждый изъ остальныхъ 11 мѣсяцевъ текущаго года, то въ теченіи 1851 однихъ больныхъ младенцевъ въ Воспитательномъ Домѣ было бы 6,876.

По обыкновенному приращенію приносимыхъ дѣтей, нужно полагать скорѣе увеличеніе сего числа, чѣмъ уменьшеніе.

Умерло же въ теченіе Генваря . . . . 166.
Осталось больныхъ къ 1-му Февраля . . . . 311.
Изъ сихъ послѣднихъ трудныхъ, то есть, почти уже обреченныхъ на смерть . . . . 118.

Изъ сего, кажется, ясно видно, что смертность въ Московскомъ Воспитательномъ Домѣ, какъ бы ни считалась она, сравнительно съ другими странами, незначительною, все таки велика сама по себѣ. И необходимо замѣтить, что изъ сихъ чиселъ невозможно вывести общаго итога о всей смертности дѣтей, ввѣренныхъ попечительству Московскаго Воспитательнаго Дома, что значило бы впасть въ самую грубую ошибку. Нѣтъ, это только смертность грудныхъ младенцевъ въ продолженіи шести недѣль; а какъ, гдѣ и сколько умираетъ дѣтей въ послѣдствіи, по отсылкѣ ихъ въ деревни, сколько умираетъ достигшихъ 7, 14 и 21 года . . . . это, увы! другая печальная исторія, страницы которой, можетъ быть, не для меня одного закрыты. . . . .

Не довѣряя вполнѣ самому себѣ въ точности нѣкоторыхъ изъ сихъ соображеній, касательно Московскаго Воспитательнаго Дома въ медицинскомъ отношеніи, я желалъ бы, для сравненія, повѣрки и дополненій оныхъ, чтобъ вопросъ о томъ: «Благопріятствуетъ ли сохраненію здоровья и жизни грудныхъ младенцевъ способъ пріема, кормленія и содержанія ихъ въ Грудномъ отдѣленіи Московскаго Воспитательнаго Дома?» былъ отданъ на подробнѣйшее разрѣшеніе ученаго, опытнаго въ этомъ дѣлѣ и вмѣстѣ безпристрастнаго, медика.

ВѢДОМОСТЬ

ИМПЕРАТОРСКАГО МОСКОВСКАГО ВОСПИТАТЕЛЬНАГО ДОМА О ЧИСЛѢ ПРІЕМА НЕСЧАСТНО-РОЖДЕННЫХЪ ПИТОМЦЕВЪ ОБОЕГО ПОЛА СО ВРЕМЕНИ УЧРЕЖДЕНІЯ СЕГО ДОМА 21 АПРѢЛЯ, 1764 ГОДА, ДО 1850 ГОДА.

Число год.	Годы:	Ежегодное увеличеніе или уменьшеніе:	Принесено:	Въ томъ числѣ родилось въ Домѣ:	Число год.	Годы:	Ежегодное увеличеніе или уменьшеніе:	Принесено:	Въ томъ числѣ родилось въ Домѣ:
1	1764	» » »	523	14	34	1797	болѣе 240	2003	260
2	1765	болѣе 270	793	75	35	1798	болѣе 131	2134	338
3	1766	менѣе 51	742	76	36	1799	менѣе 3	2131	328
4	1767	болѣе 347	1089	84	37	1800	менѣе 34	2097	338
5	1768	болѣе 25	1114	149	38	1801	болѣе 293	2390	387
6	1769	болѣе 123	1237	178	39	1802	болѣе 96	2486	424
7	1770	менѣе 235	1002	162	40	1803	болѣе 112	2598	425
8	1771	менѣе 160	842	105	41	1804	болѣе 143	2742	409
9	1772	менѣе 81	761	34	42	1805	болѣе 219	2960	418
10	1773	болѣе 593	1354	183	43	1806	болѣе 215	3175	434
11	1774	менѣе 70	1284	206	44	1807	болѣе 27	3202	399
12	1775	болѣе 232	1516	256	45	1808	болѣе 135	3337	449
13	1776	менѣе 295	1221	193	46	1809	болѣе 233	3570	449
14	1777	болѣе 183	1404	258	47	1810	болѣе 170	3740	492
15	1778	менѣе 83	1321	232	48	1811	менѣе 135	3605	483
16	1779	менѣе 33	1288	251	49	1812	менѣе 993	2612	408
17	1780	менѣе 182	1106	219	50	1813	менѣе 938	1674	338
18	1781	менѣе 28	1078	205	51	1814	болѣе 713	2387	549
19	1782	болѣе 86	1164	209	52	1815	болѣе 695	3082	668
20	1783	менѣе 9	1155	230	53	1816	болѣе 436	3518	728
21	1784	менѣе 64	1091	212	54	1817	болѣе 266	3784	725
22	1785	болѣе 16	1107	187	55	1818	болѣе 556	4340	752
23	1786	болѣе 337	1444	271	56	1819	менѣе 80	4260	690
24	1787	болѣе 17	1461	249	57	1820	менѣе 33	4227	561
25	1788	менѣе 276	1185	155	58	1821	болѣе 99	4326	534
26	1789	болѣе 118	1303	209	59	1822	болѣе 274	4600	628
27	1790	болѣе 57	1360	227	60	1823	болѣе 55	4655	613
28	1791	болѣе 39	1399	200	61	1824	болѣе 552	5207	612
29	1792	болѣе 296	1695	292	62	1825	болѣе 384	5591	602
30	1793	менѣе 298	1397	205	63	1826	менѣе 59	5532	633
31	1794	болѣе 154	1551	247	64	1827	болѣе 159	5691	636
32	1795	болѣе 370	1921	303	65	1828	менѣе 171	5520	650
33	1796	менѣе 158	1763	252	66	1829	менѣе 137	5383	743

Число год.:	Годы:	Ежегодное увеличеніе или уменьшеніе:	Принесено:	Въ томъ числѣ родилось въ домѣ:	Число год.:	Годы:	Ежегодное увеличеніе или уменьшеніе:	Принесено:	Въ томъ числѣ родилось въ домѣ:
67	1830	менѣе 437	4946	705	78	1841	менѣе 528	6437	962
68	1831	болѣе 793	5739	722	79	1842	болѣе 549	6986	1098
69	1832	болѣе 631	6370	785	80	1843	болѣе 288	7274	1143
70	1833	болѣе 528	6898	961	81	1844	болѣе 527	7801	1362
71	1834	болѣе 1414	8312	924	82	1845	болѣе 434	8235	1544
72	1835	менѣе 1139	7173	840	83	1846	болѣе 344	8579	1767
73	1836	болѣе 505	7678	982	84	1847	менѣе 133	8446	1628
74	1837	болѣе 608	7070	1063	85	1848	болѣе 399	8845	1594
75	1838	менѣе 505	6565	1087	86	1849	болѣе 106	8951	1568
76	1839	болѣе 684	7249	1147	87	1850	болѣе 751	9702	1676
77	1840	менѣе 284	6965	1035					
							Всего	315,451	47,989.
							т. е. принесено	267,462	
							родилось	47,989	
								315,451	

ДЕСЯТИЛѢТНЯЯ СЛОЖНОСТЬ СЪ 1764 ГОДА 21 АПРѢЛЯ ПО 1850 ГОДЪ.	СРАВНЕНІЕ.		
Съ 1764 года до 1774 —	9457		
Съ 1774 — до 1784 —	12537	болѣе	3080
Съ 1784 — до 1794 —	13442	болѣе	905
Съ 1794 — до 1804 —	21074	болѣе	7632
Съ 1804 — до 1814 —	30617	болѣе	9543
Съ 1814 — до 1824 —	39179	болѣе	8562
Съ 1824 — до 1834 —	56877	болѣе	17698
Съ 1834 — до 1844 —	71709	болѣе	14832
1844	7801	болѣе	527
1845	8235	болѣе	434
1846	8579	болѣе	344
1847	8446	менѣе	133
1848	8845	болѣе	399
1849	8951	болѣе	106
Въ теченіи 86 лѣтъ принесено дѣтей	305749		
Въ 1850 году принесено дѣтей	9702	болѣе	751
Всего	315451		

СРАВНИТЕЛЬНАЯ ВѢДОМОСТЬ

ИМПЕРАТОРСКАГО МОСКОВСКАГО ВОСПИТАТЕЛЬНАГО ДОМА О ЧИСЛѢ ПРІЕМА НЕСЧАСТНО-РОЖДЕННЫХЪ ПИТОМЦЕВЪ ОБОЕГО ПОЛА, СО ВРЕМЕНИ УЧРЕЖДЕНІЯ СЕГО ДОМА, ПО ДЕСЯТИЛѢТНЕЙ СЛОЖНОСТИ, ОТЪ 21-го Апрѣля 1764 ГОДА ДО 1851 ГОДА.

	Сравненіе		
Съ 1764 года до 1774 —	9457		
Съ 1774 — до 1784 —	12537	болѣе	3080
Съ 1784 — до 1794 —	13442	болѣе	905
Съ 1794 — до 1804 —	21074	болѣе	7632
Съ 1804 — до 1814 —	30617	болѣе	9543
Съ 1814 — до 1824 —	39179	болѣе	8562
Съ 1824 — до 1834 —	56877	болѣе	17698
Съ 1834 — до 1844 —	71709	болѣе	14832
1844	7801	болѣе	527
1845	8235	болѣе	434
1846	8579	болѣе	344
1847	8446	менѣе	133
1848	8845	болѣе	399
1849	8951	болѣе	106
1850	9702	болѣе	751
Въ теченіи 87 лѣтъ принесено дѣтей	315451		

Девятнадцатилѣтняя смертность законнаго родильнаго госпиталя во время завѣдыванія имъ директоромъ Рихтеромъ.

Годы.	Принято.	Умерло.	Въ дробяхъ.	Въ процен.
1832	27	3	1/9	11,0
1833	33	3	1/11	9,1
1834	40	2	1/20	5.0
1835	35	1	1/35	2,7
1836	38	1	1/39	2,6
1837	35	—	—	—
1838	46	—	—	—
1839	43	2	1/21	4,9
1840	40	2	1/10	5,0
1841	54	1	1/54	2,0
1842	74	5	1/15	6,8
1843	74	2	1/37	2,7
1844	98	3	1/33	3,0
1845	102	4	1/25	4,0
1846	131	4	1/33	3,0
1847	159	3	1/53	2,0
1848	175	16	1/11	9,1
1849	160	5	1/32	3,0
1850	161	5	1/32	3,0
19 лѣтъ	1523	62	1/25	4,0

ДЕВЯТНАДЦАТИЛѢТНЯЯ СМЕРТНОСТЬ СЕКРЕТНАГО РОДИЛЬНАГО ГОСПИТАЛЯ ВО ВРЕМЯ ЗАВѢДЫВАНІЯ ИМЪ Директоромъ Рихтеромъ.

Годы.	Принято.	Умерло.	Въ Дробяхъ.	Въ процен.
1832	844	11	1/76	1 1/3
1833	1013	19	1/53	2
1834	787	25	1/31	3 1/4
1835	883	14	1/63	1 1/2
1836	1035	17	1/60	1 2/3
1837	1129	16	1/70	1 3/4
1838	1164	8	1/145	0 2/3
1839	1217	19	1/61	1 1/2
1840	1097	38	1/29	3 1/2
1841	1011	20	1/50	2
1842	1186	33	1/36	2 2/3
1843	1255	28	1/45	2 1/5
1844	1479	18	1/82	1 1/4
1845	1651	21	1/79	1 1/3
1846	1894	33	1/57	1 3/4
1847	1692	32	1/53	2
1848	1698	38	1/29	3 1/2
1849	1648	69	1/24	4
1850	1776	70	1/26	4
19 лѣтъ	24,459	549	1/45	2 1/3

ВѢДОМОСТЬ

ИМПЕРАТОРСКАГО МОСКОВСКАГО ВОСПИТАТЕЛЬНАГО ДОМА О ЧИСЛѢ РОДИВШИХСЯ ВЪ САМОМЪ ДОМѢ НЕСЧАСТНО-РОЖДЕННЫХЪ ПИТОМЦЕВЪ ОБОЕГО ПОЛА, СО ВРЕМЕНИ УЧРЕЖДЕНІЯ СЕГО ДОМА 21 АПРѢЛЯ 1764 ГОДА ДО 1832 ГОДА.

Число годовъ.	Годы.	Родилось въ самомъ домѣ.		Число годовъ.	Годы.	Родилось въ самомъ домѣ.
1	1764	14		23	1786	271
2	1765	75		24	1787	249
3	1766	76		25	1788	155
4	1767	84		26	1789	209
5	1768	149		27	1790	227
6	1769	178		28	1791	200
7	1770	162		29	1792	292
8	1771	105		30	1793	205
9	1772	34		31	1794	247
10	1773	183		32	1795	303
11	1774	206		33	1796	252
12	1775	256		34	1797	260
13	1776	193		35	1798	338
14	1777	258		36	1799	328
15	1778	232		37	1800	338
16	1779	251		38	1801	387
17	1780	219		39	1802	424
18	1781	205		40	1803	225
19	1782	209		41	1804	409
20	1783	230		42	1805	418
21	1784	212		43	1806	443
22	1785	187		44	1807	399

Число годовъ.	Годы.	Родилось въ самомъ домѣ.		Число годовъ.	Годы.	Родилось въ самомъ домѣ.
45	1808	449		57	1820	561
46	1809	449		58	1821	534
47	1810	492		59	1822	628
48	1811	483		60	1823	613
49	1812	408		61	1824	612
50	1813	338		62	1825	602
51	1814	549		63	1826	633
52	1815	668		64	1827	636
53	1816	728		65	1828	650
54	1817	725		66	1829	743
55	1818	752		67	1830	705
56	1819	690		68	1831	722
			Всего			24858

МѢСЯЧНАЯ ВѢДОМОСТЬ

о больныхъ, находящихся въ лазаретахъ 5-го этажа, при грудныхъ отдѣленіяхъ обоего пола младенцевъ за январь мѣсяцъ 1851 года.

Звание болѣзней.	Къ 1-му Генваря состояло.			Прибыло.		Выздоровѣло.		Умерло.		Къ 1-му Февраля состоитъ.		
	М.	Ж.	И т.	М.	Ж.	М.	Ж.	М.	Ж.	М.	Ж.	И т.
Diarrhoea	5	2	7	25	19	11	8	8	3	11	10	21
Atrophia	7	2	9	11	8	9	3	7	2	2	5	7
Ophthalmia	14	17	31	29	23	18	19	4	2	21	19	40
Enteritis	2	2	4	1	2	1	—	1	2	1	2	3
Icterus	15	6	21	31	10	18	4	13	5	15	7	22
Stomatitis exsudativa .	64	48	112	122	103	92	83	28	26	66	42	108
Marasmus	7	10	17	66	63	10	7	33	20	30	46	76
Exanthima	1	6	7	3	5	1	6	—	1	3	4	7
Scrophulae	1	1	2	1	4	1	—	1	—	—	5	5
Erysipilas	—	2	2	—	2	—	2	—	1	—	1	1
Tussis.	3	8	11	3	8	4	5	—	1	2	10	12
Eclampsia	—	—	—	5	5	—	—	5	1	—	4	4
Ulcus.	—	—	—		1	—	—	—	—	1	1	2
Abscusus	1	1	2	—	1	1	1	—	1	—	—	—
Syphilis.	2	1	3	1	1	1	—	—	1	2	1	3
И того.	122	106	228	299	255	167	138	100	66	154	157	311

Въ томъ числѣ грудныхъ мужескаго 60 человѣкъ
женскаго 58 —

И того 118 человѣкъ.

СУТОЧНАЯ ВѢДОМОСТЬ

О БОЛЬНЫХЪ, НАХОДЯЩИХСЯ ВЪ ЛАЗАРЕТАХЪ 5-ГО ЭТАЖА ПРИ ГРУДНЫХЪ ОТДѢЛЕНІЯХЪ ОБОЕГО ПОЛА МЛАДЕНЦЕВЪ ЗА 19 ЧИСЛО АПРѢЛЯ МѢСЯЦА 1851 ГОДА.

ЗВАНІЕ БОЛѢЗНЕЙ.	Состояло.		Трудн.		Приб.		Выздор.		Умерло.		Состоитъ.		
	М.	Ж.	М.	Ж.	М.	Ж.	М.	Ж.	М.	Ж.	М.	Ж.	Итого
Diarrhoea	6	6	6	5	—	1	—	—	—	—	12	12	24
Atrophia.	—	—	5	2	—	—	—	—	—	—	5	2	7
Ophthalmia	14	9	—	—	—	—	—	—	—	—	14	9	23
Enteritis.	—	—	1	1	—	—	—	1	—	—	1	—	1
Icterus	8	—	6	—	—	1	—	—	1	—	13	1	14
Stomatitis exsudativa .	44	40	34	40	6	3	6	7	3	—	75	76	151
Marasmus	10	9	8	9	1	1	—	—	1	2	18	17	35
Exanthima	—	3	—	—	—	—	—	—	—	—	—	3	3
Scrophulae.	1	—	—	—	—	—	—	—	—	—	1	—	1
Ulcus	1	1	—	—	—	—	—	—	—	—	1	1	2
Erysipelas	1	—	—	—	—	—	—	—	—	—	1	—	1
Tussis	—	3	—	—	—	—	—	—	—	—	—	3	3
Catarrhus.	—	—	—	2	—	—	—	—	—	—	—	2	2
Ecclampsia.	—	—	3	3	—	—	—	—	—	—	3	3	6
Infans praematurus . .	—	—	—	1	—	—	—	—	—	1	—	—	—
Tumor.	2	—	—	—	—	—	—	—	—	—	2	—	2
Vomitus	1	2	1	2	—	—	—	—	—	—	2	4	6
Pemphigus.	—	—	—	1	—	—	—	—	—	—	—	1	1
Итого	88	73	64	66	7	6	6	8	5	3	148	134	282

ФОРМА

ДЛЯ СОБРАНІЯ СТАТИСТИЧЕСКИХЪ ЦИФРЪ,

НЕОБХОДИМЫХЪ КЪ РѢШЕНІЮ ВОПРОСА, ВЪ КАКОЙ СТЕПЕНИ ПОЛЕЗЕНЪ, ИЛИ ВРЕДЕНЪ, ВЪ ОТНОШЕНІИ КЪ НРАВАМЪ И ФИНАНСАМЪ, СОСТОЯЩІЙ ВЪ МОСКВѢ ВОСПИТАТЕЛЬНЫЙ ДОМЪ.

Нужно знать, сколько съ перваго года учрежденія сего заведенія до 1851 года, обозначая цифры каждаго года особенно,

или съ 1840 до 1850,

или, по крайней мѣрѣ, сколько

въ 1840,

въ 1850.

А. 1. Принято было въ грудное отдѣленіе принесенныхъ дѣтей вообще:

а. пола мужескаго.

б. пола женскаго.

2. Родившихся въ родильномъ отдѣленіи:

а. пола мужескаго.

б. пола женскаго.

Б. 1. Умершихъ въ грудномъ отдѣленіи:

а. пола мужескаго.

б. пола женскаго.

2. Мертворожденныхъ въ родильномъ отдѣленіи:

а. пола мужескаго.
б. пола женскаго.

3. Умершихъ по отсылкѣ ихъ въ деревняхъ:

а. мужескаго.
б. женскаго пола.

4. Сколько вообще умерло дѣтей:

а. менѣе одного года.
б. болѣе одного года.

В. 1. Сколько оставалось къ 31 Декабря каждаго года, съ перваго года учрежденія до 1851,

или каждаго года послѣдняго десятилѣтія,

или, по крайней мѣрѣ,

1840-го и 1850-го.

Дѣтей въ самомъ домѣ:

а. мужескаго.
б. женскаго.

2. Сколько въ деревняхъ:

а. мужескаго.
б. женскаго.

Г. 1. Сколько именно времени прокормливается обыкновенно дитя въ грудномъ отдѣленіи:

а. сколько отослано въ деревню по истеченіи меньшаго времени.

б. сколько по истеченіи бóльшаго времени.

Д. 1. Сколько вышло вообще дѣтей изъ Воспитательнаго Дома по истеченіи срока, опредѣленнаго на ихъ тамъ содержаніе до 1837 г.

а. мужескаго.
б. женскаго.

2. Сколько осталось въ деревняхъ, избравшихъ родъ жизни земледѣльцевъ.

3. а. Сколько усыновленныхъ.

б. Сколько передано изъ дома на попеченіе родителей, или благотворителей, до совершеннолѣтняго возраста:

а. мужескаго.

б. женскаго.

Е. Желательно бы было по возможности имѣть свѣдѣнія о избраніи рода жизни вышедшими изъ Воспитательнаго Дома воспитанниками обоего пола и о дальнѣйшихъ успѣхахъ ихъ на общественномъ поприщѣ.

1. Сколько поступило въ Университеты до 1837 г.

2. Сколько въ военную службу во всѣ годы.

3. Сколько въ Ремесленное заведеніе.

4. Въ Фельдшерное заведеніе.

5. Сколько неизвѣстнаго, сомнительнаго, дурнаго поведенія:

а. мужескаго.

в. женскаго.

6. Какая судьба постигаетъ вышедшихъ изъ Воспитательнаго Дома воспитанницъ.

а. какъ до 1837 г.

б. такъ и въ послѣднее десятилѣтіе.

7. Сколько изъ сихъ послѣднихъ, избравшихъ опредѣленный образъ жизни и занятія, извѣстныя Дому.

8. Сколько вышло замужъ.

Ж. 1. Сколько употреблено расходовъ каждогодно до 1837 года:

а. На содержаніе и пищу дѣтей.

б. На ученіе ихъ.

в. Прочихъ расходовъ.

2. Среднее число издержекъ на каждаго воспитанника.

3. Сколько съ 1837 года потребно было расходовъ:

а. въ Грудное отдѣленіе.

б. въ Родильное отдѣленіе.

в. въ деревняхъ.

3. Распредѣленіе суммъ прихода, какъ всей ежегодной суммы, такъ съ обозначеніемъ, сколько откуда поступило денегъ на содержаніе Московскаго Воспитательнаго Дома.

ПОДРОБНОЕ ДОНЕСЕНІЕ

ЕЯ ИМПЕРАТОРСКОМУ ВЕЛИЧЕСТВУ, ГОСУДАРЫНѢ ИМПЕРАТРИЦѢ, МАРІИ ѲЕОДОРОВНѢ, О СОСТОЯНІИ МОСКОВСКАГО ВОСПИТАТЕЛЬНАГО ДОМА ВЪ БЫТНОСТЬ НЕПРІЯТЕЛЯ ВЪ МОСКВѢ 1812 ГОДА.

ВМѢСТО ПРЕДИСЛОВІЯ.

Милостивый Государь,

Александръ Михайловичъ!

Почтеннѣйшее письмо Ваше, отъ 18-го прошедшаго мѣсяца, съ нарочнымъ курьеромъ честь имѣлъ получить; приношу Вашему Высокопревосходительству чувствительнѣйшую мою благодарность за изъявленіе милостиваго Вашего участія о мнѣ, во время нахожденія непріятеля въ Москвѣ. Дѣйствительно, злодѣянія и варварства, ими производимыя, ни какимъ перомъ описать не возможно. Самъ Богъ подкрѣпилъ, наставилъ и сохранилъ насъ; не распространяюсь въ подробности съ нами случившагося по причинѣ болѣзни моей; оная съ 12-го Ноября меня мучитъ, по которой до выздоровленія получилъ милостивый рескриптъ. Въ ономъ Всемилостивѣйшая Государыня Императрица позволила до по-

правленія здоровья препоручить мнѣ должность моему помощнику, Г-ну Янишу, что исполнилъ. Прилагаю при семъ, собственно для Васъ, не дѣлая оное гласнымъ, точную копію съ моего Донесенія Государынѣ Императрицѣ, изъ коего изволите усмотрѣть о всѣхъ, происходившихъ злодѣяніяхъ.

Прося о продолженіи Вашихъ ко мнѣ милостей, пріймите и увѣреніе нелицемѣрнаго моего къ Вамъ высокопочитанія и совершенной преданности, съ которою честь имѣю быть,

Вашего Высокопревосходительства,

Милостивый Государь,

всепокорнѣйшій слуга,

Иванъ Тутолминъ.

Декабря 5-го дня,
1812 года.
Москва.

Его Высокопревосходительству,
Александру Михайловичу
Луницу.

Копія.

Всемилостивѣйшая Государыня!

Соображаясь съ точностію волѣ Вашего Императорскаго Величества, предписанной мнѣ въ Высочайшемъ рескриптѣ, отъ 18-го минувшаго Октября, собралъ я, сколько время, при нынѣшнихъ безпрерывныхъ трудахъ, мнѣ позволило, всѣ данныя происшествія, случившіяся въ Домѣ и внѣ оного, въ бытность непріятеля въ Москвѣ, о которыхъ и имѣю счастіе Вашему Императорскому Величеству представить слѣдующее подробное донесеніе.

Послѣ отправленія изъ Москвы, по Высочайшему Императорскаго Величества повелѣнію, взрослыхъ воспитанниковъ обоего пола и всѣхъ класеическихъ, въ Казань, что успѣлъ я сдѣлать 31-го Августа, о чемъ имѣлъ я счастіе подробно донести Вашему Императорскому Величеству, приказалъ я, съ 1-го Сентября, начать немедленно переводить отдѣльную больницу изъ окружнаго строенія въ квадратъ, но, по внезапному вступленію непріятельскихъ войскъ въ столицу, къ крайнему несчастію, не успѣлъ того жъ числа перенести всѣхъ вещей, къ оной принадлежащихъ, а принужденъ былъ ихъ оставить тамъ и хранить за замками.

31-го числа, вечеромъ, получилъ я рапортъ, что скотной дворъ нашими передовыми Козачьими войсками разграбленъ, съ котораго тотчасъ приказалъ весь скотъ пригнать въ домъ, имѣя въ виду, въ случаѣ нашествія непріятеля, употребить его на пищу дѣтямъ, обративъ въ солонину, что по времени и сдѣлалъ.

1-го Сентября наши войска, вошедши въ городъ, разбили нѣсколько питейныхъ домовъ, изъ которыхъ рабочіе люди обоего пола и караульщики тащили вино ведрами, горшками и кувшинами, и перепились такъ, что я на другой день вынужденъ былъ ходить по квартирамъ съ обыскомъ и, находя вино, выливать на землю и бить посуду. Подобная строгость помогла мнѣ въ послѣдствіи во многихъ случаяхъ; по приведеніи въ порядокъ Дома, съ тѣмъ же вмѣстѣ встрѣчалъ непріятеля.

2-го Сентября проходила Москву Россійская армія; всѣ Присутственныя Мѣста и большее число обывателей, имѣющихъ состояніе,

выѣхали еще за нѣсколько дней изъ города, а городскіе начальники и полиція рано по утру того жъ числа.

Чиновники и служащіе, оставленные въ Домѣ подъ начальствомъ моимъ, предварительно удержаны были мною при ихъ мѣстахъ съ обнадеживаніемъ, что за вѣрную и усердную ихъ службу, по материнскому милосердію Вашего Императорскаго Величества, они безъ награжденія не останутся. Всѣ они съ твердостію духа и должнымъ повиновеніемъ остались при своихъ мѣстахъ, кромѣ нѣкоторыхъ, кои отпущены мною съ семействами, какъ то: акушеръ Таннбергъ, имѣющій 9-ть человѣкъ дѣтей, въ числѣ коихъ взрослыхъ дочерей три; старшій аптекарь Буттеръ, архитекторской помощникъ Жилярди, и старшая повивальная бабка Бергеръ, которая, по прошенію ея, за слабостію здоровья, мною вовсе уволена отъ службы Дома; безъ спроса же моего уѣхали два священника и діаконъ.

По прохожденіи нашихъ войскъ, того жъ числа, въ слѣдъ за оными, въ 4-ре часа по полудни, вступила въ Москву Французская армія, такъ что послѣднія Россійскія войска проходили набережною Воспитательнаго Дома, а непріятельскія были уже въ Кремлѣ. По вступленіи ихъ въ Москву, долженъ былъ я ожидать всѣхъ насилій и жестокостей непріятеля, и для того, дабы спасти ввѣренное отъ Вашего Императорскаго Величества моему сохраненію Богоугодное заведеніе съ невинными сиротами, я, по долгу моему, тотчасъ, безъ робости, съ твердымъ духомъ, пошелъ въ Кремль, взявъ съ собою экономскаго помощника, Зейпеля, и для перевода экономскаго сына, Коллежскаго Регистратора, Петра Христіани, служащаго въ Канцеляріи Московскаго Военнаго Губернатора переводчикомъ. Пришедши туда, по многому прохожденію, доведенъ я былъ до опредѣленнаго отъ Наполеона Губернатора, Графа Дюронеля, коему объяснивъ объ оставленномъ на попеченіе мое Воспитательномъ Домѣ съ грудными и малолѣтными дѣтьми, просилъ его принять изъ единочеловѣколюбія оной Домъ подъ свою защиту. По которой моей просьбѣ, Графъ Дюронель приказалъ мнѣ дать 12-ть человѣкъ конныхъ жандармовъ съ однимъ офицеромъ; пришедъ съ карауломъ въ Домъ, я тотчасъ о семъ приказалъ повѣстить всѣмъ, находящимся въ Домѣ служащимъ, которые возвращенія моего ожидали съ страхомъ и надеждою. Жандармы заняли наши конюшни, и были на содержаніи Дома какъ въ сей день, такъ и въ слѣдую-

щіе. Французскія войска входили въ городъ и выступали изъ онаго; оставалось же ихъ тогда въ Москвѣ до 50,000. Съ самаго перваго вечера начались пожары, кои день отъ дня увеличены были разосланными по всему городу зажигателями, бросавшими во всѣ дома и церкви зажигательные составы, въ низкія мѣста изъ рукъ, а въ высокія изъ пистолетовъ: съ пожарами вмѣстѣ начались грабежи, смертоубійства и всякого рода жестокости и поруганія, отъ непріятельскихъ войскъ, по безчеловѣчію своему не внимавшихъ ни гласу совѣсти, ни просьбамъ и слезамъ несчастныхъ жителей. Грабежи сіи продолжались до того времени, покуда у бѣдныхъ жителей ничего уже не осталось, и они, будучи лишены домовъ, пищи и одежды, принуждены были искать себѣ насущнаго хлѣба у самого непріятеля.

3-го числа получилъ я извѣстіе, что находящіеся Россійскіе больные и раненые въ Екатерининскомъ и Александровскомъ училищахъ, оставлены безъ пищи и находятся безъ присмотра, и что мертвыя тѣла даже не похоронены. Не имѣя никакой возможности, по смутнымъ обстоятельствамъ, оказать сему заведенію свое вспомоществованіе, предписалъ я главному лѣкарю больницы бѣдныхъ, Оппелю, такъ какъ онъ по близости тѣхъ училищъ находится, не оставить больныхъ по человѣколюбію безъ призрѣнія.

Того жъ дня пріѣхалъ Генералъ-Интендантъ Дюмасъ и, осматривая по наружности Домъ, велѣлъ находящіяся по правую сторону корделожи деревянныя пристройки къ лабазамъ сломать, назначилъ въ лабазахъ для печенія хлѣбовъ скласть печи и сдѣлать въ оныя ходъ изнутри дома. На другой день откомандированные изъ полковъ рабочіе солдаты, подъ присмотромъ офицеровъ, пришли и потребовали ломовъ и топоровъ, которые принужденно имъ отпущены были. Рабочіе тотчасъ принялись за сломку оныхъ строеній, состоящихъ изъ конюшень и сараевъ Директоровъ, Оберъ-Секретаря, 1-го Надзирателя, 1-го Бухгальтера и Казначея, находившіеся въ нихъ экипажи всѣ выкинуты были на дворъ, нѣкоторые изъ нихъ увезены, оставшіеся всѣ ободраны; но напослѣдокъ учрежденіе пекарней оставлено, и печей не было сложено, весь же лѣсъ, оставшійся отъ сломки конюшенъ и сараевъ, даже и нѣкоторые заборы, въ послѣдствіи времени были сожжены Французскими солдатами, привозившими раненыхъ и раскладывавшими на дворѣ огни для обогрѣнія себя.

4-го Сентября былъ самый жесточайшій пожаръ, коего ужасовъ не могу Вашему Императорскому Величеству достаточно описать: весь городъ былъ объятъ пламенемъ; горѣли храмы Божіи, превращались въ пепелъ великолѣпнѣйшіе дворцы и зданія; отцы и матери кидались въ пламя, чтобъ спасти погибающихъ дѣтей, и дѣлались жертвою ихъ нѣжности. Жалостные вопли ихъ заглушались только шумомъ ужаснѣйшаго вѣтра и обрушеніемъ стѣнъ; все было жертвою сей неумолимой стихіи, даже мосты и суда на водѣ противъ Дому были въ огнѣ. Воспитательный Домъ находился въ величайшей опасности, будучи со всѣхъ сторонъ окруженъ пламенемъ; всѣ окрестныя строенія въ самой быстротѣ пожирались огнемъ, и еще болѣе ужасалъ меня опасностію бывшій тогда весьма сильный вѣтръ, который металъ искры со всѣхъ сторонъ къ намъ на всѣ дворы, въ которыхъ поставлены были дрова. Для отвращенія сей опасности разставилъ я по дворамъ воспитанниковъ съ ихъ приставами, съ шайками и вѣниками, и заставилъ ихъ гасить искры, которыя, какъ дождь, на оныя сыпались. Въ квадратѣ, корделожи и окружномъ строеніи загорались оконныя рамы и косяки, и я съ подчиненными моими, бодрствуя уже нѣсколько ночей, во всѣ стороны бросался для спасенія отъ погибели Дома, употребляя къ тому свои пожарныя трубы, разламывая съ подчиненными своими сосѣдственные заборы, раскидывая строенія и заливая загорѣвшіяся мѣста. Въ самыхъ опасныхъ мѣстахъ съ боку окружнаго строенія находился я самъ, для наблюденія строгаго порядка, а отъ городовой стѣны у конюшенъ былъ употребленъ экономскій помощникъ, Зейпель, котораго неусыпнымъ трудамъ я долженъ отдать всю справедливость; а оставляя сію опасность, долженъ былъ я нѣсколько разъ возвращаться къ дѣтямъ и приставницамъ, для увѣщанія и ободренія ихъ, которыя отъ страха и предстоящей гибели въ сію ночь не могли быть въ отдѣленіяхъ, а находились на квадратномъ дворѣ, и наконецъ, при очевидной опасности, вывелъ всѣхъ дѣтей на корделожскій дворъ. Такимъ образомъ, съ помощію Всевышняго зиждителя всѣхъ благъ, неослабными трудами и ревніемъ подчиненныхъ моихъ, я успѣлъ спасти ввѣренный Вашимъ Императорскимъ Величествомъ попеченію моему Домъ со всѣми дѣтьми, служащими съ ихъ семействами и пришельцами; но при семъ ужасномъ пожарѣ невозможно было спасти нашей аптеки со всѣмъ строеніемъ и медикаментами, чего также нельзя отнести къ нерадѣнію оставшагося здѣсь,

вмѣсто отца, сыну, аптекарю же Буттеру; ибо когда я съ подчиненными моими, съ помощію пожарныхъ трубъ, старался загашать огонь, тогда Французскіе зажигатели поджигали съ другихъ сторонъ вновь; наконецъ нѣкоторые изъ стоявшихъ въ домѣ жандармовъ, сберегавшихъ меня, сжалившись на наши труды, сказали мнѣ: «Оставьте, приказано сжечь.» Послѣ чего все обратилось въ синее пламя, и не было возможности спасти аптеку: нижній этажъ каменный выгорѣлъ, и остались только стѣны; домъ, гдѣ жилъ акуперъ Таннбергъ, сгорѣлъ весь, а въ инвалидномъ домѣ одинъ уголъ отъ пожара поврежденъ, съ той стороны, гдѣ находилось необходимое мѣсто, которое сгорѣло вмѣстѣ съ конюшнею, сараемъ, погребомъ, заборами и воротами. Бывшія же въ инвалидномъ домѣ казенныя вещи всѣ расхищены, кромѣ оставшихъ нѣкоторыхъ, кои взяты были живущими въ домѣ жандармами, но по выходѣ имн оставлены, о которыхъ реестръ при рапортѣ поданъ ко мнѣ того дома Смотрителемъ Ивановымъ. При сихъ ужасныхъ обстоятельсвтахъ прибѣгнули ко мнѣ въ Домъ въ великомъ числѣ несчастые жители города, и просили пристанища и покрова; всѣхъ ихъ успокоивалъ я, сколько возможно было; раненыхъ же нашихъ, припалзывающихъ, такъ сказать, въ Домъ, принималъ я, рядовыхъ въ свои больницы, а офицеровъ трехъ къ себѣ, о которыхъ Ваше Императорское Величество въ суточныхъ рапортахъ усмотрѣть соизволите. Между прочими бѣдными приведена была, также престарѣлая, лишенная зрѣнія и отягченная болѣзнями, Княгиня Екатерина Михайловна Голицына, съ Поручицею Бауеръ, лишенныя всего имущества и бывшія нѣсколько дней безъ пищи, коихъ я помѣстилъ со вдовами.

Послѣ того ужаснаго пожара я все еще оставался въ величайшей опасности, ибо не переставали ходить Французскіе зажигатели около Дома, и для того учредилъ я изъ своихъ подчиненныхъ безпрестанные днемъ и ночью около Дома обходы, и во всѣхъ сторонахъ приготовилъ воду; таковыми мѣрами избавилъ я Домъ отъ огня. При сихъ обстоятельствахъ, сильно угнетавшихъ духъ мой, еще другія не менѣе требовали моей осторожности. Безпрестанно пріѣзжали и приходили къ Дому толпы Французскихъ мародеровъ, кои искали пищу для злобныхъ и развращенныхъ ихъ сердецъ грабительствомъ и всякаго рода буйствами, не смотря на имѣющійся въ Домѣ караулъ жардармовъ, который и самъ не слишкомъ могъ во всей

силѣ выполнять свою обязанность, потому что отъ начальства имъ позволено было грабительство; почему, дабы симъ людямъ изъяснить, какое заведеніе есть Воспитательный Домъ, и дабы убѣждать ихъ къ жалости къ невиннымъ сиротамъ, я поставилъ у воротъ переводчиковъ, собравъ ихъ изъ служащихъ въ домѣ и постороннихъ, во время пожара прибѣгнувшихъ къ моему покрову, знающихъ Французскій языкъ; а еще до вступленія злодѣевъ, у всѣхъ воротъ выставилъ доски съ Французскими надписями, что «сіе заведеніе есть домъ несчастныхъ и сирыхъ дѣтей». Хотя, и при таковыхъ распоряженіяхъ моихъ, не могли мы со всѣмъ избѣжать частыхъ безпокойствій, но, по крайней мѣрѣ, во внутренности Дома сохранялась тишина. Изъ Дому же нельзя было выйти за ворота безъ того, чтобы не быть ограбленному. Въ первые дни и въ теченіе всего времени я неоднократно долженъ былъ посѣщать опредѣленныхъ въ городѣ Французскихъ начальниковъ, кои были: Первый Губернаторъ Графъ Дюронель, на мѣсто котораго поступилъ послѣ Герцогъ Тревизскій, Маршалъ Мортье, Комендантъ Графъ де Мильо, Генералъ-Интендантъ арміи Дюмасъ, и Интендантъ города Лессепсъ.

5-го числа, по полудни въ два часа, Наполеонъ, прогуливаясь по городу, смотря на свои злодѣянія, ѣхалъ по набережной мимо Воспитательнаго Дома; противъ оного остановясь, спросилъ, что это за зданіе, которое отъ пожару сохранено? Ему отвѣчали, что это Воспитательный Домъ, спасенный отъ престоящей ему гибели начальникомъ оного съ своими подчиненными. Императоръ тотчасъ приказалъ Генералъ-Интенданту Дюмасу ѣхать въ Домъ, найти меня и объявить мнѣ свое привѣтствіе. Генералъ Дюмасъ прискакавъ въ Домъ, спросилъ: «Гдѣ вашъ Генералъ?» Какъ я всегда былъ безсмѣннымъ стражемъ, то тотчасъ, подходя къ нему, спросилъ: «Что вамъ угодно?» — «Я присланъ къ Вашему Превосходительству отъ Императора, который приказалъ благодарить Васъ за трудъ и за спасеніе отъ огня Вашего Дома. Его Величеству угодно съ Вами лично познакомиться». Я никогда не имѣлъ ни малѣйшаго страха, и равнодушно принялъ оное, но утѣшился тѣмъ, что весь Домъ отъ оного былъ приведенъ во окуражированіе.

6-го числа прислалъ за мной Наполеонъ Статсъ-Секретаря своего, Делорна; въ 12 часовъ по полудни я немедленно отправился къ

нему въ Кремлевскій дворецъ, какъ уже о томъ имѣлъ счастіе доносить Вашему Императорскому Величеству. Какимъ образомъ я Наполеономъ принятъ былъ и о чемъ имѣлъ разговоръ, извѣстно уже Вашему Величеству изъ донесенія моего къ Государю Императору, съ котораго еще копію у сего представляю а сверхъ того доношу, что Наполеонъ, входя въ расположеніе Дома, дѣлалъ мнѣ слѣдующіе вопросы: «Велико-ли число дѣтей въ домѣ? На какое время я имѣю продовольствіе, и откуда полагаю снабдить себя провіянтомъ на зиму?» Подавъ Наполеону вѣдомость о числѣ дѣтей точно такую, какую я отъ 7-го числа Сентября къ Вашему Императорскому Величеству препроводилъ, сказалъ онъ, разсмотрѣвши оную съ улыбкою: «Вы увели въ Казань донынѣшнихъ дѣвицъ.» Потомъ отвѣчалъ я, что имѣлъ продовольствія только на мѣсяцъ, хоть обыкновенно Домъ дѣлаетъ подрядъ на цѣлый годъ, но, по неимѣнію мѣста, запасается только на одинъ мѣсяцъ; подрядчикъ же теперь уѣхалъ изъ Москвы, слѣдовательно, я лишенъ всѣхъ способовъ къ полученію запасовъ. Въ добавокъ спросилъ Наполеонъ: Откуда городъ получаетъ съѣстные припасы? Я отвѣчалъ: «Хлѣбъ изъ Украинскихъ, скотину изъ Малороссійскихъ, а мелкую живность изъ ближайшихъ губерній, и хлѣбъ доставляется по большой части на баркахъ весною, (а часть онаго привозится и сухимъ путемъ зимою». Еще спросилъ Наполеонъ: «Какой шаръ Англичанинъ Шмитъ дѣлалъ на пагубу его арміи и его самаго?» прибавивъ, что такое варварство просвѣщенному народу непростительно. «Я о томъ ничего не знаю». На сіе возразилъ Наполеонъ, что ему извѣстно, что шаръ дѣлался въ 7-ми верстахъ отъ Москвы, но за неприведеніемъ въ дѣйствіе, сожженъ; оставшіеся же горючіе матеріялы употреблены на сожженіе Москвы. Наконецъ сказалъ онъ, «какъ безчеловѣчно поступали Русскіе, оставивъ 10-ть тысячь раненыхъ солдатъ безъ пищи и призрѣнія! Повторяю Вамъ еще: напишите о всѣхъ происшествіяхъ Москвы къ своему Императору Александру, и отправьте съ донесеніемъ своего чиновника: я дамъ ему пропускъ чрезъ свои форпосты.»

Въ этотъ же день пріѣхали въ домъ для помѣщенія 300 человѣкъ жандармовъ съ Полковникомъ и офицерами, которые и помѣстились въ корделожи во всѣ комнаты, и къ тому еще заняли квартиру доктора Саблера, Полковникъ же ихъ занялъ мою квартиру; лошадей своихъ поставили они въ нашихъ казенныхъ конюшняхъ,

сараяхъ и даже на погребицахъ; сѣно и весь фуражъ у насъ обобрали, также изъ лучшихъ рослыхъ лошадей взяли нѣсколько для строевой службы, а небольшихъ въ обозы; экипажи выбросили, а другіе партикулярные и казенные, принадлежащіе конюшнѣ, и тѣ, въ которыхъ кормилицы развозились по деревнямъ, употребляли для фуражировонія. Нѣкоторые же, прежде выступленія ихъ, взяли подъ свой багажъ и отправили съ обозомъ, отъ чего мы въ повозкахъ лѣтнихъ весьма нуждаемся. При сихъ стѣсненіяхъ и нуждѣ, я принужденъ былъ еще довольствовать ихъ своими и отъ всѣхъ служащихъ съѣстными припасами, до того времени, покуда они сами уже увидали, что не остается, чѣмъ питать намъ себя и дѣтей: о каковомъ расходѣ Вашему Императорскому Величеству всеподданнѣйше подношу у сего счетъ.

8-го числа Смотритель Вдовьяго Дома, Надворный Совѣтникъ Мирицкій, рапортомъ мнѣ донесъ, что Кудринскій Вдовій Домъ со всѣмъ строеніемъ, оставшимся имуществомъ и письменными дѣлами, сгорѣлъ, и остальныя казенныя деньги 14—90 разграблены, съ коимъ вмѣстѣ сдѣлались жертвою пламени до 700 человѣкъ Россійскихъ раненыхъ; оные по слабости силъ не могли избѣжать своей гибели; другіе же во время пожара спаслись; при семъ случаѣ самъ онъ, Мирицкій, съ семействомъ отъ пожара и грабительства лишился всего своего имущества и пришелъ ко мнѣ въ самомъ худомъ рубищѣ, котораго, по возможности, снабдивъ одеждою, помѣстилъ въ домѣ. Того жъ дня Генералъ-Интендантъ Дюмасъ пріѣхалъ въ домъ, и объявилъ повелѣніе Императора, чтобъ ему осмотрѣть внутренность всего Воспитательнаго Дома. Я тотчасъ повелъ его по всему квадрату корделожи и окружному строенію; по окончаніи осмотра, потребовалъ онъ отъ меня всему оному строенію планъ, который получивъ, взялъ съ собою и на другой день прислалъ обратно съ Архитекторомъ Жилярди, къ нему посыланнымъ. Раздѣливъ въ планѣ карандашемъ квадратъ на ровныя половины, велѣно мнѣ было сказать чрезъ Жилярди, что половина квадрата, по окружное строеніе, вся займется Французскими ранеными и больными, и чтобъ я ее непремѣнно очистилъ; а какъ оные больные большею частію одержимы были поносомъ, то, содрогаясь о таковомъ бѣдственномъ положеніи и воображая себѣ, что чрезъ то нарушенъ будетъ весь порядокъ и чистота въ домѣ, и нѣкоторыя

казенныя вещи должны будемъ потерять, я рѣшился объ отмѣненіи сего намѣренія просить Наполеона.

10-го числа Сентября чрезъ Статскъ-Секретаря, подалъ я Наполеону письмо объ отмѣненіи намѣренія учредить гошпиталь въ квадратѣ, съ котораго письма имѣю счастіе Вашему Императорскому Величеству представить копію; но на оное я не получилъ никакого, письменнаго рѣшенія. 12-го Сентября Императоръ Наполеонъ, чрезъ Статскъ-Секретаря своего, прислалъ ко мнѣ двухъ сиротъ для помѣщенія оныхъ въ Домъ, которыя послѣ того, по повелѣнію его два раза были свидѣтельствованы, какъ оныя содержутся. Сироты и въ бѣдности находящихся родителей дѣти, присылаемы были отъ городскихъ начальниковъ, какъ-то: отъ Генералъ Губернатора, Герцога Тревизскаго, 9, отъ Коменданта графа Демиллю 9, и отъ Французскаго начальства 2; всѣхъ 22 человѣка, которыхъ всѣхъ, дабы яснѣе Вашему Величеству можно было видѣть въ дневныхъ рапортахъ и, приложенномъ при семъ, спискѣ, осмѣлился означить фамиліями приславшихъ оныхъ. Посему осмѣливаюсь испросить Высочайшаго Вашего повелѣнія: оставить ли при нихъ тѣ фамиліи, или уничтожить оныя? Сверхъ того поступило въ Домъ подкидышей, оказывавшихся близь дверей Крестовой, близъ церкви, по коридорамъ и другимъ мѣстамъ.

13-го числа начали Французскихъ раненыхъ и больныхъ привозить въ окружное строеніе.

14-го числа присланъ былъ инженерный Офицеръ съ рабочими солдатами, который началъ половину квадрата отдѣлять, и требовалъ отъ меня очищенія; оный тотчасъ, по сдѣланному мною предварительно росписанію, сталъ я перемѣщать съ мужской половины на женскую всѣхъ воспитанниковъ обоего пола, Кормиличныя отдѣленія, кладовыя и магазейны, оставивъ тамъ только тѣ вещи, которыя сами Французскіе Коммисары отъ меня требовали, какъ то: кровати съ соломенниками, шкафы, столы, стулья и стульчики; а библіотеку не успѣлъ перенести, ибо оную, по тѣснотѣ на своей половинѣ, не гдѣ было помѣстить, въ сохранности коей удостовѣрилъ меня и Генералъ-Интендантъ Дюмасъ; въ оной находилось премножество старыхъ Воспитательнаго Дома плановъ, не употребляемыхъ классическихъ книгъ и учебныхъ вещей; заперевши и запечатавши

оную, спросилъ я Коммисаровъ о сбереженіи ея взять попеченіе, но въ послѣдствіи оказалось, что многія изъ классическихъ вещей были расхищены и попорчены; книги разодраны, шкафы, столы, стулья и стульчики, находившіеся въ отдѣленіяхъ, употреблены ими на отопленіе печей, печи же, какъ въ половинѣ квадрата, такъ и въ окружномъ строеніи, отъ неумѣнія закрывать ихъ, и отъ частой топки, много повреждены; почему я предписалъ Архитектору Жилярди, ихъ осмотрѣть, для лучшаго же порядка, при входѣ на свою половину, я поставилъ караульныхъ, и далъ предписаніе своимъ переводчикамъ изъ служащихъ и постороннихъ, имѣвшихъ пристанище въ домѣ, чтобы они очередовались безотлучно у воротъ, и приходящимъ и привозимымъ раненымъ показывали дорогу на ихъ половину, но учтиво бы удерживали всѣхъ тѣхъ, кои будутъ входить на нашу; желающихъ же видѣть сіе заведеніе, провожали бы ко мнѣ. Сверхъ того, для безопасности отъ пожара, соблюденія спокойствія и удаленія злоумышленниковъ, я учредилъ ночные обходы, употребивъ къ тому своихъ чиновниковъ съ переводчиками, кои, поочередно, всякую ночь три раза обходили всѣ мѣста квадрата. При сдѣланномъ мною перемѣщеніи, дѣти помѣщены въ длину фаса, по правую сторону, который окошками къ дѣтскимъ садамъ, въ отдѣленіяхъ слѣдующимъ порядкомъ: въ 1-мъ этажѣ, на половинѣ женской, въ 5 номерѣ, столовая обоего пола воспитанниковъ; въ № 6 домовая больница воспитанницъ; въ № 9 домовая больница воспитанниковъ. Во 2-мъ этажѣ: въ № 11-мъ 2-й и 3-й возраста воспитанниковъ; въ № 14-мъ 4-й возрастъ выздоровѣвшихъ отъ старшихъ возрастовъ, и сверхкомплектные воспитанники; въ 3 этажѣ, въ № 8-мъ 3-й возрастъ отъ старшихъ возрастовъ выздоровѣвшихъ и сверхкомплектныя воспитанницы; въ № 11-мъ 2-й возрастъ воспитанницъ. Въ 4-мъ этажѣ Кормиличныя отдѣленія; въ № 10-мъ главная надзирательница Ликерстъ со многими помѣщена. Въ № 12-мъ столовая кормилицъ; въ № 15-мъ кормилицы съ дѣтьми; въ № 16-мъ тожъ; въ № 17-мъ 1-й возрастъ; въ 18-мъ кормилицы съ дѣтьми; въ № 20, 21, 22 и 23-мъ тожъ; въ № 24-мъ тожъ, хотя не просторно, но покойно размѣщены; въ прочихъ же отдѣленіяхъ онаго фаса находятся кладовыя и помѣщены постороннія, во время несчастія подъ покровъ прибѣгнувшія, коихъ я соглашаю выѣзжать; а отдѣленія во 2-мъ этажѣ № 13 и въ 3-мъ № 8, приготовлены для деревенскихъ дѣтей, коихъ разоренные крестьяне великое число

приводятъ въ Домъ, каковые номера значутся на генеральномъ планѣ, имѣющемся у Вашего Императорскаго Величества.

При семъ случаѣ я осмѣливаюсь замѣтить, что какъ послѣ отправленія взрослыхъ дѣтей въ Казань, многія отдѣленія сдѣлались пустыми, то сіе и подало Французскому начальству поводъ и мысль помѣстить въ домѣ лазаретъ; по сему самому и убѣдительнѣйшія просьбы мои о нестѣсненіи дѣтей и объ отмѣненіи сего намѣренія остались безуспѣшными. Сказали мнѣ, будто бы Наполеонъ, получа отъ меня письмо, отозвался: «Что онъ хочетъ, когда у него много пустыхъ комнатъ? слѣдовательно, онъ не стѣснится», а въ отраду мнѣ приказалъ въ квадратъ однихъ только раненыхъ помѣщать, а больныхъ въ окружное строеніе, раздѣлить насъ заборомъ и особые въѣзды сдѣлать, что того жъ числа и начали исполнять.

Съ 15-го числа Сентября начался въ квадратъ привозъ раненыхъ, коихъ содержали они отъ себя, и оныхъ въ обѣихъ гошпиталяхъ, то есть, въ квадратѣ и окружномъ строеніи, по наполненіи, было ежедневно до 3000, а во все время болѣе 8000 человѣкъ. Умирало ихъ ежедневно въ квадратѣ отъ 20 до 50, и того 1500 человѣкъ, которыя тѣла похороняемы были за квадратомъ, на пустырѣ, къ городовой стѣнѣ города Китая, въ чертѣ Воспитательнаго Дома: въ окружномъ же строеніи умирало оныхъ ежедневно отъ 15 до 30, и того до 1000 тѣлъ, которыя положены близъ онаго строенія за чертою Воспитательнаго Дома. Хотя, для предосторожности, на тѣла и сыпана была известь, но за недостаткомъ,—небольшое количество; почему и могутъ весною отъ дурныхъ испареній произойти заразительныя болѣзни, для чего и почелъ я необходимо нужнымъ о таковыхъ предстоящихъ опасныхъ слѣдствіяхъ отнестись рапортомъ къ Главнокомандующему Москвой, тотчасъ по прибытіи его; дошедшія же до Вашего Императорскаго Величества свѣдѣнія, о которыхъ Ваше Величество изволите упоминать въ рескриптѣ своемъ ко мнѣ, будто бы мертвыхъ хоронили на дворѣ Воспитательнаго Дома, суть несправедливыя; ибо, бравъ всегда предосторожность объ отвращеніи заразительныхъ болѣзней, своими людьми хоронилъ умершихъ въ гошпиталяхъ, безъ чего они по недѣлѣ валялись бы по корридорамъ и площадкамъ, ибо приставники больницъ весьма часто смѣнялись, отъ чего совсѣмъ не было порядка. Въ жестокіе морозы настоятельно буду просить Графа Ѳедора Васильевича, чтобы оныя тѣла были вывезены за городъ.

По учрежденіи Французскихъ госпиталей въ Домѣ, начальство ихъ прислало для оныхъ караулъ, который, не смотря ни на какія невозможности, съ моей стороны имъ изъясняемыя, занялъ Крестовую и докторскія комнаты; по сей необходимости я не имѣлъ болѣе куда перевести Крестовую, какъ въ комнату швейцара Родильнаго гошпиталя; Родильный же гошпиталь во все время имѣлъ теченіе своимъ порядкомъ, только, по стѣсненію Дома, я принужденъ былъ на иждивеніи Вашего Императорскаго Величества соединить домашній съ секретнымъ гошпиталемъ, а въ комнаты перваго помѣстить отдѣленную больницу, въ акушерскія же людскую больницу; лѣкарства, въ коихъ я имѣлъ недостатокъ, по причинѣ сгорѣвшей домовой аптеки, предписалъ я штабъ-лѣкарю Масленикову, брать съ большою бережливостію изъ оставшихся въ городѣ аптекъ, коими больные до сего времени и пользуются безъ нужды; а какое распоряженіе, по Высочайшему повелѣнію, нынѣ мною о лѣкарствахъ сдѣлано, особо чрезъ Григорія Ивановича Вилламова Вашему Императорскому Величеству донесъ, а наконецъ, чрезъ нарочнаго достаточныя лѣкарства отъ Вашего Императорскаго Величества имѣлъ счастіе получить.

Спустя нѣсколько времени началъ я относиться Французскому начальству о недостаткахъ въ съѣстныхъ припасахъ, для того, чтобы оно не покусилось отобрать у меня мою провизію, или принуждать меня довольствовать ихъ команды пищею, хотя въ запасахъ еще большей нужды не претерпѣвали, а единственно для того, чтобъ, получивъ позволеніе послать по деревнямъ своихъ чиновниковъ для закупки хлѣба, при семъ случаѣ увѣдомить наши войска о непріятелѣ и настоящемъ его положеніи.

Къ несчастію, дали мнѣ, по требованію моему, пшеницы 100 центнеровъ, да крупъ гречневыхъ 20 центнеровъ, предоставивъ мнѣ сыскать, для смолотія пшеницы, мельницы и объ оныхъ донесть; почему я отправилъ эконома близъ города осмотрѣть, и довольно найдено, но крѣпкія заняты Французскимъ меливомъ, а порченыя праздны, о чемъ и относился, но получилъ ассигнованіе на порченыя, изъ которыхъ одну исправя, и смололъ отъ нихъ полученную пшеницу. По прошествіи десяти дней, вторично возобновилъ я свое требованіе, по которому позволили мнѣ покупать хлѣбъ внутри своихъ форпостовъ. А какъ въ близъ лежащихъ деревняхъ Фран-

цузами все уже было обобрано, то и не могъ я успѣть воспользоваться симъ позволеніемъ, а приступилъ еще съ новою просьбою къ Генералъ-Интенданту, который отозвался, что сіе принадлежитъ до Интенданта города, Лессепса. Я адресовался къ Интеданту города, который отвѣчалъ мнѣ, что не имѣетъ на сіе приказанія, и хотѣлъ доложить о томъ Герцогу Тревизскому, Маршалу Мортье. Но и сей, отозвавшись съ начала невозможностію, наконецъ, по убѣжденію, позволилъ мнѣ послать своихъ чиновниковъ по деревнямъ, для отысканія хлѣба, снабдивъ ихъ письменнымъ видомъ, каковый и я отъ себя имъ долженъ дать. При чемъ Г-нъ Лессепсъ предварялъ меня, чтобы я взялъ отъ начальства ихъ денегъ ассигнаціями, для моихъ расходовъ; но я не имѣлъ въ нихъ надобности, будучи, по Высочайшему Вашему Императорскаго Величества повелѣнію, снабженъ отъ Опекунскаго Совѣта достаточною суммою денегъ. А ихъ зловредность, чтобы ссужать меня своими фальшивыми ассигнаціями, коихъ привезли съ собою весьма большое число, и ими даже, по повелѣнію Наполеона, выдавали своимъ войскамъ жалованье. По просьбѣ стоявшаго въ домѣ съ жандармами Полковника, который ко мнѣ принесъ кучу сторублевыхъ фальшивыхъ ассигнацій, просилъ размѣнять на двадцатипятирублевыя, но я выбожился, что у меня нѣтъ, а такія жъ сотенныя, но принужденъ одну размѣнять на мелкія двадцатипяти, и намѣренъ былъ поднести оную Вашему Императорскому Величеству, но въ бытность Генералъ-Адьютанта Его Императорскаго Величества, Павла Васильевича Кутузова, сказывая ему объ оной, принужденъ былъ, по просьбѣ его, отдать ему, для отправленія къ Государю Императору.

2-го числа Октября отправилъ я своихъ чиновниковъ для отысканія по деревнямъ хлѣба, имѣя, однако жъ, болѣе въ виду, чрезъ таковый случай дать извѣстіе нашимъ войскамъ, что Французскія войска изъ Москвы значительнымъ числомъ стали выходить и обозы отпускать, равнымъ образомъ повѣстить обо всѣхъ въ ней произшествіяхъ. Въ слѣдствіе чего, отправленъ былъ отъ меня для сего Надворный Совѣтникъ Данилевскій съ тремя чиновниками: переводчикомъ, двумя унтеръ-офицерами и тремя работниками, которые, выѣхавъ на Петербурскую дорогу, въ 12 верстахъ отъ Москвы, встрѣтились съ Казачьимъ отрядомъ, подъ командою Генералъ-Маіора Иловайскаго, который въ то время имѣлъ съ непріятелемъ пере-

стрѣлку и въ оной подъ Казакомъ убита была лошадь. Въ замѣнъ оной Казаки взяли одну у посланныхъ моихъ: лошадь сія принадлежала Титулярному Совѣтнику Александру Кочергину, у котораго, за неимѣніемъ казенныхъ, выпрошена была, почему и вынужденъ я за оную заплатить сто рублей.

Потомъ посланные препровождены были къ командующему ихъ корпусомъ, Генералу Винценгероде, который распрашивалъ ихъ подробно обо всѣхъ произшествіяхъ Московскихъ; опасаясь же, чтобы какимъ нибудь образомъ не дошло до непріятеля свѣдѣніе о нахожденіи такъ близко Россійскихъ войскъ, не рѣшался онъ сначала отпустить ихъ въ Москву, но, напослѣдокъ, въ уваженіе недостатка въ хлѣбѣ для Воспитательнаго Дома, оставя въ залогъ у себя четырехъ, остальныхъ съ Данилевскимъ пять человѣкъ отпустилъ, съ такимъ подтвержденіемъ, чтобы, по доставленіи хлѣба въ Воспитательный Домъ, паки съ вѣрнымъ извѣстіемъ о непріятелѣ вскорѣ возвратились къ нему. Оные чиновники, купивъ ржи пять четвертей съ половиною, прибыли благополучно въ Домъ, съ такимъ объявленіемъ, что оставшіеся остались по деревнямъ скупать провизію.

10-го числа рано по утру отправилъ я тѣхъ же чиновниковъ къ Генералу Винценгероде, гдѣ на пути встрѣтились съ своими Казаками, отъ Москвы въ 12 верстахъ, въ селѣ Никольскомъ, отъ которыхъ узнавъ, что корпусный начальникъ, Винценгероде, взятъ непріятелемъ въ Москвѣ въ плѣнъ, на другой день и съ остальными возвратились прежде въ Москву.

По истинному недостатку провизіи, Интендантъ Москвы, Лессепсъ, доставилъ въ домъ 8 коровъ и 4 барановъ; сверхъ того посылалъ я въ поле за картофелемъ, котораго, за выбраніемъ Французскими солдатами, не находили, а приносили капусту, и за той не иначе можно было посылать, какъ съ Французскими провожатыми, которыхъ съ трудомъ могъ выпрашивать; по недостатку муки, я долженъ былъ довольствовать Домъ умѣреннымъ образомъ, но не имѣлъ, однако жъ, голоду, такъ какъ многіе изъ жителей въ городѣ, кои принуждены были питаться одною мокрою пшеницею, насыпанной въ баркѣ, которая во время пожара сгорѣла и сѣла на дно. Съ 1-го Октября я рѣшился убавить число рабочихъ, прачекъ и нянекъ, а кормилицъ, которыя пожелаютъ съ дѣтьми итти

въ свои деревни, отпускать съ награжденіемъ по 10 р., коихъ отправилось въ деревни 37.

Между тѣмъ Французское начальство, видя себя и жителей угнетенныхъ и нуждающихся во всемъ, стало выдавать разныя прокламаціи, кои всеподданнѣйше у сего подношу Вашему Императорскому Величеству.

Рабочіе люди въ Домѣ неоднократно хотѣли оставить свои должности; но дабы удержать ихъ при смутныхъ обстоятельствахъ, и наградить за многіе труды ихъ, понесенные во время пожара, хороненіе непріятельскихъ тѣлъ и при очисткѣ отдѣленій для Французскихъ лазаретовъ, выдалъ имъ двойное жалованье за Сентябрь мѣсяцъ. 5-го Октября присланные отъ Французскаго начальства коммисары заняли у меня хлѣбни, для печенія хлѣбовъ на ихъ армію. Съ сего числа поспѣшнымъ образомъ начальство ихъ начало изъ нашихъ гошпиталей вывозить своихъ легко раненыхъ и выздоравливающихъ изъ Москвы по Можайскому тракту, а на мѣсто оныхъ изъ другихъ гошпиталей наполняли въ Домѣ наши лазареты.

6-го Октября большая часть Французской арміи стала готовиться къ отбытію изъ Москвы, а 7-го числа оная выступила изъ города, съ коею отправился и самъ Наполеонъ въ 5-ть часовъ утра по Калужской дорогѣ, а тяжелые обозы по Смоленской отправлены. Того же числа всѣ жандармы вышли въ походъ; въ Москвѣ же осталось Французскихъ войскъ не болѣе 3000, подъ начальствомъ Маршала Мортье, къ которому, предъ выходомъ жандармовъ, я относился, чрезъ письмо съ просьбою, чтобы онъ благоволилъ приказать, стоящему офицеру на караулѣ при лазаретахъ, охранять и Воспитательный Домъ.

8-го числа, не получая отвѣта отъ Маршала Мортье на мое письмо о караулѣ, я повторилъ къ нему мою просьбу, чрезъ письмо къ Интенданту города, Лессепсу.

9-го числа онъ прислалъ ко мнѣ съ письмомъ своего адъютанта, для устройства порядка въ караулѣ. Письмомъ симъ, между прочимъ, онъ просилъ меня принять Французскихъ раненыхъ и больныхъ, въ Воспитательномъ Домѣ находящихся, въ свое попеченіе, равномѣрно и жителей въ Москвѣ Французской націи, коихъ онъ прислалъ ко мнѣ, для помѣщенія въ Домъ, и я не имѣлъ возможности ихъ не

принять; но теперь уже имъ отъ меня объявлено, чтобы они изъ дома выѣзжали, какъ равно и прочимъ жителямъ, послѣ пожара имѣвшимъ у меня пристанище. Того жъ числа объявилъ мнѣ, служившій при домѣ, изъ иностранцевъ лѣкарь Науманъ, что онъ принятъ въ Французскую службу въ штатъ Наполеона по Медицинской части, коего я и не имѣлъ возможности удержать.

10-го числа, по наступленіи ночи, въ Воспитательномъ Домѣ снятъ Французскій караулъ, и все Французское войско, по совершеніи своего варварскаго намѣренія съ Кремлемъ, очистили весь, городъ; о каковыхъ ужасахъ Вашему Императорскому Величеству отъ 12-го Сентября доносилъ.

11-го Октября вступилъ въ Москву съ Казаками Генералъ-Маіоръ Иловайскій 4-й, коему я письменно сообщилъ о нахожденіи въ домѣ Французскихъ раненыхъ и больныхъ, и просилъ его объ охранительномъ карауле. Между тѣмъ вскакали въ Домъ Казаки, сопровождаемые толпою крестьянъ, коихъ наканунѣ того дня Французы заманили въ Москву, обѣщая отпустить имъ соли, съ тѣмъ намѣреніемъ, чтобы при семъ случаѣ воспользоваться ихъ лошадьми, и ворвавшись въ окружное строеніе, вооружили крестьянъ отнятымъ у больныхъ и раненыхъ Французовъ оружіемъ, ограбили оныхъ Французовъ и расхитили все имущество жившихъ въ томъ строеніи служителей, такъ же пограбили принадлежащія къ отдѣленной больницѣ вещи, кромѣ платья и бѣлья, прежъ сего успѣли унести, чему свидѣтелемъ былъ, жившій во все время у насъ, Тайный Совѣтникъ Повалишинъ. Спустя четыре дня Г-нъ Генералъ-Маіоръ Иловайскій пріѣхалъ ко мнѣ; я не преминулъ сказать ему, что войскамъ Россійскимъ, прибывшимъ сюда для установленія порядка и спокойствія, неприлично поступать такъ, какъ поступали его Казаки, которые сдѣлали въ домѣ великое безпокойствіе и безпорядки. При чемъ свидѣтели были Генералы Маіоры Бенкендорфъ и Чернышевъ. Онъ отозвался, что ему сіе очень непріятно, а потомъ приличнымъ образомъ передо мною извинился.

Въ вечеру того жъ 11-го октября вошелъ въ Москву съ гусарскимъ полкомъ Генералъ-Маіоръ Бенкендорфъ, который снабдилъ Воспитателеный Домъ карауломъ и оказывалъ мнѣ всевозможное свое пособіе, по принятой имъ на себя въ городѣ должности Коммендапта. Я просилъ его такъ же объ охраненіи всѣхъ прочихъ

заведеній Вашего Императорскаго Величества и вручилъ ему объ нихъ записку.

22 числа Генералъ-Маіоръ Бенкендорфъ выступилъ съ своимъ отрядомъ въ походъ, и съ того времени гусарскій караулъ снятъ въ Домѣ, а на мѣсто онаго получилъ я полицейскій, который и нынѣ находится въ домѣ.

По пріѣздѣ въ Москву Оберъ-Полицмейстера Ивашкина, у котораго бывши, неотступно просилъ его о выводѣ изъ Дома оставленныхъ у меня Француских раненыхъ и больныхъ, дабы я могъ немедленно приступить къ очищенію дома.

Того жъ числа, по пріѣздѣ въ Москву Полиціи, былъ я обрадованъ началомъ вывода ихъ изъ квадрата.

25-го числа вывезли изъ квадрата и окружнаго строенія всѣхъ рядовыхъ раненыхъ и больныхъ, а остались одни Французскіе раненые офицеры, числомъ 10, да при нихъ служителей, о которыхъ докладывалъ Графу Өедору Васильевичу Растопчину, какъ угодно ему приказать, оставить ли ихъ въ Воспитательномъ Домѣ, или перевести? Его Сіятельство, за неимѣніемъ для нихъ мѣста, приказалъ ихъ оставить въ Домѣ; касательно же пищи для нихъ, о которой такъ же докладывалъ ему, отозвался, что писалъ въ С.-Петербургъ, и коль скоро получитъ отвѣтъ, то не оставитъ меня увѣдомленіемъ. И потому оные раненые офицеры пищей довольствуются отъ Дому. Теперь, освободясь отъ лазаретовъ сихъ, наполненныхъ величайшею всякаго рода неопрятностію и несноснымъ воздухомъ, я занимаюсь очищеніемъ оныхъ и приведеніемъ сколько возможность позволитъ, въ порядокъ; но жить въ сихъ помѣщеніяхъ еще долгое время нельзя будетъ, ибо вкоренившіяся язвительныя мокроты, протекшія въ отдѣленіяхъ сквозь полы, а въ коридорахъ не прошедшей нечистоты и вони, никакъ не возможно скоро вывести и всѣхъ оныхъ мѣстъ вычистить и осушить. Нужно имѣть время. Для чего я намѣренъ всю зиму оставить окны и двери открытыми и въ надлежащее время производить различнаго рода куренія; сверхъ того всѣ комнаты, кои занимались Французскими лазаретами, требуютъ большихъ поправокъ; ибо полы, двери, окны, печи и стѣны весьма много попорчены, перегородки почти во всѣхъ комнатахъ выломаны и выкиданы; разная мебель и другія вещи,

какъ казенныя, такъ и служащихъ, переломаны и сожжены. Отъ печей всѣ вьюшки и тарелки выкинули, топку производили безпрерывно, никогда не закрывая оныхъ, отъ того много истребили дровъ; что же имянно по симъ мѣстамъ, какъ равно и по всѣмъ прочимъ въ Домѣ, изъ казенныхъ вещей пропало, всеподданнѣйше Вашему Императорскому Величеству у сего подношу описи.

По прибытіи въ Москву, Гражданскій Губернаторъ, Тайный Совѣтникъ Обрѣзковъ, со многими чиновниками былъ въ Домѣ и, обойдя со мною, удивлялся толикому содержанію дѣтей въ порядкѣ.

А 24-го числа прибылъ Главнокомандующій, Графъ Θеодоръ Васильевичъ Растопчинъ, коему я не преминулъ подать рапортъ, съ объявленіемъ о всѣхъ заведеніяхъ Вашего Императорскаго Величества и съ подробнымъ донесеніемъ, какое число въ Воспитательномъ Домѣ было Французскихъ раненыхъ и больныхъ, сколько оныхъ умерло; равнымъ образомъ объяснялъ, что тѣла ихъ хоронились около Дома, числомъ до 2500, и что отъ вреднаго воздуха весною предстоитъ Дому опасность. Теперь, по пріѣздѣ въ городъ начальства, приняты надлежащія мѣры къ очищенію онаго. Лошади, коихъ по улицамъ валялось нѣсколько тысячь, и всякая нечистота, вывозятся за городъ; жители пріѣзжаютъ въ Москву узнать о своихъ домахъ, и съ печальнымъ, скорбнымъ сердцемъ видятъ ихъ или обращенными въ пепелъ, или хотя отъ пожара уцѣлѣвшими, каковыхъ очень немного, но совершенно разграбленными. Ищутъ своихъ имуществъ, кои многіе для сохраненія зарывали въ землю, или закладывали въ стѣны и подвалы, но видятъ, что отъ хищной руки непріятеля ничего не укрылось. Даже въ храмахъ Божіихъ сокрытыя въ землю церковныя достоянія не пощажены отъ расхищенія, и самые храмы обращены были, по безбожію врага, въ конюшни, кухни и скотскія бойни. Чувствуя во всей мѣрѣ, сколь прискорбно Вашему человѣколюбивому и благоговѣющему къ Святынѣ сердцу слышать таковое описаніе, я не дерзаю далѣе распространять онаго; но обращусь всеподданнѣйшимъ донесеніемъ моимъ къ части ввѣренной Вами, Всемилостивѣйшая Государыня, моему попеченію. Дѣти, въ домѣ находящіяся, какъ малолѣтныя, такъ возрастныя, оставленныя за болѣзнями и по времени выздоровѣвшія, такъ же изъ воспитанницъ учительницы и помощницы, по желанію ихъ, не отправленныя въ Казань, и всѣ посторонніе

благородныя молодыя женщины, дѣвицы и мущины, имѣвшіе у меня во все время прибѣжище, благодареніе Всевышнему, пребыли благополучны, такъ что на невинность ихъ не было сдѣлано ни какихъ покушеній. Хотя же многіе Французскіе чиновники пріѣзжали въ домъ, чтобы видѣть заведеніе онаго, но всѣ они просили на то моего позволенія и были мною допускаемы, коихъ я или самъ водилъ, или поручалъ моимъ подчиненнымъ. Таковыхъ посѣтителей изъ Французскихъ чиновниковъ у насъ было довольное число, и всѣ они, при разстроенномъ положеніи Дома, весьма хвалили заведенный порядокъ и чистоту, и отдавали преимущество во всемъ нашему заведенію противу Вѣнскаго. Для такого спокойствія домашняго я имѣлъ всѣ предосторожности, какъ уже Ваше Императорское Величество выше сего видѣть соизволили. Во все время, когда только безмятежность позволяла, воспитанники обоего пола были заняты классическимъ ученіемъ, вязаніемъ чулокъ и нѣкоторыми рукодѣліями, по сдѣланному мною расписанію, съ коего копію при семъ Вашему Величеству имѣю счастіе представить. Какое же число дѣтей состояло въ Домѣ съ того времени, какъ я не имѣлъ возможности Вашему Императорскому Величеству доставлять всеподданнѣйшихъ отчетовъ, и какое въ теченіе онаго времени убыло, я уже имѣлъ счастіе отъ 31-го Октября Вашему Императорскому Величеству представить вѣдомость; сколько же нынѣ оныхъ состоитъ на лицо какъ въ Домѣ, такъ и объ отправленныхъ въ Казань, всеподданнѣйше представлялъ вѣдомости, по лѣтамъ ихъ. Дѣтей въ городѣ у родителей сколько нынѣ состоитъ на лицо, нельзя иначе узнать, какъ по приходѣ родителей ихъ за мѣсячною платою, которыхъ, при нынѣшней выдачѣ, явилось меньше половины и жилища ихъ записаны. Дѣтей, воспитывающихся по деревнямъ, въ Сентябрѣ и Октябрѣ мѣсяцахъ, какъ равно и въ нынѣшнемъ, не было возможности осмотрѣть, по смутнымъ обстоятельствамъ. А какъ помощникъ мой, Янишъ, изъ отпуска, 7-го числа сего мѣсяца, явился, и по тому стараться буду въ половинѣ онаго какъ его, такъ и объѣзжихъ надзирателей, отправить по деревнямъ.

- Въ богадѣльнѣ воспитанники обоего пола мною осмотрѣны, кои всѣ состоятъ на лицо, кромѣ двухъ, неизвѣстно куда, повступленіи непріятеля, удалившихся, и 6-ти въ разное время умершихъ, какъ я уже о томъ и доносилъ Вашему Императорскому Величеству.

Теперь, благодареніе Богу, Зиждителю всѣхъ благъ, по избавленіи столицы отъ непріятеля, время отъ времени мы будемъ имѣть менѣе затрудненія въ полученіи продовольствія. Что касается до денежныхъ расходовъ, я употребилъ всѣ возможныя старанія дѣлать издержки, только необходимо нужныя, и помышляя о сохраненіи суммы отъ похищенія непріятельскаго. Двѣ же тысячи рублей, кои употребилъ я на экстраординарные расходы, въ подарки нѣкоторымъ Французскимъ чиновникамъ, принесли Дому немалую пользу. Но сверхъ сего употребилъ я, хотя бѣденъ, изъ своихъ денегъ не малую сумму на вспомоществованіе своимъ нуждающимся собратіямъ, изъ Христіянскаго сострađанія, и нѣкоторыхъ снабжалъ платьемъ и обувью, по возможности своей, а изъ казенныхъ денегъ никакъ не смѣлъ на сіе поползновенія сдѣлать, боясь расхищенія казны отъ непріятеля; отъ того единственно отпустилъ я съ первымъ Бухгалтеромъ Шредеромъ, на проѣздъ и содержаніе дѣтей, толь большую сумму 40,000. Но, по милосердію Божію, я успѣлъ сохранить въ цѣлости какъ сумму, такъ и зданіе и всѣхъ дѣтей со служащими.

О расходахъ же и убыткахъ, понесенныхъ по пребыванію въ Москвѣ непріятельскихъ войскъ, какъ по Дому, такъ и скотному двору, при семъ имѣю счастіе Вашему Императорскому Величеству представить подробный счетъ. Скотный дворъ пожаромъ не тронутъ, но строеніе частію попорчено и заборы растащены и сожжены, также и роща мѣстами вырублена, а огородное все истреблено. Что касается до аптеки домовой, то, по данному ко мнѣ отъ сына аптекаря Буттера, рапорту, который, за отъѣздомъ отца, хозяиномъ въ ней оставался, пожаромъ убытку имъ причинено до 69,000 р. Послѣ же пожара собрана только имъ оставшаяся нѣкоторая мѣдная посуда, стоющая цѣною на 850 руб. Прочія же заведенія Вашего Императорскаго Величества находятся въ слѣдующемъ положеніи: Александровскій Институтъ занятъ Россійскими ранеными, 337-мъ человѣкъ; Екатерининскій Институтъ, Вдовій Лефортовскій Домъ и Инвалидный Г-жи Шереметевой ни кѣмъ не заняты; какія же въ нихъ остались вещи послѣ расхищенія непріятельскими войсками, при семъ имѣю счастіе Вашему Императорскому Величеству представить опись. Вдовій Кудринскій Домъ, какъ я уже всеподданнѣйше доносилъ Вашему Императорскому Величеству, совершенно сгорѣлъ. Во всѣхъ оныхъ домахъ поставленъ отъ меня нанятой караулъ,

а во Вдовій Лефортовскій Домъ перешелъ для жительства смотритель Мирицкій. Больница бѣдныхъ отъ Французскихъ раненыхъ очищена. Павловская больница отъ пожара сохранена, но потерпѣла нѣкоторымъ образомъ отъ расхищенія, и была занимаема Французскими ранеными, коихъ нынѣ въ ней нѣтъ; подробныя же донесенія о сихъ двухъ заведеніяхъ имѣлъ счастіе Вашему Императорскому Величеству представить отъ имѣющихъ за оными особливый присмотръ, главнаго лѣкаря Оппеля, и Смотрителя Носкова.

Всѣ оныя заведенія, какъ равно Воспитательный Домъ и принадлежащія къ нему части, поручилъ я осмотрѣть архитектору Жилярди, и подать подробное описаніе о состояніи и приведеніи ихъ въ порядокъ.

Во всѣхъ поступкахъ моихъ, при сношеніяхъ моихъ по Дому съ Французскимъ начальствомъ, какъ по долгу присяги моей, такъ и по собственной, свойственной всякому Русскому дворянину, приверженности къ законному своему Государю, старался я всегда показать твердость духа и неустрашимость, и во всемъ сохранить пользу Государственную, полагая, что лучше умереть съ честію за свое отечество, нежели быть предателемъ своего Государя.

Не могу я также Вашему Императорскому Величеству умолчать о трудахъ, бывшихъ при мнѣ во все смутное время, Коллегіи Иностранныхъ дѣлъ Коллежскаго Совѣтника Михайла Шульца, роднаго брата, служащаго въ домѣ, Бухгалтера Карла Шульца, и Московскаго купца Горна, лишившихся въ несчастное время всего своего имѣнія и снискавшихъ у меня пристанище, которыхъ употреблялъ я съ большою пользою для письменныхъ и словесныхъ сношеній съ Французскимъ начальствомъ, равно и нашего Эконома Христіяни двухъ сыновей, Коллежскихъ Регистраторовъ, Франца и Петра Христіяни, и 14 класса Николая Бушуева, знающихъ также Французскій языкъ, показавшихъ свое усердіе при каждомъ случаѣ, способствовавшихъ переводомъ мнѣ въ Французскомъ языкѣ, коихъ поручаю я въ Высокомонаршую Вашего Императорскаго Величества милость.

Въ заключеніе, поднося у сего на разсмотрѣніе Вашему Императорскому Величеству при реестрѣ всѣ выше означенныя въ семъ

донесенія моемъ бумаги, а такъ же копіи со всѣхъ сношеній моихъ съ Французскимъ начальствомъ, отвѣты оныхъ и прокламаціи, ласкаю я себя лестною надеждою, что Ваше Императорское Величество примите сіе мое донесеніе, писанное перомъ непраснорѣчивымъ, но исполненное духомъ ревности и усердія шестидесятилѣтняго старца, къ Престолу Царскому, съ свойственнымъ высокой особѣ Вашей снисхожденіемъ и простите меня въ простодушіи. Осмѣливаюсь также всеподданнѣйше просить Ваше Императорское Величество принять со всемилостивѣйшимъ благоволеніемъ рекомендацію, мною подносимую, въ прилагаемомъ спискѣ подчиненныхъ моихъ.

Всемилостивѣйшая Государыня,

Вашего Императорскаго Величества

На подлинномъ подписано:

Всеподданнѣйшій

Иванъ Тутолминъ.

Ноября 11-го дня,
1812-го года.

ВСЕПОДДАННѢЙШЕЕ ДОНЕСЕНІЕ МОСКОВСКОЙ БОЛЬНИЦЫ ДЛЯ БѢДНЫХЪ ОТЪ ГЛАВНАГО ЛѢКАРЯ ХРИСТОФОРА ОППЕЛЯ.

ПО ТИТУЛѢ.

15-го Октября увѣдомленъ будучи отъ Главнаго Надзирателя Воспитательнаго Дома, Ивана Акинфіевича Тутолмина, что, по благополучномъ вступленіи въ Москву Россійскихъ войскъ, есть возможность доставить Вашему Императорскому Величеству донесеніе о больницѣ бѣдныхъ, Высочайше мнѣ ввѣренной, принялъ я смѣлость Вашему Величеству всеподданнѣйше симъ изобразить положеніе онаго заведенія. По Высочайшему Вашего Императорскаго Величества начертанію, больница бѣдныхъ дѣйствіе свое продолжать могла только до 4-го числа Сентября, ибо съ сего времени начали уже поступать въ оную разные изъ Французскихъ войскъ больные, число коихъ ежедневно умножалось до того, что, наконецъ, оставшіеся бѣдные больные, мужескаго пола 57, женскаго 75, всего 132 человѣка, Французскимъ правительствомъ отправлены въ Екатерининскую больницу, оставя ихъ тамъ безъ всякаго пропитанія и призрѣнія; почему всѣ, кои только могли, вышли мало по малу изъ оной, и что съ ними потомъ случилось, мнѣ неизвѣстно. Послѣ чего больница бѣдныхъ, яко организированное и всѣми чинами снабдѣнное мѣсто, къ общему прискорбію нашему, вся обращена была въ Французскую военную гошпиталь, въ коей болѣе 300 человѣкъ всегда находилось, пользованіе коихъ намъ же предоставлено было, и всякій изъ служащихъ остался на своемъ мѣстѣ, выключая Доктора Бема, который, до вступленія еще Французскихъ войскъ въ Москву, по необходимой своей нуждѣ, съ позволенія моего, отправился изъ оной, но уже возвратиться не могъ, и консультанта Гильдебрандта, который съ прочими чиновниками Императорскаго Университета выѣхалъ. Хотя, благодареніе Богу, заведеніе оное общимъ нашимъ стараніемъ и неусыпнымъ бдѣніемъ осталось въ цѣлости, но при всемъ томъ отъ потери нѣкотораго количества казеннаго имущества избѣжать было невозможно; при томъ 3-го числа Сентября, Старшій Лѣкарь Щировскій, Штабъ-Лѣкарь Рожалинъ и аптекарь Шрендеръ, потерпѣли нѣкоторую въ ихъ имѣніи

потерю отъ хищенія Французовъ, всѣхъ въ больницѣ живущихъ, въ крайнюю тревогу приводящаго, и тѣмъ болѣе меня, по причинѣ приключившейся тогда мнѣ сильной крапивной лихорадки, 4 дня въ постели меня державшей. Безчисленному въ то время стеченію народа въ больницу далъ я въ оградѣ оной убѣжище отъ пожара, грабежа и насилія, спасенія искавшаго, хотя и не безъ страха, который я тѣмъ болѣе еще ощутить могъ, когда среди пламени искалъ способа найти Французскую охранительную для больницы стражу, въ чемъ мнѣ и удалось успѣть. Оставленъ будучи, и при обращеніи больницы нашей въ военную Французскую гошпиталь, главноуправляющимъ по Медико-Хирургической части, я, до опредѣленія Французскаго Гошпитальнаго Директора, весьма много претерпѣлъ досады и ропота отъ Французскихъ больныхъ, ни чѣмъ на свѣтѣ не довольныхъ, и только къ разрушенію добраго порядка стремящихся, хотя, для избѣжанія вреда и опасности, я и многіе изъ чиновниковъ жертвовали своею собственностію, когда малый нашъ казенный запасъ весь былъ истраченъ, и мы, сходясь вмѣстѣ, способствовали, сверхъ сего, къ содержанію охранительнаго караула, изъ 8 и 10 человѣкъ состоящаго, чѣмъ мы пришли въ крайнюю скудость, не будучи запасены и не имѣя чего либо въ виду достать. Французскій Директоръ послѣ сіе отмѣнилъ, и опредѣлилъ только для больныхъ весьма посредственную пищу, а потомъ, по общему въ томъ недостатку, уменьшилъ выдачу хлѣба до того, что едва только жизнь поддержать больныхъ было возможно; нашимъ же высшимъ и нижнимъ чинамъ выдавалъ малое количество печенаго хлѣба, и то на одно только лице каждаго служащаго, и понемногу испорченной говядины. Все это, однако жъ, всѣми получаемо было, по одной только невозможности достать что либо съѣстное. Утомленъ трудами и снѣдаемъ печалію, каждый добросовѣстный служащій уповалъ только на Бога, не предвидя себѣ спасенія, а имѣя вездѣ предъ глазами одни только буйства и слѣды грубаго безначалія. Казенныя лошади были уведены драгунами Италіянскими съ телѣгами и збруею, и вопреки приказанію Французскаго Коменданта, больницу бѣдныхъ, яко военную ихъ гошпиталь имѣть въ уваженіи и неприкосновенности, и не взирая также на охранительные билеты и бумаги, дѣлали всякаго рода насилія. О казенномъ бѣльѣ и другомъ инаго рода имуществѣ, что ими похищено, и что осталось на лицѣ, Смотритель больницы не преми-

нетъ доставить подробную вѣдомость. Благоустройство и чистота больницы, и главными Французскими медиками и хирургами выхваляемая, къ горести нашей совсѣмъ были испровергнуты. Отъ множества больныхъ и многихъ въ корридорахъ валявшихся и изнурительными поносами одержимыхъ, отъ ихъ неопрятности и самовольства, воздухъ сдѣлался испорченнымъ и заразительнымъ, отъ чего, кромѣ другихъ, Штабъ-Лѣкарь Рожалинъ и Лѣкарь Стрѣлецкій сильно занемогли, и теперь еще не выздоровѣли. Помогать же больнымъ должнымъ образомъ, по причинѣ великаго недостатка и въ пищѣ и лѣкарствахъ, не чѣмъ было, ибо Французское правительство онымъ скудно снабжало.

Съ 4-числа Октября начали они больныхъ своихъ, вѣроятно, по причинѣ приближенія Казаковъ, выводить въ Воспитательный Домъ; а 6-го занимались этимъ чрезъ всю ночь, покинувъ у насъ до 40 человѣкъ, изъ числа коихъ теперь еще въ больницѣ находятся вообще 35-ть. По выходѣ больныхъ, наша опасность и страхъ тѣмъ болѣе еще увеличились, что остались безъ военной защиты въ полѣ; почему многіе изъ больницы начали было уходить, не надѣясь на собственный караулъ нашъ, ибо вездѣ видимы были только пьяные и самовольные люди и вокругъ безпрерывная стрѣльба. По утру 8-го числа увидали мы, благодаря Всевышняго, перваго Казака, чрезъ больницу проскакавшаго; но Французскій пѣхотный отрядъ, нечаянно появившійся, усмотрѣвъ его, началъ по немъ стрѣлять. Казакъ ускакалъ, но, къ общему нашему сожалѣнію, Штабъ-Лѣкарь Девитте, идя въ больницу, въ то самое время былъ подстрѣленъ отъ нихъ сквозь оба бедра пулею на вылетъ и поверженъ на землю. Въ это время и другіе изъ чиновниковъ на дворѣ были и старались отъ страха кой-куда укрыться. Раны, однако жъ, больнаго не совсѣмъ опасны и надежда къ выздоровленію предвидится; кромѣ сего, у старшаго Лѣкаря Щировскаго, пролетѣвшая въ окно пуля попала въ шкафъ, въ комнатѣ стоящій. Робость и недоумѣніе тогда объяло души всѣхъ и каждаго, добраго и трезваго, и единое только мое присутствіе могло остановить разрывъ домашняго нашего состава. Кратко сказать, дни смятенія, ужаса и отчаянія во все время, какъ отъ пламени, всю почти Москву въ глазахъ нашихъ пожиравшаго, такъ и отъ прочихъ многочисленныхъ, словами неизобразимыхъ, бѣдствій, останутся въ душахъ нашихъ вѣчно неизгладимы. 9-го числа Казаки, пріѣхавшіе въ больницу, на-

чали обирать Французскихъ больныхъ, и когда начали мы просить о снисхожденіи къ больнымъ, то они мнѣ и прочимъ не только пиками и саблями угрожали, но и взяли меня съ собою. За мною послѣдовалъ Смотритель больницы; привезли насъ въ пикетъ къ г. Маіору Побѣднову, который, узнавъ обо всемъ, и увидя изъ Высочайшаго указа, по коему мы тутъ остались, превѣжливо со мною поступилъ и, приказавъ насъ съ конвоемъ безъ вреда и обиды проводить обратно, совѣтовалъ намъ, однако, выѣхать немедля изъ города, поелику защитить насъ и заведеніе онъ теперь еще не въ силахъ. Таковый совѣтъ, по мнѣнію общему, стоитъ всякаго уваженія, и я уже не отваживался болѣе останавливать кого либо, хотящаго спасаться выѣздомъ, почему всѣ наши чины, истративъ послѣднее, къ тому устремились. Къ сему найпаче понудилъ слышимый и видимый, въ ночи съ 10-го на 11-е число, страшный и необыкновенный трескъ и громъ съ огненными и дымящимися столбами, въ сторонѣ Кремля города. Потомъ я словесно и письменно совѣтовался съ главнымъ надзирателемъ, Иваномъ Акинфіевичемъ Тутолминымъ, который полагалъ, что, какъ, по видимому, наша опасность минуется, лучше оставаться на своихъ мѣстахъ. Впрочемъ, письменно предоставлялъ на мою и прочихъ желающихъ волю, выѣхать, или нѣтъ, выключая Смотрителя Корышева и Надзирательницы Щировской; но какъ онъ при томъ меня увѣдомилъ, что Г. Генералъ-Маіоръ Бенкендорфъ съ гусарскимъ полкомъ уже въ Москвѣ, въ должность Коменданта вступилъ, и Воспитательному Дому данъ уже караулъ, то на мѣсто горести и отчаянія нашего заступила общая радость. Мы всѣ остались на своихъ мѣстахъ, и тѣ, кои на сихъ дняхъ въ близости отъ Москвы укрылись было, опять явились и являются. Потомъ самъ я былъ у Коменданта, который съ своей стороны всевозможное пособіе для сего заведенія мнѣ обѣщалъ. Хотя у насъ ни медикаментовъ, ни припасовъ ни какихъ нѣтъ, но при всемъ томъ, колико возможно, учредилъ я паки перевязку Россійскимъ раненымъ, въ Александровскомъ Институтѣ оставшимся; а что впредь случиться можетъ, не премину о семъ доносить, равно о трудахъ, достоинствѣ и поведеніи всѣхъ и каждаго въ свое время, по Высочайшемъ востребованіи, буду имѣть счастіе доставить подробное донесеніе.

Повергая себя къ священнымъ стопамъ Вашего Императорскаго Величества, всеподданнѣйше осмѣливаюсь только просить о всемилостивѣйшемъ отпускѣ нѣкоторыхъ чиновниковъ, какъ для отыска-

нія ихъ семействъ, отъ бѣдствія и ужаса изъ Москвы бѣжавшихъ, такъ и ради необходимыхъ ихъ нуждъ, наипаче Смотрителя Корышева, отпустившаго жену свою нездоровую, въ числѣ коихъ и я, по объясненной причинѣ, а особливо по разстроенному моему здоровью, считать себя нахожусь принужденнымъ.

28-го Октября Французское правительство, видя больницу бѣдныхъ благоустроенною, особенно ее назначило для 4-го корпуса, и потому крайне напрягалось, колико только можно болѣе, положить больныхъ въ оную, противъ чего я всѣми силами противостоялъ, представляя ему отъ того вредъ, какъ собственно для самыхъ больныхъ, такъ и для врачей и всѣхъ, въ домѣ живущихъ, то коммисары ихъ, о умноженіи болѣе мѣстъ, приговаривали занять для сего даже и наши квартиры, что крайне насъ опечалило, но Графъ Дюма, Генералъ-Интендантъ Французской арміи, былъ у насъ и крайне будучи доволенъ, видно къ сему не допустилъ, ибо болѣе о семъ не только не было рѣчи, но даже приказано было впредь въ корридорахъ больныхъ не класть, а только на убылыя въ палатахъ мѣста принимать, что, однако жъ, не было строго исполняемо. При всемъ томъ, не удовлетворясь числомъ нашихъ 220 кроватей, взяли они еще изъ Екатерининскаго Института, распредѣливъ оныя по палатамъ. Сверхъ сего на полу еще положили больныхъ, дабы болѣе помѣстить можно было. Генералъ Нарбонъ осматривалъ такъ же нашу больницу и, выхваляя насъ и труды наши, объявилъ намъ, что онъ не преминетъ тотъ же вечеръ о насъ и о нашемъ о Французскихъ больныхъ попеченіи донести Императору Наполеону, и что намъ непремѣнно жалованье опредѣлено будетъ: но всякій изъ медицинскихъ чиновниковъ вѣрноподданническимъ усердіемъ исполненъ, помня долгъ чести и присяги, гнушался онымъ, почему я, именемъ всѣхъ благодаря его за то, отъ онаго отрицался, представляя, что мы, по нашему мѣсту и настоящей службѣ, жалованье имѣемъ и другаго ни отъ кого не желаемъ а просимъ только, по невозможности чего либо съѣстнаго достать, о нашемъ содержаніи, о защитѣ заведенія самого и безопасности всѣхъ и каждаго, въ домѣ живущаго, въ чемъ онъ удостовѣрилъ. По приближеніи войскъ Россійскихъ напоминали они, что, по крайней мѣрѣ, 4-хъ изъ медицинскихъ нашихъ чиновниковъ возмутъ они въ Кремль, гдѣ непріятель вознамѣривался

было учредить гошпиталь, и для того все ему нужное изъ больницы бѣдныхъ, ночью на 5-е число Октабря, велѣлъ взять. но сіе чрезъ часъ опять отмѣнено, при какомъ случаѣ 28-мь нашихъ байковыхъ одѣялъ пропали. Потерю сію разыскать ни какой не было возможности. Естьли бъ Россійскія войска не такъ сильно и поспѣшно ихъ потѣснили, то едва ли бы они избѣгли горестной участи быть съ ними въ Кремлѣ. Тогда они скоропоспѣшно отправили своихъ больныхъ въ больницу бѣдныхъ, а въ Екатерининскомъ Институтѣ находившихся въ Воспитательный Домъ.

Шереметевскій Странноиріимный Домъ и Голицынская публичная Больница исключительно были опредѣлены: 1-я для гвардіи, 2-я для офицеровъ, изъ коихъ нѣкоторыхъ отъ насъ, въ началѣ къ намъ вступившихъ, туда отвезли. По порядку больничному, ежедневно я долженъ главному Французской арміи доктору, Барону Деженету, посылать вѣдомости о числѣ, внутренними болѣзнями одержимыхъ, больныхъ, но о раненыхъ, или вообще наружными болѣзнями одержимыхъ, Французскій Генералъ-Хирургъ, Баронъ Ляретъ, того не требовалъ. Страхъ нашъ въ теченіи нашего несчастія тѣмъ болѣе усугублялся, что Французы, вокругъ насъ стоящіе, какъ и вездѣ, безъ разбору мѣста раскладывали огонь, съ свѣчами безъ всякой осторожности ходили по конюшнямъ, повсюду поступали въ семъ случаѣ не только самовольно, но по злодѣйски. Единое милосердое Провидѣніе насъ отъ пожара охранило, ибо вся бдительность наша не была бы достаточна.

Во время бытности въ больницѣ Французовъ, привезено ими было нѣсколько половинокъ неваденаго сукна и нѣсколько аршинъ толстаго холста, для храненія, что у насъ и осталось.

Какъ оба Института остались безъ начальства, въ началѣ и въ концу несчастія, по прерванному между ими и Воспитательнымъ Домомъ сообщенію, то, что я, для пользы обоихъ сихъ заведеній, съ моей стороны дѣлать могъ, не упустилъ, оставленный же въ Екатерининскомъ Институтѣ 14-го класа Яковъ Перфильевъ, за неимѣніемъ начальства, всегда относился ко мнѣ, и приказанное съ усердіемъ исполнялъ, когда только сіе ему было возможно, почему онъ и заслуживаетъ полное мое одобреніе. Равнымъ образомъ не могу не упомянуть съ особенною похвалою о Московскомъ уроженцѣ, часовомъ мастерѣ, Иванѣ Рингелѣ, послѣ пожара и грабежа

съ женою и дѣтьми убѣжавшемъ въ Александровскій Институтъ, Россійскими ранеными наполненный, которыхъ мы множество, до вступленія еще Французовъ, въ больницѣ съ утра до ночи перевязывали и инымъ операціи дѣлали, и тѣ, кои ходить къ намъ не могли, были особенно мною препоручены Штабъ-Лѣкарю Строкову, на то охотно готовность оказавшему, давъ ему надлежащую и зависящую отъ меня въ людяхъ и медикаментахъ подмогу; сверхъ сего, оныхъ раненыхъ содержали мы, сколько намъ было можно, на собственномъ нашемъ хлѣбѣ, пока со двора выходить намъ можно было. Въ это время Штабъ-Лѣкарь Строковъ, видя доброе упомянутаго Рингеля расположеніе къ раненымъ, и хорошее его свойство вообще, опредѣлилъ его отъ себя въ родѣ смотрителя, но непослушаніе и неповиновеніе къ намъ и къ нему, и совершенный недостатокъ въ людяхъ и многихъ необходимыхъ способахъ, для наблюденія даже чистоты и порядка, не допустили его и насъ самихъ успѣть по желанію и усердію нашему. Впрочемъ, показанный Рингель, принявъ оставленный Французами малый съѣстный припасъ, съ 5 по 20-е сего Октября мѣсяца продолжалъ раздавать больнымъ ежедневно, по соразмѣрности оныхъ, пока весь вышелъ. При томъ, сохраненіе нѣкотораго церковнаго и казеннаго имущества отъ Французовъ единственно великому его усердію приписать должно. При семъ случаѣ я особеннымъ долгомъ почитаю упомянуть объ отличномъ усердіи Штабъ-Лѣкаря Строкова, оказанномъ имъ Россійскимъ раненымъ въ Институтѣ, и его стараніи, сколько только было возможно, преодолѣть неудобности, при перевязкѣ встрѣчающіяся. Въ семъ общемъ дѣлѣ съ усердіемъ способствовалъ намъ отставной Штабъ-Лѣкарь, Коллежскій Ассессоръ, Иванъ Оберлингъ, лишившійся отъ пожару почти всего и убѣжавшій отъ бѣдствія къ зятю своему, Провизору Штейтеру. По выступленіи Французовъ, какъ скоро только безопасно выходить было можно, онъ, Строковъ, съ тѣмъ же усердіемъ, паки больными занимался, купно съ волонтеромъ, Медико-Хирургической Академіи Лѣкаремъ, Шитцомъ, получая къ сему дѣлу ежедневно по утру и въ вечеру по пяти фельдшеровъ; но только вышеупомянутый, чувствительный въ нужнѣйшихъ потребностяхъ, недостатокъ и неимѣніе надъ больными законнаго начальства, препятствовали премного въ успѣхѣ нашего и Рингеля объ нихъ попеченія, хотя оное при всемъ томъ безъ явственной пользы не могло остаться.

Мраморный бюстъ Ея Императорскаго Величества, Всемилостивѣйшей нашей Государыни, перенесли мы изъ Александровскаго Института въ больницу бѣдныхъ, и таковый же въ Екатерининскомъ бывшій, въ саду того Института найденный, отданъ на сохраненіе тутъ опредѣленнаго упомянутаго Перфильева, много въ теченіе сего времени потерпѣвшаго.

Французскій въ больницѣ бѣдныхъ Директоръ, взявъ изъ Александровскаго Института портретъ, вѣроятно, покойнаго г. Бецкаго, мнѣ оный отдалъ, который тотъ же часъ мною былъ въ залѣ собранія спрятанъ, гдѣ все, что есть и было, осталось въ цѣлости, ибо мы всячески скрывали отъ нихъ эту комнату, и не открывали, и они, принимая дверь оной, вѣроятно, за фальшивую, никогда того и не требовали. Кромѣ сего спасена изъ Екатерининскаго Института испорченная, но прекрасной работы, электрическая машина, и изъ Александровскаго нѣсколько мебели. За два дни до выступленія Французовъ, выдалъ ихъ Директоръ всѣмъ рабочимъ людямъ и сидѣльницамъ, каждому 2 р. 50 к. мѣдными деньгами. Описавъ такимъ образомъ главнѣйшія оной больницы происшествія, во время бѣдствія и опустошенія Москвы, имѣемъ мы долгъ возблагодарить Всевышняго, миловавшаго столь явственно заведеніе, благонамѣренностію Милостивѣйшей Государыни для призрѣнія страждущаго человѣчества устроенное, и молить, да Онъ продлитъ благоденствіе Высокой оной Покровительницы, въ материнское коея попеченіе и милость я, со всѣми мнѣ подчиненными, съ глубочайшимъ благоговѣніемъ себя препоручаю.

Всемилостивѣйшая Государыня, Вашего Императорскаго Величества

Москва.
Октября дня,
1812-го года.

На подлинномъ подписано:
всеподданнѣйшій Христофоръ Оппель.

Сообщ. **М. Полуденскій.**

ЗАМѢТКА.

Въ 3-й книжкѣ Чтеній за прошлый годъ напечатано: «Возраженіе на книгу, сочиненную графомъ Стройновскимъ, о условіяхъ съ крестьянами». Возраженіе это во всѣхъ спискахъ, бывшихъ въ рукахъ редакціи, приписано графу Ѳ. В. Ростопчину. Въ 5-й книжкѣ Русскаго Вѣстника за нынѣшній годъ появилось письмо графа А. Ростопчина, въ которомъ сказано: «Никогда отецъ мой подобнаго возраженія не писалъ, и это видно уже изъ одного того, что авторъ его разсказываетъ, что онъ объѣздилъ всю Италію, Швейцарію и часть Франціи. Во всю свою жизнь отецъ мой никогда не бывалъ ни въ Италіи, ни въ Швейцаріи, а во Франціи былъ въ первый разъ въ 1816 году.» Между тѣмъ по преданіямъ, доселѣ живущимъ въ образованныхъ кружкахъ Русскаго общества, такое возраженіе на книгу Стройновскаго дѣйствительно было писано графомъ Ѳ. В. Ростопчинымъ. Изъ доставленныхъ нынѣ въ Общество матеріаловъ, списанныхъ съ современныхъ копій, хранящихся въ библіотекѣ одного изъ извѣстныхъ любителей отечественной исторіи, оказывается, во 1-хъ, что возраженіе, помѣщенное въ Чтеніяхъ 1859 года, напечатано съ списка неполнаго и не совсѣмъ исправнаго; во 2-хъ, что, кромѣ этого сочиненія, существуетъ еще другое Возраженіе на книгу Стройновскаго; первое изъ нихъ въ новодоставленныхъ спискахъ отнесено къ 1811 году и названо мнѣніемъ неизвѣстнаго, а второе приписано графу Ростопчину. Оба они написаны въ одномъ духѣ, враждебномъ великому дѣлу освобожденія крестьянъ; оба они вмѣстѣ, на ряду, переписывались собирателями любопытныхъ документовъ и легко могли быть перемѣшаны, что, въ свою очередь, могло ввести въ ошибку редакцію Чтеній, а затѣмъ и меня. Впрочемъ, будемъ ли мы основываться на первомъ, или на второмъ, Возраженіи, выводъ изъ нихъ одинъ, и въ этомъ не трудно убѣдиться, прочитавъ оба документа въ настоящей книжкѣ повременнаго изданія Общества.

Вмѣстѣ съ этимъ позволяю себѣ сдѣлать еще одно замѣчаніе. Графъ А. Ростопчинъ объявляетъ во всеуслышаніе, что, по сдѣланнымъ имъ оффиціальнымъ справкамъ, авторъ письма къ Императору Александру I, которое содержитъ въ себѣ нелѣпое * обвиненіе графа Сперанскаго, есть вовсе не графъ Ѳ. В. Ростопчинъ, а другое лицо. Но какое же? И что это за оффиціальныя справки? Здѣсь молчаніемъ нельзя отдѣлаться, потому что нельзя же повѣрить на слово, особенно, если до сихъ поръ письмо это единогласно приписывалось Графу Ѳ. В. Ростопчину, и съ его именемъ доселѣ хранится въ многочисленныхъ спискахъ въ различныхъ библіотекахъ. Любопытенъ также вопросъ: почему фактъ этотъ,

---

* Выраженіе гр. А. Ростопчина.

высказанный еще въ Словарѣ Бантыша-Каменскаго, до сихъ поръ оставался безъ опроверженія, а теперь, когда въ подобномъ документѣ перестали видѣть смѣлый подвигъ патріотизма, вдругъ понадобилось опроверженіе? Все это не мѣшало бы разъяснить обстоятельнѣе. Молчаніе не всегда признакъ знанія свѣтскости и приличій. Въ большей части случаевъ оно — маска, подъ которою скрывается отсутствіе всякихъ доказательствъ. Если графъ А. Ростопчинъ вздумаетъ когда нибудь подѣлиться съ публикою своими оффиціальными справками, то просимъ его, при этомъ удобномъ случаѣ, объяснить также, кого слѣдуетъ разумѣть подъ именемъ графа Р. въ любопытной книгѣ графа Местра, вышедшей въ прошломъ году въ Парижѣ подъ заглавіемъ: «Quatre chapitres sur la Russie»; слѣдуетъ ли приводимыя здѣсь мнѣнія графа Р. отнести къ матеріаламъ для біографіи графа Өедора Васильевича, или вовсе отказаться отъ этого источника? Кому извѣстна книга графа Местра, тотъ пойметъ всю ея важность для разрѣшенія вопроса о политическихъ и соціальныхъ убѣжденіяхъ графа Ө. В. Ростопчина, буде онъ одно лицо съ графомъ Р., другомъ Местра.

Никто не сомнѣвается, что чувство благоговѣйнаго уваженія къ предкамъ почтенно; но исторія имѣетъ свои, и весьма законныя, требованія. Мы глубоко убѣждены, что многія изъ современныхъ записокъ безобразно отсталого направленія, хоть авторы ихъ не только не скрываются, но съ торжествомъ героевъ сами указываютъ на себя, лѣтъ черезъ пятьдесятъ будутъ заподозрѣны и отвергнуты, какъ что-то нечистое и оскорбительное, сынами и внуками тѣхъ самыхъ, чье перо трудилось надъ ихъ сочиненіемъ.

А. Аѳанасьевъ.

1811.

ВОЗРАЖЕНІЕ

НЕИЗВѢСТНАГО

НА КНИГУ, СОЧИНЕННУЮ ГРАФОМЪ СТРОЙНОВСКИМЪ,

О УСЛОВІЯХЪ СЪ КРЕСТЬЯНАМИ.

Читавъ книгу Графа Стройновскаго «Объ условіяхъ помѣщиковъ съ крестьянами», я представилъ себѣ, что само Правительство и мы всѣ помѣщики, убѣдясь выгодами его расчетовъ и предложеній, относительно государственныхъ и собственныхъ нашихъ пользъ, готовы согласиться на освобожденіе крестьянъ; но при самомъ семъ согласіи вдругъ спрашивалъ самаго себя и его: «Кто намъ ручается, что онъ, изъ множества своихъ расчетовъ, предположеній и заключеній, ни въ одномъ ни сколько не ошибся? Что все то, что онъ расположилъ, счислилъ, сравнилъ съ подобными обстоятельствами Россіи, взятое имъ изъ другихъ земель и изъ прошедшихъ временъ, точно справедливо и вѣрно изображено и исчислено? И что, когда приступятъ къ началу сего преобразованія, оно точь въ точь пойдетъ по его начертанію, ни мало и ни въ чемъ не отклоняясь отъ оного?»

Нельзя намъ не спросить этого у самихъ себя. Ибо дѣло идетъ не объ однихъ выгодахъ или пользахъ нашихъ, а о цѣлости нашей и всего потомства нашего,.... о цѣлости Государства, о бытіи или небытіи, Россіи! Кто осмѣлится сказать, что онъ не только разумомъ, или умомъ, но и воображеніемъ обозрѣлъ, или хотя гадательно предусмотрѣлъ, всѣ, могущія произойти изъ сего послѣдствія?

Кто столько будетъ дерзокъ, или до такой степени безразсуденъ, что скажеть: «Я все сообразилъ!.... Я все предвидѣлъ!... Я отвѣчаю за успѣхъ!. .» Но ежели бы ослѣпленіе наше и таково было, чтобы мы ему и въ томъ повѣрили, то еще осталось бы спросить его: «Естьли, Ваше Сіятельство, сдѣлаетесь жертвою предлагаемой Вами новизны изъ первыхъ, то кто же будетъ другой мудрецъ, который приметъ на себя довести это дѣло къ концу? — Или оставаться спокойными, что въ нихъ недостатка не будетъ!» — Знаю возраженіе на сіе. «Но довольно,» скажутъ мнѣ съ смѣхомъ, «здраваго смысла и разума, чтобъ понять ясно всѣ пользы, долженствующія проистечь изъ свободнаго состоянія крестьянъ.»

Но развѣ не видали мы царствія разума во Франціи? Развѣ не подъ его владычествомъ ниспровержень престолъ, и звѣрски истребленъ весь родъ сидѣвшаго на немъ разрушены вѣра, законы, родство? Развѣ не во имя разума милліоны Французовъ отреклись отъ сознанія Всевышняго, дѣти отъ признательности родителямъ, а сіи отъ вѣчной обязанности противъ ихъ, расторглись всѣ связи общежитія, пали всѣ узы, соединяющія людей? Они вошли въ исступленіе и пришли въ состояніе звѣрообразныхъ животныхъ, скитающихся по развалинамъ, курящимся собственною ихъ кровію. Все сіе было и происходило въ глазахъ нашихъ. Кто осмѣлится сказать: «Нѣтъ!».

Важное предпріятіе требуетъ, чтобъ предпринимающіе соображали, или сличали, что при начатіи оного имѣютъ они потерять и что пріобрѣсти. Кажется, что правило сіе неопровергаемо. Вотъ что въ краткихъ словахъ и разсмотримъ.

Обширное и могущее наше отечество, по обѣщаніямъ Графа Стройновскаго, сдѣлается многолюднѣе, народъ сдѣлается дѣятельнѣе, промышленность умножится, земледѣліе бутетъ цвѣтущѣе, торговля обширнѣе, слѣдовательно, оно сильнѣе, непріятелямъ страшнѣе, а внутри благополучнѣе. Вотъ что мы выиграемъ, по его обѣщаніямъ. И какъ намъ сему не вѣрить? Онъ и подобные ему умствователи въ томъ ручаются намъ и клянутся разумомъ!...

А что проиграемъ въ семъ? Впасть въ подобное состояніе, въ какомъ была въ глазахъ нашихъ Франція, и теперь еще находится, то есть, подъ желѣзною державою чужеземца, ліющаго кровь ея ручьями для

насыщенія ненасытнаго своего властолюбія! Или въ подобное состояніе, въ какомъ была уже Россія въ нашествіе Батыя: раздроблена, угнетена чужимъ ярмомъ! Слича сіе, можетъ ли кто убѣдиться, или прельститься, умствованіями его?

Не могъ онъ ни скрыть, ни утаить, чтобъ всѣ сіи бѣдствія не угрожали любезному нашему отечеству при предлагаемомъ имъ преобразованіи, и для того сей нашъ доброжелатель коснулся лишь слегка сихъ бѣдствій,—и вотъ чѣмъ отъ нихъ насъ ограждаетъ § 28-й его книги: «По непросвѣщенію народа, всѣ почти крестьяне мнѣнія такого, что свобода ихъ состоитъ въ томъ, дабы ничего не платить за землю и не давать работника или, какъ они говорятъ, не дѣлать барщины; и такъ нужно имъ растолковать чрезъ приходскихъ священниковъ, что личная свобода и собственность не на томъ основаны, чтобъ пользоваться чужою вещію, безъ всякаго вознагражденія ея хозяину, или платежа, но надлежитъ ясно опредѣлить правила сего платежа и просто и сходственно съ природою и обязанностію общества человѣческаго.»

Слѣдовательно, вся безопасность Россія обезпечивается тѣмъ, что священникамъ нужно лишь растолковать народу, въ чемъ состоитъ личная свобода, и что не должно пользоваться чужою вещію даромъ, то есть: «Не тронь чужаго!» Какъ смѣшно было это сказать!.. Гдѣ стыдъ?... Гдѣ совѣсть?.... Не на смѣхъ ли это сказано?....

Но не на сихъ ли трехъ словахъ: »Не тронь чужаго!» вся нравственность основана? Не въ этомъ ли одномъ она и заключается? Съ тѣхъ поръ, какъ свѣтъ стоитъ, о чемъ иномъ всѣ нравоучители, философы, законодатели, проповѣдники, правители толкуютъ и трудятся, естьли не о томъ, чтобъ такъ устроить общество, чтобъ въ немъ никто, сколько можно, не протягивалъ руки на то, что ему не принадлежитъ? Стало, это не такъ легко растолковать крестьянину, какъ насъ ублажаетъ Графъ Стройновскій, самъ тому не вѣря.

Какъ же случилось во Франціи: не крестьянамъ, кои опытъ лютаго звѣрства явили всей Европѣ, и не дворянству, которое, по словамъ умствователей, отъ роскоши и развращенія оглупѣло, а самой просвѣщеннѣйшей части народа, среднему ихъ состоянію, не могли растолковать, въ чемъ состоитъ личная и гражданская свобода. Но и они, искупавшись въ крови милліоновъ своихъ соотчичей, всѣ

не вняли толкованію ихъ толкователей, доколѣ собственными же ихъ учениками не завоевалъ ихъ тотъ, который, подъ кровомъ и благотворительнымъ призоромъ ниспроверженнаго ими правительства, вскормленъ былъ на угнетеніе ихъ. Онъ, схватя ихъ желѣзными когтями, управляетъ ими по волѣ своей, а не чрезъ священниковъ, и толкуетъ имъ лично свободу, проповѣдуемую такъ складно Графомъ Стройновскимъ.

Нѣтъ, Ваше Сіятельство! Надобно, что нибудь получше обдуманное и прозябшее въ головѣ зрѣлой, * чтобъ склонить на свое мнѣніе Правительство, которое чрезъ долговременную опытность извѣдало, въ чемъ сила и могущество его состоитъ, которое знаетъ привязанность къ нему своего народа и усердіе прочихъ сословій, знаетъ и наблюдаетъ пользы ихъ. А естьли когда ослабляетъ бразды самодержавія, то по мудрому своему разсмотрѣнію, а не по правиламъ умствователей осьмагонадесять вѣка. Можетъ быть, что мнѣнія Ваши и могли быть полезны для Польши, бывшаго Вашего отечества, которое уже не существуетъ, и которое пылкими головами изобиловало; но не они ли и заронили въ немъ искру пожара, который его истребилъ?

Что мнѣнія приводятъ людей въ изступленіе — это не новое. Мы недавно видѣли въ Россіи такихъ, которые сожигали сами себя на кострахъ; другіе и теперь скопятъ себя; матери дѣлаютъ это надъ дѣтьми своими. Кто, казалось бы, можетъ хотѣть зла себѣ? Но изступленіе увѣряетъ, что это не зло, а благо; таковое же изступленіе увѣряетъ и изъ насъ иныхъ, чтобъ согласоваться съ Вами и Вамъ способствовать, не преступленіе ли противъ отечества? Вотъ отъ

---

* Примѣчаніе: Въ головѣ зрѣлой, но при томъ которая имѣла бы совершеннѣйшее свѣдѣніе о образѣ жизни и обычаевъ крестьянъ Русскихъ, о количествѣ обремененныхъ барщиною и о количествѣ блаженно живущихъ въ барщинѣ. Есть въ Россіи и теперь люди совершенно свободные, какъ то однодворцы, Государственные крестьяне. Но на комъ больше казенныхъ повинностей въ недоимкахъ? На однодворцахъ, на государственныхъ крестьянахъ. Въ которыхъ селеніяхъ убійство, воровство и всякіе безпорядки? Въ однодворческихъ и государственныхъ крестьянъ. Кто въ батракахъ служитъ у господскихъ крестьянъ? Однодворцы. Года два и три работаетъ отъ свободы въ барщинѣ, а нѣкоторые желали бы быть и вѣчно въ барщинѣ, но не принимаютъ ихъ; ибо иныхъ уже столько наградила свобода лѣностію, пьянствомъ, распутствомъ, что ни къ чему годные стали люди.

чего и книга Ваша напечатана и выпущена не по оплошности приставленныхъ къ сему надзору, а по тому, что у надзора сего есть люди, вѣрно упившіеся сего яду вольнодумства, въ которое и Вы обмакивали перо свое. Я самъ путешествовалъ почти четыре года, и не въ юности моихъ лѣтъ: былъ во всей Нѣмецкой землѣ, во всей Швейцаріи, видѣлъ часть Франціи, видѣлъ всю Италію, на которую такъ часто ссылается сочинитель, и повсюду видѣлъ многія тысячи людей въ томъ бѣдномъ и бѣдственномъ состояніи, о каковомъ у насъ ни послѣдній изъ націи, просящій милостыню, не можетъ себѣ сдѣлать понятія; ибо и сей у насъ не только принадлежитъ къ какому нибудь селенію, но имѣетъ въ ономъ или домъ, или землю, которую называетъ, по праву и сущности, имуществомъ своимъ, ибо онъ ими владѣетъ, и часто у него есть и овца и корова своя, а тѣ, конечно, пользуются и свободою, и правомъ пріобрѣтать собственность, но никогда ничего пріобрѣсть не могутъ и, кромѣ рукъ и ногъ, ничего не имѣютъ, ниже куда голову преклонить отъ дождя и зноя! Входилъ въ подробное разсматриваніе и наблюденіе народонаселенности земледѣлія и промышленности, видѣлъ и сличалъ все съ отечествомъ моимъ, которое никогда не выходило у меня изъ мыслей, и когда что находилъ желательнаго, чтобъ велось и у насъ, то, по большей части, видѣлъ тому препятствіемъ недостаточное населеніе; оное долго еще въ Россіи не можетъ достигнуть до той степени, въ какой она въ тѣхъ странахъ. Причиною тому не крѣпостное состояніе крестьянъ нашихъ и лишеніе ихъ свободы переходить съ мѣста на мѣсто, а напротивъ, неограниченная свобода разселяться и великая обширность Государства. Ежели Правительство обратитъ свое вниманіе на сіе, то вѣроподобно оно найдетъ, можетъ быть, скорѣе за полезнѣйшее ограничить сію свободу переходить, докуда въ нѣкоторыхъ областяхъ народонаселеніе достигнетъ до опредѣленнаго имъ количества, нежели дастъ волю всѣмъ крестьянамъ бродить по всему пространству обширнаго нашего Государства, что они не преминутъ учинить, и чему доказательствомъ служитъ, что они теперь цѣлыми селеніями съ хорошихъ и плодоносныхъ земель переходятъ на Заволжскія и на Кавказскія степи, что межъ Днѣпра и Буга и межъ Буга и Днѣстра. Они бродить и переселяться не переставали, докуда имъ оного не запретили, и съ тѣхъ только поръ степи сіи приняли видъ страны населенной и начали воздѣлываться.

Представимъ себѣ, сколько милліоновъ людей, или семействъ, вдругъ поднимутся съ мѣстъ своихъ, чтобъ итти искать лучшихъ, для того единственно, что они могутъ и, обманувшись по легкомыслію ихъ въ своей надеждѣ, опять будутъ искать другихъ мѣстъ, и съ тѣхъ опять переходить. Сколько заведеній самонужнѣйшихъ, устроенныхъ умомъ, иждивеніемъ и временемъ измѣнятся, разорятся, погибнутъ! Сколько городовъ многолюдныхъ и торговлею богатыхъ начнутъ упадать, гаснуть и исчезать, когда окрестности или уѣзды ихъ будутъ пустѣть отъ необдуманнаго переселенія легкомысленныхъ крестьянъ! Сколько истребится промышленности! Сколько вдругъ возникнетъ буйства, безпорядковъ, неустройствъ! Кто знаетъ, до какой степени могутъ они распространиться! Какіе способы, какія средства Правительство наше, доселѣ на кротости и милосердіи основанное, принуждено будетъ употребить для укрощенія оныхъ, и успѣетъ ли въ томъ? Какія мѣры приметъ оно для взысканія податей, составляющихъ самонужнѣйшій доходъ Государства? Важнѣйшая и необходимѣйшая повинность, наборъ войска, какъ исправится? Какое замѣшательство! Но кто можетъ все изчислить? Кто предвидитъ все, что произойти можетъ! Нѣтъ! Не вообще любленіе къ роду человѣчества и не пользъ желаніе Россіи водило перомъ Вашимъ, но тайная зависть и снѣдающая всѣхъ чужеземцевъ при воззрѣніи ихъ на славу и величество Россіи, на силу и благоденствіе ея, безпрестанно возрастающія и утверждающіяся день отъ дня болѣе и болѣе, а паче тѣхъ, кои куплены, и наряжены распространять неистовый духъ всеразрушенія, разсѣявшіе уже тлетворный ядъ свой по Полночной части Европы, давно уже силятся насъ имъ заразить. Вотъ что тревожитъ и разрываетъ всѣхъ сихъ доброхотовъ нашихъ! Вы знаете, что до сихъ поръ се ничѣмъ нельзя было поколебать; что паденіе низпровергнутыхъ престоловъ на Полуднѣ ни мало не потрясло Россіи, что не она страшится насильственнаго могущества властолюбца, льющаго кровь рѣками подъ предлогомъ человѣколюбія, истребленія рабства. Но онъ, обращая свой алчной взоръ на Сѣверъ, и сквозь тускъ кровавый, его помрачающій, видитъ Россію...видитъ и трепещетъ отъ ужаса, отчаянія и злобы, Мы видимъ, что можетъ у порога самой Франціи народъ многочисленный, но ставшій грудью за вѣру и за себя; что же возможетъ Россія, доколѣ пребываетъ подъ самодержавною властію кроткаго и мудраго Государя? Вы это знаете и ищете разрушить.

Знаете, что она непреодолима и неприступна, доколѣ въ ней не возникнутъ мятежи и неустройства: ихъ-то Вы и желаете внѣдрить сколько можно въ Россію... Вотъ неусыпная забота Ваша, не дающая Вамъ успокоенія! Не распространеніе въ ней торговли, промышленности и художествъ Вамъ нужно, а распространеніе духа буйства и безначалія! Не улучшеніе нашего земледѣлія и размноженіе нашего народа Васъ озабочиваетъ, а возмущеніе и истребленіе оного.

Вотъ истинныя побужденія, заставляющія Васъ такъ усердно пещись о насъ! Вотъ источникъ, откуда проистекаютъ жалость и состраданіе Ваше къ подданнымъ нашимъ, которые въ рабствѣ ихъ сто разъ блаженнѣе освобожденныхъ Вашихъ соотчичей, утучняющихъ теперь трупами своими опустошаемыя ими же поля Гишпаніи противу воли и пользъ своихъ, а въ угоду благотворителя Вашего, коимъ небо достойно Васъ наградило. Вотъ сокровенная сердецъ Вашихъ тайна, но уже проникнутая. Вы не сознаетесь въ ней, и сознаться не можете; ибо Вы, Графъ, знаете, чѣмъ она и въ томъ, и въ другомъ случаѣ должна вознаградиться.

ВОЗРАЖЕНІЯ.

Между прочимъ написано въ книгѣ Стройновскаго, на стр. 8: «рекрутъ брали не съ душъ, а съ земли.»

Когда крестьянъ не имѣю, а только одну землю, то кого же поставлю въ рекруты? Но когда и съ душъ рекрутской наборъ не уравнителенъ, то какое же средство уравнять хорошую десятину съ нехорошею?

На 8-й же стр., въ ремаркѣ о земляной мѣрѣ: «четверть имѣла полдесятины, 2,500 квадратныхъ саженъ.»

Неправда! Четверть всегда имѣла 1½ десятины, 3,600 квадратныхъ саженъ. Видно, недостаточны свѣдѣнія о Россіи у Стройновскаго.

На 12 стран.: «Царь Годуновъ и «Царь В. И. Шуйской издали было указы о вольности; но сіи люди, получа свободу, употребили оную во вредъ; почему имъ указы опять уничтожены».

На 20 стр: «1) вольность перехода крестьянъ не рѣдко была причиною, что земли оставались въ запустѣніи отъ нераченія ихъ и потерянія времени для частыхъ переходовъ; 2) она подавала поводъ и къ самымъ мятежамъ».»

На 21 стр.: «Неустройство склоняло ихъ къ праздности, воровству и разбою.»

Удивительный человѣкъ этотъ Стройновскій! Или онъ............или уже.........предполагаетъ сдѣлать вольность, и самъ написалъ: «она была уже во вредъ; земли запустѣли отъ праздности, отъ мятежей; были разбои и всякіе безпорядки, почему и уничтожена;» а предлагаетъ...

На 24 стр.: «О знакомцѣ Г-на Болтина, который продалъ всѣхъ годныхъ въ рекруты, оставя только во всемъ селеніи бракованныхъ, старыхъ и малыхъ.»

Это очень дурно было сдѣлано, все селеніе того господина было въ слезахъ. Но за то во множествѣ другихъ селеній не плакали, за которыхъ тѣ пошли, и во оныхъ также бы осталось много сиротъ. Это дурное не общественное было, а частное, и то нынѣ прекращено навсегда; на что же бы о семъ и упоминать? О великій доброхотъ нашъ!

Сочиненій Карамзина томъ VIII, на стр. 186 и 187-й:

«Великая Екатерина II сказала: ««Если мои законы ограничиваютъ природную вольность человѣка, то будьте увѣрены, что я не даровала вамъ тѣхъ однихъ правъ, которыя могли бы быть для васъ вредными. Я просвѣщала васъ, Россіяне; слѣдственно, не хотѣла угнѣтать человѣчества.»»

ЗАМѢЧАНІЕ

ГРАФА Ѳ. В. РАСТОПЧИНА

НА КНИГУ

Г-НА СТРОЙНОВСКАГО.

ОБЪЯСНЕНІЕ.

Я совсѣмъ не знаю сочинителя книги. противъ которой пишу возраженія. Названіе ея произвело во мнѣ любопытство, а содержаніе удивленіе. Не имѣя ни какой причины толковать въ противную сторону и приписывать дурному намѣренію мысли, произведенныя (по словамъ сочинителя) желаніемъ доставить счастіе одному изъ многолюднѣйшихъ Государствъ въ свѣтѣ; отдавая даже справедливость похвальному движенію его сердца, жалѣю, что онъ, предавшись слишкомъ воображенію, недовольно свѣдущъ о настоящемъ положеніи помѣщичьихъ крестьянъ, и, устремя взглядъ умственно на дурную сторону, не видитъ ни счастія, коимъ они пользуются, бывъ совершенно обезпечены на счетъ голоду, нищеты и нужды. Нѣкоторыя изъ внушеній книги, написанныя вѣрно въ жару сочиненія и благотворнаго расположенія въ Россіи, ... совсѣмъ противныя дѣйствія. Но уповать должно, что разсудокъ возметъ верхъ надъ мечтою и силою привычки, примѣровъ и почтенія къ старинѣ воздержитъ простой народъ отъ любопытства дѣлать испытанія милліонами людей по слову одного.

Давно съ негодованіемъ читалъ я повторяемыя бредни иностранныхъ на счетъ рабства въ Россіи и описанія онаго перомъ презрѣнія. Но какъ книги ихъ писаны на иностранныхъ языкахъ, то и

извѣстны въ народѣ быть не могли. Условія же крестьянъ съ помѣщиками писаны Россійскимъ подданнымъ. Замѣтя мимоходомъ, что неприлично печатать наставленія Государямъ и Правительствамъ, намѣренъ опровергнуть мысли Г-на Стройновскаго истинною замѣчаній моихъ. Онъ писалъ свою книгу по Польски, а я думаю и пишу по Русски. Предоставляя ему желать по своему инаго счастія счастливымъ дѣйствительно крестьянамъ, и вступать во всѣ права Анахарсиса, Клотца, оратора человѣческаго рода, стану говорить судъ за Дворянъ, коихъ достояніе есть награда Государей за службу предковъ, или ихъ самихъ, кои, бывъ чувствами вѣрности и благодарности преданы Императору, отличаются его довѣренностію и почестьми, и по сему суть первые его подданные, подпора престола и славы. Генрихъ IV, Король Французскій, говаривалъ, что онъ первый дворянинъ своего Королевства; а Императоръ Всероссійскій Александръ I-й еще сильнѣе доказалъ уваженіе къ своему благородному сословію, удостоя быть членомъ Дворянскаго Собранія въ Москвѣ.

Хотя Г-нъ Стройновскій въ своей книгѣ и объявляетъ, что онъ имѣетъ въ оной свое отечество, т. е., присоединенныя отъ старой Польши къ Имперіи Россійской губерніи, но часто, забывшись, упоминаетъ о Россіи, и занимается равномѣрно ея блаженствомъ, предлагая на пищу плодъ своихъ занятій. Разумѣя подъ громкимъ названіемъ Россіи всѣ земли, соединенныя во едино подъ Самодержавный Скиптръ Россійскій, не прилично никому изъ вѣрноподданныхъ означать свою родину названіемъ отечества и отдѣлять часть отъ всего. Но верхъ дерзновенія было бы мнѣніе, полагающее возможнымъ отторженіе пріобрѣтеннаго прежде оружіемъ, въ царствованіе Александра I-го, еще увеличившаго Россію, въ теченіи четырехъ лѣтъ, на западѣ новыми областьми бывшей Польши, на полднѣ Валахіей, Молдавіей и Дунаемъ, на сѣверѣ всею Финляндіею, чѣмъ и совершено предначертаніе Петра I-го, по прошествіи цѣлаго вѣка, въ единое лѣто.

Вольность.

Слово вольность или свобода изображаетъ лестное, но не естественное для человѣка состояніе, ибо жизнь наша есть безпрестанная зависимость отъ всего. Мы властны въ волѣ нашей, но не въ исполненія ея, чему предстоятъ всегда моральныя и физическія

препятствія. Отношенія и связи общества содѣлываютъ каждаго человѣка зависящимъ отъ другихъ, и для удовлетворенія нашихъ желаній, нуждъ и прихотей, мы всегда прибѣгаемъ къ другимъ. Взаимная сія необходимость, сближая людей, составляетъ общество и предметъ главнаго попеченія Государей и Правительствъ, кои, для установленія блага общаго, обращаютъ вниманіе на милліоны людей вмѣстѣ, а не на каждаго порознь. Въ связяхъ общества всѣ сословія нераздѣльны, но права различныя и могутъ перемѣняться по времени и обстоятельствамъ. Вѣрнаго и вѣчнаго въ жизни нѣтъ, поколѣнія изчезаютъ и другими замѣняются, но цѣпь, связывающая роды людей, хранится въ рукахъ Правительства, и сила ея можетъ уничтожиться въ одинъ мигъ, не довольно разрывомъ, но даже перемѣною одного звѣна.

Желаніе свободы есть самое сильное и возбудительное въ человѣкѣ, который, бывъ невольникомъ самаго себя, покушается, однако же, быть независимымъ ни отъ кого и, усиливаясь достигнуть сей цѣли, приноситъ иногда химерѣ въ жертву счастіе, изъ вѣрноподданнаго содѣлывается преступникомъ, изъ сына Отечества злодѣемъ его, изъ почтеннаго члена общества нарушителемъ его спокойствія и, промѣнявъ блаженство на гибель, окончиваетъ позорно жизнь свою достойною казнію, или посреди угрызенія совѣсти и поздняго раскаянія и общаго презрѣнія.

Первое дѣйствіе вольности есть самовольство, 2-е непослушаніе, 3-е возстаніе противъ власти. Во всѣхъ земляхъ болѣе или менѣе существовали примѣры, служащіе доказательствомъ сей истины. Но, по несчастію, прошедшее не есть урокъ въ настоящемъ. Въ устахъ проповѣдующихъ свободу она и счастіе суть единосмысленны; въ умахъ же съ здравымъ разсудкомъ свобода значитъ бѣдствіе.

Истинно благоразумный геній объемлетъ въ своихъ видахъ цѣлыя земли и народы, и въ положеніяхъ своихъ для общаго блага отнюдь не основываетъ счастія одного сословія на погибели другаго.

Но сіе не есть дѣло частнаго человѣка, и едва двумъ, или тремъ, съ созданія міра предоставлено было устройство народнаго блаженства. Сей подвигъ предопредѣленъ отъ Провидѣнія сидящимъ на престолахъ, или управляющимъ народами. Государь есть отецъ всѣхъ подданныхъ безъ изъятія, и для человѣколюбиваго сердца

его дѣти равно всѣ драгоцѣнны. Онъ на благо ихъ подвигается единственно любовію; а въ частныхъ людяхъ самолюбіе, гордость, корысть, коварство и злоба заставляютъ часто придворнаго льстеца, хитраго чиновника и гнуснаго гражданина, преображаться не дѣломъ, и словомъ, по времени и обстоятельствамъ, въ Демосѳены, Регулы и Курціи. Время республикъ въ мірѣ прошло. Прахъ Римлянъ въ землѣ, дѣла ихъ попались съ ложью въ исторію, а рѣчи въ трагедіи на театрѣ.

Съ Катономъ кончился духъ вольности. Но память дѣлъ сихъ названныхъ великими мужей, произвела чрезъ многіе вѣка возбужденія воскресить паки древность, для чего многіе изъ голодныхъ и нагихъ писателей, возмечтавъ, что они Камиллы, Фабіи, приступили къ образованію умовъ способомъ вольнодумства. Первой изъ сихъ есть Жанъ-Жакъ Руссо. Онъ провелъ безпокойную жизнь свою, сердясь попеременно то на родъ человѣческій, то на управляющихъ онымъ; сотворя людей по мнимому своему подобію, хотѣлъ образоватъ общества, установить равенство и, утвердя право человѣка, низложить власти.

Краснорѣчіе его, сожалѣніе къ съумасшествію, спасли отъ заточенія, и безъ Элоизы и женщинъ, другъ человѣчества лишенъ бы былъ и своей свободы отъ людей, коимъ онъ хотѣлъ принесть ее въ даръ. Марая бумагу, онъ не мнилъ, что въ условіи общества (Contract Social) посадилъ сѣмя Французскаго изступленія, называемаго революціею, и если бы до ней дожилъ, то не долго бы остался зрителемъ, и получилъ бы съ прочими философами и любителями вольности въ награду смерть за ложныя понятія, разрушеніе порядка и доказательство, что свобода есть слово, плѣняющее наши чувства обѣщаніемъ независимости, и столько же опасно для человѣка и для общества, какъ прекрасные на взглядъ плоды, содержащіе въ себѣ жестокой ядъ.

Такъ какъ есть во всѣхъ сословіяхъ много людей, кои ослѣпляются ложнымъ блескомъ, не имѣютъ довольно силы въ разсудкѣ, или не хотятъ имъ дѣйствовать отъ лѣни и отъ непривычки, то я и намѣренъ представить имъ истину, извлекши ее изъ точнаго положенія сословій въ Россіи. Пусть тотъ, кто имѣетъ опытность и вникалъ въ состоянія людскія, докажетъ мнѣ ясно, что я ошибся, и я съ нимъ соглашусь. Но для тѣхъ, кои выпускаютъ Россію изъ

ихъ головы, какъ Юпитеръ Минерву, кои, уничтожая въ умствованіяхъ старой свѣтъ и сотворя новой, устрояваютъ въ немъ благоденствіе рода человѣческаго, и видятъ предъ собою всякую минуту предбудущіе вѣка, для сихъ мудрецовъ, хотя они будутъ писать, говорить, или представлять мнѣ ихъ системы въ Китайскихъ тѣняхъ, или въ фантасмагоріи, я и глухъ, и нѣмъ, и слѣпъ.

Настоящее положеніе помѣщиковъ и крестьянъ.

Рабство весьма давно существуетъ въ Россіи, ибо въ X еще вѣкѣ оно было раздѣлено на три рода: 1-й заключалъ плѣнныхъ, взятыхъ на войнѣ и принадлежащихъ побѣдителямъ; 2-й покупныхъ изъ разныхъ земель, для чего во многихъ мѣстахъ были торги, куда иностранные приводили людей, доставшихся въ добычу, и продавали ихъ Русскимъ; 3-й отданныхъ по суду за долги въ рабство съ ихъ потомствомъ. Всѣ сіи три рода людей дѣлались собственностію помѣщиковъ, кои, употребляя сихъ рабовъ на заселеніе земель и собственную услугу, отвѣчали за ихъ благосостояніе, платили за нихъ подати и повинности Государю, отправляли по наряду на службу и распоряжая своимъ имѣніемъ, исправляли должность управителей Царскихъ. Нѣкоторые изъ Царей, полагая полезнымъ свободу крестьянъ, даровали имъ право переходить по волѣ изъ одного мѣста въ другое. Но всякой разъ, при подобныхъ перемѣнахъ, Правительство познавало опытомъ вредъ и невозможность сего постановленія, понеже дарованная вольность обращалась въ своевольство, производила разстройство имуществъ помѣщичьихъ и разореніе самихъ крестьянъ, кои, для избѣжанія податей, работы и повинностей, не имѣли постояннаго пребыванія, а жили въ переѣздахъ и бѣгахъ, по примѣру кочующихъ народовъ, и отъ безпрестанныхъ переселеній изъ одного мѣста въ другое, лишались послѣдняго своего имущества. Приведенные въ книгѣ Г-на Стройновскаго примѣры, почерпнутые изъ Древней Россійской Вивліоѳики, служатъ убѣдительнымъ доказательствомъ, что отъ вольности помѣщичьихъ крестьянъ, вѣроятно, произойдетъ еще и нынѣ тотъ же самый вредъ, коего повтореніе принудило Царей рѣшительно уже оставить крестьянъ въ зависимости помѣщика на земляхъ, ими заселенныхъ и вмѣстѣ съ нею сдѣлаться собственностію владѣльца. Изъ сего видно, что вольность крестьянская не есть выдумка. А вредъ ея — истина, доказанная опытами. Слѣдственно,

всякое Государственное постановленіе, хотя и сопряженное съ нѣкоторыми неудобствами, но давно существующее, долгимъ бытіемъ своимъ всегда доказываетъ, что оно или полезно, или не могло быть замѣнено лучшимъ.

Состояніе крестьянина составляетъ богатство господина. Чѣмъ крестьянинъ богатѣе, тѣмъ помѣщикъ меньше имъ занимается и видитъ въ немъ источникъ своего спокойствія. Тамъ, гдѣ мало земли, или она нехлѣбородна, или крестьяне занимаются ремеслами, тамъ они платятъ положенной оброкъ. Тамъ, гдѣ земли достаточно и гдѣ она можетъ награждать труды земледѣльца, въ тѣхъ мѣстахъ крестьяне на издѣльи.

Обыкновенное положеніе работы есть раздѣленіе пахарей на двѣ части, изъ коихъ одна работаетъ на себя, а другая на господина. Но число его обработываемой земли гораздо менѣе крестьянской. Въ хорошемъ хозяйствѣ, если нѣтъ способовъ вывозить на продажу хлѣбъ, дабы не сѣять его напрасно и не обременять работою крестьянина, онъ пашетъ одну десятину въ барскомъ полѣ, а для себя имѣетъ въ два раза и болѣе; сверхъ того не могущіе продолжать работы по старости, по болѣзнямъ, или замѣною дѣтей своихъ, увольняются съ тягла, сохраняя половинное число земли, имъ данной. Господской крестьянинъ столь увѣренъ въ своемъ продовольствіи, что онъ, предавшись одинъ разъ лѣни, или распутству, перестанетъ помышлять о себѣ и о своемъ семействѣ, зная опытомъ и примѣрами, что господинъ его снабдитъ непремѣнно лошадью, скотомъ, дворомъ, хлѣбомъ на посѣвъ и на прожитокъ. А помѣщикъ, зная напередъ, что онъ даетъ крестьянину безъ возврату, довольствуется тѣмъ, что сохраняетъ его исправнымъ работникомъ, помогаетъ цѣлой семьѣ, и думаетъ, давая каждой разъ, что это въ послѣдній. Въ хорошемъ хозяйствѣ присмотръ за крестьянскою работою столько же долженъ быть рачителенъ, какъ и за собственной господской. Въ сосѣдствѣ моемъ въ деревняхъ Графа Остермана я самъ видѣлъ, что одинъ крестьянинъ занялъ изъ господскаго магазина ржи на посѣвъ, сѣмяна пропилъ и, засѣявъ одни края десятины, середину оставилъ пустую. Въ шесть лѣтъ у меня въ подмосковномъ имѣніи были три случая: одинъ крестьянинъ два года жилъ на моемъ хлѣбѣ, увѣряя со слезами, что у него не родился, забралъ 9-ть четвертей ржи и набралъ бы и еще больше, но ссора съ сосѣдомъ

открыла, что онъ въ одну зиму свезъ и продалъ въ Москвѣ 10-ть четвертей ржи. Другой крестьянинъ выплакалъ по бѣдности лошадь, которую я ему подарилъ, а чрезъ два мѣсяца работникъ укралъ у него 620 рубл. Третій крестьянинъ, получа отъ отца въ наслѣдство богатой домъ и 2000 руб. денегъ, въ два года отъ мотовства пришелъ въ нищету, бросилъ жену и дѣтей, ушелъ въ Одессу, и тамъ былъ пойманъ и отданъ въ рекруты. У своячины моей, Княгини Голицыной, крестьянинъ не платилъ нѣсколько лѣтъ 8 рубл. оброку, отговариваясь бѣдностію, и когда въ 1806-мъ году братъ его назначенъ былъ въ милицію, то онъ пришелъ съ 600 рублями, чтобы купить на мѣсто его другаго. Вообще распутство, лѣнь и нерадѣніе ихъ превышаетъ понятіе. Когда я выписалъ для испытанія Англійскаго хозяйства Шотландскихъ фермеровъ, то они, вникнувъ въ положеніе нашихъ крестьянъ, нашли причину ихъ безпечности и завидовали ихъ состоянію, сравнивая съ своимъ; ибо въ Англіи человѣкъ, рожденный землепашцемъ, если ему не предстанетъ какой либо благопріятной случай нажить деньги въ его жизни, долженъ ее провести за плугомъ, не имѣя въ виду ни женитьбы, ни дома, ни состоянія и, лишенный одинъ разъ здоровья, или потребныхъ силъ для работы, долженъ жить въ богадѣльнѣ. Наши же крестьяне всѣ безъ изъятія имѣютъ состояніе превосходнѣе Англійскихъ фермеровъ, потому что оно наслѣдственное, и съ помощію господъ ихъ никогда не доходитъ до разоренія. Они ведутъ одинакую жизнь и, не зная, какъ живутъ въ другихъ земляхъ, не имѣютъ причины отъ сравненія желать перемѣны и почитать себя несчастливыми. Мнѣ замѣтятъ, что Русской крестьянинъ, хотя все имѣетъ, пользуется собственностію, оставляетъ ее своимъ дѣтямъ и располагаетъ своимъ имѣніемъ по своей волѣ, но помѣщикъ властенъ все у него отнять и превратить богатаго въ нищіе. На сіе я отвѣчаю, что симъ превращеніямъ препятствуетъ человѣколюбіе, разсудокъ и законъ; ибо разорять крестьянина есть самой вѣрной способъ разорить себя. Но полагая и сіе возможнымъ, и поставляя сію безрасудную жестокость въ число неизбѣжныхъ бѣдствій рода человѣческаго, навѣрно можно положить число сихъ страждущихъ временно отъ помѣщиковъ крестьянъ въ Россіи гораздо менѣе, чѣмъ въ другихъ земляхъ погибающихъ отъ язвы, отъ холоду, отъ падающихъ съ горъ снѣговъ, потопленій и слѣдствій войны.

Касательно же жестокости помѣщиковъ, происходящей иногда отъ употребленія во зло права сильнаго, столь свойственнаго въ человѣкѣ, коего необузданныя страсти не могутъ быть укрощены правилами закона и чести, я спрошу: почему желтой Индѣецъ, или черной Арабъ (коихъ упрекнуть даже нельзя и названіемъ Христіянской вѣры, ибо она имъ неизвѣстна) не имѣютъ права на человѣколюбіе названнаго просвѣщеннымъ Европейца? Пусть отвезутъ самаго жестокаго Русскаго Дворянина въ колоніи и дадутъ ему невольниковъ: они сочтутъ его благодѣтелемъ и станутъ прославлять его нѣжность, сравнивая свой жребій съ другими того же состоянія. Англичане, коихъ законы почитаются за лучшіе, забиваютъ ихъ въ Индіи, гдѣ 24 милліона людей имъ раболѣпствуютъ и повинуются бичу. Недавно напечатано было въ газетахъ, что одинъ Г-нъ Боушъ былъ повѣшенъ въ Тартолѣ за то, что по долговременномъ мученіи засѣкъ до смерти одного изъ вѣрныхъ своихъ невольниковъ за пропадшую съ дерева фигу. Въ послѣднемъ столѣтіи Лордъ Феррерсъ былъ также повѣшенъ въ Англіи за смертоубійство слуги. Англичане, Голландцы и Французы дали себѣ въ колоніяхъ право на всевозможныя наказанія невольниковъ. Двѣсти лѣтъ, какъ бѣдные философы, нѣжные филантропы и любезныя женщины все пишутъ, все кричатъ противъ варварства покупать невольниковъ и употреблять ихъ, какъ скотовъ на работу. Фоксъ неоднократно настаивалъ на уничтоженіи рабства въ Англійскихъ колоніяхъ, но гласъ его былъ гласъ въ пустынѣ, и вопль страждущихъ продолжается. Въ утѣшеніе же Г-ну Стройновскому скажу, что Екатерина II-я, устроивая въ славное царствованіе блаженство Россіи, положила предѣлы и жестокости быть могущимъ извергамъ въ числѣ помѣщиковъ, давъ право начальникамъ губерніи, по изслѣдованіи доказательствъ, отнимать власть у безчеловѣчныхъ помѣщиковъ, отдавая ихъ имѣніе въ правленіе Дворянской Опеки. А если и сего закона недостаточно для успокоенія чувствительности Г-на Стройновскаго, то онъ можетъ справиться и найти, что законъ сей остался во всей силѣ, и въ царствованіе добродѣтельнаго Александра I-го покровная роду человѣческому рука его, предала всей строгости законовъ, къ стыду сословія, нѣсколькихъ помѣщиковъ, кои и наказаны за безчеловѣчіе лишеніемъ дворянства и ссылкою въ Сибирь, за жестокость заточеніемъ въ монастыри на покаяніе, за развратъ отдаленіемъ отъ управленія имѣніемъ.

Невозможность условій.

Нѣтъ ни одного помѣщика, здравымъ разсудкомъ одареннаго, которой бы не предпочелъ огорченію, заботамъ и безпрестанному попеченію спокойную жизнь, при вѣрномъ доходѣ отъ процентовъ съ капитала, годъ отъ году возрастающаго, по причинѣ умноженія людей и уменьшенія земли. Но съ кѣмъ и какъ помѣщикамъ дѣлать условія, когда крестьяне пріобрѣтутъ вольность, и вмѣстѣ съ нею, не постигая цѣли Правительства, вздумаютъ имѣть право пользоваться даромъ собственностію, имъ не принадлежащею? Но, полагая при началѣ невозможное возможнымъ, т. е., свободу съ благоустройствомъ, на первомъ шагѣ встрѣтится множество препятствій къ произведенію въ дѣйствіе предпологаемыхъ Г. Стройновскимъ условій, отъ перемѣнъ въ цѣнахъ и отъ скоропостижнаго возвышенія оныхъ на произведенія земныя, отъ того, что въ теченіи послѣднихъ десяти лѣтъ земли и наемъ стали въ три раза дороже, что доказывается по Воронежской и Орловской губерніямъ. Въ первой земли дошли: десятина отъ 8-ми до 30 рублей, во второй отъ 25-ти до 100 рублей и болѣе, въ чемъ можно удостовѣриться продажею казенныхъ земель въ нынѣшнемъ году, и для сего условія далѣе, какъ на четыре года, заключить невозможно.

Въ нынѣшнемъ положеніи крестьянинъ помѣщичій ни о землѣ, ни о прочихъ угодьяхъ не думаетъ, ибо онъ имѣетъ свой участокъ во всемъ и огражденъ господиномъ отъ притѣсненій и споровъ. Но при вольномъ состояніи крестьянъ, они должны производить особливыя условія на землю, на луга, на лѣса, на выгоны, на мельницы и рыбныя ловли. Теперь, на примѣръ, въ иныхъ мѣстахъ онъ нанимаетъ у постороннихъ по 5-ти, по 10-ти и по 15 рублей за десятину снять одинъ хлѣбъ, а тогда ему покажется много дать помѣщику и треть сей цѣны, потому что онъ привыкъ имѣть даромъ шесть десятинъ на тягло, сѣно, дрова и прочее, а работу на господина онъ почитаетъ за ничто. Слѣдственно, и самое большее пониженіе цѣны на землю, за луга и проч. сочтетъ притѣсненіемъ. Условій на работу дѣлать невозможно; ибо кто тогда принудитъ крестьянина, не довольно порядочно работать, но даже и выходить на помѣщичью работу? Онъ будетъ отговариваться или своею болѣзнію, или отлучкой. Брать по условію часть изъ урожая крестьянскаго, еще хуже условія на деньги и на работу. Помѣщику нельзя

имѣть въ каждой деревнѣ по нѣскольку прикащиковъ для присмотра за каждымъ крестьяниномъ и повѣрки на каждомъ клочкѣ земли урожая, умолота, молотьбы и доставленія въ господскіе магазейны хлѣба, соломы и мякины. Крестьянинъ, каждый порознь, оснуетъ свою пользу на обманѣ, станетъ скрывать, обѣщать и ничего не давать помѣщику, въ чемъ ему послужатъ отговорки, изготовленныя Г-мъ Стройновскимъ. Отдавать же земли крестьянамъ вѣчно, съ тѣмъ, чтобъ они при продажѣ ея другимъ, передавали и исполненіе всѣхъ положенныхъ условій, есть способъ самой пагубной. Кто увѣренъ, что одна семья въ нѣсколько лѣтъ совсѣмъ не истребится, а другая безъ вѣсти пропадетъ и, спустя много послѣ времени, гдѣ нибудь отъищется? Тотъ, кто заключитъ подобное условіе, сдѣлаетъ себя бѣднымъ и дѣтей нищими, потому что онъ будетъ безъ дохода, а дѣти безъ земли.

О вредныхъ слѣдствіяхъ увольненія крестьянъ.

Земледѣліе вольностію крестьянъ въ Россіи процвѣсти не можетъ, потому что Русской крестьянинъ не любитъ хлѣбопашества и пренебрегаетъ своимъ состояніемъ, не видя въ немъ для себя пользы. Ни одинъ богатой, ни казенной, ни помѣщичій, крестьянинъ не остается въ своемъ званіи, а получа первый увольненіе, второй свободу, записывается въ мѣщане, или въ купцы, исключая нѣсколько зажиточныхъ крестьянъ въ казенныхъ селеніяхъ, при коихъ изобильно хорошей земли, большая часть едва имѣютъ хлѣбъ на пропитаніе отъ лѣни и отъ дурнаго порядка въ обработываніи полей, истощая ихъ безразсудно и засѣвая землю озимымъ хлѣбомъ, съ коей едва лишь снятъ яровой. Пусть спросятъ у купцовъ, торгующихъ хлѣбомъ по городамъ, и закупщиковъ для казны, у ссыпщиковъ въ Москвѣ и Петербургѣ: какой хлѣбъ лучше и чьего больше? Они скажутъ: господскаго, и эта самая истина. Крестьянинъ къ обработыванію земли и къ пріуготовленію чистаго и хорошаго хлѣба долженъ быть доведенъ принужденіемъ. Онъ насильно остается при сохѣ, въ безпрестанномъ занятіи, круглый годъ, завидуя мастеровымъ, кои съ меньшимъ трудомъ выработываютъ въ мѣсяцъ: плотники по 50 руб., каменьщики 60 руб., щекатуры по 70 руб. на человѣка; не смотря на возвышеніе цѣнъ въ послѣдніе четыре года въ два, въ три и въ четыре раза, какъ на наши собственныя, такъ и на иностранныя издѣлія, цѣна на хлѣбъ

едва прибавилась 50 коп. на рубль, а провозы стали вдвое дороже. Правомъ переходить на другія мѣста малые воспользуются по примѣру теперешнихъ казенныхъ крестьянъ, кои, имѣя на выборъ самыя хлѣбородныя земли и въ большомъ количествѣ, не оставляютъ, однако же, родину, претерпѣвая на ней нужду; но есть-ли бы и десятая часть вновь уволенныхъ помѣщичьихъ крестьянъ (что составитъ милліонъ) вздумала переселяться на другія мѣста, то едва ли Правительство найдетъ для нихъ достаточно земель и способовъ къ безвредному переселенію, для коего предстоятъ два затрудненія: 1-е снабженіе вдругъ жилымъ строеніемъ; 2-е продовольствіе переселенныхъ; ибо новая нераспашенная земля не прежде трехъ лѣтъ можетъ быть приведена въ порядокъ. Размѣщеніе же крестьянъ изъ большихъ селеній особенными дворами, на подобіе иностранныхъ фермъ, при большомъ количествѣ земли, безполезно, а при маломъ невозможно, и тѣ, кои испытали, навѣрно въ первый годъ возвратились бы обратно на прежнія жилища, или соединились многіе въ одномъ мѣстѣ, отъ страха воровъ, дикихъ звѣрей и невозможности сообщеній зимнимъ путемъ, которой въ большей части Россіи продолжается пять мѣсяцовъ въ году. Вмѣсто умноженія людей, какъ предполагаетъ Г-нъ Стройновскій, произойдетъ противное; ибо они всѣ, получа свободу, восхотятъ доставать деньги, по примѣру другихъ, ремеслами, и симъ отлучатся отъ домовъ и отъ женъ своихъ. Вдовые и бѣдные крестьяне останутся неженатыми, чего теперь не случается отъ попеченія помѣщиковъ, кои, занимаясь своими собственными выгодами, приносятъ пользу и Правительству. Дѣвки за вдовыхъ и бѣдныхъ нейдутъ иначе, какъ изъ награжденія, и отъ сего-то такое ихъ множество въ казенныхъ селеніяхъ, не довольно взрослыхъ, но и состарѣвшихся. При началѣ увольненія крестьянъ, пока они не привыкнутъ раздѣлять свои права съ помѣщичьими (что можетъ продолжиться нѣсколько лѣтъ), всѣ заведенія, фабрики и заводы остановятся; за неимѣніемъ рабочихъ людей и по невозможности платить имъ просимую несоразмѣрную цѣну, долго нельзя будетъ привести въ порядокъ винныхъ заводовъ, кои почти всѣ помѣщичьи, отъ чего знатной отъ винныхъ откуповъ для казны доходъ обратится въ незначущій. Зборы подушныхъ денегъ, за которые отвѣчаютъ помѣщики, пойдутъ въ недоимку. Всѣ частныхъ людей заводы, лошадиные и рогатаго скота, истребятся, бывъ основаны въ много-

численныхъ хлѣбородныхъ мѣстахъ при большомъ хлѣбопашествѣ, которое само по себѣ придетъ въ упадокъ. Помѣщики долго не будутъ получать вѣрнаго дохода и увидятъ земли и угодья ихъ безъ всякой для нихъ пользы въ рукахъ прежде бывшихъ крѣпостныхъ крестьянъ, а сіи, чувствуя вскорѣ нужду, впадутъ отъ нея паки въ рабство другого рода. У нихъ найдутся, такъ какъ теперь во многихъ селеніяхъ, богатые мужики, которые непримѣтнымъ образомъ сдѣлаются новыми помѣщиками, и станутъ заставлять работать бѣдныхъ, давая имъ взаймы деньги и выговаривая, вмѣсто процентовъ, работу, чѣмъ совершенно ихъ закабалятъ. Тотъ помѣщикъ, который нынѣ безсовѣстно обходится съ своими крестьянами, изъ гнусной корысти, станетъ ли беречь ихъ тогда, когда сдѣлаются они для него совсѣмъ чуждыми? Человѣколюбивый же и попечительный помѣщикъ лишится способовъ помогать бѣднымъ, лѣнивымъ и развратнымъ, не допуская ихъ умирать съ голоду. А при разборѣ ссоръ и жалобъ между помѣщиковъ и крестьянъ, судьи, кои всѣ изъ помѣщичьяго сословія, будутъ наклонены обвинить крестьянина и рѣшить въ пользу помѣщика, признавая его право своимъ.

Пророки вольности возразятъ, что всѣ сіи затрудненія въ одномъ лишь воображеніи, а на дѣлѣ существовать не могутъ и не встрѣтятся; что надзоръ судей, внушеніе священниковъ, толкованіе стариковъ, попеченіе Правительства и страхъ правосудія оградятъ собственности, утвердятъ права и успокоятъ помѣщиковъ защитою. Но кто знаетъ человѣка и наблюдаетъ его движенія, тотъ предвидитъ дурное употребленіе пагубнаго для него дара. Едва изо ста крестьянъ найдется одинъ, при началѣ новаго ихъ положенія, которой не обратитъ во зло помѣщика, бывъ удержанъ или привычкою почитать его, или памятью какого нибудь благодѣянія. Власть и надзоръ помѣщиковъ кончится съ начальствомъ ихъ надъ крестьянами, и Правительство озаботится надолго возстановленіемъ порядка въ 10,000,000-хъ упоенныхъ и разнузданныхъ вольностію людей, коихъ управленіе въ нынѣшнемъ положеніи ни малѣйшаго труда не стоитъ, бывъ совершенно на попеченіи и отвѣтственности помѣщиковъ. Недостанетъ ни судей на суды, ни гербовой бумаги на просьбы, ни остроговъ для помѣщенія должниковъ и ослушниковъ. Помѣщики оставятъ собственность, а крестьяне станутъ между собою драться за чужое, и вольность родитъ лишь свободу

зла, нарушить общее спокойствіе и устремить свой ходъ безъ остановки, на подобіе тягости, потерявшей равновѣсіе и падающей съ высоты на низъ.

Дворовые люди.

Всѣ тѣ, кои занимались на досугѣ и на скорую руку счастіемъ крестьянъ въ Россіи способомъ свободы, упустили изъ виду одно только важное обстоятельство, что отъ него зависитъ жизнь милліона людей, кои должны погибнуть вольностію крестьянъ. Благодѣтельствующіе однимъ хлѣбопашцамъ, или забыли вовсе дворовыхъ людей въ Россіи, или, не найдя возможнымъ опредѣлить имъ какой либо родъ жизни, осудили на голодную смерть, разочтя, что она въ недѣлю свободно можетъ очистить земной шаръ отъ сего многочисленнаго рода людей. Дворовые люди всѣ почти происходятъ изъ крестьянскаго состоянія, и по волѣ господъ ихъ, и по времени и обстоятельствамъ, для пышности, великолѣпія и чванства преображены бывали въ дворовые люди изъ пахарей. Умножившееся число сихъ служителей чрезъ многія поколѣнія заставило господъ обучать ихъ ремесламъ, и лучшіе мастеровые обязаны своимъ искуствомъ затрудненію господъ доставлять имъ понапрасну содержаніе. Число ихъ, въ сравненіи съ крестьянами, какъ одинъ противъ пятнадцати. Большая самая изъ нихъ часть, проведя жизнь во мнимой услугѣ господамъ, увольняются отъ оной и ссылаются въ деревни, гдѣ, получая достаточное содержаніе для себя и семьи, пріумножаютъ оную и выращиваютъ дѣтей въ тягость помѣщику и безъ пользы Государству. Все достоинство сихъ престарѣлыхъ слугъ состоитъ въ томъ, что жили въ домѣ отца господина своего и долговременность обратили въ заслугу. Двѣ трети сихъ дворовыхъ людей, не зная никакого ремесла, не въ состояніи не только прокормить своего семейства, но и самихъ себя; они, по примѣру своихъ отцовъ и предковъ, проводятъ одну половину жизни въ праздности, а другую въ безпечности. Помѣщики кормятъ, одѣваютъ и содержатъ цѣлыя семьи, изъ коихъ иногда одинъ лишь человѣкъ находится дѣйствительно въ услуженіи. Хотя издержки на дворовыхъ и велики, но у насъ расчетовъ по иностранному еще нѣтъ, и слово: «Вѣдь онъ человѣкъ,» кормитъ милліонъ людей. При увольненіи же крестьянъ и при перемѣнѣ отъ сего хозяйства, во всѣхъ частяхъ, самой богатой помѣщикъ, принужденъ бывъ крайностію, оставитъ для

своей услуги необходимо нужное число служителей, а остальнымъ долженъ пожелать всякаго благополучія и отпустить на всѣ четыре стороны. Въ мѣщане записываться господскіе люди не любятъ, потому что всякой изъ нихъ, годной въ солдаты, представленъ навѣрно будетъ въ первой наборъ отъ того мѣщанскаго общества, къ коему онъ принимается. Въ купцы записываться невозможно, по той причинѣ, что третьей гильдіи купецъ платитъ ежегодно въ казну до 300 руб. податей, а у уволенныхъ холопей ни копѣйки денегъ не будетъ. Пусть ремесленники займутся своей работой, пусть изъ молодыхъ пойдетъ часть охотой въ военную службу, другая взята будетъ въ оную за распутство и за праздножитіе, третья предастся наказанію по строгости законовъ за преступленія. Но куда дѣнутся старики, слабые, изувѣченные, жены и дѣти ихъ? Кто будетъ даромъ кормить и содержать ихъ? Погибель ихъ неизбѣжна, и полмилліона людей принесутся въ жертву свободѣ крестьянъ, не имѣя другой вины, какъ повиновеніе или предковъ ихъ, или ихъ самихъ, волѣ помѣщика, взявшаго ихъ съ крестьянскаго двора на свой.

Заключеніе.

Если сочинитель книги условій крестьянъ съ помѣщиками, подвигнутый собственнымъ убѣжденіемъ, что вольность есть путь къ счастію, освободитъ для сего своихъ крестьянъ, то онъ долженъ сокрушаться, видя, что старые и новые соотчичи не послѣдуютъ столь дивному примѣру и не внемлютъ убѣдительному гласу проповѣдующаго блаженство народное. Хотя и у насъ въ Россіи найдутся нѣсколько помѣщиковъ, кои, для собственныхъ выгодъ и по расчету, обратили своихъ крестьянъ въ вольные хлѣбопашцы, отпустили вѣчно на волю нѣсколько неспособныхъ работать семей, чтобъ не платить за нихъ до новой ревизіи подушныя деньги, но сіи не суть друзья человѣчества, а друзья самихъ себя. Срокъ двухъ вѣковъ, полагаемый Г-мъ Стройновскимъ для утвержденія новаго блаженства, весьма отдаленъ, чтобъ можно было въ живыхъ увидѣть дѣйствіе книги условій, и трудно сыскать столь дальновиднаго и объятаго надеждою человѣка, которой бы осудилъ себя и ближнее свое поколѣніе на неизвѣстность, дабы ввести въ жизнь блаженную дальнѣйшее и совсѣмъ уже чуждое свое потомство. Но ни одинъ честный и добродѣтельный человѣкъ не захочетъ отказаться добровольно отъ драгоцѣннаго права быть благодѣтелемъ

части людей, подъ защитою его живущихъ, и симъ уподобляется въ милосердіи и человѣколюбіи великодушному своему Государю, коего воля есть первый законъ вѣрноподданныхъ, предупреждающихъ желаніе его и всегда готовыхъ принести въ жертву ему и Отечеству имущества, жизнь и сыновъ. Въ 1806 году Государь сказалъ: «Вооружайтесь!» и 630,000 человѣкъ вооружились подъ начальствомъ 20,000 чиновниковъ изъ сословія помѣщиковъ. Пройдемъ съ Г-мъ Стройновскимъ исторію военныхъ дѣйствій Россійскаго оружія, имена предводителей войскъ, исчислимъ падшихъ дворянъ на поляхъ ратныхъ, сравнимъ Россію прошедшаго столѣтія съ Россіею нашего времени, прочтемъ имена мужей въ Совѣтѣ, въ верховныхъ судахъ сидящихъ, Государя окружающихъ, полководцевъ, воиновъ и всѣхъ знаменитыхъ людей, отечество прославившихъ и прославляющихъ, кто были предки ихъ? Дворяне. Кто они сами? Потомки ихъ. Кто возвысилъ ихъ въ сіе достоинство? Цари Россійскіе. Кто утвердилъ права ихъ? Александръ I-й. И такъ предоставимъ ему, избраннику Божію, устроивать счастіе Россіи и, вмѣстѣ съ нимъ, свое благоденствіе; для соучастія въ подвигѣ семъ, возьмемъ въ примѣръ дѣла предковъ нашихъ, а не умствованія пагубныхъ мудрецовъ. Оставимъ въ покоѣ и на мѣстѣ, станемъ лучше больше слушать, чѣмъ говорить, писать и подражать, и кончимъ каждый день жизни молитвою:

«Господи! Продли дни Царя и мирное житіе наше! Пресели вѣрность и любовь нашу изъ рода въ родъ, утверди благоденствіе наше на вѣки, избави насъ отъ лукаваго!

МНѢНІЕ

ОДНОГО УКРАИНСКАГО ПОМѢЩИКА, ВЫРАЖЕННОЕ ПОСЛѢ БЕСѢДЫ СЪ СВОИМИ СОБРАТІЯМИ О УКАЗѢ 23-го МАІЯ, 1816 ГОДА, И ОБЪ ЭСТЛЯНДСКИХЪ ПОСТАНОВЛЕНІЯХЪ.

Милостивые Государи!

По поводу важнаго предмета, занимающаго насъ, которой, съ изданія Высочайшаго указа, 23-го Маія нынѣшняго года, нечувствительно въ цѣлой Имперіи дѣлается общимъ, позвольте мнѣ сказать Вамъ и мои идеи. Вамъ извѣстно, что я проходилъ не одинъ разъ службы Государю и Отечеству; службы, которыя, по совѣсти предъ Богомъ и свѣтомъ, не могу я назвать безполезными: (я имѣю право сказать это теперь, Милостивые Государи, проживши уже вѣкъ мой, и когда всѣ разновидныя сужденія обо мнѣ, напослѣдокъ, кажется, уже изчерпались, а истина осталась одна, какъ повѣствуютъ, на днѣ кладязя): пребываніе мое въ селахъ въ продолженіи 18 лѣтъ дало мнѣ много досугу, и еще больше удобности вникнуть въ характеръ нашего народа, и въ истинныя, т. е., опытомъ дознанныя, пользы его. Я буду говорить, какъ сельскій житель, пріобыкшій выражать откровенно и не наученный въ школахъ софизмамъ, ниже въ столицахъ краснорѣчію. Почему и покорнѣйше Васъ прошу не на слова, но на самыя мысли обращать Ваше вниманіе.

Я начинаю отъ Исторіи нашего Царства и, минувъ мрачные вѣки оной, исполненные, какъ вездѣ, неустройствъ, нахожу въ событіяхъ послѣднихъ столѣтій, что Россіяне отличались сохраненіемъ обязанностей своихъ къ Государямъ своимъ предъ цѣлою Европою. Народъ нашъ обожалъ своихъ владыкъ, а въ боярахъ видѣлъ отцовъ. Сіи были для него изображеніемъ Государя, какъ Государь былъ для него и для властей среднихъ изображеніемъ самаго Бога. Всѣ состоянія соединялись союзомъ, такъ сказать, естественнымъ, или буде и политическимъ, то ближайшимъ къ естеству. Репрезентація народа, слово, столько же безсмысленное, какъ и самая вещь, было неизвѣстно нашимъ предкамъ. Собирали лучшихъ людей для совѣщанія о пользахъ Царства; изби-

рали иногда приставовъ къ доходамъ общественнымъ (цѣловальниковъ, отъ слова цѣлую крестъ во время присяги); но власть управляющаго, власть избирать голосами удобоколеблемой черни почиталась безуміемъ, противнымъ и установленному Богомъ порядку и свойству человѣческаго сердца. «Знай всякой свое дѣло! Нѣсть власть, аще не отъ Бога,» говорили Россіяне. Власть, мыслили они, должна быть наслѣдственная необходимо, во всѣхъ ея подраздѣленіяхъ, что и кажется довольно близко къ природѣ; ибо какъ Богословы доказываютъ бытіе Божіе единомысліемъ объ ономъ всѣхъ народовъ, такъ и существующій нынѣ въ Россіи общественный порядокъ можно оправдать изъ древнѣйшей исторіи и повѣствованій путешественниковъ по всѣмъ частямъ свѣта. Вездѣ, и у самыхъ дикарей, отдѣленныхъ пространными морями, не имѣвшихъ никакого между собою сообщенія, ниже понятія о существованіи другихъ людей, было находимо Дворянство, и при томъ наслѣдственное, какъ и Цари, или Князья народа, наслѣдственные же. Забота о людяхъ, чуждыхъ намъ, тогда только можетъ быть естественною, искреннею, какъ забота о самихъ себѣ, когда ей суждено передаваться въ потомство. Наказанія и награды, ниже самое чувство честолюбія, не могутъ замѣнить гласа крови, которой говоритъ намъ въ пользу дѣтей нашихъ, которой, ихъ участь связуя съ нашею лично, дѣлаетъ нѣкое цѣлое существо изъ поколѣнія. Во всемъ мірѣ есть неудобства: изо всего необузданныя страсти могутъ здѣлать злоупотребленіе. Но почто жъ верховная власть!.... Ей принадлежитъ пещись о обузданіи вредныхъ страстей и о наклоненіи полезныхъ къ общему добру. Ей принадлежитъ надзоръ надъ злоупотребленіями какъ ума и богатства, такъ и власти самой.

Мнѣ, сельскому жителю и природному Славяно-Россіянину, новыя политическія системы кажутся вздорными, по тому одному уже, что онѣ слишкомъ многосложны, что онѣ слишкомъ мало походятъ на все, видимое нами въ природѣ. Начало Монархіи разлито во всей Вселенной. Единство, прочность, наслѣдственность, самостоятельность власти, однѣ обезпечиваютъ порядокъ; а человѣкъ въ обществахъ своихъ ищетъ ввести республиканскія начала!... Покусившись водворить ихъ въ цѣлыхъ Царствахъ и событіями ставъ удостовѣренъ въ неудобствѣ, хочетъ ихъ перенести хотя въ малые тѣ круги, изъ которыхъ Царства состоятъ. И что дѣлаетъ еще хуже: ибо смѣши-

ваетъ начала, совершенно различныя между собою. Новые мудрецы натолковали ему, что наслѣдственное подчиненіе есть рабство: онъ не хочетъ видѣть, что оно есть таковымъ по злоупотребленіямъ только, и что отъ верховной власти зависитъ сдѣлать его вѣрнѣйшимъ залогомъ высшаго полицейскаго порядка: орудіемъ къ исполненію законовъ, къ собранію Государственныхъ доходовъ, къ защищенію Царства и распространенію въ немъ благонравія и добродѣтели.

Тѣ самые, которые, не хотѣвъ видѣть въ служителяхъ религіи наставниковъ народа и утѣшителей его въ скорбяхъ, увѣряли цѣлой свѣтъ, что они просто ремесленники, разрядъ людей, питающихся отъ пустословія и ханжества, тѣ самые не хотятъ знать въ наслѣдственныхъ Россійскихъ помѣщикахъ ничего болѣе, какъ хозяевъ недвижимыхъ имѣній, оптовыхъ промышленниковъ предметами земледѣлія. Развѣ не существуетъ въ законахъ нашихъ указаній, что они значатъ нѣчто гораздо болѣе, нѣчто несравненно важнѣе для пользъ Государства? И развѣ не отъ Самодержавной власти Государя зависитъ объяснить, утвердить сіе значеніе, которое въ Высочайшей степени благодѣтельно быть можетъ? Развѣ послѣднія событія не доказали намъ и цѣлой Европѣ, что народъ нашъ (вообще говоря), удаленъ бывши отъ того, чтобы почитать себя въ рабствѣ, привязанъ душею къ образу своего существованія и находитъ въ немъ свое счастіе? Развѣ мы, и при нынѣшнемъ даже недостаточномъ законоположеніи по сей важной части, не примѣчаемъ, что поселяне добрыхъ помѣщиковъ не завидуютъ вольности казенныхъ поселянъ? На что же изобрѣтать новое, на что подражать чуждому, когда свое стоитъ только обработать, чтобы надежнѣе и ближе достигнуть желаемаго конца?

Народу невозможно пребывать безъ начальниковъ, безъ руководителей; и кому приличнѣе быть сими орудіями высшей власти, какъ не помѣщикамъ? Неужели избранной міромъ на срокъ староста изъ тѣхъ же крестьянъ, будетъ имѣть болѣе побудительныхъ причинъ желать добра и его производить, нежели просвѣщенный помѣщикъ, которой увѣренъ, что тотъ, кому Богомъ дана въ помѣстье Россія, имѣетъ на него отверзтыя очи и готовъ наградить человѣколюбивое его рвеніе, или наказать употребленіе власти во зло? Помѣщикъ, и по отличному воспитанію, и по незыблемости его власти,

и по неимѣнію ни какихъ видовъ соперничества съ подчиненными, и по пріятной сердцу обязанности передать свое наслѣдіе, предметъ человѣколюбивыхъ его заботъ, дѣтямъ своей крови, точно представляетъ въ маломъ своемъ кругѣ лице своего Монарха. Вотъ репрезентація, М. Г., приличнѣе и естественнѣе репрезентаціи толпы бурной черни въ закупаемомъ короною Парламентѣ.

Самодержавіе, наслѣдственное Самодержавіе отъ Монарха и до отца, въ хижинѣ своей повелѣвающаго дѣтьми, да будетъ залогомъ нашего блаженства: но да имѣетъ оно законы! Сіи понятія не противурѣчатъ другъ другу.

Какъ всѣ Государственныя части имѣютъ своихъ начальниковъ, да будутъ начальниками земледѣлателей помѣщики! Да будутъ они особенными Государственными чиновниками, какъ и прочіе репрезентанты великаго Монарха для сотней и тысячей народа, естьли подлинно они по дѣйствіямъ и качествамъ носятъ свое званіе, достойны, чтобъ ихъ таковыми почитали! Независимо отъ другой службы Государству, они должны имѣть классъ; но они и несутъ подлинно службу. буде исполняютъ долгъ свой. Да подчинятся они отвѣтственности предъ Престоломъ! Да учредится надъ ними надзоръ! Уже и есть по сему предмету законъ, которой потребно только воскресить и строгою отвѣтственностію безо всякаго снисхожденія обезпечить его исполненіе.

Подобно какъ раздѣлена Имперія на Губерніи и уѣзды, такъ, и съ большею еще точностію, можетъ она раздѣлиться на помѣстья. Съ большею точностію, говорю; ибо число Губерній, а особливо уѣздовъ, весьма можетъ сокращено быть при предоставленіи помѣщикамъ Земской Полиціи. Помѣстья же, приведенныя въ извѣстные предѣлы, да останутся уже недѣлимыми! Часть дохода съ оныхъ, поступая въ учрежденные банки, да облегчитъ равной раздѣлъ отцовскаго наслѣдства между братьями! Подобное узаконеніе не ново: оно существовало уже въ Россіи съ 1714 по 1741 годъ, съ тою разностію, что тогда имѣнія родителей во всемъ пространствѣ ихъ оставались безъ раздѣла, а здѣсь предполагается оставить недѣлимыми однѣ помѣстья порознь (какъ то: село, деревню и проч.), избѣгая только чрезполостности, которая и во владѣніи и въ Полицейскомъ управленіи равно неудобна. Одинъ изъ братьевъ, т. е., назначенный отцомъ, или по большой способности

избравшій себѣ родъ жизни, да останется въ потомствѣ слугою и намѣстникомъ Государя, да дастъ народу судъ правый, да облегчитъ его нужды, да служитъ ему наставникомъ и просвѣтителемъ, да будетъ порукою въ цѣлости Государственныхъ достояній (каковы, на пр., лѣса), и тѣмъ лицемъ, которое одно, уплачивая подати, имѣетъ счетъ съ казною, между тѣмъ какъ прочіе его братья да будутъ слугами Государя по другимъ частямъ, на сушѣ и на водахъ! При такомъ распорядкѣ Государство не будетъ нуждаться въ чиновникахъ. Всякой изъ дворянъ получитъ свою должность.

Чудное разпредѣленіе! Дворянству оставить земли! Дворянству, которое не можетъ ихъ обработывать, которое и воспитывается къ иному назначенію! Отнять ихъ у народа, которому онѣ принадлежатъ, поелику въ потѣ лица изъ вѣка оныя воздѣлывалъ! По моему понятію, чуть ли не кроется вопіющая неправда подъ личиною милосердія. Бѣдный народъ пускаютъ на волю какъ птицу; какой нибудь Нѣмецкой юристъ устами Эстляндскаго дворянина говоритъ ему: «Иди во всѣ страны Свѣта, но иди нагъ, безъ подпоры и безъ промысла о тебѣ! Иди, я представляю тебѣ слѣпцовъ, тебѣ же подобныхъ, въ вожатые по новымъ для тебя путямъ. иди и проси ниценски позволенія дворянства воздѣлывать уголокъ земли, которая тебя щедро питала прежде! Но нѣтъ, ты рѣдко и такимъ образомъ для себя можешь ее получить. Ты будешь только наемникомъ у той части собственной твоей братьи, которая найдетъ способы и будетъ имѣть всѣ выгоды обращать тебя въ рабочій себѣ скотъ. Иди, несчастный!!! Твоего помѣщика, котораго прадѣдъ еще благодѣтельствовалъ твоему прадѣду, а отецъ посѣщалъ отца въ болѣзняхъ, который твоихъ братьевъ и сестеръ въ сиротствѣ воспиталъ у себя и научилъ полезнымъ художествамъ, сего твоего бывшаго помѣщика, я нашелъ искуство превратить въ торгаша землею твоею. Ты былъ членомъ его семейства: я разорвалъ природныя узы, васъ связывавшія! Я поставилъ между тобою и имъ непримиримую корысть на стражѣ: ожесточилъ, отчуждилъ отъ тебя его сердце. Пусть настанетъ теперь зима, и ты, чтобы обогрѣть себя, возмешь вязанку дровъ изъ лѣсовъ его: ты уголовной преступникъ! Пусть небо заключитъ свои хлябіи: ты тщетно прибѣгнешь къ его житницамъ! Пусть семья твоя въ нуждѣ, горести, или въ болѣзни потолчется у дверей его: онѣ для нея

будутъ заключены! Нѣтъ у васъ теперь ничего общаго! Иди! Я дамъ тебѣ вольность, каковую имѣютъ звѣри въ дубровахъ, или каковою пользуются дикіе лѣса, твои собратія въ лѣсахъ Канадскихъ и Бразильскихъ, но съ тою разностію, что тамъ они, имѣя вольность, имѣютъ и собственность: все, окружающее ихъ по необъятному пространству пустынь, имъ безпрекословно принадлежитъ; здѣсь же, въ Европѣ, и въ студеномъ отечествѣ твоемъ, все для тебя чуждо. Земля, по которой ты пойдешь, принадлежитъ другимъ, и та, въ которую положатъ прахъ твой, есть чуждая.»

Я предполагаю, Милостивые Государи, что земля есть собственность народа наравнѣ съ помѣщиками: сіи два состоянія всегда жили у насъ одно для другаго, и общаго права ихъ на владѣніе землею никогда не оспоривалъ законъ. Верховное неправосудіе было бы отнять то, что кому искони принадлежало. У насъ помѣщики были всегда только распорядителями земли и другихъ угодій, подобно какъ одинъ есть хозяинъ и распорядитель силъ и богатствъ Монархіи, хотя назвать по сей причинѣ Монархію его лично исключительною собственностію было бы странно.

Простите меня, Милостивые Государи, что, объясняя систему, кажется мнѣ, основанную на законахъ и обычаяхъ нашего Царства, я выражаюсь съ такою откровенностію. Въ нынѣшній вѣкъ, въ нынѣшнее просвѣщенное царствованіе, особливо позволяется скромное и благоразумное изслѣдованіе всякой истины, «относящейся до гражданскаго состоянія законоположенія, управленія Государственнаго, или какой бы то ни было отрасли правленія» (подлинныя слова § 22 Устава о ценсурѣ, Высочайше конфирмованнаго Іюля въ 9-ой день 1804 года).

Въ нашемъ Государствѣ всякое состояніе имѣетъ принадлежащія себѣ права; смѣшеніе сихъ правъ и переносъ оныхъ на себя, по личной волѣ каждаго, не будетъ соотвѣтствовать Государственной пользѣ. Необходимо должны быть дворяне дворянами, духовные духовными, купцы купцами, мѣщане и цеховые мѣщанами и цеховыми, а земледѣльцы остаться при своемъ почтенномъ промыслѣ. Не воображаю я, чтобъ переходъ изъ состоянія въ состояніе сдѣлать невозможнымъ, но здравая политика требуетъ, чтобъ оный затруднить. Слѣдовательно, весьма справедливо будетъ постановить сумму, которую поселянинъ долженъ внести, хотя бы то было

не помѣщику, а въ Государственную казну, прежде нежели получить право оставить мѣста своего рожденія навсегда. Это будетъ обузданіемъ безпутныхъ переходовъ, которые сколько были разрушительны для частнаго и Государственнаго хозяйства, мы то видѣли въ нашей Украйнѣ. Помѣстья могутъ передаваться на законномъ основаніи, и не иначе, какъ въ цѣлости своей, изъ рукъ въ руки. Но собственно, такъ называемая, продажа людей, о которой легко доказать, что она есть отступленіе отъ коренныхъ законовъ Россійскаго Царства, естественно должна прекратиться на вѣчныя времена. Жалоба поселянъ на помѣщиковъ ихъ должна быть позволена, но (въ отвращеніе своевольствъ) одному только лицу, изъ помѣщиковъ же назначенному Государемъ (или въ извѣстное лишь время, подобно какъ жалоба солдатъ допускается при смотрахъ). Да и во всемъ прочемъ права земледѣльцевъ, на ряду съ другими состояніями, должны быть строго опредѣлены. Не послѣднимъ изъ оныхъ будетъ то, что ни подъ какимъ видомъ помѣщикъ не можетъ взять поселянина въ личную себѣ услугу, безъ предварительной выдачи ему отпускной! По сей причинѣ нынѣшніе наши дворовые люди, получивъ свободу по истеченіи опредѣленныхъ годовъ услуги ихъ воспитателямъ, должны составлять особенный цехъ, подобный цехамъ ремесленниковъ, и быть приписаны къ городамъ. Города и мѣста народнаго стеченія для торговли, имѣя свою окружность, должны имѣть особую Полицію. Внутренняя же Полиція Имперіи ввѣрится дворянству, т. е., помѣщикамъ. Симъ образомъ важныя суммы сберегутся, а общественная тишина и порядокъ лучше будутъ соблюдаемы, ибо въ сохраненіи оныхъ никто болѣе владѣльцевъ недвижимыхъ имѣній не интересованъ. Въ предложеніи моемъ сіи Государственные чиновники, т. е , помѣщики, въ награду за свои труды на пользу Отечества и какъ средство къ вѣрной уплатѣ казенныхъ податей (которыя, повторяю, будутъ составлять не исключительно ихъ одну повинность), должны имѣть право на половину времени трудящагося поселянина. Таковъ былъ обычай въ Россіи издавна, таково и мудрое учрежденіе въ Бозѣ почивающаго Государя Императора Павла I-го. Обычай сей основанъ на вѣрнѣйшемъ вычетѣ и совершенно согласенъ съ природою нашего Государства, которое есть земледѣльческое. Земледѣліе есть фабрика, болѣе всѣхъ прочихъ требующая надзору. Легко словомъ оподлить такое воздаяніе по-

мѣщику отъ ввѣренныхъ ему поселянъ (или отъ Государства, что въ семъ разумѣ одно и тоже), назвавъ его барщиною, рабщиною, или какъ угодно. Но ругательство не есть возраженіе. Не платимъ ли и мы услугами своимъ благодѣтелямъ? Мы всѣ, то есть, отличная подпора Престола, не платимъ ли Царямъ нашимъ за ихъ о насъ отеческое попеченіе лично нашею службою, часто соединенною и съ потерею жизни?..... Не за страхъ, ниже за награды и почести, которыя суть только что нѣкіимъ поощреніемъ, мы, Россіяне, служимъ. Это былъ бы торгъ, нисколько не соотвѣтствующій высокимъ понятіямъ нашимъ о взаимныхъ между собою отношеніяхъ Монарха и подданыхъ. Притомъ:

«Когда не сверкъ въ бояхъ, судахъ,
«Въ совѣтахъ Царскихъ, супостатовъ:
«Всякъ думаетъ, что я Чупятовъ
«Въ Мароксихъ лентахъ и звѣздахъ,»
сказалъ Державинъ.

Все въ политическомъ свѣтѣ основано на взаимныхъ услугахъ. Деньги, которыя составляютъ плату отъ богатаго бѣдному и отъ бѣднаго богатому во всѣхъ просвѣщенныхъ земляхъ, въ понятіи моемъ, суть подлѣе услугъ; онѣ ихъ хотя и представляютъ, но съ отчужденіемъ всякаго чувства сердечнаго, которое необходимо предполагается при взаимныхъ услугахъ. Пора уже смотрѣть на вещи безпристрастно глазами прямыми, а не въ стекла философіи XVIII вѣка. Жестокой урокъ, наводнившій кровью всю Европу, еще ли не научилъ насъ не довѣрять громкимъ словамъ: независимость, равенство, и проч.? Истинная свобода человѣка есть свобода его души, которую никакая земная власть оковать не въ силахъ. Наша религія прославляетъ сію только свободу. Наша религія предписываетъ должности какъ Господъ, такъ и рабовъ. А на то полагаетъ границы власти съ одной стороны, а съ другой вольности. Она, и основанное на ней просвѣщеніе человѣческаго рода, вѣрнѣе всѣхъ конституцій, которыя безъ нихъ суть только жалкая игра умовъ. Земледѣльческое воздаяніе помѣщикамъ, о которомъ я говорю, послужитъ къ истиннымъ пользамъ Царства. Оно умножитъ трудолюбіе и разольетъ на наши сельскія работы техническое просвѣщеніе другихъ земель, просвѣщеніе, которое безъ того чрезъ цѣлыя столѣтія еще не дойдетъ къ нашимъ поселянамъ. И нравы будутъ чище: ибо праздность есть мать всѣхъ пороковъ. Не трудно на

нѣсколькихъ страницахъ написать уставъ, равно благодѣтельный для помѣщиковъ и для поселянъ. Одинъ Манифестъ, которой вдохнетъ и подпишетъ мудрость.... и все сдѣлано! Легко усовершать утвержденное уже вѣками; но производить внезапный переворотъ въ понятіяхъ!!!....

«Будутъ, де, злоупотребленія;» но, повторяю вопросъ мой: на что жь верховная власть? Не можетъ ли первенствующій глава хозяйства, полиціи и суда въ Имперіи дать подчиненнымъ ему репрезентантамъ желаемое направленіе? Вразумить дворянство въ его должностяхъ въ томъ, что принадлежитъ до его чести и славы, развѣ такъ трудно?.. Развѣ и надзоръ за меньшимъ числомъ человѣковъ, при томъ образованныхъ, не удобнѣе въ тысячу кратъ надъ большимъ числомъ, надъ милліонами невѣдующаго ни пользъ своихъ, ни предѣловъ, народа?...

Я очень равнодушно смотрю на готовую мнѣ укоризну иностранцевъ, укоризну въ пристрастіи къ рабству, по корыстолюбію ли то, по воспитанію, или другимъ причинамъ: ибо я предварительно уже, въ продолженіи полныхъ 43½ лѣтъ владѣнія моими помѣстьями, оправдалъ себя на дѣлѣ. Почтенное Ваше свидѣтельство, Милостивые Государи, подтвердитъ мои слова. Если же онаго показалося бы недостаточно, то я не только съ душевною готовностію ожидаю, но и желаю свидѣтельства, хотя бы то было по препорученію Державной власти: свидѣтельства, сравнительнаго съ казенными селеніями по выбору всей Губерніи, 2500 душъ мужеска пола моихъ поселянъ. Извѣстно Вамъ, что многимъ десяткамъ я далъ отпускныя, далъ средства составить большое состояніе. Иные, пріобрѣвъ и чины, удостоились въ разныхъ Губерніяхъ быть принятыми въ Дворянскія сословія. Сколько изъ моихъ поселянъ провожалъ я со слезами ко гробу, какъ родныхъ дѣтей!!.. Не сомнѣваюсь, что и мнѣ таковымъ же образомъ будетъ заплачено. Пріятно мнѣ мыслить, и находить себя увѣреннымъ въ томъ, что не одинъ я въ старости могу смѣло говорить такимъ образомъ. Куда ни обращусь въ Имперіи нашей, вездѣ обрѣтаю въ помѣщикахъ довольное число отцовъ своихъ поселянъ. Такъ ли, полно, виновны и проч?... Дѣлается ли что для обрѣтенія однихъ и наставленія другихъ? По крайней мѣрѣ, я, доживъ до половины седьмаго десятка лѣтъ, ничего того не слыхивалъ. Начальники Губерніи не-

кутся о украшеніи городовъ зданіями, гульбищами, ревизують приказный порядокъ въ судахъ и проч.; участь же земледѣльца по виду составляетъ послѣдній предметъ. Впрочемъ, какъ есть дурные помѣщики, такъ есть дурные Судьи, дурные Министры и такъ далѣе. Слѣдуетъ ли изъ сего заключеніе, чтобъ все это опрокинуть вверхъ дномъ?... Лучше, кажется, поправить.

Вообще судная часть, представляющая нынѣ величайшія запутанности и безпорядки (что безпрерывныя слѣдствія по имяннымъ повелѣніямъ очевидно доказываютъ), можетъ получить новый видъ. Тогда благословенная простота началъ замѣнитъ многосложность процессовъ. На примѣръ: не могла ли бы поступать на окончательную ревизію къ Генералъ-Губернаторамъ большая часть дѣлъ разныхъ Палатъ, цѣлые годы ожидающихъ теперь разрѣшенія Сената? Губернскій Предводитель, Совѣстный Судья и еще лицо какое либо, отъ Короны назначенное, не могли ли быть естественными ассистентами Государева Намѣстника въ Россіи и такъ далѣе?... Но я не желаю представлять изъ себя заграничнаго законодавца, каковые наслали къ намъ сотню книгъ съ совѣтами нашему Правительству, и здѣсь оканчиваю мои разужденія.

Въ заключеніе ихъ скажу только: я имѣлъ счастіе находиться въ Императорскомъ Дворцѣ въ незабвенный родамъ Русскихъ вечеръ 12-го Декабря 1777 года. Тогда тамъ слышалъ я, что великая Екатерина прорекла владѣющаго нынѣ нами внука своего Александромъ Великимъ, ощутя яко бы необыкновенную силу въ его младенческихъ рукахъ.

Свѣтъ уже видѣлъ исполненіе половины сего предсказанія.... Другая ожидаетъ Александра на поприщѣ внутри отечества.....Какъ утвердилъ Онъ самостоятельность Россіи, да утвердитъ такъ священные ея законы, которымъ, время сказать это, она преимущественно обязана своимъ величіемъ и силою. Какъ низложилъ онъ враговъ внѣшнихъ, о!...да низложитъ такъ и неправды, и злоупотребленія, и предразсудки!.....

В. Каразинъ.

МНѢНІЕ

АДМИРАЛА МОРДВИНОВА

О

ПРОДОЛЖАЕМОЙ ВЪ ПОРТАХЪ НАШИХЪ КОНФИСКАЦІИ.

Предложеніе конфискованія приходящихъ въ порты наши неутральныхъ судовъ подвигло меня изъяснить чрезъ сіе дальнѣйшія понятія мои о вредѣ, который отъ употребленія сей мѣры для Россіи не избѣженъ, равно и о прочемъ по сему предмету.

Всякая конфискиція, производимая нами въ настоящее время, есть дѣйствительное признаніе своей слабости. Ни въ какое время не долженствовало бы оказывать себя слабымъ ни врагу, ни пріятелю; ибо таковое дѣйствіе, съ одной стороны, ослабляетъ всеобщее довѣріе, благопріятство и уваженіе постороннихъ державъ и съ тѣмъ вмѣстѣ отчуждаетъ вспомогательныя силы, а съ другой, очевидно, способствуетъ къ возрастанію надменности и дерзости въ сердцахъ, умышляющихъ въ тайнѣ гибель нашу. Конфискація одного судна въ нынѣшнемъ году есть вреднѣе, нежели ста судовъ въ минувшемъ. Въ прошедшихъ годахъ мы могли извиняемы быть политическими причинами; а продолженіе той же самой мѣры въ настоящемъ праведно подвергаетъ насъ всеобщему негодованію, пренебреженію и истребленію всякой надежды на постороннее соучастіе во вспоможеніи.

Сила и безопасность царствъ состоятъ не столько въ вещественныхъ, сколько въ нравственныхъ опорахъ, и можно сказать, что великія имперіи никогда не погибали ни отъ мечей, ни отъ ядеръ;

сокрушались же они худыми началами, принимаемыми къ ихъ управленію, лжеумствованіями и коварными совѣтами Министровъ. Коль скоро таковыя начала воздѣйствуютъ на потрясеніе Государственнаго кредита и первыхъ основаній правосудія, то неминуемо возраждаютъ пагубное недовѣріе въ сердцахъ всѣхъ состояній народныхъ; а тогда само по себѣ должно уже разрушиться все, чѣмъ токмо управляются, возвышаются и утверждаются имперіи.

Ни какое политическое положеніе, ни какая, и самая приближеннѣйшая, опасность, не долженствовали бы изглаживать изъ сердецъ государственныхъ правителей тѣхъ священныхъ началъ, на коихъ основывается народная связь, какъ равно сила и крѣпость державъ. При неповрежденномъ соблюденіи оныхъ, и самая слабѣйшая держава, какъ читаемъ тому множество примѣровъ въ исторіи и видимъ новѣйшій доводъ въ Гишпаніи, не можетъ быть ни какимъ напряженіемъ превозможена; напротивъ же того и самая сильнѣйшая монархія, коль скоро токмо лишена нравственныхъ доблестей, неизбѣжной всегда подвержена бываетъ гибели и паденію.

Естьли Россія помышляетъ о удержаніи своего благосостоянія и подобающаго ей во владычествахъ земныхъ преимущества, то первѣе всего надлежало бы ей рѣшительно отринуть и навсегда оставить ту пагубную мѣру, которая не могла не возродить самаго невыгоднаго въ разсужденіи ея впечатлѣнія въ разныхъ внѣшнихъ народахъ. Надлежало бы, единожды навсегда, отклонить всѣ случающіяся у насъ превратныя умствованія, представленія мнимыхъ страховъ и опасностей и всѣ вообще ухищренныя, ни съ прямымъ существомъ истины, ни съ достоинствомъ имперіи, ни съ высокими добродѣтелями престола, не совмѣстныя сужденія и совѣты. Надлежало бы, точнымъ и постояннымъ соблюденіемъ народныхъ правъ и несовратимымъ шествіемъ по началамъ строгой справедливости, постараться утвердить въ мысляхъ всѣхъ, какъ внутреннихъ, такъ и постороннихъ, народовъ, то вождѣлѣннѣйшее понятіе о Августѣйшемъ Самодержцѣ нашемъ, что «жезлъ царствія его есть жезлъ правости.»

Хотя, по стеченію обстоятельствъ, и заставлена Россія принять участіе въ Континентальной системѣ, но согласіе ея на таковое участвованіе не могло быть иное, какъ токмо условное и имѣющее въ виду единственный вредъ Англіи, для усмиренія владычества ея на

моряхъ. Обязательства наши не могли тогда быть иныя, какъ токмо временныя, и предѣлъ оныхъ не долженъ простираться далѣе достиженія до ослабленія Англіи. Но когда опытъ доказалъ, что совсѣмъ противное тому сбылось, и что весь вредъ, вмѣсто Англіи, обратился на самую Россію, то естественно слѣдуетъ, что съ преобращеніемъ цѣли, и сущность обязательствъ сама по себѣ уничтожается.

Извѣстно, что по введеніи Континентальной системы, кругъ Англійской торговли столь обширно распространился, что на другой за тѣмъ годъ вывозъ внутреннихъ произведеній ея 10 милліонами фунтовъ стерлинговъ пріумножился; равно и торговля чужестранными товарами отъ 25 до 35 милліоновъ. фунтовъ стерлинговъ возрасла. Государственныхъ долговъ, по Генварь мѣсяцъ нынѣшняго года, заплачено свыше 200 милліоновъ фунтовъ стерлинговъ, что, по нашему бѣдственному курсу, не менѣе, какъ четыре тысячи милліоновъ рублей составляетъ.

Самый опытъ послужитъ къ нашему удостовѣренію, что невозможно привесть въ зависимость такого народа, который и преисполненъ отечестволюбивымъ духомъ, и обладаетъ обширными капиталами, и имѣетъ глубокое свѣдѣніе о разныхъ хозяйственныхъ и художественныхъ предметахъ, и довелъ земледѣліе до совершенства, и имѣетъ премножество рукъ для произведенія съ превосходнымъ искуствомъ всего, чтобы ни пожелалъ.

Естьли Англія и покупала прежде у насъ многіе товары, то сіе случалось по тому только, что сама не занималась произращеніемъ оныхъ и находила за выгоднѣйшее для себя обмѣнивать избытки нѣкоторыхъ своихъ издѣлій на наши произведенія. Но когда мы заставили ее отыскивать въ нѣдрахъ своихъ желѣзо, включать въ число посѣвовъ своихъ и конопли, обращать болотныя и низменныя мѣста подъ ленъ, заводить парусныя фабрики и проч., тогда нельзя уже полагать надежды, чтобы она и на будущее время стала продолжать по прежнему заимствоваться отъ насъ сими веществами. Не говоря уже о возникшемъ у нихъ послѣ перваго разрыва съ нами великомъ числѣ желѣзныхъ заводовъ черезъ самое короткое время, извѣстно, что Ирландія производитъ теперь все то количество, которое прежде выходило изъ Россіи, и что изъ 22 милліоновъ акровъ пустопорожней у нихъ земли, отдѣлено подъ пеньку самой выгод-

ной 125 милліоновъ участковъ, сколь ни ограниченной, но достаточной для произращенія ея столько, чтобъ замѣнить весь вывозъ оныя изъ Россіи.

Не можетъ же быть при томъ ни какого сомнѣнія, чтобы народу, изобилующему совокупно и въ капиталахъ, и въ знаніяхъ, и въ способныхъ производителяхъ работъ, не обходились вещи въ цѣнахъ гораздо сходнѣе противу народовъ, лишенныхъ таковыхъ удобствъ. Не должно смотрѣть на высокія, существующія внутри Англіи, цѣны всѣмъ тамошнимъ издѣліямъ. Достовѣрно, что первая цѣна всякой, выдѣланной тамъ, вещи, есть самая низшая противу другихъ земель; возвышается же оная отъ платимой тамъ съ каждой статьи произведеній великой, въ государственный доходъ, пошлины. А хотя степень платежа за труды рабочимъ людямъ въ Англіи и несравненно выше противу другихъ мѣстъ, но сія не дѣлаетъ никакой существенной разности въ сложной оцѣнкѣ вещей; ибо естьли работникъ, получая платы по 50 копѣекъ только въ день, выдѣлываетъ какого либо товара одинъ пудъ, а получающій по рублю, производитъ той же самой работы не менѣе трехъ пудовъ, то очевидно, что и при дорожшей платѣ рабочимъ, естьли только оныя знающи и успѣшны въ своемъ дѣлѣ, вещи дешевлѣ обходиться могутъ въ цѣнѣ, нежели при самомъ скудномъ платежѣ обыкновенныхъ, безъ опытности въ дѣлѣ, безъ хорошихъ инструментовъ и другихъ удобствъ и безъ всякаго, могущаго оживлять тягость трудовъ; одобренія, производящимъ работы поденьщикамъ.

По таковымъ видамъ домашняго изобилія во всемъ искуства и удобства, купцы главнѣйшихъ городовъ Англіи, торговавшіе прежде съ Россіею, и настаивали, какъ извѣстно, у своего Министерства о прекращеніи впредь всякихъ съ нами торговыхъ спошеній.

Справедливость требуетъ признать, что учредитель Континентальной системы долженъ имѣть весьма проницательное предъусмотрѣніе; ибо онъ, конечно, предвидѣлъ все, что въ будущіе годы совершиться должно. Онъ, безъ сомнѣнія, напередъ зналъ, что водвореніемъ сей системы Англичанамъ доставлено будетъ преобладаніе всѣми морями и нераздѣльное надъ тремя частями свѣта владычество; но жертва таковая нужна была, чтобъ достичь ему содѣлаться владыкою всей Европы.

А поелику въ достиженіи столь лестной для него цѣли противустоятъ ему важныя затрудненія со стороны Россіи, коея простран-

ство, непроходимость лѣсныхъ мѣстъ, дикость степей, а паче всего мужественной духъ народа, при всей его воинственности и предпріимчивости, жестоко смущаютъ мысли его. то, для предварительнаго разслабленія державы сей во внутреннихъ силахъ ея и, конечно, разрушенія всѣхъ, имѣвшихся у нея, связей съ сосѣдними и другими державами, и придумалъ онъ, силою ума своего, Континентальную систему.

Въ слѣдованіе системы сей поставляетъ онъ безпрестанно Англію; но сіе дѣлаетъ для единаго токмо наружнаго призрака; въ тайныхъ же мысляхъ его, Англія не иное что значитъ, какъ Россію, которая, занимая половину всего пространства Европы, при многочисліи и твердости своего народа, не токмо сильна всегда сдѣлать совершенную преграду властолюбивымъ видамъ его, но и небезопасна для его, со стороны уничтоженія, буде бы только рѣшительно на сіе отважилась, и полученной имъ власти въ Европѣ. Въ разсужденіи же Англіи понимаетъ онъ ясно, что хотя сія соперница его сильна на моряхъ, но не можетъ быть ему опаснымъ врагомъ на сушѣ.

По сему самому всѣ дѣянія его несообразны суть съ его словами. Во всѣхъ манифестахъ и публичныхъ нотахъ, крича противу Англіи, которая плаваетъ токмо по водамъ, притѣсняетъ и ослабляетъ между тѣмъ опасныя для него державы на твердой землѣ.

Говоря объ Англіи, яко о всеобщемъ врагѣ, въ Швеціи унаслѣдываетъ Королемъ своего Генерала, захватываетъ между прочимъ Гамбургъ и Амстердамъ, бывшіе остальными прибѣжищами для Россіи по денежнымъ ея переводамъ; въ Турціи и Персіи старается поселить всѣ затрудненія, чтобъ не могъ состояться у насъ съ оными миръ; у Короля Прусскаго, который усердно долженъ желать неразрывнаго съ нами союза, занимаетъ своими войсками крѣпости, и наипаче удобнѣйшія для открытія въ способное время воинскихъ противу насъ дѣйствій и, съ тѣмъ вмѣстѣ, успѣшнѣйшаго принужденія сего нашего союзника обратиться противу насъ же. Варшавское Герцогство, лежащее напротивъ самаго центра Россіи, укрѣпляетъ войсками своими и время отъ времени вящше воспламенить старается въ Полякахъ древнюю къ намъ ненависть, а между тѣмъ и во внутренность предѣловъ нашихъ присылаетъ проповѣдниковъ своихъ, чтобъ, указывая на разстройство торговли, на упадокъ курса,

на дороговизну и недостатокъ многихъ вещей и на разныя другія, имъ же самимъ причиненныя въ Россіи, стѣсненія, возбуждали въ народѣ неудовольствія противу Правительства. Въ содѣйствіи же всего онаго предъуготовляетъ заблаговременно ревностныхъ споспѣшниковъ замысламъ своимъ посредствомъ Иллюминатскихъ ложъ, сего коварнаго орудія, не только къ испровержению законнаго Королевскаго во Франціи дому, но и къ укорененію власти его во Франціи, въ Италіи и во всѣхъ прочихъ мѣстахъ столь много способствовавшаго, которыя по тому, сверхъ обѣихъ столицъ нашихъ, и по другимъ знатнѣйшимъ городамъ развесть тщательно старается.

Сіи суть главнѣйшіе признаки дѣйствительныхъ злоумышленій его, чтобы, черезъ постепенное разстройство и разслабленія внутри, успѣть покорить своему владычеству и такую державу, которая одною воинскою силою, ни при какихъ въ свѣтѣ обстоятельствахъ, сражена быть не могла бы.

Таковаго своего надменнаго предположенія и самъ уже онъ открылъ торжественный знакъ, когда не ускромился произнесть, что не потерпитъ власти Россійскаго Императора въ Европѣ, не признавая Россію иначе, какъ землею Азіятскою.

За всѣмъ тѣмъ, если Россія и еще продолжать станетъ придерживаться правилъ толико пагубной для благосостоянія ея системы, и, не внемля согласному со всѣхъ предѣловъ ея воплю народа, объ оказаніи гостепріимства приходящимъ въ порты судамъ, упорно отвергать будетъ всѣ благопріятствующіе ей къ освобожденію себя отъ столь пагубнаго ига случаи, то не навлечетъ ли она на себя справедливыхъ упрековъ, что собственнымъ участвованіемъ въ совершеніи дальновидныхъ замысловъ Императора Наполеона приближаетъ нашествіе вредныхъ для нея послѣдствій?

Первѣйшій шагъ къ воспрещенію ему въ достиженіи своей цѣли, казалось бы, состоять долженъ въ томъ, чтобы уничтожить всѣ стѣсненія, приходящимъ въ порты наши судамъ чинимыя, и чтобы въ дѣлахъ Правительства слово «конфискацію, кромѣ случаевъ о запрещенныхъ тарифомъ товарахъ, сдѣлать впредь неумѣстнымъ и неупотребительнымъ; при томъ же, чтобы приняты были найтщательнѣйшія мѣры къ укрѣпленію внутреннихъ силъ нашихъ къ заключенію мира съ Турками и Персіянами, и къ возстановленію всѣхъ

прежнихъ союзовъ Россія, утверждаясь на непреоборимой твердости существенныхъ силъ и обширности способовъ своихъ, и тщательно удерживая приличное ей въ Европейскихъ державахъ преимущество, можетъ единовременно находиться въ мирѣ и съ Франціею и съ Англіею. Степень величія и могущества ея есть совсѣмъ отличная отъ прочихъ государствъ. Но удерживаемый до нынѣ ею образъ поступковъ и поведенія, причиняя ей и во внутреннихъ силахъ и во внѣшнихъ отношеніяхъ ощутительное разслабленіе, тѣмъ самымъ споспѣшествуетъ къ постепенному совершенію вышеизъясненныхъ враждебныхъ противъ нея замысловъ, и, слѣдовательно, вмѣсто удаленія, приближаетъ еще открытіе непріязненныхъ на предѣлы ея покушеній. Противныя же тому мѣры могли бы дѣйствительно не только поколебать всѣ планы и предположенія, ко вреду нашему клонящіеся, но и положить совершенную преграду къ начатію воинскихъ противъ насъ дѣйствій.

Отправлено 25 Сентября, 1811 года, при письмѣ къ Государю Императору.

МНѢНІЕ

ДѢЙСТВИТЕЛЬНАГО ТАЙНАГО СОВѢТНИКА

ГРАФА С. РУМЯНЦЕВА

ПО РЕКРУТСКОМУ УЧРЕЖДЕНІЮ.

Имѣя собственныя мысли по рекрутскому учрежденію, представлю я тогда на разсмотрѣніе Государственнаго Совѣта, когда о полномъ учрежденіи разсуждаемо будетъ. Теперь же, касательно до опыта, предлагаемаго Господами Министрами, предаю я на ихъ собственное разсужденіе, можно ли ожидать пользы по тому только, что будетъ сдѣланъ онъ въ ближайшихъ губерніяхъ, и нужно ли, впрочемъ, чтобъ распространять его и въ цѣлость оныхъ? Я, со своей стороны, думаю, что лучше бы, вмѣсто ближайшихъ, выбрать нѣсколько такихъ, кои включаютъ всѣ состоянія и случаи, объемлемые рекрутскимъ учрежденіемъ, и довольствоваться бы опытъ произвесть въ одномъ такомъ изъ уѣздовъ тѣхъ губерній: выгода была бы та, что изслѣдованы были бы тѣмъ на маломъ пространствѣ всѣ обстоятельства безъ изъятія, и опытъ выполнялся гораздо поспѣшнѣе.

Въ разсужденіи уравненія всѣхъ сроковъ въ 25-тилѣтній, хотя и признаю я облегченіе въ томъ для тѣхъ состояній, кои доселѣ одни выдерживать должны были, но какъ срокъ сей мнѣ кажется вообще по арміи долговременнымъ, то и предлагаю 20-тилѣтній, считая по сложности возрастовъ, поступающихъ въ наборъ, что, за истеченіемъ онаго, человѣкъ содѣлывается къ службѣ уже не совсѣмъ способнымъ, но въ общежитіи, однако жъ, можетъ быть еще полезнымъ.

МНѢНІЕ

МИНИСТРА КОММЕРЦІИ, ГРАФА Н. РУМЯНЦОВА,

ПО РАПОРТУ МОСКОВСКАГО ВОЕННАГО ГУБЕРНАТОРА

О ЗЕМЛЯХЪ, БЫВШИХЪ ВѢДОМСТВА ДВОРЦОВАГО.

Дѣло представляется въ томъ видѣ, что Дума отыскиваетъ свое право на земли, по Городовому положенію и по Высочайшему имянному Указу (12 Февраля, 1802 года) городу принадлежащія, которыя разными жителями застроены по укрѣпленіямъ неоснователънымъ, какъ видно изъ мнѣнія Военнаго Губернатора. Почему дѣло сіе не иначе слѣдуетъ считать исковымъ, въ которомъ Дума и хозяева домовъ, яко два тяжущіяся лица, должны разбираться Гражданскимъ производствомъ.

Изъ этого слѣдуетъ, что Правительство, преждевременно превращая споръ между Думою и хозяевами посторомнимъ дѣйствіемъ власти, само нарушило бы установленный порядокъ, а особливо, когда отъ лица Думы подписало уже неудовольствіе на рѣшеніе Уѣзднаго Суда.

Но если Правительство и рѣшилось бы отступить въ настоящемъ случаѣ отъ порядка, въ уваженіе тѣхъ запутанностей, какія предстоятъ въ дѣлѣ по мнѣнію начальника губерніи, то нельзя же согласиться съ тою мѣрою, которую предлагаетъ къ развязкѣ; потому что его положеніе, взыскать съ хозяевъ оброчныя деньги по давнему и низкому окладу за землю, можетъ быть, богатымъ купечествомъ и мѣщанствомъ застроенную, было бы несоразмѣрно дѣйствительной цѣнѣ земли и обрѣзывало бы городской доходъ въ собственномъ его корнѣ, изъ чего вышло бы, что Городское общество, лишаясь принадлежащей части и, между тѣмъ, изыскивая средства удовлетворить расходамъ, стало бы наверстывать свой недостатокъ со всѣхъ жителей, и въ томъ числѣ бѣдныхъ. Такимъ образомъ сперва пощадили бы богатаго, чтобы напослѣдокъ отяготить скуднаго.

Я со своей стороны, полагаю, что если можно уклонить настоящее дѣло отъ законнаго хода, въ какомъ оно теперь остается по праву аппелляціи, то, не принимая оброчнаго оклада за маштабъ, должно снова оцѣнить земли приближительнѣйшимъ образомъ, такъ, чтобы оцѣнка не превышала, а только подходила къ тому, чего онѣ стоятъ; тѣхъ же хозяевъ, кои бы сочли оцѣнку невыгодною для себя, оставить при платежѣ оброка. Такимъ образомъ, давая средство хозяевамъ къ достиженію спокойнаго владѣнія и ни къ чему не приневоливая, я думаю, наконецъ, чтобы исполненіе сего возложить на существующую въ Москвѣ Коммиссію о уравненіи Городскихъ повинностей.

ОСВѢДОМЛЕНІЕ,

ПОЧЕМУ ГРАФЪ БЕСТУЖЕВЪ-РЮМИНЪ ѢЗДИТЪ КАЖДЫЙ ДЕНЬ ИЗЪ ДВОРА И СВАТАЕТСЯ, А КО ДВОРУ ЕЯ ВЕЛИЧЕСТВА НЕ ѢЗДИТЪ.

Гофъ-Фурьеръ, Карлъ Берхманъ, объявилъ, что онъ, Берхманъ, сего дня, по Высочайшему повелѣнію Ея Императорскаго Величества, къ Камеръ-Геру и Кавалеру, Графу Господину Бестужеву-Рюмину, ѣздилъ со объявленіемъ, что Ея Величество соизволила извѣстна учинитца, что онъ ѣздилъ вездѣ каждый день изъ двора и сватаитца, а ко Двору Ея Императорскаго Величества не ѣздитъ.

И на оное оной Графъ Господинъ Бестужевъ-Рюминъ объявилъ, что онъ изъ двора ѣздитъ каждой день до обѣда и послѣ обѣда, по приказамъ докторовъ Кондоиди, Гриѳа и Мозе, для того, что онъ предъ симъ пилъ травы, а нынѣ по приказу ихъ зачалъ пить залцъвассеръ, и въ случаѣ тѣхъ выѣздовъ былъ онъ по одному разу у штатсъ-дамы, Катерины Карловны Короовой, и у Алексѣя Степановича Дохтурова, и въ бытность, де, ево у Катерины Карловны, между разговорами было, что у означенного Дохтурова есть свойственница весьма богата и хороша, и для того онъ, Господинъ Бестужевъ-

Рюминъ, пожелавъ только ее видѣть, былъ у оного Дохтурова, которую только видѣлъ, а разговоровъ съ нею ни какихъ не было; а сватанья ни какого онъ не имѣетъ; ибо онъ того безъ Высочайшаго Ея Императорскаго Величества дозволенія учинить ни какъ не отважитца. *

ПИСЬМО

ИМПЕРАТРИЦЫ ЕКАТЕРИНЫ КЪ А. П. СУМАРОКОВУ.

Александръ Петровичъ!

Первое ваше письмо отъ 26 Генваря мнѣ удивило, а второе отъ 1 Февраля еще больше; оба, понимаю, содержатъ жалобу на Бельмонта, которой однако слѣдовалъ приказаніямъ Графа П. С Салтыкова. Фельдмаршалъ желалъ видитъ трагедію вашу, сіе вамъ делаетъ честь. Пристойно было въ томъ удовольствоватъ перваго на Москвѣ началника. Естьли же Графъ Салтыковъ заблагоразсудилъ приказатъ игратъ, то уже надлежало безъ отговорокъ исполнить его волю. Вы болеѣ другихъ, чаю, знаетѣ, сколь много почтенія достойны заслуженные славою и сединой покрытыѣ мужія, и для того совѣтую вамъ впередъ не входитъ въ подобныя споры, чрезъ что сохранитѣ спокойство духа для сочиненія, и мнѣ всегда пріятнѣе будетъ видитъ представленіи страстей въ ващи драммы, нежели читатъ ихъ въ писмахъ. Впрочемъ остаюсь къ вамъ добросклонна. **

15 Февраля 1770-го.
Г. Сумарокову.

---

* Правописаніе подлинника.

** Правописаніе подлинника.

ПРОТОКОЛЪ ЗАСѢДАНІЯ

ИМПЕРАТОРСКАГО

ОБЩЕСТВА ИСТОРІИ И ДРЕВНОСТЕЙ РОССІЙСКИХЪ

1859 года,

Ноября 21-го дня.

1859 года, ноября 21-го дня, Императорское Общество исторіи и древностей Россійскихъ подъ предсѣдательствомъ Дѣйствительнаго Члена, Александра Ѳомича Вельтмана, и въ присутствіи Гг. Дѣйствительныхъ Членовъ: Его Сіятельства, Князя М. А. Оболенскаго, Его Превосходительства, П. И. Иванова, В. М. Ундольскаго, Его Сіятельства, Графа М. В. Толстаго, А. С. Клеванова, Ѳ. И. Буслаева, А. Н. Аѳанасьева, Соревнователей: М. П. Полуденскаго, А. А. Наумова, и Секретаря Общества, Д. Чл., О. М. Бодянскаго, имѣло обыкновенное засѣданіе, въ коемъ, по прочтеніи и подписаніи протокола прошедшаго засѣданія Общества, 1859 года, октября 10-го дня, происходило слѣдующее. Читаны

А. Отношенія:

1. С.-Петербургскаго Ценсурнаго Комитета, отъ 7-го октября, № 969, пол. 14-го, о томъ, что въ С.-Петербургскій Ценсурный Комитетъ поступила на разсмотрѣніе въ корректурѣ статья для С.-Петербургскихъ Вѣдомостей, заключающая въ себѣ письмо Г. Зайцева относительно неполученія имъ отъ Общества исторіи и древностей Россійскихъ особыхъ экземпляровъ Царскихъ грамотъ, напечатанныхъ

въ «Чтеніяхъ въ Обществѣ.»—«Предварительно одобренія этой статьи къ напечатанію, С.-Петербургскій Цензурный Комитетъ считаетъ необходимымъ сообщить означенную статью въ Императорское Общество исторіи и древностей Россійскихъ и покорнѣйше проситъ, съ возвращеніемъ приложенія, почтить увѣдомленіемъ о томъ, дѣйствительны ли тѣ факты и обстоятельства, на которые ссылается въ своей статьѣ Г. Зайцевъ.» Самая статья слѣдующаго содержанія:

«Милостивый государь, обращаюсь къ вамъ съ жалобою на Московское Общество исторіи и древностей. Дѣло вотъ въ чемъ. Въ прошедшемъ году я препроводилъ въ Общество двѣсти десять Царскихъ «грамотъ къ Короченскимъ воеводамъ, отъ Михаила Ѳеодоровича до «Петра Великаго включительно, и семьдесятъ двѣ отписки Короченскихъ воеводъ къ Царямъ, Михаилу Ѳеодоровичу и Алексѣю Михайловичу, и просилъ Общество, если оно напечатаетъ собранные мною «акты въ своемъ журналѣ, «Чтеніяхъ,» выслать мнѣ 150 экземпляровъ «моего сборника, въ вознагражденіе, вмѣсто денегъ, за мои двухлѣтніе труды. Общество согласилось на предложенное мною условіе, и въ «засѣданіи своемъ, кажется, 22-го ноября, прошлаго года, опредѣлило «напечатать мои грамоты и выслать мнѣ 150 экземпляровъ ихъ. Протоколъ этого засѣданія былъ обнародованъ въ «Московскихъ Вѣдомостяхъ.» Во второй книжкѣ «Чтеній» текущаго года напечатаны мои акты. «Въ ожиданіи обѣщанныхъ 150 экземпляровъ, я обратился къ г. Попечителю Харьковскаго учебнаго округа съ просьбою взять у меня. «нѣсколько экземпляровъ изданныхъ мною грамотъ. Г. Попечитель «сдѣлалъ циркулярное предложеніе всѣмъ дирекціямъ своего округа «взять у меня по два экземпляра изданнаго мною сборника. Получивъ нѣсколько требованій отъ гимназій нашего округа, я отнесся къ «Обществу съ просьбою выслать мнѣ, какъ можно скорѣе, обѣщанные «150 экземпляровъ, но Общество отвѣчало мнѣ слѣдующее:

««Въ слѣдствіе письма Вашего, отъ 12-го августа сего 1859 года, «адресованнаго на имя Императорскаго Общества исторіи и древностей Россійскихъ, съ просьбою о немедленной высылкѣ Вамъ 150 «экземпляровъ «Царскихъ грамотъ» и пр., напечатанныхъ въ «Чтеніяхъ» Общества, честь имѣю увѣдомить Васъ, что хотя Вамъ и обѣщаны 150 экземпляровъ особыхъ оттисковъ статьи Вашей, но Общество не можетъ этого сдѣлать за утратою первыхъ одиннадцати полулистовъ въ типографіи; вновь же приступить къ набору ихъ не находитъ возможности для такого малаго количества.»»

«Покорнѣйше прошу васъ, милостивый государь, напечатать это «письмо въ вашей газетѣ. Можетъ быть Общество исполнитъ принятое имъ не себя передъ лицемъ цѣлой Россіи обязательство и не заставитъ меня прибѣгнуть къ покровительству закона, ограждающаго «мою собственность, какъ автора.

«Имѣю честь и проч.

Ѳ. Зайцевъ.

«Секретарь Уѣзднаго Суда, Соревнователь Императорскаго Общества исторіи и древностей Россійскихъ.»

«Короча, Куржой губ.,
12-го сентября, 1859 г.»

Сличивъ число мѣсяца, подписанное подъ этой статьею, съ числомъ на Отношеніи Г. Зайцева къ Общество, открывается, что въ томъ и другомъ оно — одно и тоже, именно 12-ое сентября. И такъ Соревнователь въ одинъ и тотъ же день просилъ Общество выслать слѣдующіе ему оттиски, угрожая, въ противномъ случаѣ, «прибѣгнуть къ покровительству закона, ограждающаго право каждаго автора на свою собственность,» и, вмѣстѣ съ тѣмъ, не дождавшись рѣшенія отъ Общества, прибѣгъ къ понудительнымъ мѣрамъ посредствомъ напечатанія жалобы, какъ онъ выражается, на Московское Общество исторіи и древностей въ С. Петербургскихъ Вѣдомостяхъ, съ цѣлію заставить Общество исполнить принятое имъ на себя обязательство. Такой поступокъ Г. Зайцева съ Обществомъ не согласенъ ни съ справедливостію, по которой онъ долженъ былъ выждать отвѣтъ отъ Общества, ни съ уваженіемъ, коимъ мы обязаны одинъ другому, какъ образованные люди, ни, напослѣдокъ, съ обязанностію, налагаемою § 16 Устава Общества на каждаго своего Члена, требующаго отъ послѣдняго «всѣми силами споспѣшествовать благу Общества и всѣ невыгоды отвращать.» Въ уваженіе всего этого Общество единогласно постановило: исключить Г. Зайцева изъ списка своихъ Членовъ-Соревнователей, а Комитетъ С. Петербургской Цензуры увѣдомить о всемъ этомъ.

2. Прокурора Московской Святѣйшаго Синода Конторы, отъ 4-го ноября, № 1170, касательно возвращенія двухъ рукописей подъ №№ 997 и 216, взятыхъ Обществомъ изъ Синодальной библіотеки для ученыхъ занятій Секретаря его. Но такъ какъ Се-

кретарь объявилъ Обществу, что рукописи эти ему необходимы до конца генваря будущаго 1860 года, къ которому времени онъ надѣется окончить по нимъ ученыя свои работы, то опредѣлено: просить Г Прокурора объ отсрочкѣ возвращенія оныхъ рукописей до вышеозначеннаго времени.

3. Московскаго Почтамта, отъ 13-го ноября, пол. 16-го, о томъ, что «Пермская Губернская Почтовая Контора, Отношеніемъ отъ 23-го прошлаго октября, за № 3704, увѣдомила, что три книжки «Чтеній въ Императорскомъ Обществѣ исторіи и древностей Россійскихъ», за №№ 304, 316 и 317, хранились въ Екатеринбургѣ, по неизвѣстности адреса; по полученіи же предписанія Губернской Конторы, онѣ отправлены 15-го октября въ Далматовъ, на имя Протоіерея Григорія Плотникова. О семъ Московскій Почтамъ увѣдомляетъ Общество, въ дополненіе къ Отношенію своему отъ 7-го сентября.» Такой отзывъ Пермской Губернской Почтовой Конторы, основанный, вѣроятно, на отзывѣ изъ Екатеринбурга, рѣшительно неподятенъ, потому что адресъ находился на пакетѣ, и не могъ же пропасть до того, что уцѣлѣло только слово «въ Екатеринбургъ,» а все прочее стерлось; да притомъ 4-я книга «Чтеній» за 1858 годъ, посланная, спустя мѣсяцъ, черезъ Екатеринбургъ же по одному и тому же адресу, дошла къ выписавшему «Чтенія» своевременно и сохранно, равнымъ образомъ и всѣ книги того же самаго журнала и за текущій годъ. Опредѣлено: принять къ свѣдѣнію, увѣдомить Почтамтъ о мнѣніи Общества и списаться, точно ли удовлетворенъ Протоіерей Плотниковъ недосланными ему книгами «Чтеній»?

Б. Предложенія:

4. I. Е. Смоляра, Вицепрезидента Верхнелужицкой Сербской Матицы, отъ 14-го октября, пол. 21-го, изъ С.-Петербурга, касательно обмѣна изданій Общества на изданія Матицы за прошедшее время и впредь, на первый разъ черезъ посредство Императорской С.-Петербургской Академіи Наукъ, а въ послѣдствіи черезъ посредство одного изъ Московскихъ книгопродавцевъ. Академія Наукъ и Общества Географическое и Археологическое тоже изъявили свое согласіе на такую взаимность. Опредѣлено: изъявить согласіе и приводить въ исполненіе по мѣрѣ выхода книгъ «Чтеній».

5. Комитета Бѣлевской Публичной Библіотеки въ память В. А. Жуковскаго, отъ 6-го ноября, пол. 18-го № 79, благодарность за пожертвованныя въ сію Библіотеку Обществомъ «Чтенія» 1859 года,

съ просьбой о томъ же на 1860 годъ. Опредѣлено: Общество, по разнымъ уважительнымъ причинамъ, не можетъ въ текущемъ году высылать своего изданія въ эту Библіотеку

6. Редакціи Газеты Амуръ, отъ 12 октября, пол 20-го ноября, объ обмѣнѣ ея Газеты на «Чтенія» въ будущемъ 1860 году. Опредѣлено: согласиться.

В. Приношенія.

а. Матеріялы:

7. Отъ Г. А. Милорадовича, 18-го сентября, пол. 20-го октября: «Письмо Князя Безбородька къ дѣду Г. Милорадовича, Г. П. Милорадовичу,» писанныя чрезвычайно неразборчиво.

8. Отъ Д. Чл. Архимандрита Макарія, Ректора Рязанской Семинаріи, 20-го октября, пол. 31 го: «Копіи съ писемъ Россійскихъ Государей и другихъ особъ къ Новгородскимъ Архіереямъ, хранящихся въ Новгородскомъ Софійскомъ соборѣ.»

9. Отъ I. Желѣзнова, 6-го ноября: «Матеріялы для исторіи Пугачевскаго бунта,» именно: 1) Секретное предписаніе Оренбургскаго Губернатора, Князя Г. Волконскаго, Шефу Рыльскаго мушкатерскаго полка, Генералъ-Майору Окулову, отъ 24-го октября, 1805 года, и 2) Показаніе Яицкихъ Казаковъ, Михайла Пашава и Аѳанасья Шерстинкина,» съ примѣчаніемъ Г. Желѣзнова объ обоихъ актахъ.

10. Отъ Соревнователя Вл. Борисова, 30-го октября, пол. 7-го ноября: «Акты о раздѣлахъ, перемѣрахъ и передѣлахъ земли въ XVII и XVIII столѣтіяхъ.»

Опредѣлено: всѣ означенные подъ числами: 7, 8, 9 и 10 матеріялы передать Г. Секретарю для разсмотрѣнія.

б. Статьи:

11. Отъ Учителя Духовнаго Переславля-Залѣсскаго Училища, Священника Александра Свирѣлина, 16-го октября, получ 22-го: «Участіе благочестивыхъ Царей въ устроеніи Данилова монастыря.» Опредѣлено: разсмотрѣть.

в. Книги:

12. Отъ Эстляндскаго Ученаго Общества, 19-го октября, пол. 6-го ноября, съ препровожденіемъ 3 и 4-го выпуска IV-й части «Verhandlungen der gelehrten Esthnischen Gesellschaft zu Dorpat. Dorpat 1859.»

13. Дружтва (Общества) Сербске Словесности у Београду, отъ 10-го сент., пол. 6-го ноября: «Гласникъ, кн. XI. Београдъ, 1859.»

14. Ришельевскаго Лицея, отъ 12-го сент., пол. 10-го ноября: «Торжественный актъ Ришельевскаго Лицея по случаю окончанія 1858—59 академическаго года. Одесса, 1859.» Здѣсь: «De Jove Lyceo, oratio a professore Lycei Vladislao Jurgiewicz,» и «Историческая записка о состояніи и дѣйствіяхъ Ришельевскаго Лицея за $185^8/_9$ годъ.»

15. Д. Чл., Н. Г. Устрялова, отъ 12-го ноября, пол 19-го, VI томъ сочиненія его «Исторіи царствованія Петра Великаго. Спб. 1859 г.,» въ дополненіе къ первымъ тремъ томамъ того же самаго сочиненія, которые, однако, не были высланы въ Общество, какъ по справкѣ оказалось.

16. Д. Чл., С. П. Шевырева, «Исторія Русской словесности. Лекціи. Часть 1-я, содержащая введеніе и столѣтія IX и X. Изданіе второе, умноженное. М. 1859.» Пол. 21-го ноября.

17. Юрія Толстаго, отъ 21-го ноября: «Сказанія Англичанина Горсея о Россіи въ исходѣ XVI столѣтія.»

18. Гр. А. Черткова: «Всеобщая Библіотека Россіи.» Томъ I. М. 1838 г., въ 8-ку.

Опредѣлено: всѣ, поименованныя подъ числами: 12, 13, 14, 15, 16, 17 и 18 сочиненія, сдать въ Библіотеку Общества.

Въ концѣ засѣданія Секретарь Общества. О. М. Бодянскій, представилъ только что отпечатанную 4-ю книгу «Чтеній» 1859 года, октябрь—декабрь. Содержаніе оной слѣдующее: 1. Изслѣдованія. О недвижимыхъ имуществахъ духовенства въ Россіи; соч. В. Милютина. 2. Матеріялы Отечественные. Матеріялы для исторіи морскаго дѣла при Петрѣ Великомъ въ 1717—20 годахъ; сообщилъ Профессоръ Казанскаго Университета, Н. А. Поповъ. 3. Матеріялы Славянскіе. Граматично изказаніе объ Рускомъ єзику, попа Юрка Крижанича, презваніемъ Серблянина, между Купою и Вуною риками, во уѣздѣхъ Бихща града, околъ Дубовца, Озля и Рибника; писано въ Сибири лѣта 7174 (1666) г. (Окончаніе). 4. Матеріялы Иностранные. Походы Викинговъ. Государственное устройство, нравы и обычаи древнихъ Скандинавовъ; соч. А. М. Стриннгольма, переводъ съ Нѣмецкаго А. Шемякина. Части 1-й книга 1-я, отдѣленія V — VII; книга II-я, отдѣл. I — VII: Походы Скандинавовъ въ другія страны въ Европѣ и внѣ Европы. 5. Смѣсь. Мнѣніе Адмирала Мордвинова,

О новыхъ налогахъ. Его же, въ Государственномъ Совѣтѣ по поводу учрежденія откуповъ. Его же, О неклейменіи лица у преступниковъ. Его же, О кнутѣ, орудіи наказанія. Его же, О смертной казни. Его же, Дополнительныя статьи къ мнѣнію о смертной казни. Мнѣніе Сенатора Муравьева-Апостола по дѣлу Д. С. С. Попова о цензурѣ. Мнѣніе Сенатора Сумарокова по тому же дѣлу. Записка Министра Юстиціи Трощинскаго, О такихъ предметахъ, кои не могутъ быть вносимы въ Комитетъ Министровъ, а требуютъ личнаго доклада Государю Императору. Свѣдѣніе объ арестованіи въ 1839 г. Генералъ-Майора Дюка де Фаларн; сообщ. Соревн. П. И. Бартеневъ. Мнѣніе Адмирала Мордвинова, О вредныхъ послѣдствіяхъ для казны и частныхъ имуществъ отъ ошибочныхъ мѣръ управленія Государственнымъ Казначействомъ. Его же, по дѣлу подрядчиковъ на пеньку и на парусныя полотна по Черноморскому флоту. Его же, О неудобствахъ, могущихъ послѣдовать отъ введенія закона подвергать секвестру и публичной продажѣ имѣнія, кои дошли отъ мужа къ женѣ, когда окажется на первомъ казенное взысканіе. Его же, По дѣлу о помѣщицѣ Тоузаковой, обвиняемой въ смерти своего мужа. О новыхъ финансовыхъ мѣрахъ въ Россіи, соч. Н В. Сушкова. Его же, Объ излишней мягкости нашихъ слѣдственныхъ и уголовныхъ узаконеній. Протоколъ засѣданія Общества исторіи и древностей Россійскихъ 13-го іюня, 1859 г. Опредѣлено: 4-ю книгу «Чтеній» за 1859 г. раздать Гг. присутствующимъ Членамъ и разослать отсутствующимъ.

ОПЕЧАТКИ

въ 1-й книгѣ Чтеній 1860 года.

Въ статьѣ: «Списки замѣчательныхъ лицъ Русскихъ.»

	Напечатано:	*Читайте:*
Стран. 13,	стро. 7 снизу: Моравской	Мордвиновъ.
— 40,	— 12 сверху: Княжна Анастасія Петровна Голицына, рожденная Княжна Прозоровская	Княгиня и проч.

